Мф. к-1
20479

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

ТОМЪ I.

Из фондов Российской государственной библиотеки

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЯ.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 30 Декабря 1829 г.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград

Цѣль сей газеты — знакомить образованную Публику съ новѣйшими произведеніями Литературы Европейской, и въ особенности Россійской.

Статьи, входящія въ *Литературную Газету*, суть слѣдующія:

1.) *Проза.* Въ это отдѣленіе будутъ входить статьи Историческія, повѣсти оригинальныя и переводныя, открывки изъ романовъ и т. п.

2). *Стихотворенія.* Здѣсь будутъ помѣщаться произведенія полныя и отрывки изъ большихъ поэтическихъ сочиненій.

3). *Библіографія Руская и иностранная.* Къ извѣстіямъ о книгахъ будутъ присовокупляться замѣчанія, болѣе или менѣе обширныя, смотря по важности предмета и по достоинству сочиненія; мѣстами же и любопытныя выписки, особливо изъ книгъ иностранныхъ.

4). *Ученыя извѣстія.* Объ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ по части наукъ и искуствъ, о новыхъ теоріяхъ, о замѣчательнѣйшихъ учебныхъ курсахъ; о важнѣйшихъ путешествіяхъ, изысканіяхъ древностей и т. п.

5). *Смѣсь.* Въ этомъ отдѣленіи будутъ помѣщаться разныя извѣстія, не относящіяся до учености и политики; новѣйшіе Анекдоты, объявленія, статьи о Театрѣ, короткія замѣчанія и проч.

NB. При всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ, по принадлежности, будутъ иногда прилагаться чертежи, картинки, географическія карты и ноты.

Издатель признаетъ за необходимое объявить, что въ Газетѣ его не будетъ мѣста критической перебранкѣ. Критики, имѣющія въ виду не личныя привязки, а пользу какой-либо науки или искуства, будутъ съ благодарностію принимаемы въ *Литературную Газету*.

Разнообразіе и занимательность будутъ главнѣйшимъ предметомъ трудовъ и попеченій Издателя. Литературныя произведенія въ прозѣ и стихахъ, Библіографія и Смѣсь, будутъ постоянно входить въ составъ каждаго No.

Писатели, помѣщавшіе въ продолженіе шести лѣтъ свои произведенія въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, будутъ постоянно участвовать и въ *Литературной Газетѣ*. (Разумѣется, что Гг. Издатели Журналовъ, будучи заняты собственными повременными изданіями, не входятъ въ число сотрудниковъ сей газеты.) Всякая статья, сообразная съ цѣлію Газеты, будетъ съ благодарностію принята.

Литературная Газета будетъ выходить чрезъ каждые *пять дней*, нумерами въ *одинъ* печатный листъ большаго размѣра. Въ теченіе года, сихъ No. будетъ издано 72. Первый N° выйдетъ въ свѣтъ 1-го Января 1830 года. Цѣна годовому изданію 35. руб., съ пересылкою въ другіе города и разноской по домамъ 40 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, No. 23; и А. Ф. Смирдина, на Невскомъ же проспектѣ, въ домѣ Лютеранской Церкви и у Синяго моста, въ домѣ Г^{жи} Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго Двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ книжныхъ лавкахъ подъ No. 18 и 28-мъ. Въ Москвѣ: у Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета, А. С. Ширяева, и въ Конторѣ Московскаго Телеграфа. — Гг. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

СРЕДА. ТОМ. I. №. I. ЯНВАРЯ 1го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней.

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No. въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ) — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МАГНЕТИЗЁРЪ.

(отрывокъ изъ новаго романа, соч. Антонія Погорѣльскаго.)

ГЛАВА I.

Пермской губерніи, въ городѣ Екатеринбургѣ, въ одномъ домѣ — котораго мѣстоположеніе по извѣстнымъ мнѣ причинамъ я означить не намѣренъ, — ввечеру часу въ восьмомъ, на большомъ четвероугольномъ столѣ, покрытомъ Ярославскою алою съ бѣлыми узорами скатертью, дымился огромный самоваръ изъ красной мѣди. На самоварѣ стоялъ большой серебряный чайникъ старинной чеканной работы, съ выгнутымъ круглымъ носикомъ. Подлѣ самовара, на большомъ овальномъ жестяномъ подносѣ, на которомъ довольно искусно изображено было красками изгнаніе изъ рая Адама и Евы, установлено было нѣсколько чашекъ бѣлаго фарфора, съ нарисованными на нихъ тюльпанами, незабудками и розами. Тутъ же, подлѣ фарфороваго молочника съ густыми желтыми сливками, лежало ситечко изъ плоской серебряной проволоки. Немного подальше, блестящій хрустальный графинъ, съ лучшимъ Ямайскимъ ромомъ, стоялъ подлѣ серебрянаго стакана, въ которомъ вправлены были Рускія медали, выбитыя въ память различныхъ знаменитыхъ происшествій. Большая серебряная корзина рѣзной работы наполнена была сухарями.

Всѣ сіи предметы освѣщены были двумя сальными свѣчами въ серебряныхъ шандалахъ, а самый столъ, на которомъ все это было разставлено, стоялъ передъ диваномъ краснаго дерева, обтянутымъ чернымъ сафьяномъ, въ иныхъ мѣстахъ немного потертымъ, и обитымъ гвоздичками съ круглыми мѣдными головками.

На диванѣ противъ самовара сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, довольно дородная. Брови у нея были черныя дугою, глаза большіе голубые, обыкновенно потупленные въ землю, что придавало ей видъ скромности. Голова ея была повязана голубымъ шелковымъ платкомъ съ бахромчатою каймою, уши украшены длинными сергами изъ мѣлкаго жемчугу. На плеча накинутъ былъ черный атласный салопъ съ воротникомъ, обшитымъ широкими кружевами. Подлѣ нея, противъ серебрянаго стакана, сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти, въ кафтанѣ изъ тонкаго синяго сукна: на груди его, изъ подъ широко-разчесанной темнорусой бороды, свѣтлѣлась золотая медаль на алой лентѣ; красный носовой платокъ съ синими полосками и Тульская серебряная табакерка съ чернью лежали подлѣ него на диванѣ. Въ рукахъ держалъ онъ тоненькую книжку въ цвѣтной оберткѣ, и казалось, читалъ съ большимъ вниманіемъ.

Противъ нихъ на стулѣ сидѣла молодая прекрасная дѣвушка лѣтъ девятнадцати. Она одѣта была просто — впрочемъ по новѣйшей модѣ; но въ ушахъ ея блистали брилліанты высокой цѣны, лилейная шея украшалась нѣсколькими рядами крупнаго, ровнаго жемчугу, а длинные каштановые волосы сдерживаемы были на головѣ гребнемъ, драгоцѣнными каменьями украшеннымъ. Всѣ пріемы и вообще наружность ея показывали тонкую образованность, пріобрѣтаемую въ обществахъ Петербурга и Москвы. Увидѣвъ ее въ настоящемъ положеніи, иной подумалъ бы, что она въ глухой Сибирскій край и въ этотъ домъ перенесена изъ столицы какою нибудь волшебною силою. Она погружена была въ задумчивость и не замѣчала нѣжныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на нее отъ времени до времени дородною женщиною, которая, казалось, любовалась ея красотою. Внимательный наблюдатель тотчасъ узналъ бы въ этихъ двухъ особахъ мать и дочь.

— »Полно тебѣ читать, Анисимъ Аникѣевичъ,« сказала дородная женщина. »Ужь мнѣ, право, эти Петербургскіе журналы!.. Какъ прійдетъ почта, такъ дня два къ нему и приступу нѣтъ. Смотри, ужь самоваръ скоро выкипитъ; чай настоялся, какъ пиво доброе, а ты и не принимался еще пить!

— »Тотчасъ, Гавриловна!« — вымолвилъ Анисимъ Аникѣевичъ, не сводя глазъ съ книжки и подавая ей серебряный стаканъ. — »Пашенька,« продолжалъ онъ, »сочни-ка со свѣчки.«

Молодая дѣвушка поспѣшила исполнить его приказаніе. »Вѣрно что-нибудь интересное, батюшка!« сказала она.

— »Да такое интересное,« — отвѣчалъ съ жаромъ Анисимъ Аникѣевичъ, положивъ на диванъ разкрытую книгу, а на нее серебряную табакерку съ чернью, — »такое интересное, что я отъ-роду не слыхивалъ, да и во снѣ мнѣ не грѣзилось! —

— »Ахъ, мои матушки!« вскричала Степанида Гавриловна: »ужь не опять ли было наводненіе въ Питерѣ?

— »Не наводненіе, матушка, а наважденіе, если это, прости Господи, не враки! Дѣло идетъ о какомъ-то Магнетизмѣ. Слыхала ли ты про него, когда была въ Петербургѣ, Пашенька?« —

Пашенька вздрогнула, какъ будто вспомнила о чемъ-то страшномъ и отвратительномъ. »Слыхала, батюшка!« сказала она въ полголоса.

— »Разсказывай, что такое?« — вскричалъ Анисимъ Аникѣевичъ, и опять поставилъ на столъ серебряный стаканъ, поднесенный уже къ губамъ.

»Года четыре тому назадъ«, начала разсказывать Пашенька, »когда только-что взяли меня изъ пансіона, я часто бывала въ домѣ Графини N***. У нихъ была горничная дѣвушка, которая вдругъ впала въ странную и необыкновенную болѣзнь. Звали ее Катериной. Катерина, сначала рѣдко, потомъ чаще, наконецъ раза два или три въ день получала припадки, во время которыхъ она плакала, смѣялась, говорила, Богъ знаетъ что, чего послѣ сама никакъ не помнила! Припадки эти оканчивались обыкновенно конвульсіями...

— »А что это такое, конвульсіи?« спросила Степанида Гавриловна.

— »Конвульсіи,« отвѣчалъ Анисимъ Аникѣевичъ съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ, — »нечто иное какъ кривлянья, — вотъ какъ ты кривляешься, когда страдаешь животомъ....

— »Конвульсіи не то, что кривлянье,« подхватила Паша, вступясь за мать: »это родъ судорогъ... —

— »Знаю, мой другъ, знаю,« прервалъ ее отецъ, качая головою. »Продолжай, Пашенька.«

— »Припадки Катерины обыкновенно оканчивались конвульсіями, на которыя страшно было смотрѣть! Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть эти конвульсіи и отъ одного воспоминанія у меня на головѣ волосы шевелятся! Вообразите себѣ, батюшка, что въ продолженіе этихъ конвульсій двое мужчинъ не въ состояніи были ее удержать; она такъ изгибалась, что никто не могъ смотрѣть на нее безъ ужаса! — Иногда голова ея заворачивалась назадъ, такъ, что сходилась почти съ ногами. . .

— »Упаси Господи!« вскричала Гавриловна. »Пашенька! да она вѣрно была бѣснующаяся?«

— »И въ Петербургѣ многіе тамъ полагали,« — сказала Паша.

— »Вотъ видишь, Анисимъ!« опять вскричала Гавриловна: »стало быть, я еще не совсѣмъ пошлая дура! И въ Петербургѣ вѣрятъ бѣснующимся. . .

— »Ахъ, матушка! кто говоритъ, что ты дура?« — сказалъ съ досадою Аникѣевичъ. — »Я знаю, что ты умна, черезъ чуръ умна! (Надоѣла, какъ горькая рѣдька, проворчалъ онъ себѣ подъ-носъ). Продолжай, Пашенька!

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

Отрывокъ изъ VIII главы Евгенія Онѣгина.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ,
Долинъ, деревьевъ, сёлъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ....
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь! —
Но, Муза! прошлое забудь:

Какія бъ чувства ни таились,
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились....
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья....
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака

Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ: жена хозяйка,
Мои желанія: покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ.....
. . . .

А. Пушкинъ.

О ЦВѢТКѢ.

(Глава изъ особаго сочиненія о Природѣ).

Цвѣтокъ въ началѣ своемъ, пока онъ еще не раскрылся, представляется въ видѣ *распукольки* (bouton).

Каждый изъ нихъ всегда утвержденъ на особомъ стебелькѣ или *ножкѣ* (pédicelle), вершина коей, гдѣ помѣщаются нѣсколькими кругами части цвѣтка, называется *ложемъ* (receptacle).

Въ то время, когда цвѣтокъ бываетъ еще распуколькою, его части сжаты, стѣснены и закутаны въ особыхъ сомкнутыхъ листикахъ зеленаго цвѣта. Собраніе сихъ листиковъ называется *чашечкою* (calice). Это первая, самая наружная часть цвѣтка. Разкрытіемъ оной начинается разцвѣтаніе. Тогда распускаются другіе листики, болѣе нѣжные по своему составу, разнообразнѣе и красивѣе по своимъ формамъ, и уже не зеленые, но покрашенные и изпещренные, иногда весьма блестящими красками. Листики сіи, называемые *лепестками* (pétale), составляютъ собою вторую, самую нарядную часть цвѣтка — *вѣнчикъ* (corolle). Они, подобно листикамъ чашечки, бываютъ иногда отдѣльны другъ отъ друга, напр. у розы, гвоздики, левкоя; иногда сливаются своими краями въ одинъ сплошной кругъ, какъ у сирени, ясмина. Такимъ образомъ чашечка и вѣнчикъ занимаютъ окружность ложа и составляютъ въ цвѣткѣ *двойной пологъ* (périgone double). У нѣкоторыхъ однако же цвѣтковъ, они какъ бы сливаются въ одинъ *простой пологъ* (périgone simple), то блестящій красками вѣнчика — у лиліи, тюльпана, нарцисса и другихъ лилейныхъ растеній; то зеленый и некрасивый — у крапивы, лебеды; иногда же снаружи зеленый, какъ чашечка, а на внутренней сторонѣ цвѣтной, подобно вѣнчику, напр. у Альбуки, Орнитогала.

Теперь посмотримъ внутрь цвѣтка. Тамъ находимъ двоякаго рода части, кои наши ботаники издавна называютъ не весьма звучными, но къ сожалѣнію вкоренившимися именами *пестиковъ* (pistil) и *тычинокъ* (étamine). Первые изъ нихъ занимаютъ самую средину цвѣтка; основаніе ихъ, названное *за̀вязью* (ovaire), наполненное сѣменными пузырьками и обыкновенно округлое, вытягивается въ *столбикъ* (style) и оканчивается *устьемъ* (stigmate). Вокругъ ихъ расположены тычинки, изъ коихъ каждая представляетъ *нить* (filet) или нѣжный, однородный съ вѣнчикомъ стебелекъ, поддерживающій собою *пыльникъ* (anthère) или головку, наполненную *цвѣточною пылью* (pollen) — обыкновенно золотистаго цвѣта.

Сіи части устроены весьма разнообразно и красиво; но онѣ не столь замѣтны съ перваго взгляда и не останавливаютъ на себѣ простаго вниманія, которое весь цвѣтокъ видитъ только въ цвѣтномъ вѣнчикѣ. Между тѣмъ онѣ составляютъ главное въ цвѣткѣ — его сущность; а вѣнчикъ и чашечка суть только покровы ихъ и наружное убранство. Природа дала имъ сей скромный видъ, какъ бы съ намѣреніемъ отвлечь отъ нихъ зазорное вниманіе простолюдиновъ великолѣпіемъ вѣнчика, и симъ блестящимъ покровомъ закрыть отъ него тайну цвѣтка, открытую для воображенія чистаго.

Тайна сія есть любовь. Періодъ цвѣтенія для растенія есть та пора жизни, когда оно готово жертвовать бытіемъ своимъ для другихъ ему подобныхъ существъ, когда оно устремляетъ къ сей цѣли всѣ силы свои, собирающіяся въ цвѣткѣ. И никогда жизнь растенія не бываетъ такъ дѣятельна, пламенна и роскошна, какъ здѣсь, гдѣ достигаетъ она высшей степени своего развитія, образованія и совершенства. Цвѣтеніе есть брачное торжество жизни растенія; а цвѣтокъ есть тотъ чертогъ, гдѣ торжествуется любовь его такъ прекрасно и открыто, предъ лицемъ солнца. Очень многіе цвѣтки смыкаютъ на ночь свой пологъ, какъ бы укрываясь подозрительнаго мрака. Мало такихъ, кои Флора, скрывая отъ свѣтозарнаго Феба, повѣряла бы звѣздной богинѣ. Въ примѣръ сихъ растеній *днеспящихъ*, здѣсь можемъ привести *ночную красавицу*, Cactus grandiflorus и двѣ, три *силены*.

Благовонныя вещества, кои до тѣхъ поръ растенія какъ бы про себя таили въ своихъ сокровенныхъ *клѣточкахъ*, во время цвѣтенія испаряются и наполняютъ воздухъ эѳиромъ упоительныхъ благоуханій (1). Цвѣтеніе нѣкоторыхъ растеній сопровождается примѣтною теплотою (2). Большая часть цвѣтковъ источаютъ изъ сока своего сладкій *нектаръ*, для коего у многихъ есть особые сосудцы или *нектарники*, у другихъ же самъ вѣнчикъ становится пиршественнымъ фіаломъ. На праздникъ цвѣтенія прилетаютъ разноцвѣтные мотыльки любоваться своимъ подобіемъ, слетаются и другіе крылатые гости, —

». . . . мошки, жучки — молодую поздравить;
»·Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей:
многія лѣта!«

Домовитыя пчелы возвращаются съ сего пира въ свои ульи съ сладкимъ запасомъ для душистыхъ сотовъ.

Наконецъ, когда цвѣтокъ достигнетъ полной зрѣлости, то цвѣточная пыль, какъ будто отъ избытка жизни, исторгается изъ пыльниковъ, отдѣляется отъ всего растенія и золотистымъ облачкомъ упадаетъ на пестикъ, который пріемлетъ живительную влагу ея своимъ устьемъ и проводитъ оную чрезъ столбикъ въ свое основаніе. Въ находящихся тамъ сѣменныхъ пузырькахъ, отъ вліянія сей пыли, зачинаются зародыши новыхъ растеній, съ чѣмъ вмѣстѣ и самъ пестикъ начинаетъ превращаться въ плодъ. Такъ солнце, изливая живительный свѣтъ на планеты свои, возбуждаетъ ихъ къ новымъ дѣйствіямъ и образованіямъ.

Нельзя надивиться благодатной природѣ, глядя, съ какимъ заботливымъ предвидѣніемъ печется она о цвѣткѣ, особенно въ сіе время, какъ располагаетъ она устройствомъ его и движеніями, позволяетъ даже насладиться на мигъ чувствіемъ и произволомъ — сею *животною*, но для растенія высочайшею жизнію, коей оно непричастно въ другое время; ибо растеніямъ принадлежитъ только *самобытность*, тогда какъ животныя имѣютъ еще *самодвижимость*, а человѣкъ надъ всѣми возвышается своимъ *самопознаніемъ*.

Для сей-то цѣли природа у большей части растеній соединяетъ тычинки съ пестиками въ одномъ цвѣткѣ, производя ихъ въ нарочитомъ множествѣ. У немногихъ растеній, названныхъ *однодомными* (monoïques,) сіи части разлучены особыми цвѣтками, сидящими впрочемъ на томъ же стеблѣ. — Еще менѣе растеній *двудомныхъ* (dioïques,) у коихъ тычинки и пестики (3) сидятъ порознь, не только въ особыхъ цвѣткахъ, но на особыхъ экземплярахъ. Казалось бы, что *опыленіе* и судьба будущаго поколѣнія такихъ растеній совершенно преданы случаю; но у нихъ всегда есть свои прислужники — насѣкомыя. Сначала прилетаютъ они къ тѣмъ цвѣткамъ, гдѣ тычинки, (4), и доставая изъ нихъ нектаръ, захватываютъ пыль, съ которою потомъ, какъ бы подкупленныя, летятъ къ тѣмъ цвѣткамъ, гдѣ пестики и гдѣ ждетъ ихъ новая награда за услугу. Иногда разрозненные цвѣтки повѣряютъ любовь свою летучему вѣтру и съ нимъ пересылаютъ залогъ ея. И не это ли непорочная любовь Зефира и Флоры, о которой говоритъ намъ цвѣтущая Миѳологія древнихъ?

Взглянемъ теперь на цвѣтокъ, въ сравненіи его съ остальнымъ растеніемъ. Если корень, стебель и листы, вмѣстѣ, составляютъ *станъ* растенія (5), то цвѣтокъ и послѣдующій изъ него плодъ можно назвать главою и лицемъ его. Голова у животныхъ, какъ мѣстопребываніе высшихъ чувствъ, болѣе или менѣе совершеннымъ образованіемъ своимъ, показываетъ степени ихъ совершенства: низшія животныя безъ головы; глава человѣка отличается наиболѣе выдавшимся челомъ и самымъ прямымъ *угломъ лица*. То же сказать можно о цвѣткѣ и растеніяхъ. Низшія растенія (каковы грибы, поросты, мхи и папоротники) либо совсѣмъ не имѣютъ цвѣтковъ, либо только сомнительные, безъ микроскопа невидимые начатки оныхъ, и называются потому *тайноцвѣтными* (cryptogames). Растенія съ цвѣтками или *явноцвѣтныя* (phanérogames) составляютъ высшую область растительнаго царства; и чѣмъ полнѣе образованъ цвѣтокъ, чѣмъ сложнѣе и отдѣльнѣе одна отъ другой части его, тѣмъ къ высшему относится онъ разряду въ сей области.

Какъ лице человѣка есть зеркало души его, — краснѣя и блѣднѣя, выражаетъ состоянія и движенія душевныя; такъ свѣтъ — душа растеній — отражается въ *радужномъ сіяніи* цвѣтковъ, въ ихъ движеніяхъ, за теченіемъ солнца слѣдующихъ. Въ цвѣткахъ найти можно, кажется, все возможное разнообразіе и пестроту красокъ, всѣ переливы и оттѣнки ихъ, — и только черный цвѣтъ, какъ цвѣтъ мрака, несвойственъ симъ живымъ подобіямъ солнца на землѣ, которое представляютъ они и лучисто-круговою или звѣздчатою формою. Весьма любопытно наблюдать эту плѣнительную игру красокъ, кои мѣняются иногда въ одномъ и томъ же цвѣткѣ въ теченіе сутокъ. Такъ у Gladiolus versicolor цвѣтки, поутру бурые, въ продолженіе дня становятся свѣтло-голубыми, ночью опять по прежнему, и это измѣненіе продолжается около недѣли. У Hibiscus mutabilis вѣнчики, утромъ бѣлые, въ полдень имѣютъ тѣлесный цвѣтъ, а къ вечеру покрываются румянцемъ розы. Синіе цвѣтки нѣкоторыхъ Ипомей въ теченіе дня переходятъ въ красный, либо фіолетовый цвѣтъ. У иныхъ растеній замѣчено явленіе другаго рода: бывъ *насыщены* яркимъ сіяніемъ солнечнымъ, они издавали изъ себя сіяніе ночью, подобно алмазу, свѣтящемуся въ потемкахъ послѣ сильнаго освѣщенія. Линнеева дочь видѣла первая это на цвѣткахъ красоли (capucine); послѣ замѣчено было это у ноготковъ (встарину называвшихся *сестрою солнца*): вообще на цвѣткахъ яркаго желтаго, какъ бы огненнаго цвѣта. — Все показываетъ сочувствіе цвѣтка со свѣтомъ! Планета и солнце равно отразились въ растеніяхъ, и цвѣтки можно назвать первымъ разговоромъ земли съ небомъ.

Таково значеніе цвѣтковъ, коими украшена земля, какъ небо звѣздами!...

М. Максимовичъ.

Примѣчанія.

(1) У ясенца (Dictamnus fraxinella) въ такомъ количествѣ испаряется эѳирное масло, что вокругъ нихъ загоралось оно отъ приближенія пламени.

(2) Сіе замѣчено было на *початкѣ* (spadix) нѣкоторыхъ Аронниковъ (Arum italicum, cordifolium); также у Пандана.

(3) Цвѣтки съ однѣми тычинками называются *мужескими*, а съ одними пестиками, *женскими*.

(4) Тычинки у весьма многихъ растеній созрѣваютъ раньше пестиковъ, что у Ботаниковъ называется Dichogamia.

(5) См. главу *О жизни растеній*, помѣщенную въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Собраніе сочиненій и переводовъ Дениса Ивановича Фонъ-Визина. — 2 ч. въ 12-ю долю листа. М. въ Универ. типогр. 1829.

Появленіе сей книги вызвало одного изъ родственниковъ покойнаго Дениса Ивановича Ф. Визина, напечатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (см. No 85-й, отъ 28 Октября 1829 года), слѣдующее объявленіе: » Съ одной стороны уваженіе къ памяти роднаго дяди моего, Дениса Ивановича Фонъ-Визина, а съ другой образованное общество, налагаютъ на меня непремѣнную обязанность объявить, что я нижеподписавшійся, какъ ближайшій родственникъ покойнаго, имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе Московскаго Ценсурнаго Комитета, что книга, подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы Дениса Ивановича Фонъ-Визина*, печатанная въ Университетской типографіи, въ 2-хъ частяхъ, въ 12-ю долю листа, и продающаяся здѣсь въ Москвѣ у книгопродавца и Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета, Александра Сергѣева Ширяева, издана *съ поврежденіемъ текста, долженствовавшаго оставаться неприкосновеннымъ, съ выпусками, съ перемѣнами оглавленій, съ статьями безъ начала и конца, съ безчисленнымъ множествомъ всякаго рода ошибокъ и заключаетъ въ въ себѣ обезображенныя сочиненія безсмертнаго творца Недоросля.* Почему изъ вышеписаннаго справедливо заключить можно, что помянутая книга, нанося безславіе памяти сочинителя, подъ именемъ котораго оная выдана, ни въ какомъ отношеніи не можетъ удовлетворить ожиданію просвѣщенныхъ любителей отечественной словесности. *Отставной Полковникъ и Кавалеръ Иванъ Александровъ сынъ Фонъ-Визинъ.*«

Въ *первой* части *Собранія сочиненій и переводовъ Д. И. Финъ-Визина* (содержащей въ себѣ XVI — 246 стр.) помѣщены: *Біографія* Ф. Визина, весьма неполная, написанная вяло и сбивчиво, и *нѣкоторыя* изъ его произведеній, добавленныя ненужными примѣчаніями изъ разныхъ книгъ, гдѣ они прежде были помѣщены, и искаженныя множествомъ всякаго рода опечатокъ. Изъ переводовъ, въ этомъ собраніи напечатанъ только *одинъ*: Похвальное слово Марку Аврелію, соч. Томаса. — Во *второй* части (120 и 156 стран.), напечатаны комедіи: *Бригадиръ* и *Недоросль.*

Въ утѣшеніе любителей отечественной словесности и почитателей памяти Д. И. Фонъ-Визина, скажемъ, что въ Москвѣ готовится къ изданію новое, *полное*, исправное и благовидное собраніе сочиненій его, въ которомъ будутъ, кромѣ извѣстныхъ уже, помѣщены слѣдующія произведенія, нигдѣ еще не напечатанныя: 1) *Три письма изъ Монпелье къ Графу Панину*; 2) *Письмо къ нему же, изъ Рима*; 3) *Двадцать писемъ къ сестрѣ, писанныхъ во время путешествія*; 4) *Окончаніе второй, и третья глава Исповѣди*; 5) *Разговоръ у Княгини Халдиной*; 6) *Выборъ Гувернёра, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ*; 7) *Наставленіе дяди своему племяннику*; 8) *Окончаніе письма Взяткина*; 9) *Письма къ Г. Булгакову*; 10) *Письмо сочинителя Недоросля къ Стародуму*; 11) *Прибавленія къ комедіи*: Недоросль. Къ сему новому собранію сочиненій, будетъ приложена *Біографія* Фонъ-Визина, написанная Княземъ П. А. Вяземскимъ. — Отрывокъ изъ сей весьма замѣчательной статьи, и одно изъ неизданныхъ доселѣ сочиненій Ф. Визина (*Разговоръ у Княгини Халдиной*), будутъ помѣщены въ слѣдующихъ No. Литературной Газеты.

Сань-Цзы-Цзинъ или Троесловіе, съ литографированнымъ Китайскимъ текстомъ. Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинѳомъ. — С. П. б., въ Типогр. Х. Гинца, 1829. (83 стран. въ боль. 4-ю долю л.)

Ученый нашъ Оріенталистъ, Отецъ Іакинѳъ Бичуринъ, нашелъ лучшій способъ отвѣчать заграничнымъ своимъ критикамъ: онъ напечаталъ свое преложеніе *Китайской Энциклопедіи для дѣтей*, вмѣстѣ съ Китайскимъ текстомъ сей книги. Такимъ образомъ всѣ истинные и мнимые знатоки языка Китайскаго могутъ сличать переводъ съ подлинникомъ, и говорить уже не на обумъ, не по догадкамъ, но основываясь на самой сущности дѣла и на явныхъ, неоспоримыхъ доказательствахъ, т. е. съ обоими текстами въ рукахъ.

Сань-цзы-цзинъ, въ собственномъ смыслѣ, значитъ: *Священная книга изъ трехъ іероглифовъ*; ибо каждый стихъ ся состоитъ изъ трехъ іероглифовъ или словъ. Она сочинена въ XIII столѣтіи. Вотъ что сказано о ней въ предисловіи Китайскомъ: »Сань-цзы-цзинъ есть краткая дѣтская Энциклопедія, сочиненная ученымъ Ванъ-бо-хэу, жившимъ въ концѣ династіи Сунъ. Начавъ изъясненіемъ пяти стихій и четырехъ годовыхъ временъ въ обращеніи неба, онъ далѣе говоритъ о трехъ связяхъ и пяти добродѣтеляхъ въ поступкахъ человѣческихъ, и наконецъ со всею полнотою излагаетъ порядокъ династій, одна за другою слѣдовавшихъ, происхожденіе Священныхъ книгъ и Исторіи, способы къ воспитанію юношества, постепенность къ высшимъ успѣхамъ, изящныя правила, достойныя послѣдованія, похвальные примѣры, достойные подражанія. Слогъ въ ней кратокъ, по смыслъ полонъ; выраженія просты, но мысли глубоки. Сія книжка поистинѣ заслуживаетъ, чтобъ изучало оную юношество.« — Книгу сію О. Іакинѳъ перевелъ и издалъ съ тою цѣлью, чтобъ она могла служить для Рускихъ руководствомъ къ чтенію переводовъ съ Китайскаго языка; ибо въ ней изложены всѣ философическія умствованія Китайцевъ, съ изъясненіемъ понятій и выраженій, незнакомыхъ Европейцамъ и могущихъ затруднить ихъ при чтеніи другихъ Китайскихъ книгъ. Текстъ подлинника раздѣленъ на семь перпендикулярныхъ строкъ, изъ коихъ въ каждой помѣщается четверостишіе, заключающее въ себѣ афоризмъ, а часто какое-либо примѣненіе или примѣръ историческій. Въ концѣ сей стихотворной Энциклопедіи, въ Рускомъ изданіи напечатано *изъясненіе текстовъ*, находящееся въ подлинникѣ Пекинскомъ подъ самими текстами; но переводчикъ, нашедъ невозможнымъ удержать сей порядокъ, рѣшился изъясненія сіи напечатать отдѣльно.

Читателямъ Рускимъ конечно любопытно будетъ познакомиться съ понятіями и правилами, какія преподаются юношеству *Срединнаго* или *Небеснаго Царства*. Книга сія вполнѣ удовлетворитъ ихъ любопытство. Выписываемъ изъ нея три первыя четверостишія, коими начинается *Троесловіе*.

»Люди раждаются на свѣтъ
Собственно съ доброю природою:
По природѣ взаимно близки,
По навыкамъ взаимно удаляются.

»Если не научать,
То природа измѣняется;
Способъ же наученія
Требуетъ всей тщательности.

»Въ древности мать (Философа) Мынъ-цзы
Избирала жилище по сосѣдямъ.
Сынъ пересталъ учиться,
Мать перерѣзала основу«.

Въ *изъясненіяхъ* сего текста сказано: »Мать его (Философа Мынъ-Цзы) жила по близости скотобойни. Мынъ-Цзы, въ дѣтствѣ часто рѣзвясь близъ оной, пріучался отъ мясниковъ скотобойнымъ ухваткамъ. Мать сказала: здѣсь нельзя сыну моему жить, и переѣхавъ за городъ, поселилась близъ кладбищъ. Мынъ-Цзы, рѣзвясь, подражалъ дѣйствіямъ погребающихъ и плачущихъ. Мать опять сказала: и здѣсь нельзя моему сыну жить, и переселилась на житье подлѣ училища. Мынъ-Цзы рано и поздо учился правиламъ вѣжливости и уступчивости. Мать сказала: здѣсь можно мнѣ обучать сына, и осталась тутъ жить. И посему-то есть пословица: Для обращенія выбирай друга, для житья выбирай сосѣда.« Далѣе: »Мать Философа Мынъ-цзы занималась пряденьемъ и тканьемъ. Мынъ-цзы, подростши, перешелъ жить къ учителю; но вдругъ залѣнившись, возвратился домой. Мать, взявши ножъ, отрѣзала основу. Мынъ-цзы, испугавшись, съ колѣнопреклоненіемъ спросилъ о причинѣ. Мать сказала въ отвѣтъ: ученье твое подобно моему тканью. Съ умноженіемъ нитокъ составляется дюймъ, съ умноженіемъ дюймовъ футъ. Дюймъ къ дюйму, футъ къ футу, и выходитъ цѣлая холстина. Ты началъ учиться, чтобъ сдѣлаться мудрымъ; но соскучивъ и залѣнившись, оставилъ ученье: такъ какъ и я теперь, не кончивъ холстины, перерѣзала основу. Мынъ-цзы, тронутый симъ наставленіемъ, опять пошелъ учиться у Цзы-сы.« — Таковыхъ *изъясненій* покрайней мѣрѣ по одному есть на каждое четверостишіе, а на многія изъ нихъ и по нѣскольку. О. Іакинѳъ мѣстами присовокуплялъ къ нимъ и свои собственныя примѣчанія, кои не менѣе любопытны, ибо знакомятъ насъ съ подлиннымъ значеніемъ всего того, чего Китайцу не нужно было пояснять своимъ единоземцамъ.

АЛЬМАНАХИ на 1830 годъ.

Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ. С. П. б. въ типогр. Департ. Народ. Просвѣщ. 1829. (407 стр. въ 16-ю дол.)

Отдѣленіе прозы сего Альманаха содержитъ слѣдующія статьи: 1) *Обозрѣніе Россійской Словесности за первую половину* 1829 *года*, соч. Сомова; 2) *Киргизскій набѣгъ*; соч. А. П. Крюкова; 3) *Вступленіе большой* *дѣйствующей арміи на позицію при с. Тарутинѣ* (отрывокъ изъ Исторіи 1812 года), соч. Ѳ. Н. Глинки, 4) *Кикимора, разсказъ Рускаго крестьянина на большой дорогѣ,* соч. Сомова; 5) *Отрывки изъ путевыхъ записокъ,* соч. Княгини З. А. Волконской; 6) *Отрывокъ изъ Литературныхъ лѣтописей,* соч. А. С. Пушкина, и 7) *Воръ, Арабская повѣсть,* перев. О. И. Сенковскаго.— Въ отдѣленіи Поэзіи помѣщено 52 стихотворенія. Выписываемъ здѣсь оглавленіе оныхъ, съ именами сочинителей. *Арз.* Эпиграмма. *Баратынскаго*: — Эпиграмма — Сцена изъ поэмы: Вѣра и Невѣріе—Муза. — *Кн. Вяземскаго:* Слеза. — *Ѳ. Н. Глинки*: Не наша сторона — Псаломъ LXVII — Дѣва и видѣніе—Царь и Мудрецъ.— *Деларю*: Поэтъ — Къ Невѣ — Ангелу Хранителю — Слеза любви. — *Барона Дельвига:* Четыре возраста Фантазіи — Отставной солдатъ, Руская Идиллія — Грусть — Слезы любви — Руская пѣсня — Малороссійская мелодія — Удѣлъ Поэта — Изобрѣтеніе ваянія, Идиллія. — *А. Е. Измайлова:* басни: Скотское правосудіе — Обманчивая наружность.—*Катенина:* Элегія.— *И. И. Козлова:* Къ тѣни ея — Изъ Байронова Донъ-Жуана. — *И. П. Котляревскаго:* Малороссійская пѣсня.—*Ободовскаго:* Эрминія, сельская Элегія.—*Подолинскаго:* Противоположности — Гурія. — *А. С. Пушкина:* Отрывокъ изъ 7-й главы Е. Онѣгина — Зимній вечеръ — Эпиграмма — Олеговъ щитъ — 2-го Ноября— Къ ** — 26 Маія 1828 — Я васъ любилъ — Къ N.— *Барона Розена:* Путь любви — Вѣнчальный обрядъ — Могильная роза.—*Ротчева:* Въ Альбомъ К. Н. У—ой— *Теплякова:* Странники. — *В. И. Туманскаго:* Спаси меня — Pensée. — *Ѳ. А. Туманскаго:* Родина.—*Хомякова:* Прощаніе съ Адріанополемъ. — *Шеміота*: Друзьямъ. — *Шишкова* 2-го: Эльфа. — *Безъ подписи сочинителей:* Сцена изъ трагедіи Шекспира: Ромео и Юлія.— Элегія.—Къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ* 1830 года приложена заглавная виньетка, рисованная Г. Лангеромъ и гравированная F. Чеекимъ, и писменый листокъ для надписанія (*).

АЛЬМАНАХЪ АНЕКДОТОВЪ. — С. П. б. 1830, въ типографіи Путей Сообщенія (XX—208 стр. въ 16-го д. л.)

Анекдоты, помѣщенные въ сей книжкѣ, по большей части стары. Слогъ перевода тоже не новъ: онъ напоминаетъ *Спутниковъ и собесѣдниковъ* и *Товарищей разумныхъ и замысловатыхъ* прошлаго вѣка.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письмена Вавилонскія. Англійскій Оріенталистъ Г. Прайсъ (Price), во время своего путешествія въ Персіи, пріобрѣлъ рукопись, которой буквы соотвѣтствуютъ буквамъ *копьеобразнаго* почерка. Послѣ такого открытія, Г. Прайсъ продолжалъ свои изслѣдованія; и 2-е изданіе Путешествія его заключаетъ въ себѣ новыя поясненія по сему предмету. Онъ разобралъ нѣсколько надписей Персепольскихъ; и если мы примемъ въ соображеніе, какимъ быстрымъ измѣненіямъ подверглись языки Европейскіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то не можемъ безъ удивленія видѣть сходства между нѣкоторыми словами древняго языка Персепольскаго и подобнозначащими словами новаго Персидскаго языка. Что касается до глиняныхъ цилиндровъ, покрытыхъ Персепольскими письменами и бывшихъ для Антикваріевъ предметомъ многихъ изслѣдованій, то Г. Прайсъ почитаетъ ихъ тогдашнимъ способомъ печатанія, служившимъ къ размноженію списковъ какого либо текста. Вотъ первый текстъ сего рода, переведенный на Европейскій языкъ: »Счастливъ человѣкъ, »который подъ домашнимъ кровомъ своимъ можетъ »являть сердце чистое и неоскверненное порокомъ: ибо »грѣхи, имъ творимые, будутъ сочтены въ обители »небесной. Истина и чистосердечіе суть наши опо»ры. О Боже! въ день разрушенія нашего бытія, »удали отъ насъ гнѣвъ Твой! Мольбы тирановъ бу»дутъ имъ не въ пользу при смерти: не должны ли »они будутъ дать отвѣтъ за свои преступленія?«

Ботаника. Изчислено, что на островѣ Шпицбергенѣ, лежащемъ около 20-го градуса Сѣверной широты, находится только 30 видовъ разныхъ растеній. Въ Лапландіи, лежащей подъ 60 градусомъ, видовъ сихъ 534; на Исландіи (подъ 65°), оныхъ 553; въ Швеціи, на протяженіи отъ южныхъ оконечностей Лапландіи до 55°, видовъ растеній 1,300; въ Бранденбургѣ, между 52 и 54°, — 2,000; въ Піемонтѣ, между 43 и 46°,—2,800; на Ямайкѣ, между 17 и 19°, — 4,000, а на Мадагаскарѣ, лежащемъ между 13 и 14°, подъ тропикомъ Козерога, оныхъ болѣе 5,000.

Обманъ зрѣнія въ Персіи. Недавняя война Россіи съ Персіей и возстановившіяся нынѣ тѣсныя дружественныя сношенія сихъ двухъ Державъ, даютъ нашимъ соотечественникамъ возможность лично дѣлать повѣрки всего того, что иностранные путешественники разсказываютъ о древней отчизнѣ Зороастра. Между прочимъ желательно, чтобы кто либо изъ Гг. инженерныхъ Офицеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, доставилъ въ нашу Газету подтвержденіе или опроверженіе того, что Англійскіе путешественики раз-

---

(*) Цѣна сему Альманаху: въ Петербургѣ 12 руб., съ пересылкою въ другіе города 13 руб.—Продается у Гг. Слѣнина, Смирдина и прочихъ книгопродавцевъ.

сказываютъ о чудномъ дѣйствіи оптическаго обмана въ странѣ сей. Занимавшись военною съемкой въ минувшую кампанію, помянутые Гг. Офицеры собственнымъ опытомъ могли лучше всякаго другаго убѣдиться въ истинѣ тѣхъ показаній, кои мы переводимъ изъ одного Англійскаго Журнала.

»Дѣйствіе оптическаго обмана неменѣе удивительно въ странѣ сей, какъ и въ Египтѣ, и еще разнообразнѣе. Въ продолженіе дня, воздухъ безпрерывно находится въ волнистомъ движеніи на пространныхъ и голыхъ равнинахъ Персіи. Видъ отдаленныхъ предметовъ отъ сего измѣняется: они какъ бы зыблются, перемѣняютъ образъ свой и скрываются по произволу стихіи, проникнутой лучами свѣта. Въ промежутокъ одной минуты, какая нибудь гора является въ видѣ великолѣпнаго пика; видишь, что она еще подымается, доходитъ до чудной высоты, расширяется на вершинѣ, кажется огромнымъ грибомъ, коего стебель съ каждымъ мигомъ становится тонѣе; вершина разстилается, и въ одно мгновеніе, видишь передъ собою подобіе стола. Если бъ инженеръ вздумалъ поставить вѣхи или другіе знаки на вершинахъ горъ, для съемки мѣстностей, то крайне бы обманулся: направленія, разстоянія, высоты—все было бы измѣнено. Слой глины, по которому проведены борозды дождевыми потоками, представитъ собою, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, видъ пышнаго города, съ круглыми крышами, обелисками и минаретами: съ приближеніемъ человѣка все изчезнетъ; и даже, къ большему его стыду, онъ увидитъ, что сей огромный предметъ, который желалъ онъ разсмотрѣть поближе, былъ только небольшой бугорокъ земли, шаговъ на десять въ длину. Здѣсь безпрестанно принимаешь издали дѣтей за великановъ, ословъ за слоновъ, козъ за верблюдовъ и кустарники за высокія деревья. Часто зрѣлище сіе бываетъ пріятно; иногда однако жь, оно досаднымъ образомъ разочаровываетъ путника. Разстояніе въ 12 миль Англійскихъ (*) такъ уменьшается симъ оптическимъ обманомъ, что кажется не болѣе двухъ миль. Предметы, коихъ нельзя бъ было видѣть, когда бы воздухъ былъ спокоенъ, такъ поднимаются вверхъ и приближаются отъ преломленія лучей, что, кажется, мигомъ ихъ достигнешь, хотя они отдалены еще на 25 миль; и это весьма огорчаетъ путешественника въ такомъ краю, какъ Персія, гдѣ ничто не манитъ взоровъ, ничто не занимаетъ по утомительной и скучной дорогѣ..«

СМѢСЬ.

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ *Некрологія Генерала отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскаго*, умершаго 16 Сент. 1829. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и частную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго Некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!... Отечество того не забыло.

Пушкинъ

Князь Вяземскій перевелъ и скоро напечатаетъ славный романъ Бенж. Констана. *Адольфъ* принадлежитъ къ числу *двухъ или трехъ романовъ*,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньямъ преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ (*).

Бенж. Констанъ первый вывелъ на сцену сей характеръ, въ послѣдствіи обнародованный геніемъ Лорда Байрона. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія сей книги. Любопытно видѣть, какимъ образомъ опытное и живое перо Кн. Вяземскаго побѣдило трудность метафизическаго языка, всегда стройнаго, свѣтскаго, часто вдохновеннаго. Въ семъ отношеніи, переводъ будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы.

(*) Англійская (не морская) миля составляетъ около версты съ третью нашей мѣры.

(*) *Евг. Онѣгинъ*, гл. VII.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 30-го дня 1829 года. Ценсоръ *К. Сербиновичъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМ. I. № 2. ЯНВАРЯ 6го:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней.

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No. въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МАГНЕТИЗЁРЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА, СОЧ. АНТОНІЯ ПОГОРѢЛЬСКАГО.)

(Окончаніе).

„Лучшіе Петербургскіе Доктора съѣзжались въ домъ Графини N** и увѣряли, что это не что иное, какъ нервическіе припадки, истерика; но никто между тѣмъ не въ силахъ былъ помочь Катеринѣ. День отъ дня припадки становились чаще и сильнѣе, не смотря на капли, порошки и ванны. Графиня наконецъ согласилась призвать одну извѣстную ворожею, которая тогда жила въ Коломнѣ у Харламова моста. Она пріѣхала, много говорила, выпила нѣсколько чашекъ кофею и обѣщалась непремѣнно вылечить больную. Во время припадка, она надъ нею шептала, на нее плевала, чѣмъ-то ее опрыскивала; а бѣдной Катеринѣ все-таки не дѣлалось лучше! Наконецъ прогнали ворожею и опять принялись за докторскія капли, которыя, впрочемъ, по прежнему, нимало не помогали. Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Неаполя одинъ Итальянецъ, Маркизъ, и принятъ былъ въ лучшія общества. Онъ посѣщалъ и домъ Графини. Однажды случайно упомянули о болѣзни Катерины... Маркизъ слушалъ разсказъ о ней съ необычайнымъ вниманіемъ. — »Не льзя ли видѣть вашу больную?« сказалъ онъ наконецъ.—»Для чего?« спросила Графиня. —»Можетъ быть я въ силахъ ей помочь,« отвѣчалъ Маркизъ. Графиня сначала не знала, на что рѣшиться; но не находя никакого препятствія въ исполненіи желанія Маркиза, согласилась на оное и сама повела его къ Катеринѣ. Они вошли къ ней въ самую ту минуту, какъ больная изнемогала отъ мученій одного изъ ужаснѣйшихъ ея припадковъ. Случайно я была тогда у нея. Маркизъ, при входѣ въ комнату, устремилъ проницательный взоръ свой прямо на больную, подошелъ къ кровати, схватилъ руку — и больная задрожала, потомъ успокоилась; всѣ члены ея пришли опять въ естественное свое положеніе; она нѣсколько разъ тяжело вздохнула, послѣ того открыла глаза.... Конвульсіи совершенно прекратились и въ тотъ день она была здорова, хотя очень слаба. Видъ этого Итальянца, съ перваго на него взгляда, сдѣлалъ непріятное на меня впечатлѣніе; но когда увидѣла я, что онъ однимъ наложеніемъ руки своей прекратилъ страданія бѣдной Катерины, то я не могла удержаться отъ невольнаго восклицанія. Маркизъ вдругъ поворотилъ голову ко мнѣ... изъ черныхъ, пламенныхъ глазъ своихъ онъ бросилъ на меня взоръ... мнѣ показалось, что взоръ этотъ осуществился и въ видѣ огненной стрѣлы вонзился въ мое сердце. Я почувствовала невольный страхъ; я почувствовала, что ноги мои подгибаются и чрезъ силу могла выйти изъ комнаты.«

Пашенька замолчала, робко оглянулась на всѣ стороны, и казалось, какъ будто чего-то страшилась...— »Что жь, вылечилъ ли онъ Катерину?« — спросила Степанида Гавриловна, не замѣчая смущенія дочери.

Паша вздрогнула и отвѣчала тихо: »Говорятъ, что онъ ее совсѣмъ вылечилъ; но за то я страдала долгое время послѣ того...

— »Какъ? чѣмъ? Мы объ этомъ ничего не знали!« — вскричали въ одинъ голосъ отецъ и мать.

— »Болѣзнь эта не препятствовала мнѣ писать къ вамъ съ каждою почтою,« продолжала Пашенька, »и я не хотѣла васъ безпокоить. Впрочемъ тогдашнее положеніе мое не совсѣмъ можно назвать болѣзнію, хотя страданія мои были чрезмѣрны. Я не могла безъ содраганія думать о Маркизѣ; но въ иное вревремя мнѣ напротивъ того казалось, что онъ одинъ можетъ избавить меня отъ этой несносной тоски, отъ этого неизъяснимаго унынія, которыя иногда совсѣмъ неожиданно и непонятнымъ для меня образомъ, пробуждались въ душѣ моей и терзали ее. Я не могу описать тогдашнихъ ощущеній моихъ; но увѣряю васъ, что и теперь еще, при одномъ воспоминаніи, на меня находитъ ужасъ. —

— »Плюнь на дьявола!« — вскричала Степанида Гавриловна, и при сихъ словахъ сама плюнула въ сторону.

— »Перекрестись, Пашенька!« сказалъ Анисимъ Аникѣевичь, и самъ перекрестился.

Паша то же перекрестилась съ сердечнымъ умиленіемъ; потомъ, смиренно сложивъ руки и устремивъ взоръ прямо предъ собою, продолжала начатый разсказъ: »Припадки эти дѣлались со мною рѣже, когда въ слѣдующую послѣ того весну, мы поѣхали въ Ревель. Прелестныя мѣстоположенія, благоразтворенный воздухъ, веселое общество, можетъ быть и купанье въ морѣ, меня разсѣяли; и я возвратилась въ Петербургъ, совершенно выздоровѣвъ. Вскорѣ послѣ того я отправились въ Екатеринбургъ, къ вамъ, любезные родители, и здѣсь до нынѣшняго вечера не чувствовала никакихъ признаковъ прежней болѣзни. Теперь только, кажется, какъ будто чувствую что-то похожее на тогдашнее мое положеніе. Но надѣюсь, что это пройдетъ къ завтрему. Меня клонитъ сонъ; позвольте мнѣ пожелать вамъ покойной ночи.«

Паша встала со стула, поцѣловала руку у батюшки и у матушки, которые благословили ее, и отправилась въ свою комнату въ сопровожденіи встревоженной матери.

Анисимъ Аникѣевичъ въ глубокомъ раздумьи остался на диванѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ того, вошла опять Гавриловна: »Проклятые журналы!« сказала она, входя въ комнату. »Если бъ ты не говорилъ объ этомъ Магатизѣ или, какъ его зовутъ, то и Пашенька бы не занемогла...«

— »Полно браниться, Гавриловна!» отвѣчалъ ей мужъ: » у меня не то на умѣ! Какова Пашенька? —

— »Пашенька, слава Богу, заснула, только что легла въ постель; однако дай же мнѣ договорить.

— »Такъ и намъ спать пора,« — прервалъ ее Анисимъ Аникѣевичъ. — »Помолись-ка Богу, да ложись!« —

Они пошли въ спальню. Степанида Гавриловна давно уже храпѣла, когда Анисимъ Аникѣевичъ все еще стоялъ передъ кивотомъ и клалъ поклоны Николаю Чудотворцу.

ГЛАВА 2.

Анисимъ Аникѣевичъ Фесюринъ родился въ Москвѣ. Отецъ его — хозяинъ мѣлочной лавочки въ Нѣмецкой слободѣ, — по мѣрѣ возможности старался дать ему хорошее воспитаніе, и на восьмомъ еще году началъ посылать его въ народное училище. Анисимъ былъ мальчикъ смышленой и прилежный, и потому въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ научился всему, чему въ то время можно было научиться въ народныхъ училищахъ; онъ читалъ и писалъ хорошо и зналъ Ариѳметику до тройнаго правила. Притомъ онъ былъ добронравенъ, проворенъ и дѣятеленъ, и потому сдѣлался весьма полезнымъ отцу своему, который ввѣрилъ ему всю счетную часть по небольшой своей торговлѣ. Замѣтили даже, что съ тѣхъ поръ, какъ пригожій, краснощекой Аниска (у котораго шелковыя кудри, въ кружокъ остриженныя, всегда были порядочно вычесаны, лице и руки умыты, а синій кафтанъ не замаранъ ни пухомъ, ни саломъ) сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этой лавочкѣ, число покупщиковъ значительно умножилось. Всѣ кухарки изъ сосѣдства брали соленые огурцы и квасъ охотнѣе у него, чѣмъ у другихъ, а горничныя дѣвушки сахаръ и кофе, у него покупаемый, предпочитали всякому другому. Аниска, такъ сказать, вошелъ въ моду; а когда въ послѣдствіи мягкій пушокъ пробился на верхней губѣ его и глаза ярче начали свѣтиться, то число покупщицъ отъ того не уменьшилось: напротивъ того многія изъ сосѣдственныхъ барынь гораздо чаще стали бранить своихъ дѣвушекъ за безпрестанное бѣганье въ лавочку. Барыни не подозрѣвали, что причиною всѣхъ сихъ домашнихъ безпорядковъ былъ нашъ Аниска, котораго тогда нѣкоторыя начинали уже честить Анисимомъ Аникѣевичемъ.

По улицѣ, гдѣ была лавочка Анисима, часто проходилъ одинъ разнощикъ, торговавшій старыми книгами, и всякой разъ заходилъ въ эту лавочку. Анисимъ всегда былъ ему радъ, потому что разнощикъ позволялъ ему перелистывать книги, между тѣмъ какъ самъ, расположившись на скамьѣ, лакомился кусочкомъ паюсной икры или балыкомъ. Такимъ образомъ въ Анисимѣ возбудилась охота къ чтенію и онъ часто съ сожалѣніемъ помышлялъ о томъ, какъ бы для него пріятно было, если бъ отецъ его, вмѣсто мѣлочной лавки, имѣлъ книжную. Отъ прозорливыхъ глазъ букиниста не скрылась сія охота Анисима и онъ разговорами своими еще болѣе воспламенялъ воображеніе молодаго лавочника, стараясь переманить его къ себѣ въ товарищи. Отецъ Анисима имѣлъ довольно хорошее состояніе, и букинисту весьма выгоднымъ казалось найти въ Анисимѣ не только дѣятельнаго товарища, но и средства къ распространенію небольшой своей торговли. . . .

СТАНЦЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчались годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужь близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: Патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ ихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. Пушкинъ.

ЭПИГРАММА.

(Изъ Ж. Б. Руссо.)

Сбираясь въ путь глупецъ подъ позолотой
(Не знаю гдѣ, а на Руси ихъ нѣтъ),
Кричалъ, что онъ сто тысячь дастъ съ охотой
Съ тѣмъ, чтобъ узнать вблизи людей и свѣтъ,
— » А изъ любви и изъ народной чести, » —
Тутъ подхватилъ насмѣшливый нахалъ:
» Могли бы мы придать къ нимъ тысячь двѣсти
» Съ тѣмъ, чтобы свѣтъ васъ вовсе не узналъ. «

Кн. Вяземскій.

ВВЕДЕНІЕ

къ жизнеописанію Фонъ-Визина.

Исторія Литературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія. Только въ соединеніи съ нею, можетъ она имѣть для насъ нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на Литературѣ, разсматриваемой вами, не отражаются движенія, страсти, мнѣнія, самые предразсудки современнаго общества, если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо владычеству и вліянію Литературы, то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ Литературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества. Литературы бываютъ двоякія: одна для народа то, что даръ слова для человѣка, высшая способность его послѣ способности чувствовать и мыслить; впрочемъ раздѣлять сіи способности не должно, ибо первая служитъ дополненіемъ и событіемъ другой. Вторую Литературу можно причислить къ искусствамъ изящнымъ, къ ваянію, къ живописи, къ музыкѣ. Она въ разрядѣ вспомогательныхъ, уже изобрѣтенныхъ способностей, коими умъ человѣческій выражаетъ мысль свою, коими народъ образующійся знаменуетъ успѣхи свои на поприщѣ просвѣщенія и умственнаго усовершенствованія. Посреди безмолвія, оцѣпененія, царствующаго при отсутствіи первой изъ сихъ Литературъ, возвысится иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества, его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія; но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и преходчиво: не имѣвъ предыдущаго, оно едва объемлетъ стѣсненные предѣлы настоящаго и теряется вмѣстѣ съ минутнымъ впечатлѣніемъ. Такъ искусный Ромбергъ всемогуществомъ игры своей порабощаетъ понятія и ощущенія общества, которое слушаетъ его, погруженное въ безмолвіе и вниманіе. Онъ будитъ въ душѣ и въ умѣ слушателей своихъ впечатлѣнія, ему покорныя. Въ раздраженіи сокровеннѣйшихъ ощущеній своихъ, слушатели сіи сочувствуютъ, соотвѣтствуютъ сладкозвучнымъ изліяніямъ повелительнаго чародѣя: но сіе сочувствіе, сія обоюдность въ ощущеніяхъ, въ сопряженіяхъ сокровенныхъ, были только мнимыя или по крайней мѣрѣ не естественныя, а искусственныя. Пора баснословныхъ чудесъ Орфея миновалась: ни горы не тронутся съ мѣста, ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки утихли, раздраженныя нервы уравнялись и между Ромбергомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соотвѣтствія. Между твореніемъ замѣчательнымъ и народомъ, коего общество еще не готово для Литературы, или Литература еще не готова для общества, нѣтъ также обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отошелъ, книга прочтена; и тотъ и другая возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось. Нѣкоторыя явленія литературныя: великолѣпныя оды Ломоносова, воспламененные, философическіе и сатирическіе гимны Державина, утонченности взыскательнаго общежитія, *Европеизмы*, введенные въ прозу и стихи наши Карамзинымъ и Дмитріевымъ, опыты Озерова, который умѣлъ иногда сочетать блескъ трагическихъ формъ Вольтера съ благозвучіемъ поэзіи Расина, лукавое простосердечіе и черты Руской насмѣшливости и замысловатости, ярко оттѣнившія произведенія Крылова, оригинальность заимствованій Жуковскаго, положившаго свою печать на подражанія, завоеванныя талантомъ и которыя въ свое время были смѣлыя новизны; въ Пушкинѣ, тотъ же духъ, тѣ же пріемы поэтической притягательности, еще болѣе приноровленные къ характеру времени и характеру Рускаго ума и гораздо болѣе разнообразные въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ сіи явленія, болѣе или менѣе, продолжительнѣе или кратковременнѣе, наносили рѣзкія впечатлѣнія на вниманіе общества нашего и возбуждали повсемѣстное сочувствіе. Совсѣмъ тѣмъ, кажется, не страшась нареканія въ неблагодарности и несправедливости къ Литературѣ отечественной, можно примѣнить ее ко второму разряду, описанному выше.

Въ Рускомъ обществѣ и въ Литературѣ Руской не было и нѣтъ понынѣ сего обратнаго содѣйствія, сего перелива оттѣнковъ съ одного на другую, сей жизни, такъ сказать, общей въ двухъ тѣлахъ, сей общности, отъ коей Литературы другихъ народовъ являются намъ столь исполненными движенія, страстей и жизненности. Нѣтъ сомнѣнія, Руское общество не выразилось Литературою. Вы должны искать слѣдовъ его въ исторіи Двора, въ исторіи походовъ, въ исторіи успѣховъ гражданственности: блестящія страницы могутъ здѣсь удовольствовать требованія честолюбія народнаго и явить, что сіе общество, хотя еще мало говорливое, имѣетъ во многихъ чертахъ свою физіономію, свою нравственную самобытность. Но не ищите узнавать его по исторіи Литературы: книжное знакомство съ нимъ увлекло бы васъ къ заключенію, что нѣтъ общества, а есть одно собраніе людей. Руское общество не воспитано на чтеніи отечественныхъ книгъ: вы не можете найти людей, которые чувствовали бы по Державину, мыслили бы по Княжнину, коихъ мнѣнія развились бы и созрѣли подъ вліяніемъ такихъ-то, или другихъ Рускихъ авторовъ. Это неоспоримо. Какое можетъ быть на народъ вліяніе Литературы, не имѣющей эпопеи, театра, романовъ, философовъ, публицистовъ, моралистовъ, историковъ: ибо одинъ историкъ, и то историкъ отечества своего, какъ ни сильно выразилъ умъ свой въ твореніи своемъ, но дѣйствіе его все должно же быть односторонно и ограничено самыми предѣлами поприща его. Если захотѣть найти непремѣнно господствующую черту нашей Литературы, то должно остановиться на поэзіи лирической. И сіе соображеніе приведетъ насъ къ заключенію, что и у насъ Литература, или то, что изъ Литературы имѣемъ, есть выраженіе общества. Общество наше, гражданственность наша образовались побѣдами. Не медленными, не постепенными успѣхами на поприщѣ образованности, не долговременными, постоянными, трудными заслугами въ дѣлѣ человѣчества и просвѣщенія; нѣтъ! быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное мѣсто въ числѣ Европейскихъ Державъ. На поляхъ сраженій купили мы свою грамоту дворянства. При громахъ Полтавской побѣды совершилось наше, уже неоспориваемое водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громы, сіи торжественныя побѣдныя молебствія отозвались въ поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, въ послѣдствіи времени была уже поддѣльная или подражательная и неудовлетворительная, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта. Воинственная слава была лучшимъ достояніемъ Рускаго народа: упоенные, ослѣпленные ею, радѣли мы мало о другихъ славахъ. Военное достоинство было почти единою цѣлью, единымъ упованіемъ и средствомъ для высшаго званія народа, которое должно было первоначально сосредоточивать въ себѣ исключительно лучи просвѣщенія, медленно разливавшагося по нижнимъ ступенямъ общества. Военная дѣятельность удовлетворяла честолюбію народному и потребностямъ возникающаго гражданства. Торжественныя оды были плодами сего воинственнаго вдохновенія. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось общимъ характеромъ нашей поэзіи. Поэзіи философической, прозѣ умѣренной, которая болѣе размышляетъ, чѣмъ чувствуетъ, болѣе способна хладнокровно судить, чѣмъ пламенно пристраститься, тутъ не было мѣста. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ были Бардами народа, почти всегда стоявшаго подъ ружьемъ, или праздновавшаго побѣды, или готовившагося къ новымъ. Они поэты присяжные, поэты lauréat побѣды, еще болѣе чѣмъ Двора. Сію поэзію, такъ сказать офиціальную, должно приписывать не столько характеру ихъ, сколько характеру эпохъ, въ которыя они жили. Примѣръ сихъ великихъ поэтовъ, предназначенныхъ быть образцами, подѣйствовалъ и на склонности поэтовъ второстепенныхъ, которые были, можетъ статься, не столько внимательны къ вдохновеніямъ первобытнымъ и непосредственнымъ, не столько въ сочувствіи съ господствующимъ духомъ народа, сколько покорны движенію, данному предшественниками, сколько увлечены духомъ подражанія. Въ этомъ отношеніи сатира *Чужой толкъ* не только Литературное, но и нравственное свидѣтельство, обличительная ссылка для современныхъ наблюденій. На души и на умы великихъ людей дѣйствуютъ событія, дѣйствуетъ сила нравственная, скрывающаяся въ началѣ сихъ событій: на умы людей, стоящихъ подъ ними, дѣйствуетъ уже примѣръ сихъ передовыхъ стражей на поприщѣ человѣческихъ успѣховъ. Говоря языкомъ техническимъ: имъ нужны проводники. Ударъ силы электрической уже по сообщенію отзывается въ тѣлахъ, отдаленныхъ отъ средоточія дѣйствія ея: ему нужно пройти до нихъ черезъ тѣло, ближайшее къ нему, непосредственно предстоящее внезапному потрясенію.

Лирическое, торжественное, хвалебное направленіе, данное поэзіи нашей, не измѣнилось совершенно и въ новѣйшія времена, когда другія потребности, другія усилія власти и гражданственности означились въ явленіяхъ болѣе миролюбивыхъ, но неменѣе сильныхъ для честолюбія народа могущественнаго и повелительнаго. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и въ лирѣ Жуковскаго, который изъ міра созерцанія и мечтательности вызываемъ бывалъ шумомъ побѣды и кликами празднующаго народа на торжество дѣйствительности; отзывается и въ лирѣ самого Пушкина, коего геній своенравный, кажется, долженъ быть столь независимъ отъ господства, удручающаго другихъ. Въ эпилогѣ *Кавказскаго плѣнника* вы найдете краски, пріемы поэзіи, ему исключительно свойственной: но въ духѣ восторга, оживляющаго сію воинственную поэзію, вы поддадитесь какому-то обратному влеченію, вознесшему столь далеко въ свое время поэзію Ломоносова и Державина. Предупреждая всякія превратныя истолкованія мнѣнія, здѣсь изложеннаго, спѣшу заявить, что замѣчаніе мое вовсе не есть критическое, или порицательное: я просто хотѣлъ привести свидѣтельство и долженъ былъ для подкрѣпленія себѣ предпочесть хотя и изысканное, но яркое, другимъ свидѣтельствамъ, болѣе общимъ, но и менѣе уважительнымъ.

Царствованіе Екатерины Великой, или Великаго, по счастливому выраженію Принца де-Линь, должно было, явнымъ образомъ, служить побужденіемъ къ направленію поэзіи нашей, замѣченному выше. Сіе царствованіе громкое, великолѣпное, восторженное, имѣло въ себѣ много лирическаго. Его можно назвать высокимъ, торжественнымъ гимномъ въ исторіи отечественной. Все въ немъ способствовало къ возвышенію и славолюбію духа народнаго. Первенствующія лица, явившіяся на сценѣ его, были размѣра исполинскаго, героическаго: они рисуются предъ глазами нашими, озаренныя лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающія намъ дѣйствующія лица Гомеровскія. Это живые отрывки изъ Иліады. Предоставляя Исторіи оцѣнивать каждаго по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы, Потемкины, Румянцовы, Суворовы имѣли въ себѣ также что-то поэтическое и лирическое въ особенности. Стройныя имена ихъ придавали какое-то благозвучіе Рускому стиху. Нѣтъ сомнѣнія, есть поэзія и въ собственныхъ именахъ. Державинъ это зналъ, и оставилъ свидѣтельство тому въ одной изъ строфъ *Водопада*. Поэтъ взываетъ къ умершему Потемкину:

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечь въ полножны войти чуть могъ,
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за Ней
Внезапной смертію твоей.

Въ стихѣ, составленномъ изъ собственнаго имени и глагола, есть не одно вѣрноподданническое, но и высокое поэтическое чувство. Этотъ стихъ, безъ сомнѣнія, исключительно Рускій стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и Руская картина. Счастливъ поэтъ, умѣвшій пользоваться средствами: угадывать впечатлѣнія и высѣкать пламень поэзіи изъ сочетанія двухъ словъ; но счастливѣе Государь, который умѣлъ облечь имя свое красками и очарованіемъ поэзіи, и одаривъ имъ признательную исторію, завѣщалъ его еще, какъ сокровище, и поэтамъ, которые дорожатъ истиною только тогда, когда она всемогуща и надъ воображеніемъ. Но властолюбіе и слава побѣдъ не были едиными страстями, можно сказать едиными добродѣтелями Екатерины. Въ мужественной душѣ Своей Она цѣнила высоко храбрость и воинственный героизмъ. Однажды, въ приближенномъ обществѣ Своемъ, задала Она Сегюру, Принцу де-Линь и другимъ, запросъ: « если бъ родилась я мужчиною и на общей чредѣ, какъ думаете, до какой степени достигла бы Я на военномъ поприщѣ? » Легко отгадать отвѣтъ: Фельдмаршальскій чинъ, достоинство отличнаго полководца были единыя мѣты, которыя поставляли честолюбію могущественной Монархини. — » Ошибаетесь „« прервала Она: » въ чинѣ подпоручика встрѣтила бы Я смерть въ первомъ сраженіи.» — Такой отвѣтъ обнаруживаетъ душу: но душа, но умъ Екатерины были доступны и къ другимъ побужденіямъ. Душа Ея вмѣщала всѣ отрасли человѣческаго славолюбія: умъ Ея былъ отверзтъ ко всѣмъ возвышеннымъ впечатлѣніямъ и способенъ на всѣ усилія. Въ числѣ предметовъ, занимавшихъ дѣятельность его, успѣхи образованности и просвѣщенія были цѣлью Ея особенной заботливости. Она не только уважала умъ, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила къ нему, но, такъ сказать, баловала и щадила неизбѣжныя уклоненія его. Самая современная эпоха благопріятствовала сему Августѣйшему пристрастію. Франція, униженная въ политическомъ достоинствѣ своемъ, сошедшая съ повелительной чреды, на которую возвела ее рука, нѣкогда всемогущая, Людовика XIV, старалась развитіемъ умственныхъ способностей вновь захватить на другомъ поприщѣ утраченное владычество свое. Усилія ея увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ. Версальскій Кабинетъ не имѣлъ въ себѣ другаго Ришельё, другаго Мазарина и политика Европы не получала направленія своего изъ Франціи: но Фернейскій кабинетъ имѣлъ своего Ришельё, который съ иными средствами едва ли былъ не могущественнѣе перваго. Вольтеръ, представитель, органъ, душа и глава сего новаго рода присвоенія, коего алкала властолюбивая Франція, разпространялъ во имя свое и собратьевъ или учениковъ, владычество генія своего и новыхъ мнѣній на умы Европы, все еще покорной господству Франціи. Екатерина съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбила Французскій языкъ и Французскую Литературу, которая тогда уже изторгалась изъ ограниченнаго круга изящныхъ письменъ и мѣрнаго великолѣпія, прославившаго ее во дни Людовика XIV. При дворѣ Елисаветы посвящала Она лучшіе уединенные часы Свои на чтеніе авторовъ, разкрывшихъ умъ Ея, рано созрѣвшій для глубокомысленныхъ соображеній философіи и политики. Вступивъ на престолъ, воцарила Она съ Собою правила, которыя почерпнула въ ученіи. Гласнымъ покровительствомъ, всѣми льстивыми, обольстительными свидѣтельствами благоволенія, свойственными власти Монарха и утонченности женщины, содѣйствовала Она торжеству Вольтера и соучастниковъ его во всемірномъ правленіи умовъ и мнѣній. По справедливости, должно однако же замѣтить, что и до Екатерины Правительство и Дворъ признавали у насъ власть просвѣщенія Европейскаго и не пренебрегали союзомъ съ умственными знаменитостями современными. Вольтеръ уже въ царствованіе Елисаветы былъ, такъ сказать, союзникомъ на жалованьи у Двора нашего; и если исторія Петра Великаго, подвигъ, совершенный имъ въ силу заключенныхъ дипломатико-литературныхъ сдѣлокъ, не отвѣчаетъ достоинству ни Героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываетъ обыкновенно мало надеженъ для пользы назначеннаго предпріятія. Шуваловъ, не тотъ, который въ царствованіе Екатерины писалъ Французскіе стихи, принимаемые въ самомъ Парижѣ за произведеніе Французской почвы, но Шуваловъ, писавшій и самъ Рускіе стихи, а болѣе извѣстный и достойный извѣстности, потому что онъ едва ли не первый почувствовалъ красоту стиховъ Ломоносова, покровительствовалъ ему и умѣлъ отъ него выслушивать рѣзкія истины и благородные упреки, Шуваловъ, вельможа двора Елисаветы и любимецъ Ея, былъ уже посредникомъ между Литературою Европейскою и нами. Онъ имѣлъ въ Женевѣ агента, Бориса Михайловича Салтыкова, кажется, имъ уполномоченнаго для сношеній съ Вольтеромъ, по предмету Исторіи, имъ сочиняемой. Письма его къ Шувалову — настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ *Делисахъ*, тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера. Вообще изъ переписокъ того времени, которыя удалось намъ прочитать, видно, какое дѣятельное участіе принимали вельможи наши въ движеніяхъ современной литературной дѣятельности. Новыя понятія, смѣло провозглашаемыя во Франціи, имѣли тогда отголоски въ Петербургѣ. Мы нашли въ запискахъ, оставленныхъ Княгинею Дашковою, что до 15-ти-лѣтняго возраста прочла она въ домѣ дяди своего, Графа Воронцова, сочиненія Беля, Вольтера, Монтескьё, Гельвеція: правда, она прибавляетъ, что кромѣ Екатерины, тогда еще Великой Княгини, и также въ лѣтахъ весьма молодыхъ, и ея, никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобными чтеніями. Оно и постижимо, и едва ли можно жалѣть о томъ. Подобное чтеніе, нельзя не сознаться, было нѣсколько преждевременно, и просвѣщеніе, за нимъ слѣдовавшее, должно было походить на то, въ которомъ вообще обвиняютъ насъ нѣкоторые иностранцы: насильственно-прививное, скороспѣлое и потому не надежное. Но между тѣмъ сіе свидѣтельство, въ числѣ прочихъ, доказываетъ, что отраженіе лучей, бросаемыхъ Франціею, было не чуждо и вершинамъ общества нашего.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ, Членомъ Императорской Россійской Академіи и пр. — 2 ч. С. П. б., въ типогр. Императорской Россійской Академіи, 1829. (въ 1-й ч. XV — 354, во 2 й — 362 стр. въ боль. 4-ю д. л.)

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ, и совершенію единаго, высокаго подвига. Руская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную Словесность.

Пушкинъ

АЛЬМАНАХИ на 1830 годъ.

Радуга, литературный и музыкальный альманахъ на 1830 годъ. Изд. П. Араповымъ и Д. Новиковымъ. — М. въ т. Селивановскаго (327,35 и 16 стран. въ 16-ю дол.).

Что такое Альманахи въ нынѣшней Европѣ? Игрушки взрослыхъ дѣтей, подарки на новый годъ, книжки, которыхъ главное достоинство состоитъ въ картинкахъ и богатомъ изданіи. Хорошая статья прозаическая, стихотвореніе, носящее отпечатокъ таланта, не необходимость въ подобномъ изданіи, а даже неожиданный подарокъ. Мы, Рускіе, давно уже извѣстны охотою подражать всему иноземному. И Альманахи не ушли отъ замѣчательности нашей: мы ввели ихъ въ употребленіе, но, кажется, ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ наша поспѣшность не повредила, а принесла пользу. Примѣръ рѣдкій! — Объяснимся. Альманахи наши не блестятъ картинками по причинѣ очевидной: мы не имѣемъ еще художниковъ, которые посвятили бы свои таланты на подобную работу, и продажа Альманаховъ, по незначительности своей, не позволяетъ даже и подумать о роскоши изданій. Намъ должно хлопотать не о блескѣ, а объ опрятности, но и сія добродѣтель нелегко намъ достается. Какъ же наши Альманахи могутъ быть праздничными подарками? Поневолѣ они избрали себѣ удѣлъ лучшій: *быть годовыми выставками литературныхъ произведеній*. Большая часть нашихъ писателей постоянно надѣляетъ ихъ образцами своихъ годовыхъ занятій, а у иныхъ и всѣ труды трехъ сотъ шестидесяти пяти дней занимаютъ двѣ-три странички.

Альманахъ: *Радуга*, не многимъ порадуетъ любителей чтенія. Исключивъ ученое разсужденіе: *О народныхъ Рускихъ пословицахъ*, И. М. Снѣгирева, и статью, живо написанную: *Ѳоминъ понедѣльникъ*, проза похвалиться ничѣмъ не можетъ. *Краковскій* же *замокъ* Н. А. Полеваго заставляетъ насъ сожалѣть, что Сочинитель столь слабо постигъ и столь каррикатурно изобразилъ Суворова. Почти всѣ стихотворенія *Радуги* не выходятъ изъ благоразумныхъ предѣловъ посредственности. Въ отдѣленіи музыки (замѣчательномъ по чистотѣ и красивости нотнаго шрифта), меломаны наши съ удовольствіемъ найдутъ новыя произведенія Княгини З. А. Волконской, В. Г. Шольца, В. В. Всеволодскаго, Князя В. С. Голицына, А. Н. Верстовскаго и О. О. Геништы; и пожалѣютъ, что мертвыя ноты Цыганскихъ пѣсень не могутъ выразить оригинальности очаровательнаго пѣнія Московскихъ Вакханокъ.

Московскій Альманахъ для юныхъ Рускихъ гражданъ, или ручная Энциклопедія съ картинками. — М. въ Универс. типогр. 1830. (163 — 186 стр. въ 16 ю д. (*).

Здѣсь помѣщены: *Франклинова Наука добраго Ричарда; О воспитаніи бѣдныхъ*, соч. Дежерандо; *Кофейный домъ въ Суратѣ*, соч. Бернарденъ-де Сен-Пьера, и еще нѣсколько небольшихъ статей. Большая часть оныхъ, въ этой же книжкѣ, напечатаны также и на Французскомъ языкѣ.

СМѢСЬ.

Нѣкоторыя изреченія, кажущіяся съ перваго взгляда *парадоксами*, становятся почти *афоризмами*, когда мы прилежнѣе ихъ обдумаемъ. Таково извѣстное изреченіе Стерна, что Французы — *самая степенная въ мірѣ нація*. Хотите ли увѣриться въ истинѣ сихъ словъ, принятыхъ за шутку? Посмотрите, какъ систематически Французы поступаютъ въ своихъ наслажденіяхъ.... Я не говорю уже о наслажденіяхъ *вещественныхъ* или *гастрономическихъ*: учрежденіе Французскаго стола, порядокъ блюдъ и питья винъ и пр. и пр., суть плоды глубокихъ соображеній, и приняты большею частію образованныхъ народовъ за ненарушимый законъ Комуса; я хочу сказать о насажденіяхъ *умственныхъ* или *нравственныхъ*— выбирайте любое изъ сихъ прилагательныхъ. Французы любятъ наслаждаться произведеніями искуствъ

(*) Продается по 10 р.

чинно, вполнѣ и нисколько не мѣняя своихъ ощущеній. Если въ театръ они созваны плакать или трепетать; то никакъ не хотятъ, чтобы другое какое-либо чувство развлекало ихъ жалость или ужасъ. Случается, правда, что забавная ошибка актёра или незнаніе роли взманитъ на смѣхъ Парижскую публику; но этотъ смѣхъ бываетъ hors d'oeuvre или лучше сказать à parte, и отнюдь не въ связи съ представленіемъ: нахохочутся и снова примутся слушать съ прежнею важностію, какъ ни въ чемъ не бывали (*). — Но у Французовъ есть свое время и мѣсто посмѣяться тому, надъ чѣмъ они плакали: *бульварные театры* и *пародіи.* Нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Такова на пр. пародія на трагедію Казимира Делавиня: Les Vêpres siciliennes. Въ сей пародіи (Cadet-Roussel Procida) мѣстами весьма счастливо переиначены звучные стихи К. Делавиня. Другихъ пародій все достоинство состоитъ въ игрѣ словъ, въ каламбурѣ заглавія подлинной пьесы. Такимъ образомъ, когда появилась долго-ожиданная опера: Олимпія (Olympie, mus. de Spontini), то на одномъ изъ бульварныхъ театровъ на другой же день представлена была ародія: Oh l'impie! ou enfin la voilà. — Не одни драматическія сочиненія накликаютъ на себя пародіи: романы и другія замѣчательныя произведенія Французской словесности подвергаются той же участи. Послѣ появленія романа: Ipsiboë, напечатана была пародія онаго: Ineptie bon-bec. Новое сочиненіе Виктора Гюго: *Послѣдній день осужденнаго на смерть*, удостоилось двухъ пародій: Le lendemain du dernier jour d'un condamné (*День послѣ казни осужденнаго на смерть*) и Le dernier jour d'un employé (*Послѣдній день чиновника передъ отставкой.*) Послѣдняя хороша тѣмъ, что недлинна.

* * *

Въ одномъ весьма занимательномъ сочиненіи знаменитаго Гёте сказано, что въ Римѣ художники, дѣлающіе мозаическія картины, употребляютъ 13,000 различныхъ красокъ, изъ коихъ каждая имѣетъ 50 оттѣнковъ, отъ самаго темнаго до самаго свѣтлаго, что составляетъ 750,000 разныхъ тѣней, весьма легко отличаемыхъ художниками. Казалось бы, что имѣя въ своемъ распоряженіи 750,000 красокъ, можно передавать во всей точности всякую живописную картину; но художники, при такомъ удивительномъ избыткѣ, жалуются еще на недостатокъ нѣкоторыхъ необходимыхъ тѣней.

* * *

Англійскій Альманахъ: The Keepsake, на 1830-й годъ, уже полученъ здѣсь, въ Петербургѣ. Издатель, г. Рейнольдсъ, какъ видно, не щадилъ издержекъ, чтобъ издать сію книжку въ самомъ лучшемъ видѣ. Въ ней помѣщены сочиненія: С. Валтера Скотта (The house of Aspen, трагедія въ 5-ти дѣй.), Л. Байрона (письма къ разнымъ его пріятелямъ), Колльриджа (Сонъ и еще одно стихотвореніе), авторовъ *Хаджи-Бабы*, *Гренби*, *Анастасія* и пр. Прозаическихъ статей въ этой книжкѣ 18, стихотвореній 24. Наружное достоинство сего Альманаха соотвѣтствуетъ внутреннему: онъ украшенъ 18-ю гравюрами, прекрасными по рисунку и выполненію. Три изъ нихъ рисованы художникомъ, коего имя (Стефановъ) показываетъ, гдѣ было его истинное отечество. Нельзя налюбоваться этими милыми картинками: чистота отдѣлки ихъ достойна всякой похвалы и *эффектъ* соблюденъ превосходно; а *эффектъ* (замѣтимъ мимоходомъ) есть необходимое условіе небольшихъ гравюръ, прилагаемыхъ къ Альманахамъ.

(*) **Сочинителю этой статьи случилось быть очевидцемъ и участникомъ такого смѣха. Въ одно представленія Вольтерова Эдипа, въ Парижѣ, актёръ Демуссо вышелъ въ роли Филоктета на сцену, и на вопросъ:**

Philoctète, es-tce vous?

замялся, стоялъ и молчалъ выпуча глаза. Партерръ захохоталъ, за нимъ весь театръ, и это продолжалось около четверти часа. Послѣ того, всѣ замолчали, и молчаливый Филоктетъ такъ же безмолвно сошелъ со сцены. Явились Тальма и Дюшенуа — и смѣхъ и Филоктетъ, все было забыто, какъ будто бы никакое постороннее ощущеніе не волновало предъ тѣмъ толпу зрителей. Замѣчу, что въ это же представленіе г-жа Дюшенуа, тогда уже почти *беззубая*, **сказала въ одномъ стихѣ: Il l'ont léché sauglant, вмѣсто laissé. Эта обмолвка мнѣ, какъ иностранцу, показалась смѣшною; но изъ Парижанъ никто не обратилъ на нее вниманія, и всѣ восхищались прекрасною (хотя слишкомъ изученною) декламаціею актрисы.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 5-го дня 1830 года. Ценсоръ *К. Сербиновичъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. **ТОМ. I. №. 3.** *ЯНВАРЯ* 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходит
чрез
каждые пять дне

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

РАЗГОВОРЪ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ (*).

Письмо отъ *Стародума.*

Москва, Февраля. 1788.

Сегодня былъ у меня одинъ изъ моихъ пріятелей, который сказывалъ мнѣ, что вчера званъ былъ обѣдать къ Княгинѣ Халдиной, но пріѣхалъ къ ней такъ рано, что она еще одѣвалась и его принять не могла; почему введенъ былъ въ комнату подлѣ уборной ея, такъ, что могъ слышать всѣ ея разговоры. Она много шумѣла съ своею дѣвушкою о нарядахъ; потомъ взглянула въ окошко, и увидѣвъ, что подъѣхали къ крыльцу санки: —»Это санки Сорванцова,« сказала Княгиня съ веселымъ видомъ; — »пусти его сюда,« говорила она дѣвушкѣ своей. Чрезъ минуту пріятель мой увидѣлъ вошедшаго къ Княгинѣ мужчину въ намѣстническомъ мундирѣ. Княгиня въ веселомъ духѣ приставъ — »а! Сорванцовъ, голубчикъ, здравствуй! сказала ему« — »садись возлѣ меня. Откуда?

Сорванцовъ. Изъ присутствія, Княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я тамъ такъ заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дѣло; всю эту пропасть мололи при мнѣ; а какъ закономъ не запрещено судьѣ спать, когда и гдѣ захочетъ, то я, сидя за судейскимъ столомъ, предпочелъ лучше во снѣ видѣть бредъ, нежели наяву слышать вздоръ.

Княгиня. Не понимаю, какъ ты могъ съ твоимъ любезнымъ характеромъ сдѣлаться судьею! Знаешь ли что: пока я за туалетомъ, разскажи мнѣ свою исторію. — Дѣвка! румяны!

Сорванцовъ. Она коротехонька. Я нарисую вамъ всю картину моей жизни, прежде нежели вы полщеки разрисовать успѣете. Мнѣ уже за тридцать лѣтъ. Первыя осмнадцать, сидя дома, служилъ я отечеству гвардіи унтеръ-офицеромъ. Покойникъ батюшка и покойница матушка выхаживали мнѣ ежегодно паспортъ для продолженія наукъ, которыхъ я, слава Богу, никогда не начиналъ. Какъ теперь помню, что просительное письмо въ Петербугъ о паспортѣ посылали они обыкновенно по ямской почтѣ, потому что при письмѣ слѣдовала посылочка съ кускомъ штофа, адресованная на имя не знаю какой-то тетки полковаго Секретаря. Какъ бы то ни было, я не зналъ, ни вѣдалъ, какъ вдругъ очутился въ отставкѣ Капитаномъ. Съ тѣхъ поръ жилъ я въ Москвѣ благополучно, потому что батюшка и матушка скончались, и я остался одинъ господиномъ трехъ тысячь душъ. Недѣли двѣ спустя послѣ ихъ кончины, жестокое несчастіе лишило меня вдругъ тысячи душъ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастіе?

Сорванцовъ. Несчастіе, которому, я думаю, въ свѣтѣ примѣра не бывало и не будетъ. Полтораста картъ убили у меня въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ девяносто семь загнуты были *Сетелева.*

Княгиня. Ахъ! это слышать страшно!

Сорванцовъ. Послѣ этого несчастія хватился я за разумъ: пересталъ ставить большіе куши, и маленькими въ полгода проставилъ я еще пятьсотъ душъ въ Каширѣ.

Княгиня. Какъ! Ты проигралъ и Каширскую, гдѣ лежатъ твои родители?

Сорванцовъ. Я имъ тутъ лежать не помѣшалъ! Сверхъ того, не изъ подлой корысти продалъ я деревню, гдѣ погребены мои родители. За то, что тѣла ихъ тутъ опочиваютъ, мнѣ ни полушки не прибавили.

Княгиня. Такъ и подлинно ты передъ ними чистъ въ своей совѣсти!

Сорванцовъ. И такъ, съ полутора-тысячью душами принялся я за экономію; вошелъ въ коммерцію: сталъ

(*) Изъ третьей части *Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина*, издаваемаго въ Москвѣ книгопродавцемъ Салаевымъ.

продавать людей на службу отечеству; сталъ заводить въ Подмосковной псовую охоту; сталъ покупать бѣгуновъ, чтобъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ нѣкоторую репутацію. Ямской цугъ былъ у меня по Москвѣ изъ первыхъ; какъ вдругъ пораженъ я былъ лютѣйшимъ ударомъ, какой только въ жизни могъ приключиться моему честолюбію.

Княгиня. Ахъ, Боже мой! Какое жь это новое несчастіе?

Сорванцовъ. Я не зналъ ни вѣдалъ, какъ вдругъ изъ моего цуга выпрягли четверню, и велѣли ѣздить на парѣ. Этотъ ударъ такъ меня сразилъ, что я тотчасъ ускакалъ въ деревню, и жилъ тамъ долго, какъ человѣкъ отчаянный. Наконецъ очнулся. — »Я дворянинъ, сказалъ я самъ себѣ, и не созданъ терпѣть униженія. Я рѣшился или умереть, или по прежнему ѣздить шестеркой.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! Вотъ какъ вамъ всѣмъ думать надобно!

Сорванцовъ. Я кинулся въ Петербургъ, гдѣ черезъ шесть недѣль преобразили меня въ Надворные Совѣтники. Я странной человѣкъ! Чтобъ найти, чего ищу, ничего не пожалѣю. Слѣдствіе этого образа мыслей было то, что меньше, нежели чрезъ годъ, изъ Надворныхъ Совѣтниковъ перебросили меня въ Коллежскіе. Теперь я наканунѣ быть Статскимъ, а на завтра этого челобитную въ отставку — да и въ Москву, въ которой первые визиты сдѣлавъ шестернею, докажу публикѣ, что я умѣлъ удовлетворить честолюбію.

Княгиня. О! если бы всѣ дворяне мыслили такъ благородно, и лошадямъ было бы гораздо легче! Ты сдѣлалъ полезное дѣло и себѣ и ближнимъ. Твой поступокъ, мой милой Сорванцовъ, содержитъ въ себѣ чистое правоученіе.

Сорванцовъ. Я столько счастливъ, что нашелъ себѣ подражателей. Я моимъ примѣромъ открылъ ту истину, что чинъ заслуженный ничѣмъ не лучше чина купленнаго.

Княгиня. Не прогнѣвайся, голубчикъ! Сія истина не весьма новая; ибо не ты первый купилъ себѣ право впрягать шесть лошадей. Я сама имѣла жениха Оберъ-Офицера, но не позволила ему о бракѣ нашемъ и думать, пока не будетъ онъ имѣть права возить меня четвернею. Покойный мой Князь принужденъ былъ согласиться на мое требованіе.

Сорванцовъ. Я удивляюсь, Княгиня, какъ могла ты ограничить свое честолюбіе только четвернею? Ты бъ могла предписать жениху снисканіе права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцовъ, голубчикъ! Твое честолюбіе выходило изъ мѣры. Ты хотѣлъ изъ Капитановъ быть вдругъ Бригадирскаго чина. Я недавно читала Римскую исторію, и нахожу, что твое честолюбіе есть Катилининское. Берегись, Сорванцовъ, чтобъ и тебя не постигъ какой нибудь бѣдственный конецъ.

Сорванцовъ. Я откроюсь тебѣ, Княгиня, что каждую почту изъ Петербурга съ трепетомъ писемъ ожидаю. Судьи, мои товарищи, рѣшили одно дѣло, или лучше сказать, смошенничали. Обиженный нашелъ въ Петербугѣ покровительство, и сказываютъ, что всѣмъ намъ бѣда будетъ.

Княгиня. Да ты неужели былъ за одно съ безсовѣстными судьями?

Сорванцовъ. Нѣтъ, Княгиня. Я согласился съ ними для того, что не понималъ дѣла и мнѣ пристойнѣе казалось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имѣешь разумъ, Сорванцовъ. Я не постигаю, какого бы дѣла ты понять не могъ.

Сорванцовъ. Оно писано было такимъ темнымъ слогомъ, что безъ проницанія чрезъестественнаго понять его никакъ невозможно.

Княгиня. A propos! (*Къ своей дѣвушкѣ*) Ты мнѣ аннонсировала Г. Здравомысла; гдѣ жь онъ?

Дѣвка (*указывая на другую комнату*) Вотъ здѣсь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда.

(*Здравомыслъ входитъ*).

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ. (*Къ дѣвкѣ*) Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?

Дѣвка. Да вѣдь стыдно, Ваше Сіятельство.

Княгиня. Глупа, радость. Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего нибудь стыдиться.

Здравомыслъ. Я, вошедъ сюда, помѣшалъ вашему разговору, который, сколько я примѣтилъ, былъ довольно серьёзенъ.

Княгиня. Если позволите, мы разговоръ нашъ продолжать станемъ, и просимъ васъ, не скрывать отъ насъ вашихъ мыслей. (*Сорванцову*) Продолжай!

Сорванцовъ. Повѣрьте мнѣ, Княгиня, что многія дѣла беззаконно рѣшатся сколько отъ безсовѣстности судей, столько и отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло.

Здравомыслъ. Не всегда судьи не понимаютъ дѣла отъ того, что оно предложено неясно; весьма часто не понимаютъ для того, что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ: но сколько у насъ людей, которые порядочно учились и имѣли бы навыкъ понимать читаемое? Я не требую судей ученыхъ; но мнѣ кажется, судья долженъ быть неотмѣнно просвѣщенъ и умѣть грамотѣ, то есть: знать по крайней мѣрѣ правописаніе, чему — самъ видалъ — немногіе у насъ умѣютъ; хотя и то правда, что занятая, не въ своемъ мѣстѣ поставленная, иногда перемѣняетъ существо самаго дѣла, слѣдовательно и заставляетъ судей рѣшить неправильно.

Сорванцовъ. Но развѣ всему этому пособить не можно? Развѣ нельзя завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе, и дарованіе понять дѣло?

Здравомыслъ. Мы видимъ, что у насъ объ этомъ и помышляютъ. Когда въ Россійскихъ городахъ заводятся Университеты, то стало намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ Университетахъ нашихъ преподавалась особенно *политическая наука* (*).

Сорванцовъ. Что вы чрезъ сію науку разумѣете?

Здравомыслъ. Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о Государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ по симъ знаніямъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ Университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ имѣть Россія во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространиться, дабы симъ не наскучить вамъ и тѣмъ, кои разговоръ нашъ читать будутъ.

Сорванцовъ. Я хотя и могу показаться вамъ головорѣзомъ, однако вѣрьте мнѣ, что я хотѣлъ бы сію минуту войти ученикомъ въ тотъ Университетъ, гдѣ могъ бы сдѣлаться годнымъ къ службѣ, и откуда вышедъ, зналъ бы я, что получу мѣсто не то, гдѣ есть только ваканція, но то, для котораго я учился, и къ которому способенъ.

Здравомыслъ. Если бъ я зналъ, что моя идея, о заведеніи въ Университетахъ класса политической науки, найдена была полезною и угодною, я охотно бы составилъ мое мнѣніе, какъ къ сему приступить удобнѣе. Находясь въ чужихъ краяхъ, я видѣлъ самъ таковой классъ; имѣю книжки, по коимъ политическая наука преподается, и говорилъ съ тѣми людьми, кои преподаютъ сію науку; но признаюсь вамъ, что безъ особеннаго побужденія боюсь, вмѣсто удовольствія, нажить какихъ нибудь непріятностей отъ тѣхъ людей, кои, сами пресмыкаясь въ невѣжествѣ, думаютъ, что для дѣлъ ничему учиться не надобно.

Сорванцовъ. Я слыхалъ пословицу: не учась въ попы не ставятъ.

Здравомыслъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали слѣдовать сей пословицѣ, попы наши очевидно стали лучше и просвѣщеннѣе, и сія часть гражданъ отправляетъ свою должность гораздо порядочнѣе. Я совершенно увѣренъ, что если бъ взято было за правило: не учась въ судьи не опредѣлять, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже.

Сорванцовъ. Я по себѣ чувствую, что безъ просвѣщенія человѣкъ есть сожалѣнія достойная тварь.

Здравомыслъ. Но развѣ нельзя унять грабителей, и завести добрыхъ адвокатовъ?

Сорванцовъ. Это не невозможно, но трудно, и требуетъ большаго времени.

Здравомыслъ. По крайней мѣрѣ, неужели нѣтъ средства пресѣчь взятки?

Сорванцовъ. Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взятколюбивою душею, многіе изъ нихъ съ чистыми правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ и имѣетъ родню и знакомство, то есть: живетъ въ обществѣ; имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 руб. Скажите мнѣ ради Бога, какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ *Г-нъ Безкорыстъ*. Онъ взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду. Я скажу о себѣ: я имѣю достатокъ, и если смошенничаю, то заслужу безъ всякой пощады висѣлицу; равно какъ и всѣ тѣ ее, всеконечно, заслужили, кои награбя богатства, не отстаютъ отъ своего промысла, и продаютъ публично правосудіе.

Княгиня. Но ты, любезной Сорванцовъ, имѣешь природный умъ; ты ужасть какъ въ обществѣ ловокъ!

Сорванцовъ. Къ несчастію, мнѣ не дано было воспитанія. Родители мои имѣли о семъ словѣ неправильное понятіе. Они внутренно были увѣрены, что давали мнѣ хорошее воспитаніе, когда кормили меня бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго! словомъ, чрезъ *воспитаніе* разумѣли они одно *питаніе*. Учить меня ничему не помышляли, и природный мой умъ не получалъ никакого просвѣщенія. По-Французски выучился я случайно. *Г-жа Лицѣмѣра*, моя внучатная тетушка, вздумала дѣтей учить по-Французски. Тогда въ Москву пріѣхалъ изъ Петербурга Французъ, жившій до того въ Америкѣ. Сей Французъ назывался, какъ теперь помню, *Шевалье Какаду*. Тетушка моя получила къ нему симпатію, и приняла его въ свой домъ въ наставники своимъ дѣтямъ. Она взяла отъ родителей моихъ и меня учиться вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Я думаю,

---

(*) Подъ названіемъ *Политической науки*, кажется, авторъ разумѣлъ *Политическую экономію*, которая въ его время едва ли кѣмъ предложена была систематически. *Примѣч. Изд.*

что не лишнее сдѣлаю, если опишу вамъ характеръ моей тетушки и ея фаворита, а нашего наставника.

Тетушка моя выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать и вѣрную супругу; за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотримъ, такова ли она была въ самомъ дѣлѣ:

Въ учрежденіи комнатъ, первое вниманіе обращаетъ она всегда на то, чтобъ дѣтская была гораздо далѣе отъ ея спальни: ибо крикъ малолѣтныхъ дѣтей ей нестерпимъ, хотя она нимало не скучаетъ лаемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя. Вотъ доказательство ея чадолюбія!

На столъ тратитъ очень много, а ѣсть нечего. Дѣти ходятъ оборванные и почти босые. Добрая хозяйка!

Въ церкви никогда никто ее не видитъ; но ни одного клуба, ни спектакля не пропускаетъ. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, Французъ пустоголовый, изъ побродягъ самая негодница, училъ насъ по-Французски, то есть: далъ намъ выучить наизусть нѣсколько вокабуловъ, и началъ съ нами болтать по-Французски. Грамматикѣ насъ не училъ, считая, что она педантство.

Княгиня. Съ этой стороны онъ не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматикѣ не училась, а изъясняюсь по-Французски изряднехонько. Скажи мнѣ: какія правила и чувства вселялъ въ васъ Шевалье?

Сорванцовъ. Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему Рускому и любовь къ Французскому. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учителей. Шевалье нашъ былъ надмененъ, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ, онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особливо въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера. Сіи тѣлесныя экзерциціи, которымъ и насъ онъ обучалъ, состояли въ томъ, что заставлялъ онъ насъ разпускать золото.

Княгиня. А въ чтеніи упражнялись ли вы когда?

Сорванцовъ. Никогда; да я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ: ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ. Позволь, Княгиня, докончить характеръ бывшаго моего учителя. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ самой нищенской бѣдности. Тетка моя накупила ему бѣлья и взяла въ свой домъ, обезпеча его во всемъ нужномъ. Въ благодарность за то, когда у насъ бывали гости, не пропускалъ онъ случая дерзкимъ своимъ поведеніемъ показывать всѣмъ, въ какой связи находится онъ съ хозяйкою. Вотъ, Княгиня, какъ провелъ я первую мою молодость. Вошедъ къ свѣтъ, имѣлъ я несчастіе попасть на весьма худое общество, гдѣ меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я въ Москвѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который имѣлъ просвѣщеніе и хорошее поведеніе. Онъ пріучилъ меня къ чтенію книгъ, и открылъ мнѣ, въ какомъ невѣжествѣ я пресмыкаюсь. Разсудокъ, который природа мнѣ даровала, родилъ во мнѣ охоту выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся. Я не скажу, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный: недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются; по крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство, и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую.

Княгиня. И мое воспитаніе было одно питаніе. Лучшую мою молодость провела я въ Москвѣ, и такая была пречудная, что многія матери запрещали дочерямъ своимъ имѣть со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чѣмъ поведеніе мое было нескромнѣе, тѣмъ была я славнѣе. Я не имѣла никого, кто бы меня остеречь могъ, и чьи совѣты умѣрили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я и до сего дня.

Здравомыслъ. То есть, съ Вашимъ Сіятельствомъ сбудется пословица: каковъ человѣкъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку.«—

Вотъ вамъ весь разговоръ, такъ какъ я имѣю его отъ пріятеля моего Здравомысла. Вы можете помѣстить его въ ваше періодическое твореніе. Характеры Княгини и Сорванцова, кажется, списаны съ натуры, и идея Здравомысла, о заведеніи класса политической науки, достойна того, чтобъ не оставить ее безъ вниманія. Я есмь и проч.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Колокольчикъ однозвучный,
Крикъ протяжный ямщика,
Зимней степи сумракъ скучный,
Саванъ неба, облака!
И простертый саванъ снѣжный
На холодный трупъ земли!
Вы въ какой-то міръ безбрежный
Умъ и сердце занесли.

И въ безчувственности праздной,
Между бдѣнія и сна

ь глубь тоски однообразной
ысль моя погружена.
нѣ не скучно , мнѣ не грустно ;
удто роздыхъ бытія !
о не выразить изустно ,
ѣмъ такъ смутно полонъ я.

Кн. Вяземскій.

ОТВѢТЪ.

Я васъ узналъ , о мой Оракулъ !
Не по узорной пестротѣ
Сихъ неподписанныхъ каракуль ;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ . . . столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, въ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ :
Пора! въ Москву ! въ Москву сей часъ !
Здѣсь городъ чопорный , унылой ,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни Музъ , ни Пр—, ни Харитъ !

Крс.

ВВЕДЕНІЕ

къ жизнеописанію Фонъ-Визина.

(Окончаніе.)

Замѣчательно, что сношенія, завязавшіяся между Россіею и представителями Европейскаго просвѣщенія, не были зачаты и продолжаемы съ обѣихъ сторонъ равными договаривающимися лицами: съ одной видимъ литтераторовъ, съ другой Дворъ и вельможъ. Представители нашей Литтературы не были участниками въ дѣлѣ, которое, казалось, должно было быть ближе къ нимъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые были на виду. Литтература и литтераторы наши оставались въ сторонѣ. Даже и въ то время, когда одинъ изъ полномочныхъ Французской Философіи, Дидеротъ, пріѣзжалъ въ Россію, то и тутъ не послѣдовало никакого сближенія между имъ и нашими авторами. По крайней мѣрѣ не отыскиваемъ ни одного слѣда тому ни въ сочиненіяхъ Дидерота, ни въ сочиненіяхъ соотечественныхъ. Кажется, то же можно замѣтить и относительно къ пребываніямъ Альфіери, Бернардень-де Сенъ-Пьера и другихъ извѣстныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ прежніе года. Все это подтверждаетъ доказательство, что между Литтературою нашею и нашимъ обществомъ не было ничего взаимнаго; что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія; что какъ наше Руское или Азовское море чуждо сего движенія, общаго другимъ морямъ, такъ и Литтература Руская, неподверженная повсемѣстному закону, пребываетъ до времени въ тишинѣ бездѣйствія, стихіею отдѣльною и неподвижною; что если могли мы замѣтить, какъ указали выше, нѣкоторое дѣйствіе, сотрясеніе, нѣкоторое преходчивое впечатлѣніе, произведенное обществомъ, или почти исключительно Дворомъ, въ явленіяхъ Литтературы нашей, или вѣрнѣе сказать, Поэзіи, то въ самомъ обществѣ не найдемъ мы признаковъ, что Литтература отечественная входитъ въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего нравственнаго достоянія. Изыскать и означить причины явленія сего, вовлечетъ въ изслѣдованіе слишкомъ глубокое и многостороннее. Довольно указать на иныя, которыя болѣе другихъ на виду и едва ли не богатѣе въ послѣдствіяхъ. Недостатокъ въ основательномъ ученіи, недостатокъ въ званіи, которое по мѣсту своему въ чиноположеніи гражданскомъ, могло бы исключительно посвятить себя трудамъ ума и видѣло въ нихъ единую цѣль, доступную честолюбію, свойственному всѣмъ званіямъ; обязанность дворянства, болѣе, или менѣе, но вообще грамотнаго, служить, и алчная нетерпѣливость быть офицерскаго чина въ лѣта, когда еще не стыдно быть слушателемъ Университетскихъ лекцій, вотъ, безъ сомнѣнія, однѣ изъ главныхъ причинъ застоя нашего въ движеніяхъ мысли и творческой дѣятельности. Отъ сихъ причинъ, не смотря на исполинское движеніе, данное Россіи Петромъ, поощренное Екатериною и осѣненное покровительствомъ Преемниковъ ихъ, нѣтъ у насъ еще донынѣ Литтературы истинной, полной, коренной; Литтературы, которая была бы живою отраслью Государственнаго благоденствія и непосредственнымъ существованіемъ людей, служащихъ отечеству трудами ума своего, какъ воинъ служитъ ему на полѣ брани, судія въ храминѣ закона, торговецъ на стезѣ промышлености.

Сіи соображенія, сіи примѣненія наблюденій общихъ къ положенію частному, въ которомъ находимся, родились въ умѣ моемъ при мысли обозрѣть жизнь и труды Фонъ Визина. Готовясь къ сему начертанію, мнѣ хотѣлось вникнуть въ свой предметъ, обойти его со всѣхъ сторонъ и коснуться до предѣловъ, ему соприкосновенныхъ. Я не боюсь протяженія и плодовитости, можетъ быть отъ того, что не умѣю быть краткимъ. Любя видѣть въ Литературѣ не одну науку словъ, но и науку жизни; не науку, дѣйствующую въ обведенномъ очеркѣ и одиноко служащею себѣ средствомъ и цѣлью, но науку всеобъемлющую и вездѣсущую; помня, что если по выраженію Бюффона *въ слогѣ весь человѣкъ* (le style c'est l'homme), то въ Литературѣ весь народъ, я долженъ былъ рѣшительно приступить къ изслѣдованію предлежащаго запроса, не стѣсняясь схоластическими формами и этикетомъ академическаго благочинія.

Вотъ, такъ сказать, оглавленіе соображеній, которыя должны были служить мнѣ руководствами въ моихъ изысканіяхъ и въ согласованіи оныхъ.

Фонъ-Визинъ, одинъ изъ малаго числа писателей нашихъ, которые выразили себя въ сочиненіяхъ своихъ: сочиненій его немного, это правда, но онъ умѣлъ быть оригиналенъ посреди подражателей. Главныя творенія его имѣли много успѣха въ свое время; они носятъ штемпель ума и эпохи его, не утратили и нынѣ ходячей цѣны и сохранились въ народномъ обращеніи.

Фонъ-Визинъ жилъ въ царствованіе Екатерины. Екатерина любила умъ не только за границею, но и у себя дома; покровительствуя ему въ чужихъ земляхъ, благодѣтельствовала Она ему и въ отечествѣ. Примѣры покровительства, оказываемаго Царями дарованіямъ и отличіямъ природнымъ, нерѣдки: во власти есть обыкновенно тайное начало великодушія, возвышенное сочувствіе, которыя понимаютъ возвышенность и готовы сблизиться съ нею; но Дворъ Екатерины представляетъ намъ исключеніе, ему свойственное. Вельможи, любимцы власти, раздѣляли съ Екатериною благоволеніе Ея къ людямъ, кои соперничествовали имъ на поприщѣ вовсе отдѣльномъ, противопоставляя Аристократіи породы и чиновъ отступную, непокорную Аристократію ума и дарованій. За границею ѣздили они на поклонъ къ Фернейскому отшельнику, отшельнику новаго рода, который имѣлъ свой дворъ и своихъ ласкателей; задирали учтивостями и ласками всѣхъ чужестранныхъ баловней литературной молвы, и въ своемъ отечествѣ не чуждались собщества, а напротивъ искали пріязни людей, заслужившихъ извѣстность умомъ и нѣсколькими остроумными страницами, или счастливыми стихами.

Фонъ-Визинъ былъ современникомъ эпохи благопріятной, былъ дѣйствующимъ лицемъ на сценѣ Петербургской, въ сей сферѣ дѣятельности Руской, въ семъ средоточіи Руской гражданственности; онъ былъ преимущественно писатель драматическій и сатирическій, слѣдовательно живописецъ и поучитель нравовъ.

Обозрѣвая сіи объемы, я говорилъ себѣ, что изъ біографическаго портрета Фонъ-Визина можетъ вытти историческая картина общества. Но послѣ многихъ изслѣдованій и примѣненій, не нашелъ и связи и полноты въ предметѣ своемъ, разтворенномъ на всѣ стороны. Въ обществѣ не дознался я отголоска Фонъ-Визина и въ самомъ Фонъ-Визинѣ отыскалъ я мало отпечатковъ общества. Напримѣръ: комедіи его не картина нравовъ, господствовавшихъ въ обществѣ: нѣкоторые изъ списанныхъ имъ, соглашаюсь, и вѣрны и подсмотрѣны съ природы; но истины сіи суть почти отвлеченныя, отдаленныя, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, для коихъ онѣ писаны были, предъ коими были представлены. Комедіи Фонъ-Визина были читаны и играны въ столицахъ: театровъ по губернскимъ городамъ, домашнихъ театровъ тогда, если и было, то весьма не много, слѣдовательно настоящіе Простаковы въ глуши Губерній и деревень вѣроятно и не знали, что Дворъ смѣется, глядя на ихъ изображенія. Вѣроятно были Недоросли и Бригадиры и въ числѣ зрителей комическихъ картинъ Фонъ-Визина, но комикъ кололъ не ихъ глаза. Смѣхъ ихъ былъ отъ того добродушнѣе, но менѣе было и пользы. Слѣдовательно и здѣсь авторъ и публика его не были въ непосредственномъ соприкосновеніи. Но довольно: къ комедіямъ Фонъ-Визина возвратимся въ свое время.

Послѣ продолжительнаго введенія, пора приступить къ самому предмету, подлежащему разсмотрѣнію нашему: жизни и литературнымъ трудамъ Фонъ-Визина. И здѣсь придется намъ сѣтовать о скудости способовъ: примѣнять жизнь дѣйствительную, къ явленіямъ жизни умственной. Біографическіе матеріалы у насъ такъ недостаточны, что при неимѣніи принадлежностей и красокъ для написанія исторической картины, едва можемъ ли написать и портретъ во весь ростъ. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощенная суетами и сплетнями нынѣшняго дня, она не имѣетъ мѣста въ себѣ для преданій вчерашняго.

К. Вяземскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Краткая всеобщая Географія Константина Арсеньева. Пятое изданіе, исправленное и дополненное. С. П. б., въ типогр. Х. Гинца, 1829. (310 стран. въ 8-ю д. (*)

(*) Продается въ книж. лавкахъ И. Заикина, No 18 и 28. Цѣна сей книги 8. р., а съ Атласомъ (о коемъ упомянуто будетъ ниже) 23 р.

Г. Арсеньевъ, долгое время занимавшійся преподаваніемъ Географіи и Статистики, и давно уже извѣстный Россійской Публикѣ сочиненіями своими по симъ предметамъ, напечаталъ въ концѣ минувшаго года новое изданіе *Краткой Географіи*, сочиненной имъ. Сіе, *пятое* уже изданіе, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что ученые труды Г. Арсеньева оцѣнены по достоинству. Въ нынѣшнемъ изданіи, Г. Арсеньевъ многое исправилъ и дополнилъ. Политическое раздѣленіе земли и Государствъ, ее составляющихъ, изображены въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Такимъ образомъ, напр., предѣлы Россіи показаны въ томъ положеніи, въ какомъ они находились въ концѣ минувшаго 1829 года, т. е. по заключеніи Адріанопольскаго трактата. Всѣ пріобрѣтенія Россіи по сему трактату, равно какъ и по Туркменчайскому мирному договору съ Персіею, заключенному въ 1828 году, означены вѣрно. Въ концѣ сей Географіи приложенъ *Азбучный списокъ* областей, городовъ, морей, острововъ, горъ и пр., упоминаемыхъ въ сей книгѣ, съ показаніемъ страницъ, на коихъ должно въ ней отыскивать сіи предметы. Искренне желаемъ сему *пятому* изданію такого жь успѣха, какой имѣли *четыре* прежнія.

Всеобщій Атласъ или собраніе картъ всего земнаго шара, изданный для пользы юношества, по руководству Г-на Арсеньева и другихъ.— С. П. б. 1829. Съ одобренія Военно-топографическаго Депо. (32 карты, изъ коихъ 2 въ листъ, а остальныя въ боль. 4-ю д. л. (*).

Сей Атласъ составленъ по новѣйшимъ и лучшимъ иностраннымъ географическимъ картамъ, и свѣренъ съ всеобщею Географіею Г. Арсеньева. За точность и географическую правильность онаго можетъ ручаться то, что онъ пересмотрѣнъ и провѣренъ былъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Штабсъ-Капитаномъ Ѳ. И. Позняковымъ, коего труды извѣстны нашей Публикѣ по изданной имъ прекрасной *Картѣ Европейской Турціи*, или *Ѳеатра послѣдней войны Россіянъ съ Турками*. Тритцать двѣ карты, составляющія *Всеобщій Атласъ*, выгравированы весьма чисто Г. Савинковымъ, и разкрашены тщательно, съ точнымъ означеніемъ границъ каждаго Государства.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Рукопись на папирусѣ Гомеровой Иліады, *найденная въ Египтѣ*. Нынѣ, когда Руская словесность обогатилась поэтическимъ преложеніемъ сей поэмы, пережившей около тридцати столѣтій и утвердившей за собою права на безсмертіе, читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія любопытно будетъ узнать объ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ оной, находящихся въ Европѣ. Списокъ сей отысканъ года за четыре предъ симъ въ Египтѣ, и принадлежитъ теперь Англійскому Библіофилу г. Бенксу (Bankes). Вотъ что нашли мы въ одномъ Англійскомъ Журналѣ о сей замѣчательной рукописи.

«Мы разсматривали эту рукопись и признали, сличивъ оную съ печатными изданіями Гомера, что сіи послѣднія сходны во всемъ съ древнѣйшими списками поэмъ его. Рукопись, о которой здѣсь говорится, написана на папирусѣ обыкновеннаго желтоватаго цвѣта, заглавными буквами хорошаго почерка, подобными по начертанію своему тѣмъ, каковыя употреблялись въ Египтѣ, въ концѣ династіи Птолемеевъ. И здѣсь замѣчается то же, что и въ другихъ, самыхъ древнихъ рукописяхъ: слова не отдѣлены другъ отъ друга никакою разстановкой; но стихи писаны въ столбцахъ и строками, довольно отставленными одна отъ другой. Каждый столбецъ заключаетъ въ себѣ отъ 42 до 44 стиховъ, занимающихъ всю ширину свитка, кромѣ малаго пробѣла какъ сверху, такъ и снизу. Сія рукопись (безъ сомнѣнія послѣдній изъ 24-хъ свитковъ или отдѣльныхъ частей,) повидимому заключала въ себѣ только 24-ю пѣснь *Иліады*. Наружные перевивы папируса истреблены треніемъ и временемъ, и отъ того въ пѣсни сей недостаетъ первыхъ 126 стиховъ. Слѣды пальцевъ, которыми развивали сей свитокъ, замѣтны на всѣхъ другихъ перевивахъ или страницахъ, отъ чего на нихъ стерлось нѣсколько словъ. Остальное полно до самаго конца пѣсни. Сей папирусъ заставляетъ надѣяться, что въ Египтѣ можно будетъ отыскать и другія рукописи, содержащія въ себѣ произведенія Греческой словесности, болѣе уцѣлѣвшія и четкія, нежели отрытыя въ Геркуланумѣ. Легко можетъ статься, напр., что тамъ отыщутся со временемъ Лѣтописи, оставленныя Манеѳономъ, кои могли бы пролить весьма ясный свѣтъ на первобытную Исторію міра вообще, и на Исторію Египта въ особенности.«

Изобрѣтеніе стекла. Искуство дѣлать стекло не относится къ самой глубокой древности, хотя оно, повидимому, извѣстно было Финикіянамъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Сказаніе Плиніево объ изобрѣтеніи стекла весьма вѣроятно. Пловцы одного купеческаго корабля, вошедшаго въ какую-то рѣку въ Сиріи, со-

---

(*) Продается у книгопрод. И. Заикина по 15 р.

ли на землю, развели огонь на пескѣ и начали готовить себѣ пищу. Посуда, въ которой варилась сія пища, стояла прежде на грудѣ селитры, составлявшей часть корабельнаго груза: дѣйствіе огня постепенно разтопило селитру, а смѣшеніе оной съ пескомъ породило какое-то прозрачное и жидкое вещество, которое именно и было стекло.

Скважность человѣческаго тѣла. Кожа человѣка представляетъ собою любопытное зрѣлище, когда разсматриваешь ее въ мискроскопъ. Отрѣзавъ небольшую частицу оной перочиннымъ ножемъ или бритвой, мы видимъ множество малыхъ скважинъ, незамѣтныхъ для простаго глаза, и составляющихъ орудіе, сквозь которое испаряемая матерія безпрестанно отдѣляется. Сіи скважины или *пòры* еще яснѣе видятся на второй кожѣ: ихъ считаютъ по тысячѣ на длинѣ одного дюйма, и слѣдовательно по милліону на дюймѣ квадратномъ. Слѣдуя сему изчисленію, можно опредѣлить количество *пòровъ*, кои должны находиться на поверхности каждаго тѣла, по слѣдующимъ посылкамъ: наружное пространство человѣческаго тѣла средней величины, полагается въ 14 квадратныхъ футовъ, а каждый квадратный футъ заключаетъ въ себѣ 144 дюйма; посему итогъ всѣхъ пòровъ человѣческаго тѣла равняется 1,000,000x144x14 = 2,016,000,000, двумъ тысячамъ шестнацати милліонамъ.

СМѢСЬ.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ даютъ замѣтить, что *Литературная Газета* у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: *у насъ нѣтъ Литтературы.* — Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жь произведенія нашей Литтературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ Журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч. — »Очисти мнѣ мѣсто для новой статьи моей,« пишетъ сотрудникъ. »Съ удовольствіемъ,« отвѣчаетъ Издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ Журналѣ было упомянуто о *порохѣ.* »Вотъ уже вамъ будетъ порохъ!« сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ Издатель возражаетъ на сіе:

»Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье.«

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію; и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литтературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими *Иванъ Выжигинъ*), о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ ожидаютъ еще Египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ *Литтературная Газета* была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, немогшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ Журналовъ.

Пушкинъ

Опечатки во 2-мъ No *Литтературной Газеты:*

въ примѣчаніи на стр. 16, въ 1-мъ столбцѣ:

	напечатано:	*читай:*
строка 3	представленія.	представленіе.
— 5	es-tce vous	est-ce vous?
— 12	зришелей.	зрителей.
— 15	sauglant	sanglant.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 10-го дня 1830 года. Ценсоръ *К. Сербиновичъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМ. I. №. 4. ЯНВАРЯ 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МЕЛЕКЪ ЭЛЬ-МОДЫ́ (*).

Повѣсть.

(*Соч. Абеля Гюго.*)

—»Спѣши сюда, плодовитая Сандлажѐ, на дворѣ ждетъ тебя гонецъ; онъ прибылъ отъ Гассана, старшаго твоего сына, который одинъ уцѣлѣлъ послѣ кровавой битвы при Пирамидахъ.«

Старая Египтянка встала поспѣшно, сколько ей позволяли ея преклонныя лѣта, оперлась на плечо юной своей невольницы и спросила: »Кто таковъ этотъ гонецъ.?«

—»Госпожа, на немъ одежда Бедуина, ноги у него босыя, всѣ въ пыли; въ рукахъ посохъ странника.

—»Пусть войдетъ,« молвила Сандлажѐ, взявъ свою фату, чтобъ покрыть лице свое; и тогда какъ невольница отворяла двери и подавала Бедуину знакъ войти, она сѣла на диванъ, покрытый дорогими коврами.

Гонецъ вошелъ, не становясь съ почтеніемъ на колѣни; онъ былъ закутанъ въ широкую Арабскую епанчу, съ синими и бѣлыми полосами. Онъ остановился передъ диваномъ, и, неговоря ни слова, устремилъ проницательный взоръ свой на глаза, свѣтившіеся сквозь зеленую фату вдовы Эмира Гаджи.

Но она, откинувъ назадъ фату, вскочила и бросилась обнимать его.

—»Гассанъ, милый сынъ!« вскричала она въ радостномъ восторгѣ.

—»Мать! ты узнала меня?

—»Какая чуждая одежда помѣшала бы глазамъ моимъ узнать тебя, мой сынъ, тебя, котораго я носила у своего сердца, кормила своимъ молокомъ?«

Гассанъ улыбнулся, почтительно поцѣловалъ руку своей матери и сказалъ ей:

—»Да хранитъ тебя Могаммедъ, мать моя! десница пророка да замѣнитъ тебѣ мою руку, которая не будетъ болѣе служить тебѣ опорой.«

Добрая мать не слышала ничего. Въ нѣжной заботливости, она послала невольницу принести свѣжей воды, шербету, благовоннаго табаку и длинную трубку своего сына.

Когда все было принесено и поставлено на низкій столъ, тогда мать посадила сына своего на то мѣсто, гдѣ сама прежде сидѣла на диванѣ. »Пей, Гассанъ,« говорила она: »ты усталъ; отдохни. Богъ и пророкъ Его хранили твой домъ въ тѣ дни, когда тебя здѣсь не было. Стада наши не достались въ добычу Франкамъ; невольники наши угнали ихъ и спрятали по ту сторону степи, въ лѣсу Сивахскомъ. Въ гаремѣ твоемъ, болѣзни не терзали женъ твоихъ; всѣ онѣ нетерпѣливо хотятъ тебя видѣть.«

Отдавая сыну своему отчетъ въ употребленіи власти, которую онъ предоставлялъ ей въ домѣ своемъ, Сандлажѐ набила перломутровую трубку его благовоннымъ табакомъ, смѣшаннымъ съ сабуромъ и шалфеемъ, разкурила ее, подала сыну и начала продолжать разговоръ.

—»Разскажи мнѣ теперь, сынъ мой, для какихъ намѣреній одѣлся ты въ это грубое платье и какія страны объѣхалъ ты въ мѣсяцъ твоей отлучки?

—»Мать! это платье надѣто мною для того, чтобъ оно скрыло твоего сына отъ подозрительнаго любопытства Франковъ-завоевателей и Коптовъ Египетскихъ, ихъ малодушныхъ поборниковъ.

»Я былъ въ Акрѣ, видѣлъ тамъ Джезаръ-Пашу; въ Алепѣ, откуда голуби Факима понесли тебѣ мои письма; въ Меккѣ, гдѣ поклонился я гробу пророка.

(*) *Мелекъ* на Арабскомъ языкѣ значитъ *Ангелъ*. О существованіи необыкновеннаго человѣка, который подъ именемъ Эль-Моды́ приводилъ въ опасность Французовъ, находившихся въ Нижнемъ Египтѣ, можно справиться въ книгѣ: Victoires et Conquêtes des Français etc., т. 10, стр. 297 и слѣд., также въ Relation de l'expédition d'Egypte, соч. Бертье, стр 98 и слѣд.

»Я переплылъ море Аравійское; вышедъ на берегъ въ Коссеирѣ, я обошелъ верхній Египетъ, и тамъ въ Эль-Вахѣ, встрѣченный мною Мурадъ-бей обѣщалъ мнѣ помощь.

»Въ челнокѣ переплылъ я изъ Сіута въ Каиръ; друзья наши тамъ многочисленны и отважны; одинъ изъ нихъ доставилъ мнѣ средства пройти снова въ Рашидъ (*), не возбудя подозрѣній въ нашихъ врагахъ.

»Радость и торжество! мать моя, порадуйся. Египетъ освободится, законъ Могаммедовъ восторжествуетъ.

»Отецъ и братья мои будутъ отмщены, и побѣжденные наши завоеватели покинутъ берега Нила прежде, чѣмъ рѣка сія вступитъ въ свои берега.

»Одинъ изъ начальниковъ Французскаго войска, Десе, идетъ на Саидъ; тамъ онъ встрѣтитъ храбрыхъ Мамелюковъ съ ихъ Беемъ. Главный полководецъ, Бонапарте, въ Сиріи, гдѣ Джезаръ ставитъ непреодолимую препону его покушеніямъ. Великій Визирь Султана, Юсуфъ-Паша, снаряжаетъ въ Кандіи войско и корабли; Англичане соединяются съ Оттоманами и помогаютъ намъ своею морскою силой.

»Торжество наше несомнѣнно: завтра весь Бахирехъ возстанетъ. Сынъ твой Гассанъ, мститель за братьевъ и донынѣ еще невѣдомый міру, явится страшенъ посреди вѣрныхъ, какъ Ангелъ-истребитель, столько разъ обѣщанный, столько разъ возвѣщенный. Все начнется завтра: и гибель Франковъ, и освобожденіе Египта, и месть за братьевъ моихъ.

—»Какъ, сынъ мой! ты таилъ въ душѣ своей желаніе—исполнить это опасное дѣло? Такъ и ты хочешь погибнуть.?

—»Да, если это нужно, мать моя. Гдѣ идетъ дѣло о Богѣ, Могаммедѣ и братьяхъ моихъ, тамъ смерть — ничто для меня; но если она *ничто* для меня, это потому, что я все приготовилъ для твоей безопасности. Нынѣшнимъ вечеромъ *джерме*, управляемая искусными пловцами, остановится на Нилѣ, въ концѣ сада. Она перевезетъ тебя съ твоими невольницами на корабль, плавающій передъ пристанью, а сей корабль унесетъ тебя въ Кандію, гдѣ, по повелѣнію Юсуфъ-Паши, готовъ для тебя домъ. Прощай, мать моя! оставляю тебя. Не должно, чтобы человѣкъ, жертвующій собою для своей родины, умирая, уносилъ съ собою за гробъ безпокойство о судьбѣ своей матери. Если мнѣ суждено пасть, то пускай паду я одинъ. Прощай.«

Онъ обнялъ мать свою и ушелъ. Добрая, престарѣлая женщина осталась одна и плакала объ этомъ сынѣ, котораго вскормила она въ тяжкихъ заботахъ, о которомъ она неусыпно пеклась для того, чтобы такъ скоро его лишиться.

Оставя мать свою, Гассанъ зашелъ въ свой гаремъ. Онъ остановился на нѣсколько минутъ у дверей той комнаты, гдѣ находились милыя его невольницы: ибо юный Мусульманъ не имѣлъ еще ни одной изъ четырехъ законныхъ женъ, позволенныхъ Могаммедомъ всякому правовѣрному.

Между тѣмъ какъ евнухъ, стражъ гарема, ожидалъ его повелѣнія, чтобъ отперетъ таинственное сіе убѣжище, Гассанъ смотрѣлъ въ комнату сквозь частую рѣшетку двери.

Четыре его невольницы собрались около порфировой купальни, наполненной чистою, свѣжею водою. Курильницы съ драгоцѣнными благовоніями дымились по угламъ комнаты.

Бѣлыя невольницы сидѣли на подушкахъ, разложенныхъ вокругъ купальни. Альмина и Мезрумъ, Черкешанки, рожденныя въ странѣ красоты, заплетали свои длинные, черные волосы и перевивали ихъ нитками бѣлаго жемчугу Ормузскаго. Зиска, столь же прекрасная, бѣлокурая дочь полей Молдавіи, томно водила пальцами по струнамъ своей лютни и вполголоса пѣла Славянскую пѣсню. Черная Алфена, лежа въ шелковой сѣткѣ, привѣшенной на подобіе койки къ перекладинѣ потолка, тихо качалась надъ купальнею. Опустя одну ногу въ купальню, она плескала ею и струила поверхность воды, а другою упираясь по временамъ въ порфировый край купальни, придавала медленное, однообразное движеніе висячей своей колыбели.

Алфенѣ было четырнадцать лѣтъ. Родясь на берегахъ Нигера, еще въ дѣтствѣ была она привезена въ Египетъ продавцемъ невольницъ и продана матери Гассановой. Она была невелика ростомъ, но очень стройна. Соразмѣрность и правильность въ чертахъ прелестнаго ея лица, прямый носъ, большіе, выразительные глаза, зубы бѣлые, какъ слоновая кость, придававшіе еще болѣе тѣни черному цвѣту ея кожи, еще болѣе краски малиновымъ ея устамъ — все это заставляло Гассана любить ее столько же, какъ и другихъ, бѣлыхъ его невольницъ.

—»Повелитель,« сказалъ евнухъ, отворяя дверь: »въ такихъ забавахъ провели онѣ всѣ дни твоего отсутствія. Женщины,« прибавилъ онъ громко: »вотъ нашъ повелитель.«

Тотчасъ всѣ встали; Алфена выскочила изъ своей колыбели; онѣ упали къ ногамъ Гассана, который поднялъ ихъ, и перецѣловалъ одну за другою.

—»Жены,« сказалъ онъ:« вы удовольствіе жизни; но человѣкъ, идущій путемъ долга, не всегда беретъ себѣ спутникомъ удовольствіе; мнѣ должно васъ оставить. Я возвращаю вамъ свободу: все, что далъ я вамъ, будетъ вашимъ, вы можете увезти всѣ сіи дары въ вашу отчизну. Къ этому я прибавлю каждой

(*) Розетту.

изъ васъ по десяти тысячъ *мединовъ*, на путевые ваши расходы.«

При сихъ словахъ Альмина, Мезрумъ и Зиска благодарили его, поцѣловали край его одежды и вышли, чтобы готовиться къ отъѣзду и собрать свои драгоцѣнности и наряды.

Алфена осталась одна съ Гассаномъ, и, стоя передъ нимъ, смотрѣла на него съ видомъ умоляющимъ.

—» А я?« спросила она.

Онъ отвѣчалъ: »Ты свободна, и можешь возвратиться въ отчизну твою.

—» Свобода, отчизна!« прервала она:» о повелитель мой! эти слова ничто для Алфены. Отчизна моя! я знаю только сей домъ, въ которомъ я выросла, гдѣ заключены всѣ мои желанія и надежды. Удержи меня при себѣ.

—» Не могу, Алфена; я пускаюсь на долгое странничество, гдѣ ждутъ меня великіе труды и опасности, а можетъ быть и смерть.

—» Смерть! и ты хочешь, чтобъ я тебя покинула!

—» Женщина была бы мнѣ помѣхой въ моихъ намѣреніяхъ.

—» Позволь мнѣ итти за собою: я надѣну платье, носимое мужчинами. Если ты сдѣлаешься боленъ, а я не буду при тебѣ, кто же станетъ ходить за тобой? Кто поднесетъ къ томимымъ жаждой устамъ твоимъ благотворное питіе? Если тебѣ должно будетъ уснуть подъ тѣнью пальмовыхъ деревъ, кто станетъ усмирять жужжаніе насѣкомыхъ? кто станетъ отгонять отъ тебя докучливыхъ мухъ? Позволь мнѣ итти за собою!«

Гассанъ призадумался на минуту; потомъ сказалъ юной Негритянкѣ: »Ты желаешь того — и пойдешь со мною; но знай, что для тебя наступитъ жизнь бѣдствій и страданій.

—» Что до того! лишь бы мнѣ быть съ тобою;« отвѣчала она.

Въ томъ же вечеръ, три бѣлыя жены Гассановы его оставили. Мать обняла его и отправилась на *джермъ*.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, они вышли изъ Рашида Дамангурскими воротами. На Алфенѣ была богатая одежда, подобная одеждѣ ***Ичоглановъ*** Мурадъ-беевыхъ. Она ловко правила хорошо выѣзженнымъ и рьянымъ Арабскимъ конемъ.

Гассанъ былъ уже не прежній Гассанъ. Онъ скинулъ съ себя одежду Бедуина; но не надѣлъ обыкновеннаго своего платья. Черная борода его была гладко обрита; зеленая чалма съ бѣлымъ перомъ покрывала его голову; платье, кафтанъ и епанча были на немъ бѣлыя. Онъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ, который хотя и родился въ окрестностяхъ Медины, но ростомъ былъ выше тѣхъ коней Французскихъ, кои вскармливаются на равнинахъ Нормандіи. Ружье, дротикъ, сабля и два пистолета — таково было оружіе Гассана.

Когда они выѣзжали изъ Рашида, тогда Иманъ, стоя на минаретѣ мечети, возвѣщалъ народу новую побѣду, одержанную Французами надъ Джезаромъ, и взятіе Яффы.

Гассанъ, мимоѣздомъ, сказалъ стекшейся толпѣ: »Послѣдняя побѣда! первое пораженіе!« На него посмотрѣли съ удивленіемъ; но онъ продолжалъ свой путь по дорогѣ Дамангурской.

Онъ молчалъ во весь остатокъ дня; казалось, онъ занятъ былъ великимъ намѣреніемъ. Вечеромъ конь его остановился у воротъ одного дома, не подалеку отъ Дамангура. ***Феллахъ*** (поселянинъ), сидѣвшій подъ тѣнью финиковаго дерева, взялъ коня подъ уздцы и ввелъ его во дворъ. Гассанъ соскочилъ съ коня и подалъ знакъ Алфенѣ итти за нимъ; для нихъ приготовлена была комната и здѣсь они провели ночь. На другой день по утру они поѣхали далѣе.

Обычай призывалъ на рынокъ, собиравшійся въ одной близлежащей долинѣ, всѣхъ ***Феллаховъ*** Бахирехскихъ. Гассанъ отправился туда.

Тамъ, подлѣ мечети, которой высокіе минареты издалека видны по равнинѣ, были разставлены рядами шатры разной величины и разнаго цвѣта. Они составляли собою улицы, какъ на базарѣ большаго города. Широкая площадь была оставлена предъ лицевою стороною мечети; толпа народа медленно тамъ волновалась.

Арабъ великой степи, пришедшій съ палящихъ песковъ продавать своихъ коней славной и чистой породы, разговаривалъ тутъ съ купцемъ изъ Дарфура, завлеченнымъ въ Египетъ желаніемъ обмѣнять слоновый зубъ, золотой песокъ и черныхъ невольницъ на шелковыя ткани. Здѣсь, Бедуинъ Сивахскій набивался богатому ***Феллаху*** съ своими верблюдами, дромадерами и лошаками; далѣе, ***Феллахи*** Бахирехскіе сидѣли на землѣ подлѣ своихъ мѣшковъ съ сарацинскимъ пшеномъ и финиками, между грудами своихъ арбузовъ. Смѣшанный говоръ раздавался въ воздухѣ; порою только слышенъ былъ крикъ Негра, водившаго по рыночнымъ улицамъ осла, который таскалъ на себѣ два большіе мѣха съ свѣжею водою.

Гассанъ остановился у мечети: не подалеку отъ него, нѣсколько Арабовъ, окруженные множествомъ зрителей, забавлялись игрою въ *джеридъ*. Легкіе кони ихъ, на всемъ скаку, пересѣкали дорогу одинъ другому; дротики, мѣтко брошенные, сшибались на воздухѣ; когда жъ упадали на землю, то смѣлые наѣздники ихъ подхватывали, не пріостанавливая бѣга скакуновъ своихъ.

Игра кончена. Побѣдитель удержалъ за собою поле. То былъ юный родовичъ Бедуиновъ Сивахскихъ. Онъ гордо подошелъ къ старцамъ, кои, сидя подъ тѣнью входа въ мечеть, смотрѣли на сіи воинскія потѣхи. Уже хотѣлъ онъ взять награду, когда Гассанъ, вышедъ изъ толпы, приблизился къ нему. — »Прежде, чѣмъ начнешь пировать побѣду, хочешь ли еще сразиться?« сказалъ онъ юношѣ. Бедуинъ взглянулъ на него, не отвѣчалъ ни слова, вскочилъ на коня, схватилъ дротикъ изъ зыбкой трости *бана* и пустился на незнакомца, который вызывалъ его.

Но Гассанъ побѣдилъ того, кто былъ побѣдителемъ надъ другими. Онъ явилъ столько искуства и силы, что изумленные зрители воскликнули: »Это не человѣкъ: это какой-либо духъ, вмѣшавшійся въ наши игры. Конь его не управляется поводомъ, а дротикъ никогда не падаетъ на землю.«

Гассанъ улыбнулся, и принялъ награду изъ рукъ старцевъ: то была чалма изъ драгоцѣнной ткани Кашемирской, съ бѣлымъ перомъ колпицы. Онъ обернулся къ юношѣ, который со стыдомъ и досадою шелъ скрыться въ толпѣ народной. Гассанъ кликнулъ его, подалъ ему чалму и сказалъ громкимъ голосомъ:

— »Прими награду побѣдителя. Сильна длань, укрѣплявшая мою руку, и никогда рука смертнаго не побѣдитъ ее. Награда должна быть твоею; ибо сражаться можно только съ силами равными.«

Толпа слушала и тѣснилась вокругъ него, еще съ большимъ удивленіемъ и недоумѣніемъ. Въ сію минуту послышался рѣзкій голосъ Имана, возвѣщавшаго часъ молитвы; глаза всѣхъ обратились къ минарету. Служитель Аллы прибавилъ: »Правовѣрные! объявляемъ вамъ, что Генералъ Бонапарте взялъ городъ Яффу. Возхвалимъ Бога и Могаммеда, Его пророка!«

Тогда, вмѣсто *леліи*, криковъ: *Аллахъ! Иллахъ! Аллалъ!* кои Мусульмане возносятъ къ Богу въ знакъ своего благодаренія, послышался въ онѣмѣвшей отъ печали толпѣ одинъ только крикъ, дикій *текбиръ* (*), тотъ грозный кличъ войны, который нѣкогда предводилъ въ битвахъ воиновъ пророка, побѣдителя и законодателя. Никто не зналъ, чей голосъ произнесъ его, но многіе *Феллахи* говорили потомъ, что звукъ сего голоса былъ свыше человѣческаго. То достовѣрно, что сей кличъ, долгое время неупотреблявшійся, вдругъ былъ повторенъ всею толпою.

Тогда побѣдитель, уступившій побѣжденному награду за *джеридъ*, поднялся на стременахъ и вскричалъ:

»Правовѣрные! я Ангелъ Эль-Мод . Богъ посылаетъ меня къ вамъ для прогнанія Франковъ и освобожденія Египта.

»Тотъ, кто возимѣетъ теплую вѣру въ Бога, и смѣло пойдетъ за мною въ битву, увидитъ, что пули будутъ летать вокругъ и его не ранятъ. Но горе, седмерицею горе тому, кто усомнится во всемогуществѣ Аллы и въ обѣщаніяхъ Эль-Моды́!«

И Мусульмане, слушая сіи слова, поверглись на прахъ лицами.

—»Встаньте! »возкликнулъ Эль-Моды́: должно сражаться.

—»У насъ нѣтъ оружія,« сказалъ одинъ *Феллахъ*.

—»Кто сомнѣвается,» подхватилъ Мелекъ грознымъ голосомъ, »что Богъ не пошлетъ его намъ? Войдите въ мечеть: тамъ найдете вы оружіе, которое принесъ въ даръ Богу Халифъ Мохаземъ, когда возвратился въ Египетъ побѣдителемъ надъ невѣрными Неграми Феца. Возьмите его и ступайте за мною къ побѣдѣ.«

Феллахи вооружились, и, предводимые Мелекомъ Эль-Моды́, пошли на Дамангуръ, возпѣвая хвалы пророку и повторяя грозный *текбиръ*.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ* No.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ:

Смольяне въ 1611 году.

(*Соч. Кн. А. А. Шаховскаго.*)

Дѣйствіе IV. Явленіе 7.

Мезецкій. (*Смольянамъ*).

Святитель Филаретъ, честный отецъ Аврамій,
Келарій Троицкій, и весь Посольскій клиръ,
Моими грѣшными устами,
Благословеніе и миръ
Даютъ вамъ всѣмъ, и теплыя молитвы
Возносятъ къ Вышнему: да сохранитъ Господь,
Не столько въ часъ правдивой битвы
Отъ язвъ и смерти вашу плоть,
Какъ души ваши отъ сомнѣнья
Въ предвѣчной благости небеснаго Отца,
И ваши вѣрныя сердца
Отъ демонскаго искушенья.
Посольства нашего священная глава
Чрезъ Авраамія, которому съ послами
Свиданья не претятъ, велѣлъ мнѣ,—да предъ вами
Я повторю его отцовскія слова:
Смоленскъ! любимый градъ, за вѣрность Мономахамъ
Ты, цѣловавый крестъ отечеству всему:
Работай Господу со страхомъ
И радуйся со трепетомъ Ему.
Не зри на смерть, но бойся данной клятвы;
Неколебимо стой за Рускій весь народъ.
И въ день Господней жатвы
За гладъ земной вкусить небесный плодъ
Надѣйся несомнѣнно.
Ты долго мучился, твой трудъ великъ и многъ;
Когда же, въ крайній часъ, обрящетъ брани Богъ

(*) *Аллахъ! Акбаръ!* (Великъ Богъ!).

Твое пожданіе несовершенно,
Терпѣніе не до конца,
Твой будетъ трудъ безъ мзды, мученье безъ вѣнца.
И если омертвятъ твой духъ враговъ угрозы;
То въ казнь тебѣ, Святыхъ Московскихъ слезы,
Владычній гнѣвъ и радость злыхъ людей.
Кто знаетъ, сколько жить ему осталось дней?
Не къ смерти ль весь нашъ вѣкъ всечасная дорога?
Такъ буде нынче вы спасетеся стыдомъ,
То все умрете же потомъ
Безъ пользы для своихъ, не ради славы Бога!
Надежда на слова губителя, тщета:
Уже враги куютъ для вашихъ рукъ желѣза,
Кровопролитная готова вамъ трапеза
И чаша смертная до края налита.
Такъ, близокъ Божій часъ! и Христіанинъ каждый
Будь твердымъ духомъ бодръ и чистымъ сердцемъ радъ!
Престанешь скоро ты томиться жаждой
Живой воды, и твой душевный гладъ
Насытишь скоро ты неземнороднымъ хлѣбомъ.
Мужайтесь, братія, и радуйтесь: уже
Стоите вы на вѣчномъ рубежѣ
Межъ тлѣнною землей и безконечнымъ небомъ...
Оно отверзто вамъ!...
Пятой ноги отриньте землю
И на крылахъ души неситесь къ небесамъ.
Вотъ что изрекъ Аврамій Палицынъ. — (*)

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(Соч. П. А. Катенина.)

СТАТЬЯ I.

1. Объ изящныхъ искуствахъ.

Сколько написано теорій объ Изящномъ! Какъ всѣ онѣ произвольны, сбивчивы и темны! Какую пользу принесли или принести могутъ? Физика стала наукою дѣльною съ той только поры, когда откинули всѣ умствованія, системы и догадки, чтобы заняться единственно наблюденіемъ и испытаніемъ природы: не пора ли взяться за то же въ Эстетикѣ?

Что разумѣютъ подъ словомъ: Искуство изящное? Въ чемъ полагаютъ его различіе съ другимъ искуствомъ? Если въ выборѣ высокаго предмета и цѣли, то немногіе изъ такъ называемыхъ изящныхъ искуствъ имѣютъ право на сіе названіе. Разсмотрѣвъ поближе, увидимъ одинъ только предметъ: высокій это человѣкъ.

Два рода искуствъ изображаютъ человѣка: одинъ дѣйствуетъ на душу посредствомъ глазъ, другой посредствомъ уха. Статуя, барельефъ, картина, эстампъ, рисунокъ, суть только подраздѣленія одного и того же искуства; всѣ они равно поражаютъ зрѣніе, и всѣ равно не существуютъ для слѣпаго. Такъ же слова, въ прозѣ или стихахъ, съ напѣвомъ, или декламаціей, или простымъ говоромъ, колеблютъ душу чрезъ слухъ, и непонятны глухому.

Справедливо ли, наравнѣ съ сими искуствами, называть изящными Архитектуру и Музыку? что есть изящнаго въ какомъ нибудь строеніи? почему возхищаться болѣе фасадомъ дома, удобствомъ лѣстницы, разрѣзомъ двери либо окна, нежели отдѣлкою кареты, фасономъ креселъ, или щегольствомъ наряда? Что можетъ быть высокаго въ Музыкѣ отдѣльно отъ словъ? Рядъ стройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое: пріятно грѣться у огня, качаться на качеляхъ, кружиться въ пляскѣ, скакать на лошади, слушать соловья въ лѣсу или Фильда въ концертѣ; но благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка до всего этого дѣла нѣтъ.

Музыка и Поэзія, обѣ непосредственно дѣйствуютъ на слухъ; первая услаждаетъ его гораздо болѣе, вторая идетъ далѣе: звуки рѣчей для нея только знаки высокихъ мыслей и чувствъ. Богатая иллюминація, или блестящій фейерверкъ, пріятнѣе для глазъ полуразрушенной отъ времени Греческой статуи, закоптѣлой и потертой Италіянской картины; но какая разница въ дѣйствіи ихъ на душу и умъ!

Въ Поэзіи и Живописи (она здѣсь за-одно съ Ваяніемъ), можно вѣрно и точно опредѣлить степень достоинства; онѣ изображаютъ естество: стало чѣмъ ближе и сильнѣе, тѣмъ лучше. Въ Зодчествѣ и Музыкѣ дѣло другое; первое — искуство механическое, въ немъ много значатъ польза и удобство, мѣняющіяся по времени и мѣсту: Греки любили зданія четвероугольныя, а Римляне круглыя; въ Египетской архитектурѣ почитается достоинствомъ огромность и тяжесть, въ Готической легкость и смѣлость: что лучше, и почему? Музыка еще болѣе оставлена на произволъ; нѣжный слухъ Италіянцевъ предпочитаетъ всему мелодію, Нѣмецкое ухо требуетъ шумной и многосложной гармоніи: кто правъ? Оба по-своему. Французы же и по сіе время не ненавидятъ родъ крика: они также правы, если безъ того звуки слабо потрясаютъ ихъ слухъ. Мнѣ скажутъ: большинство голосовъ должно рѣшить; но кто же сбиралъ голоса? и въ какое время ихъ сбирать? Слава и хвала музыкальныхъ сочинителей скоро раждается и умираетъ; нравятся всегда новые, стало, пока не состарѣлись.

(*) Мысли и нѣкоторыя выраженія сей рѣчи почерпнуты изъ Сказаній самого Авраамія Палицына.

Искуства рисовальныя, и Поэзія, имѣютъ взаимныя преимущества и недостатки. Объемъ послѣдней несравненно обширнѣе: кистью и рѣзцомъ многаго нельзя выразить, между тѣмъ какъ слова все выражаютъ, но за то выраженіе ихъ слабо передъ сильнымъ впечатлѣніемъ Живописи, и еще болѣе Скульптуры. Тамъ расказъ, а здѣсь сама вещь; тамъ цѣлое образуется медленно изъ частей, здѣсь же оно внезапно во всей полнотѣ и силѣ появляется и поражаетъ.

Въ Живописи и Ваяніи гораздо менѣе споровъ, расколовъ и противорѣчій о достоинствѣ художественныхъ произведеній, чѣмъ въ Поэзіи: отъ чего? Не отъ того ли, что всѣ вообще полагаютъ себя достаточными знатоками и судьями послѣдней, ибо она по свойству своему тѣснѣе связана съ умомъ и разсудкомъ? Многіе охотно признаются въ недостаткѣ свѣдѣній рисовальныхъ, и отказываются отъ рѣзкихъ приговоровъ надъ картинами или статуями; но всякой хочетъ судить о томъ, что онъ можетъ прочесть. Въ Живописи и Скульптурѣ спорятъ только знающіе, и потому вскорѣ на чемъ нибудь согласятся; въ Поэзіи всѣхъ громче рѣшаютъ незнающіе; и нѣтъ преніямъ конца. Молодой человѣкъ, рисующій цвѣты въ Альбомахъ, боится сказать дурное слово объ Академическомъ слѣпкѣ Лаокоона или о Дрезденской Богородицѣ, которую знаетъ по эстампу Мюллера; но тотъ же молодой человѣкъ пишетъ стихи въ Альбомахъ, и смѣло судитъ Гомера и Данте, Эсхила и Шекспира, Софокла и Расина, хотя не знаетъ ни слова по-Гречески ни по-Италіянски, плохо по-Французски, и какъ Фигаро по-Англійски.

Сверхъ того, оригинальныя произведенія Ваянія и Живописи дороги и рѣдки; они хранятся въ великолѣпныхъ залахъ, гдѣ ихъ видятъ въ годъ разъ, и предубѣжденіе къ нимъ увеличено непомѣрною цѣною, за нихъ заплаченною; но книги дешевы, и всякой можетъ ихъ имѣть у себя. Современные художники такъ же не въ одинакомъ видѣ представляются публикѣ: живописцы и ваятели составляютъ особый классъ людей, не всякъ смѣетъ сказать; son pittore anch'io; но стихотворецъ мнѣ знакомый, мы вмѣстѣ служили, и тогда моя воля судить на-двое: коли мы сошлись, его слава падаетъ и на меня, онъ геній выше всѣхъ бывшихъ и будущихъ; коли нѣтъ, я ни за что не соглашусь признать въ немъ дарованія, и тѣмъ поставить его какъ бы выше себя.

Предоставляю судить объ Архитектурѣ каждому народу и лицу по своему удобству, о Музыкѣ по своему безотчетному наслажденію; полезное и пріятное не для всѣхъ одно и то же, но прекрасное неизмѣнно. Въ Живописи и Ваяніи общее мнѣніе остепенилось; оно должно равномѣрно утвердиться и въ Поэзіи, коль скоро самолюбіе, пристрастіе и невѣжество частныхъ лицъ, будутъ удержаны достоинствомъ, знаніемъ и правосудіемъ общества.

II. О поэзіи вообще.

Съ нѣкотораго времени въ обычай вошло дѣлить Поэзію на двое, на Классическую и Романтическую: раздѣленіе совершенно вздорное, ни на какомъ ясномъ различіи не основанное. Спорятъ, не понимая ни себя, ни другъ друга; со стороны примѣтно только, что на языкѣ нѣкоторыхъ, *классикъ* педантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ, *романтикъ* шалунъ безъ смысла и познаній.

Начальная, первобытная, самородная Поэзія, у каждаго народа имѣетъ необходимо особое свойство и краску. Люди въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вездѣ и всегда одинаковы, въ другихъ несходны между собою; Поэзія, изображая ихъ, будетъ непремѣнно въ общихъ свойствахъ одна повсюду, въ частныхъ и мѣстныхъ разнообразна.

Поэзія искуственная, въ народѣ просвѣщенномъ, и знающемъ не только себя, но и другихъ, можетъ вмѣщать въ себѣ всѣ различныя свойства разнонародныхъ поэзій, не смѣшивая ихъ уродливо. Чѣмъ ближе Поэтъ новый, нашъ, обработывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе; чѣмъ менѣе съумѣетъ онъ туда перенести себя и читателя, тѣмъ опытъ его будетъ хуже и неудачнѣе.

Предписывать Поэту выборъ предметовъ, несправедливо и вредно; кто можетъ по чужимъ внушеніямъ, дѣйствовать такъ свободно, горячо и успѣшно, какъ по собственнымъ? Было время во Франціи, когда не почитали достойными Трагедіи никого, кромѣ Грековъ и Римлянъ; Корнель не смѣлъ назвать *Сида* иначе, какъ траги-комедіею, а Расинъ принужденъ просить извиненія за Турокъ въ предисловіи *Баязета.* Теперь листъ перевернулся, Грековъ и Римлянъ гонятъ съ бѣлаго свѣта: и то и другое предразсудокъ, недостатокъ истиннаго вкуса и поэтическаго чувства. Для знатока, прекрасное, во всѣхъ видахъ и всегда прекрасно; судить о произведеніяхъ высокихъ искуствъ по прихотямъ моды, явный признакъ слабоумія.

Одно исключеніе изъ сего правила извинительно, и даже похвально: предпочтеніе Поэзіи своей, отечественной, народной; оно подкрѣпляется мыслію, что хорошее сочиненіе въ этомъ родѣ можетъ достигнуть большаго совершенства, нежели всякое другое; свое ближе чужаго: Поэтъ съ нимъ познакомится короче, выразитъ вѣрнѣе и сильнѣе.

Другіе народы также не всѣ равно намъ извѣстны. Религія сблизила насъ съ Евреями, воспитаніе съ Греками и Римлянами, сосѣдство и безпрестанныя сношенія съ Европою. Азія и Африка существуютъ для насъ почти въ одной Географіи. При первомъ взглядѣ кажется, болѣе труда и достоинства въ поэтическомъ изображеніи послѣднихъ; но гдѣ жь повѣрка? Многіе въ состояніи замѣтить погрѣшности и отступленія нескуснаго автора, когда онъ пишетъ о предметахъ, вообще знакомыхъ, малѣйшій недостатокъ видѣнъ: о чуждомъ и темномъ пишетъ, что хочетъ; все хорошо; лишь бы ново. Опять спрошу, что съ нимъ будетъ, когда состарѣется?

Кромѣ раздѣленія Поэзіи по вѣкамъ и народамъ, есть еще другое: по родамъ и формамъ; но первое существенно, а второе произвольно. Въ каждомъ вѣкѣ и народѣ появлялись, сами собою, или въ подражаніе, новыя формы стихотвореній; нѣкоторыя остались, другія изчезли, многія еще могутъ возродиться. Онѣ важны не собственно по себѣ, а по связи своей съ содержаніемъ; съ измѣненіемъ его, долженъ измѣниться и наружный видъ.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Исторія Русскаго народа, сочиненіе Николая Полеваго. Томъ I. — М. въ Типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII — 368 стран. въ 8-ю д. л. Въ концѣ книги приложена таблица, содержащая въ себѣ Генеалогическую роспись Рускихъ Князей съ 862 по 1055 годъ. (*)

СТАТЬЯ I.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Рускаго народа, соч. Г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: *Г-ну Нибуру, первому Историку нашего вѣка.* Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ Г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? долженъ ли Г. Нибуръ быть благодаренъ Г. Полевому за милостивое производство въ первые Историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ со стороны Г. Полеваго излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ Г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: *Я*, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное *Я*. Послушаемъ Г. Полеваго: „Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы »союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи »жребія человѣчества, когда высокія помышленія, плоды »философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго, составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ;...« тогда — чтобъ вы думали? »*я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Рускаго народа.*«

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далѣе: »Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина; утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ Рускій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра« ..... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: »Она (картина Г-на Полеваго) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.« Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ Философическую статью объ Руской Исторіи, напечатанную въ *Московскомъ Телеграфѣ* и разобранную съ такой оригинальной веселостію въ *Славянинѣ*.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить Г-ну Полевому, что онъ поступилъ покрайней мѣрѣ нескусно, напавъ на *Исторію Государства Россійскаго* въ то самое время, какъ начиналъ печатать *Исторію Русскаго Народа.* Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою,

---

(*) Раздается зъ книжномъ магазинѣ А. Смирдина. Подписная цѣна за всѣ 12 томовъ 40 руб. съ пересылкой 45 рублей.

не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу Эфоровъ, однимъ Хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ Исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами Хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины. въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго произшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ, какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. »Замѣтимъ, что сіи афофѳегмы,« говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, »бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ.« Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ произшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, Г-нъ Полевой никакого: *вольному воля*, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII-го тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: *»Когда же думалъ Историкъ?»*

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы Публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ Исторіи России и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже Историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль . . . . Г-нъ Полевой, немного подумавъ, конечно самъ удивится своему легкомысленному вопросу. —

пушкинъ. *Р.*

(*Продолженіе обѣщано.*)

СМѢСЬ.

Вотъ замѣчательныя литературныя новости, о коихъ мы поставляемъ долгомъ извѣстить любителей чтенія. Въ концѣ прошлаго года, напечатанъ въ Москвѣ первый Рускій историческій романъ: *Юрій Милославскій,* соч. Г. Загоскина. Въ Москвѣ же вышелъ въ свѣтъ Альманахъ: *Денница*, изданный Г. Максимовичемъ (издателемъ Малороссійскихъ пѣсенъ). Въ семъ Альманахѣ помѣщены прозаическія статьи: К. З. В — ой, Кн. Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинки, П. Байскаго, Г. Кирѣевскаго (весьма замѣчательная статья: Обозрѣніе Руской Словесности 1829 года), Средняго-Камашева, Полеваго и пр.; стихотворенія: А. С. и В. Л. Пушкиныхъ, Баратынскаго, Кн. Вяземскаго, Б. Дельвига, Ѳ. Н. Глинки, Мерзлякова и многихъ другихъ Поэтовъ; въ томъ числѣ видѣли мы имена нѣсколькихъ дамъ. — Здѣсь поступилъ въ продажу Альманахъ: *Царское Село*, изд. Н. Коншинымъ и Барономъ Розеномъ. Въ этой книжкѣ прозаическія статьи: самихъ Издателей, Ѳ. Н. Глинки, Сомова и пр.; стихотворенія: А. Пушкина, Баратынскаго, Б. Дельвига, Ѳ. Н. Глинки, Щастнаго, Деларю, самихъ Издателей и пр. Къ Альманаху: *Царское Село* приложенъ портретъ Б. Дельвига и заглавная виньетка, съ видомъ острова на Садовомъ озерѣ въ Ц. Селѣ. Вышла также 1-я часть *Театра Н. И. Хмельницкаго*, съ портретомъ сочинителя. О всѣхъ сихъ, пріятныхъ явленіяхъ въ Руской Словесности, *Литературная Газета* не замедлитъ дать отчетъ своимъ читателямъ.

Опечатки въ 3-мъ No *Литературной Газеты*:

страниц.	столбц.	строк.	*напечатано:*	*читай:*
18	1	30	мыслими	мыслили
22	1	7	рѣнительно	рѣшительно
24	2	22	Не говоря	Не говоримъ

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 15-го дня 1830 года. Цензоръ *К. Сербиновичъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМ. I. №. 5. ЯНВАРЯ 21го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МЕЛЕКЪ ЭЛЬ-МОДЫ́.

(*Окончаніе*).

Дамангуръ, главный городъ Бахиреха, окруженъ, какъ поясомъ, рощею пальмъ и сикоморовъ, надъ коими возносятся куполы и минареты мечетей. Шестьдесятъ Французовъ оставлено было защищать городъ. Воины сіи, воспитанные для морскихъ побоищъ, по истребленіи Французскаго флота доказали, на равнинахъ Гизѐ и въ стѣнахъ Дамангура, что ратники ихъ отечества умѣютъ сражаться съ одинакою храбростію вездѣ, гдѣ только непріятель имъ встрѣтится.

Начальникъ ихъ, убѣдясь въ невозможности противиться вооруженной толпѣ, шедшей противъ нихъ, послалъ гонца въ Рашидъ, другаго въ Александрію, чтобъ извѣстить своихъ Генераловъ объ опасности, грозившей городу. Потомъ заперся съ своими шестьюдесятью солдатами въ укрѣпленномъ домѣ, гдѣ все было приготовлено къ сильному отпору.

Между тѣмъ, *Феллахи* Мелека Эль-Моды́ заняли Дамангуръ. Зеленое знамя и полумѣсяцъ выставлены были на всѣхъ домахъ, кромѣ того, гдѣ заперлись Французы.

Эль-Моды́ послалъ вѣстника къ начальнику Французовъ, съ обѣщаніемъ ему пощады жизни, если онъ сдастся военноплѣннымъ. Вѣстникъ возвратился.

—» Ангелъ Божій !« говорилъ онъ, приклонясь до земли и ударясь объ нее трижды своею чалмою: »Единъ Богъ есть Богъ, Могаммедъ Его пророкъ, Эль-Моды́ Его посланникъ! Вотъ отвѣтъ Франка: «Пойди, скажи » дерзкому обманщику, который тебя посылаетъ... (прости мнѣ, Ангелъ Божій, что я повторяю слова его).

—» Продолжай ,« отвѣчалъ Эль-Моды́.

Арабъ продолжалъ: «Скажи ему, что Французъ умираетъ, а не сдается (*). Лейтенантъ Мартенъ командуетъ въ Дамангурѣ: онъ умретъ со всѣми своими » людьми, прежде чѣмъ впуститъ непріятеля въ этотъ » домъ . . . . »

—» Довольно; перервалъ Эль-Моды́; »пусть же умираютъ!«

Тогда *текбиръ*, повторенный на улицахъ города, собралъ воиновъ на площадь.

» Правовѣрные!« вскричалъ грозный Ангелъ: »къ оружію; нападите на Франковъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ! Помните, идучи въ бой, что вѣра въ Бога » сотворитъ васъ невредимыми.«

Громкіе вопли были отвѣтомъ на слова сіи. Арабы и *Феллахи* приступили къ самымъ окопамъ Французовъ. Домъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и со всѣхъ сторонъ сыпался изъ него градъ пуль. Земля была усѣяна трупами. Арабы отступили и спрашивали другъ друга: »Гдѣ же невредимые?«

Вдругъ Эль-Моды́ сталъ передъ ними. Онъ былъ весь обнаженъ. Сабля была у него въ лѣвой рукѣ, а въ правой держалъ онъ топоръ. »Благословимъ Аллу,« сказалъ онъ лишившимся бодрости своимъ воинамъ: »самъ онъ отдѣлилъ добрыхъ отъ худыхъ. Невѣрующій въ Бога да удалится, если не хочетъ умереть, какъ тѣ, которые лежатъ здѣсь на пескѣ. Славенъ Богъ! впередъ!«

Онъ пошелъ первый, и всѣ за нимъ, одушевленные новымъ жаромъ; напрасно пули поражаютъ многихъ изъ нихъ: остающіеся еще болѣе увѣрены, что ихъ нельзя ранить. Они приступили къ самымъ стѣнамъ. Эль-Моды́ рубитъ дверь своимъ топоромъ, дверь падаетъ — и Арабы бросаются въ домъ, гдѣ начинается новая сѣча. Въ сію минуту Эль-Моды́ слышитъ отдаленный звукъ трубъ и барабановъ. Алфена, презирая всѣ опасности, бѣжитъ возвѣстить ему, что на равнинѣ вид-

---

(*) Черта историческая.

нѣется ополченіе пѣшихъ и конныхъ людей, идущее къ городу.

Эль-Моды́ собираетъ Арабовъ, которые не ворвались въ домъ, занятый Французами, вскакиваетъ на своего коня, подведеннаго Алфеной и готовится итти въ бой съ невѣдомымъ непріятелемъ. Когда онъ выѣзжалъ изъ города съ своими сподвижниками, — вдругъ раздался страшный трескъ. Мелекъ обернулся: ужасный взрывъ истребилъ побѣдителей и побѣжденныхъ (ибо Французскій офицеръ сдержалъ свое слово: онъ умеръ), и пламя пожирало останки дома. — »Славенъ Богъ!« вскричалъ Эль-Моды́ испуганнымъ своимъ воинамъ: »Славенъ Богъ! Дамангуръ освобожденъ отъ Франковъ.

— »А братья наши погибли, не смотря на твое обѣщаніе,« проговорилъ грубымъ голосомъ одинъ старый Арабъ, не столь ослѣпленный, какъ его товарищи.

— »Старикъ безвѣрный! развѣ я обѣщалъ жизнь маловѣрамъ?« надменно отвѣчалъ ему Эль-Моды́.

— »Ангелъ Божій!« подхватилъ упорный старикъ: »что для насъ истребленіе шестидесяти Франковъ, когда рать гораздо сильнѣе идетъ на насъ?«

Зрѣніе Эль-Моды́ было зорче, нежели ослабшіе глаза старика: онъ узналъ тѣхъ, которые шли по равнинѣ. — »Кто сказалъ тебѣ, что это Франки?... А если это наши друзья, тогда что ты скажешь?«

Старикъ, изумленный сею увѣренностію, пробормоталъ какія-то слова, которыхъ Эль-Моды́ вовсе не слушалъ.

Вдругъ Ангелъ возвысилъ свой голосъ. »Правовѣрные,« сказалъ онъ, »прославьте Бога! Вотъ и братья идутъ сражаться за васъ.«

И дѣйствительно пришли: Османъ-Эль-Бардиси съ пятью стами Мамелюковъ, старый Шейхъ Джеувабисовъ съ тремя стами конныхъ ратниковъ своего колѣна, юный Бей Арабовъ Баркскихъ съ осмью стами всадниковъ и тысячью пѣшихъ воиновъ, и три Шейха, Уалдалисовъ, Анадисовъ и Фоадисовъ, изъ коихъ каждый привелъ двѣсти человѣкъ конныхъ и сто дромадеровъ. Всѣ сіи военачальники, встрѣченные радостными кликами *Феллаховъ* Бахирехскихъ, стали вокругъ Мелека Эль-Моды́ и вошли въ городъ вмѣстѣ съ нимъ.

Между тѣмъ, вѣсть о взятіи Дамангура промчалась по Египту, вмѣстѣ съ вѣстію о появленіи грознаго Эль-Моды́. Мусульмане, согбенные игомъ завоеванія, подняли голову вверхъ: скоро возтрепещутъ завоеватели! Эль-Моды́, съ своимъ воинствомъ, скоро покинетъ Дамангуръ и пойдетъ на Дельту.

Генералъ Дюгюа, въ Каирѣ, Генералъ Мармонъ (*), въ Александріи, Генералъ-Адъютантъ Жюльенъ, въ Рашидѣ, Генералъ Ланюссъ, въ Шаркіехѣ и Генералъ Фюжьеръ, въ Гарбіехѣ, узнали въ одно время о побѣдѣ и появленіи Эль-Моды́.

А онъ? онъ быстро несется впередъ съ правовѣрными. Вотще дерзкіе Французы на него нападаютъ: что могутъ сдѣлать нѣсколько человѣкъ противъ цѣлаго войска? храбрость одна не даетъ побѣды. Лефевръ отступилъ въ Раманіехъ; Редонъ возвратился къ своему Полководцу въ Александрію.

Эль-Моды́ шелъ побѣдоносцемъ по Бахиреху; онъ протекъ сію область, какъ повелитель. Войско его усилилось, какъ большая рѣка, поглощающая въ своемъ теченіи воды всѣхъ рѣкъ окрестныхъ.

Наконецъ онъ прибылъ въ плодородную долину Сангурскую, въ тотъ часъ, когда восходящее солнце разсѣвало туманъ росы. Долина была покрыта пожелтѣвшею жатвой. Пальмы, отягченныя плодами, укрывали подъ своею зеленью бѣлые домы города, коего только высокіе минареты возносились надъ зеленою рощей. Эль-Моды́ увидѣлъ развѣвавшееся знамя; онъ понялъ, что скоро должно было завязаться сраженіе. Войско его пріостановилось. Молитва совершена была посреди поля, и какъ не было воды, то Арабы употребляли песокъ на первое изъ пяти омовеній, заповѣданныхъ закономъ Могаммедовымъ. За симъ, по знаку небеснаго своего вожатая, войско двинулось впередъ.

Скоро увидѣло оно отрядъ Французовъ, предводимый храбрымъ Лефевромъ (*): отрядъ сей построенъ былъ въ каре, четыре пушки, поставленныя на небольшомъ холмѣ, защищали его движенія.

Правовѣрные готовились окружить сей слабый отрядъ; и тогда началась ужасная битва, еще болѣе ужасная стройною храбростію однихъ, числомъ и буйною отвагою другихъ. Семь часовъ сряду громъ пушекъ не умолкалъ на мирныхъ поляхъ Сангурскихъ. Девять разъ безстрашные Мамелюки бросались на каре Французовъ, чтобы его разорвать; и девять разъ ихъ усилія оставались тщетными. Шейхи, окружавшіе Мелека, почти всѣ были изранены. Абдаллахъ-Баши и Ибрагимъ Чорбаджи, Шейхи Дамангурскіе, и Мурадъ-Абдаллахъ, Шейхъ Анадисовъ, были убиты.

Эль-Моды́ печально смотрѣлъ на сію обширную равнину, гдѣ пажити, зыблемыя вѣтромъ, являли образъ волнующагося моря, и на сей отрядъ Французовъ, который, подобно твердой скалѣ, противоборствовалъ всѣмъ натискамъ. Еще минута — и плоды всѣхъ по-

---

(*) Нынѣшній Дюкъ Рагузскій, Маршалъ и Перъ Франціи.

(*) Lefebvre, въ послѣдствіи умершій Дюкомъ Данцигскимъ и Маршаломъ Франціи.

двиговъ, и надежда мщенія, погибли бы для Мелека. Уже Шейхи роптали, и взоры старика, говорившаго съ нимъ у воротъ Дамангурскихъ, были снова на него устремлены и какъ бы вопрошали его. Вдругъ нѣсколько словъ, сказанныхъ тихо, отозвались въ его слухѣ: »Гассанъ, хочешь ли побѣдить?« Онъ взглянулъ на говорившаго сіи слова; то была Алфена: »Собери воиновъ твоихъ вокругъ себя, и я доставлю тебѣ побѣду.« »Но какъ?« — »Увидишь.«

Арабы стеклись на призывъ своихъ вождей и стали вокругъ Эль-Моды́. Уныніе поселилось въ нихъ: они не побѣдили. Эль-Моды́ проскакалъ по рядамъ воиновъ, говорилъ съ старцами. Его увѣренность, удерживая ихъ негодованіе въ предѣлахъ, не возвратила имъ однако жъ довѣрія къ нему: они сговаривались уйти. Эль-Моды́ вскрикнулъ: »Маловѣры! вы сомнѣваетесь въ »могуществѣ Аллы? Я обѣщалъ вамъ побѣду: вы ее »получите.«

Въ сіе мгновеніе, столпъ огненный поднялся на равнинѣ; онъ обхватилъ пажити, онъ быстро развился, и, гонимый вѣтромъ, побѣжалъ въ вихрѣ клубистаго дыма. Онъ скрылъ Французовъ отъ глазъ Арабовъ. Эль-Моды́ торжествовалъ: »Кто еще усомнится въ словахъ моихъ?« И воины его, изумленные чудомъ, поверглись къ ногамъ Мелека. Одинъ стоялъ онъ посреди пятнадцати тысячь ратниковъ, разпростершихся на прахѣ, и между тѣмъ пламя покрывало долину. Алфена подлѣ него: »Гассанъ,« сказала она: »женщина не безполезна тебѣ.« Гассанъ отблагодарилъ ее взоромъ и улыбкой.

Когда войско, все безъ исключенія преклонившееся предъ Эль-Моды́, встало по его велѣнію, тогда увидѣло оно вдали Французовъ, бѣжавшихъ отъ пламени, которое гналось за ними. Пушки уже не гремѣли по долинѣ, и знамя, развѣвавшееся поутру на мечети Сангура, было сброшено съ нея жителями.

Сія побѣда надъ воинами, кои дотолѣ были непобѣдимы, прославила имя Эль-Моды́ по всему Египту. Какой маловѣрный Мусульманъ могъ сомнѣваться въ небесномъ посольствѣ того, кто былъ предназначенъ къ освобожденію отчизны, когда въ долинѣ Сангурской, пятнадцать тысячь свидѣтелей видѣли пламя, низпавшее съ неба по его гласу, къ уничтоженію рати враговъ?

Лефевръ снова заперся въ Раманіехѣ. Эль-Моды́ возвратился въ Дамангуръ, дабы приготовить тамъ освобожденіе Египта и ожидать помощи отъ Мурадъ-бея. Въ семъ-то городѣ явилось въ полномъ блескѣ высшее назначеніе Мелека. *Феллахъ* и донынѣ разсказываетъ, что никакою пищею не подкрѣплялось невещественное тѣло его. Вмѣсто всякой яствы, онъ только обмакивалъ пальцы свои въ сосудъ молока, и слегка потиралъ ими уста свои. У него были неисчетныя сокровища: золото, лившееся свыше, всегда готово было для щедротъ его; и, благодаря ему, самый бѣдный Арабъ могъ узнать видъ и вѣсъ цеккина.

Между тѣмъ, Французскіе Генералы съ безпокойствомъ слышали о его побѣдахъ. По приказанію Генерала Мармона, часть гарнизона Рашидскаго пошла въ Раманіехъ, для присоединенія къ отряду храбраго Лефевра. Генералы Ланюссъ и Фюжьеръ, посланные Генераломъ Дюгюа, Комендантомъ Каира, также пошли туда, одинъ изъ Дельты, другой изъ Гарбіеха. Генералъ Ланюссъ принялъ начальство надъ соединенными войсками Французовъ и повелъ ихъ къ Дамангуру.

Эль-Моды́ вышелъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ изъ Дамангура, на встрѣчу Арабамъ Сивахскимъ, которые шли присоединиться къ его войску. Онъ узналъ, что Французы взяли направленіе на сей городъ, который онъ назначилъ мѣстомъ соединенія для дружинъ своихъ: онъ возвратился туда, но пришелъ уже только для того, чтобъ видѣть пожаръ, истребившій несчастный сей городъ.

Отчаянное сопротивленіе небольшаго числа Арабовъ не возпрепятствовало Французамъ ворваться въ Дамангуръ. Когда они увидѣли, на площади, почернѣвшія отъ пороховаго взрыва развалины дома, въ которомъ погибъ Лейтенантъ Мартенъ съ храбрыми своими сподвижниками, то почувствовали неутолимую жажду мщенія. Не внемля голосу своихъ Генераловъ и Офицеровъ, они перерѣзали всѣхъ сообщниковъ Эль-Моды́, взятыхъ ими въ плѣнъ. Жители Дамангура, встрѣтившіе радостными восклицаніями посланника небесъ, также не были пощажены. Они первые подали всей области Бахрехской примѣръ къ возстанію противъ своихъ завоевателей: мужчины, женщины и дѣти — всѣ были преданы мечу и сожженный городъ являлъ только страшную груду камней, пепла и труповъ.

При видѣ сего позорища опустошенія, сего столпа пламени, подымавшагося вверхъ наподобіе пирамиды и красноватымъ своимъ заревомъ придававшаго небесной лазури мрачный цвѣтъ крови, — слеза выкатилась изъ очей ангела-освободителя. Одно, только одно слово вырвалось изъ устъ его; и это слово: *мщеніе*! повторенное всѣмъ его войскомъ, смѣшалось съ грознымъ *текбиромъ*.

Никогда Эль-Моды́ не являлся столь великимъ, какъ въ этотъ день, долженствовавшій рѣшить судьбу Египта. Онъ построилъ своихъ Арабовъ въ боевый порядокъ, знакомый только Европейскимъ полководцамъ. На бѣломъ конѣ своемъ, и въ сопровожденіи вѣрнаго своего *Ичоглана*, разъѣзжалъ онъ по рядамъ и ободрялъ своихъ воиновъ. Голосъ его отдавался звукомъ сверхъ-естественнымъ. Онъ возвѣщалъ войску о великомъ чудѣ, долженствовавшемъ совершиться въ тотъ день, — и полные огня глаза его, одушевленные местью и любовью къ отечеству, казалось, обѣщали его сподвижникамъ вѣрную побѣду.

Знакъ поданъ, и въ часъ, когда пламенное солнце, достигнувъ самой высоты небесъ, бросаетъ отвѣсно лучи свои, загорѣлось сраженіе. Оно было ужасно; Эль-Моды́ повсюду являлся въ первыхъ рядахъ. Повсюду, гдѣ больше было опасности, громовый голосъ его пробуждалъ отвагу въ воинахъ и обѣщалъ имъ побѣду или награду мучениковъ. И хотя посланникъ Аллы и юный спутникъ его были всегда подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ, но пули, какъ бы щадя ихъ, пролетали мимо.

Солнце, совершая путь свой, покинуло небосклонъ Египетскій; при блѣдномъ заревѣ дотлѣвавшаго Дамангура, оба войска все еще сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что первые лучи сего свѣтила, возродившагося на другой день изъ нѣдръ Аравійскаго моря, конечно бы снова освѣтили непрекратившійся еще бой, когда бы въ ночи ужасный ураганъ не притекъ и не принудилъ сражавшихся разойтись.

Французы провели ночь на полѣ битвы, удержавъ занятыя ими позиціи. Арабы оставили долину Дамангурскую и ушли въ степь. Эль-Моды́ уже не было съ ними. Французы утверждали, что пуля, посланная изъ ихъ рядовъ, убила Мелека; но тѣла его не нашли между трупами, и Арабы увѣряли, будто бы, во время бури, насланной имъ, дабы способствовать ихъ отступленію, онъ вознесся снова на небеса.

Одинъ Французскій офицеръ, смертельно раненый и вынесенный потомъ съ поля сраженія, сказывалъ, что въ ночи, исполинскаго роста Арабъ, пораженный пулею, палъ мертвъ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ офицеръ сей боролся съ смертію; что у Араба былъ бѣлый конь, который, видя всадника своего упадшаго, остановился подлѣ трупа его и жалобно заржалъ. Офицеръ, почти умиравшій, смотрѣлъ безъ дальняго вниманія; однако жь ему показалось, будто бы какой-то юноша, подъѣхавъ къ трупу, зарыдалъ, поцѣловалъ его, приподнялъ отъ земли и привязалъ къ бѣлому коню; потомъ всѣ они изчезли.

Юной Алфены никто уже не видалъ въ Египтѣ послѣ того, какъ Мелекъ Эль-Моды́ скрылся.

Когда лѣта и горести свели въ могилу мать Гассанову, тогда вскрыли гробницу, въ которой покоились мужъ и одинадцать сыновъ ея, и тѣло ея положили въ порожній гробъ, для нея назначенный; послѣ того, дверь гробницы были закладена навѣки.

Старый невольникъ дома Гассанова вспомнилъ, что въ могилѣ должны были оставаться два пустые гроба, а ему показалось, что нашли только одинъ; но уваженіе, питаемое къ усопшимъ, не дозволило ему удостовѣриться въ истинѣ своихъ сомнѣній.

Когда странникъ - *Феллахъ* приходитъ на поклоненіе въ мечеть Мохазема, близъ коей сооруженъ надгробный памятникъ рода Гассанова, то спрашиваетъ у *Сантона*, стража гробницъ: для чего тринадцать каменныхъ чалмъ изсѣчено на гробницѣ, въ который смерть собрала только двѣнадцать мужчинъ? и Сантонъ молчитъ; ибо онъ не знаетъ, какая невѣдомая рука, въ одну лѣтнюю ночь, поставила сію тринадцатую чалму.

Съ Фр. — Сомовъ.

КЪ НИМЪ.

За что служу я цѣлью мести вашей,
Чѣмъ возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мірской непразднуемый гость,
Не обойденъ ли я пирующею чашей?
Всмотритесь, истиной прочистите глаза:
Она утѣшитъ васъ моею наготою,
Быть можетъ язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрѣлою.

И что же въ даръ судьбы мнѣ принесли?
Въ разкладкѣ жребіевъ участокъ былъ мнѣ нуженъ.
Что? двѣ-три мысли, два-три чувства, не изъ дюжинъ,
Которыя въ ходу на торжищахъ земли.
И только! но сей даръ вамъ не былъ бы по нраву,
Онъ заколдованъ изкони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные онъ обрекаетъ дни.

Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью,
Его ношу въ груди, болящей отъ заботъ:
Какъ мать преступная съ любовью и боязнью
Во чревѣ носитъ тайный плодъ.
Еще до бытія грѣхъ, враждой закона,
Онъ отверженія печать,
Онъ гордо ближними отъ ихъ отринутъ лона,
Какъ бытія крамольный тать.

И я за кровный даръ передъ толпой краснѣю,
И только въ тишинѣ и скрытно отъ людей
Я бремя милое лелѣю
И Промыслъ за него молю у алтарей.
Счастливцы! вы и я, мы служимъ двумъ фортунамъ.
Я къ вашей не прошусь: моя мнѣ зарекла
Противопоставлять волненью и перунамъ
Миръ чистой совѣсти и хладный миръ чела.

К. Вяземскій.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

СТАТЬЯ I.

(*Окончаніе.*)

III. О поэзіи Еврейской.

Поэзія Еврейская, или лучше сказать Библейская, отличается отъ всѣхъ ей современныхъ, строгимъ и важнымъ понятіемъ о Божествѣ. Всѣ событія, общія и частныя, совершаются по благости или гнѣву Вездѣ-присущаго Господа, все равно клонятся къ Его славѣ и хвалѣ, нигдѣ Его величіе и сила не были выражены такъ достойно, ни въ какой Поэзіи нѣтъ столько единства, высоты и святости. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сихъ преимуществъ, есть нѣкоторый недостатокъ разнообразія; страсти человѣческія не могутъ развиваться свободно подъ всегдашнимъ покровительствомъ, либо гоненіемъ Бога Всевластнаго, нѣтъ борьбы тамъ, гдѣ нѣтъ равенства въ борющихся. Въ Библіи только два рода лицъ: любимцы Саваоѳа и враги Его, бѣлые и черные: всѣ прочія краски сливаются и изчезаютъ.

Книга *Бытія*, по мнѣнію моему, прекраснѣйшая изо всего Священнаго Писанія. Изображенія первыхъ вѣковъ міра и кочующихъ пастырей-патріарховъ восхитительно; оно съ дѣтства плѣняетъ чувство и воображеніе. Смерть Авеля, жертвоприношеніе Исаака, Агарь въ пустынѣ, Іаковъ съ сыновьями, паче всего чудесная судьба благодушнаго Іосифа, никогда не изгладятся изъ памяти, хотя бы случилось въ первый разъ узнать ихъ изъ ничтожной карманной книжки съ картинками. Нѣтъ Поэта или живописца, который бы не могъ найти въ нихъ богатый источникъ красотъ простыхъ, чувствъ услаждающихъ сердце, и удивленія достойно, что кромѣ Рафаэла въ его *Ложахъ*, никто не извлекъ изъ сего источника ничего отмѣннаго; даже у Мильтона, Адамъ и Ева не удовлетворяютъ вполнѣ, слишкомъ сладки, роскошны, почти жеманны, словомъ: не то.

Книга *Руѳь*, сельскою своею краскою и плѣнительнымъ простодушіемъ, ближе всѣхъ къ книгѣ *Бытія*: я не знаю Идилліи совершеннѣе.

Въ *Псалтыри* хранятся сокровища красотъ лирическихъ и описательныхъ; много изъ нея черпали, и еще много осталось. Смѣлость выраженій, рѣзкость оборотовъ, могутъ часто привесть въ отчаяніе перелагателя.

Изъ *Пророковъ*, въ отношеніи поэтическомъ отличаются: Исаія, Езекіиль и Іеремій. Первый высокостію часто равенъ Давиду, второй поражаетъ смѣлостію картинъ, послѣдній волнуетъ душу слезнымъ напѣвомъ. Ихъ перелагали по частямъ почти столько же, какъ и Псалмы.

Книги: *Царствъ*, *Іудиѳь*, *Есѳирь*, *Макавейскія*, болѣе историческія; однако Расинъ нашелъ въ нихъ содержанія двухъ трагедій, увѣнчавшихъ его безсмертною славой, и если его примѣръ не произвелъ болѣе, виною тому недостатокъ дарованія въ послѣдователяхъ.

Книга *Судей* богата лицами и событіями; въ ней особенное вниманіе заслуживаютъ два, ожидающія только искуснаго трагика: Іеѳай съ дочерью и Левитъ Ефраимовъ, обезчещенный и отмщенный.

Книги: *Іовъ*, *Еклезіастъ*, *Притчи* Соломоновы, также *Іисуса сына Сирахова*, философическія; въ нихъ Поэзія только мѣстами: всѣ Рускіе знаютъ конечно выбранное Ломоносовымъ изъ Іова.

Въ *Товитѣ* много простоты и заманчивости; въ *Пѣсни пѣсней* сладости и блеска. Романтическая школа превозноситъ похвалами Индѣйскую Саконталу: въ чемъ ей уступитъ Еврейская Суламита?

Незнающему Еврейскаго языка, кажется, нѣтъ приличнѣе Библейскимъ понятіямъ, чувствамъ и картинамъ, нашего церковнаго. Лучшіе стихотворцы едва, и то не вездѣ, достигаютъ его высоты и силы, краткости и смѣлости, мягкости и роскоши. Должно ли, можно ли у насъ отставать отъ него въ переводахъ или подражаніяхъ Священному Писанію? Языкъ общества, сказочекъ и романовъ, пѣсенокъ и посланій, достоинъ ли высокихъ предметовъ Библейскихъ? Обезображенные имъ, они теряютъ и наружную важность и внутреннее достоинство: это пастырь холмовъ Ливанскихъ во фракѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина. — М. въ Типогр. Н. Степанова, 1829. — 3 части, съ виньетками на заглавныхъ листахъ (въ I-й части 255, во II-й 166, въ III-й 263 стр въ 12 д. л.).

Въ наше время, подъ словомъ *романъ*, разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Валтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ Шотландскаго чародѣя! подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ *беретомъ*, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV, проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у Madame Campan, а Государственные люди XVI-го столѣтія читаютъ Times и Journal des débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мѣлочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности! а сверхъ всего, какъ мало жизни! Однако жь сіи блѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала Madame de Stael, знаютъ только Исторію своего времени, и слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются *Юрія Милославскаго*. Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, Бояре, Козаки, Монахи, буйные Шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной Руской жизни! сколько истины и добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, Пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую, происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ вниманія читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на Нижегородской площади, слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкихъ анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противу языка и *костюма*. Напр. новѣйшее выраженіе: *столбовой дворянинъ*, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (*мужа честна*, какъ говорятъ Лѣтописцы); *охотиться*, вмѣсто: *ѣздить на охоту; пользовать*, вмѣсто *лечить*. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ Авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. *Быть въ отвѣтѣ*, значило въ старину: *быть въ посольствѣ*. Нѣкоторыя пословицы употреблены Авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: *изъ сказки слова не выкинешь*, вмѣсто *изъ пѣсни*. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и *слова не выкинешь*, не испортивъ *склада*; сказка — дѣло другое. Но сіи мѣлкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ No *Московскаго Вѣстника* нынѣшняго года (*), не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху *Юрія Милославскаго*.

Пушкинъ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Poezye Alexandra Chodźki (*Стихотворенія Александра Ходзьки*). — С. П. б. въ типогр. К. Крайя, 1829 (VIII — 281 стр. въ 8-ю д. л. съ картинкою).

О нынѣшней Поэзіи вообще можно сказать съ Лафонтенемъ.

> Il me faut du nouveau, n'en fût-il plus au monde!

Это потребность времени, и угождая оной, стихотворцы всѣхъ народовъ наперерывъ стараются удивить насъ новостію сравненій, независимостію мыслей и смѣлостію формъ. Восточная Поэзія, изобилуя гигантскими и роскошными изображеніями, служила всегда обильнымъ къ тому источникомъ. Писатели, ознакомившіеся съ нею, т. е. напитавшіеся ея духомъ, отличаются какою-то необыкновенною прелестью (le gracieux). Lalla-Roukh Томаса Мура, блистая всѣми красотами Востока и The Love of Engels, нося на себѣ отпечатокъ благородства Иранской Музы, служатъ тому доказательствомъ. Адамъ Мицкевичъ, переведя *Шанфарія* (Арабскую Кассиду), самъ написалъ *Фариса*, въ которомъ сила мыслей, живость изображеній и жаръ Поэзіи порабощаютъ воображеніе и заставляютъ его удивляться генію Поэта. Онъ показалъ, какъ должно пользоваться сокровищами Востока. Постигнувъ потребность вѣка пресыщеннаго, онъ также угодилъ ему *новостію* своей Поэзіи, но безъ пожертвованій на счетъ добраго вкуса. Раздѣляя вполнѣ духъ нашего времени, мы не можемъ не сказать, однако же, что всѣ смѣлыя идеи, удивляющія насъ своею новостію, должны находить повѣрку свою въ непрелож-

---

(*) *Московскій Вѣстникъ* будетъ издаваться въ нынѣшнемъ году въ томъ видѣ, въ какомъ издавался онъ въ 1827 и 1828. Сей журналъ почти постоянно отличается статьями любопытными, дѣльными критиками и благонамѣренностію. Прежніе сотрудники продолжаютъ участвовать въ семъ изданіи.

выхъ законахъ изящнаго: тогда только онѣ сохранятъ свою цѣну и будутъ усвоены просвѣщеннымъ міромъ.

Изданныя нынѣ *Стихотворенія Г. Ходзьки* содержатъ въ себѣ 36 *Новогреческихъ пѣсень,* разныя мѣлкія пьесы и *Дерара,* Кассиду въ двухъ частяхъ.

Кассида сія заключаетъ въ себѣ множество высокихъ и прекрасныхъ изображеній, въ коихъ рѣзко отражается духъ Восточной Поэзіи. Но Авторъ, желая вѣрнѣе передать намъ характеръ пѣвцовъ Востока, иногда удаляется отъ вѣрнаго вкуса и употребляетъ сравненія преувеличенныя: таково въ *пѣсни евнуха* (стр. 149) сравненіе волкана — съ трубкою, гряды облаковъ,—съ чубукомъ, и солнца—съ янтаремъ. Сѣтованія Зарифа и четверостишіе (съ Турецкаго) имѣли бы свое достоинство въ какомъ нибудь особенномъ сочиненіи о духѣ Восточной Поэзіи, а не въ поэтическомъ подражаніи *Кассидамъ*, которое безъ сомнѣнія не должно измѣнять изящному. Нельзя не пожалѣть, что Авторъ, обладая талантомъ и знаніемъ Востока, не подарилъ насъ очищенными красотами Персидской и Арабской Поэзіи, безъ примѣси той уродливости воображенія, коею отличается Джами (стр. 188 пр. 12)

Мѣлкія стихотворенія Ходзьки, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, носятъ на себѣ отпечатокъ таланта и могутъ доставить удовольствіе просвѣщеннымъ любителямъ Поэзіи. Сожалѣемъ, что предѣлы статьи сей не позволяютъ намъ распространиться болѣе о ихъ достоинствахъ и тѣмъ лишаютъ насъ удовольствія указать на множество истинныхъ красотъ, заключающихся въ семъ *Собраніи.*

Гдт.

СМѢСЬ.

Французскіе Журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи *Записокъ Самсона, Парижскаго палача.* Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній.

Послѣ соблазнительныхъ *Исповѣдей* Философіи XVIII вѣка, явились политическія, неменѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его *Записокъ* кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы *Записокъ Парижскаго палача.* Посмотримъ, что есть общаго между имъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее Графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ и славныхъ и неизвѣстныхъ, и священныхъ и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они — его минутные знакомцы — чредою пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои — и Царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордé, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ, и лекарь Кастенъ, отправлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово.... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго Историка.

А. Пушкин

Недавно отпечатаны въ Литографіи Г. Гельбаха, одной изъ лучшихъ, существующихъ въ Петербургѣ, три рисунка, сдѣланные съ картинъ Кипренскаго, подъ смотрѣніемъ Г. *Сандомури*, давно извѣстнаго публикѣ по прекраснымъ произведеніямъ своимъ на камнѣ, его учениками: Житневымъ и Безлюднымъ.

Два изъ сихъ рисунковъ, изображающіе *Цыганку* и *бѣдную дѣвочку*, охотники до изящнаго необходимо должны, кажется, купить вмѣстѣ, для того, чтобы сравнивая ихъ между собою, съ большимъ удовольствіемъ чувствовать прелесть кисти Кипренскаго и удобнѣе понять, съ какимъ искусствомъ и геніемъ умѣлъ сей художникъ выразить два, совершенно противуположные характера.

Кто не скажетъ, взглянувъ на эту голову съ густыми, черными и небрежно разсыпанными локонами, со смуглымъ лицемъ, съ пламенными и лукавыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, выражающимъ необузданный смѣхъ, что это живое изображеніе чувственности и грубыхъ наслажденій? Разберите порознь всѣ черты лица этой женщины: онѣ правильны, очеркъ ихъ настоящій Греческій, но она далека отъ того, чтобы называться прелестною; ей недостаетъ привлекательности. Это дикое дитя природы, которое никогда не чувствовало надобности обуздывать страсти свои, и всѣ онѣ ясно вырѣзались на лицѣ ея. — Въ рукѣ у нея вѣтка миртоваго дерева, посвященнаго, нѣкогда, богинѣ Паѳоса: самый приличный символъ подобной женщинѣ . . . . .

Посмотрите теперь на эту бѣдную дѣвочку. Какое милое дитя! какая нѣжность и привлекательность въ очертаніяхъ лица, не смотря на всю неправильность оныхъ. Опытъ и страсти еще не успѣли положить на ономъ печати своей и дабы прочитать на немъ выраженіе добродушія, скромности и невинности, не нужно быть Лафатеромъ . . . . Но этотъ красивый цвѣточекъ, который у нея въ рукѣ, она вѣрно сорвала не для того, чтобы наслаждаться пріятнымъ запахомъ: онъ его не имѣетъ . . . . И такъ, неужели для того, чтобы украсить имъ простой нарядъ свой? неужели суетность успѣла уже закрасться и въ это юное, невинное сердце? . . . . О нѣтъ! Она сорвала его такъ, безо всякаго намѣренія . . . . . и броситъ, какъ негодную игрушку, когда онъ завянетъ . . . . . Какой живописецъ Кипренскій!

Третій рисунокъ также неменѣе занимателенъ по предмету своему. Это портретъ поэта нашего Александра Сергѣевича Пушкина, сдѣланный съ весьма похожаго оригинала, принадлежащаго Барону Дельвигу. — Какъ сей, такъ и другіе два рисунка нарисованы прекрасно и дѣлаютъ честь мастерской Г. Сандомури.

Желающіе купить ихъ, могутъ адресоваться къ самому издателю, живущему на углу Гороховой улицы, близъ Семеновскаго моста, въ домѣ Яковлева.

В. Л—ръ.

-- Когда Макферсонъ издалъ *Стихотворенія Оссіана* (переводъ, подражаніе или собственное сочиненіе, — этотъ вопросъ, кажется, доселѣ еще не рѣшенъ), тогда всѣ съ восхищеніемъ читали ихъ и перечитывали »Никто еще не былъ *опечаленъ* мыслію, (говоритъ Виллъменъ), что удивляясь симъ поэтическимъ пѣснямъ, онъ удивлялся современнику. Всѣ чувствовали *удовольствіе безъ примѣси*, то есть, читали превосходныя поэмы и не обязаны были за нихъ благодарностію *никому изъ живыхъ людей.*« Потомъ начали догадываться, допытываться, и дознались (въ правду или нѣтъ), что поэмы Оссіановы были поддѣльныя, новѣйшія произведенія, словомъ: что ихъ создалъ самъ Макферсонъ. Извѣстный критикъ Докторъ Джонсонъ, человѣкъ отмѣнно грубый, сильно напалъ на Макферсона и называлъ его обманщикомъ и злоумышленнымъ дѣлателемъ подлоговъ. Закипѣла жаркая война на перьяхъ. И вотъ образчикъ тогдашней полемики: отвѣтъ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявлялъ свою досаду на обидное невѣріе Англійскаго критика.

Г. Джемсъ Макферсонъ!

»Я получилъ ваше глупое и безстыдное письмо. Я всѣми мѣрами буду стараться, отражать всякое насильственное противъ меня покушеніе; а чего не могу сдѣлать самъ, то сдѣлаютъ за меня законы. Надѣюсь, что угрозы какого нибудь негодяя никогда не отклонятъ меня отъ стремленія — изобличать обманъ.

»Какого себѣ оправданія требуете вы отъ меня? Я считалъ вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою жъ. Въ подтвержденіе сего мнѣнія, я представилъ публикѣ причины, которыя вызываю васъ опровергнуть. Я презираю ваше бѣшенство. Ваши дарованія, по изданіи въ свѣтъ вашего Гомера, кажется, не слишкомъ опасны; а слышанное мною о вашемъ характерѣ заставляетъ меня обращать вниманіе не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите.«

Въ поясненіе нѣкоторыхъ словъ сего письма, должно сказать, что Макферсонъ, обольщенный успѣхомъ своего Оссіана, перевелъ Гомерову Иліаду Оссіановскимъ слогомъ и весьма неудачно.

Предлагаемъ это письмо, какъ поучительный примѣръ для нашихъ журнальныхъ Критиковъ. И почему нашимъ *Адиссонамъ* не быть и нашими *Джонсонами*?

Опечатки въ 4-мъ No *Литературной Газеты*:

Страниц.	столбц.	строк.	*напечатано:*	*читай:*
29	2	1	предметъ: высокій это человѣкъ.	предметъ высокій: это человѣкъ.
31	2	2 и 3	долженъ ни	долженъ ли
—	—	31	Путь	Пусть
32	1	10	истины.	истины,
—	—	20	афофѳегмы	апофѳегмы

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 20-го дня 1830 года. Цензоръ *К. Сербиновичъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМ. I. №. 6. ЯНВАРЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу,) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (во Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

ПИСЬМО

Рускаго путешественника изъ Варны (*)

Варна, 29 Марта 1829 г.

Вамъ уже извѣстно, что Начальству Новороссійскаго края угодно было поручить мнѣ обозрѣніе нѣкоторыхъ мѣстъ, занятыхъ нашими войсками на правой сторонѣ Дуная, и что цѣль сего порученія есть разысканія о разныхъ памятникахъ Древности, скрывающихся между развалинами Мизіи и классической Ѳракіи. Вы безъ сомнѣнія подивитесь тому, что будучи столь безусловно чуждъ точныхъ и основательныхъ свѣдѣній о странахъ, въ коихъ почти каждый шагъ освященъ какимъ нибудь славнымъ историческимъ событіемъ, я принялъ на себя обязанность столь трудную, порученіе столь мало сообразное съ родомъ исключительныхъ моихъ занятій; — но кому не извѣстно, что жизнь наша можетъ иногда находиться подъ вліяніемъ обстоятельствъ столь странныхъ, что человѣкъ радъ часто сдѣлаться не только Антикваріемъ, но для избѣжанія худшаго, готовъ даже участвовать въ трудахъ знаменитой Академіи Лагадоской.

Съ другой стороны, скажите, кто бы на моемъ мѣстѣ не былъ радъ поотогрѣть *остылое* сердце у лучей золотаго Ѳракійскаго солнца? Кто бы не былъ радъ, говорю я, погрузиться въ поэтическое величіе минувшаго, и въ бесѣдѣ съ колоссальными его призраками, забыть хотя на малое время прозу и мучительныя мѣлочи настоящаго? Такъ думалъ я—и вотъ странникъ вашъ уже въ столицѣ древней Греческой Ганзы.

Конечно, мнѣ надлежало бы хотя мимоходомъ посовѣтоваться съ оракулами Антикваріевъ: полистовать предварительно Страбона, и словомъ, схватить изъ древнихъ Лѣтописей и Географіи хотя поверхностныя черты, которыя бы могли служить мнѣ по крайней мѣрѣ краткимъ *итинереромъ* въ моемъ путешествіи; но для сего потребны были книги и время. Первыми я не могъ обогатиться въ Одессѣ, а послѣдняго имѣлъ въ своемъ разпоряженіи только для необходимыхъ дорожныхъ приготовленій. Короче сказать, я пустился въ Археологическое странствіе подобно какому нибудь кавалерійскому офицеру, отправляющемуся за покупкой ремонта: слѣдовательно — посланія мои будутъ, къ сожалѣнію, напоминать вамъ гораздо чаще обо мнѣ самомъ, нежели о странахъ, коихъ чудеса требуютъ наблюдателя болѣе просвѣщеннаго.

(*) Сочинитель сего письма, В. Г. Тепляковъ, самъ говоритъ въ немъ о цѣли своего путешествія. Отчетъ его о разныхъ памятникахъ, открытыхъ и пріобрѣтенныхъ имъ въ Болгаріи и Румеліи, напечатанъ былъ особымъ прибавленіемъ къ No 102 *Одесскаго вѣстника* прошлаго года. Изъ сего Отчета видимъ, что Г. Тепляковъ открылъ слѣдующіе памятники древности: 1) Великолѣпныя Геберджинскія развалины; 2) Большой Анхіальскій саркофагъ; 3) 36 кусковъ мрамора, съ надписями и барельфами; 4) 89 медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, изъ коихъ болѣе 50-ти древнія Греческія; 5) двѣ вазы, найденныя въ Сизополѣ; 6) Двѣ небольшія статуи (бронзовый Амуръ и мраморный женскій бюстъ), купленныя въ Анхіалѣ.— Сверхъ сего начерчена карта Фаросскаго залива и срисованы виды нѣкоторыхъ мѣстъ, кои Г. Тепляковъ посѣщалъ въ своемъ путешествіи. Почти всѣ изчисленные здѣсь остатки древностей (разумѣется, кромѣ тѣхъ, коихъ нельзя было перевезти) пріобрѣтены Г. Тепляковымъ для Одесскаго Музея; съ другихъ сняты имъ чертежи.

Въ письмахъ своихъ (адресованныхъ къ брату его А. Г.) Г. Тепляковъ намѣренъ подробнѣе разсказать о своемъ путешествіи, и присовокупить къ извѣстіямъ объ Археологическихъ своихъ поискахъ, неменѣе любопытное описаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ оные. Откровенный разсказъ, живой слогъ, поэтическій взглядъ на предметы и веселое равнодушіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судьба была непривѣтлива къ Сочинителю, — вотъ отличительный характеръ его писемъ, которыя безъ сомнѣнія понравятся читателямъ *Л. Газеты*. Со временемъ, мы надѣемся приложить къ NN нашей Газеты нѣкоторые изъ чертежей и рисунковъ Г. Теплякова.

Я выѣхалъ изъ Одессы 20-го сего мѣсяца и въ тотъ же день сѣлъ на Венеціянскій бригъ: La Perseveranza, ожидавшій только попутнаго вѣтра для отплытія въ Варну; но погода была противъ насъ какъ будто въ заговорѣ: въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ постоянный штиль не позволялъ намъ и думать о путешествіи. Я чрезвычайно досадовалъ на это упорное безвѣтріе; каждое утро выходилъ на палубу, и видя предъ собою все еще роскошную Одессу, мучилъ Капитана безпрестанными разспросами о состояніи атмосферы: « Bonazza, non c'è vento « или » vento contrario» были единственные его отвѣты.

Наконецъ 23-го свѣжій Сѣверный вѣтеръ подулъ съ берега, и мы снялись съ якоря. Знаете ли, что первое чувство въ минуту разлуки съ отечествомъ есть, безъ всякихъ *романтическихъ затѣй*, странное, неизъяснимое чувство. Сначала, какая-то непонятная радость овладѣла моимъ сердцемъ: казалось, что оно ощутило внезапное наслажденіе какимъ-то внутреннимъ богатствомъ въ тотъ мигъ, когда натянутые паруса округлились, и заколебавшійся корабль тронулся съ мѣста. Я разхаживалъ скорыми шагами по шканцамъ и громко декламировалъ:

»Шуми, шуми, послушное вѣтрило! и проч.«

Но эта болтливая радость изчезла вмѣстѣ съ берегами моей отчизны. Подобно Ирвингу-Вашингтону, мнѣ казалось, что въ это время я закрылъ первый томъ моей жизни, со всѣмъ тѣмъ, что онъ заключалъ въ себѣ.

Минувшее душѣ моей,
Какъ сонъ мудреный представлялось:
То краснымъ солнцемъ ей являлось,
То моря бурнаго темнѣй.....

На другой день однообразный горизонтъ воды скрывалъ уже отъ меня Одессу, какъ непроницаемый туманъ, скрывающій отъ человѣка его будущность.... Рѣзкій Сѣверо-Восточный вѣтеръ несъ корабль съ неимовѣрною скоростію, и около слѣдующаго полудня, песчаный берегъ Костенджи (древнихъ Томъ) мелькнулъ уже въ далекѣ передо мною.

Шекспиръ говоритъ, что покушеніе изобразить лилію есть истинное дурачество: не безрасудно ли бы и съ моей стороны было искать словъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу, при видѣ сей дикой полосы земли, которая орошена слезами Овидія, освящена прахомъ безсмертнаго изгнанника? Клянусь (но вы и безъ клятвы повѣрите), что эти чувства были не вытверженныя, не поддѣльныя!

Вскорѣ Томы утонули предо мною въ волнахъ Эвксинскаго Понта, и къ вечеру -- желтоватые берега Мангали (древней Каллатіи)—были уже въ глазахъ моихъ. Вамъ можетъ быть извѣстно, что Томы, основанные Милезіянами въ 634 году до Р. Х. и сосѣдственная имъ Каллатія считаются нѣкоторыми изъ ученыхъ въ числѣ федеральныхъ городовъ древняго Греческаго пяти-союзія (ΠΕΝΤΑΠΟΛΙΤΩΝ), существовавшаго на западномъ берегу Чернаго Моря.

Но вотъ погода нахмурилась: усилившійся вѣтеръ началъ вскорѣ дышать совершенною бурею. Не спрашитесь, между тѣмъ, описанія оной: убаюканный клокочущею стихіею, я не могъ приподнять головы съ своей койки, и видѣлъ только летающаго изъ угла въ уголъ Капитаиа, слышалъ только плескъ волны, перескакивающей черезъ палубу. Темнота наступившей ночи принудила насъ бросить якорь миляхъ въ 15-ти отъ Коварны; но въ слѣдующее утро, густой туманъ, скрывавшій отъ меня берега Болгаріи, начиналъ уже разсѣяваться. Я нетерпѣливо желалъ видѣть сію чуждую землю, и любопытно смотрѣлъ, какъ въ далекѣ — то букетъ зелени выказывался вдругъ изъ-за матоваго облака, то каменный утесъ медленно сбрасывалъ съ себя это зыбучее покрывало и драпировался его серебряною дымкою. Проглянуло солнце. Это солнце старинной Мизіи! какъ теплы, какъ благодатны лучи его! какъ жива, какъ прозрачна лазурь сего поэтическаго неба!

»Эти горы, теперь столь голыя« сказалъ мнѣ Капитанъ — «были до нынѣшней войны покрыты густыми фруктовыми садами; а эти огромныя груды каменьевъ, которыя мелькаютъ въ далекѣ передъ нами—кто повѣритъ, что онѣ составляли цвѣтущія селенія, которыя были столь еще недавно одушевлены ихъ обитателями. Видите ли вы этотъ полукруглый, вдавшійся въ море утесъ?» — продолжалъ Капитанъ — »онъ называется Капо-Калакріею. На вершинѣ онаго находятся развалины старой крѣпости, съ многочисленными памятниками Венеціянскаго владычества.»

Названіе Capo Calacria (мысъ Калакрія) отзывается дѣйствительно Венеціею: а потому, если вѣрить, что мѣсто сіе въ самомъ дѣлѣ принадлежало сей могущественной Республикѣ, то должно полагать, что она основала на ономъ свое владычество по раздѣленіи областей Восточной Имперіи между Венеціянами и Французами въ 1204 году, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, бѣгства Алексѣя Дуки (прономенованнаго Мурзуфлемъ) и возведенія на престолъ Восточной Имперіи Балдуина, Графа Фландрскаго. Лебо и другіе Историки говорятъ, что въ слѣдствіе сего раздѣла, Венеціяне взяли между прочимъ на свою часть почти всѣ приморскія мѣста Имперіи отъ Восточныхъ береговъ Адріатическаго моря, до береговъ Эвксинскаго Понта; но если Калакрія находилась въ числѣ сихъ пріобрѣтеній, то изъ сего ясно видно, что Левъ Св. Марка проникъ съ этой стороны еще глубже въ нѣдра Восточной Имперіи. Для ученыхъ Калакрія несравненно любопытнѣе сего по остаткамъ древности, сохранившимся на вершинѣ оной. Г. Адмиралъ Грейгъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ тамъ два куска мрамора съ древними Греческими надписями. Ни одинъ изъ древнихъ Историковъ и Географовъ не упоминаетъ, сколько мнѣ извѣстно, о существованіи какого либо поселенія на семъ мѣстѣ: слѣдовательно находка Г. Адмирала должна быть тѣмъ драгоцѣннѣе для ученаго свѣта.

»Отъ Калакріи до Коварны« — продолжалъ Капитанъ — « не болѣе 9-ти миль; за нею Бальчикъ, и потомъ, Варна. — Скорѣе же, скорѣе въ Варну! — возразилъ я; но уснувшій вѣтеръ едва двигалъ насъ съ мѣста.

7-го мы уже слышали гулъ Варнской заревой пушки и должны были снова бросить якорь миляхъ въ 8-ми отъ сей крѣпости. На другой день то же безвѣтріе. Варна была уже въ глазахъ нашихъ, и какъ будто смѣялась надъ нашимъ безсиліемъ приблизиться къ ея пристани. Терпѣніе мое наконецъ истощилось. Капитанъ намекнулъ мнѣ о своемъ барказѣ, и я, обрадованный симъ предложеніемъ, просилъ въ ту же минуту спустить оный. Черезъ четверть часа, восемь веселъ уже разсѣкало подо мною послушныя волны.

Послѣ довольно долгаго плаванія, мы вошли наконецъ въ заливъ Варнскій. Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на берега, которые въ этомъ мѣстѣ необыкновенно прелестны. Дикіе утесы, и цвѣтущая зелень, бѣгущіе съ горъ фонтаны, и это голубое, необозримое море, составляютъ здѣсь очаровательную смѣсь природы романтической съ нѣжною буколическою природою. Я выѣхалъ изъ ледянаго царства зимы, и черезъ семь дней очутился въ странѣ, обогащенной всѣми дарами весны благодатной.

Часа черезъ два амфитеатръ бѣлыхъ, издали довольно красивыхъ домиковъ, съ красными черепичными кровлями и горизонтомъ зеленѣющихъ позади горъ, представился какъ прекрасная панорама глазамъ моимъ. Два или три минарета возвышались надъ массою строеній. Издали мнѣ все казалось такъ ново, пестро и разнообразно, что я почти не замѣтилъ, какъ проплывъ между рядами стоящихъ въ гавани купеческихъ судовъ, мы пристали наконецъ около 12-ти часовъ по полудни къ сѣвернымъ воротамъ Варны. Нашъ двуглавый Орелъ развѣвался уже предо мною надъ стѣнами покоренной крѣпости; Руская пушка глядѣла уже на меня изъ своей амбразуры; Руской часовой разхаживалъ по высокому парапету. Вступивъ въ городъ, я съ перваго взгляда подумалъ, что перенесенъ въ сказочный міръ Шехеразады, въ этотъ вѣчно занимательный Багдадъ, столицу могущественнаго Халифата. Правду сказать — ни одинъ правовѣрный не встрѣтился со мною, но чалмоносные Болгары, Армяне и Греки, мелькавшіе въ темныхъ и чрезвычайно тѣсныхъ улицахъ, но пестрѣющіеся въ открытыхъ лавкахъ Азіятскіе товары, но эти смуглыя лица, этотъ чуждый языкъ и одежда, не разрушали очарованія до встрѣчи съ первымъ Рускимъ солдатомъ. Я спросилъ его о квартирѣ Г-на Генерала Г., и услужливый гренадеръ взялся быть проводникомъ моимъ. Послѣ довольно долгаго путешествія по тысячѣ перепутанныхъ улицъ и переулковъ, онъ вошелъ наконецъ на тѣсный дворъ, и остановясь передъ чистенькимъ деревяннымъ домикомъ сказалъ: »Вотъ квартира Г. Военноначальствующаго.« Генералъ принялъ меня въ небольшой, но довольно опрятной комнаткѣ. Веселый видъ и убранство оной могутъ въ военное время, и особенно въ Турціи назваться наслажденіемъ истинно - аристократическимъ. Узнавъ цѣль моего прибытія въ Варну, Генералъ показалъ мнѣ, между прочимъ, нѣсколько медалей, собранныхъ имъ въ сей крѣпости. Большая часть оныхъ принадлежитъ Риму и Восточной Имперіи; медалей древней Греціи, я замѣтилъ весьма немного. Между сими послѣдними серебряныя монеты Истроса попадались мнѣ въ наибольшемъ количествѣ. На мое замѣчаніе, что мы находимся въ странѣ классической, Генералъ отвѣтствовалъ :« Правда; но война не наперсница Археологіи: вамъ конечно покажется страннымъ, что эти драгоцѣнные мраморы, которые могли существовать въ Турецкой Варнѣ, употреблены уже вѣроятно, вмѣстѣ съ другими каменьями, на поправленіе нашей крѣпости. Что же касается до сокровищъ нумисматическихъ, то Варна была сначала довольно богата ими; но должно полагать, что всѣ сіи драгоцѣнности пріобрѣтены въ тоже время разными частными лицами. Вы къ намъ нѣсколько поздно пріѣхали.«

За всѣмъ тѣмъ, трудно описать, съ какимъ радушіемъ почтеннѣйшій Генералъ Г. принялъ меня. До пріисканія себѣ квартиры, я остановился у Гг. его Адъютантовъ, откуда и пишу сіи строки. Но довольно. Чувствую, что

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire,

и не взирая на сіе, намѣренъ, нѣсколько поосмотрѣвшись, сообщить вамъ о Варнѣ все, что почту достойнымъ вашего вниманія. Прощайте.

В. Тепляковъ.

ОТРЫВОКЪ

Изъ Драматической Поэмы: Ангелика (*).

(*Дѣйствіе* 1, *Явленіе* 2.)

Ангелика, Соня, потомъ Германъ и Вильгельмъ.

Ангелика. (*одѣвая Соню, которая начинаетъ терять терпѣніе.*)

Ты женщина и не должна скучать
Уборами.

(*) Авторъ сего сочиненія, Іосифъ Корженёвскій, учился въ Волынскомъ Лицеѣ, основанномъ знаменитымъ

Соня.
Довольно, Ангелика.

Ангелика.
Постой. Еще дай мнѣ надѣть вѣнокъ.
Ты знаешь ли, когда вѣнчаютъ миртомъ
Намъ голову?

Соня.
Не знаю.

Ангелика.
Какъ же мало,
О бѣдное дитя, тебѣ извѣстно.
То радостный, то лучшій въ жизни день!
(*Задумывается.*)
Однако же, какъ часто эта зелень
Печальное чело пріосѣняетъ,
И хладная страданія слеза
Въ ея листахъ пророчественныхъ блещетъ,
Какъ бы роса на вѣтви кипариса,
Ростущаго на холмѣ гробовомъ.
(*Германъ и Вильгельмъ входятъ. Ангелика показываетъ отцу сестру одѣтую, какъ бы къ вѣнцу.*)

Германъ.
А это что?

Ангелика.
Родитель, ты узнаешь.

Германъ.
Всегда въ мечтахъ! что добраго въ нихъ есть?

Ангелика.
О! не лишай меня сихъ сновъ златыхъ!
Они живѣй существенности хладной.

Германъ. (*Отворачивается съ неудовольствіемъ, къ Вильгельму.*)
И такъ ты насъ съ разсвѣтомъ покидаешь?

Вильгельмъ.
О если бы мнѣ спутницей была
Надежда! Такъ, нерѣдко возвышаетъ
Отсутствіе отсутствующимъ цѣну;
И все, къ чему мы слишкомъ приглядѣлись,
Разлукою становится милѣй.
(*Глядя на Ангелику.*)
О если бы, подобно, я нашелъ
Желанную, такъ тщетно, перемѣну!

Германъ.
Во мнѣ ея ты вѣрно не найдешь.
То самое тебя здѣсь встрѣтитъ сердце,
Которое прощается съ тобой.
Желанія мои, меня ты знаешь.

Вильгельмъ.
Увѣренъ въ нихъ. О какъ же сладко сердцу
Почтить тебя, любить твое семейство!
Зачѣмъ же вамъ я долженъ быть чужимъ?
Когда душа моя подъ этой кровлей
Всегда живетъ, зачѣмъ же голова
Моя подъ ней не можетъ пріютиться?
Я сирота безродный, безплеменный!
Занятія, кормящія меня,
Способныя легко доставить жизнь
Безнужную, еще кому нибудь, —
Часъ отъ часу грустнѣй, однообразнѣй.
Съ какимъ бы я восторгомъ предавалъ
Плоды трудовъ распоряженьямъ умнымъ,
Надзору ангела! имъ ободренъ,
Какъ мнѣ легокъ, какъ веселъ былъ бы трудъ!
Всѣ помыслы мои туда бъ стремились,
Подъ мирный кровъ, гдѣ сладостный союзъ
Мнѣ возвратилъ природой отнятое,
И подарилъ названіемъ меня
Завиднѣйшимъ, чѣмъ имя брата, сына!
Но рокъ велитъ мнѣ быть для васъ чужимъ...
Живите же, не зная бѣдъ, печалей
И въ памяти храните имя друга.
(*Сжимаетъ руку Германа и смотритъ нѣкоторое время на Ангелику.*)

Ангелика.
(*Выслушавъ его со вниманіемъ, подходитъ и беретъ его за руку.*)
Передъ тобой — сестра. Не требуй болѣ.
(*Вильгельмъ цѣлуетъ у нея руку и уходитъ.*)

В. Щастный.

Критическія замѣчанія на I-й томъ книги подъ названіемъ: Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ.

Имѣвъ честь получить отъ Г. Венелина книгу, изданную имъ подъ заглавіемъ: *Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ*, съ удовольствіемъ прочиталъ оную и въ благодарность за сей подарокъ, не рѣшился оставить безъ замѣчанія того, что не могло быть совершенно извѣстно почтенному Сочинителю. Сюда особенно относятся его сужденія о Гуннахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, занимающихъ нѣсколько страницъ помянутой книги (156 — 164).

1-е. Слово: *Хунну* нѣкогда было видовымъ именемъ одного древнѣйшаго Монгольскаго поколѣнія, но по-

---

Чацкимъ, гдѣ нынѣ занимается преподаваніемъ Польской Словесности. Упражнявшись съ успѣхомъ въ разныхъ родахъ Поэзіи, предался онъ преимущественно Поэзіи драматической и первый изъ Поляковъ въ трагедіяхъ отвергнулъ риѳму, дѣлающую разговоръ неестественнымъ и слѣдственно уничтожающую очарованіе. Глубокость чувствъ и мыслей, сила и отчетливость выраженій, благородство и ясность слога, наконецъ гармонія стиховъ, суть неотъемлемыя достоинства произведеній Г. Корженѣвскаго, едва ли не лучшаго изъ драматическихъ писателей Польши.

Переводчикъ.

томъ за 200 съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х. сдѣлалось общимъ названіемъ цѣлаго народа, именуемаго нынѣ Монголами. Сіе слово есть природное Монгольское, тонически переложенное Китайцами на свой языкъ двумя гіероглифами: *Хунъ-ну*, которые, по внутреннему своему значенію, имѣли смыслъ *злаго раба.* Въ послѣдствіи Китайскій престолохищникъ Вань-Манъ, занятый усмиреніемъ внутреннихъ своихъ враговъ, хотѣлъ обезпечить сѣверные предѣлы Китая отъ Хунновъ, и сдѣлалъ Хану ихъ льстивое предложеніе — сопровождаемое богатыми дарами — замѣнить гіероглифъ *Хун* гіероглифомъ *Гунъ* (*почтительный*). Впрочемъ чрезъ сіе измѣнилось только Китайское тоническое произношеніе народнаго имени Гунновъ, а не самое имя. Но что значило слово *Гунну* на Монгольскомъ языкѣ, по Китайской Исторіи не видно. Сомнительно даже и то, чтобы Китайское тоническое произношеніе было совершенно созвучно съ подлиннымъ Монгольскимъ выговоромъ сего слова; потому, что Китайцы, какъ видно, хотѣли удержать здѣсь смыслъ въ словахъ, а сіе часто заставляетъ ихъ изкажать тоническій выговоръ иностранныхъ собственныхъ именъ.

2-е. У Монголовъ, такъ какъ и въ Китаѣ, отъ древнихъ временъ существуетъ обычай называть каждое свое владѣніе именемъ владѣтельнаго дома, потому, что владѣніе у нихъ почитается личною собственностію владѣтеля. Въ слѣдствіе сего и народное имя Монголовъ измѣнялось при каждой перемѣнѣ господствовавшаго надъ ними дома. Когда домъ Гунновъ покорилъ Монголію, то жители сей страны назвались *Гуннами.* Когда же поколѣніе Сяньбійское уничтожило домъ Гунновъ, то Монголы приняли названіе *Сяньбійцевъ.* Симъ образомъ они послѣдовательно назывались *Тулгасцами, Хойхорцами* (Уйгурами), *Киданями* и *Татаньцами.* Нынѣ тому почти 600 лѣтъ, какъ они называются Монголами по имени поколѣнія, изъ котораго произошелъ Чингисъ-Ханъ, и будутъ извѣстны подъ симъ народнымъ названіемъ до тѣхъ поръ, пока одно которое либо изъ ихъ поколѣній, усилившись, вновь не покоритъ всей Монголіи подъ свою власть. Сколь ни страненъ для насъ обычай измѣнять народное имя при перемѣнѣ владѣтельнаго дома; но сей обычай существуетъ, и при разборѣ историческихъ событій Юговосточной Азіи необходимо должно сообразоваться съ онымъ.

3-е. Въ Китаѣ, со времени изобрѣтенія письма, учреждено при дворѣ Историческое Общество, которое обязано со всею вѣрностію и точностію записывать всѣ важныя происшествія, какъ внутреннія, такъ и заграничныя, имѣющія связь со внутренними. Какъ скоро царствующая династія прекращается, то по воцареніи новаго дома, обыкновенно поручается отъ Правительства Ученой Коммиссіи сочинять Исторію бывшей династіи на основаніи Записокъ Историческаго Общества. При таковомъ вниманіи Правительства къ исторической истинѣ невозможно, чтобы въ Китайской Исторіи допущены были какія либо *нелѣпости* и *вздоръ.* Если что можетъ показаться затруднительнымъ, или лучше сказать, страннымъ для Европейца въ сей Исторіи, то это дипломатическій тонъ ея, который самымъ общимъ словамъ даетъ исключительное значеніе въ отношеніи къ историческимъ лицамъ. Напр. о новомъ своемъ Государѣ пишутъ: *вступилъ на престолъ*; о иностранномъ владѣтелѣ, зависимомъ отъ Китая: *возведенъ на престолъ*; а о независимомъ: *сѣлъ на диванъ* и т. п.

4-е. Монгольское письмо изобрѣтено, или правильнѣе сказать, принято Монголами отъ Югозападныхъ народовъ еще въ 920 году: и такъ нельзя сказать, чтобы они *недавно начали учиться писать.*

5-е. Почтенный Сочинитель старается въ своемъ сочиненіи доказать, что Гунны, появившіеся въ Европѣ въ концѣ IV вѣка, были не Монголы, а Славяне, и доказываетъ это сходствомъ нѣкоторыхъ обыкновеній Гуннскихъ съ Славянскими. Но сія новая мысль основана на одной вѣроятности, которой можно противоположить другую вѣроятность, неменѣе правдоподобную. Исторія Азіи доказываетъ, что кочевые народы, какъ скоро смѣшивались съ осѣдлыми народами многочисленнѣйшими, часто заимствовали не токмо обычаи, но даже нравы и языкъ послѣднихъ. Въ подтвержденіе сей истины, не нужно указывать на примѣры отдаленной древности. Маньчжуры обладаютъ Китаемъ съ 1644 года: но нынѣ едва ли одного Маньчжура изъ живущихъ въ Пекинѣ и другихъ городахъ, можно отличить отъ Китайца по образу жизни. Даже, не смотря на совершенное запрещеніе брачныхъ связей съ Китайцами, Маньчжуры давно потеряли свой языкъ, и нынѣ приготовляющіеся къ государственной службѣ, учатся оному, какъ иностранному. Для чего же не допустить подобной перемѣны съ Гуннами между Славянскими племенами?

6-е. Что касается до перехода Гунновъ изъ Азіи въ Европу, сіе очень возможно было по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Хотя домъ Гунновъ, господствовавшій въ Монголіи, палъ въ изходѣ перваго столѣтія по Р. Х.; но нѣкоторыя поколѣнія изъ сего дома еще обладали землями нынѣшней Чжуньгаріи и южными предѣлами Губерній Томской и Енисейской. Даже въ изходѣ IV вѣка они еще не зависѣли отъ Дома Сяньбійскаго. Сверхъ сего можетъ служить сему доказательствомъ и довольно извѣстный древній обрядъ войны у кочевыхъ народовъ. Сильное племя на пути побѣдъ уподоблялось горному потоку, непрестанно возрастающему съ теченія, отъ принятія въ себя другихъ потоковъ. И такъ нельзя почитать невѣроятнымъ, чтобы Монголы около Бухтармы и Омска, называвшіеся еще Гуннами, не могли проникнуть чрезъ Кавказъ или Уралъ въ Европу. А что современные Китайцы ничего не писали о походѣ Гунновъ на Западъ, это потому, что Китайское Правительство вноситъ въ свою Исторію тѣ только заграничныя произшествія, которыхъ ходъ совершенно зависѣлъ отъ его вліянія, или которыя имѣли по крайней мѣрѣ отношеніе къ его разпоряженіямъ за границею. И такъ молчаніемъ Китайской Исторіи менѣе всего можно опровергать возможность нашествія Гунновъ на Европу.

7-е. Г. Венелинъ цѣлыя три страницы (43—45) посвятилъ изслѣдованію слова *Хаганъ* или *Ханъ*, и неотыскавъ истиннаго его произхожденія, принялъ за *произвольное, зависѣвшее отъ однихъ писателей. Хаганъ* есть Монгольское слово; оно значитъ: Государь. Сѣверные Монголы выговариваютъ сіе слово: Ханъ и Хаганъ, а Южные—Хань. Пишется Каганъ. Крымскіе Татаре прежде называли Хаганами своихъ владѣтелей. Нынѣ Казачьи и Кэргизскія племена въ Средней Азіи называютъ своихъ владѣтелей также Ханами.

8-е. Какъ Г. Венелинъ предположилъ издать еще три или четыре тома по сему же предмету; то при всѣхъ сихъ поясненіяхъ почитаю нужнымъ указать и на неосторожное употребленіе словъ. Напр. на страницѣ 93 сказано: »какіе-то Хунны въ Монголіи и Китаѣ *у береговъ Восточнаго Океана* и пр. »Хуннами назывались нынѣшніе Монголы, коихъ земли отъ Востока къ Западу искони постоянно лежатъ въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, какіе нынѣ опредѣлены имъ на картѣ. Земли же, лежащія далѣе на Востокъ къ берегамъ Восточнаго Океана, всегда принадлежали Тунгузскимъ племенамъ, изъ коихъ Маньчжурское нынѣ обладаетъ Китаемъ. Подобная невнимательность можетъ поселить въ читателѣ недовѣрчивость къ самымъ геніальнымъ мнѣніямъ въ историческомъ Критикѣ. Далѣе, на стран. 136 говоритъ:» изъ этого видно, что женскій полъ у Гунновъ былъ очень на свободѣ: можно ли подумать, »чтобы Гунны были Татаре? »То правда, что женскій полъ у Татаръ лишенъ удовольствія быть въ собраніяхъ съ посторонними мужчинами; но каждый, кто только проѣзжалъ Монголію, знаетъ, что женщины у Монголовъ пользуются полною свободою въ обращеніи не токмо съ единоземцами, но и съ иностранцами. Почтенный Сочинитель, признавая Гунновъ за *Монголовъ*, здѣсь называетъ ихъ *Татарами*, и чрезъ то, по видимому, смѣшиваетъ сіи два названія въ одно. *Монголами* называемъ жителей Монголіи, которой предѣлы извѣстны по картамъ географическимъ. Названіе же *Татаръ* Росіяне усвоили однимъ Турецкимъ племенамъ, обитающимъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи; далѣе сихъ предѣловъ не должно разпространять сего названія. Напротивъ Европейцы, по праву ума будто бы въ нихъ превыспренняго, внесли въ область Исторіи и Географіи много неосновательнаго, и донынѣ несправедливо разумѣютъ подъ названіемъ Татаръ племена Турецкія, Монгольскія и Тунгузскія, обитающія на протяженіи отъ Каспійскаго моря на Востокъ до береговъ Океана. Историческіе Критики настоящаго времени, при самыхъ глубокихъ и основательныхъ розыскахъ еще не могли открыть, какой народъ древніе Греки разумѣли подъ названіемъ *Скиѳовъ*? Можетъ быть, что по прошествіи еще 20-ти столѣтій наши потомки, читая разныя Исторіи нашего времени, и находя противорѣчія въ названіяхъ Государствъ и народовъ, съ неменьшимъ недоумѣніемъ будутъ спрашивать другъ у друга: какой народъ Французы называли *Татарами*, а Рускіе Киргизъ-Кайсаками?

Я не въ состояніи былъ сдѣлать разбора на всю книгу Г. Венелина, потому что Исторія Болгаръ есть предметъ, мало для меня извѣстный. Но поелику критика историческая, взятая какъ наука, должна быть по существу своему одинакова въ отношеніи къ Исторіи каждаго народа, то и на сочиненіе сіе въ цѣломъ можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: *производный, натянутый разборъ словъ по созвучію, кольми паче съ языковъ, неизвѣстныхъ сочинителю, есть самое зыблемое основаніе для историческихъ предположеній.* Такъ точно думалъ и Г. Венелинъ; но совсѣмъ тѣмъ нерѣдко поступалъ вопреки своему мнѣнію и увлекался словопроизводствомъ по созвучію. Кошка по Маньчжурски называется *Кöшкö.* Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что или Россіяне пришли въ Европу съ устья Амура, или Тунгусы удалились туда съ береговъ Вислы? И то и другое несправедливо. Это есть только случайное сходство въ наименованіи одного животнаго на двухъ различныхъ языкахъ.

Впрочемъ, никто не можетъ оспоривать у Г. Венелина чести открытія нѣкоторыхъ новыхъ положеній относительно произхожденія народовъ. Библейская Исторія доказываетъ (да и въ порядкѣ вещей такъ надлежитъ быть сему), что первоначально общества образовались изъ семействъ богатыхъ и землею и невольниками; изъ соединенія обществъ соплеменныхъ по единству языка, составились народы. Отсюда само собою явствуетъ, что каждое общество какого либо народа существовало задолго до своего соединенія съ соплеменными, и имѣло свое видовое или частное названіе; общество, усилившееся между соплеменными по перевѣсу могущества, дѣлалось извѣстнымъ у смежныхъ народовъ по торговымъ и политическимъ связямъ съ ними; сіи общества, взаимно низпровергая другъ друга, поперемѣнно владычествовали надъ соплеменниками; а смежные народы болѣе знали имена тѣхъ сильныхъ обществъ, съ которыми имѣли сношенія. Но могло быть, что современные Историки подъ видовымъ названіемъ сильныхъ обществъ иногда разу-

Из фондов Российской государственной библиотеки

мѣли цѣлый народъ: но какъ они не оставили точныхъ свѣдѣній по сему предмету, то очень вѣроятно, что мы, неимѣя ключа къ раскрытію темныхъ мѣстъ въ древней Исторіи, иногда подъ видовыми именами соплеменныхъ обществъ разумѣемъ различные народы. Надлежало бы и съ сей точки обратить нѣкоторое вниманіе на изслѣдованіе древности Рускаго народа.

I.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рускія книги.

Театръ Николая Хмельницкаго. Часть I.—С. П. б., въ типогр. вдовы Плюшаръ, 1829. (310 стр. въ больш. 8-ю д. л., съ портретомъ Сочинителя и гравирован. заглавнымъ листкомъ. (*)

Г. Хмельницкій по большей части переводилъ или передѣлывалъ на наши нравы, нѣкоторыя изъ второстепенныхъ комедій Французскаго театра. Отличительное свойство его сочиненій и переводовъ: свободное, легкое стихосложеніе, живой, разговорный языкъ и умѣнье счастливо передавать *затверженный стихъ* писателя иностраннаго. Въ семъ первомъ томѣ его *Театра*, заключаются слѣдующія комедіи: *Говорунъ; Воздушные замки; Шалости влюбленныхъ; Нерѣшительный; Свѣтскій случай* и *Взаимныя испытанія*. — Изданіе отлично хорошо.

Основныя правила Турецкаго разговорнаго языка.—С. П. б. въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщ. 1829 (76 стр. въ 8-ю д. л. (**).

Эта книжка составляетъ собою вторую часть *Карманной книги для Рускихъ воиновъ въ Турецкихъ походахъ*, составленной извѣстнымъ Оріенталистомъ, О. И. Сенковскимъ. Первая часть, изданная въ половинѣ прошлаго года, заключала въ себѣ Разговоры Россійско-Турецкіе и Словарь употребительнѣйшихъ словъ, въ коихъ Турецкія слова написаны Рускими буквами, съ означеніемъ ударенія голоса въ тѣхъ случаяхъ, кои отступаютъ отъ общаго правила. Въ отпечатанной нынѣ второй части, предлагаются правила произношенія и вообще грамматическія понятія о Турецкомъ языкѣ. Для людей военныхъ, не обучавшихся прежде языку сему, книга Г. Сенковскаго можетъ быть достаточнымъ пособіемъ во время разъѣздовъ, фуражировки и тому подобныхъ случаевъ, и для нихъ-то въ особенности она приноровлена. Книга сія напечатана по Высочайшему Повелѣнію.

АЛЬМАНАХИ 1830 года.

Царское Село. Альманахъ на 1830 годъ. Изданъ Н. Коншинымъ и Барономъ Розеномъ — С. П. б. въ типогр. Плюшара (312 стр. въ 16 д. л., съ портретомъ Б. Дельвига, заглавною виньеткой и листкомъ нотъ (*).

Нынѣшній годъ, кажется, обѣщаетъ любителямъ легкаго чтенія обильную жатву Альманаховъ. О четырехъ изъ нихъ, мы уже отдали отчетъ въ Литературной Газетѣ; вотъ и пятый; въ слѣдующемъ № представимъ читателямъ нашимъ разсмотрѣніе шестаго (*Денницы*); ожидаемъ еще седьмаго (*Невскаго Альманаха*) и думаемъ, что онъ будетъ не послѣднимъ, въ буквальномъ смыслѣ, подаркомъ на 1830-й годъ. Кто знаетъ, сколько Рускихъ Альманаховъ таится еще въ станкахъ типографскихъ? Иные изъ нихъ, можетъ быть, явятся по примѣру прошлогоднихъ — подарками на вторую половину года.

Проза Альманаха: *Царское Село,* состоитъ изъ слѣдующихъ статей: *Островъ на садовомъ озерѣ*, преданіе (соч. Г. Коншина). Въ сей повѣсти, довольно хорошо изображенъ дворъ Екатерины II-й и еще лучше описаны роскошные пиры богатѣйшаго изъ вельможъ старой Польши, *полудержавнаго* Радзивила, какъ весьма удачно выразился о немъ Сочинитель. *Сказка о Медвѣдѣ Костоломѣ и объ Иванѣ купецкомъ сынѣ*, соч. О. Сомова: попытка разсказа, въ духѣ народныхъ Рускихъ сказокъ. — *Розалія*, соч. Б. Р — а. Прекрасная, богатая чувствомъ, и, какъ видно, отъ души написанная картина! *Походъ къ Малому Ярославцу и обстоятельства, сопровождавшія бой при семъ городѣ* (отрывки изъ Исторіи войны 1812 года), Ѳ. Глинки. Сочинитель описываетъ событія сей войны не столько въ стратеги-

---

(*) Продается у Гг. Слѣнина, Смирдина, Замкина и другихъ книгопродавцевъ. Цѣна обѣимъ частямъ на велен. бумагѣ 20 р.; за пересылку прилагается 2. р.

(**) Продается въ книжномъ магазинѣ Слѣнина, въ д. Имзена, у Казанскаго моста. Цѣна 3. р., а вмѣстѣ съ первою частью, 8 р.

(*) Продается у Гг. Слѣнина и Смирдина, въ Москвѣ у Г. Ширяева. Цѣна сей книжки съ пересылкою и безъ оной, 10 руб.

Из фондов Российской государственной библиотеки

ческомъ, сколько въ нравственномъ и анекдотическомъ отношеніи. Нѣкоторыя частныя обстоятельства, имъ подмѣченныя, никѣмъ еще не были описаны. Желаемъ поскорѣе видѣть вполнѣ его *Исторію* 1812 *года.* — *Село Ивановское.* Происшествіе, послужившее основой небольшой сей повѣсти, хотя и не ново, но весьма хорошо разсказано молодымъ Литераторомъ, подписавшимъ имя свое: А. Влидге. — *Все изъ ничего.* Сцена ежедневной свѣтской болтовни, описанная О. Сомовымъ. — Стихотвореній 42. Поименуемъ нѣкоторыя изъ нихъ: А. Пушкина: *Зимнее утро* — *Загадка* — *Изъ Гафиза.* Баратынскаго: *Эпиграмма*—*Въ Альбомъ отъѣзжающей* — *Фея* — *Невѣстѣ.* Б. Дельвига: *Пѣсня*—*Застольная пѣсня.* Глинки (Ѳ): *Бѣдное дитя* — *Будущность* — *Лѣтній Сѣверный вечеръ* — *Олонецкая пѣсня* и проч. Б. Розена: *Весталка* — *Прелестной Москвитянкѣ* — *Аделина* — *Спальня*—*Рынды* и *Псковитянинъ*, два отрывка изъ поэмы: Рожденіе Іоанна Грознаго, и пр. Щастнаго: Отрывокъ изъ драматич. поэмы I. Корженёвскаго: *Ангелика.* Деларю: *Два Сонета*—*Падшій Серафимъ* и пр. и пр. Изъ сихъ стихотвореній, выписываемъ *Эпиграмму* Баратынскаго, замѣчательную по добродушному совѣту, который въ ней дается.

Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній?
Кипитъ война . . . но что же? никому
Побѣды нѣтъ! Сказать ли, почему?
Ни у кого ни мыслей нѣтъ, ни мнѣній!
Хотите ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать кого нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

СМѢСЬ.

Литературныя новости. Января 15 вышелъ здѣсь 1-й No Польской газеты: Tygodnik Petersburski (*С. Петербургскій еженедѣльникъ*). Содержаніе: извѣстія внутреннія, заграничныя и коммерческія, Литература и Смѣсь. Въ сей послѣдней, замѣчательны извлеченія изъ писемъ А. Мицкевича, писанныхъ имъ изъ Рима, въ концѣ прошлаго года (помѣщаемъ здѣсь переводъ сей статьи, богатой мыслями), также исчисленіе Польскихъ и Рускихъ періодическихъ изданій на нынѣшній годъ.—Къ концу сего мѣсяца, отпечатается: *Карелія или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой, описательное стихотвореніе* Ѳ. Н. Глинки, въ четырехъ частяхъ или пѣсняхъ. Въ рамѣ историческаго событія, Поэтъ изобразилъ преданія и повѣрья *лѣсной Карелы.* Четыре сказки о *Витязѣ Заонѣгѣ*, помѣщенныя въ 3-й части, носятъ на себѣ общую печать Рускихъ народныхъ сказокъ: чудесное въ подвигахъ и богатырскихъ встрѣчахъ. Но болѣе всего читателямъ понравится въ *Кареліи* мѣстность тамошняго края, изображенная во всей дикой красотѣ ея. Примѣчанія о нравахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Кареловъ и проч. и проч., также весьма любопытны.

Извлеченія изъ писемъ Адама Мицкевича, писанныхъ изъ Рима въ исходѣ Ноября и половинѣ Декабря 1829 *г.* Изъ Венеціи отправились мы чрезъ Феррару и Болонію во Флоренцію, гдѣ пробыли три недѣли . . . . Римъ оглушилъ меня и куполъ церкви Св. Петра покрылъ собою всѣ памятники Италіи . . . . По Музеуму я еще только прошелся скорымъ шагомъ; у меня разбѣгались глаза и я едва успѣвалъ останавливать ихъ на Аполлонѣ, Лаокоонѣ и Гладіаторѣ. Прогулка моя продолжалась два часа. Если бы ты собралъ вмѣстѣ статуи и гипсы Дрезденскіе, Венеціянскіе и даже Флорентинскіе, то легко бы могъ упрятать ихъ всѣ въ уголкѣ Ватикана. Здѣшній Музеумъ есть настоящій городъ статуй, заваленный саркофагами и выштукатуренный надписями. Послѣ Рима отпадетъ навсегда охота осматривать собранія статуй и картинъ, и то, что нѣкогда было разсматриваемо съ восторгомъ, воспоминается съ нѣкоторымъ стыдомъ. — Римскіе ученые едва по слуху знаютъ Нѣмцевъ и Англичанъ и смѣются надъ Байрономъ. За то у нихъ есть свои великіе люди, извѣстные до самаго Тибра. Въ Ломбардіи болѣе жизни: новая Литература, двигнувшись оттуда грозно, уже стоитъ надъ Рубикономъ. — Ливій имѣетъ особенную прелесть здѣсь на мѣстѣ, ибо вечеромъ можно пойти осмотрѣть сцену событій, прочитанныхъ поутру. — Объ Римѣ трудно писать. Байронъ, подобно Горацію Коклесу, гигантскимъ шагомъ занялъ мостъ на Тибрѣ. Ingenti gradu occupavit pontem.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 25-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМ. I. №. 7. ЯНВАРЯ 31-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-*го числа* (*въ Среду*), — 10-*го* (*въ Понедѣльникъ*), — 15-*го* (*въ Субботу*,) — 20-*го* (*въ Четвертокъ*), *и* 25-*го* (*во Вторникъ*).

КИРГИЗЦЫ.

(**Отрывокъ изъ повѣсти:** *Якубъ-Батырь*, соч. А. П. Крюкова.)

Повѣсть, изъ которой здѣсь предлагается отрывокъ, написана назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Авторъ желалъ изобразить въ ней нравы, обычаи, суевѣрія и обряды достопримѣчательнаго народа, который, живучи съ нами въ весьма тѣсной связи, менѣе, можетъ быть, намъ извѣстенъ, нежели дикіе обитатели Африки и Новаго Свѣта. Герой повѣсти — Яковъ или *Якубъ-Батырь*, какъ называли его Киргизцы — есть Руской, съ малолѣтства захваченный въ плѣнъ Ордынцами и совершенно присвоившій себѣ ихъ вѣру, языкъ и привычки; но онъ сохранилъ и твердость духа, и крѣпость тѣлесную, и пріятную наружность, сродныя потомкамъ древнихъ Славянъ.

К.

Внутренность Киргизской кибитки походитъ на внутренность полу-шара. Основаніе ея составляютъ тонкія деревянныя рѣшетки, выкрашенныя красною краскою. Бока кибитки обведены внутри *чіями*, родомъ соломеныхъ рогожъ, переплетенныхъ разноцвѣтною шерстью. Сверху и съ боковъ она укутана войлоками, такъ что открывается одна только дверь, и при надобности, самый верхъ для выхода дыма.

Противъ самаго входа въ кибитку, на коврахъ и подушкахъ сидѣлъ, поджавши ноги, Султанъ Нуралій, старикъ съ бѣлою какъ снѣгъ бородою и полнымъ, румянымъ лицемъ. Нѣсколько другихъ *Аксакаловъ* (т. е. бѣлобородыхъ) сидѣли по сторонамъ Нуралія, и, занимаясь важными сужденіями о народныхъ дѣлахъ, не забывали осушать огромныхъ чашъ съ *кумысомъ*, которыя подносила имъ старая баба. Въ это время вошелъ Яковъ. Онъ сдѣлалъ привѣтствіе Султану и старикамъ, положа, по Киргизскому обычаю, обѣ руки на грудь, склонясь всѣмъ тѣломъ и сказавъ: *ассàлау-малѝкымъ* (т. е. желаю здравія). Всѣ старики отвѣчали ему тихо и протяжно: *маликымъ-ссалымъ*. Потомъ молодой человѣкъ пожалъ у всѣхъ руки обѣими своими руками съ видомъ глубочайшаго почтенія и занялъ приличное мѣсто. »Что, Якубъ,« спросилъ его Нуралій: »осматривалъ ли ты наши стада?« — «Осматривалъ, степенный Султанъ! все, слава Богу, благополучно. Твоя любимая кобыла принесла *чернаго* жеребенка. Съ верблюдовъ и овецъ сняли множество шерсти. Только волкъ повадился рѣзать нашихъ барановъ. Прошедшею ночью опять удалось ему одного утащить. Но я съ нимъ раздѣлаюсь. Мы согласились уже съ Баймахмутомъ ѣхать подъ вечеръ на охоту и отыскать нашего вора. Шкуру его привеземъ тебѣ, степенный Султанъ, на теплый *малахай*.« — «Хорошо; только не сули шкуры, не затравивъ звѣря. Справедливость этой пословицы испыталъ я на себѣ. Въ холодную зиму, когда убили Хана Абурхаира, ночевалъ нашъ аулъ на берегу Аральскаго моря, въ большихъ камышахъ. Все было хорошо; лишь одинъ огромный кабанъ не давалъ покою нашимъ стадамъ. Вотъ я и сказалъ блаженной памяти моему родителю Султану Досгалію: я убью проклятаго кабана и привезу тебѣ его голову. На другой день, взявши собакъ, поѣхалъ я съ нѣсколькими товарищами въ камыши, гдѣ жилъ кабанъ. Нашли мы его и подняли съ мѣста. Удаляясь отъ насъ, кабанъ ужасными своими клыками рѣзалъ толстый камышъ, попадавшійся ему на пути. Мнѣ первому удалось настичь звѣря и вонзить стрѣлу въ его спину. При семъ случаѣ, по неопытности моей, я не догадался удалиться съ пути, по которому бѣжалъ звѣрь: а извѣстно, что онъ, будучи раненъ, обращается назадъ по прежнимъ слѣдамъ и ищетъ того, кто его ранилъ. Кабанъ мой, оборотясь, кинулся на меня съ такою яростію, что я напрасно хотѣлъ ему противиться. Въ одно мгновеніе распоролъ онъ брюхо у моей лошади и если бы товарищи крикомъ и ударами его не прогнали, то не бывать бы, друзья, мнѣ теперь съ вами! Вотъ каково обѣщать шкуру, не убивши звѣря!« Все собраніе съ великимъ вниманіемъ слушало разсказъ Нуралія и благодарило Небо за его спасеніе. Между тѣмъ новые старики безпрестанно входили въ кибитку и послѣ обычныхъ привѣтствій, чинно садились по мѣстамъ, такъ что наконецъ около кипящаго котла составился кругъ *Аксакаловъ*. Начали разбирать разныя народныя тяжбы и судить обидчиковъ и нарушителей общественныхъ правъ. Законы ихъ, основанные на преданіи, не были начертаны ни на мраморныхъ скрижаляхъ, ни на мѣдныхъ доскахъ, но за то неизмѣнная память сохранила ихъ со всею простотою древнихъ патріархальныхъ временъ. Султанъ изрекалъ приговоры, старики утверждали ихъ и всякой подсудимый съ трепетомъ повиновался рѣшенію стариковъ.— Послушаемъ ихъ сужденій: «Доскара убилъ Телюгбая; родственники сего послѣдняго могутъ два года преслѣдовать убійцу и погубить его; но если онъ въ теченіе сего времени избѣгнетъ ихъ наказанія, то долженъ дать родственникамъ убитаго сто лошадей, одного невольника и двухъ верблюдовъ.«— Такъ произнесъ Султанъ Нуралій. »Соглашаемся,« сказали старики, поглаживая бороды.—«Бурюкъ укралъ у Темир-ира двухъ барановъ. Да отдастъ за сіе Темир-иру 18 барановъ, по обычаю прошлыхъ временъ.« — »Соглашаемся.« — «Розумбай дерзнулъ обезчестить Мухаметя, схвативъ его за бороду; за сіе должно высѣчь Розумбая нагайками, такъ чтобъ онъ долго помнилъ сіе наказаніе.« — «Соглашаемся, соглашаемся,« повторяли *Аксакалы* за каждымъ рѣшеніемъ Султана. Симъ окончились сужденія. Баранина въ котлѣ уже приготовилась. Всѣ присутствующіе вымыли руки и прочли короткую молитву; послѣ чего невольникъ (или *Язюрень*) изъ Казанскихъ Татаръ, приступилъ къ исполненію должности повара и *метр-д-отеля*. Онъ вынималъ изъ бульона куски баранины, крошилъ ихъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ на мѣлкіе кусочки и въ такомъ видѣ подавалъ чаши Нуралію, который передавалъ ихъ почетнѣйшимъ изъ гостей. Кушанье сіе, называемое *бишбармакъ* (т. е. пять пальцевъ), ѣли они съ величайшею жадностію и сообразно съ его названіемъ, пятью пальцами. Кому Султанъ хотѣлъ оказать особенное свое благорасположеніе, тому клалъ онъ въ ротъ большую горсть мяса собственною своею рукою — и гость, отличенный сею милостію, поглядывалъ на другихъ съ улыбкою самодовольствія, даже старался надувать щеки, чтобъ увеличить въ глазахъ собесѣдниковъ количество положенной ему въ ротъ пищи и важность благоволенія, ему оказаннаго. Странный предразсудокъ: но и въ просвѣщенныхъ народахъ не случается ли, что пустое слово вельможи, на ухо сказанное, *пучитъ*, такъ сказать, наружность бѣднаго честолюбца и раждаетъ ему многихъ завистниковъ. Обратимся къ Киргизцамъ. Самые бѣднѣйшіе изъ гостей довольствовались костями, которыя они обгладывали весьма чисто. — Впрочемъ *Аксакалы*, наполняя желудки свои *бишбармакомъ*, не забыли главной причины собранія. Оная состояла въ слѣдующемъ: Джаламанъ, старшина Джигитинскаго рода, величайшій степный разбойникъ, въ началѣ прошедшаго лѣта напалъ на *аулъ* Нуралія и отогналъ нѣсколько лошадей и верблюдовъ. Народная польза требовала отмщенія. Узнали, что Джаламанъ кочуетъ недалеко, и что лучшіе его *батыри* отправились разбойничать на Рускую границу. Вотъ удобное время сдѣлать *баранту* или нападеніе на Джаламановъ *аулъ* и возвратить похищенный скотъ. — По рѣшенію *Аксакаловъ*, должно было немедленно приготовиться къ *барантѣ*. *Якубъ-Батырю*, или просто Якову, какъ храбрѣйшему изъ всѣхъ Ордынцевъ Нураліевыхъ, поручено предводительство надъ Киргизцами. « Много разъ, сынъ мой,« говорилъ ему Нуралій, «отличался ты въ ратныхъ подвигахъ, и во всей Ордѣ нѣтъ витязя, тебя могущественнѣе; а потому я надѣюсь, что въ настоящемъ народномъ дѣлѣ ты оправдаешь ту отеческую любовь, которую я къ тебѣ чувствую. Возьми лучшаго изъ моихъ коней, возьми мой панцырь, мою Персидскую саблю и булатное копье мое и завтра поутру отправляйся къ *аулу* буйнаго Джаламана. Баймахмутъ, мой племянникъ, поѣдетъ съ тобою. Не покидайте другъ друга въ опасностяхъ — и да сохранитъ васъ Богъ и Моггаметъ, пророкъ Его!« — Яковъ отвѣчалъ на сію рѣчь изъявленіемъ преданности, и пошелъ приготовиться къ молодецкому подвигу; а за нимъ разбрелось и все сѣдобрадое собраніе, исчерпавъ напередъ весь кумысъ изъ огромной *сабы*.

Хлопотливое суевѣріе не участвовало на сей разъ въ приготовленіяхъ къ *барантѣ;* ибо характеръ Якова былъ выше слѣпыхъ предразсудковъ, господствующихъ между Ордынцами. Онъ не вѣрилъ нелѣпымъ предсказаніямъ *Фалшей*, звѣздочетовъ Киргизскихъ; не хотѣлъ, чтобъ *Бакзы* употребили въ его пользу нечистыхъ духовъ, съ которыми они дружны; не заставлялъ *Ярунчей* предсказывать ему темное будущее по таинственнымъ трещинамъ на брошенной въ огонь бараньей лопаткѣ, или по звукамъ сотрясаемой тетивы: но надѣясь болѣе всего на крѣпкій булатъ и могучую руку, старался острѣе наточить свою Персидскую саблю.

Вотъ уже воинственная толпа, перевалясь чрезъ гордый хребетъ Буканбайтау, явилась среди необозримой равнины, лежащей между песками и Хивинскими караванными дорогами. Положено было переночевать у колодца *Суръ-Кудука*, и на утренней зарѣ отправиться къ озерамъ *Челаръ* и *Юрманъ*, близъ которыхъ, по вѣрнымъ извѣсшіямъ, находилось кочевье Джаламана. Ордынцы ѣхали широкими шагомъ, перемѣняющимся иногда въ легкую рысь. У каждаго изъ нихъ была заводная лошадь, а въ торокахъ висѣлъ *турсукъ* съ кумысомъ и мѣшокъ съ съѣстными припасами. Лучшіе изъ батырей были одѣты съ головы до колѣнъ въ крѣпкія стальныя кольчуги и всѣ вообще имѣли за плечами огромныя ружья или луки и колчаны, на поясѣ сабли, а въ рукахъ длинныя зыбкія пики, которыми Ордынцы дѣлаютъ чудеса въ гибельныхъ своихъ сшибкахъ. Одни изъ наѣздниковъ тихо разговаривали между собою; другіе напѣвали заунывныя пѣсни, содержаніемъ коихъ по большей части было настоящее положеніе полудикихъ пѣвцовъ. Каждый Киргизецъ — импровизаторъ. Довольно самаго обыкновеннаго случая жизни, самаго обыкновеннаго явленія въ природѣ, чтобы воспламенить восторгъ въ пылкомъ Ордынцѣ, и заставить его безъ приготовленія выражать нестройными звуками нестройныя чувства души свободной и горделивой. И такъ, одни говорили, другіе пѣли; но всѣхъ достопримѣчательнѣе были тѣ, которые не пѣли и не говорили. Это были Ордынцы, закоренѣвшіе въ разбояхъ, видавшіе тысячу разъ кровавые ужасы *баранты*. Они ѣхали съ молчаливою важностію, и зоркимъ окомъ посматривали на право и на лѣво, впередъ и назадъ, какъ волкъ, вышедшій на добычу, или какъ беркутъ, плавающій по воздуху надъ необозримымъ пространствомъ степей.

Батырь-Якубъ и воинственный Баймахмутъ ѣхали рядомъ и заранѣе сговаривались о средствахъ нападенія на Джаламановъ аулъ. Истинное удовольствіе сіяло въ глазахъ Якова. Двадцати-двухъ-лѣтнему его самолюбію льстила рабская покорность Ордынцевъ и въ пылкую душу вкрадывалась жажда почестей и желаніе гибельной славы. Во глубинѣ сердца творилъ онъ обѣтъ удивить своимъ мужествомъ знаменитѣйшихъ батырей — и святая Русь была забыта въ сію торжественную минуту.

День склонялся къ вечеру и вожакъ, старый Киргизецъ, говорилъ, что до мѣста ночлега оставалось не болѣе Киргизскаго переезда. Утомленные батыри начали поторапливать своихъ коней.... Какъ вдругъ, въ правой сторонѣ, на краю горизонта показалась большая толпа, надъ которою вилось облако пыли.

При семъ явленіи батыри наши остановились; между ними начались толки, обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ. — »*Что это за люди*?« спрашивали одни изъ нихъ; — »*Рускіе*,« отвѣчали другіе. »Нѣтъ; это Ордынцы,« говорили третьи. «Точно Ордынцы!« сказалъ одинъ старый батырь: »это безъ сомнѣнія Джаламановы люди, возвращающіеся съ баранты.« — »Да, да, Джаламановы люди;« зашептали всѣ, и съ тайнымъ страхомъ поправлялись на сѣдлахъ и осматривали свое оружіе.» Надобно отъ нихъ удалиться;« говорили робкіе наѣздники. — «Надобно засѣсть въ оврагѣ и напасть на нихъ нечаянно;« ворчали старые, закоренѣлые въ бояхъ батыри. — »Надобно ждать ихъ на мѣстѣ и узнать, кто они: друзья наши, или враги,« сказалъ Яковъ спокойно — и всѣ повиновались его рѣшительной волѣ.

Между тѣмъ незнакомая толпа подвигалась ближе и ближе. Уже можно было различать коней отъ всадниковъ, сталь оружія отъ цвѣта одеждъ. Казалось, замѣтивъ нашихъ батырей, она на минуту остановилась, какъ бы въ нерѣшимости, что ей дѣлать, и потомъ поѣхала скорою рысью прямо на нихъ.

Это были точно Ордынцы. Табунъ лошадей, отчасти навьюченныхъ разною поклажею, который гнали они передъ собою, заставлялъ думать, что шайка ихъ совершила удачный набѣгъ на Линію или счастливо ограбила смирныхъ Букеевцевъ, въ ихъ песчаныхъ степяхъ. Надѣясь на свое множество, сіи наѣздники смѣло ѣхали на нашихъ батырей; но рѣшительность сихъ послѣднихъ заставила наконецъ незнакомцевъ остановиться.

ВОРОЖБА.

Ночь свѣтла; луна сквозь тучи
Озаряетъ небосклонъ;
На дворѣ морозъ трескучій,
Надъ деревней мирный сонъ.
Съ трескомъ легкимъ и печальнымъ*
Въ комелькѣ огонь горитъ;
Передъ нимъ въ шушунѣ спальномъ
Няня старая сидитъ.

Духъ волнуется тоскою....
»Няня! завтра новый годъ:
Что-то добраго съ собою
Гость желанный принесетъ?
Знаешь, милая: нельзя ли
Воску яраго принесть,
Да про новыя печали
Года новаго развѣсть?

Съ приговорками, съ мольбою,
Загадай-ка обо мнѣ:
Что? останусь ли съ тобою
Я въ родимой сторонѣ,
Иль, по Божію велѣнью,
Въ чужь далёкую умчусь,
Или новой мирной тѣнью
Къ старымъ тѣнямъ поплетусь?

Или нѣтъ! зачѣмъ далёко
О судьбѣ своей гадать?

Что назначено жестокой,
Тому быть, не миновать...
Загадай-ка лучше, няня,
Не пройдешь ли поутру
Завтра маленькая Таня
Здѣсь по снѣжному ковру?

Не блеснутъ ли мимо оконъ
Розы милаго лица?
Не мелькнетъ ли русый локонъ
У тесоваго крыльца?
И въ восторгѣ, въ упоеньи,
Буду ль я въ ночной тиши
Цѣловать въ самозабвеньи
Очи дѣвицы-души?

Что же дряхлой головою
Ты насмѣшливо трясёшь?
Полно, старая! съ тобою
Развѣ не было того жь?
Въ дни, когда была моложе,
Знала, вѣрно, ты, мой свѣтъ,
Что восторга мигъ дороже,
Чѣмъ десятокъ скучныхъ лѣтъ!

М. Деларю.

МЫСЛИ о МАКБЕТѢ,

трагедіи Шекспира.

Для того, кто неохотникъ до такъ называемыхъ общихъ мѣстъ, довольно трудно послѣ Лессинга, Гёте, Шлегеля и другихъ великихъ Критиковъ разсуждать о твореніяхъ, каковы Гамлетъ, Ромео и Юлія, Лиръ, Ричардъ III и наконецъ Макбетъ. Прибавимъ, что о Макбетѣ почти еще труднѣе сказать что нибудь новое, нежели о прочихъ, помянутыхъ нами великихъ созданіяхъ Шекспирова генія. Возьмемъ для примѣра Гамлета, который по прекрасному переводу Г. В—ка безъ сомнѣнія теперь уже извѣстенъ всякому Рускому читателю: Философія въ сей трагедіи такъ глубока, характеръ героя и всѣ его поступки, или лучше сказать, все, что съ нимъ сбывается (ибо отличительная черта въ Гамлетѣ именно его бездѣйственность)— начертаны съ такимъ необыкновеннымъ знаніемъ сердца человѣческаго, съ такимъ вдохновеннымъ знаніемъ путей Провидѣнія, что оцѣнить вполнѣ сіе твореніе даже умный читатель можетъ не вдругъ; а Критикъ всегда найдетъ въ немъ поводъ къ поясненіямъ, изслѣдованіямъ, изложеніямъ красотъ, неудовлетворительно еще расмотрѣнныхъ его предшественниками. Въ нѣкоторыхъ Академіяхъ Италіи встарину находился особенный Профессоръ, которому поручалось толковать Дантеву Divina Commedia; такимъ толкованіямъ можно бы подвергнуть не безъ успѣха и Гамлета, хотя предѣлы онаго и направленіе менѣе дидактическое конечно представляли бы изысканіямъ поле не столь обширное. Макбетъ же, напротивъ, поразитъ съ самаго начала всякаго: красоты его большею частію таковы, что и простолюдимъ и ученый, и прозаикъ и поэтъ, и свободный романтикъ и даже подобострастный поклонникъ прежней Французской школы, *должны* ихъ признать, сколь бы тому ни противились ихъ предразсудки, *должны* ихъ почувствовать, хотя конечно и не въ равной степени, съ живостію не одинакою. Естественно, что подобная поэма легче можетъ быть понята, нежели Гамлетъ, писанный, можно сказать, только для извѣстнаго круга читателей; естественно, что надъ оною скорѣе истощится критика. Симъ нимало не думаемъ унизить достоинство Макбета, вѣковое, непоколебимое. Если въ Гамлетѣ — въ чемъ нѣтъ сомнѣнія — болѣе глубокомыслія; въ Макбетѣ не въ примѣръ болѣе силы, движенія, возвышенности. Въ Гамлетѣ Шекспиръ является преимущественно Философомъ: въ Макбетѣ онъ первый, величайшій (можетъ быть) Поэтъ романтическій.

Но окончимъ сіе сравненіе: сравненія, *параллели* завлекаютъ въ общія мѣста, а ихъ-то избѣгать мы были намѣрены. Не станемъ также говорить о чертахъ въ послѣдней трагедіи, подобныхъ которымъ довольно было бы и одной, дабы обезсмертить имя другаго писателя; таковы напр. первая встрѣча Макбета и Банко съ вѣщими сестрами, монологъ Макбета передъ первымъ своимъ злодѣяніемъ, разговоръ его съ женою послѣ онаго, явленіе Банковой тѣни, Макдуфъ, узнающій о гибели своего дома, Леди Макбетъ въ припадкѣ лунатизма: всѣ сіи черты извѣстны, можно сказать, цѣлому свѣту и такъ превосходны, высокое ихъ достоинство такъ очевидно, что всякая похвала, всякое поясненіе тутъ были бы совершенно излишними. Намъ остается только — обратить вниманіе на немногія мѣста, которыя, при первомъ чтеніи, произвели въ насъ ощущеніе непріятное, но красоту, необходимость которыхъ признать мы нашлись принужденными по размышленіи зрѣлѣйшемъ.

Мѣстъ сихъ неболѣе трехъ: во первыхъ, монологъ и неблагопристойныя шутки привратника тотчасъ по убіеніи Короля; потомъ чопорный разговоръ Лордовъ, незнающихъ еще о смерти Дункана; наконецъ, въ IV-мъ дѣйствіи неумѣстный, ни съ чѣмъ повидимому не связанный приходъ Англійскаго врача, прерывающій бесѣду Макдуфа съ Малькольмомъ.

»Къ чему,« такъ думали мы, »послѣ предшествовавникъ ужасовъ сіи шутки грубаго, пьянаго привратника, шутки ничуть не остроумныя? не охладятъ ли онѣ читателя?« — Читателя? но драматическое твореніе создается болѣе для зрителей, нежели для читателей. Вообразимъ, что мы въ театрѣ: Макбетъ и жена его поспѣшно вышли, послышавъ стукъ; послѣднія слова Макбета были:

»Проснись отъ стука, Дунканъ, о! проснись!«

Сцена не перемѣняется: она та же, свидѣтельница величайшихъ ужасовъ, мелькнувшихъ передъ очами нашими; стукъ, пробудитель страха въ душѣ убійцы и злодѣйки жены его, продолжается. Между тѣмъ является привратникъ, ничего незнающій, ничего неподозрѣвающій, въ половину еще одержимый сномъ и винными парами; онъ хладнокровно острится, шутитъ, говоритъ нелѣпости. Зритель невольно вздрагиваетъ: шутки привратника разсмѣшатъ развѣ того, кто не видалъ, не слыхалъ ничего изъ всего, что мы видѣли, что мы слышали, при чемъ мы присутствовали. Насъ напротивъ онѣ приведутъ въ большій еще трепетъ: тлѣнность, ничтожество всего, и величайшаго земнаго, стѣснитъ сердца наши. Привратникъ предстанетъ намъ представителемъ вообще черни, незнающей, непостигающей хода таинственнаго рока, слѣпой и готовой упиться низкими наслажденіями, даже подъ ударами судебъ, которые грозятъ всему міру превращеніемъ.

Слѣдующій за симъ разговоръ придворныхъ представляетъ подобную картину. Все въ этомъ разговорѣ гладко, вѣжливо, пошло и ежедневно: между тѣмъ стѣна, одна стѣна отдѣляетъ ихъ отъ неслыханнаго, чудовищнаго! —

Наконецъ помянутый приходъ врача и все, что говоритъ онъ о чудесныхъ даяніяхъ Неба Королю Эдуарду, истинно Шекспировски возвѣщаетъ Малькольму помощь Божію, помощь сверхъ-естественную: ибо сей-то святый Король, сей угодникъ Господа ополчится за него. —

БИБЛІОГРАФІЯ

РУСКІЯ КНИГИ.

Сен-Марсъ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Соч. Графа Альфреда де Виньи. Пер. А. Очкинъ. 4 ч. — С. П. Б., въ Типогр. вдовы Плюшаръ, 1829 — 1830 (въ 1-й части 187, Во 2-й 259, въ 3-й 267, въ 4-й 255 стр. въ 12-ю д. лис. *).

Послѣ Англичанина Горація Смита и Американца Купера, изъ подражателей или послѣдователей Валтера Скотта особенное вниманіе заслуживаютъ Итальянецъ Манцони и Французъ де-Виньи, какъ сочинители романовъ историческихъ. Романъ перваго изъ нихъ: *Обрученные* (I promessi sposi), при всемъ велерѣчіи Автора, при всемъ *отмѣнно-длинномъ* разсказѣ собственно-романическаго происшествія, едва достаточнаго на одинъ томъ, заключаетъ въ себѣ черты отличнаго достоинства: въ немъ видишь Италію описываемой эпохи, видишь страсти народныя въ борьбѣ съ чужевластіемъ; становишься какъ бы очевидцемъ ужасовъ чумы и голода, порывовъ мятежной черни, и пр. и пр. Все это живо, все ощутительно, вѣрно; народныя сцены изображены превосходно: кажется чувствуешь близъ себя шумъ и волненіе толпы. Прибавимъ, что Сочинитель съ большимъ искуствомъ привязалъ вниманіе и участіе читателей къ судьбѣ *обрученныхъ*, которыхъ взялъ онъ изъ званія мирныхъ поселянъ и бросилъ въ самый вихрь мятежей и событій историческихъ, покрывъ совершенною неизвѣстностію будущую судьбу своихъ героевъ, и можно сказать, заперявъ ихъ на время, чтобы послѣ обрадовать читателя нечаянною съ ними встрѣчей. — Въ романѣ Графа де-Виньи: *Сен-Марсъ*, менѣе видно искуство романиста: здѣсь съ самаго начала можно предузнать развязку; видишь, къ чему Сочинитель ведетъ своего героя путями явными. Можно почти сказать, что Авторъ самъ взялся быть судьбою историческаго лица, имъ избраннаго. Уличныя сцены, въ которыя Авторъ его завлекаетъ, пророческій сонъ его, высокомѣрныя мечты любви и виды честолюбія: все это направлено къ одной цѣли—къ погибели его. Но, при всемъ недостаткѣ высшихъ соображеній въ *цѣломъ*, романъ сей, въ частностяхъ, заключаетъ въ себѣ много истинныхъ красотъ. Таковы пытка и мученическая смерть Священника Грандье, таковъ портретъ Кардинала Ришельё, богато обставленный въ кабинетѣ сего Прелата-Министра; таковы многія характеристическія черты въ лицахъ Людовика XIII, Сен-Марса, молодаго де-Ту и пр. Картина казни Сен-Марса, хотя и отзывается подражаніемъ, но жива и естественна. Вообще романъ сей по праву долженъ нравиться людямъ, которыхъ воображеніе неиначе любитъ видѣть Исторію, какъ сквозь радужную призму вымысла. О трудѣ переводчика скажемъ, что онъ заслуживаетъ похвалу.

(о) Продается у А. Ф. Смирдина И. И. Глазунова и другихъ книгопродавцевъ. Цѣна 12 р.

СМѢСЬ.

Колоніи бѣдныхъ въ Нидерландахъ. Колоніи бѣдныхъ учреждены за десять лѣтъ предъ симъ въ Нидерландахъ, и тогда же обратили на себя общее вниманіе, какъ одно изъ важнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій. Весьма бы хорошо было, если бы подобныя заведенія устроены были и въ другихъ странахъ Европы. Тогда бѣдные, особливо здоровые, праздношатающіеся попрошаи, перестали бы жить на мирской счетъ и сдѣлались бы полезными членами общаго Европейскаго семейства. Всякой согласится, что прибавка нѣсколькихъ милліоновъ здоровыхъ рукъ принесла бы неизчислимыя пользы земледѣлію и промышлености.

Четыре изъ сихъ колоній описаны однимъ ученымъ Варшавскимъ Экономистомъ. Помѣщаемъ здѣсь краткую перечень его замѣчаній. »Фридриксордъ и Вортель называются *вольными* колоніями, т. е. земледѣльческими заведеніями для нѣсколькихъ сотъ бѣдныхъ семействъ, водворенныхъ въ домахъ и на земляхъ, которыя имъ отведены. Оммершансъ и Маркпласъ-Рейкворсель суть колоніи *вынужденныя*, т. е. смирительныя и исправительныя заведенія, въ которыя отсылаютъ здоровыхъ нищихъ и праздношатающихся, дабы пріучить ихъ къ труду и содѣлать полезными обществу. Въ колоніяхъ обоихъ сихъ родовъ, неимущіе подчинены особому управленію, которое принуждаетъ ихъ къ работѣ, печется о ихъ продовольствіи, и старается содержать между ихъ произведеніями и потребленіемъ такой порядокъ, чтобы всегда оставалась запасная сумма для каждаго. Но цѣль обоихъ учрежденій разнится тѣмъ, что въ колоніяхъ *вынужденныхъ* предполагается только истребить бродяжничество и нищенство, а въ колоніяхъ *вольныхъ* желаютъ содѣлать изъ семействъ бѣдныхъ, семейства достаточныя. И такъ, если бы требовалось распространить сіи заведенія, то какому роду колоній должно бъ было дать преимущество? и лучше ли всего учредить оныя обоихъ родовъ вездѣ, гдѣ хотятъ истребить нищенство и бродяжничество? Невозможность распродажи издѣлій какой-либо промышлености, произтекающая отъ какихъ бы то ни было причинъ, уменьшивъ выработку сихъ издѣлій, можетъ повергнуть въ оскудѣніе весьма многія ремесленныя семейства, жившія отъ сей работы. Посему должно имъ доставить средства пропитанія, коихъ они лишены были симъ невзгодьемъ. Употребляя же земледѣльческія колоніи на сей конецъ, правительство принуждено будетъ превратить въ землепашцевъ такихъ людей, кои съ дѣтства были готовлены для мануфактуръ; должно перемѣнить ихъ образъ жизни, привычки, званіе, и сдѣлать безполезнымъ все то, чему они научились: посему должно преодолѣть множество затрудненій. Съ другой стороны, учрежденіе колоніи требуетъ значительныхъ издержекъ на покупку земель, скота, земледѣльческихъ орудій, на построеніе домовъ, на обзаведеніе и снабженіе всѣмъ нужнымъ бѣдняковъ, принятыхъ въ колонію, до тѣхъ поръ, пока работа ихъ можетъ оплачивать все, что они потребляютъ; а это нескоро можетъ исполняться, по причинѣ ихъ неумѣнья и непривычки къ полевымъ работамъ. Посему должно будетъ ежегодно опредѣлять значительныя суммы денегъ на содержаніе колоніи, тѣмъ болѣе, что она, будучи поселена на дурныхъ или запущенныхъ земляхъ, часто не можетъ собирать достаточной жатвы. Это подтверждается опытомъ.

Свободное поселеніе бѣдныхъ, по причинѣ чрезмѣрныхъ издержекъ, на него требующихся, можетъ быть только средствомъ, употребляемымъ въ крайности. Не лучше ли было бы, по возможности, поддерживать обѣднѣвшія семейства ремесленниковъ въ той отрасли досужества, которою они прежде занимались, и тѣми суммами, кои назначены были на учрежденіе колоній? или доставить имъ способы перейти въ чужіе края, дабы въ оныхъ заниматься тѣмъ ремесломъ, которымъ не могутъ они пропитаться въ своей отчизнѣ?

Всѣ сіи замѣчанія о такъ называемымъ *свободныхъ* колоніяхъ бѣдняковъ, нисколько не относятся къ колоніямъ *вынужденнымъ.* Сіи послѣднія суть лучшій, удобнѣйшій способъ прекратить нищенство и бродяжничество, и могутъ быть заводимы во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть дикопорожнія земли. Рабочіе домы и богадѣльни имѣютъ двоякій недостатокъ: во первыхъ, содержаніе ихъ очень дорого; а во вторыхъ, они своими издѣліями нерѣдко вводятъ весьма вредное совмѣстничество съ цеховыми ремесленниками, живущими своею работой. Вынужденныя колоніи Оммершансъ и Маркпласъ заключаютъ въ себѣ всѣ желаемыя отъ такихъ заведеній условія. Поселенцы обоего пола обработываютъ пространныя поля, доставляющія имъ пропитаніе и первобытное вещество для ихъ одежды; работы ихъ весьма достаточно для ихъ продовольствія; но сія работа не можетъ производить никакого вреднаго вліянія на торговлю. Издержки на устроеніе и содержаніе употребляются на вспоможеніе бѣднымъ, на истребленіе нищенства, безъ всякаго предположенія прибытка или возврата капиталовъ.

Поселенцы безпрерывно заняты, не только по принужденію, но и потому, что работа есть для нихъ единственнымъ средствомъ къ полученію свободы и пріобрѣтенію капитала, который бы привелъ ихъ въ состояніе работать собственно для себя. Каждый поселенецъ получаетъ заработанныя имъ деньги по установленной единажды навсегда таксѣ; то, что онъ выработываетъ сверхъ сего, присовокупляется къ трети обыкновенной его дневной заработки и составляетъ для него запасный капиталъ. Когда сей капиталъ возвысится до 25 Голландскихъ гульденовъ, тогда поселенецъ можетъ просить объ освобожденіи своемъ; въ слѣдствіе сего, ему необходимо должно быть трудолюбивымъ. Помянутая сумма можетъ быть заработана неменѣе какъ въ два года; а этого довольно для довершенія его воспитанія нравственнаго и земледѣльческаго.

(Изъ одного Французскаго Журнала.)

Недавно въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли *Разговоръ у Княгини Халдиной*, напечатанный въ 3-мъ № *Литер. Газеты*, есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во первыхъ: родной племянникъ покойнаго Автора ручается въ достовѣрности онаго; во вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца *Недоросля* и *Бригадира*: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ *Разговорѣ*. Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову *ты*, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную.« Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?«—«Да вѣдь стыдно, В. С.« отвѣчаетъ служанка.—«Глупа, радость,« возражаетъ Княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ Парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобъ ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ, во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги, и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты, и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія, и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно Руской баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовали его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хотя въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ *Разговоръ у Княгини Халдиной*, пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

А. Пушкинъ

Москва и Парижъ, въ 1812 и 1814 годахъ. — Воспоминаніе въ разностопныхъ стихахъ, Кн. А. А. Шаховскаго, раздѣленное на двѣ части, съ предисловіемъ, посвященіемъ въ стихахъ же Лейбъ-Гвардіи Преображенскому полку; любопытными примѣчаніями и объясненіями важныхъ происшествій во время пожара Москвы, входа, пребыванія и выхода изъ нея Наполеона, и благотворнаго вступленія Александра I Парижъ. Написано Авторомъ со словъ очавидцевъ и соучастниковъ взятія Столицъ обоихъ великихъ Государстъ. — Стихотвореніе сіе уже поступило въ печать и скоро появится въ свѣтъ.

Поступила въ печать и выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ Марта 1830 года, новая, въ видѣ Альманаха, книжка подъ названіемъ: *Подарокъ дѣтямъ на Святую Пасху 1830 года. Разговоры въ пользу воспитанія.* Съ литографированною картинкой. Въ сей книжкѣ всѣ статьи одного Сочинителя, удостоившагося вниманія Христіанской Публики изданіемъ книгъ: *а)* Училище Благочестія, или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій Святыхъ. *б)* Обязанности домашняго общества, по разуму исполнителей Слова Божія, древнихъ Христіанъ. *в)* Краткое изъясненіе на Литургію. *г)* Поученіе, какъ стоять въ Церкви, во время Божественной Литургіи, и *д)* Краткія Христіанскія поученія для воиновъ. — Содержаніе *Подарка дѣтямъ* будетъ слѣдующее: 1) Христосъ Воскресе! 2) И мы воскреснемъ. 3) Истинная молитва. 4) День моего рожденія. 5) Промыслъ Божій. 6) О дѣтскихъ добродѣтеляхъ, заслужившихъ благословеніе Іисуса Христа. 7) Истинная любовь къ самому себѣ. 8) Сегодня праздникъ. 9) Священныя притчи. 10) Свѣтильники съ елеемъ и безъ елея. 11) Преображеніе Господа. 12) Въ чемъ состоитъ преображеніе человѣка. 13) О сухихъ вѣтвяхъ. 14) Успеніе Божіей Матери. 15) О двухъ возрастахъ. 16) Достоинство и пышность. 17) Богоявленіе Господне. 18) Красота священныхъ обрядовъ. 19) О двухъ крилахъ чистой голубицы. 20) Пѣтелъ. 21) Порядокъ и опрятность. 22) Срѣтеніе Господа. 23) Завѣщаніе Христово. 24) Недѣля Вайі. 25) Ангелъ Хранитель. — Родители, родственники и друзья, желающіе, вмѣстѣ съ краснымъ яичкомъ, подарить сію книжку дѣтямъ, благоволятъ относиться заблаговременно въ книжные магазины: въ С. Петербургѣ, А. Ф. Смирдина и И. В. Слѣнина; а въ Москвѣ, А. С. Ширяева. Цѣна въ бумажкѣ 7 руб., за пересылку въ другіе города прилагается 1 р.

Письмо къ Издателю Литературной Газеты и его Сотрудникамъ.— Просвѣтите мои сомнѣнія и рѣшите для меня слѣдующую загадку: кто таковъ критикъ

Порфирій Душегрѣйкинъ, напавшій на моего земляка, сосѣда и кума, Порфирія Богдановича Байскаго (см. 12 № Сѣвер. Пчелы, на сей годъ)? Прежде критики на него писалъ одинъ изъ Издателей Сѣверной Пчелы, Ѳ. В. Булгаринъ, и подписывалъ оныя рукою властною; нынѣ же, хотя слогъ и пріемы критика остались одни и тѣ же, но имя выставлено другое. Реченный критикъ (т. е. Порфирій Душегрѣйкинъ), долженъ быть очень своенравенъ: заговорятъ объ Илиріи, а онъ замѣтитъ: «этого-де нѣтъ въ Венгріи.» Онъ не знаетъ, что Гайдуки въ Далмаціи и Босніи, то же, что Клефты въ горахъ нынѣшней Греціи; онъ не знаетъ, что Пандуры въ той же Далмаціи исправляютъ должность Итальянскихъ *Сбировъ*, т. е. сыщиковъ разбойничьихъ шаекъ; онъ смѣшиваетъ *перевязку* съ *пластыремъ*; онъ не знаетъ, что значитъ Руское, употребительное выраженіе: *чѣмъ пòпадя*, (не знаетъ и ударенія въ послѣднемъ словѣ), и принимаетъ его за *попадью.* Вотъ этнографическія и даже грамматическія свѣдѣнія нашего критика, который не читалъ ни сочиненія Аббата Фортиса о Морлакахъ, ни даже той книги, о которой самъ упоминаетъ въ своей критикѣ (La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie & l'Herzegowine); иначе онъ не опровергалъ бы того, о чемъ собиратель Морлацкихъ пѣсень, природный Иллиріецъ, говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ; не сказалъ бы, что всѣ помянутыя пѣсни сочинены Яцинтомъ Маглановичемъ, тогда какъ изъ нихъ едва пятая доля пѣсень сего Морлацкаго импровизатора. Что всего вышепомянутаго Рецензентъ Душегрѣйкинъ не зналъ или не читалъ, это бы еще не бѣда; но зачѣмъ же онъ берется говорить о томъ, что ему неизвѣстно?

Впрочемъ, Сѣверная Пчела не разъ уже заключала подобныя выходки противъ сосѣда и *притаманнаго* друга моего Порфирія Богдановича. Такъ, на примѣръ, Рецензенту (на сей разъ Ѳ. В. Булгарину) казалось непонятнымъ, какъ могъ Гаркуша отдать шкатулку съ червонцами и дорогими вещами молодому Офицеру. „Кажется,« говоритъ Рецензентъ, „и порядочный человѣкъ не дастъ столько денегъ первому встрѣчному.» На сіе имѣю честь отвѣчать, что Гаркуша не принадлежалъ къ числу *порядочныхъ людей*, ибо былъ разбойникъ. Образъ мыслей и поступки его были совсѣмъ не тѣ, коихъ мы требуемъ отъ людей, называемыхъ порядочными. Гдѣ *порядочный человѣкъ* пожалѣлъ бы рубля, тамъ *безпорядочный* Гаркуша могъ бросать тысячи. Характеръ и дѣла сего страннаго человѣка, сохранившіеся и донынѣ въ живой памяти жителей Малороссіи, служатъ тому доказательствомъ. Гайдамакъ сей обиралъ богатыхъ и надѣлялъ бѣдныхъ. Вся жизнь его была, такъ сказать, перемѣнными пароксизмами презрѣнія и состраданія, ненависти и любви къ человѣчеству. По сему-то Байскій и выбралъ его предпочтительно другимъ, многочисленнымъ Атаманамъ Гайдамаковъ, когда-то опустошавшихъ Малороссію.

Если позволите, М. М. Г. Г., то я сообщу вамъ и еще нѣсколько замѣчаній на замѣчанія нашего критика. Самъ Порфирій Богдановичъ, за отдаленностію мѣста своего жительства и по врожденному миролюбію, вѣрно не рѣшится отвѣчать своимъ критикамъ; но я, живучи здѣсь по тяжебному дѣлу и слѣдовательно имѣя много досуга, а сверхъ того, помня хлѣбъ-соль и пріязнь любезнаго моего кума, П. Б., вмѣняю себѣ въ долгъ подать за него свой голосъ. Есмь и пр.

Калиникъ Максимовъ сынъ
Чупрынскій,
В . . . скій обыватель.

Въ бывшее 3-го числа сего Января засѣданіе Королевско-Варшавскаго Общества Любителей Наукъ, наименованы Членами-Корреспондентами онаго: Стефанъ Зѣновичь, Іосифъ Корженёвскій, Константинъ Ойкоманидесъ, Іосифъ-Марія Дежерандо, Баронъ Ферюсакъ, Томасъ Кампбель, Торвальдсенъ, Фишеръ де Вальдгеймъ, Карлъ Роттекъ и нѣсколько другихъ. Почетными же Членами провозглашены: Гёте, Блюменбахъ и Шатобріанъ. — (*Изъ*: Tygodnik Petersburski).

Опечатки въ 5-мъ и 6-мъ №. *Литерат. Газеты*:

Стр.	столбц	строк.	*напечатано:*	*читай:*
			Въ 5-мъ №.	
39	2	18	его минуты знакомцы	его минутные знакомцы
			Въ 6-мъ №.	
41	2	6 (въ примѣч.)	намѣренъ подробнѣе разсказать	подробнѣе разсказываетъ
42	2	3	ΠΕΝΤΑΠΟΛΙΤΩΝ	ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΩΣ

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 30-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМ. I. №. 8. ФЕВРАЛЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-*го числа* (*въ Среду*), — 10-*го* (*въ Понедѣльникъ*), — 15-*го* (*въ Субботу,*) — 20-*го* (*въ Четвертокъ*), *и* 25-*го* (*во Вторникъ*).

ВОЕННАЯ ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА.

(*Извлечено изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина*).

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовой трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой козачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыпѣлъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился и солдаты разкуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только 15 верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрыпъ Нагайскихъ арбъ, выводили меня изъ терпѣнія. Татаре тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать съ плутами. Дорога довольно однообразная: равнина; по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ Графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячь умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость. Кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи изчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Рускаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на Козаковъ, никогда на пѣхоту и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели языкомъ. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые, за одно слово, вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однако жъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ Апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Рускаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но примѣръ лучшаго и Слово живое будутъ дѣйствительнѣе, чѣмъ выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ,

...... like a warrior taking his rest
With his martial cloak arround him;

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я двухъ, жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако жъ при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и Козаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ у́же становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш*, смотря на Терекъ, воспоминали Иматру и отдавали преимущество *Рѣкѣ, на Сѣверѣ гремящей*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича мнѣ издали: *не останавливайтесь, В. Б., убьютъ!* Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на Генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то за́мка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка*, воспоминая пированія Иліады,

»И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!«

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Плѣнника* и признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу въ мрачномъ Даріальскомъ ущеліи. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Рускому черному хлѣбу. Это напомнило мнѣ слова моего пріятеля Ш., по возвращеніи его изъ Парижа. »Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!«

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію Поэта, *подпирающую небосклонъ*.

Ждали Персидскаго Принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго Поэта и, по моему желанію, представилъ меня Фазилъ-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазилъ-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! »Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно и проч.« Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ, и съѣхать на обыкновенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Руской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ но его бараньей *папахъ* (*) и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на козачьихъ лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать, въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12-ти часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: 18 паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую, Вѣнскую коляску пріятеля моего О***. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ огромную свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались и я поѣхалъ съ Полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ. Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. »Это обвалъ,« сказалъ мнѣ Г. Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Ермоловымъ. Мы начали спускаться.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ Юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кашаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, — и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

ДУШЕНЬКА

Бывали ль вы въ странѣ чудесъ,
Гдѣ, жертва грознаго велѣнья,
Въ глуши земнаго заточенья
Живетъ изгнанница небесъ?

Я былъ—я видѣлъ божество!..
Я пѣлъ ей пѣснь съ восторгомъ новымъ,
Я осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.

Я какъ младенецъ трепеталъ
У ногъ ея въ уничиженьѣ,
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.

Ахъ! мнѣ ль божественной, къ стопамъ
Несть обольщенія искуство?...
Я весь былъ гимнъ, я весь чувство,
Я весь былъ чистый фиміамъ!

И что ей нашъ земный восторгъ,
Слова любви?—пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительныхъ тревогъ.

(*) Такъ называются Персидскія шапки, бывшія недавно и у насъ въ такомъ употребленіи.

Изъ фондовъ Россійской Національной Библіотеки

Изъ-подъ рѣсницъ ея густыхъ
Горитъ и гаснетъ взоръ стыдливый . . .
Но отъ чего души порывы
И вздохи персей молодыхъ?

Былъ мигъ—пролетная мечта
Мелькнула на челѣ прекрасной;
И вспыхнули ланиты страстно
И загорѣлися уста.

Но это мигъ—игра одна
Какихъ-то думъ. . . . воспоминанье
О томъ небесномъ обитаньѣ,
Откуда изгнана она.

Иль скучась безъ нея—съ небесъ
Воздушный гость, незримый мною,
Амуръ, съ повинной головою
Предсталъ, нѣмѣющій отъ слезъ.

И очи онъ возвелъ къ очамъ,
И произвелъ въ груди волненья,
Отъ жаркихъ устъ прикосновенья
Къ ея трепещущимъ устамъ.

Д. Д.

О МОСКОВСКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Наши Журналы живущи. Посмотрѣть на иной: въ чемъ душа держится? Цѣлый годъ чахнетъ, чахнетъ и только иногда, въ пароксизмахъ какого-то воспаленія, обнаруживаются въ немъ признаки судорожной силы. Думаешь, съ концемъ года угаснетъ и онъ. Ни тутъ-то было! Къ новому году газетное объявленіе извѣщаетъ васъ: *живъ-живъ Курилка*. Что ни говори, а явленіе это утѣшительно. Слѣдовательно, смертность въ созданіяхъ умственной природы у насъ еще не слишкомъ несоразмѣрна съ дѣйствіями производительной силы. Неужели климатъ нашъ благопріятенъ только для больныхъ и вреденъ для здоровыхъ? Такое предположеніе несбыточно и преступно противъ Провидѣнія. Нѣтъ, у насъ видно еще жить можно. Какъ бы то ни было, но въ спискѣ Московскихъ литературныхъ Журналовъ убыли нѣтъ противъ прошлогодняго. Начнемъ осмотръ свой съ малонадежнѣйшихъ по эѳирности сложенія.

Дамскій Журналъ. Кто подумалъ бы, что ему уже осьмый годъ? Но метрическая отмѣтка, на немъ выставленная, удостовѣряетъ васъ въ доказательствѣ долголѣтія, довольно почтеннаго въ жизни журнальной. И такъ, любезнѣйшій Редакторъ будетъ и на нынѣшній годъ записывать

На листочкахъ алой розы
Мадригалы и угрозы,

хронику модъ, столичныхъ концертовъ, спектаклей, баловъ, крестинныхъ обѣдовъ, имянинныхъ вечеринокъ и пр. и пр. Между тѣмъ въ трехъ № нынѣшняго года, доселѣ вышедшихъ, выказываются попытки важнѣйшія: *Дамскій Журналъ* сходитъ изъ уборной въ архивы Исторіи, отъ сплетней дня переходитъ онъ къ преданіямъ столѣтій. Жаль только, что въ *матеріялахъ для Исторіи Рускихъ женщинъ-Авторовъ* мало новаго, то есть, неизвѣстнаго; но все желательно видѣть продолженіе сихъ статей біографическихъ, особенно полнѣе разработанныхъ: онѣ приличны *Дамскому Журналу.* Онъ уже и такъ, по части женской Литературы, заслуживаетъ вниманіе читателей. Молодыя поклонницы Музъ преимущественно въ немъ печатаютъ свои первые опыты, и мы обязаны Издателю за многія пріятныя знакомства. Можно посовѣтовать ему уважить сію лестную благосклонность къ нему Авторовъ прекраснаго пола; онъ не долженъ впредь заставлять ихъ раскаяваться въ выборѣ сцены для дебютовъ, видя произведенія свои, напечатанныя на ряду съ неприличными выходками, неизвинительными ни въ какомъ литературномъ Журналѣ, а тѣмъ болѣе въ *Дамскомъ*, коего Издатель увѣнчанъ миртами, заслуженными въ службѣ Грацій.

Галатеи вышло въ нынѣшнемъ году двѣ книжки. Готовясь говорить объ этомъ Журналѣ, вспомнишь невольно, что Издатель его, или покрайней мѣрѣ возпріемникъ, давшій ему имя свое, есть тотъ же, который перевелъ Георгики и Освобожденный Іерусалимъ: вспомнивъ о томъ, не рѣшиться говорить о *Галатеѣ.* Упомянутые переводы далеки отъ совершенства, не только идеальнаго, но и возможнаго, это правда; но все же заслуги подобнаго рода обязываютъ благодарностью даже и самыхъ строгихъ судей. Г-нъ Раичъ, вступая на поприще Журналиста, принесъ имя почтенное: онъ могъ предать его на произволъ журнальныхъ случайностей, могъ даже ссудить имъ Журналъ, въ которомъ нигдѣ не отзываются ни вкусъ, воспитанный въ школѣ изящныхъ образцевъ, ни перо, написавшее много хорошихъ стиховъ; но мы со стороны должны за него дорожить именемъ, которое можетъ быть съ честью упомянуто послѣ именъ Петрова, Кострова, Мерзлякова, совершившихъ предпріятія, слишкомъ рѣдкія въ Литературѣ нашей. Тютчевъ, Ознобишинъ, отъ времени до времени появляющіеся въ Галатеѣ, могутъ почесться минутными Пигмаліонами, которые покушаются вдохнуть искру жизни въ мертвый обломокъ. Во второй книжкѣ на нынѣшній годъ есть начало критики *Крымскихъ Сонетовъ Мицкевича, переведенныхъ Козловымъ*. Въ ней разбирается пока одно Введеніе. Критикъ никакъ постигнуть не можетъ, почему сказано въ немъ, что Депрео поставилъ Сонетъ *краеугольнымъ камнемъ*. Не удивительно, что критикамъ Галатеи неизвѣстны стихи о Сонетѣ изъ L'Art poëtique:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme, etc. etc.

но грѣшно имъ не знать тѣхъ же стиховъ, переведенныхъ въ пользу Рускихъ Литераторовъ Графомъ Хвостовымъ. Вотъ что въ переводѣ сказано о Сонетѣ:

Хорошій на ряду съ поэмою большой.
Хотя Писатели вокругъ Сонета бродятъ,
Но Феникса сего доселѣ не находятъ.
Творцы различныхъ странъ писали много ихъ;
Однако въ тысячѣ два развѣ не дурныхъ.

Мы полагали, что Критики *Галатеи* тверже знаютъ своихъ классиковъ и не дадутъ себя изобличить въ неблагодарности къ учителю, коего труды уже для нихъ не *Коранъ*, какъ названъ Французскій подлинникъ.

Московскій Вѣстникъ отличался съ появленія своего участіемъ въ немъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обѣщающихъ быть современемъ хорошими Литераторами и мыслящими Писателями. Въ этомъ отношеніи должно было снисходить ко мнѣніямъ иногда сбивчивымъ, учености недозрѣлой, сужденіямъ заносчивымъ и выраженіямъ слишкомъ рѣзкимъ, коими ознаменованы были многія страницы сего Журнала. Разумѣется, говоря здѣсь о *молодыхъ надеждахъ* нашихъ, не включаю въ ихъ число Г-на Арцыбышева, который въ 1828 году на горизонтѣ *Московскаго Вѣстника* разразился какимъ-то феноменомъ, оставившимъ по себѣ трескъ, дымъ и смрадъ. 1-я книжка на нынѣшній годъ не безъ занимательности. Четыре стихотворенія Шевырева, Баратынскаго, Языкова и Глинки составляютъ стихотворное отдѣленіе. Въ произведеніи перваго болѣе поэзіи въ вымыслѣ, чѣмъ въ исполненіи. Стихотвореніе Баратынскаго: *Къ подражателямъ*, было бы еще лучше, если бы сжато было въ эпиграмматическую раму, то есть, въ 12-ть или 14-ть стиховъ. Рѣдко случится жаловаться на излишество стиховъ Баратынскаго и мы подались на этотъ упрекъ для странности. *Преступница*, повѣсть Г-на Погодина, принадлежитъ къ роду уголовной Литературы, которая въ чести у насъ и уже обогащена нѣсколькими произведеніями того же Автора. Имѣетъ ли онъ довольно энергіи въ кисти своей для изображенія подобныхъ картинъ и попалъ ли онъ точно на родъ, свойственный дарованію его? Не знаемъ, но все признаемъ въ разсказѣ его довольно живости и разнообразія. Странно, что истинное происшествіе, служившее содержаніемъ сей повѣсти и сохранившееся у насъ въ народной памяти, породило въ одно время и другую повѣсть, напечатанную въ *Денницѣ*. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича *О смерти* Императора Петра II *и о возшествіи на престолъ* Императрицы Анны, историческій фактъ отмѣннаго достоинства. Онъ любопытенъ, какъ памятникъ политическихъ мнѣній Автора и многихъ другихъ Сановниковъ той эпохи. Жаль, что изъ сей статьи выпущено письмо Императрицы къ Верховному Совѣту. Можно замѣтить, что подобныя статьи не входятъ въ принадлежность современнаго литературнаго Журнала; но что показалось бы неумѣстнымъ въ иностранномъ Журналѣ, то въ нашемъ и очень еще у мѣста. Главное въ Журналѣ Рускомъ, чтобы не было пустыхъ мѣстъ. Примѣненіе правила *о раздѣленіи работы*, еще преждевременно въ политической экономіи Журналовъ нашихъ. Критика на романъ: *Юрій Милославскій*, сообщенная въ эту книжку, очень забавна. Начать съ того: критикъ объявляетъ, или сознается, что онъ уже нѣсколько разъ прочелъ его *со вниманіемъ и всегда съ наслажденіемъ*: можно подивиться досужности Рецензента, сообразивъ, что романъ сей только что вышелъ въ свѣтъ. Трудно между тѣмъ согласить общее сужденіе его о семъ твореніи, съ частными его же сужденіями. Вообще онъ радуется ему, какъ *общему добру*; но слѣдуя за нимъ далѣе, видишь, что сіе добро очень измѣняется, хотя радость рецензента остается неизмѣняемою. Напримѣръ, по мнѣнію его: герой романа *слабъ умомъ*; хотя *онъ предобрый и благородный и храбрый человѣкъ, но слишкомъ горячо къ нему не привязываешься; какъ скоро онъ дѣйствуетъ съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, онъ уже играетъ второкласное лицо (видно онъ человѣкъ и учтивый: уступаетъ первое мѣсто другимъ); въ немъ ничего нѣтъ славнаго, сильнаго, увлекательнаго* (хорошее и заманчивое одобреніе роману!), *самобытнаго. Его спасаютъ, посылаютъ, освобождаютъ, не слушаютъ, разрѣшаютъ и вѣнчаютъ.* (Тутъ придется спросить: зачѣмъ же читаютъ?) Другія дѣйствующія лица *весьма неблагоразумны, даже просты* (пріятно общество такого романа). По другимъ частнымъ замѣчаніямъ и приводимыхъ доказательствамъ тѣмъ же благосклоннымъ Рецензентомъ, видишь, что Авторъ романа писалъ многое на обумъ, въ припадкахъ удивительнаго разсѣянія, безъ соображеній умственныхъ, даже и физическихъ. Стихіи, времена года, дѣйствія, чувства, выраженія приводятся не въ попадъ и на удачу. Послѣ того вы заключите, что Рецензентъ подъ конецъ очень не доволенъ романомъ; напротивъ: по его же словамъ, *весь романъ есть одна изъ пріятнѣйшихъ и замѣчательныхъ страницъ въ лѣтописяхъ нашей Словесности.* Хотя Рецензентъ и прочиталъ уже нѣсколько разъ разбираемую имъ книгу, но по видимому, все еще не довольно: нужно ему прочесть ее еще, чтобы согласить свои противорѣчія. Появленіе *Юрія Милославскаго* и сужденія о немъ приводятъ къ любопытному заключенію. Мы очень любимъ ахать отъ удивленія и способны къ чувствамъ уничиженія и смиренномудрія. Появился романъ — и тотчасъ во сто голосовъ твердятъ, что это у насъ первое явленіе въ своемъ родѣ, сей часъ готовы почесть Автора новымъ Колумбомъ, открывшимъ неизвѣстный міръ и судить его не по исполненію, а безусловно, по одной рѣшимости предпріятія. Можно ли оцѣнивать романъ по достоинству первородства, если и признать за нимъ это достоинство, на которое впрочемъ согласиться нельзя? Если онъ хорошъ, то будь онъ хотя первый, хотя десятый, все равно; если онъ посредственъ, то первородство не придастъ ему занимательности, вѣрнаго, живаго изображенія людей, человѣка, общества, эпохи, страстей, котораго въ немъ нѣтъ. Новое открытіе въ области ума, новая форма, въ которую Авторъ выливаетъ свои творческія мысли, это дѣло другое: тутъ первый опытъ обязываетъ благодарностію и снизхожденіемъ. Но форма, разнообразныя формы романа, давно извѣстны, и въ этомъ отношеніи Рускому Автору, наравнѣ съ другими, не для чего ломать себѣ мозгъ, чтобы вызвать изъ него Минерву, давно уже взрослую и устарѣвшую. Хорошій романъ, а нынѣ требованія взыскательны, есть дѣло соединенія силъ и способностей необыкновенныхъ: нѣтъ ничего легче и ничего труднѣе созданія романа. Какъ романъ ни будь ничтоженъ, но все онъ найдетъ читателей. Въ публикѣ много дѣтей: имъ нужны сказки. Почему наши лучшіе писатели не искушались въ подобныхъ предпріятіяхъ? потому, что истинное достоинство строго къ себѣ, потому, что истинное дарованіе не захочетъ просто тѣшить праздность читающей черни и служить чтеніемъ при ночникѣ на сонъ грядущимъ: участь, ожидающая почти всѣ романы, за исключеніемъ двухъ, трехъ изо ста, изъ двухъ сотъ, если не болѣе. Почему же другіе пишутъ у насъ романы? потому же, что у насъ нѣсколько эпическихъ, едва не вырвалось изъ-подъ пера, эпидемическихъ поэмъ. Посредственность хочетъ оправдать эпитетъ: *золотая*, данный ей поэтомъ. Что можетъ быть отважнѣе имперіала? онъ на все идетъ и всюду лѣзетъ.

Другіе Журналы Московскіе запоздали, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Замедленіе одного *Телеграфа* понятно. Редакція *Московскаго Телеграфа* можетъ забывать объ участи подписчиковъ своихъ, занимаясь судьбою Рускаго народа, которую она преобразовываетъ по гипотезамъ, а другіе говорятъ и по оставленнымъ фактамъ, покойнаго Ходаковскаго. Ей предстоитъ множество хлопотъ: она должна переваривать въ слогѣ своемъ мысли *новыхъ мыслителей,* такъ, чтобы послѣ химическаго производства осталась чистая безмыслица, чему и есть уже опытъ въ предисловіи къ *Исторіи Рускаго народа.* Тамъ занимается она производствомъ Историковъ: кого пожалуетъ въ перваго Историка, кого разжалуетъ со чреды, на которую поставили его заслуги личныя, уваженіе свѣдущихъ людей и благодарность народа. Гдѣ же ей тратить время на мѣлкія издержки журнальныя? Кстати, говоря объ *Исторіи Рускаго народа*, можно замѣтить, что если *Посвященіе Нибуру* не пойдетъ въ образецъ логики и слога, то безспорно можетъ оно итти въ образецъ безпристрастія. Тутъ нѣтъ и тѣни лицепріятія. Рускій писатель, незнающій Нѣмецкаго языка, посвящаетъ свою книгу Нѣмцу, незнающему по-Руски. Жаль однако же, что народныя попеченія отвлекаютъ Издателя *Московскаго Телеграфа* отъ журнальныхъ занятій. Журналъ его, не смотря на неправильность языка, которою обезображена большая часть статей его, на неправильность мыслей, обезображивающую большую часть литературныхъ сужденій, въ немъ разглашаемыхъ, на зыбкость мнѣній, столь же необходимыхъ въ книгѣ, какъ и въ человѣкѣ, Журналъ его, въ журнальномъ отношеніи, все еще лучшій у насъ. Хотя зеркало и тусклое, нечистое, худо шлифованное, но все онъ болѣе прочихъ Журналовъ нашихъ отражаетъ движенія Европейской, умственной дѣятельности.

БИБЛІОГРАФІЯ

АЛЬМАНАХИ 1830 года.

Денница, Альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ.—М. въ Универс. типогр. 1830 (LXXVIV—256 стран. въ 16-ю д. л., съ гравир. заглав. листкомъ (*).

Въ семъ Альманахѣ встрѣчаемъ имена извѣстнѣйшихъ изъ нашихъ писателей, также стихотворенія нѣсколькихъ дамъ: украшеніе неожиданное, пріятная новость въ нашей Литературѣ.

Но замѣчательнѣйшая статья сего Альманаха, статья, заслуживающая болѣе, нежели бѣглый взглядъ разсѣяннаго читателя, есть *Обозрѣніе Руской Словесности* 1829 *года*, сочиненіе Г-на Кирѣевскаго. Авторъ принадлежитъ къ молодой школѣ Московскихъ Литераторовъ, школѣ, которая основалась подъ вліяніемъ новѣйшей Нѣмецкой Философіи, и которая уже произвела Шевырева, заслужившаго одобрительное вниманіе великаго Гёте, и Д. Веневитинова, такъ рано оплаканнаго друзьями всего прекраснаго. Нѣсколько критическихъ статей Г. Кирѣевскаго были напечатаны въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и обратили на себя вниманіе малаго числа истинныхъ

(*) Продается у А. Ф. Смирдина. Цѣна 10 р.

цѣнителей дарованія. Впрочемъ, *Обзоръ* Г. Кирѣевскаго сдѣлаетъ большее впечатлѣніе не потому, что мысли въ немъ зрѣлѣе (что, впрочемъ, неоспоримо, не смотря на слишкомъ систематическое умонаправленіе Автора), но потому только, что нѣкоторыя изъ его мнѣній выражены рѣзко и неожиданно.

Г. Кирѣевскій, ставя успѣхи гражданственности выше славы воинскихъ подвиговъ, въ началѣ статьи своей признаетъ изданіе новаго Цензурнаго Устава «важнѣйшимъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Арзерума, и той славной тѣни, которую бросили Русскія знамена на стѣны Царьградскія.» Онъ приписываетъ сему Уставу уже замѣтное движеніе въ текущей Словесности прошедшаго года. «Наши Журналы заимствовали болѣе изъ Журналовъ иностранныхъ; переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей, и отъ того вся Литература наша непримѣтно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ Журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости *не городскія*, — все это было похоже на нестройныя движенія разпеленатаго ребенка: движенія, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья.»

Сначала, разсматривая характеръ Словесности XIX-го столѣтія, Г. Кирѣевскій говоритъ о тѣхъ писателяхъ, кои по его мнѣнію опредѣлили духъ нашей Литературы; но прежде посвящаетъ краснорѣчивую страницу памяти того, *кто подвинулъ на полвѣка образованность* нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества, кому и самъ Карамзинъ обязанъ, можетъ быть, своею первою образованностію. «Онъ умеръ недавно (говоритъ Г. Кирѣевскій), почти всѣми забытый, близъ той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь большей части нашихъ современниковъ, и если бы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти изчезла; участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности; многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства.

«Новиковъ не разпространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячь рублей; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200,000. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; разпускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду разпространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*.»

Признавъ Филантропическое вліяніе Карамзина за характеръ первой эпохи Литературы XIX-го столѣтія, идеализмъ Жуковскаго за средоточіе второй, и Пушкина, поэта дѣйствительности, за представителя третьей, Авторъ приступаетъ къ обозрѣнію Словесности прошлаго года.

«XII томъ *Исторіи Россійскаго Государства*, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Рускаго, кажется, еще превзошелъ прежніе силою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ и этимъ ровнымъ блескомъ, этою чистотою, твердостью брилліантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи ростетъ вмѣстѣ съ жизнію прошедшихъ временъ. Чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе разкрывается передъ нами судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе, отражаясь въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа.»

Въ число историческихъ сочиненій, Г. Кирѣевскій включаетъ и поэму *Полтаву*. «Въ самомъ дѣлѣ,» говоритъ онъ, «изъ двадцати критикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ, дѣйствительно ли согласны съ Исторіей описанныя въ ней лица и происшествія. — Критики не могли сдѣлать большей похвалы Пушкину.» Признавая въ сей поэмѣ большую зрѣлость таланта, онъ осуждаетъ въ ней недостатокъ единства интереса, «*единственнаго изъ всѣхъ единствъ, коего несоблюденіе не прощается законами либеральной піитики.*» Этимъ изъясняетъ онъ малый успѣхъ, который имѣла послѣдняя и едва ли не лучшая изъ поэмъ А. Пушкина.

«Жуковскій, (продолжаетъ Авторъ,) напечаталъ въ прошедшемъ году свое *Море*, *Пѣснь побѣдителей*, изъ Шиллера, и связанные отрывки изъ Иліады. Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно, мужественно и трогательно; здѣсь все тепло, все «возвышенно, каждое слово отъ души. Можетъ быть это-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою.» — Авторъ имѣлъ въ виду Кострова; въ прошломъ году мы не гордились еще *Иліадою* Гнѣдича.

«*Море* Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію. Тѣ же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, всѣ струны прежней его лиры отозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть однако отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи.»

Изъ молодыхъ поэтовъ Нѣмецкой школы, Г. Кирѣевскій упоминаетъ о Шевыревѣ, Хомяковѣ и Тютчевѣ. Истинный талантъ двухъ первыхъ неоспоримъ. Но Хомяковъ написалъ *Ермака*, и сія трагедія уже заслуживаетъ особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиленія внушило молодому Критику нѣсколько трогательныхъ строкъ. Онъ говоритъ о своемъ другѣ, *о лучшемъ изъ избранныхъ*, о покойномъ Веневитиновѣ.

«Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его Поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его Философіи. Кто вдумается съ любовью въ сочиненія Веневитинова (ибо одна любовь даетъ намъ полное разумѣніе); кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ произхожденія, единственно одушевлявшаго ихъ существа, кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души поэтической, — тотъ узнаетъ Философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка; тотъ узнаетъ Поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслію, каждая мысль согрѣта сердцемъ; котораго мечта не украшается искуствомъ, но сама собою родится прекрасная; котораго лучшая пѣснь—есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами, и ихъ разнообразіе согласила равновѣсіемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное; отъ того въ познаніи самаго себя находилъ онъ рѣшеніе всѣхъ тайнъ искуства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданія. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца, онъ могъ

„Въ ея таинственную грудь
„Какъ въ сердце друга заглянуть.

«Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для Философіи, нежели для Поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами.»

Тутъ критикъ сильно и остроумно доказываетъ преимущественную пользу Нѣмецкихъ Философовъ на тѣхъ изъ нашихъ Писателей, которые, не отличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство чужаго или пріобрѣтеннаго. «Здѣсь господствуютъ два рода Литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары, слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Французы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ). Но мы находимъ у нихъ *игру словъ*, рѣдко, весьма рѣдко, и то случайно соединенную съ остроуміемъ, и *шутки*, почти всегда лишенныя вкуса, часто лишенныя всякаго смысла. И можетъ ли быть иначе?—Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ Писателей имѣютъ счастіе принадлежать къ нему?

«Напротивъ того въ произведеніяхъ Литераторовъ, которые напитаны чтеніемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что нибудь достойное уваженія, хотя тѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой тѣни.»

Въ Князѣ Вяземскомъ Г. Кирѣевскій видитъ доказательство, что истинный талантъ блеститъ вездѣ, во всякомъ направленіи, подъ всякимъ вліяніемъ.« Однако жь,» говоритъ Авторъ, « и Князь Вяземскій, не смотря на всѣ свои дарованія, не смотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ Писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ *унынiи*, голосъ сердца слышнѣе ума.»

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ людей, утверждающихъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго. Онъ видитъ въ немъ Поэта самобытнаго, *своеобразнаго*. «Чтобы *дослышать* всѣ *оттѣнки* лиры Баратынскаго, надобно имѣть и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ Поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда,—вѣрный признакъ Поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи многіе ли способны оцѣнить вполнѣ достоинство его стиховъ, эту мѣрность изящную, эту благородную *щеголеватость*?— Но если бы идеалъ лучшаго общества явился вдругъ въ какой нибудь неизвѣстной намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другаго языка.”

Авторъ справедливо ставитъ *Эду*, одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній элегической поэзіи, выше *Бальнаго вечера*, поэмы, болѣе блестящей, но менѣе изящной, менѣе трогательной, менѣе вольно и глубоко вдохновенной. Опредѣляя характеръ поэзіи Барона Дельвига, Критикъ говоритъ:« Всякое подражаніе «по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черты, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа?— Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда остаются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ; скажу болѣе: нѣтъ ни одного истинно-изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого состоянія души, котораго не знали наши праотцы по уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны Христіанству; романическая любовь, подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе, дитя Сѣвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ, необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ перевѣсъ мыслетности надъ чувствами, и оттуда стремленіе къ единству и сосредоточенію. . . ." и пр.

Разсуждая о нѣкоторыхъ произведеніяхъ драматической Музы нашей, Авторъ съ такою веселостію изображаетъ состояніе сцены, что мы, не раздѣляя вполнѣ его мнѣнія, не можемъ однако жъ не выписать сего оригинальнаго мѣста.

«Вообще нашъ Театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній Французамъ, и не смотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію Французскую отъ всѣхъ другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ необходимостямъ хорошаго общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она *дома*, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и уборная; тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ Государствъ, и чтобы Рускую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

«Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще неизмѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отъ части въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова (*) мы не имѣли ни одного истиннаго комическаго таланта, а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму; что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою; что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, противодѣйствующаго.

«Между тѣмъ можно бы замѣтить нашимъ комическимъ Писателямъ, что они поступаютъ неразсчетливо, избирая *такое* направленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться, и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличностями ихъ удалыя шутки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохочетъ раекъ; но они никогда не достигнутъ до своего настоящаго идеала, и всѣ комедіи ихъ—любой извощикъ убьетъ однимъ словомъ."

Изчисляя переводы, явившіеся въ теченіе 1829 года, Авторъ замѣчаетъ, что шесть иностранныхъ Поэтовъ раздѣляютъ преимущественно любовь нашихъ Литераторовъ: Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичъ.

Пропустивъ нѣкоторыя сочиненія, болѣе или менѣе замѣчательныя, но не входящія въ область чистой Литературы, Авторъ обращается къ сочиненіямъ въ родѣ повѣствовательномъ. Прошлый годъ богатъ былъ оными: но *Иванъ Выжигинъ*, безспорно, болѣе всѣхъ достоинъ былъ вниманія по своему чрезвычайному успѣху. Два изданія разошлись менѣе чѣмъ въ одинъ годъ; третье готовится. Г. Кирѣевскій произноситъ ему строгій и рѣзкій приговоръ (*), не изъясняя однако жъ удовлетворительно неимовѣрнаго успѣха нравственно-сатирическаго романа Г. Булгарина.

«Замѣчательно," говоритъ Г. Кирѣевскій, «что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ азбуки Руской, около 60,000 азбуки Славянской, 60,000 экз. Катихизиса, около 15,000 азбуки Французской, и вообще учебныя книги расходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе, нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ Публика."

Спѣшимъ окончить сіе слишкомъ уже пространное изложеніе. Г. Кирѣевскій, вкратцѣ упомянувъ о Журналахъ, о духѣ ихъ полемики, объ Альманахахъ, о переводахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій, заключаетъ свою статью слѣдующимъ печальнымъ размышленіемъ: «Но если мы будемъ разсматривать нашу Словесность въ отношеніи къ Словесностямъ другихъ Государствъ, если просвѣщенный Европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: «Гдѣ Литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?» — Что будемъ отвѣчать ему?—

«Мы укажемъ ему на Исторію Россійскаго Государства; мы представимъ ему нѣсколько одъ Держа-

---

(*) Кажется, Авторъ выразился ошибочно. Не хотѣлъ ли онъ сказать: *кромѣ Фонъ-Визина и Грибоѣдова?*

(*) См. Денница, *Обозр. Р. С.* стр. LXXII.

«вина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пуш-
«кина, нѣсколько басень Крылова, нѣсколько сценъ изъ
«Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и—гдѣ еще найдемъ мы
«произведеніе достоинства Европейскаго?

«Будемъ безпристрастны, и сознаемся, что у насъ еще «нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у «насъ еще нѣтъ Литературы. Но утѣшимся: у насъ «есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего Отечества!"—

Мы улыбнулись, прочитавъ сей меланхолической эпилогъ. Но замѣтимъ Г-ну Кирѣевскому, что тамъ,гдѣ двадцати-трехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое *Обозрѣніе Словесности*, тамъ есть Словесность—и время зрѣлости оной уже недалеко.

СМѢСЬ.

Г. де Сентъ-Илеръ (Ch. de St. Hilaire), котораго Французская грамматика благосклонно была принята въ разныхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, предпринимаетъ нынѣ третье изданіе оной, подъ тѣмъ же заглавіемъ: Grammaire française en 36 leçons, à l'usage des Russes. (*Французская Грамматика въ 36 урокахъ, для Россійскаго юношества*), съ разными перемѣнами и дополненіями, въ 3-хъ томахъ. Кромѣ сего, Г. Сентъ-Илеръ въ непродолжительномъ времени издастъ слѣдующія учебныя книги: 1) Exercices gradués de lecture (*Постепенныя занятія въ чтеніи*, съ словаремъ всѣхъ заключающихся въ нихъ реченій, переведенныхъ на Рускій, Нѣмецкій и Англійскій языки). 2) Systême général des conjugaisons françaises (*Общая система Французскихъ спряженій*, съ словаремъ употребительнѣйшихъ глаголовъ, тремя синоптическими таблицами и проч.). 3) Rhétorique française (*Французская Риторика*) и 4) Cours de Littérature (*Курсъ Словесности*, заключающій въ себѣ: понятія о Философіи Древнихъ, о Литературѣ Грековъ, Римлянъ, вѣка Медицисовъ; Исторію языка и Словесности Французской до нашего времени). Всѣ сіи книги будутъ продаваться по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Подписка (безъ взноса денегъ) на всѣ пять или на какое-либо одно изъ сихъ сочиненій, принимается: въ С. Петербургѣ, у Гг. Слѣнина и Белизара, въ Москвѣ, у Г. Семена и комп.

Старый Генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II. «Я до сихъ поръ не знала васъ,« сказала Императрица. «Да и я, Матушка Государыня, не зналъ Васъ до сихъ поръ,« отвѣчалъ онъ простодушно. «—Вѣрю,» возразила Она съ улыбкой.« Гдѣ и знать Меня, бѣдную вдову!» —

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ Академіи.»—«Нѣтъ,« возразилъ великій человѣкъ: «развѣ Академію отставите отъ меня.«

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 4-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ: ТОМ. I. № 9. ФЕВРАЛЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го *числа* (*въ Среду*), — 10-*го* (*въ Понедѣльникъ*), — 15-*го* (*въ Субботу,*) — 20-*го* (*въ Четвертокъ*), *и* 25-*го* (*во Вторникъ*).

СИРЪ ЭДГЕРЪ и ЕГО СОКОЛЪ.

Повѣсть XVI Столѣтія.

(*Изъ соч. Автора*: London in the olden time).

»Well flown, brave bird!«
Shakespeare.

Изъ всѣхъ забавъ, коими высокородные Бароны среднихъ вѣковъ прогоняли скуку, нерѣдко тяготившую ихъ въ мирное время, ни одна не была такъ и долго и страстно ими любима, какъ *Царская соколиная охота* (столь высоко было ея назначеніе!). Къ удивленію, охота сія въ послѣдствіи совершенно вышла изъ употребленія, между тѣмъ какъ шахматы, шашки и большая часть другихъ пріятныхъ занятій, разнообразившихъ жизнь въ старинныхъ зàмкахъ, служатъ тихимъ увеселеніемъ и понынѣ. Гимнастическія упражненія, забавлявшія нашихъ праотцевъ, не потеряли еще всей своей прелести. Опыты въ искуствѣ стрѣлять изъ лука, хотя слабые въ сравненіи съ прежними, развлекаютъ также добрыхъ охотниковъ. Каждый годъ спускаются со своръ гончія собаки, и въ ясные дни лѣта роскошные лѣса оглашаются охотничьими рогами. Словомъ: не стало только соколиной охоты, въ таинства которой посвятить Королевскаго сына, поставилъ бы прежде за честь себѣ надменнѣйшій изъ Лордовъ. Объ охотѣ сей Джуліана Бернерсъ, Игуменья Сопевельская, отложивъ четки и молитвенникъ, въ началѣ книгопечатанія, прелестною своею рукою написала книгу, подъ названіемъ Boke of seynte Alban; но книга эта почти никому, кромѣ Антикваріевъ, неизвѣстна, и потому мы намѣрены сообщить хоть нѣкоторое понятіе любезнымъ читателямъ о томъ препровожденіи времени, которое болѣе пяти столѣтій было самымъ пріятнымъ для нашихъ предковъ. Если припомнимъ, сколь ограничены были въ старину источники удовольствій, и какую особенную прелесть доставляли всѣ развлеченія на открытомъ воздухѣ жителямъ обнесенныхъ высокими стѣнами зàмковъ, сквозь узкіе окна коихъ едва проницалъ лучь солнечный; то нимало не покажется страннымъ, что затворники сіи съ восторгомъ предавались забавѣ, вызывавшей ихъ въ чистое поле, къ тихому озеру или на берегъ свѣтлой рѣчки. Бароны весело снимали клобучки съ соколовъ своихъ, гордымъ окомъ озиравшихъ обширныя области ихъ владѣтелей. Рыцарь, сопровождавшій прелестную Леди, не упускалъ изъ вида ея сокола, пускавшагося за добычей, чтобы потомъ, отнявъ у него сію добычу, снова посадить его на вышитую перчатку своей дамы: такимъ образомъ весьма естественно, что охота, соединявшая удовольствія свѣтской бесѣды съ приманками чистаго воздуха и яснаго солнца, ихъ восхищала. Лорды среднихъ вѣковъ любили дичь, какъ лучшее лакомство, и добывали ее только посредствомъ соколиной охоты; воспоминаніе же, что вкусная пища сія была запрещенною, можетъ быть придавало ей еще большую цѣну. Правда, люди, лишенные защиты правосудія (out law) (*), не смотря на строгость лѣсныхъ законовъ, начертанныхъ кровью, охотились въ дубравахъ и почти предъ глазами феодальныхъ Лордовъ разили добычу мѣткими стрѣлами изъ надежныхъ луковъ. Но у нихъ не было ни денегъ, чтобы покупать соколовъ, ни времени ихъ вынашивать. Соколиною охотою исключительно занимались особы высшаго сословія. Роды сей птицы распредѣлены были по званіямъ: кречетъ принадлежалъ Королю, большой соколъ Принцу, зябленикъ Герцогу, дербникъ Рыцарю, копчикъ Леди, ястребъ оруженосцу; короче сказать, соколъ, подобно гербу, означалъ степень благороднаго произхожденія.

Ловки, переимчивы и вѣрны были сіи любимыя птицы, такъ, что пословицею: *понятливъ какъ соколъ*, вы-

---

(*) Fogelfrey.

ражалась отличная смѣтливость. Трубадуры, въ пѣсняхъ къ какой нибудь прелестной особѣ, со всею подробностью описывали ея сокола. Старики, внушая юношамъ нравственность, толковали имъ о томъ подобострастномъ вниманіи, съ которымъ соколы повиновались своимъ владѣтелямъ; а красивый видъ ихъ, блестящіе глаза и ловкій полетъ, составляли для Поэтовъ среднихъ вѣковъ (когда они живѣе хотѣли изобразить красоту), преобильной запасъ сравненій: такъ у нашихъ стихотворцевъ употребляются розы и лиліи. Соколы, какъ мы уже замѣтили, были исключительною принадлежностью высшаго сословія, и по этому объ нихъ прилагались всѣ возможныя попеченія. Въ каждомъ зàмкѣ были просторныя сокольни, въ коихъ наблюдалась чрезвычайная опрятность. Соколовъ постоянно мыли, заботились о сбереженіи нѣжнаго лоска ихъ перьевъ, и особенное вниманіе обращали на ихъ пищу. Въ изобиліи собираемы были изъ словъ Св. Писанія разные наговоры, дабы ими предохранить птицъ сихъ отъ дѣйствительной или мнимой опасности. Самые законы ихъ ограждали: похищеніе сокола или сокрытіе онаго послѣ Шерифскаго объявленія, считалось уголовнымъ преступленіемъ; укравшій же соколиныя яица подвергался заключенію въ темницу.

Клобучокъ на голову сокола обыкновенно плетенъ былъ изъ шелку, часто съ превосходными узорами. Золотая цѣпочка, къ которой его привязывали, дѣлалась лучшимъ мастеромъ; каждую ножку обвивали замшею (*опутинкою*) и къ ней прикрѣплялись два равновѣсные колокольчика, только одинъ полутономъ звонче другаго. Все это весьма подробно описала Джуліана Бернерсъ. Колокольчики для ястребовъ, говоритъ она въ своемъ сочиненіи: Boke of seynte Alban, довольно дешевы, а для зяблениковъ лучшіе были Миланскіе серебряные. Сверхъ того, дабы сберечь сокола на рукѣ, тонкій ремешекъ (*должикъ*) былъ прикрѣпляемъ къ его ножкѣ, а шелковой снурокъ (creance) къ одной изъ опутинокъ, изъ предосторожности, чтобы соколъ, поднявшись на воздухъ, совсѣмъ не скрылся. Кромѣ того, соколовъ выносили на охоту подъ дорогими покрывалами. Изъ высшаго сословія никто не показывался въ обществѣ безъ сокола, какъ важнѣйшаго своего отличія, и вообще разстаться съ нимъ, у нашихъ предковъ значило сдѣлать пожертвованіе, на какое только могъ благородный человѣкъ рѣшиться. Даже *Царицу Волшебницъ* романтическіе писатели изображали съ соколомъ. Въ самое большое употребленіе вошла соколиная охота не прежде конца XII и сіе продолжалось до средины XVI столѣтія; впрочемъ долго и послѣ того соколы оставались любимыми птицами, а сокольни были необходимою принадлежностью каждаго хорошаго дома. Послѣднее воспоминаніе объ охотѣ сей, находимъ въ занимательныхъ запискахъ Г-жи Гучинсонъ, гдѣ она представляетъ мужа своего забавляющимся съ соколами, въ концѣ Кромвелева правленія. Но объ этомъ довольно.— Обратимся къ героямъ повѣсти: Сиру Эдгеру Фицаллертону и славному его соколу Элинору.

Подъ грозными стѣнами Аллертонской башни, освѣщенной лучами осенняго солнца, толпились веселые охотники, въ то время, какъ Сиръ Джейльсъ Фицаллертонъ, держа сокола на рукѣ предъ алтаремъ Аббатства Ривольскаго, поклялся Богоматерью, что уступитъ Аллертонское помѣстье тому изъ своихъ племянниковъ, чей соколъ превзойдетъ другихъ и полетомъ и большею привязанностію къ своему владѣтелю. Многіе изъ бывшихъ съ Джейльсомъ содрогнулись отъ удивленія, услыша обѣтъ сей: ибо думали, что вѣрно въ этомъ случаѣ надъ всѣми одержитъ верхъ ближайшій Джейльсовъ наслѣдникъ, Антоній, который въ цѣлой окрестности славился своими соколами; но будучи злымъ скрягою, не отличался добрыми дѣлами.

Отецъ Христофоръ, сановитый Аббатъ Ривольскій, проговорилъ Сиру Джейльсу предлинное поученіе, на счетъ безразсудности его обѣта, отвергая всѣ охотничьи забавы; но увы! слова его остались безъ успѣха: ибо спустя три дня послѣ того, старый Рыцарь встрѣтилъ самого честнаго отца Аббата, разгуливающаго съ соколомъ, на тощемъ лошакѣ, по берегу рѣчки, и занятаго съ страстью человѣка свѣтскаго тою охотою, противъ которой онъ вопіялъ столь жестоко. Было явно, что убѣжденія добросовѣстнаго Настоятеля происходили собственно отъ желанія сберечь прелестное помѣстье для богатаго Аббатства; почему Сиръ Джейльсъ, сдѣлавъ свое намѣреніе гласнымъ, созвалъ знакомыхъ изъ-за нѣсколькихъ миль на охоту. Между тѣмъ задумчивые слуги Джейльса замѣчали въ немъ грусть необыкновенную, замѣчали, что щеки его воспламенялись отъ гнѣва при одномъ намекѣ о соколахъ Антонія. Все показывало, что онъ будетъ раскаяваться нѣкогда въ необдуманномъ обѣтѣ, но никто не осмѣливался о томъ говорить ему, какъ Лорду гордому и привыкшему держать слово свое въ точности, во что бы то ни стало. Наканунѣ дня, въ который должна была рѣшиться участь Аллертонскаго помѣстья, юный Рыцарь явился предъ воротами Джейльсова зàмка. Престарѣлый Рыцарь былъ внѣ себя отъ радости, узнавъ въ прибывшемъ юношѣ любимаго своего племянника, обладавшаго притомъ самыми красивыми и отлично-выношенными соколами, какихъ когда либо видалъ опытный глазъ его. Стѣны древняго зàмка огласились радостными кликами, смѣхомъ и пѣніемъ. Сиръ Джейльсъ велѣлъ приготовить богатый ужинъ, за которымъ сидѣвшихъ на почетныхъ мѣстахъ угощалъ мальвазіей, а прочихъ *элемъ*, желая новыхъ успѣховъ Сиру Эдгеру, снискавшему уже доблестями своими во Франціи рыцарское достоинство, и славному его соколу Элинору.

Прекрасное зрѣлище представилось на другой день, когда, при отблескѣ крупной росы и при утреннемъ гимнѣ пробудившихся птицъ, показались подъ стѣнами сѣдыхъ башенъ богато-одѣтые охотники, каждый съ соколомъ и собаками. Издалека прибывшіе Рыцари отличались золотыми уздечками коней своихъ, драгоцѣнными перевязями и развѣвавшимися на шлемахъ ихъ перьями. Дамы были въ украшенныхъ жемчугомъ шляпахъ и вообще столь богатомъ нарядѣ, что блескъ онаго превышалъ сіяніе лучей солнечныхъ, а глаза ихъ, воспѣтые множествомъ Минстрелей, казались прелестнѣе самаго утра. Когда же растворились тяжелыя ворота и медленно опустился огромный подъемный мостъ, тогда ржаніе коней, звонъ соколиныхъ колокольчиковъ, свистъ охотниковъ и веселый говоръ многочисленнаго собранія, слились въ одинъ гулъ, имѣвшій въ самой дикости своей нѣчто пріятное.

Аллертонское озеро было избрано для охоты, и туда прибыли шесть племянниковъ стараго Рыцаря, съ своими соколами. Цапли, одна за другою, взлетали на воздухъ; но какъ ни подымались онѣ, соколъ Сира Эдгера бралъ верхъ надъ ними, и спускаясь потомъ стрѣлою, повергалъ ихъ, безъ чувствъ, на землю. Одна только цапля взвилась такъ, что казалась на ясномъ небѣ точкою. «Спасайся, благородная птица,« весело воскликнулъ Сиръ Джейльсъ; « пусть Аллертонъ достанется « тому, чей соколъ тебя настигнетъ.» Зрители съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга: ибо знали, что длина шелковыхъ снурковъ не дозволила бы ни одному соколу достичь такой высоты. Тутъ Сиръ Эдгеръ оборвалъ снурокъ Элинора, и съ видомъ спокойнымъ, но торжествующимъ, не обращая вниманія на злобный хохотъ совмѣстника своего Антонія, любовался, какъ Элиноръ его, освобожденный отъ оковъ, парилъ въ поднебесьѣ. Увѣренность Эдгера въ славномъ его соколѣ оправдана была на самомъ опытѣ: слетѣвъ съ необъятной высоты и крѣпко держа въ когтяхъ безжизненную цаплю, повергъ онъ ее къ ногамъ своего владѣтеля, и снова сѣлъ на его руку.

Съ радостію Сиръ Джейльсъ возвратился въ замокъ и прежде обѣда, привѣтствуя гостей своихъ, два раза осушилъ заздравный кубокъ до послѣдней капли, въ честь Сира Эдгера Лорда Аллертонскаго и славнаго его сокола.

(Окончаніе въ слѣд. No.)

ЗАЙЦЕВСКОМУ,

Поэту-моряку.

Счастливый Зайцевскій, Поэтъ и Герой!
Позволь хлѣбопашцу-Гусару
Пожать тебѣ руку родною рукой
И въ честь тебѣ высушить чару!
О сколько ты славы готовилъ Россіи,
Дитя своенравной и грозной стихіи!

Лавръ первый изъ длани Камены младой
Ты взялъ на Парнасскихъ вершинахъ,
Ты, собственной кровью омытый—другой
Сорвалъ на разящихъ твердыняхъ;
Послѣдній призывно вдали колыхая,
Тебя къ нему манитъ пучина морская.

Мужайся! — Казарскій, другой Леонидъ,
Ждетъ друга на новый пиръ славы . . .
О, будьте вы оба Отечества щитъ,
Перунъ вѣковѣчной Державы!
Когда жь утомишься отъ грознаго боя,
Пусть снова намъ грянетъ цѣвница Героя!

Давно ль подъ мечами, въ пылу батарей
И я попиралъ долъ кровавый,
И я въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы?
Давно ль?... Но забвенье судьбу мою губитъ,
И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ!

Д. Давыдовъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

СТАТЬЯ II.

IV. О Поэзіи Греческой.

Греки были прекраснѣйшимъ изъ народовъ; изъ этого естественно послѣдовало превосходство ихъ Скульптуры и Поэзіи. Древнія статуи дошли до насъ сквозь вѣки разрушенія, лучшія и славнѣйшія вовсе не дошли. Спасшіяся отъ времени и невѣжества изломаны, безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головъ, и при всемъ томъ, всѣ усилія позднѣйшихъ народовъ, чтобъ сравниться съ ними, остались тщетны. Исполинъ Микель-Анджела малъ передъ развалинами Парѳенона; и къ чести Кановы я думаю, что онъ улыбнулся самъ, слыша похвалы Лорда Байрона, предпочитавшаго произведенія современника древнимъ.

Шлегель весьма умно замѣтилъ тѣсное сродство твореній Греческаго рѣзца и лиры; они говорятъ душѣ одно и то же, и взаимно служатъ дополненіемъ другъ другу. Но жребій былъ къ первымъ благосклоннѣе: глаза потомства тѣ же, стóитъ увидѣть Аполлона Бельведерскаго, ироя, прозваннаго ошибкою Гладіаторомъ, Діану съ ланью, или Лаокоона, чтобъ почувствовать и понять ихъ достоинство; но языкъ Эллинскій не существуетъ въ живыхъ, даже изучившему его съ трудомъ, многое останется темнымъ и дикимъ, переводовъ хорошихъ почти нѣтъ; и можно утвердительно сказать, что когда вопреки всему, остатки Греческихъ стихотвореній восхищаютъ душу народовъ позднихъ, чуждыхъ ихъ вѣры, языка и обычаевъ, торжество генія здѣсь еще примѣтнѣе, нежели въ безспорномъ преимуществѣ ихъ Ваятелей.

Существованіе отца стиховъ, Гомера, вопросъ не разрѣшенный; и не осмѣливаясь вмѣшиваться въ споры ученыхъ, скажу только, что держусь мнѣнія отрицательнаго. Мое почти безпредѣльное почтеніе и любовь къ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* болѣе всего утверждаютъ меня въ моихъ мысляхъ. Я не вѣрю, чтобъ одинъ человѣкъ могъ столько знать, столько изобрѣсти, столько выразить. *Анѳологія* можетъ изъяснять это тѣмъ, что самъ Фивъ ему внушалъ пѣсни, а онъ списывалъ; но чудесное въ критикѣ не допускается. Мнѣ представляются сіи пѣсни, или рапсодіи, не искуственнымъ, а вдохновеннымъ порожденіемъ цѣлой области, цѣлаго поколѣнія, а можетъ и болѣе. Осада Трои, подвиги и бѣдства знаменитыхъ побѣдителей, могли, должны были у всѣхъ быть въ памяти и устахъ; каждый пѣвецъ возпѣвалъ любое изъ славныхъ событій; легко могло прійти въ мысль одному начать тамъ, гдѣ другой кончилъ, или конецъ своей пѣсни довести до начала уже извѣстной, или связать двѣ дотолѣ отдѣльныя, и цѣлое само собою образовалось. Сходство слога, не въ грамматическомъ смыслѣ (тутъ даже находятъ разности), но въ эстетическомъ, весьма понятно тамъ, гдѣ Поэзія только рождается, гдѣ всѣ видятъ, чувствуютъ и говорятъ на одинъ ладъ, гдѣ еще нѣтъ Классиковъ и Романтиковъ. Всѣ Трубадуры сходны между собою, всѣ сѣверныя баллады въ одномъ духѣ, а изъ Испанскихъ романсовъ о Сидѣ Гердеръ собралъ родъ біографіи героя. Въ Италіи несчетное множество стихотворцевъ, плѣнясь чужими и баснословными преданіями о Паладинахъ Карла Великаго и небывалой войнѣ съ Маврами, возпѣвали Роланда и Ринальда, Ангелику и Марфизу, Рогера и Брадаманту; Аріосто продолжалъ поэму Боярда, а Берни ее поновилъ. Прибавьте къ нимъ прочихъ, писавшихъ о томъ же, отъ Пульчи до Фортигуерра: какое огромное цѣлое составится! Правда, въ немъ не будетъ той простоты, ясности и смысла, что въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*, но и въ каждомъ Авторѣ порознь ихъ уже нѣтъ. Они писали о вещахъ, явно несбыточныхъ, надъ которыми сами смѣялись; если бъ требованія общества и собственный вкусъ задали имъ другую задачу, проще и серіознѣе, они были бы осторожнѣе, менѣе противорѣчили себѣ и другъ другу, и пѣсни ихъ удобнѣе бы сложились одна съ другою. Впрочемъ, все это одно предположеніе: не то важно, кто писалъ *Иліаду* и *Одиссею*, а какъ онѣ написаны. Творецъ жаждетъ безсмертія не имени своему, а творенію.

Гомеръ точно безсмертенъ; слава его разнеслась повсюду, и не можетъ умалиться никогда. Чтобы превзойти его Поэзію, надобно возникнуть новому народу, одаренному отъ природы большею красотою тѣла и духа, нежели древніе Греки; но такое явленіе врядъ ли въ числѣ возможныхъ.

Стыжусь упоминать о Перро, Ламотѣ и Фонтенелѣ. Конечно, они довольно наказаны собственною виною, и достойны сожалѣнія, какъ слѣпцы; но то худо, что послѣдній въ особенности, пользуясь въ свое время незаслуженнымъ именемъ знатока, поддерживаемый цѣлымъ отрядомъ умницъ-питомцевъ, успѣлъ много разпространить ложныхъ понятій во Франціи, откол ѣ, подкрѣпясь еще поверхностнымъ сужденіемъ Вольтера, Лагарпа и всей ихъ школы, они съ другими Парижскими модами привезены и къ намъ. Мнѣ случилось слышать отъ людей, слывущихъ Поэтами съ дарованіемъ, такіе отзывы о Гомерѣ и Древнихъ вообще, которые совѣстно вспоминать, не только пересказывать. Трудолюбивые и добросовѣстные Нѣмцы не позволяли себѣ сихъ юношескихъ приговоровъ; самые рѣшительные Романтики ихъ сохранили глубокое почтеніе къ Греческимъ Классикамъ: желательно, чтобы наши, перенимая иногда дурное, не позабыли перенять и хорошее.

Примѣтно, что вообще въ наше время предпочитаютъ *Иліаду Одиссеѣ*; ясно, что не могутъ двѣ вещи нравиться совершенно равно: и я бы не упомянулъ даже объ этомъ, если бъ предпочтеніе сіе выдавали, какъ оно есть, за произвольной выборъ, а не за основательное заключеніе. Мудрено повѣрить, чтобы новые Критики лучше древнихъ знали Гомера; тѣ, выучивъ его наизусть, и не думали возвышать одну поэму передъ другой, равно прельщаясь обѣими; Трагики, Ваятели, Живописцы, находили въ каждой одинакое множество сокровищъ, Виргилій подражалъ имъ вкупѣ, и даже въ его стихахъ красоты *Одиссеи* не уступаютъ красотамъ *Иліады*. Въ послѣдней больше огня и движенія, дѣйствія и лицъ; въ первой больше простоты и спокойствія, больше сельскаго и домашняго: она еще болѣе благоухаетъ какимъ-то божественнымъ елеемъ старины.

Если можно мѣстами назвать Виргилія переводчикомъ Гомера, то онъ конечно лучшій изо всѣхъ. На многіе изъ Европейскихъ языковъ, по неизмѣнному уже ихъ свойству, нельзя перевести древнихъ поэмъ какъ должно: экзаметръ, коимъ онѣ написаны, существуетъ только у Нѣмцевъ, и по счастію, у насъ Рускихъ; стихи другаго размѣра съ формою вмѣстѣ измѣняютъ и сущность разсказа. Ни у Рошфора, ни у Попе, ни у Чезароти, ни у самаго Монти, Гомеръ не Гомеръ. Даже двое изъ нихъ, Чезароти и Попе, слѣдуя ложнымъ правиламъ своего вѣка, не переводили, а на новый ладъ наряжали или изкажали священный памятникъ древности. Вольтеръ совѣтуетъ всѣмъ переводчикамъ поправлять подлинникъ по понятіямъ XVIII-го столѣтія, и для образчика самъ дѣлаетъ опытъ, не многимъ удачнѣе предтечи своего Ламотта, имъ же осмѣяннаго. Я полагаю: гдѣ нѣтъ экзаметровъ, надо поневолѣ держаться прозы, но и прозой истинно хорошаго перевода не знаю. Фоссъ въ стихахъ лучше всего донынѣ существующаго, хотя тяжелъ и несвободенъ. Костровъ, вѣроятно изпуганный лишнимъ осмѣяніемъ *Телемахиды*, не смѣлъ взяться за экзаметръ, и въ александринахъ съ рифмами явилъ много дарованія, но хорошаго перевода сдѣлать не могъ; онъ же не окончилъ и девятой пѣсни *Иліады*. Г. Гнѣдичъ, знавшій ихъ только шесть, хотѣлъ продолжать трудъ Кострова, и переложивъ сряду еще четыре, весьма близко подошелъ къ своему предшественнику; послѣ онъ перемѣнилъ мысль, и началъ новый переводъ, какъ должно, размѣромъ подлинника: дай Богъ ему скорѣе кончить съ успѣхомъ; (*) но увы! на переводъ *Одиссеи* и надежды нѣтъ.

Аѳины славны своими Трагиками, столько же, какъ Полководцами и Витіями. Театръ есть одинъ изъ изящнѣйшихъ вымысловъ ума человѣческаго; въ сценическомъ представленіи соединяются разнородныя красоты двухъ главныхъ отраслей искуствъ: рисовальной и словесной. Вообразимъ себѣ событіе важное, близкое нашему сердцу: великій художникъ удвоилъ его простоту и дѣйствіе надъ нами, откинувъ все постороннее, разрушающее единство и впечатлѣніе зрѣлища, выразивъ языкомъ божественнымъ чувства и страсти человѣческія. Высокія лица, дотолѣ извѣстныя намъ изъ мертвыхъ преданій и повѣстей, сами оживленныя передъ нами, въ точномъ ихъ видѣ, въ достопамятнѣйшій день и часъ ихъ жизни, существуютъ, движутся и говорятъ; все окружающее ихъ, напоминая мѣсто и время ихъ бытія, удвояетъ очарованіе. Соберемъ мысленно зрителей, одаренныхъ душею пылкою, умомъ просвѣщеннымъ, многихъ и любителей; поставимъ себя въ числѣ ихъ; предадимся вполнѣ благороднѣйшему наслажденію; волшебно обмануты, раздѣлимъ судьбу воскресшихъ великихъ мужей, вникнемъ въ ихъ несчастія; и когда они въ глазахъ нашихъ совершатся, оставивъ глубокій слѣдъ и память неизгладимую, когда занавѣсъ опустится, и скроетъ отъ насъ поприще и предметы обворожительнаго художества, спросимъ у себя: что другое съ нимъ можетъ сравниться? гдѣ удовольствіе полнѣе и изящнѣе? Внутренній голосъ отвѣтитъ: ничто и нигдѣ.

Начало театра въ Греціи мало извѣстно; говорить о телегѣ Ѳесписа, значитъ терять слова; но кажется, нѣтъ сомнѣнія въ Вакхическомъ произхожденіи трагедіи. Она нѣкоторымъ образомъ входила въ богослуженіе Вакха; на праздникахъ его представлялись безсмертныя творенія Эсхиловъ и Софокловъ; и даже въ нѣсколькихъ, до насъ дошедшихъ, примѣтны слѣды первоначальнаго назначенія сего рода, хотя со временемъ судьба и дѣянія смертныхъ, сильно привлекая вниманіе, заставили почти забыть хвалебные гимны сыну Семелы и прочимъ богамъ.

Устроеніе Греческой сцены врядъ ли гдѣ съ ясностью описано; должно надѣяться однако, что въ нашъ вѣкъ, когда дѣлаютъ такъ много изысканій, не забудутъ ученые заняться и сею любопытною отраслью древнихъ искуствъ. Вѣрно только то, что наши театры въ такихъ важныхъ частяхъ не сходны съ Аѳинскимъ, что нельзя представить Греческой драмы на нихъ, ни обратно.

Одно изъ главнѣйшихъ различій системы древней и и новой, есть хоръ. Все, что нынче такъ называется (развѣ отчасти выведенный Расиномъ въ *Есѳири*), не можетъ дать намъ ни малѣйшаго понятія о значеніи и дѣйствіи Греческаго. Сіе лице, ибо не смотря на мѣняющееся по произволу число голосовъ, хоръ всегда говоритъ *я*, есть совершенно условное: хоръ древній, по пословицѣ, *гласъ Божій гласъ народа*, разумѣется и гласъ творца драмы; изрѣдка дѣлается онъ дѣйствующимъ лицемъ, по большей части только свидѣтель и безпристрастный судія дѣйствія и лицъ. Безъ сомнѣнія, можно сказать много дѣльнаго противъ сего отступленія отъ истины и натуры; но очевидно и то, что сей краснорѣчивый представитель общества и потомства, придаетъ трагедіямъ древнихъ нѣчто священное, важное и глубокое, чего нельзя сыскать въ новѣйшихъ формахъ, гдѣ также много условнаго въ другомъ родѣ, но гораздо менѣе великолѣпія и поэзіи.

Мы не знаемъ, чѣмъ была Греческая трагедія до Эсхила, сдѣлавшаго въ ней существенныя и значительныя перемѣны, безъ сомнѣнія къ лучшему; ибо въ его время Греція вообще и Аѳины въ особенности, послѣ достопамятной ихъ побѣды надъ Ксерксомъ, вдругъ при-

---

(*) Писано за-долго до изданія перевода Иліады. *Примѣч. Изд. Л. Г.*

мѣтно возвысились во всемъ. Утвердительно можемъ сказать, вопреки Аристотелю, что послѣ Эсхила трагедія не поднялась. Софоклъ имѣетъ въ сравненіи съ предшественникомъ и преимущества и недостатки; Эврипидъ отсталъ отъ обоихъ, а послѣ него не было даже Трагика, достойнаго передать имя свое Исторіи и вѣкамъ.

Изъ дошедшихъ до насъ семи трагедій Эсхила, особенное вниманіе заслуживаютъ три, составляющія родъ цѣлаго, такъ называемую трилогію. Увѣряютъ, что въ первую эпоху Греческаго театра, вѣнецъ служилъ наградою не за одну, а за три трагедіи, связанныя между собою содержаніемъ и ходомъ, или по нашему, за одну большую трагедію въ трехъ дѣйствіяхъ. Обычай сей измѣнился мало по малу, и даже въ Эсхилѣ очевидно, что иная трагедія, на примѣръ *Персы*, не могла принадлежать ни къ какой трилогіи. Желательно, чтобы новые опыты ознакомили насъ съ сею древнею формою драмы; произвольное разстояніе времени между частями, за коимъ естественно слѣдуетъ и свобода въ выборѣ мѣста для каждаго дѣйствія, даютъ возможность трагику обнять и представить событіе или цѣпь событій обширныхъ и многосложныхъ: строгое же при томъ соблюденіе единства времени и мѣста въ каждой части, налагая обязанность не отдаляться отъ истины, кротости и правдоподобія, могутъ, совокупивъ всѣ разнородныя выгоды драматическихъ формъ, довести искуство до высшей степени совершенства.

(*Продол. въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

THERMES DE POMPÉI. PAR ALEXANDRE BRULLOFF, élève de l'Academie IMPÉRIALE des Beaux-arts de St. Pétersbourg. (*Ѳермы или народныя бани, открытыя въ Помпеѣ, и снятыя съ натуры Александромъ Брюловымъ, воспитанникомъ ИМПЕРАТОРСКОЙ С. Петербургской Академіи Художествъ*).—Парижъ, въ Типогр. Фирменя Дидо, 1829 года.—(15 стр. текста и 9 чертежей въ листъ самаго большаго размѣра лучшей велен. бумаги). (*)

Хотя во всѣхъ владѣніяхъ древнихъ Римлянъ народныя бани устроены были съ большею или меньшею роскошью; но до нашихъ временъ не уцѣлѣло ни одно изъ таковыхъ зданій, которое могло бы сообщить полное понятіе о назначеніи каждой изъ своихъ частей. Великолѣнные остатки Римскихъ Ѳермъ насъ плѣняютъ, изумляютъ и даютъ полный бѣгъ воображенію, смутно напоминая о чудной и почти баснословной роскоши того времени; но они говорятъ языкомъ, для насъ непонятнымъ: время измѣнило всѣ языки. Помпея, сохранившаяся въ разрушеніи своемъ, осталась намъ ключемъ ко многимъ таинствамъ общественной и частной жизни гражданъ древняго Рима. Изверженіе Везувія было для Помпеи Медузиной головою: городъ, едва оставленный жителями и покрытый пепломъ, не измѣнился отъ разрушительнаго прикосновенія времени. Въ открытой части города, близь большаго *форума*, найдены были въ 1824-мъ году остатки бань, любопытные какъ по самому предмету, такъ по сохранности своей и по изящному вкусу архитектуры. Большая часть сводовъ еще существуетъ и сообщаетъ новѣйшимъ прелестные образцы для комнатныхъ украшеній.—Находившійся тогда въ Неаполѣ молодой Рускій Художникъ, А. Брюловъ, получилъ отъ Е. В. Короля обѣихъ Сицилій дозволеніе снять рисунки сихъ бань и изобразилъ оныя во всей подробности; а потомъ, въ бытность Г. Брюлова въ Парижѣ, рисунки сіи были выгравированы по его порученію лучшими Французскими и Англійскими гравёрами (между прочими, два эстампа, изображающіе части бань, кои назывались Tepidarium и Caldarium, выгравированы отличнымъ Англійскимъ гравёромъ Сендомъ (R. Sand). Въ текстѣ, написанномъ по-Французски, весьма подробно, съ умомъ и знаніемъ дѣла описаны древнія Ѳермы Помпеи, и остатки таковыхъ же въ Баіѣ. Чистота рисунковъ и изящество отдѣлки, безъ сомнѣнія обратятъ вниманіе нашей публики на сей трудъ Рускаго Художника, и книга его займетъ по праву одно изъ почетныхъ мѣстъ въ Библіотекахъ.

Г. Александръ Брюловъ совокупляетъ въ себѣ, съ превосходными знаніями и изящнымъ вкусомъ Архитектора, дарованія отличнаго портретнаго живописца. Многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ конечно извѣстенъ прекрасный портретъ Валтера Скотта, рисованный Г. Брюловымъ на камнѣ, во время его пребыванія въ Парижѣ.

(*) Книгу сію можно получать у Автора, въ д. Академіи Художествъ, и въ Магазинѣ И. В. Сленина, на Невск. проспектѣ, въ д. Имзена.—Цѣна экземпляру 50 руб.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О СИСТЕМѢ ЖАКОТО.

(Замѣчанія на статью, помѣщенную въ Journal des Débats, 1829, Дек. 13-го).

> »Ne rien exclure, tout accepter, tout comprendre, c'est là le propre du temps.«
>
> Cousin.

Статья I.

Между тѣмъ, какъ наши сочинители журнальныхъ перебранокъ оспоривали другъ у друга права свои на безсмертіе, новое, блистательное явленіе на горизонтѣ Европейской учености привлекало къ себѣ всеобщее вниманіе. Лѣтъ за десять предъ симъ въ Королевствѣ Нидерландскомъ нѣкто Жакото предпринялъ привести въ исполненіе мысль отважную: замѣнить всѣ донынѣ существующія различныя методы обученія одною общею и сверхъ того такою, при пособіи которой уничтожились бы важнѣйшія препятствія, замедляющія успѣхи просвѣщенія: съ одной стороны недостатокъ въ знающихъ учителяхъ, съ другой состояніе людей низшаго класса, неимѣющихъ по бѣдности средства образовать дѣтей своихъ; другими словами: перенести Университеты и Гимназіи въ жилище каждаго отца семейства,— прежнее назначеніе Педагогики: передавать свои познанія учащимся, перемѣнить на слѣдующее: указать способъ пріобрѣтать познанія; словомъ, изобрѣсти такую методу, съ помощію которой можно было бы *научить другаго чему-либо, на пр. языку, котораго вы сами не знаете!*

Сія мысль, столь странная съ перваго взгляда, но поддержанная необычайными успѣхами въ Нидерландахъ, гдѣ Жакото пользуется особеннымъ покровительствомъ нынѣшняго Короля и другихъ членовъ Царствующей фамиліи (*), обошла Англію, завела споры въ Германіи и произвела необыкновенное дѣйствіе во Франціи, гдѣ, въ началѣ 1829 года, заведено уже было пять школъ по методѣ *Всеобщаго Обученія* (какъ называетъ ее Жакото) (**), коихъ число ежедневно умножается и гдѣ мы насчитали по Журналамъ уже до 16 отдѣльныхъ сочиненій, вышедшихъ въ прошломъ году по сему предмету, кромѣ періодическаго изданія, составляемаго сыновьями изобрѣтателя, подъ названіемъ: Journal de l'émancipation intellectuelle — и разныхъ Журнальныхъ статей pro и contra.

На Рускомъ языкѣ готовится особенное сочиненіе о сей методѣ, которое однако же не можетъ быть издано до тѣхъ поръ, пока не получатся toutes les pièces du procès, какъ говорятъ Французы. — Зная, съ какою осторожностію должно говорить въ первый разъ о новой методѣ, введеніе которой въ систему воспитанія можетъ имѣть или весьма пагубныя, или весьма полезныя слѣдствія, зная, что всякая новая мысль, выраженная въ короткихъ словахъ, безъ подробностей, безъ объясненій, необходимо должна возбуждать сомнѣнія даже въ самомъ отважномъ эклектикѣ, мы бы не рѣшились сужденія наши о *Всеобщемъ Обученіи* сжать въ тѣсныя предѣлы журнальной статьи, если бы въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ Журналовъ, наиболѣе читаемомъ въ Россіи, не появилась статья, могущая въ Рускихъ читателяхъ произвести предубѣжденія противъ методы, по нашему мнѣнію, заслуживающей уваженіе, или покрайней мѣрѣ, вниманіе ученаго міра. Статья сія тѣмъ опаснѣе, что написана легко, заманчиво, остроумно, даже признаемся, съ знаніемъ дѣла, словомъ, какъ обыкновенно пишутся въ *Журналѣ преній* и какъ обыкновенно не пишутся наши журнальныя статьи объ ученыхъ предметахъ (*).

СМѢСЬ.

Наполеонъ и живописецъ Изабе. — »Я однажды зашелъ къ знаменитому живописцу Изабе, полюбоваться его собраніемъ портретовъ, содѣлавшимся нынѣ въ высокой степени историческимъ. Я засталъ художника въ мастерской, отдѣлывающаго ту картину, которая должна была передать имя его потомству съ многими изъ знаменитѣйшихъ современныхъ лицъ. (Картина сія нынѣ вообще всѣмъ извѣстна по выгравированному съ нея эстампу. Она изображаетъ залу Вѣнскаго Конгресса въ ту самую минуту, когда Князь

(*) См. переписку Жакото съ Королемъ и съ Принцемъ Фридерикомъ во 2-мъ изданіи его сочиненія: Mathématiques. Paris 1829.

(**) Jacotot. Langue étrangère. Paris, 1829, p. 256.

(*) Во время печатанія сей статьи, мы получили No. Журнала: Le Furet, въ коемъ помѣщено извлеченіе изъ книги какого-то Анти-Жакотиста, очень мило и насмѣшливо написанное; но какъ оно есть почти повтореніе того же, что говорится въ Journal des Débats, то слѣдующія статьи наши будутъ служить отвѣтомъ обоимъ противникамъ вмѣстѣ.

Метернихъ вводитъ въ оную Герцога Веллингтона). Я вдругъ увидѣлъ себя посреди знаменитѣйшихъ мужей и прелестнѣйшихъ дамъ, схожихъ какъ живые, и находившихся въ то время въ Вѣнѣ. Я узналъ немедленно портретъ Принца де-Линя, который Изабе только что окончилъ въ то время, какъ я видѣлся съ нимъ въ Шенбрунѣ; такъ-то сходство Принца де-Линь было одушевлено всею острою выразительностію подлинника; увидѣлъ и портретъ во весь ростъ Наполеона, прогуливающагося въ садахъ Мальмезонскихъ. »Такъ онъ точно всегда находилъ сложа руки?« спросилъ я. »Могу васъ въ томъ увѣрить,« возразилъ Изабе; »и эта привычка вмѣстѣ съ другою, потуплять голову, разъ едва не надѣлала мнѣ великихъ бѣдъ. Во время Консульскаго правленія, однажды обѣдалъ я въ Мальмезонѣ съ нѣкоторыми изъ молодыхъ Адъютантовъ Наполеона. Послѣ обѣда мы вздумали, вышедъ на равнину противъ замка, перепрыгивать другъ черезъ друга. Вы знаете, что у насъ въ училищахъ это любимая игра. Я перепрыгнулъ уже черезъ многихъ изъ моихъ товарищей, какъ вдругъ вижу въ сторонѣ, въ концѣ аллеи, еще одного, стоявшаго передо мной въ надлежащемъ положеніи. Думая, какъ бы только хорошенько скакнуть, я разбѣгаюсь, что есть силы; но къ несчастію ошибшись размѣромъ, вскакиваю ему на шею, роняю его и мы вдвоемъ катимся по землѣ шаговъ съ десятокъ. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что жертвою моей неловкости былъ самъ Бонапарте! — Въ эту эпоху своей жизни, ему и въ голову не приходило, чтобъ можно было упасть; и этотъ первый урокъ весьма естественно привелъ его въ величайшее изступленіе гнѣва. — Кипя яростью, онъ выдернулъ шпагу, и если бъ я не бѣгалъ лучше, нежели прыгалъ, то смерть моя была бы неминуема. Онъ преслѣдовалъ меня до самаго рва, черезъ который я перепрыгнулъ, и по счастію, не послѣдовалъ моему примеру. Я пошелъ въ Парижъ, и мой ужасъ былъ такъ великъ, что я не смѣлъ оглянуться, покуда не достигъ до Тюльерійскихъ воротъ. — Я вошелъ въ комнаты Госпожи Бонапарте, прислуга которой привыкла впускать меня безъ доклада. Видя мое смятеніе, Жозефина подумала, что я принесъ ей какое-либо непріятное извѣстіе; но когда я разсказалъ ей о случившемся, то происшествіе сіе, не смотря на мое отчаяніе, показалось ей столь смѣшнымъ, что она не могла удержаться отъ хохота. Когда же смѣхъ ея прошелъ, она обѣщала мнѣ, съ свойственнымъ ей добродушіемъ, ходатайствовать за меня у Консула. Однако же, зная совершенно его сердитый нравъ, она сочла за лучшее удалить меня на время съ глазъ своего мужа, пока не укротитъ его гнѣва; что было не трудно, ибо въ это время Наполеонъ любилъ ее страстно. И дѣйствительно ея ангельскія свойства одерживали обыкновенно надъ нимъ верхъ, и нерѣдко она успѣвала отвращать дѣйствія его запальчивости.

По возвращеніи домой, я нашелъ на столѣ моемъ повелѣніе не являться въ Тюльери; въ продолженіе сего временнаго удаленія, я окончилъ этотъ портретъ, который вы сей часъ видѣли. Госпожа Бонапарте, представляя оный Консулу, исходатайствовала мнѣ прощеніе и позволеніе снова явиться въ Тюльери. Первое мое съ Бонапартомъ свиданіе послѣ сего происшествія, было на Жозефининой половинѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ ласково и потрепавъ по щекѣ, сказалъ: »И впрямь, если вы хотите шутить, то старайтесь быть половче.« — »Боже мой!« сказала смѣясь Жозефина, »если бъ вы видѣли, какъ онъ былъ даже страшенъ, явившись ко мнѣ послѣ этого случая, то согласились бы, что онъ этимъ однимъ довольно наказанъ за свое желаніе отличиться ловкостью.« Изабе разсказывалъ этотъ анекдотъ съ свойственною ему живостію и веселостію; и сопровождая слова свои жестами и положеніями, такъ хорошо умѣлъ представить мнѣ происходившее, что я думалъ, будто вижу въ эту минуту всю комедію. Я воображалъ лежащаго на землѣ Наполеона, котораго увеличивавшееся бѣшенство уподобляло его Юпитеру, устремляющему громъ и молнію.« (Изъ: The Court Journal).

В. Б....щевъ.

Въ половинѣ истекшаго Января, изданы въ Лондонѣ Томасомъ Муромъ давно ожиданныя письма и дневныя записки Лорда Байрона, съ подробностями объ его жизни. Собраніе сіе посвящено Вальтеру Скотту.

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 9-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щеглов.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМ. I. №. 10. ФЕВРАЛЯ 15го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), — 15-го (въ Субботу,) — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (во Вторникъ).

СИРЪ ЭДГЕРЪ и ЕГО СОКОЛЪ.

(*Окончаніе*).

Прошло нѣсколько дней, и Сиръ Эдгеръ по прежнему оставался дорогимъ гостемъ у своего дяди. Однажды, съ Элиноромъ и собакою, непримѣтно отправился онъ къ мѣсту послѣдняго торжества своего. Скоро потерялъ онъ изъ виду сѣдыя башни, и снявъ клобучокъ съ сокола, когда цапля изъ тростника полетѣла къ берегу, началъ осматривать окрестности. Красивый Элиноръ, быстро взвившись къ верху, вѣрнымъ ударомъ поразилъ добычу и снова сѣлъ на Эдгерову руку. Между тѣмъ туманъ рѣдѣлъ, и по мѣрѣ того, какъ открывались прелестныя горы, равнины и вдали кристальная поверхность озера, Сиръ Эдгеръ приходилъ, такъ сказать, въ самозабвеніе отъ представившейся ему безпредѣльной картины природы. Цапля лежала у ногъ его. Собака, сидя возлѣ него, зоркими глазами смотрѣла на птицъ, рѣявшихъ по воздуху, а Элиноръ, замѣчая ихъ около себя, поднималъ рѣзкій крикъ, махалъ пестрыми крылышками и вытягивалъ лоснящуюся шею. Сиръ Эдгеръ, исполненный сладостныхъ мечтаній, не думалъ объ ожидавшей его участи.

Къ полудню приготовленъ былъ обѣдъ въ Аллертонскомъ зàмкѣ, но Сиръ Джейльсъ одинъ сѣлъ за столъ подъ балдахиномъ; ударилъ колоколъ къ вечерни, — и Сиръ Джейльсъ одинъ преклонилъ у алтаря колѣна. Наконецъ поздно возвратилась Эдгерова собака. На слѣдующій день сдѣланы были старательные поиски о Сирѣ Эдгерѣ, но тщетно; нашли только прекраснаго его сокола, сидѣвшаго на берегу у плаща своего господина; что же случилось съ самимъ Эдгеромъ, было тайною. Напослѣдокъ всѣ заключили, что чрезъ мѣру увлеченный охотою, онъ утонулъ въ озерѣ.

Въ этой мысли, пораженный печалію Сиръ Джейльсъ поставилъ у Аллертонскаго озера крестъ, внушавшій странникамъ молитвы о упокоеніи души Эдгера, а четыре инока въ бѣлыхъ ризахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ, торжественно совершали по немъ службу въ Ривольскомъ Аббатствѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, раздался уныло-протяжный звукъ Ривольскаго колокола, приведшій въ содраганіе робкихъ сернъ окрестнаго лѣса. Земледѣльцы оставили сельскія работы, а старухи побросали веретена, торопясь взглянуть на шествіе важныхъ латниковъ, герольдовъ съ парадными щитами, и облеченныхъ въ бѣлыя одежды пѣвчихъ, которые согласными голосами придавали еще большее великолѣпіе похоронамъ скончавшагося Сира Джейльса Фицаллертона. Всякой притомъ хотѣлъ отдать должную почесть его наслѣднику и новому своему владѣтелю Антонію, гордо выступавшему изъ зàмка, котораго онъ столь долго домогался. Съ почтительною робостью приблизился къ нему старый охотникъ, неся на рукѣ драгоцѣннѣйшій ему подарокъ, превосходнаго сокола; но Элиноръ, всегда очень смирный, устремился на Антонія съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ. Никто не постигалъ тому причины, но тѣмъ неменѣе зрители бросали одинъ на другаго значительные взгляды, и послѣ внезапнаго удаленія ихъ повелителя, многіе трепещущими устами творили молитвы, да падетъ небесное мщеніе на главу его.

Съ того времени Антоній Фицаллертонъ не входилъ болѣе въ Джейльсовъ замокъ; онъ запретилъ носить Элинора въ своемъ присутствіи, удалился отъ общества и рѣдко выѣзжалъ куда. Между тѣмъ запустѣніе болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ водворялось въ старинномъ Аллертонскомъ зàмкѣ; трава проросла въ обширной залѣ, гдѣ столь долго пѣніе Минстрелей сливалось со смѣхомъ веселаго владѣтеля и гдѣ теперь единственнымъ обитателемъ былъ старый охотникъ. Прислушиваясь порою къ унылому свисту бури въ разбитыя оконницы, и раздававшемуся на твердыняхъ дикому завыванью филиновъ, онъ воображалъ, что слышитъ голосъ прежняго своего господина. Мрачны казались Фицаллертоновы башни, но еще мрачнѣе былъ тотъ, кому онѣ принадлежали по праву: Сиръ Эдгеръ, которому воздвигли памятникъ, съ молитвами объ упокоеніи души его, былъ живъ и влачилъ дни на чужбинѣ. Пронзенный кинжаломъ брата-соперника, онъ долго лежалъ замертво, пока не былъ замѣченъ мимопроходившими странниками. Не имѣвъ возможности остановиться и ждать его оживленія, но и нерѣшась вовсе покинуть несчастнаго, они взяли его съ собою. По медленномъ выздоровленіи, вдали отъ родины, узналъ Эдгеръ о смерти своего дяди и о томъ, что имѣніемъ его завладѣлъ Антоній. Сердце его стѣснилось отъ сей вѣсти; онъ отправился къ ближайшей гавани, и съ богатствомъ своимъ—смѣлымъ духомъ и надежнымъ мечемъ—поплылъ во Фландрію.

Прошло десять лѣтъ. Сѣдой мохъ заволокъ надпись на крестѣ, поставленномъ у Аллертонскаго озера, и кустъ, осѣнявшій бездыханное тѣло Эдгера, далеко распространялъ свои вѣтви. Въ это время Король Генрихъ, путешествуя на сѣверѣ, посѣтилъ Аллертонскія окрестности съ великолѣпною своею свитою. Возвѣщена была соколиная охота, и солнце снова озарило прекрасное зрѣлище. Королевскіе спутники проходили мимо запустѣлаго Аллертонскаго зâмка. Тогда старый охотникъ съ Элиноромъ на рукѣ, также состарѣвшимся, вышелъ къ воротамъ. Сравнивая представлявшуюся ему картину съ великолѣпіемъ того утра, въ которое пышный Аллертонъ назначенъ былъ въ награду побѣдителю, онъ погрузился въ печальныя думы, а Элиноръ, обращая вокругъ себя внимательные взоры, встряхивалъ крапчатыми крыльями, при разносившемся въ воздухѣ рѣзкомъ свистѣ охотниковъ и незабытомъ имъ звонѣ колокольчиковъ.

Генрихъ, всегда любившій охоту, (счастливо протекъ бы вѣкъ его, если бъ онъ предавался только однѣмъ невиннымъ забавамъ), пораженъ былъ необычайною красотою Элинора, и подозвалъ къ себѣ охотника. Гордясь симъ неожиданнымъ вниманіемъ и еще болѣе прелестною птицею, служившею къ тому поводомъ, старикъ съ веселымъ видомъ подошелъ къ Государю. Между тѣмъ знаменитые охотники достигли береговъ чистаго озера. Цапли были взогнаны; каждый Лордъ снималъ клобучекъ съ своего сокола. Король повелѣлъ распустить Элинора, дабы онъ могъ показать всю свою ловкость, и старый охотникъ, послѣ многихъ похвалъ отличной выноскѣ сего сокола, спустилъ его съ руки своей; но цапли гордо и небрежно продолжали кружиться въ воздухѣ: ибо соколъ съ дикимъ крикомъ радости слетѣлъ къ стоявшему въ числѣ зрителей порядочно одѣтому человѣку, который началъ ласкать его. Все собраніе съ изумленіемъ смотрѣло на эту странность. Наконецъ открылось, что законный владѣтель Аллертонскій, среди бывшихъ прежде его приближенныхъ, никѣмъ не былъ узнанъ, кромѣ вѣрнаго Элинора. Король далъ знакъ, чтобы Сиръ Эдгеръ къ нему приблизился; потомъ съ милостивымъ вниманіемъ выслушалъ его приключенія, какъ, послѣ многихъ неудачь, попалъ онъ въ Англію, гдѣ, услышавъ о намѣреніи Монарха путешествовать неподалеку отъ Аллертона, рѣшился слѣдовать за его свитою, въ надеждѣ—не удастся ли объяснить ему при случаѣ свои несчастія.

Въ старинномъ зâмкѣ раздались веселые клики, при вступленіи давно потеряннаго Сира Эдгера въ Аллертонское помѣстье, и радость сосѣдей была неописанна, когда достались ему обширныя владѣнія Антонія, не надолго пережившаго изобличеніе его въ злодѣйствѣ. Скажемъ кратко, что Сиръ Эдгеръ сдѣлался богатымъ Рыцаремъ, достопочтенный Аббатъ Ривольскій отправилъ къ нему собственноручное, весьма благосклонное письмо за монастырскою печатью, съ увѣщаніемъ, чтобы онъ возблагодарилъ небо, принесеніемъ достойнаго дара Св. церкви; иноки же, въ теченіи 10-ти лѣтъ поминавшіе Сира Эдгера, предложили ему увѣковѣчить это поминовеніе умноженіемъ вклада на монастырь ихъ, и безъ того богатый. Но Сиръ Эдгеръ, не внявъ симъ убѣжденіямъ, устроилъ богатую лечебницу и хорошее учебное заведеніе, которыя свидѣтельствовали о признательности его къ Провидѣнію.

Въ небольшой церкви Аллертонскаго владѣнія, обросшей плющемъ и почти разрушившейся, любителю древностей представляется ветхій памятникъ, изображающій старца въ рыцарскомъ одѣяніи съ Библіей въ правой рукѣ, а на лѣвой съ превосходнымъ соколомъ, у коего красивые колокольчики и золотая цѣпочка доказываютъ, что онъ былъ любимою птицею своего владѣтеля.—Тамъ гробница Сира Эдгера Фицаллертона.

(Изъ: British wreath, 1829).

Пер. Ш.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый,
О, возвратите мнѣ вашъ день, день вѣчной славы,
Пыль, дымъ, громады войскъ, и сѣчу, и борьбу!
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали наконецъ счастливцы горделивы
И пахаремъ меня влекутъ на мирны нивы.
О, ринь меня въ огонь, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, взоромъ, голосомъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой Герой!

Ермоловъ, я лечу; веди меня, я твой:
Опредѣленный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой своихъ перуновъ дымомъ.

Но гдѣ вы?... слушаю .. Нѣтъ отзыва. Съ полей
Умчался брани дымъ, утихнулъ стукъ мечей;
И я, питомецъ ихъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

СТАТЬЯ II.

(*Продолженіе*).

Послѣ несравненныхъ поэмъ Гомеровыхъ, Эсхилова *Орестія* есть безъ сомнѣнія важнѣйшій по величинѣ своей памятникъ Греческихъ Музъ. Она состоитъ изъ трехъ трагедій: *Агамемнонъ*, *Коэфоры* (дароносицы) и *Эвмениды*; въ первой, побѣдитель Трои, возвратясь въ Микены съ добычею Пріама и плѣнной дочерью его Кассандрою, измѣннически убитъ своей женою и любовникомъ ея Эгистомъ; во второй, сынъ его Орестъ, воспитанный внѣ отцовскаго дома, и подъ чужимъ именемъ въ него войдя, по приказу Аполлона, совѣту друга своего Пилада и жалобамъ въ неволѣ живущей сестры Электры, отмщаетъ убійцамъ отца и убиваетъ свою мать; въ третьей, преслѣдуемый Эвменидами за пролитую имъ кровь, по новому приказу Аполлона, ищетъ суда и прощенія въ священныхъ Аѳинахъ. Сама богиня, покровительница города, предсѣдательствуетъ въ сонмѣ старцевъ-судей; право и вина подсудимаго въ точности разобраны; благостію милосердой богини, Орестъ оправданъ; а строгія божества подземныя, ублаженныя дарами и почестьми знаменитаго народа, съ кротостію удаляются, обѣщая на вѣки быть благосклонными къ жителямъ Аттики, питомцамъ мудрой Паллады. Содержаніе первыхъ двухъ частей истинно трагическое, равно важное и любопытное для всѣхъ вѣковъ и земель: вотъ почему всѣ вообще такъ часто обработывали его, и подъ настоящимъ именемъ, и подъ другими, приноровленными къ новымъ понятіямъ или костюмамъ; третья часть, *Эвмениды*, вѣроятно лестнѣйшая Аѳинянамъ, чужда для насъ, и надо почти переродиться Грекомъ, чтобы вполнѣ чувствовать ея достоинство. Я слышалъ, будто ученый Св. Димитрій Ростовскій, въ одномъ изъ своихъ драматическихъ твореній подражая Эсхилу, вывелъ кающагося грѣшника и споръ о спасеніи или гибели его, между Святыми и Ангелами съ одной стороны и духами тьмы преисподней съ другой: любопытно было бы по всему изданіе сей драмы великаго учителя нашей церкви; но гдѣ она, и когда ее издадутъ?

Первая часть, *Агамемнонъ*, разительна силою и рѣзкостью кисти. Явленіе, гдѣ сидящая на путевой колесницѣ плѣнная Кассандра, на убѣжденія хора, чтобъ она встала и вошла въ домъ, отвѣчаетъ сперва болѣзненнымъ воплемъ, потомъ смутнымъ и наконецъ яснымъ предсказаніемъ смерти Царя и своей собственной, и въ невольномъ порывѣ отчаянья устремляется къ ней на встрѣчу, выше похвалъ.

Вторая часть, *Коэфоры* или Электра, достопримѣчательна еще тѣмъ, что представляетъ удобнѣйшій случай къ сравненію трехъ извѣстныхъ Греческихъ трагиковъ, и яснѣе всѣхъ общихъ толкованій доказываетъ первенство между ними Эсхила. Правда, что у Софокла чувства, страсти и характеры нѣсколько болѣе развернуты; но за то дѣйствіе растянуто, лишнее лице Хрисотеміи выведено единственно для искусственнаго противорѣчія съ Электрою, разсказъ Орестова пестуна объ играхъ и ристаніяхъ эпическая вставка, и холодная жестокость дѣтей, убивающихъ мать, отвратна. Ходъ піесы совершенно заимствованъ у предшественника; сонъ Клитемнестры, надгробные дары и возливанія въ честь тѣни Агамемноновой, хитрость Ореста, приносящаго извѣстіе о своей смерти, узнаніе брата и сестры, отсутствіе Эгиста, возвращающагося въ самомъ концѣ, все это одно и то же. У Эсхила, Эгистъ убитъ прежде, а Клитемнестра послѣ, у Софокла напротивъ; и это отступленіе неудачно: важнѣйшее есть убійство матери, и оно должно быть послѣднимъ ударомъ. Эврипидова *Электра* одна изъ худшихъ его трагедій, вялая и скучная; двѣ странности ее отличаютъ: мысль выдать Электру за мужъ за стараго мужика, который стыдится и не смѣетъ жить съ нею какъ мужъ, и неумѣстная, нелѣпая насмѣшка (родъ пародіи) надъ Эсхиломъ. Воля его, но одна сцена, давшая названіе *Коэфорамъ*, во сто разъ дороже всей его трагедіи.

Просительницы первая часть трагедіи *Данаидъ*; послѣднія двѣ, въ коихъ вѣроятно представлено было ихъ невольное супружество, и мщеніе надъ братьями-мужьями, словомъ все дѣйствіе, пропали; въ первой одни приготовленія и жалобы: несправедливо было бы судить ее, какъ цѣлое. Хоры отмѣнно велики и хороши; иначе быть не могло, ибо здѣсь хоръ главное лице: онъ составленъ изъ самихъ Данаидъ.

Семь вождей подъ Ѳивами отличаются воинственнымъ изображеніемъ осады, приступовъ, оружій и богатырей. Плачь Хора и сестеръ надъ трупами братьевъ превосходенъ, а мужественное намѣреніе Антигоны, вопреки повелѣнію предать землѣ тѣло Полиника, кажется какъ бы зерномъ, произрастившимъ *Антигону* Софокла.

Не понимаю, за что Шлегель не любитъ *Персовъ*: если за нѣкоторый недостатокъ драматическаго дѣйствія, то онъ примѣтенъ и въ другихъ трагедіяхъ; *Семь подъ Ѳивами, Эвмениды, Эдипъ въ Колонѣ*, также скудны въ семъ отношеніи, но Шлегель справедливо ими восхищается. *Персы* великолѣпный трофей, воздвигнутый въ честь побѣдителей при Саламинѣ: какая почтенная горесть въ Царицѣ-матери! какая сила и поэзія въ разсказахъ! какое священное величіе въ отеческихъ наставленіяхъ мертваго Дарія, возставшаго изъ гроба на моленія плачущихъ подданныхъ! какое разительное изображеніе превратности счастія въ возвращеніи одного бѣжавшаго Ксеркса! Сія трагедія тѣмъ любопытнѣе, что она одна въ своемъ родѣ, одна, гдѣ выведены на позорище современники-иноземцы.

Но самое оригинальное, самое высокое твореніе Эсхила *Промеѳей*. Оно превосходитъ всѣ произведенія древней Мельпомены изображеніемъ великаго характера. Промеѳей борется противъ силы неодолимой, и твердостью терпѣнія, такъ сказать, одолѣваетъ ее. Я не знаю трагической картины проще и величественнѣе, не знаю трагическаго языка глубже и разительнѣе; Лаокоонъ въ кольцахъ у змѣй не сравнится съ Промеѳеемъ на скалѣ, и онъ безмолвенъ. Кто хочетъ имѣть полное понятіе о всей власти трагедіи надъ душой, долженъ прочесть *Промеѳея*, и воображеніемъ (когда иначе нельзя) поставить его на театръ.

Новое сравненіе между Эсхиломъ и Софокломъ представляется критику, переходящему отъ *Промеѳея* къ *Филоктету*. Основаніе сихъ двухъ превосходныхъ трагедій одинаково: борьба сильной души съ несчастіемъ и враждою гонителей; но чѣмъ сходнѣе задача, тѣмъ различнѣе геній трагиковъ. Смѣлый Эсхилъ перенесся въ первобытныя времена міра, его главное лице одинъ изъ древнихъ боговъ, сыновъ земли; гонитель его новый богъ, и сильнѣйшій. Благодѣтель рода человѣческаго, жертва ревности Олимпійца противупоставляетъ власти и мученію волю непреклонную; малодушные совѣты старца Океана, нѣжныя стенанія дочерей его, обѣщанія и угрозы Эрмія, скала и цѣпи, орелъ ненасытный, громъ и землетрясеніе безсильны; онъ падаетъ въ преисподнюю бездну, и уноситъ въ груди своей тайну, коей открытіе могло бы спасти его отъ казни, но вмѣстѣ тирана отъ гибели, судьбою назначенной. Сіе торжество упорнаго страдальца, еще возвышенное рѣзкими чертами природы сверхъ-естественной, поражаетъ ужасомъ и удивленіемъ; но сильный Титанъ-огненосецъ не можетъ быть предметомъ жалости; онъ выше такого слабаго чувства, и какъ бы гнушается имъ. Напротивъ, его возбуждаетъ безпрестанно Филоктетъ: онъ человѣкъ подобный намъ, чувство безсмертія не подкрѣпляетъ его въ страданіяхъ, онъ не унижаясь можетъ изливать ихъ въ безсильныхъ и горькихъ слезахъ; смертное тѣло его растерзано и разслаблено тлетворною раною и десятилѣтнимъ скитаніемъ на пустомъ островѣ, гдѣ оставленный жестокими Царями, онъ томится безъ крова, безъ одежды и часто безъ пищи; первое его желаніе: увидѣть людей, и при неожиданной встрѣчѣ съ Неоптолемомъ, когда послѣ долгой отвычки онъ опять слышитъ звуки языка Эллиновъ, душа его полна сладчайшихъ чувствъ, онъ оживаетъ надеждою возвратиться на родину и къ отцу; когда же открытіемъ новаго обмана, лишась минутной отрады, онъ впадаетъ въ вящшее отчаянье, тогда наши слезы невольно смѣшиваются съ его слезами. Божественный другъ приноситъ ему спасеніе, но вмѣстѣ велитъ отречься отъ ненависти и мщенія; онъ повинуется волѣ высшей: смиряетъ свой гнѣвъ, и простираетъ къ Одиссею руку, желавшую пронзить его грудь. Въ исполненьи столько же разницы, сколько въ первоначальномъ очеркѣ: тамъ боги и Титаны, полуженщина Іо и полуптица орелъ спекулаторъ; здѣсь люди со всѣми ихъ слабостьми и страстьми, простодушный Пирръ и хитрый Улиссъ; тамъ чародѣйствомъ вымысла и поэзіи мы переносимся въ чуждый міръ, въ нравственномъ только отношеніи съ нашимъ сходный; здѣсь все намъ знакомое и близкое, тѣ же немощи и нужды. *Промеѳей* полнѣе выражаетъ идеалъ Греческой трагедіи, производитъ болѣе изумленія и страха; *Филоктетъ* болѣе плѣняетъ сердце, болѣе удовлетворяетъ человѣка, рожденнаго въ другомъ вѣкѣ и народѣ, а совершенная отдѣлка частей дѣлаетъ его удобнымъ къ представленію вездѣ почти безъ перемѣнъ. Красота подлинника одолѣла слабость подражателя въ *Филоктетѣ* Французскомъ.

(*Продол. въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Карелія, или заточеніе Марѳы Іоановны Романовой. Описательное стихотвореніе въ четырехъ частяхъ. Ѳедора Глинки.— С. П. Б., въ типограф. Х. Гинце, 1830 (VIII—112 стр. въ 8-ю д. л. (*).

Изо всѣхъ нашихъ Поэтовъ, Ѳ. Н. Глинка, можетъ быть, самый оригинальный. Онъ не исповѣдуетъ ни древняго, ни Французскаго Классицизма, онъ не слѣдуетъ

(*) Продается у Издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына въ д. Г. М. Балабина, подъ No 26-мъ. Цѣна экз. 6 р., съ пересылкою 7 р.

ни готическому, ни новѣйшему Романтизму; слогъ его не напоминаетъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковскимъ и Батюшковымъ. Вы столь же легко угадаете Глинку въ элегическомъ его Псалмѣ, какъ узнаете Князя Вяземскаго въ станцахъ метафизическихъ или Крылова въ сатирической притчѣ. Небрежность рифмъ и слога, обороты то смѣлые, то прозаическіе, простота, соединенная съ изысканностію, какая-то вялость и въ то же время энегрическая пылкость, поэтическое добродушіе, теплота чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжесть живописи, иногда мѣлочной, — все даетъ особенную печать его произведеніямъ. Поэма Карелія служитъ подкрѣпленіемъ сего мнѣнія. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, видны достоинства и недостатки нашего Поэта. Мы вѣрно угодимъ нашимъ читателямъ, выписавъ нѣсколько отрывковъ, вмѣсто всякаго критическаго разбора (*).

(Монахъ разсказываетъ Марѳѣ Іоанновнѣ о прибытіи своемъ въ Карелію.)

«Въ страну сію пришелъ я лѣтомъ.
Тогда былъ небывалый жаръ,
И было дымомъ все одѣто:
Въ лѣсахъ свирѣпствовалъ пожаръ,
Въ Каріоландіи горѣло!...
Отъ блеска не было ночей
И солнце грустно безъ лучей,
Какъ разкаленый уголь тлѣло!
Огонь пылалъ, ходилъ стѣной,
По вѣтвямъ бѣгалъ, развивался,
Какъ длинный стягъ передъ войной;
И страшный видъ передавался
Озеръ пустынныхъ зеркаламъ....
Отъ знойной смерти убѣгали
И звѣрь, и водъ жильцы, и намъ
Тогда казалось, ужь настали
Кончина міра, гибель дней,
Давно на Патмосѣ въ видѣньи,
Предсказанныя. Все въ томленьи,
Снѣдалось жадностью огней,
Порывомъ вихрей разнесенныхъ;
И глыбы камней разкаленныхъ
Трещали. — Этотъ блескъ, сей жаръ,
И видъ дымящагося міра,
Мнѣ вспомянули пѣснь Омира:
Въ его стихахъ *лѣсной пожаръ*.
Но осень намъ дала и тучи
И токъ гасительныхъ дождей;
И нивой пепелъ сталъ зыбучій,
И жатвой радовалъ людей!....

«Дика Карелія, дика!
Надутый парусъ челнока
Меня промчалъ по симъ озерамъ;
Я проходилъ по симъ хребтамъ,
Зеленымъ дебрямъ и пещерамъ:
Вездѣ пустыня; здѣсь и тамъ
Отъ Саломейскаго пролива
Къ семьѣ Сюйсарскихъ острововъ,
До рѣчки, съ жемчугомъ игривой (*),
До дальнихъ сѣверныхъ лѣсовъ,
Ни гдѣ ни городовъ, ни башень
Пловецъ унылый не видалъ,
Лишь изрѣдка отрывки пашень
Висятъ на тощихъ ребрахъ скалъ;
И мертво все... пока Шелойникъ
Въ Онегу, съ свистомъ, сквозь лѣса
И нагло къ челнамъ, какъ разбойникъ,
И рветъ на соймахъ паруса,
Подъ скрыпомъ набережныхъ сосенъ. —
Но живописна ваша осень
Страны Кареліи пустой:
Съ своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златитъ, малюетъ листья:
Янтарь и яхонтъ и рубинъ
Горятъ и сихъ древесныхъ купахъ,
И кудри алыя рябинъ
Висятъ на мраморныхъ уступахъ.
И вотъ, межъ каменныхъ громадъ,
Порой, я слышу шорохъ стадъ,
Бродящихъ лѣсовой тропою,
И подъ рогатой головою
Привѣсы звонкія брянчатъ...

«Край этотъ мнѣ казался дикъ:
Малы, разсѣяны въ немъ селы;
Но сладокъ у лѣсной Карелы
Ея безписьменный языкъ.
Казалось, я переселился
Въ края Авзоніи опять:
И мнѣ хотѣлось повторять
Ихъ рѣчь: въ ней слухъ мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще однимъ я былъ обманутъ:
Вдали, для глазъ, повсюду ель
Да сосна, и подъ ней протянутъ
Нагихъ и сѣрыхъ камней рядъ.
Тутъ, думалъ я, одни морозы,
Гнѣздо зимы. Иду... Вдругъ... розы!
Все розы весело глядятъ!
И Сѣверъ позабылъ я снова.
Какъ дѣвы милыя, въ семьѣ,
Обсядутъ старика сѣдова,
Такъ розы въ этой сторонѣ,
Собравшись рощей молодою,
Живутъ съ громадою сѣдою.

(*) Въ No 6-мъ *Литер. Газеты* было вкратцѣ изложено содержаніе сей поэмы. — Издатель, Г. Непейцынъ, заслуживаетъ всякую похвалу за старательное и отлично-красивое изданіе оной.

(*) Въ рѣчкѣ Повѣнчанкѣ находятъ жемчугъ, иногда довольно окатистый и крупный.

«Сіи мѣста я осмотрѣлъ
И пораженъ былъ. Тутъ сбывалось
Великое! . . . Но кто бъ умѣлъ,
Кто бъ могъ сказать, когда то сталось? . . .
Вездѣ примѣты и слѣды
И видъ премѣны чрезвычайной
Отъ низпаденія воды —
Съ какихъ высотъ? осталось тайной . .
Но Сѣверъ нѣкогда питалъ,
За твердью нѣкоей плотины,
Запасы водъ; доколь насталъ
Преображенья часъ! — И длинный,
Кипучій, грозный, мощный валъ
Сразился съ древними горами;
Наземный черепъ растерзалъ
И стали щели — озерами.
Ихъ общій всѣмъ, продольный видъ
Внушалъ мнѣ это заключенье.
Но токъ, сорвавшись, все кипитъ,
Забывъ былое заточенье,
Бѣжитъ и сыплетъ валуны
И сталъ. Изъ страшнаго набѣга
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онѣга!

«Здѣсь поздо настаетъ весна;
Глубокихъ доловъ, межъ горами,
Карела дикая полна:
Тамъ долго снѣгъ лежитъ буграми
И долго ледъ надъ озерами
Упрямо жмется къ берегамъ.
Ужь часто видятъ, по лугамъ
Цвѣтокъ синѣется подснѣжный
И мохъ цвѣтистый оживётъ
Надъ трещиной скалы прибрежной;
А сѣрый, безобразный лёдъ
(Когда глядимъ на даль съ высотъ)
Большими пятнами темнѣетъ
И отъ озеръ студенымъ вѣетъ . . .
И жизнь молчитъ, и по горамъ
Бѣдна Карельская берёза;
И въ самомъ Маѣ, по утрамъ,
Блистаетъ серебро мороза . . .
Мертвѣетъ долго все . . . Но вдругъ
Проснулось здѣсь и тамъ движенье;
Дохнулъ какой-то теплый духъ
И вмигъ свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки
Къ пріютамъ вѣдомымъ влекомыхъ;
Снуютъ по соснамъ пауки;
И тучи, тучи насѣкомыхъ
Въ веселомъ воздухѣ жужжатъ.
Взлетаетъ жаворонокъ высоко
И отъ черемухъ ароматъ
Ліется долго и далёко . . . .
И въ тайнѣ дикихъ сихъ лѣсовъ
Живутъ малиновки семьями:
Въ тиши безтѣнныхъ вечеровъ
Луга и боръ и дичь бугровъ
Полны кругомъ ихъ голосами,
Поютъ . . . поютъ . . . поютъ онѣ
И только съ утромъ замолкаютъ:
Знать, въ пѣснѣ высказать желаютъ,
Что въ теплой видѣли странѣ,
Гдѣ часто провождали зимы;
Или предчувствіемъ томимы,
Что скоро, изъ лѣсовъ густыхъ,
Дохнетъ, какъ смерть, неотвратимый,
Отъ Бѣломорскихъ странъ пустыхъ,
Губитель роскоши и цвѣта:
Онъ, вмигъ, какъ недугъ, все сожметъ
И часто въ самой нѣгѣ лѣта
Природа смолкнетъ и замретъ!

«По Сунѣ плыли наши челны,
Подъ нами стлалися небеса
И опрокинулися въ волны
Уединенные лѣса.
Спокойно все на влагѣ свѣтлой,
Была окрестность въ тишинѣ
И ясно на глубокомъ днѣ,
Песокъ виднѣлся разноцвѣтной.
И, за грядою сѣрыхъ скалъ,
Прибрежныхъ нивъ желтѣло злато
И съ сѣнокосовъ ароматомъ
Я въ лѣтней роскоши дышалъ.
Но что шумитъ? . . ,. Въ пустынѣ шопотъ
Растетъ, растетъ, звучитъ, и вдругъ —
Какъ будто конной рати топотъ,
Дивитъ и ужасаетъ слухъ!
Гулъ, стукъ! — Знать гдѣ-то строятъ грады;
Свистъ, визгъ! — Знать цѣлый лѣсъ пилятъ!
Кружатся, блещутъ звѣздъ громады,
И вихри влажные летятъ
Холодной, стекловидной пыли:
« Кивачъ! . Кивачъ! . . . Отвѣтствуй, ты ли? . .
И выслалъ бурю онъ въ отвѣтъ! . . . .
Кипя надъ четырьмя скалами,
Онъ, съ незапамятныхъ намъ лѣтъ,
Могучій исполинъ, валами
Катитъ жемчугъ и серебро;
Когда жь въ хрустальное ребро
Пронзится горними лучами,
Чудесной радуги цвѣты
Его опутаютъ, какъ ленты;
Его зубристые хребты
Блестятъ — пустыни монументы.
Таковъ Кивачъ, таковъ онъ днемъ!
Но, подъ зарею лѣтней ночи,
Вдвойнѣ любуются имъ очи:
Какъ будто хочетъ небо въ немъ
На тысячи небесъ дробиться,
Чтобъ послѣ снова цѣлымъ слиться
Въ низу, на зеркалѣ рѣки . . . .
Тутъ буду я! Тутъ жизнь теки! . . . .
О, счастье жизни сей волнистой!
Гдѣ ты? — Въ чертогѣ ль богача,
Въ объятахъ роскоши нечистой,

Или въ Кареліи лѣсистой,
Подъ вѣчнымъ шумомъ Кивача?....

Духи основали свое Царство въ пустыняхъ *лѣсной Карелы.* Вотъ какъ Поэтъ нашъ изображаетъ ихъ.

Въ тѣхъ горахъ
Живутъ селеніями духи:
Точь въ точь, какъ мы! Въ большихъ домахъ,
Лишь треугольникомъ ихъ кровли;
Они охотники до ловли,
И все у нихъ, какъ и у насъ:
Есть чернь и титулъ благородныхъ;
Суды, Расправы и Приказъ.
Но нѣтъ баловъ, торговокъ модныхъ,
Каретъ, визитовъ, суеты,
И безтолковаго круженья;
Нѣтъ мотовства и разоренья,
Такъ стало, нѣтъ и нищеты!
Счетъ, вѣсъ и мѣра безъ обмана,
И у судейскаго кафтана
У нихъ не дѣлаютъ кармана. —
Я не могу увѣрить васъ:
Имѣютъ ли они Парнассъ,
Собранья авторовъ и залы
Для чтенія.—«А есть Журналы?»
Нѣтъ-съ! — Ну, и ссоры меньше тамъ:
Литературные нахалы
Не назовутъ по именамъ
И по отечествамъ, чтобъ гласно,
Подъ видомъ критики, ругать:
То съ здравымъ смысломъ несогласно!
И гдѣ, ктобъ могъ законъ сыскать,
Которой бы людей уволилъ
Отъ узъ приличія? И имъ,
Какъ будто должное, дозволилъ
По личнымъ прихотямъ своимъ,
Порою жь и по ссорѣ личной,
Кричать, писать, ругать публично?....
За то ужь въ обществѣ духовъ —
Вонъ тамъ, на тѣхъ скалахъ огромныхъ —
Всѣ такъ пріязненны! Такъ скромны!...
Отъ человѣческихъ грѣховъ
Подъ часъ, имъ бѣднымъ очень душно!
И если станетъ ужь и скучно
Смотрѣть на глупости земныхъ,
На наши шашни и проказы,
То псовъ съ собой четвероглазыхъ
И въ лѣсъ! И вотъ лѣсовъ *чесныхъ*
Принявши образъ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То на равнѣ, въ травѣ, съ травой!
Проказятъ, рѣзвятся, хохочутъ,
Зовутъ, обходятъ и морочатъ...
Иди къ нимъ, съ умной головой,
Начитанный теорикъ, — что же?
Тебѣ ученость не поможетъ;
Ты угоришь: все глушь да мракъ;
А духи шепчутъ: «ты дуракъ!
Сюда, мудрецъ, вотъ омутъ грязный!»....
Не такъ ли иногда приказный,
Разкинувъ практику свою,
Изъ справки въ справку ходитъ, ходитъ,
И часто въ безтолочь заводитъ
И толковитаго судью?....

СМѢСЬ.

Нѣкоторые Журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на Князя Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей Литературѣ. Указаніе неискреннее. Критическія статьи К. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онѣ заставляютъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическія же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію Авторскому, но К. Вяземскій можетъ смѣло оказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на Писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? — Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. — Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному Алеуту поединокъ двухъ Французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что Журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

А. Пушкинъ

Прошу покорнѣйше Редакцію Литературной Газеты дать въ своихъ листахъ мѣсто слѣдующему отзыву отъ меня:

Сѣверная Пчела въ 10-мъ No нынѣшняго года изъявляетъ сомнѣніе, точно ли *Разговоръ у Княгини Халдиной*, присланный мною въ Литературную Газету, писанъ Фонъ Визиномъ. На сіе имѣю честь объяснить Г.г. Подписчикамъ на издаваемое мною *Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина* и тѣмъ Читателямъ, которые впредь удостоятъ меня своею довѣренностію, что какъ сей Разговоръ, такъ и всѣ другія сочиненія Фонъ-Визина, которыя войдутъ въ составъ готовимаго мною изданія, несомнѣнно писаны Фонъ-Визиномъ и доставлены мнѣ отъ его непосредственныхъ и законныхъ наслѣдниковъ. Сей же самый Разговоръ долженъ былъ включенъ быть въ комедію Фонъ-Визина, подъ названіемъ: *Добрый наставникъ*, которой начало отыскано въ бумагахъ покойнаго Автора. Большая часть сего Разговора писана рукою самого Автора; и любопытные могутъ въ томъ удостовѣриться изъ черновой тетради, заключающей много собственноручныхъ отрывковъ его. Тетрадь сія хранится въ книжной лавкѣ моей, на Никольской улицѣ.

Впрочемъ, кажется, и самый предлогъ сомнѣнія весьма неоснователенъ. Въ разговорѣ упоминается о заведеніи Рускихъ Университетовъ: Сѣверная Пчела замѣчаетъ, что при жизни Финъ-Визина существовалъ одинъ Московскій Университетъ.— Это правда; но сатирическій разговоръ не статистическая таблица. Впрочемъ мы часто принимаемъ множественное число за единственное, и говоримъ напр. « когда явятся у насъ Державины, » хотя Державинъ одинъ, и проч. — Что жъ касается до примѣчанія, приписываемаго Сѣверною Пчелою Издателямъ Литературной Газеты, то оно найдено было въ спискѣ, полученномъ отъ наслѣдниковъ, и по неосмотрительности оставлено и напечатано. Вѣроятно, оно почитаемо было нужною оговоркою для какого нибудь прежде готовившагося изданія. Сіе замѣчаніе, какъ и самыя изтолкованія на оное Сѣверной Пчелы, кажется мнѣ, тѣмъ болѣе излишни, что въ томъ же разговорѣ, въ слѣдъ за тѣмъ же словомъ, есть отъ самаго Автора объясненіе *Политической науки*: « разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую, и науку о Государственныхъ « доходахъ."—

Иванъ Салаевъ,

Издатель Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина.

Москва, 4 Февраля, 1830 года.

* * *

Острая шутка не есть окончательный приговоръ.*** сказалъ, что у насъ есть *три* Исторіи Россіи: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья *для гостинаго двора*.

* * *

Произхожденіе народной поговорки. — Угодно ли знать произхожденіе простонародной поговорки, заимствованной Рускими отъ единоплеменниковъ, издревле къ нимъ близкихъ по многимъ отношеніямъ? Вотъ что говоритъ о семъ ученый Лелевель, въ изданной имъ прошлаго 1829 года, въ Варшавѣ, *Сокращенной Исторіи Царства Польскаго,* носящей, вмѣсто пышнаго заглавія, скромную надпись: Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedział (*), но имѣющей великое достоинство по принятому въ ней плану, строгому выбору пособій, занимательности и образу изложенія. « Болеславъ Великій вникалъ сколько могъ « самъ въ судебныя дѣла и рѣшалъ оныя справедливо. « Строгость его къ виновнымъ доходила иногда до жестокости. Однако же къ менѣе погрѣшившему былъ « онъ снизходителенъ, въ надеждѣ, что замѣчаніе и выговоръ достаточны къ его исправленію. Простые « обычаи вѣка представляли Болеславу средства дѣйствовать лично въ семъ отношеніи съ успѣхомъ. « Онъ самъ предостерегалъ, громилъ и своеручно наказывалъ. Часто виновный вельможа, приглашенный Королемъ къ столу и въ баню, выслушавъ слово правды, получалъ тамъ наказаніе, долженствовавшее его « исправить на будущее время. Отъ чего и произошла « поговорка: *задать кому нибудь баню* (sprawić komu » łaźnię). »

* * *

Въ Флорентинскомъ Панѳеонѣ окончанъ знаменитымъ ваятелемъ Риччи (Ricci) великолѣпный памятникъ Данте; по красотѣ отдѣлки, онъ предпочитается стоящей съ нимъ рядомъ гробницѣ Альфіери, сдѣланной Кановою.

(*) Книга сія, посвященная почтеннымъ Лелевелемъ малолѣтнымъ его племянникамъ, замѣчательна еще своею дешевизною. 330 стр. въ восьмушку, съ Атласомъ, состоящимъ изъ 12 картъ, изображающихъ Польшу въ разныя эпохи, хорошо вырѣзанныхъ и чисто отпечатанныхъ на весьма изрядной бумагѣ, стоютъ 6 злотыхъ и 20 грошей Польскихъ (4 руб. ассигнаціями на наши деньги).

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 14-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМ. I. №. 11. ФЕВРАЛЯ 20го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), — 15-го (въ Субботу,) — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (во Вторникъ).

УБРАНСТВО

Знатной Еврейки. (*)

Первые лучи свѣта брежжутся на вершинѣ храма Іерусалимскаго и позлащаютъ покатости Эврона и Синая. Толпа народа тѣснится по улицамъ и сіе утреннее волненіе возвѣщаетъ, что родился день общенароднаго празднества. Пробужденная отъ сна въ чертогахъ, скрывающихъ ее отъ взоровъ людскихъ, юная Рахиль, которая покоилась посреди своихъ прислужницъ, на изголовьѣ, украшенномъ звѣриными кожами, подъ одѣяломъ изъ драгоцѣнныхъ тканей Финикійскихъ,— дивится, что она проснулась прежде того часа, въ который обыкновенно прелестные глаза ея открываются для свѣта дневнаго. Прислужницы, къ ногамъ коихъ привѣшены маленькіе, звонкіе серебряные колокольчики, окружаютъ постель ея: онѣ одѣты въ короткія верхнія платья, спускающіяся немного пониже колѣна, и волосы ихъ подобраны подъ разноцвѣтныя шелковыя сѣтки (**). Первая подаетъ своей госпожѣ простыя сандаліи, сшитыя изъ козьяго мѣха и завязываемыя на ногѣ двумя застежками, изъ коихъ одна пропускается между большимъ и вторымъ пальцами ноги, а другая, дважды обвившись вокругъ икры, связывается потомъ съ первою. Рахиль снимаетъ бумажную ткань, которою окутана была ея голова, и беретъ изъ рукъ одной прислужницы сѣтку изъ пурпуровой шерсти, блестящую по краямъ золотомъ и серебромъ; металлическій полукругъ, изъ подъ котораго выказываются концы ткани, сдерживаетъ сію сѣтку на затылкѣ. Поверхъ короткой льняной сорочки, *синдона* (*) (коего прозрачная тонкость покрываетъ ее, не укрывая отъ взоровъ), сорочки безъ рукавовъ и недоходящей до колѣнъ, накидываютъ на нее другую одежду, столь же легкую и прозрачную, но совершенно ее скрывающую въ широкихъ своихъ складкахъ. Поднимается занавѣсъ и открываетъ внутреннее, таинственное убѣжище, гдѣ въ тѣни пальмъ и финиковыхъ деревъ, навѣвающихъ свѣжесть на воду, которая брызжетъ въ мраморную купель, — Рахиль предается удовольствію купанья, той роскоши, изъ коей нравы Азійскіе и знойный климатъ Востока содѣлали для народовъ тамошнихъ необходимую потребность и даже священный долгъ.

Не станемъ проникать взоромъ въ сіе дѣвственное убѣжище, которое не всегда было уважено однимъ изъ Царей Израилевыхъ: подождемъ той минуты, когда юная Израильтянка, предшествуемая своими прислужницами, оставляетъ купальню и входитъ въ отдаленный покой, святилище нарядовъ. Покой сей отдѣленъ отъ спальни кожами тигровъ и барсовъ, обдѣланными съ отличнымъ искусствомъ и служившими вмѣсто стѣнъ и перегородокъ въ домахъ богачей. Запахъ мирры, амбры, бизама и алòе, разносится тамъ повсюду. Золотыя урны, выработанныя хитрою рукою, съ прорѣзными крышками, испускаютъ изъ себя благовонные пары. Вокругъ комнаты чинно разставлены небольшіе сосуды съ узкою шейкой, изъ которыхъ

(*) Одинъ Нѣмецкій Писатель, терпѣливо изучавшій большую часть Писателей языческихъ, познакомилъ насъ со всѣми затѣями щегольства у древнихъ Римлянъ. Ученое сіе твореніе о столь легкомъ предметѣ, издано подъ заглавіемъ: *Сабина, или знатная Римлянка за уборнымъ столикомъ.* Сочинитель помѣщаемой здѣсь статьи почерпалъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ, болѣе заслуживающихъ благоговѣніе, и представилъ картину убранства прекрасной Израильтянки.

(**) Въ Талмудѣ можно найти описаніе сихъ головныхъ уборовъ изъ сѣтки, вмѣстѣ съ запрещеніемъ на счетъ лентъ, вплетаемыхъ въ волосы (см. Талмудъ, III, 80.) Талмудъ, какъ извѣстно всѣмъ, есть собраніе Раввинскихъ преданій. Нѣкоторые ученые Израильтяне почти также ему вѣрятъ, какъ и закону, заповѣданному въ Писаніи, т. е. Библіи.

(*) Исаія.

капля по каплѣ вытекаютъ находящіяся въ нихъ душистыя масла. Видомъ сіи сосуды продолговато-круглые; нѣкоторые изсѣчены изъ Ливанскаго мрамора, другіе вырѣзаны изъ оникса. Болѣе же всего манятъ взоръ окатныя зеркала, осыпанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями (*), то мѣдныя, то серебряныя, то выпуклыя, то вдавленныя; прислужницы безпрестанно вытираютъ гладкую ихъ поверхность губкою, которая смочена иссопомъ. Въ небольшихъ коробочкахъ изъ золота, алоеваго и чернаго дерева, разкладены тѣ многочисленныя и дорогія вещицы, которыя часто возбуждали гнѣвъ Пророковъ: здѣсь есть и ожерелья, и кольца, и разнородныя запястья, и цѣпочки, и серьги, и тѣ украшенія, кои женщины Индійскія, вѣрныя блюстительницы древнихъ обычаевъ Азіи, привѣшиваютъ къ ноздрямъ своимъ. Жрицы сего храма нарядовъ и красоты женской держатъ у себя одежды разныхъ цвѣтовъ, изъ дорогихъ тканей, различнаго покроя, спорящіяся между собою великолѣпіемъ, и привѣшиваютъ ихъ на *канклинъ* (**), большой сосудъ изъ мѣди, накрытый мѣдною же рѣшеткою, подъ которою благовонія курятся на горящихъ угольяхъ и проникаютъ своимъ запахомъ ткани, положенныя такимъ образомъ надъ вылетающими оттуда душистыми парами.

Это еще только приготовленія къ нарядамъ Рахили. Сидя по восточному обычаю на коврахъ, разостланныхъ по полу, она вручаетъ своимъ прислужницамъ волнистыя кудри прекрасныхъ, черныхъ волосовъ своихъ. Кудри сіи навѣваются надъ курильницами, кои сообщаютъ имъ пріятный запахъ; потомъ намазываются волосы масломъ нарда, мирры и кинамома. Я долженъ сказать всю правду: Рахиль и женщины ея не знали употребленія гребня, необходимаго орудія нарядовъ и чистоты. Прислужницы разчесывали бѣлоснѣжными своими пальцами природныя кудри, которыми вились волосы ихъ госпожи. Осужденный на такое признаніе, я пересматривалъ, для просвѣщенія моего невѣрія, Нѣмецкую книгу порядочной толщины и ужасной учености; заглавіе оной: *Объ употребленіи гребня у женъ Іудейскихъ*, подавало мнѣ законную надежду. Сочинитель, долго и долго поговоривъ о Далилѣ и подержавъ за волосы Сампсона, вставивъ на сорока страницахъ диссертацію о медаляхъ Сирійскихъ и заглянувъ въ уборныя комнаты Аѳинянокъ и Римлянокъ, оканчиваетъ свое твореніе сими словами, которыя показываютъ въ ясномъ свѣтѣ пользу написанныхъ имъ дотолѣ двухъ сотъ тридцати страницъ въ 4-го долю листа: *По строгомъ разсмотрѣніи всего сего, окончательное мое мнѣніе есть таково, что знатныя Іудейки чесали себѣ волосы своими пальцами* (*).

По окончаніи сего, дѣвы связываютъ красными повязками волосы Рахили, которымъ искуство ея прислужницъ сообщило лоскъ гагата и сладостный запахъ цвѣтущихъ рощей Кашемира. Подходитъ дѣва, держа въ рукѣ маленькую, четвероугольную коробочку изъ слоновой кости, въ которую положено масляное и душистое вещество (**), растопленное надъ угольями. Она обмакиваетъ въ сей ароматъ, цвѣтомъ черный и лоснящійся, *макахоль* (***), серебряную кисточку или лопатку, широковатую на концѣ и сдѣланную желобкомъ, чтобы въ ней могло держаться красильное вещество. Рахиль зажмуриваетъ глаза, и дѣва проводитъ кисточкой между двумя рядами рѣсницъ, осѣняющихъ оныя. Когда же Рахиль открываетъ очи, то обрисовывающая ихъ двойная, черная черта, придаетъ имъ новый блескъ, какъ бы увеличиваетъ ихъ и сообщаетъ имъ какую-то величавую томность и задумчивую пріятность, коихъ прелесть легко выразумѣетъ тотъ, кому удалось видѣть одну изъ красавицъ Востока, заключенныхъ нынѣ въ гаремы. Такимъ же образомъ проводятъ кисточку по бровямъ Рахили; легкая ихъ дуга становится отъ того ярче, и дѣвы стараются протягивать черту ихъ такъ, чтобъ онѣ сходились и соединялись подъ челомъ.

Потомъ юная Еврейка встаетъ и подходитъ къ гладкому бронзовому зеркалу, стоящему въ концѣ комнаты и совокупляющему въ себѣ лучи солнечные. Она сама осматриваетъ, какъ прислужницы ее убрали; приказываетъ имъ сгладить остроконечный уголъ, образуемый соприкосновеніемъ двухъ черныхъ дугъ, которыя онѣ вывели надъ ея глазами, и соединить сіи дуги змѣйчатою чертою страннаго вида, совокупляющею обѣ брови легкимъ перевивомъ. Она скидаетъ утреннее свое платье, исподнюю сорочку и *хѣтонетъ* (****), коего имя

(*) *Моисея* кн. 11, 38, 8. Зеркала въ его время были мѣдныя. *Іовъ*, 17, 18, говоритъ о серебряныхъ зеркалахъ. Арабы въ первые вѣки послѣ Эгиры имѣли мѣдныя зеркала. Во многихъ кабинетахъ любителей древности находятся зеркала сіи и понынѣ.

(**) Талмудъ, 6, 77.

(*) Одинъ Французскій ученый, въ высокомѣріи своемъ, дерзаетъ отвергать точность заключеній Нѣмецкаго ученаго. Вотъ его собственныя слова: «Время, которое въ «Египтѣ, кажется, не имѣетъ ни косы, ни крыльевъ, по«щадило Египетскіе гребни, и что еще замѣчательнѣе, «тамошніе парики. Ихъ можно видѣть и нынѣ во многихъ «собраніяхъ древностей. Странно было бы, когда бъ Евреи, «нѣсколько вѣковъ жившіе на берегахъ Нила, не переняли употребленія сего полезнаго орудія.»

(**) Библія часто упоминаетъ о семъ обыкновеніи.

(***) Талмудъ, 6, 43.

(****) На изваяніяхъ Персеполиса и въ рисункахъ и отмѣткахъ разныхъ путешественниковъ, можно видѣть образчики сей одежды. Іерусалимъ, во времена своего богатства и роскоши, принялъ многіе обычаи Вавилонянъ.

напоминаетъ *хитонъ* древнихъ Грековъ и Римскую *тунику*; приказываетъ принести себѣ другую одежду такого жь покроя, но гораздо уже, сотканную изъ тонкаго шелковистаго *виссона* (*). Сія исподняя одежда снизу недоходитъ до лодыжки ногъ, а рукава ея едва касаются локтей, но вверху она очень высока и закрываетъ всю грудь. Застегиваясь позади очень тѣсно серебряною пряжкою, она оставляетъ угадывать, не выказывая нескромнымъ взорамъ, прелестныя округлости, коими природа надѣлила прелестную Рахиль. Верхняя часть этой сорочки, весьма искусно и богато вышитая, являетъ удивленнымъ глазамъ изображенія цвѣтовъ и плодовъ въ золотыхъ и серебряныхъ узорахъ: она обшита фіолетовою бахрамою, которая еще болѣе отличаетъ ослѣпительную бѣлизну ткани и полувоздушную ея прозрачность.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

ТѢНИ ПРАОТЦЕВЪ.

(*Индійское преданіе*).

У Райи занемогъ старшій сынъ. — Не медля нимало, Райя, по всеобщему обычаю, учредилъ роскошное пиршество для умилостивленія тѣней праотцевъ своихъ. По древнему сказанію, отъ праотцевъ происходитъ счастье и несчастье семейства, отъ нихъ зависитъ болѣзнь и выздоровленіе. Звукъ свирѣлей и бубновъ, клики веселыхъ собесѣдниковъ пира сливались съ глухими стонами страдальца.

Бѣдный Браминъ, проходя мимо пирествующей бесѣды, спросилъ о причинѣ пира и вошелъ въ храмину Райи. Ничего особенно замѣтнаго не видно было въ Браминѣ; лишь смиренный видъ, бѣлая черта на челѣ и бамбуковая трость отличали его; но гласитъ преданіе, что святая мудрость избрала обиталищемъ голову сего Брамина. Онъ приблизился къ страждущему, произнесъ тихую молитву, поднесъ къ устамъ его врачебное питіе и умирающій возвратился къ жизни, и горсть пшена бросили бѣдному Брамину. Отецъ съ торжествомъ возвѣстилъ собесѣдникамъ о выздоровленіи сына; всѣ вмѣстѣ возхвалили могущество праотцевъ Райи; молва о семъ перешла изъ устъ въ уста, вѣра къ тѣнямъ праотцевъ подкрѣпилася новымъ доказательствомъ; о Браминѣ же никто и не вздумалъ.

Не прошло двухъ дней, и другой сынъ Райи слегъ на смертную постелю. Снова учредилось пиршество, загремѣли бубны и снова съ ихъ звуками сливались стоны страдальца. И снова бѣдный Браминъ посѣтилъ одръ страждущаго, произнесъ молитву и поднесъ врачебный напитокъ. Но уже Брама огненными буквами начерталъ смерть на главѣ страдальца: перо, писавшее ихъ, изсохло—и душа оставила страждущее тѣло.

«Вотъ убійца моего сына!" вскричалъ собесѣдникамъ раздраженный отецъ, влача за собою бѣднаго Брамина: «онъ отравилъ его своимъ питіемъ!"— И молва о семъ перешла изъ устъ въ уста; всѣ смотрѣли на Брамина, какъ на чудовище, затворяли отъ него двери и горсти пшена никто не бросалъ Брамину за прагъ своего дома.

Гр.

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

Я вызванъ изъ толпы народной
Всезвучнымъ голосомъ твоимъ,
Пѣвецъ-Герой! ты благороднымъ
Почтилъ вниманіемъ своимъ
На службѣ юнаго солдата;
О славѣ мнѣ заговорилъ,
Призвалъ меня призывомъ брата
И лирой свѣту огласилъ!
Твоею дружбою, хвалою
Горжуся! Преданной душою
Тебя я чту, пока я живъ!
Ты правъ, Давыдовъ, я счастливъ!
Счастливъ: мнѣ раненую руку
Пожалъ увѣнчанный Герой,
И славой я обязанъ звуку
Ахилла лиры золотой.

Е. Зайцевскій.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

СТАТЬЯ II.

(*Окончаніе*).

Аяксъ, обдѣленный наградою отъ неблагодарнаго войска и непріязненныхъ вождей, сходствуетъ нѣсколько положеніемъ съ Промеѳеемъ и Филоктетомъ; но его душа сперва изнемогла совершенно, разумъ его помрачился отъ гнѣва, и въ смѣшномъ порывѣ бѣшенства избилъ онъ стадо животныхъ; онъ оставилъ нѣсколькихъ въ живыхъ, мечтая видѣть въ нихъ ненавистныхъ Улисса и Атридовъ, вооружился бичемъ для наказанія ихъ и въ безуміи хвалится своею мнимой побѣдой.

(*) Byssus—*Виссонъ.* Многіе думаютъ, что это была несгараемая ткань изъ аміанта или асбеста.

Сіе первое появленіе героя, можетъ быть, слишкомъ унизительно; жалость къ нему смѣшана съ какимъ-то смѣхомъ, и трагедія съ высокаго котурна спустилась на землю. Неизбѣжный, какъ кажется, недостатокъ обращается вскорѣ въ источникъ красотъ. Пришедъ въ себя, устыдясь своихъ дѣлъ, герой рѣшается умереть; онъ долженъ оставить нѣжную жену и сына въ младенчествѣ, оставить ихъ безъ помощи на произволъ судьбы и озлобленныхъ враговъ, долженъ обманывать ихъ для совершенія самоубійства, казаться спокойнымъ въ отчаяньи, и утѣшать предъ неутѣшнымъ ударомъ. Все сіе превосходно; Аяксъ и Текмесса нарисованы совершенно, и прощальная рѣчь героя передъ самоубійствомъ образцовая. Къ сожалѣнію, конецъ трагедіи вялъ и растянутъ; съ прибытіемъ Тевкра тотчасъ по смерти брата, начинается новое дѣйствіе: споръ съ Атридами о погребеніи умершаго, и великодушное за него ходатайство главнаго его врага Улисса. Тщетно оправдывать сію перемѣну участія частными красотами; онѣ не у мѣста; тщетно ссылаться и на религіозную важность похоронъ у Древнихъ: важность сія и въ нашихъ нравахъ весьма понятна, но дѣло не въ томъ. Критики-защитники опираются на *Антигону*, гдѣ все дѣйствіе основано на предпріятіи сей Царевны схоронить Полиника вопреки указу Креона, и на казни ея за исполненіе священнаго долга; но тамъ участіе одно, неизмѣнно, и безпрестанно возрастаетъ, переходя отъ погребенія мертваго къ погребенію живой. Въ *Аяксѣ* же напротивъ: главнѣйшее свершилось, герой наложилъ на себя руки, и мы желаемъ одного: чтобы вдова и сирота нашли скорѣе защитника. Онъ является въ лицѣ Тевкра, сего довольно; занавѣсъ долженъ опуститься, и скрыть отъ насъ лишнія, непристойныя пренія ожесточенныхъ гонителей, тѣмъ паче, что они наконецъ уступаютъ, и вражда ихъ не производитъ ничего.

Не смотря на сіе, я предпочитаю *Аякса Антигонѣ*; въ послѣдней не нахожу я тѣхъ высокихъ достоинствъ, той чистоты очерка, той натуры и простоты, что въ первомъ. Отвратная жестокость Креона, подлость старцевъ, составляющихъ хоръ (*), юношескій пылъ Гемона, малодушіе и потомъ раскаянье въ немъ Исмены, мужество Антигоны, развязка, ужасная гибелью цѣлаго семейства, все это по мнѣ слишкомъ мрачно, ярко, подвижно, эфектно для сцены Древнихъ, и болѣе похоже на вкусъ Эврипида и новѣйшихъ трагиковъ, нежели на обычную тишину творца *Аякса*, *Филоктета* и двухъ *Эдиповъ*.

Сіе имя первое представляется воображенію, когда рѣчь идетъ о Софоклѣ. И дѣйствительно двѣ трагедіи, въ коихъ представилъ онъ таинственную, страшную, и наконецъ умиленную судьбу, всевластную надъ дѣяніями, безсильную надъ волею человѣка, суть достопамятнѣйшее твореніе втораго изъ Греческихъ трагиковъ. Правда, что важность и глубина предмета сильно содѣйствовали къ торжеству художника, но за то онѣ же и требовали генія необычайнаго для исполненія; теперь конечно легко, переводя Софокла сценами, производить отчасти то же дѣйствіе, но самый успѣхъ подражателей тамъ именно, гдѣ они съумѣли не отступить отъ образца своего, служитъ ему же похвалою. Постепенное раскрытіе страшной тайны отцеубійства и кровосмѣшенія въ первомъ *Эдипѣ*, любопытство Царя, на опытѣ основанное презрѣніе Іокасты къ предсказаніямъ, угрозы оскорбленнаго за правду Тирезія, простодушіе двухъ пастырей, коихъ состраданіе къ младенцу въ гибель ему обратилось, составлены такъ искусно въ одно цѣлое, возбуждаютъ участіе столь постепенно и непрестанно, что врядъ ли на какомъ театрѣ найдется въ отношеніи хода что либо подобное. Одна только въ немъ погрѣшность: безполезное обвиненіе Креона; и здѣсь несогласенъ я съ пристрастнымъ заступленіемъ нѣкоторыхъ критиковъ, оправдывающихъ это гнѣвливымъ характеромъ Эдипа. Его нравственныя свойства маловажны въ сравненіи съ его невольнымъ преступленіемъ и несчастіемъ; все, что развлекаетъ вниманіе зрителя къ нимъ, вредитъ впечатлѣнію и смыслу трагедіи.

Эдипъ въ Колонѣ въ отношеніи къ *Эдипу Царю* тоже, что *Одиссея* къ *Иліадѣ*. Содержаніе чрезвычайно просто: невольный преступникъ, несчастнѣйшій изъ смертныхъ, судьбою гонимый, самъ казнившій себя слѣпотою, безчеловѣчными сынами и безчувственнымъ народомъ изгнанный изъ своего дома и отчизны, ищетъ могилы на чужбинѣ. Нѣжныя дочери, спутницы нищаго отца, привели его по неисповѣдимой волѣ боговъ въ землю счастливую, изобильную всѣми благами жизни и что болѣе, обитаемую народомъ благимъ и гостепріимнымъ, Царемъ мудрымъ и благочестивымъ. Преступный Полиникъ, и злой совѣтникъ Креонъ, приведены туда же, каждый своей нуждою; и тщетно моленіе того и насильство другаго: правый торжествуетъ и виновники со стыдомъ удаляются. Сколь строго было испытаніе боговъ надъ Эдипомъ, сколь страшенъ примѣръ, поданный въ немъ слѣпой гордынѣ человѣковъ, столь же велика награда страдальцу: смерть чудесная, святая, за которою воображеніе представляетъ себѣ вѣчный и безмятежный покой. Добродѣтельныя дочери остаются подъ защитою великодушнаго народа, отнынѣ непобѣдимаго, ибо гробъ Эдипа оставленъ ему навсегда залогомъ побѣдъ. Есть преданіе, будто Софоклъ,

---

(*) Хоръ въ *Антигонѣ* пристрастенъ, несправедливъ, несогласенъ съ чувствами зрителей: единственный примѣръ во всемъ Греческомъ театрѣ, еще бы вѣроятный у Эврипида, но совершенно изумляющій въ Софоклѣ.

подъ старость укоряемый въ безуміи дѣтьми, читалъ судьямъ въ оправданіе часть сей трагедіи, и былъ громко оправданъ всеобщимъ восторгомъ народа; покрайней мѣрѣ такъ быть могло: кромѣ достоинствъ повсемѣстныхъ, здѣсь такъ много лестнаго для Аѳинянъ въ особенности, что трудно бы имъ было не возхититься симъ безсмертнымъ твореніемъ. Совѣтую всѣмъ, кто недовольно знакомъ съ Греками, прочитать со вниманіемъ отзывъ Шлегеля о сей трагедіи; сей отличный Критикъ понялъ ея красоты, и умѣлъ ихъ выразить съ краснорѣчіемъ рѣдкимъ, на которое мнѣ остается только указать. Достойно замѣчанія, что въ маломъ количествѣ трагедій Рускихъ, заслуживающихъ остаться на сценѣ, находятся *Эдипъ Царь* и *Эдипъ въ Аѳинахъ*.

Трахинянокъ (смерть Иракла) Шлегель колеблется признать за сочиненіе Софоклово: слишкомъ строго. Есть у него трагедіи лучше, правда; но одно лице Деяниры уже показываетъ великаго Художника.

Не знаю, кому принадлежитъ *Резъ*; но едва ли Эврипиду, подъ чьимъ именемъ онъ извѣстенъ: и достоинства и пороки сей трагедіи отнюдь не въ его родѣ.

Объ Эврипидѣ судитъ Шлегель конечно весьма не благосклонно, но побольшой части основательно и дѣльно; и нашего времени Романтики, признающіе Нѣмецкаго Критика своимъ учителемъ и славою, хорошо бы сдѣлали, если бъ прочитавъ со вниманіемъ замѣчанія его, употребили въ наставленіе себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ пороки, замѣченные имъ въ Эврипидѣ: неуваженіе къ славнымъ предшественникамъ и иногда насмѣшки надъ ними, желаніе прежде всего понравиться и попасть на вкусъ современниковъ, угожденіе чувственнымъ наклонностямъ и временнымъ прихотямъ на счетъ непремѣнныхъ правилъ искуства, истины, простоты и приличія, предпочтительный выборъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣроятныхъ, любопытныхъ: всѣ эти замашки, общія у всѣхъ литературныхъ раскольниковъ, какъ бы они ни назывались, у всѣхъ пишущихъ на новый ладъ, потому только, что онъ новъ, на то время въ чести, и что такъ писать и легче и прибыльнѣе. Современникъ и соперникъ Классика Софокла, Эврипидъ былъ точно Аѳинскій Романтикъ; оба имѣли своихъ особыхъ почитателей, но числомъ у Эврипида больше; онъ въ раннемъ потомствѣ признанъ былъ образцемъ драматическихъ стихотворцевъ, и безгрѣшный Аристотель (Шлегель того времени) провозгласилъ его торжественно всѣхъ болѣе трагикомъ: позднее потомство едва ли уже не перерѣшило.

Изъ Поэтовъ многихъ, съ кѣмъ та же бѣда по тѣмъ же причинамъ случилась, всѣхъ разительнѣе примѣръ Эврипида; ибо сверхъ ложнаго блеска, которымъ онъ ослѣпилъ глаза въ свое время, видно въ дошедшихъ до насъ его твореніяхъ (а многія изъ лучшихъ пропали) дарованіе чрезвычайное, чудное знаніе сердца и страстей, очаровательная прелесть въ рѣчахъ и разговорахъ. Природа точно создала его первымъ Трагикомъ всѣхъ вѣковъ и земель, и онъ самъ виноватъ, коли между своими занимаетъ теперь только третье мѣсто. Въ отношеніи къ новѣйшимъ сочинителямъ, конечно дѣло другое: одинъ Расинъ могъ бы войти въ состязаніе, благодаря послѣднимъ, зрѣлымъ плодамъ своего генія, двумъ библейскимъ трагедіямъ, чистымъ отъ всѣхъ придворныхъ и Французскихъ заразъ; что же до Шекспира, то предполагая въ немъ и равный съ Эврипидомъ врожденный даръ, легко видѣть всякому, кто умышленно не зажимаетъ глазъ, что онъ по всѣмъ обстоятельствамъ, не могъ имѣть ни тѣхъ свѣдѣній, ни того изящнаго вкуса, ни даже того терпѣнія и досуга, безъ коихъ никакой геній не сотворитъ трагедіи, достойной у безпристрастныхъ и знающихъ судей стать наравнѣ съ Мельпоменой Аѳинской.

Опричь сомнительнаго *Реза*, дошло до насъ семнадцать Эврипидовыхъ трагедій; но кромѣ неудачной *Электры*, нѣтъ ни одного изъ тѣхъ содержаній высокихъ, важныхъ, и такъ сказать крупныхъ, которыми занимались Эсхилъ и Софоклъ; вмѣсто ихъ семейственныя картины: *Андромаха*, *Медея*; философическія противъ суевѣрія: *Ифигенія въ Авлидѣ*, *Гекуба*; политическія на обстоятельства: *Просительницы*, *Ираклиды*; съ великолѣпнымъ спектаклемъ: *Троянки*, *Вакханки*; съ театральными ударами: *Бѣшеный Ираклъ*, *Орестъ*, *Финикіянки*; и напослѣдокъ драматическія сказки: *Іонъ*, *Елена*, *Ифигенія въ Тавридѣ*. Въ цѣломъ далеко лучшія суть: *Иполитъ* и *Альцеста*; въ прочихъ заслуживаютъ похвалу конечно мѣста, но мѣста превосходныя. Въ множествѣ нельзя указать на всѣ; въ числѣ извѣстнѣйшихъ отъ частыхъ переводовъ и подражаній, явленіе Поликсены въ *Гекубѣ*; оно прекрасно, но есть еще лучшія, на примѣръ: явленіе матери Пенѳея съ головою сына въ рукахъ въ *Вакханкахъ*, плачъ Андромахи надъ Астіанаксомъ, осужденнымъ на смерть, въ *Троянкахъ*, и начало *Ореста*, гдѣ онъ лежитъ больной подъ присмотромъ сестры. Такія сцены стоютъ несравненно дороже цѣлыхъ трагедій посредственныхъ, даже хорошихъ, принимая это слово въ обыкновенномъ его употребленіи.

Эврипидъ имѣлъ знаменитаго поклонника и подражателя въ Расинѣ. Многіе спрашивали: почему, передѣлавъ четыре трагедіи сего творца, онъ не заимствовалъ ни одной у остальныхъ двухъ трагиковъ Аѳинскихъ? Я полагаю, потому, что одаренный необыкновеннымъ чувствомъ приличій, онъ убѣдился, что содержанія, подобныя *Ифигеніи* и *Федрѣ*, гораздо удобнѣе переносятся на сцену Французскую, нежели чуждая новѣйшимъ понятіямъ судьба Эдипа, злодѣйство Клитемнестры, немилосердое мщеніе ея дѣтей, безуміе Аякса, тѣлесное страданіе Филоктета, и сверхъ-естественное величіе Промеѳея.

Киклопъ Эврипидовъ единственный образчикъ, оставшійся намъ отъ цѣлаго рода Греческихъ драмъ, называемыхъ *сатирами*, не потому что бы въ нихъ было, что мы по другому словопроизводству, симъ именемъ зовемъ, но по составу хора въ сихъ пьесахъ изъ Сатировъ, Лѣшихъ Эллады. Въ составъ сихъ драмъ входили всѣ событія ироическихъ временъ не совсѣмъ трагическія, съ примѣсью комическаго и сельскаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ сихъ сатиръ, надъ коими трудились тѣ же безсмертные стихотворцы, должны были вмѣщать въ себѣ тьму красотъ идеальныхъ, Грекамъ особенно сродныхъ. Шлегель думаетъ, что первая часть трилогіи *Промеѳея*, гдѣ сей Титанъ грубымъ еще и дикимъ людямъ приноситъ небесный огонь, была сатира: если такъ, чего нельзя отъ ней ожидать! Крайне жаль, что такія сокровища пропали, но нечѣмъ пособить. Содержаніе *Киклопа* взято изъ *Одиссеи*, трагическая половина имѣетъ достоинство, и роль Улисса вообще хороша, но шутки Греческихъ козлоногихъ на всякій вкусъ не придутся.

Комедія у Грековъ была, какъ извѣстно, не одна, а двѣ, и столько различныя между собою въ существѣ своемъ, что ихъ не слѣдовало бы называть однимъ именемъ, отъ чего произошло много недоразумѣній и безполезныхъ споровъ. *Комедія древняя*, коей образцы дошли до насъ въ твореніяхъ Аристофана, была въ драматической поэзіи точно то, что Англійскія каррикатуры въ живописи; въ ней было пропасть ума, остроты, соли, политической и литературной сатиры; недоставало только натуры. Я увѣренъ, что родясь Аѳинскимъ гражданиномъ, я бы дорого цѣнилъ ее, какъ союзницу народной свободы, смѣлую обвинительницу всего вреднаго, веселую гонительницу всего нелѣпаго; сожалѣлъ бы о запрещеніи ея по указу подозрительныхъ властолюбцевъ, подручниковъ Лакедемона; постигаю и теперь, какъ важны остатки ея для Историка, законовѣдника, археолога; но не могу постигнуть, чѣмъ возхищаются въ ней нынѣшніе Эстетики. Внутреннее ея достоинство, ея душа, состояло именно въ томъ, что въ ней было мѣстнаго, единовременнаго, на случай сдѣланнаго и сказаннаго; большая часть этого не при насъ писана, и остальное только что понятно, но даже ничуть не забавно; а наружный видъ ея, или тѣло, какъ во всякой каррикатурѣ, грубо и безобразно, холодно частою примѣсью аллегоріи, не пристойно, отвратно умышленнымъ искаженіемъ природы и человѣка. Эллинисты возхищаются чистотою языка въ Аристофанѣ и лирическими красотами нѣкоторыхъ его хоровъ: вѣрю, но сіи достоинства не касаются предмета, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ.

Новая комедія Грековъ дошла до насъ не въ подлинникахъ, а въ Латинскихъ подражаніяхъ Плавта и Теренція, почему и оставляю себѣ говорить о ней при взглядѣ на Римскій театръ.

Мудрено судить о Лирикахъ тому, кто не читалъ ихъ на ихъ языкѣ. Анакреонъ, и немногіе сохранившіеся стихи Сафы, слишкомъ извѣстны по множеству переводовъ и подражаній; имена ихъ даже слились въ употребленіи общемъ съ друмя отраслями эротическихъ стихотвореній, и назвать ихъ превосходными, каждаго въ своемъ родѣ, было бы не новое никому. Пиндара знаютъ гораздо менѣе, цѣнятъ гораздо несогласнѣе; иные, какъ Лонгинъ, ставятъ его на высшую степень пінтической славы, другіе (правда, незнающіе по Гречески) видятъ въ его одахъ галиматью; я недовольно коротокъ съ нимъ, чтобъ раздѣлять по чувству мнѣніе первыхъ, и Боже упаси меня отъ дерзости вторыхъ! Замѣчу только, что едва ли не по предубѣжденію всѣ, даже Боало, толкуютъ объ искусственномъ безпорядкѣ, о порывахъ, скачкахъ и прыжкахъ Пиндара; если бъ судя о Поэтѣ, позволено было употреблять метафоры, я бы скорѣе примѣнилъ движеніе одъ его теченію многоводной рѣки, пространными изгибами медленно стремящейся къ цѣли, веселящей взоры пловца обиліемъ и разнообразіемъ береговъ.

За правило поставивъ себѣ говорить о томъ только, что знаю какъ должно, я едва упомяну о древнемъ Гесіодѣ, и о новѣйшихъ Эпикахъ Греческихъ, Аполлоніи, Квинтѣ, и Ноннѣ. Эллинисты прославляютъ въ нихъ множество красотъ; убѣжденный въ превосходствѣ Грековъ, вѣрю; и жалѣю, что два раза покусившись выучиться Эллинскому языку, отсталъ, узнавъ, что не во всякомъ возрастѣ даются языки человѣку.

Мнѣ остается сказать еще объ одномъ геніальномъ Греческомъ Поэтѣ: о Ѳеокритѣ. Его идилліи, или мѣлочи, составляютъ весьма небольшую книгу, но драгоцѣнную. Царь Латинскихъ стихотворцевъ, Виргилій, подражалъ ему столько же усердно, какъ и самому Гомеру; и тутъ, можетъ быть, Ѳеокритъ оказался еще болѣе неподражаемымъ, нежели самъ отецъ стиховъ. Идилліи Ѳеокритовы чрезвычайно разнообразны: *Аргонавты* кажутся отрывкомъ изъ *Иліады*, *Ираклъ* живо напоминаетъ *Одиссею*, *Киклопъ* и *Волшебница* едва ли не превышаютъ въ изображеніи страстной любви все, что намъ древность передала, *Сиракузянки* прелестная маленькая комедія, *Брачная пѣснь Елены* чудо въ своемъ родѣ; но большая часть идиллій просто сельскія, и въ нихъ особенно удивленія достоинъ даръ ихъ творца: сколько простоты, жизни и поэзіи! Смѣло можно сказать, что онѣ навсегда останутся единственнымъ, досаднымъ образцемъ для буколическихъ Писателей, и что счастливъ, кому удастся хоть близко подойти къ ихъ совершенству. Изключая Виргилія, Ѳеокриту не было счастья на переводчиковъ; ни на какомъ языкѣ его творенія не переданы достойно; у насъ же объ этомъ и подумать нельзя, особливо нынче, когда мода романтизма отвлекаетъ всѣхъ отъ самаго чтенія Классиковъ, не только что отъ безплоднаго труда ихъ перелагать, за который никто и спасибо не молвитъ.

Біонъ и Мосхъ, послѣдователи Ѳеокрита, оставили по себѣ то же прекрасныя идилліи, несравненно лучшія всѣхъ послѣ написанныхъ; но отъ нихъ до него то же разстояніе, какое отъ самыхъ лучшихъ Эпиковъ другихъ до Гомера.

Прейду молчаніемъ Греческую *Анѳологію*, ибо что можно сказать вкратцѣ о множествѣ бездѣлокъ, разными людьми и о различныхъ весьма предметахъ написанныхъ? Вообще тамъ хорошаго много, но отмѣнно-хорошаго мало.

БИБЛІОГРАФІЯ.

NOUVEAU DICTIONNAIRE DE POCHE FRANÇAIS-RUSSE ET RUSSE-FRANÇAIS, précédé d'une Grammaire abrégée de chacune de ces deux langues, et suivi d'une table des noms de baptême les plus usités, d'un index géographique et d'un tableau comparatif des poids, mesures et monnaies des deux nations. Par Auguste Oldecop. (*Новый карманный Словарь Французско-Россійскій и Россійско-Французскій, съ приложеніемъ въ началѣ сокращенной Грамматики каждаго изъ обоихъ языковъ, а въ концѣ таблицы употребительнѣйшихъ Христіанскихъ именъ, указателя географическаго и сравнительной таблицы вѣсовъ, мѣръ и монетъ Рускихъ и Французскихъ. Составленный Евстафіемъ Ольдекопомъ.* — Томъ I-й, содержащій въ себѣ СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКО-РОССІЙСКІЙ.)—С. П. б., въ типогр. заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1830. (XXXIX — 644 стр. въ 16-ю д. л. (*).

Сей первый томъ начинается сокращенною Россійскою Грамматикой, съ текстомъ на Французскомъ языкѣ. Это, въ маломъ объемѣ, Грамматика Г. Греча, переведенная Г. Рейфомъ: тѣ же слишкомъ отвлеченныя опредѣленія, та же сбивчивость правилъ и та же неправильность въ переводѣ нѣкоторыхъ техническихъ названій, въ каковую впадалъ Г. Рейфъ. Словарь, слѣдующій за сею Грамматикой, очень полонъ (если допустить изключеніе нѣкоторыхъ словъ, сдѣланное Г. Ольдекопомъ), и былъ бы удовлетворителенъ, когда бы многія слова не были переведены на Рускій языкъ неправильно, неточно, иногда же почти и никакъ не переведены: ибо то же иностранное, малоизвѣстное слово, съ Рускимъ окончаніемъ, нельзя считать за переводъ. Еще одно замѣчаніе: Рускій языкъ иногда терпитъ подъ перомъ Г. Ольдекопа, и въ изданіи замѣтны нѣкоторые недосмотры, которыхъ всячески должно избѣгать въ книгѣ, получающей всю цѣну свою, кромѣ вышеизъясненныхъ условій (правильности, точности, осмотрительности перевода), и отъ вѣрности типографической. Ошибки въ подобныхъ книгахъ необходимо вовлекаютъ въ ошибки и тѣхъ, которые употребляютъ сіи учебныя пособія. Укажемъ на нѣкоторыя погрѣшности, кои Составитель или Издатели сего Словаря должны исправить, если желаютъ, чтобы книга ихъ приносила ожидаемую пользу. (Стр. 102) Clabaudeur, крикунъ, *воркотунъ*, брюзга.— Въ Рускомъ языкѣ нѣтъ глагола *воркотать;* производн. же отъ глаг. ворчать: *ворчунъ* или *воркунъ*. (103) Clicher, *стереотипить*. Что значитъ этотъ не-Рускій глаголъ съ Рускимъ окончаніемъ (*)? — (109) Commun, *общество*. Слово сіе означаетъ *чернь* или *толпу*: le commun des hommes. И на той же страницѣ находимъ communauté, снова *общество*. Это болѣе значитъ: *сословіе*. (111) Compotier, *банка для варенья*; тогда какъ въ столовой посудѣ, это особенной формы чаша, въ которой подается компотъ (Рускіе бюфетчики называютъ ее *компотникомъ*). (136) Cric-crac, междометіе, коимъ выражается трескъ при переломѣ, какъ *тpp*.—Трр. въ Рускомъ языкѣ говорится, когда хотятъ выразить обрушеніе чего нибудь, напр. зданія, или стукъ колесъ; а cric-crac, въ смыслѣ звука при переломѣ, говоримъ мы: *хрупъ* (хрупъ—и переломилъ); въ смыслѣ рѣзанья ножницами: *чикъ*. (185) Eclectique, *эклектическій*; philosophe éclectique, *эклектикъ*.— Eclectique значитъ: не придерживающійся въ особенности никакой системы, а выбирающій изъ нихъ лучшее по своему разумѣнію. *Ἐκλέγω*, выбираю. Ecole éclectique, въ живописи, означаетъ *сборную школу*, въ которой художники принимаютъ за образецъ самое изящное во всѣхъ школахъ Итальянскихъ, Фламандской, Французской и пр.

(*) Продается у Издателей, Г.г. Белизара и комп., на Невскомъ проспектѣ, въ д. Глазунова, надъ Милютиными лавками, въ книжн. магазинѣ No 15 и 16. Подписная цѣна за оба тома 12 р., по изданіи же 2-й части, Словарь сей будетъ продаваться по 15 р.

(*) По Лексикому Буаста, глаголъ clicher значитъ: оттиснуть набранною формою буквъ на разплавленномъ металлѣ какую-либо страницу для приготовленія стереотипной доски.

(Тамъ же) Eclectisme, *эклектическая философія.*— Слово сіе обыкновенно употребляется за *многосторонность въ мнѣніяхъ*, безъ пристрастія къ какому-либо въ частности. (193) Emblématique, эмблематическій, *преобразовательный* (!) — (Тамъ же) Embuche, *козни, сѣти.*— Это слово, въ собственномъ смыслѣ, значитъ: западня, пасть, волчья яма. (328) Majorité, *совершенный возрастъ.*— У насъ есть для сего принятое слово: совершеннолѣтіе. (329) Mal-famé, *злоименитый, безславный.* Это просто значитъ: ославленный (345) Métropole, *епархіальный городъ, каѳедральная церковь; метрополія, главная земля, отъ коей произошла колонія.* — А употребительнѣйшее значеніе сего слова пропущено. Французы чаще всего говорятъ la Métropole въ смыслѣ *столицы.* Въ послѣднемъ же изъ приводимыхъ Сочинителемъ Словаря значеній, они обыкновенно употребляютъ выраженіе: la mère-patrie. (369) Nippes, наряды, уборы.— Это вообще значитъ: рухлядь, скарбъ, и подъ словомъ симъ разумѣется платье, бѣлье и т. п. (385) Ossu, *костливый.*— Нѣтъ; слово сіе означаетъ: *костистый* (qui a de gros os). *Костливый* по-Французски: osseux. (585) Trace, *колесовина.* Говорится: *колевина.* (586) При словѣ: Train, сперва поставлено m. (masculin); а потомъ, при переводѣ разныхъ значеній того же слова, нѣсколько разъ f. Что это? неужели féminin? (Тамъ же) Traînée, *слѣдка.* Такого слова нѣтъ въ Рускомъ языкѣ. (Тамъ же) Traînard, *человѣкъ недѣятельный.* — Это просто значитъ: лѣнивецъ, откладывающій дѣло въ долгій ящикъ. Выраженія въ Словаряхъ, при переводѣ словъ съ одного языка на другой, должно выбирать самыя точныя. (Тамъ же) Traîneur, птицеловъ, который ловитъ *тенетою.* Ловить *тенетою* такъ же невозможно, какъ ѣздить *въ санѣ* или сѣсть на *дрожку*, вмѣсто въ *саняхъ* и на *дрожки.* Тенета, слово, говорящееся во множественномъ числѣ. Единственное же число его, если оно и существуетъ, должно быть средняго рода.

СМѢСЬ

Кажется, Рускимъ любителямъ чтенія скоро не будетъ болѣе причины жаловаться на недостатокъ *оригинальныхъ* Рускихъ романовъ. Теперь у нихъ въ рукахъ *Юрій Милославскій*, историческій романъ Г. Загоскина, и *Димитрій Самозванецъ*, историческій же романъ Г. Булгарина. Намъ извѣстно, что П. П. Свиньинъ также пишетъ историческій романъ: *Шемякинъ судъ*, въ коемъ описываются нравы Россіянъ XV вѣка и нѣкоторыя достопамятныя происшествія, какъ то: прекращеніе раздоровъ между удѣльными Князьями, и ослабленіе вліянія Греческаго Двора, избраніемъ перваго Рускаго Митрополита Исидора. Въ эту же самую эпоху впервые появились въ Россіи Цыганы, пришедшіе въ Европу въ XI столѣтіи.

А. Погорѣльскій, Авторъ *Двойника*, сочинилъ романъ: *Монастырка*, который уже печатается. Живость картинъ, вѣрность описаній, счастливо схваченныя черты нравовъ Малороссійскихъ и прекрасный слогъ—вотъ замѣченныя нами достоинства въ отрывкахъ сего романа, которые намъ посчастливилось прочесть прежде появленія онаго въ цѣломъ.

На нынѣшней недѣлѣ поступилъ въ продажу *Невскій Альманахъ* на 1830 годъ, издаваемый Г. Аладьинымъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ No. Литературной Газеты мы сообщимъ нашимъ читателямъ подробный отчетъ о статьяхъ, составляющихъ оный.

Къ существующимъ въ Варшавѣ Польскимъ типографіямъ, прибавилась еще стереотипная, изъ которой въ прошедшемъ году вышло два тома Давидовой Псалтыри, преложенной Ф. Карпинскимъ. Форматъ сей книги весьма удобенъ, видъ буквъ, ихъ разстановка и четкость, вѣроятно, не подадутъ повода жаловаться на Польскіе стереотипы. Относительно къ исправности сего изданія, скажемъ, что Издатель (Графъ Валеріянъ Красинскій), не былъ бы въ большомъ накладѣ, если бы онъ подобно Дидоту и Таухницу объявилъ, что платитъ за каждую опечатку.

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 19-го дня 1830 года. Ценсоръ **Н. Щеглов**ъ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМ. I. №. 12. ФЕВРАЛЯ 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

УБРАНСТВО

знатной Еврейки.

(*Окончаніе*).

Прислужницы долгое время старательно и затѣйливо собирали мѣлкія складочки на переди этого легкаго платья. Потомъ онѣ поставили передъ Рахилью нѣсколько паръ сандалій, кои всѣ были сходны между собою покроемъ, и всѣ отличались другъ отъ друга прикрасами и цвѣтомъ. Ремешки и тесьмы, которыми, онѣ завязывались, были то красные, то желтые, то синіе, иногда даже разноцвѣтные, тѣневые. Однѣ изъ сандалій прикрѣплялись къ ногѣ металлическими цѣпочками, другія золотыми и серебряными пряжечками, сдѣланными на подобіе орлинаго носа или ястребиныхъ когтей. Рахиль выбрала пару сандалій, въ коихъ искусная рука ухитрилась сдѣлать перевивъ, представлявшій рѣшетку пурпуроваго цвѣта, и которыя, охватывая ступень и подъемъ ноги, не закрывали оныхъ, а только оттѣняли бѣлизну тѣла; осыпанная дорогими каменьями пряжка препятствовала имъ спадать съ ноги. Рахиль, немного пройдясь по своей уборной комнатѣ, весьма хвалила искуство Тирскихъ художниковъ, которые дѣлали столь прекрасныя вещицы.

Вторая туника, гораздо длиннѣе первой, но не столь высоко захватывающая около шеи, такъ, что изъ-подъ нея выказывалось шитье сорочки, принесена была послѣ. Ярко-алые цвѣты разсѣяны были на ней по бѣлому полю: рукава очень широки, и одежда сія составляла множество складокъ вокругъ тѣла прелестной Израильтянки. Края рукавовъ обнизаны были дорогими каменьями, золотымъ шитьемъ и маленькими серебряными звѣздочками, вокругъ же обложены были весьма широкою пурпуровою бахрамою, и нашитыми по мѣстамъ перлами и самоцвѣтными каменьями. На хвостѣ сей влачащейся одежды нашито было нѣсколько рядовъ или круговъ изъ кованаго и полированнаго металла, препятствовавшихъ ему развѣваться по вѣтру; подъ симъ украшеніемъ, придуманнымъ съ полезною цѣлью, шитье золотомъ и жемчугомъ, представляющее ликъ луны и солнце, служило накладкой и бахрамой сему великолѣпному одѣянію, коего просторность придавала Рахили тотъ видъ величія и пышной осанливости, каковыми Іеремія столь часто укорялъ горделивыхъ дщерей Іудиныхъ.

Нуженъ былъ еще поясъ, чтобы сдерживать складки на платьѣ и обрисовывать стройный станъ Рахили. Никакая вещь изъ убранства знатныхъ женъ Еврейскихъ не была столь богато-изукрашена, какъ сія. Прекрасная Израильтянка велѣла подать себѣ ларчикъ, заключавшій въ себѣ все разнообразіе сихъ украшеній: въ немъ находились пояса всякаго размѣра и всѣхъ цвѣтовъ, отъ двухъ до пяти дюймовъ шириною, и отъ 30 до 40 футовъ длиною. Хитростію искуства, которую переняли, или можетъ быть, вновь изобрѣли новѣйшіе, сіи украшенія были приноровлены такимъ образомъ, что опоясываясь нѣсколько разъ около тѣла, на многочисленныхъ кругахъ своихъ являли они взору рисунки мѣстъ, людей и эмблематическія изображенія, которыя тогда только получали правильный видъ, когда поясъ былъ на своемъ мѣстѣ, и когда хитрою рукою подобраны всѣ составляющія оный части. По сему-то образцу придуманы опахала нашихъ дамъ; и мы видывали также небольшія картинки, нарисованныя на обрѣзѣ нѣкоторыхъ книгъ, перемѣняющія видъ и производящія различное дѣйствіе на зрѣніе наше, по мѣрѣ того, когда закрываютъ или открываютъ книгу, сжимаютъ ее или разпускаютъ вѣеромъ. Поясъ, выбранный Рахилью по кратковременной нерѣшимости, былъ алый, одного оттѣнка съ цвѣтами, разсѣянными по ея платью; ткань его, изъ тонко-выпряденной бумаги, замѣчательная своею шириною, украшена была плетеницами восточныхъ цвѣтовъ, искусно-вышитыхъ серебромъ. Когда сей поясъ (*), надѣтый весьма низко, обхватилъ гибкій и прелестный станъ юной Іудейки, и когда застегнули подъ грудью концы его, обложенные бахрамою, которая, разсыпаясь по сторонамъ, мѣшалась съ послѣдними складками одежды,— тогда можно было подумать, что то была богиня Сирійская, которой красота привлекла ей служеніе Евреевъ-отступниковъ, и заняла мѣсто подлѣ самой Киприды въ очаровательныхъ басняхъ Греціи.

Между тѣмъ часы утекали, и звукъ псалтирей и кимваловъ отозвался въ слухѣ Рахили, которая боится опоздать во храмъ святый, куда уже стекался народъ и гдѣ должны отличаться блескомъ ея соперницы. Она хочетъ, чтобы прислужницы ея спѣшили еще болѣе. Ей приносятъ великолѣпный головной уборъ, который она впервые надѣнетъ. Видомъ похожъ онъ на шлемъ; сзади, длинный снурокъ изъ синяго шелку съ золотомъ, упадаетъ на плеча: спереди, на томъ мѣстѣ чела, гдѣ начинаются волосы, многія нитки шелку, завязывающіяся на затылкѣ, поддерживаютъ горизонтально три полу-круглые витка изъ льняной ткани, столь же тонкой и бѣлой, какъ кисея. Пурпуровая лента перевивается по пространству между сими витками, красиво расположенными, и пролегаетъ по разнымъ округлостямъ головнаго убора; наконецъ, другая пурпуровая ткань, не столь яркаго цвѣта, положенная съ противной стороны, пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ перевивы ленты и дополняетъ сей пышный уборъ (**), поверхъ коего блеститъ мѣдный шлемъ, и перо, отъ котораго разпущенныя складки ткани развѣваются дуновеніемъ вѣтра по воздуху.

Къ сему наряду, который съ прелестью, съ роскошью Азійскою соединяетъ въ себѣ нѣкое чудное, мечтательное величіе и какую-то воинственную сановитость, присовокупляется другой уборъ, какъ бы напоминающій духовный и горделивый характеръ, коимъ запечатлѣно было все племя Іудейское. То былъ золотый вѣнецъ, тонкій и блестящій ободъ, въ которомъ вставленныя перлы изображали письмена священныя, и который окружая, но не закрывая чело Рахили надъ самыми бровями, скрывался подъ шлемомъ; на вискахъ, къ этой повязкѣ (***) прикрѣплены двѣ цѣпочки изъ коралловъ, кои спускаются по очертанію ланитъ и соединяются у бодбородка. Это украшеніе народное и отличительная черта женъ Іудейскихъ. Лица ихъ, обыкновенно продолговатыя и сильно-выразительныя, *вставлялись* (если смѣю употребить это слово) въ сіи рамы перлъ, коралловъ и золота съ особенною прелестью. И если мы не присовѣтуемъ сего украшенія женщинамъ круглоликимъ, коихъ лице ничего бы отъ этого не выиграло; то думаемъ, что сія двойная коралловая цѣпочка, упадая по обѣ стороны лица, весьма бы пристала тѣмъ, у коихъ лица продолговатыя, ибо лице отъ сего казалось бы круглѣе и скрадывалось бы излишне-остроконечное очертаніе онаго снизу.

Думаешь ли ты, читатель, и въ особенности вы, кои по своему полу еще болѣе подстрекаемы любопытствомъ проникнуть въ священныя и глубокія таинства нарядовъ, существовавшихъ за двадцать-три вѣка предъ симъ,—думаете ли вы, что убранство Рахили совсѣмъ уже кончено? Вы весьма ошибаетесь. Мы видѣли только первое дѣйствіе сей драмы, толико важной въ жизни женщинъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Рахиль принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ благородныхъ фамилій, которыя пользуются всѣми благами земными, и, въ силу наслѣдственнаго права, видятъ прочихъ людей, ползающихъ по землѣ на необъятномъ разстояніи отъ нихъ. Роскошь, великолѣпіе сродны Рахили съ юныхъ ея лѣтъ; сія дщерь знаменитаго рода не постигаетъ, какъ можно ходить не въ украшенныхъ золотомъ сандаліяхъ, или пить изъ глиняннаго сосуда? Посему не должно удивляться медлительнымъ и разточительнымъ ея засѣданіямъ въ уборной. Прошло то время, когда дѣвы Іудейскія засыпали въ кочевомъ шатрѣ, закутанныя въ широкую епанчу, безъ всякихъ другихъ украшеній, кромѣ природной красоты своей, и можетъ быть, легкаго пояса, обвязаннаго вокругъ ихъ тѣла. Колѣно Іудово не кочуетъ болѣе: пустыня престала уже разстилаться подъ утомленными стопами сыновъ его: вся пышность Монархій Ассирійской и Вавилонской передана Іерусалиму. «Богъ скоро казнитъ его,» восклицаетъ Іезекіиль, «за высокомѣріе дщерей его и за сладострастную роскошь ихъ одежды.»

Но возвратимся къ нашей Израильтянкѣ. Послѣднія заботы ея о нарядахъ составляли украшенія самыя приманчивыя и пышныя. Она разложила передъ собою и сравнивала однѣ съ другими разныя дорогія вещицы, которыя удивляли взоръ своимъ числомъ и разнообразіемъ. Между ними были кольца, вдѣваемыя въ уши, равно какъ и другія украшенія, къ тому назначенныя, большаго размѣра и раздѣленныя на двѣ части, изъ коихъ одна серебряная, продолговато-круглая и плоская, другая золотая, поддерживаемая первою и сдѣланная на подобіе малой чары или урны (*); такова была пара серегъ, выбранная прекрасною Іудейкой. Прислужницы ея, продѣвъ сіи серьги въ скважины, для нихъ назначенныя, и гдѣ дотолѣ мѣсто ихъ за-

---

(*) Исаіи, 3, 21.

(**) Талмудъ, 6, 39.

(***) Талмудъ, 6, 39,

(*) Талмудъ, 6, 43.

нято было небольшими круглячками изъ чернаго дерева, дабы тѣло не срасталось, вдѣли въ уши Рахилины и еще нѣсколько серебряныхъ колецъ поменьше, и нетолько въ нижней оконечности ушей, но и вокругъ верхней оныхъ части, въ которой, по странному обычаю, сохранившемуся въ Азіи, проколото было по нѣскольку маленькихъ скважинъ.

Если это необыкновенное украшеніе васъ удивляетъ, то скоро удивленіе ваше еще увеличится. Не въ одномъ хрящѣ уха, но и въ хрящѣ носа, болѣе нѣжномъ и гибкомъ, привѣшиваются золотыя кольца руками женщинъ Рахилиныхъ. Одно изъ сихъ колецъ столь велико, что обхватываетъ нижнюю и верхнюю губы, оставляя однако жъ устамъ свободу движеній. Когда Рахиль идетъ, то всѣ сіи вещицы сотрясаются и звенятъ; такой звукъ и донынѣ нравится женщинамъ Востока, и имъ вторятся, какъ извѣстно, мѣрныя пляски Баядерокъ (*).

Засимъ надѣвала Рахиль многія запястья, сдѣланныя изъ тонкаго золота и серебра, съ пряжками изъ дорогихъ каменьевъ. Запястья сіи покрывали всю руку отъ кисти до самаго локтя. Рахиль надѣла ихъ такимъ образомъ, что самыя узкія изъ нихъ постепенно отдалялись отъ кисти. Нитка мѣлкаго жемчугу, перенизаннаго съ крохотными серебряными колокольчиками, прицѣплена была къ пряжкѣ самаго крайняго запястья; и Талмудъ (**), коего достойному уваженія свидѣтельству не станемъ мы противорѣчить, возвѣщаетъ, что звонъ сихъ колокольчиковъ, потрясаемыхъ руками красавицъ Израильтянскихъ, часто бывалъ знакомъ любви и призывомъ къ наслажденію.

Къ симъ характеристическимъ украшеніямъ должно причислить и нѣсколько обручей изъ полированнаго серебра, надѣвавшихся на ноги повыше застежекъ, коими заснурованы были сандаліи. Съ привѣшенными къ нимъ мѣдными цѣпочками, бьющимися объ металлъ, у коего онѣ находятся, — сіи ножныя запястья манятъ къ себѣ взоръ, когда складки одежды приподымаются во время шествія, и съ каждымъ шагомъ носящей ихъ красавицы, поражаютъ слухъ чуднымъ дребезжаньемъ.

Широкое ожерелье, состоящее изъ многихъ нитокъ жемчугу, перенизаннаго съ золотыми, внутри пустыми шариками, изображающими разныя зерна, надѣто на шею Рахили и ниспадаетъ на грудь ея между *хитономъ* и полу-разпахнутой одеждой, изъ-подъ которой видно богатое его шитье. Ожерелье сіе описывало неравные круги. Первая нитка обвивалась около шеи Рахилиной, а послѣдняя спускалась до самаго пояса. Маленькая серебряная луна, и золотая вещица, представляющая солнце (*), оканчивали послѣднюю нитку сего ожерелья, коему служили они замочкомъ (**). Наконецъ видны были, на многихъ мѣстахъ другихъ нитокъ, золотыя змѣи, повѣшенныя на шелковинахъ сего ожерелья, а маленькая фіола изъ оникса ослѣпительной бѣлизны, прикрѣпленная цѣпочкой къ замку, о коемъ сказано было выше, дополняла сіе многоцѣнное украшеніе, съ коимъ рѣки алмазовъ, носимыя женщинами нашихъ странъ и нашего времени, едва ли сравнятся великолѣпіемъ.

Въ семъ-то блестящемъ, праздничномъ убранствѣ, Рахиль, подъ длиннымъ, до половины приподнятымъ покрываломъ, явилась во храмѣ. При выходѣ ея изъ дома, прислужницы накинули ей на плеча *симлахъ*, или четвероугольную епанчу фіолетоваго цвѣта, соотвѣтствовавшую нынѣшнимъ шалямъ, которыя, какъ извѣстно всякому, вывезены въ Европу изъ Азіи. *Симлахъ* былъ безъ всякихъ украшеній, и назначался для того, чтобы составлять противоположность съ пышностію прочихъ нарядовъ, вокругъ коихъ обвивался онъ въ пріятныхъ для глазъ складкахъ. Пряжка, застегивающаяся на правомъ плечѣ, сдерживала сей родъ мантіи.

Если бъ я былъ охотникъ до ученыхъ изысканій, то могъ бы за каждою частицей убранства Рахили присовокуплять весьма остроумный комментарій, который заключалъ бы въ себѣ полную исторію всего упомянутаго здѣсь. Съ нѣкоторыми повтореніями и съ легкимъ пособіемъ отступленій и вставокъ, я могъ бы, по образцу ученаго Г. Гартманна Лейденскаго, вписать все сіе ученіе объ Іудейской уборной комнатѣ въ три тома in-octavo, содержащіе въ себѣ *тысячу восемь сотъ девяносто три* страницы, съ оглавленіями, съ таблицами, ссылками и дополненіями; но меня не стали бы читать. Я разсказалъ на нѣсколькихъ страницахъ именно все то, что заключаютъ въ себѣ его три тома. Дамы наши, которыхъ напугала бы его ужасная ученость, узнаютъ отъ меня, какъ наряжена была Эсѳирь, и какое оружіе присовокупила Юдиѳь къ смертоносному своему кинжалу. Не отчаяваюсь въ первомъ публичномъ маскарадѣ встрѣтить какую-либо изъ моихъ соотечественницъ въ костюмѣ Далилы, съ кимвалами въ рукахъ, и такъ, какъ я описалъ свою героиню: тогда я увижу, что я способствовалъ общественному удовольствію, и возгоржусь моимъ вліяніемъ на вѣкъ мой.

(*Изъ:* Blackwood's Magazine) * * *.

(*) См. путешествія по Индіи, Сиръ Дж. Малкольма и т. п.

(*) Талмудъ, 8, 5.

(*) Тертулліанъ.

(**) Талмудъ, 5, 42.

СТАНЦЫ.

Въ часы забавъ иль праздной скуки
Бывало, лирѣ я моей
Вѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ Поэтъ.

А. Пушкинъ.

19 *Января* 1830. *С. П. б.*

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ДѢЙСТВІИ МУЗЫКИ.

(Соч. Г. Фети (*)).

Вліяніе музыки на ощущенія души столь извѣстно, что нѣтъ нужды доказывать существенность онаго. Но кромѣ сей нравственной силы, которою неоспоримо обладаетъ музыка, по необходимости должно признать еще и другую силу, посредствомъ коей она дѣйствуетъ на физическіе органы, не только человѣка, но и безсловесныхъ животныхъ. Мѣрный стукъ барабана и вообще всякая музыка съ сильно-выраженнымъ размѣромъ, побуждаетъ всѣхъ органическихъ тварей къ правильнымъ и размѣреннымъ движеніямъ, если даже устранимъ отъ сего формы мелодіи и гармоническое сочетаніе звуковъ. Я намѣренъ разсмотрѣть здѣсь нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ явленій физическаго дѣйствія музыки, которой всѣ средства еще не довольно извѣстны.

Кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, о коихъ я буду говорить въ послѣдствіи, дѣйствіе чувствъ на душу и души на чувства столь взаимно и столь тѣсно связано, что трудно различить во впечатлѣніяхъ, производимыхъ музыкою, плоды воспитанія и понятій пріобрѣтенныхъ, отъ непосредственнаго слѣдствія ощущеній. Въ животныхъ безсловесныхъ, впечатлѣнія сіи явно физическія; ибо, не бывъ связаны ни съ какимъ изъ понятій самохраненія, кои суть начало всѣхъ понятій, каковыя сіи животныя могутъ пріобрѣсти, искуство сіе дѣйствуетъ на нихъ внезапно, не пробуждая никакихъ воспоминаній. Въ нихъ, музыка есть не что иное и не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ физическаго ощущенія; но ощущенія сего рода производятъ дѣйствія столь разнообразныя и столь странныя, что весьма любопытно разсмотрѣть ихъ въ случаяхъ, записанныхъ наблюдателями. Какъ домашнія животныя доставляютъ намъ въ семъ отношеніи событія, болѣе извѣстныя, то съ нихъ я и начну.

Собаки естественно извѣдываютъ живѣйшее ощущеніе при слушаніи музыки. Въ большихъ городахъ, гдѣ чаще случается имъ слышать оную, ощущеніе сіе мало по малу ослабѣваетъ, и даже почти вовсе уничтожается; но тѣ собаки, которыхъ держатъ въ заперти, или тѣ, кои живутъ въ уединенныхъ мѣстахъ, сохраняютъ свою чрезмѣрную чувствительность музыкальную. Опредѣлить, какое свойство того, что онѣ ощущаютъ, не весьма легко; однако же нѣкоторые физіологи утверждаютъ, что лай и вой собаки, въ то время, когда музыка поражаетъ слухъ ея, суть выраженіе боли: отселѣ должно бъ было заключить, что звукъ болѣзненно потрясаетъ слуховые нервы сихъ животныхъ. Предположеніе сіе можетъ подтвердиться тѣмъ, что собаки, если свободны въ своихъ движеніяхъ, тотчасъ убѣгаютъ, какъ скоро послышатъ звукъ какого либо инструмента. Видали собакъ, пріученныхъ лежать неподвижно, какъ мертвыя, и которыхъ бы пушечный выстрѣлъ не согналъ съ мѣста: столь велика была ихъ послушность; но которыя, услышавъ игру на музыкальномъ инструментѣ, произносили глухой вой, отъ коего тщетно старались удержаться. Одно изъ сихъ животныхъ сохраняло столь сильное воспоминаніе впечатлѣній, произведенныхъ въ немъ музыкой, что начинало выть, какъ скоро видѣло, что кто-либо брался за скрыпку, и гораздо прежде, нежели звукъ доходилъ до его слуха. Наконецъ, Докторъ Меадъ разсказываетъ объ одной собакѣ, которая умерла съ тоски или отъ удовольствія, когда ее заставили долго слушать музыку, исторгавшую у нея пронзительные вопли. Приво-

---

(*) Г. Фети (Fétis) Профессоръ Контрапункціи въ Королевско-Французскомъ училищѣ музыки, издаетъ весьма хорошій Журналъ по сей части (Revue Musicale). Статья сія почерпнута изъ одной книжки его Журнала.

дятъ примѣры и другихъ животныхъ, умершихъ отъ той же причины: въ числѣ ихъ были совы. Кошки тоже иногда мяучатъ, вслушиваясь въ звуки инструментовъ; но сей примѣръ случается рѣже, нежели вой собакъ.

Съ другой стороны, извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ птицы, особливо чижи, слушаютъ наигрываемыя пѣсенки: съ первыми звуками, чижикъ приближается къ инструменту, и безгласный, недвижимый, ждетъ, пока пѣсенка кончится; потомъ бьетъ крылышками, какъ будто бъ изъявляя тѣмъ свое удовольствіе. Лошадь также весьма чувствительна къ музыкѣ, и показываетъ своими тѣлодвиженіями, что совершенно понимаетъ размѣръ оной. Труба, и вообще мѣдные инструменты, повидимому, нравятся ей болѣе другихъ. Въ каруселяхъ и на турнирахъ, лошади плясали въ кадансъ подъ звукъ инструментовъ. Животныя рода *антилопъ*, имѣютъ въ семъ отношеніи такую жь организацію, какъ и лошади. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и въ Тиролѣ, охотники умѣютъ приманивать оленей пѣньемъ, а ланей игрою на флейтѣ. Ту же склонность замѣчаютъ въ животныхъ грызущихъ, особливо въ бобрахъ и крысахъ. Бурдело увѣряетъ, что видѣлъ восемь крысъ, плясавшихъ на веревкѣ, подъ звукъ инструментовъ, на Сен-Жерменской ярмаркѣ.

Сила звука и его измѣненій оказывается также на пресмыкающихся и насѣкомыхъ. Напримѣръ, ящерица можетъ почесться за величайшаго *дилеттанте* изъ всѣхъ животныхъ. Она очень любитъ теплоту и охотно грѣется на лучахъ солнца. Если въ то время, когда она наслаждается симъ удовольствіемъ, услышитъ она пѣніе или игру на какомъ либо инструментѣ, тотчасъ начнетъ изъявлять своими движеніями, сколь сіе ощущеніе пріятно ей. Она ворочается и ложится то на спину, то на брюхо, то на бокъ, какъ бы для того, чтобы подставлять всѣ части своего тѣла дѣйствію звучной влаги, ее услаждающей. Но она изъ числа знатоковъ, и не всякую музыку принимаетъ за хорошую. Грубые или хриповатые голоса, рѣзкіе звуки или шумная музыка ей не нравятся. Чтобъ угодить ей, надобно употреблять mezza-voce и выбирать напѣвы протяжные. Видали, какъ одно изъ сихъ животныхъ, казавшееся уже очень старымъ, выходило изъ щели, которую занимало оно въ ветхой стѣнѣ, какъ скоро начинали играть адажіо in-fa Моцартова квартета in-ut, и приползало вкушать сладостную гармонію сего сочиненія. Когда это адажіо оканчивалось, и едва музыка умолкала,—ящерица медленно уползала въ свое жилище; но если начинали снова играть то же мѣсто изъ квартета, она останавливалась, слушала съ минуту, чтобъ увѣриться, не ошиблась ли она, и ползла потомъ на прежнее свое мѣсто. Никакая другая музыкальная пьеса не производила на нее сего дѣйствія. О. Лаба (Labat), въ своемъ описаніи Мартиники, разсказываетъ почти такой же анекдотъ.

Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, что даже ярость огромной Гвіанской гремучей змѣи укрощается звукомъ дудочки или довольно-сильнымъ насвистываньемъ. То же говорятъ и объ ужасной *копьеобразной* ехиднѣ (vipère fer de lance) Мартиникской. Г. Шатобріанъ увѣряетъ положительно, въ путешествіи своемъ по Верхней Канадѣ, что онъ видѣлъ гремучую змѣю чрезвычайно злую, которая пробралась даже въ мѣсто его лагеря, и которая усмирилась звуками флейты и ушла вслѣдъ за музыкантомъ, услаждавшимъ слухъ ея.

Изъ всѣхъ насѣкомыхъ, паукъ, по видимому, наиболѣе чувствителенъ къ музыкѣ. Онъ спускается по нитямъ своей паутины и быстро подбѣгаетъ къ тому мѣсту, откуда слышатся звуки. Тамъ онъ останавливается и проводитъ иногда нѣсколько часовъ неподвижно. Узники дѣлали симъ средствомъ этихъ малыхъ животныхъ ручными.

(Здѣсь Авторъ довольно пространно разсказываетъ о дѣйствіи музыки на двухъ молодыхъ слоновъ, различнаго пола, находившихся лѣтъ тридцать тому назадъ въ Парижскомъ звѣринцѣ.

«Приняты были мѣры для успѣшнаго произведенія въ дѣйство сего опыта,» говоритъ онъ. «Между клѣтками обоихъ слоновъ оставлено свободное сообщеніе. Вокругъ опускной двери, находившейся въ потолкѣ надъ оными, расположенъ былъ невидимо оркестръ и когда все было готово, то подняли тихонько опускную дверь, пока вожатый отвлекалъ отъ того вниманіе слоновъ, давая имъ пищу. Наконецъ все замолкло и музыка началась. При первомъ аккордѣ, слоны бросили пищу, побѣжали къ тому мѣсту, откуда исходили звуки, и разными движеніями показывали, какъ изумляла ихъ эта новость. Все сдѣлалось для нихъ предметомъ безпокойства и недоумѣнія: то вертѣлись они вокругъ отверстія и поднимались на заднія ноги, какъ бы желая дотронуться до невидимой гармоніи, то съ безпокойствомъ посматривали на зрителей, то ласкались къ своему вожатому, какъ бы спрашивая его, что это значило? Видя однако же, что ничто не грозило ихъ безопасности, они предавались совершенно живымъ впечатлѣніямъ, производимымъ на нихъ музыкою.

Тогда можно было измѣрить, до какой степени простирается власть сего искуства надъ этими животными. Всякая новая пьеса, сыгранная оркестромъ, и достаточно для ихъ понятія отличавшаяся отъ предшедшей, производила на нихъ и новое дѣйствіе; давала ихъ крикамъ, ихъ движеніямъ такое выраженіе, которое болѣе или менѣе приближалось къ ритму пьесы. Такимъ образомъ балетная пьеса in-si mineur; въ Глуковой Ифигеніи, привела ихъ въ величайшее безпокойство: они своими движеніями, то скорыми, то медленными, то порывистыми, то нѣжными, слѣдовали за перемѣною характера фразъ музыкальныхъ. Часто они хватались за рѣшетку клѣтки и громкими криками изъявляли свою радость. Но тотчасъ успокоились, когда услышали арію: O ma tendre musette, игранную на фаготѣ in-ut mineur. Меланхолическіе звуки сего инструмента, казалось, приводили ихъ въ очарованіе. Они то ходили, то останавливались, слушали, становились подъ оркестромъ и тихо поводили хоботами, какъ бы впивая въ себя мелодическіе звуки. Пока играли эту пѣсню, слоны не испустили ни одного крика, и казалось, единственно предавались тихимъ, нѣжнымъ чувствамъ. Ихъ движенія были медленны, размѣренны и сообразовались съ характеромъ пьесы. Скоро однако же слоны пришли въ нѣкоторый родъ бѣшенства, услышавъ веселые и живые звуки одной пѣсни, разыгранной in-re всѣмъ оркестромъ, и снова погрузились въ сладкія ощущенія, услышавъ пѣніе двухъ голосовъ человѣческихъ.«

Достойно замѣчанія, что при концѣ сего музыкальнаго опыта, слоны слушали съ одинакою, по видимому, безчувственностію все, что ни было играно; конечно отъ того, что слуховые ихъ органы утомились наконецъ отъ долговременнаго напряженія. Но оставимъ самого Автора продолжать).

Все, что сказано было о семъ опытѣ, заслуживаетъ наше вниманіе. Сначала я замѣчу, что ощущеніе развертывается въ упоминаемыхъ здѣсь животныхъ съ большею силой, нежели въ людяхъ. Какова бъ ни была чувствительность людей, они никогда не ощутятъ тѣхъ восторговъ, кои были оказываемы двумя слонами; и я не знаю, чтобъ музыка произвела когда либо въ человѣкѣ столь страстныя изступленія. Напрасно сказали бы, что удивленіе и незнаніе причинъ усиливаютъ ощущеніе: ни удивленіе, ни незнаніе не могли бы произвести такихъ послѣдствій.

Замѣчательно также, что не одна музыкальная мѣра дѣйствовала на помянутыхъ слоновъ: ибо то же сочиненіе, сыграное въ другомъ тонѣ, ихъ не трогало (*). Такимъ же образомъ и не характеръ болѣе или менѣе рѣзкій какого-либо тона, исключительно пробуждалъ въ нихъ сіи ощущенія; ибо многія другія сочиненія, игранныя въ томъ же тонѣ, не производили подобнаго дѣйствія. По сему надобно полагать, что здѣсь вмѣшивалась, если не разборчивость, то по крайней мѣрѣ какая-то понятливость, и явное, хотя непроизвольное ощущеніе.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Невскій Альманахъ на 1830 годъ, изданный Е. Аладьинымъ. — С. П. Б. въ типогр. вдовы Плюшаръ, 1830 (486 стр. въ 16-ю долю, и 22 стр. нотъ).

Невскій Альманахъ издается уже 6-й годъ и видимо улучшается. Нынче явился онъ безо всякихъ излишнихъ притязаній на наружную щеголеватость; Издатель въ семъ случаѣ поступилъ благоразумно, и Альманахъ нимало отъ того не потерпѣлъ. Три письма Князя Меншикова, въ немъ помѣщенныя, любопытны, какъ памятники историческіе. *Сказки о кладахъ* суть лучшее изъ произведеній Байскаго, донынѣ извѣстныхъ. Стихотворную часть украшаетъ Языковъ.

Съ самаго появленія своего, сей Поэтъ удивляетъ насъ огнемъ и силою языка. Никто самовластнѣе его не владѣетъ стихомъ и періодомъ. Кажется, нѣтъ предмета, коего поэтическую сторону не могъ бы онъ постигнуть и выразить съ живостію, ему свойственною. Пожалѣемъ, что донынѣ почти не выходилъ онъ изъ предѣловъ одного слишкомъ тѣснаго рода, и удивимся, что Издатель Журнала, отличающагося слогомъ неправильнымъ до безсмыслицы, могъ вообразить, что ему возможно въ какихъ-то пародіяхъ поддѣлаться подъ слогъ Языкова твердый, точный и полный смысла.

Исторія Рускаго Народа, сочиненіе Николая Полеваго, и пр.

Статья II.

Дѣйствіе В. Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной Словесности. Новая школа Французскихъ Историковъ образовалась подъ вліяніемъ Шотландскаго Романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой Исторіи. Судимъ не по словамъ Г-на Полеваго, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго за-

---

(*) Такъ на пр. замѣтили, что извѣстная революціонная пѣсня: Ça ira, игранная въ re, производила на нихъ сильное впечатлѣніе; но ту же самую пѣсню въ fa они слушали съ величайшимъ равнодушіемъ.

ключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана *Исторія Рускаго Народа*, на стараніи Г-на Полеваго сохранить драгоцѣнныя краски старины и частныхъ его заимствованіяхъ у Лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ Г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія *Исторіи Государства Россійскаго*, такъ и разсказъ Г-на Полеваго слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа Исторіографа.

Исторія Рускаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандикавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей, (подражаніе Тьерри); но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, Г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ Исторіи Рускаго Народа, и утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: « И такъ мы видимъ. . . . Изъ сего слѣдуетъ. . . . Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины. . . . ., « между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ Г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ Г-на Полеваго въ мѣлочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ, то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки Г-на Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. « Гдѣ могли пройти его дружины, « говоритъ Г-нъ П., « не чрезъ Булгарію покрайней мѣрѣ. » Почему же нѣтъ? какая тутъ физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смыслъ выраженія: *на ключъ*, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ неоснованныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (сѵмволъ хозяйства), какъ котелъ у Козаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель (*). Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: *милымъ ближникамъ*, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкой списокъ. Г-нъ П. признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii *милымъ* и *малымъ*, подчеркиваетъ, однако жь, слово *сгорѣвшій*, читаетъ *малымъ* (малолѣтнымъ, младшимъ) и переводитъ: *дальнимъ* (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ *Исторіи Рускаго Народа* писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу Скандинава, что пѣснопѣнія Скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ *Берсеркера*, и пр.; а чрезъ три страницы Г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы; что онъ ея не зналъ, что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще Государства Россійскаго въ начальныхъ Княженіяхъ Скандинавскихъ Витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ, Г-нъ П. видитъ то образъ Восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи, указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ, почти невѣроятны.

Г-нъ П. въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ Исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maître renard, peut-être on vous croirait . . .

Покрайней мѣрѣ слогъ есть самая слабая сторона *Исторіи Рускаго Народа*. Невозможно отвергать у Г-на Полеваго ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искуство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ *Исторіи Рускаго Народа*, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ Журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ Профессоромъ, напечатана статья (*), въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ въ 30 страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого Издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной Исторіи. *Московскій Вѣстникъ*. . . (& tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ Г-на П. еще съ большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ

(*) *Стряпчій съ ключемъ* вѣдалъ хозяйственною частію Двора. Въ Малороссіи *ключевать* значитъ *управлять хозяйствомъ*.

(*) Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ *пойдутъ въ примѣръ галиматьи*; но и самый текстъ почти отъ нихъ не отличается.

своей обязанности, непростительнейшимъ, ибо Издатель Моск. Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ Критикамъ сохранить хладнокровіе? Какъ не вспомнить, покрайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ.

А. Пушкинъ.

СМѢСЬ.

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное произшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искуство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. „Стихи, кажется, мои,“ отвѣчалъ онъ смѣясь: „я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься и отъ этой безсмыслицы!“—Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ и у насъ есть очень удачный опытъ: Г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

Пушкинъ?

* * *

Въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ *Иліадѣ*, напечатанное во 2-мъ No *Литературной Газеты*, и говорятъ, что сіе *воззваніе на счетъ* (?) труда Г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ Литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ *Литературной Газетѣ* сказано: «Руская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность;» а что въ предисловіи къ своему переводу, Н. И. Гнѣдичь похвалилъ гекзаметры Барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими Критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ Иліады писано мною и напечатано во время отсутствія Барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія Барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу *не суть дружескія:* но какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичь, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта Барона Дельвига, похваливъ произведенія Музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху Руской Литературы (*).

Александръ Пушкинъ.

* * *

Одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ Французской словесности: Brut d'Angleterre, вскорѣ выйдетъ впервые изъ печати, въ 2-хъ томахъ, съ истолкованіемъ всѣхъ словъ, не происходящихъ отъ Латинскаго языка. Сочиненіе сіе, заключающее въ себѣ около 20,000 стиховъ, написано въ XII столѣтіи; но событія и преданія, въ немъ изображенныя, относятся и къ VII вѣку.

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

* * *

Въ одной изъ Шекспировыхъ комедій, крестьянка Одрей спрашиваетъ: «Что такое Поэзія? вещь ли это *настоящая*?» Не этотъ ли вопросъ, предложенный въ иномъ видѣ и гораздо велерѣчивѣе, находимъ мы въ разсужденіи о Поэзіи романтической, помѣщенномъ въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ 1830 года?

(*) Ужели переводъ Иліады столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели Критикъ, по предполагаемой пріязни съ Переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе?

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 24-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМ. I. №. 13. *МАРТА 2го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

АСАМБЛЕЯ

ПРИ ПЕТРѢ I-МЪ. (*)

Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыму, Вельможи, съ голубыми лентами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, карабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя блистали всею роскошію моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К...... въ полголоса у И.....а. И....ъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К....., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ сихъ столовъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К......., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались—и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.......

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь на право, потомъ на лѣво, тамъ опять прямо, опять на право и такъ далѣе. К....., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К...... обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями, одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К.....къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ, и казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К..... ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ: «Государь мой, ты провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей

(*) См. *Голикова* и *Рускую Старину.*

три должные реверанса; а во вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно, долженъ выпить *кубокъ большаго орла.* « К....... часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ Нимъ толпа раздвинулась и Онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіи. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. « Ага, » сказалъ Петръ, увидя К........: « попался, братъ! Изволь же, Мосье, пить и не морщиться. » Дѣлать было нечего. Бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его Маршалу.— « Послушай, К.... « сказалъ ему Петръ: « штаны-то на тебѣ бархатныя, какихъ и Я не ношу, а Я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ Я съ тобой не побранился. « Выслушавъ сей выговоръ, К...... хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать коблучками съ большимъ усердіемъ и ужь вовсе не наблюдая каданса. К.... не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего Г.... А...., подошла къ И.... и потупя голубые глаза, робко подала ему руку. И.... протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ отыскавъ К...., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою К... сначала невнятно лепеталъ: « Проклятая асамблея!... проклятой кубокъ большаго орла!... « но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

А. Пушкин

ГЛУХІЕ.

(Индѣйская Сказка изъ книги: PANTCHA-TANTRA.)

Недалеко отъ деревни, глухой пастухъ пасъ свое стадо; былъ уже полдень, но жена еще не приносила ему завтрака; пастухъ боялся оставить стадо и итти за завтракомъ. Кто знаетъ, что бы могло случиться со стадомъ; между тѣмъ, голодъ мучилъ бѣднаго пастуха и надобно было на что нибудь рѣшиться.

У ближняго ручья Талеярій (*) косилъ траву для своей коровы. Нехотя пастухъ подходитъ къ нему, ибо хотя должность этихъ людей и состоитъ именно въ охраненіи собственностей отъ воровъ, но часто сами Талеяріи-то и суть настоящіе воры. — Пастухъ проситъ сего послѣдняго посмотрѣть за стадомъ, на время краткаго его отсутствія, увѣряя, что по возвращеніи онъ щедро наградитъ его.

Талеярій былъ также глухъ и ни полслова не понялъ изъ рѣчи пастуховой. « Какое право имѣешь ты надъ этой травою? « воскликнулъ Талеярій съ гнѣвомъ: « развѣ моя корова должна умереть съ голоду для того только, чтобъ были сыты твои бараны? Нѣтъ! не отдамъ тебѣ этой травы; оставь меня въ покоѣ и прощай. « Сіи послѣднія слова были сопровождены выразительнымъ движеніемъ руки, которое пастуху показалось обѣщаніемъ сохранить его стадо. Успокоившись на сей счетъ, пастухъ поспѣшилъ къ женѣ своей, намѣреваясь дать ей добрую гонку за ея нерадѣніе.

Приблизившись къ дому, онъ увидѣлъ жену свою на порогѣ дверей; въ страшныхъ судорогахъ, каталась она по полу, отъ съѣденнаго ею вчера большаго количества сыраго гороху. Необходимость помочь ей и потомъ приготовить самому обѣдъ, задержала пастуха гораздо болѣе, нежели какъ предполагалъ онъ. Совсѣмъ тѣмъ, не надѣясь слишкомъ на своего сторожа, пастухъ поспѣшилъ какъ возможно скорѣе возвратиться къ стаду. Увидѣвъ своихъ барановъ, пасшихся недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ оставилъ ихъ, пастухъ перечелъ ихъ и нашедши ихъ всѣхъ въ цѣлости, воскликнулъ: « Вотъ добрый человѣкъ этотъ Талеярій! это драгоцѣнная жемчужина изъ всѣхъ его сотоварищей. Я обѣщалъ ему награду; онъ достоинъ получить ее. «

Въ стадѣ была овца хромая, но впрочемъ здоровая и жирная; пастухъ взвалилъ ее на плеча и поднесъ ее къ Талеярію, сказалъ: « Ты сберегъ мое стадо во время моего отсутствія; вотъ тебѣ овца за труды твои. «

Талеярій, видя передъ собою хромую овцу, возразилъ съ гнѣвомъ: « Что ты меня обвиняешь? развѣ я изломалъ ногу твоей овцѣ? клянусь тебѣ, что современи твоего ухода, я съ этого мѣста не двигался и не думалъ подходить къ твоему стаду.

— « Она молода и жирна, « отвѣчалъ пастухъ, « хотя и хромаетъ; съѣшь ее во здравіе съ твоей семьею и друзьями. —

— « Я уже тебѣ сказалъ, « возразилъ Талеярій еще съ большимъ гнѣвомъ, « что я не подходилъ къ твоему стаду; а ты все таки хочешь увѣрить, что я изло-

---

(*) Имя деревенскаго слуги.

малъ ногу твоей овцѣ. Поди же прочь, говорю я тебѣ, или. . . .« Съ сими словами, Талеярій замахнулся. Пастухъ, видя это, принялъ также оборонительное положеніе. Они уже готовы были драться, когда увидѣли ѣхавшаго мимо всадника.

Есть обычай у Индѣйцевъ, поссорившись, призывать всегда перваго встрѣтившагося въ посредники. Пастухъ опрометью бросился къ всаднику и схвативши за узду его лошадь, вскричалъ: « Остановись, пожалуй, на одну минуту, выслушай насъ и рѣши, сдѣлай милость, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ: я этому человѣку дарю овцу, а онъ за это хочетъ бить меня.« Талеярій съ своей стороны доказывалъ: « Этотъ глупый пастухъ осмѣливается обвинять меня въ томъ, что у его овцы нога изломана, тогда какъ я и не думалъ подходить къ его стаду.«

Къ несчастію, посредникъ былъ глуше и истца и отвѣтчика, и не понялъ ни одного слова изъ всего, ими сказаннаго. Протянувъ руку, дабы наложить молчаніе, онъ произнесъ: « Признаюсь, что эта лошадь не принадлежитъ мнѣ; я нашелъ ее брошенною на дорогѣ; я спѣшу и чтобы скорѣе быть, куда мнѣ надобно, я сѣлъ на нее. Если она принадлежитъ вамъ, возьмите ее; если нѣтъ, отпустите меня поскорѣе, ибо мнѣ некогда останавливаться.«

Пастухъ и Талеярій, вообразивъ каждый съ своей стороны, что всадникъ говоритъ въ пользу другаго, принялись кричать и спорить больше прежняго, оба проклиная посредника и обвиняя его въ несправедливости.

Въ это время проходилъ старый Браминъ; всего приличнѣе показалося спорившимся поручить это дѣло его рѣшенію; они остановили его и говоря всѣ трое вмѣстѣ, разсказали ему причины своихъ жалобъ; но Браминъ былъ ихъ всѣхъ глуше. «Такъ! такъ! я васъ понимаю,» возкликнулъ онъ: «она (т. е. жена его), она послала васъ остановить меня и упросить воротиться домой; но вамъ не удастся. Вы знаете ли ее? Въ числѣ дьяволовъ нѣтъ ни одного, подобнаго ей въ злости; съ тѣхъ поръ, какъ я, по несчастной судьбѣ моей, купилъ ее (*), она заставила меня сдѣлать такую тьму грѣховъ, которой мнѣ не очистить во сто поколѣній. Я иду на богомольство въ Касси (Бенаресъ), дабы омыться въ священныхъ водахъ Ганга и посредствомъ сего святаго омовенія, получить отпущеніе въ безчисленныхъ грѣхахъ, совершенныхъ мною со времени несчастной моей женитьбы; послѣ сего я буду скитаться по чужимъ землямъ и жить милостынею. Слѣдственно — нечего вамъ толковать мнѣ о ней; я рѣшился и все, что вы мнѣ ни скажете, не убѣдите меня остаться въ сообществѣ съ этимъ бѣсомъ.»

Между тѣмъ, какъ они говорили всѣ вмѣстѣ и кричали изо всей силы, не понимая другъ друга, укравшій лошадь увидѣлъ издали приближавшихся людей: принявъ ихъ за хозяевъ лошади, онъ бросился съ нея долой и убѣжалъ.

Пастухъ, примѣтивъ, что уже становится поздно и что стадо его далеко, поспѣшилъ къ нему, проклиная посредниковъ, имъ избранныхъ, восклицая, что нѣтъ болѣе правосудія на землѣ и приписывая всѣ свои несчастія змѣѣ, которая въ то время, какъ онъ выходилъ изъ овчарни, пересѣкла ему дорогу (*).

Талеярій возвратился къ накошенной травѣ и нашедши возлѣ нея хромую овцу, взвалилъ ее на плеча и потащилъ къ себѣ, въ наказаніе пастуху, его обидившему.

Браминъ снова пустился въ путь до ближней гостиницы, гдѣ онъ остановился переночевать. Голодъ и сонъ утишили гнѣвъ его во время ночи; на утро пришли къ нему Брамины изъ его деревни, родственники, друзья, и совершенно успокоили его, обѣщая употребить всѣ средства, дабы угомонить бранчивую жену его.

Къ **

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты, по приговору свѣта,
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю. —

Но свѣтъ . . . . Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья,
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья —
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы,
Оставь блестящій, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

Александръ Пушкинъ.

(*) *Купить жену* и *жениться*, суть два выраженія, однозначительныя у Индѣйцевъ.

(*) Встрѣтиться съ змѣею, которая пересѣкаетъ вамъ дорогу, почитается очень дурною примѣтою у Индѣйцевъ.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.

1.

Видали ль вы, какъ съ мотылькомъ дитя
Въ родномъ саду надъ розами играетъ?
Видали ль вы, какъ зеркало ручья
Лазурь небесъ весною отражаетъ?
— Такъ жизнь ясна,
Пока лелѣетъ,
Питаетъ, грѣетъ
Ея мечты сердечная весна!

2.

Слыхали ль вы сей чудный, милый стонъ:
Пѣснь соловья въ дубравѣ одинокой? —
Хотите ль знать, какое горе онъ
Таитъ въ своей мелодіи жестокой?
— И рай, и адъ
Намъ горе это:
То жизни лѣто,
То степи зной, то розы ароматъ!

3.

Блуждали ль вы надъ моремъ въ этотъ часъ
Когда оно бесѣдуетъ съ громами,
Грозитъ землѣ — и къ небесамъ стремясь,
Вступаетъ въ бой съ ихъ ярыми стрѣлами?
— Такъ жизнь кипитъ:
Стихій боренье —
Страстей волненье,
Когда въ душѣ ихъ осень зашумитъ!

4.

Видали ль вы, какъ блѣдный ликъ луны
Свой тихій лучъ на хладный снѣгъ наводитъ?
— Такъ жизнь полна холодной тишины,
Когда зима сердечная приходитъ!
Она скуетъ
Души порывы;
Но сонъ счастливый,
Но бредъ любви не вмѣстѣ ль съ ней пройдетъ!

В. Тепляковъ.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ДѢЙСТВІИ МУЗЫКИ.

(*Окончаніе*).

Гомеръ и Платонъ, а изъ новѣйшихъ, Лаврентій Валла, Шекспиръ, Порта и нѣкоторые другіе, почитали людей, безчувственныхъ къ музыкѣ, существами несовершенными. Такой недостатокъ организаціи гораздо обыкновеннѣе, нежели вообще полагаютъ. Хотя мы и получаемъ отъ природы болѣе или менѣе счастливыя способности къ сему искуству, но воспитаніе безспорно весьма много участвуетъ въ раждаемыхъ имъ ощущеніяхъ; и симъ-то, мнѣ кажется, отличаемся мы отъ животныхъ безсловесныхъ, въ коихъ сіи ощущенія суть только слѣдствіемъ органическаго ихъ сложенія. Нерѣдко видимъ людей съ большимъ умомъ и ученостію, не только нечувствующихъ удовольствія отъ музыки, но и не получающихъ отъ нея инаго впечатлѣнія кромѣ того, которое производится несноснымъ шумомъ. Совсѣмъ тѣмъ Исторія научаетъ насъ, что всѣ люди, пріобрѣтшіе себѣ великое имя, въ какомъ бы то родѣ ни было, любили сіе искуство.

Дѣйствіе музыки, какъ средства врачебнаго, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, проистекающихъ отъ сильной боли, или отъ поврежденія умственныхъ способностей, съ успѣхомъ испытываемо было въ многоразличныхъ обстоятельствахъ; но въ таковыхъ случаяхъ, дѣйствіе сіе, какъ мнѣ кажется, не есть просто физическое; здѣсь не чувства одни потрясаются, какъ у безсловесныхъ тварей: душа раздѣляетъ съ ними впечатлѣнія, и искуство дѣйствуетъ съ такою же силой на умственныя способности, какъ и на чувственныя. Изъ всѣхъ случаевъ, которые можно бы привести въ доказательство сего вліянія музыки на здоровье, избираю я слѣдующіе анекдоты.

Княгиня Бельмонте лишилась своего мужа. Прошелъ мѣсяцъ, и она не произнесла ни одной жалобы, не пролила ни одной слезы. Страшная тягота ее угнетала: она казалась умирающею. Передъ наступленіемъ вечера, больную выносили въ великолѣпный ея садъ; но зрѣлище природы не имѣло для нея прелестей и не приносило ей нималѣйшаго облегченія. Раффъ, славнѣйшій пѣвецъ въ Германіи, впервые тогда случился въ Неаполѣ. Онъ пожелалъ видѣть садъ Княгини, извѣстный по красотѣ своей. Одна изъ Княгининыхъ прислужницъ, узнавъ, что сей отличный Артистъ находился въ саду, хотѣла испытать, не подѣйствуетъ ли музыка на здоровье госпожи ея, и упросила Раффа пропѣть что-либо близъ рощицы, гдѣ находилась Княгиня. Раффъ согласился, и выбралъ арію Ролли, начинающуюся сими словами: Solitario bosco ombroso. Чистый и трогательный его голосъ, простая, но выразительная мелодія сей аріетки, стихи, совершенно приличные мѣсту и обстоятельствамъ,—все сіе произвело такое дѣйствіе на органы Княгини, что слезы обильно потекли изъ глазъ ея. Онѣ не переставали литься нѣсколько дней сряду, и это спасло больную.

Другой анекдотъ относится къ помѣшательству въ умѣ Филиппа V, Короля Испанскаго. Извѣстно, что Король сей впадалъ въ глубокую задумчивость, которая препятствовала ему не только заниматься Государственными дѣлами, но и заботиться о тѣлесной своей опрятности. Королева вздумала извѣдать силу музыки надъ своимъ супругомъ, и для сего возпользовалась прибытіемъ въ Мадритъ извѣстнаго Фаринелли. Что предвидѣла Королева, то и случилось: голосъ дивнаго сего пѣвца произвелъ такое дѣйствіе надъ Филиппомъ, что онъ какъ бы вдругъ пробудился отъ продолжительнаго сна, позволилъ выбрить себѣ бороду и одѣть себя, на что долгое время онъ не поддавался. Можно бы привесть и еще весьма многіе примѣры подобнаго врачеванія, совершеннаго посредствомъ музыки.

Увѣренность Древнихъ во врачебной силѣ музыки простиралась весьма далеко. Гомеръ, Плутархъ, Ѳеофрастъ и Галіенъ были убѣждены, что она изцѣляетъ отъ чумы, отъ ревматизмовъ и отъ уязвленія пресмыкающихся. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ также были той вѣры; такъ на пр. Димербрёкъ (Diemerbroeck), Боннетъ, Бальиви, Кирхеръ, Гаффенрефферъ и Десо (Desault) приписывали музыкѣ свойство вылечивать отъ чахотки, подагры, чумы, водобоязни и укушенія ядовитыхъ животныхъ. Приписывая музыкѣ такія чудеса, слишкомъ разпространяютъ ея могущество. Искуство сіе производитъ главное свое дѣйствіе на нервы; и легко постигнуть, что болѣзни, отъ оныхъ зависящія, могутъ быть утолены пѣніемъ или звукомъ инструментовъ; но не слишкомъ было бы разсудительно приписывать ей силу врачебную въ смыслѣ обширнѣйшемъ. Такимъ образомъ нельзя вѣрить изцѣленію отъ чумы симъ средствомъ; но позволительно вѣрить тому, что Додаръ разсказываетъ въ *Исторіи Парижской Академіи наукъ*, объ одномъ молодомъ музыкантѣ, излеченномъ отъ сильной горячки концертомъ, даннымъ въ его комнатѣ.

Другой случай, разсказанный однимъ Парижскимъ врачемъ (Г-мъ Бурдуа де-ла Моттъ), показался бы не столь вѣроятнымъ, если бъ не былъ засвидѣтельствованъ симъ отличнымъ медикомъ. Онъ лечилъ одну молодую даму отъ горячки, въ которой оказывались весьма важные припадки. Самыя обдуманныя пособія врачебной науки не могли утолить припадковъ, и на осьмнадцатый день больная приближалась къ смертному часу. Г. Бурдуа, выходя отъ больной, увидѣлъ въ гостиной арфу и вздумалъ употребить музыку, какъ послѣднее средство. Призвана была арфистка и сыграла у постели больной нѣсколько выразительныхъ пьесъ. Уже сей опытъ продолжался около полу-часа, но музыка все еще не производила ожидаемаго дѣйствія: по счастію, предпринявшіе сіе леченіе не отставали. Спустя сорокъ минутъ, искусный наблюдатель замѣтилъ, что дыханіе становилось явственнѣе и чаще: скоро движеніе груди сдѣлалось какъ бы одновременно съ темпомъ музыкальной мѣры. Музыкантша удвоила свои старанія: животворная теплота разлилась по всѣмъ членамъ больной, пульсъ усилился и сдѣлался правильнѣе; тяжкіе вздохи вырывались изъ груди, которая, казалось, была стѣснена. Вдругъ кровь полилась изъ носу, и по изтеченіи около осьми унцій оной, больная начала говорить: чрезъ нѣсколько дней, она уже вставала съ постели. Собраніе клиническихъ наблюденій, изданное въ 1811 году Докторомъ Дезессаромъ, заключаетъ въ себѣ подобный сему анекдотъ.

Шарлатанизмъ, бросающійся на все и все портящій, хотѣлъ сдѣлать изъ музыки всеобщее лекарство. Доказательствомъ тому служитъ *Всеизцѣляющая музыка* (la musique panacée) Ж. Б. Порты, гдѣ онъ увѣряетъ, что инструменты, сдѣланные изъ лекарственныхъ растеній, издаютъ музыкальные звуки, имѣющіе цѣлебное свойство, сродное помянутымъ растеніямъ, которымъ излечиваются отъ болѣзней, при коихъ растенія сіи предписываются, какъ надежнѣйшее средство. Музыка въ древности составляла часть врачеванія магическаго, астрологическаго и ѳеозофическаго. Сему же шарлатанизму должно приписать басню о цѣлебномъ свойствѣ музыки отъ укушенія тарантула. Самые достойные уваженія врачи долго обманывались симъ страннымъ заблужденіемъ. Даже Бальиви, благонадежно приводимый въ подтвержденіе нѣкоторыхъ случаевъ, былъ жертвою своей легковѣрности и неосмотрительности. Гаффенрефферъ посвятилъ длинную главу своего сочиненія: Nosodochium in quo cutis affectus traduntur curandi, весьма важному изложенію разныхъ и приличнѣйшихъ музыкальныхъ средствъ отъ укушенія тарантула; почти всѣ медицинскія книги его времени заключаютъ въ себѣ подробности о семъ предметѣ, и болѣе двадцати диссертацій посвящены оному исключительно. Одна изъ самыхъ пространныхъ сочинена Германомъ Грубе, подъ заглавіемъ: De situ tarentulae, et vi musices in ejus curatione, conjecturae physica-medicae (Франкфуртъ, 1670 г. in-8). Если вѣрить всѣмъ Авторамъ, писавшимъ о семъ предметѣ, тарантулъ, родъ паука, находящагося наиболѣе въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, уязвивъ человѣка, оставляетъ въ ранѣ ядъ, дѣйствующій по прошествіи большаго или меньшаго времени. Когда сей ядъ начинаетъ дѣйствовать, больные впадаютъ въ изступленіе, заставляющее ихъ безпрестанно бѣгать и плясать; музыка, еще болѣе возбуждая къ прыжкамъ и пляскѣ, приводитъ ихъ въ сильный потъ, оканчивающійся изцѣленіемъ больныхъ (*). Дѣло

(*) Сочинитель сей статьи забылъ еще объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ, по своей (т. е. музыкальной) части. Инструментъ, который употребляется для излеченія отъ яда тарантулова, называется *тарантелла*, равно какъ и родъ плясовой пѣсни, играемой на семъ инструментѣ. Въ книгахъ новѣйшихъ поборниковъ *бѣлой магіи*, изъ коихъ нѣкоторыя (какъ то: *Открытыя тайны древнихъ Магиковъ* и *Словарь натуральнаго волшебства*) переведены на Рускій языкъ, есть подробныя описанія какъ савъ томъ, что тарлатаны часто употребляли во зло легковѣріе народное на сей счетъ, для собственныхъ корыстныхъ видовъ; но изысканія врачей-философовъ ясно доказали лживость сего леченія, и даже самой болѣзни.

Самое существенное физическое дѣйствіе музыки есть то, которое произтекаетъ отъ музыкальнаго *ритма* на массы людей, гдѣ бы то ни было, въ театрѣ ли, въ трудахъ ли воинскихъ. Въ этомъ дѣйствіи, умственная природа мало участвуетъ. Это такое ощущеніе, которое сообщаетъ тѣлу опредѣленное движеніе, каково бы ни было разположеніе духа. Во всякомъ другомъ случаѣ, музыкальное искуство дѣйствуетъ на чувства наши только какъ на посредниковъ, передающихъ душѣ принимаемыя ими впечатлѣнія; душа уловляетъ ихъ, и ея волненіе скоро поглощаетъ все вниманіе наше. Симъ-то преображеніемъ ощущенія, музыка столько содѣйствуетъ къ нашему счастію; ибо еслибъ ея дѣйствіе было просто физическое, тогда оно было бы кратковременно. Чувственныя способности, отдѣльно взятыя, ограниченны; способности душевныя неизтощимы.

Много было писано объ употребленіи музыки, какъ средства врачебнаго. Замѣчательнѣйшія сочиненія по сему предмету суть слѣдующія:

Lippius. Dissertatio de musica. Vitteb. 1609.

Regnier. Ergo musica in morbis efficax. — Парижъ, 1624.

Medeira (Edouard). Inaudita philosophia de viribus musicae (In nova phil. & medicina), in-8. Ulissip. 1650.

Francus. Dissertatio de musica. Гейдельбергъ, 1672.

Loescher. Dissertatio de Saulo per musicam curato. Vitteb., 1688.

Ettmüller. Dissertatio de effectibus musicae in hominis, in-4. Лейпцигъ, 1714.

Albrecht (J. Wilh.). Tractatus physicus de effectibus musicae in corpus animatum. Лейпцигъ, 1734, in-8.

Nicolai. Verbindung der Musik mit der Artzneygelahrtheit. Галле, 1745.

Widder. Dissertatio de effectibus ope musices excitandis, augendis et moderandis. Гренингенъ, 1751.

Van-Swieten. De musicae in medicina influxu atque utilitate. Leido, 1773.

Malouin. Dissertatio an ad sanitatem musica? in quaest. n. 16. Парижъ, 1733.

— Ergo ad sanitatem musica. Ibid. 1777.

Sprengel. Dissertatio de musicae artis cum medicina connubio. Галле, 1800.

Roger (J. L.). Tentamen de vi soni et musicae in corpus humanum. In-8. Авиньонъ, 1758.

(Сіе сочиненіе переведено на Франц. языкъ Г-мъ Сентъ-Мари, и напечат. въ Ліонѣ 1803 г.)

De la Grange (P. A.). Essai sur la musique, considérée dans ses rapports avec la médecine. In-4. Paris, 1804.

La Marche (J. B.) Essai sur la musique, considérée dans ses rapports avec la médecine. In-4. Paris, 1815.

Съ Франц. — Сомовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Метафизика Хр. Баумейстера, переведенная съ Латинскаго языка Яковомъ Толмачевымъ. Изданіе второе, вновь исправленное. — С. П. Б., въ типогр. Медицин. Департ. Министерства Внутрен. дѣлъ, 1830 (232 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Схоластическія тонкости, которыя пора бы намъ называть откровеннѣе: *школьными мѣлочами*, послѣ направленія, даннаго мысли человѣческой твореніями новѣйшихъ Философовъ, кажутся столь же странными, даже смѣшными, какъ и нарядъ, въ какомъ ходили во времена Вольфа и Лейбница, показался бы страннымъ и смѣшнымъ въ наше время. Одинъ умный человѣкъ называлъ Метафизику *оселкомъ*, на которомъ не куется, а только изощряется умъ человѣческій; зачѣмъ же намъ употреблять нынѣ оселокъ, истершійся отъ времени и не изощряющій уже, а развѣ притупляющій умственныя способности?

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Mémoires de Lord Byron, publiés par Th. Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw. Belloc. Première livraison. (**Записки Лорда Байрона,** изданныя **Томасомъ Муромъ.** I-е Отдѣленіе). — Парижъ, 1830. 2 т. въ 8-ю д. л.

Прежде нежели начнемъ мы разбирать сіи Записки, открывающія намъ всѣ подробности богатой при-

---

маго инструмента *тарантеллы*, такъ и способа леченія онымъ, съ точнымъ означеніемъ числа *плясовыхъ пріемовъ*, предписываемыхъ больному. Въ одной изъ сихъ книгъ есть даже и ноты пѣсни *тарантеллы*. — *Прим. переводчика.*

(*) Продается въ книжной лавкѣ Алексѣя Свѣшникова, въ Гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ No 14. Цѣна экз. 5 руб.

ключеніями жизни славнѣйшаго изъ Поэтовъ нашего времени, и служащія къ изреченію безпристрастнаго суда о его характерѣ, столь худо понятомъ современниками предубѣжденными или завистливыми, — мы извлечемъ нѣсколько выписокъ, которыя, надѣемся, читатели наши прочтутъ съ удовольствіемъ. Таковыя выписки, взятыя не на удачу (ибо публика въ правѣ требовать, чтобъ мы не полагались *на удачу* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о возбужденіи любопытства), но выбранныя изъ множества мѣстъ, равно любопытныхъ, суть какъ бы предтечами удовольствія, которое обѣщается чтеніемъ записокъ Байрона; онѣ освободятъ насъ отъ всякихъ похвалъ труду переводчицы. Г-жѣ Св. Беллокъ, давно уже извѣстной прекраснымъ своимъ сочиненіемъ о жизни и твореніяхъ Лорда Байрона, не чужды ни одинъ изъ обычаевъ Англійскаго общества, ни одно изъ лицъ, являвшихся въ ономъ.

« Байронъ имѣлъ, по выходѣ своемъ изъ Университета, и даже прежде, одну или двѣ любовныя связи; но въ нихъ голова его больше участвовала, нежели сердце. Одинъ изъ странныхъ оттѣнковъ его характера былъ тотъ, что любивъ, подобно всѣмъ молодымъ людямъ, хвалиться успѣхами своими въ дѣлахъ любовныхъ, пока они были еще въ перспективѣ, — онъ становился таинственнымъ и скрытнымъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣло начинало слаживаться. Малѣйшій намекъ о любви его, даже самой пустой, заставлялъ его краснѣться, какъ дѣвушку, и приводилъ его въ смущеніе. Товарищи его имѣли привычку говорить между собою: « Видно у Байрона есть какая нибудь любовная связь, потому что онъ сталъ скрытенъ и угрюмъ, какъ любовникъ обманутый. « Эту стыдливость имѣлъ онъ и съ самимъ собою: въ замѣчаніяхъ своихъ, какъ и въ самыхъ дружескихъ письмахъ, онъ говоритъ только о тѣхъ предметахъ своей страсти, которые, для него, остались чистыми. Кажется, первая подруга его сердца (и можетъ быть, мать ребенка, къ которому онъ написалъ слѣдующее стихотвореніе, донынѣ еще не бывшее въ печати) умерла очень молода, и что онъ приписывалъ себѣ раннюю ея кончину. Сіе несчастіе поразило его, какъ предчувствіе будущей его судьбы и одиночества, которое его ожидало. « Я остался *одинъ* при вступленіи моемъ въ свѣтъ, « говорилъ онъ позже, « одинъ въ моей любви, одинъ въ домашней моей жизни, и умру одинъ; я животное совершенно *одинокое*, не по *выбору*, но по *необходимости*. »

Къ моему сыну.

« Эти золотистые волосы, эти голубые глаза, блестящіе какъ глаза твоей матери, эти розовыя уста, коихъ ямочки и улыбки сладко восхищаютъ сердце: все мнѣ напоминаетъ минувшую жизнь радостей; все потрясаетъ мою душу, дитя мое!

» Нѣкогда ты будешь лепетать имя твоего отца. Ахъ, Вилльямъ! зачѣмъ это и не твое имя! Тогда не было бы ни терзаній, ни тревогъ совѣсти.... Но полно! мои попеченія оградятъ твой покой; тѣнь твоей матери улыбнется отъ радости; изъ любви къ тебѣ, она проститъ былое, о сынъ мой!

» Мурава покрыла смиренную ея могилу, и чуждая грудь приняла тебя. Свѣтъ насмѣхается твоему рожденію, и съ трудомъ даетъ тебѣ имя на землѣ; но его усилія не помрачатъ ни одной изъ твоихъ надеждъ, ибо сердце твоего отца съ тобою.

» И зачѣмъ бы отвергнулъ я права природы? О, нѣтъ! Пускай свѣтъ ропщетъ и смѣется надо мной! пускай строгіе нравоучители вопіютъ: я назову тебя любимымъ сыномъ любви моей, прелестный Херувимъ, залогъ юности и радостей! Отецъ бодрствуетъ у твоей колыбели.

» О, какъ сладостно мнѣ будетъ, прежде чѣмъ старость изроетъ морщинами лице мое, прежде чѣмъ утечетъ половина моей жизни, слѣдовать въ тебѣ и за сыномъ, и за братомъ, употребить мои преклонныя лѣта на возвращеніе тебѣ правъ твоихъ.

» Хотя отецъ твой молодъ и безразсуденъ, но никогда вихрь молодости не заглушитъ въ немъ любви отцовской! И дотолѣ, пока черты Елены будутъ жить въ тебѣ, сердце, познавшее сіи прошедшія радости, не покинетъ никогда, о сынъ мой, сей послѣдній залогъ блаженства, уже не существующаго. »

Мы передаемъ, безъ малѣйшей перемѣны, сіе небольшое стихотвореніе, образецъ пріятности и поэзіи, голосъ сердца, исполненнаго самыхъ чистыхъ чувствованій, и совсѣмъ тѣмъ столь недостойно оклеветаннаго въ послѣдствіи. Байронъ скоро лишился сего сына, котораго въ будущемъ называлъ онъ своимъ братомъ, своимъ товарищемъ. Поэту не исполнилось еще 19-ти лѣтъ, когда онъ написалъ сіи стихи. Посмотримъ на него теперь, при отъѣздѣ его изъ Англіи. Мы помнимъ прекрасную *пѣснь отплытія* въ Чильдъ-Гарольдѣ:

Adieu, adieu! my native shore, etc.;

не въ такомъ вовсе тонѣ описываетъ онъ свое отплытіе другу своему Гогдзону (Hogdson), перемѣшивая шуточную прозу съ шуточными стихами.

» Покидаю Англію безъ сожалѣнія; возвращусь въ нее безъ удовольствія. Я, какъ Адамъ, первый грѣшникъ, осужденный на изгнаніе, но у меня нѣтъ Евы: если я вкусилъ плода, то, право, онъ былъ изъ самыхъ кислыхъ и дикихъ. Такъ кончится моя первая глава. Прощай. »

Съ Фалмутскаго рейда, 30 *Іюня* 1809.

» Ура, Гогдзонъ! отплываемъ. Эмбарго снято. Вѣтеръ дуетъ, парусъ надувается, флагъ развѣвается на верху мачты. Слушай! вотъ прощальный выстрѣлъ! Крикъ женщинъ, брань матросовъ, все возвѣщаетъ минуту отплытія. Вотъ плутъ таможенный принимается за дѣло, глазами и руками. Чемоданы опоражниваются, сундуки трещатъ; ни мышья норка не укроется отъ поисковъ, на зло всей сумятицѣ.

»Гребцы наши отвязываютъ веревки, которыми барка причалена къ берегу; руки ихъ впились въ весла; съ набережной спускаютъ пожитки: поспѣшимъ; часы уходятъ; отваливай отъ берега. — » Остерегитесь: въ этомъ ящикѣ находятся напитки. « — »Задержки ладью.« — » Мнѣ дурно, Богъ мой! » — » Дурно, сударыня? о, на кораблѣ будетъ еще хуже. » — Такъ кричатъ мужчины, женщины, господа, госпожи, слуги, служанки. Всѣ толкаются, сталкиваются, словно рой пчелъ. . . . .
. . . .«

(*Оконч. въ слѣд.* No.)

СМѢСЬ.

Литературныя новости. — Г. Подолинскій печатаетъ новую свою Поэму: *Нищій.* — Въ изчисленіи новыхъ романовъ, сочиняемыхъ или печатаемыхъ, забыли мы упомянуть еще объ одномъ. Это: *Князь Курбскій*, историческій романъ Г. *Федорова.* Романъ сей печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Профессоръ Исторіи въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, И. К. Кайдановъ, удостоился получить отъ Государя Императора брилліантовый перстень, съ изъявленіемъ особеннаго Высочайшаго благоволенія, за поднесенную ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ книгу: *Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго.*

Учебная книга сія скоро начнетъ печататься вторымъ изданіемъ; ибо перваго, напечатаннаго въ числѣ 3,000 экземпляровъ, осталось весьма мало. Продается у Издателя, И. В. Слѣнина, въ книжномъ его магазинѣ. Цѣна экземпляру 7. руб.

Г. Раичъ счелъ за нужное отвѣчать критикамъ, непризнававшимъ въ немъ таланта. Онъ напечаталъ въ
No *Галатеи* нынѣшняго года, слѣдующее примѣ-
вывести нѣкоторыхъ изъ заблужденія, пред-
» сі ю здѣсь *перечень* моихъ сочиненій:

1. Грусть на пиру.
2. Прощальная пѣснь въ кругу друзей.
3. Перекати-поле.
4. Друзьямъ.
5. Амела.
6. Петроній къ друзьямъ.
7. Вечеръ въ Одессѣ.

« Прочія мѣлкія стихотворенія мои—переводы. Въ « чемъ же obtrectatores нашли вялость воображенія, « щепетильную жеманность чувства и, (просимъ покорно найти толкъ въ слѣдующихъ словахъ!) недостатокъ воображенія. »

Мы принуждены признать неоспоримость его возраженія.

Въ любопытной книгѣ: Choix de Testamens anciens et modernes, находимъ мы Духовное завѣщаніе славнаго Англійскаго Актёра Гаррика. Изъ онаго видно, какое богатство нажилъ сей артистъ, отказавъ женѣ своей и родственникамъ до 47,500 фунт. стерл. (около 12-ти милліоновъ рублей). Кромѣ того предоставилъ онъ женѣ своей въ пожизненное владѣніе прекрасный домъ, съ островами и мызами, помѣстье въ Гендонѣ, домы свои въ Лондонѣ, библіотеку, множество разной мебели, дорогой посуды, вещей, картинъ, статуй, винъ, лошадей, экипажей и пр. и пр., не говоря уже о зданіи Друри-Ленскаго театра, которое завѣщалъ онъ заведенію для вспомоществованія Актёрамъ, находящимся въ бѣдности.

Если сравнимъ съ симъ завѣщаніемъ Духовную Шекспира, который отказалъ женѣ своей только *лучшую свою постель съ приборомъ,* то выводимъ слѣдующее, не весьма утѣшительное заключеніе: что счастіе гораздо болѣе благопріятствуетъ тому, кто умѣетъ хорошо передавать геніальныя произведенія, нежели самому Генію, создавшему оныя.

Трагедія знаменитаго Датскаго Поэта Эленшлегера (Oehlenschläger): *Аксель и Вальборгъ,* принята въ Стокгольмѣ съ восторгомъ и представляема была нѣсколько вечеровъ сряду.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 1-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМ. I. №. 14. МАРТА 7го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разво-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВОКЪ

изъ I-й части романа: Монастырка,

соч. Антонія Погорѣльскаго.

Глава I.

Солнце было на закатѣ, и багровоогненные лучи его, озаряя покрытый черными тучами небосклонъ, предвѣщали непогоду, когда ямщикъ мой остановилъ лошадей у довольно крутаго пригорка и слѣзъ съ козелъ, чтобъ затормозить колесо. Далеко ли до Р**? спросилъ я его. — «Да буде ще верстовъ зъ пьять добрыхъ!« отвѣчалъ онъ. — А дорога хороша? — «А тожъ! дорога гладка якъ тикъ; тилькы пискивъ богато!« (*) — Такъ не скоро же мы доѣдемъ,—подумалъ я, печально взглянувъ на четверку измученныхъ лошадей, черезъ силу тащившихъ легкую, открытую мою коляску. — Дай Богъ только, чтобъ дождь не промочилъ меня до костей!

Читателю, желающему знать, куда я ѣхалъ, и почему такъ опасался дождя, да будетъ извѣстно, что я спѣшилъ на крестины къ знакомому мнѣ помѣщику, жившему отъ меня верстахъ въ семидесяти. Дней за пять передъ тѣмъ, онъ самъ пріѣзжалъ звать меня въ крестные отцы родившемуся у него первому ребенку, и я принужденъ былъ принять его приглашеніе, хотя въ то время очень былъ занятъ важными для меня дѣлами, и потому внутренно сожалѣлъ, что выборъ его палъ на меня. Крестины, по особенному случаю, назначены были часу въ восьмомъ утра, тотчасъ послѣ ранней обѣдни, и мнѣ непремѣнно должно было прибыть туда наканунѣ. Село пріятеля моего находилось немного въ сторонѣ отъ столбовой Черниговской дороги, и я разчелъ, что для выигрышу времени, мнѣ выгоднѣе ѣхать на почтовыхъ, нежели на своихъ, хотя такимъ образомъ дѣлалъ я кругу болѣе двадцати верстъ. «Станціи въ Малороссіи теперь довольно исправны,» думалъ я, «и лошади вездѣ хорошія; и такъ я легко могу совершить путь свой до сумерекъ!« — Въ тотъ день погода была прекрасная, и я, завернувшись отъ пыли въ шинель, сѣлъ въ коляску и пустился въ дорогу.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! говоритъ пословица, справедливость которой я узналъ тутъ на опытѣ. Не успѣлъ я проѣхать и половины дороги, какъ поднялся вѣтеръ, и въ скоромъ времени нагналъ множество дождевыхъ тучь. Лошади попадались мнѣ вездѣ только что возвратившіяся съ гону, и хотя на каждой станціи, къ утѣшенію моему, предсказывали мнѣ, что на слѣдующей я найду *коней свѣжихъ*, но предсказанія сіи, къ несчастію, не сбывались: лошади вездѣ равно были утомлены отъ случившихся въ то время частыхъ разъѣздовъ курьеровъ и фельдъегерей. Наконецъ, на предпослѣдней станціи, мнѣ рѣшительно объявили, что лошадей нѣтъ вовсе, — кромѣ одной курьерской тройки, которую мнѣ дать было невозможно. Съ нетерпѣніемъ выскочилъ я изъ коляски, и спросилъ записную тетрадь писаря, чтобъ удостовѣриться, что меня не обманываютъ. Въ Малороссіи не на всѣхъ станціяхъ есть казённые смотрители. Усастый, тучный Украинецъ, не отвѣчая мнѣ ни слова, покривилъ ротъ, почесалъ подбритую въ кружокъ голову, медленными шагами вышелъ въ другую комнату, и минутъ черезъ пять принесъ запачканый листъ бумаги, вѣроятно служившій ему, между прочимъ, для упражненія въ чистописаніи, и на которомъ, кромѣ выписокъ изъ подорожныхъ, нацарапано было такъ много посторонняго, что надлежало имѣть особенное искуство для извлеченія изъ калиграфическаго сего лабиринта того, что мнѣ нужно было узнать. «Что это за вздоръ!» вскричалъ я съ досадою, бросивъ на полъ поданную мнѣ бумагу: «развѣ нѣтъ у тебя порядочной тетради?» — Писарь хладно-

---

(*) А какъ же! Дорога гладкая, вотъ какъ токъ; только песковъ много.

кровно нагнулся, поднялъ съ полу бумагу, и подалъ мнѣ ее опять, не говоря ни слова. — «Что жъ ты не отвѣчаешь? Нѣтъ у васъ другой тетради?» — «Не ма!» (a) — «Какъ не ма! Развѣ не приказано вамъ имѣть всегда особую чистую книгу для внесенія подорожень и означенія вышедшихъ въ разгонъ лошадей?» — «Эге!» (b) — «Ну!... такъ зачѣмъ же ея нѣтъ?» — «Э! Пане! не все то робытця, що приказують!» (c) — «Какъ!» вскричалъ я съ возрастающимъ гнѣвомъ: «ты, кажется, насмѣхаешься надо мною? Ты хвастаешься, что не все дѣлается, что приказывается?» — «Ни Пане, не фастаю!» — «Какъ же ты смѣешь не исполнять приказаній начальства?» — «А колы въ мене нема бумаги, Пане?» (d)

Дѣлать было нечего! Я принялъ опять запачканый листъ изъ рукъ писаря, занялся разбираніемъ спутаннаго счета лошадей, и открылъ, что за дѣйствительнымъ разходомъ и оставленіемъ Фельдъегерской тройки, десять лошадей должны находиться на станціи. «Гдѣ же эти лошади?» спросилъ я. Писарь съ прежнимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ, что нѣтъ ни одной дома, что тройку взялъ самъ содержатель станціи, а остальныхъ велѣлъ отдать подъ экипажъ знакомой ему барынѣ, за нѣсколько часовъ проѣхавшей къ нему въ гости, безъ подорожной. Тщетно грозилъ я пожаловаться начальству; Флегматикъ-писарь отвѣчалъ преравнодушно: «якъ заугодно!»

Наконецъ флегма его вывела меня совершенно изъ терпѣнія, и я, — признаюсь теперь въ грѣхѣ, — потерялъ изъ виду, что добиваю уже пятый десятокъ лѣтъ! Мнѣ вздумалось тряхнуть военною стариною, и я началъ требовать лошадей неотступно, угрожая, въ противномъ случаѣ, жалобою, наказаніемъ и — Богъ знаетъ чѣмъ! Но лишь только я возвысилъ голосъ, какъ писарь мой притворился совсѣмъ глухимъ и, не обращая вниманія на безполезный крикъ мой, не отвѣчалъ ни слова. Чѣмъ громче я кричалъ, тѣмъ болѣе онъ морщился, показывалъ пальцемъ на ухо, и твердилъ только: «звыныте, ваше Благородье; я ничого не чую.» — Угрозы мои не измѣнили ни одной черты неподвижной физіогноміи упрямаго Украинца, и глухота его прошла тогда только, когда я успокоился, и рѣшившись испытать иныя средства, всунулъ ему въ руку цѣлковый. Тогда онъ поклонился низенько и объявилъ, что хотя лошадей у него дѣйствительно не имѣется, но можно нанять пару у Священника, а другую у шинкаря Еврея, и такимъ образомъ доѣхать до слѣдующей станціи, гдѣ не будетъ, вѣрно, никакой остановки, потому, что тамъ городъ и въ случаѣ нужды, достать можно обывательскихъ. Разумѣется, что я охотно согласился. — Не прошло получаса, какъ коляска моя, за двойные прогоны, была заложена тощею четверкою, и я отправился въ путь, провожаемый низкими поклонами обоихъ хозяевъ, которые оба убѣдительно просили меня поберечь лошадей, и ѣхать тише, чтобъ ихъ не загнать.

Просьбы сіи, какъ я вскорѣ замѣтилъ, были совершенно излишнія, ибо лошади шли обычнымъ шагомъ, ни мало не тревожась ударами ямщика, прельщеннаго обѣщаніемъ на водку, и всячески старавшагося понудить ихъ прибавить хоть немного шагу. Такимъ образомъ дотащился я до того пригорка, у котораго благосклонный читатель видѣлъ меня въ началѣ сей главы.

Лошади мои, сбѣжавъ съ пригорка маленькою рысью, продолжали путь тѣмъ же ровнымъ шагомъ, какой принятъ былъ ими при выѣздѣ изъ станціи. Углубленный въ размышленія о скорой и исправной нашей Руской ѣздѣ, коей — какъ гласятъ многія печатныя книги — нѣтъ подобной въ цѣлой Европѣ, я было забылъ о тучахъ, надо мною висѣвшихъ, какъ вдругъ полившійся крупный дождь вывелъ меня изъ задумчивости. Верхъ моей коляски — признаться, немного подержаной — поднять было невозможно, и потому я, закутавшись крѣпко въ шинель, долженъ былъ, для охраненія себя отъ дождя, ограничиться желаніемъ, чтобъ непогода прекратилась. Но желанія мои остались безъ исполненія: когда мы доѣхали до маленькаго города Р**, шинель и праздничный подъ нею кафтанъ промокли до послѣдней нитки! Я поневолѣ рѣшился остановиться тутъ на ночь, чтобъ на другой день на разсвѣтѣ отправиться къ мѣсту моего назначенія.

Слава Богу! вскричалъ я невольно громкимъ голосомъ, когда коляска остановилась предъ небольшимъ, но наружности чистенькимъ домикомъ, гдѣ, по увѣренію ямщика, я могъ найти ночлегъ и отдыхъ отъ утомительнаго путешествія. Въ окнахъ домика свѣтился огонь; внутри слышанъ былъ звукъ гитары, сопровождаемый довольно пріятнымъ голосомъ, а въ дверяхъ ласково встрѣтила меня старушка, освѣщенная сальною свѣчкою, которую держалъ стоявшій подлѣ нея оборваный мальчишка. Слышанные мною, еще прежде вступленія въ домъ, звуки Малороссійской любимой моей пѣсни: «Не ходы Грыцю на вечерныцѣ,» къ тому же усталость отъ дороги и лихорадочная дрожь отъ дождя, разположили меня заранѣе находить прекраснымъ все, что увижу я въ этомъ домѣ; и разположеніе сіе ни мало не измѣнилось, когда представилась мнѣ на глаза пѣвица, довольно красивой наружности, которая при входѣ моемъ замолкла, и поклонившись съ веселою улыбкою, положила гитару на столъ. «Это дочь моя,» сказала старушка полу-Рускимъ и полу-Украинскимъ нарѣчіемъ: «она играетъ и на гусляхъ, да теперь они отданы въ починку столяру. Довольно дорого мнѣ стоило ея воспитаніе; да вѣдь нельзя же иначе! Сами вы знаете, наше дѣло дворянское.»

(a) Нѣтъ, не имѣется.

(b) Выраженіе утвердительное: да! конечно!

(c) Э! сударь, не все то дѣлается, что приказываютъ.

(d) А когда у меня нѣтъ бумаги?

Въ Малороссіи мнѣ, во многихъ маленькихъ городкахъ, на большой дорогѣ лежащихъ, случалось останавливаться въ трактирахъ такого роду, и вездѣ почти я находилъ старушку хозяйку, молодую дочь и гитару;—вездѣ мнѣ на первыхъ порахъ хозяева намекали, тѣмъ или другимъ образомъ, что они дворяне; вездѣ также я — если о томъ освѣдомлялся у другихъ — узнавалъ, что дворянство это довольно сомнительно, но объ этомъ въ другой разъ! Шляхетные мои хозяева угостили меня очень хорошо, напоили чаемъ и подали вкусный ужинъ, послѣ котораго, пожелавъ доброй ночи, я поспѣшилъ улечься на кожаной софѣ, чтобъ поспать нѣсколько часовъ.

Лишь только я потушилъ огонь и закрылъ глаза, какъ почувствовалъ, что съ головы до ногъ осыпанъ цѣлымъ роемъ насѣкомыхъ, коихъ пользы на свѣтѣ, не смотря на всѣ напряженія ума моего, я до сихъ поръ еще не могъ постигнуть. Конечно, трудно найти человѣка, который бы любилъ этихъ насѣкомыхъ; но не легко то же найти и такого, который бы до такой степени имѣлъ къ нимъ отвращеніе, какъ я! Съ ужасомъ вскочилъ я съ постели, зажегъ свѣчку и хотя издали, но съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ изпуганные мои непріятели спѣшили скрыться въ своихъ убѣжищахъ. Зная, что послѣ того мнѣ рѣшительно невозможно будетъ сомкнуть глаза въ этомъ домѣ, я охотно бы поискалъ другой квартиры; но въ то время уже было поздно, и дождь шелъ проливной; къ тому же ничто меня не удостовѣряло, что на новой квартирѣ я избѣгну эной язвы, и потому я принялъ намѣреніе просидѣть, не ложась, цѣлую ночь.

Желая хотя немного разогнать скуку, началъ я искать какой нибудь книги для чтенія, но поиски мои были напрасны. Между тѣмъ нечаянно попался мнѣ въ руки дамскій рабочій мѣшокъ, или ридикюль, въ которомъ, какъ мнѣ показалось, были какія-то бумаги. Отъ природы я не любопытенъ и очень хорошо знаю, что никогда не должно заглядывать въ дамскіе ридикюли, а особливо читать, безъ позволенія, хранящихся въ оныхъ бумагъ; но пусть читатель вообразитъ себя на моемъ мѣстѣ, и тогда онъ вѣрно не строго меня осудитъ, если признаюсь ему, что я обрадовался этой находкѣ. Не медля нимало, я началъ опоражнивать мѣшокъ; и вынувъ изъ него носовой платокъ, ножницы, игольникъ, мотокъ нитокъ, восковой огарокъ и завернутый въ тряпкѣ мозольный пластырь, наконецъ добрался до бумагъ. Сначала разборъ ихъ мнѣ показался не очень занимательнымъ: нѣсколько записокъ о забранномъ въ лавкѣ чаѣ, сахарѣ и цикорномъ кофе; нѣсколько счетовъ за обѣды и ужины проѣзжающихъ; рецептъ воды для умыванья—и два любозныя письма, изъ которыхъ, судя по слогу, одно было отъ дьячка, а другое отъ приходскаго учителя. Я хотѣлъ было положить мѣшокъ на мѣсто, какъ увидѣлъ еще пакетъ съ письмами, которыхъ почеркъ показался мнѣ, при первомъ уже взглядѣ, отличнымъ отъ прочихъ. Но какъ удивился я, усмотрѣвъ, что письма эти совершенно инаго разбору, нежели другія бумаги, такъ, что я понять не могъ, какими судьбами они попали въ мѣшокъ хозяйской дочери! Повидимому, они писаны были за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ воспитанницею Смольнаго Монастыря къ ея подругѣ; но, безъ подписи, не представляли никакихъ подробныхъ свѣдѣній о сочинительницѣ. Это еще болѣе возбудило мое любопытство, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра.

На разсвѣтѣ хозяйка крѣпко постучалась въ мою дверь, полагая, что я еще сплю. Она изумилась, увидѣвъ меня на ногахъ, и никакъ не могла понять, отъ чего я не могъ спать на софѣ. Она увѣряла, что у нея въ цѣломъ домѣ нѣтъ ни одного клопа, да и быть не можетъ, потому, что она имѣетъ легкое и вѣрное отъ нихъ средство, а именно: всякій годъ, когда цвѣтетъ конопля, разставлять по угламъ комнатъ по три свѣжихъ стебля. Не находя никакой надобности доказывать ей, что средство ея либо вовсе недѣйствительно, либо не каждый годъ ею употребляется, я оставилъ ее въ пріятномъ заблужденіи, и принялся разспрашивать о найденныхъ мною въ мѣшкѣ письмахъ; но она ничего о нихъ не знала. Призванная на помощь дочь, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, нахмурила брови, и бросила на меня сердитый взглядъ; но пошаривъ немного въ мѣшкѣ, удостовѣрившись, что любовныя посланія цѣлы, и ощупавъ сверхъ того положенную мною туда ассигнацію, успокоилась и приняла прежній умильный видъ. Она разсказала мнѣ, что письма эти забыты у нихъ въ домѣ, года за два передъ тѣмъ, одною проѣзжею госпожею, которой имени она не помнитъ; что сначала была ихъ цѣлая связка, но что потомъ они разтерялись. Вотъ все, что могъ я узнать! Хозяйская дочь охотно согласилась подарить ихъ мнѣ, и я оставилъ дворянскій трактиръ съ твердымъ намѣреніемъ, употребить всѣ старанія, чтобъ развѣдать подробнѣе о неизвѣстной сочинительницѣ писемъ.

Чтобы читатель могъ видѣть, основательно ли было мое любопытство, предлагаю на благоусмотрѣніе его найденныя мною въ вышереченномъ мѣшкѣ три письма.

(*Оконч. въ слѣд.* No.)

КЪ ...

при подаркѣ книги съ бѣлыми листами.

Примите бѣлые листы,
Нѣмыя, тайныя скрижали,
Готовыя принять цвѣты
И поэтической печали
И поэтической мечты.
Ввѣряйте имъ надеждъ залоги,
Преданья: звуки старины,
Ума холодные итоги
И сердца пламенные сны.
Пусть здѣсь хранится проза, пѣсни
Невѣрной жизни: баснь и быль.
То чего нѣтъ ужь здѣсь, воскреси!
То чего нѣтъ еще, проглянь!
Такъ! этотъ памятникъ смиренный,
Нѣжнѣйшихъ чувствъ и дружбы дань,
Будь отголосокъ сокровенный
Всего, что звучно поразитъ
Души таинственныя струны
И умъ внимательный и юный
Въ васъ сродной мыслью огласитъ.
Вы все прекрасное объяли,
Вы зоркимъ чувствомъ разгадали
Задачи темнаго труда,
И чувству тайному въ возмездье
Вамъ безъ завѣсы завсегда,
Какъ ваше вѣрное созвѣздье,
Горитъ Поэзіи звѣзда.
Храните съ набожнымъ пристрастьемъ
Сей высшій даръ, сей горній лучъ;
Онъ озаритъ васъ подъ ненастьемъ
Волненій жизни, хладныхъ тучъ.
Онъ будетъ тайной примиренья,
Когда въ разгласіи съ собой,
Въ тоскѣ свинцовой охлажденья
Вы изнеможете душой.
Когда въ чаду и въ вихрѣ свѣта
Среди побѣдъ, среди забавъ
Наскучась ими, тщетно ждавъ
На голосъ сердца съ нихъ отвѣта,
Вы вдругъ очнетесь, и въ тиши
Мечтами свѣтло населенной,
Приступите съ мольбой смиренной
Къ священнымъ таинствамъ души:
Въ семъ благодѣтельномъ недугѣ,
Въ слезахъ душевной чистоты,
Помыслите о вѣрномъ другѣ,
Взглянувъ на бѣлые листы.

Кн. Вяземскій.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

и нѣкоторые изъ его современниковъ (*).

(Нынѣ, когда по долговременной нерѣшимости, Томасъ Муръ напечаталъ наконецъ *Записки Лорда Байрона*, любопытно сравнить то, что Поэтъ сей говоритъ въ нихъ о самомъ себѣ, съ сказаніями о немъ одного изъ соотечественниковъ и знакомцевъ его. Слѣдующая статья заимствована нами изъ нѣкотораго иностраннаго Журнала. Когда она появилась, въ то время всѣ думали, будто бы Т. Муръ истребилъ записки Л. Байрона. Вотъ что говоритъ о семъ Авторъ статьи.)

Не знаю, могутъ ли врожденное праводушіе и законы чести оправдать Г. Томаса Мура, который, имѣвъ порученіе отъ Лорда Байрона издать въ свѣтъ оставшіяся по смерти его Записки, самопроизвольно рѣшился ихъ истребить. Уничтоженіе сего собственноручнаго сочиненія, завѣщаннаго по духовной и назначавшагося къ оправданію творца его, столь часто бывшаго жертвою клеветы, — есть такое всесожженіе, которое трудно извинить.

Многіе боялись изданія сихъ записокъ. Суетность, опасенія и выгоды личныя сговорились противъ оправданія Лорда Байрона. Г. Муръ могъ бы отсрочить печатаніе, не измѣнивъ обязанности, на него возложенной; но не уступать чуждому вліянію, которое должно было изчезнуть предъ его уваженіемъ къ памяти усопшаго друга. Онъ могъ бы даже небольшими исключеніями или перемѣнами, коими бы руководствовалъ вкусъ его, удовлетворить требованія приличій, пощадить живыхъ, избѣгнуть соблазнительной огласки и предоставить будущимъ издателямъ дополнить остальное, для сохраненія записокъ Поэта во всей ихъ цѣлости. Онъ счелъ за лучшее бросить въ огонь сію рукопись, свидѣтельство, нынѣ истребленное, тайныхъ помысловъ человѣка необыкновеннаго, коего слабости равнялись съ его геніемъ. Защищеніе, приготовленное Лордомъ Байрономъ для потомства, уже не существуетъ. Толпа писакъ можетъ по волѣ своей искажать его жизнь и позорить его память; они могутъ перетолковывать его слова, являть его дѣянія въ ложномъ свѣтѣ, и, выставляя исторію его, какъ романъ, украшать, дополнять или обрѣзывать ее, какъ имъ заблагоразсудится. Нѣсколько строкъ самого Писателя опровергли бы тысячу ложныхъ прибавокъ: одинъ онъ имѣлъ право начертать свое изображеніе.

(*) Lord Byron and some of his contemporaries, by Leigh Hunt. Это заглавіе книги, вышедшей за два года предъ симъ въ Англіи.

Но съ насъ достаточно указать здѣсь на важное обвиненіе, каковому, по мнѣніи нашему, подвергнулся Г. Муръ, и на вредъ, который, можетъ быть безъ намѣренія, причинилъ онъ благородному своему другу. Изъ многочисленныхъ сочиненій, коимъ Лордъ Байронъ служитъ текстомъ, весьма мало такихъ, которыя заслуживаютъ быть прочитанными: сплетни, вынесенныя изъ передней, выдуманные анекдоты, ложныя предположенія, заключенія, выведенныя на удачу: таковы списки большей части сихъ мнимыхъ Записокъ, коихъ сочинители не умѣли даже соблазнительными разсказами избѣгнуть однообразія и скуки. Взглянувъ однажды на своего героя, поговоривъ съ нимъ часа два-три, они сочли себя въ правѣ выводить наружу и перетолковывать даже своенравныя глупости, которыя онъ, по обыкновенному своему легкомыслію, отпускалъ при нихъ.

Одно только сочиненіе замѣчательное и достойное вѣры, изъ всѣхъ, изданныхъ донынѣ о семъ предметѣ, есть также и самое строгое. Еще болѣе увеличиваетъ наше удивленіе то, что Г. Лей-Гунтъ (Leigh Hunt), Авторъ онаго, есть одинъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Лорда Байрона. Г. Гунтъ (*) долго жилъ съ нимъ подъ одною кровлей. Одаренный умомъ пылкимъ и восторженнымъ, поборникъ правилъ демократическихъ, большой любитель общества по врожденной склонности и по вкусу, онъ имѣлъ съ Лордомъ Байрономъ, который былъ гордъ своею породой и человѣконенавистникъ, весьма мало точекъ соприкосновенія; оставляю наблюдателю человѣческихъ странностей объяснить сіе явленіе столь долговременной пріязни между двумя характерами, столь несходными. Г. Гунтъ, котораго правила тверды и постоянны въ отношеніи ко всѣмъ почти предметамъ, находилъ въ зыбкомъ геніи Лорда Байрона безпрерывное противорѣчіе, безконечную цѣпь прихотей. Могли ли столь явныя противоположности не имѣть вліянія на взаимное мнѣніе, которое каждый изъ обоихъ пріятелей составилъ себѣ о другомъ?

Г. Лей-Гунтъ сказалъ всю правду на счетъ Лорда Байрона, т. е. все, что думаетъ о немъ. Подъ его перомъ, выраженіе сей правды почти всегда строго до взыскательности; однако жъ никогда оно не кажется насмѣшливымъ или жестокимъ. Если онъ превозноситъ высокія свойства Поэта, то не щадитъ его слабостей, заблужденій и смѣшныхъ странностей. Можетъ быть, найдутъ неприличіе въ вѣрномъ исполненіи дѣла, предположеннаго себѣ Г. Гунтомъ; люди, преслѣдовавшіе Л. Байрона въ теченіе жизни его, возстанутъ первые на непреклоннаго Историка, нещадящаго ни одной изъ его слабостей. Автора обвинятъ въ неблагодарности; и будутъ неправы. Г. Гунтъ, признавая услуги, оказанныя ему другомъ его, доказываетъ, что другіе слишкомъ увеличивали ихъ цѣну и значительность.

Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривали мы причины, внушившія Г. Гунту сіе сочиненіе, одобряя или охуждая чистосердечное и гласное изъявленіе личнаго сужденія, составленнаго имъ о семъ знаменитомъ человѣкѣ, но не можемъ ему отказать въ великомъ превосходствѣ надъ безсовѣстными жизнеописателями, предупредившими его на семъ поприщѣ. Онъ уже не есть одинъ изъ тѣхъ собирателей анекдотовъ, которые пишутъ Записки слогомъ отставленнаго камердинера. Будучи человѣкомъ хорошаго общества, Г. Гунтъ умѣетъ разсказывать; *острое словцо*, выходя изъ подъ его пера, сохраняетъ свою соль и выразительность; въ немъ есть смѣшливость, хотя, можетъ быть, сильное направленіе ума его придаетъ иногда предметамъ его наблюденій краски слишкомъ яркія и рѣзкія.

Книга Г. Гунта болѣе всего носитъ на себѣ печать прямодушія, и, хотя конечно отчасти неблагоразумно говорить вслухъ чужую исповѣдь вмѣстѣ съ своею, но искренность, съ каковою Авторъ высказываетъ все то, что, по его мнѣнію, должно служить къ собственному его вреду, и все то, что находитъ онъ удивительнымъ, истиннымъ, ложнымъ, высокимъ и дурнымъ въ другѣ своемъ, обезоружитъ критику. Начнемъ быстро слѣдовать за Г. Гунтомъ. Обстоятельства перваго свиданія его съ Лордомъ Байрономъ — истинно драматическія.

«Тотчасъ по прибытіи моемъ, отправился я въ *загородный домъ*, въ которомъ высокородный Поэтъ, по обычаю страны, жилъ на дачѣ (*дѣлалъ свою* villegiatura, сказано въ подлинникѣ). Чтобы добраться до *Монте-Неро*, гдѣ находилась сія дача, мнѣ должно было проѣхать предмѣстія города, вымощенныя плитами, покрытыми пылью: дорога утомительная подъ знойнымъ солнцемъ. Былъ полдень; Италіянское небо сіяло во всей красѣ своей. Домъ, выкрашенный красною краской, и такою яркой, что она была бы нестерпима для зрѣнія даже и безъ дѣйствія лучей солнечныхъ, отражавшихся на стѣнахъ его, возвышался передо мною: то былъ Монте-Неро. Распаленные глаза мои, члены, томимые усталостію, заставляли меня желать успокоенія и прохлады; я надѣялся найти во внутренности зданія убѣжище отъ сей удушливой атмосферы. Я ошибался. Домъ построенъ былъ такимъ образомъ, что сохранялъ въ себѣ и отражалъ лучи солнца; я былъ какъ въ печи.

«Увидѣвъ Лорда Байрона, я сперва не узналъ его. Онъ также долго на меня смотрѣлъ, не узнавая меня. Я видывалъ его въ Лондонѣ, стройнаго, тонкаго, бѣлотѣлаго, съ пламеннымъ и горделивымъ взоромъ, въ головою, по-

---

(*) Не должно смѣшивать сего Г. Лей-Гунта съ извѣстнымъ демагогомъ сего имени. Г. Гунтъ, сочинитель книги *о Байронѣ и его современникахъ*, есть Поэтъ остроумный и отличныхъ дарованій.

крытой густыми волосами, завитыми въ небольшія кольца. Теперь я нашелъ его толстымъ, съ загорѣлымъ лицемъ, съ открытою шеей, съ волосами разпущенными по плечамъ и вьющимися въ мѣлкія, волнистыя кудри. Какъ онъ пополнѣлъ, такъ я похудѣлъ почти въ равной степени; мнѣ необходимо было объявить ему мое имя.

«Одежда его также измѣнилась, какъ и его физіогномія. Широкія бѣлыя панталоны, очень просторный нанкиновый камзолъ, составляли его утреннее платье и замѣняли шлафрокъ Британскаго *денди*. Онъ повелъ меня въ будуаръ, гдѣ сидѣла молодая дама, съ слезами на глазахъ и, по видимому, въ сильномъ волненіи духа. Волосы ея упадали на грудь въ величайшемъ безпорядкѣ; лице ея горѣло яркою краской. Молодой человѣкъ, также въ волненіи, съ перевязкой на рукѣ, вошелъ въ комнату чрезъ нѣсколько минутъ послѣ меня: все показывало, что какое нибудь непріятное произшествіе не задолго предъ симъ случилось въ домѣ.

«Молодая дама была Графиня Гвиччіоли, дочь Графа Гамбы, выданная въ замужство за Кавалера Гвиччіоли, и, по Италіянскому обычаю, принимавшая титулъ отца своего. Молодой человѣкъ былъ братъ ея, Графъ Пьетро Гамба. Я узналъ, что между слугами сдѣлалась драка. Молодой Графъ пытался прекратить ее. Одинъ лакей ранилъ его *стилетомъ*: рана была легка, но онъ былъ крайне разсерженъ; и сестра его, еще болѣе раздраженная, не хотѣла слушать благоразумныхъ совѣтовъ Лорда Байрона, который старался ее успокоить и возстановить тишину въ домѣ. Если рана молодаго человѣка не была ни опасна, ни глубока, то слѣдствія сей ссоры могли быть для него бѣдственны. Италіянецъ, въ бѣшенствѣ, стоялъ подъ портикомъ *виллы* съ кинжаломъ въ рукѣ, ревѣлъ какъ дикой звѣрь и грозилъ убить перваго, кто подойдетъ къ нему. Всѣ удивлялись, какъ онъ не напалъ на меня. И точно, я ускользнулъ отъ бѣды: «Можетъ быть,« говорили, «что онъ принялъ меня за какого нибудь земскаго чиновника, за Италіянскаго *подеста*:« жалкое сходство, въ которомъ, поистинѣ, ничего нѣтъ лестнаго, и которое я отвергаю всѣми силами.

«Между тѣмъ человѣкъ сей удерживалъ за собою мѣсто. Я отперъ окно и увидѣлъ, изъ-подъ краснаго бумажнаго колпака, самую отвратительную рожу, какая бываетъ не у всякаго бандита. Онъ былъ высокъ ростомъ, очень сухощавъ и въ крайне-отрепанномъ платьѣ; прохаживался большими шагами, поднявъ голову вверхъ, съ быстрыми, неистовыми движеніями, весьма похожими на движенія тигра въ его клѣткѣ, и бросалъ на окно такіе взгляды, которые мнѣ трудно позабыть. Никто изъ служителей не рѣшался выйти вонъ. Камердинеръ Лорда Байрона пошелъ за полицейскими и не возвращался. Такимъ образомъ бездѣльникъ держалъ *виллу* и обитателей ея въ осадѣ.

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Димитрій Самозванецъ, историческій Романъ, сочиненіе Ѳаддея Булгарина. 4 части. — С. П. б., въ типогр. Александра Смирдина, 1830. (Въ І-й ч. XXVIII — 302, во II-й 301, въ III-й 362, въ IV-й 517 стр. въ 12-ю д. л.)

Статья I.

Въ предисловіи къ *Димитрію Самозванцу*, просвѣщенные читатели увидятъ причину, почему предметъ, самъ по себѣ богатый романическими произшествіями и необыкновенными характерами, лишился въ романѣ Г. Булгарина занимательности и живости. Авторъ пренебрегъ главную цѣль Романиста, а заботился о второстепенныхъ. «Желаніе мое,» говоритъ онъ, «представить Россію въ началѣ XVII вѣка въ настоящемъ ея видѣ.» Цѣль всѣхъ возможныхъ романовъ должна состоять въ живомъ изображеніи жизни человѣческой, этой невольницы судебъ, страстей и самонадѣянности ума. Живописуя историческую картину, художникъ, разумѣется, долженъ знать мѣсто, на коемъ дѣйствовали герои его, долженъ изучить черты лицъ ихъ, одежду и оружіе ихъ времени: но это необходимое не есть еще главное, совершенно удовлетворяющее всѣ требованія искуства. Не поименованныхъ куколъ, одѣтыхъ въ мундиры и чинно разставленныхъ между разкрашенными кулисами, желаетъ видѣть въ картинѣ любитель живописи: онъ ищетъ людей живыхъ и мыслящихъ, и въ слѣдствіе ихъ жизни и мыслей дѣйствующихъ; а мѣсто и одежда ихъ должны только довершать очарованіе искуствомъ обманутаго воображенія. То же самое желали бы мы найти и въ романѣ Г. Булгарина. Рускіе давно знакомы съ дѣйствующими лицами онаго. Исторія намъ сохранила ихъ имена и дѣянія, ихъ характеры и черты лицъ; Археологи разкрыли намъ подробности ихъ жизни домашней и общественной; обычаи, повѣрья, одежда и оружіе того времени, благодаря ихъ изыканіямъ, удовлетворятъ самаго любопытнаго охотника до древностей. Актёры слѣдственно готовы и одѣты, даже мы знаемъ ихъ способности: заставьте же ихъ переиграть извѣстную намъ великую драму по возможности такъ же хорошо, какъ они представили ее въ первый разъ передъ нашими предками.

Из фондов Российской государственной библиотеки

Не говорите намъ, что «Авторъ здѣсь въ сторонѣ, а дѣйствуютъ историческія лица. Я никого не заставлялъ дѣйствовать и говорить по моему произволу и пр.;» и »если кому не нравятся характеры, не моя вина.» Авторъ не можетъ быть въ сторонѣ: ему нѣтъ нужды самому выходить на сцену, какъ дѣлывали Греческіе Комики; но онъ обязанъ отвѣчать, что онъ не изказилъ ни одного историческаго лица, что онъ всегда заставлялъ его говорить сообразно извѣстной степени его ума и темперамента, что каждое движеніе тѣла его есть выраженіе невымолвленной мысли, или еще необнаруженнаго желанія, а не произволъ Автора; и что всѣ прибавленія Романиста не суть своенравные вымыслы, а ученыя пополненія утраченныхъ временемъ страницъ изъ книги человѣческихъ помысловъ и дѣяній. Въ настоящей жизни, въ людяхъ, окружающихъ насъ, мы можемъ не любить дурныхъ характеровъ, остерегаться людей подозрительныхъ, презирать глупыхъ и злыхъ, убѣгать вредныхъ; но въ романѣ виноватъ Сочинитель, если характеры намъ не нравятся, ибо отъ характеровъ романа требуется одной естественности. Кому бы пришло въ голову сердиться на Романиста за то, что онъ представилъ злодѣевъ, извѣстныхъ въ Исторіи, злодѣями? Мы еще болѣе будемъ снизходительны къ роману: *Дмитрій Самозванецъ*: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтеніе народа Польскаго передъ Рускимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостію, открыть гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ Г. Булгаринѣ Поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную Писателемъ Рускимъ.

И такъ мы не требуемъ невозможнаго, но просимъ должнаго. Мы желали бы, чтобъ Авторъ, не принимаясь еще за перо, обдумалъ хорошенько свой предметъ, измѣрилъ свои силы. Тогда бы романъ его имѣлъ интересъ романа и не походилъ на скучный, безпорядочный сборъ богатыхъ матеріяловъ, перемѣшанныхъ съ вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличія. Исторія не пощадила Димитрія Самозванца; его пороки и безразсудность выставлены ею не въ полу-свѣтѣ: зачѣмъ же ужасную память о немъ обременять еще клеветою? Гдѣ, въ какихъ тайныхъ лѣтописяхъ найдено, что онъ былъ шпіономъ у Сапѣги (см. 1-ю часть)? Какое чисто-литературное намѣреніе заставило Автора надѣлить его симъ незаслуженнымъ званіемъ? Сколько убійствъ, напоминающихъ дѣла Стеньки Разина (въ особенности утопленіе К[illegible]ерін) взведено на него понапрасну? Сколько страницъ посвящено сухимъ, неумѣстнымъ выпискамъ о богатствѣ Годунова, чтобы заставить бѣднаго Самозванца пересказать слова Лудовика XVIII о Наполеонѣ: «Да, онъ былъ хорошій мой казначей (ч. IV.)!» Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій, два лица, блистающія въ Исторіи нашей необыкновеннымъ, гибкимъ умомъ и рѣдкимъ искусствомъ жить съ людьми различныхъ свойствъ, ускользнули совершенно отъ наблюдательности Автора. Первый, какъ дитя, передъ всѣми проговаривается, что онъ злодѣй, и какъ дурной Актёръ, не знаетъ, что дѣлать съ собою, высказывая имъ затверженную роль. Онъ некстати то встаетъ со стула, то опять садится, подымаетъ голову, опускаетъ ее на грудь и мечетъ туда и сюда руки. А второй едва обрисованъ: это призракъ, это лице безъ образа.

Романъ до излишества наполненъ историческими именами; выдержанныхъ же характеровъ нѣтъ ни одного. Авторъ самъ, какъ видно, чувствовалъ, что по событіямъ, имъ описаннымъ, не узнаешь духа того времени, и впадалъ поминутно въ ошибку прежнихъ Романистовъ, справедливо указанную Валтеромъ Скоттомъ: онъ прерываетъ ходъ дѣйствія вводными, всегда скучными разсказами. Что же касается до сценъ народныхъ, онѣ незанимательны по его собственной волѣ, для насъ остающейся доселѣ загадкою. Выписываемъ изъ предисловія собственныя слова его: «Просторѣчіе старался я изобразить *простомысліемъ* и низкимъ тономъ рѣчи, а не грубыми поговорками.»

Высказавъ первыя впечатлѣнія, родившіяся въ насъ при чтеніи романа сего, предоставляемъ себѣ въ слѣдующихъ статьяхъ полнѣе развить наши мнѣнія и подробнѣе поговорить о сей книгѣ, которая безъ сомнѣнія найдетъ много читателей, и слѣдственно должна имѣть нѣкоторое вліяніе и на Литературу нашу.

Въ заключеніе, скажемъ еще одно замѣчаніе. Языкъ въ романѣ: *Дмитрій Самозванецъ*, чистъ и почти вездѣ правиленъ; но въ произведеніи семъ нѣтъ слога, этой характеристики Писателей, умѣющихъ каждый предметъ, перемысливъ и перечувствовавъ, присвоить себѣ, и при изложеніи, запечатлѣть его особенностію таланта.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

MÉMOIRES DE LORD BYRON, etc. (ЗАПИСКИ ЛОРДА БАЙРОНА, изданныя ТОМАСОМЪ МУРОМЪ, и пр.)

(*Окончаніе*).

ПИСЬМО 2-е, КЪ НЕМУ ЖЕ.

Гибральтаръ, 6-го Августа, 1809.

Севилла прекрасна; а Сіерра-Морена, которую отчасти мы объѣхали, есть цѣпь горъ изрядной величины; но, къ чорту описанія, всегда скучныя!... Кадиксъ, восхитительный Кадиксъ, чудо мірозданія! Красота его улицъ и домовъ не уступаетъ миловидности его обитательницъ; ибо, не взирая на всѣ мои народные предразсудки, я долженъ сознаться, что женщины Кадикскія столь же превосходятъ Англичанокъ красотою, какъ Англичане превышаютъ Испанцевъ во всемъ, что составляетъ достоинство человѣка. Красавицы Кадикскія суть чародѣйки здѣшняго края. Чуть было не влюбился я здѣсь въ долгіе черные волосы, въ нѣжные, томные глаза и въ формы столь прелестныя, что мнѣ и во снѣ бы ихъ не привидѣлось, знавъ только однообразную притворность и полу-сонный видъ моихъ единоземокъ. Прибавь къ тому сладострастное и благопристойное кокетство, противъ котораго никакъ нельзя устоять.

«Дуэньи, о которыхъ такъ много нашумѣли въ романахъ, здѣсь очень сговорчивы; онѣ отпугиваютъ только филиновъ и вороновъ, но подпускаютъ близко птицъ, у которыхъ перья красивѣе.... Всѣ женщины Испанскія сходны между собою: воспитаніе одно для всѣхъ. Жена Герцога также мало образована, какъ и поселянка; а жена поселянина также ловка въ поступкахъ, какъ и Герцогиня. Правду сказать, всѣ онѣ отмѣнно плѣнительны; но у всѣхъ ихъ въ душѣ одна только мысль, и главное дѣло цѣлой ихъ жизни — любовь.»

Мы хотѣли бы разсказать одинъ случай съ Байрономъ въ Севиллѣ, гдѣ *добродѣтель его*, какъ онъ называетъ, была подвержена искушенію одною прелестною Андалузянкой, которая сказала ему, допустивъ однако жь его удалиться: Adios, tu hermoso! me gusto mucho. Но мы лучше присовѣтуемъ читателю обратиться къ цѣломудреннымъ разсказамъ самого Поэта, а почерпнемъ изъ его записокъ нѣсколько анекдотовъ о Шериданѣ, котораго онъ очень любилъ и къ которому оказывалъ неограниченное удивленіе.

«Я видѣлъ два или три раза Шеридана плачущимъ: можетъ быть и вино отчасти приводило его въ слезы, но впечатлѣніе было отъ сего тѣмъ сильнѣе; ибо кто могъ бы снести, видя льющіяся изъ глазъ Мальбруговыхъ слезы безсильной старости, или видя Свифта, умирающаго въ безумствѣ и отдающагося на позоръ черни въ своемъ сумасшествіи?

«Въ одинъ разъ, между прочими, у Робинса, послѣ роскошнаго обѣда, на который созваны были знаменитѣйшія особы и люди славнѣйшіе по уму, имѣлъ я честь сидѣть подлѣ Шеридана. Сказано было нѣсколько замѣчаній на счетъ твердости, которую явили *Виги*, отказавшись отъ всѣхъ должностей, чтобы не измѣнить своимъ правиламъ. «Господа, «сказалъ Шериданъ, обратившись къ собесѣдникамъ:» пожалуй, легко Милорду Г...., Графу Г..., Маркизу Б..., или Лорду Г..., получающимъ милліоны доходовъ, выказывать свой патріотизмъ и противиться искушеніямъ; но они не знаютъ, какая сила души нужна тѣмъ, которые, съ гордостью равною, съ дарованіями, можетъ быть, высшими, съ страстьми живѣйшими, не имѣли во всю жизнь свою ни одного шиллинга.» И говоря это, онъ заплакалъ.

«Неразъ слыхалъ я отъ него, что онъ никогда не имѣлъ ни шиллинга своихъ денегъ. Правда, что онъ находилъ средство вытаскивать ихъ много изъ чужихъ кармановъ.

«Въ 1815 году, случилось мнѣ зайти къ моему Прокурору; я засталъ у него Шеридана. Послѣ взаимныхъ вѣжливостей, сей послѣдній ушелъ. Я спросилъ, что его привело? «Охъ,» отвѣчалъ мнѣ дѣловый человѣкъ: «это всё старая пѣсня; онъ приходилъ просить меня, чтобъ я не подавалъ на него иска отъ имени его погребщика, по дѣламъ котораго хожу я.» — «Что же,» спросилъ я, «намѣрены вы сдѣлать?» — «Ничего покамѣстъ,» — отвѣчалъ онъ: «у кого станетъ духу волочить по судамъ стараго *Шерри*? и то сказать, что изъ этого выиграешь?» Таковъ-то былъ Шериданъ: онъ ублажалъ Прокуроровъ.

«При мнѣ однажды онъ сдѣлалъ выходку противъ самого себя, въ честь Гаррика. Онъ напалъ на посвященіе вдовствующей Леди....; пришелъ въ изступленіе, кричалъ, что это подлогъ, что никогда, ничего не посвящалъ онъ этой старой ворчунѣ и пр. и пр., и цѣлый часъ не переставалъ онъ бранить свое собственное посвященіе, или лучше, ту, которая была предметомъ онаго. Если бы всѣ Писатели были также искренни, это было бы забавно.

«Когда онъ умиралъ, его уговаривали выдержать операцію, которая могла спасти его. «Нѣтъ, нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «я уже выдержалъ двѣ, и этого довольно въ жизнь человѣка.» — «Какія же?» спросили его. — «Я позволилъ себѣ остричь волосы, и сидѣлъ, когда писали съ меня портретъ.»

(*Изъ одного Французскаго Журнала*).

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 6-го дня 1830 года. Цензоръ *И. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМ. I. №. 15. МАРТА 12го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВОКЪ

изъ I-й части романа: Монастырка.

(*Окончаніе*).

Глава II.

Письмо первое.

Ахъ! Маша, милая Маша! Вотъ ужь цѣлую недѣлю я прожила у тетушки въ Малороссіи, и все еще не привыкла! Что будетъ со мною впередъ — не знаю! а теперь мнѣ кажется, что никогда не привыкну ни къ жизни этой, ни къ этимъ людямъ! И во снѣ и на яву мнѣ грѣзится Петербургъ, и Нева, и Монастырь, и ты, мой милый другъ! и Р**, и С**, и Ф**, и всѣ вы, добрыя, незабвенныя мои подружки! Ахъ, Маша! пиши ко мнѣ; не забывай, что мы обѣщались вѣчно любить другъ друга, когда еще были въ *кофейныхъ*! Сколько разъ мы потомъ возобновляли это обѣщаніе и въ *голубыхъ*, и въ *бѣлыхъ*! Не забудь этого, моя Маша! А я теперь имѣю нужду въ твоей дружбѣ — болѣе, нежели когда нибудь: я чувствую себя здѣсь совершенно одинокою; — кажется, какъ будто весь свѣтъ меня бросилъ, или я живу въ другомъ свѣтѣ! — Но вѣдь ты еще не знаешь, отъ чего мнѣ здѣсь такъ грустно? —

Въ продолженіе цѣлой дороги отъ Петербурга до Барвенова, я хотя безпрестанно думала о Монастырѣ, но при всемъ томъ съ удовольствіемъ помышляла и о близкомъ свиданіи моемъ съ родными. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть тетеньку и кузинъ! (скажу мимоходомъ, что здѣсь я называю ихъ сестрицами). Я воображала, что тетенька будетъ похожа на А**, а кузинъ я представляла себѣ: старшую, какъ Н** (которая теперь попала въ пепиньерки), меньшую, какъ тебя, моя Маша, или по крайней мѣрѣ, какъ Р**. Какъ же я ошиблась въ своихъ разчетахъ!

Мы прибыли въ Барвеново довольно рано утромъ. «Это Барвеново!» сказала мнѣ съ веселымъ видомъ женщина, которую посылали за мною въ Петербугъ. Я поспѣшно высунула голову изъ кареты, чтобъ скорѣе увидѣть это Барвеново, столько мнѣ разхваленное дорогой... Ахъ, Маша! мнѣ стыдно тебѣ признаться... Я думала, что Барвеново хоть немножко похоже на Царское Село или хоть на Каменный Островъ; а вмѣсто того — повѣришь ли? — таки ни мало, ни мало! Я увидѣла множество домиковъ низенькихъ, маленькихъ; вмѣсто кровель, на нихъ кое-какъ набросана была почернѣвшая солома... Всѣ безъ трубъ, Маша, а иные такъ перевисли на одинъ бокъ, что страшно смотрѣть... Улицы узкія, кривыя, грязныя!

Такъ это Барвеново! подумала я, и сердце во мнѣ забилось точно, какъ бывало въ Монастырѣ передъ экзаменомъ. Изъ домиковъ выбѣжали дѣти и женщины; первыя въ изорванныхъ рубашкахъ, а послѣднія почти то же въ однихъ рубашкахъ, — только носятъ онѣ здѣсь родъ передниковъ — кадрилье красные съ синимъ и зеленымъ. Онѣ низко поклонились (мнѣ или каретѣ, не знаю); и мужики, тутъ бывшіе, то же сняли шапки и низко кланялись. Ты думаешь вѣрно, любезная Маша, что мужики здѣсь такіе, какъ въ Петербугѣ кучера, или, можетъ быть, какъ Чухонцы, которые тамъ продаютъ масло? Совсѣмъ нѣтъ! На нихъ длинные бѣлые кафтаны и такія же шапки... шляпъ я здѣсь вовсе не видала, а голова у нихъ, ma chère, совсѣмъ обрита, только на верху оставленъ хохолъ. Впрочемъ они, кажется, *такіе добрые*!

Мы переѣхали чрезъ узкую плотину и чрезъ мостъ, который былъ еще ýже и притомъ безъ перилъ, повернули въ лѣво и взъѣхали на дворъ, прямо къ крыльцу. Дворъ былъ полонъ людей; они всѣ бѣжали за каретой и кричали: «се наша панночка, се наша панночка!« Женщины и дѣти, слѣдовавшія за нами съ самаго въѣзда въ село, остановились на улицѣ, и смотрѣли на насъ въ ворота. На крыльцѣ стояла дама высокая, толстая, сѣдая, въ большомъ мужскомъ колпакѣ и въ красной стамедовой юпкѣ; на шеѣ у нея накинутъ былъ ситцевый платокъ, едва прикрывающій плеча. Ноги ея, Маша! ноги были босы! Она подала мнѣ руку, поцѣловала меня въ губы и сказала: «Здорово, Га̀лечка! Якъ же ти пидросла!«

Маша! не показывай никому моего письма; эта дама была — моя тетенька! (Здѣсь никто меня не называетъ Анютою... тетенька и сестрицы зовутъ Га̀лечкой, люди почти всѣ панночкой, а иные Га̀нною Трохвымовною, по батюшкѣ. Они говорятъ, что Анюта или Га̀лечка все равно; но мнѣ это не нравится... пожалуйста, милая Машенька, никогда не зови меня Га̀лечкою.)

Мы вошли въ комнату, небольшую, но довольно чисто прибранную: она бы мнѣ нравилась, если бъ не такъ была низка, а то мнѣ бываетъ въ ней душно! Почти вслѣдъ за нами вбѣжали мои кузины. — «Отъ се дочкѝ мои,» сказала мнѣ тетенька: «се Праскута, а се Га̀почка!»

Онѣ были въ утреннемъ нарядѣ, то есть, волоса связаны широкою черной лентой, въ черныхъ салопахъ, безъ корсетовъ, и — пожалуйста, Маша! не разсказывай никому! — въ большихъ кожаныхъ сапогахъ! Впрочемъ онѣ *такія добрыя*! особливо Га̀почка мнѣ нравится. Онѣ очень другъ на друга похожи и недурны собою; но только слишкомъ толсты и краснощеки. Во всемъ Монастырѣ у насъ нѣтъ ни одной такой толстой, краснощекой, какъ мои кузины.

Мы скоро между собою познакомились. Онѣ — Богъ знаетъ, какъ ради были, что я пріѣхала. Разспрашивали про Петербургъ, про Монастырь, про балы — я даже устала отъ разсказовъ. Потомъ я принуждена была показывать имъ всѣ свои платья; вотъ тут-то бы ты ихъ послушала! Нынѣшніе модные рукава имъ не нравятся, да и нельзя имъ надѣть рукавовъ изъ газа: руки у нихъ такія красныя! Больше всего имъ полюбилась моя шляпка съ перьями, знаешь', отъ Mme Xavier? Впрочемъ у нихъ болѣе нарядовъ, нежели у меня, только безъ вкуса! Довольно жемчугу и брилліянтовъ, но все старинные фасоны. Я совѣтовала тетенькѣ послать въ Петербургъ къ Mr. Дювалю или къ Ремплеру, но она и слышать объ этомъ не хочетъ.» Що «ти городышь, Га̀ля!» сказала она мнѣ: ти збылась съ пантелыку!» (это, по здѣшнему, кажется, значитъ: ты съ ума сошла.)

Послѣ обѣда кузины повели меня по хозяйству. Показывали винокурню, мельницу, амбары, подвалы и сарай, гдѣ откармливаютъ свиней, Маша! — какія же онѣ толстыя! Кузины очень хорошо знаютъ хозяйство; говорятъ, и я должна пріучаться къ этому....

Болѣе всего мнѣ надоѣлъ языкъ, которымъ здѣсь изъясняются. Повѣришь ли, что я почти ничего не понимаю? Вчера ввечеру сидѣла я въ комнатѣ и читала книжку; тетенька на крыльцѣ разговаривала съ винокуромъ. Ты не знаешь, что такое винокуръ, Маша? — Это Жидъ, который дѣлаетъ вино. Они много говорили о бардѣ... я ничего не понимала, только слышала, что тетенька говорила: «береги барду, береги барду!» а Жидъ отвѣчалъ: «какъ зе, Васе Благородіе, не берецъ; барда прикрасная, барда отличная!» — Я въ Петербургѣ читала Жуковскаго Сочиненія, и помнила, что онъ говоритъ о Бардахъ... барда — подумала я, которую такъ хвалятъ, должна быть жена какого нибудь Барда, или Поэта... и только что ушелъ винокуръ, я подбѣжала къ тетенькѣ и просила познакомить меня съ бардою. «А що тоби съ нею робыть!» отвѣчала тетенька: «Я чула, що мыютця бардой, щобъ шкура була билие«... Ахъ Маша! какъ же мнѣ стыдно было, когда я узнала, что такое барда! Здѣсь барда не то, что у васъ въ Петербургѣ: здѣсь такъ называютъ гущу, которая остается на днѣ, когда дѣлаютъ вино!

Но ты, можетъ быть, не поняла тетенькиныхъ словъ? Она сказала мнѣ, если перевесть ихъ на Руское: А что тебѣ съ нею дѣлать? я слышала, что моются бардою для того, чтобъ кожа сдѣлалась бѣлѣе... Мыютця, по-Малороссійски значитъ моются; а шкурою называютъ мою кожу, Маша!

Но тебѣ, я думаю, надоѣло и письмо мое, и Малороссійское нарѣчіе. Въ другой разъ я буду писать къ тебѣ про тетеньку, какъ будто она говоритъ по-Руски. Прощай, милая Машенька! кланяйся Р** и С** и поцѣлуй за меня Ф**. Съ будущею почтой опять къ тебѣ писать буду.

P. S. Я забыла тебѣ сказать, что тетенька не цѣлый день ходитъ босая, а кузины надѣваютъ сапоги только по утрамъ, особливо, когда на дворѣ грязно. Къ обѣду онѣ обыкновенно одѣваются довольно порядочно: тетенька на головѣ носитъ шелковый темный платокъ, почти какъ у насъ купчихи, только другимъ манеромъ; а у кузинъ платьевъ довольно и все почти новыя, только таліи слишкомъ коротки, и всегда онѣ ходятъ безъ корсета. Я предлагала имъ свои, да имъ они не въ пору, — слишкомъ узки. Прощай, любезная Машенька!

Письмо второе.

Вотъ еще прошла недѣля, любезная Маша, съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхала. О Петербургъ! я никогда тебя не забуду. Какая разница между Петербургомъ и Барвеновымъ! Я успѣла познакомиться съ нашими сосѣдями, и познакомилась довольно коротко. Здѣсь, Машенька, не такъ, какъ въ столицѣ: когда здѣсь съ кѣмъ нибудь познакомишься, такъ это не на шутку! Гости пріѣзжаютъ обыкновенно часу въ десятомъ утра, и остаются до поздней ночи, а иногда до другаго дня. Тутъ нельзя не познакомиться коротко! Съ утра до ночи сидишь вмѣстѣ, обо всемъ переговоришь, что есть на душѣ. A propos, ma chère! сколько у тебя душъ? Я до сихъ поръ не знаю; можетъ быть, и ты сама еще о томъ не думала? Здѣсь это первый или второй вопросъ, когда съ кѣмъ познакомишься; я могла бы тебѣ разсказать, сколько душъ у каждой изъ нашихъ сосѣдокъ. При этомъ случаѣ я узнала, что и у меня ихъ триста; въ томъ числѣ около пятидесяти въ бѣгахъ, только я еще не могла добиться, ma chère, куда они бѣжали и зачѣмъ?

Сначала разговоры эти казались мнѣ очень странными; но теперь начинаю къ нимъ привыкать. Вообще люди здѣсь всѣ *такіе добрые*, и мнѣ очень жаль, если ты, судя по первому моему письму, ихъ не полюбишь. Меня здѣсь всѣ любятъ и ласкаютъ, и только что узнали, что я пріѣхала изъ Петербурга, какъ начали къ намъ съѣзжаться сосѣди одни за другими. Всякій день гости, такъ, что у меня голова идетъ кругомъ. А какъ здѣсь много кушаютъ, Маша! ты представить себѣ этого не можешь. Поутру пьютъ чай съ сухарями и кренделями; потомъ часа черезъ два снидаютъ, то есть, завтракаютъ; потомъ обѣдаютъ; послѣ того полдничаютъ; потомъ пьютъ чай, и наконецъ вечеряютъ, т. е. ужинаютъ. Не думай, что я шучу, Маша! Послѣ ужина еще подаютъ изюмъ, миндаль и разныя варенья. Кромѣ того, кузины мои цѣлый день грызутъ каленые орѣхи; я не понимаю, какъ у нихъ зубы не ломаются!

Тетенька меня очень любитъ и я то же ее люблю; я просила ее, чтобы она не носила по утрамъ мужскаго колпака, и не ходила босикомъ. Она за то не разсердилась, однако и не послушалась меня. »И матушка и бабушка и прабабушка ходили въ колпакахъ,« отвѣчала она: «и я сама къ тому съ малолѣтства привыкла; а теперь, на старости, не кстати мнѣ перенимать ваши моды. А что касается до того, что ты меня видѣла босикомъ, такъ сама ты въ томъ виновата: я такъ обрадовалась, когда ты пріѣхала, что забыла и чулки надѣть!»

Тетенька мнѣ все это сказала не такъ, какъ я къ тебѣ пишу; но я обѣщалась въ письмахъ своихъ не употреблять Малороссійскаго нарѣчія; ты бы вѣдь ни слова не поняла, и я насилу понимаю! И это правда, ma chère, что тетеньку я съ тѣхъ поръ не видала босикомъ: она по утрамъ ходитъ въ шерстяныхъ чулкахъ, но, правду сказать, безъ башмаковъ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ тебя писемъ! Всякій разъ, когда нашъ Жидъ пріѣзжаетъ изъ города (здѣсь у всякаго помѣщика есть свой Жидъ), бѣгу къ нему на встрѣчу... Мнѣ кажется, что я въ состояніи буду его поцѣловать, когда онъ привезетъ мнѣ отъ тебя письмо! Ахъ Маша! неужели ты меня забыла? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Мы такъ давно другъ друга любимъ!

Прощай, милая Машенька! Богъ съ тобою! Сего дня я не могу писать къ тебѣ много, потому что мы ѣдемъ на балъ къ здѣшнему Хорунжему (это такой чинъ): я обѣщалась причесать моихъ кузинъ по-Петербургски, и онѣ въ первый разъ сегодня надѣваютъ корсеты, которые мы кое-какъ здѣсь сшили. Прощай, Маша!

Письмо третіе.

Благодарю тебя за письмо твое отъ 5-го Іюня, милая, любезная Маша! Какъ мнѣ было весело его получить! Какъ я рада, что ты меня не забыла! Какая ты добрая! Ты еще не получила моихъ писемъ? Какъ долго ходитъ почта! Если бъ я была Государь, у меня всякій день ѣздили бы фельдъегери изъ Петербурга въ Барвеново, и изъ Барвеново въ Петербургъ.

Ахъ, Маша! на прошедшей недѣлѣ я писала къ тебѣ, что ѣду на балъ... Какъ много новаго со мною съ тѣхъ поръ случилось! Если бъ ты знала! но я тебѣ все разскажу по порядку.

На балѣ очень было весело... Онъ начался въ шесть часовъ, и мы танцовали почти до разсвѣта... Французскихъ кадрилей здѣсь вовсе не знаютъ. Польскія, экосезы, простыя кадрили—вотъ, кажется, все; да и то со всѣмъ не такъ, какъ учила насъ Мадамъ Дидело! Мазурку мы протанцовали одну—только очень не хорошо! Мой кавалеръ былъ Учитель Ариѳметики изъ здѣшняго Повѣтоваго Училища. Онъ много стучитъ ногами, и сапоги у него очень пахнутъ дегтемъ. Мнѣ духъ этотъ не нравится; а тетенька и кузины говорятъ, что онъ очень полезенъ для здоровья.—Учитель этотъ изъ здѣшнихъ танцоровъ считается лучшимъ, и онъ самъ, кажется, въ томъ увѣренъ. Въ мазуркѣ, ты знаешь, когда кавалеръ обнимаетъ даму одною рукою и вертитъ ее кругомъ себя?—онъ такъ швырнулъ меня, что я отлетѣла далеко отъ него, и чуть, чуть не упала. Тетенька говоритъ, что я сама виновата, потому, что у меня талья слишкомъ тонка, такъ, что здѣсь и обхватить ее не умѣютъ.

Машенька! знаешь ли ты Блистовскаго, который въ Петербургѣ служитъ въ гвардіи? Чинъ его Штабсъ-Ротмистръ; у него два креста: одинъ въ петлицѣ, а другой на шеѣ; и еще бѣлая медаль на голубой лентѣ. Его зовутъ Владиміромъ Александровичемъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ у какого-то Аббе Николя. Росту онъ высокаго, волосы каштановые, кудрявые, глаза голубые, похожіе на твои, и усы у него, ma chère, небольшіе, но прекрасные, какихъ еще ни у кого я не видала! Нравъ у него тихій и скромный, и очень доброе сердце. Онъ говоритъ, что видалъ тебя часто на Невскомъ проспектѣ, и одинъ разъ на балѣ, не помню, у кого-то. Онъ очень знакомъ и друженъ съ твоимъ братомъ. Если ты его не знаешь, такъ пожалуйста, ma chère, справься объ немъ. Мнѣ очень,

очень нужно узнать объ его нравѣ; и напиши ко мнѣ съ первою почтою. Слышишь ли, ma chère, пожалуйста не забудь, съ первою почтою.

У него здѣсь въ сосѣдствѣ тысяча душъ, и онъ пріѣхалъ сюда покупать лошадей для полка; кажется, это называютъ: за ремонтомъ? Тебѣ очень легко о немъ узнать можно: спроси только объ офицерѣ, который поѣхалъ за ремонтомъ въ Малороссію....

Я познакомилась съ нимъ на балѣ. Когда Учитель меня швырнулъ въ сторону, я бы упала, если бъ меня не поддержалъ Блистовской. Учителю очень было стыдно;—онъ извинялся тѣмъ, что на немъ новые сапоги, которые забылъ онъ подмазать мѣломъ, и болѣе танцовать не хотѣлъ. Чтобъ не разстроить мазурки, Блистовской заступилъ его мѣсто. Ахъ! Маша! какъ онъ мило танцуетъ, и какъ легко съ нимъ вальсировать! Ты представить себѣ не можешь!—

Кажется, Маша, я ему очень понравилась. По крайней мѣрѣ онъ сказалъ мнѣ это въ тотъ же вечеръ на балѣ. Но можетъ быть, онъ только пошутилъ? Вѣдь за молодыми людьми, говорятъ, это бываетъ! Однако онъ, кажется, такой скромный, и вѣрно въ этомъ на другихъ не похожъ.

На другой день, послѣ бала, онъ пріѣзжалъ къ намъ. Праскута думаетъ, что это для нея, потому, что на балѣ онъ танцовалъ съ нею круглое польское; а потомъ, когда мы уѣзжали, подалъ ей шаль. Но это быть не можетъ! Не правда ли, Маша? Скажу тебѣ откровенно, по секрету: я знаю, что онъ не для нея пріѣзжаетъ. Вчерась, когда мы ходили гулять—за грибами,—онъ сказалъ мнѣ тихонько, что ѣздитъ для меня и даже—Маша! пожалуйста, не говори о томъ никому—онъ спросилъ у меня позволенія говорить съ тетушкой... я ничего ему не отвѣчала... Напиши мнѣ, ma chère, хорошо ли я сдѣлала, что ему не отвѣчала? Чтобъ онъ не подумалъ, что я на него разсердилась!

Блистовской очень хорошо играетъ на флейтѣ и поетъ. Голосъ у него очень, очень пріятный! Вчера ввечеру онъ аккомпанировалъ мнѣ, когда играла я на клавикордахъ, а потомъ мы пѣли дуэтъ... Италіянская музыка тетенькѣ не очень нравится. Праскута и Гапочка то же поютъ, и поютъ охотно; но онѣ никогда не учились. При гостяхъ онѣ не любятъ пѣть Малороссійскія пѣсни, которыя всѣ прекрасны... Вмѣсто ихъ, здѣсь въ большой модѣ: *Кто могъ любить такъ страстно, какъ я любилъ тебя*, и еще: *Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ*. — Тетушка то же иногда поетъ: *Я въ пустыню удаляюсь*, и *Заря утрення взошла, ко мнѣ Машенька пришла*.

Тетенька только третьяго дня узнала, что я пою. У насъ былъ Блистовской; я, по просьбѣ его, сѣла за клавикорды и спѣла: Di tanti palpiti. Тетенька съ нетерпѣніемъ меня слушала. „По-каковски это?“ сказала она, когда я перестала. „Голосъ хорошъ; но что за пѣсня, въ которой ни слова понять нельзя. Неужь-то васъ въ Монастырѣ учили пѣть только по Французски, да по-Нѣмецки? Лизавета Филиповна! Спойте-ка, пожалуйте, пѣсеньку, которую прислали вамъ изъ Кіева. Вотъ эта мнѣ нравится: она и нѣжна и чувствительна!“

Лизавета Филиповна сидѣла за пяльцами. (Это одна барышня, которая иногда гоститъ у насъ по нѣскольку дней.) Она посмотрѣла съ боку на Блистовскаго, покраснѣла и опять потупивъ глаза въ пяльцы, начала пѣть пѣсеньку, присланную изъ Кіева. У нея голосъ прекрасный, Маша; только Блистовской говоритъ, что мой ему лучше нравится. Постараюсь достать отъ Лизаветы Филиповны эту пѣсню и спишу ее для тебя, буква въ букву, съ сохраніемъ Малороссійскаго выговора. Она начинается такъ:

Долгъ велыть зъ тобой растатця,
Честь велыть тебья забить.

Пѣсня эта должна быть Руская; но здѣсь такъ странно выговариваютъ Рускія слова, что часто ихъ понять нельзя. Ты, можетъ быть, не догадаешься, на примѣръ: что *велыть тебя забить*, должно значить то же что: *велитъ тебя забыть*; но здѣсь всѣ увѣрены, что это чистое Руское нарѣчіе.

Я пришлю тебѣ и ноты къ этой пѣснѣ, любезная Маша.

Голосъ довольно хорошъ; не знаю, какъ понравятся тебѣ слова. Здѣсь отъ нихъ съ ума сходятъ. Это любимая пѣсня въ здѣшнихъ обществахъ.

Прощай, милая Машенька; не забудь справиться о Блистовскомъ, и отвѣчай мнѣ съ первою почтою. Мысленно тебя обнимаю тысячу разъ!—

* * *

«Пріѣхавъ въ село Н**, я тотчасъ, по окончаніи священнаго обряда и взаимныхъ поздравленій, началъ освѣдомляться о сочинительницѣ писемъ. Лишь только пріятель мой прочиталъ первое письмо, какъ догадался, кѣмъ оно писано. „Это моя родственница,“ сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ: «прекрасная и прелюбезная женщина, которая, къ сожалѣнію, теперь немного нездорова, и потому не могла пріѣхать на крестины. Вамъ надобно съ нею познакомиться; она воспитана въ Смольномъ Монастырѣ, очень умна, добра, и въ цѣлой губерніи пользуется общимъ уваженіемъ. Когда нибудь разскажу вамъ ея приключенія, не совсѣмъ обыкновенныя. Позвольте мнѣ прочитать эти письма и показать ихъ женѣ моей. Она знакома съ нею съ самаго пріѣзда ея изъ Петербурга.»

Я подалъ ему письма, и онъ началъ читать ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ; но дочитавъ до конца, отдалъ мнѣ ихъ назадъ.—«Вы хотѣли показать ихъ супругѣ вашей?» спросилъ я.«—Да«—отвѣчалъ онъ, смѣтавшись нѣсколько:—«но лучше оставить это до другаго раза.« — Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. «Послушайте,«продолжалъ онъ, замѣтивъ это: «скажу вамъ откровенно причину, почему не хочу показывать женѣ писемъ этихъ. Лизавета Филиповна, о которой упоминается въ третьемъ письмѣ, именно моя жена. Вы знаете, каковы женщины, даже самыя добрыя! Она, конечно, ее очень любитъ; но при всемъ томъ . . . я не хотѣлъ бы»...—«Понимаю!»—отвѣчалъ я и спряталъ письма въ карманъ.

Вскорѣ потомъ я лично познакомился съ сочинительницею писемъ. Она разсказала мнѣ всѣ приключенія жизни своей, и позволила ихъ издать въ свѣтъ. Нѣкоторыя другія особы, также игравшія роли въ сихъ приключеніяхъ, пополнили то, чего недоставало въ ея разсказахъ, и такимъ образомъ составилась книга, которая нынѣ представляется публикѣ.

КЪ Ал. Ник. Тат—ву.

Не вспоминай мнѣ, Бога ради,
Веселыхъ юности годовъ,
И не развертывай тетради
Моихъ студенческихъ стиховъ;
Ну, да! судьбою благосклонной,
Во здравье, было мнѣ дано
Той жизни мило-забубённой
Извѣдать крѣпкое вино!
Успѣхъ трудовъ и пѣснопѣнье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;
Тогда мои плѣняла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одѣтая въ черты
Богинь божественной Эллады.
Какъ гордо радовался я!
Какъ вдохновенно сердце билось!
А нынѣ?... Все перемѣнилось:
Жизнь и поэзія моя.
Гляжу печальными глазами
На вялый ходъ мнѣ новыхъ дней
И славлю смертными стихами
Красавицъ родины моей!
Не такъ ли сынъ богатырей,
Имъ измѣнившій богохульно,
Недуженъ тѣломъ и душой,
Изъ чаши прадѣда разгульной
Пьетъ окладительный настой?

Н. Языковъ.

КАНАРЕЙКА и СОЛОВЕЙ.

БАСНЯ.

(Съ Нѣмецкаго).

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ саду висѣла Канарейка
И пѣла цѣлый день она;
Вдали жь, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи тамъ
Пѣлъ Соловей всю ночь и рано по утрамъ. —
И человѣкъ и звѣрь и птица
И все, что ни имѣетъ кровь,
Весною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
Для соловья забытъ проказникъ Попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мірѣ
Пѣвицѣ Соловей: какъ запоетъ, такъ рай.
И Соловей, любимецъ розы,
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя берёзы,
У дома предъ окномъ по цвѣтнику порхалъ,
И въ чаяньи награды
Въ сиреновыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Онъ Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.
Сначала, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
И въ страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
А гостья желтая съ Канарскихъ острововъ,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.
Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній отлетѣть.
Забыли клѣтку запереть;
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ
Въ желанный лѣсъ.
Летѣли долго—прилетѣли
Ужь къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли. . . .
А съ самаго утра̀ не ѣли!
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
„Какъ весело тебя мнѣ слушать!...
Однако же, нельзя ль чего нибудь покушать?„
— „Сей часъ, о ангелъ мой!“—И Соловей летитъ,
Какъ бы отъ ястреба пустился.
Черезъ минуту воротился.
— „О другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!
Вотъ муравьиныя яички.... —
„Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички!..
Бисквитовъ принеси, конфетъ!„
— „Увы! въ лѣсу ихъ нѣтъ. —

„Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь должно?,,
— Пожалуй, сѣмячекъ найти на полѣ можно. —
„Да, стану сѣмя я клевать?,,
И ну тутъ милаго ругать.
Ужасно разсердилась
И къ Попугаю въ садъ опять переселилась.

Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Неразлучавшейся съ роскошною столицей:
Прочтите вмѣстѣ съ ней хоть разъ мои стихи.
Коль кушать согласится
Изъ *незабудковъ супъ*—совѣтую жениться.

А. Измайловъ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

И НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.

(*Продолженіе*).

«Не знаю, сколько бы времени продлилось это странное положеніе. Тогда былъ часъ, въ который Лордъ Байронъ обыкновенно ѣздилъ верхомъ съ своими пріятелями на прогулку. Надобно было кончить тѣмъ или инымъ образомъ, и заставить слугу снять осаду. Вышли. Картина была очень живописна: Графъ Пьетро, со шпагой въ рукѣ и, въ злобѣ своей, съ намѣреніемъ пронзить на-сквозь негодяя; Лордъ Байронъ, съ лицемъ спокойнымъ и даже безпечнымъ; Г-жа Гвиччіоли, умолявшая *милаго своего Берона* не слишкомъ вдаваться въ опасность, и прочіе члены маленькаго нашего ополченія, рѣшившіеся удержать молодаго Графа и отвратить кровопролитіе. Для новоприбывшаго, эта сцена была истинно въ Итальянскомъ духѣ: кто бы не почелъ себя вдругъ перенесеннымъ посреди Апеннинскихъ горъ, столь любезныхъ Г-жѣ Радклифъ, и находящимся между Монтони и сотоварищами его въ Удольфскомъ замкѣ? Здѣсь Графъ, раненный въ руку, выкрикивалъ свои проклятія и угрозы; тутъ героиня наша, съ разбитыми волосами, трепетала за своего любовника и за брата; убійца выжидалъ насъ подъ портикомъ, и, къ дополненію группы, самъ Лордъ Байронъ, съ видомъ спокойствія, вопреки затруднительному своему положенію, старался своею беззаботностью *хорошаго тона*, усмирить сіе важное междоусобіе.

«Онъ замѣнилъ свой камзолъ синимъ сюртучкомъ щегольскаго покроя. На головѣ у него была черная бархатная шапочка, которая очень ему была къ лицу и придавала ему видъ благородный, не смотря на дородство его. Но характеръ физіогноміи, одежды, словомъ, черты народныя совершенно въ немъ изглаживались. Не сила, но нѣга дышала въ лицѣ его: какое-то притворное облѣненіе, странно-противоположное съ могуществомъ и *сосредоточеніемъ* того генія, который создалъ *Манфреда* и *Чильдъ-Гарольда*.

«Мы вышли, или лучше сказать выхлынули вонъ, и каждый старался прибыть первый на мѣсто опасности. Трагедія кончилась безъ ужасной развязки: бродяга нашъ, вдругъ почувствовавъ сильное разкаяніе, уронилъ свое оружіе, растянулся на каменной скамьѣ съ вытьемъ и слезами, протягивая къ намъ руки. Блѣдность его, худоба, длинная борода и разодранное платье, дѣлали изъ него точно дѣйствующее лице мелодрамы. Онъ бросился къ ногамъ Лорда Байрона и съ тяжкими стенаніями умолялъ своего господина простить и обнять его. Не склонясь на послѣднюю просьбу кающагося грѣшника, Лордъ Байронъ однако же простилъ его, сказавъ, чтобъ нога его не была больше въ домѣ. Этотъ человѣкъ все плакалъ горькими слезами и осыпалъ поцѣлуями руку Лорда Байрона.»

Г. Лей-Гуптъ набрасываетъ слѣдующимъ образомъ на бумагу привычки и нѣкоторыя странности частной жизни Лорда Байрона. Склонности Англійскаго *моднаго человѣка* какъ будто бы перемѣшались въ немъ съ изнѣженными нравами новой его отчизны.

«Онъ сочинялъ своего *Донъ Жуана* и проводилъ почти цѣлыя ночи безъ сна въ своемъ кабинетѣ; нѣсколько стакановъ воды съ прибавкой *джину*, питье странное для Поэта, подкрѣпляли ночной поэтическій жаръ его. Онъ вставалъ очень поздно, завтракалъ, читалъ и ходилъ по дому, напѣвая какую-нибудь изъ Россиніевыхъ арій слабымъ и нечистымъ голосомъ, во вкусѣ небрежнаго и отрывистаго пѣнія нынѣшнихъ *денди*. За симъ слѣдовали купанье и одѣванье; потомъ, все напѣвая, переходилъ онъ черезъ дворъ въ садъ, лежащій выше дома и обнесенный рѣшеткою, съ калиткой и лѣстницей. Слуги несли туда за нимъ стулья.

«Рабочій мой кабинетъ находился въ одномъ углу двора и окно его было заслонено зеленью померанцоваго дерева: я почти всегда сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда хозяинъ дома выходилъ изъ комнатъ. Или самъ я отворялъ окно, чтобы поговорить съ нимъ, или Лордъ Байронъ, подбѣгая и немного прихрамывая, начиналъ стучаться ко мнѣ въ стекло. Шутка, эпиграмма либо каламбуръ, были утреннимъ его привѣтствіемъ. Онъ забавлялся тѣмъ, что коверкалъ мое имя и дѣлалъ изъ него прозвище ученаго на us, примѣняя это къ литературнымъ моимъ занятіямъ. Одѣтъ онъ былъ всегда, какъ и въ день перваго нашего свиданія, съ полотнянымъ или бархатнымъ картузомъ на головѣ. Табакерка, полная табаку, была у него въ рукѣ: онъ жевалъ табакъ для сбереженія зубовъ, какъ говорилъ онъ, а вѣроятно въ надеждѣ уменьшить тѣмъ свою полноту.»

Къ сему очерку, въ которомъ нѣтъ ничего льстиваго, въ противоположность мы поставимъ изображеніе Графини Гвиччіоли.

«Г-жа Гвиччіоли, окончa свой нарядъ, выходила и мы шли за нею въ садъ. Волосы свои убирала она *по-дѣтски*, съ большимъ искуствомъ и какою-то изысканною простотою. Поступь и голосъ ея показывали женщину хорошаго тона. Ей было около двадцати лѣтъ; она слыла красавицей и знала о томъ.

«Пріемы ея были ловки, пріятны и даже довольно скромны. Она не выговаривала словъ съ тою силою произношенія, которая придаетъ рѣчамъ ея соотечественницъ что-то непріятно-мужественное. Не бывъ жеманна, она однако жь не вовсе чуждалась искуственности; и не бывъ совершенно простосердечна, выказывала счастливый характеръ и милую искренность изъ-за маленькихъ затѣй своего кокетства. Мнѣ сказывали, что ея произношеніе не было чисто и что областныя слова и выраженія жителей Романьи вкрадывались въ ея рѣчь: этого мое невѣдѣніе въ Итальянскомъ языкѣ не позволяло мнѣ ни наблюдать, ни разпознавать. Звуки прелестнаго Итальянскаго ротика никогда не казались мнѣ простонародными или дурнаго вкуса, и всѣ нарѣчія сего сладкозвучнаго языка были для меня, не смотря на ихъ различія, запечатлѣны сладостною нѣгой, которая всегда меня плѣняетъ и которой Г-жа Гвиччіоли весьма умѣла придавать цѣну.

«Мое незнаніе Итальянскаго языка заставляло ее невольно улыбаться. Я говорилъ, какъ Данте въ стихахъ своихъ, и употреблялъ, подобно Аріосту, слово speme вмѣсто speranza. Она простодушно мнѣ говорила, что сіи ошибки имѣли *пріятность иностранную*, vaghezza pellegrina, и я долженъ былъ благодарить ее за сіе привѣтствіе; ибо, правду сказать, эта *пріятность иностранная* должна была казаться только странною и смѣшною.

«Лордъ Байронъ описалъ въ прекрасныхъ стихахъ пышные волосы Г-жи Гвиччіоли; она была бѣлокура, но въ этомъ ничего не было непріятнаго. Черты лица ея были прекрасны и благородны, нѣсколько сильны, но за то отмѣнно хорошо обрисованы. Онѣ нравились гармоніей цѣлаго, выраженіемъ, физіогноміей; нѣкоторой прелести, живой или заманчивой, почти всегда въ нихъ недоставало. Орлиный носъ ея могъ бы служить образцемъ для живописца. Улыбка ея была пріятна; и когда Лордъ Байронъ ласкался къ ней, тогда глаза ея одушевлялись и взоръ становился выразителенъ. Она не была изъ числа умныхъ женщинъ; сильная чувствительность управляла ея поступками къ добру или къ худу, и порою вводила ее въ немаловажныя погрѣшности, порою замѣняла въ ней какимъ-то страстнымъ инстинктомъ слабость разсужденія. Письма свои сочиняла она ни хорошо, ни дурно: она разточала въ нихъ, по обычаю своей страны, затверженныя привѣтствія и любезности, узаконенныя давностью. Школа ребяческой, чопорной вѣжливости, пришедшая у насъ уже въ упадокъ, процвѣтаетъ еще подъ прелестнымъ небомъ Италіи.

«Г. Уестъ (*), въ своемъ портретѣ Графини, весьма хорошо схватилъ принужденное выраженіе лица, отличавшее сію женщину. Изученное положеніе тѣла есть даже черта нравственнаго сходства, дѣлающая честь Художнику. Г-жа Гвиччіоли мала ростомъ, голова ея велика для остальнаго тѣла: недостатокъ, котораго грудный портретъ не могъ представить. Вообще сказать, она совокупляла въ себѣ всѣ основныя стихіи красавицы, рожденной для того, чтобы блистать въ мѣщанской гостиной: болѣе свѣжести, чѣмъ прелести, болѣе болтовни чѣмъ ума, болѣе принужденности чѣмъ сановитости. Возпламененная славою того, кого любила, она силилась возвыситься до него, и уже въ мысляхъ видѣла потомство, принимающее ее, какъ подругу, героиню, возлюбленную Поэта. Этотъ тайный, воспорженный жаръ придавалъ ей что-то странное, которое нравилось, и что я замѣтилъ тотчасъ по прибытіи моемъ въ Монте-Неро; но мечта сія не была продолжительна. Г-жа Гвиччіоли увидѣла, что власть ея надъ Л. Байрономъ была шатка и мечтательна. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, свѣжесть и красота ея изчезли.»

(*Продол. впредь.*)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Ручная книжка Физики, Химіи и Ботаники, сочиненная Анкетенемъ, переводъ съ Французскаго (Д. и П. Е — выхъ). — М. въ типогр. Н. Степанова, 1829. 3 ч. въ 16-ю д. л. (Въ І-й ч. 163, во ІІ-й 354, въ ІІІ-й 142 стр.; предисл. и оглавл. 31 стр.).

Анкетень можетъ быть имѣлъ достаточное основаніе изложить въ одной книгѣ сіи три науки; но у насъ такое соединеніе кажется довольно страннымъ и неимѣющимъ опредѣленной цѣли. Физика и Химія могли еще быть изложены вмѣстѣ; но прибавляя къ нимъ и Ботанику, должно бы присоединить и Минералогію и Зоологію: тогда книга имѣла бы видъ полноты и цѣлости; или же лучше бы издать ихъ порознь. Впрочемъ, это замѣчаніе мимоходомъ; главное то, какого достоинства сія *Ручная книжка* трехъ наукъ?

Книги сего рода можно разлагать на краткія и сокращенныя. Въ однѣхъ излагаются вкратцѣ только нѣкоторыя свѣдѣнія, кои Авторъ, по усмотрѣнію своему и цѣли, почелъ нужнѣйшими; въ другихъ, излагаются

(*) Славный Англійскій живописецъ.

свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ науки, сведенныя на общія или основныя положенія, такъ, что если развить только оныя въ подробности, то изъ сего выйдетъ полная наука. Первыя книги представляютъ отрывки изъ науки; вторыя — сжатую систему оной. — Книжка Анкетенева болѣе относится къ первымъ.

Что касается до изложенія, то оное для начальнаго познанія довольно хорошо, хотя форма расположенія не имѣетъ, если можно такъ сказать, *очевидности* — качества, необходимаго въ такихъ книгахъ, и коимъ вообще отличаются особенно Нѣмецкія руководства. Мнѣнія и понятія, предлагаемыя Анкетенемъ, вообще довольно поверхностныя и обыкновенныя, часто обветшалыя. Судя по симъ двумъ условіямъ и потому, что у насъ (совѣстно сказать) нѣтъ еще порядочнаго сокращенія Химіи, мы полагаемъ, что изъ трехъ частей сей *Ручной книжки* можетъ принести пользу только вторая часть (Химія), которая и въ подлинникѣ изложена подробнѣе и лучше, и переведена съ большею точностію.

Переводчики въ своемъ предисловіи говорятъ, что «они не дѣлали ни малѣйшаго измѣненія, хотя бы иныя статьи можно было и выпустить, а другія дополнить; но поступить такимъ образомъ значило бы не перевести сочиненіе Г-на Анкетеня, а принять его только за основаніе.» На это можно бы сказать, что намъ надобно было сокращеніе науки, а не Анкетень; и что такихъ Авторовъ лучше принимать только за основаніе. Но если переводчикамъ хотѣлось соблюсти совершенную неприкосновенность, то имъ бы слѣдовало иногда дѣлать отъ себя примѣчанія, гдѣ это необходимо. Такъ напр. въ Химіи (издаваемой 1829 года) странно видѣть, что въ числѣ простыхъ веществъ все еще остается *Торій*, существовавшій не въ природѣ, но въ Химіяхъ только по предположенію Берцеллія, который самъ отъ него давно уже отказался и назвалъ своею ошибкой; между тѣмъ, ни слова не сказано о *Вроміи* (или Бромѣ).

Переводчики посвятили трудъ свой Г. Профессору Технологіи Денисову, издавшему весьма полезную книгу: *Руководство къ общей Технологіи.*

М.

СМѢСЬ.

Г. Августъ де Сен-Тома, Лекторъ Французской Словесности въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ, удостоился получить отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА богатый брилліантовый перстень, за поднесенную ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ небольшую поэму: Le Mercure (*Меркурій*), въ которой описывается подвигъ Капитана Казарскаго и храбрыхъ его сотоварищей, на бригѣ Меркуріи.

Панорама Невскаго Проспекта. Подъ симъ названіемъ, Г. Прево, Смотритель выставки произведеній Рускихъ Художниковъ, издаетъ рядъ литографированныхъ картинокъ, представляющихъ церкви, домы и другіе памятники зодчества, находящіеся на Невскомъ проспектѣ, на протяженіи отъ Аничкова Дворца до Адмиралтейства. Картинки сіи, склеенныя вмѣстѣ, составятъ свитокъ или бумажную ленту около 10 аршинъ длиною и 6 вершковъ шириною для одной, и столько же для другой стороны Невскаго Проспекта. Выполненіе оныхъ поручено двумъ молодымъ Рускимъ Художникамъ: Гг. Садовникову и Иванову. Первая часть, изображающая правую сторону Невскаго проспекта, выдана будетъ Гг. подписавшимся въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, вторая въ Августѣ. Подписная цѣна 40 руб., а по окончаніи подписки, *Панорама* сія будетъ продаваться по 50 руб. Нѣсколько экземпляровъ будетъ разкрашенныхъ; цѣна онымъ не назначается, но Издатель въ объявленіи своемъ говоритъ, что она будетъ умѣренная. Подписка принимается: въ залахъ Выставки произвед. Рускихъ Художниковъ, на Невскомъ проспектѣ, No. 65, гдѣ можно видѣть и отпечатанныя картинки; также: въ С. Петербургѣ, у Гг. Беллизара и к., въ книжномъ ихъ магазинѣ; а въ Москвѣ: у книгопродавцевъ Рисса, Готье, Урбеня, Семена и въ магазинѣ братьевъ Бекеровъ.

Читатели Литературной Газеты уже ознакомились отчасти съ предметомъ и слогомъ романа: *Монастырка*, по отрывкамъ, въ ней помѣщеннымъ. Спѣшимъ извѣстить ихъ, что первый томъ сего романа поступилъ уже въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Гг. Слѣнина и Смирдина. Цѣна 5 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 11-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. **ТОМ. I. №. 16.** *МАРТА* 17го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни : 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

БОГЕМСКАЯ ДѢВИЧЬЯ ВОЙНА.

Соч. К. Ф. Фанъ-деръ-Фельда.

(Изъ Богемскихъ лѣтописей VIII столѣтія).

(Отрывокъ).

Глава III.

Ясно было солнце на другой день, и ярко, сквозь высокія дугообразныя окна, освѣщало рыцарскую залу Мотолова зàмка. Лучи его рдѣлись на мертвомъ лицѣ господина, плававшаго на полу въ своей крови, и играли на блестящихъ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на богатомъ оружіи и драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, сгромажденныхъ посреди залы во время грабежа. Власка смотрѣла жадными глазами на добытыя сокровища, и не замѣтила, что Стратка подошла къ ней съ радостною улыбкою.

—«Побѣда кончена,» сказала пригожая дѣва :« въ зàмкѣ не осталось ни души мужской. Что не добито, то убѣжало,— а женщины всѣ перешли къ намъ.

—«Хорошо,» сказала Власка, взвѣшивая въ рукѣ тяжелую золотую чашу.

—«Ты, кажется, любуешься свѣтлымъ металломъ,» сказала смѣло Стратка.« До сихъ поръ я не знала за тобою этой страсти.

—«Я любуюсь имъ, какъ средствомъ къ цѣли,» возразила Власка съ горькою улыбкою.« Въ бѣдной Богеміи золото было неизвѣстно. Но съ той поры, какъ пророческій взоръ Либуссы открылъ въ нашихъ горахъ богатыя руды, когда тысячи рукъ бросились добывать клады, тогда человѣку, съ первымъ добытымъ кускомъ металла, пришла охота къ новому пріобрѣтенію. — У меня теперь большія на него надежды.«

Она задумалась. «Все,» говорила она сама себѣ,« все прокладаетъ мнѣ путь къ престолу. Одна только преграда, которую трудно и обойти и опрокинуть . . . .

—«Что такое?» спросила Стратка торопливо.

Тутъ Власка подвела наперсницу свою къ окну, и указала на Либинъ, который въ виду, по той сторонѣ Молдавы, возвышалъ гордыя свои башни.

—«Конечно не Примиславъ ?» сказала Стратка съ удивленіемъ.

«Не можетъ быть!» продолжала она, когда Власка сдѣлала знакъ въ подтвержденіе. «Вчера ты говорила о Герцогѣ съ большимъ презрѣніемъ. Я увѣрена, что тебѣ нечего бояться.

—«Бояться?» сказала Власка, засверкавъ глазами.« Впередъ прошу быть разборчивѣе въ словахъ. Власка не боится ничего, никого, ни даже самихъ боговъ. Но знай, что я не могу презирать того, кого удостоиваю своей ненависти. Все, говоренное мною толпѣ, для воспламененія въ ней мужества, есть невѣрный отголосокъ моихъ мыслей. — Примиславъ одинъ изъ числа тѣхъ, которыхъ я могу уважать. Чистъ, кротокъ и спокоенъ, твердъ и мужественъ, — я бы назвала его великимъ, если бъ онъ не былъ мужчиною.

—«Если онъ таковъ, какимъ ты его изобразила,» сказала Стратка:« то я считаю всѣ наши затѣи пустою мечтою. Такой Государь не проститъ намъ перваго шага, которымъ мы ступили сюда. Сопротивленіе герою, безъ помощи прочихъ Богемскихъ женъ, погубитъ насъ невозвратно, а тамъ—что наше мщеніе ?

—«Точно такъ, сказала Власка съ хладнокровіемъ. «Его надобно погубить, пока мы еще цѣлы. Знаешь ли дорогу къ старой колдуньѣ на Совиную гору?

—«Опомнись!» воскликнула изумленная Стратка:« чего ты хочешь отъ этого страшилища ?

—«Не твое дѣло,» сказала Власка сурово.« Знаешь ли дорогу?

—«Гобка знаетъ,» отвѣчала Стратка:« но скажи, неужели хочешь связаться съ этимъ чудовищемъ? Ты знаешь, что оно слыветъ злымъ духомъ, который принимаетъ на себя женскій образъ, и умѣетъ всякаго посѣтителя сманить въ адъ.

—«Немного нужно хитрости,» сказала Власка,« чтобы прослыть злымъ духомъ въ глазахъ трусовъ и легковѣрныхъ.—Въ моихъ глазахъ колдунья есть умная женщина, знакомая съ таинствами природы, которыми она искусно пользуется для достиженія своей цѣли.

—«Нѣтъ, она совсѣмъ другое!» отвѣчала Стратка съ видомъ значительнымъ.« Призывать ее на помощь, значитъ оскорблять безсмертныхъ боговъ, итти на вѣрную погибель.

—«Такъ знай же, что я имѣю на то полное право!» сказала Власка съ досадою.—«Пошли ко мнѣ Гобку,» продолжала она, снимая съ пальца кольцо:« для тебя же есть важное порученіе. Поѣзжай по берегу Молдавы къ зáмку Владыки Кразона. Теперь госпожею тамъ вдова его Радга. Отдай ей этотъ перстень, и скажи: отъ Власки. Пора: посылай Сарку.— Дѣвушку, которую она вышлетъ къ тебѣ въ мужскомъ платьѣ, приведи на ближайшій холмъ къ Совиной горѣ, гдѣ стоятъ три сосны. Тамъ ожидайте меня.

—«Ты знаешь, Власка!» воскликнула Стратка, бросившись къ ея ногамъ:« ты знаешь мою къ тебѣ преданность, мое мужество; при одной мысли о твоемъ предпріятіи, волосы у меня стали дыбомъ, сердце отъ ужаса замерло. Истребляй мужчинъ хитростію, или открытою силою: мой мечъ готовъ на гибель имъ; но путь, которымъ ты хочешь итти, ужасенъ: онъ ведетъ въ пропасть, — одумайся!«

Власка съ улыбкою подняла просительницу и подвела къ кровавому трупу Мотола. «Вотъ старикъ, который не обижалъ меня,» сказала она:« но мнѣ надобенъ былъ его зáмокъ, и я рѣшилась по трупу его сдѣлать первый шагъ къ престолу: онъ долженъ былъ умереть. Теперь довольно ли ясно тебѣ, что у меня въ глазахъ одна только цѣль, что я средствъ не разбираю, хотя бъ они напослѣдокъ и мнѣ самой были пагубны. Чѣмъ гибельнѣе, тѣмъ вѣрнѣе. Понимаешь... Ступай и повинуйся!

—«Власка, ты ужасна!» проговорила Стратка и быстро удалилась.

Глава IV.

Лѣсъ Совиной горы становился чаще и непроходимѣе. Власка и Гобка спрыгнули съ коней, и отдавъ ихъ провожатой, пошли пѣшкомъ впередъ по крутой тропинкѣ. Долго шли онѣ въ молчаніи; вдругъ лѣсъ передъ ними раскрылся. По той сторонѣ черной поляны, заваленной жжеными сучьями и горѣлыми бревнами, торчала изъ-за высокихъ сосенъ сѣрая скала.

—«Тамъ подъ скалой пещера колдуньи!» проговорила Гобка трепещущимъ голосомъ.

Власка посмотрѣла на свою вожатую, которая блѣднѣла и дрожала. «Ты дрожишь, Гобка!» сказала она съ видомъ участія.« Я пойду одна. Подай мнѣ подарки для старухи, и ожидай меня здѣсь.

—«Счастливый путь!» возразила Гобка, подавая ей богатый ящикъ.« Признаюсь, я не могу преодолѣть страха: чувствую, что одинъ взглядъ чудовища меня умертвитъ. Прошу тебя не забыть обрядовъ, съ которыми подходятъ къ пещерѣ. Малѣйшая оплошность можетъ стоить жизни. Чудовище окружило вертепъ свой тысячью страшилищъ.

—«Будь покойна!» отвѣчала Власка, указывая на ящикъ. Этотъ обрядъ самый надежный.—Волшебница, принимающая подарки, не опасна для щедрой посѣтительницы.»

Съ сими словами пошла поспѣшно чрезъ печальную, черную поляну, и скоро скрылась въ дремучемъ бору. Вдругъ очутилась она у скалы, подъ которою чернѣла ужасная бездонная пропасть. Черные утесы нависли надъ нею, угрожая ежеминутно обрушеніемъ. Мшистые камни, исписанные *рунами*, обожженные огнемъ и обрызганные кровію, изглоданныя кости людей и животныхъ, лежали вокругъ входа. Окрестность покоилась въ мертвой тишинѣ. Одинъ лишь воронъ каркалъ, сидя на изсохшемъ дубѣ; вдали, изрѣдка, какъ дикій отголосокъ, вторилъ ему вой алчнаго волка.

Смѣлая Власка подошла твердыми шагами къ пещерѣ, поставила ящикъ, вынула мечъ, и три раза стукнула по камню.

Вдругъ въ глубинѣ послышался глухой гулъ, и началъ подниматься вверхъ, становясь ближе и громче. Неустрашимая Власка съ любопытствомъ прислушивалась къ ужасному шуму, пока онъ замолкъ. Потомъ ступила въ пещеру и девять разъ стукнула мечемъ по дикому своду. Съ девятымъ ударомъ сверкнуло въ безднѣ какъ молнія, и густой, сѣрный дымъ повалилъ вверхъ клубомъ; наконецъ началъ рѣдѣть, разсѣялся и раскрылъ образъ старой кудесницы. Всклоченная волчья шкура висѣла на остовѣ, обтянутомъ смуглою кожей. На смугломъ лицѣ, подъ нависшими сѣдыми бровями, ворочались красные, огненные глаза; въ сухой рукѣ сжатъ былъ таинственный прутъ.

—«Всемогущая кудесница,» сказала Власка съ непоколебимымъ мужествомъ:« искусная въ таинствахъ жизни и смерти! Власка пришла къ тебѣ съ богатыми дарами просить помощи!

—«Чего ты хочешь, кровожадная?» прохрипѣло страшилище.

—«Я объявила Герцогу Богемскому войну,» отвѣчала Власка.« Дай мнѣ такого зелія, чтобы оно ослабило въ моемъ врагѣ всѣ жилы, чтобъ изсушило мозгъ въ костяхъ, лишило радости днемъ и покоя ночью; чтобы медленно, какъ червь, източило ему сердце и погасило всѣ чувства отрады и бытія. Онъ осрамилъ меня нагло, безстыдно, и не заслуживаетъ скорой смерти. Пусть живетъ, чтобы мучиться и безпрестанно умирать.«

При страшныхъ словахъ Власки, готовившей заживо могилу несчастному Примиславу, лице старухи искривилось ужаснымъ образомъ. Въ судорогахъ ударило ее объ землю, подняло вверхъ, таскало по полу и било объ стѣны. «Дýхи одолѣваютъ меня!» вскрикнула она дикимъ голосомъ. Власка подошла съ поднятымъ мечемъ на помощь несчастной. «Прочь, прочь!» заревѣла кудесница, скрежеща зубами: «они и тебя одолѣютъ на этомъ мѣстѣ.» — Въ пещерѣ загремѣло, молнія засверкала, вѣтръ пахнулъ съ ужасною силою,— и кудесница растянулась безъ чувствъ у входа пещеры. Наконецъ начала приходить въ себя—и встала.

—«Въ ту минуту, какъ ты говорила,» сказала она слабымъ голосомъ,« я думала вызвать на помощь подземныхъ духовъ. Но они всегда бунтуютъ, когда я заставляю ихъ дѣйствовать насильно, и въ досадѣ напали на меня на томъ мѣстѣ, гдѣ у нихъ вся сила. Они чуть-было меня не замучили,— но я призвала на помощь изъ пещеры воздушныхъ духовъ. За то, что ты смотрѣла на мои мученія, я покажу тебѣ, какъ наказываются бунтовщики.»

Она схватила Власку изсохшею рукою, и повела за собою въ преисподнюю пещеры. Могучая дѣва съ улыбкою, безъ малѣйшаго страха, слѣдовала за нею. Онѣ вошли подъ обширный сводъ; по срединѣ стоялъ огромный котелъ съ водою.

—«Стань здѣсь,» сказала кудесница Власкѣ, указывая ей мѣсто,» и не трогайся съ мѣста, если жизнь тебѣ не наскучила!«

Потомъ вынесла стклянку и двѣ горсти травъ. Стклянку вылила въ котелъ; и вдругъ пламя ударило изъ земли и вода въ котлѣ закипѣла. Наконецъ, пробормотавъ невнятныя слова, всыпала травы, начала бѣгать вокругъ котла, обмакивая свой прутъ и прикасаясь имъ къ своду.

Оттуда, гдѣ коснулся ея жезлъ, высовывались безобразные, черные карлы, и съ плачевнымъ видомъ протягивали руки къ кудесницѣ. Но она безжалостно гнала ихъ волшебнымъ прутомъ къ котлу. Поднявшись надъ паромъ кипящей воды, они коверкались, и, какъ бы въ страшныхъ мученіяхъ, опускались на дно котла.

—«Они помучатся здѣсь до разсвѣта и омоютъ въ кипяткѣ свое преступленіе,» сказала колдунья съ важностію:« а тамъ опять на волю.—

—«Къ чему это шарлатанство?» сказала безстрашная Власка. »Неужели думаешь вселить въ меня уваженіе къ твоимъ дурачествамъ? Если бы я вѣрила имъ, то помощь твоя была бы для меня слишкомъ дорога. Я плачу тебѣ за твою услугу, и довольно; а тамъ предоставь мнѣ думать, что мнѣ угодно, о представленіяхъ, которыми ты вздумала меня морочить. Другаго отношенія между нами никогда не будетъ.«

Кудесница глядѣла на смѣлую Власку съ изумленіемъ.— «Такъ,« говорила она запинаясь: » ты превзошла меня. Ты не боишься ни боговъ, ни духовъ, и годишься въ товарищи страшному Чернобогу. Ты погубишь много душъ, и за то я люблю тебя нѣжно, какъ собственное чадо мое. Все искуство мое истощено для тебя: ты не раскаешься, что прибѣгнула къ лѣсной старухѣ.«

Она вошла поспѣшно въ боковой сводъ, и вынесла связку травъ и закупоренный глиняный сосудъ.

—«Вотъ травы для Примислава,» сказала она.« Постарайся чрезъ надежнаго человѣка подложить ихъ подъ него на постелю, а этого соку подлить ему въ стаканъ: въ короткое время похвалишь мое мастерство.

—«Благодарю тебя,» отвѣчала Власка съ гордостію. «Когда твое обѣщаніе оправдается на дѣлѣ, тогда награжу тебя по-царски.

—«Вотъ напитокъ, который наводитъ крѣпкій сонъ,» продолжала колдунья.« Этотъ возпламеняетъ любовь, а этотъ мужество. Я увѣрена, что ты будешь употреблять ихъ надлежащимъ образомъ.

—«Твоя благосклонность превзошла мои ожиданія,» молвила удивленная Власка.« Чѣмъ заслужила я такую милость?

—«Не твоими богатыми подарками,» отвѣчала старуха съ усмѣшкою:« меня влечетъ къ тебѣ что-то непонятное, таинственное; мнѣ надобно спроситься съ духами.— Кто твои родители, красная дѣва?

—«Не знаю,» отвѣчала Власка съ мрачнымъ видомъ. «Тридцать лѣтъ тому, нашли меня въ Либинскомъ саду еще груднымъ ребенкомъ, подкинутымъ, вѣрно, какою нибудь безчеловѣчною матерью.

—«Чернобогъ, ты всемогущъ!» вскрикнула изумленная колдунья, и, закрывъ лице руками, бросилась вонъ, какъ бѣшеная. Вихрь дунулъ, засвисталъ, завылъ, и, подхвативъ Власку, вынесъ ее изъ пещеры. Она упала безъ чувствъ.

Съ Нѣмецк.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я къ тебѣ.
Давно бъ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,

И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей;
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ непогода;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь. —
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньи
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. . . . . . .
. . . .
. . . .

1824.
Михайловское.

Пушкинъ

ЗАМѢЧАНІЕ

на статью литературнаго Французскаго журнала: Le Furet.

Въ литературномъ журналѣ, издаваемомъ въ С. Петербургѣ на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Le Furet, въ No. 9 помѣщена статья, подъ заглавіемъ: Le Regard (взглядъ), имѣющая цѣлью, осмѣять производимое здѣсь необыкновенное, чудное леченіе надъ горбатыми, уродливыми и параличными.

Изъ сей статьи явствуетъ: что писавшій оную милый и остроумный Авторъ, но не Медикъ, ни Физикъ, а только поверхностной зритель, смотрящій на естественныя происшествія въ мірѣ такъ, какъ дѣти и простой народъ глядятъ на кукольныя представленія въ шалашахъ, и на Китайскія тѣни въ оптическихъ фонаряхъ.

Сначала представлена *ироническая пародія* взгляда Царей на вельможъ и любовниковъ на любовницъ; все это употреблено здѣсь, для разительнѣйшаго изображенія того *взгляда*, коимъ лечатся горбатые, хромые и глухо-нѣмые.

«Нечаянный случай, говоритъ повѣствователь, «привелъ насъ въ одинъ домъ, гдѣ мы въ переднюю комнату впущены были горбатою дѣвочкою. Во второмъ покоѣ горбатый мальчикъ указалъ намъ итти далѣе. Вшедши въ третій покой, увидѣли мы странное зрѣлище! пять или шесть горбатыхъ присоединились къ нашимъ провожатымъ, — и мы думали, что находимся въ жилищѣ вѣдьмы *Карабоссы*, наполненномъ уродливыми *пигмеями*, по которымъ мы узнали, куда привелъ насъ неожиданный случай! Здѣсь мы рѣшились, воспользоваться обстоятельствомъ и посмотрѣть на приготовляемую сцену.

«Во первыхъ хотѣлось намъ видѣть *просвѣтленную* (l'illuminée), дѣлающую своимъ взглядомъ чудеса; и мы, изъ предосторожности, держась крѣпко за мебели, дабы не пошатнуться отъ ея взора, осмѣлились посмотрѣть на нее. Но едва можно было узнать въ ней женщину, — это дѣвица, въ Татарской ярмолкѣ, съ растрепанными волосами, на шеѣ воротникъ мужской рубахи, и въ суконномъ капотѣ. Глаза ея — жертвенникъ священнаго огня — имѣютъ еще довольно пріятности, по которой заключать можно, что за 25 лѣтъ предъ симъ, многіе, дерзавшіе всматриваться въ оные, впадали отъ нихъ въ поползновеніе. Теперь, вмѣсто причиняемыхъ ими нѣкогда страданій, изцѣляютъ они страдальцевъ, истекающею изъ нихъ электрическою жидкостью, отъ которой глухіе прыгаютъ, а нѣмые дѣлаютъ salto mortale, называемое по-просту *кувыркатьемъ*. Горбатый схвативъ молотъ, бьетъ себя онымъ спереди и сзади, вдоль и поперегъ. Паралитикъ, у котораго лѣвая нога короче правой, заставляетъ четырехъ дюжихъ лакеевъ вытягивать ее, какъ можно сильнѣе. Напослѣдокъ гидропикъ взлѣзаетъ на стѣну, цѣпляется за бревно, и падаетъ оттуда брюхомъ внизъ. Всѣ сіи больные, представляясь помѣшанными, изъявляютъ притомъ удовольствіе съ фанатическою гордостью: подобно какъ дѣлали то Магометовы послѣдователи.... Бывшій тутъ Баронъ, Магнитизёръ, сказалъ намъ: что таковое восхищеніе у больныхъ дѣтей происходитъ отъ нашего и его присутствїя; ибо ничто не поощряетъ ихъ столько, сколько взоръ посѣтителей. Отвѣтивъ Барону на откровенный его комплиментъ, мы разсуждали о дѣйствіяхъ, произведенныхъ взглядомъ *просвѣтленной на Сѣверѣ*.

«Глухой, послѣ осмимѣсячныхъ гимнастическихъ упражненій, начиналъ слышать колокольный звонъ Казанской Церкви, входя въ ея портикъ.

«Нѣмой лепеталъ такъ, что подавалъ надежду къ порядочному произношенію словъ.

«Горбатыя дѣти, имѣвшія прежде сего леченія одно большое возвышеніе на спинѣ, пріобрѣли два горба, умѣренной величины, изъ коихъ одинъ грудной, выросъ на счетъ другаго спиннаго, уменьшившагося отъ ударовъ молотомъ.

«У малолѣтнаго паралитика лѣвая нога, будучи вытягиваема съ большою силою, сдѣлалась длиннѣе правой. — По сему магнитная жидкость, истекающая отъ Г-жи***, обѣщаетъ удивительный успѣхъ въ леченіи!

«Все сіе приводило насъ къ размышленію о суевѣріи X вѣка, обладающемъ и нынѣ родителями, кои любезнѣйшихъ чадъ своихъ ввѣряютъ заблужденію или обману! Но таковыя мысли отложили мы въ сторону; а думали только и говорили между собою: не сообщается ли магнитная жидкость Г-жи * * * тому маленькому Драгунскому Офицеру, который своимъ взглядомъ заставляетъ прыгать къ себѣ червонцы своего отца, негоціанта; и также той кухаркѣ, которая однимъ взоромъ выигрываетъ каждый день при закупкѣ провизіи для своего хозяина? Не разливается ли оная жидкость въ глазахъ того молодаго офицера, которымъ красивая женщина прельстившись, оставляетъ угрюмаго своего мужа и забываетъ супружескую вѣрность, столь обыкновенную простому классу гражданъ? — И не дѣйствуетъ ли магнитная сія жидкость въ орлиныхъ глазахъ того храбраго предводителя войскъ, который на устрашенномъ Востокѣ обращалъ робкихъ Пашей въ бѣгство?

«Но почему таковый взглядъ, заставляющій плясать и прыгать, не обращается на скромныхъ дѣвицъ, которыя въ бальной залѣ сидятъ и зѣваютъ, когда блестящія дамы увлекаютъ къ себѣ всѣхъ кавалеровъ?

«И для чего дѣвица * * *, съ удивительною силою ея глазъ, не родилась въ рыцарскія времена притѣсненія, для исправленія феодальныхъ обычаевъ (les torts et les abus faits au dos)?»

Вотъ какія вѣсти сообщаютъ нашей Руско-Французской публикѣ въ Россіи! Не знаемъ, кого имѣетъ въ виду нашъ повѣствователь; но знаемъ, что одна дама производитъ въ Петербургѣ подобное леченіе надъ уродливыми болѣе полутора года; и въ сіе время многіе изъ пребывающихъ въ сей Столицѣ видѣли лично способъ ея леченія; а нѣкоторые обрадованы дѣйствительнымъ изцѣленіемъ дѣтей своихъ, страдавшихъ природными недостатками ихъ организма.

Но нашъ повѣствователь, по склонности ли къ шуткамъ, или уже по характеру его Журнала, не смотритъ на важную истину сего произшествія, а старается лишь представить оное въ смѣшномъ видѣ; а можетъ быть — будемъ справедливы — на него подѣйствовали и медицинскія Французскія сочиненія, излагающія животный магнитизмъ весьма поверхностно, и съ грубымъ физіологическимъ невѣдѣніемъ. Впрочемъ намъ до этого дѣла нѣтъ: пускай Furet самъ забавляется и забавляетъ своихъ читателей, чѣмъ хочетъ; мы сами съ удовольствіемъ прочли его статью о *волшебномъ взглядѣ*; но чтобы кто-либо написанное въ шутку не принялъ за дѣло, мы пользуемся симъ случаемъ представить публикѣ наше мнѣніе о семъ предметѣ; счастливы будемъ, если оно помѣщаетъ кому нибудь видѣть шарлатанство въ завидной способности и суевѣріе въ законѣ природы.

Нѣтъ! вѣрованіе въ *животный магнитизмъ* не принадлежитъ къ суевѣрію X вѣка, ибо оный извѣстенъ уже былъ гораздо прежде Христіанской Эпохи. Языческіе жрецы посредствомъ *животнаго магнитизма* лечили болѣзни, и въ Оракулахъ своихъ предвѣщали будущія произшествія и судьбу людей.

Почты за 60 лѣтъ до нынѣшняго времени, Докторъ *Месмеръ* началъ лечить болѣзни *животнымъ магнитизмомъ*, за что долженъ былъ оставить Вѣну и выѣхать изъ Австріи. Прибывши въ Парижъ, дѣлалъ онъ чудеса магнитнымъ своимъ леченіемъ, которое по настоянію Парижскихъ врачей, велѣно было отъ Правительства изслѣдовать особенному Комитету, составленному тогда изъ знатнѣйшимъ Медиковъ и Натуралистовъ въ Парижѣ, которые однако не умѣли цѣнить Месмерова леченія и дали предосудительное мнѣніе объ ономъ.

Гонимый Парижскими врачами, Месмеръ принужденъ былъ удалиться изъ Французской столицы; но продолжалъ леченіе свое въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Королевства, гдѣ онъ завелъ *гармоническія общества* (les sociétés harmoniques), которыхъ члены занимались магнитнымъ леченіемъ съ большимъ успѣхомъ — хотя не безъ шарлатанства, свойственнаго таковымъ обществамъ. Революція, превратившая весь порядокъ во Франціи, изгнала оттуда и Лекарей-магнитизеровъ, перенесшихъ искуство свое въ Германію, гдѣ имѣло оно методическое свое начало.

Со времени Французской революціи, *животный магнитизмъ* изслѣдованъ подробнѣе учеными Германцами, которые сдѣлали оный предметомъ Физіологическаго и Паѳологическаго ученія, достигшаго теперь въ Германіи высокой степени совершенства. Знающіе основательно форму и сущность животнаго организма, имѣютъ ясное понятіе о *животномъ магнитизмѣ*; и сомнѣніе въ ономъ произходитъ лишь отъ недостаточнаго познанія органической природы.

Искусные практическіе врачи знаютъ *животный магнитизмъ* по опыту, и употребляютъ оный, какъ дѣйствительнѣйшее средство къ излеченію важнѣйшихъ нервныхъ болѣзней. Нервы суть органы всѣхъ чувствованій въ тѣлѣ, столько различныхъ, сколько находится ощущаемыхъ предметовъ внѣшняго міра. Но какъ *животный магнитизмъ* состоитъ въ измѣненіи чувственныхъ дѣйствій; то оный оказывается несмѣтно различными видами измѣненнаго чувствія, движенія и тѣлеснаго образованія, произходящихъ въ чувствительной, раздражительной и произрастительной системѣ организма. По сему *животный магнитизмъ* есть болѣзнь, различная по качеству органическихъ системъ, и по степени измѣненія въ оныхъ.

Лунатики, *сомнамбулы и клервояны* находятся въ *магнитномъ состояніи* одной чувствительной системы: таковое состояніе въ раздражительной системѣ оказывается судоргами и корчами; а въ произрастительной уродливостію членовъ, образовавшеюся еще при развитіи младенца въ матерней утробѣ, или причиненною въ нѣжномъ младенчествѣ механическими насиліями.

Животный магнитизмъ есть весьма обыновенное явленіе въ природѣ, которое каждый человѣкъ въ самомъ себѣ ощущаетъ, и всегда и вездѣ надъ другими видѣть можетъ: но низшія степени онаго считаются натуральными произшествіями, а высшія, по ихъ рѣдкости и разительному отличію, признаются отъ нѣкоторыхъ неестественнымъ чудомъ. Всякъ имѣетъ свои сновидѣнія во снѣ, изъ коихъ многія предвѣщаютъ будущіе случаи въ жизни, и таковыя сновидѣнія суть принадлежности *магнитнаго состоянія* въ организмѣ, которое у *сомнамбуловъ* и *клервояновъ* находится только въ высшей степени, — отъ чего зависитъ толикая точность ихъ предвѣщаній, и явственное ощущеніе и видѣніе сокрытыхъ и отдаленныхъ предметовъ, не подлежащихъ чувствамъ въ бдительномъ и здоровомъ состояніи человѣка.

Животный магнитизмъ, какъ болѣзнь нервной системы, оказывается наипаче въ дѣтскомъ возрастѣ обоего пола. — Женскій полъ подверженъ оному во всякомъ возрастѣ, кромѣ престарѣлаго; а мужчины, женообразнаго, чувствительнаго тѣлосложенія, могутъ приходить въ *сомнамбулизмъ* только въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ; но который у нихъ не бываетъ въ столь высокой степени, какъ у женщинъ.

Магнитное состояніе у больныхъ, расположенныхъ къ оному, произходитъ само по себѣ, либо производится магнитизёромъ, которымъ однако не всякой быть можетъ; а для сего нужно имѣть особливое тѣлосложеніе, сообразное тѣлосложенію магнитизируемыхъ лицъ. Посему самые лучшіе магнитизёры бываютъ женщины; а еще сильнѣе могутъ магнитизировать сомнамбулы.

Нѣкоторыя явленія *магнитнаго состоянія* въ больномъ тѣлѣ, и способы, коими оное производится, сходствуютъ съ дѣйствіями изкопаемаго магнита; и больные магнитизируются, подобно какъ желѣзо дѣлается магнитомъ (*). Таковое сходство основано на законахъ жизненнаго процесса въ органической и неорганической природѣ, которыхъ сущность сокрыта столь глубоко, что поверхностные Естествоиспытатели никогда не могутъ имѣть настоящаго свѣдѣнія объ оной: и сколько причина магнитныхъ дѣйствій въ желѣзѣ для обыкновенныхъ Физиковъ непостижима, столько явленія *животнаго магнитизма* въ человѣкѣ для простыхъ Физіологовъ непонятны.

Дабы изъяснить магнитное и электрическое дѣйствіе, Физики выдумали магнитную и электрическую жидкость, которую приняли и Физіологи, для объясненія явленій *животнаго магнитизма*. Но таковая жидкость находится только въ произвольныхъ *гипотезахъ*, а въ природѣ она не существуетъ, — и слѣдовательно не истекаетъ изъ глазъ и не входитъ въ тѣло уродливыхъ *паціентовъ*. При всемъ томъ одна особа, о коей мы говорили выше, дѣйствуетъ на больныхъ своими глазами, и производитъ въ нихъ такое чувствованіе, по которому они заставляютъ дѣлать надъ собою разныя механическія насилія.

Повторяемъ, что не знаемъ, о комъ говоритъ Г. Повѣствователь въ своемъ Журналѣ; знаемъ только, что несправедливо, будто бы у горбатыхъ дѣтей отъ леченія, подобнаго тому, которое онъ описываетъ, изъ одного большаго горба образовались два меньшихъ. Пользуемые вышеупомянутою почтенною особою, мальчикъ и дѣвочка, за два года предъ симъ имѣли по два горба, значительной величины, на спинѣ и на груди, которые теперь уменьшились гораздо болѣе половины; и ежели леченіе будетъ продолжаемо, то оные уничтожатся совершенно.

Способъ, которымъ сія особа лечитъ уродливыхъ, есть самый удивительнѣйшій, и изъ всѣхъ способовъ магнитнаго леченія рѣдчайшій. Мгновенный ея взоръ въ глаза больнаго производитъ въ уродливой части его тѣла особливое чувствованіе, побуждающее какъ оную часть, такъ и все тѣло, къ особливымъ механическимъ насиліямъ, посредствомъ коихъ жизненная дѣятельность въ организмѣ силится исправить превратную организацію.

С. Петербургъ, 1-го Марта 1830.

Академикъ Д. Велланскій (*).

(*) Сіе удовлетворительное объясненіе явленій животнаго магнитизма, принадлежащее нашему ученому Академику, подробно изложено въ его Теоріи Магнитизма, присовокупленной къ извѣстному переводу Исторіи Магнитизма, соч. Клугге. (См. *Животный Магнитизмъ, представленный въ историч., практич. и ѳеорич. содержаніи, Д. Велланскаго.* С. п. б. 1818.) *Изд.*

(*) Благодаримъ почтеннаго Автора за доставленіе сей статьи въ нашу газету. Кому, какъ не глубокомысленному Физіологу, должно было подать голосъ о столь замѣчательномъ физическомъ явленіи, возбуждающемъ общее вниманіе? *Изд.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Монастырка. Сочинение Антонія Погорѣльскаго. Часть первая. — С. П. б., въ типогр. Н. Греча, 1830. (272 стран. въ 8-ю д. л.)

Таинственное имя Антонія Погорѣльскаго уже извѣстно съ выгодной стороны читателямъ Рускимъ, помнящимъ замысловатаго *Двойника*. Можетъ быть, оно многими уже и разгадано: въ малой республикѣ нашей Словесности нѣтъ продолжительной тайны. Все на виду, все на счету. Эти авторскія маски у насъ похожи на простосердечныя хитрости семейныхъ маскарадовъ, въ которыхъ долго интриговать не можно. Тѣмъ болѣе дѣйствующее лице должно быть занимательно собственною игрою, не надѣясь на одно любопытство, которое подстрекаемо прелестью тайны. Антоній Погорѣльскій совершенно удовлетворяетъ сей необходимой обязанности, и новое произведеніе его, романъ: *Монастырка*, не имѣетъ нужды ни въ какихъ затѣйливыхъ пособіяхъ и постороннихъ уловкахъ авторскаго кокетства. Вотъ настоящій и вѣроятно первый у насъ романъ нравовъ. Сцена онаго Малороссія. Творенія покойнаго Нарѣжнаго, Автора Бурсака и другихъ романовъ, уже познакомили насъ съ сею сценою. Но Нарѣжный былъ Теньеръ, и еще Рускій Теньеръ романа. Какъ Китайскіе романы обдаютъ насъ запахомъ чая, такъ, что читая ихъ, сидишь какъ будто по уши въ цыбикѣ, такъ романы Нарѣжнаго обдаютъ насъ *варенухою*, и куда Авторъ ни вводитъ насъ, а все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы. Дѣйствующія лица въ новомъ романѣ совершенно другихъ примѣтъ. О самомъ ходѣ романа, о дѣйствіи, говорить еще нельзя, потому что вышелъ только первый томъ онаго, и въ этомъ отношеніи читатели могутъ попенять Автору. Хорошій романъ читается въ одинъ присѣстъ отъ доски до доски, не должно разбивать вниманія, разрывать участія. Впрочемъ вся бѣда будетъ въ томъ, и бѣда весьма сносная, что придется прочесть два раза первый томъ: прочтешь его теперь и перечитаешь снова, когда выйдетъ окончаніе. Теперь пока мы какъ будто мимоходомъ познакомились съ Анютою, милою Монастыркою, прототипомъ всѣхъ милыхъ, простосердечныхъ, откровенныхъ Монастырокъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, съ доброю теткою ея, матерью Праскуты и Гапочки, съ Блистовскимъ, гвардіи Штабсъ-ротмистромъ, предопредѣленнымъ, по видимому, быть героемъ разсказываемаго повѣствованія; съ Климомъ Сидоровичемъ Дюндикомъ ,котораго съ первой встрѣчи не полюбишь, но къ которому привяжешься (хотя не по любви), какъ къ лицу оригинальному, означенному рѣзкими и забавными чертами и годному для изученія нравственнаго; съ семействомъ его, также не весьма любезнымъ, состоящимъ изъ супруги его Марѳы Петровны, которая женщина себѣ на умѣ и вопреки духовнаго наставленія, вовсе не боится мужа, а напротивъ держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ, и двухъ дочерей, выучившихся Французскому языку по книгѣ: Jardin de Paradis pour leçon des enfans. Къ этому семейству причислить должно и племянника Марѳы Петровны, Г-на Прыжкова, урожденнаго *Прыжко*, который на ярмаркѣ въ Ромнахъ вздумалъ промышлять забавою, выдуманною Парижскими шалунами и надѣлавшею столько шума во Французскихъ Газетахъ подъ каламбурическимъ именемъ: La secte d'Epicure (des piqûres, потому что на гуляньяхъ, въ собраніяхъ многолюдныхъ, дамы въ Парижѣ укалываемы были неизвѣстно кѣмъ и чѣмъ, и платья ихъ прожигаемы какою-то ѣдкою кислотою). Все эти лица, не забывая при нихъ и Цыганскаго Атамана, у васъ на примѣтѣ: вы ихъ разглядѣли; въ продолженіе, вы заживете съ ними и тогда уже заключите рѣшительное мнѣніе о каждомъ изъ нихъ. Предупреждаемъ Автора: онъ возбудилъ любопытство наше, мы не выпустимъ изъ виду ни одного изъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ онъ провелъ передъ нами. Въ романѣ его, истинномъ романѣ нравовъ и общежитья, мы не хотимъ видѣть Китайскихъ тѣней, которыя проскользятъ и пропадутъ безъ вѣсти. Просимъ его покорно каждому оставить свое мѣсто, свое дѣйствіе, свое предназначеніе. Желая предупредить въ читателяхъ романа недоумѣніе, которому мы поддались, встрѣтясь съ Парижскою копіею въ Ромнахъ, объяснимъ, что по нѣкоторымъ справкамъ нашимъ оказалось, что шалость, приписанная Г-ну Прыжкову, есть не переложенное Авторомъ на Рускіе нравы происшествіе, но истинное событіе, которому были въ Ромнахъ очевидцы. Кстати сказать: le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

О языкѣ и слогѣ романа замѣтимъ, что за исключеніемъ весьма, весьма немногихъ погрѣшностей, или лучше сказать недосмотровъ, они совершенно отвѣчаютъ требованіямъ природы и искуства.

СМѢСЬ.

Въ третьемъ нумерѣ Московскаго Вѣстника на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: » Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ Рускую Словесность Г. Гнѣдичь, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига, — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который *прежде всѣхъ* въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое упущеніе и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ *документы* въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку Руской Словесности.» Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два Писателя, которыхъ стихи нравятся Переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже охуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или, еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ М. В., зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ — несправедливо. Тѣмъ не менѣе ожидали мы четвертаго нумера сего Журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ Г. Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ опытахъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ и читали въ трудахъ Московскаго Общества Любителей Словесности его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо Рускій языкъ не *пѣвучій*. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли:« Что честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище Руской Словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго Профессора и Поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, за-долго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады.« Признаемся къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія Г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шести-стопными, то пяти-стопными и даже есть одинъ стихъ четырехъ-стопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить въ нашихъ Журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года, укоряли Б. Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра, замѣняетъ дактиль хореемъ. Б. Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горація, Фосса и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими Европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ Г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Мосха: Европа; изъ Овидіевыхъ превращеній: Дафна, и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства въ началѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія: въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если Г. Гнѣдичь и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ Рускихъ переводчиковъ съ Древнихъ чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

А. Пушкинъ

Мильтонъ говаривалъ: «Съ меня довольно и малаго числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня.» — Это гордое желаніе Поэта повторяется иногда и въ наше время, только съ небольшою перемѣной. Нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ явно и подъ рукою стараются вразумить насъ, что «съ нихъ довольно и малаго числа читателей, лишь бы много было *покупателей*.«

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 16-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМ. I. №. 17. МАРТА 22го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЖУРНАЛА ДОКТОРА.

Недавно прогуливаясь я нашелъ карманную книжку; по рецептамъ, въ ней лежавшимъ, по журналу болѣзней (*) и по другимъ принадлежностямъ, тотчасъ можно было догадаться, что она принадлежала какому нибудь питомцу Эскулапову. Всего болѣе обратила на себя мое вниманіе довольно толстенькая тетрадка, пришитая къ этой книжкѣ. — Это былъ журналъ происшествій, случавшихся съ самимъ хозяиномъ.

Еще одно замѣчаніе: читателямъ должно знать, что мы весьма вникнули въ смыслъ одного глубокомысленнаго сочиненія подъ названіемъ: l'Art de juger les hommes par leur écriture, и потому имѣемъ честь увѣдомить ихъ, что по нашимъ соображеніямъ надъ почеркомъ Доктора, онъ непремѣнно долженъ быть молодымъ человѣкомъ. — Теперь — къ дѣлу; вотъ выписки изъ тетради:

* * *

Воскресенье. Сегодняшній вечеръ я провелъ весьма весело. — Цѣлыхъ пять часовъ и 25 минутъ съ секундою я протанцовалъ съ моею милою, умною Луизою. Можетъ быть мои паціенты на меня разсердятся за это; но такъ и быть! слава Богу, что между ними нѣтъ ни одного опасно больнаго! — Ахъ, какъ мила моя Луиза! — Сегодняшній вечеръ я только почувствовалъ всю сладость Докторскаго состоянія. Луиза была больна — я ее вылечилъ; съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, что отъ счастливо прописанной мною микстуры, розы начали появляться на блѣдныхъ щекахъ ея, потускнѣвшіе глазки стали проясняться. Чѣмъ больше она выздоравливала, тѣмъ больше я въ нее влюблялся. Я не могъ смотрѣть на нее безъ сильнаго внутренняго движенія, забывалъ всѣхъ больныхъ моихъ и дома рылся въ книгахъ для одной только Луизиной болѣзни. Уже Луиза была совсѣмъ здорова, а я каждый день навѣщалъ ее три раза, какъ бы она была въ величайшей опасности; бывало, по цѣлымъ часамъ я держалъ ея руку, наморщивъ брови, будто бы щупая пульсъ, и родные ея не могли довольно нахвалиться моею старательностію. Счастливое время! какъ скоро протекло оно! мнѣ такъ хотѣлось продолжить его, что иногда готовъ былъ сдѣлать снова Луизу больною.... Но впрочемъ, можетъ быть все дѣло обдѣлается; что она ко мнѣ не равнодушна — я это имѣю все право думать. Сегодня вечеромъ на балѣ общаго нашего знакомаго, куда я нарочно поѣхалъ, чтобы увидѣться съ нею, я подошелъ къ ней просить танцовать со мною; она подала мнѣ руку и у ней такъ забился пульсъ, что я изпугался: такъ можетъ биться пульсъ или отъ любви, или отъ горячки. Горячки не было — въ этомъ я увѣренъ; слѣдственно пульсъ Луизы бился отъ любви, точно отъ любви. — Силлогизмъ неоспоримый! —

Уже воображалъ я себѣ, какъ я сдѣлаю предложеніе, какъ отецъ Луизинъ согласится на него, какъ Луиза будетъ моею женою, какъ будетъ встрѣчать меня, когда я возвращусь домой усталый, измученный.... Въ сихъ сладостныхъ мечтахъ я легъ въ постелю, сталъ засыпать; уже воображеніе начало рисовать передо мною образъ моей прелестной Луизы съ ея черными локонами, съ ея быстрыми, пламенными глазами, какъ вдругъ стукъ въ дверь разбудилъ меня. Меня звали въ сосѣдній домъ: какой-то несчастный влюбленный, обманувшійся въ своей надеждѣ, пришедъ въ сумасшествіе, вздумалъ на чердакѣ повѣситься. Этотъ случай очень былъ некстати въ тогдашнемъ моемъ положеніи; но дѣлать было нечего, я на-скоро одѣлся, побѣжалъ, сдѣлалъ, что было нужно и снова воротился домой. Едва сталъ я смыкать глаза, новый стукъ разбудилъ меня: ко мнѣ привезли прекрасную молодую дѣвушку, почти

(*) Извѣстно, что Медики ведутъ журналъ болѣзней каждаго изъ своихъ паціентовъ.

однихъ лѣтъ съ моей Луизой, укушенную бѣшеною собакой! —

Понедѣльникъ. Между тѣмъ начало уже свѣтать. Ко мнѣ собралося множество больныхъ нищихъ, пропасть записокъ, присланныхъ отъ моихъ пацiентовъ; надобно было писать рецепты, отвѣчать на записки, осматривать раны, пропускать заволоки .... Какая противоположность со вчерашнимъ вечеромъ ... Все мною видѣнное и слышанное, оставило во мнѣ весьма непрiятное впечатлѣнiе, и тоска невольно сжала сердце. — Къ счастiю, въ самую эту минуту получилъ я записку отъ одной старинной знакомки; она увѣдомляла меня, что по ея догадкамъ, отецъ Луизинъ почти готовъ согласиться на бракъ нашъ и проч. Это нѣсколько утѣшило меня; я съ большимъ спокойствiемъ сѣлъ въ карету и отправился къ больнымъ моимъ. Но что же? Прiѣзжаю въ домъ къ одному недавно женившемуся — и какъ будто нарочно — застаю жену его, въ первый разъ беременную, при послѣднемъ издыханiи. Только съ Докторомъ могутъ столь часто случаться такiя страшныя противоположности; и вотъ можетъ быть доказательство, почему каждый Докторъ непремѣнно долженъ быть Философомъ; никто чаще Доктора не видитъ обѣихъ сторонъ предмета .....

....

Ахъ! какъ разнообразна жизнь Доктора: она столь исполнена происшествiй, что едва ли въ этомъ не превосходитъ жизнь Стряпчаго, или Журналиста. Это изображенiе жизни цѣлаго мiра, Шекспирова трагедiя въ миніатюрѣ: сколько сценъ важныхъ, комическихъ, плачевныхъ, скучныхъ, ужасныхъ, веселыхъ, отвратительныхъ, милыхъ — и всѣ онѣ такъ странно между собою перемѣшаны, такъ скоро одна за другою слѣдуютъ. Здѣсь встрѣчаютъ меня, какъ благодѣтеля, смотрятъ мнѣ въ глаза, едва не носятъ на рукахъ; а тамъ косятся, говорятъ мнѣ сквозь зубы, и холодно откланиваются. Здѣсь новые знакомцы стараются снискать мою привязанность, хотятъ имѣть во мнѣ не Доктора, а друга; а тамъ старые знакомые — ясно намекаютъ, что я ужь имъ болѣе не нуженъ. — Нигдѣ такъ нельзя узнать сердца человѣческаго, какъ въ состоянiи Доктора, ибо никому болѣе не открывается самыхъ сокровенныхъ тайнъ. И палаты и хижина, и театръ и училище, — все находится подъ вѣдѣнiемъ Доктора: часто непонятное въ хижинѣ объясняется ему въ великолѣпныхъ чертогахъ, а чаще непонятное въ чертогахъ объясняется въ хижинѣ. При Докторѣ дѣвушка теряетъ свою стыдливость, старуха разсказываетъ о своихъ проказахъ, о которыхъ при комъ-либо другомъ боялась бы и подумать; здѣсь мужъ приказываетъ предписать себѣ долгiя вечеромъ прогулки — для здоровья; тамъ жена проситъ увѣрять всѣхъ, что иностранныя воды ей необходимы. Сколько болѣзней отъ некупленной шляпки, отъ изломавшейся кареты, отъ недостатка звонкой монеты; наконецъ отъ журнальной статьи!

Въ самомъ дѣлѣ, когда стараешься быть зрителемъ своего Докторскаго состоянiя, — разнообразiе его доставляетъ чрезвычайное удовольствiе; но сколько должно претерпѣть, будучи въ немъ актёромъ. — Сколько сраженiй должно выдержать съ суевѣрiемъ, съ предразсудками, и что еще важнѣе — съ самимъ собою. Отъ сколькихъ наслажденiй въ жизни должно отказаться; кто любитъ читать и учиться, тотъ пойметъ, сколь тягостна ежедневная жизнь врача. Онъ провелъ всю молодость въ уединенiи, надъ книгами, привыкъ считать дни свои прiобрѣтенiемъ познанiй; вдругъ онъ брошенъ въ вихрь свѣтскiй — гдѣ не только произвести что-либо достопримѣчательное, но едва ли имѣетъ минуту заглянуть въ книгу, едва ли имѣетъ время мыслить. Не говоря уже объ угрызенiяхъ совѣсти, когда, по свойственной человѣку ошибкѣ, не во время прописаннымъ лекарствомъ, вмѣсто изцѣленiя, увеличиваешь болѣзнь больнаго; — сколько бываетъ случаевъ, въ которыхъ тебя обвиняютъ, и въ коихъ ты не виноватъ ни тѣломъ, ни душою. — Такъ наприм. сегодня на дорогѣ встрѣтился со мною слуга, прося усильно посѣтить больнаго своего хозяина; я отправился, нахожу человѣка при послѣднемъ издыханiи; узнаю, что всѣ Доктора отказались и говорю окружающимъ, что уже теперь дѣлать нечего и что никакое искуство не можетъ возвратить ему жизни. Не смотря на то, родные принялись усильно упрашивать меня, чтобы я хотя что нибудь прописалъ; дѣлать было нечего, я принужденъ былъ согласиться на ихъ требованiе и прописалъ лекарство самое невинное, которое не могло уже сдѣлать ровно никакого дѣйствiя на больнаго. Въ аптекѣ какъ-то замѣшкались и больной, не дождавшись моего лекарства, умеръ. Могло бы случиться, что больной за минуту бы предъ смертiю принялъ его; и тогда сказали бъ, что я уморилъ его своимъ лекарствомъ. Положимъ, что кто нибудь и взялся бы защищать меня, — моему бъ защитнику отвѣчали: « отъ чего же покойникъ жилъ до самаго лекарства, а какъ принялъ его, такъ и умеръ?« — Какъ оспорить такое доказательство?

Есть еще непрiятность, которая бываетъ во всякомъ званiи, но особенно свирѣпствуетъ въ докторскомъ: это, безъ сомнѣнiя — собратiя, соремесленники. Есть люди въ свѣтѣ, которымъ никто не завидуетъ; такихъ людей нѣтъ въ нашемъ званiи: самый посредственный Докторъ, послѣднiй фершелъ не избѣжитъ гоненiй зависти; говорятъ, что у людей съ талантомъ есть сумка, въ которой они складываютъ свои достоинства и будто бы ею они затыкаютъ ротъ этому чудовищу такъ сильно, что оно не можетъ слова выговорить; у Докторовъ эта сумка всегда съ прорѣхами: вы можете быть семи пядей во лбу, — но довольно одного случая (такого, какъ сегодня съ моимъ лекарствомъ), и у зависти, не смотря на всю вашу сумку, останется для языка довольно мѣста, чтобъ разболтать о васъ самые непріятные слухи.

Сегодня я былъ на одной консультаціи: дѣло состояло въ томъ, что одного обвиняли въ убійствѣ другаго. Судя по всѣмъ признакамъ, обвиняемый былъ совершенно невиненъ, и большая половина созванныхъ врачей совершенно его оправдывали. Напротивъ, другіе обвиняли его—и по чему жь? потому только, что это мнѣніе противорѣчило ихъ системѣ. Какая нужда была имъ до того, что они подвергали опасности честь, совѣсть и самую жизнь невиннаго? Низкое тщеславіе и гнусная зависть заглушали въ нихъ всѣ другія чувствованія. Взбѣшенный, измученный споромъ, вырвался я изъ этого общества, гдѣ подъ важною, почтенною наружностію таилось злодѣйство.

Гр.

(*Продолженіе когда нибудь.*)

N. N.

Вы хороши — вашъ локонъ золотой
Роскошно падаетъ на юныя ланиты;
Какъ милъ вашъ взоръ полузакрытый,
Какъ милъ вашъ станъ полунагой!
Не вы ль оригиналъ живой
Очаровательной Хариты,
Кановы созданной рукой?
Вы хороши! — Но мой покой
Неколебимъ. Осанка величава,
Жеманная тоска искуственной любви,
Съ притворной ревности приправой,
Не страшны мнѣ: моя отрава
Взоръ вдохновительный и слово отъ души.
Я ихъ у васъ ищу давно, необрѣтая;
Вамъ не сродни крылатый богъ:
Вся ваша жизнь — какъ стрѣлка часовая,
Какъ алгебрическій *итогъ*. —
Но та, которую люблю, не называя....
Ахъ! та вся чувство, вся восторгъ,
Какъ Пиндара строфа живая!

Д. Давыдовъ.

КНИГА ПРИРОДЫ.

Природа — книга пребольшая:
Начертаны Творца рукой
Въ ней мірозданья вѣчный строй
И тайна истинъ роковая.
Въ страницахъ дивныхъ заключенъ
Высокой мудрости законъ.
Познаній жаждою сгарая
Загадку жизни разгадать,
Съ правами разума дерзая
Надменной мыслью все обнять —
Мы въ книгѣ сей спѣшимъ читать.
Ее читаемъ мы, вникая
Въ смыслъ сокровеннѣйшій Творца,
И Неба тайнъ непостигая, —
Закроемъ, не узнавъ конца.

З — ій.

1827.
Черное море.

ОТРЫВОКЪ

изъ жизнеописанія Фонъ-Визина.

(*Соч. Кн. П. А. Вяземскаго.*)

Фонъ-Визинъ сохранилъ намъ въ *Исповѣди* своей прекрасныя свѣдѣнія о нравственности родителей своихъ, и въ особенности объ отцѣ, коего характеръ являетъ черты рѣдкой твердости и великодушія. Замѣчательно, что въ старину, при недостаткѣ знанія въ иностранныхъ языкахъ, люди, одаренные умомъ любопытнымъ, могли почерпать нѣкоторую ученость въ современныхъ Рускихъ переводахъ, которые тогда были гораздо разнообразнѣе и удовлетворительнѣе, чѣмъ въ наше время. Нынѣ безъ помощи иностраннаго языка читать у насъ почти нечего: переводчиковъ нѣтъ, или труды ихъ обращены на книги, или лучше сказать, заглавія книгъ въ чести у книгопродавцевъ, которые не образуютъ, а часто портятъ вкусъ читателей нашихъ; исключенія рѣдки. Повѣрьте, на примѣръ, итоги переводовъ, вышедшихъ отъ семидесятыхъ годовъ до нашего столѣтія, съ итогами нашего тридцатилѣтія, и вы убѣдитесь, что наша Литература переводная весьма унизилась противъ прежняго. Тогда всѣ замѣчательныя творенія древности и современной эпохи во Франціи, имѣли переводчиковъ у насъ; нынѣ, знаменитѣйшіе Писатели нашего времени знакомы намъ по однѣмъ журнальнымъ перекличкамъ. Одинъ Вальтеръ-Скоттъ служитъ исключеніемъ, но и то благодаря тому, что онъ пишетъ романы. — При тогдашнихъ пособіяхъ и не удивительно, что отецъ Фонъ-Визина, лишенный выгодъ образованнаго воспитанія, любилъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ сочиненій, и могъ удовольствовать свои наклонности. Старыя книги наши уже не въ ходу: съ одной стороны ихъ нѣтъ въ обращеніи книжной торговли; съ другой обветшалый языкъ, тяжелый слогъ оныхъ пугаютъ новыхъ читателей; и провинціалы губернскіе и столичные, требующіе пищи умственной, должны довольствоваться малосочною и скороспѣлою пищею журналовъ и альманаховъ.

Годъ рожденія Автора нашего достовѣрно неизвѣстенъ: по біографическимъ свѣдѣніямъ, о немъ собраннымъ въ Журналѣ: *Другъ Просвѣщенія* и въ *Опытѣ краткой Исторіи Руской Литературы* Греча, показано, что онъ родился 1745 года; но по другимъ указаніямъ и соображеніямъ, должно полагать, что онъ родился ранѣе, едва ли не въ 1742 году. Въ *Исповѣди* не означаетъ онъ эпохи рожденія своего, и въ *Опытѣ историческаго Словаря* о *Россійскихъ Писателяхъ*, изданномъ Новиковымъ, при жизни Фонъ-Визина умолчано о томъ. Авторъ нашъ, говоря о дѣтствѣ своемъ, показываетъ, что оно было означено рѣзкими чертами характера пылкаго и рѣшительнаго. Авторскія склонности обнаружились въ малолѣтствѣ его раннею чувствительностію, раздражительнымъ воображеніемъ и жадностью, съ которою вслушивался онъ въ разсказы, пробудившіе его ребяческое вниманіе. Тогдашнее воспитаніе, при недостаткахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды. Ребенокъ оставался долѣе на Рускихъ рукахъ; долѣе окруженъ былъ Рускою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями Рускими. Европейское воспитаніе, которое уже позднѣе довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ, но не изкореняло впечатлѣній первоначальныхъ, которыя были изключительно Рускія. Послѣ видимъ мы совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, которые передавали дѣтству другаго поколѣнія, были изключительно иностранные, потому, что ребенокъ со груди кормилицы Руской обыкновенно ввѣренъ былъ рукамъ чужеземцевъ. Уже только послѣ, въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, уже перезрѣломъ для исправленія погрѣшностей вкоренившихся, по собственному обратному влеченію и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, Рускій гражданинъ обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ Рускаго православія, можетъ быть менѣе суетности, но въ семейномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію, которое имѣло свои погрѣшности и весьма важныя; но какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное и дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ. Нынѣ воспитаніе наше слишкомъ отвлеченно, и пущенное въ ростъ, ничѣмъ не упирается въ коренномъ основаніи. На примѣръ: любопытно видѣть, какъ отецъ Фонъ-Визинъ заставлялъ сына читать у крестовъ во время всенощныхъ бдѣній, которыя часто отправлялись у нихъ дома; позднѣе, дѣтей другаго поколѣнія заставляли прежде всего вытвердить наизусть:

La cigale ayant chanté
Tout l'été.

Не соглашаюсь съ Авторомъ, который приписываетъ упомянутымъ благочестивымъ упражненіямъ знаніе свое въ Россійскомъ языкѣ. Дьячки и Семинаристы, которые вѣрно болѣе его читали Священныя книги, не почитаются же у насъ знатоками въ языкѣ и правильнѣйшими граматѣями. Помощь Славянскаго языка, вопреки мнѣнію его собственному и мнѣнію многихъ Литтераторовъ нашихъ, была не только не полезна, но можетъ быть и вредна Фонъ-Визину, который мало-обдуманно пользовался ею, и не умѣлъ справиться въ согласованіи языка церковнаго съ языкомъ общества, когда покушался на такое сочетаніе. Слогъ Фонъ-Визина, слогъ мыслящаго Писателя; но неумѣстная пестрота галлицизмовъ и славянизмовъ, встрѣчающаяся въ твореніяхъ его, не позволяетъ изучать его въ отношеніи искусства, какъ Писателя образцоваго. Къ тому же, если слова и обороты Славянскіе и могли бы иногда пригодиться ему въ переводѣ твореній, подобныхъ *Іосифу* и *Похвальному слову Марку Аврелію*, то могъ ли онъ употреблять ихъ съ успѣхомъ въ языкѣ комедій, сатирическихъ и философическихъ статей и въ слогѣ письменномъ, въ которыхъ преимущественно выразились жизнь и сила дарованія его? Неменѣе того, я готовъ признать, что самыя сіи упражненія имѣли безъ сомнѣнія вліяніе и на развитіе способностей будущаго Писателя, но не въ художественномъ, а болѣе въ нравственномъ образованіи. Я не пристрастный поклонникъ старины, врагъ непримиримый предразсудковъ, которые хотѣли бы приковать поколѣнія неподвижно, какъ часовыхъ, смѣняющихся на одномъ мѣстѣ; врагъ предразсудковъ, пугающихъ малодушіе смѣлыми движеніями времени и просвѣщенія; но притомъ жалѣю, что новое воспитаніе, омногосложивъ способности и требованія юношества, не умѣло тѣснѣе согласовать необходимыя условія Рускаго произхожденія съ независимостью Европейскаго космополитства. Карамзинъ, защищая Петра Великаго отъ обвиненій, что онъ лишилъ насъ Руской нравственной физіогноміи (а впрочемъ и физической, обривъ намъ бороды), говоритъ: «Все *народное* ничто предъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не *Славянами*.» Истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости, которыя можно пополнить и пояснить тѣмъ, что должно быть прежде, или болѣе гражданиномъ, чѣмъ семьяниномъ. Но въ примѣненіи къ воспитанію частному, то есть личному, а не народному, не должно терять изъ вида, что именно для того, чтобъ быть Европейцемъ, должно начать быть Рускимъ. Россія, какъ и другія Государства, соучастница въ общемъ дѣлѣ Европейскомъ, и слѣдовательно должна имѣть въ сынахъ своихъ полномочныхъ представителей за себя. Рускій, перерожденный во Француза, Французъ въ Англичанина, будутъ растенія некоренныя, потерянныя, для своей почвы, ненадежныя для новой.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава седьмая.— С. П. Б., въ типогр. Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1830. (57 стран. въ 12-ю д. л.)

Чтеніе седьмой главы Онѣгина такое же производитъ надъ нами дѣйствіе, какъ зрѣлище нѣкогда милыхъ намъ мѣстъ, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелесть ихъ не измѣнилась: но мы, разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувствованія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Авторъ до такой степени совершенства довелъ искуство свое, что читатель, пока еще не успѣетъ замѣтить поэтическаго обмана въ произведеніи, можетъ быть, станетъ мысленно укорять Поэта въ недоконченности цѣлой картины. Но это самое впечатлѣніе, это желаніе перемѣны въ чувствованіяхъ и неудовлетворительность надеждъ, есть верхъ искуства Художника. Власть его надъ нами столь сильна, что онъ не только вводитъ насъ въ кругъ изображаемыхъ имъ предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрѣлища посторонніе, и велитъ участвовать въ дѣйствіи самомъ, какъ будто бы оно касалось до насъ собственно. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о Королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника. Онъ можетъ служить объясненіемъ и подтвержденіемъ нашего замѣчанія.

Отъѣздъ Онѣгина и Ольги, двухъ лицъ, которымъ бы мечтательница наша желала посвятить всю жизнь свою, такую грусть поселилъ въ душѣ Татьяны, что общимъ характеромъ всей седьмой главы стало что-то меланхолическое.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далёкомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть:
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего;
Поэтъ погибъ . . . но ужь его
Никто не помнитъ; ужь другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому.

Чувство унынія еще сильнѣе овладѣваетъ душею Татьяны, когда она узнаетъ, что должна сама оставить деревню и на зиму переселиться въ Москву.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ . . .
Прости жь и ты, моя свобода!

Очеркъ Москвы и тамошнихъ увеселеній представляетъ новый образецъ удивительной легкости, съ какою Авторъ можетъ переходить отъ предмета къ предмету и, не измѣняя одному главному тону, разнообразить свое произведеніе всѣми волшебными звуками. Особенно благородная сатира есть такое орудіе, которымъ онъ дѣйствуетъ съ высочайшимъ достоинствомъ своего искуства. Странность, порокъ, ошибка, слабость, всѣ они замѣчены Поэтомъ въ духѣ нашего времени, а частно въ томъ или другомъ лицѣ, такъ что, не оскорбляя ничьей личности, онъ приноситъ пользу цѣлому поколѣнію. Но этотъ предметъ одинъ требуетъ разсмотрѣнія самаго обширнаго. Онѣгинъ даетъ къ тому поводъ удобный и примѣръ наставительный.

Правая грамота по вотчинному дѣлу, въ 1559-мъ году производившемуся. Для обучающихся Россійскому практическому судопроизводству въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. — Москва, 1830. въ 8 ю д. (43 стр. съ приложеніемъ поколѣнной росписи рода Квашниныхъ).

«Правая грамота есть списокъ съ рѣшенія судебнаго мѣста по тяжебному дѣлу (*См. Словарь Акад. Росс. 1 изд.*), даваемый за скрѣпою оправданному для вѣдома.« Таковыя грамоты не только давались на владѣніе землею, но и на кабалу; что видно изъ слѣдующихъ словъ *Уложенія*, XX., 81: « На котораго кабальнаго холопа съ суда дана будетъ кому правая грамота « и пр. Правыхъ грамотъ XVI и XVII вѣка довольно находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи: онѣ составляютъ матеріялы для Исторіи Россійскаго законовѣдѣнія, коей у насъ недостаетъ; тѣмъ болѣе должны мы дорожить отысканіемъ и обнародованіемъ пособій по сему важному и любопытному предмету, ожидающему просвѣщеннаго, хорошо приготовленнаго и трудолюбиваго дѣлателя. Въ этомъ отношеніи незабвенны труды и начинанія Профессоровъ Московскаго Университета: Дильтея, Лангенса, Десницкаго, Цвѣтаева и Горюшкина.

Судя по назначенію изданной въ Москвѣ Правой грамоты, мы въ правѣ предполагать, что обязаны симъ изданіемъ Профессору практическаго Россійскаго Законовѣдѣнія, Н. Н. Сандунову, извѣстному опытными свѣдѣніями въ этой части. Благодаря почтеннаго Издателя за этотъ трудъ, не можемъ не пожалѣть, что, кромѣ поколѣнной росписи, необходимой для объясненія хода дѣла, производившагося при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, онъ не объявилъ: 1-е, откуда заимствовалъ рукопись и какія ея дипломатическія примѣты; 2 для пользы учащихся и читающей Публики, не объяснилъ старинныхъ юридическихъ терминовъ, напр. что значатъ: *пристава дать, недѣльщикъ, выть, отписи, сельца держать въ прокъ, разбой, разбойное дѣло* и. т. д.

Изъ Грамоты значится, что къ ней приложена была печать Государева, подписалъ Великаго Князя Дьякъ Леонтій Офунинъ, а позади по ставомъ того жь Дьяка припись.

Пожелаемъ, чтобы подобные письменные памятники не истлѣвали въ забвеніи, а издавались у насъ отчетливо и вѣрно и удовлетворяли бы требованія критики.

М *

Четыре времени года Рускаго поселянина. Сельская поэма Ѳедора Слѣпушкина.— С. П. Б. въ типогр. Департам. внѣшней торговли, 1830. (Съ литографированною картинкой. 80 стран. въ 8-ю д. л.)

Иностранцы удивляются *Азіатской* щедрости нашихъ Журналовъ на похвалы, а мы приписываемъ эту неумѣренность Азіатской лѣности нашей читать и думать. Многіе, никогда не слѣдовавшіе за текущею Словесностію, вдругъ обязываются говорить о каждой вновь выходящей книгѣ, и не имѣя охоты читать, не привыкнувъ при чтеніи мыслить, прибѣгаютъ къ легкому способу отдѣлываться отъ читателей: къ риторическимъ похваламъ, или къ брани, по которой видно только, что Рецензентъ сердитъ на Сочинителя. Вотъ почему грозныя опредѣленія нашихъ Аристарховъ не сходствуютъ съ общимъ мнѣніемъ разсуждающей Публики, а ими раздаваемые лавры и благодарность отъ лица всего человѣчества—обидны истинному таланту.

Подобной похвалою обезображено и предисловіе къ *Сельской поэмѣ* Ѳ. Слѣпушкина. Къ ней ничего не прибавишь, говоря о Виргиліи или Томсонѣ, и по ней не узнаешь, чѣмъ крестьянинъ Слѣпушкинъ обратилъ на себя вниманіе, кромѣ своего положенія. По нашему мнѣнію, стихотворенія его пріятнѣе многихъ поэмъ и элегій молодыхъ нашихъ Поэтовъ, которые вмѣсто мыслей и поэзіи ищутъ однихъ звуковъ, напоминающихъ гармонію стиховъ Пушкина и Баратынскаго и тѣмъ счастливо походятъ на снѣгирей, высвистывающихъ пѣсню о Мальбругѣ. Стихи въ *Сельской поэмѣ*, не отличаясь ни отдѣлкою, показывающею знатока въ искусствѣ, ни возвышенностію поэтическихъ мыслей, привлекаютъ читателей правдою описаній. Въ ней всѣ предметы не по слуху знакомы нашему пѣвцу-поселянину: въ ней воспѣлъ онъ свой бытъ скромный, но счастливый.

Въ оправданіе нашего мнѣнія, помѣщаемъ здѣсь его стихотвореніе:

ЯРМАРКА.

Настало утро золотое,
Зарница въ небѣ чуть блеститъ;
Свѣтаетъ небо голубое,
И ранній соловей свиститъ,
Поютъ вездѣ пернатыхъ хоры!
Лучи льетъ солнце отъ небесъ,
Поля воскресли, холмы, горы,
Луга, сады и дикой лѣсъ;
Струи межъ камнями играютъ,
Подъ ивами на ручейкѣ
Своимъ журчаньемъ привлекаютъ!
Тамъ отдается въ далекѣ
Звонъ тихой стараго погоста,
Тутъ почта рѣзвая летитъ
Съ крутаго берега вдоль моста,
Лишь по дорогѣ пыль клубитъ!
Вотъ потянулися рядами,
Обозы съ сельскими трудами
На хлѣбной ярмарки базаръ;
Въ обгонъ въ коляскахъ и рыдванахъ
Мчатъ кони статные бояръ!
Купцы, посадскіе въ кафтанахъ
Въ цвѣтныхъ халатахъ дорогихъ
Несутся вихремъ на лихихъ!
Какъ бы на пиръ веселый къ другу
Со всѣхъ сторонъ толпы гостей,
По берегу, водѣ и лугу—
Шумятъ какъ стадо лебедей.

И вотъ всѣ съѣхались, собрались,
Товары въ лавкахъ разобрались:
Тамъ бѣлоснѣжный коленкоръ,
Тамъ легкой разноцвѣтной флёръ;
Тамъ лоснятся атласомъ ленты,
Сверкаютъ съ гасомъ позументы,
Парчи узорчатыя, штофъ,
И ситцы модныхъ всѣхъ цвѣтовъ,
Платки съ широкими коймами
Лежатъ открытыми кусками
Въ подрядъ уборно на виду,
Какъ будто бы цвѣты въ саду
Гостей красою привлекаютъ.
Тамъ грани хрусталей сверкаютъ,
Златистой разписной фарфоръ,
Тамъ манитъ запахомъ помада,
Прохожихъ привлекаетъ взоръ.
А тутъ для сельскаго наряда
Кумачъ, китайки и платки,
Для молодцовъ тамъ кушаки,
А для красавицъ позументы,
Цвѣтистой бисеръ, въ косы ленты;
Для ходоковъ тутъ сапоги,
Для ѣздоковъ шлеи, дуги́;
Для малыхъ дѣточекъ потѣхи
Въ палаткахъ пряники, орѣхи,
Для ѣдоковъ возъ калачей,
По вѣчкамъ разные товары;
Шумятъ со збитнемъ самовары,
Проворной збитенщикъ гостей
Шутливой лаской закликаетъ.
А подъ горой какъ вихрь летаетъ
Цыганъ на жеребцѣ гнѣдомъ,
Крутитъ коня предъ табуномъ!
То тихой рысью, ровнымъ скокомъ,
И замѣчая зоркимъ окомъ,
Охотника онъ ловитъ взглядъ.
Къ нему подъѣхалъ:—здравствуй, сватъ!
Давай, родной, скорѣе руку,—
Купи удалаго гнѣдка! —
Иль промѣняй на воронка,
А за меня тебѣ порука
Весь таборъ коренныхъ Цыганъ,
Грѣха боюсь навесть обманъ!
Гнѣдко мой хоть куда годится,
Въ тяжелой возъ, и прокатиться;
Какъ статенъ и красивъ собой!
Весна шестая, какъ родился,
Недавно колъ во рту пробился
И шерсть полюбитъ домовой.
Не дай Богъ видѣть мнѣ кибитки
Когда я лгу!— готовы *литки*.

Высокой на лугу шатеръ,
Какъ башня гордая бѣлѣетъ;
На немъ орелъ, въ низу какъ боръ
По крыльямъ елка зеленѣетъ.
Веселье тамъ у поселянъ,
За пѣннымъ по травѣ кругами
Сидятъ рядкомъ друзья съ друзьями
Съ продажей меду и сѣмянъ
Любя другъ друга, поздравляютъ,
Почокиваясь, дружно пьютъ,
Въ прохладѣ пѣсенки поютъ,
И въ звонкіе рожки играютъ;
Въ кругу отвага молодца
Въ присядку пляшетъ голубца:
По ярмаркѣ, какъ рой шумливой
Гуляетъ весело народъ;
Тутъ рядъ идетъ вельможъ, господъ;
Забавенъ разговоръ шутливой
И смѣхъ летаетъ съ ихъ толпой.

А въ слѣдъ посадскіе гурьбой,
Купцовъ подруги молодыя,
На нихъ наметки золотые,
Кокошникъ жемчугомъ увитъ,
Яснѣютъ по челу подзоры,
На штофныхъ ферезяхъ уборы
Широкой гасъ какъ жаръ горитъ!
Селяне мирные съ женами
Счастливо сбыли даръ гумна,
Душа ихъ радости полна,
Идутъ уговорясь съ друзьями
Въ ряды къ знакомому купцу.
Купить женѣ кумачъ, отцу
Кушакъ, китаечникъ родимой,
А бисеру сестрѣ любимой,
По шляпѣ добрымъ сыновьямъ,
По лентѣ въ косы дочерямъ,
Малюткѣ поясокъ шелковой,
Радивой бабушкѣ, камки
На подзатыльникъ лоскутъ новой.
Купили, — бережно въ мѣшки
Свои обновы уложили,
И нагулявшись покатили
Селяне мирные къ домамъ.
Вотъ шумъ на ярмаркѣ стихаетъ
И рѣже стало по рядамъ,
Уже на небѣ вечеряетъ,
Едва мерцаетъ солнца свѣтъ,
Ночь темная за нимъ идетъ,
Умолкло все, и пусто стало,
И ярмарки какъ не бывало!
Свѣтъ насъ забавами манитъ,
И суета нашъ умѣ кружитъ;
Пестрѣетъ міръ передъ глазами,
Все жизнію кипитъ предъ нами,
Но эта ярмарка минетъ,
Всему просторъ — и слѣда нѣтъ.

Ѳ. Слѣпушкинъ.

19 Января, 1830 г.

СМѢСЬ.

Въ Москвѣ издастся въ теченіе нынѣшняго года: *Французско-Россійскій Словарь, современный нынѣшнему состоянію наукъ, извлеченный изъ сравненія извѣстнѣйшихъ Словарей и заключающій въ себѣ всѣ выраженія, свойственныя Французскому языку; съ присовокупленіемъ, гдѣ нужно, буквальнаго произношенія и Латинскаго перевода словъ; составленный Коллежскимъ Ассесоромъ и Кавалеромъ Сергіемъ Татищевымъ.*— Выписываемъ печатное объявленіе о сей книгѣ: «Авторъ, желая доставить своимъ соотечественникамъ сколько можно лучшее произведеніе въ семъ родѣ, принялъ на себя трудъ повѣрить мнѣнія знаменитѣйшихъ Лексикографовъ и передать всѣ значенія Французскихъ словъ въ ближайшемъ переводѣ на Россійскомъ языкѣ, приноравливаясь всегда къ нынѣшнему состоянію Литературы и образу преподаванія наукъ въ Россіи. Просвѣщенная Публика, чувствовавшая давно недостатокъ въ *современномъ ей* Словарѣ, не причтетъ Автору въ вину изданія настоящаго. Издатель же сочтетъ себя вполнѣ награжденнымъ за шестилѣтніе труды, предпринятые имъ для общественной пользы, если труды сіи будутъ справедливо оцѣнены и поощрены благосклоннымъ принятіемъ Словаря, представляемаго взорамъ Публики въ образцовомъ листкѣ (*). Словарь сей, состоящій въ двухъ томахъ, изъ которыхъ въ каждомъ будетъ неменѣе 40 печатныхъ листовъ, предполагается кончить тисненіемъ къ концу сего года, потому что значительная часть перваго тома уже отпечатана. Затрудненія въ печатаніи такого рода книгъ (весьма извѣстныя тѣмъ, кто занимался симъ дѣломъ) и желаніе, изъявленное многими особами о скорѣйшемъ появленіи въ свѣтъ такой общеполезной книги, побуждаютъ Автора открыть подписку. Подписная цѣна за оба тома въ поперечную осмушку назначается 20 руб. ассигнаціями. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны въ концѣ. Подписка принимается: *въ Москвѣ*: въ книжной лавкѣ А. Семена на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Каразина, и типографіи его же Семена, на Кисловкѣ въ домѣ Ланга; въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, на большой Дмитровкѣ, въ домѣ Артемовой; въ книжныхъ лавкахъ Глазунова противъ Казанскаго Собора, подъ No 1 и 2. *Въ С. Петербургѣ*: у А. Ф. Смирдина, близъ Синяго моста.»

«Сколь многія черты изъ жизни Литтераторовъ остаются неизвѣстными, потому, что объ нихъ упомянуто было или въ книгахъ, нынѣ уже нечитаемыхъ, или въ собраніяхъ многотомныхъ,» говоритъ Г. Пеньо (Peignot), въ любопытной своей книгѣ: Choix de Testamens anciens & modernes (2 vol. in-8. Paris, 1829), и по сему случаю разсказываетъ слѣдующій анекдотъ о Лабрюйерѣ, отысканный имъ въ одномъ изъ помянутыхъ собраній.

Лабрюйеръ, во время своихъ прогулокъ, почти каждый день заходилъ отдыхать къ книгопродавцу Мишаллету. Лабрюйеръ просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ въ его книжной лавкѣ, либо перебирая книги, либо шутя и забавляясь съ маленькою дочерью книгопродавца, прекраснымъ дитятей, которое онъ очень любилъ. Однажды (въ 1686 году) вытащилъ онъ изъ кармана тетрадь, и подавъ ее Мишаллету, сказалъ: «Послушайте, хотите ли вы напечатать вотъ это (то была рукопись его книги: Caractères)? Не знаю, не потерпите ли вы убытка; но если будетъ успѣхъ, то все вырученное отдаю я въ приданое маленькой моей пріятельницѣ.« Книгопродавецъ, то же не увѣренный въ успѣхѣ, сперва замялся, а потомъ рѣшился напечатать, болѣе изъ уваженія къ Лабрюйеру, нежели изъ надежды прибыли. Книга была напечатана. Едва поступила она въ продажу (1687 г.), какъ всѣ экземпляры были разкуплены; второе, третье и четвертое изданія, всякій разъ улучшаемыя и печатанныя въ большемъ числѣ экземпляровъ, быстро слѣдовали одно за другимъ и принесли книгопродавцу болѣе 100,000 франковъ чистой прибыли. Столь значительная выручка побудила честнаго Мишаллета предложить Лабрюйеру большую часть пріобрѣтенныхъ имъ денегъ; онъ говорилъ, что считалъ шуткой уступку всего дохода въ пользу его дочери; что ни онъ, ни самъ Лабрюйеръ не могли тогда предвидѣть столь великаго успѣха. «О чемъ вы говорите?» подхватилъ Лабрюйеръ: «это не ваше дѣло, и не мое; деньги принадлежатъ вашей дочери, и я очень радъ, что случай такъ ей помогъ. Не станемъ больше говорить объ этомъ.» — Рѣдкій примѣръ безкорыстія, доказывающій, что Литература въ душахъ возвышенныхъ есть именно *цѣль*, а не *средство*.

* * *

Стеченіе библіографическихъ статей о новыхъ и пріятныхъ явленіяхъ въ нашей Словесности, не позволяло Издателю помѣстить донынѣ въ Литературной Газетѣ второй статьи о романѣ: *Димитрій Самозванецъ*.

(*) Къ объявленію приложенъ таковый листокъ, дабы сообщить понятіе о переводѣ словъ и о форматѣ книги.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 21-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМ. I. №. 18. МАРТА 27го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ПОСЛѢДНІЙ БРАЧЧІАНО.

Римская хроника *).

La Venere di Bracciano (т. е. *Венера Браччіанская*) была статуя, весьма знаменитая въ минувшемъ вѣкѣ. Чужеземцы никогда не выѣзжали изъ Рима, не подивившись ей, и разсказываютъ, что одинъ Англичанинъ, плѣняся вдругъ этою неодушевленною красавицей, нашелъ средство обмануть бдительность надзирателей и провести ночь въ галлереѣ, гдѣ сія статуя была поставлена.

Сей случай, надѣлавшій много шуму, принудилъ стараго Дюка запретить входъ въ его дворецъ, стоящій на *Венеціянской площади*. Самъ онъ любилъ показывать свои богатства тѣмъ, которые особенно были поручены въ его благоразположеніе; но въ отсутствіе Дюка, никто не проникалъ въ сіе святилище изящныхъ искусствъ. Посему-то *чичерони* и лонъ-лакеи, въ отмщеніе за такое разпоряженіе, противное выгодамъ ихъ, говорили всѣмъ и каждому, что ревность вмѣшивалась въ запрещеніе Дюково; и увѣряли, что старикъ, въ подражаніе Англійскому путешественнику, былъ не на шутку, до изступленія ума inamorato del marmo famoso (**)!

Сія статуя найдена была въ окрестностяхъ Браччіано, подъ развалинами *виллы*, которую Антикваріи, нисколько не запинаясь, назвали *храмомъ Венеры*; ибо и въ самомъ дѣлѣ мраморъ сей, дивное произведеніе рѣзца, долженъ былъ изображать богиню любви; но въ выраженіи лица, что-то сходное съ суровостью Аполлона Бельведерскаго и Юпитера Капитолійскаго, оправдывало данное ей прозваніе: Vindicatrice (*мстительница*).

Не однѣ чистѣйшія и прелестнѣйшія формы тѣла придавали непомѣрную цѣну сему произведенію лучшихъ временъ Греческаго ваянія: въ немъ замѣчена была одна особенность, тѣмъ болѣе разительная, что ей не находили еще другаго примѣра: это была разность впечатлѣній, раждаемыхъ сею статуей сообразно тому, съ которой стороны на нее смотрѣли. Прямо, черты лица ея, правильныя и величественныя, внушали нѣкоторое почтеніе: возвышенное чело, строгость въ очахъ и полуоткрытыя уста какъ будто бы отдавали повелѣніе; со стороны—лукавая улыбка и очаровательная прелесть обличали какую-то тайную мысль: въ чертахъ богини любви не видно было уже ничего, противоположнаго роскошнымъ округлостямъ всего ея тѣла и движенію рукъ.... Должно сказать, что сіи руки были работы новѣйшей; но ваятель такъ былъ проникнутъ мыслью художника Греческаго, что тѣлодвиженіе, соотвѣтственно выраженію лица, повелительное съ одной стороны,—съ другой, казалось, ожидало съ любовью только минуты страстныхъ объятій.

Много сонетовъ написано было въ честь *Венеры Браччіанской*; славнѣйшій изъ нихъ оканчивался сими словами: «Такъ, когда Венера казнила Психею за ея «дерзость, лице ея не могло совершенно скрыть сильнаго волненія, которое чувствовала она, при воззрѣніи «на прелести подруги своего сына.»

Дюкъ Браччіано передъ смертью подозвалъ къ себѣ шестнадцати-лѣтняго сына своего, и сказалъ ему тихимъ голосомъ.

«Оставляю тебѣ великое богатство, Карло; но ничто не возбудитъ къ тебѣ столько зависти, какъ мраморная статуя, носящая имя фамиліи, которой ты остаешься послѣднею отраслью. Обѣщай мнѣ, что никогда не согласишься ты передать въ чужія руки сію статую, съ которою связана участь рода Браччіано. Мать моя, на смертномъ одрѣ своемъ, объявила мнѣ, что одна Цыганка, славившаяся искусствомъ своимъ предсказывать будущее, написала когда-то на подножіи статуи символическія слова, кои переведены были учеными въ сихъ двухъ стихахъ:

(*) Сочиненіе Ожера (Auger.)

(**) Влюбленъ въ славную статую.

Послѣднимъ въ гробѣ предковъ ляжетъ
Тотъ, кто невѣрность мнѣ окажетъ.«

Спустя годъ послѣ того, когда юный Дюкъ возвратился въ свой дворецъ на Венеціанской площади, онъ вспомнилъ, стоя передъ статуей, слова отца своего. Впервые чувство вмѣшалось во взглядъ, брошенный имъ на кусокъ мрамора; онъ удивился, видя въ немъ формы человѣческія, и сердце его забилось отъ удовольствія, нашедъ въ немъ сіи формы.

На другой день Карло снова пришелъ къ статуѣ, можетъ быть невольно. Одинъ изъ тѣхъ служителей, грубыхъ льстецовъ, коихъ желаніе угодить выражается только низостью и внушаетъ только развратъ, засталъ его, когда онъ въ раздумьи стоялъ передъ мраморомъ и созерцалъ божественныя его формы. Преданіе о Венерѣ Браччіанской было ему разсказано со всѣми простонародными прибавками. Карло вздрогнулъ. Взоръ его снова устремился на статую. Сей взоръ пламенный, нетерпѣливый, любопытный, обличалъ мгновенное впечатлѣніе; кровь закипѣла въ сердцѣ юноши, онъ протянулъ руки.... Но строгое выраженіе сего мраморнаго лица тотчасъ утишило его чувства.

Въ семнадцать лѣтъ, подъ раскаленнымъ небомъ, наслѣдникъ рода Браччіано искалъ уединенія. Ничто въ обществѣ человѣческомъ не отвѣчало созданіямъ его мечтательнаго воображенія, ничто не отвѣчало его ожиданіямъ; разговоръ казался ему незанимательнымъ, умъ ребяческимъ, вѣжливость докучною, свѣтское обращеніе ледянымъ, угодливость женщинамъ—отвратительною. Никакая симпатія не влекла дѣвственной его мысли къ суетнымъ приманкамъ или къ бурнымъ страстямъ. Царица міра, Царица искуствъ (*) не вмѣщала въ себѣ ни одного сокровища, которое могло бы плѣнить его. Со всѣмъ тѣмъ, онъ выходилъ иногда изъ дому, чтобъ искать новыхъ впечатлѣній; но сердце его начинало биться живѣе только на порогѣ дворца его; оно билось еще сильнѣе, когда онъ оставался одинъ съ изящными произведеніями искуствъ, которыя отецъ его собралъ съ такимъ вкусомъ и роскошью. Застѣнчивый при людяхъ, онъ предавался врожденной своей восторженности, какъ скоро не чувствовалъ на себѣ ига взоровъ постороннихъ. Осанка его въ свѣтѣ была такая же, какъ и у всякаго; но въ великолѣпномъ его уединеніи, что-то вдохновенное оживляло всѣ его движенія; страстная душа его какъ бы росла отъ соприкосновенія искуствъ, и это существованіе, хотя для насъ и холодное, казалось ему исполненнымъ всѣми наслажденіями, дарованными землѣ.

Когда ничто не удовлетворяетъ человѣка въ жизни общественной, тогда воображеніе населяетъ ее созданіями совершеннѣйшими.

Однако же Карло чувствовалъ пустоту одиночества. Въ воображеніи мечтателя, всѣ впечатлѣнія долговременны; но въ юношѣ, идеалъ есть только проявленіе желанія, которое скоро заговоритъ повелительно.

Въ галлереѣ дворца Браччіано, двѣ картины въ особенности привлекали взоры знатоковъ; то были: *Св. Дѣва*, Андрея дель Сарто, и *Магдалина*, Гвидо Рени. Молодой Дюкъ, если водилъ кого нибудь изъ любопытныхъ посѣтителей, всегда останавливался передъ сими дивными картинами и говорилъ гостямъ своимъ:

— «Вы видите здѣсь два изъ совершеннѣйшихъ произведеній живописи. Не находите ли вы, въ чертахъ этихъ лицъ, добродѣтелей Христіанскихъ: снизхожденія, благости, разкаянія и надежды? Предъ образомъ Матери Божіей и предъ изображеніемъ грѣшницы, возлюбившей Бога и вознесшей къ Нему взоры свои,—чувствуешь, кажется, какъ возраждаются въ душѣ всѣ идеи первыхъ лѣтъ нашей жизни. Превосходныя сказанія священныя приходятъ на память; и въ томъ есть особенная какая-то сладость, чтобъ жить снова, хотя на короткое время, спокойствіемъ дѣтства!«

Тутъ онъ вздыхалъ.

Но въ галлереѣ статуй, Карло хранилъ мрачное безмолвіе. Взоръ его становился безпокоенъ, дыханіе тяжело; и равнодушіе, и удивленіе посѣтителей равно были досадны ему. Сіе чувство страха и эгоизма наконецъ такъ овладѣло имъ, что онъ заперъ сей храмъ искуствъ; и спустя нѣсколько времени, вовсе отказался принимать постороннихъ посѣтителей, вопреки привѣтливости, столь замѣчательной въ Италіянскихъ вельможахъ.

* * *

Однажды Кардиналъ Браччіано, дядя Карла, предложилъ ему промѣнять *Венеру* на группу Микель-Анджела, отмѣнно высокой цѣны. Карло поблѣднѣлъ, смутился и потомъ отвѣчалъ закраснѣвшись:

— «Вѣрно Ваше Преосвященство ошиблись: вамъ угодно имѣть Христа работы Бернина.

— «Нѣтъ, Карло; я говорю не въ шутку о твоей Венерѣ, о *мстительницѣ*. Это такая статуя, Карло, которой ты, кажется, не чувствуешь настоящей цѣны.

— «Ваше Преосвященство не должны бъ были позабыть, что было сказано:

-«Послѣднимъ въ гробѣ предковъ ляжетъ,
Тотъ, кто невѣрность мнѣ окажетъ.

— «Это бредни достопочтенной моей матушки, Карло, не вѣрь имъ, племянникъ; да къ тому же, не ты ли единственный мой наслѣдникъ? Ну, соглашайся же на обмѣнъ; а я прибавлю къ группѣ Микель-Анджела еще прекрасное произведеніе *Герарда делле Нотти*, большаго моего Апостола, работы *Фра-Бартоломео*, да сверхъ того, женю тебя на Барбарѣ Альтіери, прекра-

---

(*) Roma (Римъ.)

снѣйшей изъ дѣвъ Христіанскихъ, если у тебя есть глаза, чтобъ видѣть, и сердце, чтобъ полюбить ее, Карло.»

Разговоръ сей происходилъ подлѣ знаменитой статуи; Кардиналъ любовался ею, смотря прямо ей въ лице, а молодой Дюкъ, стоя со стороны, томнымъ взоромъ глядѣлъ на нее съ самой восхитительной точки зрѣнія.

— «Вы хотите женить меня, дядюшка!« вскричалъ онъ.

— «Ну, ну, племянничекъ! потише, пожалуйста. Corpo di Bacco! какъ ты горячишься. Полно тебя ли всѣ гласно винятъ за равнодушіе?

— «Женить меня, дядюшка? и для чего же? Для чего мѣнять жизнь счастливую на жизнь неизвѣстную?

— «Для чего, племянникъ? А для того, чтобы старшій твой сынъ былъ послѣ тебя Дюкомъ Браччіано, чтобы второй твой сынъ былъ современемъ Кардиналомъ Браччіано, а можетъ быть и Папой; наконецъ, чтобы я могъ наградить моихъ внучекъ всѣмъ тѣмъ, что скопилъ при жизни моей, Carlo mio.

— «Все это прійдетъ въ свое время, если Богу угодно будетъ; ваше Преосвященство слишкомъ много заботитесь о моемъ счастіи.

— «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, племянникъ; мнѣ ждать некогда. Если ты мнѣ откажешь, то симъ оправдаешь подозрѣнія, разсѣявшіяся на твой счетъ.

— „Какія подозрѣнія?» вскричалъ молодой человѣкъ, поблѣднѣвъ.

— «Если одни винятъ тебя за равнодушіе, за то другіе полагаютъ, что ты любишь въ тайнѣ какую нибудь прелестницу, недостойную твоего званія, Карло; и скажу тебѣ откровенно, я также въ томъ увѣренъ.

— «Вы, вы также, ваше Преосвященство?» промолвилъ Дюкъ еще съ большимъ замѣшательствомъ.

— «Да; у меня есть письменныя тому доказательства. Любовь сдѣлала тебя Поэтомъ, другъ Карло; не прогнѣвайся, что я проникнулъ въ тайны твоего Парнасса. Какъ объяснишь ты это посланіе, спрятанное у меня здѣсь, подъ мантіей?«

Кардиналъ вынулъ бумагу и началъ декламировать:

«Блаженство мое, душа, жизнь моя! ты, которую я «согрѣваю моими поцѣлуями! тебѣ я обязанъ сладостнѣйшими минутами моего существованія! вѣрная, «скромная...«

Молодой человѣкъ поспѣшно вырвалъ бумагу, и вскричалъ съ усиліемъ:

— «Да, я люблю! люблю навѣки!

— «Племянникъ, племянникъ!» молвилъ Кардиналъ, прогнѣванный поступкомъ молодаго Дюка: «ты отказываешься промѣнять мнѣ *мстительницу*, ты отказываешься жениться на той невѣстѣ, которую я для тебя выбралъ.... Поберегись! я озлобленъ тобою, а у сиротъ такія руки, которыми они все берутъ, что имъ ни дается.... Увидишь....«

* * *

Чрезъ два года, во дворцѣ на Венеціанской площади раздавались пѣсни веселія и звуки музыки.

Можно ли было увидѣть Барбару и не полюбить! Въ ней совокуплены были всѣ приманки нашихъ временъ, а Художники находили въ ней чистоту формъ древнихъ. Она плѣняла живостью, веселостью, остротой ума; и при всемъ томъ, какая-то задумчивость и легкая мечтательность сближали ее съ людьми нрава степеннаго. Убранство ея было—какъ и все въ Римѣ—смѣсью временъ древнихъ и новѣйшихъ.

Когда Карло впервые увидѣлъ ее, онъ удивлялся ей, но съ хладнокровіемъ художника, долженствующаго произнести свой судъ о картинѣ: онъ думалъ, что находилъ въ ней нѣкоторое сходство съ *Мадоной* Андрея дель Сарто, еще болѣе съ своей *Магдалиной* Гвида Рени. Онъ вступилъ съ дочерью Альтіери въ разговоръ, который въ особенности понравился ей тѣмъ, что совершенно отличался отъ разговора другихъ мужчинъ; ибо подходя къ ней, они высказывали только притворные миѳологическіе *кончетти* на красоту ея. Она полюбила — но полюбила одна.

Наши чувствованія подчинены всегда причинамъ тайнымъ, независимымъ отъ нашей воли, и вліяніе предметовъ внѣшнихъ предуготовляетъ насъ къ пріятію оныхъ. Прежде чѣмъ говорить душѣ, любовь ждетъ, чтобъ она разкрылась для сладостнѣйшихъ волненій. Сходствомъ привычекъ нерѣдко объясняется своенравное предпочтеніе.

Во второй разъ Дюкъ Браччіано увидѣлъ Барбару на праздникѣ въ *виллѣ* Боргезе, гдѣ изящнѣйшіе образцы ваянія, являвшіеся взорамъ всѣхъ, ему только одному говорили языкомъ чувствъ, иногда столь опаснымъ.

Кардиналы, Епископы хладнокровно разговаривали у подножія сихъ мраморныхъ божествъ, которыя слушаютъ только голосъ нѣги, отвѣчаютъ только на голосъ нѣги. Карло вздрогнулъ, увидѣвъ ту, которую назначали ему быть матерью потомковъ Браччіано....

Воспоминаніе о томъ пробудилось въ его памяти, въ ту минуту, когда Барбара, своею гордой и пріятной сановитостью, своими плѣнительными и строгими чертами лица, являла его воображенію другія черты, другую осанку.... Вздохи жгли уста его... Карло подходитъ къ ней, она къ нему; онъ говоритъ съ нею — звукъ чистый и сладостный отвѣчаетъ ему; онъ подаетъ руку — и въ ней лежитъ другая рука; онъ нѣжно ее пожимаетъ — и легкое пожатіе, кажется, служитъ отвѣтомъ... Небо! это не мраморъ!...

Карло вскрикиваетъ, и падаетъ безъ чувствъ. . . .

. . . .

Когда находимъ то, что одушевляетъ жизнь, тогда какъ все мертво въ минувшемъ!...

Во дворцѣ на Венеціанской площади, раздавались пѣсни веселія и звуки музыки.

Дюкъ Браччіано, съ лицемъ, свѣтлымъ отъ счастія, велъ свою новобрачную. Оба были молоды и прекрасны; взорами подтверждали они клятвы, произнесенныя предъ Богомъ; два знаменитые рода соединялись въ ихъ особахъ, и толпа гостей удивлялась имъ съ живой и шумной радостію восторга.

— «Это Венера и Адонисъ,» говорили поэты и ученые.

— «Это два Ангела,» говорили набожныя старушки.

Юноши молчали; но таинственный шепотъ обличалъ единодушный восторгъ многихъ сердецъ, пріятно взволнованныхъ.

Пиршество было великолѣпно. Кардинала не видѣли на пиршествѣ: онъ отошелъ уже къ праотцамъ своимъ.

Между тѣмъ какъ гости, за свадебнымъ столомъ, продолжали умные свои разговоры, Карло увелъ далеко отъ постороннихъ взоровъ Дюшессу Браччіано.

Они пришли въ галлерею, приготовленную для бала. Тишина, царствовавшая среди сихъ существъ, столь совершенныхъ, коимъ рѣзецъ ваятеля не могъ сообщить только чувствъ, которыми многіе изъ смертныхъ надѣлены какъ будто по ошибкѣ, — сія священная тишина поселила въ душахъ молодыхъ супруговъ что-то торжественное... Дымъ ароматовъ, конечно воображаемыхъ, повергалъ ихъ въ упоеніе....

— «Барбара, милая подруга!

— «Карло! *жизнь моя!*«

Карло обнялъ страстными руками лилейную шею прелестной своей супруги; пламенныя уста ихъ встрѣтились... Вдругъ Барбара стремительно вырвалась.

— «Кто-то вздохнулъ,» молвила она со страхомъ.

Тутъ послышался отдаленный шумъ. Они расстались, сказавъ другъ другу: «до вечера!»

— «До вечера!» отвѣчало эхо.

Все, что въ Римѣ было знаменитаго или благороднаго: фамиліи Патриціевъ, родственники Папъ, семейства, прославившіяся искуствами — всѣ собрались во дворцѣ на Венеціянской площади. Имена Браччіано и Альтіери были во всѣхъ устахъ: такъ казались они звучными въ этотъ день брачный. Наконецъ открылся балъ: самый пышный этикетъ соблюдался на немъ, и предъ *Венерою Браччіанской*, почетнымъ мѣстомъ въ этомъ дворцѣ, собрался кругъ родственниковъ и друзей около молодыхъ супруговъ.

Когда Барбара стала надѣвать перчатку, обручальное кольцо упало съ ея пальца.

—«*Синьоръ*,» сказала она Карлу, «это кольцо не будетъ держаться у меня на пальцѣ; боюсь потерять его.

—«*Синьора*,» отвѣчалъ Дюкъ, съ восторгомъ поцѣловавъ сей залогъ неразрывныхъ узъ:» ювелиръ нашъ завтра принесетъ вамъ его обратно; въ ожиданіи, я надѣну его на палецъ той, которая, по старинному преданію, почитается духомъ хранителемъ Браччіановъ.»

Тутъ онъ надѣлъ кольцо на палецъ статуи.

* * *

Танцы продолжались до глубокой ночи.

Когда толпа разошлась, Карло повелъ Дюшессу Браччіано въ спальню.

— «*Синьоръ*, сказала Барбара, кинувъ безпокойный взглядъ на ложе брачное:» со мною нѣтъ кольца, связавшаго насъ предъ лицемъ Бога.«

Карло поцѣловалъ руку, лишенную драгоцѣннѣйшаго ея украшенія, и скрылся.

Уже было мрачно въ галлереѣ статуй; но Дюкъ шелъ въ потьмахъ... Онъ очень хорошо зналъ сіе мѣсто... Онъ подвигался впередъ, впередъ... и пришелъ.

Вотъ и статуя: Карло узналъ ея округлости; рука его блуждаетъ, сердце готово выскочить.

—«Карло, Карло! супругъ мой!» слышенъ былъ чей-то голосъ.

Карло все ищетъ: онъ встрѣчаетъ наконецъ руку статуи; но эта рука, которой палецъ принялъ на себя кольцо обручальное — эта рука сжалась и кольцо на ней крѣпко держится.

— «Карло, Карло! супругъ мой!» говорилъ тотъ же голосъ.

Кольцо держится, и Карло, трепещущій, изумленный, колеблется между воспоминаніями прошедшаго и любовью своею къ супругѣ.

—«Карло, Карло! супругъ мой!» сказалъ еще голосъ встревоженный и жалобный.

Кольцо держится; но мысль о Дюшессѣ придала наслѣднику Браччіано смѣлость, дотолѣ невѣданную.... Рука ломка, надобно ее разбить: онъ ищетъ желѣза, бьетъ имъ....

Болѣзненный крикъ раздался въ галлереѣ.

Обручальное кольцо вырвано силою, Дюкъ летитъ туда, гдѣ ждала его любовь.

Алебастровая лампа разливаетъ блѣдный свѣтъ; ароматы вьются по комнатѣ легкими облаками.

—«Барбара!» вскричалъ онъ, бросясь на ложе.

Отверстыя объятія принимаютъ его и крѣпко сжимаются.... Послышался продолжительный вздохъ.... Послѣдній Браччіано умиралъ въ объятіяхъ *мстительницы*.

Во всѣхъ концахъ дома, плачевный голосъ мраморной невѣсты повторилъ сіе печальное предсказаніе:

«Послѣднимъ въ гробѣ предковъ ляжетъ
Тотъ, кто невѣрность мнѣ окажетъ.»

Съ Франц. С — въ.

ЩУКА,

Басня (*).

На Щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ рѣкѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлой возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лахани принесли.
Судьи не вдалекѣ сбирались;
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однако жь имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя, да два иль три козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была Лиса за Прокурора.
И слухъ между народа шолъ,
Что Щука Лисинькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни —
И то сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни
И въ страхъ другимъ повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!« Лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало: я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой невидано у насъ здѣсь на вѣку.
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно—
Такъ утопить ее.» — «Прекрасно!«
Кричатъ судьи.—На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили въ рѣку.

И. Крыловъ.

ИЗЪ АРІОСТОВА:

Orlando furioso.

Цвѣты, поляна, боръ зеленый,
Пещера, токъ волны студеной,
Пріюты счастья моего;
Гдѣ Галафрона дочь младая,
Другихъ плѣненныхъ презирая,
Меня любила одного;
Гдѣ съ Ангеликою прелестной
Я долго жилъ въ тиши безвѣстной;
Гдѣ обнаженная она
Въ моихъ объятіяхъ лежала
И нѣги сладостной полна,
Медора къ персямъ прижимала;
Какую вамъ награду дать?
Я бѣдный лишь могу желать:

Чтобы любовники младые,
Дѣвицы, витязи лихіе,
Отъ дальнихъ странъ, изъ ближнихъ селъ,
Случайно, вольно, кто бъ ни шелъ,
Чтобъ онъ поляну, боръ зеленый
Пещеру, токъ волны студеной,
Цвѣты, блестящіе красой,
Благословя, молилъ душой:
Да солнце ихъ привѣтно грѣетъ,
Да въ темну ночь луна лелѣетъ,
И хоръ бы Нимфъ не допускалъ,
Чтобъ стадо къ нимъ пастухъ гонялъ.

И. Козловъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о Полемикѣ.

У насъ многіе изъ Авторовъ худо понимаютъ смыслъ иностранныхъ словъ: Критика и Полемика, по мнѣнію иныхъ, одно и то же. Критика: сужденіе, или изслѣдованіе, или разборъ творенія. Полемика: письменный споръ ученый, литературный, ѳеологическій. Можно критиковать передъ судомъ публики книгу, какое ни имѣй понятіе о Сочинителѣ ея; но не всегда захочешь вступить въ полемику съ Сочинителемъ, то есть въ споръ, въ преніе, потому что споръ есть разговоръ, а съ инымъ Писателемъ разговаривать не можно, то есть не должно. Впрочемъ и полемика полемикѣ, и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными, образованными людьми, нерѣдко и въ спорѣ бываетъ обмѣнъ насмѣшекъ, колкостей; но изъ того не слѣдуетъ, что споръ вь гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что споръ въ сѣняхъ между лакеями, или на улицѣ между черни. По этому соображенію, образованный человѣкъ, застѣнчивый въ отношеніи къ чести своей, не войдетъ въ бой неровный, словесный или письменный, съ противниками, которые не научились въ школѣ общежитія цѣнѣ выраженій и приличіямъ вѣжливости. Пойдетъ ли благородный человѣкъ, вооруженный шпагою, драться на поединкѣ съ поденьщикомъ, владѣющимъ палкою? Разумѣется, не отъ страха откажется онъ отъ боя: оружіе его язвительнѣе; но законы чести, сіи необходимые предразсудки общества, опредѣлили, что бой на шпагахъ благороденъ, а бой на палкахъ унизителенъ. Англійскіе

(*) Издатель Литературной Газеты весьма благодаритъ знаменитаго нашего Баснописца за прекрасный подарокъ и съ удовольствіемъ извѣщаетъ читателей, что И. А. Крыловъ написалъ *до двадцати* новыхъ басень, носящихъ на себѣ яркую печать его остроумія и поэтическаго таланта.

нравы, можетъ быть, хороши въ Англіи, но не въ Литературѣ: тамъ знатный Лордъ долженъ по первому вызову площаднаго витязя засучить рукава и дѣйствовать кулаками. Есть и въ Литературѣ аристократія: аристократія талантовъ; есть и въ Литературѣ площадные витязи, но по счастью нѣтъ здѣсь народнаго обычая, повелѣвающаго литературнымъ *Джентлеменамъ* отвѣчать на вызовы *Джонъ-буля*.

Говорено было о нравственномъ состояніи Литературы нашей. Гдѣ искать примѣтъ его, гдѣ изучать явленія его? Въ Журналахъ. Въ нихъ движеніе, въ нихъ страсти, въ нихъ отголосокъ самихъ рѣчей, самихъ дѣяній, въ нихъ сами лица показываются на-голо. Въ книгахъ, — но впрочемъ книгъ у насъ не выходитъ, — гораздо менѣе индивидуальности. Въ книгѣ скроешь себя; книгу сочиняешь и вмѣстѣ съ нею Авторъ сочиняетъ и себя. Въ журнальной статьѣ Авторъ проговаривается. Въ одной слышимъ мы рѣчь его съ авторской каѳедры; въ другой невольный крикъ его, экспромтъ его ума, его характера, истинный звукъ инструмента, не настроеннаго обдуманно на такой-то или другой строй, нимало не измѣненнаго учеными переходами изъ тона въ тонъ. Демосѳенъ, говоря о рѣчахъ Эсхина, сказалъ: «Что было бы, если бъ видѣли чудовище?» Журнальные Эсхины въ статьяхъ своихъ и слышны и видны. Я думаю, новому роду Лафатеровъ, послѣ нѣсколькихъ изученій, легко бы по прочтеніи иной статьи указать въ обществѣ на незнакомое лице того, кто ее писалъ. Что составляетъ жизнь большей части Журналовъ нашихъ? Чужеземныя похищенія и домашнія тяжбы честолюбій оскорбленныхъ, честолюбій возникающихъ, честолюбій падающихъ. Въ первомъ отдѣленіи, т. е. въ отдѣленіи переводовъ, являются свидѣтельства степени ума, вкуса, образа мыслей Редакторовъ, которыхъ судимъ мы по выбору статей, ими предлагаемыхъ. Тутъ Писатели наши показываются намъ только въ профиль. Въ другомъ отдѣленіи они во все лице, во весь ростъ, живые. Трудно понять, почему иные Литераторы полагаютъ, что литературный міръ, что уложеніе литературнаго общежитія должны стоять на низшей степени, чѣмъ міръ общества, въ которомъ мы живемъ ежедневно? Почему полагаютъ они, что непозволительное въ гостиной, въ сношеніяхъ личныхъ человѣка образованнаго съ человѣкомъ образованнымъ, можетъ быть терпимо на сценѣ литературной гласности, въ сношеніи Писателя съ Писателемъ? Можетъ быть замѣтятъ, въ оправданіе ихъ, что они по обстоятельствамъ, по занятіямъ ихъ не принадлежатъ хорошему обществу, что они не посвящены въ таинства его, и слѣдовательно не обязаны повиноваться законамъ, которые, такъ сказать, не при нихъ писаны; но это оправданіе можетъ примѣниться къ однимъ отступленіямъ отъ сепаратныхъ указовъ утонченной свѣтскости, къ отступленіямъ отъ условій частныхъ, случайныхъ, измѣняющихся по временамъ и обстоятельствамъ. Но коренные законы общественной пристойности принадлежатъ, такъ сказать, къ праву естественному: они вездѣ одни и тѣ же и должны быть извѣстны и свойственны каждому члену образованнаго общества. Указывать на статьи, которыя имѣемъ теперь въ виду, разбирать ихъ, значило бы отвѣчать писавшимъ оныя; а слава Богу, нѣтъ ни малѣйшаго желанія къ тому. Можно только выставить одно доказательство, что большая часть изъ критическихъ или полемическихъ статей Журналовъ нашихъ, статьи не чисто-литературныя, и что въ нихъ болѣе содержатся чистыя, или нечистыя личности. Незнающій ни сплетней нашей Литературы, ни частностей домашнихъ тѣхъ или другихъ критикуемыхъ Авторовъ, ничего не пойметъ, читая критику на сочиненіе, которое онъ и читалъ. Тутъ Авторы говорятъ, какъ будто между собою, мимо читателя, намеками, нарѣчіемъ отдѣльнымъ. Со стороны слышишь, что они бранятся; но за что, но о чемъ, но на какомъ языкѣ? не понимаешь. Было сказано: рѣчь есть искуство прикрывать свою мысль. Кажется, по мнѣнію нѣкоторыхъ: печатаніе есть способъ обнажить свою мысль и выразить то, что совѣстно и опасно сказать изустно.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Ѳедора, историческая повѣсть или быль съ примѣсью. Сочиненіе Павла Сумарокова, Почетнаго Члена Императорскаго Виленскаго Университета. — С. П. б. въ типогр. Ивана Глазунова, 1830. (224 стран. въ 12-ю д. л.)

Современницы героини романа сего должны радоваться появленію онаго. Онъ не побоялся пословицы и съ перваго взгляда на него удостовѣряешься, что пословицы, сія такъ называемая *мудрость народовъ*, не всегда же безошибочны: у насъ въ глазахъ карманная Ѳедора. Что ни говорите, а есть смѣлость и благородство въ подобномъ подвигѣ. Часто участь и не книги зависитъ отъ поговорки, кстати, или лучше сказать, некстати примѣненной. Сколько людей, жертвы шуточнаго прозвища, даннаго въ дѣтствѣ товарищами или въ обществѣ шалуномъ: подите послѣ говорите, что такой-то умный человѣкъ, хорошій гражданинъ, добродѣтельный помѣщикъ; все это останется въ сторонѣ, а при лицѣ его неизгладимо остается случайное эпиграмматическое прилагательное. Такимъ образомъ можно сказать объ этомъ романѣ, что онъ доброе дѣло, предоставляя другимъ сказать, что онъ и добрая книга. Для насъ, взирающихъ на нее съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, нравственное, то есть календарное достоинство ея гораздо важнѣе всякаго другаго достоинства. Но, можетъ быть, не всѣ захотятъ смотрѣть съ нами одинаково и многіе потребуютъ отъ насъ, чтобы мы спустились съ философической обсерваторіи своей и ремесленнымъ образомъ разобрали просто книгу, какъ книгу. Постараемся и этимъ близорукимъ требователямъ угодить нѣкоторыми матеріяльными подробностями. По мнѣнію нашему, въ этомъ отношеніи не столько содержаніе и дѣйствіе романа, сколько разсказъ его привлекаетъ и оковываетъ вниманіе читателя; и потому не станемъ слѣдовать за Ѳедорой, которая, «съ шести, семи лѣтъ возраста въ домѣ цѣловальника Антона и жены его Лукерьи Новоселовыхъ смотрѣла за птицами, скотомъ, кормила ихъ, носила дрова, помогала топить печь, баню по субботамъ, подметала избу и выносила соръ.« Но пусть говоритъ сама Ѳедора: «Пой« детъ Лукерья къ коровамъ, я подаю ей подойники, « отношу скрынки (не крынки ли?) съ молокомъ. Я не « знала праздности; нѣтъ дѣла, плету кружева, выши« ваю полотенца, нижу бисеромъ подзатыльники на про« дажу, ввечеру вяжу шерстяные чулки, наблюдаю за « лучиною въ свѣтцѣ.» Когда Ѳедорѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, въ жизни ея послѣдовала перемѣна: ее заставили пасти стадо Антоново. Въ этомъ занятіи однажды застала ее гроза. Пастухъ Лука, нашедъ Ѳедору измокшую и иззябнувшую, заманилъ ее въ пчельникъ, развелъ огонь. «Я согрѣлась, поблагодарила его,» говоритъ Ѳедора, «а онъ сталъ ласкаться ко мнѣ. Я « оттолкнула его, не жалѣла ругательствъ; но онъ « насильно обнялъ, поцѣловалъ меня. Не могу изъ« яснить, что во мнѣ тогда происходило; закричавъ « во все горло, дала ему добрую пощечину и пр.« Не смотря на такой ощутительный знакъ неодобренія, Ѳедора не вовсе однако жь была равнодушна къ Лукѣ; и когда сей отчаянный любовникъ, изъ любви къ ней, добровольно пошелъ въ солдаты, тогда... Но оставимъ ее снова высказывать свое признаніе: « Вѣсть о « томъ привела меня въ нѣкоторое окаменѣніе, холодъ « пробѣжалъ по всему тѣлу, и послѣдовала во мнѣ вели« кая перемѣна. На лицѣ показалась блѣдность, худоба, « сижу за пяльцами въ молчаніи, отвѣчаю на вопросы « только *да*, *нѣтъ*, и сколько разъ *упавшая на полотно « слеза вшивалась вмѣстѣ съ гарусомъ въ узоръ!* »

Пропустимъ картину Рускаго кабака, написанную въ Теньеровомъ вкусѣ (стр. 55 - 56), и скажемъ, что Ѳедора, въ слѣдствіе невольной ревности Лукерьиной, переселилась въ городъ, къ Протопопицѣ; скажемъ, что она училась тамъ Французскому языку, рисованію, Ариѳметикѣ, Закону Божію, Россійскому слогу, Исторіи, Географіи, Физикѣ и Астрономіи. Подслушаемъ еще одно изъ ея признаній: « Рисованье сначала мнѣ не нра« вилось; трудишься съ часъ, и появится глазъ, или « только носъ, не знаешь чей.» Подслушаемъ также, что говоритъ Губернскій Предводитель одной Француженкѣ, наставницѣ дочерей его: « Вашъ языкъ бѣдный, скле« енный изъ слоговъ *площадныхъ*, *неблагопристойныхъ*, « содѣлался отъ десятка превосходнѣйшихъ мужей по« всемѣстнымъ: нынѣ почти во всякомъ домѣ, начиная « отъ попугая до барыни, всѣ лепечутъ по Францу« ски, худо выучась своей грамотѣ.»

Долго было бы разсказывать всѣ превратности судьбы Ѳедориной: какъ она, по смерти Протопопицы, снова переселилась къ Лукерьѣ, какъ наконецъ узнали, что она не крестьянка, а дочь богатыхъ дворянъ, погибшихъ во время Пугачевскаго бунта; какъ производилось о томъ слѣдствіе и пр. Одно мѣсто изъ сего слѣдствія заслуживаетъ особеннаго замѣчанія. Судья спрашиваетъ у бывшей Ѳедориной няни (которая не видала своей барышни со времени трехлѣтняго возраста сей послѣдней): «Не имѣетъ ли сходства съ Софьею эта дѣвица?» — *Няня.* Трудно теперь разпознать, М. Г. — *Судья.* Однако посмотрите хорошенько, сличите съ памятью. — *Няня.* Походитъ, очень походитъ: тѣ же черные глазки, волосы. *Кормилица.* И тотъ же окладъ лица.» Ѳедора сдѣлалась богатою наслѣдницей; ее привозятъ въ Москву. Тамъ, говоритъ она, «на другой день « съѣхались къ намъ множество дѣдушекъ, тетушекъ, « сестрицъ двоюродныхъ, внучатныхъ, давнишнихъ прі« ятелей, ласкались, цѣловали меня съ обозрѣніемъ отъ « головы до ногъ, предлагали мимоходомъ дружество, и « нѣсколько сліянныхъ голосовъ уподобляли бесѣду Жи« довской синагогѣ.» Но Москва, кажется, не всегда представлялась Ѳедорѣ въ подлинномъ своемъ видѣ, и наша богатая дѣвица часто бросала въ ней невѣрный взглядъ на предметы. Такъ, между прочимъ, бронзовая статуя Екатерины II, поставленная въ Благородномъ собраніи, показалась ей мраморною.

Выписываемъ здѣсь Ѳедоринъ (*) переводъ Сегюровой надписи къ портрету Сей Императрицы.

Чудесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ Сѣверной странѣ,
Героя, мужа знаменита,
Познай въ Премудрой Сей женѣ.
Даетъ уставы, чиститъ нравы,

(*) Въ примѣчаніи къ сей надписи сказано: „Вотъ мой переводъ, и пр.“; а въ продолженіе всей повѣсти, Ѳедора сама разсказываетъ свои похожденія, и говоритъ всегда о себѣ въ первомъ лицѣ.

Искусна царствовать, писать,
Полна вселенна Ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлила
Ей жить безъ скипетра въ рукахъ,
Умомъ бы, кротостью плѣнила,
Свой тронъ воздвигла бы въ сердцахъ."

Наконецъ, Ѳедора вышла за мужъ за Полковника, видѣла однажды Луку, подарила ему 500 рублей, собрала вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, которыхъ съ дѣтства любила, родила трехъ дѣтей, и говоритъ въ заключеніе своей повѣсти: «Семейство—мой міръ; супругъ — нѣжнѣйшій любовникъ; подданные—мои ближніе. Я блаженствую, и была бы еще счастливѣе, когда бы имѣла «еще что-либо пожелать... и пр.»

Позволимъ себѣ одно критическое замѣчаніе: въ концѣ романа не поддерживается добрый подвигъ, обѣщанный въ заглавіи; Ѳедора не Ѳедора, а Софья, и для чести Ѳедоръ мы почти желали бы, чтобы никто не прочиталъ романа до конца. Но къ сожалѣнію, дѣло не сбыточное.

СМѢСЬ.

Любопытно ловить противорѣчія Автора, встрѣчающіяся въ разныхъ его твореніяхъ; но забавно ловить ихъ въ одной и той же книгѣ. Вотъ примѣръ подобнаго противорѣчія, или забывчивости. На стран. 325-й *первой* части *Учебной книги Руской Словесности*, напечатанной вторымъ, исправленнымъ изданіемъ въ 1830 году, сказано: «Руская Литература не имѣетъ «еще ни одного хорошаго *оригинальнаго* романа.» Въ *третьей* части той же книги, на стран. 326, въ отдѣленіи романической Поэзіи, сказано о романахъ:» у «насъ мало оригинальныхъ образцевъ въ семъ родѣ сочиненій: лучшій изъ Рускихъ романовъ есть *Иванъ* «*Выжигинъ*, сочин. *Булгаринымъ*.«—Что значитъ лучшій романъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни одного хорошаго?

Кто-то замѣтилъ, что Рускія шутки выгодно пользуются правомъ давности, что чѣмъ шутка старѣе, тѣмъ она забавнѣе и однимъ словомъ, не столько шутка, сколько частое повтореніе ея смѣшитъ слушателей. Если такъ, то должно признаться, что Рускіе Журналы владѣютъ Рускою шуткою съ удивительнымъ искуствомъ. Иная шутка идетъ у нихъ по десять лѣтъ, переходитъ въ журнальномъ мірѣ изъ одного поколѣнія въ другое и примѣняется, смотря по обстоятельствамъ, къ разнымъ лицамъ. Журналы, Журналисты, подписчики смѣняются новыми, а шутка все ведется та же. Одна изъ такихъ *нетлѣнныхъ* шутокъ есть эпитетъ *знаменитыхъ*, приписываемый въ ироническомъ смыслѣ къ нѣкоторымъ именамъ, которыя впрочемъ, кажется, у насъ и не безъ извѣстности. Мы видѣли эту колкость въ цвѣтущей порѣ ея въ Журналахъ, которые послѣ замѣнили ее какими нибудь *Грипусье*, или другими замысловатыми вдохновеніями домашней веселости. Эта шутка, упадшая въ иномъ Журналѣ, тотчасъ была поднята съ пола другимъ, и теперь идетъ опять въ гору.

Многіе изъ нашихъ Авторовъ ссылаются, какъ на дипломы за рукоприкладствомъ славы, на переводы сочиненій своихъ на иностранные языки. Часто эта слава въ накладъ: лучше сидѣть дома, чѣмъ ходить въ гости и встрѣчать худое привѣтствіе. Вотъ, напримѣръ, какъ начинается напечатанная въ *Галльской Литературной Газетѣ* (No. 116 прошлаго 1829 года) рецензія на первые два тома *Сочиненій Г. Булгарина*, переведенныхъ на Нѣмецкій языкъ Г. Ольдекопомъ: «Отдавая «справедливую похвалу Г. Ольдекопу, какъ хорошему «переводчику, мы не можемъ однако благодарить его «за выборъ оригинала, потому что помянутыя сочи«ненія нимало не обогащаютъ нашу Литературу,» и проч.

ОПЕЧАТКА.

Въ No. 17 Лит. Газ. (стран. 135, строка 17 снизу, во 2 столбцѣ) напечатано: *а частно*; между тѣмъ должно бы: *а не частно*. Эта ошибка передѣлана въ No. 79 Рус. Инвалида на стран. 316, строк. 7 снизу во 2 столбцѣ такъ: *а часто*.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 26-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМ. I. №. 19. АПРѢЛЯ 1го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ЛУКРЕЦІЯ ДАВИДСОНЪ.

Если Соединенные Штаты имѣютъ уже своего Валтеръ-Скотта въ Фениморѣ Куперѣ (Cooper), то не имѣютъ еще Байрона. Творенія нѣсколькихъ молодыхъ Поэтовъ Американскихъ довольно уже знамениты, но слишкомъ замѣтно обработаны по образцамъ новой Англійской школы. *Атала* и *Начесъ* во Франціи, *Гертруда Уайоминская* въ Англіи, — вотъ, кажется, единственныя поэмы, если не изданныя, то покрайней мѣрѣ вдохновенныя въ Сѣверной Америкѣ. Одна молодая дѣвушка, казалось, обѣщала Новому Свѣту талантъ, могшій состязаться съ современными Поэтами Англіи, но, увы! смерть ея столь же была преждевременна, какъ и ея геній. Англійскій журналъ: Quarterly Review, и за нимъ Revue de Paris, заключаютъ въ себѣ извѣстіе о ея стихотвореніяхъ, изданныхъ въ Нюйоркѣ С. Морфомъ въ 1829 году, подъ заглавіемъ: Amer-Khan and other poems, &c. &c. По симъ источникамъ, скажемъ нѣкоторыя объ ней подробности.

Лукреція Марія Давидсонъ, родившаяся 27-го Сентября 1808 года въ Платсбургѣ, надъ берегами озера Чемплена (Champlain), была второю дочерью Доктора Оливьера Давидсона. Родители ея были въ бѣдности, и она съ малыхъ лѣтъ должна была заниматься хозяйственными заботами. Не смотря на это, она съ четвертаго года отъ рожденія уже оказывала великую привязанность къ наукамъ. Ее не занимали ни куклы, ни дѣтскія игрушки; но книжки, перо и бумага, которой она такъ много требовала, что удивленные родители начали доискиваться тому причины. Дошли наконецъ; но сколько разъ ни подстерегали Лукрецію за письмомъ, она вдругъ прятала либо жгла исписанный лоскутокъ бумаги, на всѣ вопросы отвѣчая только слезами. Похвалы, пріобрѣтенныя позднѣйшими ея занятіями, были поводомъ къ тому, что ей уже не запрещалось болѣе слѣдовать врожденной наклонности. — Она читала Шекспира, Коцебу, Гольдсмита и много романовъ: духъ подстерегательства все ее не покидалъ. Видали, какъ по нѣскольку часовъ она присматривалась къ бурѣ, гонимымъ вѣтромъ облакамъ, тучѣ и захожденію солнца. Мать ея сдѣлалась больна. Двѣнадцати-лѣтняя Лукреція, какъ нѣжная дочь, занимала ея мѣсто въ домѣ. Въ это самое время, кто-то неизвѣстный, прочитавъ стихи Лукреціи, написалъ къ ней, заохочивая къ продолженію ея занятій, и приложилъ къ письму банковый билетъ въ 20 доларовъ. « Будетъ на что мнѣ купить книжекъ! » съ радостью возкликнула дѣвочка; но взглянувъ на постель страждущей матери, вздохнула и отдала отцу деньги, сказалъ: « Возьмите это, батюшка; будетъ изъ чего пользовать маменьку; я обойдусь и безъ книжекъ. » Никто себѣ не желай ребенка съ столь раннимъ геніемъ, и тотъ, кому послали его небеса, пусть радуется ему не безъ опасенія. Великимъ милостямъ природы либо судьбы сопутствуетъ тысяча искушеній и опасностей, и можетъ быть даже, тѣмъ болѣе надобно бояться благосклонности рока, чѣмъ болѣе придется послѣ утратить. — То же случилось и съ Лукреціею Давидсонъ. Душевная горячка сопутствовала ея развитію и все уже способствовало къ продолженію сей горячки: страданія и препятствія съ одной стороны, снисходительность и поощренія съ другой. Когда одни хотѣли ей запрещать всѣ умственныя напряженія и примирить талантъ и надежды съ ея положеніемъ, другіе удивлялись ей, какъ чуду, и поощряли заниматься Поэзіей. Можно видѣть дѣйствіе сихъ совѣтовъ, столь противорѣчащихъ себѣ, въ нѣсколькихъ стихахъ, кои тѣмъ единственно заслуживаютъ быть здѣсь приведенными, что показываютъ, какъ на подобную Лукрецінной душу дѣйствуютъ обѣщанія наградъ.

« Сколько разъ Муза ни удостоитъ оживить лоскутокъ бумаги, на которомъ я пишу, — если предложатъ мнѣ награду, она, принужденная, убѣгаетъ. Напрасно для удержанія ея употребляю я просьбы, угрозы, настоянія: она дозволяетъ мнѣ чертить бумагу, выходить изъ терпѣнія и нарекать, потомъ возвращается мучить меня, говоря: пиши; а когда я послушаюсь, она смѣется; мѣра безъ гармоніи, стихъ не имѣетъ мысли: не могу я защититься отъ гоненій оскорбленной Музы. —

«О друзья мои, если хотите, чтобъ я писала, то удалите, заклинаю васъ, отъ глазъ моихъ ваши награды и дары; Муза горда, не оскорбляйте ее!» (*)

Не спѣшимъ изъ этихъ стиховъ судить о Лукреціи. Кромѣ Чаттертона и Киркъ-Уайта, Литература Англійская не представляла еще намъ примѣра столь преждевременныхъ, равно и столь пагубныхъ дарованій. —

Лукреція столь же быстро сочиняла, какъ другіе переписывали. Когда находило на нее вдохновеніе, она писала стоя, и не слышала присутствующихъ особъ; но если писала что нибудь поважнѣе, то любила быть одна, затворялась въ своей комнатѣ, гдѣ только слабому свѣту дозволено было вкрадываться, а лѣтомъ ставила въ окошкѣ воздушную арфу, раздувая искусственной помощію пламень, ее пожиравшій. Никогда не говорила о стихотвореніяхъ, которыя болѣе обыкновеннаго ей стоили труда, а если случайно они были открыты, то рѣдко когда ихъ оканчивала; чаще всего ихъ жгла. Мало заботилась о своихъ сочиненіяхъ, когда были окончены; нѣкоторыя сохраняла, чтобъ послѣ оныя, когда случится, поисправить, но по большей части ихъ уничтожала. — Такова Поэма: Rodri, написанная ею на четырнадцатомъ году; изъ пяти ея пѣсней осталась только первая и половина второй. Музыка, какъ и Поэзія, равно чудесную для нея имѣли прелесть. Любимѣйшею ея пѣснею была: *Прощаніе Мура съ арфою*; но только вечеромъ любила она ее слушать, стараясь усилить впечатлѣніе, которое сія пѣсня производила на слишкомъ раздражительные ея нервы. — Говорятъ, что каждый разъ, когда ее слышала, она блѣднѣла, трепетала и приходила почти въ сумасшествіе. — Это была однако же ея любимѣйшая пѣсня, и вдохнула ей слѣдующія станцы, которыя она написала на пятнадцатомъ году.

Къ моей сестрѣ.

«Когда насъ вечеръ окружитъ своими тѣнями, когда черная завѣса подернетъ небеса, когда никакой шумъ, никакой звукъ не отторгнетъ воображенія отъ милой мечты;

«Когда великая лампада небесъ распростретъ кругомъ золотую сѣть своего блеска, когда успокоенная природа какъ бы святому предается отдохновенію;

«Когда наши мысли вырываются за предѣлы сего свѣта, за предѣлы всего земнаго, — тогда, о сестра моя, тогда заиграй мнѣ любимую пѣсенку и въ замѣнъ прими слезы признательности.

«Та пѣсенка потрясетъ всѣ струны моего сердца, та пѣсенка, проницающая меня какою-то полубоязнію, не для смертныхъ сочинена была. Спой мнѣ ее, сестра, еще разъ мнѣ ее спой!

«Было бы святотатствомъ пѣть эти звуки днемъ, звуки столь чистые, занесенные къ намъ на крыльяхъ Ангеловъ, вмѣстѣ съ ихъ сладостнымъ дыханіемъ.

«Когда усну на ложѣ, покрытомъ муравою, и если ты еще будешь на свѣтѣ, ужели не придешь, о сестра моя, преклонить колѣно у моего возглавія и не споешь мнѣ любимой моей пѣсенки (*)?» —

Охота къ наукамъ была страстію или скорѣе болѣзнію Лукреціи. «Мнѣ шестнадцать лѣтъ,» говорила «она, и что же я знаю? ничего въ сравненіи съ тѣмъ, чему мнѣ еще остается учиться. Время проходитъ, время, обыкновенно опредѣляемое въ молодости для ученія; какая печальная будущность. — О если бы все вдругъ могла я изучить!» —

Въ Октябрѣ 1824 г., когда вступала она въ семнадцатый годъ, какой-то иностранецъ, видя ея необыкновенный геній и зная о бѣдности ея родителей, вознамѣрился отдать ее въ лучшее дѣвичье училище въ Америкѣ. Какъ радовалась Лукреція, когда узнала о томъ. Жаръ, съ которымъ она прилежала къ наукамъ, въ конецъ разрушилъ ея слабое здоровье.

(*) Въ угодность тѣмъ изъ нашихъ читателей, коимъ знакомъ Англійскій языкъ, помѣщаемъ здѣсь въ подлинникѣ стихотворенія юной Американки, переведенныя въ сей статьѣ.

Whene'er the muse pleases to grace my dull page,
At the sight of reward, she flies off in a rage;
Prayers, threats and intreaties I frequently try,
But she leaves me to scribble, to fret, and to sigh.

She torments me each moment, and bids me go write,
And when I obey her she laughs at the sight;
The rhyme will not jingle, the verse has no sense,
And against all her insults I have no defence.

I advise all my friends who wish me to write,
To keep their rewards and their gifts from my sight,
So that jealous miss muse won't be wounded in pride,
Nor Pegasus rear till I've taken my ride.

(*) When evening spreads her shades around
And darkness fills the arch of heaven;
When not a murmur, not a sound
To fancy's sportive ear is given.

When the broad orb of heaven is bright,
And looks around with golden eye;
When nature, softened by her light,
Seems calmly, solemnly to lie.

Then, when our thoughts are raised above
This world, and all this world can give,
Oh, sister! sing the songs love,
And tears of gratitude receive, &c. &c.

Изъ пансіона она писала къ матери: «Я счастлива, но боюсь, чтобы что нибудь не перервало моего счастія: я надѣюсь, что не обману надеждъ нашихъ друзей, хотя опасаюсь, не слишкомъ ли много ожидаютъ отъ меня.»

Возраставшая съ каждымъ днемъ слабость ея здоровья была причиною, что мать взяла Лукрецію изъ пансіона. На ея лицѣ, при чрезвычайной блѣдности, пылалъ роковой румянецъ, свидѣтельствовавшій о страшной болѣзни, которая вскорѣ должна была возторжествовать надъ жизнью. Въ послѣдніе дни свои, она писала слѣдующіе неконченные стихи; изъ нихъ видно, что она боялась лишиться ума.

«Боязнь меня объемлетъ; черная, ужасная боязнь то приближается ко мнѣ тихими шагами, то быстро прилетаетъ на крыльяхъ генія гибели.

«Мысль меня тяготитъ, и когда я печальна, или лучше, когда я стражу, то это не изъ опасенія смерти, нѣтъ! но изъ опасенія обезумѣть!

«Пусть навсегда остановится сіе болѣзненное біеніе крови, пусть мозгъ сей, который, я чувствую, какъ кипитъ въ моей головѣ, остынетъ внезапно. —

«Пусть меня положатъ во гробъ, но никогда пусть ужасное безуміе. . . . (*)»

Свою близкую кончину она видѣла не только безъ страха, но даже спокойно и съ упованіемъ души благочестивой. Послѣднее, выговоренное ею слово, было имя ея благодѣтеля. Покорясь болѣзни, она умерла 27-го Августа 1825 года, не совершивъ семнадцатилѣтняго возраста. —

Лукреція Давидсонъ была рѣдкой красоты. Чело ея было высокое и открытое, глаза черные, полные сладости, черты лица правильныя, тѣло бѣлое и длинные черные волосы. Обыкновеннымъ выраженіемъ ея лица была унылость. Ея красота и слава привлекали толпы любопытныхъ, но она убѣгала ихъ взора и закрывалась, когда въ нее вглядывались.

«Трудно повѣрить,» говоритъ издатель ея стихотвореній, «чтобъ можно было столько написать. Ея сочиненія, вмѣстѣ собранныя, составляютъ болѣе 278 статей, въ числѣ коихъ пять правильныхъ поэмъ въ нѣсколькихъ пѣсняхъ. Кромѣ сего она еще оставила 25 стихотвореній на пансіонѣ, три неконченныхъ романа, трагедію, сочиненную ею на 13-мъ году и до 40 писемъ къ матери, писанныхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Къ тому же третью часть своихъ произведеній она сама уничтожила. Что кажется недостаткомъ въ ея письмахъ, то было ошибками молодости и неопытности; но сколько, увы! надеждъ сошло въ могилу съ этою семнадцатилѣтнею Коринною! —

(Изъ: Tydonik Petersburski)

В. Романовичъ.

ЭЛЕГІЯ

На смерть А. С. Грибоѣдова.

Гдѣ онъ? гдѣ другъ? кого спросить?
Гдѣ духъ? — гдѣ прахъ?.. Въ краю далекомъ.
О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,
Согрѣть ее моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ страданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его,
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, — какъ друга моего!
Какъ друга!... Онъ смѣшался съ нею,
И вся она родная мнѣ.
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Предамся всей порывной силѣ
Моей любви, — любви святой —
И прирасту къ его могилѣ,
Могилы памятникъ живой!....
Но подъ иными небесами
Онъ и погибъ и погребенъ;
А я — далеко! изъ-за стѣнъ
Напрасно рвуся я мечтами:
Онѣ — меня не унесутъ,
И капли слезъ съ горячей вѣжды
Къ нему на дернъ не упадутъ.
Я былъ далекъ; — но тѣнь надежды
Взглянуть на взоръ его очей,
Взглянуть, сжать руку, звукъ рѣчей
Услышать на одно мгновенье —
Живило грудь, какъ вдохновенье,
Восторгомъ полнило меня!
Не измѣнилось удаленье;

(*) There is something which I dread,
It is a dark, a fearful thing;
. . . .
. . . .

That thought comes o'er me in the hour
Of grief, of sickness, or of sadness;
'Tis not the dread of death; tis more,
It is the dread of madness.

Oh! may these throbbing pulses panse
Forgetful of their feverish course;
Moug this hot brain, which burning, glows
With all a fiery whirl pool's force.

Be cold, and motionless, and still
A tenant of its lowly bed;
But let not dark delirium steal . . . .
. . . .

Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
Остались только — дымъ и тлѣнье:
Онѣ — мнѣ огнь; уже давно
Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся;
Что годъ, что день, то связи рвутся;
И мнѣ, мнѣ даже не дано
Въ сей жизни призраки лелѣять,
Забыться мигъ веселымъ сномъ,
И грусть сердечную развѣять
Мечтанья радужнымъ крыломъ.

Къ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Товарищъ-другъ! ты помнишь ли, что я
Еще живу въ семъ мірѣ?
Что были въ старину съ тобою мы друзья,
Что я на скромной лирѣ
Бывало воспѣвалъ талантъ изящный твой?
Бывало часто я, бесѣдуя съ тобой,
Читалъ твои баллады и посланья;
Пріятныя, увы! для сердца вспоминанья!
Теперь мнѣ некому души передавать:
Съ тобою, В.....мъ, со всѣми я въ разлукѣ,
Мнѣ суждено томиться, горевать
И дни влачить въ страданіяхъ и скукѣ.
Гдѣ Б....ъ? гдѣ Д....ъ? Жизнь долгу посвятивъ,
Они заботятся, трудятся;
Но и въ трудахъ своихъ нерѣдко, можетъ статься,
Приходитъ имъ на мысль, что другъ ихъ старый живъ.
Я живъ, чтобъ васъ любить, чтобъ помнить всякой часъ,
Что васъ еще имѣю;
Благодаря судьбу, я въ чувствахъ не хладѣю.
Молю, чтобъ небеса соединили насъ!

Василій Пушкинъ.

Москва
9 Января 1830.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А Катенина.*)

Статья III.

V. О Поэзіи Латинской.

Римляне далеко не имѣли той врожденной склонности и способности къ изящнымъ искусствамъ, какими природа одарила Грековъ; они долгое время не упражнялись ни въ чемъ, кромѣ земледѣлія и войны; даже въ золотой вѣкъ ихъ просвѣщенія, при Августѣ, Виргилій какъ бы совѣтуетъ имъ не приниматься за чужое дѣло, а оставаться при своемъ.

Excudent alii spirantia molliùs aera,
Credo equidem; vivos ducent de marmore vultus;
Orabant causas meliùs; coelique meatus
Describent radio, et surgentia sidera dicent.
Tu regere imperio populos, Romane, memento;
Hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
Parcere subjectis, et debellare superbos (*).

Вся Словесность Латинская состоитъ изъ подражаній; самые Историки ихъ выбирали каждый по образцу между Греками, а изъ Поэтовъ рѣшительно ни одинъ не можетъ назваться оригинальнымъ. Правда, Квинтиліанъ присвоиваетъ соотечественникамъ изобрѣтеніе сатиры, но его сказаніе несходно съ тѣмъ, что мы знаемъ о злыхъ ямбахъ Архилоха, да и комедіи Аристофана не сатиры ли въ драматической формѣ?

Сіи *древнія* комедіи, въ свое время самовластіемъ запрещенныя, а въ послѣдствіи времени содержаніемъ обветшалыя, давно уже уступили на театрѣ мѣсто свое *новымъ* комедіямъ Менандра, Филимона, и другихъ, когда въ Римѣ начались театральныя представленія. Плавтъ и Теренцій рабски послѣдовали сей такъ называемой *новой* Греческой комедіи, о которой не лишнее здѣсь нѣсколько словъ сказать, ибо она же служила первоначальнымъ образцемъ и Комикамъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ.

Говорить о политикѣ и государственныхъ дѣлахъ было строго запрещено всѣмъ комическимъ Писателямъ послѣ Пелопонизской войны, личности также не допускались; общія же странности и пороки, въ тогдашнемъ состояніи обществъ, не представляли большаго разнообразія, женщины жили почти отдѣльно отъ мужчинъ, дѣвушки выходили за-мужъ по родительскому приказу, и весь вѣкъ свой занимались хозяйствомъ: стало всего, что новѣйшіе Комики извлекли изъ любви, изъ ревности одного пола и хитрости другаго, изъ тѣснаго ихъ межъ собой обращенія, для Менандра и товарищей его не существовало. У нихъ женщины, особенно молодыя, рѣдко даже показываются; любовницы суть по большей части какія-то безродныя незнакомки; и только къ концу пьесы, для удовольствія зрителей, обыкновенно отыщется имъ порядочный отецъ, потерявшій ихъ нечаянно въ дѣтствѣ, и теперь готовый честнымъ пиркомъ и свадебкой поправить, что дотолѣ онѣ не совсѣмъ пристойно натворили. Юноши, влюбленные

(*) Другіе, правда, мягче искуютъ дышащую мѣдь, живыя изведутъ изъ мрамора лица; лучше возгласятъ витійствомъ въ судахъ, и опишутъ очамъ движеніе неба и повѣдаютъ возходящія звѣзды. Ты властно правишь народами, Римлянинъ, помни; искуства твои, возлагать мира уставы, щадить покорныхъ и кичливыхъ сражать. *Энеида, кн.* VI.

въ сихъ красавицъ вопреки волѣ своихъ отцевъ, хлопочутъ о томъ, какъ бы отъ стариковъ свои проказы подолѣе скрыть, или выманить у нихъ денегъ на содержаніе либо выкупъ изъ неволи своихъ возлюбленныхъ. Въ этомъ помогаютъ имъ герои-рабы, не боящіеся палокъ, бездѣльники сикофанты, и записные объѣдалы; на сихъ-то лицахъ держится комедія, ихъ-то плутни, лжи, кражи, и достойныя за то наказанія, смѣшатъ и тѣшатъ почтеннѣйшую публику: все вмѣстѣ можетъ назваться семейственной картиной, съ примѣсью романической интриги и развязки.

Должно думать, что нечего другаго было тогдашнимъ Комикамъ списывать; но сами ли они виноваты или обстоятельства, а нельзя не сознаться, что ихъ сочиненія однообразны и въ узкомъ кругу сжаты. Одинъ *Амфитріонъ* Плавтовъ выходитъ изъ него своимъ чудеснымъ миѳологическимъ содержаніемъ, все прочее на одинъ покрой; и что бы ни говорили нѣкоторые изъ новѣйшихъ Критиковъ, комедія въ Греціи, переродясь изъ древней въ новую, ни сколько не выиграла: смѣлыя политическія каррикатуры все же любопытнѣе и цѣннѣе невинныхъ картинокъ, украшающихъ Англійскіе романы прошедшаго столѣтія.

Возвратимся къ Плавту и Теренцію. Ихъ мудрено признать за сочинителей, они болѣе похожи на переводчиковъ: всѣ лица въ ихъ комедіяхъ Греки, все чужое, все копія; что нибудь свое сотворить имъ и въ мысль не приходило. Теренція Юлій Кесарь называлъ въ похвалу полу-Менандромъ: по моему это все таки значитъ полу-человѣкъ. Знатоки хвалятъ его слогъ, а въ Плавтѣ видятъ болѣе vis comica: можетъ быть; но главнѣйшее ихъ достоинство въ томъ, что за утратою подлинниковъ, они сохранили намъ новую Греческую комедію.

Трагедіи Латинскія, до насъ дошедшія, написаны въ гораздо позднѣйшее время; многіе ученые оспориваютъ принятое для нихъ имя Сенеки, и отчасти несомнѣнно правы; но не въ имени сила, а въ самомъ достоинствѣ произведеній. Долго пользовались они, какъ и всѣ остатки древней Словесности, величайшимъ уваженіемъ; а всеобщая извѣстность Латинскаго языка, межъ тѣмъ, какъ Эллинскій былъ удѣломъ небольшаго числа ученыхъ, заставляла многихъ предпочитать ихъ даже великимъ Греческимъ образцамъ. Потомъ какъ сіи, кому въ подлинникѣ, а кому въ переводѣ, всѣмъ болѣе стали знакомы, преимущество ихъ оказалось безспорно. Люди, чистымъ вкусомъ одаренные, истинные знатоки, сами почувствовали и другимъ разтолковали, сколько высокая простота и божественная правда Аѳинскихъ Трагиковъ лучше искуственной, гиперболической пышности Римскаго. Когда же направленіе умовъ въ Литтературѣ взяло вообще другой оборотъ, и въ моду вошло всего древняго скучать и отвращаться, раскольники Поэзіи возпользовались строгимъ сужденіемъ знатоковъ, чтобы на немъ съ прибавкою основать свое; смертный приговоръ *холодному, надутому подражателю* Сенекѣ долженъ былъ служить и для всѣхъ, кто еще вздумаетъ слѣдовать въ трагедіи за Греками. Умный и ученый раскольникъ Шлегель, избавляющій совершенно нашихъ отъ безполезной скуки читать и судить по себѣ, толкуетъ о трагедіяхъ Сенеки съ большимъ пренебреженіемъ; это сходно съ общимъ планомъ его: представить Греческую трагедію какъ нѣчто, правда, прекрасное (ибо противъ этого спорить нелѣпо), но мѣстное, годное только въ Аѳинахъ, и всякаго подражателя ведущее на погибель; держась сего правила, онъ съ равною строгостью осудилъ весь Италіянскій и Французкій театръ, выставляя въ примѣръ начинающимъ Нѣмцамъ, смѣлыхъ романтиковъ Англичанъ и Испанцевъ. Краеугольный камень всего Шлегелева зданія есть одностороннее пристрастіе къ тому, что онъ исключительно почитаетъ Христіанствомъ, то есть къ Католицизму, отъ чего онъ (какъ извѣстно) перемѣнилъ вѣру; и войдя такъ сказать въ его кожу, должно сознаться, что онъ логически разсуждаетъ, требуя вездѣ и во всемъ романтизма, сирѣчь нравовъ, обычаевъ, повѣрій, преданій, и всего быта среднихъ вѣковъ западной Европы; но любопытно узнать: почему наши такъ прилѣпились къ романтизму (*), или съ какого права разпространили имя сіе на нынѣшнихъ Турокъ (ненавистныхъ Шлегелю, въ чемъ онъ сознается по случаю Расинова *Баязета*), или Аравлянъ Іеменскихъ, или Персовъ-огнепоклонниковъ, или даже Индѣйцевъ, служителей Брамы и Вишну? Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европою западной; первыя свои познанія, художества и науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православною отъ Царьграда, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ, умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда Крестовики въ своихъ пѣли торжественные молебны. Правда, Петръ Первый много ввелъ къ намъ Нѣмецкаго; но уже ли перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянить, и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? по счастію это невозможно, и одна Вѣра *своя* предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. Сверхъ того, все близкое въ Исторіи нашей едва ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая;

(*) Предвижу, что защитники нынѣшняго вкуса скажутъ, что я вовсе не понимаю, что есть *романтизмъ*, и заблаговременно докладываю имъ, что здѣсь держусь въ точности опредѣленія, сдѣланнаго самимъ Шлегелемъ, и другаго покуда не знаю; но усердно прошу ихъ одолжить меня своимъ, буде есть оно, и разомъ рѣшить сію таинственную и головоломную задачу.

прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украйнѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ пріобрѣтеннымъ, значитъ уже въ самомъ дѣлѣ слишкомъ дешево мѣнять святую Русь.

Сіе разсужденіе завело насъ далеко отъ Сенеки, но оно тѣмъ полезно, что на основательныхъ только всеобщихъ понятіяхъ утверждаются и частныя сужденія. Сей подражатель Грекамъ имѣлъ самъ отличныхъ послѣдователей: Альфіери, мало что съ намѣреньемъ часто у него заимствуетъ, но еще отъ природы во многомъ (хорошемъ и дурномъ) сходствуетъ съ нимъ: еще большій геній, Корнель, уважалъ Сенеку отмѣнно, и учился въ его твореніяхъ; Расинъ почерпнулъ изъ него великолѣпную сцену, гдѣ Федра признается сама Иполиту въ любви; Кребильонъ безъ него не написалъ бы *Атрея*, лучшей своей трагедіи; и даже у насъ, Озеровъ обязанъ ему всѣми спорами Агамемнона съ Пирромъ въ *Поликсенѣ*. Однимъ словомъ, сіи Латинскія трагедіи, хотя часто стоятъ на ходуляхъ, изобилуютъ сильными и высокими чертами, и важны въ Исторіи драматическаго искуства.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Нищій, сочиненіе А. Подолинскаго. — С. П. б. въ типогр. Х. Гинца 1830. (45 стран. въ 8-ю долю листа)

Пѣвецъ *Нищаго* познакомился съ читающею публикою нашей въ 1827-мъ году, выдавъ маленькую поэму: *Дивъ и Пери*. Счастливо выбранный предметъ, стихи всегда благозвучные, хотя не вездѣ точные, и въ цѣломъ хорошее направленіе молодаго таланта, обрадовали истинныхъ любителей Руской Словесности. Поэма Дивъ и Пери, сама собою не образцовое произведеніе, сдѣлалась драгоцѣнною книжкою по надеждамъ, какія подавалъ ея Сочинитель. Удовольствіе судей благомыслящихъ откликнулось шумною радостью въ нашихъ Журналахъ, какъ едва слышное одобреніе театральныхъ знатоковъ подхватывается громкими плесками амфитеатра. Одинъ Московскій Журналистъ даже вызвался благодарить молодаго Поэта отъ лица всего человѣчества. Поступокъ, у насъ неудивительный. Упорное молчаніе людей, которые, по своему образованію и уму, должны бъ были говорить въ полезное услышаніе наше, оставляетъ литературныхъ демагоговъ въ счастливой самоувѣренности, что они говорятъ по общему призванію и отъ лица всѣхъ мыслящихъ. Потому-то въ ихъ судейскихъ опредѣленіяхъ замѣтите много повелительнаго и ничего убѣдительнаго! Пожалѣемъ, если неотчетливая похвала ихъ имѣла вредное дѣйствіе на молодый талантъ нашего Поэта: вторая поэма его: *Борскій*, обрадовала только Журналистовъ, изъ коихъ одинъ объявилъ, что теперь должно учиться стихи писать у Г. Подолинскаго, а не у Жуковскаго и Пушкина. Стихи въ Борскомъ, какъ и въ Дивъ и Пери, благозвучны, но языкъ еще болѣе небреженъ, а планъ его, какъ извѣстно читателямъ, склеенъ изъ неискусныхъ подражаній двумъ, тремъ поэмамъ любимыхъ нашихъ Поэтовъ и законченъ катастрофой собственной выдумки, годной развѣ для модныхъ Французскихъ пародій, какова Le lendemain du dernier jour d'un condamné.

Благозвучные стихи безъ мыслей обнаруживаютъ не талантъ поэтическій, а хорошо устроенный органъ слуха. Гармонія стиховъ Виргилія, Расина, Шиллера, Жуковскаго и Пушкина, есть такъ сказать тѣло, въ которомъ раждаются поэтическія чувства и мысли. Какъ женская красота вполнѣ выразилась въ формахъ Венеры Медиційской, такъ у истинныхъ поэтовъ каждая мысль и каждое чувство облекаются въ единый, имъ свойственный гармоническій образъ. Сія-то связь очаровательности звуковъ съ истиною вдохновеній всегда будетъ услажденіемъ и славою человѣчества; она врѣзала въ памяти великаго Лейбница двѣнадцать пѣсней Энеиды; плѣненный ими, онъ говаривалъ: «Если бы Виргилій наименовалъ меня только въ одномъ стихѣ Энеиды, я бы почелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и пренебрегъ бы всякою другою извѣстностью.»

Подобное благозвучіе предвѣщала намъ, какъ заря прекраснаго дня, поэма Дивъ и Пери, и къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись по прочтеніи *Нищаго*. Въ немъ напрасно вы будете искать поэтическаго вымысла, въ немъ нѣтъ во многихъ мѣстахъ (не говорю о грамматикѣ) даже смысла. Это что-то похожее на часовой будильникъ, но хуже: ибо будильникъ имѣетъ цѣль, онъ звѣнитъ, чтобы разбудить въ назначенное время спящаго человѣка. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, разскажемъ содержаніе сего сочиненія:

Бѣдный Итальянецъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ оставившій Италію, тоскуетъ по родинѣ, жалуется, что она далеко и какъ ребенокъ, не умѣя назвать собственнымъ именемъ, описываетъ ее частными картинами, болѣе изображающими Швейцарію, чѣмъ Италію:

Еще я помню: горы тамъ,
Снѣга и льдины по горамъ,
Онѣ блестятъ вѣнцемъ златымъ
Подъ небомъ вѣчно голубымъ;
Долинъ и нѣга и краса,
Роскошно *зыблются лѣса*,
И *брыжжетъ искрами заливъ*
У корней миртовъ и оливъ;

Тамъ рядъ священныхъ мнѣ могилъ
Широко яворъ осѣнилъ —
И, можетъ быть, въ его тѣни,
И я бы мирно кончилъ дни. . . .
Я? . . Нѣтъ! *ничтожныя* мечты! . . .

Ему запрещено возвращеніе въ отчизну и онъ отъ того хотѣлъ бы разлюбить ее.

Но какъ *по вольности*, о ней
Тоска живетъ въ груди моей.

Отъ чего же страдаетъ онъ? Отъ любви, и вотъ какимъ образомъ:

Однажды праздникомъ весны —
Храня обычай старины —
Плясалъ подъ сѣнію деревъ
Кругъ рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
И между нихъ была она,
Моя Аньола! . . . . .
Утомлена, ко мнѣ на грудь
Она поникла; я дохнуть
Не смѣлъ; . . . . . .
И вдругъ руки моей слегка
Коснулась жаркая рука, —
Я вспыхнулъ — къ пламеннымъ устамъ
Прижалъ ее — не помнилъ самъ
Что дѣлалъ я, кипѣла кровь —
И я ей *высказалъ любовь.*

Аньола удивленная, какъ и читатели, нежданнымъ и неумѣстнымъ признаніемъ въ любви,

Прочь пошла, не оглянулась.

Нищій изъ этого заключилъ, что она его не любитъ; ему показалось,

Что жизнь пучина слезъ и бѣдъ
Любовь огонь, а счастья нѣтъ,

И онъ, скрывъ въ душѣ любовь свою:

Бѣжалъ всего, родныхъ, друзей,
И часто въ сумракѣ ночей,
Тревоги полный, *чуждый сну*
Одинъ всходилъ на крутизну

И безсмысленно рыдалъ. Однажды ночью (на югѣ долго ночь тепла, замѣчаетъ Поэтъ) застаетъ онъ надъ водопадомъ Аньолу и не одну; слышитъ, какъ она цѣлуется, видитъ, какъ

Приникнувъ къ ней, рука съ рукой,
Ее ласкалъ соперникъ —

И сталкиваетъ этого счастливца со скалы; т. е. исполняетъ на дѣлѣ ревнивое мечтаніе Алека, прекрасно высказанное Пушкинымъ:

Когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ,
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.
(*Цыганы.*)

Незнакомецъ сброшенъ со скалы; Аньола, Богъ знаетъ, куда скрылась, даже не вскрикнувъ отъ испуга, а герой поэмы услышалъ голосъ несчастнаго и узналъ по немъ роднаго брата. Невольное братоубійство подѣйствовало не на сердце его, а на голову. Не знаемъ, было ли такое намѣреніе у Автора; судимъ по исполненію. Нищій помѣшался и съ этого несчастнаго мига все, что ни разсказываетъ онъ въ остальной части поэмы, или безъ смысла, или безъ цѣли. Чѣмъ бы кинуться къ несчастному брату на помощь, или, если это напрасно, постараться по крайней мѣрѣ, пока живъ онъ, вымолить у него прощеніе, онъ преспокойно проговорилъ слѣдующее непонятное заклинаніе и упалъ въ обморокъ:

Если бъ громъ
Съ небесъ разгнѣванныхъ упалъ,
И подъ развалинами скалъ
Братоубійцу онъ погребъ, —
Чтобъ бездна приняла, какъ гробъ,
Мою главу. . . . чтобъ въ судный день
Моя испуганная тѣнь
Укрылась въ сумракѣ земли —
Чтобъ мнѣ на сердце налегли
Громады горъ, — но громъ молчалъ!

Пришедъ въ себя и пропѣвъ цѣлую идиллію о красотѣ утра, насилу воспоминаетъ онъ о своемъ поступкѣ, и то сомнѣвается, но

Бѣглый взглядъ
Случайно палъ на водопадъ
И что же? брата епанча
У ската горнаго ключа
Полой *вцѣпившись о гранитъ*,
По вѣтру вьется и шумитъ!

Изъ остальныхъ словъ Нищаго понять можно, что онъ былъ посаженъ въ тюрьму, что его навѣщала мать (которую, будто бы тихонько и за деньги къ нему впускали, какъ къ важному государственному преступнику), что она и Аньола умерли и что судьи позабыли его въ тюрьмѣ, гдѣ онъ просидѣлъ бы до конца жизни, если бы Наполеонъ, завоевавъ Италію, не велѣлъ освободить заключенныхъ. На волѣ совѣсть его не мучила, нѣтъ; первое чувство, родившееся въ немъ, была *любовь*! и его тревожила только одна мечта, что онъ *сирота!* Однако жь онъ посѣтилъ могилы матери, Аньолы и убитаго имъ брата и на нихъ увидѣлъ чудеса: *кусты живыхъ розъ съ нездѣшнимъ запахомъ и кипарисъ, пахнущій розами.* Тутъ же (не знаемъ, сонъ ли это былъ) явились ему три знакомыя тѣни и приказали навсегда удалиться изъ Италіи. Онъ ихъ послушался, пришелъ въ Россію и здѣсь безпокоютъ его мысли странныя, изъ коихъ одну пускай онъ самъ перескажетъ:

Убогъ и сиръ,
Я обхожу печальный міръ.
Порою тучныя поля
Объемлю жаднымъ взоромъ я
И мыслю: *если бъ хоть одно*
Здѣсь было и мое зерно.

Подарокъ дѣтямъ на Святую Пасху 1830 года. Разговоры въ пользу воспитанія. Соч. Протоіерея Григорія Мансветова. — С. П. б., въ типографіи Плюшара. (327 стр. въ 16-ю д. л., съ картинкою (*).

О содержаніи сей книжки, съ полнымъ оглавленіемъ статей ея, было сказано въ объявленіи, напечатанномъ въ 7-мъ No Литер. Газеты. Присовокупимъ къ тому, что разговоры, составляющіе сей *Подарокъ на Святую Пасху*, заключаютъ въ себѣ назидательныя наставленія касательно вѣры и обязанностей Христіанина къ Богу, ближнему и самому себѣ. Наставленія сіи изложены просто, понятно для дѣтей и облечены въ чистый, хорошій слогъ. Юные Христіане конечно порадуются сему прекрасному подарку.

СМѢСЬ.

Любителямъ Художествъ, безъ сомнѣнія пріятно услышать, что въ книжномъ магазинѣ Слёнина на Невскомъ проспектѣ выставлена нынѣ, на судъ публики, картина, изображающая Св. Дѣву Марію съ младенцемъ Іисусомъ, приписываемая *Рафаэлю*.

Не беремся рѣшить, дѣйствительно ли произведеніе сіе кисти Рафаэля, или только его времени и его школы, или даже нечто иное, какъ искусная поддѣлка новѣйшаго времени. — Ошибиться въ семъ случаѣ такъ легко! — Кто изъ занимающихся Художествами не знаетъ анекдота о Петрѣ Миньярдѣ, который, поддѣлавшись подъ кисть Гвидо-Рени, заставилъ знаменитаго Ле-Брёна признать копію свою за самого Гвидо? Кому не извѣстно, что нѣкогда Андрей дель-Сарто такъ близко и вѣрно сдѣлалъ, подъ руководствомъ Рафаэля, копію съ портрета Льва X, написаннаго Юліемъ Романомъ, что даже самъ Юлій-Романъ почелъ копію сію за собственное свое произведеніе? — И такъ, ежели столь трудно было судить даже такимъ Художникамъ о произведеніяхъ, почти въ ихъ глазахъ сдѣланныхъ, то что можно сказать положительнаго о картинѣ, исторія коей намъ неизвѣстна, измѣненной временемъ и поправками?

Стиль картины сей, съ перваго взгляда, дѣйствительно имѣетъ въ себѣ много *Рафаэлевскаго*: тотъ же колоритъ, то же божественное спокойствіе въ лицѣ Дѣвы Маріи, та же очаровательность въ тмо-свѣтѣ... Но видѣнъ ли Рафаэль въ сочиненіи сей картины? Не уже ли это выисканное, принужденное положеніе младенца написано Рафаэлемъ? — Рисунокъ также, кажется, не вездѣ чистъ, особенно замѣтны погрѣшности въ лѣвой рукѣ Маріи и въ лѣвой кисти Іисуса. Впрочемъ легко можетъ статься, что послѣдній недостатокъ сей произошелъ отъ поправокъ, которымъ картина сія подверглась, по всему вѣроятію, еще прежде, нежели оную перевели здѣсь въ С. Петербургѣ съ дерева на холстъ. —

Желательно было бы, чтобы Художники и просвѣщенные любители наши обратили вниманіе на сію, по справедливости, замѣчательную картину, и если оная дѣйствительно принадлежитъ Рафаэлю, или хотя по крайней мѣрѣ его школѣ, то жаль будетъ, ежели кто-либо изъ богатыхъ нашихъ соотчичей не пріобрѣтетъ оную для своей галлереи.

В. Л — ръ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 18-мъ No. Литер. Газеты, на стран. 144 въ первомъ столбцѣ, вкрались слѣдующія опечатки: на строкѣ 22 напечатано: *нимало не измѣненнаго*; должно читать просто: *не измѣненнаго*. На слѣдующей за тѣмъ строкѣ поставлено: *Демосѳенъ, говоря о рѣчахъ Эсхина*; должно читать: *Эсхинъ, говоря о рѣчахъ Демосѳена.*

(*) Продается въ С. Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина, и въ Москвѣ у А. С. Ширяева. Цѣна въ бумажкѣ 7 руб., съ пересылкою въ другіе города восемь рублей.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Марта 31-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМ. I. №. 20. АПРѢЛЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ПОЧТОВЫЙ ДОМЪ
ВЪ
ШАТО-ТЬЕРРИ.

(*Изъ Разсказовъ Путешественника.*)

.... Дорожная моя коляска изломалась, по милости почтальона, которому обѣщано было лишнее на водку. Подъѣзжая къ Шато-Тьерри, этотъ проворный и говорливый Французъ вообразилъ себѣ, что здѣсь-то ему и надобно было отличиться: захлопалъ бичемъ, погналъ лошадей; а между тѣмъ поминутно оглядывался ко мнѣ въ коляску и разсказывалъ мнѣ о достопамятностяхъ городка Шато-Тьерри, о томъ, что онъ былъ родиной Ла-Фонтеня (de ce bon Mr. de la Fontaine), о числѣ его жителей, о торговлѣ хлѣбомъ и мельничными жерновами и пр. и пр. Въ такихъ разсказахъ, онъ безъ оглядки взлетѣлъ на маленькой мостикъ, зацѣпился колесомъ за каменныя перилы — и ось затрещала и переломилась, подобно какъ въ Иполитовой колесницѣ. Я, впрочемъ, былъ счастливѣе сего миѳологическаго героя и успѣлъ во-время выскочить изъ коляски; но вѣрный мой Тераменъ, или просто Руской служитель, отлетѣлъ въ сторону и немного ушибся. Нечего было дѣлать. Я оставилъ моего Терамена присматривать за поклажей и помогать почтальону кое-какъ приладить колесо, чтобы довезти коляску до Шато-Тьерри; а самъ пошелъ впередъ, ибо до городка было уже недалеко.

Я пришелъ прямо въ почтовый домъ и просилъ у содержателя почты позволенія, остаться тутъ до прибытія моей коляски. Хозяинъ, высокой, статный мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ рѣзкими, но довольно пріятными чертами лица и огромными бакенбардами, принялъ меня съ холодной вѣжливостью. На немъ были куртка и панталоны изъ бумажнаго канифаса съ синими, узкими полосками — платье, въ какомъ мы нерѣдко видимъ въ Петербургѣ Французскихъ моряковъ, на купеческихъ судахъ; на головѣ круглая лакированная фуражка, надѣтая съ какою-то воинской щеголеватостью. Онъ сказалъ мнѣ, что въ домѣ его нѣтъ трактира и комнатъ для проѣзжихъ; но что онъ проситъ меня войти въ комнаты, занимаемыя имъ и его семействомъ. Я пошелъ за нимъ.

Въ большой комнатѣ, куда онъ ввелъ меня, сидѣлъ у стола почтенный старикъ лѣтъ семидесяти и завтракалъ; молодая, пригожая дѣвушка, въ легкомъ утреннемъ платьѣ и съ свѣжестью въ лицѣ и улыбкой яснаго Майскаго утра, ему прислуживала. Другая женщина, не многимъ ея постарѣе, сидѣла на тюфякѣ, разостланномъ середи пола, и занималась какимъ-то рукодѣльемъ; подлѣ нея игралъ ребенокъ, съ небольшимъ году, здоровенькой, полненькой, прелестный, какъ ангелъ. На поклонъ мой, всѣ отвѣчали поклономъ, и молодая женщина, сидѣвшая на полу, встала. Вообразите себѣ высокую, стройную красавицу, съ тонкими, нѣжными чертами лица отмѣнно бѣлаго, съ тонкимъ, нѣжнымъ румянцемъ въ щекахъ, съ большими голубыми глазами! Фіолетовая кофта, ловко застегнутая поверхъ зеленой юпки, прекрасно обрисовывала легкій, воздушный станъ красавицы; на головѣ цвѣтной кисейный платокъ, повязанный à la Créole, былъ ей совершенно къ лицу, котораго оттѣнялъ онъ бѣлизну и придавалъ какой-то блескъ бѣлокурымъ локонамъ, струившимся изъ-подъ сей наколки и падавшимъ вокругъ шеи. Этотъ утренній головной уборъ молодой Француженки всегда мнѣ нравился своею незатѣйливою миловидностью; но здѣсь я еще болѣе почувствовалъ ему цѣну. Я остановился въ безмолвномъ удивленіи передъ молодой женщиной, какъ бы очарованный сладостнымъ выраженіемъ и тихимъ огнемъ этихъ большихъ голубыхъ глазъ. Изъ этого минутнаго забытья былъ я выведенъ голосомъ введшаго меня хозяина, который въ отрывистыхъ словахъ знакомилъ меня съ членами своего семейства. «Это отецъ «мой,» сказалъ онъ; «это сестра, а это жена и сынъ «мой.»

Мнѣ показалось, что всѣ они съ какою-то недовѣрчивостію смотрѣли на меня. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, пришедшій пѣшкомъ и объявляющій о своемъ изломанномъ, можетъ быть небываломъ экипажѣ, могъ поселить нѣкоторое подозрѣніе на большой столичной дорогѣ, гдѣ конечно подобныя явленія нерѣдки, и гдѣ бродяги, выдавая себя за порядочныхъ путешественниковъ, не разъ конечно старались воспользоваться довѣрчивостію хозяевъ, хотя по крайней мѣрѣ для того, чтобы пообѣдать на чужой счетъ, или выпросить лошадь и кабріолетъ до слѣдующей станціи, съ твердою рѣшимостью найти способъ не заплатить за нихъ. Мысль о такомъ подозрѣніи была мнѣ досадна. Безъ всякой нужды въ звонкой монетѣ, я спросилъ у хозяина, гдѣ могъ бы я размѣнять банковый билетъ на золото? и онъ отвѣчалъ мнѣ, что охотно самъ услужитъ мнѣ этимъ. Я вынулъ изъ кармана мой бумажникъ, развернулъ, какъ бы нечаянно, лежавшій въ немъ паспортъ мой, засвидѣтельствованный Россійскимъ Посольствомъ въ Парижѣ; засимъ началъ я медленно перебирать нѣсколько банковыхъ билетовъ въ пять сотъ и тысячу франковъ, подалъ одинъ изъ нихъ хозяину и просилъ его сдѣлать мнѣ обѣщанное одолженіе. Онъ бѣгло взглянулъ на билетъ, удостовѣрился въ его подлинности и передалъ его сестрѣ своей, сказавъ: «Милая Леонія, потрудись отсчитать этому господину двадцати-франковыхъ монетъ, на пять сотъ ливровъ.» — Дѣвушка вышла въ другую комнату, а я остался съ молчаливыми моими хозяевами. Отъ нечего дѣлать, я началъ играть съ прелестнымъ ребенкомъ прелестной хозяйки. Дитя охотно приняло мои ласки, улыбалось мнѣ и само заигрывало со мной, бросаясь ко мнѣ на руки и поднявъ вверхъ красивую свою головку съ выраженіемъ ангельской привѣтливости. Мать его умильно смотрѣла на нашу игру и замѣтно радовалась тому, что чужой, незнакомый человѣкъ любовался ея малюткой и находилъ удовольствіе въ дѣтскихъ его рѣзвостяхъ. Старый дѣдушка, и даже самъ отецъ малютки, показавшійся мнѣ почти нелюдимомъ, веселѣе взглянули на меня, и легкое облако сомнѣнія, подернувшее лица сего семейства при моемъ вступленіи въ домъ, скоро совсѣмъ изчезло; всѣ уже смотрѣли на меня яснымъ взоромъ доброжелательства.

Ничто не располагаетъ столько въ пользу человѣка незнакомаго, какъ его ласковость и вниманіе къ маленькимъ дѣтямъ. Люди всегда склонны имѣть доброе мнѣніе о томъ, кто находитъ удовольствіе въ невинныхъ играхъ дѣтства, всегда готовы въ немъ признавать чистую совѣсть и миръ души: но всегда ли безошибочно — не знаю, и не хочу изслѣдовать; ибо сіе почти всеобщее, доброе предубѣжденіе льстило на этотъ разъ моему самолюбію.

Я сказалъ не помню какое привѣтствіе молодой женщинѣ; она закраснѣлась; что-то непонятное для меня выразилось въ ея взорѣ, который она вдругъ отвела отъ меня и обратила на своего мужа, какъ будто бы о чемъ-то его умоляя. Мнѣ показалось это страннымъ. Первая мысль, родившаяся въ головѣ моей, была та, что этотъ мужъ былъ ревнивый тиранъ своей прелестной жены; что, можетъ быть, изъ безумной ревности и меня онъ принялъ такъ непривѣтливо. Отгадалъ ли онъ эту мысль по глазамъ моимъ, или можетъ быть изъ побужденія болѣе чистаго, но онъ поспѣшилъ разрѣшить мои сомнѣнія.

—« Не примите за неучтивость молчаніе жены моей, или не припишите его недостатку воспитанія, либо ума, « сказалъ онъ голосомъ, выражавшимъ какое-то чувство нѣжнаго состраданія. « Жена моя лишена дара слова: она глухо-нѣмая.

—«Право?» вскричалъ я по невольному движенію удивленія.

—«Такъ точно, сударь! Она только языкомъ знаковъ передаетъ тѣ ощущенія, которыя, можетъ быть, дѣйствуютъ на нее еще сильнѣе, нежели на насъ, владѣющихъ языкомъ звуковъ, тѣ чувствованія, для которыхъ всегда разкрыта прекрасная душа ея, наконецъ, тѣ мысли, коими столь богато ея безмолвное созерцаніе.«

Признаюсь, я покушался уже дать волю врожденному моему любопытству, и подъ благовиднымъ предлогомъ самаго искренняго соучастія вывѣдать приключенія жизни сей занимательной четы; уже я наскоро соображалъ мои планы нападенія на чувствительную сторону души моего хозяина.... Но сперва приходъ сестры его, заставившей меня пересчитать 25 *наполеондоровъ*, а потомъ пріѣздъ моей коляски, толки съ кузнецами и пр., отвлекли меня на полчаса отъ сихъ плановъ и желаній. Наконецъ, я условился съ ремесленникомъ, взявшимся починить мою коляску; ее отвезли къ кузницѣ, и она могла быть готова не ближе вечера, слѣдовательно, до той поры мнѣ не было возможности выѣхать изъ Шато-Тьерри. Но какъ оставаться долѣе въ домѣ содержателя почты, который самъ объявилъ мнѣ, что не содержитъ гостиницы? При томъ же, надобно обѣдать, а для этого въ каждомъ Французскомъ городкѣ есть порядочные трактиры. Это разрушало всѣ мои планы; и сколько я ни ломалъ себѣ голову, не могъ ничего придумать. Къ счастію, самъ хозяинъ однимъ словомъ разорвалъ сей Гордіевъ узелъ. Когда я оставался середи двора еще въ нерѣшимости и раздумьи, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

—«Семейство мое посылаетъ меня къ вамъ парламентеромъ. Всѣ мы убѣдительно просимъ васъ, не отказать намъ въ одномъ одолженіи: отобѣдать сего дня съ нами. Вы, конечно, найдете у насъ нероскошный столъ сельскихъ жителей; но вамъ, какъ путешественнику, вѣрно неразъ случалось обѣдать, *чѣмъ Богъ послалъ* (à la fortune du pot). Мы просимъ васъ напередъ, сударь, принять нашу искренность и радушіе въ замѣнъ пышнаго угощенія.«

Я отвѣчалъ поклономъ; хотѣлъ прибавить къ тому оговорку, не буду ли я въ тягость этому доброму, любезному семейству, но хозяинъ дома не далъ мнѣ договорить ее и продолжалъ:

— «Жена моя хочетъ съ вами познакомиться покороче, *поговорить* съ вами.... Да, сударь, поговорить! — Если вамъ незнакомъ разговоръ на пальцахъ, изобрѣтенный для глухо-нѣмыхъ незабвенными нашими Аббатами Де л' Эпе и Сикаромъ, то аспидная доска и грифель къ вашимъ услугамъ.»

Здѣсь ужь я не находилъ болѣе, или лучше сказать, не имѣлъ духу найти какую-либо оговорку. Я поблагодарилъ добраго моего хозяина за сей знакъ вниманія и за гостепріимство, столь рѣдко встрѣчаемое на большихъ дорогахъ.

— «Гостепріимство наше,» отвѣчалъ онъ, «можетъ быть показалось вамъ сомнительнымъ съ перваго пріема; но вы привязали насъ къ себѣ ласками нашему маленькому сыну, и потому имѣете полное право на мою откровенность. Жена моя всегда страдаетъ, когда видитъ кого-либо изъ постороннихъ, особливо человѣка незнакомаго, когда видитъ, что съ нею начинаютъ говорить — и не можетъ отвѣчать изустно! Ей такъ огорчительно возбуждать къ себѣ сожалѣніе! ибо, находясь въ кругу одного нашего семейства, она почитаетъ себя совершенно счастливою и позабываетъ, о томъ жестокомъ лишеніи, на которое природа или случай ее осудили. По сему-то мы рѣдко принимаемъ у себя постороннихъ людей, и знакомство наше въ городѣ ограничивается небольшимъ числомъ короткихъ пріятелей. Но вы въ несколько минутъ совершенно пріобрѣли дружеское расположеніе къ себѣ жены моей. Отъ нея не ускользнуло то искреннее, душевное удовольствіе, съ какимъ вы забавляли нашего малютку: ибо эти существа, лишенныя способности слышать рѣчи другихъ и сообщать свои мысли живымъ голосомъ, глухо-нѣмые, одарены въ замѣнъ того отмѣнною способностію читать въ душѣ человѣка по выраженію лица и глазъ его. Такъ и жена моя прочла изъ вашей добродушной улыбки, изъ выражавшагося въ глазахъ вашихъ чувства нѣжности, что удовольствіе ваше было не притворно. Ея понятія о свѣтѣ и людяхъ, не смотря на многіе горькіе опыты, сохраняютъ еще всю чистоту души невинной: она вѣритъ добру, и симъ гораздо счастливее многихъ изъ насъ, говорящихъ.»

Голосъ сего добраго человѣка, твердый и отчасти отрывистый въ обыкновенномъ разговорѣ, смягчался и принималъ какое-то особенное выраженіе нѣжности, когда онъ говорилъ о женѣ своей. По всему видно было, что онъ любилъ ее страстно; и этимъ онъ еще болѣе приковывалъ къ себѣ мое душевное расположеніе и — признаюсь — еще болѣе поджигалъ мое любопытство.

Мы вошли снова въ комнату; и хозяинъ подвелъ меня къ женѣ своей. Я не могъ безъ умиленія смотрѣть на это милое, прелестное существо, которое еще больше привлекало меня съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ причину его вѣчной, неотразимой молчаливости. Хозяинъ подалъ мнѣ небольшую аспидную доску съ грифелемъ, и я написалъ:

«Вы вѣрно счастливы вашимъ положеніемъ: супругъ «вашъ обожаетъ васъ, родные любятъ нѣжно; вы мать «прелестнаго дитяти.»

Я подалъ доску глухо-нѣмой красавицѣ; она бѣгло взглянула на нее и мигомъ написала мнѣ отвѣтъ:

«Вы правы. Если есть на землѣ счастіе, то я впол«нѣ имъ наслаждаюсь. Съ тѣхъ поръ, какъ я принад«лежу моему другу, каждый день является мнѣ нитью «пріятнѣйшихъ мечтаній, и тѣ же мечтанія каждую «ночь веселятъ меня въ сновидѣніяхъ.»

Я написалъ ей новый вопросъ:

«И конечно вы никогда не жалѣете о томъ, что не «можете слышать?»

— «О, какъ не жалѣть!» былъ отвѣтъ ея: «у меня «отнята возможность слышать голосъ милаго моего «друга и дѣтскій лепетъ моего сына.

— «За то сколько ничтожныхъ рѣчей, сколько злыхъ «рѣчей вы не слышите,» возразилъ я.

— «Это правда,» отвѣчала она. «Но мой слухъ те«перь — одно воображеніе; и мнѣ кажется, что въ го«лосѣ человѣческомъ есть такая сладость, что я охот«но бы простила все прочее, лишь бы что нибудь «услышать.»

На лицѣ ея отразилось какое-то печальное ощущеніе, когда она писала сіи слова. Я счелъ за лучшее прекратить на время сей тягостный для чувствительности ея разговоръ; и потому, положа въ сторону отвѣтъ ея, сказалъ ея мужу:

— «Супруга ваша выражается весьма свободно и правописаніе наблюдаетъ въ совершенствѣ....

— «Это не должно васъ удивлять,» подхватилъ онъ: «глухо-нѣмые всегда бываютъ отличными орѳографами. Они не могутъ себѣ вообразить, чтобъ мысль была правильно выражена, когда въ словахъ не соблюдено правописаніе во всей строгости. По большей части они даже краснописцы, ибо думаютъ, что для понятности мысли, должно изображать ее на письмѣ четкими и красивыми знаками.

— «По всему видно, что супруга ваша воспитывалась въ Парижскомъ училищѣ глухо-нѣмыхъ, подъ надзоромъ почтеннаго Аббата Сикара?

— «О, нѣтъ! мы сами воспитывали ее у себя въ домѣ, и для того жила у насъ одна питомица Парижскаго училища, окончившая курсъ. Недавно мы выдали ее въ замужство за одного порядочнаго человѣка, живущаго въ здѣшнемъ городѣ. Жена моя каждый день съ нею видится.

— «Такъ по этому супруга ваша съ малолѣтства взросла въ вашемъ домѣ?

— «Нѣтъ; я привезъ ее съ собою изъ Германіи, когда кончилась послѣдняя наша война съ цѣлою почти Европой.... Вижу, что я моими отвѣтами только болѣе возбуждаю ваше любопытство, любопытство весьма естественное и даже законное, по новости предметовъ, которые рѣдко могутъ встрѣтиться... Чтобы отвѣчать разомъ на всѣ вопросы, къ которымъ они могли бы подать поводъ, я охотно разскажу вамъ ту часть происшествій моей жизни, которая касается собственно до знакомства моего съ Вильгельминой и женитьбы моей. Мы обѣдаемъ поздно. До того времени, не угодно ли вамъ прогуляться со мною въ нашемъ саду; тамъ я разскажу вамъ мою повѣсть.«

Само по себѣ разумѣется, что я отъ этого не отказался. Мы пошли въ садъ, и тамъ, посадя меня на скамью въ бесѣдкѣ изъ виноградныхъ лозъ и сѣвъ подлѣ меня, хозяинъ мой разсказалъ мнѣ слѣдующее.

(*Оконч. въ слѣдующ.* No.)

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

А. Пушкинъ.

КЪ А. О. Р.

И молча бы легко вы умницей прослыли.
Даръ слова, острота — все это роскошь въ васъ:
Въ глаза посмотритъ вамъ и разглядитъ какъ разъ,
Что съ неба звѣзды вы схватили.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья III.

(*Продолженіе.*)

Шлегель съ намѣреніемъ напираетъ на то, что онѣ врядъ ли бывали когда представлены; но сіи намеки едва ли придутся по вкусу тѣхъ, кто восхищается трагедіями и комедіями, не только не игранными, но вовсе негодными къ представленію. Онъ же укоряетъ ихъ за трагическій пересолъ, и ссылается на чадоубійство Медеи, представленное въ дѣйствіи, а не въ разсказѣ. Я согласенъ, что есть

des objets que l'art judicieux
Doit offrir à l'oreille et dérober aux yeux;

но желаю узнать: какъ Шлегель согласитъ сіе нѣжное соблюденіе приличій, со всѣмъ, что его восхищаетъ въ Шекспирѣ, гдѣ трупы кучами валяются? Правда, нѣтъ ни въ одной Шекспировой трагедіи ничего столько ужаснаго, какъ дѣйствіе Медеи, рѣжущей дѣтей; но есть вещи, гораздо болѣе гадкія и отвратныя, напримѣръ: когда Регана теребитъ за бороду старика Глостера, а мужъ ея вытаптываетъ ему вонъ глаза.

Всѣ Латинскіе Стихотворцы въ послѣднее время дорого заплатили за свою прежнюю славу; но принявъ въ уваженіе необычайное его достоинство, никто не потерпѣлъ болѣе Виргилія. Иные не признаютъ въ немъ почти никакого достоинства, основываясь на томъ, что онъ все лучшее занялъ у Гомера, Ѳеокрита, и можетъ быть еще другихъ Греческихъ Поэтовъ, не дошедшихъ до насъ. Безспорно, что Виргилій изобрѣтательнаго генія мало имѣлъ; но въ одномъ ли изобрѣтеніи заключаются всѣ преимущества Поэта, и тогда кто же останется достойнымъ похвалъ? Объ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* я уже прежде сказалъ свое мнѣніе: какъ онѣ составились изъ рапсодій, на преданіяхъ основанныхъ; то же сказать должно и объ Испанскихъ романсахъ, и о повѣстяхъ, наполняющихъ рыцарскія поэмы 16-го столѣтія, и если угодно, о такъ-называемомъ Оссіанѣ; но кто же извѣстный авторъ не заимствовался у предшественниковъ, и всѣмъ обязанъ себѣ? Можно отвѣчать рѣшительно: никто; а слывутъ многіе оригинальными геніями потому только, что образцы ихъ какъ нибудь забыты, либо неизвѣстны Гг. хвалителямъ; всѣ толкуютъ и хлопочутъ о чемъ-то новомъ, невиданномъ и неслыханномъ, и ничего не выходитъ, кромѣ нелѣпаго и безобразнаго. Болѣе скажу: если бы даже Поэтъ имѣлъ счастіе найти подъ руками новый источникъ, никѣмъ неисчерпанный, все бы несправедливо было превозносить его даръ надъ тѣмъ, кому менѣе выгодная доля досталась, но кто своимъ умомъ и прилежаніемъ и то обратилъ въ пользу. Большое дарованіе надо имѣть, чтобы старое, давно извѣстное обновить, и свѣжія красоты въ немъ открыть и схватить. Ода, съ какою познакомилъ насъ Ломоносовъ, родъ холодный и не первостатейный; но сколько изъ послѣдователей его успѣли даже въ ней? Двое только: Петровъ и Державинъ; и тѣ, можетъ быть, благодаря высшему достоинству предметовъ: Чесменскій бой, или взятіе Измаила, не то, что день тезоименитства либо возшествія на престолъ. Отъ чего же всѣ прочіе Лирики наши при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ, такъ неудачно писали въ родѣ Ломоносова? Отъ того, что мудрено воздѣлывать выпаханную землю: не сила творческаго ума, какъ думаютъ, многихъ увлекаетъ въ новыя, глухія тропинки, а напротивъ, слабость и неспособность отличиться на общемъ поприщѣ, гдѣ много соперниковъ и побѣда трудна.

Зачѣмъ, говорятъ, было Виргилію повторять Греческія преданія, а не взяться за свои отечественныя? Должно бы критикамъ такимъ, для полнаго доказательства, сообщить намъ невѣжамъ сіи богатыя преданія древней Италіи, нетронутыя Виргиліемъ; но увы! объ нихъ никто не знаетъ. Судя по вѣроятію, ихъ мало и было; разныя части Италіи въ разныя времена населились Греческими и Фригійскими выходцами; издревле богослуженіе, обычаи, обряды, законы, языкъ (разумѣется съ нѣкоторой все перемѣной), заимствованы отъ чужбины; одно изъ такихъ древнихъ поселеній именно и воспѣлъ Виргилій. Во многихъ мѣстахъ онъ со тщаніемъ воспользовался, чѣмъ только могъ изъ старины Италіянской, но видно, что всего было недостаточно; тамъ искони не помнили событія такого важнаго и великаго, какъ осада Троянская; мѣлкія домашнія произшествія не заслуживали вниманія: что же оставалось Поэту, какъ не чужое связать искусно со своимъ, и на старую колстину положить новый рисунокъ? Еще спрашиваю: какой Римлянинъ, не знающій Эллинскаго языка, не обязанъ даже за то Виргилію, что онъ сообщаетъ ему красоты Гомера или Ѳеокрита? Тогда, мнѣ возразятъ, лучше бы ему просто переводить; но это значитъ, ставить ему въ вину и остатокъ творческаго дара, укоривъ сначала въ недостаткѣ онаго. Притомъ, никто не въ правѣ требовать отъ другаго, чтобы тотъ не по своему, а по его, вещи понималъ: это верхъ безразсуднаго деспотизма; судія благоразумный старается напротивъ постигнуть часто сокровенныя мысли и чувства Поэта, войти въ него, его глазами все осмотрѣть, и послѣ уже, повѣряя сіи личныя понятія и побужденія съ неизмѣнными правилами природы и здраваго смысла, осмѣливается надъ нимъ сужденіе произнесть.

Передъ Гомеромъ Виргилій малъ, но передъ всѣми прочими Эпиками великъ. Одинъ, кто могъ бы казаться выше его именно изобиліемъ творческой силы, есть Данте; но сей великій мужъ самъ называетъ его орломъ надъ всѣми парящимъ, своимъ учителемъ, вождемъ, владыкой, отцемъ, и сіе глубокое почтеніе такого генія, художника и знатока, каковъ пѣвецъ подземныхъ царствъ и горнихъ міровъ, должно въ краску ввести многихъ критиковъ, знающихъ поверхностно творенія, ими судимыя, и безсильныхъ сами хоть что нибудь сотворить.

Первыя произведенія Виргилія суть его *Вуколики* или эклоги; стихосложеніе ихъ выше похвалъ, и по частямъ разбирая, можетъ быть, нѣтъ ничего совершеннѣе; но въ цѣломъ онѣ холодны и бездушны. Сквозь пастушескую одежду лицъ часто просвѣчиваетъ важная Сенаторская тога, либо страшный Императорскій доспѣхъ; заимствованныя у Ѳеокрита картины и рѣчи, какъ ни переданы искусно, теряютъ свое значеніе и прелесть, и не хватаютъ за сердце: это поддѣльные цвѣты, видъ тотъ же, но запаха нѣтъ. Изъ десяти эклогъ, *первая*, *четвертая*, *пятая*, и *девятая*, посвящены въ похвалу воцарившагося Августа и семейства его; въ *десятой* выведенъ съ посошкомъ Египетскій намѣстникъ Галлъ, умирающій отъ любви къ Ликоридѣ, наложницѣ сперва его, а потомъ Марка Антонія: всѣ сіи особы слишкомъ почтенны, и мы не смѣемъ въ нихъ участія принять, онѣ какъ будто шутятъ надъ нами, нарядясь не по чину; во *второй*, гдѣ Виргилій самъ, или кто-то подъ именемъ Коридона, влюбленъ не по нашимъ обычаямъ, дѣйствія нѣтъ; съ начала до конца одна жалобная рѣчь; *третья*, *седьмая* и *осьмая*, отличаются сельской простотою, но ихъ содержаніе скудно; на мой вкусъ лучшая: *шестая*, гдѣ двумя юношами и рѣзвою Нимфой связанный во снѣ для шутки, и потомъ освобожденный Силенъ, поетъ за выкупъ изъ узъ чудное начало міра и памятныя дѣла старины; изо всѣхъ Виргиліевыхъ *Вуколикъ*, сія наиболѣе выполняетъ истинный идеалъ древней идилліи.

Георгики написаны, какъ говорятъ, по заказу Мецената, вѣроятно любителя дидактическихъ стиховъ; но ни выборъ предмета, къ поэзіи близкаго, ни чудесный даръ писателя, ни хорошіе эпизоды (единственное прибѣжище у всѣхъ въ этомъ несчастномъ родѣ поэмъ), не одолѣли неизбѣжной скуки и прозы поученій. Надлежитъ однако замѣтить, что въ своемъ родѣ, сія поэма далеко лучшая, и кажется такою останется навсегда.

Энеида главное твореніе Виргилія, и на ней основана незыблемо его безсмертная слава. Напитанный чтеніемъ поэмъ Гомеровыхъ, и выбравъ для своей содержаніе, съ ними сродственное, онъ многое оттолѣ точно перевелъ, еще болѣе передѣлалъ. Не должно думать однако, полагаясь на Лагарпа, чтобы первыя шесть пѣсней были взяты цѣликомъ изъ *Одиссеи* и чрезмѣрно украшены, а послѣднія шесть цѣликомъ же изъ *Иліады*, но не такъ удачно: все это вздоръ; стоитъ взглянуть на заглавія книгъ: въ пятой игры по образцу *Иліады*, въ осьмой поѣздка къ Эвандру подражаніе *Одиссеѣ*. Почти вездѣ Виргилій даетъ своимъ похищеніямъ новый видъ, свѣжую краску; и даже гдѣ нельзя не признать преимуществъ подлинника вообще, нельзя же и не дивиться генію послѣдователя въ частяхъ. Я приведу примѣръ для поясненія сказаннаго: походъ Низа и Эвріала сквозь станъ Рутуловъ очевидно взятъ изъ десятой пѣсни *Иліады*, гдѣ Улиссъ и Діомидъ, зарѣзавъ соннаго Реза, уводятъ его коней. Безъ сомнѣнія Гомеровъ разсказъ сильнѣе и дѣльнѣе: его герои-молодцы достойны опаснаго, предпринятаго ими подвига, за то онъ и увѣнчанъ успѣхомъ; Виргиліевы юноши взялись не за свое дѣло, напроказили и погибли; но сколько новыхъ красотъ въ изображеніи ихъ дружбы и отчаянія матери одного изъ несчастныхъ! Аріостъ и Тассъ въ своихъ поэмахъ возобновили сей же древній эпизодъ; первый болѣе держался Виргилія, второй Гомера, и мы увидимъ, разсматривая ихъ, какъ тотъ и другой умѣлъ возпользоваться образцемъ, и что они отъ себя къ нему приложили.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Умноженіе и дѣленіе чиселъ на счетахъ, съ присовокупленіемъ особыхъ правилъ сложенія и вычитанія. Д. Орлицкаго. — С. П. б., въ типогр. Н. Греча, 1830 (30 стр. въ 8-ю д. л.) (*)

Г-нъ Орлицкому обязаны мы наконецъ первою и совершенною теоріею *счетовъ*, основаніе коей изложимъ здѣсь вкратцѣ. Вмѣсто десяти въ каждомъ ряду счетной доски, должно находиться только девять косточекъ, по числу 9-ти ариѳметическихъ знаковъ: восемь бѣлыхъ, раздѣленныхъ пополамъ одною черною. Нуль можетъ быть изображенъ каждымъ рядомъ доски. Изобрѣтеніе сіе полезно по двумъ уваженіямъ: *во первыхъ* облегчаетъ умъ, а *во вторыхъ* сокращаетъ время. *Облегчаетъ умъ*: на счетной доскѣ числа слагаются или разлагаются почти безъ разсужденія. Считая на бумагѣ, должно собирать въ умѣ части всей суммы по порядку и удерживать оныя въ памяти; тогда какъ на счетахъ мы только воображаемъ себѣ цѣну каждой цифры и отмѣчаемъ ее на оныхъ, не заботясь нисколько о частяхъ всей суммы. *Сокращаетъ время:* начавъ *умноженіе* въ одно время на бумагѣ и на *счетахъ*, дѣйствіе сихъ послѣднихъ будетъ уже окончено, тогда какъ на бумагѣ еще только подчеркиваются *частныя произведенія* для узнанія *общаго*. Въ *дѣленіи* на *счетахъ* выигрывается столько времени, сколько нужно для вычета на бумагѣ изъ *дѣлимаго частныхъ произведеній*, происшедшихъ отъ умноженія всѣхъ знаковъ *дѣлителя* на каждый знакъ *частнаго числа*. Дѣйствія *сложенія и вычитанія* отличаются отъ обыкновеннаго способа (посредствомъ письма) тѣмъ, что на бумагѣ числа прежде читаютъ и пишутъ, а потомъ уже слагаютъ или вычитаютъ; въ производствѣ же сихъ дѣйствій на счетахъ, числа читаются, слагаются или вычитаются въ одно и то же время. Не обращая на сіе особеннаго вниманія, издавна считали такимъ порядкомъ, какъ обыкновенно читаютъ числа на бумагѣ. Отъ чего и произошли: странное приложеніе *счетовъ* къ двумъ *первымъ правиламъ* ариѳметики (о умноженіи же и дѣленіи никто и не подумалъ); переносъ чиселъ на *счеты* начиная отъ единицы самаго высшаго количества, безпрестанные скочки въ продолженіе дѣйствія отъ одного ряда къ другому, а что всего хуже, добровольная потеря времени. Изъ самой же сущности *численія* выводится слѣдующее правило: при переносѣ чиселъ съ бумаги на счеты, надлежитъ читать оныя, начиная отъ простыхъ единицъ, а если числа сіи десятичныя, то отъ самыхъ низшихъ десятичныхъ. И такъ вся теорія численія на *счетахъ*, имѣетъ основаніемъ весьма простыя начала; почему тѣмъ удивительнѣе позднее появленіе оной. Все въ ней держится на разностяхъ первыхъ девяти чиселъ съ 10-тью или 9-тью. Что же легче быть можетъ, какъ знать, что 5 изъ 10 — 5, что 8 изъ 9 — 1! Умноженіемъ и дѣленіемъ на счетахъ, не только выигрывается время; но даже облегчается самое производство сихъ дѣйствій. Какъ на бумагѣ каждое *частное произведеніе* соотвѣтствуетъ одной цифрѣ *множителя*, такъ точно и *на счетахъ* большимъ пальцемъ лѣвой руки отмѣчается одна изъ цифръ *множителя* а указательнымъ правой — одна изъ цифръ *множимаго*, числа. Подобнымъ же образомъ отмѣчаются: каждая часть *дѣлимаго* и всѣ *частныя произведенія*. Кромѣ сего еще *дѣленіе* на *счетахъ* имѣетъ то удобство, что ошибки въ *частномъ числѣ* скоро замѣчены и поправле-

---

(*) Выписывая статью сію изъ издающагося здѣсь на Польскомъ языкѣ *Петербургскаго Еженедѣльника*, и совершенно соглашаясь съ Сочинителемъ оной въ разсужденіи пользы и удобства изобрѣтеннаго Г. Орлицкимъ способа ариѳметическихъ выкладокъ на счетахъ, мы прибавимъ еще, что способъ сей изложенъ Г. Орлицкимъ въ книжкѣ его со всею логическою ясностію и чистотою Рускаго языка. Книжка сія продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 1 р. 60 к. экз.

ны быть могутъ. Сей легкій очеркъ замѣчаній, въ коихъ Авторъ заключилъ правила численія на счетной доскѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, сколь полезно быть можетъ приложеніе *счетовъ* къ дѣйствіямъ надъ числами, оканчиваемъ мнѣніемъ: что счетная доска, бывъ доселѣ только Азіятскимъ орудіемъ, облагорожена нынѣ и причтена къ ученымъ пособіямъ.

(Tygodnik Petersburski, No 11).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Statistique et itinéraire de la Russie, ou Manuel complet du diplomate, du négociant et de tout vouageur en Russie. Ouvrage accompagné de cartes, de plans et de tableaux statistiques et généalogiques; par J. H. Schnitzler. Première partie. Essai d'une Statistique générale de l'Empire de Russie. — Strasbourg, de l'impr. de F. G. Levrault. (*Статистика и Дорожникъ Россіи, или полная ручная книга для Дипломата, купца и всякаго путешествующаго по Россіи.* **Съ картами, планами и таблицами статистическими и родословными. Сочиненіе І. Г. Шницлера. Часть первая. Опытъ общей Статистики Россійскаго Государства. Страсбургъ, 1829 года. — XXXVI — 494 стран. въ 12-ю д. л., съ таблицами** (*).

Лучшее, по своей системѣ и полнотѣ, статистическое сочиненіе объ Россіи. Г. Шницлеръ, въ предисловіи своемъ, говоритъ объ источникахъ, которыми онъ пользовался, и вообще о всѣхъ статистическихъ описаніяхъ нашего отечества, донынѣ появлявшихся. Онъ отдаетъ справедливость трудамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, и строго судитъ тѣхъ изъ иностранцевъ, которые поверхностно или невѣрно описывали Россію.

Самъ онъ изображаетъ статистику Россіи въ слѣдующихъ отношеніяхъ и въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Физическая, Хорографическая и Гидрографическая картина Россіи; 2) Раздѣленія политическія и по управленіямъ; 3) О народонаселеніи и разныхъ его началахъ; 4 О народной образованности вообще и о томъ, что сдѣлано для просвѣщенія въ частности; 5) О естественныхъ богатствахъ и ихъ обращеніи; 6) О Рускомъ народѣ въ собственномъ смыслѣ; 7) О Государственномъ постановленіи и порядкѣ управленія; 8) О вещественныхъ силахъ Россіи; 9) Обозрѣніе политической Исторіи Россійскаго Государства. — Въ дополненіяхъ къ сей книгѣ, помѣщены слѣдующія статьи: a. О великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; b. О народонаселеніи Россіи; c. Образчики главнѣйшихъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ Россіи; d. О Славянскихъ и Рускихъ грамматикахъ; e. О титулѣ Государей Всероссійскихъ; f. О доходахъ отъ казенной продажи хлѣбнаго вина и проч. и g. Общій статистическій чертежъ Россійской Имперіи. Къ симъ двумъ статьямъ присовокуплено нѣсколько весьма любопытныхъ таблицъ, а въ заключеніи, приложена родословная роспись Государей нынѣ благополучно Царствующаго Дома Романовыхъ. Въ концѣ книги находятся словари всѣхъ примѣчательныхъ предметовъ или именъ, въ ней заключающихся, поправки и проч.

СМѢСЬ.

Въ 39-мъ No *Сѣверной Пчелы* помѣщено окончаніе статьи о VII главѣ Онѣгина, въ которой между прочимъ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, «взялъ обильную дань *изъ* Горя отъ Ума и, *просимъ не* «*прогнѣваться, изъ другой извѣстной книги.* Седьмая глава Евгенія Онѣгина лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами, и никто, кромѣ Сѣверной Пчелы, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ Горя отъ Ума. И Грибоѣдовъ и Пушкинъ писали свои картины съ одного предмета: неминуемо и у того и у другаго должны встрѣчаться черты сходныя. Но изъ какой, просимъ не прогнѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ что-то похитилъ? Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою *Ивана Выжигина*, гдѣ находится странное раздѣленіе Московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ изъ Архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая, его описаніе Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано въ Сѣверной Пчелѣ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: *Димитрій Самозванецъ*, и сими хищеніями удачно, съ искуствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: *Борисъ Годуновъ*, хотя то же, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина.

(*) Продается въ С. Петербургѣ, у Г. Брифа, въ большой Морской, въ д. Гонаропуло.

Въ одномъ изъ № Лит. Газеты упоминали о Запискахъ Парижскаго палача: нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе неменѣе отвратительное, неменѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ Французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностію толкуетъ о хорощемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ Писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разчету: сужденія Видока о Казимирѣ де ла Винѣ, о Б. Констанѣ, должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ Журналистовъ о его слогѣ (слогъ Г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ *враговъ* доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей Религіи, ни Правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; совсѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

А. Пушкинъ

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то Журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но Журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его поварищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ) узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ Московскомъ Журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей. „*Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія Рускихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ.*" Эти господа *мы* другъ друга вѣрно понимаютъ; по довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ Критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, *которой ему не хотѣлось было осуждать*, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й Авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ Офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я то же и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія *порядочнаго* и *здравомыслящаго* человѣка лишились въ наще время цѣны своей?

*

ОПЕЧАТКИ ВЪ №. 19.

Стран.	столбц.	строк.	*напеч.*	*читай.*
149	2	16	Tydonik	Tygodnik

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 5-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМ. I. №. 21. АПРѢЛЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ПОЧТОВЫЙ ДОМЪ
ВЪ
ШАТО-ТЬЕРРИ.

(Изъ Разсказовъ Путешественника.)

(Продолженіе.)

« Кажется, лишнее было бы вамъ разсказывать, что я родился въ здѣшнемъ городѣ и въ этомъ домѣ. Отецъ мой, котораго вы видѣли, дѣдъ мой и прадѣдъ, были содержателями почтоваго дома, и можетъ быть, я никогда бы не извѣдалъ другаго состоянія жизни, если бы сильныя политическія наши потрясенія, и слѣдовавшее за тѣмъ правленіе Наполеона, не преобратили порядка многихъ вещей, не говоря уже о незамѣтномъ существованіи человѣка частнаго.

« Я воспитывался въ одномъ изъ Парижскихъ училищъ, когда наступила моя очередь по конскрипціи итти въ военную службу. Я былъ одинъ сынъ у моихъ родителей; отецъ мой печалился, мать умерла съ тоски скоро по вступленіи моемъ въ ряды воиновъ.

« О службѣ моей скажу вамъ только, что я былъ въ ней довольно счастливъ. Два или три дѣла, въ которыхъ удалось мнѣ отличиться, доставили мнѣ скоро офицерскій чинъ и орденъ Почетнаго Легіона. Съ этимъ уже готовымъ запасомъ для будущихъ успѣховъ, отправился я въ походъ 1812 года.

« Когда счастье развелось съ военною славой Наполеона, то есть, когда мы ушли изъ Россіи и безпрестанно почти отступали по Германіи, мнѣ случилось тогда стоять въ одной небольшой деревушкѣ близь Люцена. Я былъ уже Капитаномъ. Квартира отведена мнѣ была въ домѣ мельника, на выѣздѣ изъ селенія и нѣсколько поодаль отъ прочаго жилья; всякой день я ходилъ къ нашему Полковнику, жившему на другомъ концѣ селенія; и всякой день видѣлъ подъ окномъ одного опрятнаго домика прекрасную бѣлокурую дѣвушку лѣтъ пятнадцати, съ большими голубыми глазами, съ умильнымъ, простодушнымъ взоромъ. Я всегда кланялся этой молодой красавицѣ, и она съ улыбкой мнѣ откланивалась. Не зная почти ни слова по-Нѣмецки, я не могъ говорить съ нею, и знакомство наше ограничивалось одними поклонами. Однажды шелъ я поздно вечеромъ отъ Полковника; было очень темно; я переходилъ полое пространство, лежавшее между селеніемъ и моей квартирой. Вдругъ послышался въ сторонѣ дикій, пронзительный крикъ, почти непохожій на голосъ человѣческой. Я бросился въ ту сторону, и при помощи потайнаго фанаря, который всегда носилъ я по ночамъ, увидѣлъ двухъ солдатъ нашего полка, тащившихъ какую-то женщину. Вы знаете, сударь, что при Наполеонѣ Французскіе солдаты многое себѣ позволяли въ военное время, особливо въ отношеніи къ мирнымъ жителямъ занимаемыхъ ими мѣстъ въ чужихъ Государствахъ, и что Офицеры должны были отчасти смотрѣть на это сквозь пальцы; но я всегда старался удерживать нашихъ солдатъ отъ подобныхъ безпорядковъ, особливо отъ грубыхъ поступковъ съ женщинами. Такъ и въ этотъ разъ я подошелъ съ обнаженною саблей къ двумъ нашимъ повѣсамъ и говорилъ имъ, что изрублю ихъ, если они не отпустятъ бѣдную, изпуганную женщину. Негодяи покинули ее и убѣжали, а я навелъ фанарикъ на женщину, которая стояла передо мной, сложа руки и потупя глаза въ землю, и дрожала всѣми членами. Я подошелъ къ ней поближе; она взглянула на меня.... Вообразите себѣ мое удивленіе и радость! Это была та милая дѣвушка, съ которой я каждый день мѣнялся поклонами. Я хотѣлъ ободрить ее, заговорилъ съ нею, ломалъ кое-какъ слова на Нѣмецкій ладъ; но она, казалось, ничего не понимала, хотя изъ умильныхъ ея взглядовъ и замѣтно было, что она желала бъ изъявить мнѣ свою благодарность за ея избавленіе отъ этихъ грубіяновъ. Я приписывалъ ея молчаніе страху; подавъ ей руку, я повелъ ее на мою квартиру, и она пошла со мною безъ всякой недовѣрчивости. Мы вошли въ комнату, и тамъ, разглядѣвъ мое лице и узнавъ меня, дѣвушка бросилась цѣловать мою руку; я снова началъ съ нею говорить, но она отвѣчала мнѣ только голосомъ безъ словъ и указывала на свои уши и ротъ, давая тѣмъ знать, что она глуха и нѣма. Я ласкалъ ее, игралъ съ ея прекрасными свѣтлорусыми кудрями, и она довѣрчиво, какъ дитя, прислонила голову къ груди моей. Въ эту минуту, никакая порочная мысль не кружила мнѣ голову; чистота души этой милой дѣвушки, ея невинныя ласки, доставляли мнѣ такое же тихое наслажденіе, независимое отъ всякаго посторонняго чувства, какое вамъ, сударь, какъ мнѣ кажется, доставляли игры и ласки нашего дитяти. Наконецъ я вышелъ изъ этого самозабвенія; спрашивалъ знаками у безмолвной моей собесѣдницы, куда ее отвести, и она указала на селеніе; но вмѣстѣ съ симъ, выраженіемъ лица и движеніями тѣла изъясняла страхъ, чтобы солдаты снова на нее не напали. Я позвалъ находившагося при мнѣ солдата, велѣлъ ему взять ружье и фонарь, самъ взялъ пару заряженныхъ пистолетовъ и мы вдвоемъ провели дѣвушку до самыхъ дверей того дома, у оконъ котораго я видалъ ее. Она поблагодарила меня поклономъ и дружескимъ пожатіемъ руки, простилась со мною посланнымъ издали поцѣлуемъ и какъ птичка порхнула въ калитку.

«Возвратясь домой, я легъ въ постелю, но долго не могъ заснуть. Образъ бѣлокурой красавицы, ея умильный взоръ, милая простота и необыкновенная пріятность всѣхъ ея пріемовъ, долго не выходили у меня изъ головы. Даже эта странность ея положенія, этотъ жалкій природный недостатокъ, имѣли какую-то особенную для меня привлекательность. Тогда только я началъ понимать, отъ чего голосъ ея былъ страненъ и рѣзокъ. Вообще глухо-нѣмые, не слышавъ отъ рожденія звуковъ разговора человѣческаго и не умѣя управлять голосомъ, издаютъ дикіе звуки, когда кричатъ. Повѣрите ли, сударь? даже эти самые дикіе звуки на тотъ разъ какъ-то особенно мнѣ нравились! Наконецъ, утомленный бродившими во мнѣ мыслями, я заснулъ; но и въ сонныхъ мечтахъ безпрестанно являлся мнѣ образъ милой бѣлокурой дѣвушки: она, казалось, какъ ангелъ-хранитель стояла у моего изголовья, съ улыбкой невинности колыхала надо мною вѣтку бѣлыхъ лилей и насылала мнѣ отрадные, сладкіе сны.

«Проснувшись на другой день поутру, я одѣлся и ранѣе обыкновеннаго пошелъ къ Полковнику. Мысль моя была та, чтобы зайти въ домъ милой дѣвушки и узнать, каково она провела ночь. Меня встрѣтила дряхлая старушка почтеннаго вида, говорившая изрядно по-Французски. Это была вдова одного Пастора въ Люценѣ, переселившаяся въ деревушку по смерти своего мужа, и жившая отчасти своими трудами, отчасти доходомъ съ небольшаго участка земли, ею купленнаго. Я спросилъ ее о молодой дѣвушкѣ. «Какъ вы ее знаете?» спросила старушка. Я пересказалъ ей случай, познакомившій меня наканунѣ съ этимъ прелестнымъ существомъ. «Да, я сама виновата,» сказала Пасторша. «Я послала ее вчерась вечеромъ отыскивать забредшую куда-то нашу корову; бѣдное дитя не хотѣло видно возвратиться прежде чѣмъ найдетъ ее, и отъ того запоздало. Эти сорванцы конечно давно уже подстерегали мою Вильгельмину, и бывъ рады случаю, схватили ее... Она что-то мнѣ толковала объ этомъ знаками; но я не все могла понять, а на бѣду мою, Вильгельмина не учена грамотѣ.

— «Она дочь ваша?» спросилъ я.

— «Нѣтъ; покойный мужъ мой, возвращаясь однажды вечеромъ въ городъ, увидѣлъ на дорогѣ осьмилѣтнюю дѣвочку, въ слезахъ. Это была Вильгельмина. Онъ началъ ее разспрашивать, но дѣвочка ничего не говорила и отвѣчала только знаками. Тогда мужъ мой догадался, что она глухо-нѣмая. Онъ привезъ ее въ домъ нашъ. Хотя на ней было платье маленькой поселянки, но по виду и пріемамъ ея замѣтно было, что она рождена въ другомъ званіи. Мужъ мой нѣсколько разъ объявлялъ о ней въ газетахъ; но никто не сыскивался для взятія обратно бѣдной малютки, и мы начали догадываться, что она съ умысломъ была оставлена какими нибудь злонравными родственниками. Теперь она сирота въ мірѣ, подумали мы, и рѣшились заступить ей мѣсто отца и матери, тѣмъ охотнѣе, что у насъ не было своихъ дѣтей. Мужъ мой принялся было обучать ее, но скоро скончался. По смерти его, я была въ безпрерывномъ горѣ и хлопотахъ, пока наконецъ сбилась съ силами купить этотъ домикъ и клочокъ земли близъ здѣшней деревушки. Бывъ принуждена безпрестанно заниматься работой и тѣмъ доставать себѣ пропитаніе, не могла я продолжать начатаго моимъ мужемъ; но въ замѣнъ того выучила Вильгельмину (такъ мы ее назвали) разнымъ рукодѣльямъ и работамъ, необходимымъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я живу съ нею въ здѣшней деревушкѣ, и всякой день благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ эту милую, добрую дочь. Вы не повѣрите, какъ она заботлива о томъ, чтобъ угождать мнѣ и предупреждать всякое мое желаніе; какъ она добра, тиха, понятлива и послушна. Вотъ и теперь, не смотря на вчерашній свой страхъ, она ранехонько побѣжала отыскивать мою корову.... Да вотъ и она!» вскричала радостно старушка, посмотрѣвъ въ окно: «вотъ и корову отыскала, гонитъ ее во дворъ!»

«Погодя немного, Вильгельмина вбѣжала въ комнату съ веселымъ лицемъ. Увидя посторонняго человѣка, въ офицерскомъ мундирѣ, она пріостановилась и немного смѣшалась; но взглянувъ на меня пристальнѣе, она вскрикнула отъ радости, бросилась ко мнѣ и схватя мою руку, хотѣла снова цѣловать ее. Я не допустилъ ее до этого. Она всячески старалась, выразить мнѣ свою благодарность, и между тѣмъ посматривала на своюнареченную мать, какъ будто бы выведывая, не будатъ ли она тѣмъ недовольна. Старушка кроткимъ своимъ видомъ и ласковою улыбкой одобряла это чувство благодарности.

«Я спросилъ у Пасторши, есть ли у нея въ домѣ военный постой? — «Къ счастію, нѣтъ,» отвѣчала она: «добрые здѣшніе обыватели, уважая память покойнаго моего мужа и зная мою бѣдность, приняли въ свои домы всѣхъ солдатъ, которымъ отведена была у меня квартира. Иначе, я была бы въ безпрестанномъ страхѣ за Вильгельмину, которую люблю я больше своей жизни. Но все нынѣшнее мое положеніе ненадежно: могутъ прійти новые отряды вашихъ солдатъ, или, что еще ужаснѣе, необузданные преслѣдователи Вильгельмины могутъ сюда ворваться ночью.

— «Знаете ли, что мы сдѣлаемъ?» сказалъ я: «у васъ есть лишняя комната; я найму ее и переселюсь къ вамъ, тогда, покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы здѣсь останемся, никто не можетъ къ вамъ ни ворваться, ни дать новаго постояльца.»

«Старушка призадумалась на минуту; потомъ сказала:» Вчерашній вашъ поступокъ заставляетъ меня вѣрить, что намѣренія ваши чисты, и что у васъ нѣтъ никакихъ предосудительныхъ видовъ на мою Вильгельмину. Переѣзжайте къ намъ и будьте ея защитникомъ. За наемъ вамъ не нужно будетъ платить. Вы уже заплатили за него покровительствомъ беззащитной моей дочери.

— «О, нѣтъ,» отвѣчалъ я доброй старушкѣ:» я не хочу быть вамъ въ тягость; при томъ же я болѣе, нежели вы можетъ быть думаете, въ состояніи заплатить за квартиру.» Сказавъ это, я высыпалъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ, въ которыхъ на тотъ разъ не было у меня недостатка, благодаря предусмотрительности добраго моего отца. Много труда мнѣ стоило убѣдить старушку, принять эти деньги въ видѣ найма за квартиру. Наконецъ дѣло было слажено, и я въ тотъ же день перебрался въ домъ ея со всею легкою походною поклажей молодаго офицера.

«Съ этого времени, я всякой день по нѣскольку разъ видался съ Вильгельминой. Каждое утро она сама приносила мнѣ завтракъ, и невинными своими ласками, и простодушною своею довѣренностію, болѣе и болѣе привязывала меня къ себѣ. Я привыкъ наконецъ думать, что она необходима для моего счастія. Сколько разъ, сидя съ нею на единѣ, и забываясь въ сладостной нѣгѣ сей безмолвной, но краснорѣчивой мѣны взаимныхъ чувствованій, я имѣлъ случай оцѣнить, въ какой высокой степени врожденное тонкое чувство приличія господствовало въ душѣ сего ангельскаго существа, не смотря на то, что понятія его о свѣтѣ и предметахъ внѣшнихъ заключены были въ весьма тѣсномъ кругу. Мы научились уже другъ друга понимать и разговаривали знаками; и чѣмъ болѣе вникалъ я въ душу Вильгельмины, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что она одна только достойна была назваться моею женою; что для меня одного она хранила бы свое сердце, какъ святилище, недоступное для всякаго другаго. Сіе сердце, сей чистѣйшій сосудъ чистѣйшихъ чувствованій, для меня одного было бы открыто: я одинъ пробуждалъ бы въ немъ сладостнѣйшія біенія, дотолѣ ему невѣдомыя, я одинъ читалъ бы его тайны, несообщимыя никому, кромѣ меня.

«Въ такихъ мечтахъ провелъ я нѣсколько счастливыхъ дней. Я позабылъ и военное время, и шаткость тогдашняго нашего положенія .... Не дивитесь тому: мнѣ было тогда двадцать семь лѣтъ. Между тѣмъ товарищи мои поговаривали о большомъ сраженіи, которое будто бы назначалось; но гдѣ? еще не знали. Наконецъ, нашъ полкъ получилъ повелѣніе выступить и итти впередъ. Въ короткое время, мы собрались къ походу; я едва успѣлъ проститься съ Вильгельминой и доброю ея воспитательницей.

«Вамъ конечно памятны тогдашнія происшествія, и въ числѣ ихъ, достопамятное Люценское дѣло. На тѣхъ равнинахъ, гдѣ за 180 лѣтъ Густавъ Адольфъ кровью своею запечатлѣлъ ревность свою къ новому ученію вѣры, мы отстаивали послѣдніе оплоты воинской нашей славы и плоды двадцати-лѣтнихъ побѣдъ.

Въ пылу битвы, я думалъ уже только о Франціи, о чести нашего оружія. Пуля прекратила на тотъ разъ мои патріотическіе порывы. Я помню только, что получа сильный ударъ въ правый бокъ, я едва удержался на сѣдлѣ и опустилъ повода. Лошадь моя дрогнула, понесла меня за фронтъ; долго я держался еще за ея гриву; наконецъ, истекши кровью, лишился памяти .... Что послѣ со мною было, не знаю; но когда я опамятовался, то почувствовалъ, что лежу у кого-то на колѣняхъ. Я съ усиліемъ открылъ глаза, взглянулъ мутнымъ взоромъ — и увидѣлъ Вильгельмину. Она обрадовалась, вскрикнула и наклонясь ко мнѣ, поцѣловала меня въ лице. Не надолго была ея радость: я снова погрузился въ прежнее безпамятство. Очнувшись въ другой разъ, я видѣлъ, что лежалъ уже на постелѣ, въ той комнатѣ, которую нанималъ у старой Пасторши. Вильгельмина сидѣла у моего изголовья и плакала. Около меня суетился низенькой плотный человѣчекъ въ черномъ платьѣ. Это былъ лекарь изъ Люмена, перевязавшій мнѣ рану и старавшійся сохранить мнѣ жизнь своими лекарствами.

«Послѣ уже, когда Вильгельмина стала моею женою, и когда ей даны были средства изъяснять мысли свои на письмѣ, узналъ я отъ нея, какимъ чуднымъ образомъ она спасла меня. Когда нашъ полкъ ушелъ изъ селенія, Вильгельмина тосковала обо мнѣ. Не въ состояніи бывъ вынести разлуки со мною, она отправилась на другой же день искать меня. Долго бродила она по окрестностямъ, забывая страхъ и голодъ; наконецъ случай, или справедливѣе сказать, Самъ Промыслъ привелъ ее на ужасное мѣсто сраженія. Вильгельмина и теперь еще вздрагиваетъ, вспоминая тотъ ужасъ, съ которымъ она увидѣла груды обезображенныхъ, безжизненныхъ труповъ, тогда еще не разобранныхъ и не погребенныхъ. Преодолѣвъ свой страхъ и отвращеніе, она заглядывала въ лица тѣхъ убитыхъ и раненыхъ, на которыхъ видѣла мундиръ нашего полка. Наконецъ, по долгомъ и напрасномъ исканіи, увидя зоркими своими глазами приближавшуюся толпу живыхъ людей, вѣроятно, посланныхъ разбирать трупы, она ушла съ сего кроваваго поля, и ослабѣвъ отъ усталости, томимая голодомъ и жаждой, хотѣла отдохнуть въ тѣни кустарника, который видѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи. Подходя къ тому мѣсту, она примѣтила еще одно тѣло, лежавшее середи поля; приблизилась къ нему, взглянула.... Это былъ я! Смертная блѣдность въ лицѣ, безчувственность и недвижность всѣхъ моихъ членовъ и потоки запекшейся вокругъ меня крови, взволновали всѣ жизненныя силы бѣдной дѣвушки: голова ея закружилась, дрожащія ноги подкосились.... она упала подлѣ бездыханнаго своего друга. Опомнившись, она приподняла меня и оттащила къ тому кустарнику, подъ которымъ прежде сама хотѣла искать отдохновенія. Тамъ-то я, къ радости Вильгельмины, впервые очувствовался, конечно отъ движенія. Новое безпамятство мое повергло ее въ новую тоску. Наконецъ нѣсколько крестьянъ, прокрадывавшихся неподалеку въ разоренныя свои жилища, были ею замѣчены, остановлены, и, тронувшись ея слезами и безмолвными просьбами, рѣшились отнести меня до ближняго жилья, откуда послѣ, нанявъ другихъ носильщиковъ, Вильгельмина перенесла меня въ домъ своей нареченной матери. Старушка, опечаленная отсутствіемъ Вильгельмины, считала ее погибшею и во все время тосковала и плакала. Легко вообразить себѣ ея радость, когда она снова увидѣла милую свою питомицу. Почтенная сія женщина, видя слезы Вильгельмины и полюбя меня, по словамъ ея, какъ роднаго сына, тотчасъ послала въ городъ за лекаремъ и заботилась о сохраненіи мнѣ жизни.

«Выздоровленіе мое было медленно. Я былъ въ крайней слабости и долго лекарь и добрая старушка отчаявались въ моей жизни; но скрывали свои опасенія отъ Вильгельмины, страшась, чтобъ вѣсть о моемъ опасномъ положеніи не убила чувствительную дѣвушку. Къ счастію, она съ довѣріемъ младенца надѣялась, и Провидѣніе оправдало ея надежду. По какому-то счастливому стеченію обстоятельствъ, союзныя войска не проходили чрезъ ту деревушку, въ которой я лежалъ. Въ полку моемъ, какъ послѣ узналъ я, считали меня въ числѣ убитыхъ.

«Вильгельмина безотлучно находилась при мнѣ во все продолженіе моей болѣзни. Проснусь ли я ночью — бывало вижу, что она сидитъ у моего изголовья, стережетъ каждое мое движеніе, отгадываетъ каждое желаніе. Въ это время, въ ней нельзя было узнать той живой, цвѣтущей дѣвушки, которой плѣнительная свѣжесть и веселый видъ привлекали взоры всякаго, даже самаго равнодушнаго человѣка: она сдѣлалась худа, блѣдна и томна, но все еще была прелестна, и для меня еще прелестнѣе.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

ПОСЛѢДНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ***

I.

Въ златомъ огнѣ горитъ зеленый, дальній лѣсъ;
Ужь солнце на краю пурпуровыхъ небесъ
Растетъ — и на луга румяный блескъ наводитъ.
Бывало въ этотъ часъ, она во тмѣ дубровъ,
Надъ свѣтлой рѣчкою, по бархату луговъ
Со мной какъ лучъ вечерній бродитъ.

II.

Бывало въ этотъ часъ, когда въ лѣсной глуши
Напѣвы соловья, какъ стонъ больной души,
Льютъ въ сердце тайну мукъ, кипящей тщетно страсти —
Тогда забывъ весь міръ, за тихою струей,
Подъ склономъ темныхъ липъ, мы ясною мечтой
Текли, не вѣдая напасти.

III.

Бывало.... но зачѣмъ, зачѣмъ воспоминать
О томъ, чѣмъ никогда ужъ сердцу не дышать!
Какъ птичка странница, собравшись въ путь воздушной,
Отъ хладной осени на теплый вьется югъ —
Такъ, такъ, природа - мать, къ тебѣ рвался твой другъ
Отъ свѣта, отъ толпы бездушной!

IV.

Ахъ, онъ рвался къ странѣ, гдѣ милые цвѣли!....
Гдѣ думы юныя, бывало, отъ земли
Далеко на крылахъ орлиныхъ улетали!
Тамъ чаялъ онъ спасти послѣдній жизни цвѣтъ
Отъ язвы....отъ людей....— Коварный сердца бредъ!
Улыбка на устахъ печали!

V.

Прости жь, волшебный край! Грозой утомлено,
Спитъ море; — тигра сонъ! не вѣрь ему! оно
Предъ новой бурею такъ страшно помертвѣло! —
— Что нужды! челнъ готовъ, натянутъ парусъ мой:
Пускай бунтуетъ вѣтръ! мнѣ сладокъ бури вой!
Мнѣ горе жизни надоѣло!

В. Тепляковъ.

1824 года.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья III.

(*Окончаніе.*)

Общій планъ или рисунокъ *Энеиды* конечно не безъ пороковъ, и всякому легко написать цѣлую тетрадь укоровъ, начиная словами: *почему?* или *зачѣмъ?* и пр. Но эпопея великое дѣло, никто еще и въ планѣ Виргилія не превзошелъ, не только что въ исполненіи и отдѣлкѣ, гдѣ и до сравненія съ нимъ далеко. Правда, иные по рисунку предпочитаютъ *Освобожденный Іерусалимъ*, но врядъ ли сіе мнѣніе можетъ быть доказано. Тассъ имѣлъ весьма счастливое содержаніе, въ Крестовомъ Походѣ само собой представлялось множество воинственныхъ лицъ на обѣихъ сторонахъ, и рѣзкое противорѣчіе двухъ религій, что придаетъ много огня его поэмѣ въ ея пестромъ и яркомъ движеніи. Виргиліевъ ходъ плавнѣе и тверже, главное дѣйствіе нигдѣ не скрывается изъ виду за побочными приключеніями съ тѣмъ либо другимъ: *Энеида* болѣе поэма, *Іерусалимъ* полуроманъ.

Сильно осуждали *Энеиду* за недостатокъ характеристики, и убивали ее безжалостно сравненіемъ съ *Иліадою*, забывая, что въ этомъ отношеніи сама *Одиссея* (основою своей болѣе на *Энеиду* похожая) не выдержитъ боя и должна уступить, коли не высшему достоинству изображеній, то покрайней мѣрѣ множеству и богатству; но съ Гомеромъ однажды навсегда никого и ничего сравнивать не должно: стоя гораздо ниже его, можно еще стоять весьма высоко. Виргиліевы фигуры нарисованы вообще истинно и вѣрно, хотя нѣсколько блѣдно и слабо; охуждая ихъ разомъ, забываютъ, что сіи карандашемъ начерченныя лица образцами служили отличнѣйшимъ живописцамъ, что съ Мезентія взяты всѣ небоящіеся боговъ храбрые злодѣи, съ Лавза всѣ ихъ добродѣтельные сыны и пр., съ Камиллы всѣ ратницы-дѣвы, съ Турна тьма тьмущая пылкихъ героевъ; Латинъ, Амата, Асканій, неразъ появлялись подъ другими именами; старецъ Эвандръ и сынъ его Паллантъ безусловно прекрасны. Что жь до Энея, главнаго героя поэмы, какъ много и часто его ни бранили, мудрено придумать его на иной ладъ, о чемъ не пеклись тѣ, которые, безъ пути указывая на Ахилла, не догадались, что тамъ одно дѣло, а здѣсь другое. Эней начертанъ отчасти по Энею же *Иліады*, отчасти по Улиссу *Одиссеи*: иначе его представить было невозможно; и едва ли, каковъ ни есть, онъ не лучше всѣхъ славныхъ эпическихъ героевъ, родившихся послѣ него.

О Дидонѣ молчать, не имѣя чѣмъ похулить; и точно нелегко отказать въ похвалѣ столь изящному творенію, какова четвертая пѣснь *Энеиды*; отдѣльно отъ прочихъ, сама собою, она полная и удивленія достойная поэма, какой ни одинъ изъ нынѣ хвалимыхъ геніевъ произвести не сможетъ. Нужно прибавить, что и кромѣ ея въ *Энеидѣ* много частей превосходныхъ: ночное взятіе Трои, пещера Сивиллы, бой Геркулеса съ разбойникомъ Какомъ, Энеевъ щитъ, суть картины, и объемомъ и кистью далеко превышающія все, чѣмъ нынѣ въ моду вошло восхищаться; мягкимъ же и нѣжнымъ красотамъ, генію Виргилія особенно сроднымъ, нѣтъ числа, и совершенство стиховъ несказанное.

Надо надѣяться, что непристойное пренебреженіе къ сему великому Стихотворцу пройдетъ, какъ прошли нелѣпые толки минувшаго столѣтія о Гомерѣ; но правду сказать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, что истинно срамъ. Самый вѣрный и желательный способъ къ тому былъ бы хорошій переводъ размѣромъ подлинника, ибо хотя въ стихахъ Петрова много достоинствъ своихъ, но Виргилій въ нихъ еще не переданъ.

Латинскихъ учениковъ Виргиліевыхъ, Силія и Стація, мнѣ не случилось читать вполнѣ; кажется, оба неудачно выбрали содержаніе своихъ пѣсней: *Пуническая война* болѣе исторія, а *Ѳиваида* болѣе трагедія, нежели эпопея; частями оба сіи Стихотворца были однако весьма полезны Эпикамъ Италіянскимъ, исполненнымъ уваженія къ Латинскимъ, и у нихъ выучившимся, какъ ихъ же побѣждать.

Выборъ Лукана въ *Фарсаліи* не лучше Силіева въ *Пунической войнѣ*; въ исполненіи только онъ гораздо выше его. Въ прошедшемъ столѣтіи въ обычай вошло ставить его выше Виргилія, именно за историческую важность воспѣтой имъ брани, и за отверженіе чудеснаго; философическій вѣкъ требовалъ отъ Поэзіи паче всего наставленій нравственныхъ и политическихъ: онъ, конечно, ошибался, но его ошибка почтенная; что скажутъ современемъ о нынѣшнихъ причудахъ?

Позднѣйшій изъ Римскихъ Эпиковъ, Клавдіанъ, по мнѣнію моему, всѣхъ (разумѣется кромѣ Виргилія) превосходитъ піитическимъ дарованіемъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что въ его время, послѣ раздѣла Имперіи на-двое между сыновьями Ѳеодосія, умъ человѣческій во всѣхъ отрасляхъ упалъ до земли. Отъ надутости, гиперболъ и ложнаго вкуса, Авторъ того времени едва ли могъ предохраниться, и потому конечно Клавдіанъ очень отстоитъ отъ истинно хорошихъ Поэтовъ; въ сравненіи же съ нынѣшними, на примѣръ съ Байрономъ, онъ не только станетъ на ряду, но вѣроятно при подробномъ сличеніи, окажется въ немъ меньше дурнаго и больше хорошаго.

Эпопея же, но совсѣмъ въ особомъ родѣ, славная поэма Овидіева: *Превращенія*. Единства въ ней нѣтъ, и повѣсти слѣдуютъ одна за другой съ такою же связью, какъ въ *Тысячѣ и одной ночи*; картинъ же и описаній такое богатство, что отъ него глаза разбѣгаются; многія изъ нихъ безподобны, и не разъ, а сто на всѣхъ языкахъ повторялись. Фоссъ отдалъ ей равное съ Гомеромъ и Виргиліемъ почтеніе, съ такимъ же тщаніемъ переведя. Но я, признаюсь, не могу вполнѣ быть доволенъ Овидіемъ: въ его рукахъ священная Миѳологія утратила свое таинственное значеніе, важность и правду, обратилась она въ какую-то оперную декорацію; и отдавая всю справедливость блеску творенія, жалѣемъ о недостаткѣ основательности и глубины.

Эротическія стихотворенія Овидія, также и славныхъ его соперниковъ современныхъ, Проперція и Тибулла, могутъ быть прекрасны въ своемъ родѣ, но сей родъ не безъ однообразія и скуки. Нравы давно перемѣнились, съ ними отчасти и чувства; а чтобъ совершенно наслаждаться сими Поэтами, надо чувствовать точно какъ они: не всѣ въ состояніи, и я въ томъ числѣ, взять на себя такую тяжкую обязанность.

Катуллъ, писавшій ранѣе и менѣе другихъ, едва ли не всѣхъ долѣе будетъ читаться: такъ чистъ его вкусъ и отдѣлка.

Федровы басни, стихи безъ поэзіи, и болѣе о нихъ не скажу.

Въ Лукреціевой поэмѣ видно отличное дарованіе; но поэма: De Rerum Natura, потому же естеству вещей, необходимо суха и скучна; изъ нея твердятъ два-три отрывка блестящихъ, остальное . . . листы не разрѣзаны.

О Гораціи не имѣя сказать ничего новаго, охотно держусь общаго мнѣнія, что онъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ Лириковъ, умный и веселый Сатирикъ; только вкуса его въ сужденіяхъ надъ другими безусловно похвалить не могу: я вижу въ немъ какое-то свѣтское педантство, самодовольное пренебреженіе къ *грубой* старинѣ, и поверхностное понятіе о многомъ, даже о всѣмъ извѣстномъ отцѣ стиховъ, Гомерѣ: ни его, ни божественнаго Ахилла его, Горацій не понималъ.

Персій и Ювеналъ великіе Сатирики, и весьма важные по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ ими потомству о нравахъ древняго Рима. Но, Боже! какіе нравы! Если они (что и вѣроятно) воспламенили піитическій огонь сихъ писателей, то все достоинства ихъ еще слишкомъ дорого куплены. О переводѣ точномъ сихъ сатиръ подумать нельзя, и можетъ быть, хорошо и полезно, чтобъ онѣ всегда оставались въ полузабвеніи.

Зная почти только по имени Немезіана, Кальпурнія, Валерія Флакка, Манилія и пр. и пр., и пр. по принятому мною правилу, обо всѣхъ ихъ умолчу.

Въ новѣйшія времена многіе писали съ достоинствомъ Латинскіе стихи, и всѣ пали въ забвенье: отъ чего? не отъ того ли, что всѣ сіи почтенные мужи, Саназаръ, Вида, Фракасторъ, Рапинъ, Ваньеръ, Марси и пр. были болѣе ученые Филологи, чѣмъ истинные Поэты? не сей ли недостатокъ внутренняго огня охолодилъ ихъ къ своему языку и некнижному быту? постараюсь мысль сію пояснить, когда дойду до Петрарки. Должно по справедливости отличить въ новыхъ Латинистахъ Каноника Сантолія: гимны его высокой красоты; но по званію духовному, языкъ церкви былъ ему точно *свой*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Лѣтописи открытій и изобрѣтеній касательно домашняго и сельскаго хозяйства, искуствъ и сохраненія здравія и жизни людей и животныхъ. — 3 части въ 8-ю д. л. съ 3 таблицами изображеній. С. Петербургъ, 1829 года.

Въ первой части сей книги собраны открытія и изобрѣтенія по части домашняго и сельскаго хозяйства, во второй открытія и изобрѣтенія въ искуствахъ, и въ третьей открытія и изобрѣтенія касательно сохраненія здравія людей и животныхъ. По неимѣнію въ началѣ сей книги предисловія, въ которомъ бы изложены были намѣренія Издателя и средства его къ достиженію сихъ намѣреній въ сочиненіи его, неизвѣстно, за какое время собраны въ немъ открытія и изобрѣтенія, и какія онъ разумѣетъ искуства во второй части. Я думалъ было разгадать все сіе по оглавленіямъ, въ началѣ частей напечатаннымъ, ограничась пересмотромъ нѣсколькихъ статей, кои покажутся мнѣ болѣе другихъ занимательными; но онѣ дали было мнѣ совершенно превратное понятіе о содержаніи книги. Не нашедъ въ нихъ ни плана, сколько нибудь сообразнаго съ извѣстными технологическими системами, ни указанія на время открытій и изобрѣтеній, и встрѣтивъ, напротивъ, названія самыхъ обыкновенныхъ вещей и дѣйствій, извѣстныхъ съ древнѣйшихъ временъ Исторіи человѣческаго рода, встрѣтивъ даже, во второй части, подъ именемъ искуствъ: моль, бумагу, чернила, ваксу, клей, золото, жилище и многое множество другихъ подобныхъ предметовъ, я принужденнымъ нашелся пересматривать всѣ три книги въ подробности, дабы вывести о нихъ надлежащее заключеніе. По сему пересмотру оказалось, что въ нихъ собрано великое множество и старыхъ и новыхъ, и дѣльныхъ и смѣшныхъ, и полезныхъ и вредныхъ для хозяйства рецептовъ, кои подобраны подъ извѣстные заглавные предметы. Въ сихъ книгахъ встрѣчаются нерѣдко другъ подлѣ друга секреты великаго Альберта и выдумки новѣйшихъ знаменитыхъ Химиковъ: Тенара, Деви и проч.; въ нихъ находятся дознанныя полезными на опытѣ способы добыванія, очищенія и сохраненія разныхъ веществъ, вмѣстѣ съ симпатическими средствами; словомъ сказать, три перебранныя мною по листочку книги вѣрно составляли сборъ домашнихъ записокъ и разныхъ замѣчаній о разныхъ хозяйственныхъ предметахъ, сборъ, составленный въ теченіе лѣтъ пятидесяти, при чтеніи старыхъ и новыхъ, дурныхъ и хорошихъ книгъ, безъ малѣйшей разборчивости въ матеріялахъ. Теперь понятно будетъ, почему Издатель не упомянулъ въ заглавіяхъ книгъ своихъ, къ какому времени относятся сіи изобрѣтенія. Онъ не могъ назвать ихъ новыми, ибо между ними покрайней мѣрѣ одна треть старыхъ; онъ не могъ сказать также, что они старыя, ибо съ именемъ изобрѣтенія необходимо сопрягается понятіе о новости. Печеніе хлѣбовъ конечно не новость, и между тѣмъ въ *Лѣтописяхъ открытій* оно обозрѣно отъ Сотворенія міра; употребленіе навоза для удобренія земли, знакомо было и древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, а между тѣмъ въ Лѣтописяхъ помѣщена вытяжка изъ цѣлаго сочиненія Гацци, въ которомъ перечислены всѣ возможные навозы и проч. Тамъ же находится, въ отдѣленіи скотоводства, естественная исторія пчелы и много, очень много другихъ старинныхъ погудокъ на новый ладъ. Объемъ газетной статьи не дозволяетъ привести здѣсь выписокъ, кои могли бы подтвердить изъясненныя мною выше мнѣнія о сей книгѣ и показать вмѣстѣ способъ изложенія и слогъ Автора: а по сему я ограничусь указаніемъ на двѣ только статьи: *Употребленіе ладона для отысканія воды въ степныхъ мѣстахъ (см. Лѣт. откр.* часть 1, стр. 75). и *Истребленіе муравьевъ* (часть 1, стр. 253).

Н. Р.
(*Сообщено*).

Неколебимая дружба Чухломскихъ жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка въ потомствѣ. Московская повѣсть. Сочиненіе Александра Орлова. — М. въ типогр. Армян. Института Лазаревыхъ. 1830. (85 стр. въ 12-ю д. л.)

Въ мірѣ природы много такихъ созданій, такихъ явленій, въ коихъ не можемъ дать себѣ отчета, коихъ польза, необходимость остается для насъ таинствомъ непроницаемымъ. За то внутреннее убѣжденіе, сіе, такъ сказать, мудрое сознаніе невѣжества нашего, замѣняетъ намъ разгадку любопытства безсильнаго. Мы говоримъ себѣ: такое явленіе, такое созданіе есть, слѣдовательно ему быть надлежало. Мы зрители: видимъ дѣйствіе, декораціи, но планъ драмы, разыгрываемой предъ нами, но цѣль, которую предположилъ себѣ творецъ оной, все это намъ неизвѣстно. Или драма писана на языкѣ, намъ чуждомъ, и переводъ оной достанется намъ послѣ, или она трилогія, *шестилогія*, можетъ быть *стологія*, изъ коей мы, минутные, прихожіе зрители, видимъ одинъ отрывокъ, не зная, что до него было, что за нимъ будетъ и уступаемъ мѣсто другимъ посѣтителямъ, вытѣсняющимъ насъ, которые также въ свою очередь поглазѣютъ и пройдутъ: но дѣло въ томъ, что мы плохіе знатоки зрѣлища, которое у насъ передъ глазами. Кто, напримѣръ, зналъ, за тысячу лѣтъ и менѣе, какую пользу извлечь изъ того, что магнитъ имѣетъ свойство обращаться всегда къ Сѣверу? Изобрѣтеніемъ компаса упрочена эта особенность. Сколько столѣтій простояло въ праздной безполезности дерево хины, до того времени, какъ Европейскіе врачи нашли въ немъ одно изъ малаго числа вѣрныхъ вспомогательныхъ средствъ для науки своей? А шпанскія мухи, а піявицы? сколько времени однѣ летали, другія плавали въ садахъ и рѣкахъ нашихъ праотцевъ до той эпохи, въ которую признали ихъ благодѣтельницами страждущаго человѣчества? Признавая такой порядокъ, такое неминуемое послѣдствіе въ чинѣ природы вещественной, можно ли не вѣрить, что равный порядокъ господствуетъ и въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ, возвышенномъ присутствіемъ человѣка? Люди орудія того же Провидѣнія, которое начертало дѣйствія природы неодушевленной: дѣйствія ихъ должны быть также неминуемыя колеса, пружины, коими движется вся махина съ своими видимыми и невидимыми силами.

Не беритесь судить: зачѣмъ такой-то человѣкъ живетъ, а такой-то умираетъ? Отъ чего зимою оттепель, а лѣтомъ морозъ? Отъ чего родятся худые Авторы, пишутся и печатаются худыя книги? Вѣроятно на все это есть разгадка на другой страницѣ всеобщаго творенія; но та страница или еще не напечатана, или напечатана, но заклеена. Остановимся на книгахъ. Явленіе худой, даже безтолковой книги имѣетъ тысячу предположительныхъ изъясненій, изъ коихъ каждое можетъ быть совершенно удовлетворительно. На примѣръ: Авторъ въ то время, какъ занимался сочиненіемъ оной, не дѣлалъ ничего другаго; онъ писалъ у себя въ кабинетѣ, а не то пришелъ бы къ вамъ, завладѣлъ вашимъ утромъ и мучилъ бы васъ скучнымъ разговоромъ своимъ; а всякій знаетъ, что скучное чтеніе гораздо сноснѣе скучной бесѣды. Тамъ покрайней мѣрѣ есть передышка; есть утѣшеніе вскрикивать: что за вздоръ, что за нелѣпость! выказывать по страницамъ это восклицаніе *отмѣткой рѣзкою ногтей*, чего по совѣсти нельзя дѣлать надъ собесѣдникомъ, какъ онъ глупъ ни будь. Есть утѣшеніе зѣвать во весь ротъ, гласно, съ протяжнымъ стономъ, который такъ хорошо облегчаетъ нервы, стѣсненные судорогою скуки. Не писалъ бы Авторъ, онъ вышелъ бы на улицу и первая скачущая карета раздавила бы въ немъ добраго человѣка, нужнаго отца семейства и проч. На вырученныя деньги за сочиненіе свое, онъ заплатитъ заимодавцу, ремесленнику, поставщику дровъ, мало ли кому. Не была бы эта книга, не читали бы вы ея по обязанности читать всѣ на отечественномъ языкѣ выходящія книги, или по привычкѣ прочесть первую книгу, которая попадется вамъ подъ руки, и употребленные вами полчаса на чтеніе невинное, были бы, можетъ быть, по стеченію обстоятельствъ употреблены вами во вредъ ближнему. Вы купили книгу никуда не годную, прочли ее и жалѣете о потерѣ денегъ: напрасно жалѣете. Время оправдаетъ судьбу. Несчастная книга, забытая въ кабинетѣ вашемъ, прекраснымъ самоотверженіемъ выкупила спасеніе другой книги, драгоцѣнной для васъ и лежащей съ нею рядомъ; она такою услугою безкорыстною окупилась и сама: крыса изгрызла ее, а не будь ея, сосѣдка была бы жертвою пагубной алчности.

Мораль, которую можно извлечь изъ всего сказаннаго выше, есть слѣдующая: не должно сердиться ни на худаго Автора, ни на худую книгу, ни даже на книгопродавца Василья Логинова, который въ своей лавкѣ продаетъ *Неколебимую дружбу* и проч.

Мы не знаемъ причинъ и цѣли сей книги, и слѣдовательно, по одному дѣйствію судить о ней не можемъ. Разбирать же ее также не должно и основываемся въ этомъ на Рускомъ каламбурѣ, который въ ней помѣщенъ: «Не нужно разбирать Ивана Выжигина, ибо онъ «*уже разобранъ* въ книжныхъ лавкахъ.» Каламбуръ хорошъ и желаемъ, чтобы онъ могъ сбыться и съ новою книгою, которая кончается необыкновеннымъ образомъ. Вотъ какъ: « Кручининъ и Скудоумовъ, видя смѣхъ на«рода, пошли домой и сѣвши на постолломъ дворѣ за «столъ, начали слѣдующій разговоръ и сужденіе о «Москвѣ.

Конецъ.

«Какъ конецъ?» спроситъ удивленный читатель: «конецъ первой главы, перваго тома?» — Нѣтъ, просто, конецъ, какъ конецъ. — «Что жь это значитъ?» — Не знаемъ; спросите о томъ въ лавкѣ Василья Логинова.

СМѢСЬ.

Удивительно, что у насъ такъ мало заботятся о матеріяльныхъ припасахъ Поэзіи и вообще Литературы. Словарь рифмъ, словарь эпиграфовъ, ручныя энциклопедіи той, или другой отрасли человѣческихъ познаній, были бы на разхватъ разкуплены нашими молодыми Писателями, изъ коихъ многимъ нѣтъ времени запасаться собственными трудами. Предлагаемъ эту мысль литературнымъ подрядчикамъ: пускай возпользуются ею и закажутъ работы сидячему отдѣленію Писателей нашихъ, а ихъ работою возпользуется летучій отрядъ нашей поэтической молодежи. Пока, съ своей стороны, приносимъ посильную дань нашимъ Поэтамъ и надѣемся, что наши приношенія явятся въ свое время оправленныя въ стихи, которые украсятъ одинъ изъ будущихъ Альманаховъ. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ поэтическихъ вокабуловъ Скальдовъ Исландскихъ.

Небо, черепъ Исполина Имера; *радуга*, мостъ боговъ; *море*, поле пиратовъ, поясъ земли; *земля*, супруга Одина, дочь ночи, корабль, плавающій по столѣтіямъ, основаніе воздуха; *травы и растенія*, волоса земли; *камни*, кости земли; *рѣки*, потъ земли и кровь долинъ; *вѣтеръ*, тигръ, левъ, кидающійся на дома и на корабли; *ледъ*, огромнѣйшій изъ мостовъ; *ночь*, завѣса рѣчей и заботъ; *корабль*, конь морской; *сраженіе*, кровавая баня, градъ Одиновъ, сшибка щитовъ; *стрѣлы*, дочери бѣдствія, градъ шлемовъ; *око*, свѣтильникъ лица, алмазъ головы; *волоса*, дубрава головы, (если они сѣды, снѣгъ мозга); *языкъ*, мечъ рѣчи; *золото*, слезы Фреи (волшебница златослезящая); *поэзія*, напитокъ, даръ Одина.

Собирательное тѣло терпитъ долѣе всякаго другаго. Тоже дѣлается и съ публикой. Случалось однако, что нѣкоторые изъ членовъ этого долготерпѣливаго тѣла жаловались у насъ вслухъ на непристойности Журналистовъ. Имъ въ утѣшеніе отвѣчали, что въ *чужихъ краяхъ* Журналисты поступаютъ еще свободнѣе. Уничтожая всѣ оттѣнки нравовъ, мнѣній, жизни, общественныхъ отношеній, существующихъ въ каждой націи, эти господа только и видятъ тамъ хорошее, гдѣ находятъ сходство съ чужестраннымъ. Такъ Журналистъ одинъ радовался библіографическому прибавленію къ Сѣверной Пчелѣ, потому что во Французской Литературѣ есть библіографическіе листки Бёшо; жалѣлъ, что Supplément à l' Abeille du Nord не Feuilleton Жоффруа и другихъ Французскихъ Критиковъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 10-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМ. I. №. 22. АПРѢЛЯ 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ПОЧТОВЫЙ ДОМЪ ВЪ ШАТО-ТЬЕРРИ.

(Изъ Разсказовъ Путешественника.)

(Окончаніе.)

Новое горе поразило ее, когда я начиналъ уже выздоравливать. Почтенная воспитательница ея, Пасторша, которой силы давно уже видимо истощались, наконецъ занемогла и чрезъ три дня скончалась. Едва вставъ на ноги, я шелъ за гробомъ доброй сей старушки, и проводилъ ее до мѣста послѣдняго ея успокоенія. Вильгельмина едва не пришла въ отчаяніе. Безмолвная тоска ея и неосушавшіеся потоки слезъ жгли мнѣ душу. Чтобы разсѣять ея печаль, я вздумалъ учить ее Французской грамотѣ. Въ тогдашнее военное время, нигдѣ не могъ я отыскать превосходныхъ книгъ, изданныхъ Аббатомъ Сикаромъ и его питомцами для обученія глухо-нѣмыхъ; но нѣжныя старанія учителя и природныя способности, быстрая понятливость ученицы, облегчали трудъ, съ перваго взгляда почти непреодолимый. Вильгельмина понимала уже сочетанія буквъ, начертаніе и даже смыслъ нѣкоторыхъ словъ, хотя медленно, по неумѣнью и неопытности преподавателя. Такъ мы проводили дни, недѣли, мѣсяцы, — время, въ которое жилъ я только чистою любовью души и надеждою будущаго блаженства. Невинность Вильгельмины и сродное ей дѣвственное чувство стыдливости, были для нея лучшею защитой отъ пылкихъ, молодыхъ лѣтъ моихъ.

« По смерти старушки Пасторши, нашлись у нея родственники, наслѣдники къ оставшемуся послѣ нея небогатому имуществу. Я нанялъ у нихъ домъ, въ которомъ мы жили, и нетерпѣливо ждалъ изъ Франціи отвѣта на мои письма; но при тогдашнихъ военныхъ тревогахъ, письма мои не доходили, и отецъ мой все еще оплакивалъ меня, считая убитымъ.

« Рускіе уже вступили въ Парижъ, когда я совершенно оправился. Не зная, чѣмъ кончится судьба моего отечества, я рѣшился ѣхать на удачу во Францію; но какъ, и на кого оставить Вильгельмину до моего возвращенія? или какъ взять ее съ собою въ такое смутное время? Я чувствовалъ, что она не перенесла бы и кратковременной разлуки со мною, зналъ, что она скорѣе пустится на всѣ труды и опасности, нежели согласится спокойно ждать меня. Должно было выйти изъ этого затруднительнаго, тяжкаго для сердца моего положенія. По долгомъ размышленіи, остановился я на томъ, чтобъ обвѣнчаться съ Вильгельминой и везти ее съ собою. Она поняла мою мысль и склонилась на мое желаніе. Одинъ добрый Пасторъ согласился обвѣнчать насъ.

« Счастіе супружеской жизни краснорѣчиво для сердца; но тихія наслажденія его полнѣе и возвышеннѣе, когда они ввѣрены безмолвію такого существа, какъ моя Вильгельмина. Скажу вамъ просто: я былъ совершенно счастливъ. Къ довершенію моихъ желаній, въ первые дни нашего брака я получилъ письмо отъ моего отца, до котораго наконецъ дошло послѣднее изъ моихъ писемъ, и который звалъ меня къ себѣ въ Шато-Тьерри, прибавя, что во Франціи все тогда начинало успокоиваться съ возстановленіемъ Бурбоновъ.

« Вильгельмина и я пошли впослѣдніе проститься съ могилою второй нашей матери. Юная моя подруга горько плакала, разставаясь навсегда съ прахомъ своей благодѣтельницы; она взяла немного землицы съ могилы, и теперь носитъ ее на груди своей, какъ нѣчто священное. Наконецъ мы простились съ мирною деревушкой, свидѣтельницею первой нашей любви, нашихъ страданій и нашего счастія.

« Не могу вамъ описать восторговъ, которые раждала въ душѣ Вильгельмины новость предметовъ. Въ молчаливомъ своемъ удивленіи, подруга моя сообщала мнѣ свою радость только быстрымъ, пламеннымъ взоромъ, живописнымъ тѣлодвиженіемъ и выразительнымъ пожатіемъ руки моей. Природа, какъ бы въ вознагражденіе за то чувство, котораго не дала ей, съ избыткомъ наградила ее внутреннимъ чувствомъ изящнаго, чувствомъ, оцѣняющимъ красоту и совершенство предметовъ видимыхъ. Простое дитя природы — моя Вильгельмина всѣми силами души влечется преимущественнѣе къ красотамъ сей общей матери. Прелестное мѣстоположеніе, быстрая рѣка, свѣтлое озеро, тѣнистая рощица, веселая лужайка, красивый цвѣтокъ, пригоженькая птичка или бабочка, несравненно болѣе радуютъ ее, нежели пышность городовъ, великолѣпіе зданій и внутреннихъ украшеній, роскошь нарядовъ и тому подобное.

«Остальное въ жизни моей, не весьма богатой приключеніями, доскажу вамъ въ короткихъ словахъ. Отецъ мой съ восторгомъ встрѣтилъ насъ: сначала ему казался страннымъ мой выборъ жены; но скоро, узнавъ рѣдкія душевныя свойства ея и видя дочернюю нѣжность ея къ нему, онъ примирился съ тѣмъ, что почиталъ ея недостаткомъ. Во время службы моей, служила ему утѣшеніемъ и подпорой преклонныхъ лѣтъ его сестра моя, которую вы видѣли и которая была еще почти дитятей, когда я оставилъ домъ родительскій. Леонія съ первой минуты нашего пріѣзда подружилась съ Вильгельминой, и съ тѣхъ поръ самая тѣсная, нѣжнѣйшая дружба связываетъ сіи кроткія, добрыя существа. Мы ѣздили въ Парижъ, и тамъ, благодаря участію и попеченіямъ добродѣтельнаго Аббата Сикара, приняли къ себѣ въ домъ ту воспитанницу Института глухо-нѣмыхъ, о которой я прежде вамъ сказывалъ. Скоро Вильгельмина моя оказала неимовѣрные успѣхи въ ученьи, и теперь имѣетъ столь же ясныя понятія о предметахъ, доступныхъ ей по чувствамъ или по уму и воображенію, какъ и всѣ люди, слышащіе и говорящіе.

«Мечты честолюбія давно меня оставили; я взялъ увольненіе отъ службы и поселился здѣсь навѣки. Послѣдовавшія чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, новыя и къ счастію кратковременныя политическія тревоги, съ шумомъ пронеслись мимо насъ, не нарушивъ нашего спокойствія. За полтора года предъ симъ, были мы обрадованы рожденіемъ моего сына; и теперь живемъ по большей части въ небольшомъ семейномъ кругу нашемъ, счастливы, довольны, веселы, и благословляемъ Небо за наше счастіе.»

Повѣствователь мой умолкъ, и съ довольнымъ видомъ принявъ искреннее мое желаніе о продолженіи надъ его семействомъ сего благополучія, дружески взялъ меня за руку, пожалъ ее и повелъ меня въ комнаты. Обѣдъ нашъ одушевлялся откровенностью, взаимнымъ довѣріемъ и чистосердечною веселостью. Мы долго просидѣли за столомъ, хотя не круговая чаша, а доска и грифель переходили изъ рукъ въ руки. Милая Вильгельмина или давала остроумные отвѣты, или дѣлала замысловатые вопросы, показывавшіе наблюдательный ея умъ и быстроту соображенія. Когда мы встали изъ-за стола, коляска моя была уже готова и бичъ почтальона, громко хлопая по воздуху, вызывалъ меня въ дорогу. Простясь съ добрыми моими хозяевами и засѣвъ въ уголъ моей коляски, я долго мечталъ объ этомъ любезномъ семействѣ, о тихомъ его счастіи, особливо же о милой, прелестной Вильгельминѣ.

О. Сомовъ.

ОТВЕРЖЕНІЕ.

Обитель мира и святыни,
Была душа моя свѣтла,
Пока любовь, какъ вихрь пустыни,
Ее грозой не потрясла.

Гроза минула... я печаленъ
Гляжу рушительницѣ вслѣдъ,
И озарилъ гряду развалинъ
Воспоминанья мертвый свѣтъ.

Свершилось! Хладомъ отверженья
Я подавлю мои мечты!
Я самъ увядшіе цвѣты
Накину саваномъ забвенья!...

Такъ, съ чувствомъ скорби и любви,
Мы тѣло друга провожаемъ —
И съ отверженіемъ бросаемъ
На прахъ, намъ милый, горсть земли...

А. Подолинскій.

НОВАЯ ТЯЖБА О БУКВѢ Ѣ.

Пребываніе Барона Гумбольдта въ Россіи есть важная эпоха въ воспоминаніяхъ нашего просвѣщенія. Мы видѣли въ немъ высокій примѣръ истинно ученаго и образованнаго человѣка, который, посвятя жизнь и всѣ способности свои на изученіе и развитіе одной изъ отраслей человѣческихъ познаній, не чуждается всѣхъ другихъ отраслей и любопытнымъ взглядомъ окидываетъ всѣ запросы, любопытные для ума человѣческаго вообще, и для ума народнаго частно. Всеобъемность размышленій и разговоровъ его изумительна. Вѣроятно, никто лучше его не знаетъ науки, избранной имъ цѣлью постоянныхъ усилій своихъ, и никто короче его не знаетъ Вселенны. Въ этомъ выраженіи нѣтъ увеличенія.

Съ равною свободою, съ равнымъ свѣдѣніемъ будетъ онъ вамъ говорить о таинствахъ подземнаго міра, объ обширныхъ подробностяхъ пустыни Новаго Свѣта и о мѣлкихъ, но блестящихъ частностяхъ гостиныхъ Парижскихъ, въ которыхъ жизнь стѣсняется въ ограниченный, но не менѣе того любопытный кругъ; о духѣ младенствующаго человѣчества и о распрѣ классицизма съ романтизмомъ между Бауръ-Лорміаномъ и Викторомъ Гюго. Въ Россіи, столь еще богатой для наблюденій разнородныхъ, столь еще свѣжей для изысканій, открылось обширное поле предъ испытательнымъ умомъ его. Языкъ, сіе живое знаменіе бытія народа, языкъ нашъ, столь незнакомый чужестранцамъ, столь мало знакомый намъ самимъ, долженъ былъ обратить на себя вниманіе ученаго Путешественника, слышавшаго на вѣку своемъ звуки языковъ большей части міра извѣстнаго: въ краткое пребываніе свое у насъ онъ учился ему. Особенности его подвергались изслѣдованіямъ его :буква ъ имѣла эту участь. Однажды въ Петербургѣ, въ одномъ домѣ, изъявилъ онъ мнѣніе свое о безполезности существованія ея въ нашей азбукѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ написалъ къ нему на другой день челобитную отъ буквы ъ, на Французскомъ языкѣ, но самъ скрылъ свое имя, такъ, что Баронъ Гумбольдтъ и не узналъ его, но по своимъ соображеніямъ отвѣчалъ на полученную грамоту къ другому лицу, которое почиталъ Авторомъ ея. Надѣясь на снизходительное разрѣшеніе обоихъ Писателей, предлагаемъ читателямъ нашимъ сію маленькую тяжбу, которая тѣмъ занимательнѣе, что возникла между свѣтскими учеными въ Петербургской гостиной, на сценѣ, въ которой мало заботятся у насъ о буквѣ ъ и ь и вообще о Рускихъ письменахъ.

ПИСЬМО КЪ БАРОНУ ГУМБОЛЬДТУ (*).

Милостивый Государь!

Слава, которую глубокія и разнообразныя познанія и важныя творенія ваши доставили вамъ, была не чужда намъ задолго до вашего прибытія въ Россію; и удивленіе, встрѣтившее васъ на всемъ пространствѣ сей Имперіи, было только однимъ изъ старинныхъ завоеваній обширнаго вашего ума. Сіе чувствованіе, казалось, уже достигло высшей степени; но совсѣмъ тѣмъ, личныя ваши достоинства еще болѣе усилили оное: ваша снизходительность, ваша обязательная вѣжливость, ваше свободное и блестящее краснорѣчіе, родили во всѣхъ, имѣвшихъ честь узнать васъ, искреннее уваженіе и привязанность, кои, можетъ быть, лестнѣе самаго удивленія.

Для чего, Милостивый Государь, изъ среды сихъ единодушныхъ кликовъ восхищенія столь заслуженнаго, долженъ возвыситься голосъ, обвиняющій васъ въ несправедливости, голосъ существа, коего преклонныя лѣта должны бъ были задобрить ваше снизхожденіе и коего старинныя заслуги пріобрѣли право на уваженіе общее? Увы, Милостивый Государь! это существо. . . я! — Считаю себя въ правѣ жаловаться на васъ, и въ тяжкой моей горести, мнѣ остается одно только утѣшеніе: надежда, что узнавъ меня покороче, вы раскаетесь въ нанесенной мнѣ обидѣ, и что великодушнымъ покровительствомъ вашимъ замѣните ту непріязнь, которую повидимому ко мнѣ питаете. Удостойте выслушать мое оправданіе, и да не помѣшаетъ вамъ моя мнимая незначительность внимательно склонить ко мнѣ слухъ вашъ.

Я буква ъ, и занимаю довольно важное мѣсто въ Руской азбукѣ. Около десяти вѣковъ протекло со дня моего рожденія, и никто не осмѣливался отвергать дѣйствительность мою и оспоривать тѣ заслуги, кои оказала я и донынѣ оказываю Россійскому языку. Только въ исходѣ минувшаго столѣтія нѣкоторые безвѣстные

(*) Monsieur le Baron!

La haute célébrité, que vos connaissances aussi profondes que variées et vos ouvrages importans vous ont acquise, avait depuis longtems devancé votre arrivée en Russie et l'admiration que vous avez rencontrée dans toute l'étendue de cet Empire, n'était qu'une des anciennes conquêtes de votre vaste génie. Croissant en même tems que votre gloire, ce sentiment paraissait parvenu à son comble, et cependant vos qualités personnelles l'ont rendu plus vif encore: votre aménité, votre prévenante urbanité, votre éloquence facile et brillante ont fait naître en tous ceux qui vous ont approché, cette estime et cet attachement sincère, plus flatteurs peut-être que l'admiration même.

Pourquoi faut-il, Monsieur le Baron, qu'au milieu de ce concert unanime d'acclamations si méritées, il s'élève une voix, qui ait à se plaindre de votre injustice? Pourquoi faut-il, que se soit celle d'un être, dont l'âge avancé aurait dû vous inspirer de l'indulgence et dont les vieux services avaient droit à des égards? Cet être, Monsieur, hélas, c'est moi! j'ai à me plaindre de vous et dans ma profonde douleur il ne me reste qu'une consolation: c'est l'espoir qu'en me connaissant plus particulièrement vous vous repentirez de vos torts envers moi et qu'une généreuse protection remplacera cette inimitié que vous paraissez m'avoir vouée. Daignez entendre ma justification et que mon apparente insignifiance ne vous empêche point de m'écouter avec attention.

Je suis la lettre ъ et j'occupe une place assez marquante dans l'alphabet russe. Une dizaine de siècles s'étaient écoulés depuis ma naissance sans qu'on eût osé contester mon utilité et me disputer les services que j'ai rendus et que je rends encore à la langue russe. Ce n'est que vers la fin du siècle passé que quelques innovateurs obscurs, recherchant la gloire des Erostrate, conçurent l'idée de me frustrer de mes droits; mais l'opinion publique en fit bientôt justice et leurs clameurs furent étouffées sous les huées de nos littérateurs les plus distingués et les plus savans. Quant à moi, je regardais ces Messieurs avec pitié et jamais ils ne m'ont fait craindre un seul instant pour mon existence. Je ne tardai même pas à les oublier entièrement et toute la Russie en fit autant.

Quel fut donc mon étonnement, lorsque j'appris depuis peu, que vous, Monsieur le Baron, vous partagiez l'opinion injuste de ces Messieurs à mon égard. Je compris aussitôt qu'on devait m'avoir calomniée auprès de vous et qu'on avait probablement réussi à cacher entièrement à vos yeux tous mes services. Ma douleur en fut profonde, mais loin de m'en laisser abattre, je résolus de вводители новизны, искавшіе славы Эростратовъ, замышляли лишить меня правъ моихъ; но общее мнѣніе скоро произрекло имъ правый судъ, и нападенія ихъ были заглушены окрикомъ нашихъ отличнѣйшихъ и ученѣйшихъ Литераторовъ. Что до меня касается, то я съ жалостію смотрѣла на моихъ ненавистниковъ, и никогда, ни на мигъ не поселили они во мнѣ страха о моемъ существованіи. Скоро даже я вовсе о нихъ позабыла; Россія также.

Но каково было мое удивленіе, когда я узнала недавно, что вы, Баронъ, раздѣляете несправедливое мнѣніе этихъ Господъ! Я тотчасъ поняла, что кто-либо оклеветалъ меня передъ вами, и что, по всей вѣроятности, скрыли онѣ васъ мои заслуги. Я сильно была опечалена; но не попуская унынію овладѣть мною, рѣшилась изложить вамъ мое дѣло съ довѣренностію и прямодушіемъ. Такъ, Милостивый Государь, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему здравомыслію, и это уже меня успокоиваетъ! Преждевременное торжество враговъ моихъ будетъ не надолго; вы познаете грубое сплетеніе ихъ клеветы: я пріобрѣту въ васъ покровителя и тогда останусь благонадежна въ моей безопасности на предбудущее время. Приступаю къ дѣлу.

Почти всѣ согласныя буквы въ Рускомъ языкѣ имѣютъ два явные звука: одинъ твердый, а другой мягкій. Я, ъ, имѣю честь быть представительницей перваго, а двойчатка-сестра моя ь, втораго.

Съ перваго взгляда можно бы подумать, что легко было бъ исключить одну изъ насъ: тогда оставшаяся выражала бы звукъ, ей свойственный, а ея отсутствіе соотвѣтствовало бы знаку исключенному. То же думаютъ и мои гонители, кои однако же не осмѣлились посягать на существованіе сестры моей, которой необходимая польза казалась имъ ощутительнѣе моей. Посему-то я буду говорить собственно о себѣ; а для большаго удобства и ясности, прошу позволенія говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Ъ, кромѣ обязанности своей придавать твердый выговоръ согласнымъ буквамъ, послѣ которыхъ находится, служитъ еще къ познанію словопроизводства. Люди, вникавшіе хотя нѣсколько въ языкъ Руской, основательно думаютъ, что *ъ* есть не что иное, какъ сокращеніе буквы *о*. Весьма даже вѣроятно, что въ древнемъ Славянскомъ языкѣ *ъ* произносилось, какъ *о* короткое. Доказательства, что *ъ* и *о* въ собственномъ смыслѣ суть одна и та же буква, встрѣчаются поминутно въ Рускомъ языкѣ, равно какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Славянскія реченія: *како*, *тако*, пишутся и выговариваются по-Руски: *какъ*, *такъ*. Тамъ и тамо, однакъ и однако, суть совершенно слова однозначащія и безъ различія употребляются въ языкѣ Рускомъ. Предлоги: *въ*, *съ*, *предъ*, *изъ*, и пр. и пр. часто перемѣняются въ: *со*, *во*, *предо*, *изо*, и пр. Малороссійское слово *якъ*, есть явнымъ образомъ Славянское: *яко*. Первое лице множ. числа настоящ. времени изъяв. наклоненія всѣхъ Рускихъ глаголовъ, кончится всегда на ъ, а Малороссійскихъ на *о*. На пр. *мы дѣлаемъ*, — *мы дѣлаемо*. То же и въ будущемъ времени: *мы сдѣлаемъ*, — *мы сдѣлаемо*. Легко можно бъ было разплодить сіи примѣры до безконечности. Въ древнихъ Славянскихъ рукописяхъ находимъ даже, что многія слова, какъ то: *полкъ*, *волкъ*, *востокъ*, *борзый*, писались неотступно: *пълкъ*, *вълкъ*, *въстокъ*, *бързый* и т. д. Это въ особенности придаетъ великую вѣроятность вышеприведенному предположенію, что въ прежнія времена *ъ* выговаривалось всегда какъ *о* короткое, хотя и то возможное дѣло, что

---

vous exposer ma cause avec confiance et candeur. Oui, Monsieur le Baron, j'ose en appeler à votre sagacité et déjà cet appel me tranquillise! Le triomphe prématuré de mes ennemis ne durera pas longtems, vous saurez reconnaître le tissu grossier de leur calomnies; je gagnerai en vous un protecteur et dès-lors mon avenir sera assuré à jamais. J'entre en matière:

Presque toutes les consonnes de là langue russe ont deux sons distincts: l'un est dur, l'autre mou. Moi *ъ* je suis le représentant du premier et ma sœur jumelle ь l'est du second.

Au premier coup-d'œil, l'on pourrait être tenté de croire qu'il serait facile de supprimer l'une de nous deux; — alors celle qui resterait indiquerait le son qui lui est propre et son absence équivaudrait au signe supprimé. Voilà ce que croient aussi mes détracteurs, qui cependant n'ont point osé attenter à l'existence de ma sœur, dont l'utilité indispensable leur a paru plus évidente que la mienne. C'est donc de moi particulièrement que je vais parler, et pour plus de facilité et de clarté je demande la permission de le faire à la troisième personne.

Le *ъ*, outre sa fonction de rendre dures les consonnes après lesquelles il se trouve, sert encore à l'étymologie. Ceux qui ont un peu approfondi la langue russe, pensent avec raison que le *ъ* n'est autre chose qu'une abréviation de l' *o*. Il est même probable que dans l'ancien slavon le *ъ* se prononçait comme un *o* bref. Les preuves que le *ъ* et le *o* ne sont proprement que la même lettre, se recontrent à chaque instant dans la langue russe de même que dans les autres dialectes slavons. Les mots slavons: *како* (comment) *тако* (ainsi) s'écrivent et se prononcent en russe: *какъ*, *такъ*. Тамъ et тамо (là) однакъ et однако (cependant) sont entièrement synonimes et s'emploient indifférement en russe. Les prépositions въ, съ, предъ, изъ, etc. etc. (en, avec, devant, de etc.) se transforment fréquemment en *со*, *во*, *предо*, *изъ*, etc. Le mot ucrainien якъ (comme) est évidemment le яко slavon. La première personne du pluriel, du présent de l'indicatif de tous les verbes russes se termine toujours par un *ъ* et en ucrainien toujours par un *o*. Par exemple: мы дѣлаемъ (nous faisons) мы дѣлаемо. Il en est de même du futur: мы сдѣлаемъ (nous ferons) мы сдѣлаемо Il serait facile de multiplier ces exemples à l'infini. Dans les anciens manuscrits slavons: on trouve même que beaucoup de mots tels que полкъ (le régiment, la trouppe), волкъ (le loup), востокъ (l'orient), борзый (vif, alerte), s'écrivaient constamment пълкъ, вълкъ, въстокъ, бързый, etc. Ceci surtout rend extrèmement vraisemblable la supposition ci-dessus mentionnée, que jadis le въ концѣ словъ буква сія заключала въ себѣ звукъ неопредѣленный, почти такой же, какъ Французское безгласное *e*, когда имъ оканчивается какое-либо слово; на пр. tent*e*, band*e*, chanc*e*. Если мы не примемъ за правило, что ъ есть не что иное, какъ *о*, то какъ же мы объяснимъ его употребленіе въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, каковы: *пълкъ, вълкъ* и т. п? А словъ сихъ очень много. Самое начертаніе буквы ъ можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ послужить доказательствомъ ея тожества съ буквой *о*; ибо весьма вѣроятно, что она писывалась первобытно такимъ образомъ: *ŏ*, для означенія, что это *о* краткое, подобно какъ *й* донынѣ означаетъ краткое *и*.

Правда, что для слуха нашего показалось бы очень страннымъ, когда бъ мы вздумали теперь замѣнить буквой *о* всѣ ъ, коими кончатся у насъ слова; но этимъ ничего не доказывается противъ тожества обѣихъ сихъ буквъ. Произношеніе, въ какомъ-либо языкѣ, не подвергается ли со временемъ еще большимъ и страннѣйшимъ измѣненіямъ? Правда и то, что многія слова, кончащіяся нынѣ въ Рускомъ и новомъ Славянскомъ языкахъ на ъ, въ древнемъ Славянскомъ оканчивались на ь. Таковая перемѣна послѣдовала, на примѣръ, со всѣми вообще глаголами. Третье лице настоящаго времени изъяв. наклоненія въ обоихъ числахъ неизмѣнно оканчивается на *тъ*, тогда какъ въ древнемъ Славянскомъ языкѣ его окончаніе было на *ть*. Но сіи новѣйшія исключенія, измѣнившія старинное употребленіе буквы ъ, не могутъ уничтожить многочисленныхъ доказательствъ тожества ея съ буквою *о*. По сему буква ъ останется навсегда драгоцѣннымъ памятникомъ древняго произношенія Славянскаго языка, и въ семъ видѣ, будетъ всегда по праву имѣть мѣсто въ азбукѣ Руской. Храненіе словопроизводныхъ памятниковъ языка, всегда почиталось предметомъ весьма важнымъ; и если Французы, Нѣмцы и другіе народы почли за нужное не замѣнять буквъ ph одною буквой f, въ словахъ: philosophie, phase, и т. п., если они по прежнему пишутъ: athée вмѣсто atée; то для чего же хотѣть, чтобы Рускіе отступили отъ сего правила, уничтоживъ свое ъ? Но кромѣ этилогической важности сей буквы, есть и другія немаловажныя причины, по какимъ сохраненіе оной становится необходимымъ.

Буква ъ, какъ представительница твердаго выговора согласныхъ буквъ въ Рускомъ языкѣ, ставится не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ оныхъ, и здѣсь-то всего болѣе необходимость оной кажется ясною даже и для тѣхъ, кои не имѣютъ никакого свѣдѣнія въ словопроизводствѣ Рускаго языка. Почти всѣ слова, въ составъ коихъ входятъ предлоги: *безъ*, *взъ*, *возъ*, *въ*, *изъ*, *объ*, *отъ*, *подъ*, *предъ*, *разъ*, *съ*, и т. п., не могутъ обойтись безъ буквы ъ, когда предлоги сіи стоятъ предъ гласною буквой. Языкъ Рускій имѣетъ множество таковыхъ словъ, и если бы въ нихъ исключили ъ, тогда бъ они совершенно измѣнились въ произношеніи, даже иногда и въ значеніи своемъ. Приведу нѣсколько примѣровъ, и постараюсь выразить произношеніе словъ Нѣмецкими буквами, болѣе для сего способными, нежели Французскія. Удержу при томъ Рускія буквы: *ж*, *щ*, *ы*, *я*, *й*, коихъ звукъ весьма трудно изобразить письменно на другихъ языкахъ. Возьмемъ слова:

Въѣздъ (die Einfahrt), подъемный мостъ (die Zugbrücke), изъявленіе (die Bezeugung), предъидущій (der Vorgehende), объѣдать (abfreſſen, ſchmarotzen), съуженіе (die Verengung).

Когда ъ въ нихъ находится (какъ и должно сему быть), тогда слова сіи выговариваются такимъ образомъ:

ъ se prononçait toujours comme un *o* bref, quoiqu'il soit possible qu'à la fin des mots il produisit un son vague, à peu près comme l'e muet français, lorsqu'il termine un mot, par exemple: tent*e*, band*e*, chanc*e*. Si nous n'admettons pas que le ъ n'est autre chose qu'un *o*, comment en expliquerons nous l'emploi dans des mots, tels que: пълкъ, вълкъ etc? Et ces mots se trouvent en grand nombre. La figure même de la letre ъ pourrait en quelque façon servir de preuve de son identité avec le *o*; car il est assez probable qu'on l'ait exprimé primitivement ainsi: *ŏ*, pour indiquer que c'est un *o* bref, comme le *й* indique encore actuellement un *и* bref.

Il est vrai que notre oreille serait étrangement choquée, si aujourd'hui nous voulions remplacer par un *o* tous les ъ qui terminent nos mots; mais cela ne prouverait rien contre l'identité de ces deux lettres. La prononciation d'une langue ne subit-elle pas, avec le temps, de changemens bien plus étranges encore? Il est vrai aussi que plusieurs mots qui en russe et en slavon moderne se terminent par un ъ, dans l'ancien slavon finissaient par un ь. C'est par exemple le cas avec les verbes en général: la troisième personne du présent de l'indicatif se termine dans les deux nombres constamment par un тъ, tandis que dans l'ancien slavon, elle avait pour terminaison ть. Mais ces exceptions modernes qui ont fait dévier la lettre ъ de son antique emploi, ne peuvent pas détruire les preuves nombreuses de son identité avec le *o*. Le ъ restera donc toujours un monument précieux de l'ancienne prononciation de la langue slavonne, et comme tel aura toujours des droits à une place dans l'alphabet russe. La conservation des monumens étymologiques d'une langue a toujours été considérée comme un objet des plus importans; et si les Français, les Allemands et d'autres nations ont cru ne pas devoir remplacer le *ph* par un *f* dans les mots *ph*iloso*ph*ie, *ph*ase, etc., s'ils continuent d'écrire A*th*ée au lieu d'A*t*ée: pourquoi voudrait-on que les Russes s'écartassent de ce principe, en supprimant leur ъ? Mais outre l'importance étymologique de cette lettre, il existe encore des motifs majeurs qui en rendent la conservation indispensable.

Le ъ, comme représentant du son dur des consonnes russes, s'emploie non seulement à la fin des mots, mais aussi au milieu, et c'est là surtout que son indispensabilité absolue devient évidente pour ceux même qui n'ont aucune notion de l'étymologie de la langue russe. Tous les mots, dans la composition desquels entrent les prépositions: безъ, взъ, возъ, въ, изъ, объ, отъ, подъ, предъ, разъ, съ, et d'autres, ne peuvent point se passer

𝔚-jeſ'd, pod-jem-ный, iſ'-я-wle-ni-je, pred-ы-du-щій, ob-je-dat, Su-ж-ni-je.

Изключивъ же букву ъ, должно бъ было произносить: Weſ'd, po-dem-ный, i-ſя-wle-ni-je, pre-di-du-щій, o-be-dat, Su-же-ni-je.

Разность въ произношеніи, отъ того происходящая, ощутительна всякому, но для Рускаго она разительна. Въ нашемъ языкѣ есть звуки, которые если не вовсе невозможно, то покрайней мѣрѣ очень трудно выразить буквами другаго языка. Таково, между прочимъ, *я*, когда передъ нимъ стоитъ согласная буква, не отдѣленная отъ него буквою ъ. Когда же, напротивъ того, *я* стоитъ само по себѣ, или отдѣлено буквою ъ отъ предшествовавшей согласной, тогда буквы ja выражаютъ его совершенно. Въ словѣ *изъявленіе*, слогъ *зъя* можетъ весьма хорошо выразиться буквами ſ'ja; но отнявъ ъ, мы получили бы слогъ *зя*, который выговаривается совсѣмъ отлично, и коего звукъ не можетъ даже быть переданъ Нѣмецкими буквами. По сему никакъ не возможно обойтись безъ ъ въ словѣ: *изъявленіе*.

Слово *предъидущій*, также представляетъ собою особенность, о которой я должна упомянуть. Когда въ сложныхъ словахъ, ъ стоитъ предъ *и*, тогда сія послѣдняя буква выговаривается какъ *ы*; ибо *ы* есть не иное что, какъ обыкновенное *і*, сдѣлавшееся твердымъ чрезъ прибавку ъ. Это доказывается всѣми древними Славянскими рукописями, въ коихъ *ы* почти всегда изображалось такимъ образомъ: *ъі*. Изъ сего явствуетъ, что выбросивъ ъ изъ слова: *предъидущій*, мы бы совершенно измѣнили произношеніе сего слова.

Слова: *объѣдать* и *обѣдать*, не только различно произносятся, но имѣютъ и совершенно разное знаменованіе. Ob'-jedat, значитъ: abfreſſen, тогда какъ обѣдать значитъ: zu Mittag eſſen.

Вотъ, Милостивый Государь, краткое изложеніе причинъ, кои всегда будутъ препятствіемъ къ исключенію буквы ъ изъ Рускаго букваря. Смѣю надѣяться, что сего краткаго изложенія достаточно будетъ къ оправданію меня въ глазахъ вашихъ и къ доказательству, что я, не подвергаясь упреку въ излишнемъ самолюбіи, могу удерживать за собою право гражданства въ томъ языкѣ, въ которомъ я жила искони, и могу опереться въ томъ на тысячелѣтнюю давность. Примите вмѣстѣ съ симъ увѣренія мои, что я нисколько не досадую на васъ за то, что вы неосновательно знали права мои: я легко понимаю, что вы могли быть введены въ заблужденіе. Но что нѣкоторые изъ Рускихъ не признаютъ сихъ правъ, что они не вѣдаютъ того, что изгнаніемъ меня измѣнился бы совершенно духъ языка ихъ, — сего, по совѣсти, не могу я постигнуть! Признаюсь вамъ откровенно, Баронъ, что кромѣ весьма естественнаго желанія оправдаться передъ вами, у меня была еще другая причина написать къ вамъ сіе письмо. Я боялась, чтобы опираясь на мнѣніе ваше, нѣкоторые изъ сихъ Господъ не вздумали снова поднять войну, обратившуюся нѣкогда ко вреду ихъ предшественниковъ. Недоумки, желая возвыситься надъ толпою, охотно цѣпляются даже за самыя заблужденія мужа знаменитаго. Иные изъ нихъ, оставлявшіе меня доселѣ въ покоѣ, и теперь уже пристаютъ къ вашему мнѣнію, чтобъ очернить меня. Я увѣрена, что они не успѣютъ мнѣ повредить; но въ качествѣ соотечественницы, я желала бы даже избавить ихъ отъ стыда, наносимаго неудачею. Удостоивъ меня вашимъ покровительствомъ, вы наложите на нихъ мол-

---

de la lettre ъ lorsque ces prépositions précèdent une voyelle. La langue russe possède quantité de mots semblables et si l'on y supprimait le ъ, tous changeraient totalement de prononciation et quelquefois même de signification. Je vais présenter quelques exemples, en tachant d'exprimer la prononciation des mots par des lettres allemandes, plus propres à cet usage que les françaises. Je conserverai en même temps les lettres russes: *ж*, *ш*, *ы*, *я*, *й*, si difficiles à rendre dans les autres langues. Prenons les mots:

Въѣздъ (die Einfahrt) подъемный мостъ (die Zugbrücke) изъявленіе (die Bezeugung) предъидущій (der Vorgehende) объѣдать (Abfreſſen, Schmarotzen) съуженіе (die Verengung).

Lorsque le ъ s'y trouve (comme cela doit-être) ces mots se prononcent ainsi:

Wjeſ'd, pod-jem-ный, iſ'я-wle-ni-je, pred--ы-du-щій, ob-je-dat, ſſ-uже-ni-je.

En supprimant le ъ, il faudrait prononcer:

Weſ'd, po-dem-ный, i-ſ'я-wle-ni-je, pre-di-du-щій, o-be-dat. ſſu-же-ni-je.

La différence de prononciation qui en résulte est sensible pour tout le monde; mais pour un Russe elle est frappante. Il y a dans notre langue des sons, qu'il est sinon impossible, au moins très-difficile de figurer par les lettres d'une autre langue. Tel est, entre autres, le *я*, lorsqu'il est précédé d'une consonne sans l'interposition d'un ъ. Lorsqu'au contraire il est isolé ou que le ъ le sépare de la consonne qui le précède, les lettres *ja* l'expriment parfaitement. Dans le mot изъявленіе par exemple «зъя» peut très-bien s'exprimer par ſ'ja; mais en ôtant le ъ, l'on obtiendrait la syllabe «зя», qui se prononce tout différemment et dont le son ne peut même pas être figuré par des lettres allemandes. Il est donc de toute impossibilité de ne pas le conserver dans le mot: изъявленіе.

Le mot предъидущій présente aussi une particularité, dont je dois faire mention. Toutes les fois que, dans un mot composé, le ъ précède un *и*, celui-ci se prononce comme *ы*; car le *ы* n'est autre chose qu'un *i* ordinaire, rendu dur par le ъ. Cela est prouvé par tous les anciens manuscrits slavons, où le *ы* se trouve presque constamment figuré ainsi ъ. Il est donc évident qu'en retranchant le ъі. du mot предъидущій, l'on en dénaturerait totalement la prononciation.

Les mots объѣдать et обѣдать, non seulement se prononcent différemment; mais ont en outre une signification tout à чаніе, а меня навсегда оградите отъ всякаго новаго нападенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и вѣчною преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Покорнѣйшею вашею услужницей
Буква Ъ.

Алекс. Перовский

С. Петербургъ,
28 Ноября 1829.

ОТВѢТЪ БАРОНА ГУМБОЛЬДТА.

Милостивый Государь!

Особа, весьма остроумная, которую вы часто встрѣчаете въ свѣтѣ и удостоиваете своею благосклонностью, написала ко мнѣ письмо, исполненное наблюденій замысловатыхъ и глубокихъ объ *удареніи* и философіи Грамматики. Убѣдительно прошу Ваше Превосходительство изъявить мою живѣйшую благодарность этой почтенной особѣ, коей полъ показался мнѣ сомнительнымъ, но между тѣмъ вѣроятно не принадлежащей къ тому, который мы именуемъ прекраснымъ, ибо она съ прямымъ чистосердечіемъ, хвалится преклонными лѣтами своими. Она немного сутуловата и доказываетъ, что не могла пользоваться благодѣяніями Госпожи Т*. Вы скажете, Мил. Госуд., что не имѣя болѣе права (благодаря добрымъ совѣтамъ вашимъ) нападать на нравственность ея, я малодушно нападаю на наружный ея видъ. Нѣтъ, М. Г., миръ заключенъ между нами навсегда! Если осмѣливаюсь говорить о наружности существа, покровительствуемаго вами, и о сходствѣ его слишкомъ великомъ съ родственникомъ, который слабѣе и тщедушнѣе его, то это по худой привычкѣ Натуралиста, который пріучился разсматривать формы и по нимъ злословить о свойствѣ физіогноміи личной.

Примите увѣреніе въ высокомъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Гумбольтъ.

С. Петербургъ
29 Ноября / 11 Декабря 1829.

Въ оригиналѣ подпись имени изображена по-Руски и буквы ъ и ѣ подчеркнуты. Снимокъ подлиннаго письма Барона Гумбольдта приложенъ будетъ къ слѣдующему No Лит. Газеты.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Бахчисарайскій фонтанъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Изданіе третіе. — С. П. б. въ типогр. Департ. Народ. Просвѣщ. 1830 (46 стран. въ 8-ю д. л.)

Бахчисарайскій фонтанъ, соч. А. С. Пушкина, напечатанъ уже третьимъ тисненіемъ: форматъ одинъ съ мѣлкими стихотвореніями того же Автора, вышедшими въ двухъ частяхъ въ С. П. б. 1829. Издатели не помѣстили прежняго предисловія, теперь уже не необходимаго, но въ свое время возбудившаго жаркіе споры. Въ немъ Князь П. А. Вяземскій первый выказалъ всю смѣшную сторону такъ называемыхъ у насъ Классиковъ, первый поднялъ знамя умной и благомыслящей критики.

---

fait différente l'une de l'autre. Objedat signifie: abfreſſen, tandis que obedat veut dire: zu Mittag eſſen.

Voilà, Monsieur le Baron, un apperçu des raisons que s'opposeront toujours au retranchement de la lettre ъ de l'alphabet russe. Cet exposé succinct suffira, j'ose l'espérer, pour me justifier à vos yeux et pour vous prouver que sans mériter d'être taxé d'un amour propre éxagéré je puis prétendre à conserver mon droit de bourgeoisie dans une langue, au milieu de laquelle j'ai vécu pendant le long espace de mille ans. Veuillez en même tems être bien assuré, que je ne vous en veux nullement de n'avoir pas bien connu mes droits: je conçois aisément que vous ayez pû être induit en erreur. Mais que des Russes puissent les méconnaître, qu'ils puissent ignorer que mon expulsion changerait entièrement le génie de leur langue: voilà ce que je ne comprends pas! Je vous avoue franchement, Monsieur le Baron, qu'outre le desir si naturel de me justifier à vos yeux, j'ai eu encore un autre motif en vous adressant cette lettre. J'ai craint qu'encouragés par votre opinion, quelques-uns de ces Messieurs ne fussent tentés de renouveller une guerre qui avait si mal tourné pour leurs prédécesseurs. Les esprits vulgaires, pour se mettre au-dessus de la foule, se cramponnent volontiers même aux erreurs d'un homme illustre. Déjà certains individus, qui jusqu'à présent m'avaient laissée en paix, s'étayent de votre opinion pour chercher à me nuire. Ils ne parviendront surement pas à me faire du tort; mais en qualité de compatriote je voudrais même leur épargner la honte d'une défaite. En m'accordant votre protection vous leur fermeriez la bouche et me garantiriez pour toujours de toute nouvelle agression.

C'est avec les sentimens du plus profond respect, que j'ai l'honneur d'être.

Monsieur le Baron
de votre Excellence
la très-humble et très-obéissante servante
la lettre ъ,

St.-Pétersbourg
le 28 Novembre 1829.

Въ замѣнъ сей убыли, прибавленъ къ выпискѣ изъ занимательнаго Путешествія по Тавридѣ, И. М. Муравьева-Апостола, отрывокъ письма самого Сочинителя къ Д ***, въ которомъ читатели увидятъ, какъ часто первыя впечатлѣнія, прозаически скользя по душѣ, нечаянно послѣ разгораются въ ней огнемъ вдохновенія и созрѣваютъ до высокой Поэзіи. — Мы читали и перечитывали и въ третьемъ изданіи *Бахчисарайскій фонтанъ.* Человѣкъ, не лишенный чувства изящнаго, не устанетъ читать подобныя сочиненія, какъ охотникъ до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому что все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неподдѣльной красотѣ своей драгоцѣнности. Пушкинъ въ сей поэмѣ достигъ до неподражаемой зрѣлости искуства въ поэзіи выраженій, а въ сценѣ Заремы съ Маріей уже ясно обнаружилъ истинное драматическое дарованіе, съ большимъ блескомъ въ послѣдствіи развившееся въ трагедіи: *Борисъ Годуновъ* и въ исторической поэмѣ: *Полтава.*

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА. ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА. Части 1-я и 2-я. — М. въ типогр. Семена Селивановскаго, 1830 (въ *первой* части VIII — 263, во *второй* 238 стран. въ 8-ю д. л.

Изъ предисловія, приложеннаго къ 1-й части, видимъ, что Г. Бек....ъ, подарившій Рускихъ любителей чтенія изданіемъ многихъ хорошихъ книгъ, намѣренъ былъ также издать и сіе *Полное собраніе сочиненій Ф. Визина;* что для сего получилъ онъ отъ наслѣдниковъ Автора многіе рукописныя его сочиненія, никогда еще непоявлявшіяся въ печати, вмѣстѣ съ правомъ напечатать оныя и съ условіемъ, во первыхъ: издать оныя въ лучшемъ видѣ, а во вторыхъ: внести 1000 рублей, по назначенію помянутыхъ наслѣдниковъ, въ пользу двухъ Уѣздныхъ Училищъ Московской губерніи; наконецъ, что Г-нъ Бек....въ, по обстоятельствамъ своимъ, не могъ самъ приступить къ напечатанію сихъ сочиненій, и уступилъ свое право, вмѣстѣ съ условіями, нынѣшнему издателю, Московскому книгопродавцу *Салаеву.* — Въ 1-й части сего *Полнаго собранія* помѣщены комедіи: *Бригадиръ* и *Недоросль*; во 2-й, *Письма Ф. Визина*: изъ Франціи, къ Графу П. И. Панину;— изъ Рима, и писанныя имъ во время путешествія къ сестрѣ своей Ѳ. И. А.; наконецъ, нѣсколько писемъ къ Я. И. Булгакову, изъ Петербурга и Варшавы. — Въ послѣдующихъ двухъ томахъ помѣщены будутъ прочія сочиненія Ф. Визина.

Къ первой части приложенъ портретъ Ф. Визина, гравированный Г-мъ Скотниковымъ съ портрета, писаннаго въ Римѣ; а при второй части находится литогравированный снимокъ собственноручнаго письма Ф. Визина къ Г. Булгакову. Изданіе сей книги соотвѣтствуетъ желанію наслѣдниковъ Ф. Визина и цѣли издателя: шрифтъ четокъ и красивъ и бумага хорошая. *Біографія Ф. Визина*, соч. Княземъ П. А. Вяземскимъ, будетъ раздаваться подписавшимся немедленно по отпечатаніи, особою *брошюркой.*

СМѢСЬ.

Въ Познани печатается новое полное собраніе Польскихъ Поэтовъ. Мы видѣли образчикъ сего изданія, предпринятаго Графомъ Едуардомъ Рачинскимъ и спѣшимъ раздѣлить наше удовольствіе съ Рускими Библіоманами. Форматъ in-folio, бумага веленевая, необыкновенной доброты, буквы, напоминающія лучшія изданія Фирмена Дидота: словомъ, вся роскошь типографическая употреблена на украшеніе памятника, воздвигаемаго просвѣщенною благодарностію безсмертнымъ Пѣвцамъ, симъ благовѣстителямъ высокихъ мыслей, глубокихъ чувствъ и славы народной. Вчужѣ радуемся прекрасному подвигу и предвидимъ въ далекомъ будущемъ и у насъ наступленіе поры таковыхъ предпріятій. Пока еще нашихъ образцовыхъ Писателей ждетъ участь незавидная. По правиламъ Ценсурнаго Устава, намъ дарованнаго мудрымъ Правительствомъ, сочиненія каждаго Писателя черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти дѣлаются собственностію народною. Всѣ могутъ издавать ихъ. Ктоже первый у насъ возпользуется симъ правомъ? Невѣжественное корыстолюбіе. Это намъ уже и доказало дурное изданіе Фонъ-Визина, изданіе, о которомъ было говорено въ Библіографіи 1-го No Лит. Газеты. Творенія Князя Кантемира, Ломоносова, Богдановича, Хемницера, Державина и проч. попадутъ сперва въ руки дѣятельныхъ издателей Рускихъ пѣсенъ, Сонниковъ, и украсятся тѣми же Художниками и Біографами, которые такъ несчастливо трудились надъ жизнеописаніями Рускихъ Военачальниковъ, прославившихъ свое имя въ незабвенный 1812-й годъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 15-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМ. I. №. 23. АПРѢЛЯ 21го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разво-
ской 40 рублей.

Въ Апрѣлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Вторникъ), — 6-го (въ Воскресенье), — 11-го (въ Пятницу), — 16-го (въ Среду), — 21-го (въ Понедѣльникъ), и 26-го (въ Субботу).

ГРУЗИНСКАЯ СВАТЬБА.

(*Отрывокъ изъ Путеваго Журнала.*)

28 *Сентября.* — Давно хотѣлось мнѣ видѣть Грузинскіе свадебные обряды, — и наконецъ, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Телавъ, представился удобный къ тому случай. Князь Д., Кахетинскій помѣщикъ, выдавая дочь свою за Князя Ч., приглашалъ на сватьбу со всего округа знакомыхъ своихъ, Грузинъ и Рускихъ. Никогда не видавъ Князя въ глаза, но по праву любопытнаго путешественника, и я рѣшился ѣхать къ нему, вмѣстѣ съ тремя Рускими. — Селеніе Шакріены, гдѣ живетъ Князь, разположено на противоположномъ боковомъ концѣ Кахетинской долины за 18 верстъ отъ Телава, у подошвы южныхъ передовыхъ горъ. Спустившись съ городской высоты, дорога идетъ сначала между Курдилаурскими виноградными садами, потомъ мимо пахотныхъ полей, и предъ рѣкою Алазанью, версты за три, лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Во многихъ мѣстахъ дикій виноградъ, цѣпляясь за высокія деревья, перегибался чрезъ вершину ихъ и концами висѣлъ надъ дорогой; нѣкоторыхъ же деревьевъ совсѣмъ нельзя было видѣть: виноградъ, какъ ткань, обвивалъ ихъ кругомъ съ корня до вершины. Кисти темнаго винограда, какъ черные дѣвичьи глаза, красиво мелькали между зеленью. — Мы ѣхали либо доброю рысью, либо вскачь; и не смотря на это, принуждены были переправляться чрезъ Алазань почти въ сумерки. За рѣкою опять лѣсъ, который кончается уже почти предъ самыми Шакріенами. Былъ восьмой часъ вечера, когда пріѣхали мы къ Князю Д. На дворѣ, для освѣщенія, горѣли въ трехъ мѣстахъ дубовые пни, около нихъ гости и прислужники мелькали, какъ привидѣнія; на правой сторонѣ разкинуты были двѣ огромныя палатки, изъ которыхъ одна Персидская, подбитая узорчатымъ ситцемъ.

Князь встрѣтилъ насъ на серединѣ двора: одинъ изъ Рускихъ, коротко ему знакомый, рекомендовалъ меня, посредствомъ переводчика, какъ новопріѣзжаго, который желаетъ быть свидѣтелемъ его счастія. Онъ принялъ насъ съ искреннимъ радушіемъ и безпрестанно повторяя: *мобзандетъ, батоно мобзандетъ* (милости просимъ)! провелъ въ особый деревянный домикъ, нарочно приготовленный для пріѣзжихъ Рускихъ-гостей. — Пользуясь отсутствіемъ Князя, который безпрестанно былъ въ хлопотахъ по хозяйственной части, я пошелъ бродить по двору. Главный господскій домъ построенъ въ одинъ этажъ, съ жилою Кахетинскою крышею; комнаты въ немъ высокія, съ восьмистекольными окнами. Дверь въ одну комнату была открыта: подойдя поближе, я увидѣлъ нѣсколькихъ Грузинокъ; онѣ сидѣли, поджавши ноги, на *тахтахъ*, покрытыхъ коврами и поставленныхъ у стѣнъ по обѣимъ сторонамъ комнаты; тутъ была и хозяйка-Княгиня и невѣста. Не знаю, о чемъ онѣ разсуждали, но только съ жаромъ; — вѣроятно, о женскихъ нарядахъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, подносили чай и почти вслѣдъ за тѣмъ позвали ужинать. Ужинъ былъ въ Персидской палаткѣ; одна сторона оной была поднята и поддерживалась четырьмя деревянными шестами; кругомъ прочихъ сторонъ разостланы были ковры. Мы сидѣли на нихъ, какъ и Грузины, по-Азіятски, поджавши ноги, только для облегченія нашего подложены были подъ насъ подушки, въ видѣ валиковъ. Передъ нами, мимо нашихъ ногъ тянулась узкая ситцевая скатерть; на ней, при каждомъ приборѣ, положено было по узкому хлѣбу, длиною въ пол-аршина и болѣе; и по огромной лепешкѣ, называемой *лавашемъ*. Для Грузинъ эти лаваши служатъ на разныя употребленія: иногда вмѣсто тарелки, ибо на такихъ хлѣбахъ ѣдятъ они и пловъ, и жаркое, и почти всѣ нежидкія кушанья; иногда вмѣсто салфетокъ, которыя водятся не у всѣхъ Грузинъ. За ужиномъ было человѣкъ до двадцати; кромѣ насъ троихъ, почти всѣ Князья Грузинскіе, помѣщики Телавскаго либо Сигнагскаго округа. Послѣ перваго блюда стали пить вино, сначала небольшою *азарпешею* въ полбутылки, потомъ другою, въ которую входила бутылка и даже болѣе. Какъ къ новому гостю, Князья были весьма внимательны ко мнѣ и первый тостъ былъ за мое здоровье. По праву недавно пріѣхавшаго изъ Россіи, гдѣ не пьется вино такою мѣрою, я отблагодарилъ всѣхъ, выпивъ небольшой стаканъ, и весьма обязанъ Князьямъ, что они не принуждали меня соблюдать въ этомъ случаи ихъ законы. Послѣ нѣсколькихъ азарпешей, Князья затянули пѣсни; у Грузинъ главное искусство пѣнія состоитъ въ томъ, чтобъ перекричать другъ друга. Впрочемъ въ протяжномъ ихъ напѣвѣ, похожемъ на церковный, есть нѣчто торжественное. Вмѣсто азарпешей, поданы были восемь небольшихъ турьихъ роговъ; каждый изъ Князей выпивалъ по два рога и потомъ снова наливъ виномъ, съ поцѣлуемъ передавалъ другому. Ужинъ давно уже кончился, но всѣ оставались еще на своихъ мѣстахъ, пили и пѣли. Наконецъ принесли два огромныхъ рога; прежніе брошены и эти пошли кругомъ: безпрестанно слышалось: *аала-верды, якшіолъ* и чоканье губами. Я усталъ даже и смотрѣть, и въ 12 часу пошелъ въ свою комнату спать. Пиръ продолжался за полночь и не смотря на то, что выпили море вина, слишкомъ пьянаго не было видно: такъ крѣпки Грузины. Къ чести ихъ надобно сказать, что между двадцатью человѣками, такъ пившими, не случилось ни одной ссоры: каждый, чувствуя въ головѣ лишнее, потихоньку уходилъ, или лучше сказать, уползалъ изъ палатки и ложился спать — и на другой день какъ ничего не бывало.

29-го числа. — Въ ожиданіи жениха изъ селенія Ахметъ, всѣ нарядились. Утро было прекраснѣйшее, даже парило, какъ въ Петербургѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Едва успѣли мы напиться чаю, какъ пригласили насъ завтракать, а тамъ не много погодя и обѣдать, а было не болѣе десятаго часа. Такая безпрестанная ѣда могла у инаго испортить желудокъ, но Грузинамъ это раздолье: завтракъ, обѣдъ и ужинъ составляютъ единственное ихъ развлеченіе и, можно сказать, главнѣйшее удовольствіе въ жизни. Обѣдали не въ палаткѣ, но въ главномъ домѣ, въ комнатѣ, только что отдѣланной, о трехъ окошкахъ съ восьмистекольными рамами. Столъ, или вѣрнѣе сказать, полъ былъ накрытъ такимъ же образомъ, какъ наканунѣ въ палаткѣ; тоже было питье азарпешами и рогами; тѣ же протяжныя пѣсни, только число гостей увеличилось, вмѣсто двадцати обѣдало болѣе сорока человѣкъ; на концѣ сидѣли старшины деревни. Этотъ обѣдъ живо напоминалъ мнѣ патріархальныя времена, когда всѣ были равны и на пирахъ пѣли священныя пѣсни. Послѣ обѣда у всѣхъ Князей, также и у насъ, лошади были осѣдланы, мы вздумали ѣхать къ жениху на встрѣчу и ожидали только вѣстоваго. Наконецъ онъ прискакалъ и, при въѣздѣ въ ворота, выстрѣлилъ изъ ружья. Это было знакомъ, что женихъ ѣдетъ. Тотчасъ вѣстовому поднесли вина въ серебряной чашѣ, а одинъ Князь, отъ имени невѣсты, повязалъ ему черезъ плечо, какъ шарфъ, длинный кусокъ шелковой матеріи. Вѣстовой, ни минуты не медля, долженъ былъ скакать назадъ, — и скакалъ удачно! иначе, по принятому обычаю, поторопили бы его палками, которыя у всѣхъ Князей были въ готовности. Вслѣдъ за вѣстовымъ и мы поѣхали, всего человѣкъ пятнадцать; за четыре версты отъ селенія, увидѣли блестящую кавалькаду и надъ нею густое облако пыли. Женихъ ѣхалъ подлѣ Священника, за нимъ служитель съ особою лошадью для невѣсты; лошадь эта украшена была серебряною збруею и сверхъ сѣдла накрыта блестящею парчевою попоной. По сторонамъ ѣхали родственники и знакомые. Женихъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, воспитывался въ Тифлисскомъ благородномъ училищѣ, а теперь находится на службѣ въ Губернаторской Канцеляріи, и хотя носитъ Европейское платье, но на этотъ разъ былъ одѣтъ по-Грузински. Подъѣзжая къ дому, женихъ встрѣченъ былъ музыкою, которая состояла изъ барабана и *зурны* (Грузинской дудки): странствующіе артисты, одинъ кривой, другой хромоногой, играли безъ умолку въ продолженіе двухъ дней сряду и однообразіемъ звуковъ порядочно намъ надоѣли. Женихъ, переодѣвшись, введенъ былъ въ домъ будущаго тестя и посаженъ подлѣ невѣсты на широкой *тахтѣ*, лицемъ къ дверямъ. За ними стѣна была занавѣшена шелковою матеріей, а для облегченія ихъ спины (они сидѣли по-Азіятски, поджавши ноги), положена была огромная подушка, обшитая парчею. Наконецъ два Священника и разный причетъ церковный, пропѣли передъ молодыми несколько молитвъ и пошли торжественнымъ шагомъ въ церковь; за ними слѣдовалъ женихъ, ведя невѣсту, по обычаю, за шелковый платокъ. Она одѣта была въ малиновый казакинъ, коротенькій по колѣно, подъ казакиномъ свѣтлѣлось бѣлое атласное платье съ жемчужнымъ нагрудникомъ; на головѣ позолоченный вѣнецъ въ видѣ короны, а съ этой короны висѣлъ по лицу бѣлый кисейный вуаль. Невѣста не высока ростомъ; но за то надѣлена всѣми принадлежностями Грузинской красоты: большіе черные глаза — какъ теперь смотрю на нихъ! Всѣ черты лица чрезвычайно правильны, но на этотъ разъ, вѣроятно изъ національнаго приличія, не выражали нисколько жизни: она шла подъ вѣнецъ, точно какъ на эшафотъ, едва передвигая ноги; а голова какъ будто была привинчена къ шеѣ: ни разу не поворотилась въ сторону. — По древнему обычаю, церковный привратникъ имѣетъ право не пускать свадьбу въ церковь, пока женихъ не дастъ денегъ; такъ точно было и тутъ: одинъ изъ Князей, отъ имени жениха, просунулъ деньги въ двери и онѣ растворились. Вѣнчаніе продолжалось около получаса; женихъ и невѣста стояли на разостланномъ кускѣ шелковой матеріи, и кромѣ того была подложена подъ ихъ ноги сабля. Свадебные вѣнцы здѣсь особаго рода: это какіе-то кружки, обшитые золотистою мишурой съ четырьмя висящими по бокамъ концами, въ видѣ нашихъ военныхъ аксельбантовъ. Женихъ во все время вѣнчанія не снималъ шапки. Еще я замѣтилъ странный обычай: когда новобрачные возвращались тѣмъ же порядкомъ изъ церкви и уже подходили къ дому, то двое изъ Князей, обнаживъ сабли, подняли ихъ вверхъ и держали крестообразно надъ дверями, пока тѣ не вошли въ комнату. Молодые сѣли на прежнее ихъ мѣсто; на полу передъ ними поставлено было серебряное блюдо; каждый изъ гостей, подходя съ поздравленіемъ, клалъ на это блюдо сколько нибудь денегъ: сборъ сей назначается въ пользу нянекъ и прочихъ служителей, бывшихъ при новобрачной. Ужинали раздѣльно: молодая съ женщинами, а молодой съ нами. Во время тоста за здоровье молодаго, каждый называлъ его *Мепе*, т. е. Царемъ; названіемъ симъ пользуется онъ въ продолженіе трехъ дней. Порядокъ ужина былъ почти тотъ же, какъ наканунѣ, только пили еще болѣе, пѣли громче и наконецъ стали плясать. Главнѣйшее искуство ихъ пляски заключается въ трудной работѣ ногами; руками же дѣлаютъ они немного жестовъ: большею частію одну держатъ, поджавъ почти подъ мышку, другую горизонтально съ поломъ. Это дѣлало бы еще порядочный видъ, если бъ они не смотрѣли безпрестанно на ноги. Одинъ такъ работалъ ими, что у него, отъ смотрѣнья внизъ, голова закружилась, — и онъ едва былъ въ силахъ дойти до своего мѣста. Пользуясь суматохою, я, не дождавшись конца, вышелъ изъ комнаты и пробрался сквозь толпу разнаго народа въ другую, гдѣ сидѣла молодая съ своею матерью и гостями. Я нашелъ у нихъ тотъ же порядокъ въ столовыхъ приборахъ, тѣ же большіе хлѣбы,—и уже развалины блюдъ: онѣ откушали и сидѣли въ какомъ-то усыпленіи. Предъ ними пѣлъ или лучше кричалъ во все горло причетъ церковный, или играли странствующіе музыканты. На дворѣ была другая картина, совершенно въ патріархальномъ родѣ: около двухъ зажженныхъ пней сидѣли кругомъ поселяне, въ гостяхъ у своего помѣщика; они пировали также шумно, — ѣли *шашлыкъ*, ими самими и тутъ же приготовленный, пили вино и пѣли пѣсни, а послѣ ужина стали плясать свою національную пляску—*перхули*, съ громкими припѣвами: *али алало*. Эта пляска продолжалась у нихъ далеко за полночь: я уже легъ спать, но просыпаясь, нѣсколько разъ все еще слышалъ *алало*...

30-го *числа*. — По утру арба, запряженная четырьмя буйволами, повезла приданое молодой. Оно положено было въ двухъ сундукахъ и тюкахъ, обшитыхъ коврами; въ одномъ сундукѣ было бѣлье и платье, въ другомъ всѣ вообще нужныя для хозяйства вещи, какъ-то кастрюли, сковороды, подсвѣчники, разнаго рода кувшины, горшки и пр. и пр. и пр.; въ тюкахъ уложены были перины, подушки и одѣяла. Послѣ отправленія приданаго, мы завтракали или почти обѣдали, потому что тутъ были и супъ, и соусы, и жаркое, и пловъ и всѣ возможныя Грузинскія кушанья. Въ началѣ стола Священникъ читалъ, во услышаніе всѣхъ, рядную, т. е. реестръ вещамъ, даннымъ въ приданое; этотъ простой, патріархальный обрядъ освобождаетъ отъ засвидѣтельствованія рядной въ судебномъ мѣстѣ.

Послѣ завтрака, собрались всѣ разъѣзжаться—мы въ Телавъ, а прочіе вмѣстѣ съ молодыми къ нимъ въ Ахметы. Молодую посадили верхомъ на приведенную наканунѣ лошадь. Она была укутана, какъ мумія, съ ногъ до головы — и непонятно, какъ могла дышать: сверху накинутъ былъ длинный красный плащъ, а голова и шея обвязаны большими шелковыми платками, такъ что лице почти все было закрыто, кромѣ глазъ.

В. Григорьевъ.

СѢВЕРНАЯ НОЧЬ.

(*А. Я. З — ой.*)

На Сѣверѣ мрачномъ туманы и хладъ,
Тускла тамъ луна золотая,
И звѣзды, какъ угли подъ пепломъ горятъ,
Огнистымъ лучемъ не играя,
И небо съ какою-то тяжкою мглой
Печально простерто надъ хладной землёй.

Тамъ дикой природы, въ болѣзненномъ снѣ
Ничѣмъ не прервется молчанье;
Лишь изрѣдка вѣтеръ взреветъ въ вышинѣ,
Иль слышно совы завыванье.
Тамъ часто, сердечной тоскою томимъ,
Бродилъ я по злаку сухому долинъ.

Макаровъ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Что дѣлать съ ней? Она мила!
Она меня съ ума свела;
Но голосъ сердца ей невнятенъ;
Но какъ Амуръ она слѣпа:
Языкъ любви ей непонятенъ,
А на другомъ . . . . она глупа!

В. Тепляковъ.

Одесса.
1830.

ОБЪЯСНЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ.

СТАТЬЯ I-я.

О духѣ партій; о литературной аристократіи.

Если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ, то въ Литературѣ нашей существуетъ какой-то духъ партій, силятся возстановить какую-то аристократію именъ. Указанія эти повторяются отголосками журнальными, но нигдѣ не объясняются убѣдительными доказательствами, а мнѣнія безъ ясныхъ уликъ остаются предубѣжденіями, предразсудками, незаслуживающими вѣры. Литература наша ограничена такимъ малымъ числомъ дѣйствій и дѣйствующихъ лицъ, что смѣшно искать въ ней явленій Литературъ обширныхъ и многолюдныхъ. Извѣстное слово *о буряхъ въ стаканѣ воды*, можетъ быть примѣнено и здѣсь. Впрочемъ встрѣчаются такіе охотники до бурь, что они ради искать ихъ и въ стаканѣ, помня пословицу, что хорошо ловить въ мутной водѣ. У насъ можно опредѣлить двѣ главныя партіи, два главные духа, если непремѣнно хотѣть ввести междоусобіе въ домашній кругъ Литературы нашей, и можно даже означить двухъ родоначальниковъ оныхъ: Ломоносова и Тредьяковскаго. Къ первому разряду принадлежатъ Литераторы съ талантомъ; къ другому Литераторы *безталанные*. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомысліемъ и сочувствіемъ? Мудрено ли, что Расинъ, Мольеръ, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли вѣроятно связь ихъ духомъ партіи, заговоромъ аристократическимъ. Но дѣло въ томъ, что потомство само пристало къ этой партіи и записалось въ заговорщики. Державинъ, Хемницеръ и Капнистъ, Карамзинъ и Дмитріевъ, Жуковскій и Батюшковъ, каждые въ свою эпоху современники и болѣе или менѣе совмѣстники, были также сообща главами тайнаго заговора дарованія, вкуса, противъ безвкусія, изящности противъ посредственности и ничтожества. Такіе естественные, необходимые по законамъ нравственной природы союзы, утѣшительны и назидательны. Знаемъ, что для иныхъ утѣшительнѣе было бы видѣть раздоръ между людьми, коихъ соединило само Провидѣніе, освятивъ ихъ печатью благородства, и избравъ ихъ орудіями благоволенія своего къ человѣчеству; но по счастію событія не оправдываютъ злонамѣренныхъ упованій завистливой посредственности. Союзъ людей, возвышенныхъ по своимъ дарованіямъ и нравственности, скрѣпленъ и освященъ самою природою: они союзники, а противники ихъ сообщники. Сообщничество сихъ послѣднихъ невѣрно, непрочно, какъ страсти, личныя выгоды, разчеты корысти, служащіе зыбкимъ основаніемъ симъ случайнымъ сдѣлкамъ. Если и были примѣры, что возвышенные Литераторы современные враждовали между собою и непріязнью своею утѣшали тайныхъ ненавистниковъ своихъ, то примѣры оные весьма рѣдки. Можно сказать рѣшительно, что у насъ ихъ и не было. Распри Ломоносова съ Сумароковымъ не идутъ къ дѣлу. Сумароковъ былъ раздражительное дитя; къ тому же въ немъ былъ умъ, но не было генія: слѣдовательно онъ могъ и не постигать высоты соперника своего. А въ другомъ отношеніи, онъ въ Ломоносовѣ не столько Поэта, сколько преобразователя языка ненавидѣлъ. Грамматическій старовѣръ, онъ чуждался, страшился новизны, какъ ереси; а гдѣ вмѣшается расколъ, тамъ разсудокъ и чувство побѣждаются предубѣжденіемъ. Кромѣ сего изключенія, которое впрочемъ не совсѣмъ безусловно, у насъ между Литераторами возвышенными господствовало согласіе, не возмущенное печальными разстройствами. Сойдите съ высоты, на которой являются они взорамъ нашимъ, сойдите на широкое поприще, усѣянное толпами: и тутъ вы найдете безпрерывную сшибку мѣлкихъ страстей, мѣлкихъ личностей, мѣлкихъ выгодъ. Не говоримъ уже о зыбкости отношеній сихъ задорныхъ Мирмидоновъ къ лицамъ, которыя на вершинѣ для нихъ недосягаемой, къ лицамъ, предъ которыми они стоятъ то на колѣнахъ, то въ забавномъ напряженіи кидаютъ предъ ними дѣтскую свою рукавичку: нѣтъ! слѣдуйте за движеніями ихъ отдѣльныхъ и частныхъ междоусобій, читайте журналы, сіи обличительныя хроники анархической Литературы нашей, въ коихъ написанное за годъ, за недѣлю, въ явномъ противорѣчіи съ написаннымъ сегодня, въ которыхъ вчерашній врагъ, готовится въ завтрашніе друзья и на оборотъ, и вы увидите, на которой сторонѣ заводятся партіи, заключаются и разстроиваются союзы. Мы уже сказали: разумѣется, есть аристократія дарованій. Природа дѣйствуетъ также въ смыслѣ нѣкотораго монархическаго порядка: совершеннаго равенства не существуетъ нигдѣ. Она также даруетъ законныя преимущества въ мірѣ физическомъ и нравственномъ: родятся силачи и хилые, стройные и горбатые, красавцы и уроды, умные и глупые, писатели и писачки, поэты и рифмоплеты. Природное, нравственное достоинство есть неотъемлемая собственность первыхъ, но превратность судебъ человѣческихъ часто низпровергаетъ въ дѣйствіяхъ послѣдствія непреложныхъ началъ. Случалось иногда горбатому быть счастливымъ соперникомъ красавца у своенравной женщины; иной разслабленный имѣетъ свою минуту торжества надъ силачемъ, и такъ далѣе. Лукавство, пронырство, ничѣмъ не возмущаемое постоянство, никакими средствами не пренебрегающая рѣшимость, вырывали иногда случайную побѣду изъ рукъ менѣе дѣятельнаго, болѣе безкорыстнаго достоинства. И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ Литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами Литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, овладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ и преклонить къ себѣ, если не уваженіе, то благосклонность, которая гораздо податливѣе перваго. Уваженіе какая-то сила скрытная, она оказывается медленно и безъ шума, растетъ и зрѣетъ современемъ: благосклонность нетерпѣливѣе, она дѣйствуетъ необдуманно, плодъ минуты, она и пожинается минутно. Справьтесь съ вѣдомостями нашей книжной торговли и вы увидите, что если одна сторона Литературы нашей умѣетъ писать, то другая умѣетъ печатать: а это умѣнье родъ Маіората, безъ коего аристократія не можетъ быть могущественна. Мы живемъ въ вѣкѣ промышлености: теоріи уступили поле практикѣ; надежды наличнымъ итогамъ. Видя, что многія худыя книги удаются лучше иныхъ хорошихъ, несправедливо было бы искать тому причины въ одной неосновательности публики. Невинность публики идетъ своимъ чередомъ; но воздайте и каждому свое: припишите часть успѣховъ сноровкѣ и ловкости Писателей. Кажется, нѣкоторые изъ нихъ и были уже провозглашены отъ друзей своихъ: ловкими товарищами. Напримѣръ, *Исторія Рускаго народа* и *Иванъ Выжигинъ*, сіи книжные близнецы нашего времени, сіи Иванъ и Марья въ царствѣ литературнаго прозябенія, имѣли гораздо болѣе разхода, чѣмъ нѣсколько другихъ твореній, заслуживающихъ истинное уваженіе. Такимъ образомъ литературной промышлености, которая есть существенная аристократія нашего вѣка, нечего по пустому заботиться и кричать о такъ называемой аристократіи, которая чужда оборотовъ промышлености.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Записки Москвича. Книжка третья. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1830 (149 стр. въ 12-ю д. л.)

Любители легкаго чтенія, не требующіе большаго глубокомыслія въ наблюденіяхъ, яркой оригинальности въ описаніяхъ, довольствующіеся веселостью ума, взглядами почти всегда вѣрными, если не проницательными, разсказомъ часто острымъ, постоянно живымъ, найдутъ для себя пищу пріятную въ *Запискахъ Москвича.* Москва не Парижъ, можетъ быть и Москвичъ не Жуи; но за неимѣніемъ лучшаго, и хорошее должно быть въ цѣнѣ. Покрайней мѣрѣ можно сказать рѣшительно, что нравственно-сатирическія картины Москвича болѣе схожи съ подлинниками, болѣе имѣютъ живости и колорита, чѣмъ подобныя картины, встрѣчаемыя въ Телеграфѣ, или въ сочиненіяхъ Г. Булгарина. Статьи помѣщенныя въ сей третьей книжкѣ: *Газетный крикунъ, Экзамены — учители — ученики, Звѣрокъ новаго поколѣнія* и другія, указываютъ на многіе смѣшные недостатки, на многія карикатурныя лица современнаго намъ общества. Жаль только, что неточность въ мѣлкихъ подробностяхъ противорѣчитъ иногда общей истинѣ изображеній. Замѣтимъ напримѣръ одно: «Мы пріѣхали къ Графинѣ въ два часа: условленный часъ въ Москвѣ для пріѣздовъ на обѣды, потому «что почти вездѣ обѣдаютъ около трехъ часовъ.» Напрасно: къ блестящимъ Московскимъ Графинямъ, изъ числа коихъ приводится описанная въ статьѣ: *Англійскій клубъ*, не съѣзжаются на обѣдъ въ два часа. Ошибка, конечно, весьма маловажная, но самъ же Москвичъ, въ отрывкѣ: *Театральные костюмы*, весьма справедливо нападаетъ на театральные анахронизмы, театральныя невѣрности нашей сцены: въ статьяхъ, изображающихъ нравы, должно также держаться строгой буквальной истины. Безжизненность, такъ сказать, безличность большей части свѣтскихъ картинъ нашей литературной живописной школы, происходитъ именно отъ невѣрности подробностей. Страсти, пороки, глупости людскія почти вездѣ одни и тѣ же: одна обстановка оныхъ придаетъ имъ краски мѣстности и времени. — Въ *Звѣркѣ новаго поколѣнія* остроумно и живо выставлено смѣшное педантство, запальчивая полуученость неофитовъ просвѣщенія, которые, выучившись разбирать кое-какъ Французскіе энциклопедическіе Журналы, думаютъ съ ребяческимъ простодушіемъ, что узнанное ими сего дня никому не было извѣстно вчера. Въ устахъ и подъ перомъ этихъ людей какъ смѣшны торжественные клики о успѣхахъ поколѣнія, о исполинскомъ ходѣ времени. Конечно успѣхи поколѣнія нашего несомнительны, ходъ вѣка непреложенъ; но вы, господа, что о томъ знаете? Для васъ и старина еще не ушла: до васъ, можно сказать, еще и не дошла она. Какъ вы ни толкуйте о передовыхъ движеніяхъ, но вы все-таки запоздалые. Человѣкъ, который за обѣдомъ засталъ гостей за жаркимъ, все еще можетъ быть голоденъ, хотя и сядетъ рядомъ съ сытыми. Начать съ конца, не есть догнать другихъ: это значитъ, какъ бы сказать учтивѣе, это значитъ быть просто въ немудрыхъ. Слѣпцы отъ рожденія, эти выскочки нашего вѣка, добились, по милости Божіей и размноженію вспомогательныхъ средствъ изобрѣтенія и умственной промышлености, до удовольствія быть только кривыми: и увидя въ первый разъ солнце, думаютъ они, что они первые открыли его на небесной тверди и важно говорятъ слушающимъ: «Мы видимъ тамъ высоко, круглое, свѣтлое пятно, которое... и пр.» Между тѣмъ замѣтимъ Москвичу, что если упомянутая статья его хороша, то заглавіе ея неприлично. Оно сбивается на пошлыя шутки нашихъ журнальныхъ весельчаковъ, у которыхъ учиться нечему, а особливо же не искуству шутить вѣжливо и замысловато.

Основанія растительной Физики, въ приложеніи къ земледѣлію.

Соч. Боска, Вице-Президента Общества земледѣлія и искуствъ въ Департаментѣ Дубскомъ, во Франціи. Переводъ съ Французскаго. — Москва. Въ Универ. типографіи, 1830 (XVIII. и 165 стр. въ 12-ю д. л.)

Въ сей небольшой книгѣ вмѣщены свѣдѣнія о многихъ предметахъ: Физика растительная собственно составляетъ только $\frac{1}{5}$ часть (34 стр.); потомъ слѣдуетъ растительная Химія, свѣдѣнія изъ Химіи земледѣльческой и С. Хозяйства—о почвѣ, о средствахъ и способахъ удобренія оной, о полераздѣленіи, о земледѣльческихъ орудіяхъ, о сбереженіи въ прокъ растительныхъ и животныхъ веществъ, о сдѣланіи здоровыми жилищъ, объ управленіи хозяйствомъ. Г. Боскъ, какъ говоритъ самъ, *подобно пчелѣ извлекалъ факты и свѣдѣнія* изъ разныхъ книгъ, между прочимъ изъ сочиненія Деви: и въ статьяхъ его книги *прикладныхъ*, дѣйствительно много есть свѣдѣній и замѣчаній, кои могутъ быть полезны для Рускихъ читателей. Но Г. Боскъ имѣлъ другую цѣль. «Изученіемъ,» говоритъ онъ, «только неизмѣняемыхъ законовъ природы, за«мѣчаніемъ вліянія стихій на растительность и дѣй«ствій разныхъ родовъ удобреній на произрастаніе «можно усовершенствовать земледѣліе.» Словомъ, онъ требуетъ предварительнаго приготовленія себя въ Естествознаніи, для чего и предложилъ растительную свою Физику (*). Требованіе совершенно справедливое и цѣль полезная; но чтобы науку сдѣлать основаніемъ искуства и изъ нея вывести оное, надобно самому быть въ ней основательно-свѣдущимъ: Г. же Боскъ, какъ видно, принялся за дѣло, не имѣя самъ объ ономъ понятія. Для растительной Физики своей, при столь маломъ объемѣ оной, онъ извлекалъ свѣдѣнія не главныя, но такія, кои всего менѣе примѣнены могутъ быть въ пользу С. Хозяйства; притомъ изложилъ ихъ весьма сбивчиво и неопредѣленно, такъ что сія часть довольно полезной книги его весьма недостаточна и не имѣетъ достоинства ни собственнаго, ни относительнаго къ нашимъ читателямъ. Вотъ нѣсколько замѣчаній, въ доказательство нашего мнѣнія.

Въ двухъ первыхъ *урокахъ* разбираются условія произрастанія, коихъ изчислено семь. На вопросъ, какъ дѣйствуетъ *свѣтъ* на растенія? Въ отвѣтѣ находимъ, что *отъ дѣйствія только свѣта съ теплотою цвѣты и плоды получаютъ свой яркій цвѣтъ и прелестный запахъ* — и больше ничего. Съ нѣкоторымъ ограниченіемъ это допустить можно: только, что изъ этого частнаго замѣчанія выводится для земледѣлія? Иное дѣло, если бы Авторъ показалъ необходимость свѣта для цвѣтенія и плодотворенія, свойства его скрѣплять ткань растительную (въ противоположность теплотѣ), условливать жизненное направленіе надземныхъ органовъ, возбуждать жизнь многихъ органовъ къ химическому отрѣшенію изъ себя кислотвора (почему онъ не только не нуженъ для прозябенія зеренъ, но даже замедляетъ оное.)

Вліяніе *тяготѣнія* на растительную жизнь принадлежитъ къ высшей Физіологіи, но не имѣетъ никакого отношенія къ земледѣлію. Несправедливо, будто *корень всегда перпендикулярно углубляется въ землю*: если же корешокъ зародыша всегда стремится внизъ, какъ бы ни переворачивали его, то это болѣе показываетъ собственное качество жизни его, соотвѣтствующее тяжести, а не внѣшнее вліяніе на него тяготѣнія.

О *корнѣ* сказано, что онъ защищаетъ растеніе отъ *вѣтровъ* и *мороза*. Какимъ это образомъ? это скорѣе можно бы отнести къ пуху и другимъ наружнымъ покровамъ растенія. Далѣе: корни поглощаютъ пищу *трубочками, взаимно переплетшимися*. Это и непонятно и несправедливо; просто бы сказать, *концами корешковъ*: тогда бы можно было сдѣлать полезныя указанія на отношеніе корня почвы, къ истощенію оной. Опредѣливъ точнѣе назначеніе корня, нельзя было бы говорить, что *подрѣзываніе корней у растеній, назначенныхъ для пересадки*, *вредно*: въ садоводствѣ полагается правиломъ обрѣзываніе главнаго (такъ наз. *морковнаго*) корня у молодыхъ деревцовъ, при пересадкѣ ихъ.

При описаніи *ствола* сказано, что *кожица* (epidermis) назначена для очищенія коры отъ *насѣкомыхъ*! Отчасти, можетъ быть; но главное — отъ вліянія внѣш-

---

(*) Г. Шелеховъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ въ своихъ *Основаніяхъ земледѣлія* изложилъ полную космогонію, оперилъ всю природу; но какую принесла пользу, какое имѣетъ достоинство вся эта *умозрительная*, (или лучше сказать, *уморительная*) *часть* его сочиненія?— М. М.

нихъ стихій на внутреннюю ткань растенія, которая, будучи обнажена, болѣетъ.—*Корою* названа не собственно кора, а травянистая оболочка (enveloppe cellulaire de l'écorce, которую перевожу я словомъ *за̀зелень*, соотвѣтственно *заболони*), подъ кожицею или берестою на корѣ лежащая. О ней сказано, что въ клѣточкахъ ея *содержится вещество, наполненное зеленоватою жидкостію*, тогда какъ должно сказать: жидкость, наполненная зеленоватымъ веществомъ (хромулемъ).

При описаніи *листьевъ* сказано, что они выдыхаютъ кислотворъ (стр. 23). Но это совершается только при вліяніи свѣта, съ чѣмъ вмѣстѣ и излишняя влага испаряется; а ночью наоборотъ.

Подобныхъ замѣчаній какъ на сіи, такъ и на прочія статьи *Растительной Физики* (особенно о *плодѣ*) можно сдѣлать гораздо больше; но они были бы неумѣстны.

М. Максимовичъ.

СМѢСЬ.

Карлъ Францъ Фанъ-деръ-Фельдъ родился въ Бреславлѣ 27 Сентября 1779 года. Окончивъ науки во Франкфуртскомъ Университетѣ, онъ вступилъ въ гражданскую службу, былъ попеременно въ Бреславлѣ, Винцигѣ, Цобтенѣ Судьею и Предсѣдателемъ городоваго суда, и наконецъ возвратившись на родину въ Бреславль, прослужилъ годъ Юстицъ-Коммиссаромъ и Нотаріусомъ и умеръ 6 Апрѣля 1824, оставивъ по себѣ жену и трехъ дѣтей.

До 1816 года онъ слылъ, и самъ, по неодолимой страсти къ театру, хотѣлъ прослыть драматическимъ писателемъ. Его *Дикая охота* (das wilde Heer) было съ успѣхомъ представлено на Дрезденскомъ придворномъ театрѣ. Лирическое стихотвореніе: *Возвращеніе на родину* (die Heimkehr) и *Стихіи* (die Elemente) были помѣщены въ Дрезденской газетѣ: die Abendzeitung, и приняты благосклонно.— Сонеты его до сихъ поръ читаются съ удовольствіемъ.— Но съ 1816 года, по настоятельнымъ увѣщаніямъ издателя помянутой газеты Г. Гелля, замѣтившаго въ немъ талантъ повѣствовательный, онъ оставилъ драматическое поприще и занялся исключительно прозою повѣствовательною. Помѣщенныя въ помянутой газетѣ мѣлкія историческія повѣсти (начиная съ Акселя), были читаны съ жадностію, и въ короткое время содѣлали его любимцемъ Германской публики (*). Историческіе его романы и повѣсти были написаны имъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

А. въ Бреславлѣ: 1) Аксель, 2) Асмундъ, 3) Флибустьеръ, 4) Гунима, 5) Татарская битва (die Tartarenschlacht) и 6) начало Принца Фридриха.

В. въ Цобтенѣ: 7) Конецъ Принца Фридриха, 8) Завоеваніе Мексики (die Eroberung von Mexico), 9) Мальтійскій рыцарь (der Maltheser); 10) Лихтенштейнцы (die Lichtensteiner), 11) Анабаптисты (die Wiedertäufer), 12) Патриціи (die Patrizier), 13) Арведъ Гилленштирна (Arwed Gyllenstierna), 14) Театръ любителей (das Liebhaber-Theater,—одинъ не-историческій, въ юмористическомъ родѣ) и 15) Гвидо.

С. по возвращеніи въ Бреславль: 16) Богемская дѣвичья война (der Bömische Mägdekrieg), 17) Христина, 18) Гороскопъ, 19) Путешествіе посольства въ Китай (die Gesandtschaftreise nach China — писанное на одрѣ болѣзни).

Въ Англіи познакомились съ нимъ прежде, нежели во Франціи. Въ The universal Review, Мартъ 1824, съ извѣщеніемъ о *Патриціяхъ* (Дрезденъ 1823), выписаны изъ нихъ отрывки въ переводѣ и сказано: «сіе сочиненіе есть одно изъ лучшихъ въ родѣ Скоттовыхъ романовъ. Хотя и подражаніе въ отношеніи къ отдѣлкѣ, но по содержанію, оно совершенно оригинально. Дѣйствующія лица ужé не куклы, какъ бываетъ въ Нѣмецкихъ романахъ, но разсуждаютъ и поступаютъ, какъ живыя существа.» Въ 1826 году Георгъ Сонъ (Soane) перевелъ Патриціевъ и помѣстилъ ихъ въ своемъ собраніи Нѣмецкихъ романовъ: Specimens of german romances. За нимъ неизвѣстный перевелъ *Арведа*, издавъ его особо. Litterary-Gazette 24 Февраля 1827 отнеслась объ Арведѣ такъ: «сей романъ стòитъ этого отличнаго перевода. Онъ увлекателенъ тамъ, гдѣ изображаются нѣжныя чувства, и напоминаетъ пріятно истины тамъ, гдѣ говорится о заблужденіяхъ ума и сердца. Онъ служитъ новымъ опроверженіемъ упрековъ нашихъ Нѣмецкой школѣ.»

До 1826 года, Фанъ-деръ-Фельдъ былъ знакомъ Французамъ по весьма плохимъ переводамъ. Но въ этомъ году Лоэвъ-Веймаръ (Loève-Veimars) предпринялъ переводъ всѣхъ его историческихъ романовъ въ 25 томахъ, подъ заглавіемъ: Romans historiques de C. F. Van-der-Velde. При выходѣ перваго отдѣленія, состоявшаго изъ Патриціевъ, Анабаптистовъ и Арведа, рецензентъ въ Revue Encyclopédique, Сентябрь 1826, отнесся между прочимъ такъ: «Сочиненія его (Ф. Д. Фельда) начинаютъ пріобрѣтать благоволеніе читающей публики, благодаря вкусу и вѣрности переводчика. Въ *Патриціяхъ* сочинитель изобразилъ борьбу дворянъ съ мѣщанами въ Швейдницѣ... Большая часть характеровъ набросана легкими чертами; но всѣ почти сцены написаны сильно, предметъ оживленъ, и вниманіе рѣдко отвлекается отступленіями... *Арведъ* переноситъ насъ въ Швецію и Норвегію, въ станъ Карла XII... Сочинитель оставляетъ на время исто-

---

(*) Ошибочно иные называли его подражателемъ В. Скотта. Онъ не подражалъ,—и не могъ подражать ему, ибо изъ писемъ его къ Геллю видно, что онъ въ первый разъ прочиталъ Кенильворта въ переводѣ въ 1821 году, когда ужé большая часть романовъ его была написана.

ріо, выводя на сцену Шотландца съ шайкою разбойниковъ... Изложеніе обстоятельнѣе и полнѣе, но мѣстныхъ красокъ менѣе, нежели въ первомъ романѣ, который мы изъ трехъ считаемъ лучшимъ.» При изданіи четвертаго отдѣленія, состоявшаго изъ Принца Фридриха, Посольства въ Китай и Завоеванія Мексики, тотъ же Французскій рецензентъ говоритъ такъ: «Нѣмецкій Валтеръ Скоттъ являетъ въ сихъ произведеніяхъ новое разнообразіе красокъ, завлекающихъ вниманіе читателя.— Искусному выбору предметовъ и новости изложенія Фанъ-деръ-Фельдъ одолженъ лестнымъ пріемомъ его сочиненій въ Германіи и Франціи»

Переведенная мною *Богемская дѣвичья война* одного содержанія съ драмою его: *Богемскія Амазонки*, которая не имѣла успѣха на Дрезденскомъ театрѣ (въ 1819) по разнымъ причинамъ: между прочими самъ Ф.д. Фельдъ въ письмѣ своемъ къ Геллю (отъ 7 Февраля 1819) полагаетъ слѣдующее: «Сказать правду, Амазонки были писаны для театра любителей, и только по убѣдительной просьбѣ одного изъ моихъ друзей-литераторовъ, посланы на Дрезденскую сцену. Недостатокъ въ томъ, что изложеніе слишкомъ коротко, и что въ два дѣйствія втиснуто слишкомъ много происшествій. —Неудача охладила во мнѣ страсть къ театру: тѣмъ охотнѣе примусь за прозу повѣствовательную.» И дѣйствительно Амазонки были послѣднимъ его драматическимъ произведеніемъ, которое онъ въ 1823 году переложилъ удачно въ повѣсть историческую. Въ письмѣ своемъ къ Геллю (отъ 14 Іюня 1823) онъ говоритъ такъ: «Меня радуетъ, что моя *Дѣвичья Война* вамъ понравилась. Правда, что для нѣжныхъ душъ она можетъ показаться отчасти грубою, особенно для женщинъ, которыя выставлены въ ней не съ выгодной стороны... Но я невиноватъ: при выводѣ на сцену такой глубокой старины, разумѣется, предметы должны рисоваться въ своемъ, отчасти странномъ видѣ;— къ тому же я во всемъ слѣдовалъ вѣрно Исторіи и преданію.»

Переводч. Богем. дѣвичьей войны.

Всѣ благоразумные люди предвидѣли, что дружбѣ *Телеграфа* съ *Сыномъ Отечества* недолго сдобровать; но никто не могъ угадать, что союзъ сей, недавно заключенный, рушится такъ скоро. Вотъ слова изъ *Сына Отечества* (No 15, 1830 года, стран. 165), которыя, какъ бомба, пущенная въ непріятельскій станъ, возвѣстили крутой и неожиданный разрывъ перемирія: «*Нынѣ нѣкто Г-нъ Николай Полевой, въ сочинительскомъ пылу о дарованіяхъ и знаніяхъ своихъ возмечтавъ, первый томъ Исторіи Русскаго народа напечаталъ, и тамъ равномѣрно свои суесловія о происхожденіи Руссовъ помѣстилъ.*» Понимаемъ, что *Сыну Отечества*, какъ Журналу заслуженному, пользующемуся нѣкоторымъ вниманіемъ, основаннымъ покрайней мѣрѣ на правѣ давности, не возможно было изъ уваженія къ себѣ и читателямъ своимъ не сказать наконецъ искренняго мнѣнія своего о худой и незрѣлой компиляціи, изданной подъ именемъ *Исторіи Рускаго народа*; понимаемъ также въ этомъ отношеніи и совѣстливое молчаніе *Телеграфа* о романѣ: *Димитрій Самозванецъ*, которое впрочемъ, можетъ быть, также скоро разорвется нечаянною бомбой; но во всякомъ случаѣ, въ слѣдствіе правилъ, уже нѣсколько разъ изложенныхъ въ *Литературной Газетѣ*, мы не одобряемъ личностей и непристойныхъ выходокъ, хотя бы предметами оныхъ были и люди, коихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчіи съ нашими. Выраженіе: *нѣкто Г-нъ Николай Полевой*, есть выраженіе не литераторское, не вѣжливое. Осуждайте твореніе, но имѣйте всегда уваженіе къ лицу.

ОПЕЧАТКИ ВЪ №. 22.

Стр.	столбц.	строк.	*напеч.*	*читай.*
174	2	10 (*въ примѣчаніи*)	*изъ*	*изо*
—	—	17 (*тамъ же*)	Dans les anciens manuscrits slavons: on trouve	Dans les anciens manuscrits slavons on trouve
—	—	20 (*тамъ же*)	extrènement	extrêmement
175	2	7	этилогической	этимологической
—	—	11 (*въ примѣч.*)	an lieu	au lieu
176	2	16 (*тамъ же*)	constamment figuré ainsi *ъ*	constamment figuré ainsi: *ъі.*
—	—	17 (*тамъ же*)	en retranchant le *ъі.* du mot предъидущій,	en retranchant le *ъ* du mot: предъидущій,
177	2	21	*Ьахчисарайскій*	*Бахчисарайскій*
—	—	4 (*въ примѣч.*)	pour chercher à me nuire	pour me chercher noise.

При семъ No прилагается снимокъ собственноручнаго письма Барона А. Гумбольдта.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 20-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМ. I. № 24. АПРѢЛЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Маіѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-*го числа* (*въ Четвертокъ*), — 6-*го* (*во Вторникъ*), — 11-*го* (*въ Воскресенье*), — 16-*го* (*въ Пятницу*), — 21-*го* (*въ Среду*), — 26-*го* (*въ Понедѣльникъ*) *и* 31 (*въ Субботу*).

ДВѢ СЕСТРЫ.

(*Повѣсть.*)

На сѣверномъ концѣ Англіи, есть значительный участокъ земли, теперь запустѣлый, но нѣкогда составлявшій помѣстья двухъ богатѣйшихъ семействъ изъ тамошней провинціи. Этотъ участокъ земли нынѣ извѣстенъ подъ именемъ *Покинутыхъ полей.* Помянутыя семейства, принуждены бывъ по обстоятельствамъ, о коихъ здѣсь будетъ разсказано, оставить наслѣдственныя жилища своихъ предковъ, поручили надзоръ за ихъ помѣстьями корыстолюбивымъ управителямъ, и скоро мызники, истощенные непомѣрными требованіями сихъ мѣлкихъ хозяевъ, отказались отъ возобновленія своего найма. Кустарники и плетни, разтасканные бѣдняками, которые запасали изъ нихъ себѣ на зиму вязанки для отопленія, скоро изчезли. Репейникъ и крапива поросли густымъ и безплоднымъ лѣсомъ на сихъ поляхъ, нѣкогда плодородныхъ. Иногда воры, Цыганы и похитители дичи искали тутъ убѣжица; но кромѣ сихъ зловредныхъ гостей, на этихъ поляхъ жили только робкіе зайцы, ласточки и лисицы.

Отъ двухъ зàмковъ остались теперь только двѣ развалины. Когда люди, которымъ поручено было смотрѣніе за сими зàмками, увидѣли, что съ нихъ не требовалось никакого отчета, и что совершенно забыты были и ихъ должность, и они сами; тогда они не заботились больше о поправкѣ и содержаніи въ порядкѣ строеній, о которыхъ не заботились и сами владѣльцы. Время и непогоды сговорились довершить разореніе, котораго никто не думалъ отвращать. Окна были изломаны, двери сгнили и повалились. Кочевые жильцы сихъ преждевременныхъ развалинъ, сторожа переселялись изъ одной комнаты въ другую, куда разрушеніе гналось за ними, чтобъ и оттуда ихъ выжить. Наконецъ большая пріемная зала сдѣлалась послѣднимъ убѣжищемъ управителей: Турецкіе ковры носили на себѣ слѣды ихъ шаговъ; атласъ и бархатъ на диванахъ были добычею зубовъ молодыхъ охотничьихъ собакъ, которыя извѣдывали свои силы тѣмъ, что рвали въ клочки сіи пышныя ткани. Корнизы и обои осыпались и ободрались; фамильные портреты обломили гвозди, на коихъ держались; обнаженная кровля пропускала дождевую течь, которая, размывая штукатурку, проходя сквозь доски потолка и разрушая самыя твердыя части зданія, довершала порчу онаго. Когда не было уже средства въ немъ оставаться, тогда управители покинули его и не позабыли унести съ собою мёбелей, которые, избѣгнувъ общаго разрушенія, украсили новое мѣсто жительства сихъ вѣрныхъ и безкорыстныхъ служителей.

Такъ кончилась древняя слава двухъ зàмковъ: Геронклифа и Газледелля. Они видны еще и донынѣ: и тотъ и другой равномѣрно разрушены, но все еще стоятъ, какъ два упорные бойца, которыхъ долгое единоборство не могло совершенно истощить. Стѣны ихъ, покрытыя мхомъ и разпещренныя тысячью красокъ, являются глазамъ на разстояніи одной мили. Никакое живое существо не населяетъ ихъ пустыни, не оживляетъ своимъ присутствіемъ опустошенныхъ мѣстъ, коими они окружены: развѣ только перелетные воробьи описываютъ надъ старыми, полуразвалившимися стѣнами своенравныя извилины ихъ полета; развѣ только два-три вѣковые вòрона прилетаютъ искать корму въ густыхъ кустарникахъ. Что касается до окружныхъ поселянъ, то для нихъ сіи запустѣлыя мѣста предметъ ужаса, проклятая земля, на которую они не осмѣливаются ступать.

Послѣдній владѣлецъ Газледелля былъ старый холостякъ весьма страннаго характера. Всѣ его любили и никто не могъ съ нимъ ужиться. Онъ былъ вспыльчивъ, доброжелателенъ, брюзга, спорщикъ и благотворителенъ; всѣхъ родныхъ своихъ онъ отъ себя разогналъ: одного за то, что сей старался смягчить его въ пользу несостоятельнаго должника, которому онъ и безъ того хотѣлъ простить долгъ; другаго за то, что онъ раздавалъ неимущимъ, слишкомъ скупою рукой, назначенную для нихъ старикомъ милостыню; третьяго, что онъ слишкомъ легко далъ у себя выиграть партію въ шахматы; четвертаго, что онъ изъ учтивости прекратилъ споръ, въ которомъ нашъ старичокъ подтверждалъ невѣроятное дѣло вздорными доказательствами. Одинъ только въ мірѣ человѣкъ имѣлъ ключь къ этому странному характеру: то былъ его племянникъ, вѣрный товарищъ и подпора его преклонныхъ лѣтъ. Онъ умѣлъ *держать его въ рукахъ*, по народной поговоркѣ, и дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ. Тонкое чувство ему нашептывало, до какой степени слабости и смѣшныя стороны дяди сносили шутку, и гдѣ должна была остановиться свобода обхожденія, дозволенная отъ него своимъ пріятелямъ. Никогда не напоминалъ онъ старику объ его лѣтахъ, изгнавъ въ обращеніи своемъ съ нимъ то холодное почтеніе, ту чинную вѣжливость, которыя намекаютъ пожилому человѣку его права и его отчужденіе отъ молодыхъ людей. Искусный угождать своему дядѣ, онъ по своей волѣ заставлялъ его переходить отъ досады къ веселости, отъ веселости къ важности; поперемѣнно забавлялъ и выводилъ его изъ терпѣнія, и сообщалъ однообразному ходу дней, проводимыхъ у камина, всю пріятность живаго разнообразія. Когда Вибертъ (такъ его называли) уѣзжалъ на время куда нибудь по сосѣдству, то возвратясь, разсказывалъ дядѣ о своей поѣздкѣ такъ весело, такъ живо, что добрый старикъ не жаловался уже на полетъ времени, и вмѣсто того, чтобы бранить своего племянника за долгую отлучку, онъ какъ будто бы находилъ въ забавныхъ его разсказахъ новый запасъ силъ на завтрешній день, невѣдомое подкрѣпленіе жизни.

Надобно сказать, что Вибертъ, сынъ меньшаго старикова брата, не имѣлъ никакого званія, ни состоянія, и чѣмъ больше онъ становился необходимъ для своего дяди, тѣмъ больше сей послѣдній, живо чувствовавшій сію необходимость, не соглашался, чтобъ Вибертъ избралъ какое-либо доходное званіе, которое отдалило бы его отъ Газледелля. Безпечный, какъ обыкновенно бываютъ молодые люди двадцати-трехъ лѣтъ, одаренный пылкимъ характеромъ и душею благородною, молодой человѣкъ ни сколько не заботился о томъ, что съ нимъ будетъ. Пригожество лица, любезная откровенность поступковъ, привѣтливость въ дѣлахъ и рѣчахъ, были причиной, что его повсюду принимали съ удовольствіемъ; и дѣвушки-невѣсты, если вѣрить хроникѣ, не однажды дѣлали выгодныя замѣчанія на счетъ стройности его стана, бѣлизны его тѣла и цвѣта темнорусыхъ, кудрявыхъ волосъ его. Когда Вибертъ являлся на балѣ (*), то всѣ прекрасные глазки умильно на него посматривали; сельскіе *джентлемены* собирались вокругъ нашего героя; и не одна замшевая перчатка, поперемѣнно скидаемая и надѣваемая, чтобы болѣе выказать бѣлизну бѣленькой ручки, вотще манила къ себѣ вниманіе юноши, всегда любезнаго въ обхожденіи, но столь же нечувствительнаго къ красотѣ женской, какъ Ипполитъ Эврипидовъ.

Сіи дѣвицы, обманутыя въ своихъ надеждахъ, могли утѣшаться тѣмъ, что и подруги ихъ не были счастливѣе. Къ тому же, завоеваніе молодаго Виберта Газледелля, сколько бъ ни было оно блистательно, не одно льстило ихъ надеждамъ: наслѣдникъ Геронклифа, молодой Маркусъ, бралъ преимущество надъ Вибертомъ въ отношеніи къ богатству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скрытныхъ людей, которые всю жизнь свою, кажется, заняты тѣмъ, чтобы проникать въ душу другихъ, не допуская проникнуть въ самихъ себя; впалые глаза его, низкій сжатый лобъ и приплюснутыя губы обезображивали черты лица, впрочемъ правильныя, но лишенныя пріятности и выраженія. Матушки находили его умнымъ и скромнымъ; молодые люди лицемѣромъ. Онъ не любилъ общества, всегда окруженъ былъ сворами собакъ и псарями своими; ничто не показывало въ немъ благородныхъ наклонностей, души, способной къ пожертвованіямъ и дружбѣ. Однако же нѣкоторые снисходительные люди, и въ числѣ ихъ Вибертъ, оправдывали его противъ сихъ обвиненій, которымъ подвергали его наружность и привычки. Вибертъ утверждалъ, что сія застѣнчивость, слѣдствіе несовершеннаго воспитанія, въ которомъ сознаніе было тягостно для Маркуса, заслуживала болѣе сожалѣнія, нежели ненависть. Благосклонное сіе замѣчаніе было не вовсе несправедливо; но оно не заключало въ себѣ окончательнаго изображенія сего характера, черты, служившей ему основою.

Маркусъ былъ завистливъ отъ природы; онъ безпрестанно сравнивалъ себя съ другими, и чувство его несовершенствъ не только не внушало ему смиренія, но разжигало въ его душѣ всѣ ненавистныя страсти. Недовѣрчивость его каждую минуту доставляла ему случаи къ потаенной злобѣ, причины къ пожиравшей его досадѣ: онъ всѣхъ почиталъ своими врагами, повсюду видѣлъ или козни, или насмѣшку и колкости. Малѣйшее противорѣчіе, выраженное безъ обиды, казалось ему оскорбленіемъ. Откровенный нравъ молодаго Виберта Газледелля представлялъ странную противоположность съ этою мрачною душею, съ симъ умомъ подозрительнымъ. То, что должно бъ было породить въ сихъ молодыхъ людяхъ взаимное отвращеніе, сдѣлалось источникомъ ихъ пріязни. Они понравились одинъ другому тѣмъ, что не походили другъ на друга. Они вмѣстѣ охотились, посѣщали одни домы, пріѣзжали вмѣстѣ на балы; присутствіе и дружба Виберта ободряли Маркуса и придавали ему нѣсколько болѣе развязности и смѣлости. Что касается до Виберта, онъ, утомленный брачными видами матушекъ и дочекъ, радъ былъ тому, что

(*) County-ball, родъ *редутовъ* или собраній по подпискѣ.

могъ имъ ставить вмѣсто себя другую приманку и тѣмъ отвлекать ихъ вниманіе.

Впрочемъ, равнодушіе Виберта не на всѣхъ вообще простиралось; сія холодность, приводившая въ отчаяніе всѣхъ красавицъ тамошняго Графства, не должна быть приписываема глубокой его мудрости. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Газледелля жило одно семейство высокаго рода, но любившее образъ жизни простой и уединенный. Жители Сильвермера (такъ назывался малый сей замокъ, стоявшій надъ озеромъ того жь имени) искали только семейнаго счастія, подъ кровомъ собственныхъ Пенатовъ. Двѣ юныя сестры, Марія и Эдитъ, украшали сіе уединеніе: у младшей, Маріи, были черные глаза, стройный, гибкій станъ, правильныя, тонкія черты лица и все это было совокуплено съ необыкновенною пріятностію. Эдитъ, съ долгими бѣлокурыми волосами, ростомъ немного поменьше сестры своей, любила смѣяться, прыгать, и бывъ самою остроумною рѣзвушкой, еще более возвышала сею противоположностію ту прелесть и ту задумчивую степенность, которыхъ лице и вся наружность Маріи носили на себѣ печать. Вибертъ, познакомясь съ этимъ домомъ и бывъ весьма дружески принятъ старшими членами семейства, сделался любимымъ гостемъ въ Сильвермерѣ. Чистосердечная веселость Эдиты скоро заставила его обходиться съ нею безъ чиновъ; но при Маріи, более молчаливой, болѣе тихой, болѣе скромной, онъ чувствовалъ какое-то тайное волненіе, котораго не могъ преодолеть, и которое даже не всегда могъ онъ скрыть.

— «Что это, юный рыцарь?» говорила ему Эдитъ: «зачѣмъ этотъ пасмурный взглядъ? Или вы боитесь, не готовятъ ли вамъ семейство и замокъ Сильвермеръ тѣхъ скрытыхъ сѣтей, тѣхъ потайныхъ ловушекъ, которыми Романисты наполнили замки Апеннинскіе? Напрасно боитесь: мы добрые люди. Отецъ и мать наши, по чудесной своей прозорливости, прежде времени открыли ранніе таланты дочерей своихъ, и за то избаловали ихъ, какъ видите. И сами скажите: не совершенный ли я образецъ воспитанія? Я дѣлаю, что хочу: противорѣчу другимъ, какъ могу; не слушаюсь никого; и начиная съ моего отца до васъ, отдаю всѣмъ мои полновластныя приказанія. Что касается до меньшой сестры моей, Маріи, она такой же баловень, какъ и я, только въ другомъ родѣ. Это вѣрный сколокъ Сира Карла Грандиссона. Она ничего не сдѣлаетъ, не разсудивъ, ни чего не скажетъ, не подумавъ; такъ видите ли, она ни въ чемъ на меня не похожа. Однако же, сказать между нами, достоинства ея не далеко ушли впередъ. Она отдаетъ всѣ свои деньги добрымъ старушкамъ поселянкамъ, которыя разжалобливаютъ ее своими бѣдами, и которыя истрачиваютъ на любимую свою водочку подаянія моей сестрицы. Иногда же какая нибудь молоденькая дѣвушка, не имеющая дневнаго пропитанія, выпрашиваетъ у Маріи два-три шиллинга для старика отца своего; а эти шиллинги идутъ на исполненіе наряда неимущей героини, и она, въ следующее воскресенье, приходитъ въ церковь, вся разцвѣченная красными лентами. Не знаю, право, какой ангелъ слетитъ съ горнихъ мѣстъ, чтобъ удовольствовать всѣ желанія и выполнить всѣ затѣи бедной сестры моей. Она желала бы міра совершеннаго, и отъ того приходитъ въ отчаяніе. Я такъ думаю найти свѣтъ, каковъ онъ есть, и покрайней мѣрѣ не обманусь. Но Марія, иное дѣло! между нашими дѣвицами, которыя всѣ соперницы другъ съ другомъ и всѣ ревнивы, и между нашими провинціяльными Франтами, которые переносятъ отъ одной красавицы къ другой свою неизменную вѣрность, — скажите, какъ ей быть? Монастырь одно для нея убежище! Изъ этого я заключаю, Г. Виберте, что обѣ мы очень дурно воспитаны, а сестра моя еще хуже меня. Это не должно однако жъ быть вамъ помѣхой тогда пріѣзжать къ намъ.»

Легко понять, что Вибертъ охотно воспользовался такимъ позволеніемъ. Отецъ Эдиты и Маріи часто отлучался по дѣламъ въ Лондонъ; мать ихъ была больна и не выходила изъ комнаты. Любезность молодаго человека разгоняла скуку двухъ сестеръ; онѣ ждали его нетерпѣливо; онѣ скучали, когда онъ уѣзжалъ. У Эдиты съ Вибертомъ было сообщество забавъ, веселости, проказъ, рѣзвостей; но съ Маріей у него основывалась мало по малу, и незавѣдомо тому и другой, склонность болѣе скрытная, болѣе таинственная. Известно, какое страшное сцѣпленіе страховъ, чувствованій, желаній и волненій, основываетъ сіи незрѣлыя связи, которыя становятся неразрывными, прежде чѣмъ мы подумали скрѣпить или разорвать ихъ. Взаимное довѣріе привязывало Марію къ Виберту, тогда какъ не было еще между ними рѣчи о любви. Вибертъ, безъ состоянія и званія, не могъ требовать руки Маріиной.

Тогда-то, разсуждая о новой своей связи и объ искренней, сильной любви, зажженной въ немъ молодою дѣвушкой, онъ думалъ съ важностію о положеніи, въ которомъ находился. Время было ему избрать какое-либо званіе, приготовить для себя прочную будущность и положить предѣлъ той жизни праздной, которая могла его довести только до позднихъ, долговременныхъ сѣтованій и мѣшала ему честнымъ образомъ упрочить жизнь свою. Пойдетъ ли Марія за человѣка, у котораго всѣ житейскія средства переходчивы и невѣрны, который всего долженъ надѣяться только отъ причудъ стараго дяди, и который не можетъ дать женѣ своей ни имени, ни достатка, ни самобытнаго положенія въ свѣтѣ?

Въ одинъ вечеръ, возвратясь изъ Сильвермера, Вибертъ рѣшился наконецъ попытаться, ввѣрить дядѣ свои опасенія, свои виды и намѣренія. Дядя сидѣлъ протянувшись въ большихъ своихъ креслахъ; ноги его обуты были въ просторныя туфли. Крупный Ноябрскій дождь стучалъ по стекламъ залы, большой огонь разложенъ былъ въ большомъ каминѣ. Вибертъ счелъ эту минуту благопріятною.

— « Вибертъ, » сказалъ дядя племяннику: « гдѣ ты побывалъ сегодня?

— « Я былъ въ Сильвермерѣ.

— « Мнѣ сказывали, что ты не пропускаешь ни одного дня, чтобъ туда не ѣздить.... Что ты тамъ видишь?

— « Марію Сильвермеръ.

— « А, а!... Ты говоришь, племянникъ, что она хороша лицемъ, что она не глупа и скромна. Для чего жъ ты не женишься на ней? Она бы здѣсь разливала намъ чай, и мы бы славно зажили.

— « Охъ! этого бы только я и желалъ. Да у меня нѣтъ достатка.

— « Можно удвоить твою пенсію.

— « Любезный дядюшка! Я думаю, что родители Маріи отдадутъ ее только за того, кто можетъ ее ввести въ свой собственный домъ и дать ей порядочное состояніе.

— « И это можемъ мы сдѣлать, Вибертъ. Раздѣлимъ домъ пополамъ; онъ вѣдь не малъ. Кирпичъ да известь все дѣло уладятъ. Раздѣлимъ все: конюшни, сараи, лошадей; велимъ поправить карету и поновить фамильные гербы. Ну, словомъ, какъ тебѣ вздумается, дружокъ. Дѣлай всякія перемѣны, какія почтешь за лучшія. Я все напередъ одобряю. Ты хорошо велъ себя въ отношеніи ко мнѣ, ты утѣшалъ меня на старости. Я скученъ и часомъ угрюмъ, а ты меня не покинулъ: справедливость требуетъ, чтобъ ты ничего отъ этого не потерялъ.

— « Любезный дядюшка! это новое доказательство вашей щедрости еще болѣе усиливаетъ мою благодарность, и увѣряю васъ, что мнѣ не было въ немъ нужды, чтобы чувствовать все, чѣмъ я вамъ обязанъ. Клянусь вамъ, мнѣ и въ мысли не приходило собрать новую подать съ вашей благотворительности. Я хотѣлъ только посовѣтоваться съ вами и узнать: не думаете ли вы, что мнѣ пора уже выбрать какое-либо званіе и тѣмъ обезпечить себя на будущее время?

— « Какое-либо званіе, съ которымъ бы ты долженъ былъ оставить Газледелль!

— « Да, мнѣ кажется, что всякая должность несовмѣстна съ моимъ здѣсь пребываніемъ. »

Лице дяди вспыхнуло багровою краской; онъ нахмурилъ брови.

— « Вибертъ хочетъ меня покинуть на старости моей, когда у меня на одного его была надежда! отнять у меня послѣднее удовольствіе, единственную мою подпору! Оставить меня на волю наемниковъ, которые станутъ меня обкрадывать, и которымъ я напрасно буду дѣлать всякое добро, ибо ничѣмъ ихъ не успѣю привязать къ себѣ. Подумай объ этомъ, Вибертъ, и скажи мнѣ, какое званіе, какія надежды обогащенія могутъ пойти въ сравненіе съ этими мыслями? Подожди еще нѣсколько мѣсяцевъ, другъ мой, а можетъ быть и нѣсколько недѣль: дай твоему дядѣ мирно сойти въ могилу. Увѣряю тебя, что ожиданіе твое потянется не надолго.... Я умѣрю мои расходы, стану для тебя копить деньги, отпущу всѣхъ моихъ старыхъ служителей.... И если мнѣ нельзя передать тебѣ наслѣдства, которое законъ и справедливость назначаютъ другимъ; то по крайней мѣрѣ я могу сберечь для тебя значительную сумму денегъ, чтобъ вознаградить тебя по смерти моей и замѣнить то, что могъ бы ты пріобрѣсти, вступивъ, какъ ты говоришь, въ какую-либо должность.... Со всѣмъ тѣмъ, Вибертъ, если ты непремѣнно хочешь уѣзжать отсюда, такъ съ Богомъ, уѣзжай. Я лучше согласенъ лишиться тебя и остаться здѣсь одинъ покинутымъ, жалкимъ и хворымъ старикомъ, нежели держать при себѣ такого человѣка, который поминутно желалъ бы моей смерти, какъ лучшаго блага.... «

Было бы безполезно пуститься въ разсужденія съ этимъ старикомъ, котораго волненіе было столь сильно, что крупныя слезы текли по морщиноватымъ щекамъ его.

— « О, нѣтъ! « вскрикнулъ Вибертъ голосомъ подавляемаго отчаянія: « успокойтесь, любезный дядюшка, и пожалуйста не мучьте себя больше. Марія найдетъ себѣ жениха повыгоднѣе меня; а я.... я останусь съ вами, какъ и прежде. «

Съ этой минуты, Вибертъ всячески старался утушить любовь, которая должна была причинить несчастіе Маріи и ему самому. Онъ сталъ гораздо рѣже посѣщать Сильвермеръ и обходиться тамъ не столь коротко, какъ прежде; пересталъ брать участіе въ забавахъ двухъ сестеръ. Онѣ замѣтили эту перемѣну въ обхожденіи; и Марія, соглашаясь, что благоразуміе требовало, а приличіе одобряло сіи предосторожности, была однако жь тѣмъ огорчена. Двѣ сестры, которыхъ родители дотолѣ не вывозили еще въ свѣтъ, сдѣлали первое вступленіе въ оный; удивленіе, возбужденное ихъ красотою, доставило имъ многихъ искателей. Эдитъ, живою своею веселостью, привлекала ихъ, но не подавала имъ надежды. Марія была только холодна, скромна и соблюдала свѣтскія условія. Румянецъ ея щекъ замѣнился блѣдностью, обличавшею состояніе души ея. Улыбка ея была печальна. Вибертъ никогда не являлся на тѣхъ балахъ, гдѣ она находилась; а ей пересказывали, будто бы онъ отличался на тѣхъ, гдѣ ея не было.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ* No).

СТАРИЦА ПРОРОЧИЦА.

(*Барону Дельвигу.*)

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ;
Подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ,
Молвилъ слово ей съ поклономъ:
«Загадай ты мнѣ на счастіе,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркаютъ,
Плачетъ въ теремѣ невѣста!
— «Гой еси ты, красный молодецъ!
Есть одна теперь невѣста,
Есть одна, — Святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами,
И омойся алой кровью.
Обручися ты съ невѣстою:
За Шалонью ляжь костями.
Если ты мечемъ не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вѣче, не на родину —
А прійдешь ты на неволю!«

* * *

Трубы звучатъ за Шалонью рѣкой:
Грозно взвѣваютъ Московскіе стяги!
Съ радостнымъ кликомъ Софіи Святой
Стала дружина,—и полный отваги,
Ринулся съ берега всадниковъ строй:
Съ шумомъ разхлынулись волны, вскипѣли;
Двинулась пѣна сѣдая грядой
Строи смѣшались; мечи загремѣли;
Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ,
Съ трескомъ въ куски разлетаются брони:
Кровь потекла . . . Разъяренные кони
Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ.
Стелятся трупы на берегъ Шалони . . .
. . . .
. . . .
Кровью дымилося поле; стихалъ
Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не услышалъ! . . . .

* * *

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Не пройдетъ ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ!
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило,
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью...»
Что? прошелъ ли добрый молодецъ?
Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?

~~Пушкинъ~~

А. Одоевскій

МНѢНІЕ ИТАЛЬЯНЦЕВЪ
о создающейся Европейской Словесности. (*)

Послѣдніе сорокъ лѣтъ общихъ опасностей, потерь и перемѣнъ произвели то, что отнынѣ народы соединенными только силами могутъ успѣвать въ просвѣщеніи. Раздался всюду голосъ: не всѣ ли мы носимъ на челѣ своемъ печать братства? Не во всѣхъ ли насъ влила природа какую-то тоску, влекущую насъ къ высокому предназначенію? Станемъ любить другъ друга, ибо все живущее создано для любви: соединимся, союзъ сдѣлаетъ насъ могущественнѣе. Общественное презрѣніе постигло торгъ Неграми. Явились тысячи воинственныхъ заступниковъ для спасенія Греціи. Въ ученомъ и вообще въ нравственномъ стремленіи Европы, оказазось вдругъ удивительное единомысліе. Хотя и существуетъ еще разница въ мнѣніяхъ народовъ, но она гораздо менѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели каковою кажется съ виду. — Очевидно, что въ Европѣ образовалось уже тожество потребностей и желаній, единство направленія, всеобщая душа. По сему-то и Словесность, для своего сохраненія, должна признать сіе стремленіе, увеличивать его, словомъ: должна сдѣлаться Европейскою. Это уже недалеко. Мысль о всесвѣтномъ гражданствѣ чаще проявляется, и уму открывается кругъ дѣйствій, несравненно обширнѣйшій. Въ Байронѣ, на примѣръ, независимость видовъ, глубокость мыслей, необыкновенно сильныя ощущенія и гигантская душа, явили бы уже образецъ Поэта Европейскаго, если бы злословіе, зависть и недостатокъ отголоска, не загнали его въ степи отчаянія, гдѣ одинокій, онъ вынужденъ былъ изображать часто самого себя.

Философскій умъ, величайшая дѣятельность воображенія и широко объемлющій взлядъ, доставили Гёте степень вѣко-начальника, хотя впрочемъ борьба добра со зломъ, отражающаяся въ его твореніяхъ, кажется отвлеченностію, принадлежащею болѣе прошедшему времени, чѣмъ настоящей, здѣшней жизни. Нашъ Монти могъ бы занять третье мѣсто, когда бы глубокость мысли и сила духа равнялись въ немъ живости и дару изображеній. Всѣ трое черпали они вдохновеніе въ образцовыхъ созданіяхъ разныхъ народовъ; всѣ трое искали изящнаго, гдѣ только оное скрываться могло, и повторили въ пѣсняхъ своихъ гармонію вселенной. Слѣдствіемъ сего было скорое и тщательное изученіе чужихъ языковъ и Литературъ. Повременныя изданія способствуютъ сему: число Журналовъ, посвященныхъ из-

---

(*) Изъ сочиненія, напечатаннаго въ Миланѣ въ исходѣ прошлаго года, и помѣщеннаго въ послѣднихъ No No Журнала: Ausland.

ключительно иностранному, умножается во Франціи и въ Англіи. Въ Испаніи даже вкусъ народный время отъ времени переходитъ во всеобщій, что доказывается сочиненіями Мелендеса, Маріацы, Квинтаны. Неменѣе того замѣтно сіе Европейское направленіе на берегахъ Невы въ произведеніяхъ Козлова, *Пожарскаго* (?) и Пушкина. Для чего же недоброжелательство и бездѣйственная посредственность сопротивляются оному въ Италіи? Для чего оное считается униженіемъ отечества? — Нѣтъ! Мы не желаемъ унизить Италіи: мы не хотимъ оскорблять генія, вдохнувшаго Кановѣ Грацію, а Россини его безсмертные звуки: но стараемся открыть его полету обширнѣйшее пространство, стараемся воспламенить его болѣе указаніемъ на успѣхи опередившихъ насъ народовъ. Исторія народовъ кончена, Европейская начинается. Италія не должна отставать отъ другихъ. Она властна очистить свой вкусъ глубокимъ созерцаніемъ изящнаго, а симъ самимъ создать новую Словесность.

Какой видъ приметъ сія новая Европейская Словесность; какихъ правилъ и мнѣній станутъ держаться стремящіеся къ сей цѣли? Не знаемъ. Генію не возможно предписывать законовъ: у него своя дорога. То только извѣстно намъ, что нравственная, сколь возможно проницательнѣе наблюдаемая природа человѣка, будетъ приличнымъ поприщемъ для новой Словесности; что внѣшняя человѣческая природа будетъ казаться только происходящею, зависящею отъ сего прочнѣйшаго основанія: знаемъ, что тотъ только постигнетъ тайну міра, чьимъ удѣломъ будутъ умъ и восторгъ (l' intelletto e l'entusiasmo) въ ихъ высочайшей степени, что истинно-Европейскій Писатель будетъ Философъ, владѣющій лирою Поэта. Мы убѣждены наконецъ, что лучшій путь къ достиженію изящнаго есть постоянное, разсудительное созерцаніе природы тамъ, гдѣ она является во всей ея чистотѣ и истинѣ; что вѣрнѣйшее средство сильно изображать изящное, есть глубокое психологическо - историческое изслѣдованіе живущихъ, и что любимѣйшимъ храмомъ истины есть душа чистая, откровенная, пылкая и постоянная.

(*Изъ*: Tygodnik Petersburski).

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Повѣсти для дѣтей. Ч. I. *Повѣсти для перваго возраста.* 1828. 288 стран. — Ч. II. 1829. 248 стран. — Ч. III. 1830. 374 стран. *Повѣсти для втораго возраста.* — С. П. б., въ типогр. А. Смирдина. (Въ 12-ю д. л.)

Книги, о которыхъ мы теперь извѣщаемъ нашихъ читателей, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ своего рода. Ихъ можно уподобить прекрасно устроенной лѣстницѣ, по которой дѣти не только безъ труда, но съ удовольствіемъ могутъ возвыситься до того, что составляетъ цѣль воспитанія. Выборъ, разположеніе повѣстей и самый разсказъ ихъ удивительно способствуютъ къ развитію ума, очищенію вкуса и образованію нравственности. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый Писатель, посвящающій себя подобнымъ занятіямъ, старается всегда этого же достигнуть. Но сколько затрудненій на семъ поприщѣ! Сочиненія, назначаемыя для дѣтей, по большей части наполняемы бываютъ столь маловажными, столь ничтожными предметами, что самыя дѣти отъ нихъ скучаютъ. Если же и случается встрѣтить въ нихъ что нибудь полюбопытнѣе; то притворное простодушіе, которымъ сочинитель надѣется пріобрѣсть довѣренность и дружбу своихъ читателей, заставляетъ ихъ только смѣяться надъ нимъ: они видятъ, какъ большой человѣкъ ребячится; но онъ для нихъ неловкой, скучный товарищъ. Надобно, чтобы книга для дѣтей соединяла въ себѣ столько же высокихъ совершенствъ, сколько ихъ требуется и во всякомъ сочиненіи. И въ ней должно быть созданіе ума сильнаго, глубокаго, оживленнаго благородными страстями. Отличительность преимущественно заключается въ избѣжаніи многосложности. Ничѣмъ не запутываемое происшествіе, живой ходъ его, картины вѣрныя, размышленія умѣстныя, невольныя, не приготовленныя, слогъ естественный, какъ въ рѣчахъ родителей: все это необходимо предполагается въ хорошей книгѣ для дѣтей. Но прибавить должно еще, чтобы въ ней господствовала та увлекательная истина, которая заставляетъ насъ забывать, что мы читаемъ *сочиненіе*, та истина, которая всему окружающему насъ сообщаетъ чувство собственной нашей жизни, и которая во всѣхъ произведеніяхъ таланта составляетъ верхъ торжества его. Таковы точно книги, о которыхъ мы говоримъ теперь. Чтобы дѣти читали ихъ, не надобно употреблять къ тому никакихъ особенныхъ побужденій; потому что въ этомъ чтеніи они почувствуютъ продолженіе, а не остановку пріятнѣйшей своей жизни.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Cours élémentaire historique, chronologique et critique de la Littérature française, ouvrage rédigé pour les écoles par Ferry de Pigny. St. Pétersbourg, de l'imprimerie de M·me veuve Pluchart, 1830. (*Первоначальный историческій, хронологическій и критическій курсъ Французской Литературы*, составленный для училищъ Г-мъ Ферри-де-Пиньи.—С. П. б. 1830.—254 стран. въ 8-ю д. л. Съ тетрадкой вопросовъ, по коимъ ученики должны приготовляться къ экзамену, 13 стр. въ 4-ю д. л.)

Сочинитель, въ предисловіи, хвалится « существеннымъ достоинствомъ своей книги: *порядкомъ, экономіей и краткостію.*» Первое изъ сихъ достоинствъ можно назвать отрицательнымъ; Сочинитель принялъ за основаніе хронологическое расположеніе Исторіи Французской Литературы: спрашивается, какова была бы сія Исторія, если бы въ ней не было *порядка?* Однако же и въ семъ отношеніи встрѣчаются у него нѣкоторыя, впрочемъ маловажныя, отступленія: такъ напр. Седенъ поставленъ послѣ Бульи и Жуи; о Гольдони, Комикѣ Итальянскомъ, сказано: Goldoni composa pour notre scène Le Bourru bienfaisant, pièce originale &c., т. е. «Гольдони сочинилъ для нашей (Французской) сцены *Благотворительнаго брюзгу*, оригинальную пьесу и пр.» Гольдони написалъ сію комедію на Итальянскомъ языкѣ, слѣдовательно столько же для сцены Французской, сколько и для сцены другихъ націй, на языки которыхъ была она переведена. — Объ *экономіи*, соблюденной будто бы въ семъ сочиненіи, скажемъ, что Сочинитель напрасно ею похваляется. Онъ посвящаетъ по нѣскольку страницъ Энциклопедіи и Энциклопедистамъ, выпискамъ изъ Кино, Берниса, Грессета, и едва упоминаетъ о трудахъ Писателей новѣйшихъ, заслуживающихъ гораздо большаго вниманія, каковы Вилльменъ, Кузенъ, Гизо и Барантъ. О замѣчательнѣйшемъ сочиненіи сего послѣдняго: *Исторіи Дюковъ Бургундскихъ*, сказано только въ подстрочномъ замѣчаніи (стр. 231): son histoire des Ducs de Bourgogne est fort estimée, т. е. что она *весьма уважается*. Намъ кажется также, что въ Курсѣ Французской Литературы, назначаемомъ, какъ учебная книга, для Рускаго юношества, вовсе не нужно было излишне распространяться *о происхожденіи* и *постепенномъ усовершенствованіи Французскаго языка* и о первобытныхъ Писателяхъ на ономъ (см. стр. 1—26), Писателяхъ, коихъ не читаютъ уже и въ самой Франціи. Эти предметы, намъ Рускимъ, совершенно чужды, и потому въ первоначальномъ или сокращенномъ Курсѣ, о нихъ довольно было бы сказать на двухъ или трехъ страницахъ. Книга Г. Ферри чрезъ то гораздо болѣе выиграла бы въ *краткости*, которую онъ наблюдалъ только тамъ, гдѣ могъ бы и долженъ былъ распространиться поболѣе, т. е. говоря о Французскихъ Писателяхъ, намъ современныхъ и всѣми читаемыхъ при нынѣшнемъ ходѣ Европейскаго просвѣщенія.

СМѢСЬ.

«Мнѣ всё совѣтуютъ,» говорилъ однажды Л. Байронъ Капитану Медвину, «написать эпическую поэму. Вы мнѣ то же намекаете, что я не оставлю ни одной большой поэмы. Я думаю, что подъ *большой поэмой* вы разумѣете поэму тяжелую, или, такъ сказать, поэму увѣсистую. По-моему, оба эти прилагательныя однозначащи. Вы говорите, что *Чильдъ-Гарольдъ* неровенъ; что обѣ послѣднія пѣсни несравненно выше двухъ первыхъ. Я знаю, что это *вещь* безъ формы и сущности: *живописное путешествіе*! Но кто же въ теперешнее время читаетъ Мильтона? Мое мнѣніе о неравенствѣ моихъ поэмъ таково, что онѣ не лучше и не хуже однѣ другихъ. Что касается до поэмъ эпическихъ, то развѣ нѣтъ у васъ поэмъ Сутея? У него есть и *Іоанна д'Аркъ* и *Проклятіе Кегамы*, и Богъ вѣсть еще сколько проклятій, до *Послѣдняго Готѳа* (*) включительно! Если вамъ непремѣнно нужна эпическая поэма, такъ вотъ вамъ *Донъ-Жуанъ*. Вотъ что я называю эпопеей (**): это эпическая поэма въ духѣ нашего времени, какъ *Иліада* въ духѣ вѣка Гомерова. Любовь, вѣра и политика составляютъ собою предметъ, и въ наши времена производятъ столько же раздоровъ, какъ и въ вѣкахъ отдаленной древности. Нѣтъ недостатка ни въ Парисахъ, ни въ Менелаяхъ, ни въ crim. conv. (***) — въ добавокъ прочему. Съ первой пѣсни *Донъ-Жуана*, является у насъ Елена. Я сдѣлаю моего героя настоящимъ Ахилломъ въ бояхъ, человѣкомъ, который можетъ трижды сряду погасить свѣчу пулей изъ пистолета; и—вы можете смѣло на меня положиться: у меня будетъ самая чистая нравственная цѣль. Самъ Докторъ Джонсонъ не нашелъ бы привязаться ни къ одному слову.« — Такъ постигалъ Байронъ эпопею нашего времени. Замѣтимъ, что и у насъ на Руси (хотя не друзья, а журнальные Критики) требуютъ отъ Поэта длинныхъ поэмъ, поэмъ эпическихъ, хвалебныхъ. Но

(*) *Родерикъ, или послѣдній Готѳъ*, поэма Сутея (Southey), увѣнчаннаго Поэта (poète lauréat) Англійскаго.

(**) Тогда было только пять пѣсней *Донъ-Жуана*, когда Л. Байронъ велъ этотъ разговоръ съ Медвиномъ, записанный симъ послѣднимъ чрезъ полчаса послѣ.

(***) Сокращеніе словъ: criminal conversation, непозволительная связь; источникъ многихъ процессовъ у Англичанъ, въ слѣдствіе супружеской невѣрности.

вѣдь у нихъ есть двѣ или три Петріады, Наполеонъ въ Россіи, Сувороиды, Александроиды и пр. и пр. Это, конечно, не поэмы Сутея; за то всѣ онѣ, по выраженію Байрона, *поэмы тяжелыя, или такъ сказать, поэмы увѣсистыя*: чего жь еще желать нашимъ прихотливымъ Критикамъ?

Слишкомъ три года прошло уже, какъ въ *Вѣстникѣ Европы* употребляется Греко-Россійское правописаніе по *системѣ* или *меѳодѣ Тредіаковскаго*; но до сихъ поръ не нашелся еще ни одинъ послѣдователь. Въ 3-мъ No изъявлено сожалѣніе, что Г. Гнѣдичь, при изданіи *Іліады*, не принялъ сего правописанія, и сказано, что для Литераторовъ нашихъ оно — *кислый виноградъ*. Такое сравненіе сколько остроумно, столько и справедливо: *орѳографическія ѳурсы* или *грозды* сіи, хотя мало по малу и зрѣютъ на лозахъ своихъ, но доселѣ не созрѣли еще, не смотря на *енѳусіасмъ* вертоградаря.

Такъ 1827 года въ *Вѣстникѣ* уже писано было *лѵра*, *ѵпохондрія*, *Лѵцей*, *Полѵникъ*, *Никіфоръ*; но *Аристотель*, *Философія*, *Политика* — оставались безъ перемѣны. — 1829 года Аристотель и Философія превратились въ *Арістотеля и Філософію*; но Политика все оставалась при своемъ осьмеричномъ *и*. Въ семъ году и она наконецъ сдѣлалась *Політикою*, но не совсѣмъ: въ оглавленіяхъ и на оберткѣ все таки пребываетъ *Политикою*. Наиболѣе же упорною оказалась Логика: даже въ Январѣ мѣсяцѣ сего года она все еще была *Логикой*, и только въ Мартѣ мѣсяцѣ (въ 5-мъ No, на страницѣ 33-й) рѣшительно учинилась *Логікою*!... Sapienti sat.

Посѣтившему *уединенный вертоградъ* Вѣстника Европы, можно любоваться развитіемъ сихъ юныхъ, хотя и *кислыхъ* плодовъ, какъ сладкою надеждою и потѣхою вертоградаря; но было бы нескромно пользоваться преждевременно его радушнымъ, или можетъ быть только учтивымъ предложеніемъ.

Э.

Въ 18-мъ Nº нашей *Газеты*, мы выписали изъ *Галльской Лит. Газеты* начало статьи о переводѣ сочиненій Г. Булгарина на Нѣмецкій языкъ. Издатели *Сына Отечества*, въ статьѣ подъ заглавіемъ, отзывающимся старой шуточкой Рускихъ Журналовъ, напечатали конецъ той же статьи Нѣмецкаго Журнала, въ которой Рецензентъ хвалитъ не разсказъ Г. Булгарина, а подвигъ Рускихъ войскъ при переходѣ черезъ Кваркенъ. Желая не лишить читателей всей статьи о сочиненіяхъ Г. Булгарина, для полноты оной, мы выписываемъ то, что составляетъ средину ея, т. е. что было не досказано въ Л. Газетѣ, и пропущено въ С. О. «Очень видно, что большая часть статей Г. Булгарина писана для періодическихъ изданій, и для чтенія Руской публики; но какъ бы онѣ хороши, даже отличны ни были въ семъ отношеніи, не могутъ однако имѣть занимательности для иностранной Литературы, и всего менѣе для нашей, въ которой *успѣхи новѣйшихъ Рускихъ Писателей въ искуствѣ выраженія, не требуютъ новаго доказательства*. Аллегорическое введеніе Автора: *Истина и сочинитель*, драматическое предисловіе, не отличается особенною замысловатостію, и не показываетъ большаго воображенія. Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе Автора о самомъ себѣ вовсе не занимательно, — по крайней мѣрѣ для иностранныхъ читателей, — кромѣ того, что обнаруживаетъ благодарность Автора съ образователямъ его ума. Мы узнаемъ только, что Авторъ воспитывался въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ С. Петербургѣ, послѣ вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ походѣ 1806 — 1807 годовъ противъ Наполеона, бывъ тогда Уланскимъ Корнетомъ; и въ Финляндскомъ походѣ 1809, подъ начальствомъ Барклая де-Толли; далѣе — по *необыкновенному случаю* (*неизвѣстно по какому*) — принужденъ былъ оставить военную службу (*неизвѣстно въ какомъ положеніи*) и приняться за перо; при чемъ извѣстный Литераторъ Г. *Гречъ* помогалъ ему въ Рускомъ языкѣ, отъ котораго онъ отвыкъ, учась (?) иностраннымъ языкамъ во время своего продолжительнаго пребыванія за границею; и наконецъ, соединилъ съ журналомъ Г. Греча свой прежній: *Сѣверный Архивъ*.» —

Обрядъ торжественнаго принятія въ Авторы. На сихъ дняхъ, Издатели *Сѣверной Пчелы* (см. No 47) посвятили въ Авторы Актёра Г. Каратыгина меньшаго, за новую комедію-водевиль: *Знакомые незнакомцы*. Выписываемъ формулу посвященія: «Мы даемъ ему наше журнальное благословеніе и съ отверстыми объятіями принимаемъ въ Авторскую семью. Въ добрый часъ!«

Какъ бы развеселилась важная Германія, если бъ Издатель *безпристрастнаго Гамбургскаго корреспондента*, собравъ свои нравственно-политическія сочиненія воедино, провозгласилъ себя раздавателемъ литературныхъ званій.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 25-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМ. I. №. 25. МАІЯ 1го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Маіѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го *числа* (*въ Четвертокъ*), — 6-го (*во Вторникъ*), — 11-го (*въ Воскресенье*), — 16-го (*въ Пятницу*), — 21-го (*въ Среду*), — 26-го (*въ Понедѣльникъ*) *и* 31 (*въ Субботу*).

ДВѢ СЕСТРЫ.

(*Повѣсть.*)

(*Окончаніе.*)

Между тѣмъ, свѣтскіе слухи придавали каждой изъ сестеръ по цѣлому списку жениховъ; и Вибертъ, не смотря на твердую свою рѣшимость, не безъ горести выслушивалъ сей лживый каталогъ. Любовь всегда себялюбива! Даже и отказываясь отъ избраннаго ею предмета, она все еще думаетъ удержать надъ нимъ мечтательную власть; она умѣетъ создавать для себя какую-то неясную вѣру въ неопредѣленное будущее; и тотъ, кто захочетъ разрушить сію мечту, терзаетъ сердце влюбленнаго, низпровергая навсегда призраки надеждъ его. Такъ и Вибертъ, переставъ быть явнымъ поклонникомъ Маріи, терзался медлительною пыткой, по мѣрѣ, какъ молва доносила ему имена новыхъ искателей того блаженства, отъ коего онъ отрекся. Но когда общій голосъ возвѣстилъ ему, что Маркусъ Геронклифъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ обожателей Маріи, и что его услуги были благосклонно принимаемы, тогда горесть бѣднаго молодаго человѣка была неизъяснима. Маркусъ! тотъ, кого онъ считалъ своимъ другомъ, единственнымъ повѣреннымъ любви своей! Маркусъ, признававшійся Виберту въ страсти своей къ Эдитѣ, и котораго видѣлъ онъ ежедневно, не замѣтя въ немъ ни малѣйшаго признака сей перемѣны! Какое вѣроломство! и какая причина лютѣйшей тоски! А Марія! съ какимъ легкомысліемъ забыла она взаимную ихъ склонность, столь тихую и нѣжную! Вибертъ терялся въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ, и всегда кончалъ ихъ восклицаніемъ: «Какая же мнѣ до того нужда? Это до меня не касается!» Тщетное усиліе гордости восторжествовать надъ скорбью души.

Сія вѣсть, столь сильно огорчившая Виберта и о которой, по негодованію и гордости, не говорилъ онъ Маркусу, была не вовсе несправедлива. Зависть, составлявшая основу характера Маркуса, дѣлала его неспособнымъ къ искренней дружбѣ. Бывъ Вибертомъ введенъ въ семейство Эдиты и Маріи, онъ скоро замѣтилъ тайную, взаимную ихъ склонность. Пораженный красотою Маріи, онъ началъ увиваться около Эдиты. Однако же успѣхъ его друга огорчалъ и оскорблялъ его внутренно. Когда пріѣзды Виберта въ Сильвермеръ стали рѣже, Маркусъ началъ ѣздить туда чаще. Какъ онъ оказывалъ свои угожденія Эдитѣ, то все семейство думало, что она по прежнему была предметомъ его исканій; Марія не вовсе была недовольна тѣмъ, что при ней былъ мужчина, могшій служить ей постоянною защитой отъ толпы докучливыхъ ея воздыхателей. Нечувствительно всѣ привыкли, въ кругу ихъ знакомыхъ, видѣть ихъ всегда вмѣстѣ, и изъ сего обстоятельства вывели весьма естественное заключеніе по наружности, хотя ложное на самомъ дѣлѣ. Маркусъ уже старался истребить въ сердцѣ Маріи чувствованіе, которое она все еще питала къ Виберту. То выказывалъ онъ лицемѣрную горесть, порожденную будто бы въ немъ развратнымъ поведеніемъ его друга; то, будто бы, онъ слышалъ, какъ Вибертъ изъяснялся на счетъ Маріи съ непозволительнымъ легкомысліемъ. Приготовивъ такимъ образомъ для себя всѣ пути, Маркусъ изъяснился въ любви, получилъ въ отвѣтъ рѣшительный отказъ и удалился съ злобою въ сердцѣ. Этотъ человѣкъ, отъ роду никого не любившій, и почитавшій себя напередъ супругомъ Маріи; это созданіе гордое, ревнивое, высокомѣрное, вмѣсто предположеннаго успѣха, который онъ подготовлялъ для себя съ такими заботами, собралъ самыя горькіе плоды своихъ усилій: стыдъ отказа и сознаніе собственной низости.

До той поры, когда Маркусъ открылся молодой красавицѣ въ любви своей, обѣ сестры никогда еще не разговаривали между собою съ важностью объ искательствахъ Маркуса и отсутствіи Виберта. Ввечеру послѣ сего открытія, владѣлецъ Геронклифа, блѣдный отъ злобы и ревности, оставилъ Сильвермеръ и двѣ сестры, по отъѣздѣ его, пошли прогуливаться въ паркъ. Западавшее солнце наводило темно-пурпуровый цвѣтъ на верхушки деревъ, но не освѣщало кривыхъ дорожекъ парка, не прогоняло мрачной тѣни, лежавшей въ аллеяхъ. Желтые листья покрывали землю. Эдитъ и Марія проходили мимо одного парника, гдѣ въ прошедшемъ году, въ это же самое время, Вибертъ былъ вмѣстѣ съ тою, которую любилъ. Милая дѣвушка вздрогнула.

— « Марія,» сказала Эдитъ сестрѣ своей, обнявъ правою рукой ея шею: «ты грустишь. Давно уже я замѣчаю состояніе твоей души. Я надѣялась, что ты охотно примешь предложенія Маркуса и что онъ разсѣетъ печаль твою; но вижу, что она, нисколько не умаляясь, со дня на день становится еще сильнѣе. Я молчала донынѣ, изъ опасенія, чтобъ ты не приписала словъ моихъ ревности за то вниманіе, которое оказывалъ тебѣ наслѣдникъ Геронклифа.

— « Ахъ, Боже мой! и ты могла, Эдитъ, такъ обманываться? Позволила ли я себѣ въ моихъ поступкахъ что нибудь такое, изъ чего можно бъ было заключить, будто бы Маркусъ мнѣ нравится? Я терпѣла его только для тебя.

— « Сестрица! и я не люблю этого человѣка; если бъ я не думала, что онъ своимъ присутствіемъ развлечетъ тебя немного, то давно бы присовѣтовала тебѣ отдѣлаться отъ него. Но, послушай: будь откровенна. Съ годъ уже, ты видимо чахнешь: если ты не желаешь и мнѣ и себѣ несчастія, то позволь мнѣ написать къ Виберту. Милая Марія! позволь мнѣ написать къ нему. Письма мои почти шалость, и изъ нихъ ничего важнаго не можетъ выйти. Я попрошу его только пріѣхать сюда, потанцовать съ нами въ день моего рожденія.

— « Нѣтъ, Эдитъ, нѣтъ! Онъ сталъ бы подозрѣвать.... Это было бы слишкомъ унизительно. Во мнѣ столько еще гордости, что я не выдамъ себя на презрѣніе, если не могу преодолѣть.... Милая Эдитъ! заговоримъ о другомъ....»

Она склонила свою голову на грудь сестры, и обѣ онѣ плакали, когда топотъ коня и колокольчикъ у воротъ, сильно зазвѣнѣвшій, вывели ихъ изъ сего положенія. Эдитъ узнала слугу Вибертова, бросилась къ нему на встрѣчу и принесла Маріи письмо. Вотъ что въ немъ было написано:

« Родственники, долженствовавшіе завладѣть наслѣд-
« ствомъ по смерти моего дяди и принять имя Газле-
« делля, скончались сами. Я теперь единственный его
« наслѣдникъ. Страшусь, не опоздало ли счастіе своею ко
« мнѣ благосклонностію, и что удалясь, по причинѣ бѣд-
« ности, отъ всего мною любимаго, не буду ли я осуж-
« денъ на то же удаленіе и на тѣ же муки теперь, ког-
« да положеніе мое перемѣнилось. Я не осмѣливаюсь
« явиться къ вамъ, Марія, прежде нежели узнаю, осно-
« вателенъ ли слухъ о вашей помолвкѣ съ Маркусомъ;
« одно чувство чести давало мнѣ рѣшимость перено-
« сить долгую разлуку; отъ васъ я ожидаю только слова
« для окончанія моихъ мученій.»

Марія оперлась о столбикъ парника. Эдитъ, также разтроганная, какъ и сестра ея, нѣжно ее обнимала. « Ну, что же отвѣчать ему?

— « Бѣдный Вибертъ! « вскричала Марія, послѣ минутнаго молчанія и какъ бы не вслушавшись въ вопросъ сестры своей. « Я думала, что онъ меня позабылъ.

— « Да, и въ самомъ дѣлѣ бѣдняжка, особливо теперь!... Ты бы должна была лучше пожалѣть обо мнѣ. Я одна здѣсь остаюсь невѣстой, какъ Гамлетова Офелія, съ своимъ ивовымъ вѣнкомъ. Мой невѣрный и клятвопреступный рыцарь меня покинулъ; Вибертъ будетъ твоимъ: а мнѣ остается только обручиться съ монашескимъ покрываломъ и рясой, оставя тебя единственною наслѣдницей всѣхъ моихъ нарядовъ. «

Сказавъ сіи слова, она сняла у себя съ шеи цѣпочку и надѣвъ ее на шею Маріи, открыла маленькой медальонъ и показала сестрѣ своей портретъ Виберта. Марія отвела отъ него глаза и, казалось, была въ замѣшательствѣ. Наконецъ она оборотилась и улыбнулась.

— « А, такъ ты можешь улыбаться! Ну, слава Богу! Поблагодари же художника, который приготовилъ тебѣ этотъ свадебный подарокъ. Посмотри, какъ онъ похожъ. Всмотрись въ этотъ умоляющій взглядъ, въ это блѣдное чело, украшенное темнорусыми волосами.... Однако жъ слуга ждетъ отвѣта. Вотъ тебѣ карандашъ. «

Марія написала на оборотѣ письма, которое разодрала пополамъ, слѣдующія слова: « Слухи, о которыхъ
« вы упоминаете, неосновательны: будущее отъ васъ
« зависитъ.»

Надобно было любезной и доброй Эдитѣ довести сестру свою до дома. Марія такъ была взволнована этою нечаянною перемѣной, что едва могла итти. Среди сего счастія, какое-то унылое предчувствіе устрашало робкое сердце ея. Сестра выговаривала ей за сіе странное суевѣріе, противъ котораго разсудокъ былъ безсиленъ и недостаточенъ.

Между тѣмъ слуга, которому поручено было доставить Виберту записочку Маріи, напрасно силился пустить коня своего во всю скачь. Изпуганный свистомъ вѣтра, предвѣщавшимъ грозу, конь медленно переступалъ. Настала ночь. Вибертъ долженъ былъ дожидаться слѣдующаго утра для поѣздки въ Сильвермеръ. Дядя его, опечаленный недавнимъ извѣстіемъ о своихъ потеряхъ, и горько чувствовавшій тяжкое одиночество, на которое самъ онъ обрекъ себя крутымъ своимъ нравомъ и брюзгливостію, укорялъ себя за то, что препятствовалъ донынѣ счастію любимаго своего племянника. Вибертъ и его дядя провели ночь въ лихорадочномъ волненіи. Продолжительный вой осенняго вѣтра, быстрый бѣгъ тучь, мелькавшихъ однѣ за другими подобно призракамъ, какъ будто бы предвѣщали близкія бѣдствія. Маркусъ Геронклифъ спалъ не лучше жителей Газледелля. Рано утромъ онъ увидѣлъ у себя Виберта, котораго благородная и чистая душа не позабыла его друга, и который, бывъ ободренъ словами Маріиной записки, спѣшилъ просить у Маркуса извиненія въ тѣхъ подозрѣніяхъ, кои на него имѣлъ.

— « Маркусъ, « сказалъ онъ: « я сообщу тебѣ странныя вѣсти.

— « Знаю, « отвѣчалъ Маркусъ съ принужденной веселостью: « оба твои дяди померли въ Калкуттѣ.

— « Я отъ роду ихъ не видывалъ, и если бы вздумалъ увѣрять, что плачу по ихъ кончинѣ, ты бы посмѣялся этому жалкому притворству. Поговоримъ о томъ, что лично до тебя касается. Я былъ неправъ на твой счетъ, Маркусъ; я думалъ, что у тебя было намѣреніе отнять у меня сердце Маріи и жениться на ней. Разсудокъ мой не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго; но я чувствовалъ, что это не дружеское дѣло, и сердился за то на тебя. Марія сама тебя оправдала. Прости меня за эти подозрѣнія: я столько былъ несчастливъ, что не могъ даже быть справедливымъ. «

Онъ подалъ руку Маркусу, который схватилъ ее съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, и отворотилъ глаза.

— « И такъ Марія согласна стать госпожею Газледелль?

— « Кажется, что такъ. И я надѣюсь, что сестра ея, госпожа Геронклифъ, со временемъ угоститъ насъ въ своемъ замкѣ.

Маркусъ молчалъ съ минуту. Слышенъ былъ только звукъ его дыханія, показывавшій въ немъ внутреннее волненіе.

— « Вибертъ, « сказалъ онъ наконецъ, « послушайся меня: не женимся лучше никогда. Это одинъ способъ сохранить нашу независимость. Останемся свободными: насъ вездѣ хорошо принимаютъ; не станемъ мѣнять нынѣшняго своего положенія на весьма невѣрное счастье. Обѣщайся мнѣ никогда объ этомъ не думать.

— « Если бы ты любилъ Марію, если бъ былъ ею любимъ, то не говорилъ бы этого. Что мнѣ въ независимости и забавахъ, которыя ты такъ выхваляешь! Домъ мой будетъ для меня раемъ, когда она въ немъ будетъ хозяйкой.

— « Такъ ты рѣшился?

— « Непремѣнно. Теперь же иду я въ Сильвермеръ. Если бъ я былъ верхомъ, то пріѣхалъ бы туда слишкомъ рано. Я счелъ за лучшее пойти туда пѣшкомъ, окольною дорогой, и завернуть къ тебѣ. Покой и ожиданіе мнѣ несносны. Послушай, возьми свое ружье и пойдемъ со мною.

— « Пойду съ тобой, въ надеждѣ уговорить тебя.

— « Нѣтъ, нѣтъ! скорѣй я тебя покорю подъ иго брачное. Пойдемъ же, любезный, пора. Ты что-то блѣденъ, дрожишь.... Ты впервые отъ рожденія позабываешь свое ружье. « Вибертъ снялъ со стѣны ружье и подалъ его своему другу.

— « Нѣтъ, нѣтъ! « сказалъ сей послѣдній: « у меня нервы разстроены. Я не могу стрѣлять нынѣшнимъ утромъ.

— « Эхъ, полно! какой вздоръ! У тебя глазъ вѣрнѣе, чѣмъ у всякаго другаго. Я запримѣтилъ въ Черной Долинѣ, близъ Сильвермера, преславную дикую козу. Она падетъ жертвой и украситъ мой столъ въ день моей свадьбы. «

Маркусъ сжалъ и прикусилъ губы, замолчалъ и отправился съ Вибертомъ. Утро было пасмурно, по небу перебѣгали тучи. Солнце бросало порою блѣдный лучъ сквозь зыблющуюся завѣсу темныхъ облаковъ, которыя поминутно скоплялись, чтобы совсѣмъ заслонить блескъ его. Большія вѣтви дубовъ, оборванныя силою вѣтра, устилали дорогу; вороны перелетали съ мѣста на мѣсто, какъ бы въ нерѣшимости, куда направить свой полетъ.

— « Эта вѣтреная погода придаетъ больше гибкости членамъ, « сказалъ Вибертъ: « вотъ лучшее лекарство отъ разслабленія и нервныхъ припадковъ.

— « Я лучше бы желалъ, чтобы время было тише, « сказалъ его спутникъ. « Этотъ вѣтеръ, эта непогода волнуютъ мои чувства и невольно наводятъ на меня тоску. Есть какое-то тайное сочувствіе между сими потрясеніями природы и тревогами души. «

Чѣмъ далѣе оба друга шли по дорогѣ, тѣмъ просьбы и убѣжденія Маркуса становились сильнѣе и настоятельнѣе, и тѣмъ рѣчи его были отрывистѣе, а голосъ громче и тверже. Вибертъ безъ дальняго труда опровергалъ всѣ сіи доводы противъ женитьбы, коихъ жалкія общія мѣста не заслуживали почти возраженія. Они вошли въ ущелье, прозванное отъ жителей Черною Долиной, и которое, составившись изъ обвала камней и глины, примыкало къ самому Сильвермеру. Сіе пустынное мѣсто, гдѣ не одно злодѣйство было совершено, являло взорамъ страшную картину: мѣстами семьи густыхъ деревьевъ прикрывали углубленныя тропинки, которыхъ извивы терялись подъ симъ сводомъ, и не видно было никакого жилья на двѣ или на три мили разстоянія. Обыкновенно всѣ обходили это мѣсто; но то была самая короткая дорога въ Сильвермеръ, и Вибертъ никогда не хаживалъ по другой.

— « Я не люблю этой дикой долины, » сказалъ Маркусъ. « Обойдемъ горою.

— « Ну, вотъ еще! Не уже ли ты боишься? Я не узнаю тебя нынѣшнимъ утромъ. Пойдемъ! Намъ надобно прійти до завтрака. Или ты опасаешься, чтобы прекрасная Эдитъ не потупила надъ твоею поспѣшностью, если прійдешь къ нимъ ранѣе? »

Они проходили тогда лѣсистое мѣсто, гдѣ многія перепутанныя чащи составляли почти неразпознаваемый лабиринтъ. Маркусъ сѣлъ на пнѣ сломленнаго явора и подалъ знакъ своему другу сѣсть подлѣ него. Встревоженный, изступленный видъ его, возвѣщавшій мрачное волненіе души, удивилъ Виберта, который сѣлъ подлѣ него и сказалъ:

— « Маркусъ, я не знаю, что думать о тебѣ сегодня. Зачѣмъ ты такъ усильно уговариваешь меня отречься отъ любви Маріиной? Зачѣмъ это душевное волненіе, это безпокойство?... Ты что нибудь отъ меня скрываешь.

— « Ну, если для того, чтобы возпрепятствовать тебѣ жениться на этой дѣвушкѣ, нужно сказать тебѣ обо всемъ, что было, то я выполню эту обязанность. Неужели ты думаешь, что у Маріи глаза только для одного тебя, что она постоянно тебя только предпочитала всѣмъ другимъ, что она любитъ одного только тебя?

— « Думаю.

— « Такъ ты ошибаешься. Еще вчерась рука ея была обѣщана другому, конечно не столь ловкому, остроумному и любезному, какъ ты; но который былъ тогда богаче тебя. Счастье тебѣ улыбнулось — такъ и она перемѣнилась. Согласишься ли быть мужемъ той, у которой въ виду только новый твой достатокъ?

— « Но кто жъ этотъ другой, Маркусъ?.. Не ты ли?

— « Разспроси у всѣхъ и каждаго. Предположенный бракъ мой съ нею сдѣлался повсюду извѣстенъ. Отнынѣ не стану вѣрить ни одной въ свѣтѣ женщинѣ. Вибертъ! послушайся меня: оставимъ въ добычу позднихъ размышленій и разкаянія ту, которая не стоитъ ни твоей любви, ни моей!

— « Можетъ быть ты обманывался. Марія, ласково принимая моего друга, предполагала изъявить мнѣ стороною, въ какой мѣрѣ она раздѣляла мои склонности и чувство пріязни. Да если и положимъ, что я женюсь на кокеткѣ, — то съ какой же стати тебѣ блѣднѣть, дрожать и выходить изъ себя? Нѣтъ, ты любишь Марію, и я за это не виню тебя. Видѣть ее и не полюбить, по моему понятію, не возможное дѣло. Я очень также понимаю, что даже дружба твоя ко мнѣ поколебалась отъ такого испытанія. Будемъ соперниками, но соперниками прямодушными; особливо же, не станемъ клеветать на ту, которую любимъ. Пойдемъ къ ней, и пусть сама она рѣшитъ, кого изъ насъ выбираетъ. Съ моей стороны я объявляю, что если успѣхъ будетъ за тобою, то я уступлю тебѣ безъ вражды, хотя и не безъ сожалѣнія. «

Маркусъ всталъ. Все тѣло его дрожало. Осанка и видъ Виберта были важны, но благородная искренность еще въ нихъ дышала.

— « Иди же туда! » вскричалъ Маркусъ глухимъ голосомъ. Члены его подергивались, какъ отъ судороги, лице безобразно изкривилось: онъ оборотился въ ту сторону, съ которой былъ зàмокъ Геронклифъ. Вибертъ одинъ пошелъ своею дорогой. Соперникъ его остановился, повернулъ голову, бросилъ звѣрскій взглядъ на своего противника, и скрыпя зубами отъ бѣшенства, кинулся на него....

Возвратимся къ Сильвермеру и юнымъ его обитательницамъ. Въ часы, протекшіе предъ этимъ утромъ, сонъ не смыкалъ глазъ Маріи. Она и сестра ея провели часть ночи, строя воздушные зàмки и вслухъ высказывая будущія свои разпоряженія. Эдитъ говорила, что будетъ когда-то одна госпожею и повелительницей въ прекрасномъ зàмкѣ Газледеллѣ, будетъ безвыходно жить въ немъ, закликать туда молодыхъ рыцарей, минстрелей и *поклонниковъ любви* изо всего околотка; наконецъ, дождется тамъ степенныхъ лѣтъ и станетъ исправлять важное служеніе вдовствующей Церемоніймейстерши. Сестра слушала ее, не слыша: какая-то тайная тоска мучила ее; напрасно старалась она разсѣять свои мысли и остановить свое вниманіе на какихъ-либо предметахъ утѣшительныхъ или важныхъ. Покой бѣжалъ отъ нея; она вздрогнула, когда ея сестра, вздремнувъ во время своей болтовни, вдругъ громко захохотала.

— « Эдитъ! ты меня изпугала.... Эдитъ!... Чему ты хохочешь во снѣ?

— « Я смѣюсь... (Эдитъ говорила сіи слова сквозь сонъ) я смѣюсь надъ Г. Маркусомъ Геронклифомъ, который прищелъ сказывать мнѣ проповѣдь... о суетности благъ сего міра.... и о ломкости нашихъ надеждъ...«

Она пробормотала еще нѣсколько невнятныхъ, прерывистыхъ словъ, и снова уснула. Едва забрезжилась утренняя заря, какъ сестра ея, не смыкавшая глазъ во всю ночь, одѣлась на-скоро и вышла подышать чистымъ воздухомъ, коего свѣжесть оживила ее и отчасти успокоила ея волненіе. Она пошла по дорогѣ къ Черной Долинѣ, зная, что Вибертъ всегда приходилъ этою дорогой. Вѣтеръ былъ бурный, утро мрачное. Она услышала отдаленный звукъ, подобный выстрѣлу; но не могла яснѣе вслушаться, за смѣшаннымъ шумомъ листьевъ, не былъ ли то трескъ сломившагося на корнѣ дерева. Біеніе сердца ея сдѣлалось быстрѣе. Имя Виберта блуждало на устахъ ея. Она ускорила шаги.

Изъ чащи выбѣжалъ человѣкъ. Платье его было изорвано, глаза мутны. Онъ прошелъ сперва мимо Маріи, не взглянувъ на нее; потомъ вдругъ остановился и схватилъ ее за руку.

— « Марія! вотъ твоя жертва!... Иди.... Воротись домой.... Иди! все кончено!... «

Она узнала Маркуса, и, объятая страхомъ, зарыдала.

— « Марія! » вскрикнулъ сей несчастный. « Я уже не человѣкъ! ты сдѣлала изъ меня.... то, что видишь.... Полюбуйся своимъ дѣломъ!

— « Возможно ли,» сказала дѣвушка, сложа руки съ умоляющимъ видомъ: « возможно ли, Маркусъ, чтобы мой отказъ такъ васъ перемѣнилъ? Вы знаете, что сердце мое принадлежало другому. Я обѣщала вамъ искреннюю, вѣрную дружбу. Только это было въ моей волѣ. Вы мнѣ дороги, клянусь вамъ въ томъ; будьте супругомъ моей сестры: ея сердце свободно. Вы будете моимъ братомъ!

— « Благодаренъ! « вскричалъ Маркусъ голосомъ безумнымъ: « я никому не братъ!... Мужемъ твоимъ.... если хочешь.... Поклянись мнѣ, что если Вибертъ умеръ....

— « Умеръ! « подхватила Марія. » Что вы говорите?«

Въ эту минуту два ворона поднялись изъ ближней чащи, сцѣпились драться на воздухѣ и съ рѣзкимъ крикомъ взвились надъ головами Маріи и Маркуса. Хищныя сіи птицы вырывали другъ у друга кровавый кусокъ мяса. Маркусъ, поднявъ руку вверхъ, слѣдилъ пальцемъ по направленію, принятому двумя воронами на полетѣ и дракѣ ихъ; бродящіе глаза его какъ бы рвались изъподо лба; казалось, онъ потерялъ всякое чувство, всякое понятіе, чуждое машинальному движенію, которое тогда дѣлалъ. Ужасъ Маріи былъ неизъяснимъ. Скоро клочекъ волосовъ, выпавъ изъ клюва одного ворона, спустился на землю у самыхъ ногъ Маріи. Она увидѣла сей страшный остатокъ, и съ продолжительнымъ воплемъ бросилась къ чащѣ, гдѣ скрыта была сія кровавая добыча. Маркусъ тщетно силился ее удержать, и самъ скрылся въ густотѣ лѣса.

Эдитъ, узнавъ, что сестра ея пошла по дорогѣ къ Газледеллю, скоро отправилась за нею. Она узнала слѣды шаговъ Маріиныхъ на влажномъ пескѣ; кликала ее, но вѣтеръ относилъ къ ней обратно имя ея сестры: никакой человѣческій голосъ не отвѣчалъ ей. Замѣченные ею слѣды терялись въ кустахъ. Съ трудомъ продиралась она сквозь жимолость и шелковицы; однако же, какъ она разпознала, что сестра ея ушла туда, то съ большими усиліями добралась она до какой-то ямы, можетъ быть, оставленной каменоломни, куда стекались только лисицы, дикія кошки, и слетались плодоядныя птицы. Между остатками падали и остовами сотлѣвшихъ лошадей сидѣла Марія, съ разтрепанными волосами и разпростертыми руками, чтобъ отгонять отъ ихъ добычи стаю вороновъ, каркавшихъ надъ ея головою. У ногъ ея лежалъ Вибертъ, съ запекшеюся на лицѣ кровью и раздробленнымъ правымъ вискомъ.

Служители дома, посланные искать обѣихъ сестеръ, нашли ихъ въ этомъ роковомъ мѣстѣ, и обѣихъ въ сумасшествіи. Эдитъ питала въ тайнѣ пламенную страсть къ молодому Виберту; но дружба ея къ Маріи облегчала для нея сіе пожертвованіе своею любовью; и безъ этой ужасной развязки, тайна ея сердца никогда не была бы узнана.

Не стану продолжать подробностей печальной сей повѣсти, которую передалъ я со всею вѣрностью, не измѣнивъ въ ней ни одного обстоятельства, по которой дѣйствующимъ лицамъ придалъ я вымышленныя имена. Дядя Вибертовъ скончался въ горести и въ одиночествѣ. Маркуса больше не видали; и обезображенный трупъ, найденный въ лѣсу, былъ сочтенъ за его трупъ; никто однако же не могъ подтвердить сего навѣрное. Двѣ сестры прожили вмѣстѣ остатокъ ихъ жизни, скоро прекращенной горестью. Эдитъ ни разу болѣе не улыбнулась, Марія не выронила ни одной слезы. По мѣрѣ того, какъ разумъ къ нимъ возвращался, онѣ впадали въ какое-то странное равнодушіе. Видали ихъ прохаживавшихся по цѣлымъ часамъ, не говоря ни слова, на высотахъ и въ паркѣ Газледелля. Прежніе ихъ обожатели потеряли всю надежду извлечь ихъ изъ сей неутѣшной горести. Въ немногіе годы, красота ихъ увяла, прелесть изчезла. Эдитъ, бывъ живѣе и пылче, умерла первая: она скончалась, обнимая Марію, которая чрезъ нѣсколько дней послѣдовала за нею и была погребена въ той же могилѣ.

(*Изъ*: Revue Britannique, 1829.)

Сомовъ.

ЗЛОМУ ДУХУ.

Враждебный духъ, оставь меня!
Твои зловѣщіе разсказы
Душѣ тлетворнѣе заразы,
Опустошительнѣй огня!
Твой взоръ угрюмый и печальной
Мятежнымъ пламенемъ облитъ,
Твой голосъ стонетъ и гремитъ
Напѣвомъ пѣсни погребальной...
И даже въ тотъ священный мигъ,
Когда, въ восторгѣ чувствъ живыхъ,
Въ свои любовныя объятья
Хотѣлъ бы всю природу сжать я,
Въ устахъ насмѣшливыхъ твоихъ
Кипятъ укоры и проклятья, —
И бурныя слова твои
Грозой могучей завываютъ,
И міръ волшебный, міръ любви
Въ покровы гроба облекаютъ...
О, удались, молю тебя!

Еще мой духъ живой и пылкой
Лелѣетъ мощная судьба
Своей волшебною улыбкой;
Еще доступна грудь моя
Слезамъ любви и вдохновеній,
И юности хранитель-Геній
Не позванъ Небомъ отъ меня!

М. Деларю.

1829.
Октябрь.

РѢЧИ,

произнесенныя въ публичномъ засѣданіи Французской Академіи, при принятіи въ члены оной Г. Ламартина.

1-го Апрѣля 1830.

Г. Ламартинъ, бывъ избранъ Французскою Академіей на мѣсто умершаго Графа Дарю, явился въ засѣданіе оной 1-го Апрѣля сего года и произнесъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые Государи!

Призванный болѣе вашею снисходительностію, нежели слабыми моими правами, къ той чести, которою пришелъ я нынѣ насладиться: видѣть имя, заимствующее отъ васъ все и воздающее вамъ столь мало, вписаннымъ въ число именъ вѣка, коего вы краса и избранники,—я долго медлилъ явиться посреди васъ и принять ту долю славы, которую вы удѣлили мнѣ, принести вамъ дань моей благодарности и моего счастія. Моего счастія! такъ, я чувствовалъ его тогда! Отличіе, каковаго удостоило меня ваше благоволеніе, сія слава литературная, которой вашъ выборъ служитъ наградой или предвѣстіемъ, сей блескъ уваженія и доброжелательства, который разливается на семейство, на цѣлую отчизну избраніемъ одного изъ сыновъ ея; всѣ сіи радости ума, семейства и отчизны, для меня удвоивались! Онѣ отсвѣчивались въ другомъ сердцѣ. То время прошло! Ни одинъ изъ дней долголѣтней жизни не можетъ возвратить человѣку того, что отъемлетъ у него роковый день, когда онъ въ глазахъ друзей своихъ прочтетъ, чего никакой языкъ не осмѣлился бы ему вымолвить: у тебя нѣтъ уже матери! Всѣ восхитительныя воспоминанія прошедшаго, всѣ нѣжныя надежды будущаго изчезаютъ при семъ словѣ; оно наводитъ на жизнь его тѣнь смерти, — мрачный покровъ, котораго и сама слава уже не въ силахъ приподнять! Сіи радости, сіи успѣхи, сіи вѣнки... что ему въ нихъ? Онъ можетъ только принести ихъ на гробъ!

Такъ Провидѣніе, облеченное покровомъ при нашихъ радостяхъ, какъ и при горестяхъ нашихъ, ждетъ насъ съ смертнымъ приговоромъ въ часъ нашего суетнаго торжества! И надежнѣе тѣхъ завистливыхъ уничиженій, которыя Древніе примѣшивали къ своимъ почестямъ, дабы ослабить упоеніе оными, — въ тотъ мигъ, когда сердце наше возвышается, когда сосудъ нашего счастія переполняется, оно сражаетъ насъ однимъ словомъ, все отравляющимъ и громко раздающимся въ услышаніе намъ: «ты. . . ничто! Ты не болѣе, какъ человѣкъ! игралище смерти, сынъ того, что уже не существуетъ!«

Въ то время, какъ я готовился воздать здѣсь памяти мужа, мнѣ не знакомаго, дань вашихъ надгробныхъ приношеній и приношеній цѣлой Франціи; въ то время, какъ я искалъ въ серцахъ вашихъ, въ воспоминаніяхъ неутѣшнаго его семейства, сѣтованій и похвалъ, неизсушимый источникъ слезъ открылся въ собственномъ моемъ сердцѣ; и горесть, которую долженъ я былъ изобразить — самъ я обреченъ былъ чувствовать и подавлять!

И такъ простите мнѣ, М. м. Г.г., если я слабо отвѣчаю на то, чего вы были въ правѣ ожидать отъ преемника Графа Дарю, и чего требовала отъ меня память сего мужа, названнаго еще при жизни своей человѣкомъ прямодушнѣйшимъ! Я говорю, въ семъ святилищѣ слова, языкомъ, мнѣ чуждымъ; я говорю о скорби общественной, подавляемый моею собственною скорбію; но я говорю о такомъ человѣкѣ, коего единое имя уже служитъ прославленіемъ его памяти, и коего жизнь сама себя похваляетъ, по сознанію всѣхъ друзей добра.

Поэтъ, Философъ, Ораторъ, Историкъ, блюститель порядка, Государственный человѣкъ.... толикія титла сначала васъ изумляютъ! Толикія титла и меня изумили. Вы ищете таковой всеобъемлемости въ самомъ человѣкѣ? Но она въ его времени: Исторія нашего таланта есть почти всегда Исторія нашей жизни.

Онъ родился, онъ былъ брошенъ на сцену міра въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ эпохъ, когда разсѣянное общество уже дѣлается ничѣмъ, а человѣкъ всѣмъ: эпохи, пагубныя для міра, славныя для человѣка въ частности! времена бурныя, укрѣпляющія характеръ, когда онъ не сраженъ грозою! треволненія общественныя, возвышающія человѣка, когда они его не потопляютъ! Во дни порядка и устройства, поприще каждаго тѣсно, тропа назначена, жизнь, такъ сказать, написана напередъ. Мы рождаемся въ томъ званіи, которому фортуна обрекла насъ; общество стѣсняетъ ряды свои съ права и съ лѣва, должно слѣдовать за тѣми, которые идутъ передъ нами, должно подаваться впередъ отъ тѣхъ, которые слѣдуютъ за нами по общественной колеѣ, изрытой за долго до насъ. Мы идемъ по ней болѣе или менѣе твердымъ шагомъ, съ единымъ отличіемъ частныхъ нашихъ силъ или слабостей, и приходимъ къ рубежу; если мы стоимъ того, насъ называютъ, насъ изображаютъ въ двухъ словахъ! и вотъ страница нашей жизни въ цѣломъ столѣтіи! Перемѣните имя — и та же самая страница будетъ исторіей сотни другихъ людей.

Но въ тѣхъ драмахъ безпорядочныхъ и кровавыхъ, кои движутся при паденіи или возрожденіи Царствъ, когда старый порядокъ рушился, а новый еще не начинался; въ сихъ высокихъ и ужасныхъ междуцарствіяхъ разума и правъ, которыхъ мысль не осмѣливается созерцать и на которыя сама Исторія набрасываетъ покровъ, изъ опасенія, чтобы человѣчество не устыдилось при своемъ пробужденіи, — все измѣняется. Сцена наводнена народомъ: люди уже не актёры, они люди; они сходятся, перевѣдываются грудь съ грудью; они не говорятъ уже условнымъ языкомъ своихъ ролей, они говорятъ сильнымъ и внезапнымъ языкомъ своихъ выгодъ, своихъ нуждъ, своихъ страстей, своихъ умоизступленій! Геройство, низости, таланты, геній, самое скудоуміе—все служитъ къ чему нибудь; всякое оружіе хорошо! Всему свое царствованіе, свое вліяніе, свой день. Одинъ падаетъ, потому что несетъ на себѣ другаго; никто не на своемъ мѣстѣ, или покрайней мѣрѣ не на долго на ономъ; тотъ же человѣкъ, поднятый непостоянствомъ волны народной, поперемѣнно находится въ самыхъ разновидныхъ положеніяхъ, при самыхъ противоположныхъ должностяхъ; счастіе играетъ талантами, какъ и характерами! Потребны рѣчи для народной площади, планы для совѣта, пѣсни для торжествъ, просвѣщеніе для законодательства, искусныя руки для накопленія золота, руки надежныя для взиманія онаго. Ищутъ человѣка; собственное достоинство его указываетъ: нѣтъ извиненій, нѣтъ отказа! опасность ихъ не пріемлетъ! На него возлагаютъ на удачу бремя, самое не соотвѣтственное его силамъ, самое противное его наклонностямъ; и если изъ сихъ жертвъ народнаго благоразположенія, сыщется человѣкъ, одаренный въ равной мѣрѣ добродѣтелями и твердостію духа, дѣятельностію и силами, всегда способный къ той ролѣ, которую ему предназначаютъ, ежели только сія роля почтенна; всегда свыше того бремени, которое на него налагаютъ, ежели только согласится принять оное; всегда готовый къ самопожертвованію, ежели совѣсть ему повелѣваетъ оное; тогда умъ сего человѣка расширяется, дарованія возвышаются, способности множатся. Каждое бремя созидаетъ въ немъ новую силу, каждая должность новое достоинство, каждое пожертвованіе новую добродѣтель. Онъ становится возвышеннымъ по обстоятельствамъ, всеобъемлющимъ по необходимости; и въ годину, когда власть, которая одна только можетъ слѣдовать за безначаліемъ, деспотизмъ, такъ же сильный своею необходимостію, является и ищетъ себѣ подпоръ изъ среды того, что революція оставила неприкосновеннымъ и чистымъ, — тогда онъ видитъ сего мужа, присвоиваетъ его себѣ, возвышаетъ его и говоритъ: сей мужъ не принадлежитъ къ толпѣ: это мужъ порядка, мужъ власти, мужъ исправленія: онъ мой! Сей мужъ былъ Графъ Дарю. Тайна его всеобъемлемости начертана въ судьбѣ его; тайна его силъ и ума его будетъ вамъ изъяснена въ его должностяхъ и въ его твореніяхъ.

Рожденный въ Монпелье 1767 года, отъ почтеннаго и знатнаго семейства, Г. Дарю получилъ воспитаніе, сообразное своему произхожденію, и былъ предназначаемъ для военной службы. Революція застала его еще въ молодости; она являлась тогда, какъ заря нравственнаго и политическаго возрожденія: тогда еще не знали, что народы возрождаются не теоріями, но добродѣтелію и смертію, и кровавая сѣкира революцій не была взвѣшена въ разчетахъ надежды. Г. Дарю провелъ подъ знаменами все время, въ которое стекалась туда вся Франція; опредѣленный въ Военное Министерство, онъ добровольно вышелъ оттолѣ 18-го Фруктидора, съ желаніемъ вѣрно служить отечеству въ его опасностяхъ; но въ его страстяхъ или въ его преступленіяхъ — никогда. Десять мѣсяцевъ темничнаго заключенія заставили его купить дорогою цѣною сей день твердости духа и добродѣтели. Какъ Генералъ-Провіантмейстера армій, главнаго Секретаря Военнаго Министерства, Коммисара для исполненія условій, заключенныхъ при Маренго, уже имя его соединялось съ повѣствованіемъ о нашихъ побѣдахъ; уже онъ водворялъ порядокъ, свѣтъ и безкорыстіе въ семъ управленіи войсками, дотолѣ смутномъ, какъ грабежъ, непредусмотрительномъ, какъ случай. Уже человѣкъ, котораго взглядъ былъ сужденіемъ, отличилъ его въ толпѣ, и призналъ въ немъ ту терпѣливость и ту силу духа, которую онъ, въ геніальной своей грубости, уподоблялъ быку и льву. Скоро потомъ мы находимъ его Трибуномъ: сіе названіе звучитъ несогласно съ именемъ Г. Дарю! Онъ и былъ Трибуномъ только по названію. Вышедъ изъ школы безначалія, мужъ ума твердаго и сердца праваго, въ сію годину онъ лучше постигалъ власть, нежели свободу; власть была необходимостію тогдашняго времени; и, не усомнимся, что въ семъ-то ужасѣ своеволія должно искать начала его преданности человѣку, бывшему воплощенною властію, потому что онъ былъ непреклонною волей. Между диктаторствомъ и безначаліемъ, Г. Дарю, какъ и Франція, не затруднился въ выборѣ: дабы перейти отъ своеволія къ свободѣ, народамъ остается одинъ только путь — самодержавіе.

Генералъ-Интендантъ большой арміи и завоеванныхъ областей, Государственный Секретарь въ 1811 году, Министръ Военнаго управленія въ 1813, Г. Дарю вездѣ являлъ ту же твердость ума, ту же плодовитость въ средствахъ, ту же непреклонность обязанностей, кои всегда заставляли ему удивляться, частью благословлять его, и, скажемъ болѣе, иногда страшиться въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ устроивалъ завоеваніе. Служеніе ужасное для сердца благороднаго — быть отголоскомъ побѣды, требовать у народовъ побѣжденныхъ или мзды за ихъ свободу, или выкупа за ихъ пораженіе! Характеръ Г. Дарю прошелъ сквозь сіе тяжкое испытаніе, какъ бы сквозь испытаніе огнемъ, не бывъ онымъ обожженъ; и, въ тѣхъ должностяхъ, въ которыя Римъ опредѣлялъ неумолимѣйшихъ своихъ Проконсуловъ, въ которыхъ трепещущіе народы ожидаютъ увидѣть только Верресовъ, они познали съ уваженіемъ, хотя и съ прискорбіемъ, руки безкорыстныя, умъ возвышенный и сердце человѣка честнаго.

Среди всѣхъ сихъ должностей, въ коихъ умъ съ трудомъ находитъ минуту досуга, какимъ образомъ Государственный человѣкъ нашелъ время для Философіи, для Исторіи, для Поэзіи? Въ минуты, всегда употребленныя; въ часы, похищенные по минутамъ, не у обязанностей его, но у забавъ, у ночи, у сна; въ душѣ, всегда дѣятельной, для которой трудъ былъ отдыхомъ отъ труда.

(*Продолж. въ слѣдующ.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Подснѣжникъ на 1830 годъ. — С. П. б. въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія. 1830. (въ 16-ю д. л. 177 стран.)

Стихотворенія Трилуннаго, Альманахъ на 1830 годъ. Двѣ части. — С. П. б. въ тип. К. Крайя 1830. (въ 16-ю д. л. въ 1. ч. 112, во 2. ч. 111 стран.)

Весенніе Цвѣты, подарокъ для Свѣтлаго Праздника на 1830 годъ. — М. въ тип. Н. Степанова, при Импер. Театрѣ. 1830. (въ 16-ю д. л. 155 и 10 стран.)

Подснѣжникъ, въ прошломъ году изданный къ Святой Недѣлѣ нѣсколькими Писателями, хорошо знакомыми Рускимъ читателямъ, имѣлъ нынѣшній годъ трехъ послѣдователей. Въ числѣ ихъ одинъ явился съ его именемъ, но только съ именемъ, ибо онъ, исключая прекрасную эпиграмму Пушкина и двѣ-три порядочныя пьесы другихъ сочинителей, далеко отсталъ отъ своего соименника во всемъ, даже въ красивости и чистотѣ изданія. — Нѣкто, человѣкъ съ талантомъ, скрывающійся подъ прозваніемъ Трилуннаго, выдалъ Альманахъ, заключающій въ себѣ собраніе стихотвореній самого издателя (новость у насъ, но бывалое въ Германіи!). Ежели сочинитель оныхъ молодой человѣкъ, то мы примемъ смѣлость изъ доброжелательства къ юному таланту, подающему благія надежды, попросить его: продолжать много писать, но не торопиться печатать. Не громкія рукоплесканія учтивыхъ знакомыхъ, но время, благотворно охлаждающее родительское пристрастіе Авторовъ къ ихъ произведеніямъ и строгій, всегда полезный судъ безпристрастныхъ друзей, вспомоществуютъ хорошему созрѣнію дарованій поэтическихъ. Примѣръ Пушкина можетъ быть убѣдителенъ. Не смотря на живое, нетерпѣливое ожиданіе многочисленныхъ любителей его Поэзіи, онъ ни одного значительнаго стихотворенія не печатаетъ, пока оно не полежитъ въ его портфёлѣ три или четыре года.

Весенніе Цвѣты напечатаны въ изъявленіе благодарности Князю Николаю Борисовичу Юсупову, облагодѣтельствовавшему издателя оныхъ. Подвигъ похвальный и благородный!

СМѢСЬ.

Майскій подарокъ дѣтямъ обоего пола. Три нравоучительныя повѣсти, соч. О. Сомова. — Подъ симъ заглавіемъ, книгопродавецъ И. В. Слёнинъ издалъ небольшую книжку съ 12-ю искусно разкрашенными картинками. Цѣна ей 5 р.

Ягупъ Скупаловъ, или исправленный мужъ. — Таково заглавіе новаго романа, нѣкогда по частямъ помѣщавшагося въ *Отечественныхъ Запискахъ*, издав. Г. Свиньинымъ. — 4 части сего романа продаются по 8 р.

Петербургъ дѣлается какъ бы средоточіемъ современной Польской Литературы: Стихотворенія Мицкевича, Стихотворенія Ходзьки изданы здѣсь. Скоро появятся еще, на Польскомъ же языкѣ, стихотворенія Корсака. Мы имѣемъ уже весьма хорошую Польскую Газету: Tygodnik. Съ 17 числа наступающаго Маія будетъ здѣсь еще издаваться, по полулисту въ недѣлю, другая Газета: Bałamut. Содержаніе или по крайней мѣрѣ направленіе оной, кажется, будетъ юмористическое, что показываетъ самое заглавіе (*Шалунъ*). Въ составъ сей Газеты будутъ входить: Библіографія, Критика, Повѣсти, Стихотпоренія и пр. Цѣна годовому изданію 15 р. съ разноской по домамъ 18 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Апрѣля 30-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМ. I. №. 26. МАІЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маіѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ) и 31 (въ Субботу).

ПРОГУЛКА ВЪ ОКРЕСНОСТЯХЪ ЛОНДОНА.

Виндзоръ, Августа 20-го 1827.

Мнѣ надобно было отдохнуть отъ великолѣпія и шума Лондонскаго. — Тамъ, во всѣ часы, столько дилижансовъ и пароходовъ направляется во всѣ стороны, что нѣтъ нужды приготовляться къ пути. Собравъ въ дорожный мѣшокъ свой необходимый туалетъ для трехдневной прогулки, я отправилъ съ нимъ впередъ Вильгельма, а за нимъ и самъ пустился пѣшкомъ къ Вестминстерскому мосту, мимо котораго *Ричмондскій* утренній пароходъ долженъ былъ проходить въ половинѣ 9-го часа. — Онъ курился еще за *Веллингтоновымъ* мостомъ, — и я, въ ожиданіи, любовался величіемъ Вестминстерскаго Аббатства. Вскорѣ, пароходъ поравнялся съ нами — и я попалъ съ уединенными размышленіями своими, почерпнутыми на мрачномъ зодчествѣ Вестминстера, въ хаотическій шумъ пароходнаго общества. Не говоря по-Англійски, я невольно сошелся съ двумя болтливыми Французами, коихъ живость рѣзко противорѣчила важности Англичанъ. Хотя мои новые знакомцы были любезны; но, наскуча ихъ разспросами, я оставилъ ихъ для двухъ прекрасныхъ бѣлокурыхъ дѣтей, чрезъ которыхъ я скоро познакомился съ ихъ молодою голубоокою матерью... Она — хотя она и очень мила была.... но вы не за тѣмъ читаете письмо мое, чтобъ видѣть въ немъ описаніе красавицъ, мною встрѣчаемыхъ. Обратимся къ окрестностямъ.

Дымная атмосфера Лондона уже за нами; она обнимаетъ обширнымъ сводомъ огромную столицу и густота испареній едва позволяетъ различать куполъ *Св. Павла* и башни *Вестминстера*.... Мы быстро разсѣкаемъ тихую Темзу; угольный запахъ теряется, зефиры навѣваютъ на насъ лиственный запахъ изъ прибрежныхъ садовъ; ихъ деревья, склоненныя надъ водами, миловидныя уединенія, гуляющіе жители — развлекаютъ плавателя. На половинѣ дороги до *Ричмонда* подошли мы подъ чугунный навѣсный мостъ, столь легкаго построенія, что онъ кажется едва касающимся береговъ. Если бы вы были любительница механики, милая Алина, то я непреминулъ бы сообщить вамъ разсказы, дѣланные мнѣ Англичанами объ ихъ чугунныхъ заводахъ; но, я предпочитаю указать вамъ на этотъ мостъ только мелькомъ — такъ точно, какъ и мы сами его видѣли...

Но вотъ, мы приближаемся уже къ окрестностямъ *Ричмонда*. Вы, которая такъ хорошо знакома съ Британскою Литературою, прочтите описаніе *Ричмонда* въ стихахъ *Томсона*: только оно можетъ дать вамъ понятіе о семъ волшебномъ мѣстѣ. — Почти отъ самаго *чугуннаго* моста, берега Темзы начинаютъ возвышаться болѣе и болѣе и дѣлаются часъ отъ часу лѣсистѣе. Воды Темзы теряютъ свой мутный цвѣтъ, и наконецъ совсѣмъ проясняются, какъ будто для того, чтобъ отражать горные берега *Ричмонда*, построеннаго на лѣсистомъ скатѣ. Внизу, многорощная и холмистая долина, по коей протекаетъ Темза, извиваясь и образуя островки, — такъ свѣжа, такъ ярка, какъ сама весна! — Дорога въ Ричмондъ довольно крута; весь городъ состоитъ почти изъ одной улицы, построенной на террасѣ подъ тѣнью огромныхъ липъ; и съ сей-то террасы открывается видъ столь прелестный, что онъ похожъ на сонъ!

Я не даромъ выставилъ Томсона; подъ его покровительствомъ, вы меня конечно избавите отъ описанія сего мѣста, которое, право, не можетъ быть иначе описано, какъ токмо кистью живописи или звуками поэзіи; сія послѣдняя, разгорячивъ воображеніе главнѣйшими предметами, вдругъ оставляетъ васъ созидать по произволу картину, которая всегда бываетъ тогда похожа на оригиналъ.

Ахъ, милая Алина! періодъ мой весьма кстати начался вздохомъ... Сколько ихъ вылетало изъ груди моей, когда я бродилъ по рощамъ Ричмондскимъ! — Я то погружался въ непроницаемую тѣнь ихъ; то выходилъ изъ-за кустарниковъ къ плеску зыбей; то топталъ цвѣточные луга; то взбирался на крутизны, — и тамъ, сѣвъ въ задумчивости и глядя въ даль, мечталъ и долго мечталъ . . .

Ричмондъ напомнилъ мнѣ *Альбано*, въ окрестностяхъ Рима:

Но тамъ я не былъ одинокъ ! . . .
Съ высотъ лѣсистыхъ древней *Альбы* —
(О если бъ тамъ я скрыться могъ !)
Я никуда не простиралъ бы
Желаньями томимый взоръ ! . . .
По крутизнамъ Латинскихъ горъ,
Чрезъ скрытыя въ плющѣ дорожки ,
Среди классической земли,
Римлянки маленькія ножки
Тамъ за собой меня влекли ! . .
Тамъ, изъ столицы Семихолмной ,
Мы часто уклонялись съ ней
Въ Сабинскій уголокъ укромной ,
Подъ тѣнь платановыхъ вѣтвей . . .
. . . .
Красивъ и чистъ былъ сельскій домъ,
Въ лѣсу, двухъ дикихъ горъ въ ущельи ;
Съ женою и дѣтьми жилъ въ немъ
Младой пастухъ на новосельи.
Какъ часто, подъ забвенный кровъ
Слетала къ нимъ сама Киприда
И Граціи безъ поясовъ . . . 1.)
И ты, вторая *Ликорида*,
Ты здѣсь , безъ *Галла* своего, 2.)
Бывъ Скиѳомъ, варваромъ любима ,
Позабывала для него
Кичливый блескъ и славу Рима ! . . .
. . . .
Тамъ , на обломкѣ скалъ великомъ ,
Я, для цвѣточнаго вѣнца,
Чертилъ на языкѣ, ей дикомъ ,
Стихи Тибурскаго пѣвца :
« Кто сей , на ложѣ розъ душистыхъ ,
« Весь благовоньями облитъ ,
« Съ тобой, подъ сводомъ скалъ тѣнистыхъ,
« Обнявшись, — нѣгою горитъ ? . . .
« Къ кому , съ златой косой развитой,
« Небрежной роскошью гордясь ,
« Лилейной грудію разкрытой
« Приникъ — страстью утомясь ? . . . 3.)
. . . .

Но чувствую, что я отступаю отъ предмета. — Роскошь природы склонила меня къ поэзіи, но перенесла меня подъ другое небо, гдѣ я былъ счастливъ ! — И я забылъ, что нахожусь уже не тамъ, но посреди Британцевъ, *отдѣленныхъ*, по словамъ Виргилія, отъ *земнаго шара*. 4)

Пора , пора за прозу. — Я провелъ этотъ разъ не болѣе четырехъ часовъ въ Ричмондѣ — и все это время я былъ на чистомъ воздухѣ, гуляя или сидя на террасѣ подъ липами, куда собирается все общество. Оно состоитъ въ сіе время года изъ Лондонскихъ Лордовъ, которые по службѣ своей не могутъ далеко уѣзжать изъ столицы.

Большой Королевскій паркъ занимаетъ здѣсь вершину горы, откуда виденъ куполъ С. Павла и окрестности Лондона.

Я хотѣлъ побывать, тѣмъ же днемъ, въ *Гамптонкуртѣ*, и ночевать въ Виндзорѣ. За полчаса до отъѣзда, я встрѣтилъ моихъ пароходныхъ Французовъ; узнавъ планъ моего путешествія, они предложили сопутствовать мнѣ до *Гамптонкурта*; я согласился; они звали меня завтракать въ богатыя гостинницы: *Подвязки* или *Тальбота* — но я не хотѣлъ разстаться съ прогулкою, уговорилъ ихъ итти безъ меня, взявъ на себя попеченіе нанять почтовую карету; мы разстались. — Условясь съ Почтмейстеромъ за 1½ ф. стерл., я хотѣлъ было итти къ моимъ спутникамъ, какъ вдругъ увидѣлъ у самаго почтоваго двора, въ дверяхъ такъ называемаго ale-house, такую красавицу, что, по истинѣ, мало видалъ таковыхъ. Не вообразите себѣ здѣшніе ale-houses, похожими на наши *портерныя лавочки*: туда никому не стыдно зайти. Я позабылъ про дорогу и вошелъ въ домъ красавицы; она тотчасъ отправилась въ свой бюфетъ и загородя себя подъемнымъ столомъ, предлагала мнѣ свои услуги. Заглядясь на нее, я не зналъ, чего спросить; но видя, что всѣ пьютъ пиво, спросилъ и себѣ кружку, взялъ стулъ и расположился возлѣ милой хозяйки. Мои Французы, проискавъ меня довольно долго, нашли меня въ этомъ самомъ положеніи съ едва початою кружкою. Лошади давно уже были впряжены, — и за получасовую просрочку, почталіонъ вытребовалъ съ меня лишнихъ 5 шиллинговъ въ присутствіи моей Музидоры. — Мы взглянули другъ на друга — и я не могъ не сказать ей, что я не въ послѣдній разъ въ Ричмондѣ.

Справедливо опасаясь утомить васъ, я оставлю и *Гамптонкуртъ* и *Виндзоръ* до другой почты.

А. Норовъ.

УЗНИЦА ВОСТОКА.

Какъ много сильныхъ впечатлѣній
Еще душѣ недостаетъ !
Въ тюрьмѣ минула жизнь мгновеній,
И медленъ и тяжелъ полетъ
Души моей, не обновленной
Явленій новыхъ красотой ,

---

1) Горац. К. I. O. XXX.
2) Вирг. Экл. X.
3) Горац. К. I. O. V.
4) Вирг. Экл. I. С. 67.

Из фондов Российской Государственной Библиотеки

И дней темничныхъ чередой,
Безъ сновъ любимыхъ, усыпленной;
Прошли мгновенья бытія,
И на землѣ настала вѣчность;
Однообразна жизнь моя,
Какъ Океана безконечность . . .
Но онъ кипитъ: свои главы
Подъемлетъ онъ на вызовъ бури!
То отражаетъ сводъ лазури
Бездоннымъ сводомъ синевы;
Пылаетъ въ заревахъ; кровавый
Онъ брани пожираетъ слѣдъ,
Шумя въ отвѣтъ на громы славы
И клики радостныхъ побѣдъ.
Но мысль моя, едва живая
Течетъ, въ себѣ не отражая
Великихъ міра перемѣнъ:
Все прежній міръ она объемлетъ,
И за оградой душныхъ стѣнъ,
Востока узница не внемлетъ
Восторгамъ западныхъ племенъ.

РАЗГОВОРЪ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

«Разводитъ и у насъ разсадникъ свой Британецъ.
«Что скажешь ты: каковъ нашъ Дмитрій Самозванецъ?»
— Худое слово мнѣ сказать о немъ грѣшно:
А ты что думаешь? — «О, вовсе не одно!»
— Да ты читалъ его? — «Къ несчастью!» — То другое:
Я нѣтъ, и въ споръ нейду: ты правъ; но правъ я вдвое.

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ, ПРИ ПРИНЯТІИ ВЪ ЧЛЕНЫ ОНОЙ Г. ЛАМАРТИНА.

(*Окончаніе Рѣчи Г. Ламартина.*)

Переводъ Горація, переводы изъ Цицерона, поэма о Вашингтонѣ, поэма: Альпы, поэма на междоусобную войну (La Fronde), посланіе къ Делиллю, переводъ Касти, стихотворныя рѣчи, рѣчи Академическія, сочиненія о книжной торговлѣ, объ очищеніи казенныхъ долговъ, Исторія Бретани, Исторія Венеціи; наконецъ поэма объ Астрономіи, на дняхъ только изданная и обѣщающая освѣтить его гробницу позднѣйшимъ, но самымъ яркимъ лучемъ его славы: таковы были, такъ названные имъ самимъ, его досуги. Вы знаете, М. м. Г.г., почти всѣ его творенія. Онъ любилъ вамъ приносить опыты своего ума, и находилъ въ вашемъ одобреніи первенцы одобренія публики, которое хотѣлъ онъ стяжать, подобно какъ стяжалъ онъ свое имущество: трудомъ и праводушіемъ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ семъ святилищѣ знаній, отличнаго вниманія удостоился отвѣтъ его Дюку Матвѣю Монморанси, скоро похищенному у надеждъ отчизны и довѣрія престола, и принесшему вамъ, во свидѣтельство правъ своихъ, душу Фенелона, коего священная обязанность была на него возложена. Хотя несогласный съ нимъ въ политическихъ мнѣніяхъ, Г. Дарю уважалъ его: ибо всѣ добродѣтели понимаютъ другъ друга. Въ отвѣтѣ своемъ, онъ говорилъ ему о небесномъ его благочестіи, о неутомимой его благотворительности; и то былъ одинъ человѣкъ, которому можно было въ глаза говорить о его добродѣтеляхъ, ибо онѣ были тайной только для него самого. И его не стало! Голосъ болѣе счастливый прозвучалъ надъ его гробомъ и прославилъ посреди васъ сію жизнь, которой конецъ не столько подобился смерти, сколько таинственному сну праведника; но я не могъ произнести его славнаго имени, сего имени, которое вѣчно будетъ отдаваться въ моемъ сердцѣ, какъ во храмѣ, я не могъ произнести его, не остановясь на минуту, не почтивъ по малой мѣрѣ слезою и благоговѣніемъ ту доблесть, которая сіяла во дни нашихъ тревогъ подобно радугѣ примиренія и тишины, которая вступалась въ партіи единственно для того, чтобъ ихъ успокоить, въ словесность — чтобъ ее возвысить, въ политику — чтобъ ее облагородить. Будучи счастливѣе или несчастнѣе большей части изъ васъ, я присоединяю личныя мои сѣтованія къ сѣтованіямъ Франціи и Европы, сѣтованія драгоцѣнной и славной для меня дружбы. Послѣднія строки, начертанныя умирающею его рукою, сіи строки, прерванныя самою смертію, ко мнѣ были писаны; болѣе нежели кому другому, воспоминаніе сіе мнѣ принадлежитъ; и я буду ему вѣренъ! Лестнѣйшею для меня почестью въ собственныхъ глазахъ моихъ, будетъ та, что я былъ любимъ такимъ человѣкомъ; и сладостнѣйшимъ для меня утѣшеніемъ, — сродниться съ его памятью и всегда благоговѣть предъ нею.

Любимѣйшимъ твореніемъ Г. Дарю былъ переводъ Горація, начатый въ темницахъ ужаса, продолжаемый и оконченный въ станѣ воинскомъ, во дворцахъ, среди превратностей жизни, исполненной приключеній и дѣятельности.

Горацій былъ Поэтомъ тогдашняго времени, какъ Данте, по видимому, Поэтъ нашего времени; ибо каждая эпоха поперемѣнно присвоиваетъ себѣ и обновляетъ юностію кого-либо изъ тѣхъ безсмертныхъ геніевъ, кои также всегда бываютъ людьми случайными: она сама въ нихъ отсвѣчивается, она находитъ въ нихъ свой собственный образъ и такимъ своимъ предпочтеніемъ обличаетъ свой характеръ. Тогдашнее время подобилось времени Августа; Европа выходила изъ тяжкихъ опытовъ революціи, которой еще не постигала; должно было отвратить взоръ отъ минувшаго, покрытаго кровью и грязью; не дивиться ничему, nil admirari: ни перемѣнѣ властей, ни перемѣнѣ ролей, ни ропоту, ни лести, ни раболѣпству народному; должно было скользить по всему, чтобъ не задѣть ничего; бросать на все окружающее только взоръ поверхностный и небрежный, чтобы не впасть въ ужасъ и отвращеніе, и проповѣдовать людямъ только ту мудрость безпечную и легкомысленную, тотъ Эпикуризмъ ума, который не пробуждаетъ разкаянія въ рабствѣ, подозрѣнія въ самовластіи, мститъ за все легкою улыбкой насмѣшливости, забавляетъ равнодушіе, утѣшаетъ слабость, извиняетъ низость и который по плечу пороку, равно какъ и добродѣтели. Таковъ Горацій, другъ Брута, другъ Мецената; человѣкъ, бросившій свой щитъ въ Филиппахъ и воспѣвающій стоическую твердость духа, justum ac tenacem, посреди утѣхъ Тибурскихъ и благосклонностей Рима. Такой Поэтъ долженъ былъ нравиться въ такое время. Безпокойная тогдашняя власть долженствовала видѣть съ тайною радостію, что умы, отвлеченные отъ помысловъ сильныхъ, отъ рѣшимости важной, обращались къ той Философіи сговорчивой и изнѣженной, которая принимаетъ судьбу съ терпѣніемъ, а людей съ шуткой. Тираны, да и самые народы, столь же алчные къ ласкательству, какъ и Тираны, всегда любили Поэтовъ сей школы. Не для нихъ отпираются тюрьмы Феррарскія, воздвигаются лобныя мѣста Рушера и Андрея Шенье; не для нихъ есть каменоломни въ Сиракузахъ, а изгнанія во Флоренціи. Они поютъ, увѣнчанные беззаботными Граціями, на пиршествахъ властителей міра или на Сатурналіяхъ народныхъ; тайное сочувствіе связываетъ ихъ со всѣми тиранніями; ибо сіи Поэты ослабляютъ людей нѣгою въ то время, какъ Софисты ихъ развращаютъ, а Тираны налагаютъ на нихъ узы.

Не такова была мысль Г. Дарю, когда онъ прелагалъ Горація: Горацій былъ другъ его души; онъ хотѣлъ содѣлать его другомъ своего вѣка, но онъ предпринялъ дѣло самое трудное, можно почти сказать, дѣло самое невозможное для ума человѣческаго. Нельзя никого перевести: особенность языка и слога столь же несообщима, какъ и всякая другая особенность. Много, что мысль переносится изъ одного языка въ другой; но форма мысли, но краски, но гармонія оной ускользаютъ: а кто можетъ объяснить, чѣмъ форма бываетъ для мысли, чѣмъ краска бываетъ для изображенія? Но если то, что думаютъ перевести, даже и не мысль: если это только бѣглое впечатлѣніе, недоконченная мечта воображенія или души Поэта, неясный, своенравный звукъ его лиры, нагая, неуловимая прелесть его ума, — тогда что останется подъ рукой у прелагателя? Нѣсколько словъ пустыхъ и неловкихъ, подобныхъ тѣмъ монетамъ изъ тусклаго и тяжелаго металла, на которыя вы промѣниваете драхму золота, яснѣющую своимъ штемпелемъ и своимъ блескомъ. Къ тому же, въ Поэзіи давняго вѣка есть всегда какая-либо часть уже мертвая, какой-либо смыслъ времени, нравовъ, мѣстъ, вѣрованій, мнѣній, коего мы уже не понимаемъ и который не можетъ уже насъ тронуть. Отнимите у Поэзіи ея время, ея вѣру, словомъ, ея оригинальность — и что въ ней останется? То, что остается въ статуѣ боговъ, изъ которой божество удалилось: кусокъ мрамора, лучше или хуже изсѣченный! Переворотъ, каковый Христіанство должно было произвести въ Поэзіи, сей переворотъ, коего постепенный ходъ ощутителенъ въ Данте, въ Мильтонѣ, въ Тассѣ, въ Петраркѣ, въ Гоѳоліи Расиновой, дѣйствовалъ на насъ медленно: мы были Христіане въ сердцахъ, и язычники устами; отсюда-то проистекали холодность и разногласіе между Поэзіей и сердцемъ человѣческимъ. Но сей переворотъ наконецъ проявляется: онъ отрываетъ насъ отъ Музы безъ самоличности, отъ Философіи безъ надежды и правилъ, отъ Миѳологіи безъ вѣрованія; онъ требуетъ отъ насъ чего-то важнаго и таинственнаго, какъ жребій человѣчества, возвышеннаго, какъ наши надежды, безконечнаго, какъ наши желанія, строгаго, какъ наши обязанности, глубокаго и нѣжнаго, какъ наши мысли и склонности! Онъ требуетъ отъ насъ того, что отецъ всей новѣйшей Поэзіи опредѣлилъ такъ хорошо: Il parlar che nell' anima si sente! того языка, который понятенъ душѣ человѣка, который вѣщаетъ и отзывается въ ней, живый отголосокъ нашихъ сокровеннѣйшихъ чувствованій, мелодія нашей мысли!

Паденіе Имперіи, которой Г. Дарю былъ однимъ изъ столповъ, обратила его взоры къ изученію Исторіи. Онъ покушался писать ее; онъ избралъ Венецію: одинъ уже выборъ былъ выборъ Генія. Венеція, съ ея колыбелью, скрытою въ *лагунахъ* Адріатики, съ ея тиранническою свободой, съ ея восточными завоеваніями, съ ея вооруженною торговлей, съ ея избирательнымъ деспотизмомъ, съ ея развращенными правами и инквизиціоннымъ правленіемъ, подобится одному изъ тѣхъ готическихъ памятниковъ, полу-Арабскихъ и полу-Христіанскихъ, кои сама она воздвигла и коихъ странной и колоссальной архитектурѣ мы удивляемся, но не можемъ обозначить ея начала и конца. Это Альамбра Исторіи! или правильнѣе, это не Исторія, это романъ среднихъ вѣковъ. Это одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ разсказовъ Востока, гдѣ чудеса цѣпляются къ чудесамъ въ устахъ Арабскихъ разскащиковъ, до того какъ и дворцы и храмы, и герои и пышность — все изчезнетъ силою того же чародѣйства, которое ихъ воззвало, и все погрузится въ безмолвный гробъ Океана. Такъ пала и сія Царица моря въ ея собственныя волны! Венеція сама свой гробъ! Гробъ, достойный ея и повѣдающій самъ собою жребій могущественный и плачевный. Странникъ приходитъ искать ее въ ея развалинахъ, и каждый шагъ, звучащій на ея помостахъ, каждая трава, ростущая между ея обломками, каждый камень, упадающій въ ея полу-заваленные каналы, пробуждаютъ въ немъ, вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ таинственнаго страха, образы славы, роскоши и ничтожества. Г. Дарю часто возносился до высоты сего предмета: слогъ его отличается какимъ-то древнимъ чистосердечіемъ и важностію, тою величавостію первыхъ вѣковъ, когда Историкъ какъ будто-бы совершалъ священнодѣйствіе преданій. Сія важность ему прилична; не легкое и не шуточное дѣло, сіи уроки прошедшаго въ поученіе будущему! Мы любимъ находить въ тонѣ Историка что-то одушевленное, какъ впечатлѣнія, кои онъ пробуждаетъ, что-то возвышенное и печальное, какъ судьба Царствъ, кои возникаютъ изъ ничтожества, чтобы снова впасть въ оное съ малой долей праха и шума!

Послѣ сего памятника среднихъ вѣковъ, Г. Дарю пожелалъ соорудить другой, своему отечеству; онъ написалъ Исторію Бретани, но тутъ воспоминаній и красокъ ему не доставало. Съ областями то же, что и съ людьми: судьбы ихъ бываютъ независимы отъ ихъ относительной важности; *лагуна* на Адріатическомъ, скала на Средиземномъ морѣ, гора въ Іудеѣ или въ Аттикѣ, сильно пробуждаютъ симпатію поколѣній, тогда какъ обширныя и населенныя провинціи сохраняютъ одно свое имя въ памяти вѣковъ. Только отличительныя черты народовъ, какъ и лицъ частныхъ, выводятъ ихъ изъ толпы и врѣзываютъ въ нашихъ воспоминаніяхъ; слава, бѣдствія, бури политическія печатлѣютъ на нихъ сіи отличія: то морщины народовъ! Бретань ихъ еще не имѣла. Нельзя не пожалѣть, что взоръ Историка не проникъ далѣе въ древности Бретани; еще болѣе сожалѣнія достойно, что перо его остановилось на самой исторической страницѣ его повѣствованія, на той страницѣ, которая какъ-бы вырвана изъ Исторіи временъ героическихъ, когда вѣра Христіанина смѣшивалась съ вѣрностію воина, когда цѣлыя области сами собою возставали при единыхъ именахъ Бога и Короля, и, почерпая свои силы въ одномъ своемъ отчаяніи, возобновляли въ глуши Арморики чудеса древней любви къ отечеству, и являли побѣжденной или безмолвной Европѣ, что нѣтъ ничего непобѣдимѣе чувства великодушнаго въ сердцѣ человѣка, какъ бы чувство сіе ни называлось: преданностію или свободой; и что если вѣра и права Короля не долженствовали имѣть своего Саламина, то по крайней мѣрѣ они имѣли свои Ѳермопилы на землѣ Клиссоновъ и Дюгекленовъ.

Сіи великія творенія перемѣжались произведеніями, менѣе важными, стихотвореніями, исполненными ума и прелести, донесеніями, въ коихъ остались намъ сочиненія о высокихъ предметахъ управленія. Между ними особаго вниманія заслуживаютъ ежегодныя донесенія о тюрьмахъ, на имя Наслѣдника Престола, въ глазахъ котораго нѣтъ бѣдствій, отвратительныхъ для взора Царя, нѣтъ бѣдствій, недостойныхъ милосердія Христіанина, и который, подобно предкамъ его въ день ихъ помазанія на Царство, смѣло прикасается перстомъ къ постыднымъ язвамъ человѣчества, для облегченія или изцѣленія оныхъ!

Бывъ возведенъ въ достоинство Пера, Г. Дарю говорилъ въ Палатѣ съ тою возвышенностію таланта, съ тою зрѣлостію опыта и съ тою крутостію убѣжденія, кои суть плоды долголѣтняго и сильнаго воспитанія политическаго. Время и благотворное дѣйствіе возстановленія Королей научили его терпимости къ строгимъ правиламъ духа умѣренности и свободы, коихъ внушенія недоступны ему были въ шатрахъ завоевателя или подъ ярмомъ Диктатора. Онъ засѣдалъ на скамьяхъ оппозиціи, но оппозиціи, исполненной правоты и законности. Здѣсь мы не для того собрались, чтобы судить о мнѣніяхъ: для мнѣній нѣтъ другаго судіи, кромѣ совѣсти и времени. Подобно тѣмъ различнымъ вѣрамъ, коихъ алтари находятся въ одномъ и томъ же храмѣ, мы должны уважать ихъ, не преклоняясь предъ ними, и постигать ихъ, не раздѣляя. Никто не умѣлъ лучше Г. Дарю отличать душевныхъ влеченій человѣка частнаго отъ обязанностей человѣка общественнаго. Воспоминанія его были благодарностію, но никогда не были замысломъ! Онъ высоко цѣнилъ неизчетное благо возстановленія, которое отняло у него друга, но возрождало Европу. Не намъ порочить чувствованія, которыми сами мы похваляемся въ отношеніи къ дому нашихъ Королей, не намъ прикрываться двойною личиной, не намъ осуждать въ людяхъ, осыпанныхъ довѣріемъ и щедротами другаго человѣка, приверженность, которую не могли бы мы опозорить, не опозоривъ въ то же время всего благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго въ сердцѣ человѣческомъ: память сдѣланнаго добра, состраданія къ паденію и невинную вѣрность воспоминаній.

Таковы были, М. м. Гг., судьбы Графа Дарю, еще полныя обѣтованій и надеждъ, когда смерть запечатлѣла навсегда сію жизнь трудолюбивую и обрекла ее на покой прежде утомленія. Такъ мы проходимъ! такъ опадаетъ передъ нами, подобно листу съ деревъ, цѣлое поколѣніе, и уносится, человѣкъ за человѣкомъ, къ забвенію или къ безсмертію! Еще нѣсколько именъ знаменитыхъ, еще нѣсколько похвалъ громкихъ—и сіе поколѣніе, котораго волны и шумъ утомили міръ и отдадутся въ позднѣйшихъ вѣкахъ, уснетъ все сполна въ тишинѣ и безмолвіи. Когда сія минута настала, когда страсти и мнѣнія современныя погребены съ прахомъ угаснувшихъ поколѣній; когда любовь и ненависть, когда благодѣяніе и обида не раздаются болѣе въ сердцахъ человѣковъ новыхъ, тогда потомство возстаетъ и судитъ. Наступилъ часъ для сей великой славы XVIII вѣка, того вѣка, который, бывъ порожденъ въ развратѣ Регентства, взросъ подъ сѣнію царствованія, которое само себѣ измѣняло, игралъ безъ разбора оружіемъ софизма или оружіемъ здраваго смысла, подрывался подъ основу всѣхъ постановленій, не укрѣпивъ ихъ напередъ никакою опорой, дремалъ въ чаду надеждъ подъ голосъ Поэтовъ и Мудрецовъ своихъ и пробуждался при шумѣ падающихъ своихъ уставовъ, при заревѣ своихъ пожаровъ, при воплѣ жертвъ и палачей своихъ. Имя его, котораго мы донынѣ ищемъ, трудно будетъ найти! Съ самаго рожденія до конца его, все въ немъ есть: отъ жалости до ужаса, отъ удивленія до презрѣнія. Но, каково бы ни было его прозваніе, славное или мстительное, коимъ будущія поколѣнія заклеймятъ его въ чредѣ вѣковъ, мы можемъ здѣсь сказать, не опасаясь себѣ уликъ отъ потомства: то не былъ вѣкъ мысли, то былъ вѣкъ дѣйствія! Кощунствовавшая Философія не совершила въ немъ ни одного изъ тѣхъ шаговъ, кои переносятъ разумъ человѣческій подъ новый небосклонъ; искуства не были въ немъ вдохновенны, ибо никогда не созерцали они неба, отколѣ низходитъ всякое вдохновеніе; Поэзія небрегла въ немъ о своей лирѣ и вмѣсто ея схватила холодную кисть; она заглушила въ устахъ своихъ великое имя, имя Бога, которое должно звучать покрайней мѣрѣ въ душѣ Поэтовъ, сихъ живыхъ инструментовъ великаго концерта мірозданія. Только наука въ немъ возросла, потому что наука живетъ дѣйствіями, а не мыслями; только краснорѣчіе было въ немъ сильно, потому что краснорѣчіе принадлежитъ также къ дѣйствію. Голосъ Мирабо раздавался въ немъ, но раздавался съ каѳедры народной; Мирабо, одного изъ тѣхъ исполинскихъ мужей, кои являются при паденіи Царствъ, и кои, подобно Самсону, кажется, могутъ по волѣ своей одни поддержать столпы зданія, или увлечь ихъ въ своемъ паденіи. Но и самъ Мирабо стяжалъ бы въ вѣкѣ семъ только славу простонародную, когда бы не былъ первымъ изъ Ораторовъ и Трибуновъ.

И насъ, кои судимъ другихъ, и насъ самихъ скоро будутъ судить: скоро безпристрастное потомство потребуетъ отъ насъ правъ нашихъ на ту долю славы, которую мы считаемъ необъятною, и которую одно оно узнаетъ; скоро учинитъ оно страшный обыскъ о нашихъ мнѣніяхъ, кои мы называемъ правилами; о нашихъ предубѣжденіяхъ, кои мы считаемъ правосудіемъ; о нашемъ шумѣ, который мы пріемлемъ за славу. И сами мы уже себя судимъ; уже, призвавъ наши предразсудки во свидѣтели, наши склонности въ судіи, мы произносимъ, въ угоду нашимъ страстямъ, еще пылающимъ, приговоръ боготворенія или хулы вѣку, котораго мы видѣли только кровавую зарю; вѣку тмы для однихъ, вѣку свѣта для другихъ, вѣку преній для всѣхъ!

Не станемъ раздѣлять ни сего презрѣнія, ни сей гордости! не станемъ думать, будто бы истина, принадлежащая всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ людямъ, ожидала только нашего часа, чтобъ явиться безъ облака у нашей колыбели! Не позабудемъ, что всякая истина есть дщерь другой, *дщерь времени*, какъ говорили мудрецы, и что все просвѣщеніе виситъ на сей цѣпи преданій, которой златая цѣпь, поддерживавшая міръ, есть только блестящимъ знаменіемъ: но также не станемъ и клеветать на самихъ себя. День правосудія скоро наступитъ; и скоро потомство скажетъ, взвѣшивая наши памятники: «они были (что мы и въ самомъ дѣлѣ) люди двойной эпохи въ вѣкѣ перехода.»

Что до меня касается, Мм. Гг., то если бы, томимый симъ отвращеніемъ къ своему времени, вѣчнымъ недугомъ всего мыслящаго, покусился я быть несправедливымъ къ моему вѣку; тогда обратилъ бы взоръ на мужей, предъ лицемъ коихъ возносится нынѣ мой голосъ. Я узрѣлъ бы, въ семъ самомъ зданіи, Гомера Христіанства, сидящаго неподалеку отъ его Платона. Тамъ, сего Оратора-Философа, кого мысль и слово, равно себѣ присвоиваютъ, какъ ихъ правдивѣйшаго и глубочайшаго изтолкователя. Здѣсь, сего великодушнаго гражданина, кто первый осмѣлился навлечь на себя гнѣвъ тиранніи, когда все ей льстило или безмолствовало. Мужъ, достойный временъ Древности, если Древность была временемъ простоты нравовъ, добродѣтели, чистосердечія, ума высокаго, самопожертвованія, вмѣняющаго себя въ ничто, и славы, невѣдомой самой себѣ! Слово его, какъ мечъ-избавитель, разсѣкло сей узелъ рабства, привязывавшій Францію къ ярму утѣсненія, и долго будетъ оно раздаваться въ Исторіи нашей, какъ первый вздохъ возстановленія и свободы, излетѣвшій изъ сердца праводушнаго, достойнѣйшаго ея храма и краснорѣчивѣйшаго провозвѣстителя. — И сего Французскаго Плинія, въ которомъ геній есть око науки, и котораго обширный и мощный разумъ какъ бы созданъ природою на то, чтобы соглядать ее въ ея таинствахъ и описать въ ея величіи. И сего достопочтеннаго главу перваго нашего политическаго сословія, коего мудрость сольется въ будущемъ съ мудростію нашихъ узаконеній, имъ предуготовленныхъ. И сихъ вождей двухъ нашихъ сценъ драматическихъ: одни изъ нихъ искусные преемники классическихъ нашихъ образцевъ, кои они увѣковѣчиваютъ, другіе — смѣлые вводители новизны, изыскивающіе истину въ единой природѣ, а свѣтъ въ единомъ своемъ геніи. И сихъ Князей церкви, освящающихъ слово святынею ихъ добродѣтели; наконецъ, сего юнаго и свѣтлаго Квинтиліана, который, въ сѣни нашихъ училищъ, воздвигъ самъ собою краснорѣчивую каѳедру, и коего витійство, переходя за предѣлы сей каѳедры, возносится до высоты всѣхъ предметовъ, счастливо препинается со всѣми талантами! И если, переносясь за стѣны сего зданія, взоръ мой обращается на грядущее поколѣніе, я скажу, М.м. Г.г., скажу въ душевномъ и полномъ убѣжденіи, хотя бы меня обвинили въ желаніи преувеличить надежду и льстить будущему: счастливы тѣ, кои настанутъ послѣ насъ! Все предвѣщаетъ имъ великій вѣкъ, одну изъ отличительнѣйшихъ эпохъ человѣчества. Рѣка уже промчалась водопадомъ, волна смиряется, шумъ отдаляется, умъ человѣческій течетъ уже́ по широкому руслу, течетъ свободно и сильно; ему нечего уже бояться, кромѣ собственнаго стремленія, ему не отъ чего мутиться, кромѣ собственной тины. Намѣреніе прямодушное увлекаетъ его и даетъ ему направленіе; неутомимая жажда усовершенствованія, нравственности и истины подстрекаетъ его; новое чувство, чувство спасительное или ужасное, дано ему для утоленія сей жажды. Чувство сіе, открывшееся человѣчеству въ его старости, какъ бы въ утѣшеніе и въ обновленіе его младостію, есть книгопечатаніе. Сія новая способность, которая еще не постигаетъ и устрашается самой себя, повергаетъ уже готовое просвѣщеніе въ такой же безпорядокъ, въ каковой бы повергло сначала лишнее чувство организацію человѣческую; но время, но собственныя его крайности, но единый безошибочный искусъ узаконеній опредѣлятъ его мѣру, не отсѣкая плодовъ его; и каково бы ни было ужасное сомнѣніе, которымъ оно донынѣ тревожитъ самые твердые умы, но я не смѣю думать, чтобъ мы должны были проклинать новую силу, дарованную мысли человѣческой Провидѣніемъ, несравненно болѣе насъ великодушнымъ и предусмотрительнымъ, истребить одинъ изъ прекраснѣйшихъ его даровъ и откинуть обратно его благодѣяніе.

Юношество, алчное къ ученію и чистое, съ важностію идетъ по пути жизни; великія зрѣлища, поразившія первые взоры его, до срока совершили его зрѣлость; можно бы подумать, что цѣлое столѣтіе отдѣляетъ его отъ поколѣній, ему предшествовавшихъ. Оно чувствуетъ достоинство человѣческаго предназначенія, возвышеннаго и расширеннаго учрежденіями, въ коихъ всѣ свободы человѣка находятся въ дѣйствіи, всѣ силы его въ употребленіи, всѣ добродѣтели его въ цѣнѣ. Литература напитывается сею назидательностію нравовъ и законовъ. Философія, устыдясь того, что домогалась смерти и призывала ничтожество, снова обрѣтаетъ права свои въ *спиритуализмѣ*, и снова становится божественною, познавъ Бога своего. Самый спиритуализмъ восходитъ нечувствительнымъ путемъ къ Философіи откровенной, онъ преклоняется предъ Догматомъ, таинственнымъ выраженіемъ истинъ свыше-человѣческихъ, и исповѣдуетъ наконецъ, что Философія, дабы быть праведной и дабы быть истинной, не можетъ составлять отвлеченности отъ чистѣйшаго и полнѣйшаго изліянія свѣта, ниспосланнаго человѣчеству: Христіанства. Исторія распространяется и поясняется; она изображаетъ человѣка всего, она видитъ идеи въ фактахъ и слѣдуетъ за успѣхами человѣческаго рода въ потаенномъ и медленномъ ходу мысли, болѣе чѣмъ въ тѣхъ кровопролитныхъ дняхъ, кои возвеличиваютъ или низвергаютъ судьбу одного человѣка, не измѣняя ничего въ жребіи человѣчества. Поэзія, изъ которой нѣкое умственное святотатство долгое время дѣлало у насъ искусственную пытку языка, безплодную игру ума, воспоминаетъ свое начало и конецъ свой. Она возрождается дочерью восторга и вдохновенія, идеальнымъ и таинственнымъ выраженіемъ того, что душа вмѣщаетъ въ себѣ самаго эѳирнаго и неизъяснимаго, гармоническимъ чувствомъ скорбей или наслажденій разума. Восхитивъ своими баснями юность рода человѣческаго, она возноситъ его на крылахъ своихъ, болѣе сильныхъ, къ истинѣ, столь же поэтической, какъ и ея грезы, и ищетъ вымысловъ болѣе новыхъ, дабы говорить ему наконецъ языкомъ его силы и возмужалости. Религіозное дуновеніе преобладаетъ мыслію человѣческою; но сія внутренняя, чистосердечная религія опирается только на совѣсть и вѣрованіе. Она не требуетъ у власти ни связей, которыя ослабляютъ ее, ни милостей, которыя ее искажаютъ; она требуетъ только того, что сама даруетъ, того, что составляетъ ея сущность и славу: независимости и убѣжденія. Политика не есть уже болѣе постыднымъ ремесломъ развращать и обманывать для порабощенія. Христіанство засѣяло также и въ ней божественное сѣмя нравственности, равенства и добродѣтели, для прозябенія коего нужны были столѣтія. Мы видимъ, какъ оно произрастаетъ отъ вѣка до вѣка, во вздохахъ народовъ и въ желаніяхъ Царей добрыхъ, какъ живая мысль человѣческаго рода, безпрерывно искореняемая, никогда не истребимая; уже благотворный геній Фенелона открылъ ее власти, какъ священный законъ братолюбія политическаго, какъ книгу Благовѣстія для Царей. Она переживаетъ строгости деспотизма, равно какъ и безчинства анархіи; она одерживаетъ побѣду и надъ слабодушными, ее отвергающими, и надъ безумцами, ее позорящими. Нравственность, разумъ и свобода исходятъ наконецъ изъ неопредѣленности теорій, извѣдываютъ формы и получаютъ жизнь и тѣло въ учрежденіяхъ, въ коихъ порядокъ и свобода подаютъ руки другъ другу, въ коихъ Монархія, покровительствующая имъ, возвеличивается въ глазахъ нашихъ единымъ титломъ, каковаго мы для нея желаемъ: попечительницы правъ и успѣховъ человѣческаго рода.

И вотъ начатки вѣка наступившаго! Если онъ не позабудетъ кровавыхъ уроковъ минувшаго, если онъ будеать памятовать безначаліе и порабощеніе, сіи два мстительные бича, кои ожидаютъ для праведнаго возмездія, или погрѣшности властелиновъ, или неистовства народовъ; если онъ не станетъ требовать отъ постановленій человѣческихъ болѣе нежели то, что совмѣстно съ несовершенствомъ нашей природы, тогда онъ совершитъ славную судьбу свою; онъ будетъ отвѣтствовать тому симпатическому чувствованію, которымъ люди надеждъ и теперь съ любовью уже его привѣтствуютъ. Сей вѣкъ ознаменованъ будетъ нашимъ двойственнымъ возстановленіемъ: возстановленіемъ свободы престоломъ, и престола свободой. Онъ будетъ носить имя того Короля-законодавца, который утвердилъ успѣхи времени Хартіей, или того Короля, мужа чести, котораго слово есть законъ и который соблюдетъ для потомства сей вѣковѣчный даръ его Фамиліи. Не позабудемъ, что будущее наше неразрывно связано съ судьбою Государей нашихъ; что невозможно, оторвавъ дерево отъ его корня, не изсушить его вѣтвей, и что Монархія все принесла намъ, даже и зрѣлые плоды свободы. Исторія повѣствуетъ намъ, что народы олицетворяются, такъ сказать, въ нѣкоторыхъ Царскихъ поколѣніяхъ, въ династіяхъ, представляющихъ оные; что они упадаютъ, когда поколѣнія сіи упадаютъ; что они снова возстаютъ, когда оныя возрождаются; что они гибнутъ, когда оныя истребляются; и что нѣкоторыя семейства Царей суть какъ тѣ домашніе боги, коихъ не возможно было вынести изъ-подъ крова нашихъ предковъ безъ того, чтобы самый кровъ не былъ опустошенъ или истребленъ.

А вы, М. м. Г. г., вы будете во всѣ времена впускать въ ваши ряды таланты, Геніевъ, добродѣтели, все достопочтенное въ сихъ эпохахъ: уже славныя и чистыя имена васъ ожидаютъ; вы ни одного изъ нихъ не остановите на прагѣ святилища; будучи непричастны школамъ и партіямъ, вы станете, подобно истинѣ, свыше сихъ. Всѣ системы ложны; одинъ Геній истиненъ, потому что одна природа не погрѣшаетъ. Онъ ступитъ — и перешагнетъ бездну; онъ идетъ — и движеніе доказано. Вы пожелаете, чтобы сіе знаменитое сословіе, какъ призма, въ коей разныя оттѣнки красокъ составляютъ яркую гармонію, совокупляло въ себѣ всѣхъ знаменитыхъ современниковъ и сосредоточивало всѣ лучи того народнаго безсмертія, котораго вы средина и знаменіе; и тѣмъ вы прославите Государя, васъ покровительствующаго, великаго мужа, основавшаго сіе учрежденіе, и Францію, узнающую и чтущую себя въ васъ!

БИБЛІОГРАФІЯ.

* * *

РУСКІЯ КНИГИ.

Опытъ перевода Горацiевыхъ Одъ, В. Орлова. — С. П. б. въ тип. Экспедиціи заготовленія Государст. бумагъ. 1830. (178 стран. въ 8-ю д. л.)

Многіе лирическіе Поэты наши подражали Горацію, иные переводили его. Державинъ и Капнистъ лучше всѣхъ постигли философическую Поэзію пѣвца Августа и Мецената. Они заставили его Рускимъ преподавать свои легкія правила жить и наслаждаться жизнію, такъ же хорошо, какъ прежде онъ преподавалъ ихъ Римлянамъ. Словомъ, они брали только основу одъ его и писали прекрасныя, оригинальныя стихотворенія. И. И. Дмитріевъ и В. А. Жуковскій болѣе ихъ держались подлинника и подарили насъ двумя-тремя его одами, ознаменованными преимущественно печатью ихъ Генія. Поповскій и Тучковъ издали по переводу почти всѣхъ лирическихъ стихотвореній Горація. Волковъ, Востоковъ, Мерзляковъ, Мімоновъ, Филимоновъ, Вердеревской и другіе, въ разныя времена и съ разными успѣхами печатали свои переводы изъ Горація въ повременныхъ Рускихъ изданіяхъ. Три первые ближе держались къ оригиналу: нѣсколько одъ ихъ еще долго останутся у насъ образчиками вѣрныхъ и хорошихъ переводовъ; прочіе, выдавая мысли своего Поэта, не заботились объ удержаніи образа, въ которомъ онѣ у него одушевлялись. Таковъ и объявляемый нами переводъ. Мы видимъ талантъ поэтическій въ опытахъ Г-на Орлова, но читая его хорошіе, гладкіе стихи, не получаемъ яснаго понятія о Гораціи. Желательно, чтобы мы имѣли подобный томъ собственныхъ произведеній Г-на Орлова, или переводъ Горація сколь возможно близкій, при чтеніи котораго забывали бы о переводчикѣ.

СМѢСЬ.

«Несносная книга! безконечные, скучные монологи, безхарактерныя лица! Нѣтъ ни исторической правды въ нравахъ, ни даже хорошаго, живаго слога! И все это такъ *длинно, длинно, длинно*!» — Вскрикиваетъ въ нетерпѣливой досадѣ читатель, — и съ размаху бросаетъ подъ столъ недочитанный первый томъ новаго романа.

Повѣришь ли? Авторское самолюбіе или (употребимъ выраженіе точнѣе) авторское самохвальство умѣетъ и здѣсь перетолковать слова и дѣла въ свою пользу: быстрый полетъ тучнаго романа подъ столъ называетъ оно *жаркимъ ему привѣтомъ отъ читающей публики.* On est toujours un peu Gascon!

(Изъ: Le Nouveau Trilby.)

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 5-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМ. I. №. 27. МАІЯ 11го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Маіѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ) и 31 (въ Субботу).

НѢСКОЛЬКО ПОДРОБНОСТЕЙ

объ Индѣйцахъ Астраханскихъ.

(*Извлеченіе изъ письма.*)

Хочу тебѣ сообщить нѣсколько словъ о здѣшнихъ Индѣйцахъ. Я познакомился въ особенности съ ихъ труженикомъ, или какъ они называютъ *Факиромъ*, и посѣщаю его довольно часто. Уже двадцать лѣтъ какъ онъ положилъ на себя обѣтъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, который и до сихъ поръ соблюдаетъ. Въ Астрахани мало любопытныхъ; долго я разспрашивалъ, пока мнѣ указали домъ Индѣйцевъ. Взошедъ на дворъ, я увидѣлъ предъ собою небольшой досчатый домикъ, вокругъ котораго ходило много собакъ, а еще болѣе съ крикомъ летало воронъ и галокъ. Въ семъ домикѣ, который былъ не больше будокъ, какія строятъ у насъ для дворовыхъ собакъ, сидѣлъ *Факиръ*. Приблизясь, я увидѣлъ только что-то недвижимое, прикрытое нагольнымъ тулупомъ. На воззваніе: « Себукгиръ! Себукгиръ (такъ имя Факиру)! » голова мѣднаго цвѣта, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на лбу, выглянула изъ-подъ тулупа, скрежетнула нѣсколько разъ зубами и снова спряталась. Къ счастію это было обѣденное время, и вскорѣ старый Индѣецъ съ окрашеннымъ носомъ принесъ Факиру пищу; въ противномъ случаѣ, я долженъ былъ бы уйти, не увидѣвъ на сей разъ Себукгира. Услышавъ знакомый голосъ, Факиръ открылся, вынулъ изъ подъ себя деревянную миску, и протянулъ двѣ сухія, смуглыя руки. Тогда можно было видѣть Факирову грудь, поросшую сѣдыми волосами и торчащія изъ-подъ мѣдной кожи ребра, которыя

> « Счесть можно, какъ намѣченныя кости,
> Когда падутъ изъ длани игрока. »

Все лице его, если такъ можно назвать — челюсти, не имѣютъ никакого выраженія; только въ глазахъ свѣтился остатокъ жизни; иначе бы ты принялъ Себукгира за хорошо сохраненную мумію. Его кормилецъ положилъ ему въ миску нѣсколько луковицъ, сухарь и немного пилаву. Онъ ушелъ недовольный нашимъ любопытствомъ; когда мы стали разспрашивать, онъ отвѣчалъ намъ неохотно: » Чему тутъ дивиться? Обыкновенно Факиръ, сдѣлалъ обѣщаніе предъ Богомъ и сидитъ себѣ. » — Потомъ я короче познакомился съ Индѣйцами; нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ, что я ѣду въ Баку, просятъ взять ихъ съ собою и стараются меня задобрить. Вмѣстѣ ходили мы къ Себукгиру; онъ знаетъ нѣсколько словъ по-Руски, и подъ добрый часъ отвѣчаетъ на вопросы. Хозяинъ дома изъ состраданія покрылъ его на зиму тулупомъ, котораго однако Факиръ не надѣлъ въ рукава. Уже два года его такъ снабжаютъ; въ прежніе же годы морозы въ Астрахани никогда не превышали 15-ти градусовъ, и ихъ Себукгиръ переносилъ безъ покрова.

Здѣшніе Индѣйцы, занимаясь денежными оборотами, накопили было миліонные капиталы, но съ нѣкотораго времени поупали; они помѣщаются теперь всѣ въ одномъ, имъ же принадлежащемъ домѣ. Я нѣсколько разъ присутствовалъ при ихъ моленіи. Желая оное видѣть, надобно прійти при восходѣ или закатѣ солнца. Въ комнатѣ, устланной запачканными коврами, стоитъ въ углу у окна родъ жертвенника, похожаго на тѣ, какіе носятъ въ Литвѣ во время крестнаго хода. Сей жертвенникъ шириною въ аршинъ, вышиною же немногимъ болѣе. Подъ небольшими серебряными навѣсами, находятся позолоченные истуканчики въ сидячемъ положеніи; ихъ насчиталъ я 19; это Индѣйскій Олимпъ. Какъ жаль, что нѣтъ у меня подъ рукою сокращенной *Веды!* Большею частію божества сіи наги; только *Крышну* одѣтъ, и на шеѣ имѣетъ нитку коралловъ. У каждаго истуканчика на головѣ металлическій колпачокъ съ павлиными перьями, либо и безъ оныхъ. На самомъ краю по лѣвую сторону лежитъ черный камень, величиною съ кокосовый орѣхъ, по правую два камешка поменѣе, то же черные. На каждомъ изъ нихъ нарисованъ желтою краскою трезубецъ. Индѣецъ, проснувшись поутру, идетъ тотчасъ къ этому камню, поцовляетъ на немъ живопись свѣжею краскою, а потомъ этою же самою краскою разрисовываетъ себѣ переносье и около ушей. Сей камень долженъ быть съ береговъ Ганга и больше прочихъ божествъ въ чести у Индѣйцевъ. Разсматривая, прикоснулся я къ нему пальцемъ; устрашенный Индѣецъ вскрикнулъ. Прекосновеніе руки *невѣрныхъ* оскверняетъ божество. Впрочемъ это не нарушило добраго согласія между нами. Онъ даже позволилъ мнѣ прійти утромъ и списать имена истукановъ. Большая часть ихъ изображена на бумажныхъ листахъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ избы. Всѣ они работы одного Дервиша, прибывшаго изъ Индіи. Изрядно выполнены въ особенности животныя. Висятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *Наршенгъ*, схвативъ обнаженнаго грѣшника, разрываетъ ему брюхо и вытаскиваетъ внутренности; съ лѣвой стороны стоитъ грѣшникъ, ожидающій той же участи, а съ правой — жена Наршенга, по имени *Лячми*, съ поднятымъ бичемъ. 2) *Джоаля* восьмирукая, мать всего, сидитъ на львѣ; въ каждой рукѣ что-либо держитъ: змѣю, знамя и пр. Въ слѣдъ за нею бѣжитъ *Гамманъ*, пророкъ; подъ нею *Бейру* съ четырьмя руками; одною держитъ балдахинъ надъ головою Джоали, другою змѣю, третьею натянутый лукъ, въ четвертой копье; у ногъ собака на сворѣ, а чрезъ плечо виситъ у него колчанъ. 3) *Седачинъ* сидитъ скрестя ноги, на головѣ колпакъ, изъ верхушки котораго, на подобіе султана, бьетъ ключемъ рѣка Гангъ, и упадаетъ большою дугою на землю. Въ ея кристаллѣ просвѣчиваются разной величины и разнаго вида рыбы. Съ лѣвой стороны стоитъ фигура съ слоновой головою, а съ правой — женщина, держащая въ одной рукѣ раковину, другою прикасается руки Седачина. Подъ нимъ въ перспективѣ стоитъ осѣдланный левъ на цѣпи, далѣе волъ, становящійся на колѣни, то же съ уздечкою и подъ сѣдломъ. 4) *Крышну* стоитъ на змѣѣ, въ полукафтанѣ, широкихъ пестрыхъ шароварахъ, подпоясанный; лице черное, какъ у Арапа. Онъ играетъ на флейтѣ, и все его окружающее имѣетъ веселый видъ. Съ лѣвой стороны стоитъ *Радге*, съ правой *Рукме* держитъ зонтикъ надъ головою играющаго Крышну. 5) *Раамъ* то же окруженъ деревьями и веселіемъ; съ правой стороны его жена *Цытамата*, съ лѣвой *Лузманъ* подаетъ Рааму разцвѣтшую розу. *Гамманъ* съ бычачьей головою, покорный рабъ Раама. 6) *Аднарай*; по правую руку его жена *Лечменджи*, по лѣвую стоитъ *Пери* съ разпущенными крыльями, какъ бы готовясь летѣть. 7) *Горекнадъ* сидитъ по-Турецки на недавно-снятой воловьей кожѣ, и при немъ воткнутъ въ землю трезубецъ. По лѣвую руку сидитъ женщина по имени *Далятры*.

Индѣйцы не понимаютъ причины моего любопытства. «Ага,» спросилъ меня одинъ дружески: «скажи правду, къ чему тебѣ все это? Истуканы наши невелики и только позолоченные, не многаго стоютъ. Здѣсь не то, что въ Индіи!» — Къ счастію, одинъ Дервишъ, бывшій при этомъ разговорѣ, сказалъ, что въ бытность свою въ Калькуттѣ и Бомбаѣ, слышалъ онъ, что Англичане такимъ же образомъ разспрашиваютъ и записываютъ, но ничего худаго не дѣлаютъ и не отнимаютъ ни серебряныхъ, ни золотыхъ истукановъ. «Френги добрые люди!» Сіе самое можно отнести и къ здѣшнимъ Индѣйцамъ; всѣ они бѣдны, но честны, и какъ кажется, люди простые. — Случилось мнѣ быть при богослуженіи Индѣйскомъ. Мало по малу собирались правовѣрные; всѣ они садились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жертвенника. Прибывшій изъ Калькутты Дервишъ, о которомъ я предъ симъ упоминалъ, взялъ бубны, пѣлъ и наигрывалъ, а всѣ прочіе присутствовавшіе ему вторили. Музыка напѣва весьма веселая, мѣра стиха скачущая; послѣ каждой рифмы, Дервишъ ударялъ въ бубны. Это удивительный человѣкъ: онъ не имѣетъ еще сорока лѣтъ, а уже обходилъ пѣшкомъ обѣ Индіи, Кандагаръ, Тибетъ, Персію, хотѣлъ видѣть *Падишаха Урусовъ*, т. е. Россіянъ; но ему сказали въ Москвѣ, что въ Петербургѣ «не подаютъ милостыни и не любятъ бродящихъ Дервишей.» — По сему изъ Москвы воротился онъ въ Астрахань и очень жалѣетъ, что не видалъ Падишаха. Онъ хорошо говоритъ по-Персидски, любитъ Англичанъ; когда говоритъ про нихъ, то его большіе черные глаза сверкаютъ живѣе, зубы необыкновенной бѣлизны, красиво отражаются при оливковомъ его лицѣ и бородѣ, черной какъ смоль. Спустя четверть часа послѣ сихъ разпѣвовъ, вошелъ Индѣецъ въ красномъ колпакѣ: то былъ жрецъ. Онъ подошелъ къ жертвеннику, взялъ стоящій подлѣ него колокольчикъ и сталъ звонить; его окружили; всѣ, сложа набожно руки, стояли въ молчаніи. Совершавшій обрядъ возгласилъ, и снова стали пѣть, звонить и бить въ ладоши и въ бубны, а одинъ смуглый старикъ въ бѣлой чалмѣ пронзительно трубилъ въ огромную раковину. — Жрецъ то кадилъ истуканамъ, то звонилъ, то поднималъ пятисвѣчный свѣточъ, то наконецъ производилъ возліянія. По окончаніи обряда, взялъ нѣсколько капель оставшагося напитка на ладонь, помочилъ онымъ чело, и передалъ его трубачу, который, учинивъ то же что и онъ, подносилъ его всѣмъ присутствующимъ. Каждый съ жадностью бралъ напитокъ на ладонь и подносилъ его къ челу. Потомъ жрецъ взялъ горсть изюму съ стоявшей предъ жертвенникомъ тарелки, и такимъ же образомъ передавалъ его дальше. Каждый съѣдалъ по нѣскольку изюминъ; я только, какъ невѣрный, не былъ допущенъ къ общему пиру.

(*Изъ:* Tygodnik Petersburski.)

В. Романовичъ.

ЧАСЫ.

И дум и дѣл земных Цари,
Часы, ваш лик сіяет страшен
В коронѣ пламенной зари
На высотѣ могучих башен,
И взор блюститèльный в мѣди
Горит, неотразимо вѣрной
И сердце времени в безчувственной груди
Чуть зыблется приливом силы мѣрной.
Оживлены чугунною стрѣлой
На вас таинственные роки
И оглашает вѣщій бой
Землѣ небесные уроки.
Но блеск, но голос ваш для вѣтреных племен
Звучит и озаряет даром,
Подобно молніи невѣдомых письмен,
Начертанных пред Валтазаром.
»Летучее мгновеніе лови,«
Поет любимцу голос лести:
»В нем золото и ароматы чести,
»Послѣдній пир, свиданія любви
»И наслажденья тайной мести.«
И в думѣ нѣт, что упованій прах
Дыханье времени уносит,
Что каждый маятника взмах
Цвѣты невѣрной жизни косит. —
Заботно времени шаги считает он,
И бой к веселію призывный
Еще не смолк металла звон —
А гдѣ же ты, мечты поклонник дивный?
Окован ли безбрежный Океан
Вѣнцом валов, — минутной пѣной?
Дѣтям ли дней дался побѣдный сан
Над волей вѣка неизмѣнной?
Безумен клик: »хочу, могу.«
Вознес Наполеон строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бѣгу
Стремимую вѣками колесницу; —
Она промчалась! гдѣ ж твой меч,
Гдѣ прах твой, полубог гордыни?
Твоя молва—оркан пустыни
Твой слѣд — поля напрасных сѣчь.
Возникли свѣтлыя народов поколѣнья,
И внемлют о тебѣ сомнительную рѣчь
С улыбкой хладною презрѣнья.

(ИЗ ШИЛЛЕРОВОЙ ПѢСНИ О КОЛОКОЛѢ).

Веселый колокола звон
Младенца милаго встрѣчает,
Когда впервые жизни сон
Его крылами осѣняет.
Еще из урны роковой
Не вылетал удѣл его земной;
И матерь в сладостном покоѣ
Хранит младенца утро золотое.
Лѣта уносятся стрѣлой —
И отрок с пылкою душой,
Соскучась, рвется от подруги,
Дѣлившей с ним младенчества досуги,
И с легким посохом в рукѣ
Он странствует от милых вдалекѣ.
И вот в пути неутомимый,
Не узнанный, приходит в дом родимый,
И в полном блескѣ красоты,
Румянцем дѣвственным пылая,
Пред ним стоит подруга молодая,
Как Ангел с горней высоты.
Вот безъимянныя желанья
Волнуют юношу: один блуждает он
И слезы льет, и в думу погружен,
Бѣжит из шумнаго товарищей собранья.
Он за возлюбленной идет, краснѣя, в слѣд.
Блаженство для него один ея привѣт!
И лучшіе цвѣты с лугов он собирает
И трепетной рукой
Он розы алыя вплетает
В густые локоны подруги молодой.
О страсти пыл! надежды сладость!
Златое время первыя любви!
Эдем отверзт очам, в душѣ и грусть и радость
И пламень сладостный в крови!
Когда б для нас сіяли вѣчно
Златые дни любви сердечной!

П. Ободовскій.

РѢЧИ,

произнесенныя в публичном засѣданіи Французской Академіи, при принятіи в члены оной Г. Ламартина.

Отвѣт Директора Французской Академіи, Барона Кювье, на Рѣчь Г. Ламартина.

Так, М. Г., Академія Французская должна отдавать равную справедливость различным талантам. Всякое истинное отличіе уже есть право на ея одобреніе. Посему-то, во всѣ времена вмѣняла она себѣ в честь, призывать в нѣдра свои всякаго, кто умѣл дать разуму язык, его достойный; всякаго, кто умѣл поселить в людях умиленіе священными именами истины и добродѣтели. И если она кому-либо оказывала предпочтеніе, то сим имѣла в виду Писателей, коим при соблюденіи правил языка и приличій, посчастливилось придать своим твореніям формы, способныя, по своей новости, сильнѣе потрясать умы. Боссюет, поражавшій своих слушателей всѣм божественным величіемъ; Расинъ, облекавшій въ разнообразные звуки глагола небесъ всѣ чувствованія нѣжнѣйшія и благороднѣйшія, каковыя только можетъ вмѣщать въ себѣ сердце человѣческое; Монтескьё, освѣщавшій какъ бы яркими искрами самыя сокровенныя пружины орудія общественнаго; Бюффонъ, прежде всѣхъ изобразившій природу въ ея пышности и величіи: всѣхъ сихъ счастливыхъ вводителей новизны и многихъ другихъ, пролагавшихъ себѣ пути, до нихъ невѣдомые, для достиженія славы, Академія потщилась привлечь къ себѣ, для содѣйствія къ ея славѣ. Знаменитыми ихъ именами лѣтописи наши всегда будутъ гордиться.

Скажу болѣе: что если бъ и существовали хотя мало тѣ предубѣжденія или тѣ страсти, которыя праздное злословіе приписываетъ столь легкомысленно людямъ, занимающимся трудами умственными; то сословіе, поставленное предъ очами Франціи и цѣлой Европы, все было бы въ счастливой невозможности безчестить себя отлученіемъ того, кто по праву стяжалъ себѣ имя славное. Судьба генія, даже въ отношеніи къ тѣмъ отличіямъ, которыя онъ, можетъ быть, имѣлъ бы право почитать ничтожными, не зависитъ отъ мѣлкихъ страстей его соперниковъ. Вотще власть, какъ иногда случалось, поддалась бы слабости, избравъ своею сообщницей зависть: общій голосъ все бы наконецъ одержалъ верхъ. Но убѣждаясь сими утѣшительными истинами, коихъ древняя и новая Исторія Академіи содержитъ въ себѣ многочисленные примѣры, напомню, что есть и другая истина, которой не должно терять изъ виду: та, что Геній не состоитъ единственно въ новости, но въ новости, соединенной съ совершенствомъ.

Счастливъ Писатель, могущій похвалиться твореніями оригинальными и вмѣстѣ превосходными, и одобреніемъ публики! Еще счастливѣе тотъ, въ комъ любезность нрава и жизнь достойная почтенія содѣлали всякую зависть и всякое предубѣжденіе къ нему невозможными!

Такъ вы пришли къ намъ, М. Г.! Уваженіе и дружба къ вамъ неменѣе сильны, какъ и удивленіе; и таково свойство вашихъ произведеній, что они непремѣнно должны были возбудить всѣ сіи чувствованія.

Когда въ одну изъ тѣхъ минутъ печали и унынія, которыя овладѣваютъ иногда и самыми твердыми душами, человѣкъ, уединенно прогуливающійся, нечаянно слышитъ издали голосъ, коего сладостное, мелодическое пѣніе выражаетъ чувствованія, соотвѣтствующія его чувствованіямъ; тогда душа его полнится нѣкою благотворною симпатіей. Онъ чувствуетъ, что струны его сердца, ослабленныя уныніемъ, вновь сотрясаются; и если сей голосъ, изображающій его страданія, постепенно примѣшиваетъ къ тому надежду и утѣшеніе, тогда жизнь какъ бы снова возраждается въ страдальцѣ. Уже онъ привязывается къ невѣдомому другу, который возвращаетъ ему оную; уже онъ желалъ бы сжать его въ своихъ объятіяхъ, и отъ полноты души высказать ему все, чѣмъ ему обязанъ.

Таково было, М. Г., дѣйствіе, произведенное первыми вашими *Размышленіями* на великое число тѣхъ чувствительныхъ существъ, которыхъ мучитъ загадка міра сего, и которыя въ сей непроницаемой ночи, въ каковой Провидѣніе судило за благо оставить умъ человѣческій касательно нашего произхожденія, нашей природы и судьбы, чувствуютъ безпрерывно необходимость въ путеводителѣ, но такомъ, который бы извелъ ихъ изъ сего мрачнаго лабиринта сомнѣній и перенесъ бы ихъ въ области свѣта и увѣренности.

Печальныя отвлеченности Философіи оставляютъ ихъ хладными, какъ онѣ сами. Существа сіи не успокоиваются и съ тѣми легкомысленными умами, которые, по невозможности рѣшить сію страшную задачу, стараются разсѣять мысль о ней беззаботностію и забвеніемъ; и въ семъ великомъ Поэтѣ нашего времени, которому вы такъ благородно воздали всю принадлежащую ему дань похвалы и охужденія, и который хотѣлъ въ нашемъ мірѣ видѣть только храмъ духа злобы — съ ужасомъ отвергаютъ они духа отчаянія.

Въ васъ, М. Г., съ самаго вашего появленія, привѣтствовали они единодушно пѣвца Надежды.

Столь же сильный, какъ и вашъ соперникъ, въ изображеніи бѣдствій жизни, столь же убѣжденный въ тщетѣ нашихъ удовольствій и въ быстротѣ, съ каковою они улетаютъ, умъ вашъ освѣтился тѣмъ лучемъ утѣшительнымъ, который не могъ свѣтить его уму, и коего блескомъ дарованіе ваше озарилось въ глазахъ подобныхъ вамъ.

Надежда ваша Муза, Надежда, сестра Воображенія. Сіи двѣ чародѣйки почти единыя подкрѣпляютъ и одушевляютъ насъ въ семъ дольномъ мірѣ: дивиться ли тому, что онѣ состязались между собою, кто изъ нихъ живѣе одушевитъ для васъ цѣлую природу, и что вашъ геній, вдохновенный ими, породилъ толико созданій прелестныхъ, высокихъ или ужасныхъ; геній, равномѣрно великій и тогда, когда *при гробницѣ Сципіоновъ, онъ взвѣшиваетъ прахъ Героевъ;* и тогда, когда онъ вслушивается *въ звуки златыхъ арфъ, коимъ внемлетъ Самъ Богъ;* или, когда онъ являетъ намъ бѣдствіе, *какъ врана, сжавшаго міръ въ безжалостныхъ когтяхъ своихъ?* Образъ самой нѣги, дивящейся тому, что она находится посреди столь многихъ изображеній великихъ и мыслей важныхъ, нимало здѣсь не теряетъ своей прелести. Вы были бы почти обольстителемъ, когда бы уроки не являлись каждый разъ положить предѣлъ очарованію, уроки тѣмъ строжайшіе, чѣмъ большую составляютъ они здѣсь противоположность.

И дѣйствительно, говорите ли вы устами скорби, или удовольствія, но всегда для того, чтобы вести насъ къ мудрости. Все сіе изученіе самого себя, всѣ разнообразные виды, въ коихъ вы разсматриваете человѣка и міръ, приводятъ васъ къ единой истинѣ. Никогда подобіе меда, коимъ смочены края сосуда, не могло существеннѣе примѣниться: читаешь васъ, увлекаясь блескомъ самой яркой Поэзіи, и подъ конецъ познаешь, что прошелъ курсъ глубокой Философіи.

Можетъ быть и не всѣ ваши читатели убѣждены, и сами вы конечно не льстились надеждой, окончить споры, продолжающіеся съ тѣхъ поръ, какъ люди начали разсуждать. Вѣроятно и то, что не въ здѣшней жизни достигнемъ мы вѣрнаго познанія той Ѳеодицеи, которая у подошвы скалъ Идумейскихъ, за три тысячи лѣтъ до насъ, раздѣляла мнѣніями Іова и друзей его, и о которой въ наши еще дни Лейбницы, Клярки и Ньютоны не согласились между собою. Посему мнѣнія могли быть различны о вашемъ ученіи; но есть одно и единственное мнѣніе о вашемъ талантѣ. Если не всѣ поддались Философу (и кто же изъ Философовъ пользовался таковымъ преимуществомъ?); то по сему всемощному чародѣйству, которое повелѣваетъ всѣмъ существамъ, движетъ міры, воззываетъ тѣней, ангеловъ и духовъ тьмы, которое поперемѣнно и по волѣ вашей плѣняетъ и ужасаетъ насъ, — всѣ познали Поэта.

Сами вы, М. Г., увлекаетесь ли подобно вашимъ читателямъ? Участвуете ли вы въ тѣхъ сладостныхъ волненіяхъ души, кои такъ искусно умѣете имъ сообщать?

Признаюсь вамъ, я такъ думаю, и въ вашихъ же твореніяхъ почерпаю въ томъ увѣренность. Сей языкъ, къ которому насъ такъ мало пріучили, который выражаетъ такъ просто мысли самыя высокія, безъ изысканности, безъ антитезъ; который льется прямо изъ своего источника и доходитъ прямо до сердца, — можетъ принадлежать только душѣ, восхищенной въ горніе предѣлы, куда она призываетъ насъ. По благородной чистотѣ вашего слога, по очаровательной и выдержанной гармоніи вашихъ стиховъ, чувствуешь, что умъ вашъ слышалъ сіи *концерты міра идеальнаго*, о которыхъ вы говорите, и которые представляютъ существенность столь мѣлкою и презрительною. Такъ! симъ-то образомъ умы возвышенные должны вѣщать о таинствахъ великихъ!

Уже ли вы хотите отъ нихъ отторгнуться? То, что Издатели, услужливо спѣшащіе удовлетворить жажду публики, сказали намъ о разстояніи времени между послѣдними вашими сочиненіями, уже ли справедливо; и вы ли для занятій, обѣщающихъ выгоды, болѣе существенныя, пренебрежете сіи благородныя произведенія вашего ума?

Надѣюсь для чести Литературы, что вы сего не сдѣлаете. Каждый изъ насъ конечно долженъ исполнять священныя обязанности въ отношеніи къ своему Государю и Отечеству; но тѣ, коихъ Небо ущедрило счастливымъ даромъ генія, талантомъ разоблачать природу или говорить сердцу человѣческому, имѣютъ еще такія обязанности, кои, ни въ чемъ не противорѣча первымъ, принадлежатъ, осмѣлюсь сказать, къ иному высшему порядку. Цѣлому человѣчеству, вѣкамъ грядущимъ должны они отдать отчетъ.

Сколь многія изъ тѣхъ лицъ, которыя постепенно достигаютъ власти, видѣли добро, содѣланное или предначертанное ими, разсѣявшимся какъ сонъ предъ новыми предначертаніями, столь же быстро изчезнувшими, ихъ послѣдователей! Напротивъ того истина, одна истина открытая, одно великодушное чувствованіе, врѣзанное витійствомъ въ сердца человѣковъ, будетъ содѣйствовать на цѣлыя столѣтія и безъ всякаго помѣшательства, ко благу безчисленныхъ поколѣній, и передастъ имя своего изобрѣтателя позднѣйшему потомству.

Такъ думалъ и знаменитый вашъ предшественникъ.

Вступивъ почти въ одно время на оба поприща, которыя протекалъ онъ съ толикою честью, онъ не жертвовалъ однимъ изъ нихъ для другаго, и даже поприщемъ Литератора началъ онъ и окончилъ жизнь свою.

Простите мнѣ, М. Г., если я, удаляясь отъ вашего мнѣнія о немъ, осмѣливаюсь думать, что многообразность трудовъ его произтекала болѣе отъ обширности его способностей, нежели отъ обстоятельствъ внѣшнихъ; что онъ былъ самимъ собою еще болѣе, чѣмъ мужемъ своего вѣка; и въ особенности, что для достиженія вышнихъ степеней его званія, потрясенія революціи вовсе не были ему нужны.

Сила разума, каковою онъ обладалъ, долженствовала проложить ему дорогу во всякое время. Монархъ, который въ Кольбертѣ, безвѣстномъ служителѣ одного изъ своихъ Министровъ (*), умѣлъ разгадать будущаго возстановителя благосостоянія Франціи, не упустилъ бы изъ виду обширныхъ способностей Г. Дарю, начавшаго свое служеніе должностями болѣе замѣтными, нежели Кольбертова, и конечно онъ не возхотѣлъ бы оставить сихъ способностей праздными.

Способности сіи равномѣрно не могли укрыться отъ человѣка временъ новѣйшихъ, который лучше прочихъ умѣлъ пользоваться талантами. Посему, какъ скоро онъ узналъ Г. Дарю, то въ случаяхъ, когда надобно было пещись о продовольствіяхъ людей ратныхъ, или въ порядкѣ возпользоваться плодами побѣды, или приготовить въ короткіе промежутки мира новыя побѣды, Г. Дарю всегда былъ употребляемъ, какъ главное

(*) Кольбертъ былъ первоначально при Статсъ-Секретарѣ Ле-Теллье, а потомъ управителемъ Кардинала Мазарино, который въ послѣдствіи, за его услуги, опредѣлилъ его въ должность Секретаря молодой Королевы. — *Примѣч. переводч.*

лице Генералъ-Интендантомъ арміи, Коммисаромъ для исполненія мирныхъ договоровъ, Правителемъ завоеванныхъ областей, Министромъ, — повсюду онъ являлъ ту же силу ума и ту же твердость нрава. Ибо тутъ ничто не похоже на тѣ мирныя обязанности, коими люди занимаются на свободѣ, въ тишинѣ кабинета. Послѣ Главнокомандующаго, на учредителѣ продовольствій войска лежитъ бремя самой важной и самой внезапной отвѣтственности. Сіи огромные строи вѣрныхъ воиновъ, несущихъ на жертву отечеству кровь и самую жизнь свою, просятъ у него только жизненныхъ потребностей, но просятъ настоятельно. Слѣдовать мыслю за различными ихъ полчищами во всѣхъ сихъ многосложныхъ движеніяхъ, кои сообщаетъ имъ геній Полководца, разсчитывать каждую минуту число ихъ на каждомъ пунктѣ, распредѣлять съ точностію запасы, имѣющіеся въ наличности, изчислять тѣ, которые можетъ доставить занимаемая область; знать и имѣть въ виду разстоянія мѣстъ, состояніе дорогъ, и по нимъ соображать свои способы доставленія, дабы въ назначенный день каждый корпусъ и самый малый отрядъ, получилъ исправно все ему нужное: вотъ слабое понятіе о должности учредителя военныхъ продовольствій. Если въ изчисленіяхъ его вкрадется хотя малѣйшая погрѣшность, то и самыя счастливыя соображенія стратегіи будутъ безуспѣшны; толпы храбрыхъ воиновъ погибнутъ напрасно; само отечество можетъ содѣлаться жертвою одной таковой ошибки, въ сію странную игру войны, гдѣ и самомалѣйшій случай влечетъ иногда за собою ужасныя послѣдствія. Но, съ отвѣтственностію почти равною, какое различіе въ средствахъ! Полководецъ управляетъ всесильною пружиною чести, съ полною увѣренностію, что симъ словомъ все получитъ отъ Французскаго воина. Начальникъ же военныхъ продовольствій весьма часто долженъ употреблять только безстыдныхъ барышниковъ, коихъ честь— единая прибыль, коихъ доходы ростутъ вмѣстѣ съ затрудненіями, и у коихъ уловка рождать сіи затрудненія, считается за величайшую тонкость искуства; не менѣе требующихъ неусыпнаго надзора, не менѣе грозныхъ для солдата и для казны, какъ и всѣ совокупныя силы непріятеля. И сіи затрудненія, весьма уже великія въ обыкновенное время, въ какой еще степени возрастали на тѣхъ необъятныхъ театрахъ, на коихъ происходили войны нашего времени, когда съ быстротою чудесною безчисленныя воинства переносились въ нѣсколько недѣль внутрь земли непріятельской? Какая безпрерывность дѣйствія! Сколько ночей, проведенныхъ въ трудѣ! Сколько безпокойствъ и тяжкихъ заботъ! Нерадивость подчиненныхъ, неповиновеніе войскъ, хищничество начальниковъ, жалобы народа, гнѣвъ повелителя — все должно было переносить, всѣмъ жертвовать единственной цѣли, сохранности арміи.

Таковъ былъ всегда Графъ Дарю. Сіи два слова его начальника, упомянутыя вами, совершенно его изображаютъ. Ничто не могло его поколебать, ни физически, ни нравственно. Въ успѣхахъ, какъ и въ превратностяхъ, атлетическое тѣло его было столь же здорово, столь же свѣжо, какъ и голова его; всегда та же точность въ его приказаніяхъ, та же ясность въ его распоряженіяхъ, ясность, которую въ случаѣ нужды умѣлъ онъ распространить и на распоряженія другихъ, разсѣвая съ перваго взгляда всѣ облака, изобличая въ короткое время всѣ злоупотребленія, кои другіе надѣялись покрыть непроницаемымъ мракомъ. Почитаю излишнимъ напомнить блестящее доказательство таковаго его таланта, который еще недавно имѣлъ онъ случай оказать во всей полнотѣ.

Послѣ долговременнаго служенія по сей части, другая должность была на него возложена, должность, основанная на довѣренности и, по сравненію, спокойная. Но, по возвращеніи изъ сего нашествія роковой памяти, предпринятаго вопреки его мнѣнію, и въ которомъ неизчетныя бѣдствія оправдали его прозорливость, — отъ него потребовали снова вступить въ прежнюю его должность, и тогда, когда все уже было въ отчаянномъ положеніи; когда уже судьба изрекла свой приговоръ, и злополучная наша армія безвозвратно была обречена на то пораженіе, съ коимъ ничто не сравнится въ Исторіи, со временъ Камбиза или Атиллы.

Обгонять армію, всего чаще пѣшкомъ и терпя многіе дни сряду холодъ въ 28 градусовъ, собрать для нея малое число запасовъ, не отнятыхъ непріятелемъ или не истребленныхъ тѣми толпами, изъ коихъ бѣдствіе изгнало подчиненность; стараться водворить хотя мало порядка въ семъ огромномъ безпорядкѣ, — вотъ все, что ему было возможно. Но онъ снова явился во всей своей силѣ, въ слѣдующемъ году, когда Франція, потерявшая предъ тѣмъ трехъ-сотъ-тысячную армію, породила, какъ бы чародѣйствомъ, новую, почти столь же сильную, и пожертвованную въ нѣсколько мѣсяцевъ тому же духу затмѣнія, который погубилъ первую.

И сей же человѣкъ, котораго Исторія нашего времени безпрестанно будетъ представлять, какъ главную пружину, какъ необходимое орудіе таковыхъ исполинскихъ и частыхъ предпріятій, коихъ никакая Исторія не являетъ примѣра, — есть и сочинитель многихъ прекрасныхъ стихотвореній, и прелагатель самаго разнообразнаго, самаго труднаго изъ Поэтовъ; и если въ семъ случаѣ онъ предполагалъ себѣ цѣль, можетъ быть недостижимую, то покрайней мѣрѣ приблизился къ ней болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. И онъ же явилъ въ совершенно новомъ свѣтѣ бытописанія тою Правительства мрачнаго и жестокаго, которое равнодушно сносило ужаснѣйшія злодѣйства и гнуснѣйшія пороки, коль скоро они служили къ его поддержанію, и котораго постыдное паденіе было почти необходимо къ оправданію Промысла, даровавшаго ему столь многіе вѣки существованія.

И сей же самый человѣкъ, въ двухъ великихъ Государственныхъ сословіяхъ, разрѣшалъ умомъ обширнымъ и основательнымъ многочисленныя и важныя задачи высшаго законоположенія.

Присовокуплю ли къ тому (но конечно слушатели извинятъ меня, видя, гдѣ говорю *я*), что сей же самый человѣкъ, членъ двухъ великихъ Академій, являлся въ нихъ всегда самымъ трудолюбивымъ и самымъ усерднымъ; что совокупляя ихъ въ своей привязанности, онъ посвящалъ славѣ одной изъ нихъ талантъ, бывшій виною его призванія въ другую, и что онъ провелъ послѣдніе дни слишкомъ кратковременной жизни, воспѣвая съ чудесами небесъ, почти столь же великое чудо ума человѣческаго, возмогшаго разгадать ихъ законы? То было для него еще новымъ предметомъ изученія. Прелагатель Горація, Историкъ Венеціи, для прославленія безсмертныхъ открытій Коперниковъ, Кеплеровъ, Ньютоновъ и Лапласовъ, увидѣлъ, что для сего необходимо ему было содѣлаться ихъ ученикомъ.

И да не подумаютъ, что онъ избиралъ для толикихъ трудовъ политическихъ, литературныхъ или ученыхъ, тѣ промежутки времени, которые дѣла по его управленію оставляли совершенно свободными. У Гр. Дарю, все шло рядомъ. Онъ сочинялъ подъ звукомъ оружія; когда же излишество занятій препятствовало ему размышлять или писать, тогда онъ старался собирать запасы для будущихъ сочиненій. Поэма его: Альпы, написана была во время той бурной кампаніи, когда Массена отразилъ (?) грозное нашествіе. Подъ шумомъ паденія Венеціи, создалъ онъ планъ ея Исторіи; и при раздѣлѣ ея стяжаній, единою удержанною имъ для себя добычей были тѣ важные документы, на кои онъ ссылался. Планъ его Исторіи Бретани составленъ былъ во времена, еще болѣе бурныя, когда Франція сама терзала свою внутренность. Что касается до перевода Горація, то онъ не покидалъ его: на каждомъ лагерномъ постоѣ, на каждомъ временномъ бивакѣ онъ находилъ способъ посвятить ему нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ въ темницахъ ужаса, почти въ виду плахи, написалъ онъ къ своему тюремщику то шутливое посланіе (*), столь достойное Горація, и Горація Стоика (ибо вы весьма хорошо сказали, М. Г., что ихъ было два), гдѣ онъ доказывалъ, что самъ тюремщикъ и былъ узникомъ, тогда какъ Поэтъ, за темничными замками, свободно и весело облеталъ вселенную.

Самъ Г. Дарю сообщаетъ намъ тайну сей дѣятельности, которой ничто не могло прервать: онъ весь является въ сихъ прекрасныхъ выраженіяхъ одного изъ первыхъ своихъ предисловій: что *въ самыхъ тягостныхъ обстоятельствахъ жизни, есть благородное употребленіе времени, воздающее человѣку все благо и все достоинство, ему принадлежащія.*

Такъ, М. Г., сіе благородное употребленіе времени, занятіе умственное, есть—не скажу, утѣшеніе, которое Промыслъ низпосылаетъ намъ во всѣхъ несчастіяхъ; ибо есть несчастія, въ коихъ никакое утѣшеніе невозможно, и вы являете намъ печальный примѣръ того; — но изъ всѣхъ услажденій скорби, предоставленныхъ отъ намъ Провидѣнія, сіе есть вѣрнѣйшее и удобнѣйшее для мудраго. Если притомъ дарована ему еще дружба, то какихъ превратностей жизни не перенесетъ онъ съ сими двумя подпорами?

Дружба и любовь къ труду совокупили въ самомъ началѣ членовъ Академіи Французской, и съ самаго своего основанія, общество наше всегда было посвящено сему двойственному служенію. Пріидите, М. Г., раздѣлять оное съ нами, пріидите здѣсь раздѣлять наши мольбы о благѣ Государя, о благѣ Франціи, съ нимъ неразрывномъ. Можетъ быть, въ нашихъ занятіяхъ найдете вы нѣкоторое развлеченіе вашей горести; можетъ быть также, вы думаете менѣе всякаго другаго, будто бы ваше торжество содѣлалось вовсе чуждымъ той, которую сыновняя любовь ваша почла бы за счастіе порадовать симъ приношеніемъ. Если населяющіе обители небесныя пріемлютъ какое-либо участіе въ дѣлахъ сего міра, то сіе вѣрно тогда, когда они видятъ почтенными отъ людей тѣхъ, кои всегда дѣлали благороднѣйшее употребленіе даровъ Неба.

Съ Фр. — Сомовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера, Графа Ѳеодора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ Корреспондентъ и Путешествующій Археографъ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и Кавалеръ. Съ 24 гравированными изображеніями шрифтовъ. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1829 (XXIV. — 592 стр. въ 8-ю д. л.)

(*) Оно переведено стихами на Рускій языкъ, и было помѣщено въ *Собраніи Рускихъ стихотвореній*, изданномъ В. А. Жуковскимъ въ 1810 году.

Палеографическіе снимки шрифтовъ съ XV-го вѣка по XVIII-й (числомъ 24), принадлежащіе къ вышеобъявленной книгѣ. — М. 1829 (IV стр. и XI таблицъ въ 4-ю д. л.)

Comitis Theodori de Tolstoy Bibliothecae Catalogus librorum antiquitate et raritate memorabilium (*Каталогъ книгъ Библіотеки Графа Ѳ. А. Толстова, замѣчательныхъ по своей древности и рѣдкости*). — С. П. б., въ Военной типогр. Главнаго Штаба Е. И. В. 1828. Supplementum. 1828 anno, Novembr. (*Дополненіе. Ноября 1828 года*) — С. П. б. въ той же типогр., 1829. (Вмѣстѣ 46 стр. въ 8-ю д. л.)

Comitis Theodori de Tolstoy Bibliothecae Catalogus, ordine alphabetico dispositus (*Каталогъ Библіотеки Гр. Ѳ. А. Толстова, расположенный по азбучному порядку*). — С. П. б. въ той же типогр., 1830 (32 стр. въ 8-ю д. л.)

Почтенный собиратель древностей, Графъ Ѳ. А. Толстой, составилъ превосходную Библіотеку старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, какъ на нашемъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ. Первый каталогъ его Библіотеки, содержащій въ себѣ описаніе рукописей, составленъ былъ Гг. Калайдовичемъ и Строевымъ, и изданъ (съ двумя прибавленіями и тетрадью палеографическихъ снимковъ почерковъ) въ 1825—1827 годахъ. Въ прошломъ 1829 году издано *Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Рускихъ*, также съ палеографическими снимками шрифтовъ, каковыми печатались старинныя наши книги съ XV до XVIII вѣка. Нельзя не полюбоваться чистотою и четкостію нѣкоторыхъ изъ сихъ шрифтовъ, такъ называемой *церковной печати*, введенныхъ у насъ почти съ самаго начала книгопечатанія. Что касается до книгъ, то онѣ почти всѣ содержанія духовнаго, и по большей части тѣ, кои употребляются православною нашею Церковію. Для любителей Археологіи и Филологіи, любопытно будетъ слѣдовать за ходомъ и измѣненіями природнаго нашего языка, начиная съ старинпаго Славянскаго, до употребительнаго нынѣ Рускаго. На сей конецъ Библіотека Графа Толстова можетъ имъ служить обильнымъ источникомъ пособій. Здѣсь они найдутъ также многія книги, писанныя испорченнымъ Славяно-Руско-Польскимъ языкомъ, и напечатанныя въ Кіевѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Рахмановѣ и пр.

Иностранная Библіотека Гр. Толстова, состоящая также большею частію изъ старопечатныхъ и рѣдкихъ книгъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ множества контроверсовъ, твореній богословскихъ, полемическихъ и пр., великое число книгъ истиннаго достоинства. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ. *Творенія Св. Іеронима*, 1475 — 1497 год. *Франц. Аретина*, (*) in Phalaridis Tyranni Agrigentini epistolas proëmium и пр. 1470 г. (книга рѣдчайшая — сказано въ Каталогѣ). *Боккачіо ди Чертальдо:* Genealogia Deorum. Венеція, 1472 (также рѣдчайшая книга). *Алберта Великаго:* De muliere forti. (изданіе, даже неизвѣстное Библіографамъ). *Леон. Аретино:* Historia del popolo Florentino. Флоренція, 1473. — *Петрарки:* Triumphi. 1478. Его же: Latina opuscula, 1496 (самое первое изданіе). Нѣсколько изданій *Цицерона*, разныхъ сочиненій, отъ 1480 по 1495 г. *Виргилій*, 1480. Нѣсколько изданій *Аристотеля*, принадлежащихъ XV вѣку. *Евсевія*, Chronicon. Венец. 1483. *Плинія Младшаго*, Naturalis historiae L. XXXVII. Венец. 1483. *Христофора Ландино* Флор. Commento sopra la Comedia di Dante. 1487. *Діогенъ Лаерцій* 1480. *Боэція*, всѣ творенія на Лат. яз. 1491. *Жерсона*, Tabula de arte moriendi. Парижъ, 1482. *Альфонса*, *Короля Кастильскаго*, Таблицы Астрономическія, на Лат. яз. Венеція 1483. *Пика ди Мирандола:* Полное собр. сочиненій, на Лат. яз. Венеція, 1498. и пр. и пр. — Изъ книгъ прошедшаго XVIII вѣка, замѣчательно сочиненіе одного изъ родственниковъ, и можетъ быть, дяди Наполеона. Вотъ заглавіе сей книги, какъ оно поставлено въ Каталогѣ: Buonaparte (Iac.). Ragguaglia Storica di tutto l'occurso nel sacco di Roma dell' anno MDXXVII. Colonia, 1756. Книга сія состоитъ въ Библіотекѣ подъ No 718.

Читатели конечно вмѣстѣ съ нами порадуются извѣстію, что сіе драгоцѣнное собраніе книгъ и рукописей, по Высочайшей волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, пріобрѣтено отъ Графа Ѳ. А. Толстова для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, за 150,000 рублей, и скоро будетъ привезено въ С. Петербургъ. Ученые и любители древнихъ памятниковъ письменныхъ и печатныхъ, съ готовыми Каталогами въ рукахъ, легко могутъ пользоваться симъ богатымъ запасомъ; ибо ИМПЕРАТОРСКАЯ публичная Библіотека открыта для всякаго.

(*) Не должно смѣшивать сего Аретина, ни упоминаемаго ниже Леонарда, съ извѣстнымъ Сатирикомъ Піетромъ Аретиномъ. Подлинное имя Франц. Аретина есть Акколти; Аретиномъ же назывался онъ по мѣсту его рожденія, городу Ареццо; былъ знаменитымъ Юрисконсультомъ и Секретаремъ Республики.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 10-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМ. I. № 28. *МАIЯ* 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ чрезъ каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маіѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го *числа* (*въ Четвертокъ*), — 6-го (*во Вторникъ*), — 11-го (*въ Воскресенье*), — 16-го (*въ Пятницу*), — 21-го (*въ Среду*), — 26-го (*въ Понедѣльникъ*) *и* 31 (*въ Субботу*).

ПОЕДИНОКЪ. (*)

For one of us must gield his breath
Ere from the field one foot we flee.

The duel of Stuart and Wharton.

Несмотря на усталость послѣ охоты, Бернардъ де Мержи провелъ безъ сна большую часть ночи. Его мучила лихорадка, воображеніе возпламенялось, и тысячи постороннихъ мыслей, не имѣвшихъ ни какой связи съ поединкомъ, смѣнялись однѣ другими. Ему казалось, что за лихорадкой послѣдуетъ тяжкая болѣзнь, которая заставитъ его слечь въ постель, и онъ съ отчаяніемъ представлялъ себѣ, чему подвергнется тогда честь его? что скажетъ свѣтъ о немъ? что подумаютъ Комменжъ и Графиня де Тюржисъ? Онъ желалъ, чтобы скорѣе наступилъ часъ условленный.

По счастью, съ возходомъ солнца Мержи сдѣлалось легче; онъ равнодушно думалъ о предстоявшей ему встрѣчѣ, одѣвался съ спокойнымъ духомъ и даже довольно нарядно, воображая, что Графиня де Тюржисъ пріѣдетъ на мѣсто битвы и собственными руками станетъ перевязывать ему легкую рану, не скрывая болѣе любви къ нему. Луврскіе часы, пробивъ восемь, разсѣяли мечты сіи, и почти въ то же время вошелъ въ комнату братъ его, Жоржъ де Мержи, Капитанъ Королевской гвардіи.

Глубокая горесть изображалась на лицѣ Жоржа, который, по видимому, провелъ ночь не лучше Бернарда; впрочемъ усиливался быть веселымъ, и съ улыбкой пожалъ брату руку.

— «Вотъ шпага и кинжалъ работы Лупо Толедскаго,» сказалъ онъ: «попробуй, не тяжелы ль они тебѣ?» и съ сими словами бросилъ ихъ на постель братнину.

Бернардъ, обнаживъ шпагу, погнулъ ее, осмотрѣлъ конецъ, и, казалось, былъ ею доволенъ. Потомъ обратилъ вниманіе на кинжалъ: черепаховая рукоятка его почти вся была изколота, для того, чтобы конецъ шпаги противниковой, вонзаясь въ скважины, не легко могъ выходить изъ нихъ.

— «Съ такимъ славнымъ оружіемъ», сказалъ онъ «, кажется, я могу защищаться». Затѣмъ, показывая золотой амулетъ, который онъ получилъ отъ Графини де Тюржисъ и носилъ на груди своей, примолвилъ: «Это вѣрнѣе всякихъ латъ защититъ меня.

— «Откуда ты досталъ это?

— «Отгадай!». — Тщеславіе слыть дамскимъ любимцемъ, заставило Мержи забыть въ эту минуту и Комменжа, и лежавшую предъ нимъ шпагу.

— «Объ закладъ готовъ биться, что ты получилъ этотъ талисманъ отъ глупенькой Графини. Провались она сквозь землю и съ своимъ амулетомъ!

— «Да знаешь ли, что онъ подаренъ мнѣ именно для предохраненія меня отъ опасности?

— «Гораздо бъ лучше было, если бъ Ея Сіятельство не изволила снимать перчатокъ и не выказывала прелестныхъ своихъ ручекъ.

— «Боже сохрани, чтобъ я сталъ увлекаться суевѣріемъ,» сказалъ Бернардъ покраснѣвъ; «но пусть узнаетъ Графиня, ежели мнѣ суждено умереть сегодня, — что я и въ послѣднія минуты жизни имѣлъ залогъ ея на груди моей.

— «Какія глупости!» вскричалъ Капитанъ, пожавъ плечами.

— «Вотъ письмо къ моей матушкѣ,» продолжалъ Мержи дрожащимъ голосомъ. Жоржъ взялъ его молча, и подойдя къ столу, началъ, для развлеченія, разсматривать маленькую Библію, между тѣмъ какъ братъ его, оканчивая туалетъ свой, связывалъ множество снурковъ, которые тогда носились на платьѣ.

На первой, попавшейся Капитану страницѣ, написано было рукою его матери: «1-го *Маія* 15.. *года родился сынъ Бернардъ. Господи! Направи стопы его по словеси Твоему и да не обладаетъ имъ всякое беззаконіе!* «

(*) **Изъ книги подъ названіемъ:** 1572 (chronique du temps de Charles IX, par l'auteur du Théâtre de Clara Gazul).

Жоржъ, сильно закусивъ себѣ губу, бросилъ книгу на столъ. Мержи, замѣтя это движеніе, подумалъ, что какая нибудь нечестивая мысль пришла брату его въ голову; преважно взялъ Библію, положилъ ее въ вызолоченный футляръ и потомъ заперъ въ комодъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ, сказавъ: «Это Библія матушкина!»

Капитанъ ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова.

—«Не пора ль отправиться?» сказалъ Бернардъ, застегивая портупею.

—«Нѣтъ еще: мы успѣемъ позавтракать, «отвѣчалъ Жоржъ.

Тутъ оба брата сѣли за столъ, на которомъ стояли разныя кушанья и наполненный виномъ большой серебряный кубокъ. Въ продолженіе завтрака, они судили о достоинствѣ прихлебываемаго ими напитка, сравнивали его съ винами капитанскаго погреба, и показывали видъ, что этотъ разговоръ для нихъ занимателенъ; въ самомъ же дѣлѣ, посредствомъ его старались только скрыть одинъ отъ другаго настоящія свои чувствованія. Капитанъ всталъ первый. «Пойдемъ,» сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, и надвинувъ на глаза шляпу, опрометью бросился изъ комнаты.

Сѣвъ на яликъ, они начали преправляться чрезъ Сену. Перевощикъ, отгадавъ по лицу ихъ, зачѣмъ они ѣхали въ Пре́-о-клеркъ, (Pré-aux-clercs), сталъ торопиться и грести сильнѣе, а между тѣмъ преподробно разсказывалъ, что назадъ тому съ мѣсяцъ, онъ имѣлъ честь перевозить двухъ кавалеровъ, развѣдавшихся потомъ, какъ душѣ угодно, безъ всякой помѣхи; что одинъ изъ нихъ, Графъ де Комменжъ, насквозь прокололъ своего соперника (имени котораго не зналъ, къ сожалѣнію, говорунъ нашъ), и что несчастный сей скатился въ рѣку, откуда никакъ не могли его вытащить.

Пріѣхавъ къ берегу, они замѣтили другой яликъ, съ двумя человѣками, плывшій по Сенѣ. «Вотъ молодцы наши,» сказалъ Капитанъ: «стойте!» и побѣжалъ на встрѣчу къ Комменжу и Графу де Бевилю.

—«А! это ты?» Кого изъ васъ Комменжъ на тотъ свѣтъ отправитъ: тебя или брата?«закричалъ Бевиль со смѣхомъ, обнимая Капитана.

Жоржъ де Мержи и Комменжъ раскланялись очень важно.

—«Милостивый Государь! «сказалъ Капитанъ Комменжу, вырвавшись изъ объятій Бевиля:» я вмѣняю себѣ въ обязанность употребить послѣднее усиліе къ отвращенію гибельныхъ слѣдствій ссоры, происшедшей отъ причины маловажной и ни для кого не оскорбительной. Я увѣренъ, что и другъ мой (онъ указалъ на Бевиля) согласится въ этомъ со мной.«

Бевиль сдѣлалъ гримасу, выражавшую, что онъ думаетъ совсѣмъ иначе.

—«Братъ мой молодъ,» продолжалъ Жоржъ,«неизвѣстенъ и не пріобрѣлъ еще опытности владѣть оружіемъ, напротивъ того ваша слава уже упрочена; и вы сдѣлаете себѣ честь, признавшись предъ Бевилемъ и мной, что безъ умысла....«

Комменжъ прервалъ его сильнымъ хохотомъ.

—«Вы шутите, любезный Капитанъ! неужьли вы полагаете, что я рѣшился такъ рано оставить двухспальную постель, и переплылъ Сену для того, чтобъ извиняться предъ молокососомъ?

—«Вы забыли, Милостивый Государь, что говорите о моемъ братѣ.

—«Хоть бы то былъ родной отецъ вашъ, какое мнѣ до того дѣло! я и думать объ этомъ не намѣренъ.

—«Въ такомъ случаѣ, Милостивый Государь! позвольте вамъ сказать, что вы должны будете развѣдаться со всѣмъ нашимъ родомъ; и какъ я старшій, то не угодно ли съ меня начать?

—«Извините, Г. Капитанъ: по правиламъ дуэля я обязанъ драться съ тѣмъ, кто вызвалъ меня прежде, и въ этомъ отношеніи братъ вашъ, говоря судейскимъ языкомъ, имѣетъ неоспоримое право на первенство. Погодите, когда раздѣлаюсь съ нимъ, я вашъ слуга покорный.

—«Что правда, то правда, «закричалъ Бевиль;» и я ни подъ какимъ видомъ не допустилъ бы, чтобъ дѣло взяло другой оборотъ.»

Дивясь столь продолжительному переговору, Бернардъ медленно приближался къ брату, и подошелъ къ нему въ то самое время, какъ сей началъ осыпать Комменжа ругательствами, и даже называлъ его человѣкомъ подлымъ; на что тотъ отвѣчалъ съ непоколебимымъ равнодушіемъ: «Разсчитавшись съ братомъ вашимъ, я займусь вами.»

Мержи, схвативъ брата за руку, сказалъ ему: «Такъ-то ты, Жоржъ, мнѣ помогаешь? или хочешь, чтобъ не ты у меня, а я у тебя былъ секундантомъ? Милостивый Государь! «примолвилъ онъ, обратясь къ Комменжу: «я готовъ; не угодно ли приступить къ дѣлу?

—«Сію минуту,» отвѣчалъ Комменжъ.

—«Ну, любезный,» сказалъ Бевиль, пожимая у Бернарда руку: «если бъ мнѣ сегодня не хоронить тебя здѣсь, ты вышелъ бы въ люди.»

Комменжъ снялъ кафтанъ и распустилъ на башмакахъ ленты, показывая тѣмъ, что ни на шагъ назадъ не отступитъ. Это было въ модѣ между записными поединщиками того времени. Мержи и Бевиль сдѣлали то же. Одинъ Капитанъ не сбросилъ даже плаща съ себя.

—«Что жь ты, Жоржъ? «сказалъ Бевиль:» развѣ не знаешь, что тебѣ со мной должно драться? Вѣдь мы не такіе секунданты, которые стоятъ, сложа руки, тогда какъ друзья ихъ развѣдываются: нѣтъ, товарищъ, мы распорядимся по-Андалузски.»

Капитанъ пожалъ плечами.

—«Ты вѣрно думаешь, что я шучу съ тобой? Божусь, намъ должно драться, или чортъ возьми меня, если станешь упрямиться.

—«Ты безумецъ,» сказалъ Капитанъ хладнокровно.

—«Въ этихъ словахъ ты мнѣ дашь отчетъ.... иначе я вынужденъ буду....» Тутъ онъ взмахнулъ шпагой, какъ бы сбираясь ударить ею Жоржа.

—«О если такъ, пожалуй,» сказалъ Капитанъ, и вмигъ раздѣлся до рубашки.

Комменжъ съ необычайною ловкостію повернулъ шпагу въ воздухѣ, и отъ одного маха ножны отлетѣли шаговъ на двадцать. Бевиль вздумалъ было сдѣлать то же, но у него ножны соскочили только съ половины клинка, что означало неловкость и вмѣстѣ служило дурнымъ предзнаменованіемъ.

Братья, обнаживъ шпаги гораздо проще, также откинули отъ себя ножны, чтобъ они имъ не мѣшали. Каждый сталъ противъ своего противника, держа въ правой рукѣ шпагу, а въ лѣвой кинжалъ, и мгновенно зазвучали четыре оружія.

Жоржъ скоро обезоружилъ Бевиля и приставивъ къ груди его шпагу, хладнокровно потомъ опустилъ ее: «У насъ неровны силы,» сказалъ онъ: «перестань дурачиться, а не то дождешься, что я выйду изъ терпѣнія.»

Поблѣднѣвшій Бевиль протянулъ Жоржу руку, и они, вонзивъ шпаги въ землю, стали смотрѣть на главныхъ поединщиковъ.

Бернардъ де Мержи былъ храбръ, умѣлъ управлять собой, фехтовалъ весьма недурно и тѣлесными силами несравненно превосходилъ Комменжа, утомленнаго подвигами минувшей ночи. Онъ чрезвычайно удачно отражалъ удары соперника, подавался назадъ при близкомъ наступленіи Комменжа, и мѣтилъ въ него самымъ остріемъ шпаги, прикрывая грудь кинжаломъ. Такое необыкновенное сопротивленіе раздражило Комменжа:» онъ поблѣднѣлъ, началъ выпадать отчаянно и наконецъ, успѣвъ отбить шпагу Мержи къ верху, въ неистовствѣ насквозь прокололъ бы его, если бы чудо, можно сказать, не ослабило удара. Шпага Комменжа, попавъ концемъ въ золотой амулетъ, соскользнула съ него и приняла направленіе косвенное, причемъ оцарапавъ только грудь, вышла изъ-подъ кожи, недалеко отъ первой раны. Но прежде нежели Графу удалось выхватить свое орудіе, Мержи ударилъ его кинжаломъ въ голову, и такъ сильно, что потерявъ равновѣсіе, свалился, а Комменжъ упалъ на него въ ту же минуту. Секунданты считали обоихъ умершими.

Мержи тотчасъ всталъ, и прежде всего схватилъ шпагу, которую уронилъ при своемъ паденіи. Комменжъ оставался безъ движенія. Бевиль поднялъ друга своего, обагреннаго кровью, и когда стеръ ее съ лица его, оказалось, что кинжалъ, вонзившись въ глазъ, проникъ до самаго мозга, отъ чего Комменжъ мгновенно лишился жизни.

Бернардъ де Мержи съ горестью смотрѣлъ на трупъ своего противника.

—«Ты раненъ, Бернардъ,» сказалъ Капитанъ, подбѣжавъ къ брату.

—«Раненъ?» возразилъ Мержи, только теперь замѣтившій, что вся рубашка его была окровавлена.

—«Это ничего,» продолжалъ Капитанъ, и остановивъ кровь платкомъ, попросилъ другой у Бевиля, чтобъ окончить перевязку. Бевиль опустилъ на траву бездушное тѣло, и тотчасъ подалъ Жоржу свой платокъ и другой, вынутый изъ Комменжева кармана.

—«Ну, дружище, лихой же ты отвѣсилъ ударъ ему: у тебя богатырская рука! пусть теперь думаютъ, что хотятъ, наши дуэлисты, когда изволятъ къ намъ жаловать такіе провинціялы! Чортъ возьми меня послѣ этого! да скажи, сдѣлай одолженіе, въ которой разъ ты на дуэли?

—«Ахъ! въ первый,» отвѣчалъ Мержи. «Подавайте, ради Бога, помощь своему другу.

—«Ты такъ отдѣлалъ пріятеля, что ему вовсе не нужна помощь. Кинжалъ прошелъ въ самый мозгъ; ударъ былъ вѣренъ, ловокъ... взгляни на бровь и щеку покойнаго: ручка кинжала означилась на нихъ, какъ печать на воску.»

Бернардъ содрогнулся и крупныя слезы, одна за другой, покатились по лицу его.

Между тѣмъ Бевиль поднялъ кинжалъ, и внимательно разсматривая кровь на немъ, сказалъ: «Премного обязанъ тебѣ меньшой братъ Комменжа; по милости твоей, онъ наслѣдникъ прекраснаго имѣнья.

—«Отведи меня отсюда,» сказалъ Мержи прерывающимся голосомъ, взявъ брата своего за руку.

—«Полно горевать,» возразилъ Жоржъ, помогая Бернарду одѣться: «дѣло кончено, о мертвомъ тужить нечего.

—«Бѣдный Комменжъ!» воскликнулъ Бевиль: » ты убитъ молодымъ человѣкомъ, въ первый разъ дравшимся, ты, который выдержалъ около ста дуэлей! Бѣдный Комменжъ!» Такъ окончилъ Бевиль надгробное свое слово. При послѣднемъ взглядѣ на друга своего, замѣтивъ часы, висѣвшіе, по тогдашнему обычаю, у него на шеѣ, сказалъ онъ:» Тебѣ не нужно знать, который теперь часъ;» и оторвавъ часы, положилъ ихъ въ свой карманъ. — «Братъ его, продолжалъ Бевиль, и безъ того довольно богатъ, а вѣдь мнѣ надобно жъ оставить что нибудь на память.»

Мержи между тѣмъ удалились.

*

— «Подождите же меня,» закричалъ имъ Бевиль, торопясь надѣть кафтанъ свой. «Ты, Бернардъ, забылъ здѣсь кинжалъ; смотри, не потеряй его!» Тутъ онъ вытеръ лезвѣе рубашкой убитаго и побѣжалъ за молодымъ дуэлистомъ. «Успокойся, любезный,» прибавилъ Бевиль, садясь съ нимъ въ лодку: «оставь этотъ жалостный видъ, а поторопись лучше къ своей возлюбленной, да не теряй по пустому времени, чтобы чрезъ девять мѣсяцевъ у насъ былъ новый гражданинъ вмѣсто умершаго. Тогда, разумѣется, свѣтъ не будетъ въ накладѣ. Эй, перевощикъ! проворнѣй поворачивайся: пистоль на водку! Видишь, къ намъ подъѣзжаютъ изъ Нельской башни дозорные: съ этимъ народомъ мнѣ вовсе нѣтъ охоты связываться.»

Съ Фр. Н. Ш—г—въ.

ПОСЛѢДНІЙ ПРІЮТЪ.

Если все меня обманетъ
Вмѣстѣ съ юностью живой,
Если сердце перестанетъ
Вѣрить радости земной,
Если дней моихъ планета,
Просіявъ, затмится вновь,
Если мнѣ, моя Лилета,
Измѣнитъ твоя любовь:

Я покину свѣтъ коварный,
Въ край далекій повлеку
Грустный даръ неблагодарной —
Сердца тайную тоску;
И укроюсь отъ обмана
Тамъ, гдѣ нѣтъ твоихъ очей,
Нѣтъ ни жертвы, ни тирана,
Ни предательныхъ рѣчей;

Тамъ, гдѣ лѣсъ, насупясь, дремлетъ
Подъ завѣсой тяжкой мглы,
Гдѣ неласково объемлетъ
Рѣчка хладныя скалы;
Гдѣ надъ древнею могилой
Ива дряхлая шумитъ,
И пустыни духъ унылой
На развалинахъ сидитъ.

И. Н....

О СУМАРОКОВѢ.

Сумароковъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ Литературѣ нашей. Онъ имѣетъ свою физіогномію, означенную рѣзкими чертами: это лице портретное. Его нельзя изучать, какъ образецъ изящнаго, какъ памятникъ искусства: онъ ни въ чемъ не оставилъ намъ уроковъ, слѣдовъ къ подражанію; дѣйствія его были, такъ сказать, единовременныя; языкъ его, слогъ его, формы его, имъ самимъ заимствованныя у чужестранцевъ и даже не примѣненныя къ нравамъ нашимъ и къ историческимъ преданіямъ, все это въ наше время почти безъ цѣны. И творенія Сумарокова болѣе упоминаются или поминаются, чѣмъ читаются нынѣ. Вездѣ, гдѣ онъ былъ только Авторъ и Поэтъ, онъ едва ли пережилъ себя, за весьма немногими изключеніями: но тамъ, гдѣ отдѣляется личность его, онъ вездѣ еще свѣжъ и ярокъ, потому что онъ горячо и откровенно передавалъ свою раздражительность, когда обстоятельства приводили ее въ игру. По этому, какъ Полемикъ, Сумароковъ еще живъ, хотя предметы его полемики уже и не возбуждаютъ соучастія нашего. Сумароковъ вѣроятно почиталъ себя Рускимъ Вольтеромъ, и по примѣру образца своего покушался омногосложить свое дарованіе. Но, если онъ обманулся въ разчетахъ авторскаго тщеславія, то не менѣе того имѣлъ онъ нѣчто Вольтеровское: а именно, его раздражительность, нѣсколько его сатирической горячности, которыя нимало не назидательны, но часто забавны и увлекательны. Тяжба между имъ и Ломоносовымъ давно рѣшена, и за изключеніемъ нѣсколькихъ остроумныхъ замѣчаній объ языкѣ нашемъ, нечему научиться изъ фактовъ сей забытой тяжбы: но все еще любопытно читать ихъ, потому что личность Сумарокова въ нихъ оказывается. То же можно сказать и о войнѣ его съ Тредьяковскимъ, прибавивъ, что здѣсь тяжба рѣшена забвеніемъ, насильственною мировою сдѣлкою, скрѣпленною потомствомъ, которое отказалось отъ Сумарокова и отъ Тредьяковскаго: но апелляціи существуютъ. Особливо же забавны памфлеты его противъ подьячихъ; хотя они также уже чужды намъ по содержанію своему, но драгоцѣнны и нынѣ по истинѣ и силѣ чувства и по патріотизму, ихъ одушевляющимъ. Они уже не трепещутъ *интересомъ минуты*, но еще трепетъ гнѣва, но Авторскій жаръ еще въ нихъ сохранились. Можно сказать рѣшительно, что нѣтъ на Рускомъ языкѣ ничего забавнѣе, ничего подходящаго ближе къ такъ-называемымъ Facéties Вольтера, какъ нѣкоторыя изъ статей Сумарокова, напечатанныя въ послѣднихъ томахъ сочиненій его. Въ этомъ отношеніи мы мало порадовались бы открытію новыхъ, ненапечатанныхъ чисто-литературныхъ, или поэтическихъ произведеній Сумарокова, не надѣясь найти въ нихъ опроверженій умѣреннаго мнѣнія нашего о талантѣ его. Но находка біографическихъ и характеристическихъ памятниковъ о немъ можетъ насъ порадовать, насъ, для коихъ старина наша такъ еще нова, а любопытство такъ сильно, ибо мы, раздѣляя общую Европейскую жадность къ запискамъ историческимъ или анекдотическимъ, должны довольствоваться чужими сплетнями за неимѣніемъ своихъ. Двѣ бумаги Сумарокова, здѣсь предлагаемыя, живо отражаютъ его запальчивость, необузданность, сатирическія и комическія выходки ума его. Достовѣрность этихъ фактовъ не подвержена сомнѣнію. Подлинникъ жалобы на Ломоносова отысканъ въ бумагахъ Миллера *надорванный*, вѣроятно въ присутствіи. Сохраненъ ли онъ, какъ любопытный документъ, или какъ свидѣтельство, могущее повредить Ломоносову? Предоставляемъ другимъ рѣшить недоумѣніе, замѣтивъ однако же, что Ломоносовъ и Миллеръ были врагами. — Въ разсужденіи другой бумаги, для очистки памяти Демидова отъ нареканій въ безсовѣстномъ жестокосердіи, должно упомянуть, что этотъ Демидовъ, заимодавецъ Сумарокова, былъ, по дошедшимъ преданіямъ, проказникъ, и что вѣроятно онъ единственно для шутки, хотя и неумѣренной, хотѣлъ напугать Сумарокова и вывести его изъ терпѣнія. Покрайней мѣрѣ таково мнѣніе нѣкоторыхъ изъ современниковъ той эпохи. Знавшіе Сумарокова, любили иногда вызывать раздражительность и комическіе взрывы гнѣва его. Намъ случилось читать въ однѣхъ запискахъ, что ПАВЕЛЪ I, еще въ малолѣтствѣ часто видавшій его за столомъ Своимъ, забавлялся его способностью сердиться. Однажды съ умысломъ хвалилъ онъ при немъ недавно вышедшія творенія Лукина, котораго Сумароковъ не любилъ: «однако же на этотъ разъ,» говоритъ сочинитель помянутыхъ записокъ, «*Александръ Петровичъ былъ довольно смиренъ.*» Это выраженіе, напоминающее уму свойство ребяческое, очень мило, сказанное о Сумароковѣ, и кажется, живо изображаетъ характеръ его. Слѣдовательно, бывалъ онъ иногда и очень не смиренъ. Замѣчательно также въ письмѣ его къ Потемкину приказаніе сего послѣдняго написать трагедію безъ рифмъ. Это показываетъ проницательность и оригинальность ума Потемкина, который и не бывши авторомъ, требовалъ уже отъ драмы нашей новыхъ покушеній, не довольствуясь исключительнымъ подражаніемъ узкимъ формамъ трагедіи Французской. Такимъ образомъ, Потемкинъ, покрайней мѣрѣ желаніями и соображеніями, долженъ занять почетное мѣсто въ романтической нашей школѣ.

Въ Государственную Штатсъ-Контору отъ Бригадира Александра Сумарокова.

Доношеніе.

Увѣдомился я, что прислана за подписаніемъ Ломоносова въ Государственную Штатсъ-Контору о удержаніи моего жалованья промеморія, дабы тѣмъ возвратить издержанную казну за напечатаніе моихъ трагедій; а понеже, хотя я и отъ Штатсъ-Конторы жалованье получаю, однако подъ вѣдомствомъ оной Конторы не состою, того ради оная Контора удерживать моего жалованья по присылкѣ Ломоносова, надѣюся, не благоволитъ. А оный Ломоносовъ, яко человѣкъ, на котораго я имѣю подозрѣнія, по челобитью моему въ силу указовъ, какъ извѣстный мнѣ злодѣй, будетъ отъ моихъ дѣлъ отрѣшенъ. Оный Ломоносовъ, можетъ быть, принялъ дерзновеніе дѣлать таковыя на меня нападенія отъ того, что онъ часто отъ пьянства сходитъ съ ума, что всему городу извѣстно, и (какъ уповательно), то онъ ту промеморію подписалъ на меня въ обыкновенномъ своемъ безумствѣ; ибо Академія причины не имѣетъ взыскивать съ меня деньги таковымъ порядкомъ; понеже я нетолько отъ казенныхъ долговъ, но и ни отъ какихъ, никогда не отпирался. Я Государственную Штатсъ-Контору нижайше прошу, чтобы она несостоящаго подъ своимъ вѣдомствомъ человѣка, по тому только одному, что онъ отъ нея жалованье получаетъ, наказывать не благоволила; ибо ежели бы Академія хотѣла съ меня деньги взыскивать, (оскорбляя) такъ чувствительно и меня честнаго человѣка, то бы должна была она писать не въ то мѣсто, отъ котораго я жалованье получаю, но гдѣ я подъ вѣдомствомъ состою; ибо всегда и часто съ ума сходящій, Ломоносовъ не можетъ повелѣніемъ своимъ ни одной полушки удержать изъ моего жалованья, хотя бы онъ и въ цѣломъ умѣ былъ; потому что я свое жалованье получаю по Именному Ея Императорскаго Величества указу, и служу отъ начала службы моей безпорочно. А онъ Ломоносовъ таковыя во пьянствѣ дерзновенія дѣлалъ неоднократно, за что содержался нѣсколько времени подъ карауломъ и отрѣшенъ былъ отъ присутствія Конференціи. А что онъ не въ полномъ разумѣ, въ томъ я свидѣтельствуюсь сочиненною имъ Риторикою и Грамматикою.

Бригадиръ Александръ Сумароковъ.

Письмо и записка (*) Александра Петровича Сумарокова, къ Князю Григорью Александровичу Потемкину, когда онъ былъ еще Графомъ.

Завтра отъѣздъ Двора, а у меня завтра домъ отъемлется, не знаю по какому праву, ибо домъ мнѣ въ нынѣшній годъ по пристройкѣ болѣе уже тысячи рублей сталъ; а оцѣненъ онъ въ 900 руб., хотя и сталъ мнѣ кромѣ мебелей въ шестнадцать слишкомъ тысячь. Демидову я долженъ только 2000 руб., а онъ, разсердясь на меня за плута своего повѣреннаго, котораго онъ и самъ со двора сбилъ, требуетъ нынѣ и процентовъ и рекамбій, хотя и обѣщался мнѣ о томъ и не помышлять.

(*) Списаны съ подлинника, который находится у Сергѣя Николаевича Глинки.

Я нижайше прошу Вашего Сіятельства, почитающаго человѣколюбіе, послать къ Г. Демидову, дабы онъ помня человѣколюбіе, не требовалъ съ меня кромѣ данной мнѣ суммы, и чтобъ сія сумма была вычтена изъ моего жалованья, кое я получаю ежегодно въ началѣ Маія. У меня одинъ только на сей землѣ домъ, такъ мнѣ пріютиться будетъ некуда и долженъ я буду на старости таскаться по міру.

Я внесъ вещей въ уплату въ Магистратъ болѣе нежели три тысячи; а что они дешево оцѣнены (да и не покупаются будто) это не моя вина. Я вмѣсто процентовъ и рекамбій воздамъ Вашему Сіятельству сочиненіемъ новой трагедіи безъ рифмъ, какъ вы мнѣ приказывать изволили. Я жду въ рѣшеніи Вашемъ или спасенія моего, или отчаянія; а къ рѣшенію сего, времени уже мало осталось. Вообразите себѣ мое состояніе.

Вашего Сіятельства
Нижайшій слуга
А. Сумароковъ.

10-го Іюля 1775.

Сдѣлайте милость и пришлите, Милостивый Государь, мнѣ отраду, письмо ваше открытое, или припишите хотя къ Г. Демидову на сей бумагѣ, что Вашему Сіятельству по снизхожденію ко мнѣ угодно будетъ.

* * *

Записка ради памяти.

1. Долженъ я Прокофью Демидову двѣ тысячи рублевъ: заплатилъ бы я ему оныя давно, но онъ былъ въ Голландіи болѣе года, потомъ былъ въ Москвѣ моръ болѣе же года; потомъ былъ я отчаянно боленъ полгода; потомъ, пріѣхавъ ради нуждъ моихъ въ Петербургъ и для напечатанія новыхъ моихъ сочиненій, былъ я тамо проживаяся полтора года.

2. Я имѣю свидѣтельство, что Демидовъ съ меня процентовъ и рекамбій брать не хотѣлъ: да и деньги далъ мнѣ въ заемъ безъ процентовъ.

3. Работалъ я довольно, помоществуя Г. Баженову при учрежденіи и церемоніи Кремлевскаго Дворца, а потому, что въ самый тотъ день было освященіе оныя закладки, въ который срокъ вышелъ отсрочки моего векселя, Г. Баженовъ, пріятель Демидову, обнадежилъ меня, что онъ Г. Демидовъ меня для того общенароднаго дѣла въ заплатѣ понуждать не будетъ, а о процентахъ и рекамбіи онъ и не помышляетъ; и для того Г. Демидовъ увѣрилъ меня самъ и векселя не переписалъ.

4. Смутилъ его со мною его повѣренный, котораго за его непорядки онъ Г. Демидовъ и самъ сбылъ.

5. Отъ Магистрата описывали мои деревни и домъ во двухъ тысячахъ. Наконецъ жребій палъ на мой домъ, который въ Магистратѣ оцѣнили въ девять сотъ рублевъ въ сорокъ одну копѣйку съ полушкою: а я уже по оцѣнкѣ положилъ на мой домъ болѣе тысячи рублевъ!

6. Книги мои и рукописи приказано было Подканцеляристу Магистратскому осмотрѣть и поставить при нихъ караулъ; хотя ни Магистратъ, ни Подканцеляристъ не знаютъ различія между оды, эклоги и элегіи.

7. Я вмѣсто дома моего внесъ въ Магистратъ табакерку, пожалованную мнѣ отъ Его Императорскаго Высочества въ знакъ отличной Его ко мнѣ милости; она изъ лучшаго лаписъ-лазули, изъ лучшей золотой работы съ нѣсколькими брильянтами, изъ которыхъ одинъ красной: табакерка сія не была ношена никогда. Она стоитъ двухъ тысячь рублей по малой мѣрѣ; и слѣдовательно всего моего Демидову долга. Другая табакерка, подаренная мнѣ отъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, пожалованная ему блаженной памяти Государынею, и подаренная мнѣ ради вѣчнаго о немъ воспоминанія, стоитъ по малой мѣрѣ семь сотъ рублевъ. Часы Эликотовы серебреные, которыхъ по апробаціи Петербургской часовой фабрики лучше не бывало въ разсужденіи машины ихъ; а домъ мой сталъ мнѣ кромѣ мебелей въ шестнадцать тысячь!

8. Все мое внесенное въ Магистратъ, и книги мои и эстампы, оцѣнили они въ Магистратѣ самою малою цѣною.

9. Нынѣ назначили въ Магистратѣ сіи мои вещи мнѣ возвратить, а вмѣсто того продать мой домъ, который мнѣ уже послѣ ихъ оцѣнки сталъ еще въ тысячу рублевъ.

10. Магистратъ долженъ продать то, что я ему назначу, а не то, что онъ хочетъ.

11. Что вещей моихъ не покупаютъ, въ этомъ моей винности нѣтъ.

12. Выбить человѣка изъ дому, хотя бы онъ и ни малѣйшей не сдѣлалъ Отечеству услуги, со всею фамиліею, съ малолѣтными дѣтьми и со всѣми слугами, посреди сѣверной зимы, не позволяется.

13. Происшедшему отъ знатныхъ предковъ и имущему чинъ и орденъ и прославившемуся къ чести своего Отечества во всей Европѣ, таскаться по міру и замерзнуть на улицѣ, не позволяется; ибо въ православномъ Государствѣ о православіи и любви ближняго забывать Магистрату не должно.

14. И разбойники людей грабятъ, но не всегда умерщвляютъ; а Магистратъ долженъ о человѣколюбіи больше стараться, нежели разбойники.

15. Сіи судьи, которые меня разорить хотятъ, суть рабы Отечества; а я сынъ Отечества и потому, что я дворянинъ, и потому, что я уже отличный чинъ и орденъ имѣю; и потому, что трудился довольно во краснорѣчіи Россійскаго языка.

16. Драмы мои играютъ содержатели, продавая и покупая выхоженную мною привиллегію, и не только отнявъ у меня ложу, но и отказавъ мнѣ дать билеты, нарушая сочиненные со мною прежними содержателями контракты; и довольствуются доходомъ моихъ трудовъ они, а не я.

17. Я несомнѣнно уповаю, что ежели сія моя записка предстательствомъ Вашего Сіятельства дойдетъ до слуха **Самодержицы**, такъ я съ моею фамиліею на улицѣ не замерзну.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Я нижайше прошу о томъ, чтобы къ Демидову послать, чтобы онъ со мною поступилъ по законамъ честности, и взялъ бы съ меня только надлежащія деньги, а въ Магистратъ: дабы меня изъ дома не выгонять, ибо они съ меня и рубашку снять могутъ. А по Театру разсмотрѣть бы мое съ Урусовымъ дѣло Полиціи справедливо. Драмы напечатаны; но они напечатаны ради чтенія, а не для публичнаго представленія, чего нигдѣ и никогда не дѣлалося, гдѣ Театральныхъ стихотворцевъ и много, да и здѣсь, исключая меня, ни съ кѣмъ того, гдѣ и контрактовъ не было, не дѣлалося. А я Театры основалъ не ради огорченія себя, но ради прославленія моего времени и моего имени. 11-го Ноября 1775, *А. Сумароковъ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Ягубъ Скупаловъ, или исправленный мужъ. Нравственно-сатирическій романъ современныхъ нравовъ. Въ четырехъ частяхъ. — М. въ тип. С. Селивановскаго. 1830. (въ 12-ю д. л. въ 1-й част. VIII — 146, во 2-й ч. 146, въ 3-й ч. 123, въ 4-й ч. 127 стран).

Издатель Литературной Газеты получилъ возраженіе на рецензію романа: *Ягубъ Скупаловъ*, помѣщенную въ 6-мъ No Московскаго Телеграфа сего года. Съ сожалѣніемъ онъ увидѣлъ, что Антикритикъ, безъ сомнѣнія пріученный къ безпрерывнымъ и личнымъ враждамъ прочихъ Рускихъ Журналистовъ, и его полагаетъ найти съ легко-раздражаемымъ самолюбіемъ, заставляющимъ насъ часто, на зло своихъ мечтательныхъ соперниковъ, а болѣе на зло здраваго смысла, называть бѣлое чернымъ, черное бѣлымъ. Разсудительные читатели Л. Г. съ перваго и по нынѣшній No вѣроятно не видали пристрастія въ ея сужденіяхъ. Такъ и нынѣ мы не можемъ не согласиться съ рецензентомъ Московскаго Телеграфа. Романъ: *Ягубъ Скупаловъ*, не нравственный, не сатирическій и не вѣрно описывающій современные нравы—а просто дурной, едва ли не худшій изъ всѣхъ дурныхъ Рускихъ романовъ, начиная съ *Несчастнаго Никанора* и до *Ивана Выжигина* включительно.

Защитникъ *Ягуба Скупалова* старается доказать, что онъ былъ написанъ прежде романовъ Нарѣжнаго и романа: *Иванъ Выжигинъ*. Если бы это было и правда, то все бы ни къ чему не послужило. За введеніе новаго рода въ Литературу нашу, Правительство не даетъ привиллегій, въ силу которыхъ вводителю позволялось бы цѣлыя десять лѣтъ быть лучшимъ въ этомъ родѣ. Дурное сочиненіе все будетъ дурно, прежде ли, послѣ ли всѣхъ оно написано. Тредьяковскій первый въ Россіи сочинилъ эпопею и право первенства ни сколько не спасло его отъ насмѣшекъ, до сихъ поръ преслѣдующихъ его Телемахиду. Тотъ же Тредьяковскій доказывалъ въ ученыхъ диссертаціяхъ, что для эпопеи лучшій стихъ есть гекзаметръ, и издалъ Риторику и Піитику, въ которыхъ собралъ много полезныхъ правилъ и замѣчаній изъ Европейскихъ Риторовъ и учителей Поэзіи: за это просвѣщенное потомство не откажетъ ему въ уваженіи. Но возвратимся къ роману: *Ягубъ Скупаловъ*.

Защитникъ его сожалѣетъ, что сей романъ въ письмахъ, говоря, «что это слишкомъ пахнетъ романами «минувшаго вѣка, а нынѣ, когда потребности читаю«щей публики измѣнились, должно удовлетворять оной «предметами, сообразными съ направленіемъ духа вре«мени.» Мысли ложныя! Никакой родъ въ рукахъ мастера не старъ, также какъ хорошіе романы прошлаго вѣка не стары для нынѣшняго и для всего просвѣщеннаго будущаго. Сколько уже прошло столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ Апулей написалъ романъ: *Золотой оселъ*, а его и нынѣ прочтешь съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ читаешь романы Вальтера Скотта и повѣсти Вашингтона Ирвинга. Сервантесъ, Лесажъ, Ричардсонъ, Фильдингъ, Смоллетъ и Гольдсмитъ будутъ всегда хороши, не смотря на появленіе новыхъ родовъ и новыхъ геніевъ. Литературная Республика не сходна съ Азіатскими Монархіями, въ которыхъ повелитель, чтобы спокойно властвовать, долженъ задушить братьевъ. Въ ней всѣмъ талантамъ просторъ, для всякаго кругъ дѣйствій великъ и независимъ; каждый славными трудами укрѣпляетъ за собою толпу почитателей, въ то же время ни у кого ихъ не отнимая. Творите въ добрый часъ, покоряйте вашимъ талантомъ вниманіе согражданъ и ни одинъ достойный соперникъ вашъ не встрѣтитъ васъ недружелюбно. Но если вы хотите имѣть успѣхъ совершенный, то пишите не спѣша и думайте не о денежныхъ выгодахъ, а о соблюденіи всѣхъ требованій вашего искусства. Въ противномъ случаѣ будьте довольны хорошею распродажей вашего произведенія и не сердитесь на неодобреніе судей. Не читайте приговоровъ ихъ; а въ утѣшеніе, спрашивайте не у короткихъ, но чиновныхъ знакомыхъ мнѣнія о вашей книгѣ. Мы вамъ предсказываемъ напередъ самыя лестныя похвалы; и замѣтьте, чѣмъ важнѣе Государственный человѣкъ, вами спрашиваемый, тѣмъ болѣе онъ похвалитъ васъ. Пускай злые люди припишутъ это его учтивости: вамъ какая нужда вѣрить такимъ толкованіямъ?

Послѣдняя война съ Турціею, заключающая въ себѣ кампанію 1828 и 1829 годовъ въ Европейской и Азіатской Турціи и на Кавказѣ. 2 ч. — С. П. б., въ типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія, 1830 (въ 1-й части X — 140, во 2-й 184 стр. въ 12-ю д. л.)

Здѣсь, въ объемѣ небольшой книги, изображены въ надлежащемъ историческомъ порядкѣ всѣ событія, ознаменовавшія войну 1828 и 1829 годовъ, войну, въ которой Россійское воинство увѣнчалось новыми лаврами у самыхъ почти вратъ Константинополя и на далекихъ рубежахъ Анатоліи. Въ предисловіи къ 1-й части, описано знаменитое морское сраженіе при Наваринѣ. Первая часть книги сей заключаетъ въ себѣ Исторію кампаніи 1828 года; вторая — кампаніи 1829 года, и оканчивается мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Адріанополѣ. Слогъ Сочинителя чистъ и ясенъ, произшествія, о коихъ свѣдѣнія почерпнуты изъ офиціальныхъ донесеній и пр., изложены хорошо, и на первый случай, книга сія можетъ служить полезнымъ и достаточнымъ чтеніемъ для тѣхъ, которые пожелаютъ видѣть весь ходъ послѣдней войны Россіи съ Турціей въ одной общей картинѣ.

СМѢСЬ.

Выписки изъ письма О. Іакинѳа Бичурина къ И. В. С... (отъ 5-го Апрѣля, изъ Иркутска). «Съ 26-го минувшаго мѣсяца я нахожусь въ Иркутскѣ. Путь мой отъ Столицы до сего мѣста былъ благополученъ. Въ изходѣ Маія отправлюсь за Байкалъ въ путешествіе. Въ здѣшнемъ краю я нашелъ много интереснаго для меня, и надѣюсь провести время странствія въ трудахъ пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ, по отношенію къ Этнографіи Азіятскихъ народовъ. Теперь занимаюсь Монгольскимъ языкомъ, и въ доброжелательствѣ здѣшнихъ жителей нахожу во всемъ соотвѣтствіе моимъ желаніямъ .... Окружности сего города (Иркутска) покрыты громадами льдовъ на великое пространство, а на окрестныхъ горахъ лежитъ снѣгъ, не смотря на прекрасную, теплую погоду, около трехъ недѣль продолжающуюся .... Въ городѣ такъ все тихо, какъ будто живешь на уединенной дачѣ. И такъ по необходимости сижу дома, препровождая время въ разговорахъ съ Монгольскими Литтераторами.»

Любителямъ Англійской драматической Словесности вѣроятно будетъ пріятно узнать о новомъ предпріятіи, облегчающемъ пріобрѣтеніе многихъ сочиненій, мало кому доселѣ приступныхъ. Съ Февраля издается въ Лондонѣ (подъ заглавіемъ: The Old English Drama) собраніе рѣдчайшихъ драматическихъ до-Шекспировскихъ произведеній; чрезъ каждыя двѣ недѣли выходитъ книжка, заключающая всегда цѣлую драму и стоющая только два пенса. Въ 1-й книжкѣ помѣщена старинная комедія: Ralph Royster Doyster. Она покрайней мѣрѣ 16-ю годами старѣе: Gammej Gurtons Needle, объ которой упоминается обыкновенно въ учебныхъ книгахъ Англійской Словесности, какъ о самой древней Англійской комедіи.

(*Изъ*: Tygodnik Petersburski.)

Г. Смирдинъ пріобрѣлъ право на напечатаніе двухъ драгоцѣнныхъ твореній. Первое изъ нихъ: *Исторія Государства Россійскаго*, *соч. Николая Михайловича Карамзина*, коей новое изданіе будетъ состоять изъ 12-ти томовъ, въ большую 12-ю д. л., и напечатано будетъ на хорошей бѣлой бумагѣ, четкими буквами. Примѣчанія въ каждомъ томѣ будутъ помѣщены только тѣ, кои признаны за необходимыя. Цѣна экземпляру назначается самая умѣренная: 30 руб. въ обѣихъ Столицахъ. — Второе изъ сихъ твореній: *Полное собраніе Басень И. А. Крылова*, въ 8-ми книгахъ. Кромѣ прежнихъ 7-ми книгъ, заключавшихъ въ себѣ 165 басень, новая, т. е. *осьмая книга*, будетъ въ себѣ содержать *новыя басни* (числомъ 21), изъ коихъ четыре (*Пушки и Паруса*, *Бритвы*, *Бѣдный богачъ*, и *Щука*) извѣстны уже читателямъ *Сѣверныхъ цвѣтовъ* и *Литературной Газеты*. Всѣ *Басни И. А. Крылова* будутъ напечатаны въ 3-хъ разныхъ форматахъ (въ 8-ю, въ 12-ю и въ 18-ю д. л.) и соотвѣтствующими онымъ шрифтами, и появятся въ концѣ Іюля нынѣшняго года. Цѣна экземпляру 4 р. въ обѣихъ Столицахъ, съ пересылкою же въ прочіе города 5 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 15-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМ. I. №. 29. *МАІЯ* 21го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Маіъ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ) и 31 (въ Субботу).

ПИСЬМО II. изъ ВАРНЫ.

4-го Апрѣля 1829-го.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я обитаю въ Варнѣ; скитаюсь посреди развалинъ, хлопочу о медаляхъ, о кускахъ древняго мрамора; — живу и бесѣдую съ мертвою природою. Судьба, судьба! — Около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда величавая Нева видѣла насъ вмѣстѣ на роскошныхъ берегахъ своихъ, какой кудесникъ могъ бы увѣрить меня, что черезъ нѣсколько времени, песокъ съ могилы злополучнаго Владислава засыплетъ строки письма сего!

Я уже сказалъ вамъ, что съ палубы корабля, Варна и ея окрестности представляютъ картину столь очаровательную, но вмѣстѣ столь странную и неопредѣленную, что для изображенія оной нѣжныя краски Авзоніи должны, кажется, непремѣнно войти въ сочетаніе съ яркимъ колоритомъ Востока. Городъ и крѣпость построены на легкой покатости, образуемой склоненіемъ горъ, зеленѣющихся сугубымъ оплотомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ Варны: съ Южной и Сѣверной. Западная часть крѣпости смотрится въ зеркало Девнинскаго Лимана, а Восточная стоитъ повелительнымъ рубежемъ надъ необозримою равниною моря, коего волны съ шумомъ и грозною покорностію умираютъ у ногъ доселѣ неприступной твердыни. Съ этой стороны толстыя стѣны крѣпости чрезвычайно потерпѣли отъ посылокъ нашей артиллеріи: широкіе проломы и обильныя груды каменьевъ громко говорятъ о мѣткости Рускихъ пушекъ. Въ сей-то разстрѣлянной оградѣ пестрѣетъ обширный амфитеатръ домовъ и мечетей, фруктовыхъ садовъ, мраморныхъ фонтановъ и свѣжихъ, повсемѣстныхъ развалинъ. Надъ симъ-то разнообразнымъ хаосомъ высокіе минареты возносятъ свои серебристые куполы, окованные яркоблещущими листами полированой жести или олова. Внутренность города представляетъ Европейцу картину еще болѣе необыкновенную: домà обращены окнами на дворъ, дворы закрыты густою зеленью. Улицы столь тѣсны, что едва ли три человѣка могутъ рядомъ проходить свободно, а строенія такъ сжаты, что въ самый полдень свѣтъ борется съ тѣнью между рядами сихъ однообразныхъ стѣнъ, непроницаемыхъ для любопытнаго странника, непроницаемыхъ для любопытства черноокой Восточной красавицы.... Не думайте, между тѣмъ, чтобы Варна была вездѣ такъ темна и однообразна; трудно напротивъ изобразить эту очаровательную постепенность, съ коею здѣшнее великолѣпное солнце выходитъ изъ темницы сихъ безтолковыхъ, перепутанныхъ улицъ. Становясь мало по малу краснѣе и явственнѣе на углахъ перекрестныхъ строеній, оно сосредоточиваетъ все золото жаркихъ лучей своихъ на просторѣ небольшихъ площадокъ, посреди коихъ уединенный мраморный фонтанъ журчитъ обыкновенно подъ тѣнью орѣховыхъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Эти фонтаны попадаются здѣсь почти на каждомъ шагу; возглавія ихъ изпещрены кудреватыми Восточными надписями. Считаю за лишнее говорить, какъ отрадна холодная струя сихъ прекрасныхъ водоемовъ во время томительныхъ жаровъ долгаго Болгарскаго лѣта. Не взирая на сіе поясненіе, вы по моему описанію можетъ быть заключите, что Варна мертвый, безцвѣтный городъ: напротивъ. Взгляните на эту узкую, кривую, но безконечную улицу: какой шумъ! Какая суетливость! Вотъ лавка съ косметическими товарами Востока, вотъ другая съ благовонною *халвою*, съ плодами, съ разными Цареградскими лакомствами. Тамъ пестрѣются шелковыя издѣлія роскошнаго Стамбула; здѣсь дымится кофе въ маленькихъ синихъ чашечкахъ, вставленныхъ въ серебряныя, сдѣланныя на подобіе вазъ блюдечки, а не въ далекѣ — алѣетъ *щербетъ ароматный*. Мастерская портнаго, лавка пирожника, булочника, съ засученными по шею рукавами — все это наружу, все открыто; улица изукрашена, такъ сказать, картинами изъ *Тысячи и одной ночи*. Смѣсь лицъ и нарядовъ представляетъ зрѣлище неменѣе любопытное. Вотъ Турокъ (плѣнный разумѣется) съ гордымъ, угрюмымъ челомъ и важною поступью; вотъ Армянинъ смуглый и молчаливый; вотъ Болгаръ съ тупою невыразительностію лица и тяжелою машинальностію движеній; вотъ Грекъ, наконецъ, быстрый и проворный, съ разбѣгающимися глазами и съ хитрою, двусмысленною физіогноміею. Нарядъ Турецкій вамъ извѣстенъ; одѣяніе здѣшнихъ Болгаръ, Армянъ и Грековъ почти во всемъ подобно ему. Одна только чалма отличаетъ Гяура отъ правовѣрнаго: сей послѣдній пользуется исключительнымъ правомъ обвивать ее бѣлою или зеленою тканью. Армяне и Греки употребляютъ для сего шали, большею частію чернаго цвѣта, а Болгары носятъ круглыя бараньи ярмолки, подобныя недавнимъ шапочкамъ нашихъ fashionables. — Посреди сей Азіятской толпы вы встрѣчаете также немало остатковъ Израиля и множество фигуръ Европейскихъ: Рускихъ, Французскихъ, Итальянскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ; солдатъ, шкиперовъ, матросовъ и честныхъ общеполезныхъ маркитантовъ. Кстати о сихъ послѣднихъ: на здѣшнихъ вывѣскахъ вы имѣете удовольствіе читать, не только: Hotel d'Odessa, Hotel de *** и проч. но даже: Martin, cave française, Fendrig, magasin des draps et nouveautés, etc. etc. Златое, чудесное изобиліе! Здѣсь въ особенности симпатія его къ карману ничѣмъ не уступитъ постоянному влеченію магнитной стрѣлки къ Сѣверному полюсу.

Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что Турецкіе жители (большая часть здѣшняго народонаселенія) оставили Варну въ слѣдствіе капитуляціи 27-го Сентября. Мѣсто ихъ занимаютъ каждый день Греческіе и Болгарскіе эмигранты, бѣгущіе сюда толпами изъ окрестныхъ Турецкихъ городовъ и селеній. Вотъ, кажется, достаточная причина невозможности сообщить вамъ удовлетворительныя статистическія и другія свѣдѣнія о Варнѣ; а потому, все, что касается сего важнаго предмета, должно къ сожалѣнію состоять въ одномъ повтореніи тѣхъ гадательныхъ подробностей, которыя для читающаго міра не будутъ уже конечно новостію.

Варна находится подъ 43° 10′ С. шир. и подъ 25° 40′ долг. Знаменитая крѣпость сія была издревлѣ извѣстна и своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, и важностію своей торговли. Въ сихъ отношеніяхъ она и теперь можетъ назваться первымъ приморскимъ городомъ въ Болгаріи, будучи также транзитнымъ мѣстомъ всѣхъ вообще товаровъ, идущихъ изъ сей провинціи и Валлахіи въ Константинополь и обратно. Варна заключаетъ, или какъ говорятъ, заключала въ себѣ до послѣдней осады около 4,000 домовъ и до 26,000 жителей. Языкъ Турецкій есть ихъ господствующее нарѣчіе. За исключеніемъ Севастопольскаго и Сизопольскаго портовъ, здѣшняя пристань почитается единственною на Черномъ морѣ. Настоящая промышленость жителей состоитъ въ снабженіи Константинополя и окрестныхъ мѣстъ разными съѣстными потребностями. Здѣсь кромѣ весьма небольшаго количества ословъ и буйволовъ, я не видалъ почти никакихъ животныхъ. Лошади, овцы и другой домашній скотъ сдѣлался, по словамъ жителей, добычею Турокъ, во время осады крѣпости. Я насчиталъ въ Варнѣ пять или шесть мечетей, кромѣ тѣхъ, кои превращены въ прахъ нашими пушками, и отыскалъ неменѣе сего церквей Христіанскихъ. Я говорю отыскалъ, ибо фанатизмъ правовѣрныхъ сравнялъ ихъ съ кровлями другихъ строеній. Двѣ только церкви, по видимому древнѣйшія въ Варнѣ, возносятъ остатки своихъ готическихъ колоколенъ надъ окружающими ихъ домиками. Одна изъ нихъ служила, какъ говорятъ, Туркамъ наблюдательною башнею во время послѣдней осады: она избита нашими ядрами. Я вошелъ во внутренность церкви: прахъ и запустѣніе! На стѣнахъ, между тѣмъ, замѣтны еще образа Святыхъ, писанные по штукатуркѣ; но повѣрите ли: слѣпое неистовство Оттомановъ обратило даже и на эти нѣмыя, безчувственныя изображенія дикіе порывы своей безсильной ярости: въ одномъ мѣстѣ — выколотые глаза, въ другомъ — ликъ изкаженный!.... Впрочемъ, здѣсь и нетронутые Христіанскіе храмы представляютъ повсюду печальный видъ нищеты и разрушенія. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ изображеніе здѣшней Греческой церкви: почти всѣ онѣ построены посреди широкихъ дворовъ, окруженныхъ сѣрыми каменными заборами и усѣянныхъ надгробными мраморами. Подобно костямъ, тлѣющимъ на равнинѣ старой битвы, эти унылые памятники мелькаютъ повсюду изъ-за высокой травы и наводятъ на душу мертвымъ отблескомъ холодной бѣлизны своей, самыя печальныя размышленія. Внутренность храма нисколько ихъ не разсѣяваетъ. Тѣсный, сумрачный, обнаженный, онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной сбираются мужчины, въ другой — женщины. Тусклый свѣтъ лампады трепещетъ на темныхъ краскахъ и на угасшей позолотѣ иконъ, современныхъ покрайней мѣрѣ царствованію послѣднихъ Палеологовъ; а на полу и часто даже на стѣнахъ, вы встрѣчаете вдѣланный обломокъ мраморнаго барельефа съ языческою надписью.... Греки и Римляне, Архонты и Кесари, Язычники и Христіане — вѣка смѣшали въ семъ безмолвномъ хаосѣ яркія черты бытія ихъ — и слѣды онаго еще живы здѣсь! — Каждая церковь охраняется обыкновенно одною старою отшельницею, которая и обитаетъ тутъ же, посреди развалинъ. Эта же самая Сивилла служитъ единственнымъ *чичероне* набожности и любопытству.

Здѣшніе Христіане имѣютъ двухъ Архипастырей:

из фондов Российской государственной библиотеки

это Митрополиты Греческій и Армянскій. Надѣясь обогатиться отъ нихъ какими нибудь свѣдѣніями относительно моихъ изысканій, я посѣтилъ того и другаго. Съ первымъ познакомился я у вечерни въ соборной церкви. По окончаніи службы, на спросъ мой о Митрополитѣ, мнѣ указали бѣднаго, немощнаго старца: я подошелъ къ нему; но въ ту же минуту густая толпа окружила насъ. Напрасно мой *Драгоманъ* начиналъ объясненіе; тысяча голосовъ, тысяча языковъ: изпорченныхъ Рускихъ, Болгарскихъ, Греческихъ хотѣло пособлять ему. Это Вавилонское многоязычіе сопровождало насъ вплоть до Митрополитова дома. Машинальнымъ движеніемъ руки пригласилъ онъ меня войти въ комнату; но и сія плотина не удержала наводненія. Впрочемъ почтенный Первосвященникъ взиралъ на эту гурьбу съ необыкновеннымъ равнодушіемъ, какъ человѣкъ, повидимому освоенный съ подобными посѣщеніями. И такъ — народъ съ шумомъ ринулся вслѣдъ за нами; каждый хотѣлъ говорить, каждый кричалъ, толпился, безъ церемоніи набивалъ и разкуривалъ свою трубку. Съ неизъяснимымъ трудомъ почтенный Митрополитъ добился наконецъ возможности объяснить мнѣ, что *Милорды Инглези*, посѣщающіе съ давнихъ поръ страну сію, вывезли изъ оной вѣроятно всѣ достопамятности. Бѣдный старикъ! Какое сравненіе съ нашими Европейскими Прелатами, живыми портретами столь извѣстнаго оригинала, который

........................muni d'un déjeuner,
Dormant d'un léger somme, attendait le dîner.
....
Son menton sur son sein descend à double étage;
Et son corps ramassé dans sa courte grosseur,
Fait gémir les cousins sous sa molle épaisseur.

Митрополитъ Армянскій пользуется, по видимому, гораздо меньшею народностію, нежели Первосвященникъ Греческій. Онъ принялъ меня въ присутствіи двухъ только служителей своей церкви, угостилъ вареньемъ, кофеемъ, трубкою и предложилъ проводника для обозрѣнія Армянскихъ храмовъ. Все это хорошо, но тишина уединенной Арменіи подвинула меня къ главной цѣли моего посѣщенія столь же близко, какъ и эта безтолковая кутерьма, коею шумная Греція угостила меня.

Чтобы довершить сей безцвѣтный, но вѣрный очеркъ Варны, мнѣ остается показать вамъ внутренность здѣшняго дома. По занимаемой мною квартирѣ, вы можете нѣкоторымъ образомъ судить вообще объ изяществѣ Турецкаго зодчества.

На другой день по прибытіи моемъ въ Варну, мнѣ отвели квартиру въ бѣдномъ Греческомъ домикѣ, тѣсномъ, полуразрушенномъ, но по сосѣдству съ квартирою Генерала Г. болѣе другихъ для меня удобномъ. Одинъ изъ Адъютантовъ Генерала ввелъ меня по тѣсной и чрезвычайно крутой лѣстницѣ на узкіе помосты, или на открытую галлерею, если вамъ угодно назвать симъ именемъ нѣсколько достокъ, разложенныхъ во всю длину внутренней стѣны дома. На томъ и на другомъ концѣ сей галлереи устроено по одному жилью. — Хозяева, утомленные безпрестаннымъ постоемъ, были, какъ вы можете представить себѣ, не совсѣмъ рады новому постояльцу. Подушки, образовавшія диванъ вокругъ всей комнаты, и украшавшія оную вмѣсто ковровъ рогожки, были вынесены. — « Вотъ запустѣніе! « воскликнулъ я, вступивъ въ сію скудную обитель. — « Что въ сравненіи съ нимъ эта сердечная пустота, мучительница нѣкоторыхъ изъ нашихъ Поэтовъ, странниковъ въ домѣ родительскомъ, Чайльдъ Гарольдовъ въ какомъ-нибудь полку или канцеляріи!» — Выбѣленное мѣломъ жилье обращено окнами на дворъ, разбитыя стекла заклеены бумагою, и свѣтъ проникаетъ въ комнату только черезъ дверь и безчисленныя скважины стѣнъ, потолка и глинянаго пола, полупревращеннаго *въ прахъ летучій.* Близъ двери возвышается наметъ огромнаго камина, который служитъ только для разведенія огня, но почти нисколько не согрѣваетъ комнаты, ибо трубы Турецкихъ печей никогда не закрываются, подобно нашимъ. Водворясь въ сей великолѣпной обители, я прежде всего принялся хлопотать о мёблированіи оной. Вскорѣ старый, изувѣченный столъ, подобный и цвѣтомъ и формою закопченному Пиѳійскому треножнику, двѣ скамейки и кровать украсили чертоги мои. На столѣ разложилъ я свои книги, бумаги и проч., а стѣны украсилъ картами Болгаріи и Румиліи, которыя привезъ съ собою.

Познакомивъ васъ такимъ образомъ съ предметами неодушевленными, я долженъ также сказать нѣсколько словъ о живой мёбели моей квартиры: въ семъ качествѣ прошу васъ полюбить моего хозяина. Не взирая на рѣшительное свое отвращеніе къ постояльцамъ, онъ не замедлилъ посѣтить меня. Помѣстясь подъ наметомъ камина, и разкуривъ безъ дальнихъ околичностей свою трубку, этотъ добрякъ затѣялъ со мною самую дружескую конференцію. Я говорилъ по-Руски, онъ — по-Турецки и по-Гречески. Много ли мы понимали одинъ другаго — объ этомъ ни слова: довольно того, что протолковавъ болѣе часу, мы разстались самыми добрыми пріятелями. Подобная словоохотливость есть впрочемъ изключеніе изъ общаго правила въ Варнѣ, гдѣ нравы Христіанскихъ жителей, подчиненные столь долгому вліянію Турецкихъ обычаевъ, приняли всѣ оттѣнки этой дикой суровости, которая всегда и вездѣ была отличительною чертою Оттоманскаго характера. Безпрестанныя мои прогулки по Варнѣ знакомятъ меня каждый день болѣе и болѣе съ ея неприступною угрюмостію. — « Есть ли у тебя *антики*? спрашиваете вы у купца, сидящаго съ поджатыми ногами во глубинѣ своей лавки, и окруженнаго густыми облаками табачнаго дыму. — Легкое уклоненіе головы или лаконическое: « *Іокъ*! « (нѣтъ), произнесенное съ холодною важностію и съ отвращеннымъ въ ту же минуту лицемъ, есть единственный отвѣтъ его въ знакъ отрицанія. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, автоматъ начинаетъ мало по малу приходить въ движеніе, глупая улыбка появляется на устахъ его; кожаный мѣшокъ развязывается иногда цѣлые полчаса и наконецъ — множество различныхъ монетъ: старыхъ талеровъ, флориновъ и частонашихъ полновѣсныхъ Павловскихъ грошей и копѣекъ сыплется передъ вами на столъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными медалями Греціи. Въ эту минуту вся физіогномія Нумисмата оживляется быстрою перемѣною: жажда корысти становится главнымъ ея выраженіемъ; глаза дотолѣ почти неподвижные, начинаютъ разбѣгаться во всѣ стороны, какъ будто страшась согласія съ движеніями и словами честнаго спекулатора. Благодѣтельная нить Аріадны необходима въ лабиринтѣ слѣдующихъ за симъ тонкостей. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ своего товара, купецъ подстерегаетъ всѣ ваши движенія, и если замѣтитъ, что вниманіе ваше обращено въ особенности на какую-либо монету, то вы можете быть увѣрены, что грозное: 800 или 1000 левовъ, подобно внезапному электрическому удару оттолкнетъ васъ отъ оной. Разгадавъ наконецъ сію важную тайну, я рѣшился посвящать всѣ наружные знаки моего восторга и удивленія, старымъ грошамъ и копѣйкамъ. Такимъ только образомъ удалось мнѣ купить до сихъ поръ нѣсколько древнихъ монетъ и медалей, изъ коихъ нѣкоторыя кажутся мнѣ драгоцѣнными; но пора обратиться къ главному предмету моего путешествія и сказать вамъ нѣсколько словъ о сдѣланныхъ мною по сіе время открытіяхъ.

Генералъ Р., главноначальствующій въ здѣшней крѣпости, подтвердилъ мнѣ объясненныя Генераломъ Г. трудности обогатиться какими-либо открытіями въ Варнѣ. О Кюстенджи и о Мангаліи онъ говорилъ также, какъ о мѣстахъ опустошенныхъ и сверхъ того оставленныхъ бѣдными ихъ жителями. По его мнѣнію мнѣ должно было немедленно ѣхать за Балканы, чтобы въ покоренномъ недавно Сизополѣ застать предполагаемые слѣды древней Аполлоніи, пока армейскія Гарпіи не успѣли еще поглотить послѣднихъ остатковъ ея; но Варна была главною цѣлію моихъ изысканій; желаніе доказать тожество сей крѣпости съ древнею Одессою, лежало у меня пуще всего на сердцѣ: и я, кажется, не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; но за то — сколько заботъ, сколько хлопотъ — смѣшныхъ, досадныхъ, иногда почти совсѣмъ нестерпимыхъ!

За недостаткомъ пособій болѣе существенныхъ, я надѣялся руководствоваться въ моихъ изысканіяхъ по крайней мѣрѣ изустными преданіями жителей — темными, разногласными, но живыми отголосками вѣковъ, завѣщавшихъ столь мало скрижалямъ Бытописанія; но я сказалъ уже, что коренные туземцы разсѣяны, а пришельцы, водворившіеся въ Руской Варнѣ, не могли ни въ какомъ отношеніи, отвѣчать удовлетворительно на мои разспросы. За всѣмъ тѣмъ, время и непоколебимая воля — какихъ чудесъ не творятъ они! Но прежде, нежели обращу ваше вниманіе на сдѣланныя мною открытія, да позволено будетъ робкому *неофиту* коснуться слегка, мимоходомъ, и какъ необходимаго только приложенія къ смиреннымъ его изысканіямъ, этой сумрачной, двадцати-вѣковой завѣсы, изъ-подъ коей нынѣшніе Антикваріи выводятъ свои тусклыя ипотезы о существованіи древней Одессы. Въ семъ случаѣ я вмѣняю себѣ между прочимъ въ обязанность объявить, что ученыя наставленія Г. Бларамберга, почтеннаго моего вожатая въ дедалѣ Археологіи, суть главный источникъ предлагаемой компиляціи.

Милезійскіе переселенцы, одушевившіе берега Эвксина около середины VII вѣка до нашей Эры своими богатыми поселеніями, были по словамъ Схимна Хійскаго и безыменнаго автора *Перипла* по Черному Морю, основателями древней Одессы (Ὠδησσος). Созданіе сего города относится, по сказанію означенныхъ Писателей, ко временамъ Мидійскаго Царя Астіага, дѣда Кирова, т. е. къ эпохѣ, протекшей между 594 и 559 годами до Р. Х. Названіе Одессы не требуетъ, кажется, дальнихъ этимологическихъ изысканій: оно безъ сомнѣнія происходитъ отъ имени Одиссеуса (Улисса) и такимъ образомъ служитъ доказательствомъ того уваженія, которое жители береговъ Эвксина сохранили къ памяти великаго Царя-мореплавателя.

Пять городовъ, процвѣтавшихъ, какъ я сказалъ уже, на западномъ берегу Чернаго моря, составили между собою торговый союзъ, представляющій нѣчто подобное коммерческой федераціи нынѣшней Ганзы. По мнѣнію Г. Б., это древнее пятисоюзіе было составлено слѣдующимъ образомъ: Томы, Каллатія, Одиссосъ, Месемврія и Аполлонія; или даже изъ городовъ, менѣе отдаленныхъ отъ Одессы, предполагаемаго средоточія союза, какъ-то: Крины или Діонисополь, Навклосъ и проч.

«Во всѣхъ мѣстахъ,» говоритъ одинъ изъ нашихъ Антикваріевъ, «куда проникли неутомимые переселенцы «Милезійскіе, торговля и промышленость укоренились «въ продолженіе весьма немногихъ лѣтъ. Одесса и Томы въ Мизіи; Истрополисъ, Анхіало и многіе другіе «города и порты во Ѳракіи начали производить выгодный торгъ, не только съ кореннымъ своимъ отечествомъ, Милетомъ, славнымъ городомъ въ Іоніи, но «даже со многими приморскими колоніями Таврическаго «Херсониса.»

Древнія медали пятисоюзія (médailles autonomes) показываютъ, что города, составлявшіе оное, имѣли сначала собственное народное правленіе; по завоеваніи же Мизіи и Ѳракіи Римлянами, *Автономія* сихъ городовъ подчинилась, по видимому, вліянію Императорскихъ Намѣстниковъ, и съ тѣхъ поръ медали пятисоюзія представляютъ изображенія Кесарей. Императорскія медали Одессы показываютъ, что колонія сія находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи при Императорѣ Гордіанѣ, т. е. около половины III вѣка; послѣ же царствованія Филиппа Аравитянина (около 250 года) ни одинъ изъ извѣстныхъ нумизматическихъ кабинетовъ не представляетъ намъ, по словамъ Г. Б., медалей Греческихъ поселеній, процвѣтавшихъ между Аполлоніею и Ольвіею на берегехъ Чернаго Моря.

Римское владычество, изгладивъ всю эту роскошь ума, вкуса и промышлености, коими Греція, общая мать просвѣщеннаго человѣчества, озарила міръ Европейскій, было равнымъ образомъ неблагопріятно и ея Черноморскимъ поселеніямъ. Правда, что въ царствованіе Антониновъ, Мизія и Ѳракія поражаютъ еще яркимъ отблескомъ прежняго своего благоденствія, но Императоръ Домиціанъ былъ уже, какъ извѣстно, данникомъ Децебала, Царя Дакійскаго. Одно мѣсто въ Діонѣ Риторѣ, писавшемъ въ царствованіе Траяна, свидѣтельствуетъ, какъ замѣчаетъ Г. Б., что за 150 лѣтъ передъ тѣмъ, всѣ Греческія колоніи, существовавшія на берегахъ Эвксина, отъ Ольвіи до Аполлоніи во Ѳракіи, были опустошены Гетами, и что съ этой эпохи большая часть оныхъ утратила невозвратно прежнее свое благосостояніе; что разсѣянные обитатели покинули частію навсегда свои жилища; но что выгодное мѣстоположеніе Одессы, Томъ, Каллатіи и проч. предохранило ихъ по видимому отъ сего конечнаго бѣдствія, и если не возвратило сіи колоніи къ прежнему цвѣтущему ихъ состоянію, то по крайней мѣрѣ доставило имъ средства возобновить обороты выгодной промышлености.

При Императорѣ Филиппѣ Аравитянинѣ въ 249 году, и Требоніи Галлѣ въ 252, Готѳы, переходившіе уже нѣсколько разъ Дунай, опустошили снова Мизію и Ѳракію. Тогда, вѣроятно во второй и послѣдній разъ, была разрушена Одесса, вмѣстѣ съ другими Греческими колоніями, процвѣтавшими на берегахъ Эвксинскаго Понта. Правда, что Аммiанъ Марцеллинъ и другіе позднѣйшіе Писатели упоминаютъ о нѣкоторыхъ изъ сихъ поселеній; но нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Г. Б., что въ то время они были уже опустошены, или по крайней мѣрѣ оставлены ихъ обитателями.

Совершенное опустошеніе Мизіи и Ѳракіи начинается конечно съ наслѣдниковъ великаго Константина. Мирный договоръ, купленный Ѳеодосіемъ II, проименованымъ *младшимъ*, у Аттилы, *бича Божія*, былъ подписанъ въ 448 году въ самой Варнѣ. Съ этихъ поръ нищета и разрушеніе воцарились въ сихъ прекрасныхъ странахъ. Гражданскія междоусобія и свирѣпство варваровъ: Гунновъ, Алановъ, Гепидовъ и множества другихъ кочевыхъ народовъ, хлынувшихъ изъ Верхней Азіи на нашу часть свѣта, наводнили кровію и покрыли развалинами очаровательныя долины Мизіи и Ѳракіи. Съ сего времени слава забыла этотъ благословенный край, прекрасную отчизну чудесъ и Героевъ; съ сего времени одно минувшее сіяетъ во мракѣ его ничтожныхъ Лѣтописей, и только неизтощимое сокровище воспоминаній волнуетъ душу на священныхъ могилахъ Мизіи и классической Ѳракіи.

Событія, слѣдовавшія за паденіемъ Восточной Имперіи; торжество луны Оттоманской; побѣды Амурата I-го, покорившаго сіи богатыя страны въ 1365 году и окончательное завоеваніе оныхъ его наслѣдниками, суть обстоятельства, чуждыя моему предмету: а потому, я пройду въ молчаніи надъ этимъ вѣковымъ потокомъ слезъ и крови. Не стану даже искать царственной урны злополучнаго Владислава: она разбита временемъ; она изчезла, вмѣстѣ съ безчисленными обломками урнъ неизвѣстныхъ!... — Спѣшу бросить послѣдній взглядъ на мѣстность Варны, чтобы сдѣланными мною открытіями подкрѣпить мнѣніе о тожествѣ сей крѣпости съ древнею Одессою.

Кедренъ, Византійскій Писатель, въ своей Исторіи Болгаръ говоритъ: что во время перваго своего нашествія на Ѳракію въ 678 году, варвары сіи пристали къ Варнѣ *близъ* Одиссоса, и нашли это мѣсто весьма хорошо укрѣпленнымъ. Ле-Бо, повѣствуя о семъ же событіи, равнымъ образомъ замѣчаетъ, что по отступленіи арміи Императора Ираклія, Болгары овладѣли Варною *близъ* Одиссоса и проч.

«Перевороты, которые испытала недавно бóльшая «часть земли, занимаемой нынѣ Варною,» говоритъ «Г. Б.,» не открыли никакихъ остатковъ древности. «Это обстоятельство, вмѣстѣ съ словами приведен«наго нами Писателя (Кедрена), помѣщающаго Варну «близъ Одессы, а не на самомъ мѣстѣ, гдѣ находился «сей городъ, не позволяютъ сказать ничего вѣрнаго о «положеніи онаго. *Предметъ сей могутъ объяснить од«ни только новѣйшія открытія, плоды изслѣдованій или «даръ случая.* До тѣхъ поръ все, относящееся къ оно«му, будетъ гадательнымъ.»

Тщательное обозрѣніе Варны и ближайшихъ ея окрестностей не открыло мнѣ нималѣйшихъ слѣдовъ другаго города; но 7 кусковъ древняго мрамора, найденныхъ мною внутри самой Варны, разоблачаютъ, кажется, вполнѣ предметъ, коего объясненіе предоставлялъ Г. Б. дару случая или усиліямъ новѣйшихъ изслѣдованій. Пять изъ сихъ памятниковъ древности суть, по моему мнѣнію, надгробные мраморы. Два изъ нихъ украшены барельефами, три другихъ барельефами и Греческими надписями; о послѣднихъ же двухъ — я не смѣю и заикнуться до желаемаго подтвержденія моихъ догадокъ изъ Одессы. Скажу только, что на этихъ двухъ обломкахъ основываются всѣ мои надежды. Оба они представляютъ по нѣскольку строкъ Греческихъ надписей, весьма хорошо сохранившихся. Одинъ изъ сихъ мраморовъ кажется мнѣ остаткомъ великолѣпнаго пьедестала. Огромная величина онаго заставляетъ думать.... но еще разъ — до разрѣшенія моихъ высокопарныхъ предположеній, я не смѣю сказать болѣе ни слова о семъ предметѣ.

Не взирая на всѣ мои усилія въ отношеніи къ открытіямъ нумисматическимъ, я не могъ собрать здѣсь по сіе время болѣе 13-ти монетъ и медалей; но если качество можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть предпочтено количеству, то я нимало не колеблюсь обратить ваше вниманіе на археологическое достоинство моего пріобрѣтенія. Изъ числа купленныхъ мною монетъ, древнія медали (médailles autonomes) Анхіала, Томъ, Каллатіи и *Одессы*, кажутся мнѣ въ особенности достойными взгляда и разбора почтенныхъ *адептовъ* Археологіи; что же касается до меня, то смиренный *профанъ* можетъ только пожелать симъ Господамъ счастливыхъ успѣховъ въ ихъ ученыхъ трудахъ надъ сдѣланными имъ открытіями.

Говоря о здѣшнихъ строеніяхъ, я не сказалъ до сихъ поръ ничего о цитадели, возвышающейся близъ сѣверныхъ воротъ Варны, потому, что не хотѣлъ отдалять отъ общаго очерка открытыхъ и замѣченныхъ мною памятниковъ древности, того изъ остатковъ оной, который болѣе всѣхъ другихъ пощаженъ рукою неумолимаго времени и еще возвышается, какъ единственный мавзолей надъ могилою древней Одессы. Въ самомъ дѣлѣ, прохаживаясь по этой ветхой цитадели, взирая на странную наружность, на стиль массивнаго ея построенія, вы невольно переноситесь мыслями въ тѣ далекія времена, когда могучіе Киклопы созидали города изъ отторгнутыхъ ими утесовъ. Отдѣленная отъ пристани однѣми только стѣнами нынѣшней крѣпости, эта цитадель была конечно до основанія оныхъ единственнымъ оплотомъ Греческаго города, Акрополисомъ древней Одессы. Стѣны сей крѣпостцы испещрены обломками мраморныхъ корнизовъ, великолѣпныхъ капителей и разныхъ другихъ украшеній изящнаго Греческаго зодчества. Желая имѣть образчикъ онаго, я приказалъ вынуть для себя одинъ изъ таковыхъ обломковъ. Пускай нынѣшній рѣзецъ потрудится надъ изображеніемъ этихъ лавровыхъ листьевъ, которые только что не колыхнутся на древнемъ мраморѣ. Находящійся въ другой части города провалъ, почитается отъ жителей входомъ въ древнія Варискія Катакомбы; нынѣ наружное отверзтіе онаго обращено въ жертвенникъ богини Клоацины, а потому мнѣ было невозможно удостовѣриться въ истинѣ сего преданія.

Вотъ вамъ подробный дневникъ странника — длинный, скучный, несносный, если хотите; но — scusate, Signore! — болтливость моя происходитъ единственно отъ желанія подѣлиться съ вами избыткомъ этихъ живыхъ впечатлѣній, коими новость чувствъ, новость мыслей и яркая разнообразность предметовъ освѣжили мою душу. Сравнивая мирную одноцвѣтность вашей жизни въ столицѣ съ пестротою здѣшняго моего существованія, вы конечно возкликните: «Homme errant! когда чужое небо, чужая земля и летучій прахъ этихъ глиняныхъ половъ, который встрѣчаетъ тебя въ убогихъ лачужкахъ Турціи, — когда всѣ тревоги этой бездомной жизни вырвутъ изъ твоего сердца хотя невольный вздохъ о золотомъ спокойствіи родины?« — Постойте! Знаете ли, почему этотъ бродячій бытъ дороже мнѣ всѣхъ вашихъ.... но оставимъ это. Скажу только: что съ досчатаго крыльца моего я вижу съ одной стороны роскошную пелену моря, усѣяннаго судами; съ другой — любуюсь разноцвѣтною панорамою Варны. Посреди моего двора цвѣтетъ юное миртовое дерево, у забора пестрѣетъ огородъ и небольшой цвѣтникъ, а за воротами шумитъ фонтанъ подъ склономъ огромной *плакучей* ивы. Здѣсь въ каждомъ домѣ воспитываютъ по нѣскольку паръ лѣсныхъ горлицъ. Ихъ безпрерывное воркованье такъ похоже на мечтательное сѣтованіе *любви безнадежной*, что сливаясь съ говоромъ фонтана, съ трепетаніемъ моей мирты, и словомъ, со всѣми окружающими меня предметами, оно ежеминутно переноситъ душу на могилу юной Зюлейки, туда,

> *Гдѣ* такъ отрадно слезы льются,
> Часы такъ сладостно несутся,
> И такъ нетягостна печаль . . .

Но живѣйшее подобіе очаровательной подруги Селимовой, есть конечно романтическая Деспина, моя четырнадцатилѣтняя хозяйка. — Сначала она только украдкою смотрѣла на пріѣзжаго Европейца, потомъ мы познакомились. Однажды я спросилъ Деспину: страшно ли ей было, когда Руские стрѣляли въ Варну? — « *Хаиръ!* «— отвѣчала она — « *пекъ эииды: бомъ! бомъ! бомъ! — пекъ эииды, пекъ эииды!* » (нѣтъ! это прекрасно: *бомъ! бомъ! бомъ!* прекрасно, прекрасно!) Этотъ Азіятскій нарядъ, эта пламенная красота Востока, эта юная безпечная жизнь наконецъ, которая такъ радостно кипитъ и выражается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи прекрасной Гречанки — все это такъ ново, такъ обворожительно для человѣка, коего душа хранитъ громкій отголосокъ для извѣстнаго Лафонтенева стиха:

> Il me faut du nouveau, n'en fût-il plus au monde.

Сердце обмираетъ при взглядѣ на эту необъятную эпистолу; но дѣло сдѣлано: пеняйте сами на себя, если увлеченный яркою смѣсью *всякой всячины*, я переступтилъ за черту вашего желанія видѣть каждый мой шагъ въ Турціи. Поклонъ странника вамъ и всѣмъ вашимъ. Прощайте! и проч.

В. Тепляковъ.

ГРОЗА.

Полночь; душно; тьма густая
Потопила небосклонъ;
Громъ гремитъ не умолкая,
Молній блескъ со всѣхъ сторонъ!
И природа, будто дѣва
Съ ядомъ ревности въ очахъ:
Ликъ въ огнѣ, взоръ полонъ гнѣва,
Громъ упрековъ на устахъ!

Съ тайной радостью гляжу я
На стихійный бурный споръ:
Въ звукахъ громовыхъ внемлю я
Неба съ перстью разговоръ.
Любо мнѣ! грозой природы
Заглушенъ въ груди моей
Вой сердечной непогоды —
Голосъ скорби и страстей!

М. Деларю.

ДВА ЖРЕБІЯ.

Во дворцѣ своемъ богатомъ,
Съ торжествующимъ лицомъ,
Средь рабовъ, сіяя златомъ
И волнистымъ багрецомъ,
Ликовалъ въ дыму куреній
Счастья баловень младой.
Между тѣмъ гонимый геній,
Съ тяжкой странника клюкой,
Изнуренъ тоской неволи,
Скорбной думою томимъ,
Чтобъ взглянуть на Капитолій
Тихо брелъ въ державный Римъ . . . .

Этотъ странникъ — былъ Торквато.
Кто жь — блестящій и младой —
Кто былъ тотъ, который злато
Лилъ широкою рѣкой?
Онъ забытъ, съ его судьбиной;
Имя гордаго давно
Темной времени пучиной
Навсегда поглощено . . .
Но растетъ въ сіяньи славы
Имя дивнаго Пѣвца,
И звучатъ его октавы,
И горятъ отъ нихъ сердца!

А. К.

С. П. б. 25 Апрѣля 1830.

КРИТИКА.

Въ Библіографіи 24-го No. *Литературной Газеты* объявлено было о *Курсѣ Французской Литературы* (Cours élémentaire etc.), составленномъ и изданномъ Г. Ферри-де-Пиньи. Въ краткомъ разсмотрѣніи сей книги, мы не упомянули о томъ, что Г. Ферри-де-Пиньи говоритъ въ предисловіи къ оной: будто бы онъ руководствовался методою извѣстнаго и заслуженнаго Профессора Французской Словесности, Г. Тилло; не упомянули, ибо не повѣрили, чтобы метода или примѣчанія Г. Тилло могли ввести издателя Курса Ф. Л. въ ошибки, нами указанныя, и во многія другія, которыми можно бъ было наполнить еще нѣсколько страницъ. *Сѣверная Пчела* не обратила вниманія на сіи уважительныя причины и безотчетно повторила сказанное въ помянутомъ предисловіи, что «Издатель сей книги воспользовался методою Профессора С. Петербургскаго Университета Г. Тилло.» (См. С. П. 1830 No. 44). Издатель *Л. Г.*, получивъ на дняхъ письмо, въ коемъ Г. Тилло самъ опровергаетъ объявленное Г-мъ Ферри-де-Пиньи, счелъ обязанностію напечатать письмо сіе, въ отвращеніе всѣхъ недоразумѣній, каковыя могли бы родиться въ Публикѣ на счетъ порядка и точности методы почтеннаго Профессора.

«М. Г. Желаніе оправдать мой способъ преподаванія въ глазахъ Публики, заставляетъ меня покорнѣйше просить васъ, напечатать въ издаваемой вами Газетѣ, слѣдующее прибавленіе къ безпристрастному сужденію вашему о книгѣ: Cours élémentaire historique, chronologique et critique de la Littérature française, rédigé par Ferry de Pigny.

«Въ краткомъ предисловіи къ своей книгѣ, Издатель-Авторъ говоритъ, что онъ, принявъ мое раздѣленіе, воспользовался собранными мною примѣчаніями, и приписываетъ мнѣ честь *порядка*, *экономіи* и *краткости* своего Курса. Не желая, чтобы судили о моей методѣ по книгѣ Г-на Ферри, въ которой нѣтъ никакой постоянной методы, и ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыми онъ похваляется, нахожу себя принужденнымъ сказать, что моя метода вовсе неизвѣстна Г-ну Ферри, ибо онъ никогда не имѣлъ случая ни слушать моихъ лекцій, ни читать моей собственной полной рукописи. При составленіи своего Курса не совѣтовался онъ со мною, а только принялъ за руководство (какъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи) краткія извлеченія изъ моихъ лекцій, списанныя моими учениками и попавшіяся къ нему безъ вѣденія моего.

«Изъ сихъ-то записокъ, говоритъ онъ самъ въ предисловіи, почерпнута первая половина его Курса. Благодаря Автора за неограниченную довѣренность его къ тетрадямъ моихъ учениковъ, не могу однако не замѣтить, что сія слѣпая вѣра вовлекла его въ довольно грубыя погрѣшности и заставила его напечатать множество ученическихъ ошибокъ. Приведу здѣсь въ примѣръ только нѣкоторыя. Стр. 37. Henriette-Anne (Герцогиня Орлеанская) naquit à Exceter dans le temps où son frère (depuis Charles II) était aux prises avec la rébellion (*). — Стр. 57. St. Evremond a écrit des Considérations sur les romans (**). — Стр. 65. Idoménée introduisit le luxe dans sa tente (***). — Стр: 117. Fontenelle. (1659 — 1759). Il a vécu cent ans moins quelques jours. Cette longue carrière embrassa la dernière moitié du XVIII-me siècle (****) — — На стр. 77-й Авторъ увѣряетъ, будто Королевскій Парижскій Институтъ содержитъ нынѣ слѣдующія четыре Академіи: Académie française, Académie des Inscriptions, Académie des belles lettres, Académie des Sciences et Beaux-arts. На стр. 60-й помѣстилъ онъ надпись Лагарпа къ портрету Паскаля, и забывъ сказанное имъ выше, что Паскаль родился въ 1623, а умеръ въ 1662 году, исказилъ слѣдующимъ образомъ послѣдній стихъ:

Admiré, regretté, mourut à cinquante ans.

Но всего забавнѣе то, что Г. Ферри слагаетъ на Лагарпа собственную свою неосмотрительность, и винитъ его, говоря: Ces vers ne sont guère dignes de l'illustre prosateur à qui ils étaient consacrés. La Harpe était homme à mieux faire, il l'a prouvé. — Въ самомъ дѣлѣ, La Harpe était homme à mieux faire, ибо онъ сказалъ весьма удачно:

Admirez et pleurez . . . il mourut à trente ans.

«Я сказалъ, что въ курсѣ Г-на Ферри нѣтъ никакой методы; въ доказательство достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ. Правда, что онъ въ началѣ книги списалъ принятое мною раздѣленіе на періоды; но не оправдалъ онаго въ самомъ изложеніи, не означивъ характеристическаго свойства періодовъ и ихъ подраздѣленій, разбросалъ Авторовъ на удачу, не соблюдая хронологическаго порядка, безъ котораго въ Исторіи Словесности, равно какъ и въ Политической, нѣтъ методы. Наприм. статью о духовномъ краснорѣчіи въ XVII столѣтіи начинаетъ онъ съ Миссіонера Бридена, ставитъ его прежде Боссюэта, Флешье и. пр.; а Бриденъ родился въ 1701 году, слѣдовательно нисколько не принадлежитъ къ XVII-му вѣку. Сверхъ того Авторъ не умѣлъ соблюсти никакой относительной соразмѣрности въ различныхъ статьяхъ о Писателяхъ: Кино занимаетъ у него почти девять страницъ, тогда какъ на долю Лафонтеня едва ли досталась одна страничка.

«Цѣль моя была показать, что я не нахожу своей методы, даже и въ первой половинѣ Курса Г. Ферри, въ которой ему вздумалось сдѣлать меня, противъ воли моей, соучастникомъ въ своемъ трудѣ. Что же касается до второй половины, начиная со статьи о Бюффонѣ, то не нахожу за нужное о ней распространяться; ибо всякой, хотя поверхностно знающій Французскую Словесность, легко замѣтитъ, что сія послѣдняя часть, по несоблюденію порядка и важнымъ упущеніямъ, менѣе удовлетворительна, нежели первая.

«Им. ч. быть и. пр.

Профессоръ Иванъ Тилло.»

10 Мая, 1830.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Краткое начертаніе Всеобщей Исторіи, сочиненное Профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. Третіе исправленное изданіе. — С. П. б. въ типогр. Департ. Народ. просвѣщенія, 1830. (VIII — 124 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Историческія сочиненія почтеннаго Профессора И. К. Кайданова приняты вездѣ въ Россіи съ уваженіемъ, особливо учебными заведеніями. Третіе изданіе сего *Краткаго начертанія Всеобщей Исторіи* служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Рѣшительно можно сказать, что до появленія сей книги, мы не имѣли еще сочиненія, которое въ такомъ маломъ объемѣ предста-

---

(*) Извѣстно, что Генріетта-Анна, Герцогиня Орлеанская, была послѣдняя дочь *Карла* I-го, Короля Англійскаго, и родилась въ 1644 году, когда *отецъ ея* былъ въ войнѣ съ мятежниками. Королева мать ея разрѣшилась ею въ военномъ станѣ, тогда какъ непріятели ее преслѣдовали. Она принуждена была покинуть новорожденную Принцессу, которая попалась въ плѣнъ, спустя двѣ недѣли послѣ того, какъ увидѣла свѣтъ; и уже чрезъ два года почти освобождена была хитростію своей няни.

(**) Вмѣсто: sur les Romains.

(***) Salente.

(****) 1759-й годъ принадлежитъ *къ концу* XVIII столѣтія! странный недосмотръ!

Примѣчанія И д.

(*) Продается у Издателя, И. В. Слѣнина, въ книжномъ его магазинѣ, у Казанскаго моста въ д. Имзена. — Цѣна экземпл. 3 р.

вляло бы столь удовлетворительно для начинающихъ учиться Исторіи, предметъ столь обширный, какова наука дѣяній и событій рода человѣческаго.

Историческія записки Адъюнкта Крылова. — С. П. б. въ типогр. К. Крайя, 1830. (28 стран. въ 8-ю д. л. съ 2-мя таблицами.)

Небольшая книжка сія заключаетъ въ себѣ собраніе предварительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ при изученіи Всеобщей Исторіи. Въ ней показаны: раздѣленіе Исторіи по родамъ или предметамъ оной; отдѣленія или періоды Исторіи; источники ея, способы лѣтосчисленія и проч. Въ концѣ книжки присовокуплены нужныя примѣчанія, ссылки и т. п., и приложены двѣ таблицы: 1) *Сравнительная таблица раздѣленій года у извѣстнѣйшихъ народовъ*, а 2) *Сравнительная таблица счисленія дней каждаго мѣсяца, у Грековъ, Римлянъ и Французовъ, во время республики.* — Изданіе сіе будетъ продолжаться по отдѣленіямъ, означеннымъ въ сей *первой* книжкѣ.

СМѢСЬ.

Читателямъ *Литературной Газеты* въ предъидущихъ NN° сообщены были двѣ Французскія Академическія рѣчи, имѣющія общую Европейскую занимательность по именамъ Ораторовъ. Для насъ въ Россіи, столь исключительныхъ въ ограниченныхъ занятіяхъ своихъ, столь обремененныхъ тяжестію и одной ноши, кажутся почти неимовѣрными, или покрайней мѣрѣ непонятными, дѣятельность и разнообразность способностей и трудовъ, являющіяся на заграничныхъ поприщахъ, которыя гораздо обширнѣе нашихъ. Самые досуги нѣкоторыхъ изъ нашихъ современниковъ были бы у насъ подвиги, достаточные для наполненія жизни, ознаменованной дѣломъ и пользою. Дарю, Кригсъ-Коммисаръ въ самую военную эпоху новѣйшей Исторіи и переводчикъ всего Горація; Кювье, одна изъ ученыхъ именитостей нашего времени, Дѣеписатель внутренней земли и вмѣстѣ остроумный Литераторъ, проникнувшій въ тайны искуства, говорящій вамъ о Поэзіи, какъ Поэтъ, о духѣ времени своего, какъ тонкій и глубокій наблюдатель, — подаютъ намъ примѣръ поучительный и завидный. Нѣтъ сомнѣнія, что степень образованности, на которой находится общество, масса свѣдѣній, разлитыхъ повсюду, сліяніе лучей, доступныхъ каждому, много способствуютъ въ другихъ земляхъ къ совершенію трудовъ, у насъ пока еще исполинскихъ. Тамъ заимствуешь, пользуешься готовымъ. Здѣсь должно все добывать терпѣніемъ упорнымъ и ничѣмъ не развлекаемымъ, ничѣмъ не охлаждающимся. Вѣроятно при нынѣшнихъ способахъ Алкидовы труды не были бъ удѣломъ одного полубога. У насъ Ломоносовъ могъ единою страстію совершить то, что въ другое время или въ другомъ мѣстѣ совершилъ бы онъ единою склонностію.

Рѣчь Ламартина отзывается нѣсколько его поэзіей: въ ней мало истины. Онъ настроилъ душу и умъ свой на одинъ напѣвъ и держится его. Отъ этого онъ одностороненъ, однообразенъ, однозвученъ: разногласіе имѣетъ иногда свою прелесть. Вотъ что писалъ изъ Парижа приславшій эти рѣчи: «Ламартинъ кадилъ всѣмъ «и каждому и не похвалилъ только Дарю, коего хвалить былъ обязанъ. Кювье гигантъ и въ бездѣлицахъ!» — Нельзя не пожалѣть, что во Франціи политическія, то Наполеоновскія, то Бурбонскія мнѣнія отражаются и въ самыхъ мнѣніяхъ чисто-литературныхъ. То есть, нельзя не пожалѣть въ смыслѣ искуства: въ другомъ, въ высшемъ, но не отвлеченномъ отношеніи, въ отношеніи государственномъ, напротивъ должно оцѣнить съ справедливостію это присутствіе постоянное главныхъ политическихъ мыслей, придающее всему жизнь гражданственную.

Вотъ нѣсколько литературныхъ вѣстей, извлеченныхъ изъ упомянутаго письма: «Скоро будетъ новый «пріемъ въ Академію: Графа Сегюра, Историка Французской войны въ Россіи и Петра Великаго. Теперь «еще вакансія (она уже была замѣщена, какъ видимъ изъ «Газетъ, Понжервилемъ, переводчикомъ Лукреція; переводчикъ, желая не одному чорту свѣчку ставить, «нашелъ въ Лукреціи догматы безсмертія души). Кандидаты академическаго безсмертія, по обыкновенію, «разъѣзжаютъ съ визитами по 39-ти безсмертнымъ, въ «надеждѣ избранія. Журналъ *Фигаро* предлагаетъ нынѣшнимъ тринадцати Кандидатамъ нанять для сихъ «разъѣздовъ одинъ *омнибусъ*, по шести *су* на каждаго безсмертнаго. — Шатобріанъ скоро выдастъ первые «томы своей Французской Исторіи. Онъ говорилъ одному изъ нашихъ Литераторовъ въ Парижѣ: *Начну «крещеніемъ Кловиса и окончу кровавымъ крещеніемъ «Людовика* XVI. — Сынъ бывшаго Подольскаго Губернатора, а нынѣ Пера Франціи, Графъ Сен-При пишетъ Исторію Петра Великаго. Онъ извѣстенъ по «сію пору только переводомъ нѣкоторыхъ твореній «Рускаго Театра и собственною трагедіей, которую «только еще здѣсь слушаютъ на *вечеринкахъ*, а не читаютъ, и статьею объ Испаніи, въ Revue française «напечатанною, гдѣ много оригинальныхъ и новыхъ замѣчаній о сей старой Монархіи.»

Въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ кому-то вздумалось взглянуть на кабинеты Газетчиковъ и Журналистовъ нашихъ, какъ на кабинеты образованныхъ Державъ. Часто къ несчастію случается, что въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ совсѣмъ не видно и первоначальныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ тонкостяхъ. Вотъ два на то доказательства въ № 6 Московскаго Телеграфа:

1. Господинъ *Ушаковъ*, разбирая Димитрія Самозванца Г. Булгарина, восклицаетъ: «Приступаю къ разсмотрѣнію романа, сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ Авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, острящихъ жало на новое произведеніе моего друга.» Потомъ, говоря вообще объ успѣхахъ Словесности въ нашемъ Отечествѣ, Г. Ушаковъ признается откровенно, что «она едва дошла до азбучныхъ тройныхъ складовъ.» А наконецъ прибавляетъ, что «романъ Г. Булгарина достоинъ той степени Европейской образованности, на которой стоитъ наше Отечество.» Внимательный читатель видитъ здѣсь, что Г. Булгаринъ избранъ игрушкою дипломатическихъ насмѣшекъ Московскаго Телеграфа: но истинно Европейскіе дипломаты гораздо сокровеннѣе облекаютъ свое тайное къ кому нибудь недоброжелательство.

2. Тамъ же разобранъ романъ: *Ягубъ Скупаловъ*, который названъ безобразнымъ, отвратительнымъ явленіемъ въ Руской Литературѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ Издатель напоминаетъ читателямъ, что «Г. Свиньинъ, *находящійся съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, человѣкъ умный и образованный*, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наполнялъ этимъ романомъ свои Отечественныя Записки.» — Послѣ такихъ отзывовъ невольно вздрогнешь, вспомнивъ стихъ:

> Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ!

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 20-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМ. I. №. 30. *МАІЯ* 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Маіъ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-*го числа* (*въ Четвертокъ*), — 6-*го* (*во Вторникъ*), — 11-*го* (*въ Воскресенье*), — 16-*го* (*въ Пятницу*), — 21-*го* (*въ Среду*), — 26-*го* (*въ Понедѣльникъ*) *и* 31 (*въ Субботу*).

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ВЕЛИЧКѢ.

(Отрывокъ изъ дорожныхъ записокъ Русскаго путешественника.)

Величка. Въ Лембергѣ мы бросили свою коляску и наняли цѣлый Eil-Wagen. Это новые дилижансы: за нихъ платишь немного дороже, но возятъ они гораздо скорѣе прежнихъ. Кучеръ, съ часами на груди, обязанъ везти почти полторы мили въ часъ; ибо вездѣ приготовленныя передовыми лошади его дожидаются, и за опозданье съ него взыскивается штрафъ. Если же путешественники сами захотятъ остановиться, на что они имѣютъ полное право, то должны только написать свое желаніе въ его открытомъ листѣ. Кареты прекрасныя четверомѣстныя; хотя впрягаютъ неболѣе пары, но лошади вездѣ добрыя; шоссе еще лучше, и цѣна самая умѣренная: ибо всѣ 4 мѣста почти до Карлсбада — намъ стоили не болѣе 600 гульд. б. Пользуясь правомъ останавливаться, мы рѣшились не пропустить Велички.

Мы хотѣли осмотрѣть ея ломки, которыя снабжаютъ солью почти всю Австрію, многія сосѣдственныя земли и составляютъ немаловажную отрасль дохода Императорскаго и промышлености края. Польша, доколѣ сохранитъ имя свое, не перестанетъ сожалѣть о семъ неизчерпаемомъ источникѣ народнаго богатства; а чудеса, встрѣчаемыя въ сихъ обширныхъ подземельяхъ, вѣчно будутъ возбуждать любопытство людей и удивленіе путешественниковъ. Однѣ картины природы производили на меня вліяніе, которое могу сравнить со впечатлѣніемъ, оставленнымъ во мнѣ Величкою. Всѣ предметы, въ ней видѣнные, представляются моему воображенію въ страшномъ смѣшеніи; мнѣ кажется, что я былъ въ мрачномъ подземномъ чертогѣ волшебника, или видѣлъ великолѣпный, чудный, но ужасный сонъ.

Мы пробыли въ ломняхъ только нѣсколько часовъ; видѣли все, но быстро, вскользь и сквозь призму праздника: потому я не стану описывать ихъ систематически, ниже статистически, ибо послѣднее описаніе находится въ любой Статистикѣ Австрійской Имперіи. — Поведу читателя за собою по узкимъ лѣстницамъ, мрачными переходами, подъ огромные своды, въ подземныя залы. Остановлюсь съ нимъ и вмѣстѣ съ толпою пирующихъ на любопытнѣйшемъ; тамъ выведу его удивленнаго, утомленнаго, на свѣжій воздухъ, которому онъ узнаетъ полную цѣну — и можетъ быть возымѣетъ хоть слабое понятіе о предметѣ сего описанія. Однако жъ я по опыту знаю, что никакое краснорѣчіе не замѣнитъ сущности. И такъ, читатель, если владѣетъ тобою страсть къ путешествіямъ, жажда новаго и пресыщеніе старымъ, если ты можешь, бросивъ всѣ книги путешественниковъ въ огонь, ѣхать самъ на мѣсто, ты счастливъ. Не мѣшкай! скорѣе книги въ печь и нанимай лошадей. А вы, домосѣды, рѣшитесь слѣдовать за мною.

Мы пріѣхали въ 8 часовъ поутру и удивились большему количеству экипажей въ маленькой Величкѣ; намъ поспѣшили сказать, что нынче праздникъ. Князь Лобковичь, Намѣстникъ Галиціи, осматриваетъ проѣздомъ ломни — и жители города и окрестностей собрались его угостить. Обѣдъ будетъ въ самыхъ ломняхъ; и мы слишкомъ обрадовались сему благопріятному случаю, чтобъ имъ не возпользоваться.

Дожидались недолго: въ 10-ть часовъ утра, пестрыя толпы народа указали намъ небольшой сарай, находящійся по срединѣ города и который, казалось, поглощалъ ихъ: ибо всѣ въ него входили и никто не выходилъ. Подъ сараемъ два пути въ подземное соляное царство: первымъ сходятъ по деревянной лѣстницѣ въ 350 ступеней; вторымъ спускаются на канатныхъ креслахъ къ тому же мѣсту. Сей послѣдній способъ не представляетъ никакой опасности и употребляется женщинами, дѣтьми и вообще людьми, боящимися усталости. Въ низу однако же съ любопытствомъ и жадностью дожидаешься, какъ спускаются связанныя и спутанныя, какъ букеты цвѣтовъ, разнородныя группы людей всякаго званія, возраста и пола: ибо на кресла усаживается человѣкъ по 12 разомъ. Мы сошли первою дорогой, предполагая выйти второю; но этотъ планъ не исполнился.

Данный намъ проводникъ, ловкой молодой человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ, съ дубовой вѣтвію на шапкѣ, съ факеломъ въ рукѣ, повелъ насъ по всѣмъ закоулкамъ подземелья. Мы останавливались почти на каждомъ шагу: то встрѣчали въ стѣнѣ изсѣченный образъ, то подобно Лотовой женѣ, соляную статую, то Распятіе, то транспаранъ — и все изъ соли. Терпѣливый вожатай нашъ удовлетворялъ наше любопытство со всевозможнымъ усердіемъ и посредственной ученостью; особенно громко и протяжно читалъ онъ не сладкозвучные Германскіе титулы, которые сопровождали многочисленныя Тудесскія имена, начертанныя на соляныхъ стѣнахъ. Кто бы подумалъ, что найдутся охотники, которыхъ займутъ аристократическія степени отличія среди сихъ чудесъ искусства и природы?

Стѣны, своды, лѣстницы, полы длинныхъ галлерей и обширныхъ залъ подземелья изсѣчены изъ каменной соли. Необъятное пространство подземелья доказываетъ, сколько ея уже вынуто: смѣло можно сказать, что остается ея еще на нѣсколько тысячелѣтій; быть можетъ, что щедрая и заботливая природа создала руду сей необходимой потребности человѣковъ неистощимою.

Соль ломаютъ въ неправильныхъ направленіяхъ, большими четыреугольными брусьями, которые складываютъ, какъ приготовленные для строенія камни. Въ иныхъ мѣстахъ, галлереи ничѣмъ не поддерживаются; но другія по большей части укрѣпляются деревянными стропилами. Орудія, для ломки употребляемыя, состоятъ изъ желѣзныхъ ломовъ и молотковъ въ родѣ чакана. Мѣлкою солью набиваютъ бочевки; и она не дешевлѣ крупной. Соль вытаскиваютъ на поверхность земли тѣми же канатами, которые нынѣ служили для людей. Подъемная машина очень простой механики и движется 8-ю лошадьми, которыя всегда находятся въ подземельи съ однимъ дежурнымъ. Всѣ прочіе работники не ночуютъ въ ломняхъ, и каждый вечеръ выпускаются на свѣжій воздухъ. Безъ сей предосторожности, сырость мѣста, не взирая на привычку и грубое сложеніе сихъ людей, истребила бы значительное ихъ количество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соляныя глыбы отрываются порохомъ; но сей способъ, весьма убыточный, употребляется только для открытія новаго пути или изъ прихотливыхъ затѣй какого нибудь вельможи. Ломка соли сопряжена съ нѣкоторой опасностью: случается, что слишкомъ мягкій и рыхлый сводъ галлерей, не подпертый во-время деревянной одеждою, обрушивается и давитъ работающихъ; также бываетъ, что они становятся жертвою внезапно выступившей воды: впрочемъ и то и другое весьма рѣдко; всего опаснѣе сырость и духота. Поденьщики работаютъ въ однихъ исподнихъ платьяхъ съ фартуками, но безъ рубашекъ и башмаковъ. Чиновники и посѣтители, опускаясь въ подземелья, надѣваютъ изъ опрятности бѣлыя блузы.

Подземелье раздѣляется на этажи. Въ первомъ находятся: большая соляная комната, опредѣленная для канцеляріи, немного далѣе кузница, которой труба въ 45 саж. глубины, изсѣчена лѣстницею; сей мыслью обязаны Станиславу Лещинскому, котораго именемъ она и называется. Чтобы ступени не заносились сажею каменнаго угля и соль не стиралась отъ безпрестанной чистки, ихъ съ нѣкотораго времени обложили дубовыми досками. Весьма любопытна четвероугольная зала съ своими соляными люстрами и украшеніями; въ ней горѣлъ вензель К. Л. и свободно умѣщалось до 500 человѣкъ: но еще болѣе достойна вниманія соляная часовня, гдѣ всѣ украшенія готической архитектуры, какъ то, витыя колонны, статуи, барельефы, саркофаги и самый жертвенникъ, изсѣчены съ величайшимъ искусствомъ изъ соли. Церковь была освѣщена, но плошки были поставлены за соляными транспаранами — и слабый свѣтъ, проходя сквозь соляныя плиты и отражаясь на мрачныхъ стѣнахъ, производилъ необыкновенное дѣйствіе. Всѣ эти части разбросаны на значительномъ пространствѣ и соединяются длинными коридорами, похожими на лабиринтъ.

Во второй этажъ углубились мы почти нечувствительнымъ спускомъ и очутились въ огромной пещерѣ, съ площадками для отдыха и лѣстницами по стѣнамъ. Форма ея неправильная: какъ будто рука природы трудилась надъ нею. Нѣтъ словъ выразить чувство удивленія при видѣ сей ужасной подземной пустоты; казалось, гора опростала мѣсто свое въ этой безднѣ. Толпы народа ползали въ ней, какъ незамѣтныя мухи; музыкальные звуки раздавались дикимъ гуломъ; частыя плошки освѣщенія, не разгоняя мрака, сверкали, какъ звѣзды осенней ночи. По срединѣ висѣла большая соляная люстра, спущенная изъ галлереи перваго этажа; паръ, возходя отъ толпы, носился густымъ облакомъ надъ толпою — и свѣтлыми каплями блисталъ на сырыхъ стѣнахъ; кристаловидные утесы соли торчали, безобразно чернѣя по стѣнамъ. Мракъ, чудный видъ, чрезмѣрная вышина смѣлыхъ сводовъ и обширность пещеры даютъ ей право быть храмомъ подземной природы. Озираясь съ безпокойствомъ, я искалъ колеса Иксіонова, Фурій съ змѣистыми власами, вѣчно-мрачнаго престола четы, охраняемой тризѣвнымъ Церберомъ: но видѣлъ только К. Лобковича за бифстексомъ, Нѣмокъ съ болонками на рукахъ и веселыя лица довольно шумно празднующей толпы, которая, то сливаясь въ одну массу, что раздѣляясь по лѣстницамъ, хорамъ и переходамъ, унизывала всѣ части пещеры и озаренная блескомъ плошекъ, или омраченная тѣнью утесовъ, пестрѣла, шевелилась, волновалась и неопредѣленнымъ безпокойствомъ, свойственнымъ всякому сборищу, оживляла эту чудесную и разнообразную картину. Подъ обширными сводами, которые угрюмо осѣняли тысячи малыхъ существъ, чьи руки, впрочемъ, ихъ изсѣкли въ нѣдрахъ земли, — подъ этими подземными сводами, какъ разительна противоположность физической мѣлкости, слабости и ничтожности человѣковъ съ гигантскими предпріятіями ихъ ума! И какъ, съ другой стороны, эти мрачныя, сырыя подземелья, изрытыя въ началѣ нуждою, а тамъ корыстью, не врѣзываютъ имъ спасительной мысли, что одно изъ первыхъ благъ міра — свѣжій воздухъ и сіяніе солнца?

Въ третьемъ ярусѣ, почти такая же пещера, дикая, неправильная, глубокая, но менѣе первой, и по срединѣ ея глубокое соляное озеро. Въ одномъ углу поставленъ былъ гербъ К. и только нѣсколько плошекъ горѣло въ пещерѣ: на озерѣ былъ плотъ. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ, угловъ и концовъ, спустился въ пещеру народъ и окружилъ озеро; музыканты заняли хоры; толпа стѣснилась — но замолкла, какъ будто чего ожидая. Въ одномъ изъ переходовъ явился Намѣстникъ съ многочисленной свитою, въ бѣлыхъ блузахъ; толпа раздвинулась почтительно, и плотъ подвезъ его къ гербу. Вдругъ загремѣла музыка, раздалось пѣніе, заворошился народъ и алмазныя искры фейерверка осыпали и озарили темный сводъ пещеры, веселую толпу и въ страшномъ великолѣпіи отразились на гладкой поверхности подземныхъ сонныхъ водъ, которыя внезапно заревомъ вспыхнули и запылали! Признаюсь, что въ эту минуту разноцвѣтный гербъ, честь и слава геральдики, менѣе всего привлекалъ мое вниманіе; своенравное воображеніе мое бродило по другимъ предметамъ.

Въ четвертый и послѣдній ярусъ мы не спускались, хотя были недалеко; мы смотрѣли съ верхней галлереи въ глубокую пещеру, въ которой горѣлъ треугольникъ изъ неподвижныхъ огней; около него безпрестанно двигались два огненные круга въ противоположныхъ одинъ другому направленіяхъ. Круги сіи составляли собою рабочіе съ факелами въ рукахъ, безпрерывно ходившіе двумя хороводами около треугольной пирамиды. Балконъ, съ котораго мы восхищались симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, висѣлъ надъ сей послѣдней пещерою. Грубые, но стройные голоса хора, повторенные эхомъ соляныхъ утесовъ, доходили до насъ, какъ голосъ пламенной бездны, грозно зіяющей подъ нашими ногами. Дно пещеры пѣсельниковъ находится, какъ говорятъ, на 200 саж. отъ поверхности земли.

Намѣстникъ и вся толпа пошли вверхъ; за нами гасли огни — и мракъ шелъ по нашимъ слѣдамъ. Мы возвращались другой дорогою и остановились нѣсколько на пирамидѣ, воздвигнутой въ честь Императора Австрійскаго, посѣщавшаго ломни. Еще нѣсколько другихъ памятниковъ, напоминающихъ подобныя обстоятельства, мелькнули передъ нами; но позавтракавшій Намѣстникъ и голодный народъ спѣшили назадъ: мы не хотѣли отставать.

Мысли тѣснились: мы почти все осмотрѣли, хоть быстро, но внимательно; множество дивныхъ предметовъ поразили насъ сильнымъ впечатлѣніемъ; мы дивились и богатству природы, и дерзости трудолюбія. Уставъ до крайности и проголодавшись, мы воображали, что нѣтъ конца лѣстницамъ; спускаясь свѣжіе и любопытные, мы не замѣчали пространства. Но теперь ноги подгибались, руки почти не владѣли, потъ градомъ катился по лицу, толпа насъ давила, воздухъ сталъ душенъ! Опасаясь простуды, мы рѣшились не прекращать движенья до дому; презрѣли легкой, по сырой всходъ по канату и вышли старымъ путемъ, котораго скользкія ступени, казалось, росли и умножались подъ нашими отяжелѣвшими ногами. На половинѣ лѣстницы, гдѣ прекращается соляной штокъ, пріятно запахло землею; наконецъ добрались до сарая, построеннаго надъ входами, и немного отдохнули. Но едва вышедшихъ на открытое мѣсто, послѣ подземной духоты и тусклаго свѣта факеловъ, свѣжій воздухъ и яркое сіяніе полдневнаго солнца такъ насъ поразили и ослѣпили, что мы остановились какъ каменные и въ одно мгновеніе закрыли головы плащами.

Необъятная глубина подземелья; дикость обширныхъ пещеръ, мрачность, вышина и неправильность сводовъ; угрюмость сыростью потѣющихъ стѣнъ и половъ; длина, тѣснота и кривизна переходовъ и спусковъ, въ которыхъ по сторонамъ чернѣютъ новыя отверзтія бездны надъ головой, а подъ ногами сонныя озера въ безднахъ; тысячи огней, мелькающихъ и бродящихъ по стѣнамъ, лѣстницамъ, переходамъ, утесамъ и не разгоняющихъ мрака; безпокойныя, пестрыя толпы; ихъ проводники въ зеленыхъ шапкахъ, съ дубовыми вѣтвями и дымными факелами; какая-то неопредѣленная дѣятельность, безъ цѣли и порядка: безцвѣтныя, усталыя лица любопытныхъ и чиновниковъ въ бѣлыхъ блузахъ, будто въ саванахъ; опускающіяся и поднимающіяся группы по канату, топотъ лошадей, стукъ молотковъ, скрыпъ колесъ, журчаніе воды, веселыя пѣсни, глухой ропотъ народа, громъ музыки, разнообразные голоса, звуки и клики, разносимые и вторимые эхомъ стѣнъ и сводовъ, сливающіеся въ одинъ глухой, невнятный и протяжный гулъ и раздающіеся, какъ голосъ бездны; густые пары въ воздухѣ, запахъ сѣры, сѣдой мохъ на стѣнахъ, сыростью блестящіе сталактиты: всѣ черты сей грозной и великолѣпной картины подземнаго бытія поражаютъ воображеніе дивнымъ впечатлѣніемъ и переносятъ въ древній міръ. Забываешь Европу съ ея прихотливыми удобностями и математическимъ разчетомъ: кажется, присутствуешь при великихъ таинствахъ Изиды или Элевзиса: такъ все мрачно, дико, грозно, разнообразно! Славные лабиринты Критскій и Египетскій вѣроятно были не что иное, какъ обширныя каменоломни. Можетъ быть со временемъ запустѣніе овладѣетъ Величкою — и преданіе поселитъ духовъ тамъ, гдѣ мы пировали.

Я. Сабуровъ.

ПОСЛАНІЕ

къ К. Н. Б. Ю***

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ Зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И, вдохновенныя, въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой Увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней, и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ разточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Явилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдовалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аѳею иль Деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.
Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.
Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
Объ нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій, отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца;
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
О, разскажи жь ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ Ума и Фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты

И блескъ А*** и прелесть ***.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразной.

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни сапфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то Ораторъ,
То Консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

А. Пушкинъ.

Москва, 1830.

ПѢНІЕ МОРЛАКОВЪ.

(Соч. Карла Нодье.)

Представьте себѣ Морлацкаго пѣвца, съ его цилиндрическою шапкой, опоясаннаго шелковымъ вязанымъ кушакомъ, съ кинжаломъ въ мѣдныхъ ножнахъ, осыпанныхъ стеклышками, съ длинною трубкою на черешневомъ или ясеневомъ чубукѣ, и въ вязаныхъ сандаліяхъ, когда онъ поетъ *письме* или героическую пѣснь, наигрывая на *гуслѣ*, т. е. лирѣ объ одной струнѣ, ссученной изъ конскихъ волосъ. Обыкновенно вечеромъ Морлакъ прохаживается по горѣ, повѣствуя въ своей однозвучной, но торжественной пѣснѣ подвиги старинныхъ Бароновъ Славянскихъ. Онъ не видитъ тѣней праотцевъ въ облакахъ, но онѣ всегда живутъ вокругъ него. Тѣнь мужа гостепріимнаго и вѣрнаго, котораго друзья не стыдились въ совѣщаніи народномъ и который былъ храбръ на войнѣ, спускается на лучѣ мѣсяца сквозь вѣтви ясеней, зыблется на муравѣ своей могилы, ласкаетъ ее тихимъ свѣтомъ и снова восходитъ на небеса. Тѣнь злаго человѣка осуждена блуждать по мѣстамъ опустѣлымъ; она посѣщаетъ кладбица, выкапываетъ мертвыхъ, или будучи еще дерзостнѣе, выпиваетъ въ покинутой кормилицею колыбели кровь новорожденныхъ младенцевъ. Неразъ устрашенный отецъ встрѣчалъ блѣднаго Вампира съ щетинистыми волосами, съ окровавленными устами, полузакутаннаго въ лахмотья своего савана, и наклонившагося надъ усыпленными малютками, изъ коихъ онъ неподвижимъ и страшнымъ взоромъ избираетъ для себя жертву. Счастливъ, если ему удалось тогда, ударомъ своего *ганцара*, подрѣзать мертвецу икры; ибо съ той поры онъ уже не выйдетъ изъ своего гроба.

Въ сіи часы колдуньи приготовляютъ свои волхвованія. Онѣ пляшутъ по три вмѣстѣ, какъ чародѣйки Макбетовы, произнося ужасныя заклинанія. Онѣ-то призываютъ грозу, градъ и бурю. — И когда корабль разбивается о подводныя скалы, тогда часто ихъ видали перескакивавшихъ съ волны на волну и ударявшихъ ногою по пѣнистому хребту валовъ.

Сіи чудовища не безчувственны ко власти любви; но ничто не сравнится съ яростью, которую внушаютъ имъ ревность и мщеніе. Мнѣ разсказывалъ одинъ старый Морлацкій священникъ, что онъ зналъ молодаго человѣка преслѣдованнаго, какъ Сократъ у *Апулея*, отвратительною страстію *Ламіи*. — Однажды онъ легъ ночью въ одной комнатѣ съ своимъ пріятелемъ, чтобы защитить его отъ сего наважденія; и вдругъ почувствовалъ, что и самъ связанъ обаяніемъ, отнявшимъ у него и движеніе и языкъ; онъ взглянулъ и видитъ: эта женщина подходитъ къ постели уснувшаго Морлака, разкрываетъ ему кинжаломъ грудь, вырываетъ сердце и жаритъ его на угольяхъ, потомъ съѣдаетъ его еще почти облитое кровью, приплясывая съ звѣрскою радостью. По совершеніи колдовства, чародѣйка изчезла въ темнотѣ; несчастный проснулся съ опустѣлой грудью и умеръ.

Посреди сихъ-то чудесъ идетъ мой Поэтъ; ибо онъ также Поэтъ и не ограничивается повтореніемъ пѣсенъ извѣстныхъ. Сладость его звучнаго языка, свобода стихосложенія, не допускающаго ни утомительнаго однообразія неизмѣнной *цезуры*, ни однозвучнаго украшенія рифмы, дозволяютъ ему повиноваться всѣмъ его вдохновеніямъ, и украшать своими мыслями древнюю балладу, дошедшую до него по преданіямъ. Часто даже случается, что вдохновенный пѣвецъ придѣлываетъ новую строфу къ строфѣ, слышимой имъ съ другой горы; и оба пѣвца останавливаются и спорятъ между собою въ поэтическомъ изобрѣтеніи, по примѣру пастуховъ Виргиліевыхъ. Они еще и въ томъ отношеніи сходны съ состязающимися пастухами древнихъ буколикъ, что обыкновенно оканчиваютъ пѣніе похвалою своей пѣсни; и сія послѣдняя часть Иллирійской поэмы измѣняется по отношеніямъ и положенію разскащика, что совершенно согласно съ природой. Весьма однако же странно, что съ перваго взгляда въ пѣсни дикаго Поэта встрѣчаемъ Гораціянское Feriam sidera.

Иллирійскій Поэтъ не споритъ о талантѣ за козу или за красивый, хитро изукрашенный кубокъ, какъ пѣвцы Сициліи и береговъ Минчіо; но самый знаменитый своими пѣснями удостоится первенствовать въ сельской пляскѣ. Вокругъ него собирается *коло*, т. е. кругъ; онъ его одушевляетъ игрою своей волынки или звучнымъ своимъ голосомъ; онъ умножаетъ, усиливаетъ, ускоряетъ мѣру; веселость превращается въ восторгъ, въ изступленіе; изступленіе уступаетъ мѣсто утомленію, и изнеможенные плясуны падаютъ вокругъ Поэта. Замѣчательно, что страсть къ пѣнію, поэзіи и тантомимному искусству нѣтъ живѣе или сильнѣе, чѣмъ искусства сіи несовершеннѣе и ближе къ своей колыбели. Никогда чтеніе самаго превозносимаго изъ нашихъ модныхъ поэтовъ, концерты самаго искуснаго изъ нашихъ виртуозовъ, стройные балеты отличнѣйшаго изъ нашихъ балетчиковъ, не производили такого упоенія, какое внушаютъ дикіе звуки степнаго Импровизатора. Всѣ ощущенія, дѣйствующія на нѣжные органы простаго сына природы, чрезмѣрны, всѣ впечатлѣнія глубоки, и всѣ удовольствія истинны для счастливаго пастуха рощей Мередитскихъ и горъ Клементинскихъ.— Юность обществъ есть то же, что и юность жизни: полная мечтаній и наслажденій, которыя опытъ дѣлаетъ безцвѣтными и время уноситъ съ собою.—

Чтобъ имѣть понятіе о пѣніи Морлацкомъ, надобно его слышать. Фортисъ пытался его описать, но позабылъ сказать объ одномъ, по мнѣнію моему существенномъ въ этомъ пѣніи, а именно: что оно весьма мало походитъ на человѣческій голосъ. Это родъ инструмента двуколѣннаго, который съ удивительною быстротою переходитъ изъ одного самаго противоположнаго голоса въ другой; и какъ эта мысль не можетъ выразиться однимъ опредѣленіемъ, то я думаю, не успѣлъ бы въ томъ по возможности, если бъ для сравненія не привелъ на мысль читателю противуположность, долженствующую происходить отъ глухаго воя, когда за нимъ поминутно слѣдуетъ пронзительный зыкъ, снова смѣняющійся прежнимъ воемъ съ неимовѣрною быстротою движенія и точностію аккорда, изумительными для слуха. Я припоминаю по сему случаю одно мое ночное путешествіе по берегамъ Адріатическаго моря. Луна сіяла тѣмъ слабымъ, синеватымъ и неподвижнымъ свѣтомъ, который, кажется, видѣли мы въ одной Италіи. Волны издавали шумъ протяжный, но тихій и величественный, шумъ морей, имѣющихъ мало прилива; колеса кареты однообразно шипѣли по ровному песку, который тихо качалъ ее, и я покидалъ, усталый отъ пѣшеходства, а еще болѣе отъ великихъ воспоминаній, историческія равнины Кампо-Форміо. Я вздремнулъ, какъ этотъ странный шумъ Морлацкой пѣсни поразилъ мой слухъ, и перенесъ меня въ воображеніи къ ночнымъ концертамъ Пука, Аріеля и всѣхъ духовъ Шекспировыхъ, когда, только что вышедъ изъ цвѣтовъ, и еще влажные отъ росы, они напѣваютъ пѣсни, которыхъ люди никогда еще не слыхали.—

Этимъ очарованіемъ обязанъ я былъ моему Далматскому почталіону.

Съ Франц. — В. Романовичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Берлинскія привидѣнія, или нечаянная встрѣча въ маскарадѣ, истинное происшествіе. Переводъ съ Французскаго, послѣднее сочиненіе Г-жи Радклифъ. — М. въ Тип. Армянскаго Института Лазаревыхъ, 1830 (въ 16-ю д. л. 37 стран.)

Никогда Московскіе продавцы подобныхъ книженокъ не были такъ сильно увѣрены въ оплошности покупателей, какъ издатель *Берлинскихъ привидѣній*. Имя Г-жи Радклифъ, имъ выставленное на заглавномъ листкѣ, совершенно уподобляется червяку на удочкѣ. Какъ неосторожная рыба, едва схватившись за лакомую пищу, узнаетъ, что она жестоко обманута; такъ и читатель, привлеченный именемъ славной Сочинительницы, на первой страницѣ текста этой пустой повѣсти открываетъ странную шутку, съ нимъ сыгранную, читая сѣтованіе Автора, что такой предметъ привелось описывать не Г-жѣ Радклифъ, а ему.

При семъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще перевода жизнеописаній славныхъ романистовъ, соч. Валтера Скотта. Читатели не знающіе иностранныхъ языковъ, получили бы великое удовольствіе, а книжные промышленники посовѣстились бы такъ просто обманывать добродушныхъ любителей пріятнаго чтенія.

Разбойникъ. Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе И. М. Х. А. С. Матвѣя Покровскаго. — М. въ тип. Армянскаго Института Гг. Лазаревыхъ. 1830 (въ 16-ю д. л. 67 стран).

На заглавіи этой стихотворной повѣсти, издатели могли бы написать, что она послѣднее сочиненіе Лорда Байрона, и были бы такъ же правы, какъ приписавшіе Г-жѣ Радклифъ повѣсть: *Берлинскія привидѣнія*. Эту исповѣдь какого-то чудака-разбойника. Для примѣра слога и соображеній поэтическихъ, выпишемъ нѣсколько стиховъ. У героя сего сочиненія сгорѣлъ домъ, въ пожарѣ погибла жена его. Невѣрная молва обвинила одного сосѣда въ зажигательствѣ его дома. Послушайте, какъ онъ отомстилъ:

Къ отмщенью злость меня звала,
Неистовствомъ вооружила, —
Къ злодѣю я во весь опоръ —

И въ грудь ему воткнулъ топоръ.
Но что жь? Покойникъ былъ *невиненъ*,
Напрасно я его обидѣлъ,
Невинно кровь его пролилъ
И ею руки обагрилъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Fables et Contes de J. Khemnitser, suivis de trois dernières fables inédites de Krylof. Traduit par Hippolyte Masclet. — (*Басни и Сказки И. И. Хемницера, съ присовокупленіемъ 3-хъ послѣднихъ басенъ И. А. Крылова, переведен. на Французской языкъ Ипполитомъ Маскле*). — Москва въ типогр. Августа Семена, 1830 (IX — 160 стр. въ 8-ю д. л.)

Г. Маскле, извѣстный уже своимъ переводомъ *всѣхъ* преждеизданныхъ басень Крылова, издалъ нынѣ свой переводъ басень Хемницера. Переводчикъ, какъ мы замѣтили, хотѣлъ въ своихъ переводахъ басень соблюсти народность Рускаго Аполога, и въ семъ отношеніи, для Литтераторовъ иноземныхъ преложенія его будутъ конечно заманчивы не поэтическимъ, но народнымъ и нравственнымъ ихъ достоинствомъ, представляющимъ всякому не-Рускому обильный источникъ изученія того способа, коимъ мы, Руские, смотримъ на предметы общіе.

СМѢСЬ.

Для дополненія описанія Велички, предлагаемъ читателямъ нашимъ еще отрывокъ изъ путеваго Журнала другаго соотечественника нашего, бывшаго въ Величкѣ въ 1818 году.

Величка. Мы выѣхали изъ Кракова въ 7 часовъ утра: до Велички часъ дороги по шоссе, то есть одна миля. Начальникъ мѣста выдаетъ билетъ для осмотра. Съ этимъ билетомъ являешься къ соляному *кратеру*, сажаютъ тебя на тесемочныя сидѣлки и спускаютъ въ бездну. Это *низпареніе* продолжается около двухъ минутъ. Въ первомъ этажѣ нѣтъ работы. Во всѣхъ этажахъ около 1,200 работниковъ: двѣ трети изъ нихъ работаютъ днемъ, одна ночью. Работа простая, но довольно тяжелая: соль ломаютъ на подобіе камней. Плата дается работникамъ малая; за переломанные куски не платится. Собираютъ около милліона и болѣе центнеровъ (*). Австрійцы продаютъ нынѣ центнеръ по 13 злотыхъ. Въ существованіе Герцогства Варшавскаго, дѣлили барышъ пополамъ. Теперь можно сказать, что Польша потеряла хлѣбъ съ солью. Иныя громады отрываются порохомъ; другіе переходы заваливаются. Въ мѣстахъ, гдѣ грунтъ смѣшанъ, работъ не продолжаютъ: ломаютъ одну чистую соль. Есть ломки въ надеждѣ (Hoffnungsſchlag); и въ этомъ подземномъ мірѣ, надежды иногда обманчивы, какъ и на поверхностномъ. Уже 550 лѣтъ добываютъ тутъ соль. Преданіе разсказываетъ, что Святая Кунегунда уронила кольцо въ колодязь: стали искать его, нашли или нѣтъ, неизвѣстно, но нашли соль. Какъ бы то ни было, но человѣческая рука расширила владѣніе свое и въ тайникахъ природы. Сначала отверзтіе было малое; теперь въ немъ теряешься: около Французской мили пространства (*). Ходили мы три часа по переходамъ и осмотрѣли всѣ главныя мѣста. Между прочими тутъ есть зала, въ которой полъ вымощенъ Суворовымъ, сыномъ Рымникскаго, дававшимъ подземный балъ земнымъ красавицамъ Кракова. Руское рыцарство, волокитство и Руская блестящая разточительность успѣютъ выказаться вездѣ: для нихъ нѣтъ непроницаемыхъ безднъ. Замѣчательны еще: памятникъ Австрійскому Императору, церковь, алтарь, лики Святыхъ, каѳедра, разумѣется все это изъ соли. Значительнѣйшія впечатлѣнія получаешь, какъ спускаешься, подымаешься, и при видѣ озера. Въ этомъ подземельи обыкновенно не болѣе пяти градусовъ тепла: въ иныхъ переходахъ чувствуешь влажность отъ внѣшняго воздуха. Подымаясь изъ преисподней, ощущаешь въ воздухѣ теплоту жизни, дѣлаешься цвѣткомъ, который послѣ зимней ночи растворяется, проникнутый лучами лѣтняго солнца. Но ничто не сравнится съ чувствомъ, объемлющимъ посѣтителя, когда онъ слышитъ въ этой преисподней шумъ подземныхъ водъ, разсѣкаемыхъ паромомъ, на которомъ онъ плыветъ. Надъ озеромъ виситъ какъ огромная башня. По лѣстницѣ взбѣжалъ работникъ и кидалъ сверху зажженную бумагу. Я не знаю, чего тутъ не прійдетъ въ голову: и Стиксъ и Харонъ, и зарницы ада; но весь этотъ запасный магазинъ древняго баснословія бѣденъ предъ видимою истиною и природою. Любопытно знать, какъ отдѣлался бы въ этомъ соляномъ подземельи человѣкъ, вѣрующій примѣтѣ, что худо просыпать соль.

Въ 1776 году, умеръ въ Лондонѣ одинъ человѣкъ, нажившій торговлею до 60,000 фун. стерл. Онъ оставилъ по себѣ единственнымъ наслѣдникомъ двоюроднаго своего брата, съ роду не бывшаго купцемъ, на слѣдую-

---

(*) *Центнеръ* или *квинталъ* содержитъ въ себѣ 100 фунтовъ вѣсу.

(*) Т. е. около четырехъ верстъ и одной пятой доли.

щемъ странномъ условіи: чтобы онъ каждый день приходилъ на биржу, и оставался въ ней отъ двухъ часовъ по полудни до трехъ. Ни дурная погода, ни собственныя дѣла не могли уволить его отъ сей обязанности; одна только болѣзнь избавляла его отъ оной. Безъ сего послѣдняго обстоятельства, доказаннаго законнымъ порядкомъ, неисполненіемъ условія онъ терялъ, въ силу духовной, все наслѣдство своего родственника; и если бы одинъ день только не явился на биржѣ, то другія, поименованныя въ завѣщаніи лица, имѣли право вступить во владѣніе наслѣдствомъ. — Добрый сей человѣкъ хотѣлъ тѣмъ изъявить благодарность свою биржѣ, гдѣ накопилъ все свое богатство; но это богатство покойника сдѣлало рабомъ живаго его наслѣдника. Только по воскресеньямъ могъ онъ отлучаться изъ Лондона, ибо въ эти дни биржа запирается. Этотъ человѣкъ изъявлялъ крайнюю досаду; ибо не могъ никуда отъѣхать на нѣсколько дней: ему должно было распорядиться въ дѣлахъ и посѣщеніяхъ своихъ такъ, чтобы не упустить времени сходбища на биржѣ. Онъ жилъ въ западной части Лондона, т. е. за три Англійскихъ мили отъ биржи; просидѣвъ тамъ часъ и не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, онъ садился въ свой экипажъ и уѣзжалъ. Люди, уполномоченные на его мѣсто къ полученію наслѣдства, весьма строго наблюдали за его исправностію и нанимали другихъ за нимъ присматривать.

Будущею осенью выйдутъ въ свѣтъ *Стихотворенія П. А. Катенина*, въ 2-хъ частяхъ, въ 8-ю д. л. Первая часть будетъ содержать въ себѣ сочиненія Г. Катенина, вторая — подражанія и переводы. Все изданіе будетъ отпечатано на лучшей веленевой бумагѣ, самымъ красивымъ шрифтомъ. Подписка на оное откроется въ книжномъ магазинѣ Слѣнина. Цѣна обѣимъ частямъ назначается 15 р.

Любители Руской Поэзіи конечно съ удовольствіемъ помнятъ многія стихотворенія Г. Катенина, разсѣянныя въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ, и давно ожидаютъ полнаго собранія поэтическихъ его произведеній. Въ двухъ частяхъ, о коихъ упомянуто было выше, кромѣ извѣстныхъ уже стихотвореній сего Поэта, будутъ помѣщены многія новыя, не бывшія еще въ печати; въ томъ числѣ, прекрасное собраніе всѣхъ *Испанскихъ романсовъ о Сидѣ*, преложеніемъ коихъ Г. Катенинъ сдѣлалъ истинно-пріятный подарокъ нашей Словесности.

В. Г. Тепляковъ, коего произведенія въ стихахъ и прозѣ знакомы читателямъ Л. Г., намѣренъ также будущею осенью издать свои *Ѳракійскія Элегіи*, написанныя во время его пребыванія въ странѣ, которой имя онѣ носятъ. Числомъ ихъ будетъ *десять*. Мы имѣли случай читать нѣкоторые изъ нихъ отрывки, отличающіеся вѣрностію описаній, живостію воображенія, богатые чувствомъ и прекрасными стихами.

Философъ и предобрый человѣкъ, Дюпонъ-де-Немуръ, жилъ долгое время въ деревнѣ, въ какой-то старинной башнѣ, на которой гнѣздились стаи вороновъ. Изъ любопытства ль, или отъ нечего дѣлать, Дюпонъ началъ съ величайшимъ прилежаніемъ дѣлать наблюденія надъ нравами сихъ птицъ, изучать ихъ порядокъ гражданственный, ихъ учрежденія, самый языкъ ихъ, и достигъ до того, что понималъ оный совершенно и даже составилъ словарь онаго. Наблюденія сіи привели его къ тому заключенію, что животныя вообще имѣютъ врожденное чувство справедливости и несправедливости, и что дѣйствія ихъ имѣютъ основу нравственную. — Весьма можетъ быть, что сіе заключеніе не вовсе неосновательно: ибо мы видимъ, что въ обществахъ хищныхъ звѣрей и птицъ господствуетъ доброе согласіе, и знаемъ, что никакое общество не можетъ держаться безъ условія, покрайней мѣрѣ подразумѣваемаго, уважать права каждаго изъ членовъ.

Одинъ мужъ оставилъ по духовному завѣщанію женѣ своей 500 гиней, съ тѣмъ, что она могла ими воспользоваться только по смерти своей, «для того,» присовокупилъ завѣщатель,» чтобъ было чѣмъ похоронить ее съ должнымъ приличіемъ.»

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 25-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. **ТОМ. I. №. 31.** *МАЯ* 31го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го *числа* (*въ Четвертокъ*), — 10-го (*во Вторникъ*), — 15-го (*въ Воскресенье*), — 20-го (*въ Пятницу*), — 25-го (*въ Среду*), *и* 30-го (*въ Понедѣльникъ*).

ПУСТОЙ ДОМЪ.

(*Изъ соч. Гоффмана.*)

. . . . . Всѣ были согласны въ томъ, что человѣкъ можетъ иногда имѣть такія чудесныя видѣнія, какихъ не въ состояніи изобрѣсти даже и самое разгоряченное воображеніе. «Мнѣ кажется,» сказалъ *Леліо*, » что въ Исторіи довольно можно найти къ подтвержденію этого примѣровъ и что, именно по этой причинѣ, такъ называемые историческіе романы, въ которыхъ Сочинитель усиливается согласить дѣйствія ребяческихъ вымысловъ своего холоднаго воображенія съ дѣйствіями вѣчной силы, управляющей природою, кажутся намъ столь ничтожными и нелѣпыми.» — «Изъ непостижимой таинственности,» возразилъ Францъ, «существующей во всемъ окружающемъ насъ, мы прозрѣваемъ владычествующаго надъ нами высшаго, самостоятельнаго Духа.» — «Ахъ!» продолжалъ Леліо: » въ этомъ-то и бѣда наша, что мы въ слѣдствіе испорченности, послѣ грѣхопаденія лишились сей способности прозрѣнія.» — «Много призванныхъ, но мало избранныхъ» перебилъ Францъ своего друга. «Неужели же ты не вѣришь, что прозрѣніе дано нѣкоторымъ людямъ, какъ особенное чувство? Но чтобы не запутаться въ темныхъ умозаключеніяхъ, могущихъ ввести насъ въ заблужденіе, я объясню это сравненіемъ: люди, одаренные способностью прозрѣнія и слѣдственно способностью имѣть чудесныя видѣнія, похожи для меня на летучихъ мышей, у которыхъ ученый Спаланцани открылъ особенное шестое чувство, не только замѣняющее, но еще и превосходящее всѣ прочія чувства, совокупно взятыя.» — «Ого!» возкликнулъ *Францъ*, смѣючись: » по этому летучія мыши должны бъ быть настоящіе *сомнамбулы*! Но сравненіе это однако же для меня не убѣдительно, ибо надобно замѣтить, что это шестое, по твоему, удивленія достойное чувство есть не что иное, какъ только способность усматривать во всякомъ родѣ видѣнія, не взирая, лице ли то, причина ли, или дѣйствіе особенности, внѣ обыкновеннаго круга понятій нашихъ находящіяся, и которымъ подобныхъ въ обыкновенной жизни мы не находимъ, и потому называемъ чудесными. Но что такое, однако же, обыкновенная жизнь? — Не что другое, какъ тѣсный кругъ, въ которомъ далѣе своего носа мы не видимъ, и въ которомъ не достаетъ мѣста не только прыгать и кувыркаться, какъ мы хотимъ, но даже и прохаживаться самымъ мѣрнымъ шагомъ. У меня есть одинъ знакомый, который твердо увѣренъ, что одаренъ способностію имѣть чудесныя видѣнія. По этой причинѣ случается, что онъ иногда по цѣлымъ днямъ бѣгаетъ за совершенно незнакомыми ему людьми, имѣющими что нибудь особенное въ своей походкѣ, одеждѣ, голосѣ, или во взорахъ. Самое обыкновенное произшествіе, совершенно незначащій случай, незаслуживающій никакого вниманія, заставляютъ его задумываться, дѣлать странныя соображенія и выводить заключенія, которыя никому бы, кромѣ его, не пришли въ голову.» — «Постой! постой!» закричалъ при сихъ словахъ *Леліо*: » я знаю, о комъ ты говоришь: это вѣрно нашъ *Теодоръ*. Видишь ли, какъ онъ задумчиво и какими странными глазами глядитъ на небо? У него теперь въ головѣ вѣрно что нибудь совершенно особенное.» — «Очень можетъ статься,» началъ *Теодоръ*, который до сего времени молчалъ, » что въ глазахъ моихъ замѣтно было странное выраженіе: я размышлялъ теперь объ одномъ дѣйствительно чудесномъ произшествіи, случившемся недавно со мною.» — «Ахъ, разскажи, пожалуйста разскажи намъ,» перебили въ одинъ голосъ друзья его. — «Съ охотою готовъ разсказывать,» продолжалъ Теодоръ: » но я долженъ предупредить тебя, любезный Леліо, что для объясненія моей способности имѣть видѣнія, ты привелъ очень дурные примѣры. Ты долженъ знать изъ *Эбергардовой Синонимики*, что *чудными* называются всѣ вообще осуществленныя дѣйствія прозрѣнія и желаній, для объясненія которыхъ разсудокъ не находитъ достаточныхъ причинъ; а *чудеснымъ* называется то, что обыкновенно почитаютъ невозможнымъ, непостижимымъ, что переходитъ за границу законовъ природы, или кажется противно онымъ. Изъ этого видите, что говоря прежде сего обо мнѣ, ты смѣшивалъ чудное съ чудеснымъ. Неоспоримо, однако же, что чудное повидимому изъ чудеснаго проистекаетъ, и что только иногда отъ насъ сокрыто то древо чудеснаго, отъ котораго простираются видимыя нами вѣтви чуднаго, со всѣми своими отпрысками и листьями. Въ приключеніи, которое я вамъ сообщу, смѣшано и чудное и чудесное, и сколько мнѣ кажется, въ необыкновенно ужасномъ видѣ.» — Сказавъ сіе, Теодоръ вынулъ изъ кармана записную книжку, въ которую онъ вписывалъ разныя замѣчанія въ продолженіе своего путешествія, и сталъ разсказывать, заглядывая по временамъ въ оную, слѣдующее:

«Вы знаете (такъ началъ Теодоръ) что я все прошедшее лѣто провелъ въ ***. Множество старыхъ друзей и знакомыхъ, которыхъ я тамъ нашелъ, веселая, непринужденная жизнь, разнообразные предметы искуствъ и наукъ: все привязывало меня къ сему мѣсту. Никогда не былъ я такъ веселъ, и могъ дать полную волю старинной страсти моей, часто бродить одному по улицамъ, останавливаться передъ каждою вывѣшенною картинкою, передъ каждымъ прибитымъ объявленіемъ, или наслаждаться разсматриваніемъ встрѣчающихся со мною лицъ и даже по чертамъ ихъ соображать въ умѣ своемъ ихъ будущую судьбу. Обиліе произведеній искуства и роскоши, множество великолѣпныхъ зданій: все возбуждало во мнѣ къ сему непреодолимое желаніе. Одна изъ улицъ, состоящихъ изъ подобныхъ великолѣпныхъ строеній, ведущая къ *** воротамъ, есть мѣсто жительства публики, могущей по своему званію или состоянію вести болѣе роскошную жизнь. Нижніе этажи высокихъ и обширныхъ зданій, находящихся въ оной, по большей части заняты лавками съ предметами роскоши, а въ верхнихъ живетъ вышеупомянутый классъ людей. Въ сей же улицѣ находятся лучшія гостинницы, живутъ знатнѣйшіе Посланники и потому можете себѣ представить, что ни въ какой части резиденціи не замѣтно столько движенія жизни, какъ здѣсь, и городъ въ семъ мѣстѣ кажется гораздо многолюднѣе, нежели какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Желаніе всѣхъ жить въ семъ мѣстѣ, заставляетъ многихъ довольствоваться гораздо меньшею квартирою, нежели какъ имъ была бы необходима; и по сему иной домъ такъ полонъ людьми, что совершенно уподобляется улью. Я нѣсколько разъ ходилъ уже по сей улицѣ, какъ вдругъ въ одинъ день обратилъ на себя мое вниманіе домъ, который самымъ страннымъ образомъ отличался отъ всѣхъ прочихъ. Вообразите себѣ низенькій въ четыре окна домикъ, защемленный между двумя высокими прекрасными зданіями, котораго второй этажъ едва, едва превышаетъ нижній сосѣдняго дома, и котораго ветхая крышка, заклеенныя отчасти бумагою окна и стѣны съ полинявшею отъ времени краскою, свидѣтельствуютъ о совершенномъ нерадѣніи хозяевъ къ поддержанію онаго. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть видъ такого дома, между зданіями, изукрашенными со вкусомъ и великолѣпіемъ. Я остановился и замѣтилъ при точнѣйшемъ разсматриваніи, что всѣ окошка онаго были совершенно завѣшены, что даже окна нижняго этажа на-глухо закладены кирпичемъ, что у воротъ, находившихся съ боку и замѣнявшихъ дверь для входа въ домъ, не было ни колокольчика, какъ обыкновенно водится, ни замка, ни даже ручки. Я твердо увѣрился, что домъ сей долженъ быть совсѣмъ необитаемъ, тѣмъ болѣе, что никогда, въ какое бы время и какъ бы часто мнѣ ни случалось проходить мимо, я не замѣчалъ въ немъ даже и малѣйшаго слѣда живой души. Необитаемый домъ въ такой части города! Странное явленіе, хотя можетъ быть по весьма естественной и простой причинѣ! легко могло статься, что владѣлецъ, находясь въ продолжительномъ путешествіи, или живя въ отдаленномъ какомъ нибудь своемъ помѣстьи, не хотѣлъ этого дома ни продавать, ни отдавать въ наемъ для того, чтобы тотчасъ по возвращеніи въ ***, начать въ немъ жить. — Такъ думалъ я, но не смотря на это, не понимаю самъ, что заставляло меня всякой разъ, когда я проходилъ мимо, останавливаться передъ домомъ и углубляться, или лучше сказать запутываться въ самыя удивительныя мысли. — Всѣмъ изъ васъ, дорогіе товарищи веселой, юношеской жизни моей, извѣстна давнишняя наклонность моя сдѣлать изъ себя духовидца; и сколько разъ сами вы доказывали мнѣ естественность того, что по моему мнѣнію было чудесно и сверхъ-естественно!

«Ну! ну! пожалуй смѣйтесь, сколько хотите: я откровенно признаюсь, что нерѣдко самъ мистифировалъ себя самымъ забавнымъ образомъ. И этотъ пустой домъ почти произвелъ со мною то же самое; но вы увидите, что развязка поучительна и совсѣмъ васъ обезоружитъ! — И такъ къ дѣлу! — Въ одинъ день, въ положеный хорошимъ тономъ часъ прохаживаться взадъ и впередъ по аллеѣ, идущей посреди улицы, стоялъ я, по своему обыкновенію, въ глубокомъ размышленіи передъ домомъ; вдругъ замѣчаю, что кто-то подлѣ меня остановился и пристально смотритъ на меня. Это былъ Графъ П...., давно извѣстный по многимъ отношеніямъ за подобнаго же мнѣ духовидца, и я нимало не сомнѣвался, что таинственный домъ обратилъ на себя и его вниманіе. Еще болѣе утвердило меня въ сей мысли то, что когда я сообщилъ ему, какое необыкновенное впечатлѣніе сдѣлало на меня это запустѣлое строеніе, — онъ иронически засмѣялся, но вскорѣ однако же все объяснилось. Графъ П... сдѣлалъ болѣе моего: онъ успѣлъ уже вывести изъ нѣкоторыхъ замѣчаній своихъ, соображеній и проч. такую необыкновенную исторію о семъ домѣ, какую только самое пылкое поэтическое воображеніе могло изобрѣсти. Я бы съ охотою разсказалъ вамъ исторію Графа, которую очень еще свѣжо помню; но голова моя такъ занята теперь тѣмъ, что дѣйствительно со мною происходило, что я никакъ не хочу перерывать своего повѣствованія. Каково было, однако же, бѣдному Графу, когда онъ, едва успѣвъ окончить свою исторію, узналъ, что опустѣвшій домъ не что иное, какъ кондиторская пекарня, принадлежащая къ стоящей рядомъ съ нею весьма богатой конфетной лавкѣ. — Окна нижняго этажа были наглухо задѣланы потому, что въ ономъ находились печи, а въ верхнемъ этажѣ задернуты толстыми занавѣсками для того, чтобы предохранить сберегающіеся въ ономъ готовые конфекты отъ солнца и насѣкомыхъ. Меня какъ будто бы окатили холодною водою, когда Графъ сообщилъ мнѣ столь неожиданный конецъ своей исторіи. — Не смотря однако же на все сіе прозаическое объясненіе, я все таки невольно посматривалъ на домъ всякой разъ, когда проходилъ мимо; при видѣ онаго, всегда по всѣмъ членамъ моимъ пробѣгалъ какой-то легкій трепетъ и въ головѣ моей раждались самыя странныя мысли. Я никакъ не могъ пріучить себя къ мысли, что въ немъ не что иное, какъ кондиторская пекарня, марципаны, конфекты, торты, обсахаренные фрукты и проч. и проч. Странное сопряженіе мыслей заставляло говорить въ воображеніи моемъ какой-то сладкій, обворожительный голосъ, почти такъ: «Не изпугайтесь, дорогой нашъ пріятель, ежели сей часъ ударитъ громъ: мы всѣ претихія маленькія созданья!» То опять думалъ я: «Ну! не сущій ли ты сумасшедшій глупецъ? хочешь изъ самаго обыкновеннаго сдѣлать чудесное, и не по дѣломъ ли упрекаютъ тебя друзья въ томъ, что ты пустой духовидецъ?» — Домъ, имѣвшій вышеприведенное предназначеніе, все оставался, какъ само собою разумѣется, въ одномъ положеніи; такимъ образомъ глаза мои мало по малу къ нему привыкли и всѣ чудесныя изображенія, которыя, бывало, представлялись мнѣ выходящими изъ стѣнъ его, мало по малу совершенно разсѣялись. Одинъ случай пробудилъ все заснувшее. Зная мою рыцарскую вѣрность къ чудесному, вы можете себѣ представить, что не смотря на видимое наружное спокойствіе, я все таки не выпускалъ чуднаго дома изъ виду. Случилось, что я, прогуливаясь въ одинъ день, въ обыкновенный обѣденный часъ, по аллеѣ, обратилъ взоры на завѣшенныя окна пустаго дома и замѣтилъ, что гардина послѣдняго окошка, находящагося подлѣ самой кондиторской лавки, вдругъ зашевелилась. Сначала показалась кисть руки, потомъ и цѣлая рука. Я поспѣшно вынулъ изъ кармана подзорную трубку и ясно различилъ прелестнѣйшей формы и ослѣпительной бѣлизны женскую руку, на одномъ пальцѣ которой блестѣлъ съ необыкновенною яркостію алмазъ, а вокругъ красиво округленной кисти богатый браслетъ. Рука поставила на окно высокій, страннаго вида хрустальный сосудъ и скрылась за занавѣскою. Я стоялъ какъ окаменѣлый: какое-то необыкновенное, неизъяснимо-усладительное чувство разлило по всей внутренности моей электрическую теплоту; я не сводилъ глазъ съ чудеснаго окна и быть можетъ, что изъ груди моей вырвался даже печальный вздохъ. Наконецъ я очнулся и увидѣлъ, что вокругъ меня собралась цѣлая толпа людей всякаго состоянія, которые всѣ, также какъ и я, съ любопытствомъ смотрѣли на домъ. Сначала это меня разсердило, но послѣ я вспомнилъ, что простой народъ вездѣ одинаковъ; пускай упадетъ изъ шестаго этажа какого нибудь дома колпакъ и вы увидите, что тотчасъ соберутся цѣлыя толпы зѣвакъ, которыя цѣлый день будутъ стоять на одномъ мѣстѣ и дивиться, что въ колпакѣ во время паденія не разпустилось ни одной петли. Я потихоньку удалился изъ толпы и прозаическій демонъ тотчасъ шепнулъ мнѣ, что рука принадлежала не кому другому, какъ богатой, разряженной по праздничному женѣ кондитора, которая въ это самое время поставила можетъ быть на окно пустой графинъ, въ коемъ прежде находилась ея розовая вода, или что нибудь подобное. — Странный случай! — Вдругъ пришла мнѣ въ голову весьма благоразумная мысль. — Я воротился и вошелъ прямо въ богатую, блестящую зеркалами кондиторскую лавку, сосѣднюю пустому дому. — Сдувая прохладительнымъ дыханіемъ горячую пѣну съ шоколада, началъ я, какъ будто бы безо всякаго намѣренія:» Въ самомъ дѣлѣ, вы очень хорошо сдѣлали, что присоединили еще и это *сосѣднее строеніе къ своей лавкѣ.»* — Кондиторъ поспѣшно бросилъ еще нѣсколько красныхъ конфетокъ въ трубку бумаги и подавъ ее миловидной дѣвочкѣ, которая ихъ купила, оперся на прилавокъ рукою и наклонившись ко мнѣ сколь можно болѣе, устремилъ на меня, улыбаясь, такой вопросительный взоръ, какъ будто бы совсѣмъ меня не понялъ. Я повторилъ, что онъ весьма благоразумно поступилъ, устроивъ въ сосѣднемъ домѣ свою пекарню, хотя впрочемъ жаль, что сдѣлавъ оный чрезъ сіе необитаемымъ, далъ ему видъ печальный и совершенно противоположный окружнымъ строеніямъ. «Помилуйте, государь мой!» возразилъ наконецъ кондиторъ: «да кто сказалъ вамъ, что сосѣдній домъ этотъ намъ принадлежитъ? — Правда, сначала мы старались пріобрѣсти его, но никакъ однако же не могли въ томъ успѣть; впрочемъ, кажется объ этомъ и жалѣть нечего, потому что въ домѣ семъ происходитъ что-то странное, необыкновенное.» — Можете себѣ представить, друзья мои, какое любопытство возбудилъ во мнѣ отвѣтъ кондитора и какъ убѣдительно я сталъ просить его, разсказать еще болѣе объ домѣ. «Правду сказать вамъ, государь мой! я и самъ не слишкомъ много объ немъ знаю; достовѣрно, однако же, что домъ этотъ принадлежитъ Графинѣ З . . ., живущей въ своихъ помѣстьяхъ и которая нѣсколько уже лѣтъ не была въ * * *. Когда не существовало еще ни одного изъ великолѣпныхъ зданій, украшающихъ нашу улицу, домъ этотъ стоялъ уже (какъ мнѣ разсказывали) точно въ такомъ видѣ, какъ теперь находится; и съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ поправки ограничивались поддержаніемъ его отъ совершеннаго разрушенія. Въ немъ обитаютъ только два живыя существа: дряхлый нелюдимъ управитель и собака, едва таскающая отъ старости ноги, которая иногда воетъ на заднемъ дворѣ. Слухи носятся, что въ опустѣломъ строеніи этомъ ужасно проказничаютъ духи, и въ самомъ дѣлѣ братъ мой (хозяинъ лавки) и я, оба мы слышали нѣсколько разъ по ночамъ, когда все утихнетъ, и по большей части на канунѣ Рождества, оставаясь по необходимости долѣе обыкновеннаго въ лавкѣ — странные жалобные звуки, которые очень ясно раздавались здѣсь за стѣною въ сосѣднемъ домѣ. Послѣ чего поднимался такой ужасный шумъ и царапанье, что обоихъ насъ морозъ по кожѣ подиралъ. Еще недавно ночью такъ тамъ распѣвали, что и описать вамъ не могу. Мы весьма внятно различили голосъ старой женщины, но звуки были такъ звонки и чисты и разсыпались такими рѣзкими трелями и въ такихъ высокихъ тонахъ, что хотя я и зналъ въ Италіи, Франціи и Германіи многихъ отличныхъ пѣвцовъ, но этакихъ никогда не слыхивалъ. Мнѣ казалось, что поютъ на Французскомъ языкѣ; словъ однако же разслушать не могъ, да и вообще не имѣлъ охоты слушать чертовскую музыку, потому что волосы у меня становились на головѣ дыбомъ. Иногда, также, когда шумъ на улицѣ утихнетъ, мы слышимъ, какъ будто бы у насъ въ послѣдней комнатѣ, глубокіе вздохи, потомъ глухой дребезжащій смѣхъ, выходящій какъ будто изъ какого нибудь подземелья; но приложивъ къ стѣнѣ ухо, ясно различаемъ, что все это происходитъ въ сосѣднемъ домѣ. — Прошу васъ (онъ повелъ меня въ заднюю комнату и показалъ сквозь окошко) прошу васъ обратить вниманіе на желѣзную трубу, выходящую изъ стѣны: изъ нея поднимается по временамъ, и иногда даже лѣтомъ, когда совсѣмъ нѣтъ надобности топить, такой густой дымъ, что братъ мой, боясь пожару, нѣсколько разъ уже бранился съ старымъ управителемъ, который извиняется только тѣмъ, что готовитъ себѣ кушанье; Богъ знаетъ, однако же, что онъ ѣстъ, ибо нерѣдко, именно въ то время, когда идетъ дымъ изъ этой трубы, распространяется необыкновенный запахъ.« — Стеклянная дверь лавки заскрыпѣла, кондиторъ поспѣшилъ туда и сдѣлалъ мнѣ выразительный знакъ глазами, кланяясь вошедшему. — Я совершенно его понялъ. Кто могъ быть эта странная фигура, какъ не управитель таинственнаго дома? — Вообразите себѣ низенькаго, сухощаваго человѣка съ лицемъ цвѣта муміи, вострымъ носомъ, сжатыми узенькими губами, съ блестящими зелеными, какъ у кошки, глазами, безпрестанно смѣющагося, подобно помѣшанному, съ разпудренною, завитою въ маленькія букли и украшенною высокимъ стариннымъ тупеемъ головою и съ пучкомъ, въ коричневомъ, полинявшемъ отъ времени, но довольно еще крѣпкомъ и хорошо вычищенномъ плащѣ, въ сѣрыхъ чулкахъ, и въ большихъ тупоносыхъ башмакахъ съ пряжками. Вообразите себѣ, что эта сухощавая фигура, однако же крѣпкаго сложенія, особенно въ рукахъ, снабженныхъ необыкновенно длинными пальцами, подошла твердыми шагами къ прилавку и потомъ безпрестанно усмѣхаясь, и устремивъ неподвижный взоръ на хрустальныя банки съ конфектами, произнесла слабымъ, жалобнымъ голосомъ: »Прошу дать мнѣ два померанца въ сахарѣ — двѣ миндальныя лепешечки — два обсахаренныхъ каштана и проч.« — Вообразите все это и разсудите сами, не имѣлъ ли я причины ожидать чего нибудь необыкновеннаго? Кондиторъ пріискалъ все, чего старикъ требовалъ. « Свѣсьте, свѣсьте, почтеннѣйшій сосѣдушка! »простоналъ необыкновенный человѣкъ, вынулъ изъ кармана, кряхтя и вздыхая, небольшой коженый кошелекъ и медленно сталъ отсчитывать деньги. Я замѣтилъ, что монета, которую онъ клалъ на прилавокъ, была по большой части очень старинная, или совсѣмъ уже вышедшая изъ обыкновеннаго обращенія. Онъ дѣлалъ все это съ весьма печальнымъ видомъ и нѣсколько разъ приговаривалъ: » Надобно, чтобы конфекты были какъ можно слаще, какъ можно слаще; Сатана потчуетъ супругу свою медомъ, чистымъ медомъ!« Кондиторъ взглянулъ съ улыбкою на меня и сказалъ, обращаясь къ старику: » Вы, кажется, не совсѣмъ здоровы, сударь; что дѣлать! Старость, старость, силы слабѣютъ болѣе и болѣе. « Старикъ, не перемѣняя нимало лица, вдругъ закричалъ громкимъ голосомъ: » Что? старость? — старость? — силы слабѣютъ? Ха! ха! ха! ха! ха! ха! « — и при этомъ сжалъ такъ крѣпко кулаки, что даже составы въ рукахъ у него затрещали, и подпрыгнулъ такъ высоко и съ такою силою, стукнувшись на воздухѣ нога объ ногу, что вся лавка затряслась и всѣ банки въ ней зазвѣнѣли. Но въ это же самое мгновеніе раздался ужасный визгъ; старикъ наступилъ на ногу лежавшей на полу позади его у самыхъ его ногъ черной собакѣ. — »Проклятое животное! адская, сатанинская собака; « произнесъ опять прежнимъ тихимъ, жалобнымъ голосомъ старикъ, открылъ трубку съ конфектами и далъ ей большую миндальную лепешку. Собака, которой визгъ превратился въ человѣческое всхлипыванье, въ ту же минуту замолкла, сѣла на заднія лапы и начала грызть конфектъ, какъ бѣлка. Оба поспѣли окончить свое дѣло въ одно время: собака съѣсть лепешку, а старикъ завернуть и спрятать въ карманъ трубку съ конфектами. » Спокойной ночи, почтеннѣйшій сосѣдушка, « сказалъ онъ, протянулъ руки къ кондитору и такъ больно пожалъ его руку, что тотъ громко вскрикнулъ. » Дряхлый, слабый старичишка желаетъ вамъ спокойной ночи, почтеннѣйшій сосѣдушка! « повторилъ онъ и пошелъ вонъ изъ лавки; черная собака потащилась за нимъ, облизывая языкомъ съ рыла крошки миндалю. Меня, казалось, старикъ совсѣмъ не замѣтилъ; я стоялъ какъ оцѣпенѣлый отъ удивленія. » Вотъ видите ли, сударь, « началъ кондиторъ: » таковъ-то этотъ чудный старикъ; всякой мѣсяцъ приходитъ онъ къ намъ покрайней мѣрѣ раза два-три; но все, что мы отъ него могли вывѣдать, такъ это только то, что онъ прежде былъ камердинеромъ у Графа З*, что теперь смотритъ за его домомъ, и нѣсколько лѣтъ уже всякой день ожидаетъ прибытія Графской фамиліи и потому не смѣетъ отдать дома въ наемъ. Братъ мой приступилъ было къ нему однажды, чтобы онъ растолковалъ ему причину необыкновеннаго шума, бывающаго у него по ночамъ; но онъ хладнокровно отвѣчалъ: » Да! всѣ говорятъ, что въ домѣ водятся нечистые духи; не вѣрьте однако же, это неправда. « — Насталъ часъ, въ который, по закону хорошаго тона должны были начаться посѣщенія этой лавки; дверь растворилась, — щеголеватый народъ посыпался въ лавку и я не могъ долѣе спрашивать.

« Теперь я узналъ, покрайней мѣрѣ, достовѣрно, что свѣдѣнія Графа П. касательно собственности и предназначенія дома несправедливы, что вопреки его противорѣчіямъ, въ немъ не только живетъ старый управитель, но еще и скрывается безо всякаго сомнѣнія какая нибудь важная тайна отъ свѣта. Ибо иначе какъ согласить разсказъ объ необыкновенномъ, ужасномъ пѣніи, съ появленіемъ прекрасной руки у окна? Ясно, что рука не принадлежала, не могла принадлежать какой нибудь сморщенной старухѣ; напротивъ того пѣніе, по разсказамъ кондитора, навѣрное происходило не отъ молодой, цвѣтущей дѣвушки. Впрочемъ могло быть, что голосъ казался старымъ и дребезжащимъ по причинѣ акустическаго обмана, что кондиторъ, пораженный страхомъ, разслушалъ невнятно. Послѣ сего я сталъ размышлять о дымѣ, о странномъ запахѣ, о хрустальномъ, необыкновеннаго вида сосудѣ, видѣнномъ мною, и воображенію моему ясно представился образъ прелестнѣйшаго творенія, запутаннаго въ самомъ ужасномъ волшебствѣ. Старикъ превратился въ злаго, проклятаго колдуна, который, можетъ быть, сдѣлавшись совершенно независимымъ отъ фамиліи Графа З., изволитъ кутить по своему въ опустѣломъ домѣ. Воображеніе мое кипѣло; не позже какъ въ ту же самую ночь увидѣлъ я, нельзя сказать во снѣ, но скорѣе во время засыпанія, ясно руку съ блестящимъ браслетомъ вокругъ кисти, съ алмазнымъ перстнемъ на пальцѣ. Сначала появилось, какъ будто бы медленно выходя изъ тонкаго сѣдаго тумана, одно только прелестное лице съ томными, печальными, небесно-голубыми глазами, а потомъ и цѣлая женская фигура во всей цвѣтущей красотѣ. Скоро замѣтилъ я, что почитаемое мною за туманъ былъ нечто иное, какъ тонкій паръ, выходившій клубящимися кругами изъ хрустальнаго сосуда, который существо сіе держало въ рукѣ. « О прелестное, очаровательное созданіе! » воскликнулъ я, исполненный восторга: « скажи, гдѣ обитаешь ты, что причиною твоей неволи? — Ахъ, съ какимъ умиленіемъ и любовію ты взираешь на меня! — О, я знаю: ты во власти гнуснаго чернокнижія, ты томишься въ неволѣ у того злаго демона, который разхаживаетъ по свѣту въ темнокоричневомъ платьѣ съ пучкомъ на затылкѣ, посѣщаетъ кондиторскія, въ которыхъ прыгаетъ, бьетъ все и ломаетъ, отдавливаетъ ноги адскимъ своимъ собакамъ и задобриваетъ ихъ потомъ миндальными сластями. — О, мое милое, доброе созданіе, я все, все знаю! — Алмазъ есть отблескъ жара твоей страсти! — Могъ ли бы онъ такъ блестѣть, могли ли бы въ немъ переливаться эти тысячи красивѣйшихъ цвѣтовъ, ежели бы онъ не былъ напоенъ твоею кровію? Но я вижу, что браслетъ, опоясывающій кисть твоей руки, есть кольцо той цѣпи, которая, по увѣренію злаго старика, намагнитизирована. — Не вѣрь ему, прелестная! Я вижу, что онъ опустилъ другой конецъ этой цѣпи въ раскаленную голубымъ огнемъ реторту. — Я разобью ее и ты будешь свободна! Скажи же теперь, мое милое, несравненное существо, неправда ли, что я все, все знаю? Разкрой же розовыя уста твои, произнеси хотя одно слово. « — Вдругъ въ это самое время протянулась черезъ плечо мое жилистая мускуловатая рука, и схвативъ хрустальный сосудъ, мгновенно обратила оный въ мѣлкую пыль, разлетѣвшуюся по воздуху. — Прелестное видѣніе съ глухимъ, жалостнымъ стономъ изчезло во тьмѣ ночной. — Ваша улыбка показываетъ мнѣ, что я опять кажуся вамъ полупомѣшаннымъ духовидцемъ; но увѣряю васъ, что сонъ мой, ежели вы уже несомнѣнно хотите дать ему это названіе — имѣлъ совершенно видъ настоящаго видѣнія на яву. Но такъ какъ вы не хотите отстать отъ своихъ прозаическихъ насмѣшекъ, то я лучше замолчу объ немъ и стану продолжать разсказъ мой далѣе. — Едва показалось утро, я побѣжалъ въ улицу и исполненный безпокойства и ожиданій, остановился передъ пустымъ домомъ! Окна въ немъ были не только задернуты занавѣсками, но сверхъ сего еще и закрыты жалузями. На улицѣ еще совершенно никого не было видно; я подошелъ къ самому окну нижняго этажа; слушалъ, слушалъ, но въ домѣ было такъ тихо, какъ въ могилѣ. — Наступилъ день, стали показываться люди, я ушелъ. Зачѣмъ утомлять васъ разсказомъ о томъ, какъ я много дней сряду ходилъ въ разное время дня около дома, не сдѣлавъ ни малѣйшаго открытія, какъ всѣ освѣдомленія, всѣ разпросы мои объ немъ ничего положительнаго не объясняли и какъ наконецъ прелестный образъ видѣнія моего началъ изъ воображенія моего мало по малу изглаживаться? — Наконецъ однажды, возвращаясь поздно вечеромъ съ прогулки и проходя мимо пустаго дома, замѣтилъ я, что ворота полуразтворены: я подошелъ и увидѣлъ, что изъ нихъ выглядываетъ старикъ управитель. Я тотчасъ рѣшился. « Не здѣсь ли живетъ Г. Тайный Совѣтникъ Биндеръ? » спросилъ я, почти насильно вталкивая старика во внутренность дома, въ переднюю, блѣдно освѣщенную лампадою. Старикъ взглянулъ на меня съ обыкновенною язвительною улыбкою и произнесъ тихимъ и протяжнымъ голосомъ: « Нѣтъ, онъ здѣсь не живетъ, никогда не жилъ и не будетъ жить, и не живетъ даже во всей этой улицѣ. Слухи носятся, что у насъ водятся духи, но я могу увѣрить, что это неправда; въ домикѣ нашемъ все очень тихо и спокойно; завтра прїѣдетъ въ него на житье Ея Сїятельство Графиня З., и — затѣмъ прощайте, желаю вамъ спокойной ночи! « — При сихъ словахъ, старикъ выпроводилъ меня учтивымъ образомъ изъ дому и заперъ за мною ворота. Я слышалъ, какъ онъ, пыхтя и кашляя, гремѣлъ ключами и удаляясь шаркалъ по каменному полу; послѣ чего, казалось мнѣ, сошелъ внизъ по ступенямъ. Въ продолженіе короткаго моего пребыванія въ сѣняхъ дома, я успѣлъ замѣтить, что стѣны въ нихъ обтянуты старинными пестрыми обоями, и что мебель одной залы состоитъ изъ креселъ краснаго штофа. Все вообще было странно и необыкновенно.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* No.)

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Въ лѣта желаній и страстей
Предпочиталъ я, вѣрный лѣни,
Удѣлъ свободныхъ пѣснопѣній
Приманкамъ злата и честей;
Любовь была моей отрадой,
А рѣзвой дружбы похвала —
Неоцѣненною наградой
За вевеликія дѣла . . . .
Но легкой юности мгновенье
Изчезло вдругъ какъ метеоръ,
Какъ сна минутное видѣнье,
Какъ милой дѣвы бѣглый взоръ!
И вотъ — мнѣ рифмы стали чужды,
Отъ страстныхъ пѣсень я отвыкъ;
Простыя хлопоты и нужды
Завоевали мой языкъ;
Забылъ я вымыслы пустые —
И Метроманіи на зло
Пишу бумаги дѣловыя
И на черно́ и на бѣло!

А. Крюковъ.

С. П. б. 1829.

ЭКСПРОМПТЪ

Княгинѣ Е. С. Х — ой.

Въ *Пагодѣ* (*) написалъ стишки въ альбомъ Княгинѣ.
Во храмѣ почему жь не думать о богинѣ?

А. Измайловъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ

НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ.

Статья II-я.

Исторія Рускаго Народа. Критики на нее: Вѣстника Европы, Московскаго Вѣстника, Славянина. I-й *томъ на лицо и* XI-ть *будущихъ томовъ.*

Хорошія книги не однѣ пользуются преимуществомъ обращать на себя вниманіе просвѣщенныхъ читателей: нѣкотораго рода и дурныя книги раздѣляютъ съ первыми сіе право. Худой романъ, худая поэма, нелѣпая трагедія могутъ явиться и пропасть безъ замѣчанія: между тѣмъ сочиненія философическія, историческія, учебныя, хотя даже и ниже посредственности, должны возбуждать изслѣдованія критики. Сія обязанность тѣмъ важнѣе тамъ, гдѣ Литература еще бѣдна количествомъ подобныхъ сочиненій. Тамъ за неимѣніемъ хорошихъ книгъ и дурныя замѣщаютъ порожнія мѣста; а не только людей, многіе судятъ и книги по мѣсту, ими занимаемому. У другихъ еще и по соображенію: если человѣкъ, если книга объявляютъ притязаніе на право сбить съ мѣста достоинство, то частью по простотѣ, частью по малодушному удовольствію видѣть, что и заслуга не ограждается мнѣніемъ отъ оскорбленій, они готовы быть за одно съ наглостью и тщеславіемъ. *Исторія Рускаго Народа*, принадлежащая къ числу весьма худыхъ сочиненій, принадлежитъ именно къ разряду тѣхъ, которыя критика не должна пропустить забвеніемъ. Писанная Издателемъ Журнала, который, не смотря на многіе недостатки и еще

(*) Индѣйскій храмъ, садовая бесѣдка

бо̀льшія погрѣшности, пользуется по справедливости преимуществомъ быть лучшимъ Журналомъ нашимъ, то есть полнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ, она должна была при появленіи своемъ имѣть много подписчиковъ, покрайней мѣрѣ всѣхъ подписчиковъ *Телеграфа*, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ, кои подписываются на него, какъ на Журналъ модъ. Такъ и было! Она была встрѣчена съ шумомъ: едва ли не тѣмъ и кончилось; и можно сказать о ней, что она съ шумомъ погибла. Но иные люди вѣрятъ мертвецамъ: противъ суевѣрія ихъ должно дѣйствовать повторенными опытами. Московскіе Журналы были наполнены критиками на Исторію Рускаго Народа, но этѣ критики не могли достигнуть цѣли своей: изобличенія погрѣшностей въ планѣ и въ исполненіи. Критики были слишкомъ сердиты и крикливы, а въ крикахъ и не разслушаешь истины; она требуетъ болѣе умѣренности, разстановки и твердости въ рѣчи. Сердитый человѣкъ заглушить можетъ, но не убѣдитъ. Критика должна имѣть стройное, хладнокровное движеніе регулярнаго войска Европейскаго: отъ подобнаго нападенія спастись трудно; но запальчивость, дикіе вопли, необузданное стремленіе Азіятскихъ ордъ не опасны. Иныя изъ сихъ критикъ были написаны какъ будто на смѣхъ, но не надъ Авторомъ. На примѣръ: *Ѳеорія предчувствій составляетъ досель камень претыканія для испытателей человѣческой природы. Одни утверждаютъ, что сіи тайныя вторженія въ туманную область будущности, которыя мы называемъ предчувствіями, суть не что иное, какъ преждевременныя попытки самой души — стряхнуть съ себя чуждыя вериги пространства и времени и проч.* Таково начало критики, напечатанной въ классическомъ Журналѣ: *Вѣстникъ Европы.* Послѣ того какъ ни будь дѣльны по себѣ замѣчанія, въ ней заключающіяся, но какая истина не изнеможетъ, опутанная заблужденіями подобнаго слога? Для кого писать такимъ языкомъ? Для ученыхъ? онъ покажется верхъ невѣжества. Для невѣждъ? недоступный верхъ учености. Одинъ критикуемый Авторъ найдетъ свою пользу въ нестройномъ, въ какомъ-то болѣзненномъ изложеніи мыслей, отбивающемъ читателей разнаго рода, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые любятъ изучать дѣйствія природы въ самыхъ ея неестественныхъ отступленіяхъ. Съ другой стороны, въ критикахъ на Исторію Рускаго Народа, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы и Московскомъ Вѣстникѣ, есть еще общая неумѣстность: поздніи, почтительныя обращенія къ трудамъ и памяти Карамзина, и удары, во имя его наносимые новому Историку. Нѣтъ сомнѣнія, что оскорбительныя сужденія объ Исторіи Государства Россійскаго, помѣщенныя въ двухъ помянутыхъ Журналахъ, сужденія, коихъ цѣль была поколебать, а если можно и низпровергнуть уваженіе народа къ заслугамъ Карамзина, приготовили нынѣшнія Сатурналіи Литературы нашей, разразившіяся появленіемъ *Исторіи Рускаго народа.* Въ этомъ отношеніи новый Историкъ поступилъ неблагодарно: слѣдовало ему посвятить твореніе свое не Нибуру, а *Каченовскому* и *Арцыбышеву.* Въ мірѣ политическомъ, анархія ведетъ къ деспотизму смѣлаго хищника: въ литературномъ мірѣ, низпроверженіе законовъ ума и вкуса, возмущенія анархическаго своевольства противъ нравственныхъ и умственныхъ властей, бываютъ также введеніемъ къ лже-царству невѣжества.

Говоривъ о худыхъ критикахъ, намъ весьма пріятно обратить вниманіе читателей на критику весьма хорошую, писанную Г-мъ Руссовымъ, уже извѣстнымъ своими историческими изысканіями и потому болѣе другаго способнымъ судить Исторію Рускаго народа. Критика сія сперва была по частямъ печатана въ книжкахъ *Славянина*, а нынѣ напечатана особенно. Въ сихъ замѣчаніяхъ, писанныхъ съ должнымъ хладнокровіемъ, но часто и съ веселымъ остроуміемъ, собраны и выведены на свѣжую воду, съ уликами и доказательствами, многія изъ погрѣшностей, недосмотровъ, противорѣчій не только съ истиною, но и съ самимъ собою и часто неимовѣрныхъ, коими Авторъ щедро услужилъ Критику своему. Авторъ съ такою необдуманностью составилъ первый томъ сочиненія своего, что не держался въ немъ и порядка и единства въ хронологическомъ отношеніи. Оспоривая, напримѣръ, Карамзина, онъ иногда съ нимъ соглашается въ томъ же самомъ мѣстѣ и списываетъ его, забывъ, что онъ отвергаетъ его свидѣтельство. Измѣненія его по части Хронологіи объясняются у Критика забавнымъ сравненіемъ: « это значитъ то же, что сшивъ платье безъ пуговицъ, связку ихъ положить въ карманъ, дабы брать ихъ тогда и столько, сколько нужно будетъ застегнуться, смотря по погодѣ.«

Въ числѣ противорѣчій междоусобныхъ, коимъ новая Исторія служитъ обширнымъ поприщемъ, можно выставить еще одно, позабытое другими Критиками. Авторъ въ предисловіи своемъ укоряетъ Карамзина за излишнюю поспѣшность въ его трудѣ и довольно забавно спрашиваетъ: *когда же думалъ Историкъ?* На это можно было бы ему отвѣчать: *всегда*, ибо рѣшительно вся жизнь Карамзина была или приготовленіемъ къ труду, или исполненіемъ труда, или порою созрѣванія, или порою зрѣлости и жатвы. Но дѣло не въ томъ: любопытно только послѣ сей укоризны видѣть, сколько Авторъ самъ посвятилъ времени на составленіе 12-ти томовъ Исторіи, не только уже готовыхъ въ кабинетѣ Автора, но даже сдѣлавшихся уже и собственностію публики, ибо подписка на нихъ открыта и сумма за всѣ 12 томовъ заплачена подписчиками. « *Съ 1825-го года я началъ уже систематическое*

« сочиненіе о Руской Исторіи. « Въ 1829 году появился первый томъ и 11 томовъ должны быть готовы къ напечатанію: слѣдовательно въ четыре года совершенъ трудъ, на который Карамзинъ, со всею поспѣшностію своею, употребилъ болѣе двадцати лѣтъ. — Нельзя же полагать, что трудъ новаго Историка еще не совершенъ, что одиннадцать обѣщанныхъ томовъ пока таятся еще въ головѣ Автора, тогда, когда они уже проданы не книгопродавцу, который можетъ пуститься на удачу предпріятія и такъ сказать на волю Божію, но частнымъ подписчикамъ, которые подписываются на наличное. Такое предположеніе было бы легкомысленно и оскорбительно для добросовѣстности Автора. Дай Богъ Автору и всѣмъ Авторамъ здоровья и долголѣтія; но въ добрый часъ молвить, а въ худой промолчать: вѣдь жизнь ихъ не застрахована на такой-то срокъ. Во всѣхъ образованныхъ земляхъ, у всѣхъ честныхъ людей открывается подписка и собираются съ подписчиковъ деньги, когда сочиненіе уже написано и готово къ печати. Сочиненіе можетъ быть допечатано послѣ жизни Автора, если онъ умретъ въ это время, смерть его оплакивается ближними и добрыми людьми; но покрайней мѣрѣ не сбывается пословица: *плакали денежки.* А между тѣмъ и втораго тома еще нѣтъ: друзья Автора распускаютъ извѣстіе, что онъ сжегъ второй томъ, бывъ недоволенъ трудомъ своимъ. Это огненное очищеніе, этотъ Божій судъ среднихъ вѣковъ приноситъ честь уничиженію авторскому, но тутъ слѣдуютъ два вопроса: Отъ чего же не сожженъ и первый томъ, и при чемъ останутся подписчики? при одномъ пеплѣ, что ли?

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Французскій Букварь въ пользу Россійскаго юношества, изданный Егоромъ Зоричемъ (Abécédaire français à l'usage de la jeunesse russe, par G. Zoritch). — С. П. б. въ типогр. Х. Гинце, 1830 (91 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Обученіе собственно букварю Французскому и складамъ, Издатель раздѣлилъ на восемь уроковъ: въ первомъ помѣстилъ онъ всѣ гласныя Французскія буквы, во второмъ двугласныя (diphtongues) или правильнѣе, сложныя гласныя, въ трехъ слѣдующихъ всѣ согласныя по порядку, и при нихъ первоначальные склады. Шестой урокъ заключаетъ въ себѣ примѣры словъ на простые склады; въ двухъ прочихъ склады сложные. Далѣе: слова многосложныя, примѣры для чтенія, фразы съ Россійскимъ переводомъ и слова для затверженія на изустъ. Такое распредѣленіе, кажется, должно облегчить первый трудъ для дитяти, начинающаго обучаться Французскому языку.

СМѢСЬ.

Вотъ еще литературная новость на Польскомъ языкѣ, имѣющая появиться здѣсь въ Петербургѣ: въ Январѣ мѣсяцѣ 1831 года выйдетъ изъ печати Альманахъ: *Тополька.* Содержаніе онаго будетъ слѣдующее: *Отдѣленіе первое*: 1) Элегіи и думы; 2) Басни, 3) Разныя стихотворенія. *Отдѣленіе второе.* 5) Лирическое дѣйствіе изъ обычаевъ древней Литвы; 6 и 7) Явленія изъ *шалости*: Царство женщинъ, и изъ трагической оперы: Альдона. *Отдѣленіе третье:* 7 и 8) Отрывки изъ перевода поэмъ А. Пушкина: *Евгеній Онѣгинъ*, и *Цыганы.* 9) Переводы мѣлкихъ стихотвореній А. Пушкина, Ѳ. Глинки, Князя Вяземскаго, басенъ Крылова, и другіе, доселѣ неизданные. Цѣна экземпл. 1 рубль серебр.; а на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньеткой, картинками и музыкой, по мѣрѣ того, какъ число подписчиковъ доставитъ для сего средства, — *полтора рубля серебромъ.* Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ книжн. магазинѣ Смирдина, въ Вильнѣ у Завадскаго, а въ Варшавѣ у Глюксберга. — Издатель (И. Зечь) поручаетъ себя покровительству всѣхъ друзей литературы Славянскихъ народовъ, и проситъ позволенія припечатать имена Гг. подписавшихся.

Польская Газета: Tygodnik Petersburski (*Петербургскій Еженедѣльникъ*), изъ которой *Литературная Газета* заимствовалась многими любопытными и занимательными статьями, есть, по мнѣнію многихъ, лучшая иноязычная Газета въ Россіи. Литературное отдѣленіе *П. Еженедѣльника* отличается хорошимъ выборомъ и разнообразіемъ статей. Редакція сей Газеты принимаетъ подписку и на второе полугодіе оной. Подписка принимается въ С. П. б. Почтамтѣ, и въ Редакціи, состоящей въ Офицерской улицѣ, въ д. Прейса. Цѣна полугодичному изданію съ пересылкой и доставкой по домамъ, 20 р. ассигнац.

Первые два No. новой Польской Газеты: Bałamut, появились уже, и по нимъ мы заключаемъ, что не ошиблись въ предположеніи своемъ касательно содержанія сихъ новыхъ листковъ. (См. No. 25 Л. Г.)

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ Слѣнина, у Казанскаго моста, въ домѣ Имзена. Цѣна 1 р. 20 коп., съ пересылкою 2 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Маія 30-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМ. I. №. 32. ІЮНЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ПУСТОЙ ДОМЪ.

(*Продолженіе.*)

«Эта попытка проникнуть въ таинственный домъ, снова заставила меня ожидать приключеній! — И что же? подумайте, подумайте: на другой день, когда я въ обыкновенный обѣденный часъ иду по улицѣ, невольно устремивъ издали еще взоры на пустой домъ, вдругъ вижу, что въ послѣднемъ окнѣ верхняго этажа, что-то блеститъ. — Подошедъ ближе, я замѣчаю, что наружное жалузи открыто совсѣмъ, а извнутри поднята до половины занавѣска. Блестящій алмазъ поражаетъ мои глаза. — О небо! облокотясь на руку, прелестное видѣніе мое смотритъ съ выраженіемъ горести на меня. Посреди толпящагося повсюду народа, невозможно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ. — Я вспомнилъ, что почти противъ самаго пустаго дома, въ аллеѣ, находится для отдохновенія гуляющихъ скамья. Я бросился въ аллею и облокотившись на спинку скамьи, сталъ безъ помѣхи смотрѣть на загадочное окно. Такъ! это была точно та же самая прелестная, милая дѣвушка, которую я видѣлъ прежде, она, какъ двѣ капли воды! Только во взорѣ замѣтно было нѣчто странное. Онъ не былъ устремленъ на меня, какъ мнѣ сначала показалось, и имѣлъ въ себѣ что-то недвижное, омертвѣлое; и ежели бы она не шевелила руками, то я принялъ бы ее за бездушную картину. Совершенно погрузясь въ разсматриваніе непостижимаго существа у окошка, приводившаго въ такое волненіе всю внутренность мою, я совсѣмъ не слыхалъ дребезжащаго голоса Итальянскаго разнощика, который можетъ быть давно уже стоялъ подлѣ меня, предлагая товары. Чтобъ обратить на себя мое вниманіе, онъ наконецъ дернулъ меня за рукавъ; я съ досадою проворно обернулся и довольно грубымъ голосомъ отказалъ ему. Не смотря однако жъ на сіе, Итальянецъ не переставалъ упрашивать и умолять меня, купить у него хотя что нибудь, хотя парочку карандашей, хотя связку зубочистокъ, говоря, что онъ въ этотъ день ничего не продалъ. — Вышедъ изъ терпѣнія и желая скорѣе освободиться отъ докучливаго продавца, я хотѣлъ дать ему какую нибудь мѣлкую монету и опустилъ руку въ карманъ за кошелькомъ. Со словами: «вотъ и здѣсь есть у меня «прекрасныя вещицы!« Онъ выдвинулъ изъ нижней части своего ящика коробку и подалъ мнѣ изъ нея круглое карманное зеркальцо, лежавшее нѣсколько поодаль отъ прочихъ стеклянныхъ вещей съ боку. — Я увидѣлъ въ немъ пустой домъ позади меня, окно и въ самыхъ рѣзкихъ, ясныхъ чертахъ прелестное ангельское изображеніе моего видѣнія. — Я тотчасъ купилъ это маленькое зерькальцо, и имѣлъ теперь возможность, въ спокойномъ положеніи, не обращая на себя вниманія постороннихъ, смотрѣть на окно. — Однако же чѣмъ я долѣе смотрѣлъ на лице въ окнѣ, тѣмъ болѣе разпространялось во мнѣ какое-то непонятное, неизъяснимое чувство, которое почти походило, ежели можно такъ выразиться, на сонъ на яву. Мнѣ казалось, что какое-то оцѣпенѣніе овладѣло моимъ зрѣніемъ, которое оставалось какъ бы прикованнымъ къ зеркалу. Со стыдомъ долженъ я признаться, что въ это время вспала мнѣ на мысль сказка, которую обыкновенно въ ребячествѣ моемъ, разсказывала мнѣ моя нянька, чтобы скорѣе заставить меня лечь спать, когда я бывало вечеромъ вздумаю смотрѣться въ большое зеркало, висѣвшее въ комнатѣ моего отца. Она говорила, что ежели дитя вечеромъ взглянетъ въ зеркало, то вдругъ покажется ему въ немъ престрашное лице, и глаза его останутся навсегда оцѣпенѣлыми. Я ужасно боялся этого, но однако же не могъ иногда удержаться отъ любопытства, хотя мимоходомъ взглянуть въ зеркало, чтобы собственными глазами увидѣть, что это за лице. Однажды дѣйствительно показалось мнѣ, что въ зеркалѣ блестятъ два ужасные глаза; я вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ на полъ. Обстоятельство это повергло меня въ продолжительную болѣзнь, но мнѣ и до сихъ поръ еще кажется, что я дѣйствительно видѣлъ въ зеркалѣ два блестящіе глаза. — Коротко, я припомнилъ себѣ весь этотъ сбродъ изъ ребяческихъ лѣтъ, ознобъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ моимъ — я хотѣлъ отбросить отъ себя зеркало, но былъ не въ состояніи — вдругъ обратились на меня небесные глаза прелестнаго созданія; — такъ, взоръ ея былъ устремленъ на меня и проникъ въ самую глубину сердца моего. Ужасъ, объявшій меня прежде сего, разсѣялся и мѣсто его заступило нѣкоторое сладостное томленіе, которое весь составъ мой проникло электрическою теплотою. « Какое красивое зеркальцо у васъ! » вдругъ произнесъ подлѣ меня чей-то голосъ. Я пробудился отъ мечтаній и не мало удивился, увидѣвъ сидящихъ подлѣ меня по обѣ стороны незнакомыхъ мнѣ людей, которые пристально смотрѣли на меня и двусмысленно улыбались. Нѣтъ сомнѣнія, что они, увидѣвъ, какъ я пристально смотрѣлъ въ зеркало, и можетъ быть увлеченный моимъ разгоряченнымъ воображеніемъ, дѣлалъ даже странныя рожи, забавлялись на мой счетъ. « Прекрасное зеркальцо у васъ! » повторилъ опять тотъ же человѣкъ, сопровождая слова сіи такимъ взоромъ, въ которомъ можно было прочитать вопросъ: « Но скажите, пожалуйте, кой чортъ вы такъ пристально смотрите въ это зеркало? Что вы въ немъ видите? « и проч. и проч. Человѣкъ, начавшій говорить со мною, былъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, весьма опрятно одѣтый и въ голосѣ своемъ и во взорахъ имѣлъ что-то необыкновенно добродушное и возбуждающее довѣренность. Я безо всякихъ околичностей отвѣчалъ ему, что смотрю въ зеркало на прекраснѣйшее лице дѣвушки, сидящей у окна пустаго дома, находящагося позади насъ, и при этомъ самъ спросилъ старика, не видитъ ли и онъ такъ же этого лица. « Гдѣ? тамъ? — « въ пустомъ домѣ — въ послѣднемъ окнѣ? » — сказалъ съ большимъ удивленіемъ старикъ. « Ну, да, разумѣется, « отвѣчалъ я. — » Въ самомъ дѣлѣ? такъ неужто старые глаза мои ужь отказываются служить мнѣ? Правда, что я смотрѣлъ на окно безъ очковъ; но мнѣ, право, показалось, что въ немъ не что другое, какъ живо написанный масляными красками портретъ. » Я проворно обернулся, чтобы взглянуть на окно, но уже все изчезло и жалузи было закрыто. « Да! теперь уже поздно удостовѣряться въ этомъ, » продолжалъ старикъ: « ибо слуга, живущій, сколько мнѣ извѣстно, въ качествѣ управителя Графини З. *, въ самую эту минуту, обтерши пыль съ картины, снялъ картину съ окна и закрылъ жалузи. « — « Такъ это въ самомъ дѣлѣ было не что иное, какъ картина? « спросилъ я опять, пораженный удивленіемъ. « Повѣрьте глазамъ моимъ, » возразилъ старикъ. « Нѣтъ сомнѣнія, что это отраженіе въ зеркалѣ увеличивало оптическій обманъ. Въ вашихъ лѣтахъ и я бы, можетъ быть, съ помощію воображенія, сдѣлалъ изъ картины живое существо. « — « Однако же, я видѣлъ ясно движеніе рукъ, » перебилъ я его. « О! точно, точно, руки двигались, она вся шевелилась, « сказалъ старикъ засмѣявшись и потрепавъ меня легонько по плечу. Онъ всталъ и пошелъ прочь, учтиво поклонившись и сказавъ: « Пожалуйста, берегитесь такихъ лживыхъ карманныхъ зеркалъ. — Слуга вашъ покорнѣйшій. » — Можете подумать, каково мнѣ было видѣть, что со мною обходятся, какъ съ глупымъ, пустымъ мечтателемъ. Я увѣрился, что старикъ былъ правъ и что все это существовало въ одномъ только разгоряченномъ моемъ воображеніи.

Въ негодованіи и огорченіи побѣжалъ я домой, твердо рѣшившись, совсѣмъ перестать думать о таинствахъ пустаго дома и покрайней мѣрѣ хотя нѣсколько дней не ходить по аллеѣ. Я пребылъ вѣренъ своему намѣренію; днемъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и трудился надъ исполненіемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ дѣлъ, а вечеръ проводилъ въ кругу веселыхъ, занимательныхъ пріятелей и успѣлъ такимъ образомъ забыть сіи таинства. Только въ это время случалось, что я иногда по ночамъ вдругъ пробуждался, какъ будто бы отъ какого-то внѣшняго прикосновенія, и потомъ ясно чувствовалъ, что меня разбудило не что другое какъ сновидѣніе, въ которомъ представилось мнѣ непостижимое существо въ окнѣ пустаго дома. Часто даже, во время самаго дѣятельнаго занятія, или среди самаго жаркаго разговора съ моими друзьями, вдругъ безо всякой причины, подобно электрической молніи, являлась въ головѣ моей сія мысль. Впрочемъ подобныя мгновенія бывали непродолжительны. Карманное зеркальцо, въ которомъ я столь живо видѣлъ отраженіе прелестнаго моего существа, я предопредѣлилъ для обыкновеннаго прозаическаго употребленія и обыкновенно повязывалъ передъ онымъ галстухъ. Однажды, приступая къ исполненію сего важнаго дѣла, я увидѣлъ, что зеркальцо было нѣсколько тускло, и желая протереть его по извѣстной общепринятой методѣ, дохнулъ на него. — Біеніе жилъ моихъ остановилось, сердце затрепетало отъ какого-то неизъяснимо-упоительнаго страха! Не умѣю назвать иначе то чувство, которое объяло меня, когда я увидѣлъ въ зеркалѣ, едва дыханіе мое пробѣжало по оному, въ голубоватомъ туманѣ, изображеніе прелестнаго существа моего, смотрящаго на меня томными, проникающими въ сердце глазами! — Вы смѣетесь? — Но для меня все равно; пускай кажусь я вамъ неизцѣлимымъ мечтателемъ, говорите, думайте, что хотите: я точно знаю, что прелестное лице дѣйствительно смотрѣло на меня изъ зеркала и въ ту же минуту изчезло, какъ скоро дыханіе мое сошло съ него. — Я не хочу утомлять васъ, не хочу пересказывать вамъ по порядку всѣхъ мгновеній, слѣдовавшихъ за симъ. Скажу только, что я безпрестанно повторялъ опытъ надъ зеркаломъ, что часто удавалось мнѣ заставить явиться въ ономъ, посредствомъ моего дыханія, милое изображеніе; но что часто также самыя усильныя старанія мои оставались безъ успѣха. Тогда какъ сумасшедшій бѣгалъ я передъ пустымъ домомъ, не спуская глазъ съ него; но тамъ однако же никакой человѣческій образъ не показывался. Я жилъ одною только мыслію объ ней: все прочее для меня умерло, я забылъ друзей, занятія, однимъ словомъ все. — Изъ этого состоянія по временамъ переходилъ я въ тихое страданіе, въ мечтательную тоску; иногда даже казалось мнѣ, что таинственный образъ становится менѣе живъ и начинаетъ терять свою силу, но часто бывали однако же для меня такія минуты, объ которыхъ я даже и теперь не могу безъ ужаса вспомнить. — Теперь, господа, приступаю къ разсказу о болѣзненномъ состояніи моей души, могшемъ повергнуть меня въ вѣчное несчастіе, въ которомъ вѣрно для васъ невѣрующихъ не будетъ предмета для насмѣшекъ; и такъ слушайте и чувствуйте вмѣстѣ со мною, сколько я долженъ былъ вынести и претерпѣть. — Какъ я сказалъ уже, часто, когда изображеніе совершенно становилось блѣднымъ, я дѣлался тѣлесно нездоровымъ и тогда уже ни разу не показывалось лице съ такою живостію и ясностію, какъ въ другое время: тутъ я не могъ безъ ужаса вздумать, что въ тускломъ туманѣ зеркала показывается не что другое, какъ мое собственное изображеніе. Чувствительная грудная боль и потомъ совершенное равнодушіе прекращали сіе мучительное состояніе, послѣ котораго оставалось во мнѣ снѣдающее изтощеніе силъ. Въ такія минуты, опыты надъ зеркаломъ всегда бывали неудачны. Но когда я опять укрѣплялся и лице появлялось опять живо въ зеркалѣ, тогда, признаюсь, вмѣстѣ съ симъ являлась во мнѣ и особенная, въ другое время неизвѣстная мнѣ раздражительность. — Это вѣчное напряженіе имѣло весьма злое вліяніе на мое здоровье: я таскался, блѣдный какъ смерть и совершенно разстроенный; друзья мои почли меня больнымъ и ихъ увѣщанія убѣдили меня, наконецъ, обратить вниманіе на свое положеніе и какъ должно подумать объ немъ. — Не знаю, случайно ли, или съ намѣреніемъ, одинъ изъ друзей моихъ, занимавшійся врачебною наукою, позабылъ у меня однажды Рейлеву книгу о раздражительномъ состояніи духа. Я началъ ее читать, и невольно увлекся симъ сочиненіемъ; но каково было мнѣ, когда я въ опредѣленіи помѣшаннаго узналъ самаго себя! — Ужасъ, ощущенный мною при мысли, что я недалекъ отъ сумасшествія, заставилъ меня образумиться, и принять твердое намѣреніе, которое я поспѣшилъ исполнить. Я проворно спряталъ зеркало мое въ карманъ и побѣжалъ къ Доктору Р., славившемуся своимъ искуствомъ врачевать сумасшедшихъ. Я пересказалъ ему все, не умолчалъ ни объ одномъ даже малѣйшемъ обстоятельствѣ и умолялъ его спасти меня отъ ужасной участи, угрожавшей мнѣ. Онъ очень спокойно выслушалъ меня, но я замѣтилъ однако же во взорѣ его глубокое удивленіе. «Опасность еще совсѣмъ не такъ близка, какъ вы полагаете,» началъ онъ: «утвердительно могу сказать, что есть средство отвратить ее. Нѣтъ сомнѣнія, что вы неслыханнымъ образомъ физически разстроены; но такъ какъ злокачественная причина вашего разстройства ясно видна, то оружіе противу оной въ вашихъ собственныхъ рукахъ. — Оставьте у меня ваше зеркало, принудьте себя къ какому нибудь постоянному занятію, при которомъ душевныя ваши силы были бы употреблены, не ходите по аллеѣ, трудитесь цѣлое утро, пока силъ достанетъ, и потомъ, послѣ порядочной прогулки, спѣшите въ общество друзей вашихъ, которые васъ такъ давно не видали. Кушайте питательную пищу, пейте хорошее крѣпкое вино. Изъ этого вы видите, что я хочу только выгнать изъ головы вашей постоянную мысль о явленіи въ зеркалѣ и въ окошкѣ пустаго дома, дать другое направленіе вашему духу и укрѣпить ваше тѣло. Старайтесь же сами способствовать моему успѣху. — Тяжело было мнѣ разставаться съ зеркаломъ и врачъ, который держалъ уже оное въ рукѣ, казалось, замѣтилъ это; онъ дохнулъ на зеркало и показывая его мнѣ, спросилъ: »Видите ли вы въ немъ что нибудь?« — »Совершенно ничего,« отвѣчалъ я, какъ и дѣйствительно было. »Дохните же теперь на зеркало вы сами,« сказалъ опять врачъ, отдавая его мнѣ въ руки. Я дохнулъ и чудесное лице изобразилось въ немъ такъ ясно, какъ еще ни разу не случалось. »Вотъ она!« вскричалъ я. Врачъ посмотрѣлъ въ зеркало и произнесъ: »Я однако же ни крошечки не вижу, но не скрываю впрочемъ, что въ то мгновеніе, когда вы устремили взоры на зеркало, я почувствовалъ какой-то необыкновенный трепетъ, который однако же скоро прошелъ. Вы замѣчаете, что я совершенно съ вами откровененъ и именно по этому заслуживаю полную вашу довѣренность. Повторите, сдѣлайте одолженіе, опытъ съ зеркаломъ.« Я исполнилъ его желаніе и замѣтилъ, что врачъ, положивъ легонько мнѣ на спину руку, смотрѣлъ въ него вмѣстѣ со мною. Изображеніе опять показалось, врачъ поблѣднѣлъ, взялъ зеркало у меня изъ рукъ, посмотрѣлъ на него еще разъ, потомъ спряталъ въ свое бюро; постоявъ передъ онымъ нѣсколько времени въ молчаніи и потирая рукою лобъ, возвратился ко мнѣ. »Слѣдуйте въ точности моимъ предписаніямъ,« сказалъ онъ. »Признаюсь вамъ, что я еще не совсѣмъ постигаю то состояніе, въ которомъ вы находитесь, но надѣюсь однако же въ скоромъ времени поговорить объ этомъ предметѣ съ вами болѣе.« — Съ твердою, неизмѣнною волею, не смотря на представлявшуюся мнѣ трудность, началъ я съ того же самаго часа вести жизнь, сообразную предписаніямъ доктора и хотя скоро весьма почувствовалъ благотворное вліяніе другаго направленія духа и предписанной мнѣ діэты, но не освободился, однако же, отъ ужасныхъ припадковъ, которые обыкновенно случались со мною около двѣнадцати часовъ днемъ, или еще гораздо сильнѣе около сего же времени ночью. Нерѣдко даже въ самомъ веселомъ обществѣ, гдѣ пили и пѣли, вдругъ я чувствовалъ, что внутренность моя какъ бы пронзена раскаленными острыми кинжалами и тогда, не въ состояніи бывъ ничѣмъ сего чувства превозмочь, я долженъ былъ удалиться и возвращался не прежде, какъ по прекращеніи нѣкотораго обморочнаго состоянія. — Однажды случилось мнѣ быть на вечерней бесѣдѣ, гдѣ разговоръ шелъ о вліяніи физическихъ причинъ и о темномъ, непонятномъ могуществѣ магнетизма. Всего болѣе толковали о возможности вліянія отдаленнаго физическаго начала, въ подтвержденіе чего приведены были многіе примѣры. Одинъ молодой, приверженный къ магнетизму врачъ утверждалъ, что онъ, какъ и многіе или лучше сказать какъ всѣ сильные, крѣпкіе магнетизёры, можетъ дѣйствовать на своихъ сомнамбуловъ издали, посредствомъ одного только постояннаго мышленія и твердой воли. Все, что говорили о семъ предметѣ *Клуге*, *Шубертъ*, *Бартельсъ* и многіе другіе, было перебрано. »Важнѣйшее изъ всего этого,« началъ наконецъ нѣкто изъ собесѣдниковъ, проницательный и наблюдательный медикъ, »по моему мнѣнію, есть то, что магнетизмъ объясняетъ намъ, по видимому, нѣкоторыя таинства, которыхъ мы, судя по опытамъ жизни, не хотимъ признать таинствами. Но для сего конечно должно поступать съ осторожностію. Какимъ же образомъ случается, на примѣръ, что безо всякаго внѣшняго или внутренняго извѣстнаго намъ повода и разрывая даже цѣпь мыслей нашихъ, приходитъ намъ иногда вдругъ въ голову изображеніе какого-либо лица, или какого-либо цѣлаго происшествія, и овладѣваетъ всѣми нашими чувствами съ такою силою, что мы сами тому удивляемся? Всего замѣчательнѣе, что мы иногда вскакиваемъ во снѣ. Сновидѣніе погрузилось въ темную бездну и въ новомъ, совершенно независимомъ отъ онаго снѣ, представляется намъ со всею живостію естества видѣніе, которое переноситъ насъ въ отдаленную какую-либо страну, гдѣ вдругъ заставляетъ явиться передъ нами лица, которыя давно сдѣлались для насъ чужими, и объ которыхъ мы въ продолженіе многихъ лѣтъ даже и не думали. Скажу еще болѣе: нерѣдко въ сновидѣніяхъ представляются со всею ясностію такія лица, съ которыми мы знакомимся не прежде, какъ нѣсколько лѣтъ спустя. Извѣстныя восклицанія: »Боже мой, какъ лице этой женщины, или этого мужчины мнѣ знакомо, точно какъ будто бы я съ нимъ гдѣ нибудь видѣлся,« есть, можетъ быть, не что иное, какъ слѣдствіе воспоминаній о подобномъ снѣ. Что, ежели это внезапное появленіе чуждыхъ изображеній въ нити нашихъ понятій, которое съ такою особенною силою поражаетъ насъ, происходитъ именно отъ чуждаго психологическаго начала? Что, ежели чуждому духу, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, возможно произвести магнетическое сообщеніе даже безо всякаго приготовленія, въ такой силѣ, что мы противъ воли должны слѣдовать оному?« — »Тогда,« перебилъ со смѣхомъ одинъ изъ присутствовавшихъ, »стоило бы сдѣлать одинъ шагъ, чтобы попасть на стезю ученія о волшебствахъ, заколдованныхъ предметахъ, зеркалахъ и о другихъ тому подобныхъ безсмысленныхъ и суевѣрныхъ бредняхъ, существовавшихъ въ безпутное старое время.« — »Извините,« перервалъ медикъ противорѣчившаго ему: »время никогда не было ни старымъ, ни безпутнымъ; въ противномъ случаѣ должно дать это названіе всякому времени, въ которое человѣкъ начинаетъ размышлять, слѣдовательно и тому, въ которомъ мы сами живемъ. — Такъ нельзя опровергать. Совсѣмъ особое дѣло, хотѣть отвергать прямо что-либо, основанное на самомъ точномъ, юридическимъ образомъ сдѣланномъ доказательствѣ; и хотя я совсѣмъ не полагаю, чтобы въ темной, таинственной области нашего духа находился хотя малѣйшій свѣтъ, который бы горѣлъ достаточно ясно для нашихъ слабыхъ глазъ, однако же нельзя предположить, чтобы природа отказала намъ въ способностяхъ и наклонностяхъ, общихъ съ кротами. Не смотря на слѣпоту нашу и на темноту окружающую насъ, мы стараемся прорыться далѣе. Но подобно какъ слѣпой узнаетъ на землѣ по шелесту древесныхъ листьевъ, по журчанію и плеску воды, близость лѣса, въ которомъ надѣется найти прохладительную тѣнь, или ручей, дабы утолить свою жажду и достигнуть такимъ образомъ цѣли своихъ желаній, — подобно этому слѣпому, мы, прислушиваясь къ тихому шуму крилъ витающихъ вокругъ насъ невѣдомыхъ существъ, познаемъ, что странствіе наше здѣсь ведетъ насъ къ источнику свѣта, предъ которымъ глаза наши прозрятъ!« — Я не въ состояніи былъ долѣе молчать. »И такъ вы утверждаете,« сказалъ я, обращаясь къ медику, »возможность существованія посредничествующаго, посторонняго, чуждаго духа, начала, которому мы противу воли нашей должны слѣдовать?« — »Я не только утверждаю, что существованіе этого посредничества возможно,« возразилъ медикъ, »но что оно даже совершенно свойственно и другимъ дѣйствіямъ, сдѣлавшимся ясными отъ магнетическаго состоянія.« — »Такъ по вашему и демонскія силы могутъ имѣть надъ нами власть?« — »Подвергнуться лукавымъ проказамъ падшихъ духовъ?« возразилъ улыбаясь медикъ.

»О, нѣтъ! мы имъ не поддадимся. И вообще прошу васъ предположенія мои принимать не за что другое, какъ только за предположенія, къ которымъ я еще прибавляю, что я отнюдь безусловной власти духовнаго начала надъ другимъ не признаю, но скорѣе готовъ на мѣсто сей власти принять существованіе какой либо зависимости, слабости внутренней воли, или обоюднаго дѣйствія одной изъ нихъ на другую.« — »Вотъ теперь только,« началъ одинъ дряхлый старичокъ, который до самаго этого времени молчалъ и только внимательно слушалъ: »вотъ теперь только, я нѣкоторымъ образомъ начинаю сдружаться съ вашими странными мыслями о таинствахъ, которыя должны быть отъ насъ сокрыты. Ежели существуютъ таинственныя дѣйствующія силы, которыя дѣлаютъ на насъ грозныя нападенія, то въ духовномъ организмѣ нашемъ находятся крѣпость и сила, способныя отразить оныя. Однимъ словомъ, одна только духовная болѣзнь, т. е. грѣхъ, подчиняетъ насъ злому началу. Замѣчательно, что съ самыхъ древнихъ временъ, люди подвержены внутреннимъ волненіямъ духа, отъ вліянія на оный демонскихъ силъ. Я разумѣю подъ симъ словомъ наговариваніе любви посредствомъ волшебства, объ которомъ говорятъ всѣ старинныя хроники. Въ чародѣйствахъ колдуней много есть примѣровъ этому и даже въ законахъ одного весьма просвѣщеннаго Государства говорится о любовныхъ питіяхъ, имѣющихъ будто бы способность, посредствомъ технологическаго вліянія на человѣка, производить въ немъ желанія любви.

«Разговоръ этотъ напомнилъ мнѣ одно трагическое происшествіе, случившееся недавно въ моемъ собственномъ домѣ. Въ то время, когда Бонапарте наводнялъ войсками своими нашу землю, на квартирѣ у меня стоялъ одинъ Полковникъ Итальянской Guardia nobile. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ офицеровъ такъ называемой великой арміи, которые отличались тихимъ, скромнымъ поведеніемъ. Лице его было покрыто смертною блѣдностію, мрачные глаза его выражали нѣчто болѣзненное и глубокую печаль. Однажды, когда я находился въ его комнатѣ, онъ вдругъ схватился съ глубокимъ стономъ за грудь, какъ бы ощущая смертельную боль. Не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, онъ принужденъ былъ броситься на софу; глаза его потеряли способность видѣть и онъ сдѣлался недвижимъ, подобно бездушной статуѣ. Спустя нѣсколько времени, онъ вздрогнулъ, какъ будто бы пробудившись внезапно отъ сна, и опамятовался; но отъ изнеможенія, долгое время не могъ ни двигаться, ни шевелиться. Врачъ мой, котораго я къ нему присылалъ, безуспѣшно истощивъ всѣ извѣстныя медицинскія пособія, сталъ наконецъ лечить его посредствомъ магнетизма; казалось, что средство это на него подѣйствовало, но къ несчастію, врачъ принужденъ былъ скоро прекратить это леченіе, ибо самъ онъ отъ магнетизированія больнаго почувствовалъ крайнее разстройство здоровья. Врачъ этотъ успѣлъ однако же пріобрѣсти довѣренность Полковника, который говорилъ ему, что во время подобныхъ припадковъ, къ нему приближается образъ одной дѣвушки, съ которою онъ былъ знакомъ въ Пизѣ; тогда кажется ему, что пламенные взоры ея какъ будто бы пронзаютъ его душу и онъ до тѣхъ поръ ощущаетъ несносную боль, пока не погрузится въ совершенное безпамятство. По прошествіи этого состоянія, онъ чувствуетъ глухую головную боль и ослабленіе во всѣхъ членахъ. Онъ никогда не входилъ въ подробнѣйшій разсказъ объ отношеніяхъ, въ которыхъ находился, можетъ быть, съ сею дѣвицею. Войска должны были выступить въ походъ, повозка Полковника, совсѣмъ уложенная, стояла уже у подъѣзда, Полковникъ завтракалъ; но въ ту самую минуту, какъ хотѣлъ поднести ко рту стаканъ мадеры, вдругъ съ глухимъ крикомъ упалъ со стула мертвый. Врачи нашли, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ сего, мнѣ принесли письмо, адресованное на имя Полковника. Въ надеждѣ узнать что-либо о родственникахъ Полковника и увѣдомить ихъ о внезапной смерти его, я рѣшился распечатать письмо. Оно было прислано изъ Пизы и содержаніе онаго состояло въ слѣдующихъ короткихъ словахъ безъ подписи: «Несчастный! Сего дня 7-го числа, ровно въ полдень, Антонія, «заключая въ пламенныя объятія твой вѣроломный образъ, скончалась!» Я посмотрѣлъ въ календарь, въ которомъ записалъ день смерти Полковника, и нашелъ, что Антонія умерла въ одинъ часъ съ нимъ.«— Я не слыхалъ уже ни слова болѣе изъ того, что старикъ разсказывалъ далѣе, ибо отъ ужаса, объявшаго меня при мысли, что мое собственное положеніе совершенно сходно съ положеніемъ Полковника, родилось во мнѣ такое непреодолимое влеченіе къ невѣдомому существу моихъ мечтаній, что я не могъ болѣе противиться оному, вскочилъ со стула и побѣжалъ къ таинственному дому. Издали показалось мнѣ, что сквозь закрытыя жалузи мелькалъ огонь, но когда я подошелъ ближе, то свѣтъ сей изчезъ. Въ изступленіи бѣшеной любви, я сильно толкнулъ въ дверь; она отворилась и я очутился въ слабо-освѣщенныхъ сѣняхъ, окруженный душнымъ, спершимся воздухомъ. Сердце мое, объятое необыкновеннымъ страхомъ и нетерпѣніемъ, сильно билось; вдругъ раздался по всему дому протяжный, пронзительный женскій крикъ и я очутился, не понимаю самъ, какимъ образомъ, въ пространной залѣ, ярко освѣщенной множествомъ факеловъ, убранной въ старинномъ вкусѣ раззолоченною мебелью и странными Японскими сосудами. При входѣ моемъ, меня обдало густое синее облако благоуханнаго куренія. «Здравствуй! здравствуй, милый женихъ! — насталъ желанный часъ, пора къ вѣнцу!« — Такъ кричалъ все громче и громче женскій голосъ и точно такимъ же непонятнымъ для меня образомъ, какъ я вошелъ въ залъ, вдругъ явилась передо мною изъ облаковъ, носившихся въ комнатѣ, молодая, высокаго росту женщина, въ дорогой блестящей одеждѣ. Повторивъ еще разъ рѣзкимъ голосомъ: « Здравствуй, милый женихъ! « она бросилась ко мнѣ съ распростертыми объятіями — и обманутые глаза мои увидѣли вмѣсто прелестной, желтое, искаженное старостію и сумасшествіемъ лице. Пораженный ужасомъ, я отступилъ назадъ, какъ будто бы обвороженный пронзительнымъ взглядомъ гремучей змѣи. Я не могъ ни отвратить взоровъ отъ гнусной старухи, ни сдвинуться съ мѣста. Она подошла ко мнѣ ближе и тогда показалось мнѣ, что ужасное лице ея есть не что иное, какъ прозрачная флёровая маска, сквозь которую видны черты прелестнаго лица, являвшагося въ зеркалѣ. Я чувствовалъ уже прикосновеніе руки этой женщины, какъ вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ она упала передо мною на полъ и сзади меня раздался голосъ: « Эге! ге! что, развѣ сатана опять въ васъ вселился, сударыня? Прошу покорно убираться спать, спать, а не то, я васъ, сударыня, попотчую плетью!« — Я обернулся и увидѣлъ стараго управителя въ одной рубашкѣ, размахивающаго пребольшою плетью. Онъ хотѣлъ ударить старуху, а я схвативъ его за руку, удержалъ ее; но онъ сильно оттолкнулъ меня отъ себя и закричалъ:» Прочь! ежели бы я не подоспѣлъ, такъ старая сатана эта отправила бы васъ на тотъ свѣтъ; извольте, сударь, скорѣе итти вонъ, вонъ.« Я бросился опрометью изъ залы, но тщетно старался однако же найти въ потемкахъ дверь къ выходу. Между тѣмъ въ залѣ раздались удары плети и вопли старухи. Я хотѣлъ закричать, чтобы позвать кого нибудь на помощь; но вдругъ оступился, упалъ, покатился внизъ по лѣстницѣ и такъ сильно ударился въ какую-то дверь, что она отворилась и я очутился въ маленькой комнатѣ. Увидѣвъ въ оной измятую постель, съ которой, какъ видно было, только что всталъ кто-то, и лежавшій на стулѣ коричневый фракъ, я тотъ часъ догадался, что это жилище стараго управителя. Спустя нѣсколько минутъ, на лѣстницѣ раздались шаги, управитель вбѣжалъ въ комнату и бросился прямо къ моимъ ногамъ. »Кто бы вы ни были, государь мой,« сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ: »умоляю васъ всѣмъ, что есть священнаго: не говорите никому, что вы здѣсь видѣли, иначе я лишусь мѣста и насущнаго хлѣба! — Ея Превосходительство, сумасшедшая наказана, и теперь лежитъ связанная въ постелѣ. Дай Богъ теперь вамъ самаго пріятнаго и сладкаго сна. — Да, да, сударь подите опочивать теперь.... Прощайте, желаю вамъ спокойной ночи.« — Произнеся это, старикъ вскочилъ, взялъ свѣчу, вывелъ меня изъ подземелья, вытолкнулъ за двери и на-крѣпко заперъ ихъ за мною. Я возвратился домой въ большомъ разстройствѣ. Всѣ непонятныя чудеса сіи такъ глубоко поразили меня, что въ первые дни я не могъ найти ни малѣйшей связи въ моихъ мысляхъ. Помню только, что очарованіе, имѣвшее до сего времени надо мною власть, съ сихъ поръ разрушилось. Грусть и тоска по неизъяснимомъ существѣ моего зеркала изчезли, и я скоро сталъ смотрѣть на приключеніе въ пустомъ домѣ, какъ на происшествіе въ домѣ сумасшедшихъ. Почти нельзя уже было сомнѣваться въ томъ, что управитель былъ не кто другой, какъ жестокій надзиратель надъ сумасшедшею женщиною знатной какой-либо фамиліи, несчастное состояніе которой скрывается отъ свѣта; но какъ объяснить зеркало, и вообще всѣ прочія чудеса? — Но далѣе! далѣе!

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

ЭПИГРАММА.

« Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?«
— Затѣмъ, что онъ не Дворянинъ. —
« Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ.
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ? « — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій Авторъ онъ. — « Вотъ что! «

Е. Баратынскій.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦѢ ЦВѢТОВЪ.

Какъ вы украсили окно дарами Флоры!
Но болѣ чѣмъ они, плѣняютъ наши взоры
Двѣ розы, что у васъ межъ лилій на щекахъ,
Два амаранта на устахъ
И незабудки на глазахъ

А. Измайловъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина*).

Статья IV.

Б. О поэзіи новой сначала.

Введеніе Христіанской вѣры во всѣхъ земляхъ, Римскую Имперію составлявшихъ, измѣнило совершенно ея существованіе; держалась она военнымъ искусствомъ и ослабла, когда оно перестало почитаться первымъ. Огромность ея, и невозможность управиться съ множествомъ враговъ, отовсюду нападавшихъ, ломали ее неразъ на части; уже при Галліанѣ Имперія была не одна, а на тридцать кусковъ разпадалась; насильно собранная вновь во время Діоклитіана, правильно раздѣлена на четверо, опять соединена Константиномъ, опять раздвоена Валентиніаномъ; но конечный расколъ послѣдовалъ уже послѣ Ѳеодосія. Съ тѣхъ поръ Римъ и весь Западъ во всѣхъ частяхъ отшатнулся отъ Царьграда и Востока; и хотя Византійскіе Императоры продолжали почитать себя властителями всего, а Западныхъ Государей непокорными варварами, но не имѣли силы для утвержденія своихъ требованій; завоеванная на время Велисаріемъ и Нарсисомъ Италія вскорѣ утрачена, и сама Восточная Имперія, тѣснимая безпрестанно Магометанами, послѣ долгой и упорной борьбы сокрушилась.

Греки и Латины даже возненавидѣли другъ друга, когда возникли между ними религіозныя несогласія; невѣжество и безграмотство послѣднихъ довели ихъ въ началѣ до нѣкоторыхъ отступленій отъ коренныхъ всеобщихъ постановленій Церкви, и не было невозможности сблизиться при благонамѣренномъ разсмотрѣніи спорныхъ статей; но Папы твердо желали верховной власти, и боялись гораздо болѣе юридическихъ правъ Августовъ Царьградскихъ, нежели ручной силы Нѣмецкихъ; самодержавный преемникъ Константина не согласился бы лобызать ноги и за узду вести коня святительскаго, какъ то дѣлали ими на царство вѣнчанные Бароны, довольные титуломъ Римскаго Императора, и обязанные по безсловному уговору: Рима и Италіи отнюдь не искать.

За враждою послѣдовало естественно и взаимное презрѣніе; Грекамъ казались Латины лѣсными дикарями, грабителями и хищниками земель Имперіи, полукрещеными, неимѣющими ни вѣры, ни языка, ни художествъ, надменными дурацкой храбростью, которая не лучше Мусульманской, и также часто смирялась Греческимъ огнемъ; Латины же видѣли въ Грекахъ раскольниковъ, не признающихъ Святаго отца, изнѣженныхъ трусовъ, праздныхъ болтуновъ, лжецовъ и обманщиковъ.

Сравнивъ, что есть справедливаго въ сихъ укоризнахъ, кажется сперва, что у Грековъ бы могла тогда процвѣтать отчасти Поэзія, тѣмъ паче, что ихъ безподобный языкъ существовалъ почти во всей красѣ; но ни мертвое ихъ спокойствіе при Государѣ, утвержденномъ на престолѣ, прерываемое только нелѣпыми ссорами за синихъ и зеленыхъ возницъ, ни кровопролитныя потрясенія столицы при частой, насильственной перемѣнѣ Царей и Патріарховъ, не способствовали къ той чистой и возвышенной тишинѣ души, отъ которой родятся и процвѣтаютъ искуства. Ее найти можно было въ одной Церкви, и тамъ только сохранилась искра Поэзіи, сверкающая въ ирмосахъ и прочихъ пѣсняхъ духовныхъ. Театры были брошены изъ любви къ Иподрому, и стиховъ Византійскихъ никакихъ не осталось, хотя въ прозѣ сохранились нѣкоторыя сочиненія, историческія и философическія, лучше всего имъ современнаго въ Западной Европѣ.

Въ сей половинѣ падшей великой Имперіи было, какъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго, смѣшеніе языковъ; продолжали необходимо нужное писать на уродливомъ полу-Латинскомъ; другаго еще не было, ибо изъ смѣси произвольной кореннаго нарѣчія съ множествомъ другихъ, какими изъяснялись различныя племена Сѣверныхъ и Восточныхъ нашельцевъ, составлялся во всякомъ городѣ свой говоръ, иногда два и три рядомъ: такіе діалекты, я чаю, походили на употребляемые нашими Рускими солдатами въ чужихъ краяхъ, для объясненія своихъ походныхъ нуждъ хозяевамъ. Сія нескладная всячина также мало годилась для Поэзіи, какъ собираемые по улицамъ лоскутья для холстины живописца. Время нужно было, чтобы сіи тысячи нарѣчій слились въ небольшое число главныхъ, и по областямъ утвердились.

Одинъ только языкъ, безъ сомнѣнія грубый, но чистый и знающимъ его любезный, еще существовалъ: Нѣмецкій. Карлъ Великій, самъ Нѣмецъ, предпочиталъ его всѣмъ, бесѣдовалъ на немъ съ ближними людьми, и даже приказалъ собрать сочиненныя на ономъ стихотворенія: жаль, что воля его не вполнѣ совершилась, и собранія до насъ не дошли; иные полагаютъ однако, что къ числу сихъ древнихъ памятниковъ самородной Нѣмецкой поэзіи должно причесть недавно отъисканную большую эпопею: Niebelungen. Она точно (когда и кѣмъ бы ни написана) заслуживаетъ особенное вниманіе. Я читалъ ее въ одномъ изъ многихъ поновленій, ибо самый подлинникъ, по языку обветшалому, весьма теменъ даже для природныхъ Нѣмцевъ; и поелику у насъ она мало извѣстна, не лишнимъ считаю разсказать вкратцѣ ея содержаніе. Не имѣя теперь книги передъ глазами, пишу на память, и если въ какой подробности ошибусь, прошу напередъ извиненія; если же мнѣ покажутъ ошибку, охотно поправлю и за наставленіе благодаренъ останусь.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Теоретическія и практическія упражненія въ переводахъ съ Россійскаго языка на Французскій. Въ двухъ частяхъ, изданная Егоромъ Зоричемъ (Exercices théoriques et pratiques pour la traduction du russe en français, etc.) — С. П. б., въ типогр. Х. Гинце, 1830 (XVI — 288 стран. въ 8-ю д. л.)

Намѣреніе Издателя было то, чтобы объяснить начинающимъ упражняться въ переводахъ, различіе въ грамматическихъ правилахъ двухъ языковъ: Французскаго и Рускаго. Для сего онъ, въ первой части своей книги, показалъ управленіе Французскихъ словъ предлогами, что замѣняется у насъ по большой части падежами; сравнилъ многія изъ самыхъ употребительныхъ выраженій, Французскія съ Рускими; наконецъ, привелъ примѣры буквальнаго перевода нѣкоторыхъ выраженій, имѣющихъ совсѣмъ иное значеніе.

Еще полезнѣе упомянутыхъ примѣровъ инозначенія, приложенная Г. Зоричемъ къ 1-й части *Таблица, объясняющая значеніе нѣкоторыхъ частицъ и предлоговъ, соединенныхъ съ другими частями рѣчи.* Изъ оной учащійся легко можетъ видѣть, что въ большей части сложныхъ реченій, предлоги точно также удерживаютъ значеніе свое во Французскомъ языкѣ, какъ и въ Рускомъ. Напр., предлогъ pré [предъ] въ слѣдующихъ словахъ: précéder, *пред*шествовать, précurseur, *пред*теча, préjugé, *пред*разсудокъ.

Вторая часть начинается объясненіемъ несходствующихъ правилъ словосочиненія Россійскаго и Французскаго, съ приложеніемъ подстрочныхъ переводовъ, показывающихъ размѣщеніе и управленіе частей рѣчи въ Рускомъ языкѣ, сравнительно съ Французскимъ. За симъ слѣдуютъ разныя краткія предложенія на Рускомъ языкѣ, для начинающихъ переводить; потомъ цѣлые примѣры для перевода, какъ то: Басни, извлеченія изъ Естественной Исторіи, Смѣсь, Повѣствованія историческія, Описанія, и все это заключается Словаремъ, содержащимъ въ себѣ всѣ Рускія слова, употребленныя въ 1-й и 2-й ч. сей книги, съ Французскимъ переводомъ оныхъ.

Польза сей книги для учащихся, при пособіи свѣдущаго и опытнаго наставника, очевидна; посему, не взирая на нѣкоторыя маловажныя погрѣшности, которыя легко въ ней исправить и самому Издателю, и всякому занимающемуся преподаваніемъ, мы желаемъ ей полнаго успѣха.

СМѢСЬ.

Изъ рѣчи, произнесенной Ю. У. Нѣмцевичемъ въ бывшее 30-го Апрѣля сего года торжественное засѣданіе Королевско-Варшавскаго Общества любителей Наукъ, мы узнали, что почтенный соотечественникъ нашъ, В. А. Жуковскій, избранъ въ члены означеннаго Общества.

Въ Москвѣ недавно отпечатаны: *Прописи Россійскія*, писанныя Алекс. Дьяковымъ, выгравированныя извѣстнымъ словорѣзомъ С. Фроловымъ, и изданныя Андреемъ Глазуновымъ. Прописи сіи, состоящія на 21 листѣ in-fol., отличаются красотою и свободою почерка, равно какъ и чистотою гравировки. Для любителей обновленной старины, приложенъ къ нимъ листокъ Рускихъ буквъ, написанныхъ готическимъ почеркомъ. Всѣ экземпляры отпечатаны на хорошей, плотной веленевой бумагѣ, и продаются весьма умѣренной цѣною, а именно: за первые оттиски по 5 руб. экземпляръ здѣсь и въ Москвѣ, и 6 руб. въ другихъ городахъ. Прописи сіи получать можно въ книжныхъ лавкахъ *Матвѣя Глазунова*: въ С. Петербургѣ, противъ Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 25; а въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, противъ Казанскаго собора на углу, подъ No 1 и 2.

Начало Европейскихъ письменъ. Китайское преданіе. Китаецъ, имѣвшій обыкновеніе брать съ собою при выходѣ на прогулку, для развлеченія книгу, пустившись однажды лѣсомъ, остановился, чтобъ почитать и отдохнуть. Усталый, спряталъ онъ книгу подъ камень и заснулъ. Проснувшись, пошелъ домой, а о книгѣ забылъ. Прошло много лѣтъ, книга отъ сырости сгнила, такъ что осталось только 24 буквы, сохраненныхъ камнемъ отъ порчи. Сіи остатки нашла обезьяна, но не могши разобрать, отдала Европейцамъ, которые изъ оныхъ составили себѣ письмена.

(Изъ: Tygodnik Petersburski).

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 4-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щеглов*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМ. I. №. 33. ІЮНЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ПУСТОЙ ДОМЪ.

(*Окончаніе.*)

«По прошествіи нѣкотораго времени, я встрѣтился однажды въ многочисленномъ обществѣ съ Графомъ *П.*, который, отведя меня въ сторону, сказалъ: « Знаете ли, что таинства нашего пустаго дома начинаютъ объясняться?« Я расположился уже было слушать; но едва Графъ началъ разсказывать, какъ отворилась дверь въ столовую и мы пошли обѣдать. Погруженный въ размышленія о таинствахъ, которыя Графъ хотѣлъ мнѣ объяснить, я подалъ одной молодой дамѣ, совсѣмъ не смотря на нее, руку и механически послѣдовалъ за длинною цѣпью гостей, церемонно шедшихъ къ столу. Доведя ее до порожняго стула, я хотѣлъ посмотрѣть на нее съ большимъ вниманіемъ и—увидѣлъ. . . увидѣлъ въ ней совершенное подобіе таинственнаго существа, являвшагося мнѣ въ зеркалѣ. Легко можете себѣ представить, каково было мое удивленіе; однако же, увѣряю васъ, что въ это время я не чувствовалъ ни малѣйшаго признака тѣхъ неистовыхъ желаній любви, которыя бывало рождались во мнѣ прежде, когда я вызывалъ явленіе въ зеркалѣ посредствомъ дыханія. — Должно думать, что недоумѣніе, или лучше сказать ужасъ мой весьма ясно изобразились на моемъ лицѣ, ибо дѣвушка смотрѣла на меня съ такимъ удивленіемъ, что я почелъ за нужное, собравшись сколько было возможно съ духомъ, сказать ей, что ежели память меня не обманываетъ, то я имѣлъ счастіе уже прежде съ нею встрѣчаться.— Отвѣтъ ея состоялъ въ короткихъ словахъ, что этого случиться не могло, ибо она вчера только въ первый разъ въ жизни пріѣхала въ ***. Это совершенно обезоружило меня. Я замолчалъ; и только ангельскій взглядъ прелестныхъ глазъ дѣвушки могъ вывести меня изъ замѣшательства. Я сдѣлался осторожнѣе и сталъ съ большею внимательностію смотрѣть на нее. Она была любезна, нѣжна, но въ ней замѣтно было какое-то страданіе, происходившее какъ будто бы отъ психологическаго раздраженія. Нѣсколько разъ, когда разговоръ становился живымъ и особенно, когда я, для поддержанія онаго, вмѣшивалъ въ него какую нибудь шутку, она улыбалась, но и въ самой улыбкѣ этой замѣтно было выраженіе глубокой горести. — « Вы, кажется, невеселы, сударыня; не посѣщеніе ли сегодняшняго утра разстроило васъ?« — Такъ спросилъ не въ дальнемъ разстояніи отъ насъ сидѣвшій офицеръ, обращаясь къ моей дамѣ; но сосѣдъ его въ ту же минуту дернулъ его за рукавъ и шепнулъ ему что-то на ухо, между тѣмъ какъ на другой сторонѣ стола съ разкраснѣвшимися щеками и пылающими глазами какая-то дама громко выхваляла прекрасную оперу, которую она видѣла въ Парижѣ. — У сосѣдки моей вдругъ навернулись слезы на глазахъ: « Ну, не настоящее ли я дитя!« сказала она, обращаясь ко мнѣ. Надобно знать, что она прежде уже сего жаловалась на мигрень. — « Обыкновенное слѣдствіе головной боли,« возразилъ я, « противъ которой самое лучшее лекарство есть спиртъ, находящійся въ пѣнѣ этого стихотворческаго напитка. « При сихъ словахъ я налилъ въ ея рюмку шампанскаго. Сначала она отговаривалась, но послѣ однако же выпила немного и взорами поблагодарила меня за мое толкованіе ея слезъ, которыхъ она не въ состояніи была долѣе скрывать. Казалось, что она послѣ сего сдѣлалась нѣсколько повеселѣе, и все пошло хорошо, ежели бы я къ несчастію не стукнулъ въ это время объ стаканъ. При звукѣ семъ, сосѣдка моя поблѣднѣла какъ полотно, равнымъ образомъ и меня объялъ внезапно какой-то трепетъ, ибо звукъ этотъ совершенно уподоблялся голосу сумасшедшей старухи въ пустомъ домѣ. Между тѣмъ какъ пили кофе, я нашелъ случай приблизиться къ Графу *П.*; онъ тотчасъ понялъ, зачѣмъ. « Знаете ли вы,« сказалъ онъ, « что сосѣдка ваша за столомъ была Графиня Эдмонда *З*. . . ? — Знаете ли вы, что въ пустомъ домѣ содержится въ заперти сестра ея матери, которая въ продолженіе нѣсколькихъ уже лѣтъ одержима неизлечимымъ сумасшествіемъ? — Сегодня поутру были у несчастной обѣ онѣ, мать и дочь. Старый управитель, единственный человѣкъ, умѣвшій обращаться въ припадкахъ сумасшествія съ Графинею и надзору котораго она по сей причинѣ была поручена, — при смерти боленъ. — Теперь, говорятъ, сестра ея рѣшилась ввѣрить фамильную тайну сію извѣстному доктору *К.*, который хочетъ испытать послѣднія средства и ежели не совершенно возстановить ей здоровье, то по крайней мѣрѣ уничтожить тѣ припадки бѣшенства, въ которые она иногда впадаетъ. Болѣе, я и самъ еще ничего не знаю.« — Къ нему подошло нѣсколько постороннихъ и разговоръ нашъ прекратился.— Докторъ *К*... былъ тотъ самый, къ которому я обращался въ то время, когда я самъ былъ въ критическомъ состояніи. Само собою разумѣется, что я ни мало не мѣшкая поспѣшилъ къ нему, подробно пересказалъ обо всемъ случившемся со мною до сего времени и сталъ просить его, разсказать мнѣ для успокоенія моего все, что онъ знаетъ о сумасшедшей старухѣ. Взявъ съ меня обѣщаніе строго хранить тайну, докторъ согласился на мое желаніе и сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Ангелика, Графиня фонъ *Ц*. [такъ началъ докторъ], имѣла уже около тридцати лѣтъ отъ роду, хотя была еще въ полномъ цвѣтѣ необыкновенной красоты, въ то время, когда Графъ фонъ *З*..., гораздо моложе ея лѣтами, увидѣлъ ее здѣсь въ *** при Дворѣ и такъ плѣнился ею, что тутъ же рѣшился просить ея руки; и когда Графиня возвратилась лѣтомъ въ помѣстья своего отца, то онъ послѣдовалъ за нею, въ намѣреніи открыть старому Графу виды свои, которые, судя по обхожденію съ нимъ Ангелики, были не безъ основанія. Но едва Графъ *Ц*. пріѣхалъ туда, едва увидѣлъ младшую сестру Ангелики, Габріеллу, какъ очарованіе его изчезло. Ангелика передъ Габріеллою была не что иное, какъ блѣдный, поблекшій цвѣтокъ. Прелести и красота сей послѣдней невольно привлекали къ себѣ Графа *З*. Онъ забылъ Ангелику и сталъ просить у стараго Графа *Ц*. руки Габріеллы. Графъ принялъ сіе предложеніе и тѣмъ съ большею охотою, что замѣтилъ въ Габріеллѣ склонность къ Графу *З*. Ангелика не показывала ни малѣйшаго сожалѣнія о невѣрности своего любовника.« Онъ думаетъ, что онъ меня оставилъ. Глупый мальчикъ! Онъ и не замѣтилъ, что былъ только моею игрушкою, которую я бросила!« — Такъ говорила она съ гордымъ огорченіемъ и въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ поступкахъ ея было замѣтно, что она дѣйствительно презираетъ невѣрнаго. Впрочемъ, когда соединеніе Графа *З*. съ Габріеллою сдѣлалось гласнымъ, то Ангелика очень рѣдко стала показываться въ семействѣ. Она никогда не приходила къ столу и какъ говорили, бродила обыкновенно въ это время одна въ ближней рощѣ, которую избрала мѣстомъ своей прогулки. — Странный случай нарушилъ единообразную тишину, царствовавшую въ зàмкѣ. Егери Графа *Ц*., съ помощію большаго числа нарочно собранныхъ крестьянъ, поймали шайку Цыгановъ, которыхъ обвиняли въ зажигательствахъ и разбояхъ, весьма часто случавшихся съ нѣкотораго времени въ той сторонѣ. Людей сихъ привезли всѣхъ вмѣстѣ, закованныхъ безъ разбору мужчинъ и женщинъ, въ одной повозкѣ, на дворъ зàмка. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ и смотрѣли вокругъ себя дикими, звѣрскими глазами, подобно связаннымъ тиграмъ; но между ними всѣхъ болѣе бросалась въ глаза высокая, худощавая, ужаснаго вида, закутанная съ ногъ до головы въ шаль кроваваго цвѣта женщина, которая, стоя на повозкѣ, повелительнымъ голосомъ требовала, чтобы ее спустили на землю, что и было исполнено. Графъ фонъ Ц. вышелъ на дворъ зàмка, чтобы приказать раздѣлить и размѣстить шайку по тюрьмамъ, какъ вдругъ выбѣжала вслѣдъ за нимъ, съ отчаяннымъ видомъ и блѣднымъ лицемъ, Графиня Ангелика, и бросившись передъ нимъ на колѣни, произительно закричала: »Батюшка! батюшка! освободите этихъ людей! — Они невинны, они невинны! Ежели хотя одна капля крови ихъ прольется, то я поражу себя этимъ ножемъ!« — Произнеся сіе, Графиня блеснула свѣтлымъ какъ зеркало ножемъ и упала безъ чувствъ на землю. »Ну, вѣдь я знала, милая, золотая моя куколка, что ты не допустишь этого съ нами сдѣлать.« — Такъ проворчала старуха, сѣла на корточки передъ Графинею и покрывая отвратительными поцѣлуями лице и грудь ея, не переставала бормотать: »Проснись, дочка, проснись! Женихъ идетъ, красивый, статный женишекъ.« — Послѣ сего старуха вынула изъ кармана маленькую стклянoчку, съ жидкостію, уподоблявшеюся самому чистому спирту, въ коей плескалась золотая рыбка. Стклянoчку сію старуха приложила къ сердцу Графини, которая въ ту же минуту очнулась и едва увидѣла Цыганку, какъ бросилась къ ней на шею, съ горячностію стала обнимать ее и потомъ поспѣшно удалилась вмѣстѣ съ нею въ зàмокъ. Графъ фонъ Ц, Габріелла и женихъ ея, которые между тѣмъ также вышли на дворъ, стояли какъ вкопаные и съ ужасомъ смотрѣли на все сіе. Цыганы оставались во все это время совершенно равнодушными, и безо всякаго сопротивленія позволили размѣстить себя по разнымъ тюрьмамъ. На другое утро Графъ велѣлъ собрать всѣхъ людей своихъ, вывели Цыгановъ и Графъ громогласно объявилъ, что они ни въ одномъ изъ случившихся въ той сторонѣ разбоевъ невинны и что онъ имъ дозволяетъ свободно выѣхать изъ его владѣній; послѣ чего съ Цыгановъ сняли оковы и ко всеобщему удивленію снабдили ихъ даже паспортами. Женщина въ красной шали пропала безъ вѣсти. Слухи носились, что Цыганскій Атаманъ, котораго весьма легко было отличить отъ прочихъ по золотой цѣпи на шеѣ и по красному перу на шляпѣ съ загнутыми по-Испански полями, — былъ ночью въ комнатѣ у Графа. Нѣсколько времени спустя удостовѣрились, что Цыганы сіи дѣйствительно не участвовали ни въ одномъ изъ происходившихъ грабительствъ и разбоевъ.— Между тѣмъ время свадьбы Габріеллы приблизилось. Съ удивленіемъ увидѣла она однажды, что со двора замка съѣхало нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ мебелью, платьемъ, бѣльемъ; однимъ словомъ, всѣмъ потребнымъ для обзаведенія дома. На другое утро узнала она, что Ангелика, въ сопровожденіи камердинера Графа З. и закутанной съ ногъ до головы женщины, весьма походившей на старую Цыганку, въ ночь выѣхала изъ замка. Графъ Ц.... разрѣшилъ сію загадку, объявивъ, что онъ по извѣстнымъ нѣкоторымъ причинамъ, нашелъ нужнымъ согласиться на желаніе Ангелики, не смотря на странность онаго, и подарилъ ей въ *** домъ, находящійся въ аллеѣ, позволивъ жить въ немъ совершенно независимо отъ него и имѣть свою собственную прислугу. Онъ сказалъ также, что она взяла съ него обѣщаніе, чтобы никто изъ фамиліи ихъ, неизключая и его самого, не ходилъ къ ней въ домъ безъ особеннаго ея позволенія. Графъ фонъ Ц.... прибавилъ еще къ этому, что по неотступной просьбѣ Ангелики, отпустилъ съ нею въ *** своего камердинера. Свадьба совершилась, Графъ З. уѣхалъ съ молодою супругою своею въ Д*, и цѣлый годъ прошелъ для нихъ въ ненарушимомъ благополучіи. Но послѣ сего Графъ сталъ очень часто хворать. Казалось, что его снѣдала какая-то тайная горесть и дѣлала нечувствительнымъ ко всѣмъ земнымъ наслажденіямъ. Всѣ старанія супруги Графа, вырвать у него сію тайну, оставались тщетными. Наконецъ частые обмороки, угрожавшіе ему смертію, заставили его послушаться совѣта врачей и отправиться въ Пизу. — Габріелла не могла ѣхать съ нимъ вмѣстѣ по той причинѣ, что была беременна и нѣсколько недѣль спустя послѣ отъѣзда Графа, дѣйствительно сдѣлалась матерью. — Съ сихъ поръ, «продолжалъ докторъ, »разсказъ Графини Габріеллы фонъ З. становится столь рапсодическимъ, что надобно имѣть большую проницательность, дабы связать дальнѣйшія происшествія.« — Ребенокъ ея, дѣвочка, пропадаетъ вдругъ непонятнымъ образомъ изъ колыбели, и всѣ старанія къ отысканію его остаются напрасными. Неутѣшная горесть Графини доводитъ ее почти до отчаянія; и въ это же самое время она получаетъ отъ Графа фонъ Ц. письмо съ ужаснымъ извѣстіемъ, что зять его совсѣмъ не ѣздилъ въ Пизу, но жилъ у Ангелики въ домѣ въ ***, и умеръ отъ апоплексическаго удара; что Ангелика находится въ ужасномъ припадкѣ сумасшествія, и что онъ самъ вѣроятно не переживетъ всѣхъ сихъ несчастій. — Какъ скоро Габріелла фонъ З. собралась нѣсколько съ силами, тотчасъ же отправилась въ помѣстья своего отца. Въ одну безсонную ночь, въ то время, когда она думала о потерянномъ супругѣ и о потерянной дочери, вдругъ послышался ей за дверью спальни тихій крикъ маленькаго ребенка; собравшись съ духомъ, она беретъ свѣчу и зажегши оную у ночника, выходитъ изъ спальни. — Великій Боже! у двери сидитъ на корточкахъ старая Цыганка, закутавшись въ красную шаль, и смотритъ на нее неподвижными, омертвѣлыми глазами, держа на рукахъ ребенка, жалобный крикъ котораго пронзаетъ сердце Графини! — Это ея дитя! Это потерянная дочь ея! — Она съ силою вырываетъ ребенка изъ рукъ Цыганки, и Цыганка подобно бездушной куклѣ падаетъ на полъ. Графиня, пораженная ужасомъ, кричитъ, все въ домѣ просыпается, сбѣгаются люди и находятъ женщину мертвую. Всѣ старанія возвратить ей жизнь тщетны и Графъ приказываетъ похоронить ее. — Послѣ этого не остается другаго средства къ разрѣшенію тайны на счетъ ребенка, какъ ѣхать въ *** къ помѣшанной Ангеликѣ и стараться тамъ собрать нужныя свѣдѣнія. Между тѣмъ въ *** произошли большія перемѣны. Прежде Ангелика была въ такомъ состояніи бѣшенства, что заставила всѣхъ слугъ своихъ отъ себя удалиться, и только одинъ камердинеръ остался съ нею. Теперь, напротивъ того, она сдѣлалась тиха и спокойна. Когда Графъ сталъ разказывать ей приключеніе съ ребенкомъ, то она всплеснула руками и вскричала: «Правду ли вы говорите? такъ малютка точно доставлена вамъ? — Вы похоронили ее? а! похоронили? — Ахти! посмотрите: никакъ встрепенулся фазанъ съ золотыми перушками! Не слыхали ли вы чего нибудь объ зеленомъ слонѣ съ голубыми огненными глазами?« — Съ ужасомъ видитъ Графъ въ Ангеликѣ возвращеніе припадка сумасшествія, и въ это время замѣчаетъ, что въ измѣненныхъ чертахъ лица ея есть большое сходство съ Цыганкою; онъ намѣревается взять ее съ собою въ помѣстье, но старый камердинеръ отсовѣтываетъ ему сіе; и дѣйствительно, едва начинаютъ дѣлать приготовленія къ удаленію ея изъ дома, какъ она приходитъ въ неистовство и бѣшенство. — Въ минуту здраваго смысла, Ангелика съ горькими слезами умоляетъ отца позволить ей окончить дни въ этомъ домѣ. Графъ, будучи сильно разтроганъ, соглашается на сіе, хотя впрочемъ признаніе, которое она ему при семъ случаѣ дѣлаетъ, принимаетъ за признакъ возвращающагося сумасшествія. Она открываетъ ему, что Графъ З. возвратился въ ея объятія и что дитя, принесенное Цыганкою въ домъ Графа фонъ Ц., есть плодъ сей связи. Въ резиденціи всѣ вообще думаютъ, что Графъ Ц. увезъ несчастную въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ она скрывается здѣсь въ пустомъ домѣ, подъ надзоромъ стараго камердинера. Въ недавнемъ времени Графъ фонъ Ц. умеръ, и Графиня Габріелла фонъ З. пріѣхала сюда вмѣстѣ съ Эдмондою, устроить нѣкоторыя семейныя дѣла. Она не могла удержаться, чтобы не навѣстить несчастную свою сестру. Должно полагать, что во время посѣщенія этого произошло много необыкновеннаго; однако же Графиня сказала мнѣ только весьма коротко, что теперь необходимо надобно взять несчастную изъ-подъ надзора стараго камердинера. Послѣ узналъ я, что онъ однажды весьма жестоко обошелся съ Ангеликою, бывшею въ припадкѣ сумасшествія, и несчастная, желая избѣжать наказанія, вздумала увѣрить его, что она умѣетъ дѣлать золото; старикъ вдался въ обманъ, доставилъ ей все нужное и самъ принялся вмѣстѣ съ нею отыскивать философскій камень.—

»Излишне, кажется, было бы теперь (сказалъ врачъ въ заключеніе своего повѣствованія) толковать вамъ таинственную связь всѣхъ сихъ происшествій. Мнѣ извѣстно, что вы ускорили развязку, которая кончится или скорымъ выздоровленіемъ старухи, или ея смертію. Впрочемъ я не считаю теперь нужнымъ скрывать отъ васъ, что я немало ужаснулся въ то время, когда, приведя себя въ магнетическое сообщеніе съ вами, увидѣлъ также какъ и вы изображеніе въ зеркалѣ. Теперь мы оба знаемъ, что изображеніе это было не что другое, какъ Эдмонда.« —

»Точно также какъ врачъ не почелъ за нужное входить въ дальнѣйшія объясненія того, въ какомъ таинственномъ соотношеніи находились между собою Ангелика, Эдмонда, я и старый камердинеръ, не буду распространяться и я. Прибавлю только, что послѣ сихъ приключеній какое-то непостижимо-горестное чувство, которое очень не скоро прекратилось, заставило меня удалиться изъ резиденціи. Я полагаю, что старуха умерла въ то самое время, когда я однажды вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенное спокойствіе и здоровье.«

Такъ кончилъ Теодоръ свое повѣствованіе. Друзья много еще кой-чего говорили о его приключеніяхъ и согласились, что въ нихъ находится самое странное смѣшеніе *чуднаго съ чудеснымъ*. Уходя, Францъ взялъ Теодора за руку и пожимая ее сказалъ, почти съ видомъ сожалѣнія: »Спокойной ночи, Спаланцаніева летучая мышь!«

Съ Нѣмецк. — В. Лангеръ.

ПЛОВЕЦЪ.

Море блеска, гулъ, удары
И земля потрясена!
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! его отъ брега
Быстриною унесло:
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло;
Тщетно! бурную стремнину
Онъ несиленъ оттолкнуть:
Далекó его въ пучину
Броситъ каменная круть!

Мирно гибели послушный
Прибралъ онъ свое весло,
Онъ потупилъ равнодушно
Безмятежное чело,
Сжалъ крестомъ усталы длани....
И мелькаетъ малый челнъ
На краю ужасной грани,
Надъ громадой скалъ и волнъ!

Море блеска, гулъ, удары
И земля потрясена!
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Н. Языковъ.

ЭПИГРАММА.

Писачка въ Фебовъ дворъ явился.
«Довольно глупъ онъ!» богъ шепнулъ:
«Но самоучкой онъ учился, —
Пускай присядетъ; дайте стулъ.»
И сѣлъ онъ чванно. Нектаръ носятъ;
Его, какъ прочихъ, кушать просятъ;
И нахлебался тотчасъ онъ
И загорланилъ. Но раздался
Тутъ Фебовъ голосъ: «Какъ! зазнался?
Эй, Надоумко, вывесть вонъ!»

Баратынскій.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья IV.

(*Продолженіе.*)

Между Франками, живущими въ Суасонѣ, у Царя и Царицы былъ сынъ именемъ Сигфридъ, изъ молодцовъ молодецъ; сверхъ силы и храбрости, имѣлъ онъ еще важное преимущество: все тѣло его было заворожено, такъ что кромѣ одного мѣста на спинѣ, нигдѣ ранить нельзя (*). Когда онъ вошелъ въ возрастъ и пора пришла жениться, отправился онъ съ родительскимъ благословеньемъ въ городъ Вормсъ, гдѣ жили Бургунды, сватать за себя Царскую дочь, красотой и умомъ славную Хримгильду. У ней было три брата; они потребовали сперва, чтобы женихъ сослужилъ имъ службу, и помогъ на войнѣ противъ Саксонцевъ и Датчанъ. Сигфридъ съ ними пошелъ, воевалъ, своихъ спасъ, чужихъ побѣдилъ, вождей полонилъ, а народъ обложилъ данью. Тогда братья Царевны, уже завидуя славѣ его, новый подвигъ ему предложили: отправиться съ ними (кажется) въ Англію; тамъ старшій братъ Гюнтеръ желалъ высватать за себя воинственную, богатырской одаренную силой Царевну Брунгильду. Объявила она, что выйдетъ за такого только мужа, который окажется сильнѣе ея и сможетъ одолѣть на разныхъ играхъ и спорахъ молодецкихъ, ею предложенныхъ. На себя не надѣясь, Гюнтеръ поручилъ это дѣло Сигфриду; онъ, подъ шляпой невидимкой и чужимъ именемъ, все совершилъ, и добылъ своему шурину сильную Царевну (**). Возвратились они въ Вормсъ, и двѣ свадьбы сыграли; но несчастному Гюнтеру плохая доля досталась: каждую ночь жена, недопуская къ себѣ, свяжетъ ему руки и прикрѣпитъ къ столбу кровати до утра. Онъ и тутъ по нуждѣ открылся Сигфриду, и просилъ его помощи; сей богатырь пошелъ ночью къ Брунгильдѣ, какъ бы мужъ, пересилилъ ее, и вмѣсто себя въ темнотѣ ввелъ шурина своего на ложе жены, отнынѣ покорной. Не могъ онъ сего происшествія утаить отъ своей супруги, и хотя велѣлъ ей молчать, но напрасно: вскорѣ потомъ, заспоривъ съ невѣсткой о преимуществахъ ихъ мужей, она ей промолвила все, и Брунгильда, полагая себя тѣмъ обезчещенною, потребовала отъ мужа непремѣнно мщенія и крови. Но какъ Сигфрида убить? силой нельзя, прибѣгнули къ хитрости: позвали его на звѣриную ловлю, и обманувъ Хримгильду притворнымъ попеченіемъ о жизни ея мужа, уговорили шитьемъ на бронѣ обозначить роковое мѣсто, желѣзу доступное; въ лѣсу же, веселясь играми и бѣганіемъ, коварно заставили его отложить свой мечъ, и лежащаго на землѣ поразивъ въ начертанный кружокъ, закололи. Тутъ, горько рыдая, вспомнила Хримгильда зловѣщій сонъ, видѣнный ею до свадьбы, и рѣшилась во что бы ни стало, за любезнаго мужа измѣнникамъ братьямъ и всѣмъ ихъ сообщникамъ жестоко отмстить. Нѣсколько лѣтъ спустя,—а молва о Хримгильдѣ повсюду носилась,—прислалъ за нее сватовъ-пословъ великій Царь Эцель (полагаютъ: Аттилла), верховный повелитель всѣхъ земель и Государей. Долго колебались Бургунды; но успокоенные притворной пріязнью сестры, и боясь раздражить Царя Эцеля, согласились и отпустили ее. Еще время прошло; Хримгильда родила сына; и втораго супруга совершенно обворoживъ собою, умолила его согласиться на давно питаемый ею замыселъ мести за перваго. Подъ любымъ предлогомъ, созвалъ онъ ко двору своему всѣхъ Государей подручниковъ отъ всѣхъ областей, въ томъ числѣ приглашены и Бургунды. Боялись они, и предчувствовали, что съ ними будетъ, но буйное сердце и на роду написанная судьба ихъ въ путь увлекли. Дорогой, въ Баварской землѣ, при переправѣ черезъ Дунай, встрѣтили ихъ Русалки; вышелъ неласковый разговоръ и всѣ Бургунды, кромѣ одного пѣвца, сихъ дѣвъ водяныхъ оскорбили; за то онѣ и предсказали имъ тутъ же: неминуемую смерть, и возвратъ домой въ живыхъ одному ласковому пѣвцу. Прочіе, желая Русалокъ во лжи обличить, немилосердо и не слушая просьбъ, любимца ихъ средь рѣки бросили съ лодки въ воду и шестами оттолкнули; бѣднякъ, съ трудомъ, однако же выплылъ назадъ на берегъ, и пѣшкомъ и не скоро, однако же возвратился домой. Они же, продолжая свой путь, погостили у честнаго и храбраго старца Рюдигера, Маркграфа Австрійскаго, и съ нимъ вмѣстѣ поѣхали ко двору Царя Эцеля. Тутъ уже замѣтивъ по всему, что имъ гибель готовятъ, рѣшились они не даромъ умереть, и первый Гюнтеръ, за пиромъ въ великолѣпномъ, огромномъ Царскомъ чертогѣ, вырвалъ у кормилицы младенца, Царскаго сына, и разрубилъ по поламъ; погибъ бы Царь и Царица, еслибъ первый изъ витязей, Дитрихъ фонъ-Бернъ (вѣроятно великій Ѳеодорикъ), подхвативъ обоихъ, не вывелъ изъ залы. Началось сраженіе лютое; всѣ Государи, подручники Эцеля, одинъ за другимъ съ полками своими нападали на Бургундовъ; сіи же, укрѣпясь въ столовомъ чертогѣ, и дверь бороня, защищались отчаянно. Много изъ нападающихъ убито, въ томъ числѣ и почтенный Рюдигеръ; Бургунды же падали одинъ за другимъ, но все не сдавались. Ожесточенная, ни чьихъ убѣжденій не внемлющая Хримгильда, велѣла залу зажечь, къ убійству при-

---

(*) Не по Гомеровымъ, а по другимъ преданіямъ о Троянской войнѣ — такимъ же слылъ и Ахиллъ; можно подумать, что сіи сказки не безвѣстны были Нѣмецкому Поэту; по крайней мѣрѣ въ среднихъ вѣкахъ онѣ всѣмъ были знакомы: отъ того же и Роландъ сдѣлался неуязвимымъ. Такъ почти всѣ вымыслы переходятъ съ нѣкоторой перемѣной, и совсѣмъ новое очень рѣдко.

(**) Вымыслъ, что знаменитый воинъ изъ дружбы къ другому и въ видѣ его, сражается и побѣждаетъ ратницу-невѣсту, находится съ большимъ драматическимъ участіемъ въ поэмѣ Аріоста. Любопытно знать, отъ себя ли онъ придумалъ, или почерпнулъ изъ преданій и сказокъ, можетъ быть, на старой забытой поэмѣ Niebelungen основанныхъ. Зависть братьевъ невѣсты къ ея жениху иноземцу, находится также въ старой Итальянской книгѣ о Французскихъ Царяхъ: I Reali di Francia, и кажется также спискомъ съ древней Нѣмецкой.

бавился пожаръ, въ пылу и въ дымѣ все еще рѣзались, отъ несносной жажды пили кровь. Словомъ: всѣ ужасы длились, доколѣ великій Дитрихъ, неволей исполняя долгъ слуги Царскаго, дивясь мужеству Бургундовъ и жалѣя о нихъ, вступилъ въ окончательный бой; своей рукою связалъ онъ оставшихся въ живыхъ двухъ только воиновъ: Гюнтера и другаго, то же знаменитаго вождя, и привелъ ихъ къ Царю и Царицѣ. Ихъ заключили въ оковы, и устроили имъ жестокую и достойную казнь.

Сія, Богъ вѣсть кѣмъ и когда сочиненная эпопея, доказываетъ ясно, какъ не произвольны, а на истинѣ основаны осмѣянныя нынѣ правила: они всѣ выполнены по крайней мѣрѣ въ планѣ ея; и самый педантическій ультра-классикъ не найдетъ въ немъ что перемѣнить, развѣ помѣстить первую половину дѣйствія въ разсказѣ, положимъ: Хримгильды Царю Эцелю, прося его объ отмщеніи; но такая школьная перемѣна не прибавитъ существеннаго достоинства. Единство въ сей поэмѣ совершенное, лица начертаны сильнымъ рѣзцомъ и выдержаны вездѣ, всѣ событія увлекаютъ воображеніе. Эпизодъ съ Русалками прекрасенъ, въ снѣ Хримгильды много искуства, а сраженія въ концѣ поэмы ужасомъ поражаютъ; можетъ быть, они слишкомъ длятся и чрезъ мѣру подробно описаны: но такія подробности должны были восхищать воинственныхъ слушателей того времени, да и въ наше все чѣмъ-то приманчивы, и едва ли не всякой читатель скажетъ про себя, какъ шутя говорила Г-жа Севинье: je ne hais pas ces grands coups d'épée.

Нѣмецкіе Minnesänger, или пѣвцы любви, оставили намъ немало стиховъ, но они не большаго замѣчанія достойны; важнѣе несравненно Французскіе Труверы и Трубадуры: сіи два имени суть одно и то же съ нѣкоторой разницей въ произношеніи, какимъ отличались языки сѣверной и южной Франціи: langue d'Oil, и langue d'Oc; oil нынѣче измѣнилось на oui, oc такъ и осталось, оба значатъ по нашему: *да*. Между самими изобрѣтателями сихъ двухъ языковъ и произведеніями ихъ, большая разница. Сѣверные Труверы были по большей части степенные писатели, а нѣкоторые и духовнаго званія; они слагали съ прилежаніемъ длинные рыцарскіе романы и покороче повѣсти: fabliaux, и трудъ ихъ послѣ весьма полезенъ былъ славнымъ Поэтамъ Италіи въ XVI-мъ столѣтіи; имъ обязаны мы за все, что написано объ Амадисѣ и семействѣ его, о Царѣ Артусѣ и рыцаряхъ круглаго стола, паче всего о Карлѣ Великомъ и Паладинахъ Франціи (*); безъ нихъ не было бы Аріоста, отчасти и Тасса. Симъ же Французамъ принадлежитъ нѣсколько слава самаго Данте; ихъ длинные аллегорическіе романы, каковъ на примѣръ извѣстный всѣмъ по имени: *О Розѣ*, безъ сомнѣнія подали сему великому мужу образецъ, усовершенствованный имъ; они же возобновили послѣ столькихъ вѣковъ театръ представленіемъ *таинствъ* (mystères) и *поученій* (moralités), отъ коихъ по признанію Шлегеля возникла романтическая драма Испанцевъ и Англичанъ. Стало, если въ позднѣйшее время Французы пошли другимъ путемъ, и предпочли подражаніе Древнимъ послѣдованію за вымыслами предковъ своихъ, такой перемѣны вкуса нельзя приписывать недостатку воображенія или изобрѣтательнаго дара, или смѣлости въ семъ народѣ, ибо они-то и проложили другимъ всѣ новые пути; должно искать причинъ ея въ самомъ сравненіи путей, и со вниманіемъ разсмотрѣть: не правы ли Французы въ выборѣ? Можетъ быть, они первый слишкомъ забросили въ теченіе двухъ столѣтій, не мѣшало бы итти по обоимъ; но приговоръ нынѣшнихъ Критиковъ, что одинъ ведетъ ко спасенію, а другой къ погибели, и привычка столько уже унижать Французскую поэзію, сколько ее еще недавно возвышали, едва ли основаны на размышленіи.

Стихотворцы языка d'Oc были не Французы одни; сей языкъ слылъ у всѣхъ тогда лучшимъ въ Европѣ; имъ говорили и сочиняли всѣ благовоспитанные рыцари; всѣ почти Трубадуры знатный, воинственный, красовитый народъ; любовь и поэзія почитались у нихъ необходимыми украшеніями храбрыхъ; побѣдить соперника на *пѣвчемъ поединкѣ* (tenzon,) и получить награду отъ прекрасной дамы, нерѣдко Королевы, предсѣдательницы *любовной палаты* (Cour d'amour,) казалось имъ также лестно, какъ вышибить противника изъ сѣдла на турнирѣ. Такіе Поэты, конечно, сами весьма поэтическія лица; но въ художникѣ не молодечество нужно, а прилежаніе и трудъ, безъ которыхъ (еще повторяю) ничего отмѣннаго никому сдѣлать нельзя. Что осталось отъ сихъ блестящихъ пѣвцовъ чести и любви? мѣлкія по всему стихотворенія, наполненныя притворныхъ нѣжностей, изысканныхъ гиперболъ и утомительнаго умничанья; нѣтъ вымысла, нѣтъ чувства, нѣтъ поэзіи. Самый языкъ, я твердо увѣренъ, вышелъ изъ употребленія отъ того, что они на немъ ничего достопамятнаго не сотворили. Болѣе всего обязаны мы имъ за введеніе въ новѣйшее стихотворство нѣкоторыхъ древнимъ неизвѣстныхъ формъ и размѣровъ; иные, конечно, не имѣютъ никакого достоинства, кромѣ безполезной трудности, но другіе трудностію же, умѣренной и изощряющей дарованіе, были и впредь могутъ быть искуству полезны. *Канцоны* и *сонеты* обогатили Словесность въ Италіи и Пиренейскомъ полуостровѣ; *тенцоны* и *сирвенты* менѣе произвели, но

(*) Въ томъ числѣ и Бова Королевичъ. Ошибся одинъ изъ покойныхъ Литтераторовъ нашихъ, написавъ, что невѣжи вмѣсто города Анконы поставили Антона; Бова былъ точно изъ Антоны, и городъ сей не въ Италіи былъ, а въ Англіи: Bevis of South-Ampton.

стоитъ за нихъ приняться, и безъ сомнѣнія можетъ выйти много хорошаго.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Разборъ Рецензіи на книгу подъ заглавіемъ: Мысли, относящіяся къ Философической Исторіи человѣчества. С. П. б. въ типогр. Н. Греча. 1830 г. (въ 8-ю д. л. 20 стран.)

Подъ симъ названіемъ изданъ на дняхъ особенною книжкою, отвѣтъ на статью, помѣщенную въ 17-мъ № М. Телеграфа прошедшаго 1829 г.

Сочинитель предлагаемой книжки, переводчикъ Гердеровыхъ Идей, счелъ нужнымъ отвѣчать на статью М. Телеграфа, въ которой Рецензентъ, начавъ введеніемъ, отзывающимся нѣсколько слогомъ предисловія къ Исторіи Р. Народа, потомъ объявляетъ торжественно, что предлагаемое Рускимъ читателямъ Гердерово сочиненіе есть изкаженное преложеніе Французскаго, *мастерскаго* (?) перевода Кине, и въ доказательство сличаетъ Рускій переводъ съ симъ послѣднимъ, вѣря ему, какъ Мусульмане Корану!! Къ несчастію Рецензента, Рускій переводчикъ, зная Нѣмецкій языкъ, не имѣлъ надобности прибѣгать къ Французскому переводу, существованіе котораго было ему вовсе неизвѣстно. Что касается до насъ, то соглашаясь съ Сочинителемъ разбора рецензіи на Рускій переводъ Гердеровыхъ Идей, мы полагаемъ: *во 1-хъ*, что въ семъ переводѣ гораздо ближе переданы *мысли* (а часто и выраженія) Гердера, нежели во Французскомъ. *Во 2-хъ*, отступленія Р. Переводчикомъ сдѣланы, въ слѣдствіе мнѣній самаго сочинителя. Равно несправедливы прицѣпки къ главѣ о *Религіи* и каждый, слича подлинникъ съ Рускимъ переводомъ (*), убѣдится въ несправедливости сказаннаго Рецензентомъ: « что это сборъ благочестивыхъ выраженій безъ всякой связи. « Хотя Сочинитель отвѣта извиняетъ Рецензента незнаніемъ подлинника; но сіе однако же не оправдываетъ привязчиваго Критика въ мнѣніи людей здравомыслящихъ. Зачѣмъ разбирать переводъ книги, писанной на неизвѣстномъ ему языкѣ, и произносить свой гадательный судъ такимъ рѣзкимъ, диктаторскимъ тономъ? Откуда взялъ онъ право издѣваться надъ трудомъ, заслуживающимъ уваженіе и внушеннымъ безкорыстными чувствами любви къ ближнему и благоговѣнія къ священной памяти безсмертнаго Философа-Христіанина?

Разборъ Рецензіи раздается безденежно покупателямъ книги: *Мысли, относящіяся къ Философической Исторіи человѣчества*, продающейся здѣсь въ С. П. б. во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 р. за экземпляръ.

СМѢСЬ.

11-го Мая сего 1830 года произошло въ Варшавѣ торжественное открытіе изваянія Коперника. Предсѣдатель Общества любителей Наукъ, Ю. У. Нѣмцевичь, произнесъ по сему случаю слѣдующую рѣчь:

» Три столѣтія почти проходитъ, какъ сей мужъ, который первый означилъ вращеніе земли, принятъ ея нѣдрами. Подобно многимъ, оказавшимъ свѣту услуги важными открытіями, и нашъ *Коперникъ* долго оставался не почтенъ. Никогда однако же память великихъ людей не гибнетъ: благодарное, хотя отдаленное по-

---

(*) Для большей улики Рецензента М. Т., приведемъ одно мѣсто изъ 2-й главы III кн. въ подлинникѣ, и присовокупимъ къ тому переводы: Французскій Г. Кине, и Рускій, нашего Переводчика:

Unendlichkeit umfaßt mich, wenn ich umringt von tauſend Proben dieſer Art und ergriffen von ihren Gefühlen, Natur, in deinen heiligen Tempel trete. Kein Geſchöpf biſt du vorbeigegangen; du theilteſt dich ihm ganz mit, ſo ganz, wie es dich in ſeiner Organiſation faſſen konnte. Jedes deiner Werke machteſt du Eins und vollkommen und nur ſich ſelbſt gleich. Du arbeiteteſt es von innen heraus, und wo du verſagen mußteſt, erſtatteteſt du, wie die Mutter aller Dinge erſtatten konnte.

Etre des ètres, mystérieuse nature, je m'égare dans l'infini, quand, entouré d'un millier de preuves et le coeur agité de tant de sentimens divers, j'entre dans ton temple sacré: tu n'as négligé aucune créature; tu t'es communiquée à chacune aussi pleinement que son organisation le permettait. Chacun de tes ouvrages a été *un*, parfait et seulement semblable à lui-même; tu agis du dedans au dehors, et quand tu as été obligée de refuser quelque avantage, les compensations que tu as departies ont été celles que pouvait départir la mère de toutes choses.

Безконечность объемлетъ меня, когда, окруженный тысячами опытовъ сего рода и проницаемый ощущеніями, ими производимыми, я вступаю въ священный храмъ твой, Природа! Ты не обдѣляешь ни одного творенія! ты каждому сообщаешься въ такой полнотѣ, какую можетъ объять его образованіе. Всякое изъ своихъ созданій устроиваешь единымъ, совершеннымъ и подобнымъ только самому себѣ. Ты обработываешь его внутри, и гдѣ кому въ чемъ надлежало отказать, то инымъ чѣмъ нибудь вознаградила, поколику матерь всѣхъ вещей вознаградить можетъ.

томство, воздастъ имъ заслуженную дань. — Принесшій въ жертву человѣчеству и наукамъ здоровье и достояніе свое, блаженной памяти Станиславъ *Сташицъ*, покойный предсѣдатель Королевскаго общества, первый возъимѣлъ мысль воздвигнуть общественными приношеніями, памятникъ безсмертному нашему единоземцу Николаю *Копернику* и самъ способствовалъ сему значительнымъ пожертвованіемъ. — По сдѣланной первымъ ваятелемъ *Торвальдсеномъ* модели, Варшавскіе художники Гг. *Грегуаръ*, подъ наблюденіемъ Королевскаго Общества, отлили оный изъ мѣди. Насталъ день торжественный, въ который произведеніе сіе, послѣ 10-ти лѣтнихъ трудовъ, представится общему взору; насталъ день, когда то самое солнце, въ которое полвѣка былъ впёренъ взоръ *Коперника*, озаритъ ликъ его своими благосклонными лучами. Ты являешься, мужъ великій, нѣкогда служитель Всевышняго, слава земли нашей! передъ симъ пріютомъ наукъ и знаній: сохраняй оное отъ всѣхъ злоключеній, не переставай оживлять своимъ духомъ почитателей и соотечественниковъ твоихъ. Колико счастливъ я, что хотя при склонѣ жизни моей дождался сего мгновенія! *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко!* Да низпадетъ завѣса.» —

(Изъ: Tygodnik Petersburski).

Многіе люди своенравные или странные хотятъ пережить самихъ себя въ затѣяхъ или причудахъ своихъ. Нерѣдко наслѣдники какого нибудь богатаго скряги или чудака, при вскрытіи духовнаго его завѣщанія, находили, что они или вовсе отлучены отъ наслѣдства, или должны были получить его на тягостныхъ, стѣснительныхъ условіяхъ. Книга, о которой мы уже имѣли случай упоминать: Choix de testamens anciens et modernes (см. 13 и 17 No. Лит. Газ.), представляетъ многіе примѣры такого послѣсмертнаго своенравія. Нѣкоторые изъ сихъ примѣровъ мы помѣстили въ смѣси 30-го No. нашей Газеты; вотъ еще одинъ, неменѣе заслуживающій любопытнаго вниманія читателей.

Одинъ богачъ въ Лондонѣ завѣщалъ по смерти своей дѣвицѣ Б.*, вовсе ему незнакомой, имѣніе свое, цѣною до нѣсколька милліоновъ. Никто бы не отгадалъ причины такой значительной и такой непредвидѣнной щедрости. Выписываемъ статью самаго духовнаго завѣщанія:

«Покорнѣйше прошу Миссъ Б.* принять въ даръ все
«мое имущество, слабое конечно въ сравненіи съ неизъ-
«яснимыми ощущеніями, кои раждало во мнѣ цѣлые
«три года созерцаніе плѣнительнаго ея носа.»

По открытіи завѣщанія, исполнители онаго явились къ Миссъ Б.*, прося ее расписаться въ принятіи завѣщаннаго ей наслѣдства. Судите объ удивленіи сей дѣвицы! Имя завѣщателя вовсе ей неизвѣстно, и ничего сходнаго съ нимъ не знала она ни въ которомъ колѣнѣ своей родословной росписи. Въ замѣшательствѣ, въ опасеніи ошибки или какой-либо злой шутки, она спросила, похороненъ ли покойникъ? — «Нѣтъ еще,» отвѣчали ей. — «Повезите меня къ нему.» — Здѣсь удивленіе сдѣлалось общимъ: «Это онъ!» вскричала Миссъ Б.*, снявъ покрывало съ мертваго: «это самый тотъ человѣкъ, который цѣлые три года мучилъ меня своими вѣжливостями, своими стихами въ честь моего носа! Въ Гайдъ-Паркѣ, въ Ковентъ-Гарденѣ онъ всегда являлся передо мною и безсмѣнно смотрѣлъ на меня.»

Начали разбирать бумаги покойника. Въ нихъ нашли нѣсколько недоконченныхъ посланій въ честь носа дѣвицы Б.*, и болѣе пятидесяти рисунковъ, представлявшихъ оный прямо, съ боку и въ три четверти. Снова прочли завѣщаніе; и тутъ уже не осталось никакого сомнѣнія, что дѣвица Б.* была точною наслѣдницей сего страннаго человѣка. Въ силу завѣщанія, она приняла наслѣдство, а бѣдные родственники покойнаго остались только съ носомъ. Страннѣе всего было то, что дѣвица Б.*, кромѣ довольно длиннаго носа, не имѣла ничего отличнаго въ своей физіогноміи.

Литературныя новости. 2-я Часть *Театра Николая Хмельницкаго* вышла въ свѣтъ. — *Хаджи-Баба въ Лондонѣ*, романъ Г. Морьера, переведенный однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ Оріенталистовъ, также отпечатанъ и поступилъ въ продажу. Получать оный можно въ книжномъ магазинѣ А. Смирдина, у Синяго моста. Цѣна за всѣ 4 тома 15 р.

Книга, о которой мы объявили въ No 32-мъ *Л. Г.*: *Теоретическія и практическія упражненія въ переводахъ*, продается въ книж. магазинѣ Слѣнина, у Казанскаго моста, въ д. Имзена. Цѣна ей 3 р., съ пересылк. 4 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 9-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щеглов.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. **ТОМ. I. №. 34.** *ІЮНЯ* 15го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Письма въ Москву.

(*Посвящ. М. А. Максимовичу.*)

Письмо IV. (*)

Ситола, 30 *Іюня*. *Утро*.

Въ четырехъ верстахъ за Иматрой, по обѣимъ сторонамъ Вокши, разметано небольшое селеніе Ситола. На рѣкѣ нѣтъ моста, и проѣзжіе переправляются съ одного берега на другой въ большой ладьѣ или разшивѣ, на которую ставятъ экипажи и лошадей. Намъ наговорили, будто бы на той сторонѣ, въ постояломъ домѣ, которому придавали заманчивое для путешественника названіе трактира, можно найти лучшія комнаты и все нужное для стола. Это рѣшило насъ туда переправиться. Въ ожиданіи ладьи, которая только что отчалила отъ берега передъ нашимъ пріѣздомъ, — *я*, въ недостроенномъ пустомъ домѣ, доканчивалъ вчерашнее мое къ тебѣ письмо.

Между тѣмъ ладья, съ новымъ грузомъ Чухонскихъ одноколокъ и лошадей, пристала къ нашему берегу. Мы сѣли въ ладью и двое сильныхъ и отважныхъ гребцовъ начали работать своими веслами. Я любовался шумливою Вокшей, которая въ этомъ мѣстѣ почти такъ же широка, какъ Нева противъ Академіи Художествъ. Смотрю вверхъ по рѣкѣ — тамъ какое-то подобіе Иматры: это первый порогъ, *Тайни*; близъ самого того мѣста, гдѣ мы переправляемся, еще порогъ, но лежащій на широкомъ и ровномъ пространствѣ; смѣлые наши гребцы правятъ прямо на него. Смотрю внизъ по теченію — еще нѣсколько пороговъ,— и при всякомъ рѣка бьется, волнуется, шумитъ. Смѣшанный ревъ волнъ у всѣхъ сихъ пороговъ, сливаясь въ воздухѣ и разносясь по рѣкѣ, отдается въ слухѣ какою-то дикою, мрачною гармоніей, которая погружаетъ чувства въ пріятное онѣмѣніе, а душу въ задумчивость. Сильное теченіе у порога, къ которому мы близко подплыли, быстро повернуло ладью нашу къ противолежащей пристани — и вотъ мы на другомъ берегу.

Подходимъ къ обѣщанной гостиницѣ; спрашиваемъ о комнатахъ. Рослый Чухонецъ, у котораго на лицѣ почти столько же веснушекъ, сколько крупныхъ и мѣлкихъ камней около Выборга, и котораго рыжихъ, длинныхъ, сбившився войлокомъ кудрей никогда не теребила мучительная гребенка, — всталъ съ крыльца, не отвѣчая намъ ни слова, пошелъ въ избу, надѣлъ синій свой камзолъ и тогда явился опять, чтобы принять насъ съ должнымъ приличіемъ. Сквозь большую избу, въ которой, за чашей накрошенныхъ въ молоко сельдей и за кружками *свадрика* (*), пировало съ полдюжины Финскихъ крестьянъ, провелъ онъ насъ въ просторную комнату, по темную и сырую, какъ погребъ. «Сей часъ, сей часъ!» твердилъ нашъ *Чичероне* и принялся отбивать доски, которыми на-глухо были заколочены окна. Скоро онъ кончилъ свою работу, и комната впервые выглянула на свѣтъ Божій, жеманясь передъ нами, какъ Финская сельская красавица. Но, Боже мой! какими

(*) Многіе изъ жителей Петербурга и пріѣзжихъ, пользуясь благопріятною погодой, конечно посѣтятъ нынѣшнимъ лѣтомъ окрестности сей столицы. Иные, можетъ быть, имѣютъ досугъ и средства для прогулокъ болѣе отдаленныхъ. Желая угодить имъ и указать на одну изъ пріятнѣйшихъ таковыхъ прогулокъ, препровождаю къ Издателю *Л. Г.* послѣднія мои письма о живописной Финляндіи, содержащія въ себѣ описанія чудесной Иматры и сада Барона Николай, описанія, хотя не совершенныя, но покрайней мѣрѣ могущія дать понятія о сихъ предметахъ, вполнѣ заслуживающихъ любопытное вниманіе Путешественниковъ. — Первыя три письма помѣщены были въ Сѣверной Пчелѣ 1829 года. (См. NNo. 110, 111, 112, 114 и 116.)

(*) Напитокъ, составляющій нѣчто среднее между квасомъ и пивомъ, и очень похожій на *брагу*, которую крестьяне варятъ въ нѣкоторыхъ Рускихъ Губерніяхъ.

прелестями хотѣла насъ заманить эта во мракѣ таившаяся кокетка! Спертый воздухъ ея занималъ у насъ дыханіе; со стѣнъ сыпался прокладенный между ними мохъ; столъ и лавки чернѣлись подъ густымъ слоемъ слегшейся пыли, а по угламъ, вмѣсто комнатныхъ украшеній, лежали кучи невыметеннаго сору.

— «И только-то?» спросили мы у нашего проводника: «такъ у тебя нѣтъ больше комнатъ?»

— «А на что жь вамъ ихъ больше?» отвѣчалъ онъ. «Васъ шестеро господъ, да при васъ трое служителей: кажется, всѣмъ будетъ мѣсто.

— «Да для ночлега-то, любезный!

— «Гмъ! для ночлега! васъ никто здѣсь не будетъ безпокоить. Я не пущу сюда нашихъ мужиковъ: пусть они мѣстятся, какъ хотятъ, въ этой передней избѣ.

— «Но ты видишь, съ нами есть дамы....

— «Дамы?... А, разумѣю! Да развѣ дамы не улягутся на этой широкой лавкѣ? — А вы, господа, могли бы лечь повалкой по полу, на соломѣ.«

Не надѣясь добиться отъ него лучшаго для себя помѣщенія, мы начали его разспрашивать о другой не менѣе важной статьѣ для путешественниковъ — о жизненныхъ потребностяхъ.

— «У меня есть *плоховина* (*) и свадрикъ,« отвѣчалъ онъ.

— «Нѣтъ ли мяса, говядины или телятины?

— «Этого не водится; а есть *плоховина*: свѣжая *плоховина*, соленая *плоховина*....

— «Покрайней мѣрѣ, есть ли у тебя куры, цыплята, дичь?

— «Нѣтъ, а *плоховина* и *свадрикъ*....

— «Да есть ли хоть свѣжія яица?

— «И этого нѣтъ; а *плоховина* свѣжая, соленая, и *свадрикъ*....«

Это насъ и сердило, и смѣшило вмѣстѣ. Шестьдесятъ верстъ ѣзды, прогулка наша по скаламъ Иматры и поздняя пора дня, очень настоятельно напоминали о себѣ въ пустотѣ нашихъ желудковъ. Дѣлать было нечего на этой сторонѣ. Я взялся быть повѣреннымъ нашего кочеваго общества и отправился обратно на другой берегъ, осмотрѣть станціонный домъ и узнать, не удобнѣе и не сытнѣе ли будетъ тамъ нашъ ночлегъ. Со мною сѣлъ въ ладью словоохотный Финнъ, довольно хорошо говорившій по-Руски. Онъ называлъ мнѣ по именамъ всѣ пороги Вокши, лежащіе между верхнимъ, Тайни, и Иматрой. Я спросилъ у него, что значитъ слово: Тайни; но на сіе не могъ онъ мнѣ дать рѣшительнаго поясненія, а сказалъ, что это, по видимому, испорченное Руское слово: *тайникъ*. Забавная Чухонская аналогія, по которой гремучій водоскатъ называется *Тайникомъ!* подумалъ я. На вопросъ мой о значеніи слова: *Иматра*, онъ отвѣчалъ, что это просто значитъ *пороги*. Я замѣтилъ въ этомъ разговорѣ, что Финны весьма звукоподражательно произносятъ названіе чуднаго ихъ водоската, дѣлая удареніе на второмъ слогѣ и усиливая букву *р* въ послѣднемъ: *Има́трра*.

Комнатъ, удобствъ и съѣстныхъ потребъ, по справкѣ моей, оказалось на этой сторонѣ больше, нежели на зарѣчной. Хозяйка, Руская женщина лѣтъ около тридцати, блѣдная и худая, но съ правильными чертами лица и выразительными глазами, одѣта была въ какой-то полу-Финскій и полу-Рускій нарядъ и говорила изломаннымъ нарѣчіемъ, сбиваясь на Чухонское произношеніе. Казалось, прибытіе большаго экипажа не сдѣлало на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія, и даже надежда прибыли отъ такихъ постояльцевъ, которые могли ей заплатить за ночлегъ и пр. гораздо щедрѣе обыкновенныхъ ея гостей, Финскихъ поселянъ, — не расшевелила ея корыстолюбія. Она приняла меня сухо и почти угрюмо; какъ будто бы дѣлая насиліе врожденной своей гордости, разсказывала мнѣ о всѣхъ выгодахъ своего постоялаго дома и вообще была очень не разговорчива. Словомъ, это было истинное диво изъ женщинъ, а особливо изъ трактирщицъ.

Не теряя времени, я сѣлъ опять въ ладью и отправился къ моимъ спутникамъ, чтобы отдать имъ отчетъ въ моихъ поискахъ. Гребцы мои круто поворотили къ порогамъ и едва не ударились носомъ ладьи о подводные камни. «Осторожнѣе, друзья!» закричалъ я.

— «Небось!» отвѣчали они съ Финскимъ хладнокровіемъ: « намъ рѣдко случается стукнуться о пороги.

— «Однако же, все-таки случается?

— «Ну, не безъ того, иной не управитъ и насунется на нихъ.

— «А глубока ли здѣсь рѣка?

— «Да есть мѣста саженей до двѣнадцати глубины.«

Холодъ пробѣжалъ у меня по членамъ. Я торопливо спросилъ у гребцовъ: «Что же бываетъ съ бѣдными сѣдоками, если ладья разщепится?

— «А что Богъ дастъ! иные, можетъ быть, выплывутъ за Иматрой.»

Утѣшительная мысль! Это, однако жь, меня развеселило. Я вспомнилъ анекдотъ объ одномъ Ирландскомъ гребцѣ, у котораго проѣзжій, сѣвъ къ нему въ лодку, спрашивалъ: «Другъ мой, не случалось ли тебѣ *терять* своихъ сѣдоковъ?» — «Терять? никогда;» отвѣчалъ перевозчикъ съ увѣрительнымъ видомъ: » третьяго дня еще сосѣдъ мой Стиви, бывъ подъ хмелькомъ, оборвался съ лодки въ воду. И тотъ не потерянъ: я его отыскалъ на днѣ рѣки нынѣшнимъ утромъ.»

(*) Т. е. *лоховина*, рыба *лохъ*, которую Нѣмцы называютъ Lachs. — Услужливый Финнъ, прибавкою *п* сначала слова, вѣроятно надѣялся подойти ближе къ Рускому выговору и тѣмъ угодить будущимъ своимъ постояльцамъ.

Существенныхъ потребностей стола и здѣсь нашлось немного больше, нежели на той сторонѣ, гдѣ думали насъ разлакомить лоховиной и свадрикомъ. Однако же, въ гостиницѣ полусонной хозяйки, насъ хотѣли удивить неслыханною до той поры въ Ситолѣ роскошью: къ намъ принесли матераго пѣтуха, который вѣрно училъ пѣть *кукареку* покрайней мѣрѣ двадцать поколѣній здѣшнихъ цыплятъ, и котораго мясо, можетъ быть, сдѣлалось бы мягко, если бы его пропустить сквозь пороги Иматры. »Voilà un morceau de résistance!» вскрикнули мои товарищи, потрогивая за поздреватый, окостенѣвшій отъ старости гребень пѣтуха. Отказавшись отъ сего излишества роскоши, мы удовольствовались свѣжими яицами въ смятку и вкуснымъ чухонскимъ масломъ; а между тѣмъ твердили Рускую пословицу: *ѣдешь на день, бери хлѣба на недѣлю.*

Въ десять часовъ вечера переправились мы снова черезъ Вокшу, чтобы полюбоваться Иматрой въ эту пору дня и съ другаго берега. Три тарадайки ждали насъ, и Симонъ Яковлевичъ (*), со всею вѣжливостію, какую только можешь ты себѣ вообразить въ Чухонскомъ поклонникѣ прекраснаго пола, предложилъ свою тележку о четырехъ колесахъ къ услугамъ дамъ. На высокой постилкѣ сѣна, прикрытой нашими плащами и буркой, весьма живописно сѣли онѣ въ этой тележкѣ, нимало не тряской на гладкихъ Финскихъ дорогахъ; мы усѣлись въ двуколесныхъ тарадайкахъ и отправились за ними. Я предложилъ ѣхать сперва вверхъ по Вокшѣ и осмотрѣть верхній порогъ, Тайни; предложеніе мое было единодушно принято и мы пустились къ мызѣ Г. Циліакса, изъ которой всего лучше можно видѣть сей порогъ. Намъ позволили пройти въ садъ Г. Циліакса, лежащій утесомъ надъ самымъ водоскатомъ; но сей послѣдній заслоненъ деревьями, растущими по краю и по крутизнѣ утеса. Цѣпляясь за деревья, сошелъ я внизъ и сталъ на четвероугольномъ гранитѣ, выступившемъ изъ-подъ воды. Отсюда можно видѣть весь порогъ Тайни. На меньшемъ и не столь стѣсненномъ пространствѣ, рѣка скатывается здѣсь по гораздо меньшему наклону скалъ, нежели въ Иматрѣ; но волны быстро мчатся, рвутся, толкаютъ другъ друга, кипятъ и ревутъ. Кто не видалъ Иматры, тотъ могъ бы получить нѣкоторое о ней понятіе, взглянувъ на Тайни. Вышедъ изъ сада и поблагодаривъ молчаливыми поклонами хозяевъ или жильцевъ дома, мы сѣли въ свои тарадайки и покатились къ Иматрѣ.

Дорога съ этой стороны гораздо живописнѣе, нежели по правому берегу. Здѣсь почти безпрерывно ѣдешь близъ рѣки, видишь красивые берега ея и каменистые островки, видишь всѣ ея пороги, по которымъ она течетъ уступами. Вокша, крутясь и шумя при каждомъ изъ сихъ пороговъ, скоро усмиряется и течетъ уже плавнымъ бѣгомъ, но ниже прежняго своего русла; такимъ образомъ, что если бы можно было съ какой высоты обнять се однимъ взглядомъ на всѣхъ пяти верстахъ отъ Тайни до Иматры, то рѣка сія представилась бы въ видѣ свѣтлой хрустальной лѣстницы. Два или три уступа рѣки, которые можно въ одно время видѣть съ этого берега, принадлежатъ къ единственнымъ зрѣлищамъ разнообразной и богатой видами природы.

Но вотъ—шумъ усиливается, растетъ, растетъ.... Мы подлѣ Иматры. Я соскочилъ и побѣжалъ взглянуть на верховье сего порога. Здѣсь вода какъ бы рвется подточить огромные каменья и снести ихъ въ бездну по склону разщепленной скалы, которую она избрала своимъ русломъ. Рѣка, изъ широкой и плавной, вдругъ стѣсняется въ узкое, покатое ущелье, сердится, хочетъ разорвать сію препону и съ клокотомъ, ревомъ и пѣной низвергается по твердымъ, островерхимъ каменьямъ. Я пошелъ по обложенной булыжникомъ и усыпанной пескомъ тропинкѣ вдоль берега, видѣлъ большіе граниты, проточенные рѣкою во время полноводія и получившіе подобіе пещеръ, круглыхъ скопъ, водопроводовъ и пр. и пр. и пр. Наклоненіе каменистой разсѣлины, составляющей пороги Иматры, простирается слишкомъ на семдесятъ саженей въ длину; вышину его, отъ нижняго горизонта воды до верхняго, полагаютъ отвѣсно до десяти саженей. Слѣдя взоромъ за бурными, бѣшеными волнами, сошелъ я къ самому паденію водоската и здѣсь остановился на подмытомъ водою утесѣ, на краю бездны, которая кипѣла, клубилась и злилась подъ моими ногами. Здѣсь самое превосходное зрѣлище водоската. Верхніе валы, поминутно растя и надуваясь при каждомъ прибоѣ, при каждомъ подводномъ гребнѣ скалъ, всею силою своего натиска хлещутъ въ утесъ, подаются назадъ, набѣгаютъ снова, дѣлятся кудрявыми бороздами, напираютъ другъ на друга, подмываютъ берегъ, и вдругъ отдавшись и набѣжавъ на него съ новою силой, хлынутъ вверхъ пѣнною рѣкою и обдаютъ крупнымъ ливнемъ весь утесъ, какъ будто бы желая положить на немъ знаки тщетнаго своего гнѣва. Луна освѣщала сіе пышное, великолѣпное зрѣлище, и лучи ея скользили на бѣлыхъ, косматыхъ верхахъ встававшей на упоръ, послѣдней волны. Я смотрѣлъ въ сіи пѣнные, бурливые валы, и благоговѣйный ужасъ, обладавшій мною сначала, мало по малу изчезалъ или переходилъ въ какое-то неизъяснимое чувство пріязни къ этой чудной игрѣ приро-

---

(*) Финскій нашъ ямщикъ, о которомъ было говорено въ 3-мъ изъ прежде-напечатанныхъ писемъ. Музыка пѣтой имъ Финской пѣсни будетъ приложена къ слѣдующему No. *Лит. Газеты.*

ды. По непонятному, независящему отъ умственныхъ силъ влеченію, я искалъ сблизиться съ сими легкими, скачущими волнами, которыя словно манили меня и быстрымъ своимъ бѣгомъ, и бѣлою, разсыпною своею пѣной, и обаятельною своею свѣжестью. Изъ этой пѣны, когда она завивалась сѣдыми кудрями по краямъ большаго вала, поднимавшагося столпомъ вверхъ, и образовала по серединѣ его мшистое, дымчатое ложе, — какъ будто бы проглядывало живое существо, легкое, тонкое, едва осязаемое, въ воздушныхъ, полупрозрачныхъ формахъ. Косвенно-падавшій свѣтъ луны олицетворялъ мечту и довершалъ очарованіе. Шагъ за шагомъ, я приступалъ ближе и ближе къ самому краю бездны. Опасность для меня уже не существовала: какая-то жизнь въ этой вѣчно-движущейся стихіи, какая-то игривая прелесть этихъ зыбкихъ волнъ, притягивали меня къ нимъ изступленною, безразсудною любовью, въ которой я самъ себѣ не могъ дать отчета. Были минуты, въ кои, казалось, такъ легко было броситься въ разступающіяся хляби, чтобы слиться съ ними и узнать тайну ихъ безпрерывнаго движенія, ихъ неумолкающаго клокота. Созданное моимъ воображеніемъ, мечтательное существо сихъ водъ, выплескиваясь съ каждою волною въ своей влажной раковинѣ, подавало мнѣ знаки мимолетною улыбкой, приглашало меня увлекательнымъ своимъ ропотомъ. Здѣсь я постигъ всю высокость дара, всю полноту и живость воображенія, съ какими Германскій Поэтъ умѣлъ осуществить волшебное дѣйствіе шумныхъ водъ на уединеннаго ихъ созерцателя. Я все болѣе и болѣе подавался впередъ, пока наконецъ, такъ сказать, висѣлъ надъ бездной. Спутники мои, особливо испуганныя дамы, кликали меня съ верхней скалы; имъ показалось одну минуту, что я обрушился вмѣстѣ съ утесомъ и стремглавъ полетѣлъ въ клубящіяся волны; но ревъ, клокотъ и вой и стоны разъяренной хляби заглушали, поглощали голосъ человѣческій даже и на самомъ близкомъ разстояніи.

Мечты тѣснились въ моемъ воображеніи, мысли смѣнялись мыслями, подобно какъ волны волнами въ глазахъ моихъ. Не припомню и не могу тебѣ пересказать всѣхъ ихъ; но главная, господствующая мысль моя была та, что я вижу передъ собою нѣчто огромное живое, которое движется, волнуется и шумитъ по страсти, свойственной существамъ одушевленнымъ. И каковы должны быть тревоги сей страсти, никогда и ничѣмъ не усмиряемой! Вѣка пронесутся надъ Иматрой — и каждый мигъ, не измѣняясь и не умолкая, она будетъ наполнять своими бурными порывами, своимъ кипѣньемъ, ревомъ и грохотомъ!

Сколько уже столѣтій опочило на сихъ черныхъ скалахъ, сколько безчисленныхъ милліоновъ волнъ промчалось и прогремѣло по бугристому дну сего водоската, — и сила его ничѣмъ не умалилась, и волны протекшія безпрерывно замѣняются новыми волнами. Прекрасны ужасы моря во время бури; но море имѣетъ свои періоды спокойствія, въ которые поверхность его почти не зыблется и гладкостью, свѣтлостью своею являетъ въ себѣ необозримое зеркало. Но здѣсь никогда не бываетъ ни тишины, ни отдыха: въ ясный день и подъ мраками ночи, въ тихое, вешнее утро и въ бурный осенній вечеръ, во всѣ времена года, во всѣ часы, во всѣ мгновенія сутокъ, — все то же движеніе, все тотъ же прибой и шумъ и рокотъ волнъ!... Погрузясь совершенно въ сладкую, неотразимую задумчивость, я прилегъ на утесъ, не сводя глазъ любовался волнами, впивалъ ихъ свѣжесть, радовался, когда онѣ кропили меня брызгами и позабылъ о времени. Можно сказать, что я съ усиліемъ оторвалъ себя отъ сего заманчиваго утеса и отъ Иматры. Было уже близъ полуночи, когда мы возвращались на ночлегъ.

Я слабо передалъ тебѣ мои впечатлѣнія; но думаю, никакое человѣческое дарованіе не могло бы ихъ ни описать, ни пересказать. Въ томъ можешь быть увѣренъ, что я ихъ не выдумывалъ послѣ; это малѣйшая, и можетъ быть, не самая лучшая частица изъ тѣхъ, которыя въ этотъ незабвенный вечеръ роями носились въ душѣ моей.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* No.)

ГРАФИНѢ ЛУДОЛЬФЪ,

ПРЕДЪ ЕЯ ОТЪѢЗДОМЪ.

Столпъ Вавилонскій вашъ Альбомъ:
Смѣшенье языковъ, смѣшенье рифмъ и прозы;
Здѣсь Турокъ, Шведъ и Персъ, любовникъ розы,
И я, съ покорнѣйшимъ стихомъ.
Но въ чуждыхъ языкахъ, равно вамъ непонятныхъ,
Вы чувство здѣсь одно постигнете душой
И благовоньемъ словъ, для сердца ароматныхъ,
Оно пробудитъ въ васъ въ Италіи родной
Воспоминанье сновъ, быть можетъ, невозвратныхъ,
Вамъ свѣтло нѣкогда мелькнувшихъ надъ Невой.

Кн. Вяземскій.

ВЪ АЛЬБОМЪ

М. Ѳ. Б....ей.

Подъ хранительною сѣнью,
Безъ печалей, безъ заботъ,
Какъ цвѣтокъ въ саду подъ тѣнью,
Ваша молодость цвѣтетъ,

Розой щеки ваши рдѣютъ....
Съ ней вы схожи и душой:
Ароматомъ розы вѣютъ
Думы дѣвы молодой.

М. Деларю.

О БАЙРОНѢ

И ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(*Соч. Виктора Гюго.*)

Умы ложные, искусные всѣ вопросы перетолковывать по-своему, стараются между нами разпространить весьма странное заблужденіе. — Они вообразили, что нынѣшнее общество во Франціи выразилось двумя совершенно противоположными Литературами; это все равно, какъ если бы кто сказалъ, что какое-либо дерево безъ прививки принесло за одинъ разъ два плода совершенно различнаго рода, и что одна и та же причина можетъ производить вмѣстѣ два несовмѣстныя дѣйствія. Но сіи враги нововведеній даже и не замѣтили, что сами они создаютъ какую-то новую логику. Они ежедневно толкуютъ объ Литературѣ, которую называютъ *Классическою*, что будто она еще живетъ, а что та, которую именуютъ *Романтическою* — гибнетъ. Сіи ученые Риторы съ безпрестанными своими предложеніями, смѣнять существующее на то, что уже отжило свой вѣкъ, невольно намъ напоминаютъ Аріостова безумнаго Роланда, когда онъ важно проситъ прохожаго взять издохшую кобылицу въ обмѣнъ на живую лошадь. Роландъ еще, правда, соглашается, что *его кобылица мертвая*, все приговаривая, что *въ томъ только ея недостатокъ*; а Роланды мнимо-классической Поэзіи не достигли и до этой степени здравомыслія или прямодушія! — И посему надобно у нихъ вынудить то, чего они не хотятъ допустить сами, и объяснить имъ, что нынѣ существуетъ одна только Литература, какъ и одно только общество; что предшествовавшія Литературы хотя и оставили безсмертные памятники, но должны были изчезнуть и изчезли вмѣстѣ съ поколѣніями, которыхъ онѣ выражали житейскіе обычаи и политическія потрясенія. Духъ нашего времени можетъ быть столь же хорошъ, какъ и временъ самыхъ знаменитыхъ, но не можетъ быть одинъ и тотъ же; и такъ же не въ волѣ современныхъ Писателей воскресить Литературу прошлую (*), сколько не въ волѣ садовника сдѣлать, чтобъ осенніе листья снова зазеленѣли на вѣтвяхъ весеннихъ. —

Пусть въ этомъ не ошибаются. Въ особенности же, напрасно малое число умовъ ограниченныхъ пытается привести общія понятія снова къ жалкой литературной системѣ минувшаго столѣтія. Эта почва, отъ природы безплодная, давно уже изсохла. Впрочемъ, не принимаются за мадригалы Доратовы послѣ Робеспьеровыхъ гильотинъ, и не въ вѣкѣ Бонапартовомъ можно продолжать Вольтера. — Литература *существенная* нашего времени, Литература, коей творцы изгнаны по примѣру Аристида; которая отвержена всѣми перьями, принята всѣми лирами; Литература, которая не смотря на обширное и обдуманное *гоненіе*, видитъ развитіе всѣхъ талантовъ въ бурной своей сферѣ, какъ бы цвѣтовъ, произрастающихъ только въ мѣстахъ, обуреваемыхъ вѣтрами; наконецъ Литература, которая отринута рѣшающими безъ размышленія и защищается тѣми, кои мыслятъ своею душою, судятъ своимъ умомъ и чувствуютъ своимъ сердцемъ, — таковая Литература не имѣетъ ни изнѣженной и безстыдной поступи Музы, воспѣвшей Кардинала Дюбуа, льстившей Г-жѣ Помпадуръ и оскорбившей нашу Іоанну д'Аркъ; она не вопрошаетъ ни плавильню Атеиста, ни рѣзецъ Матеріалиста; не заимствуетъ у Скептика того свинцоваго безмѣна, котораго равновѣсіе нарушается корыстью, не возпѣваетъ на буйныхъ пиршествахъ пѣсни въ честь убійствъ; она не поддается ни ласкательству, ни оскорбленію; не украшаетъ ложь приманчивостію, не отъемлетъ у мечты ея прелести. Чуждая всего, что не есть подлинною ея цѣлью, она почерпаетъ поэзію въ источникахъ истины; ея воображеніе оплодотворяется вѣрою; она слѣдуетъ за успѣхами времени, но стопою важною и мѣрною; ея характеръ степенный, голосъ мелодическій и звучный; словомъ, она то, чѣмъ должна быть общая мысль великаго народа послѣ великихъ бѣдствій: грустная, горделивая и набожная. — Когда нужно, она смѣло вмѣшивается въ общественные раздоры, чтобы судить ихъ, либо усмирять; ибо время буколикъ для насъ прошло, и Муза девятнадцатаго вѣка не скажетъ уже:

Nec me agitant populi fasces, aut purpura regum.

Впрочемъ и эта Литература, какъ и все человѣческое, имѣетъ въ самомъ своемъ единствѣ, свою и мрачную и утѣшительную сторону. Двѣ школы образовались въ ея лонѣ, изображающія двоякое положеніе, въ коемъ наши политическія бѣдствія взаимно оставили умы: покорность Провидѣнію и отчаяніе. Обѣ признаютъ то, что насмѣшливый *Философизмъ* отвергалъ — вѣчность Бога, безсмертіе души, истины первородныя и истины откровенныя; но одна признаетъ для обожанія, другая для проклятія. Одна все видитъ съ высоты Небесъ, другая изъ глубины ада. Первая у колыбели че-

---

(*) Читая сіе, не должно терять изъ виду, что подъ словами: *Литература вѣка*, надлежитъ разумѣть не только совокупность твореній, написанныхъ въ теченіе того вѣка, но также и общій порядокъ идей и чувствованій, кои (весьма часто незавѣдомо самимъ писателямъ) отражались въ ихъ произведеніяхъ.

ловѣка видитъ Ангела, котораго еще обрѣтаетъ онъ и у возглавія смертнаго одра своего; а другая окружаетъ его повсюду демонами, призраками и зловѣщими привидѣніями. Первая говоритъ ему, чтобъ онъ *довѣрился*, ибо онъ никогда не бываетъ одинъ; вторая его ужасаетъ, безпрестанно его уединяя. Обѣ равномѣрно владѣютъ искуствомъ набрасывать пріятные виды и начертывать образы страшные; но первая, внимательно всегда остерегаясь, чтобы не сокрушить сердца, придаетъ даже самымъ мрачнымъ картинамъ какой-то божественный отблескъ; вторая, заботливо всегда стараясь опечалить насъ, разливаетъ на самыя привлекательныя изображенія какъ бы адское мерцаніе. Одна наконецъ походитъ на Емануила, кроткаго и сильнаго, протекающаго по своему Царству на колесницѣ громовъ и сіянія: другая тотъ надменный Сатана, столько звѣздъ увлекшій въ своемъ паденіи, когда низверженъ былъ съ Небесъ. Сіи двѣ школы-*близнецы*, имѣющія одно основаніе и рожденныя, такъ сказать, въ одной колыбели, кажется намъ, особенно представлены въ Литературѣ Европейской двумя знаменитыми геніями (изъ коихъ правда первый выше втораго, какъ по собственному величію, такъ и по высокой его нравственности): Шатобріаномъ и Байрономъ.

По прекращеніи нашихъ дивныхъ переворотовъ, два политическіе порядка боролись на одномъ поприщѣ. Старое общество совсѣмъ обрушивалось, новое начинало возвышаться. Здѣсь развалины, тамъ очерки. Лордъ Байронъ въ своихъ погребальныхъ жалобахъ выражалъ послѣднія судороги общества умирающаго. Шатобріанъ своими высокими вдохновеніями удовлетворилъ первыя потребности общества оживленнаго. Голосъ одного, какъ послѣднее прощаніе лебедя въ часъ смерти; голосъ другаго подобенъ пѣсни воскресающаго Феникса.

По мрачности своего генія, по гордости характера, по бурямъ жизни своей, Лордъ Байронъ есть отпечатокъ того рода Поэзіи, котораго былъ онъ толмачемъ. Всѣ его творенія носятъ глубоко врѣзанную печать его *личности*. Въ каждой его поэмѣ, передъ глазами читателя мелькаетъ, какъ сквозь траурный флёръ, какое-то мрачное и высокомѣрное лице. Подверженный иногда, какъ и всѣ глубокіе мыслители, неопредѣленности и темнотѣ, онъ издаетъ слова, которыя отзываются во всей душѣ, вздохи, которые повѣствуютъ цѣлое существованіе. Сердце его какъ будто разверзается при каждой мысли, изъ него вырывающейся, подобно волкану, который мещетъ молніи. — Ни печали, ни радости, ни страсти не имѣютъ для него никакихъ таинствъ, и если онъ земные предметы выказываетъ только сквозь завѣсу, за то области идеальныя являетъ во всей наготѣ. Можно его упрекнуть, что онъ совершенно не заботится объ устройствѣ своихъ плановъ, — недостатокъ важный, ибо поэма, неимѣющая плана, есть то же, что зданіе безъ балокъ, или картина безъ перспективы. — Равномѣрно онъ слишкомъ далеко простираетъ лирическую небрежность въ переходахъ, и желательно бы иногда было, чтобы сей столь вѣрный живописецъ внутреннихъ движеній души, набрасывалъ менѣе фантастическій свѣтъ и оттѣнки не столь туманные на свои физическія описанія. Геній его слишкомъ часто похожъ на прохаживающагося безъ цѣли мечтателя, который, будучи погруженъ въ глубокое созерцаніе, приноситъ съ собою только сбивчивый образъ мѣстъ, имъ видѣнныхъ. Но какъ бы то ни было, въ самыхъ тѣхъ изъ его произведеній, кои менѣе всего заслуживаютъ похвалы, это своенравное воображеніе возносится къ высотамъ, до которыхъ не достигнуть безъ крыльевъ. Сколь бы орелъ ни устремлялъ свои очи къ землѣ, онъ неменѣе чрезъ то сохраняетъ свой высокій взоръ, досягающій самаго солнца. Полагали, что Авторъ Донъ-Жуана одною стороною ума своего принадлежитъ къ школѣ Автора Кандида. Заблужденіе! разница безмѣрная между смѣхомъ Байрона и смѣхомъ Вольтера: Вольтеръ не страдалъ.

Здѣсь бы кстати было сказать что нибудь о тревожной жизни благороднаго Поэта; но въ неизвѣстности, въ каковой мы находимся о дѣйствительныхъ причинахъ его домашнихъ несчастій, облившихъ желчью нравъ его, мы лучше умолчимъ, изъ опасенія, чтобы перо наше невольно не уклонилось отъ истины. — Зная Лорда Байрона по однѣмъ его поэмамъ, намъ пріятно предполагать, что жизнь его была по его душѣ и генію. Какъ и всѣ великіе люди, онъ былъ конечно жертвою клеветы. Ей только приписать можно обидные слухи, сопровождавшіе такъ долго знаменитое имя Поэта. Впрочемъ и та, которую оскорбили его проступки, конечно первая о нихъ забыла при вѣсти о его кончинѣ, и мы надѣемся, что она ему простила: ибо мы не изъ тѣхъ, которые мыслятъ, что ненависть и мщеніе найдутъ что-либо начертать на гробовомъ камнѣ (*)! И мы простимъ ему также его ошибки, его заблужденія и даже тѣ изъ его твореній, въ которыхъ онъ, по видимому, низшелъ съ двойственной высоты своего характера и таланта; простимъ ему: онъ умеръ такъ благородно! онъ палъ такъ доблестно! Онъ тамъ казался какъ бы представителемъ Музы новѣйшей въ отечествѣ древнихъ Музъ. Великодушный поборникъ славы, вѣры и свободы, онъ принесъ мечь и лиру потомкамъ первыхъ воиновъ и первыхъ Поэтовъ; и уже тяжесть его лавровъ наклоняла мѣрила въ пользу несчастныхъ Эллиновъ. Мы ему обязаны, мы въ особенности, глубочайшею признательностію. Онъ доказалъ Европѣ, что Поэты новой школы хотя и не

(*) Любителямъ Поэзіи конечно извѣстно трогательное Прощаніе*, написанное Лордомъ Байрономъ супругѣ его.*

поклоняются богамъ Греціи языческой, но всегда удивляются ея героямъ; и что если они покинули Олимпъ, то никогда не разставались съ Ѳермопилами.

Съ Фр.— В. Романовичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

КАРТЫ, ТАБЛИЦЫ и пр.

Политическій Балансъ Земнаго Шара, для употребленія Чиновниковъ, Банкировъ, Купцевъ, Путешественниковъ и Юношества, или Опытъ всеобщей Статистики Земнаго Шара, согласно съ нынѣшнимъ политическимъ онаго раздѣленіемъ и новѣйшими открытіями; показывающій пространство каждаго Государства, число жителей онаго вообще и знатнѣйшихъ городовъ въ особенности, доходы, долгъ, сухопутную и морскую силу, имя царствующаго Государя ипр. ипр. Составленный Г. Бальби и переведенный съ Французскаго И. Эйнерлингомъ, съ присовокупленіемъ географической карты по проэкціи Меркатора.

Подъ симъ заглавіемъ вышла на дняхъ Статистическая таблица, весьма полезная и даже необходимая для справокъ; ибо въ ней съ одного взгляда можно видѣть относительную силу каждаго Государства въ пяти частяхъ Свѣта. Имя Г. Бальби, сочинителя *Этнографическаго Атласа*, можетъ служить достаточнымъ ей одобреніемъ. Въ разкрашенной картѣ всего земнаго шара, присовокупленной къ сей таблицѣ, являются всѣ помянутыя Государства съ ихъ сравнительною величиною и естественными границами. Къ симъ таблицѣ и картѣ прилагается еще небольшая книжка, служащая изъясненіемъ таблицы. — *Политическій Балансъ Земнаго Шара* представленъ на двухъ большихъ листахъ Александрійской бумаги, изъ коихъ одинъ (географ. карта) разкрашенъ. Цѣна всему вмѣстѣ 8 р., съ пересылкою. 11 р.; наклеен. на холстѣ и съ палочками, или въ футлярѣ, 13 р., съ пересылк. 16 р. — Выписывается отъ Издателя, имѣющаго жительство въ С. П. Б., на Невскомъ Проспектѣ, въ д. Экономическаго Общества, въ 3-мъ этажѣ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Iwan Wuiſchigin, moraliſch-ſatyriſcher Roman von Th. Bulgarin. Aus dem Ruſſiſchen überſezt von Auguſt Oldekop. 4 Th. Leipzig. 1830. (Иванъ Выжигинъ, нравственно-сатирическій романъ Ѳ. Булгарина, пер. Августъ Ольдекопъ) 4 ч. Лейпцигъ 1830. (въ 1. ч. XXIV-184, во 2-й 188, въ 3-й 220 и въ 4-й 316 стран. въ 12 д. л.).

Какъ не быть намъ благодарными иностранцамъ! Пиши только, они всегда готовы переводить наши сочиненія. Однако чрезмѣру опасливые патріоты наши ропщутъ на нихъ за преложеніе романа: *Иванъ Выжигинъ*. «Какое странное понятіе,« говорятъ они, «будутъ имѣть Европейцы о Рускихъ нравахъ, прочтя сіе произведеніе?« Не бойтесь, Милостивые Государи, Россія не закрыта отъ любопытныхъ чужеземцевъ Китайскою стѣною. Со временъ Петра Великаго просвѣщенные и почтенные Европейцы не оставляютъ столицъ нашихъ. Принцы крови, Посланники знаменитыхъ Государей, ученые путешественники и просвѣщенные торговые люди посѣщаютъ Россію ежегодно и возвращаясь домой, письменно или словесно передаютъ о ней свои вѣрныя наблюденія. Изъ однихъ напечатанныхъ и вездѣ уважаемыхъ замѣчаній о Россіи на Англійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ легко можете увидѣть, какъ мы извѣстны внѣ нашего отечества. Вспомните Сегюра, Принца Де-Линь и Г-жу Сталь, и вы успокоитесь. Вотъ вамъ три представителя образованности и любезности Европейской, которые удивлялись, во множествѣ встрѣчая въ гостиныхъ нашихъ, людей вполнѣ ихъ оцѣнявшихъ, и очаровательностію обхожденія и разговоровъ заставлявшихъ забывать всю прелесть блестящихъ обществъ Парижа, Лондона и Вѣны. Умные иностранцы имъ повѣрятъ скорѣе, чѣмъ *Ивану Выжигину*, въ которомъ не найдутъ ни характеровъ, ни нравовъ, ниже нравственности и сатиры, обѣщанныхъ на заглавномъ листѣ, не отыщутъ даже интереса романовъ Коцебу, Списса, Дюкре-Дюминиля и прочихъ своихъ посредственныхъ романистовъ; и только заключатъ, что въ Россіи нѣтъ еще хорошихъ романовъ, если, вѣря предисловію Гна Переводчика, *Иванъ Выжигинъ* въ семь дней у насъ разкупился. Но и сему объявленію переводчика врядъ ли они повѣрятъ, опытами убѣжденные въ истинѣ пословицы: A beau mentir qui vient de loin. — На романъ сей за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія въ свѣтъ, открыта была подписка, и подписка сія повидимому у Автора шла неудачно, ибо онъ рѣшился подъ конецъ продать свое сочиненіе книгопродавцу за десять тысячь рублей, по крайней мѣрѣ вдвое дешевле того, что онъ получилъ бы отъ 2400 покупателей, въ семь дней по словамъ Гна Ольдекопа разхватившихъ.

романъ: *Иванъ Выжигинъ*. Книги же, какого бы достоинства онѣ ни были, сдѣлавшись собственностію книгопродавцевъ, разходятся у насъ хорошо, благодаря купеческой ловкости и оборотливости. Взгляните въ Русскіе книжные каталоги: вы удивитесь, сколько разъ перепечатывались многотомныя собранія разнаго вздора именно потому, что они изданы и проданы книгопродавцами; а книги (какъ на примѣръ путешествіе Крузенштерна, имѣвшее въ переводахъ нѣсколько изданій), едва ли въ двадцать лѣтъ окупили издержки типографскія. Впрочемъ и у насъ были и есть доказательства исключительной любви къ произведеніямъ, ознаменованнымъ дарованіями высокими. Такъ Исторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина, раскупили въ 28 дней три тысячи экземпляровъ, за каждый платя не по 15 рублей, а по 50"; такъ сочиненія А. С. Пушкина, имъ самимъ издаваемыя, съ жадностію раскупаются и читаются.

Переводчикъ романа: *Иванъ Выжигинъ*, ропщетъ въ предисловіи на трудности, съ нимъ повстрѣчавшіяся въ семъ занятіи. Жалѣемъ объ немъ, тѣмъ болѣе, что съ его трудолюбіемъ и талантами онъ бы могъ употребить на лучшее и труды свои и время.

СМѢСЬ.

Издатель *Сѣвернаго Муравья*, *Газеты промышлености*, Г. Профессоръ Н. П. Щегловъ, желая облегчить способъ къ полученію сей Газеты тѣмъ изъ соотечественниковъ, кои по какимъ-либо причинамъ не могли подписаться на всѣ №№. оной, предположилъ открыть особенную на нее подписку за 2-ю половину текущаго года. Цѣна за полугодовое изданіе, или за двадцать шесть №№. (съ 27-го по 52-й включительно) назначается: въ С. П. бургѣ, безъ пересылки, 17 р., а съ пересылкою въ домы и другіе города 20 р.

Подписка на *Литературную Газету* принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-го по 72-й №. включительно), здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи и разноскою по домамъ, 20 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ, И. В. Слёнина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, №. 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ №. 28; у Ильи Ив. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ №. 27. Въ Москвѣ: у Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книжн. магазинѣ С. И. Титова. — Гг. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. — Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

Люди недальновидные, но любящіе и привыкшіе отдавать себѣ отчетъ во всемъ ими прочитанномъ, осуждали между прочимъ въ *Иванѣ Выжигинѣ* неопредѣленность времени, въ которое жили и дѣйствовали герои сего романа. По названію Государственныхъ должностей, существующихъ въ Россіи, по одеждѣ и нѣкоторымъ обычаямъ думаешь, что Авторъ представляетъ нынѣшнее время Россіи; по войнѣ же небывалой и по описаніямъ нравовъ Московскихъ и Петербургскихъ разувѣряешься совершенно въ первомъ предположеніи. Задача сія разрѣшилась. Авторъ *Выжигина* съ намѣреніемъ закрывалъ эпоху существованія своихъ дѣйствующихъ лицъ, дабы представляя по своему разумѣнію Рускіе нравы, написать исторію цѣлой династіи Выжигиныхъ, т. е. въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ выдать похожденія сына Ивана Выжигина, Петра Ивановича и, можетъ быть, внука его Петра Петровича и правнука Ивана Петровича, и такъ далѣе. Мы получили вѣрное извѣстіе, что уже двѣ части похожденій Петра Ивановича написаны, а всѣ четыре впередъ запроданы книгопродавцу. Если это семейство Выжигиныхъ попадется черезъ сто лѣтъ кому нибудь въ руки, то какое тогдашній читатель возымѣетъ почтеніе къ постоянству нашему въ модахъ и обычаяхъ, видя отца, сына, внука и правнука въ одинакой одеждѣ, съ одинакими привычками и странностями.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 14-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМ. I. № 35. ІЮНЯ 20го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(*Продолженіе.*)

Письмо V.

Ихандола, 30 *Іюня, въ* 5 *часовъ по полудни.*

Мы ѣдемъ въ обратный путь. Пишу къ тебѣ со второй станціи отъ Иматры, которая все еще, кажется, гремитъ мнѣ въ слухъ отдаленнымъ своимъ гуломъ. Но прежде, нежели начнешь слѣдить мыслью за бѣгомъ моей тарадайки къ Выборгу, разпрощайся въ этомъ письмѣ съ Сиполой и Иматрой, какъ я съ ними разпрощался.

Окончa послѣднее мое письмо, въ шесть часовъ утра, я пошелъ купаться. Утро было прелестно; безоблачное небо яснѣло чистою, тонкою лазурью, которую, ты конечно согласишься, должно также причислить къ рѣдкостямъ въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ небо почти обыкновенно бываетъ, по выраженію одной изъ милыхъ нашихъ спутницъ, *похоже на простоквашу*. Солнце согрѣвало воду, которая серебряными полосами переливалась черезъ камни Вокши. Я пошелъ къ одной впадинѣ холма, заслоненной деревьями, противъ самаго порога, къ коему вчерась мы подплывали въ ладьѣ. Здѣсь я съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ бросился въ воду, перебирался съ камня на камень, сидѣлъ на каждомъ изъ нихъ и ждалъ, пока волна обдастъ меня и столкнетъ снова въ рѣку. Должно тебѣ замѣтить, что въ Вокшѣ не повсюду глуби: крайніе къ берегу камни пороговъ лежатъ на мѣстахъ мѣлкихъ, и я, довольно далеко подаваясь въ воду, находилъ глубины неболѣе какъ по шею; но теченіе очень быстро, прибой волнъ къ порогамъ очень силенъ и мѣстами есть между ними глубокія ямы; посему должно пускаться въ эту рѣку съ большою осторожностью.

Свѣжъ и веселъ разстался я съ ласковыми струями Вокши. Одна изъ нашихъ дамъ и двое изъ спутниковъ уже встали и у пристани любовались живымъ, разнообразнымъ теченіемъ рѣки и свѣтлымъ утромъ, обѣщавшимъ красный день. Вмѣстѣ мы прохаживались по Сиполѣ, заходили изъ любопытства въ одинъ Чухонскій домъ, видѣли незатѣйливое его устройство и нероскошный бытъ; видѣли, какое въ немъ вездѣ приволье для *ветчины въ первобытномъ видѣ*, которая плодится здѣсь на диво и *семейно жмется къ ногамъ* (*) жильцевъ и прохожихъ. Видѣли также здѣшнихъ Цыгановъ, которые, сохраня первобытную свою физіогномію, утратили, кажется, отъ соприкосновенія съ Финнами, врожденную свою живость, и даже способность изъясняться (впрочемъ довольно худо) на разныхъ языкахъ: изъ этихъ Цыгановъ ни одинъ не говорилъ по-Руски.

Блюдо вкусныхъ Вокшанскихъ форелей и свѣжихъ сельдей, поданное къ завтраку, вознаградило насъ за вчерашнее постничество. Послѣ завтрака, мы собрались въ дорогу, съ тѣмъ, чтобы снова мимоѣздомъ зайти къ Иматрѣ и проститься съ нею. Въ эту минуту подошелъ къ линейкѣ полупьяный нищій, и когда ему подали милостыню, онъ, отброся въ сторону двѣ свои клюки, запѣлъ Финскую пѣсню и пустился плясать въ присядку съ такими смѣшными тѣлодвиженіями и ужимками лица, и безъ того уже очень смѣшно созданнаго, что всѣ мы, и даже окружавшіе насъ Чухонскіе ямщики, захохотали въ одинъ голосъ. Я никакъ не ожидалъ столь весело разстаться съ Сиполой, которая оставила во мнѣ воспоминанія пріятныя, но, по свойству своему, вовсе не смѣхотворныя. Ты, конечно, понимаешь меня: здѣсь я болѣе всматривался въ природу краснорѣчивую, но не говорящую языкомъ человѣческимъ.

Остальные часы утра провели мы на Иматрѣ, разхаживали по правому, высокому ея берегу, спускали отъ верхнихъ ея пороговъ елки, которыя бились въ пѣнныхъ волнахъ, отталкивались назадъ, изчезали въ желтоватой хляби, выказывались снова то тѣмъ, то

(*) Подчеркнутыя выраженія заняты мною изъ остроумнаго и веселаго стихотворенія Кн. П А. Вяземскаго: *Станція*.

другимъ концемъ, крутились, какъ бы боролись съ волнами, надолго пропадали въ послѣднихъ, самыхъ бурныхъ валахъ и наконецъ, обнаженныя отъ вѣтвей и коры, разщепленныя и почти измочаленныя, выплывали въ большомъ прудѣ или *бассейнѣ* рѣки, служащемъ какъ бы стокомъ водоската. Прекрасенъ видъ Иматры отъ крайнихъ перилъ, которыми обнесенъ правый ея берегъ: сначала, у верхнихъ пороговъ, вода бурно врывается черезъ камни въ ущеліе; послѣ, нѣсколько саженей, быстро съ громомъ катится по крутизнѣ; далѣе наталкивается, напираетъ на пороги, и тутъ уже, съ камня на камень, съ порога на порогъ, валы растутъ, становятся больше и больше, сердитѣе и сердитѣе, пока наконецъ, у самыхъ нижнихъ пороговъ тѣснины, взрываются вверхъ, бьютъ водометами и разсыпаясь пѣной, снова бурлятъ и клубятся водоворотомъ въ прудѣ, при началѣ коего опять они встрѣчаютъ подводные камни. Отсюда, постепенно уменьшаясь и рѣдѣя, до половины сего обширнаго пруда разстилаются они шипящею пѣной. Далѣе, за прудомъ, рѣка становится не столь уже широкою и плавно течетъ въ берегахъ своихъ.

Я смотрѣлъ съ этого берега на противоположный, не столь высокій, но болѣе живописный; ибо онъ сверху до низу является весь въ обнаженныхъ гранитныхъ утесахъ; смотрѣлъ на тѣ мѣста, по которымъ мы проходили вчера ночью. Утесы сіи подмыты водою, которая подѣлала въ нихъ пещеры, ущелья и зубчатыя насѣчки. Я взглянулъ на висящій надъ водою камень, на которомъ такъ долго и такъ сладко предавался я вчерась мечтамъ и задумчивости: онъ былъ разщепленъ на трое, и казалось, ежеминутно готовъ былъ рухнуть въ бездну.

Одинъ знакомецъ мой находилъ въ Иматрѣ разноцвѣтныя волны; я видѣлъ водоскатъ сей въ разные часы дня: утромъ, въ полдень и вечеромъ, вглядывался пристально въ его волны и могу тебя увѣрить, что волны сіи (кромѣ пѣны, которая, какъ и вездѣ, бываетъ бѣлая) постоянно имѣютъ мутно-желтоватый цвѣтъ. Безъ сомнѣнія гранитное ихъ русло придаетъ имъ цвѣтъ сей, ибо вода въ Вокшѣ свѣтла и чиста, а за Иматрой она становится еще чище, и конечно здоровѣе, бывъ пропущена сквозь сію единственную *фильтровальную машину*.

Здѣшніе Финны, кажется, любятъ *свою* Иматру: всегда найдешь ихъ здѣсь нѣсколько человѣкъ, и часто вовсе безъ дѣла, бродящихъ по берегамъ и смотрящихъ въ водоскатъ. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, основываютъ свои разчеты на любопытствѣ посѣтителей: срубаютъ ели и спускаютъ ихъ за верхними порогами, или скатываютъ съ крутизны большіе камни въ самыя кипучія мѣста Иматры, и все это, разумѣется, не даромъ; женщины продаютъ здѣсь ягоды, а мальчики промышляютъ каменьями, обточенными въ Иматрѣ и выбрасываемыми отъ времени до времени на берега пруда. Камни сіи вообще брусковой породы; они весьма правильно округляются съ обѣихъ сторонъ треніемъ о граниты и пески, и получаютъ видъ карманныхъ часовъ, двойныхъ лорнетовъ, продолговатыхъ древнихъ лампъ или ночниковъ и т. п.; на нѣкоторыхъ изъ нихъ силою воды, кружащей ихъ и трущей о песокъ, выведены столь же правильные выпуклые круги и кривыя линіи, параллельныя той фигурѣ, которая симъ черченіемъ сообщена камню. Я взялъ ихъ нѣсколько на память и подѣлюсь съ тобою при случаѣ симъ минералогическимъ пріобрѣтеніемъ.

Мнѣ казалось, что я здѣсь возродился снова или помолодѣлъ. Какая-то бодрость тѣла, какая-то юношеская отвага духа пробудились во мнѣ и какъ будто бы скинули у меня съ плечъ лѣтъ десятка два лишнихъ. Я смѣло лазилъ по крутому склону едва прикрытой мхомъ горы, надъ самою бездной, забавлялся тѣмъ, что перескакивалъ съ одного остраго зубца скалы на другой, чертилъ надписи на почернѣвшихъ отъ времени и водяной пыли гранитахъ, о которые плещутся волны, пилъ воду, которую оставлялъ на нихъ скатившійся валъ, и чувствовалъ себя здоровѣе, веселѣе и легче обыкновеннаго. Такъ живительны, такъ ободрительны высокія явленія природы! Наконецъ, я снова присѣлъ на камнѣ у послѣднихъ пороговъ, засмотрѣлся въ волны, заслушался разнозвучной, торжественной ихъ музыки. Въ это время, кто-то подходитъ ко мнѣ и хватаетъ меня за плечо.

— «Что тебѣ надобно?» спросилъ я, оглянувшись и увидѣвъ стоявшаго за мною Симона Яковлевича.

— «Я долго стоялъ за вами, баринъ, кликалъ васъ, да вы не слыхали. — Пора ѣхать; лошадки ждутъ: имъ тяжко стоять въ упряжи на солнцѣ.

— «Пора, пріятель,» отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на часы и увидя, что первый часъ по полудни былъ уже въ изходѣ.

Медленно и неохотно разстались мы съ Иматрой. Идучи отъ нея, мы поминутно бросали на нее прощальные взоры, какъ на человѣка, поселившаго въ насъ прочное, глубокое чувство пріязни и уваженія, и котораго мы должны оставить надолго, можетъ быть, навсегда.

Я слышалъ, что въ Выборгѣ давно уже собирается подписка для построенія висячаго моста на Иматрѣ, съ одного ея берега на другой. Сказать ли тебѣ? Эта мысль вовсе меня не радуетъ: мостъ сей отниметъ у водоската общую, единственную его картину, которая великолѣпна безъ всякихъ постороннихъ украшеній и не требуетъ никакихъ пособій руки человѣческой. Не лучше ли бы за собранныя подпискою деньги построить, на вышней платформѣ праваго берега, просторный домъ для пріѣзжающихъ и снабжать его на лѣтнее время всѣми удобствами и выгодами жизни? Это было бы гораздо выгоднѣе и для подписчиковъ, и для посѣтителей, которые теперь съ трудомъ находятъ пристанище въ окрестностяхъ Иматры; а тогда могли бы здѣсь, у самой цѣли ихъ путешествія, находить за умѣренную цѣну и пріютъ, и ночлегъ, и съѣстные припасы.

На послѣдней станціи, въ Бентилѣ, простился съ нами и Симонъ Яковлевичъ. Лошади его утомились отъ безпрестанной почти двухъ-суточной ѣзды, и конелюбивый нашъ возница долженъ былъ дать имъ отдыхъ, хотя, по его словамъ, ему и очень не хотѣлось разлучиться съ нами. Этотъ простодушный сынъ природы, который занялъ бы непослѣднее мѣсто въ біографіи *самоучекъ* Рускаго Царства, служилъ намъ поперемѣнно и ямщикомъ, и камердинеромъ, и лонъ-лакеемъ, и переводчикомъ, и всѣ эти разнородныя должности исправлялъ онъ съ отмѣнною расторопностію и смѣтливостію; а что переходило за предѣлы его понятій, на то отвѣчалъ онъ доброю, привѣтливою улыбкой, которая съ выгодной стороны свидѣтельствовала о душевныхъ его качествахъ. Во всю дорогу былъ онъ неизмѣнно веселъ, кромѣ той минуты, когда прощался съ нами; пѣлъ намъ Финскія пѣсни, въ числѣ которыхъ одна всѣмъ намъ понравилась пріятнымъ своимъ напѣвомъ. Товарищъ нашъ, любитель музыки, положилъ ее на ноты; чтобы познакомить тебя съ музыкою Финновъ, прилагаю здѣсь листокъ этихъ нотъ. Разставанье наше съ Симономъ Яковлевичемъ было самое искреннее: онъ со вздохами и почти со слезами пожималъ намъ руки; мы отвѣчали ему также дружескимъ пожатіемъ рукъ и оставили ему на память нѣкоторые болѣе вещественные знаки доброжелательства. Выпроводя насъ, онъ сталъ на дорогѣ и долго смотрѣлъ вслѣдъ за нами.

Ты знаешь, что я, не будучи космополитомъ по образу мыслей, вовсе однако же чуждъ *патріотизма кислой капусты и соленыхъ огурцовъ*. Я люблю свое отечество, люблю своихъ единоплеменниковъ Славянскаго поколѣнія; но уважаю добрыя качества и въ тѣхъ изъ моихъ единоземцевъ, которые происходятъ отъ другихъ поколѣній. Нѣкоторые причудливые путешественники описывали мнѣ Финновъ грубыми, упрямыми и полудикими; мнѣ кажется, что они только хладнокровны, и это не вовсе худое свойство въ народѣ. Они не сердятся на брань нетерпѣливыхъ путешественниковъ, отвѣчаютъ умильною улыбкой на тѣ слова, коихъ значенія не понимаютъ, съѣзжаютъ съ дороги и вѣжливо скидаютъ шапки передъ проѣзжими, которыхъ считаютъ выше себя званіемъ. Они, кажется, вовсе не вороваты: мы разбрасывали свои вещи на станціяхъ и оставляли ихъ на нѣсколько времени, а въ Сиполѣ даже на нѣсколько часовъ, и все, до самой бездѣлицы, было сохранено въ цѣлости. Сегодня воскресный день, мы поминутно встрѣчаемъ мужчинъ и женщинъ, катающихся въ шарадайкахъ. Всѣ они одѣты въ праздничныя свои платья, не щеголеватыя, но весьма опрятныя; всѣ, кланяясь, уступаютъ намъ дорогу, и ни одного изъ нихъ не замѣтилъ я пьянаго. Даже съ виду кажутся мнѣ они веселѣе и бодрѣе, нежели Чухны Ливонскіе и Эстонскіе.

Ѣзда по здѣшнимъ дорогамъ весьма облегчена для путешественниковъ. Пріѣзжаешь на станцію, тотчасъ подаютъ тебѣ книжку съ графами, изъ которыхъ въ одной вписывается имя проѣзжаго, въ другой число требуемыхъ имъ лошадей, въ третьей названіе мѣста, откуда, а въ четвертой, куда ѣдешь. При этой книжкѣ, приложено по экземпляру почтовыхъ постановленій Княжества Финскаго, на Рускомъ и Нѣмецкомъ, и по таковому же на Шведскомъ и Финскомъ языкахъ. Все сіе вмѣстѣ хранится въ особливомъ бумажникѣ изъ черной кожи. Никакихъ не было у насъ споровъ ни о числѣ лошадей, ни о платѣ за нихъ; гдѣ не было нужнаго намъ числа лошадей почтовыхъ, тамъ, за весьма умѣренную прибавку, впрягали намъ обывательскихъ. Здѣсь можно ѣхать и одному, безъ ямщика, на перекладныхъ въ шарадайкѣ: лошадь и шарадайку оставляешь на слѣдующей станціи, гдѣ даютъ тебѣ другую шарадайку съ свѣжею лошадью.

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

ОТПЛЫТІЕ ЧАЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.

(*Изъ Байрона.*)

I.

Никто Гарольда не любилъ;
Но замокъ Лорда величавый
Всегда гостями полонъ былъ,
Среди безумства и забавы
Поклонниковъ докучный строй,
Какъ насѣкомыхъ жадный рой
Предъ нимъ усердно суетился,
И день за днемъ въ пирахъ влачился.
Вездѣ толпа прелестницъ съ нимъ!
Но ни одной изъ нихъ любимъ —
Онъ не былъ (для Сиренъ разврата,
Одинъ лишь блескъ пріятенъ злата:
Такъ легкокрылый мотылекъ,
Летитъ на яркій огонекъ).

II.

Но замка башни вѣковыя,
Тамъ, гдѣ въ часы любовныхъ нѣгъ
Лобзалъ онъ очи голубыя,
Красавицъ кудри золотыя
И перси, бѣлыя какъ снѣгъ;

Пиры и чаши круговыя,
И все, что прежде онъ любилъ,
Гарольдъ оставилъ и забылъ!
Обозрѣвая гордо море,
Чуждаясь родины своей,
Безумецъ мнитъ размыкать горе
Средь влажной пустыни морей.

III.

Послушный парусъ съ шумомъ вьется,
Попутный вѣтръ какъ будто рвется
Ему сквозь волнъ прорѣзать путь;
И вотъ Гарольдъ средь Океана,
И не успѣлъ назадъ взглянуть,
Какъ скрылся въ облакѣ тумана
И брегъ родной и темный лѣсъ;
Но что же онъ?...не пролилъ слезъ
И не вздохнулъ, разставшись съ ними!
Осиротѣлый — онъ молчитъ;
Другіе жъ плакали на взрыдъ,
Какъ бы навѣкъ простясь съ родными!

IV.

Когда же солнце въ бездну водъ
Спустилось, арфу онъ берётъ;
Рукой небрежной, безъ искусства,
Златыя струны пролетѣлъ:
И ввѣря ей какъ другу чувства,
Такъ пѣснь прощальную запѣлъ:

«Прощай, о брегъ родной земли!
Уже сокрылся ты въ дали...
Стонъ бури, говоръ синихъ волнъ
И птицъ морскихъ печальный крикъ
Мой провожаютъ легкій челнъ;
Ужь Фебъ златой къ волнамъ приникъ,
И скоро скроется отъ насъ...
Поклонъ ему! — въ послѣдній разъ —
И родинѣ моей поклонъ!

На утро снова выйдетъ онъ,
Увижу я небесный сводъ,
Увижу море...лишь одной
Не будетъ здѣсь земли родной.
Сталъ пустъ старинный за́мокъ мой!
Тамъ дикій плющъ вкругъ стѣнъ растётъ,
И воетъ песъ мой у воротъ...
Несись, несись мой легкій челнъ!
Несись пернатою стрѣлой!

Приближься, пажъ любимый мой;
Что плачешь ты?...боишься волнъ?
Иль хладный вѣтръ тебя страшитъ?
Не бойся!...слезъ ручей отри!
Какъ легокъ челнъ нашъ, посмотри:
Какъ ясный со́колъ онъ летитъ!

«Не шопотъ бури въ парусахъ,
Не говоръ волнъ ужасенъ мнѣ;
Отца и мать въ родной странѣ
Оставилъ я... они въ слезахъ
По мнѣ!...о нихъ тоскую я!....
Отецъ благословилъ меня
Безъ слезъ...но мать...ахъ! я страшусь!...
Какъ видно плакать, плакать ей —
Покуда я не возвращусь!...»

Ты можешь плакать, мой дружокъ!
Какъ ты, прощальныхъ слезъ ручей
И я бы про́лилъ — если бъ могъ!...
А ты что? вѣрный мой слуга?
И ты заплакалъ!...Бури шумъ
Иль пуля мѣткая врага
Тебя страшитъ?

«Не робокъ я,
О Сиръ Гарольдъ; не страшны мнѣ
Ни дерзкій врагъ, ни бури шумъ;
Не то виною грустныхъ думъ,
Не то!...но тамъ, въ родной странѣ
Моя подруга слезы льетъ;
Ахъ! дѣти всплачутся о мнѣ:
Что скажетъ имъ она въ отвѣтъ?»

Такъ плачь и ты!... печаль твою
Грѣшно, мой другъ, грѣшно винить!
Но я?...я родину мою
Шутя оставилъ!...мнѣ ль грустить?
О комъ я буду слезы лить!....

Но вѣрь — обманчива любовь.
Что легкомысленнѣй жены?
Лишь новый пиръ — веселье вновь!
Изсякнетъ слезъ ея ручей!....
Не вспоминанье бывшихъ дней
Мое печалитъ сердце....нѣтъ!
Я не страшусь грядущихъ бѣдъ....
Но грустно, горько, что по мнѣ,
Въ моей родимой сторонѣ,
Тамъ, гдѣ я про́жилъ столько лѣтъ,
Никто слезинки не прольетъ!....

И что жь? забытый отъ людей,
Одинъ, безъ роду, безъ друзей,
Волнами всюду окруженъ,
Я здѣсь скитаться осужденъ
Съ грозой въ сердечной глубинѣ....
И буду плакать!...но о мнѣ
Не плачетъ вѣрно ужь никто!....
Повоетъ песъ одинъ! — и то
Когда несытъ!...но если онъ,
Какъ нищій, будетъ прикормлёнъ;
Когда меня чрезъ десять лѣтъ
Въ отчизну буря занесетъ,
И я зайду въ свой ветхій домъ:
Онъ первый — будетъ мнѣ врагомъ!

Трилунный.

ПѢСНЬ ЛАПЛАНДЦА (*)

Пробѣгай, олень,
Горы и поля
Въ край, гдѣ ночь и день
Дѣва ждетъ меня;
Разгребая снѣгъ,
Корму ты найдешь.

Какъ коротокъ день,
Путь нашъ такъ великъ.
Поспѣшай, олень,
Ты подъ пѣснь мою:
Въ сей странѣ волковъ
Намъ не ночевать.

Видишь, какъ паритъ
Въ воздухѣ орелъ?
Облакомъ летитъ!
Будь и я крылатъ —
Скоро бы тебя
Видѣлъ за собой.

Множество чудесъ,
Дѣва, видѣлъ я!
Но всего чуднѣй
Красота твоя:
Ею ты, клянусь,
Солнце превзошла!

Съ той поры, какъ я,
Дѣва! увидалъ
Въ первый разъ тебя,
Мыслю все о томъ,
Какъ бы мнѣ тебя
Снова увидать.

На оленѣ ль ты
Въ дебри улетишь,
Спрячешься ль въ скалахъ,
Въ горы ль убѣжишь, —
Мнѣ твоихъ слѣдовъ
Снѣгъ не замететъ!

Пробѣгай, олень,
Горы и поля,
Въ край, гдѣ ночь и день
Дѣва ждетъ меня;
Разгребая снѣгъ
Корму ты найдешь.

Вал. Шеміотъ.

О НАШИХЪ МОДО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ находится слѣдующее обращеніе литературнаго судіи въ тяжбѣ между Публикою и Авторомъ: «*Милостивая Государыня, матушка-мадамъ Публика!*» Теперь можно узнать по этому выраженію, заимствованному изъ языка провинціяловъ въ *Модной лавкѣ*, кто представительницы Публики по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ Литтераторовъ и Журналистовъ: иностранныя модныя торговки и портнихи, для коихъ издается у насъ нѣсколько Журналовъ модъ и высшей Литтературы.

Любопытно было бы изслѣдованіе вопроса: съ тѣхъ поръ, какъ выходитъ у насъ нѣсколько Модо-литтературныхъ Журналовъ, болѣе ли распространилось свѣжихъ понятій о покроѣ фраковъ въ нашей литтераторской молодежи, или болѣе литературныхъ свѣдѣній въ мастерскихъ; однимъ словомъ: фашьонабильнѣе ли стали наши Писатели, или грамотнѣе наши мастеровые? И то и другое имѣетъ свою важность. Недавно еще говорили въ гостиныхъ нашихъ, а можетъ быть говорятъ и нынѣ, что можно угадать Автора по первой встрѣчѣ съ нимъ. Нечего стыдиться быть Авторомъ и скрывать это званіе, которое не хуже другаго; но все досадно, когда молодая насмѣшница, взглянувъ на мужчину въ жилетѣ подозрительнаго цвѣта, или во фракѣ сомнительнаго покроя, скажетъ вамъ: «Это вѣрно вашъ братъ Авторъ!» и вы обязаны подтвердить ея догадку, или малодушно и предательски отказаться отъ собрата, жертвуя славою хорошей книги анахронизму запоздалаго портнаго. Есть слогъ въ одеждѣ, какъ и въ сочиненіи. Не надобно быть неологомъ, или объявленнымъ защитникомъ новизны, ни въ платьяхъ, ни въ книгахъ; но равно смѣшно было бы держаться нынѣ и Тредьяковскаго правописанія, и Тредьяковскаго костюма. Съ другой стороны нехудо, чтобъ и мастеровые и лавочники наши выучились правильнѣе писать надписи на вывѣскахъ своихъ и объявленія въ газетахъ. Многія изъ вывѣсокъ въ столицахъ нашихъ служатъ прискорбными вывѣсками невѣжества среднихъ нашихъ званій. Безграмотность въ другихъ покрайней мѣрѣ дѣло домашнее и не кидается въ глаза прохожимъ на улицахъ. Надзоръ модныхъ Журналовъ нашихъ (или правильнѣе, Журналовъ модъ) долженъ былъ бы завѣдывать всѣми этими подробностями, смотрѣть за отступленіями отъ неписаннаго устава высшей полиціи общежитія и заботиться о исправленіи сихъ наружныхъ нравовъ. Шутки въ сторону: въ дѣлѣ просвѣщенія и образованности ничѣмъ пренебрегать не должно. Великій Петръ это чувствовалъ: Преобразователь

(*) Это народная пѣсня Лапландцевъ. Переводчикъ переложилъ ее тою же мѣрою, съ Шведскаго языка, на который она, какъ увѣряютъ, переведена размѣромъ подлинника.

Законодатель Государственнаго быта Россіи, былъ Онъ преобразователемъ и законодателемъ модъ и обычаевъ современнаго Ему поколѣнія. Напрасно наши Журналы модъ ограничили кругъ дѣйствій своихъ одною одеждою. Власть моды проникаетъ повсюду: она идетъ наравнѣ съ образованностію. Ж. Б. Сей говоритъ, что подъ образованнымъ народомъ разумѣетъ онъ народъ, имѣющій *вкусы* и *потребности*, свойственные образованности, уважающій лица и собственности, обитающій въ домахъ *пристойныхъ* и меблированныхъ, питающійся пищею здоровою и *разнообразною*, покрывающійся *хорошими одеждами* и воздѣлывающій *искуства* и дарованія ума. Между тѣмъ пока хорошо и то, что Журналисты наши просвѣщая и одѣваютъ нашу Публику. Въ этомъ отношеніи я совершенно несогласенъ съ тѣми, которые порочатъ Телеграфъ за картинки модъ, приклеенныя къ статьямъ содержанія вовсе не туалетнаго. Можетъ быть, осужденіе подкрѣпится еще бо́льшею силою, когда вспомнимъ, что одинъ и тотъ же, приступая бодрымъ шагомъ къ энциклопедической и универсальной каѳедрѣ, съ коей провозглашаетъ намъ новое преобразованіе въ нашей Литературѣ, Исторіи, Философіи, успѣваетъ въ разсыпающейся заботливости своей заносить мимоходомъ и въ модныя лавки разкрашенныя свои скрижали. Но въ этомъ отношеніи судятъ лице, а мы обязаны заниматься однимъ Журналомъ, и журнальнымъ читателямъ нѣтъ дѣла до дѣйствій Журналиста внѣ сферы его Редакціи. Всякой Журналъ есть спекуляція: умственная, или денежная, или та и другая вмѣстѣ. Если Издатель разсчитываетъ, а на разчеты Издателя положиться можно, что въ полномъ итогѣ подписчиковъ его, одна треть подписывается на моды исключительно, другая на Литературу при модахъ, и только послѣдняя треть принадлежитъ къ числу чистыхъ читателей Журнала, то и въ этомъ соображеніи пользуется онъ оборотомъ весьма позволительнымъ. Но есть еще и другое предположеніе, которое выставимъ тѣмъ охотнѣе, что оно благопріятнѣе для лица Издателя. Картинки модъ въ Журналѣ могутъ быть въ немъ и не цѣлью, а только средствами. Итальянскій Поэтъ совѣтуетъ подслащивать края горькой чаши. Пріемы Нѣмецкаго глубокомыслія, переработанные по правиламъ нашихъ журнальныхъ фармакопей, могутъ показаться весьма горькими для нѣкоторыхъ изъ нашихъ губернскихъ и деревенскихъ читателей, которые по закоснѣлости разсудка своего любятъ понимать, что читаютъ, и знать, что за пищу предлагаютъ имъ. Въ такомъ случаѣ Парижскіе щеголи и щеголихи не что иное, какъ приманки. Сбывается первая половина пословицы: *по платью встрѣчаютъ*; а тамъ отъ скуки, или съ тѣмъ, чтобы деньги не пропали, поморщатся и прочтутъ всю книжку. Все-таки изъ нея что нибудь въ головѣ останется: по гомеопатической системѣ и милліонная часть цѣлебнаго состава приноситъ свою пользу. Глядя съ этой точки, можно и должно допустить нѣкоторое шарлатанство не только въ Журналахъ, которые также родъ привилегированнаго шарлатанства или эмпиризма литературнаго, но и въ книгахъ гораздо важнѣйшаго и точнѣйшаго содержанія. Можно даже позволить иному Историку выдавать и свои книги съ прибавленіями картинокъ модъ, или каррикатуръ, но только не героевъ, описываемыхъ имъ въ текстѣ, чтобы не было дупликатовъ и не наскучить однообразностью. При первомъ случаѣ, Историку не должно однако же слишкомъ опаздывать выдачею обѣщанныхъ томовъ, а не то моды могутъ состарѣться и довѣрчивые подписчики одѣваться по покроямъ, уже упраздненнымъ и десятилѣтнею давностью. Впрочемъ это бываетъ и съ Журналами нашими, часто запоздалыми вѣстниками моды, уже отжившей свой вѣкъ. Не должно забывать, что модѣ въ особенности прилична поговорка: *день мой — вѣкъ мой*. Мужду тѣмъ и безъ картинокъ Авторы имѣютъ свои пособія, свои приманки. Напримѣръ, обѣщанія Рускаго Историка довести Исторію отечества до нашего времени, есть также *разкрашенная вывѣска* для прохожихъ, глазѣющихъ на книги. Кто изъ благоразумныхъ людей будетъ ожидать у насъ Исторіи новѣйшаго времени, не говорю уже, современной эпохи? Но не все же пишется для однихъ благоразумныхъ людей. Что за исключительная взыскательность? Позвольте подумать и о другихъ, особливо же, если большинство на ихъ сторонѣ. Современная Исторія нигдѣ не доступна, особливо же у насъ. Укажемъ на одинъ недостатокъ въ матеріялахъ, въ современныхъ запискахъ. Историкъ, который берется добровольно перифразировать Московскія Вѣдомости, писать о томъ, о чемъ писать не можно, поступаетъ хорошо, если въ трудѣ своемъ находитъ онъ удовольствіе и пользу свою; но не объявляй онъ притязаній на почетное, на священное имя народнаго Историка. Отказываясь вѣрить ему въ одномъ, трудно довѣрять ему и тамъ, гдѣ онъ можетъ быть правдорѣчивъ. Несбыточныя обѣщанія изобличаютъ по крайней мѣрѣ неосновательность ума, если не хвастовство и не излишнее шарлатанство. Историческіе Верхолеты разоблачаются Критикою скорѣе всѣхъ другихъ Верхолетовъ. Мы немного отступили отъ картинокъ модъ, которыя были у насъ на первомъ планѣ; но упомянутый герой комедіи Княжнина выручилъ насъ изъ бѣды. Смѣшливые читатели догадаются, что мы не отступили отъ своего предмета.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Театръ Николая Хмельницкаго. Часть 2-я — С. Петербурга, въ типогр. вдовы Плюшаръ, 1830 (463 стран. въ 8-ю д. л.) (*)

Въ семъ второмъ и послѣднемъ томѣ помѣщены слѣдующіе переводы и сочиненія Н. И. Хмельницкаго: 1) *Школа Женщинъ*, комедія Мольера, въ 5-ти д. 2) *Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ на изнанку*, пародія-водевиль въ 3-хъ д. въ стихахъ, и водевили: 3) *Карантинъ*, 4) *Бабушкины попугаи*, 5) *Актеры между собою*, 6) *Суженаго конемъ не объѣдешь, или нѣтъ худа безъ добра*, 7) *Новая шалость, или театральное сраженіе* и 8) *Новый Парисъ*. — Почти всѣ сіи пьесы знакомы Публикѣ, посѣщающей Рускій Театръ, и достоинство ихъ скрѣплено громкими ея одобреніями. Скажемъ объ одной только, донынѣ еще незнакомой любителямъ театра: это забавная пародія трагедіи: *Ифигенія въ Тавридѣ*, отличающаяся непринужденною веселостью. Многіе стихи ея способны вызвать улыбку на лицахъ самыхъ нахмуренныхъ.

Къ сей части приложена картинка, представляющая одну сцену изъ комедіи: *Школа женщинъ*, рисованная Г. Нотбекомъ и весьма искусно выгравированная Г. Вейсомъ, въ Вѣнѣ. Вообще изданіе сіе отличается опрятностію: Форматъ, шрифтъ и бумага равно хороши.

ПОВѢСТИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТРЫВКИ, издан. Н. Полевымъ. Часть IV-я. — М. въ Университет. типогр., 1829 (286 стр. въ 12-ю д. л.)

Эти повести, отрывки и пр., состоятъ изъ статей, переведенныхъ Г. Полевымъ и помѣщенныхъ въ разныхъ годахъ Московскаго Телеграфа. Всѣхъ обѣщано *шесть* томовъ; донынѣ вышло четыре. Г. Полевой часто весьма удачно выбиралъ статьи для наполненія своего Журнала; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы *всѣ* статьи, имъ переведенныя, могли перечитываться, а тѣмъ болѣе перепечатываться. Иное дѣло, переводы Карамзина или Жуковскаго: въ ихъ переводахъ мы читаемъ и перечитываемъ все, ибо, независимо уже отъ увлекательной прелести ихъ слога, чтеніе сіе весьма поучительно: оно служитъ для насъ и правиломъ и образцемъ хорошей Руской прозы. Хотя слогъ перваго изъ упомянутыхъ двухъ отличныхъ нашихъ прозаиковъ, по словамъ Критика его, Историка Рускаго народа, и устарѣлъ: но мы все еще учимся и будемъ всегда учиться по этому *старому* слогу, какъ должно писать по-Руски: у Г. Полеваго мы развѣ стали бы разучиваться. Кончимъ еще однимъ замѣчаніемъ: Карамзинъ, Жуковскій и нѣкоторые другіе изъ нашихъ Писателей такъ могли быть увѣрены въ правильности своего языка и слога, такъ умѣли напитаться духомъ переводимаго Автора и такъ вѣрно передавали его мысли, что имъ почти ненужно было поправлять свои переводы, перепечатывая оные; однако же сіи Писатели пересматривали ихъ и поправляли. Но положимъ, что они сего не сдѣлали бы, и тогда легкія, малозначащія небрежности, могшія встрѣтиться въ ихъ переводахъ, были бы весьма извинительны и назвались бы увѣренностію Атлета въ своихъ силахъ. Въ Литераторѣ же, предъявляющемъ болѣе притязаній, нежели правъ, подобное пренебреженіе ко вкусу читателей можетъ назваться только заносчивостію Пигмея, хотящаго тянуться за силачами, которые изъ одной только скромности не говорятъ ему:

» Мой башмакъ тебѣ не въ пору?"

ИСКУСТВО БРАТЬ ВЗЯТКИ. Рукопись найденная въ бумагахъ Тяжалкина, умершаго Титулярнаго Совѣтника. — С. П. б. въ типогр. Н. Греча, 1830. (XI-74 стр. въ 16-ю д. л.) (*)

Со временъ Сумарокова, взяточники почти безпрерывно находились подъ лозою нашихъ Сатириковъ; но никто не сказалъ имъ столько забавныхъ, ѣдкихъ и вмѣстѣ поучительныхъ истинъ, какъ Фонъ-Визинъ. Кажется, послѣ знаменитаго Автора *Недоросля*, прозаическая сатира донынѣ оставалась у насъ слишкомъ *прозаическою*, и можно сказать, примѣняя къ ней стихи Сатирика-Поэта, что она:

» . . . . . не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ."

Къ сей категоріи *прозаическихъ сатиръ* принадлежитъ и *Искуство брать взятки*. Это сущая *аномалія* въ сатирическомъ родѣ. Сочинитель хотѣлъ осмѣять взяточниковъ, и вздумалъ вывести всѣ ихъ плутни въ видѣ важныхъ лекцій. Въ оправданіе этой неудачной затѣйливости, какой-то пріятель Сочинителя или Издателя сей книжки, говоритъ въ письмѣ къ нему: « По « мнѣнію моему, ваша рукопись порадуетъ добрыхъ « людей, желающихъ отечеству своему блага (?), и « огорчитъ тѣхъ, въ чье будто бы наставленіе она

(*) Получать можно у всѣхъ С. П. бургскихъ книгопродавцевъ. Цѣна за оба тома, съ портретомъ Автора и картинкою, 20 р., съ пересылкою 22 р.

(*) Продается въ книжныхъ магазинахъ Оленина и Смирдина, и у другихъ книгопродавцевъ. Цѣна экз. 3 р.

«писана. Если огорчитъ, то нравственная цѣль сочиненія достижена какъ нельзя лучше.» Да, если! Si le ciel tombait.... говоритъ Французская пословица.

Между тѣмъ, если принять *Искуство брать взятки* за важную теорію, то и здѣсь книжка сія окажется недостаточною: не всѣ случаи въ ней изчислены, не всѣ уловки взяточниковъ выведены наружу. Не должно ли, напримѣръ, причислить ко взяткамъ поборъ, налагаемый на публику, когда съ нее хотятъ брать по 3 рубля за 76 страничекъ ничтожной книжечки?

(*Сообщено.*)

АЛЬМАНАХИ 1830-го ГОДА.

Комета. Альманахъ на 1830 годъ, изданный И. Селивановымъ. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1830 (237 стр. въ 16-ю д. л.)

Комета сія, по видимому, принадлежитъ къ той же солнечной системѣ, изъ которой была покойница *Сѣверная Звѣзда*, промелькнувшая и дымомъ разлетѣвшаяся на литературномъ нашемъ горизонтѣ въ 1829-мъ году. Она также явилась въ половинѣ года, также блеститъ слабымъ, невѣрнымъ свѣтомъ, и то *заимствованнымъ*. Объяснимся: единственное хорошее стихотвореніе, находящееся въ Альманахѣ: *Комета*, перепечатано за-ново изъ одного періодическаго изданія, въ коемъ было оно помѣщено лѣтъ за пять передъ симъ. Прозаическія статьи всѣ вообще незанимательны.

СМѢСЬ.

У Французскихъ Королей, какъ и у всѣхъ почти прочихъ Государей Европы въ среднихъ вѣкахъ, были *записные* придворные шуты или дураки (des fous en titre d'office). Въ сію должность выбирали обыкновенно простолюдима, веселаго, остроумнаго, умѣвшаго скоро и мѣтко отвѣчать на вопросы и съ видомъ притворнаго простодушія говорить ѣдкія истины кому бы то ни было, даже самымъ любимцамъ Королей, не смотря на чины и достоинства. Одинъ Писатель (Дрё дю Радье) старался доказать, что шутовъ ко двору Королей Французскихъ набирали всегда изъ Шампани; и въ семъ основывался онъ на письмѣ Карла V, въ коемъ сей Государь извѣщалъ градоправителей города Труа о смерти своего шута, съ повелѣніемъ доставить ко двору на его мѣсто другаго, *согласно съ принятымъ обыкновеніемъ* (suivant la coustume). — Видно, что солнце Шампани имѣетъ свойство приводить въ броженіе не одинъ только сокъ тамошняго винограда, и не въ немъ одномъ заражаетъ веселую шаловливость.

* * *

У древнихъ Римлянъ, каждый значительный гражданинъ имѣлъ свою печать, которая обыкновенно была вдѣлана въ кольцо и на которой изображены были девизъ или эмблема, избранныя владѣльцемъ печати, ибо гербы тогда еще не существовали. Августъ имѣлъ сперва на печати своей Сфинкса; но какъ насмѣшники тогдашняго времени подшучивали надъ этимъ, потому что нѣкоторые *эдикты*, скрѣпленные сею печатью, были не слишкомъ ясны, то Августъ замѣнилъ Сфинкса головою Александра Македонскаго, вырѣзанною Діоскоридомъ; а въ послѣдствіи была у него печать съ собственнымъ его изображеніемъ. Наслѣдники Августа продолжали печатать его перстнемъ. Эмблемы на печатяхъ многихъ людей знаменитыхъ дошли до насъ. Напр. у Пирра былъ Аполлонъ съ лирой, посреди девяти Музъ. Силла велѣлъ вырѣзать на своей печати портретъ Югурты, Нумидійскаго Царя, имъ побѣжденнаго. На печати Помпеевой изображены были три его торжества или побѣды (надъ Европой, Азіей и Африкой); другая печать у него было со львомъ, держащимъ мечъ. Изображеніе Венеры вооруженной (Venus armata) украшало перстень Юлія Цезаря. Плиній младшій носилъ печать съ четвероконной колесницей (Quadrigae); Коммодъ, съ Амазонкой (любовницей его, Марціей). Мы могли бы пересказать о многихъ другихъ печатяхъ; но любопытные могутъ сами справиться въ замѣчательной книгѣ Іоганна Кирхмана: De Annulis liber singularis. Slevigae; 1657. — Таковыми печатями скрѣпляли *эдикты* (узаконенія или повелѣнія), всѣ дѣловыя бумаги, и въ томъ числѣ духовныя завѣщанія. Послѣднія запечатывались печатями завѣщателей, въ слѣдующемъ порядкѣ: завѣщаніе прокалывалось и въ отверстіе пропускался трижды ленъ, которымъ оно обматывалось и который долженствовалъ быть припечатанъ составомъ, на коемъ прилагалась печать.

* * *

Къ сему No. прилагается, на особомъ листкѣ, музыка Финской пѣсни, положенной съ голоса на ноты М. И. Глинкой, извѣстнымъ любителемъ музыки.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 19-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМ. I. №. 36. ІЮНЯ 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюнѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Четвертокъ), — 10-го (во Вторникъ), — 15-го (въ Воскресенье), — 20-го (въ Пятницу), — 25-го (въ Среду), и 30-го (въ Понедѣльникъ).

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(*Окончаніе.*)

Письмо VI.

С. Петербургъ, Іюля 2-го.

По быстротѣ обратной нашей ѣзды, и по такой же быстротѣ впечатлѣній, поминутно во мнѣ смѣнявшихся, не могъ я писать къ тебѣ съ дороги. Теперь опять сижу въ уединенномъ моемъ кабинетѣ, и докончиваю описаніе послѣднихъ сутокъ нашего путешествія.

Отъ Ихандолы съ небольшимъ въ часъ перенеслись мы въ Выборгъ; знакомые уже, но чрезвычайно разнообразные виды снова привлекали наши взоры на этой дорогѣ, и веселые поѣзды нарядныхъ Финновъ, праздновавшихъ воскресенье, еще болѣе оживляли оную. Въ Выборгъ пріѣхали мы третьяго дня, въ семь часовъ вечера. Синьоръ Мотти, хозяинъ трактира, наряженный и подготовленный по праздничному, встрѣтилъ насъ радостными восклицаніями и краснорѣчивыми привѣтствіями; разкланивался дамамъ со всею вѣжливостію кавалера временъ Людовика XV, и, такъ сказать, разсыпался передъ ними въ отборныхъ комплиментахъ. Одна черта щекотливой его добросовѣстности весьма насъ позабавила. Кто-то изъ нашихъ спутниковъ вздумалъ выговаривать ему за то, что онъ не снабдилъ насъ съѣстными припасами до Ситолы, гдѣ мы должны были почти голодать. — «Могъ ли я это сдѣлать, *по совѣсти?*» возразилъ Синьоръ Мотти: «вы бы могли подумать, Милостивые Государи, что я для своихъ выгодъ хотѣлъ вамъ навязать излишки столовыхъ запасовъ моего дома. Нѣтъ, нѣтъ! прочь отъ меня всѣ мѣлкіе разчеты корыстныхъ видовъ!» прибавилъ онъ со всѣмъ жаромъ Итальянскаго сердца. «О Motti, Mottissimo! перло изъ всѣхъ трактирщиковъ!» повторяли мы отъ полноты души вслѣдъ за нимъ, когда онъ, окончa громкую свою фразу, съ благородною гордостью выступилъ изъ залы: «хвала тебѣ, Motti il magnifico! съ высоты твоего величаваго безкорыстія, ты не заботился о ничтожныхъ, физическихъ потребахъ временныхъ твоихъ постояльцевъ, и лучше рѣшился оставить ихъ въ добычу голоду, нежели взять съ нихъ деньги за нѣсколько паръ изготовленныхъ на очагѣ твоемъ цыплятъ или за часть жареной телятины!»

Раздражительное нелюбостяжаніе Синьора Мотти скоро однако жь успокоилось. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ снова вошелъ къ намъ съ вѣрными своими сподвижниками, молодымъ, опрятнымъ Нѣмчикомъ и компатною дѣвушкой, Чухонкой, одѣтою въ національный ея нарядъ; оба сіи прислужника несли передъ Синьоромъ Мотти столовые приборы, бутылки съ виномъ и пр., и самъ онъ устанавливалъ все это, приказывалъ и разпоряжалъ съ важностью водевильнаго *Вателя.* Должно отдать ему справедливость, что въ награду за наложенный на насъ волею и неволею постъ, онъ употчивалъ насъ вкуснымъ и очень сытнымъ обѣдомъ; и между тѣмъ разсказывалъ намъ о прежнихъ временахъ Выборга, котораго могъ онъ служить живою хронологіей за сорокъ лѣтъ; о древности цитадели и башни, построенной, по его словамъ, какою-то знаменитою въ давнопрошедшихъ вѣкахъ красавицей, которая заперлась въ ней отъ неотвязнаго своего обожателя, Чухонскаго рыцаря; увѣрялъ насъ, что въ одной изъ комнатъ башни и теперь еще можно видѣть башмачокъ и баночку съ зубнымъ порошкомъ, принадлежавшіе сей Финской красавицѣ; но что не всякому можно проникнуть въ эту комнату. И между тѣмъ, какъ разсказы лились изъ краснорѣчивыхъ его устъ, онъ самъ наливалъ намъ вино въ рюмки, угощалъ дамъ, разшаркивался почти при каждомъ словѣ, отдавалъ приказанія своимъ челядинцамъ, хлопоталъ, суетился… словомъ, былъ въ полной мѣрѣ fac totum своего дома. Послѣ обѣда, мы проговорились о намѣреніи своемъ видѣть садъ Барона Николай. Погодите, М. М. Гг.,» сказалъ Синьоръ Мотти: «я вамъ представлю *Чичероне,* который ходитъ безъ устали и знаетъ всѣ тропинки, всё, до послѣдняго кустика въ этомъ саду.» При сихъ словахъ онъ скрылся и черезъ нѣсколько минутъ ввелъ къ намъ высокую, пріятнаго вида дѣвицу. «Это дочь моя, Милостивыя Государыни,» сказалъ онъ, подведя ее къ дамамъ, — «и вотъ вашъ *Чичероне.*»

Подъ предводительствомъ сего обязательнаго и любезнаго *Чичероне*, мы отправились пѣшкомъ мимо цитадели по мосту, потомъ вправо, къ крѣпостнымъ воротамъ. Прошедъ сіи послѣднія, мы взбирались по песчаной дорогѣ на косогоръ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ и по мѣстамъ усѣянный крупными каменьями. Дамы наши, уставъ въ этотъ день отъ ѣзды и пѣшеходства подъ зноемъ солнечнымъ, едва поспѣвали за быстрымъ, мѣрнымъ шагомъ новой нашей спутницы, которой ноги, ступивъ на мостовую, какъ будто бы почувствовали знакомую стихію. Былъ уже десятый часъ вечера, когда мы пришли къ оградѣ, сложенной изъ булыжника, и къ бѣлымъ, ложчатымъ воротамъ незавидной архитектуры. За сими воротами, по обѣ стороны идетъ деревянная рѣшетка до самаго дома, который то же деревянный, обнесенъ террасами, отъ коихъ идутъ внизъ какія-то узорчатыя лѣсенки. Сказать ли тебѣ откровенно? увидя то, что было впереди, я невольно подосадовалъ на этотъ домъ и на эти садовыя ворота. Воображеніе мое мигомъ ихъ пересоздало. Я мечталъ, будто бы вхожу въ садъ сквозь какое-то ущеліе, въ высокой, каменистой горѣ, сквозь нѣчто въ родѣ Царскосельскаго *большаго каприза*; передо мною съ визгомъ отворяются тяжелыя желѣзныя ворота; на мѣсто деревяннаго дома, будто бы вижу огромное, высокое зданіе въ готическомъ вкусѣ, подобіе древнихъ рыцарскихъ замковъ, съ толстыми, небѣлеными стѣнами, съ пробоинами для пушекъ, съ круглыми, зубчатыми башнями по угламъ. Сіе первое впечатлѣніе было впрочемъ недолговременно: другіе предметы скоро привлекли и приковали мое вниманіе.

Вообрази себѣ пространный садъ, обнесенный съ одной стороны цѣлою цѣпью высокихъ гранитныхъ скалъ, которыя великолѣпною, единственною террасой лежатъ во всю длину его; вообрази себѣ, что ты идешь мимо ихъ дорожкою, изрытою на полу-горѣ, и встрѣчаешь поминутно то самородную пещеру, заслоненную съ одной стороны вросшимъ въ землю гранитомъ, который однако же въ двухъ мѣстахъ оставилъ отверстія для входа; то подобіе древняго храма, у коего остались только три поросшія мхомъ стѣны безъ крыши, и посрединѣ коего, вмѣсто жертвенника, лежитъ огромный гранитъ, какой развѣ только рука до-потопныхъ исполиновъ могла бы сдвинуть съ мѣста; то видишь надъ своею головою, въ заломѣ скалъ, ужасной величины архитравъ, или просто, цѣлый обломокъ утеса, оборвавшійся на скалы и однимъ угломъ висящій на воздухѣ. Вообрази себѣ все это на берегу залива, котораго гладкія, спокойныя воды поминутно мелькаютъ изъ-за деревьевъ и наконецъ, на краю сей чудной террасы, стелются у самаго подножія скалъ. Вотъ *грандіозо* сего необыкновеннаго сада, и его не можетъ создать никакое искусство человѣческое: оно могло только съ умомъ и чувствомъ изящнаго возпользоваться тѣмъ, что приготовила здѣсь сама природа — и этого уже довольно для человѣка!

Насупротивъ сей неподражаемой террасы, въ одной оконечности сада лежитъ небольшой островъ, омываемый водами залива: это огромная, высокая скала, цѣлая гранитная гора, покрытая деревьями и выдавшаяся на вершинѣ острымъ гребнемъ. Тамъ погребенъ Поэтъ, старый Баронъ Николай, отецъ нынѣшняго владѣльца сей мызы. Гробница его, сдѣланная въ видѣ древняго *саркофага* изъ сѣраго камня и стоящая на гребнѣ скалы подъ тѣнью нѣсколькихъ деревъ, далеко видна со взморья и съ противоположныхъ береговъ. Какое поэтическое мѣсто вѣчнаго успокоенія для Поэта! Мы подошли къ островку, хотѣли переправиться къ нему на плотикѣ; но островокъ обнесенъ чугунною рѣшеткой, которой дверь была тогда замкнута. Въ это время, раздался на вершинѣ скалы звукъ трубы; другой отвѣчалъ ему вдалекѣ. Очарованіе было совершенно; воображеніе наше, настроенное уже прежде дивными красотами сего волшебнаго сада, творило себѣ новыя, неизъяснимо-чудесныя мечты: сія высокая скала, омываемая волнами моря, сей неприступный для насъ гробъ, сей неожиданный звукъ трубы въ часы ночи, поселили въ насъ какой-то благоговѣйный страхъ. Нескоро уже мы рѣшились спросить нашу путеводительницу, что значили эти звуки? и она объяснила намъ, что садовые сторожа въ ночное время перекликаются здѣсь трубами.

На другомъ холмѣ сада, по дорогѣ къ дому, великолѣпно возвышается обелискъ и опять надгробные памятники: это *кенотафіи* членовъ фамиліи Брогліо, къ которой принадлежитъ нынѣшняя Баронесса Николай.

Надъ скалами, которыя назвалъ я террасою сада, гордо стоитъ небольшой домикъ: здѣсь былъ кабинетъ покойнаго Барона-Поэта. Сюда къ нему слетало вдохновеніе, безпрерывно оживляемое, поддерживаемое чародѣйственными красотами сихъ мѣстъ, которыя отселѣ обнималъ онъ однимъ взоромъ. При такой обильной, возбудительной пищѣ для души и воображенія, могъ ли онъ не быть Поэтомъ?

Я много видѣлъ садовъ въ Европѣ; но скажу тебѣ въ полнотѣ убѣжденія, что не видалъ еще донынѣ ничего, подобнаго здѣшнему. Повторю сказанное мною выше: его создала сама природа въ игривой своей прихоти, и предоставила только человѣку средства — возпользоваться готовымъ. Садъ сей называется Mon repos (*мое успокоеніе*): не знаю, кто далъ ему это имя, но оно какъ бы относится къ старому Барону, котораго прахъ успокоился здѣсь отъ суетъ и превратностей жизни.

Первоначально мыза сія принадлежала Герцогу Виртембергскому, брату въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, бывшему въ послѣдствіи Королемъ. Онъ положилъ основаніе саду во время управленія своего прежнею Финляндскою Губерніей. Императоръ Павелъ I. купилъ сіе мѣсто и подарилъ его почтенному своему воспитателю, Барону Николай, отъ котораго по наслѣдству перешло оно къ нынѣшнему владѣльцу, сыну его, находящемуся теперь Посланникомъ при Датскомъ Дворѣ.

Не стану говорить тебѣ о другихъ украшеніяхъ сего сада: они таковы, какъ и въ другихъ большихъ и великолѣпныхъ садахъ, съ небольшими оттѣнками, зависящими отъ вкуса и знанія архитекторовъ и садовниковъ. *Человѣкъ мудритъ и портитъ*, сказалъ нашъ Карамзинъ. Истина сія, впрочемъ, не имѣетъ здѣсь важныхъ примѣненій; ибо главное дѣло — умѣнье воспользоваться красотами первобытными, естественными, и поразить глаза посѣтителя тѣмъ, чего напрасно сталъ бы онъ искать въ другихъ садахъ, соблюдено здѣсь, какъ нельзя лучше. Планъ сада начерченъ и выполненъ превосходно, и дѣлаетъ честь воображенію и вкусу чародѣя-зодчаго. Замѣчу еще, что деревья здѣсь отмѣнно красивы: высоки и привлекаютъ взоръ густотою и свѣжестью своей зелени; есть аллеи истинно-великолѣпныя. Но лучшимъ, великолѣпнѣйшимъ изъ растительныхъ украшеній сада сего я почитаю мхи, поросшіе по вѣковымъ его скаламъ, индѣ манящіе глаза то яркою, то блѣдною зеленью, индѣ почернѣвшіе отъ времени. На сихъ мхахъ, въ одномъ мѣстѣ, по отвѣсной почти крутизнѣ скалы выбѣжала ель, выпустила коренья наружу и теперь растетъ, такъ сказать, лежа. Цѣпляясь за ея веревчатые корни, я взбирался на скалу, лазилъ по вѣтвямъ ели и оттуда окидывалъ взоромъ весь садъ, взморье и часть окрестностей.

Дѣвица Мотти увѣряла насъ, что она, такъ какъ и всѣ жители Выборга, любитъ сей садъ; жалѣла только, что въ немъ не бываетъ *музыки по воскресеньямъ!* — «Боже избави его отъ этого!» подумали мы единодушно.

Уже въ первомъ часу по полуночи, насилу разстались мы съ симъ очаровательнымъ садомъ. Не чувствуя почти крайней своей усталости, мы спѣшили проститься съ Синьоромъ Мотти, его дочерью и Выборгомъ, и тотчасъ поскакали по Петербургской дорогѣ.

Остальную часть нашего путешествія доскажу тебѣ въ немногихъ строкахъ. Лилльперо, Готака, Кюрюля, Пампала, Кивиннеббъ и Раяіокки (Финскія станціи по сей дорогѣ), быстро смѣнялись въ нашихъ глазахъ. Скоро мы разпрощались съ Финляндіей и отъ души посвятили ей вздохъ воспоминанія о нѣсколькихъ пріятныхъ, надолго памятныхъ дняхъ, проведенныхъ нами въ ея предѣлахъ. Съ ровныхъ, гладкихъ Финскихъ дорогъ, мы снова съѣхали на тряскую мостовую, которая еще болѣе вымучивала изъ насъ вздохи и жалобы прощальныя. На первой Руской станціи, въ Бѣлоостровкѣ, подошелъ къ нашей линейкѣ видный Уральскій Козакъ, потребовалъ отъ насъ подорожную, принесъ ее обратно и сказалъ съ запинкой: «Командиръ велѣлъ узнать, не везете ли вы корчемной Финской водки?» Дамы наши не могли удержаться отъ смѣха; и одна изъ нихъ спросила, какъ зовутъ Г. Таможеннаго Пристава? Козакъ назвалъ его по имени и по отечеству.

— «А фамилія его?» спросила дама.

— «Навѣрное не могу сказать, В. П—во,» отвѣчалъ Уралецъ; «а кажется, что *Наталья Ивановна.*»

Скоро явился и самъ Г. Приставъ, осмотрѣлъ нашу поклажу и не нашедъ въ ней никакой контрабанды, отпустилъ насъ съ миромъ. Стукотня мостовой и мѣстами пыль по дорогѣ, поминутно напоминали намъ, что мы приближаемся къ столицѣ. Солнце какъ будто сговорилось въ этомъ съ дорогою: лучи его разливали въ воздухѣ палящій зной, и намъ казалось, что съ каждою верстою, съ каждымъ почти шагомъ атмосфера становилась гуще и гуще, душнѣе и душнѣе.

Въ городъ въѣхали мы 1-го Іюля, вечеромъ, какъ безпріютные странники; ибо по причинѣ гулянья, не могли скоро добраться до квартиръ. Представь себѣ забавную картину нашего возвращенія: въ дорожномъ экипажѣ и въ дорожныхъ платьяхъ, съ загорѣлыми и запыленными лицами, должны мы были проѣзжать сквозь нарядныя толпы гулявшихъ. Видъ нашъ такъ сильно поразилъ одного юношу, провожавшаго цѣлую вереницу щеголеватыхъ дамъ, что онъ, взглянувъ на насъ, отворотился, закрылъ себѣ лице полою сюртука и казалось, говорилъ своимъ дамамъ: «Voici les Osages qui viennent nous enchanter de leurs graces sauvages. Miséricorde, qu'ils sont gentils!»

Перебѣгая въ мысляхъ моихъ всѣ впечатлѣнія сего четыредневнаго путешествія, искренне сожалѣю о людяхъ достаточныхъ и свободныхъ, которые, живучи въ Петербургѣ, не могутъ удѣлить нѣсколько дней для того, чтобъ видѣть хотя частицу сей Финляндіи, вообще столь мало знакомой намъ, ближайшимъ ея сосѣдямъ. Немногіе путешественники еще о ней говорили, и тѣ по большей части слегка и холодно. Одна Иматра стоитъ уже того, чтобы для нея проѣхать и болѣе двухъ сотъ верстъ, особливо по прекраснымъ, живописнымъ дорогамъ Финскимъ. Что же, если съ сею приманкою совокупляется еще мысль — видѣть чудесный садъ Барона Николай и привлекательныя окрестности Выборга?...

Если ты сдержишь свое обѣщаніе и пріѣдешь на нѣсколько времени въ Петербургъ, то вѣрно не откажешь мнѣ въ удовольствіи, быть твоимъ проводникомъ въ этой прогулкѣ за двѣсти верстъ. Иначе, я буду тебя преслѣдовать, какъ Фуріи покойнаго моего теску, отчаянной и дружелюбной памяти........

Орестъ Сомовъ.

ЛИЛІЯ.

О царственный цвѣтокъ, о Лилія младая,
Весны любимица, роскошная краса!
Когда ты возстаешь свѣжо благоухая,
Тобой любуются земля и небеса.
Свѣтлѣя бѣлизной прозрачной,
Ты непорочностью влечешь
И чистой нѣгой новобрачной
Ты упоительно цвѣтешь.
Какъ ты мила и величава,
Въ сіяньи гордой простоты:
Ты цвѣтника роднаго слава,
Прохожимъ — заглядѣнье ты!
Но кто на образъ твой заглядываться смѣетъ?
Кто прелестей твоихъ святыню оскорбитъ?
Любуяся тобой и взоръ благоговѣетъ,
И упоенный, прочь скользитъ!

Младая странница, гость на земномъ ночлегѣ!
Пустынной Лиліи бѣлѣй твое чело
И стройныя твои плеча, въ роскошной нѣгѣ,
Круглѣе и бѣлѣй, чѣмъ Ангела крыло!
И пламень голубой въ твоихъ струится жилахъ,
Безкровная, какъ духъ, подобный тѣмъ духамъ,
Которые съ небесъ въ таинственныхъ свѣтилахъ
Намъ улыбаются и манятъ къ небесамъ!
Земныхъ страстей живыя битвы
Не разразились надъ тобой:
Какъ чистый Ангелъ у молитвы,
Предъ алтаремъ любви святой,
Посредникъ неба, гдѣ всё ясно,
Съ землею, гдѣ вездѣ гроза,
За жертвы молится безстрастно,
Весь созерцанье, весь слеза!

Ему подобна радость наша,
Которой наши дни цвѣтутъ,
Ты, для которой жизни чаша
Есть нѣкій жертвенный сосудъ,
Высокихъ благъ и таинствъ полный!
Насъ осѣняя съ высоты,
Чуждаясь жизни, жизни-волны
Безвредно разсѣкаешь ты.

Но чистой кротостью души благоуханной,
Отпечатлѣвшейся и на лицѣ твоемъ,
Ты намъ принадлежишь, залогъ обѣтованной,
Предчувствіе небесъ въ изгнаніи земномъ!
Тебѣ, высокому кумиру,
Мы почестей не воздадимъ:
Нашъ ѳиміамъ и нашу лиру
Мы въ тайнѣ сердца посвятимъ.
Но покоряя непорочно
Господству милой красоты,
Ты неумышленно, заочно
На наши дѣйствуешь мечты.

Вдали твоихъ волосъ мелькнетъ ли шелкъ струистый
Иль бѣлое плечо, или одежды край,
Иль съ взоромъ на тебя прильнувшимъ, взоръ твой чистый,
Твой взоръ разсѣянный сойдется невзначай,
Какъ сердце растворится тайно!
Какъ приметъ съ жадностью въ себя
Даръ, заронившійся случайно,
Его лелѣя и любя!
Кто бъ могъ съ сердечнаго зерцала
Разсѣять милыя черты?
Нѣтъ, что минута даровала,
Навѣкъ есть собственность мечты.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ Л. Г.

Вездѣ война, вездѣ люди: въ Политикѣ, въ Литературѣ и въ Искусствѣ. Вамъ, М. Г., какъ Журналисту, если надоѣли свои, то покрайней мѣрѣ любопытны чужія ссоры, которыя слабому человѣку приносятъ недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!* — Выставка произведеній искусства въ Капитоліи породила новую войну между Галлами и Римлянами. Первые думали снова овладѣть древнимъ престоломъ Рима, но изъ послѣдующаго увидите, что не дремлютъ гуси Римскіе и что крылья ихъ, полуощипанныя насиліемъ, бьютъ еще гордо саранчу иноземную. Послѣ выставки, вотъ какая дерзновенная статья напечатана была въ Journal de Commerce безъименнымъ Французомъ, который, какъ подозрѣваютъ, промѣнялъ робкую кисть на дерзкое и хвастливое перо.

«Въ то время, какъ политика и война привлекаютъ насъ въ Парижѣ, — соотечественники наши, въ Римѣ, болѣе нежели когда нибудь занимаются искусствами изящными. Съ нѣкоторыхъ поръ, тамъ основалось общество на подобіе Парижскихъ Друзей Искусства; принимаются труды Артистовъ всякой націи (*); выставка бываетъ въ залахъ Капитолія — и сіе-то мѣсто, столь прославленное, свидѣтельствуетъ теперь новое торжество Французовъ; ибо наши Артисты играютъ важнѣйшую роль въ сей выставкѣ и въ талантѣ не имѣютъ соперниковъ. Римляне, обыкновенно равнодушные къ такимъ зрѣлищамъ и до нихъ нелюбопытные (**), наполняютъ залы и всякой день съ удивле-

---

(*) Надо бы прибавить: кромѣ тѣхъ, которые исключаетъ коварная интрига зависти. — *Примѣч. Сочин. письма.*

(**) И это говорятъ люди, безвыѣздно живущіе въ Римѣ! — *Прим. С. п.*

ніемъ (*) толпятся у многочисленныхъ произведеній нашихъ соотечественниковъ. Славные Камуччини, Агриколы другіе, теперешніе Рафаели и Корреджіи Италіи, не дерзнули выставить своихъ произведеній, когда узнали, что Гг. Горасъ Верне, Шнецъ и другіе явятся съ своими. Не то, чтобы Артисты Римскіе были вовсе безъ таланта: они дали себя замѣтить нѣкоторыми произведеніями не безъ достоинства (**); но со всею ихъ славою, неизмѣримою у иностранцевъ, у насъ они стали бы не выше третьяго разряда Художниковъ, — и ихъ произведенія, всегда устраненныя отъ чужихъ, укрытыя драпировками и выставляемыя на свѣтѣ хитро разсчитанномъ, врядъ ли устояли бы въ нашихъ (***) залахъ, гдѣ всякой выставленъ безъ подлога и гдѣ талантъ одинъ говоритъ за себя. Эти господа отнеслись, что не имѣютъ произведеній готовыхъ; но всѣмъ извѣстно противное: знаютъ, что ихъ мастерскія полны и даже il Signor Agricola нарочно выписалъ издалека три картины (****). Однако весьма любопытно было бы взглянуть на первыхъ талантовъ Италіи въ сравненіи съ нашими; тогда узнали бы, справедливо ли иностранцы, а особливо Англичане, отдаютъ предпочтеніе первымъ. Но не одни они раздѣляютъ сіе предубѣжденіе: недавно Г. Крон поручилъ свой портретъ Камуччини. Должно надѣяться, что сія выставка рѣшитъ, на чьей сторонѣ право. Кто отказывается отъ битвы, тотъ не признаетъ ли себя побѣжденнымъ?

« Между великими произведеніями замѣтны особенно: *Портретъ Папы* и *Іудиѳъ, убивающая Олоферна*, Г. Гораса Верне; Шнецъ выставилъ: *Обѣтъ Мадоннѣ*, *Сцену изъ Потопа*; Г. Орсель: *Принесеніе Моисея къ Фараону* (*****). Много хвалятъ *Смерть Вителлія*, Г. Квека (******).

« Многія маленькія картины достойны также замѣчанія; особенно: *Сцена изъ землетрясенія*, Роберта; *Постриженіе въ монахини*, Рожера; многія головы Г. Верне и *Нимфа, писанная на фарфорѣ*, Г. Константена (*).

« Одни иностранцы взяли на себя Скульптуру; нѣтъ произведеній Французскихъ. Съ удовольствіемъ смотрятъ на прекрасный барельефъ Тенерани, изображающій Эвдора и Киммодокею, на *Танцовщицу* и *Купальницу*, Віатта, ваятеля Англійскаго съ большимъ достоинствомъ. Особенно замѣчательна *Купальница* нѣжностію формъ и красотою положенія (**).

« Читатели наши извинятъ такое отступленіе: здѣсь замѣшана честь національная. . . . » и пр.

Вотъ какъ отвѣчали Римляне своимъ звучнымъ, сильнымъ, поэтическимъ языкомъ въ Газетахъ Генуэзской и Миланской.

« Статья о выставкѣ, напечатанная въ *Журналѣ торговли*, въ иныхъ возбудила смѣхъ, въ другихъ презрѣніе. Вотъ, любезное отечество, та горькая награда, которую твои же гости воздаютъ тебѣ за привѣтливость! Твои питомцы

Oggi le poppe
Mordono ingrati della lor nudrice!

« нынѣ, неблагодарные, кусаютъ перси своей кормилицы! » — Много цѣню Французовъ, какъ въ Литературѣ и Наукахъ, такъ и въ Изящныхъ Искуствахъ, хотя ихъ школѣ и не во всемъ можно слѣдовать: ибо по моему мнѣнію, совершенство искуства состоитъ въ той простой и чистой граціи, чувствомъ которой природа надѣлила преимущественно согражданъ Леонарда и Рафаеля. Роскошь, изнѣженность колорита не есть слава живописи; но изящная чистота рисунка даетъ жизнь и выраженіе картинѣ. Первые учители народовъ, Греки, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, видѣвшаго чудесныя произведенія Зевксиса, Апелла и Полигнота, были великіе рисовальщики, понимавшіе въ совершенствѣ всю грацію и силу выраженія, хотя ихъ колоритъ былъ простъ и неразнообразенъ (***). Умѣю

(*) Не противорѣчіе ли? Римляне, равнодушные къ своимъ отечественымъ художникамъ, толпятся около чужихъ произведеній! — *Прим. С. п.*

(**) Не это ли языкъ тщеславія? — *Пр. С. п.*

(***) Такъ Французъ называетъ залы Капитолія. — *Пр. Сочин. письма.*

(****) Это какъ у насъ въ Литературѣ: вызнаютъ всѣ тайны корреспонденціи посредствомъ литературныхъ соглядатаевъ. — Камуччини не выставилъ своихъ картинъ потому, что его мастерская безпрестанно посѣщается иностранцами; и зачѣмъ же ему картины переставлять съ мѣста на мѣсто? Что же касается до славы его, то онъ ни прибавитъ къ ней, ни убавитъ отъ нея ничего не можетъ, какъ человѣкъ, не начинающій, а уже довершающій свое поприще. — *Пр. Соч. пис.*

(*****) Эта картина, замѣчательная только въ отношеніи къ костюму, впрочемъ болѣе похожа на обои, на коверъ шитый, нежели на произведеніе кисти: такъ она безжизненна! — *Прим. С. п.*

(******) Богъ знаетъ, кто хвалитъ, потому что безъ отвращенія нельзя стоять противъ этой картины. Вителлія давятъ — и онъ высунулъ языкъ. . . Ужасное положеніе! — *Прим. Соч. п.*

(*) И ни слова о превосходномъ пеизажѣ Кателя: *Видъ съ Камальдуловъ въ Неаполѣ*, который есть лучшій цвѣтъ выставки. Да, я и забылъ, что Катель не Французъ. — *Прим. Соч. п.*

(**) Этѣ похвалы Г. Віатту и умолчаніе о прекрасномъ пастушкѣ Вольфа, Прусскаго Ваятеля, очень подозрительны и открываютъ, кажется, что-то похожее на интригу. Г. Віаттъ, вѣроятно, покровительствуется Французскою Академіей: не потому ли его нагія статуи были позволены, а полунагая *Вакханка* Бруни, которая, вѣроятно, ослабила бы силу доводовъ этой заранѣе умышленной статьи, была запрещена, какъ увидите ниже? — *Прим. Соч. пис.*

(***) Не надо забывать, однако, что колоритъ душа Живописи и что пальма оной принадлежитъ міру новому, и разумѣется, Римской школѣ. Французы отличаются цѣнить плодовитый талантъ Гораса Верне, нынѣшняго Директора Французской Академіи въ Римѣ, хотя большая часть его произведеній [не я одинъ такъ думаю, а многіе], говоря сравнительно, показываетъ скорѣе стиль Овидія, нежели Виргилія; хотя прекрасная Албанка (*), имъ выставленная въ Капитоліи, имѣетъ лице немного сплюснутое, а въ Іудиѳи замѣтно насиліе въ тѣняхъ и положеніи фигуръ. Достоинъ также всякой похвалы мужественный талантъ Шнеца, хотя въ Италіи недовольны его слишкомъ близкими, слишкомъ нагими копіями истины. Противъ этого возставали еще и Караччи. Рисовать перваго встрѣчнаго и переносить его прямо съ улицы въ картину, — это называется романтизмомъ въ искуствѣ, неизмѣнныя правила коего: украшай природу, избирай лучшее (*).

«Никто не отвергаетъ, что Верне и Шнецъ суть Живописцы рѣдкаго достоинства; но утверждать тщеславно, что Камуччини, Агрикола и другіе знаменитѣйшіе наши Живописцы побоялись стать съ ними наравнѣ, потому что ничего не выставили въ Капитоліи; прибавить къ тому, что они стали бы не выше третьяго разряда на новомъ Олимпѣ блаженнаго Парижа: все это не знаю чѣмъ назовутъ въ просвѣщенной Европѣ, смѣлостью, гордостью, наглостью или безстыдствомъ, въ Европѣ, которая, по словамъ того же Журнала, уступаетъ намъ une réputation immense et une préséance. Такъ стало быть всѣ, не выставившіе своихъ произведеній въ Капитоліи, побоялись? — Побоялся Торвальдсенъ? — Побоялись Сигвейра, Викаръ, Сола, Кессельсъ, Эстликъ, Бистромъ, Верстаппенъ, Рейнгардъ и многіе другіе славные иностранные Художники, которые нынѣ приносятъ честь отечеству, Риму, мѣсту своего пребыванія, и Искуствамъ? Это сказалъ бы тотъ, кто не знаетъ ихъ или не хочетъ знать. Но нѣтъ; объ нихъ не хотѣлъ упоминать Корреспондентъ Журнала Торговли: онъ назвалъ только Артистовъ Римскихъ, чтобы отмстить имъ за то удивленіе, за тотъ восторгъ, съ какими посѣщаютъ ихъ мастерскія всѣ иностранцы, съ чувствомъ искренней, чистой простоты удивляющіеся кисти Рафаеля, Корреджіо и Леонарда. Весьма справедлияо, что произведенія двухъ помянутыхъ Французскихъ Художниковъ (о другихъ лучше умолчать) съ большою славою, не смотря на ихъ недостатки, занимаютъ мѣсто въ залахъ Капитолія; но Артисты другихъ націй заслуживаютъ также похвалу, и всякой человѣкъ, одаренный вкусомъ здравымъ, отдастъ справедливость картинамъ Дурантини, Подести, Кавальери и другихъ нашихъ Художниковъ, которые, вмѣстѣ съ Камуччини и Агриколою, приносятъ честь классической странѣ Искуства.

„Но мы уже привыкли къ этой безсильной зависти. Всѣмъ извѣстны обиды, которыми Французскій живописецъ De Froye и Маркизъ d'Argens поносили Рафаеля, говоря, что онъ едва ли можетъ сравниться съ Ле-Сюёромъ. D'Argens въ своей книгѣ, на смѣхъ всему народу, ставилъ Бланшарда наравнѣ съ Леонардомъ да Винчи, Ла-Фоссé съ Павломъ Веронезе, Бурдона съ Аннибаломъ Караччи, Миньяра съ Корреджіо, Сантерра съ Андреемъ дель-Сарто, Койпеля съ Альбано!!! — Вѣдь Царь Мидасъ сравнивалъ же визгъ свирѣли Пановой съ звуками Аполлоновой лиры! Кто не знаетъ безстыдныхъ глупостей, сказанныхъ Теемъ противъ безсмертнаго Кановы и Авторомъ книги: Les Tablettes romaines противъ возвышеннаго Торвальдсена, котораго онъ называетъ простымъ рѣщикомъ? Недоставало еще того, чтобы Корреспондентъ Журнала торговли поставилъ Камуччини, Агриколу и всѣхъ другихъ извѣстныхъ Римлянъ chez les Français en troisième ligne — и это совершилось!

Oh mondo ladro, or ve chi se l'affacia (*)

«Благо намъ, что глупое не вѣчно! Благо намъ, что за-Альпійская зависть, тщетно покушавшаяся своею манерною кистью отнять нашу славу, изцѣлясь отъ безумія, бросилась въ наши же объятія!

«Корресподентъ Журнала торговли жалуется, что Кардиналъ Кронъ (а тутъ-то и болитъ зубъ его! e qui è dove più duole il dente!) поручилъ портретъ свой Камуччини, а не Французу, и потомъ прибавляетъ съ обыкновенною искренностію Паладина: Refuser le combat, c'est s'avouer vaincu. Но на этотъ такъ называемый вами бой, М. Г., не явились главнѣйшіе Артисты иностранные, славою Европейскою увѣнчанные и нынѣ процвѣтающіе въ Римѣ: ужь не задумало ли тщеславіе Французское и ихъ приковать къ своей торжественной колесницѣ? За чѣмъ оно хочетъ прицѣпить къ ней исключительно однихъ Артистовъ Римскихъ? О если бъ жилъ мой Флаккъ, какъ посмѣялся бы надъ этими новыми Криспинами! Съ тѣмъ же хвастовствомъ смѣшной Криспинъ вызываетъ другихъ на битву такими словами:

теперь роскотью не колорита, а красокъ, такъ какъ прежде отличались скудостью оныхъ: колоритъ и краски — большая разница! — *Пр. С. п.*

(*) Это знаменитая Витторія: по сужденію тѣхъ, которые видѣли оригиналъ, нѣтъ въ этомъ портретѣ желаннаго сходства. Въ немъ она слишкомъ колоссальна противъ оригинала. — *Пр. Сот. п.* (Упоминаемая въ семъ примѣчаніи Витторія, есть извѣстная Римская *натурщица*. Она теперь устарѣла; но нѣкогда была женщиною рѣдкой красоты. *Пр. Изд. Л. Г.*)

(**) Этотъ періодъ сокращенъ мною. Изъ этого видите, что здѣсь понятія о Романтизмѣ еще старыя, но и у насъ они врядъ ли очищены. — *Пр. Сот. пись.*

(*) „О низкій свѣтъ! вотъ кто у тебя первенствуетъ!“ — *Перев. Сот. пись.*

Accipe, si vis,
Accipiam tabulas: detur nobis locus, hora,
Custodes: videamus uter plus scribere possit.
(*Кн.* I. *Сат.* IV.)

«Возьми, коль хочешь, и я возьму бумагу: дай намъ «мѣсто, время, сторожей: увидимъ, кто изъ насъ болѣе напишетъ!» —

«Одинаковъ обычай у дурныхъ Поэтовъ и дурныхъ Артистовъ, въ число коихъ мы и не думаемъ включать ни Верне, ни Шнеца, которые, судя по ихъ благородству, вѣроятно уже краснѣли отъ стыда и негодованія, читая клеветы, напечатанныя ихъ соотечественникомъ противъ Камуччини, Агриколы и столь многихъ друзей ихъ и товарищей школы Рафаеля.»

Остается мнѣ, какъ сторонѣ неутральной, прибавить, что большая часть публики Римской, въ которую включаю и путешествующую, отдавая должную справедливость произведеніямъ Шнеца и Гораса Верне, объявила свое мнѣніе въ пользу отвѣта. Остается, какъ Рускому, сказать нѣсколько словъ объ нашихъ Артистахъ, пребывающихъ въ Римѣ. Только два произведенія Руской кисти находились на Капитолійской выставкѣ: эскизъ Г. Бруни, изображающій *Крещеніе Ольги*, и *Конь, бѣгущій отъ убитаго громомъ селянина*, маленькой пеизажъ Г. Басина. Причины этой ограниченности числа Рускихъ произведеній слѣдующія: почти всѣ Художники заняты теперь копіями, и потому не имѣли времени окончить большихъ картинъ, ими начатыхъ, какъ увидите ниже; копіи же на выставку не принимаются, хотя мы и видѣли на оной что-то похожее на копію съ картины Камуччини, изображающей *Невѣріе Ѳомы*; наконецъ цѣломудренныя правила Общества, учреждающаго выставку. Г. Бруни хотѣлъ выставить свою очаровательную *Вакханку*, которая скоро явится въ столицѣ Невской: если бъ она была принята и если бъ судили не по количеству, то одна эта *Вакханка* могла бы доказать, что молодая кисть Руская не безопасна для опытной славы Римлянъ и Французовъ. Но ея не приняли за полу-наготу и въ уваженіе Великаго поста, не смотря на то, что самъ Президентъ Общества, плѣнившись ея красотою, написалъ ей экспромтъ. Противъ сего изъятія вотъ какія важныя возраженія представляются. Извѣстно, что нагое тѣло есть торжество Живописи и вообще искуствъ образовательныхъ: зачѣмъ же время Великаго поста избирать для выставки произведеній, изъ коихъ лучшія, по ихъ назначенію, должны быть соблазнительны? Зачѣмъ въ Великую Пятницу отверзать весь нагой Ватиканъ? Зачѣмъ во Флоренціи, Венеры Тиціановы и Венера Медицейская на время поста не заточаются въ какой нибудь монастырь? — Зачѣмъ на той же выставкѣ позволены: полу-нагой и пьяный *Олофернъ*, сладострастно простирающій руки къ пустому возглавію въ картинѣ Верне; *Купальница, вся нагая*, Віатта, — и запрещена *полу-нагая Вакханка* Бруни? Было бы слишкомъ утонченно изобрѣсти предлогъ, что мраморъ безопаснѣе колорита, и такимъ образомъ опредѣлять степени соблазна. Еще болѣе вопіетъ противъ несправедливости то, что *Купальница* сначала была закрыта для соблюденія приличій (не стыда, а интриги): почему также не закрыть бы и *Вакханку* для глазъ невинныхъ? — Все это даетъ смѣлое право подозрѣвать, что правила Общества исполнялись не безъ пристрастія и что не столько полу-нагота *Вакханки* опасна была для зрителей, сколько кисть Рускаго Художника славѣ, интригами вооруженной. Не знаю, на кого должны пасть сіи подозрѣнія, но только несправедливо было бы въ томъ обвинять Римскихъ Художниковъ, которые, не смотря на то, что они здѣсь у себя, показываютъ гостепріимную любовь къ талантамъ иноземнымъ. Доказательствомъ сему служитъ то, что нашъ Художникъ Г. Бруни, былъ принятъ въ члены Академіи Св. Луки за своего *Горація*.

Кстати замѣчу вамъ новыя произведенія нашихъ Художниковъ. Я уже сказалъ, что большею частію трудятся они надъ копіями и, благодаря попеченіямъ нашего Правительства, Петербургъ будетъ имѣть всѣ лучшія произведенія кисти Италіянской. Подвигъ прекрасный! Столица Невская уже любовалась копіею Г. Брюлова *Аѳинской школы* — и щедрый Монархъ наградилъ Художника. Г. Басинъ давно уже отправилъ прекрасную копію *Причащенія Св. Іеронима*; это chef-d'œuvre Доминикина, висящій въ Ватиканѣ противъ *Преображенія* Рафаелева, копію котораго почти докончилъ Г. Габерцеттель. Г-нъ же Басинъ кончаетъ *Чудо въ Болсенѣ*, фрескъ Рафаеля. Г. Марковъ отправилъ весьма хорошую копію съ *Мадонны di Foligno*, Рафаеля. Г. Бруни перенесъ живо на холстъ *Галатею*, его же. Г. Гофманнъ сильно передалъ chef-d'œuvre Микель Анджела Караваджіо, украшающій Ватиканъ: *Положеніе во гробъ Спасителя*, и изучаемый всѣми Художниками. Послѣднія двѣ копіи скоро будутъ въ Петербургѣ. Г. Соболевскій отправилъ весьма удачную копію въ миньятюрѣ съ *Преображенія*, для Ея Высочества, Великой Княгини Елены Павловны, и теперь трудится надъ копіей такого же размѣра съ *Діаны на ловлѣ*, Доминикина. Г. Гофманнъ кончилъ также для Ея Высочества, *Сивиллу*, Доминикина, и *Св. Себастіана*, Гвидо Рени.

Оригинальныя произведенія суть слѣдующія: Г. Бруни давно уже отправилъ въ Россію свою картину: *Горація, убивающаго сестру*; у него же готовъ большой картонъ: *Крещеніе Ольги*, который ждетъ желающаго заказать оригиналъ; Петербургъ скоро увидитъ его *Вакханку*, *Сивиллу* и *первую тетрадь картинъ къ Исторіи Карамзина*. Г. Брюловъ сдѣлалъ превосходный портретъ Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны во время Ея пребыванія въ Римѣ, также портретъ Свѣтлѣйшаго брата Ея, и скомпоновалъ большую картину: *Послѣдній день Помпеи.* Г. Гофманнъ отправилъ въ Петербургъ небольшую картину, коей сюжетъ взятъ изъ Данта: *Франческа Римини*; Г. Марковъ — *головку пастушка.* Г. Габерцетштель скомпоновалъ большую картину: *Іоаннъ Креститель, проповѣдующій народу.*

Изъ всего этого не видимъ ли мы прекрасныхъ надеждъ для нашего отечества? Будемъ уповать, что скоро кисть Руская отыщетъ красоты и въ нашей природѣ, и мы создадимъ живопись національную. Россія не имѣетъ недостатка въ талантахъ по всѣмъ частямъ образованія человѣческаго. Пожелаемъ имъ большей и большей дѣятельности.

Римъ, 1830, *Іюня* 5 *н. с.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Терпи казакъ, Атаманъ будешь. Стихотворная повѣсть. Сочиненіе Константина Масальскаго. Изданіе 2-е, исправленное. — С. П. б. въ типогр. Императорской Россійской Академіи, 1830. (144 стр. въ 8ю д. л. (*)

Хорошо идти, куда глаза глядятъ, тому, у кого глаза хороши, кто не близорукъ, не забывчивъ и надѣется на свои силы и ноги. Въ поэтическихъ прогулкахъ, Поэту должно также держаться правила сего. Если глазъ его вѣренъ и если самъ онъ увѣренъ въ себѣ, то счастливый путь! дорога открыта ему на всѣ четыре стороны. Таковъ былъ Байронъ съ *Донъ-Жуаномъ*, таковъ Пушкинъ съ *Евгеніемъ Онѣгинымъ.* Слѣдуя за ними, никогда не угадаешь за минуту, куда бросятъ ихъ своенравный избытокъ дѣятельности и вдохновенное волненіе. Но слѣдуешь съ довѣренностью и любопытствомъ, зная, что глаза ихъ иначе глядѣть не могутъ, какъ на цѣль яркую, оригинальную: вѣришь, такъ сказать, ихъ вдохновенію, ихъ взгляду, освѣщенному свыше, который въ противорѣчіяхъ, въ несовмѣстностяхъ на наши глаза непросвѣщенные, ловитъ отношенія вѣрныя, ускользающія отъ грубаго изслѣдованія чувствъ. Такими отступленіями, извивами, истинный Поэтъ не совращается съ пути своего, а только расширяетъ очеркъ свой; и часто очеркъ его вся вселенная. Но за то горе Поэту, который въ ихъ возвышенной свободѣ находитъ одно отсутствіе всѣхъ законовъ и почитая ее удобствомъ, облегченіемъ, хочетъ присвоить ее себѣ, не имѣя на то права. По видимому, или напротивъ, именно потому, чего не видишь, можно догадаться, что Авторъ стихотворной повѣсти: *Терпи Казакъ, Атаманъ будешь*, былъ соблазненъ мнимою легкостью, съ которою написанъ *Евгеній Онѣгинъ*, и захотѣлъ попользоваться славою, которая достается шутя. Такая неосновательность въ разчетахъ, такая невѣрность въ чувствѣ есть уже доказательство недостатка въ поэтическомъ соображеніи. Хорошо близорукимъ Критикамъ *Сѣверной Пчелы* полагать, что пѣсни *Евгенія Онѣгина* бездѣлица, потому что въ нихъ нѣтъ шестистопныхъ стиховъ, что онѣ не торжественныя оды, что въ нихъ описываются простыя событія ежедневной жизни: но Автору разбираемой нами повѣсти, оказавшему въ прежнихъ произведеніяхъ своихъ, хотя и маловажныхъ, признаки поэтическаго дарованія, грѣшно было повѣрить Критикамъ этимъ на слово и взяться не за свое дѣло. Напрасно не посовѣтовался онъ съ поэтическою совѣстью своею, которая неразлучна съ дарованіемъ, никогда его не обманываетъ и всегда вопреки самолюбію Автора подтверждаетъ ему строгія замѣчанія Критики. Должно замѣтить, что мы еще изъ уваженія къ Поэту предполагаемъ, что онъ въ повѣсти своей имѣлъ въ виду *Евгенія Онѣгина:* а на самомъ дѣлѣ повѣсть его не что иное, какъ *Иванъ Выжигинъ* въ стихахъ. Та же несвязность въ произшествіяхъ, блѣдность, безличность въ лицахъ; тотъ же разсказъ довольно плавный, но вездѣ холодный, бездушный; тотъ же языкъ довольно чистый, но чистоты столь притворной, столь безцвѣтной, что готовъ бы обрадоваться пятнышку, лишь бы найти въ немъ признакъ жизни. Впрочемъ языкъ этой повѣсти имѣетъ еще въ Поэзіи нашей сходство ближайшее: съ языкомъ новѣйшихъ комедій нашихъ, замѣнившихъ нѣсколько черствые и принужденные стихи Княжнина, но за то кипящіе силою и веселостью, — какимъ-то непринужденнымъ, мнимо-свободнымъ многословіемъ и пустословіемъ, какою-то небрежностью, которая не есть прелесть, а вялость, не избытокъ, а излишество.

Послѣ изъявленнаго нами мнѣнія о повѣсти въ цѣломъ, читатели не будутъ ожидать подробнаго слѣдованія частей и очныхъ ставокъ между Критикою и Поэтомъ. Книга передъ ними. Пускай прочтутъ они ее и обвинятъ, если могутъ, Критику въ излишней строгости. Тѣмъ лучше. И для читателей и для Автора, пріятная нечаянность есть двойная удача. Хуже, когда напередъ разхвалишь книгу не въ мѣру и читатели на повѣрку тѣмъ ею недовольнѣе, чѣмъ болѣе были они въ пользу ея предубѣждены. Между тѣмъ, для возбужденія

(*) Продается въ книж. магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой, и у другихъ книгопродавцевъ. Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р.

любопытства, послѣдуемъ примѣру нашихъ книгопродавцевъ и представимъ здѣсь, какъ на выставкѣ, выписки изъ оглавленія. Читатели найдутъ здѣсь: и *Совѣтника* и *Новаго Тезея*, и *Альманахъ* и *Новую бѣду*, и *Издателя Журнала* и *Похороны*, и *Весну* и *Осень*, и *Опасность Критики* и *Безуспѣшность*. Надписи другихъ главъ напоминаютъ гадательныя карты, и при случаѣ могутъ замѣнить ихъ. Напримѣръ: *Свиданіе*, *Вдова*, *Неожиданное посѣщеніе*, *Горестная вѣсть*, *Подарокъ*, *Нежданый гость*, *Перемѣна обстоятельствъ* и проч.

Еще два слова: передъ глазами у насъ *изданіе второе исправленное*, не можемъ сказать, къ лучшему ли, ибо мы перваго не читали. Поэтъ пользовался иногда выраженіями другихъ Поэтовъ: это часто бываетъ и не съ нимъ. Но вотъ въ чемъ рѣдкость: въ выноскахъ онъ выставляетъ имена тѣхъ, у кого заимствовалъ, и совѣстливость и точность его въ этихъ признаніяхъ доведены до рыцарской щекотливости. Выраженія, подобныя слѣдующимъ: *Явился нашъ орелъ двуглавый*, — *Рѣшись, возьми на часъ терпѣнье*, — *Описывать*, *признаться*, *лѣнь*, — *Девятый валъ*, выраженія, принадлежащія всѣмъ и никому въ особенности, отмѣчены и записаны на имя по принадлежности.

СМѢСЬ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Журналисты наши упрекаютъ Писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у Французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи, Государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины Университетскіе, легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія неспособенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ недовольно знающъ, чтобы выдержать Университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный Баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что погибнулъ я?»
— «Ты свѣтишь!» — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій и червяковъ и казявокъ замѣнить лицами, болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму, помѣщенную въ 32-мъ No Лит. Газ.

Въ Парижѣ представлена была, на *Французскомъ театрѣ* (théâtre français), въ концѣ Февраля сего года, новая драма Виктора Гюго: *Гернани, или Кастильская честь* (Hernani ou l'honneur castillan). Драма сія хотя написана обыкновенными (Александринскими) стихами съ рифмами, но совершенно въ духѣ драматургіи романтической. Въ слѣд. No нашей Газеты, мы помѣстимъ подробный отчетъ о семъ замѣчательномъ произведеніи.

Четыре дня въ Финляндіи, *письма въ Москву О. Сомова*, изъ коихъ отрывки были помѣщены въ трехъ послѣднихъ NNo. *Лит. Газеты*, издадутся къ будущей зимѣ особою книжкою, съ *шестью видами* описываемыхъ мѣстъ, рисованными съ натуры извѣстнымъ любителемъ Живописи В. П. Лангеромъ; съ заглавною виньеткой и нотами Финской пѣсни. Всѣ экземпляры оной будутъ отпечатаны на лучшей веленевой бумагѣ, въ больш. 8-ю д. л. Цѣна экземпляру, *съ видами* и пр. 7 р., съ пересылк. 8 р.; Желающіе получить сію книгу, благоволятъ предъявлять свои требованія заблаговременно, въ магазинѣ И. И. Слёнина, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No 23.

Подписка на *Литературную Газету* принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-по 72-й No. включительно), здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи и разноскою по домамъ, 20 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ, И. В. Слёнина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No. 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ No. 28; у Ильи Ив. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No. 27. Въ Москвѣ: у Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книжн. магазинѣ С. И. Титова. — Гг. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. — Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 24-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

* * *

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Подписка на Литературную Газету принимается и на слѣдующую половину года. Цѣна полугодовому изданію (т. е. отъ 37-по 72-й No. включительно), здѣсь въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи и разноскою по домамъ, 20 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ, И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Имзена, No. 23; и А. Ф. Смирдина, у Синято моста, въ д. Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ д. Генералъ-Маіора Балабина, въ книж. лавкѣ подъ No 28; у Ильи Ив. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No. 27. Въ Москвѣ: у Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: въ книжн. магазинѣ С. И. Типова. — Гг. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. — Первую половину года сей Газеты можно получить у тѣхъ же книгопродавцевъ, по 20 р. экземпляръ; за пересылку ничего не прилагается.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го ТОМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.

(№. 1 — 36.)

I. Проза. (Повѣсти, отрывки изъ Романовъ, Путешествія и проч.)

Стран.
Магнетизёръ (отрывокъ изъ новаго романа, соч. *А. Погорѣльскаго* 1 — 9
Разговоръ у Княгини Халдиной (*Д. И. Фонъ-Визина*) 17
Мелекъ Эль-Моды, повѣсть Абеля Гюго (пер. *О. Сомовымъ.*) 25 — 33
Письма Рускаго Путешественника изъ Варны (*В. Г. Теплякова.*) 41 — 227
Киргизцы. (Отрывокъ изъ повѣсти: Якубъ-Батырь, соч. *А. П. Крюкова.*) 49
Военная Грузинская дорога (изъ Путевыхъ записокъ *А. С. Пушкина.*) 57
Сиръ Эдгеръ и его соколъ. Повѣсть XVI столѣтія (съ Англій. пер *Н. П. Ш — ва*) 67 — 75
Убранство знатной Еврейки, (перев.) 83 — 91
Тѣни праотцевъ (Индійское преданіе, соч. *Гр*) 85
Асамблея при Петрѣ I. 99
Глухіе. Индѣйская сказка 100
Отрывокъ изъ I-й части романа: Монастырка, (соч. *Ант. Погорѣльскаго.*) 107 — 115
Богемская дѣвичья война, соч. Фанъ-деръ-Фельда (пер. съ Нѣмец.) 123
Отрывки изъ Журнала Доктора (соч. *Гр.*) 131
Послѣдній Браччіано. Римская хроника, (съ Франц. пер. *О. Сомова*) 139
Лукреція Давидсонъ, (съ Польск. пер. *В. Романовича*) 147
Почтовый домъ въ Шато-Тьерри, изъ разсказовъ путешественника (соч. *О. Сомова.*) 155 — 163 — 171
Грузинская свадьба (соч. *В. Н. Григорьева.*) 179
Двѣ сестры. Повѣсть, (съ Фр. пер. *О. Сомова,*) 187 — 195
Прогулка въ окрестностяхъ Лондона (соч. *А. С. Норова*) 203
Нѣсколько подробностей объ Индѣйцахъ Астраханскихъ (изъ письма Г. Ходзьки. Перев. съ Польск. *В. Романовича*) 211
Поединокъ (отрывокъ изъ книги: 1572. Chronique du temps de Charles IX. пер. *Н. П. Ш — ва.*) 219
Праздникъ въ Величкѣ (отрывокъ изъ дорожныхъ записокъ *Я. И. Сабурова.*) 237
Пустой домъ (изъ соч. Гоффмана. Перев. съ Нѣм. *В. П. Лангера.*) 245 — 253 — 261
Четыре дня въ Финляндіи. Письма въ Москву (*О. Сомова.*) 269 — 277 — 285

II. Стихотворенія.

Стран.
Баратынскаго (Е. А.) Эпиграммы 258 — 264
Вяземскаго (Кн. П. А.) Эпиграмма 11
Дорожная дума 20
Къ нимъ 36
Къ *** при подаркѣ книги съ бѣлыми листами 110
Графинѣ Лудольфъ 272
Давыдова (Д. В.) Душенька 59
Зайцевскому 69
N. N. 133
Деларю (М. Д.) Ворожба 51
Злому духу 199
Гроза 233
Въ Альбомъ М. Ѳ. Б — ей 272
Зайцевскаго (Е. П.) Денису Васильевичу Давыдову 85
Книга природы 133
Измайлова (А. Е.) Канарейка и Соловей, Басня 119
Экспромтъ Княгинѣ Е. С. Х—ой 250
Любительницѣ цвѣтовъ 258
Козлова (И. И.) Изъ Аріостова: Orlando furioso 143
Крс. Отвѣтъ 21
Крылова (И. А.) Щука, басня 143
Крюкова (А. П.) Два жребія 233
Охлажденіе 230
Макарова Сѣверная ночь 181
Ободовскаго (П. Г.) Изъ Шиллеровой пѣсни о Колоколѣ 213
Подолинскаго (А. И.) Отверженіе 172
Пушкина (А. С.) Отрывокъ изъ VIII Главы Евгенія Онѣгина 2
Стансы 10
Стансы 94
Къ * * 101
Въ Альбомъ 158
Посланіе къ К. Н. Б. Ю. 240
Пушкина (В. Л.) Къ В. А. Жуковскому 150
Теплякова (В. Г.) Четыре времени жизни 102
Послѣдній вечеръ въ *** 166
Безнадежность 181
Трилуннаго. Отплытіе Чальдъ-Гарольда. (Изъ Байрона) 279
Шаховскаго (Кн. А. А.) Отрывокъ изъ драматической хроники: Смольяне въ 1611 году 28
Шеміота (В. П.) Пѣснь Лапландца 281

Стран.
Щастнаго (В. Н.) Отрывокъ изъ драматической поэмы: Ангелика, соч. Іосифа Корженёвскаго 43
Языкова (Н. М.) Къ Ал. Ник. Таш — ву 119
Пловецъ 264
Безъ подписи именъ сочинителей: Бородинское поле 76
Отрывокъ изъ посланія къ Языкову 125
Элегія на смерть А. С. Грибоѣдова 149
Къ А. О. Р. 158
Старица пророчица 191
Узница Востока 204
Разговоръ въ книжной лавкѣ 205
Часы 213
Послѣдній пріютъ 222
Лилія 288

III. Разсужденія, критическіе разборы и пр. по разнымъ предметамъ Словесности, Наукъ и Искуствъ.

О цвѣткѣ. Глава изъ особаго сочиненія о природѣ. (*М. А. Максимовича*) 3
Введеніе къ жизнеописанію Фонъ Визина (соч. *Кн. П. А. Вяземскаго*) .... 11 — 21
Размышленія и Разборы. (Соч. *П. А. Катенина.*)
  Статья I. Объ изящныхъ искуствахъ. О поэзіи вообще. О поэзіи Еврейской .... 29 — 37
  Статья II. О поэзіи Греческой .... 69 — 77 — 85
  Статья III. О поэзіи Латинской .... 150 — 158 — 167
  Статья IV. О поэзіи новой сначала .... 258 — 264
Критическія замѣчанія на 1-й томъ книги: Древніе и нынѣшніе Болгаре (*О. Іакинѳа Бичурина*) .. 44
Мысли о Макбетѣ, трагедіи Шекспира 52
О Московскихъ Журналахъ 60
О физическомъ дѣйствіи музыки, соч. Г. Фети (перев. *О. Сомова*) .... 94—102
Лордъ Байронъ и нѣкоторые изъ его современниковъ. Соч. Лей-Гунта. (*перев.*) .... 110—120
Замѣчаніе на статью Француз. Журнала: Le Furet, о животномъ магнетизмѣ. (Соч. *Д. М. Велланскаго*) 126
Отрывокъ изъ жизнеописанія Фонъ-Визина. (Соч. *Кн. П. А. Вяземскаго*) 133
Нѣсколько словъ о Полемикѣ 143
Новая тяжба о буквѣ Ѣ 172
Объясненія нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ. Статья 1. О духѣ партій; о литературной Аристократіи 182
Статья II. Исторія Рускаго народа. Критики на нее. I-й томъ на лицо и XI будущихъ 250
Мнѣніе Италіянцевъ о создающейся Европейской Словесности (изъ Tygodnik Petersburski) 191
Рѣчи, произнесенныя въ публичномъ засѣданіи Французской Академіи при принятіи въ члены оной Г. Ламартина, 1-го Апрѣля 1830. (переведен. *О. Сомовымъ*) 1 Рѣчь Г. Ламартина .... 200 — 205
2. Отвѣтъ Директора Ф. А. Барона Кювье 213
Стран.
О Сумароковѣ 222
Критика книги: Cours élémentaire de la Littérature Française, rédigé par Ferry de Pigny. (Соч. Г. Профессора *Тилло*) 233
Пѣніе Морлаковъ, соч. Карла Нодье (съ Француз. перев. *В. Романовича*) 241
О Байронѣ и его отношеніяхъ къ новѣйшей Литературѣ. Соч. Виктора Гюго. (съ Фр. пер. *В. Романовича*) 273
О нашихъ Модо-литературныхъ журналахъ 281
Письмо изъ Рима къ Изд Л. Г. (о распрѣ Журналовъ Италіянскихъ и Французскихъ, касательно выставки произведеній искуствъ въ Капитоліи; о трудахъ Рускихъ Художниковъ, пребывающихъ въ Римѣ и пр.) 288

IV. Библіографія.

(Въ сей статьѣ помѣщены были библіографическія извѣстія и отчеты о слѣдующихъ книгахъ:)

1. Рускія книги:

Собраніе сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина (прежнее изд. 1829) 5
Сань-Цзы-Цзинъ или троесловіе .... —
Альманахи на 1830 годъ: *Сѣверные цвѣты* 6
Альманахъ Анекдотовъ ... 7
Иліада Гомерова, пер. Н. Гнѣдича 14
Альманахи: *Радуга* и *Московскій Альманахъ* 15
Краткая всеобщая Географія Константина Арсеньва 22
Всеобщій Атласъ 23
Исторія Рускаго Народа, соч. Н. Полеваго. Т. I.
  Статья I 31
  Статья II 96
Юрій Милославскій, соч. М. Н. Загоскина 37
Театръ Николая Хмельницкаго .... 47 — 283
Основныя правила Турецкаго разговорнаго языка . 47
Альманахи: *Царское Село* .... —
Сен-Марсъ, романъ, пер. А. Очкина 53
Альманахи: *Денница* 62
Карелія. Описательн. Стихотвореніе Ѳ. Глинки. 76
Словарь Французско-Россійскій, Е. Ольдекопа 89
Метафизика Х. Баумейстера, пер. Я. Толмачева. 104
Димитрій Самозванецъ, истор. романъ Ѳ. Булгарна (статья I.) 112
Ручная книжка Физики, Химіи и Ботаники, соч. Анкетеня 121
Монастырка, соч. А. Погорѣльскаго. Ч. I 129
Евгеній Онѣгинъ, соч. А. Пушкина, гл. 7-я 135
Правая Грамота 1559 г. .... —
Четыре времени года Рускаго поселянина. Соч. Ѳ. Слѣпушкина 136
Ѳедора, историч. повѣсть, соч. Павла Сумарокова 144
Нищій, соч. А. Подолинскаго 152
Подарокъ дѣтямъ на святую Пасху, соч. Протоіерея Г. Мансветова 154

Стран.

Умноженіе и дѣленіе числъ на счетахъ. Д. Орлицкаго........................ 160
Лѣтописи открытій и изобрѣтеній и пр. 168
Неколебимая дружба и пр. 169
Бахчисарайскій фонтанъ, соч. А. Пушкина. 3-е изданіе 177
Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина, изд. книгопродавца Салаева. Ч. 1—2 178
Записки Москвича, кн. III. 183
Основанія растительной физики, соч. Боска..... 184
Повѣсти для дѣтей. Ч. 1, 2 и 3................ 192
Альманахи на 1830 годъ. *Подснѣжникъ,—Стихотворенія Трилуннаго — Весенніе цвѣты*............ 202
Опытъ перевода Горацієвыхъ одъ, В. Орлова 210
Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Рускихъ, библіотеки Графа Ѳ. А. Толстова. — Палеографическіе снимки шрифтовъ съ XV по XVIII вѣкъ.......................... 217
Ягубъ Скупаловъ, нравственно-сатирич. романъ. 225
Послѣдняя война съ Турціею.......................... 226
Краткое начертаніе всеобщей Исторіи, соч. И. Кайданова 234
Историческія записки Адъютанта Крылова..... 235
Берлинскія привидѣнія............................. 242
Разбойникъ, повѣсть въ стихахъ, М. Покровскаго —
Французскій Букварь, изд. Е. Зоричемъ......... 252
Теоретическія и практическія упражненія въ переводахъ, изд. Е. Зоричемъ........................ 259
Разборъ рецензіи на книгу: Мысли, относящіяся къ философич. Исторіи человѣчества......... 267
Политическій балансъ земнаго шара, составл. Г. Бальби, перевед. И. Эйнерлингомъ................ 275
Повѣсти и литературные отрывки, изд. Н. Полевымъ 283
Искуство брать взятки............................. —
Комета, Альманахъ на 1830 г., изд. И. Селивановымъ 284
Терпи Казакъ, Атаманъ будешь, соч. Масальскаго 292

2. Иностранная Литература.

Poezye Alexandra Chodźki (Стихотворенія А. Ходзьки) 38
Thermes de Pompéi. Par Alexandre Brulloff (Ѳермы или народныя бани въ Помпеи, срисов. и описан. А. Брюловымъ)...... 72

Стран.

Mémoires de Lord Byron (Записки Лорда Байрона, изд. Т. Муромъ) .... 104 — 113
Statistique & Itinéraire de la Russie, &c. par I. H. Schnitzler (Статистика и Дорожникъ Россіи, соч. Шницлера).. 161
Cours élémentaire de la Littérature française, par Ferry de Pigny (Первоначальн. курсъ Французъ. Литературы, Г. Ферри де Пиньи)................ 193
Comitis Theodori de Tolstoy Bibliothecæ Catalogus. — Id., ordine alphabetico dispositus (Каталогъ библіотеки Гр. Ѳ. А. Толстова — То же, по азбучному порядку) 218
Fables & contes de I. Khemnitzer, etc., traduits par Hippolyte Masclet (Басни и сказки Хемницера и пр., перев. И. Маскле) 244
Iwan Wyschigin etc. (Иванъ Выжигинъ, романъ Г. Булгарина, пер. на Нѣмец. языкъ Г. Ольдекопомъ) 275

V. Смѣсь.

(Въ семъ отдѣленіи помѣщались замѣчанія на нѣкоторыя статьи Рускихъ Журналовъ, короткія выписки изъ книгъ и повременныхъ изданій иностранныхъ, ученыя извѣстія, анекдоты, еще неизвѣстные въ нашей Литературѣ; мнѣнія касательно нѣкоторыхъ предметовъ Словесности; объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ, о предпринимаемыхъ изданіяхъ, о произведеніяхъ искуствъ и пр. и пр. Все это помѣщалось на послѣднихъ страницахъ NNo. Газеты.) 7 — 15 — 23 — 32 — 39
48 — 54 — 66 — 73 — 81
90 — 98 — 106 — 122 — 129
138 — 146 — 154 — 161 — 170
178 — 185 — 193 — 202 — 210
226 — 235 — 243 — 252 — 260
267 — 276 — 284 — 293.

Прим. Къ сей части присовокупляются: *Литографическій снимокъ подлиннаго письма Барона А. Гумбольдта*, и *Музыка Финской пѣсни*, положенной съ голоса на ноты М. И. Глинкой.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 19-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

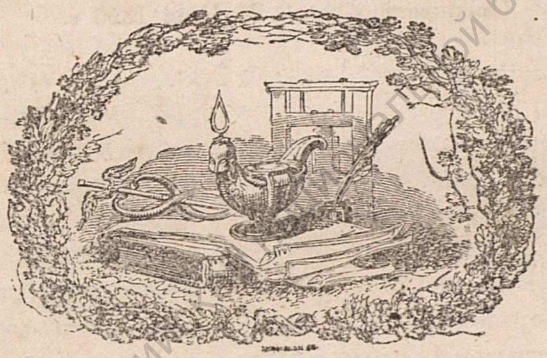
Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.



ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ

1830.

Из фондов Российской государственной библиотеки

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 29 Іюня 1830 г.

Ценсоръ Н. Щегловъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
0 1966 акт РК-2154/3

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. **ТОМЪ II, № 37.** *ІЮНЯ 30го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни : 5-го числа (въ Субботу), — 10-го (въ Четвертокъ), — 15-го (во Вторникъ), — 20-го (въ Воскресенье), — 25-го (въ Пятницу) и 30-го (въ Среду).

ВЫПИСКИ

изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Поѣздка въ дилижансѣ изъ Парижа въ Эксъ Савойскій.

(Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, путешествующій по Европѣ, прислалъ въ Петербургъ помянутую рукопись. Не повторяя разсказовъ о мѣстахъ, видѣнныхъ многими и почти всему читающему міру извѣстныхъ изъ книгъ или по наслышкѣ, Путешественникъ нашъ съ непринужденною веселостью записывалъ въ рукописи своей забавные случаи, встрѣтившіеся съ нимъ въ этой поѣздкѣ, и чистосердечно передавалъ свои впечатлѣнія. Чтеніе отрывковъ изъ его путешествія, надѣемся, принесетъ удовольствіе нашимъ читателямъ, которыхъ мы извѣщаемъ, что полная рукопись будетъ напечатана особою книжкою и появится въ свѣтъ осенью нынѣшняго года.)

* * *

Отъѣздъ.

. . . . . Я сѣлъ въ ветхій, безпокойный дилижансъ, едва кинулъ смущенный взглядъ на моихъ спутниковъ, и снова обратилъ оный на улицы покидаемой столицы. Вотъ великолѣпные бульвары, вотъ театръ Variétés, гдѣ я столько разъ хохоталъ отъ души, слушая шутливаго Потье; вотъ Passage des Panoramas, чрезъ который я часто хаживалъ въ единственный Пале-рояль; но вотъ и театръ des Nouveautés: и здѣсь проводилъ я пріятные вечера, восхищаясь прелестными водевилями Скриба. Несносный дилижансъ не даетъ мнѣ времени насытиться воспоминаніями, и уже ворота и театръ Сен-Мартенъ передъ моими глазами: и тутъ нѣкогда веселилъ меня Потье, смѣшилъ прыжками и кривляньемъ Мазюрье, и тутъ . . . . Но вотъ уже Бульваръ дю-Тампль, театры Ambigu-comique и Gaîté, куда я иногда хаживалъ поплакать и подремать. Вотъ садъ и кофейный домъ, называемые Турецкими . . . .

Такъ пожиралъ я глазами и мыслями панораму бульваровъ, доколѣ не проѣхали мы заставу. Нечего дѣлать! сказалъ я самъ себѣ, и вынувъ дорожный платокъ, на коемъ изображена карта Европы, оперъ послѣднюю слезу тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ напечатано: *Парижъ.* Теперь время заняться внутреннею частью дилижанса и сдѣлать опись моимъ сотранствователямъ. Рядомъ со мной сидитъ морской Французской офицеръ, лѣтъ двадцати шести, поимени Робертъ, ѣдущій въ Дижонъ для свиданія съ родственниками. Если бъ на немъ и не было мундира, то и тогда бы можно было узнать его званіе. Во Франціи существуетъ обычай, въ силу коего морской офицеръ долженъ быть крутъ, грубъ, пьянъ и заносчивъ, но добръ и откровененъ; а не то, называютъ его: marin d'eau douce. Нашъ флотскій офицеръ съ талантомъ истинно-комическаго актёра поддерживалъ роль, присвоенную питомцамъ Ѳкеана. Напримѣръ: онъ, по дорогѣ изъ Бреста заѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ пробылъ только два дни, прожилъ три луидора, имѣлъ двѣ ссоры и сдѣлалъ одно замѣчаніе; а именно, что въ кофейныхъ домахъ и *эстаминетахъ* (*) слуги слишкомъ учтивы, а гости через чуръ чинны! — Подлѣ него сидѣла нянька (une bonne), весьма незначительная особа, напротивъ насъ двѣ дамы и одинъ мужчина. Вы спросите: кто такіе? — По одеждѣ и лицамъ невозможно ошибиться въ породѣ ихъ: одни островитяне Британскіе могутъ смотрѣть такими чудаками. Этотъ длинный, рыжій, сухощавый, криворотый, и совсѣмъ тѣмъ добродушный человѣкъ, одѣтъ въ синій фракъ, на который натянутъ шпен-

---

(*) Estaminets. Такъ называютъ въ Парижѣ кофейные домы, въ коихъ позволено курить табакъ. Такъ какъ трубки и сигарки не въ большой чести въ Парижѣ, то въ эти мѣста сходятся обыкновенно люди низшаго званія. Слуги вообще въ Парижѣ весьма неучтивы; они въ кофейныхъ домахъ и ресторацiяхъ садятся рядомъ съ вами, разваливаются на стульяхъ, смотрятъ на васъ съ пренебреженіемъ и отвѣчаютъ невѣжливо на вопросы.

Прим. Соч.

серъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы, когда полы фрака износятся, можно было сдѣлать изъ него другой шпенсеръ; сапоги на немъ съ отворотами, въ рукахъ держитъ онъ шляпу съ длинными полями и низкою тульею, на головѣ жъ у него картузъ; при томъ бѣлье на немъ самое чистое: имя его Г-нъ Арчибальдъ. По обѣимъ сторонамъ его сидятъ дамы, называющія другъ друга *Миссъ*, слѣдственно дѣвицы. Одна изъ нихъ недурна собою, лѣтъ двадцати, Миссъ Перкъ, другой же имени не упомню; ибо она мало говорила и все почти хворала. Я заглядѣлся на деревню Шарантонъ, какъ вдругъ слышу въ каретѣ шумъ. Что же тому причиной? — Англичанинъ, разговаривая съ флотскимъ офицеромъ, назвалъ его, по незнанію языка: Monsieur le matelot; офицеръ вспыхнулъ, бранился, клялся стопушечнымъ кораблемъ, что не намѣренъ спускать такихъ обидъ, называлъ Англичанина: Mr. le Corsaire, l'Arabe и пр. Англичанинъ извинялся; мнѣ стало его жаль и я взялъ его сторону, замѣчалъ Французу, что это была ошибка отъ незнанія языка. «Hé! qu'il vienne l'étudier au fond de cale,» возразилъ обиженный; но къ счастію, морякъ поступалъ систематически: ему слѣдовало по всѣмъ правиламъ вспыхнуть, сильно ругаться и вмигъ все забыть. Такъ и случилось къ великому утѣшенію Мистра Арчибальда, который съ этой минуты сдѣлался большимъ моимъ пріятелемъ. Часто во время нашего путешествія я имѣлъ случай вступаться за него. Французъ безпрестанно надъ нимъ смѣялся, а особенно надъ его произношеніемъ; ежеминутно спрашивалъ: въ какой улицѣ жилъ онъ въ Парижѣ? Англичанинъ, не замѣчая насмѣшки, отвѣчалъ каждый разъ: «въ *Рю де ла Пексъ*,» вмѣсто Rue de la Paix.

Въ переди, такъ называемомъ *купе*, сидѣла Француженка съ одиннадцатилѣтнею дочерью и собачкой; няня, сидѣвшая подлѣ моряка, принадлежала также ихъ обществу. Съ двумя первыми познакомились мы за столомъ. Англичанинъ, пользуясь минутою отдохновенія, просилъ провожатаго позволить дамамъ его взлѣзть на *имперіялъ* (т. е. верхъ дилижанса), куда онѣ и отправились. Француженка, выглядывая изъ *купе*, пожимала плечами, произнося сквозь зубы (славной работы извѣстнаго Дантиста Дезирабода): «quelle pitié!» Намъ сдѣлалось просторнѣе. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы спросить у Мистра Арчибальда: не сестры ли его этѣ дамы? и весьма удивился, когда узналъ, что онъ почти съ ними незнакомъ, что онѣ дѣвицы изъ Графства Лейстерскаго, откуда и онъ то же. Онѣ встрѣтились съ нимъ и узнавъ, что ѣдутъ въ тѣ же мѣста путешествовать, пригласили его ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Земной Метеоръ.

Хочу садиться въ карету и вижу, что въ нее входитъ какая-то воздушная Сильфида: какъ пальма стройная, гибкая, какъ молодая лоза, свѣжая, какъ Майскій полевой цвѣтокъ, легкая, какъ вѣтръ пустынный; дыханіе цвѣтущей молодой липы;

„Красы, достойныя небесъ,
А ножки чудо изъ чудесъ!“

О, вѣрно, — думалъ я, садясь на свое мѣсто, — розы съ лилеями слились на ея лицѣ! Гляжу — и густое покрывало препятствуетъ удовлетворить мое любопытство. Но прелести природы иногда видны изъ за густаго тумана: сколько могъ я замѣтить сквозь дымку, покрывающую ея черты, онѣ очаровательны! — Вотъ изображеніе спутницы, сѣвшей въ дилижансъ въ прошедшую ночь: она не завтракала съ нами и хранила глубокое мочаніе, вздыхала и даже плакала. — Сердце мое билось необыкновенно. Прочіе товарищи наши еще не пришли; я хотѣлъ начать разговоръ, но сильное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ необыкновенною красотою, волновало мои чувства и я не находилъ словъ. Спустя нѣсколько минутъ, собрался съ духомъ; но только лишь разинулъ ротъ, какъ подошелъ морской офицеръ и занялъ свое мѣсто. На первой станціи, думалъ я, буду искать случая поговорить съ нею непремѣнно; между тѣмъ не сводилъ съ нея глазъ. Но вотъ уже всѣ усѣлись и дилижансъ покатился. «Куда вы ѣдете, сударыня?» спросилъ Г. Робертъ. — Ахъ! я услышу сладкозвучный ея голосъ! мыслилъ я про себя.... Красавица ничего не отвѣчала. «Я не думалъ, что обезпокою васъ такимъ незначащимъ вопросомъ,» продолжалъ морякъ. — Красавица молчала. «Извините меня, сударыня: я морякъ и откровененъ; обычаевъ свѣтскихъ не знаю, а любопытенъ, какъ и сухопутный, или какъ всѣ люди, чортъ меня возьми!...»

Красавица хранила глубокое молчаніе. Сильные вздохи волновали грудь ея, и часто, отворотясь въ сторону, она отирала слезы. — Неужели не услышу никогда ея голоса и не узнаю, кто она? Нѣтъ! она со мною не поступитъ столь жестоко! на первой станціи подойду я къ ней съ почтеніемъ, благоговѣйно изъявлю участіе и можетъ быть.... Невольный трепетъ овладѣлъ мною, когда мы подъѣзжали къ Шатильонъ-сюръ-Сенъ, гдѣ надлежало остановиться. Я далъ время всѣмъ вылѣзть и остался съ нею наединѣ; но въ эту самую минуту Англичанинъ, сошедъ съ *имперіяла*, вступилъ во внутренность дилижанса, чтобы взять стклянку съ ромомъ, и такъ сильно наступилъ на ножку невѣдомой дѣвѣ, что она вскрикнула, какъ малиновка, пойманная въ гнѣздѣ, но въ то жъ мгновенье, подобно быстрой лани, выпрыгнула изъ кареты и изчезла! Я слышалъ ея голосъ, или лучше сказать, крикъ, благодаря неловкости Г. Арчибальда — и только! Мы разспрашивали проводника о семъ неизвѣстномъ существѣ; онъ отвѣчалъ намъ, что не можетъ объявить, кто она, ибо она требовала отъ него молчанія; но что она далѣе не поѣдетъ. Какъ часто въ жизни сей пролетаютъ мимо насъ подобные метеоры!

„. . . . . . и горній духъ изчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи!"

Паническій страхъ.

. . . . . . Звѣрская наружность и буйныя слова не всегда служатъ вывѣскою истинной отважности: кроткія черты лица чаще скрываютъ душу неустрашимую. Морякъ, который угрожалъ проглотить весь дилижансъ и казалось, однимъ мизинцемъ въ состояніи былъ поднять на воздухъ линейный корабль, за обѣдомъ въ Шатильонѣ показывалъ нѣкоторое безпокойство, говоря, что намъ прійдется ночью проѣзжать Валь-де-Сюзонъ, мѣсто опасное, гдѣ часто шалятъ. «Родственники мои, говорилъ онъ, «увѣдомляли меня о частыхъ грабежахъ и убійствахъ, тамъ происходившихъ, и недавно пойманъ былъ одинъ разбойникъ, котораго и казнили.» Тщетно проводникъ увѣрялъ насъ, что съ казнью сего разбойника прекратились всѣ грабежи и водворилась тишина: мичманъ продолжалъ сокрушаться и боязнь, прилипчивая болѣзнь, овладѣла всѣмъ обществомъ. Я то же заплатилъ дань трусости и помышлялъ о своей защитѣ; но всѣхъ болѣе (послѣ мичмана) достойна была жалости молодая дочь Француженки; она дрожала, какъ листъ весенній отъ бурныхъ порывовъ Аквилона. Впрочемъ дѣлать было нечего, оставаться невозможно; и мы рѣшились привести весь экипажъ въ оборонительное положеніе. Англичанинъ, вооружась двумя пистолетами, отправился на имперіялъ и взялъ на себя обязанность наблюдать непріятеля; а для сохраненія хладнокровія, выпилъ три стакана гроку. Морякъ выпилъ шесть стакановъ гроку и залилъ все рюмкою голаго рому, приготовилъ два пистолета и обнажилъ шпагу; я также, но безъ напитковъ, вынулъ изъ чемодана два заржавленные пистолета родомъ изъ Тулы, на коихъ оружейный мастеръ вырѣзалъ Рускими буквами: *Парижъ*. Одинъ нашъ возничій смѣялся надъ нами и напоминалъ быть осторожнѣе. Первую версту ѣхали мы въ совершенномъ порядкѣ, оглядывались, осматривались. . . . и никто не смѣлъ дремать. Въ морскомъ офицерѣ таился скрытый талантъ, который доселѣ не былъ никому извѣстенъ: онъ славно пѣлъ. До сей минуты онъ не угощалъ еще насъ вокальнымъ концертомъ, а тутъ вдругъ и безъ умолку распѣлся.—Пріятно подъ вечеръ слышать пѣсни соловья; но слушать напѣвы испуганнаго человѣка не всякому по вкусу. Если бъ это продолжалось только четверть часа, оно было бы забавно; но вотъ уже почти часъ, какъ морякъ распѣваетъ. Мнѣ случалось быть на концертахъ контрабасиста Далокка и я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его четверть часа; но долѣе никакъ не могъ. Если бы перенести Далокка съ контрабасомъ въ дилижансъ и заставить его играть цѣлую ночь, я увѣренъ, что ничьи бы уши не выдержали подобной гармоніи. Не смотря на то, Г. Робертъ всё пѣлъ и часъ отъ часу хуже. Я хотѣлъ было ему сказать:

„Сосѣдушка! поешь ты славно," и пр.;

но вспомнилъ, что Французъ не понимаетъ по-Руски, а для перевода стиховъ Крылова на Французскій языкъ надобно родиться Лафонтенемъ. И такъ я прибѣгнулъ къ другому средству и увѣрялъ Француза, что ежели и есть разбойники, то они легко могутъ проспать дилижансъ, когда онъ проѣдетъ тихо; пѣсни же Г. Роберта вѣроятно разбудятъ самаго сонливаго разбойника. Съ симъ словомъ мгновенно кончилась серенада и все утихло. Я уже начиналъ засыпать: воображеніе мое, встревоженное картинами ужаса, описанными наканунѣ флотскимъ офицеромъ, составляло страшные сны, и въ самую ту минуту, когда мнѣ снилось, что разбойники напали на насъ и что я

„Бѣжать хотѣлъ, моя нога
Дрожитъ, недвижима замлѣла;
Махнулъ рукой, моя рука
Подъята вверхъ — окостенѣла. . ."

въ самую ту минуту просыпаюсь и слышу выстрѣлы, визгъ женщинъ, лай собачки и вопль мужчинъ. Признаюсь, неописанный ужасъ овладѣлъ мною, всѣ члены мои трепетали и я не помнилъ, гдѣ я. «Они бѣжали, трусы!» воскликнулъ морякъ. — «Много ли ихъ было?» спросила Француженка. — «Семь человѣкъ,» отвѣчалъ Англичанинъ. — Двадцать!» подхватилъ мичманъ. — «Семь!» прервалъ Англичанинъ. — «Двадцать семь!» закричала Француженка: «о ужасъ (но въ этотъ разъ не упала въ обморокъ)!» — Одинъ проводникъ хохоталъ изо всей силы: и подлинно, было о чемъ. Вотъ какъ дѣло произошло: передъ нами ѣхала какая-то коляска; слуга сидѣвшаго въ ней господина, держась на запяткахъ, дремалъ, заснулъ и свалился. Коляска уѣхала и онъ остался на дорогѣ; когда же проѣзжалъ мимо его нашъ дилижансъ, онъ просилъ остановиться и взять его; но какъ никто не внималъ ему, онъ сильно заревѣлъ и разбудилъ Мистра Арчибальда, который съ просонковъ струсилъ и выстрѣломъ подалъ сигналъ. Морской офицеръ въ свою очередь выстрѣлилъ изъ окошка въ воздухъ; пуля пролетѣла мимо носа Британца и задѣла козырекъ его картуза: Арчибальдъ, полагая, что выстрѣлъ былъ со стороны непріятеля, отвѣчалъ на оный — и поднялась потѣха! Съ трудомъ успокоили мы нашихъ дамъ и скоро пріѣхали на почту.

Коротко да ясно.

Стеченіе разныхъ забавныхъ происшествій, о коихъ я отдалъ подробный отчетъ, отвлекло меня отъ романическихъ обстоятельствъ; но будучи чистосердеченъ, не умолчу и объ оныхъ. Миссъ Перкъ, наша спутница, хотя не одарена блестящей красотою, имѣетъ однако жъ пріятную наружность и сильное вспомогательное преимущество — молодость. Сначала съ трудомъ объяснялись мы другъ съ другомъ; она необыкновенно дурно говорила по-Французски, а я еще хуже по-Англійски; однако же частые разговоры облегчили наши сношенія. Я началъ понимать ее съ меньшимъ затрудненіемъ, а она меня; наконецъ я удостовѣрился, что она весьма образованная дѣвица, много читала, знаетъ почти всего Шекспира наизусть, читаетъ цѣлыя тирады изъ его трагедій, а также отрывки изъ Байрона, Мура и пр. Узнавъ, что я Руской, объявила, что она читала Боуринга *Рускую Антологію* и въ доказательство прочла наизусть на поэтическомъ своемъ языкѣ нѣсколько стиховъ Батюшкова: *Мои Пенаты,* которыхъ я вовсе не понялъ; сія пьеса ей понравилась болѣе всѣхъ прочихъ. Но это все не то: я замѣтилъ, что она смотрѣла на меня всегда съ большимъ вниманіемъ; часто, проснувшись внезапно отъ дремоты, я встрѣчалъ взоры ея, быстро на меня направленные. Что жь, думалъ я: Миссъ Перкъ не совершенная красавица, однако жь можетъ послужить героинею для дилижансоваго эпизода. Я началъ составлять въ воображеніи моемъ различные планы практическаго романа; но ни одинъ мнѣ не нравился: оригинальность Англичанки противилась всякому *сентиментализму*, а безъ него невозможно приступить ни къ какой романической завязкѣ. Какъ бы то ни было, я сталъ на нее смотрѣть нѣжнѣе, давалъ ей чувствовать, что я къ ней неравнодушенъ, въ надеждѣ, что и она ко мнѣ то же. Вдругъ представился благопріятный случай. Мистръ Арчибальдъ съ другою Англичанкой отправился на имперіялъ, я же остался внутри дилижанса съ Миссъ Перкъ и нянею, которая спала богатырскимъ сномъ. Долго не рѣшался я высказать признаніе: различныя фразы раждались на губахъ моихъ и съ поспѣшностію умирали. Надобно же было кончить когда нибудь! И такъ я собрался съ духомъ, понюхалъ табаку, три раза прокашлялъ и дерзнулъ ей сказать слѣдующія слова, въ надеждѣ, что она не пойметъ изъ нихъ половины: „Участіе, которое вы принимаете во мнѣ, нѣжные взгляды ваши, все удостовѣрило меня, что я . . . ." Я не успѣлъ кончить фразы моей, какъ Миссъ Перкъ прервала меня сими словами: « Да, я давно хотѣла съ вами объ этомъ поговорить...« Восхищеніе мое было неизъяснимо! Сама Миссъ хочетъ предупредить меня: дѣло въ шляпѣ! Я просилъ ее говорить тише, чтобы не разбудить няни, и взялъ ее нѣжно за руку; она же, ударивъ меня не нѣжно по рукѣ, продолжала: « Зачѣмъ же говорить тихо? она успѣетъ еще выспаться. Но вотъ въ чемъ дѣло: я на васъ смотрѣла съ большимъ участіемъ и даже съ нѣжностію потому, что у меня есть братъ, который на васъ чрезвычайно похожъ: я съ роду не видывала такого сходства. Лице, ростъ, голосъ: словомъ сказать, все; и если бъ мой братъ не былъ горбатъ, то я приняла бы васъ за него. Бѣдный Джонъ!« продолжала она: «онъ такъ непригожъ и даже безобразенъ, что дамы толпою бѣгали отъ него, когда онъ являлся въ какое нибудь общество; его иначе не называли, какъ Лейстерскимъ уродомъ; пугали имъ даже дѣтей... О! вы чрезвычайно на него похожи! Но безобразная наружность его скрывала прекрасную душу; вы немножко получше его, но за то душа у васъ конечно хуже.« — Всякой можетъ догадаться, что такого рода декларація была для меня ultimatum и заградила мнѣ уста. Тѣмъ кончилась моя любовная попытка; но сношенія наши продолжались на прежнемъ основаніи: in statu quo.

Ферней.

Какое-то уваженіе къ памяти великихъ людей влечетъ насъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они обитали въ продолженіе ихъ жизни. Мы вступаемъ въ ихъ комнаты съ благоговѣніемъ, какъ будто въ святилище мудрости, или въ храмъ генія: каждый уголокъ, каждая дощечка, которую они попирали, намъ кажутся освящены духомъ сихъ мужей; многіе надѣются однимъ прикосновеніемъ къ симъ предметамъ почерпнуть нѣсколько унцій ума. Какія странныя, можно сказать, смѣшныя чувствованія объемлютъ воображеніе смертныхъ! Не все ли равно, ежели Вольтеръ или другой мудрецъ писалъ свои сочиненія тамъ, а не здѣсь; спалъ, ѣлъ и думалъ тутъ, или въ другомъ мѣстѣ? Мы ищемъ въ пустыхъ комнатахъ слѣдовъ генія, давно погасшаго во мракѣ гробовомъ. — Такъ разсуждалъ я про себя, шедши нанимать *шаръ-а-банъ*, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, *шаръ*, въ коемъ намѣренъ былъ покатиться въ Ферней. Покуда я торговался, подошелъ Англичанинъ съ такимъ же намѣреніемъ; я предложилъ ему изъ экономіи нанять вмѣстѣ, онъ согласился — и мы отправились (*). Однако жъ вошедъ въ комнаты Вольтера, не могъ и я воздержаться отъ нѣкотораго душевнаго волненія. Здѣсь, думалъ я, породились въ его необыкновенной головѣ свѣтлыя и глубокія мысли, здѣсь обработалъ онъ ихъ сильнымъ и рѣзкимъ своимъ краснорѣчіемъ; отсюда разлились его мнѣнія, подобно наводненію, утучнили и потопили весь міръ! Кровать, картины, портреты и

(*) Читатель не долженъ удивляться частымъ встрѣчамъ моимъ съ Англичанами: кто путешествовалъ по Швейцаріи, безъ сомнѣнія знаетъ, какое здѣсь множество сихъ чудаковъ. Въ трактирѣ aux Balances за обѣдомъ насъ сидѣло 36 человѣкъ, въ числѣ коихъ 23 было Англичанъ обоего пола.

аллея, по коей онъ любилъ гулять, не разгорячили моего воображенія и послѣ мгновеннаго энтузіазма, я глядѣлъ на все прочее, какъ на домъ, садъ и утварь обыкновеннаго помѣщика. Кто хочетъ имѣть понятіе о селѣ Фернейскомъ, пусть прочтетъ письма Н. И. Греча, В. А. Жуковскаго и прочихъ новѣйшихъ путешественниковъ; первые описали все достойное примѣчанія остроумно и достовѣрно; а я скажу вамъ, что Англичанинъ не былъ столь равнодушенъ, какъ я. Подъѣзжая къ калиткѣ, онъ уже прыгалъ отъ восхищенія; вошедъ въ комнаты, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ дѣлать подробную опись комнатамъ, мебели и словомъ сказать, всему, что только хранилось въ домѣ; потомъ, отозвавъ въ сторону женщину, водившую насъ, онъ просилъ ее украдкой о чемъ-то; когда же мы, кончивъ посѣщеніе, пошли къ своему экипажу, я замѣтилъ, что мой Англичанинъ шелъ тише и не съ такою свободою, какъ прежде. Я взглянулъ и увидѣлъ, что одинъ карманъ у него поразтолстѣлъ. Я не утерпѣлъ, и сталъ докучать ему нескромными вопросами. Мой чудакъ не хотѣлъ сперва удовлетворить моего любопытства; но когда мы отъѣхали съ полверсты, онъ сказалъ мнѣ: «Впрочемъ, я могу удѣлить вамъ часть пріобрѣтеннаго мною...» Какъ вы думаете, любезные читатели: чего? — Кто не знаетъ Англичанъ, тотъ вѣрно скорѣе отгадаетъ дюжину загадокъ, логогрифовъ и шарадъ, помѣщавшихся въ Инвалидѣ и Благонамѣренномъ! — Это былъ огромный камень, вѣсомъ конечно фунтовъ въ тридцать покрайней мѣрѣ, тяжелый образчикъ помѣщичьяго дома усадьбы Дѣйствительнаго Камергера и Прусскаго ордена *за заслуги* Кавалера Франца Францовича Вольтера. Я смѣялся отъ души и благодарилъ моего товарища за щедрое предложеніе драгоцѣннаго камня. «Ежели во время путешествія вашего по Европѣ,» сказалъ я, «вы будете брать по камню отъ каждаго дома, служившаго жилищемъ какому нибудь знаменитому человѣку, — я увѣренъ, что до возвращенія въ Англію вы наберете столько камней, что можете построить домъ.» — «Мысль безподобная!» отвѣчалъ онъ: «ежели я не выстрою дома, то покрайней мѣрѣ сооружу монументъ въ паркѣ отца моего, близъ Ливерпуля.«

Мы заѣзжали и въ Копетъ, село, принадлежавшее Его Превосходительству Г-ну Министру Финансовъ Неккеру, доставшееся послѣ его смерти дочери его, Баронессѣ Сталь-Голстейнъ; нынѣ же принадлежитъ оно дочери Баронессы, Княгинѣ Брогліо. — Англичанинъ и тутъ выпросилъ камешекъ, за который заплатилъ 1 франкъ. Ежели бы Княгиня, нынѣшняя помѣщица, захотѣла разбогатѣть, то конечно лучшее средство было бы сломать домъ и продавать камни по франку Англичанамъ, подобнымъ моему товарищу. Эта спекуляція была бы лучше всѣхъ финансовыхъ системъ покойнаго ея дѣдушки. — «Вы смѣетесь,« возразилъ мой спутникъ: «это безъ сомнѣнія отъ того, что вы не знаете цѣны такимъ вещамъ. Россія не дошла еще до той степени просвѣщенія, чтобы чтить память великихъ мужей; а у насъ это въ обыкновеніи и всякой путешествующій Англичанинъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность пріобрѣтеніе подобныхъ памятниковъ. « Я просилъ его отсторонить всякое національное сравненіе и смѣялся усердно столь забавному сужденію.« Ежели высочайшая степень просвѣщенія, » присовокупилъ я, « состоитъ въ томъ, чтобы сбирать камни строеній, бывшихъ жилищемъ знаменитыхъ покойниковъ, въ такомъ случаѣ я долго останусь въ числѣ варваровъ. Пускай любопытные путешественники нагружаютъ свои чемоданы подобными рѣдкостями и запасаются камнями, сколько имъ угодно; что касается до меня, то я не намѣренъ участвовать въ столь тяжкой работѣ и предоставляю другимъ удовольствіе сбирать камни, и даже, если хотятъ, мостить классическую мостовую.«

КАР. КАР. ЯН...ишъ

(*Въ Альбомъ.*)

Въ былые дни, отъ Музы пѣснопѣній
Въ кругу друзей я смѣло принималъ
Игривыхъ сновъ, веселыхъ вдохновеній
Живительный и сладостный фіалъ.

Тогда, не знавъ боязни осужденій
И прелести взыскательныхъ похвалъ,
Сынъ вольныхъ думъ и ясныхъ впечатлѣній,
Мой гордый стихъ торжественно стоялъ.

Здѣсь, окруженъ великихъ именами,
Онъ трепетенъ, падущій передъ вами.
Такъ, съ торжища суетъ возведена
Предъ клиросы молебнаго чертога,
Душа дрожитъ, таинственно полна
Присутствіемъ созвавшаго ихъ Бога.

Н. Языковъ.

УПРЕКЪ.

Красы блистая цвѣтомъ нѣжнымъ,
Едва вступивши на крыльцо,
Ты покрываломъ бѣлоснѣжнымъ
Скрываешь милое лицо.
Съ тобой прогулки одинокой
Я полной радости лишенъ;
Я опечаленъ, оскорбленъ

Тщетной спутницы жестокой:
Мой другъ! уже ли до того
Боишься солнца *одного*?
Межъ тѣмъ какъ я, безстрашный, смѣлый,
Сношу огонь лучей *двойныхъ* —
Сношу губительныя стрѣлы
Двойнаго солнца глазъ твоихъ.

Баронъ Розенъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Hernani, ou l'honneur castillan, drame, par Victor Hugo *(Гернани, или Кастильская честь, драма, соч. Виктора Гюго, представленная на Французскомъ театрѣ 25-го Февраля 1830)*.— Парижъ, 1830 (154 стр. въ 8-ю д. л.)

Статья I.

Появленіе сей драмы породило жестокую войну не только у Классиковъ съ Романтиками, но даже междоусобіе у сихъ послѣднихъ. Одни порицали въ драмѣ отсутствіе всѣхъ правилъ, всѣхъ соображеній; другіе, безусловные поборники новизны, за сіе-то именно и выхваляли Сочинителя. Вотъ нѣкоторыя оправданія защитниковъ его, остроумно приведенныя однимъ изъ его Критиковъ. «Скажемъ ли мы, что драма сія во всемъ погрѣшаетъ противъ истины исторической? — Тутъ нѣтъ ея и тѣни, отвѣчаютъ они: да Авторъ ни сколько и не гнался за нею. — Покрайней мѣрѣ истины *человѣческой*, той истины, которая должна быть неизмѣнною и вѣчною основой всякой драмы, трагической или комической; зачѣмъ же нѣтъ вовсе и этой истины? — За тѣмъ, что Г Гюго не искалъ ея: не та была его точка зрѣнія. — Послѣ этого, они такимъ же образомъ оправдаютъ и презрѣніе Автора къ правдоподобію въ жизненномъ быту, и дѣтскую неопытность, съ которою онъ обработалъ разныя части своей драмы, и странности, часто излишне рѣзкія, въ языкѣ и слогѣ. «Все это правда,» повторяютъ они: «все это уронило бы другую драму; но объ этой «нельзя заключать такимъ образомъ. Подобное произведеніе не зависитъ отъ общаго смысла, но отъ «смысла поэтическаго. Станьте на ту точку, съ которой смотрѣлъ Поэтъ, и пусть онъ васъ увлечетъ «въ свою сферу, пусть воображеніе ваше поддастся «чародѣйству его воображенія: тогда вы въ состояніи «будете судить о немъ и станете ему удивляться.» И вотъ какъ, оградясь своимъ удивленіемъ, отнимаютъ они у насъ обратно и съ одного слова все то, что прежде намъ уступили.»

Скажемъ однако же, что драма Г. Гюго, со всѣми ея странностями и несообразностями, есть произведеніе, заслуживающее вниманія, произведеніе человѣка съ талантомъ. Скажемъ болѣе: мы бы желали видѣть ее въ Рускомъ переводѣ и на Рускомъ театрѣ; ибо *эфектъ* драматической поэмы оцѣняется не по хладнокровному, уединенному чтенію, а по впечатлѣнію, производимому ею на зрителей, на сборище людей, разнящихся понятіями, воспитаніемъ, страстями и вкусомъ. Въ ожиданіи, мы изложимъ содержаніе драмы сей и приведемъ въ сокращеніи сужденіе о ней Французскаго Критика, изъ котораго мы помѣстили уже здѣсь одну выписку. Сужденія сего мы придерживаемся тѣмъ охотнѣе, что оно почти во всемъ согласно съ нашимъ образомъ мыслей о драмѣ Г-на Гюго.

Донъ Карлосъ, Король Испанскій, въ послѣдствіи Карлъ V (Charles-Quint), Императоръ Римскій, Государь молодой и пылкій, влюбленъ въ Дону Соль де-Сильва, племянницу и невѣсту Дона Руи-Гомеса де-Сильва, Гранда Испанскаго. Дона-Соль не отвѣчаетъ ни страсти юнаго Короля, ни любви дяди и жениха своего, человѣка преклонныхъ лѣтъ: она горитъ взаимною любовью къ Гернани, безродному и безпріютному бунтовщику, начальствующему надъ толпою вольницы въ горахъ Каталонскихъ. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Донъ Карлосъ, ночью, приходитъ въ домъ Дона Руи Гомеса и въ комнаты Доны Соль. Старая *Дуэнья*, Дона Хозефа Дуарте, впускаетъ его, думая, что то былъ Гернани. Король угрозами и деньгами принуждаетъ ее скрыть себя, и она запираетъ его въ шкафъ. Вслѣдъ за симъ приходитъ Дона Соль, и погодя немного, Гернани. Страстная сцена. Гернани признается своей любезной, что онъ изгнанникъ, атаманъ бунтовщиковъ; что отецъ его казненъ отцемъ Короля, и что онъ поклялся отмстить смерть его на сынѣ, т. е. Д. Карлосѣ. Дона Соль внемлетъ только любви своей и рѣшается повсюду слѣдовать за Гернани. Вдругъ дверь шкафа отворяется и Король выходитъ изъ него. Гернани, не узнавая его, требуетъ отъ него отчета въ дерзости; отъ словъ переходятъ они къ мечамъ. Въ это время является Д. Руи Гомесъ. Старикъ также не узнаетъ Короля, и раздраженный оскорбительнымъ поступкомъ двухъ молодыхъ людей, хочетъ излить на нихъ свое мщеніе. Тутъ Король сбрасываетъ съ себя плащъ и большую шляпу, и объявляетъ Дону Руи, будто бы пришелъ сказать ему о смерти Императора, своего дѣда, и проситъ его совѣта. Гернани называетъ онъ своимъ тѣлохранителемъ, и такимъ образомъ даетъ ему свободу уйти, за то, что сей пощадилъ его прежде. Но Гернани, оставшись одинъ, снова клянется отмстить на немъ кровь отца своего.

Во второмъ дѣйствіи, Король, подслушавшій условіе Доны Соль и Гернани, уйти вмѣстѣ въ горы, является снова ночью предъ домомъ Дона Руи Гомеса. Дона Соль выходитъ на балконъ и принявъ Д. Карлоса за Гернани, отпираетъ дверь и прокрадывается на улицу. Д. Карлосъ схватываетъ ее, открывается, старается прельстить ее пышными обѣщаніями; но она непреклонна. На зовъ ея показывается Гернани. Король снова въ его рукахъ; но надѣясь на сопровождавшихъ его трехъ придворныхъ, зоветъ ихъ. Гернани объявляетъ ему, что всѣ они схвачены его сообщниками, и сказавъ, кто онъ самъ, предлагаетъ поединокъ. Но здѣсь Король съ величіемъ отвергаетъ единоборство. «Зарѣжь меня!» говоритъ онъ: « но никогда я не унижусь до битвы съ «бунтовщикомъ.« Гернани его отпускаетъ и они грозятъ другъ другу взаимною злобой и мщеніемъ. Оставшись одинъ съ Доною Соль, Гернани уговариваетъ ее къ разлукѣ. Въ это время слышенъ набатъ: бунтовщиковъ ищутъ по городу. Гернани, оставя Дону Соль на камнѣ, спѣшитъ на встрѣчу судьбѣ своей....

Третье дѣйствіе начинается приготовленіями къ обрученію Доны Соль съ Дономъ Руи Гомесомъ. Приходитъ пилигримъ. Д. Руи принимаетъ его; но съ появленіемъ Доны Соль, пилигримъ сбрасываетъ съ себя одежду и Гернани открывается. Донъ Руи, по долгу гостепріимства, хочетъ укрыть его отъ преслѣдованія Королевскихъ войскъ, идетъ отдать приказанія на сей конецъ, и возвратясь, застаетъ Дону Соль въ объятіяхъ Гернани. Оскорбленный измѣной и нарушеніемъ правъ гостепріимства, старый Сильва кипитъ гнѣвомъ; но здѣсь ему докладываютъ о прибытіи Короля: онъ скрываетъ Гернани и принимаетъ Д. Карлоса, который требуетъ у него выдачи начальника бунтовщиковъ. Д. Руи Гомесъ, не смотря на всѣ угрозы Короля, остается неколебимъ. Наконецъ Д. Карлосъ предлагаетъ ему на выборъ: или выдачу Гернани, или лишеніе Доны Соль, которую Король хочетъ увезти въ видѣ аманата. Д. Руи колеблется; но твердость духа его перемогаетъ ужасъ разлуки съ невѣстой, и онъ рѣшается на послѣднее. Герцогъ Сильва, по отбытіи Короля, выпускаетъ Гернани, взявъ съ него обѣтъ, что вездѣ, во всякое время, онъ явится по его призыву и умретъ отъ его руки.

Первыя два дѣйствія происходили въ Сарагоссѣ; третье въ зàмкѣ Герцога де-Сильвы; четвертое переносится въ Ахенъ. Въ подземельи, служащемъ гробницею Кароломану или Карлу великому, назначено сборище заговорщиковъ. Д. Карлосъ, прибывшій въ Ахенъ для избранія Императора и ожидающій, на кого падетъ сіе избраніе, узнаетъ о заговорѣ и приходитъ въ подземелье съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, Дономъ Рикардо, человѣкомъ, для коего нѣтъ ничего низкаго при достиженіи почестей. Д. Карлосъ узнаетъ отъ него всѣ подробности заговора, также и то, что если жребій избранія въ Императоры, долженствующій рѣшиться въ эту ночь, падетъ на Короля Испанскаго, то сіе возвѣщено будетъ тремя выстрѣлами. Д. Рикардо уходитъ, а Король скрывается въ гробницу Карла великаго. Заговорщики собираются. Въ числѣ ихъ нѣсколько Принцевъ, знатныхъ вельможъ, одинъ Прелатъ, также Д. Руи Гомесъ де-Сильва и Гернани. Начинается жаркій споръ между Д. Руи и Гернани о томъ, чьею жертвой изъ нихъ долженъ быть Д. Карлосъ. Въ это время Король, услышавшій отдаленный выстрѣлъ, отпираетъ до половины дверь гробницы и вслушивается: второй выстрѣлъ.... за третьимъ онъ отворяетъ всю дверь и явясь у входа гробницы, говоритъ заговорщикамъ:

«Ступайте прочь отсель! васъ слышитъ Императоръ.»

Факелы заговорщиковъ вдругъ погасаютъ; водворяется глубокое молчаніе. Карлъ грозно воскликнулъ: «Разите! я Карлъ пятый.... Но вы не смѣете,» продолжаетъ онъ: «дыханіе мое задуло ваши свѣтильники; но я зажгу ихъ еще большее число.» Онъ стучитъ ключемъ въ бронзовую дверь гробницы — и воины его отвсюду стекаются; по слову его, заговорщики обезоружены. Д. Рикардо, слѣдуя повелѣнію своего Государя, вводитъ Дону Соль. Новый Императоръ приказываетъ Герцогу Алкалѣ отдѣлить тѣхъ изъ заговорщиковъ, которые знатнаго происхожденія: Герцоги, Принцы, Графы и Гранды Испанскіе; прочихъ отпустить. Гернани сначала остается въ толпѣ; но вдругъ выходитъ изъ нея и говоритъ, что и онъ долженъ понести равную казнь съ вельможами: что онъ Донъ Жуанъ Арагонскій, Герцогъ, Маркизъ и Графъ, и высчитываетъ всѣ свои титулы. Всѣ въ удивленіи; но Король, какъ бы по вдохновенію, соединяетъ руку его съ рукою Доны Соль, жалуетъ его кавалеромъ Златаго Руна и объявляетъ всепрощеніе. Всѣ радуются, восклицаютъ; одинъ Д. Руи Гомесъ говоритъ, что онъ не пріемлетъ прощенія, ибо самъ не прощаетъ. Карлъ V остается одинъ при гробѣ Карла великаго, и заключаетъ рѣчь свою сими двумя стихами:

Je t'ai crié: «Par où faut-il que je commence?„
Et tu m'as répondu: «Mon fils, par la clémence.»

Пятое дѣйствіе снова переноситъ зрителей въ Сарагоссу. Представляется дворецъ Арагонскій, въ коемъ празднуется бракъ Доны Соль съ Донъ-Жуаномъ. Гости веселятся и разговариваютъ между собою, держа въ рукахъ маски. Входитъ человѣкъ въ черномъ домино, и всякой, кто взглядываетъ на него, пугается его пламеннаго взора. Толки о немъ. Онъ уходитъ и скоро являются новобрачные. Наконецъ гости уходятъ; Гернани и Дона Соль остаются одни. Въ изліяніяхъ страстныхъ сердецъ, они слышатъ звукъ рога. Гернани узнаетъ сіи звуки: это тотъ самый рогъ, который онъ отдалъ Д. Руи Гомесу, призывный рогъ смерти. Дона Соль замѣчаетъ перемѣну въ Гернани и считаетъ его больнымъ. Онъ проситъ Дону Соль принести ларчикъ, который онъ далъ ей во время своего изгнанія, говоря, что въ немъ есть лекарство отъ его болѣзни. Она уходитъ. Гернани одинъ, и уже думаетъ, что воображеніе обмануло его. Но тутъ является снова маска и гробовымъ голосомъ повторя ему слова даннаго имъ обѣта, напоминаетъ ему, что уже время его исполнить. Самъ Руи Гомесъ (читатели конечно узнали его въ семъ видѣ) приноситъ ядъ или кинжалъ, и предоставляетъ Гернани выборъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, Гернани избираетъ ядъ. Дона Соль возвращается. Черное домино снимаетъ маску и она узнаетъ Дона Руи Гомеса. Она вскрикиваетъ. Донъ Руи побуждаетъ Гернани выпить ядъ, Дона Соль противится тому, вырываетъ стклянку, и видя рѣшимость Гернани, сама выпиваетъ половину яда и отдаетъ другую Гернани, который также выпиваетъ. Оба они, обнимаясь, умираютъ, и надъ трупами ихъ Донъ Руи Гомесъ закалывается.

Странность такого созданія еще болѣе увеличивается странностію изложенія драмы. Въ слѣдующей статьѣ, мы приведемъ мнѣнія Французскаго Критика, и присовокупимъ, мѣстами, собственныя наши замѣчанія.

(*Оконч. въ слѣд.* No).

РУСКІЯ КНИГИ.

Новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсенъ, избранныхъ изъ лучшихъ Авторовъ, какъ-то: Державина, Карамзина, Дмитріева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Барона Дельвига, Князя Вяземскаго, Ѳедора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слѣпушкина и многихъ другихъ Литераторовъ. Посвящено прекрасному полу. Въ 2 частяхъ. — М. въ тип. С. Селивановскаго 1830. (Въ 1-й ч. 170, во 2-й 238 стран. въ 16-ю дол. л.)

Вотъ одна изъ тѣхъ книгъ, которыми книгопродавцы наши ведутъ обильную торговлю въ провинціяхъ. Ѣзжавшіе по Россіи вѣроятно замѣтили, что въ большой части губерній Рускихъ и Малороссійскихъ нѣтъ почти дома дворянскаго и купеческаго, въ которомъ бы не было пѣсенника или сонника, и даже обѣихъ сихъ книгъ вмѣстѣ. Требованіе на нихъ велико: доказательствомъ служить можетъ ихъ частое появленіе въ новыхъ изданіяхъ, въ различныхъ форматахъ. Никто не осудитъ въ оныхъ дурной бумаги и скудости типографической, ибо онѣ покупаются людьми, ищущими доставить себѣ удовольствіе за умѣренную цѣну: но всѣ благомыслящіе замѣтятъ Гг. книгопродавцамъ, что уже пора имъ думать объ исправности ими печатаемаго текста. Наши Поэты, или говоря словами Издателя *Новѣйшаго собранія романсовъ и пѣсенъ*, лучшіе Авторы и многіе другіе Литераторы могутъ наконецъ потерять терпѣніе, видя безпрестанно являющіяся въ продажу ихъ произведенія съ непозволительными опечатками, часто совершенно искажающими всякой смыслъ человѣческій. Вѣрно никто изъ нашихъ Поэтовъ не имѣетъ столь мѣлкаго самолюбія, чтобы обрадоваться, найдя искаженную свою пѣсню между аріями изъ Русалки, Коза-рара, Діанина дерева и Козака-стихотворца: и такъ молчаніе Сочинителей, при перепечатываніи ихъ пьесъ безъ позволенія авторскаго, должно приписать добродушію и умѣть цѣнить оное.

Новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсенъ чуть ли не хуже всѣхъ старыхъ пѣсенниковъ. Большая часть прежнихъ изданій покрайней мѣрѣ полнѣе сего собранія. Исправности и порядка не ищите. Это списокъ сидѣльца, едва знающаго писать по линѣйкамъ и страстнаго охотника переписывать все попавшееся подъ руки. На первой страницѣ, въ первомъ стихѣ и первомъ словѣ уже опечатка! Пѣсня Клары изъ Гёте и Диѳирамбъ Коцебу стоятъ въ числѣ простонародныхъ пѣсенъ. Не вѣришь глазамъ своимъ, встрѣчая въ собраніи семъ оды и самовольное разстановленіе именъ Сочинителей. Такъ пѣсни В. Л. Пушкина приписаны А. С. Пушкину.

СМѢСЬ.

На сихъ дняхъ поступилъ въ продажу романъ В. Скотта: *Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская*, перев. съ Англійскаго Г. де-Шаплетомъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ No Газеты мы помѣстимъ разсмотрѣніе онаго; теперь покамѣстъ раздѣлимъ съ любителями чтенія удовольствіе наше о томъ, что имѣемъ переводъ романа сего съ Англійскаго подлинника, и что надъ переводомъ симъ трудился Литераторъ знающій и опытный.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюня 29-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ II, № 38. ІЮЛЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Субботу), — 10-го (въ Четвертокъ), — 15-го (во Вторникъ), — 20-го (въ Воскресенье), — 25-го (въ Пятницу) и 30-го (въ Среду).

ЖИЗНЬ
ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДАНИЛОВА (*).

Глава I.

Мнѣ болѣе семидесяти лѣтъ: дряхлость усадила меня крѣпко въ большія кресла; третіе поколѣніе, возмужавшее предъ моими глазами, не понимаетъ меня, а я не разумѣю его. Я подобенъ утлому дереву, засыхающему въ одиночествѣ между молодыми кустарниками. Чтобы утолять тѣлесные недуги и прогонять скуку, хочу описывать жизнь друга моего, Петра Ивановича Данилова. Я кратко упомяну о его молодости, но подробно буду разсказывать важнѣйшіе его поступки въ зрѣлыхъ лѣтахъ и въ старости. Давно уже твердятъ, что старики любятъ говорить о прошедшемъ: это не удивительно и не смѣшно нимало. Они не могутъ ни дѣйствовать, ни наслаждаться жизнію въ настоящемъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ на Руси все перемѣнилось: на насъ, отъ большихъ буклей до тупоносыхъ башмаковъ; въ домахъ нашихъ, отъ потолковъ до поло́въ; въ нравахъ нашихъ, отъ Простаковыхъ до Бригадирскихъ сынковъ; Ломоносовъ, Сумароковъ едва ли бы могли понимать нынѣшнія романтическія творенія. Я припомню, какъ мы наряжались, убирали свои домы, хозяйничали, веселились, мыслили, служили. Такимъ образомъ я проживу, такъ сказать, снова мою жизнь, только гораздо умнѣе: ибо нынѣ, сидя одинъ въ четырехъ стѣнахъ, я часто смѣюсь надъ тѣмъ, что за сорокъ лѣтъ заставляло меня плакать. Я пишу для себя; но если по какому-либо случаю листы сіи попадутся въ другія руки, то, можетъ быть, проницательный читатель усмотритъ въ поступкахъ моего друга лучшее сокровище, нежели находка ученика Саламанкскаго, выкопавшаго душу Лиценціата Петра Гарсіаса.

* * *

Городъ Саранскъ раздѣляется на двѣ части, на луговую и нагорную: между ними протекаетъ быстрый ручей, Саранга, котораго вода, напитанная мѣдными частицами, журчитъ по камнямъ и даетъ имъ различные, странные виды, то осыпанные искрами, то обложенные перламутрами. По нагорной сторонѣ, среди города, проходитъ валъ со рвами, изъ-за котораго въ прежнія времена, Рускіе метали стрѣлы, пули и ядра на Кубанцевъ. Домы въ Саранскѣ прежде были всѣ деревянные, на омшеникахъ, высокіе; почти при каждомъ разстилались широкой дворъ, огородъ и садъ съ яблонями, но нынѣ почти все перемѣнилось по новому вкусу. Жители, по большей части потомки Стрѣльцовъ, искони до сего дня ласковы, отмѣнно учтивы и набожны; церкви ихъ славились и славятся большими и звучными колоколами, блестящими иконостасами и драгоцѣнными утварями. Съ Сѣвера городъ защищается лѣсами, съ Запада окружаютъ его луга и поля; съ Юга на Востокъ протекаетъ подлѣ него рѣка Инсара; за нею видны пригородъ Посопъ и прекрасное село Макаровка, бояръ Воронцовыхъ.

Въ семъ городѣ жили отецъ и мать Данилова, добродушные и благочестивые люди; не знатные и не богатые, но изъ стариннаго дворянскаго рода. Петръ Ивановичъ родился въ 1753 году. Онъ началъ помнить себя только съ шестаго года: какъ старая няня возила его въ тележкѣ съ одною маленькой дѣвочкою, которую называли его невѣстою; какъ бѣгалъ онъ по саду и прятался въ густой, высокой травѣ, какъ рвалъ малину и черемуху по берегамъ пруда, осѣненнаго высокими ивами; какъ собиралъ разноцвѣтные камешки по Сарангѣ, пускалъ змѣи и игралъ въ бабки. На седьмомъ

(*) Послѣ стараго родственника, скончавшагося года за два передъ симъ, досталась мнѣ толстая тетрадь. Я прочиталъ ее, и нашелъ, что она любопытна по изображенію нравовъ и образа жизни провинціяльныхъ дворянъ и простаго народа во время Царствованія ЕКАТЕРИНЫ II, по истиннымъ и твердымъ правиламъ нравоученія. Представляю Публикѣ первыя три главы сего сочиненія, для опыта; если онѣ понравятся ей, то напечатаю и всѣ прочія.

Издатель,
Помѣщикъ села Бибикова, Мокшанскаго уѣзда.

году отдали его учиться грамотѣ, по азбукѣ, Часослову и Псалтири, къ старой поповской дочери; на десятомъ онъ началъ писать въ Воеводской Канцеляріи. Скоро Даниловъ сдѣлался лучшимъ чтецомъ въ своемъ приходѣ, и рѣдко пропускалъ церковныя службы, на которыхъ обыкновенно помогалъ дьячкамъ и пономарямъ и прислуживалъ Священникамъ. Между тѣмъ отецъ самъ училъ его Ариѳметикѣ и заставлялъ читать духовныя и свѣтскія книги, Димитрія Ростовскаго, Уложеніе, Курція, Ломоносова и Сумарокова. Петръ Ивановичъ былъ весьма набоженъ и добръ сердцемъ. Подражая Св. Мужамъ, часто ночью выбрасывалъ онъ изъ-подъ себя перину и подушки и сыпалъ на голыхъ доскахъ; а на двѣнадцатомъ году влюбленъ былъ въ одну прекрасную дѣвушку. Онъ самъ не понималъ своихъ желаній; мечты его были темныя, но чувственныя. Сія любовь скоро миновалась, однако жъ надолго оставила въ немъ сильную склонность къ женщинамъ.

Въ 1768 году отецъ привезъ его въ Москву и отдалъ въ Университетъ. Здѣсь, въ душу Данилова, чистую и открытую, всѣвали сѣмена знаній просвѣщенные и добродѣтельные наставники, особенно Афоцикъ, въ юности другъ Потемкина, любезный ученикъ Линнея, глубоко проникавшій въ таинства природы; Десницкій, почитатель Англичанъ, но безъ предразсудковъ, ясно видѣвшій истинныя основанія человѣческихъ обществъ и Государствъ; Барсовъ, тонкій критикъ, остроумный и веселый собесѣдникъ, не хотѣвшій промѣнять своей скромной участи на чины, блескъ и богатство. Недолго однакожъ пользовался ихъ наставленіями Даниловъ. Съ непреодолимою силою распространилась по Москвѣ страшная чума. Дворянство, гражданскіе и военные чиновники оставили городъ; Правительство не могло уже противоборствовать злу; предписанные имъ предохранительные способы не были наблюдаемы невѣжественною чернью. Множество домовъ опустѣло; тѣла валялись по улицамъ. Полицейскіе служители, въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ, длинными крючьями таскали, поднимали трупы на телеги, и вывозили за заставы. Оставшіеся жители, какъ тѣни, бродили въ отчаяніи; распутные изъ нихъ предавались пьянству, всякимъ неистовствамъ, и часто мгновенно падали мертвые. Пріязнь, дружба, самое родство исчезли. Унылые звуки колоколовъ непрестанно носились надъ Москвою, какъ погребальный вопль надъ цѣлымъ городомъ. Хотя Университетъ и былъ спасенъ прозорливою мудростію и человѣколюбіемъ И. И. Мелиссино; однако жъ учащіеся распускались по домамъ. Даниловъ также возвратился на свою родину.

Но и въ Саранскѣ ожидали его тяжкія испытанія. Скоро онъ лишился отца. Потомъ разнесся слухъ о бунтѣ Пугачева. Молва, всегда ужаснѣйшая самой существенности, распространялась; простой народъ волновался; Саранскъ не имѣлъ ни войска, ни стѣнъ для защиты. Наконецъ пришла вѣсть, что изверги приближаются. Дворяне, купцы, чиновники скрывались, куда и какъ кто могъ. Мать Данилова одѣлась крестьянкою; онъ самъ смылъ пудру съ головы своей, обрѣзалъ волосы въ кружокъ, вымаралъ лице, набросилъ на плеча крестьянской кафтанъ, обулся въ онучи и лапти, и оба побѣжали въ Шешкеевскіе лѣса. Тамъ скитались они цѣлую недѣлю, питаясь травами и кореньями, укрываясь отъ дождей и засыпая подъ колодами, дрязгомъ и склоненными вѣтромъ деревьями. Токмо два раза осмѣливался Даниловъ входить въ селенія и, Христа ради, выпрашивать кусокъ хлѣба.

Въ сіе время Пугачевъ приблизился къ Саранску и остановился на Посопѣ. Сволочь его, Козаки, Руские мужики, Татары, Черемисы, въ шапкахъ, въ шляпахъ тріугольныхъ и круглыхъ, въ мундирахъ, во Французскихъ кафтанахъ, въ ризахъ и стихаряхъ, въ сапогахъ и лаптяхъ, съ ружьями, пистолетами, саблями, шпагами, топорами и дубинами, верхами и пѣшіе разсѣялись и рыскали по городу. Трепещущіе жители стояли у своихъ воротъ съ хлѣбомъ и солью, и низко кланялись. Винные погреба, соляные анбары, домы дворянскіе, самыя церкви были ограблены и опустошены. Стрѣльба, шумъ, пѣсни, крикъ, вопль раздавались повсюду, и даже во время ночей не умолкали. Тамъ и сямъ влекли дворянъ, чиновниковъ, богатыхъ купцовъ и священниковъ на Посопъ. Здѣсь ихъ терзали, вѣшали и рубили. Глубокія и огромныя ямы наполнены были мертвыми тѣлами. Между прочими привели и двухъ родственниковъ Данилова. Одинъ изъ нихъ служилъ въ Воеводской Канцеляріи. Его уже готовились повѣсить. Но прибѣжали собственные его крестьяне, бросились на колѣна передъ мучителями и со слезами умоляли о его спасеніи, увѣряя, что онъ былъ не господиномъ, а отцемъ имъ. Его отпустили. Другой служилъ въ Гвардіи при Петрѣ III, и зналъ лично Государя. Онъ требовалъ, чтобы ему показали Императора. Увидѣвъ Пугачева, онъ воскликнулъ: «Ты не Царь, но измѣнникъ и бунтовщикъ!» Тотчасъ схватили его и начали сѣчь плетьми. Подъ ударами онъ увѣщевалъ народъ. Изверги, видя, что онъ не умолкаетъ, взяли колъ и вколотили ему въ горло.

Спустя недѣлю, Пугачевъ послышалъ за собою погоню, и удалился отъ Саранска. Даниловъ съ матерью возвратились въ свой домъ, разграбленный; что не было взято, то переломано и перебито. Затѣмъ наступилъ голодъ: не стало ни денегъ, ни хлѣба. Люди питались древесною корою. Надобно было нуждаться во всемъ, терпѣть и мало по малу снова обзаводиться.

Но въ благословенной Россіи, обильной всѣми дарами природы, при благотворномъ содѣйствіи Правительства, государственныя язвы излечаются скоро, и закрываются. Такъ было и въ Саранскѣ. Года черезъ два въ городѣ явилось изобиліе, и онъ сталъ лучше и красивѣе прежняго. Попечительная мать Данилова также поправилась. Сыну ея уже было почти двадцать лѣтъ. Руской Дворянинъ долженъ служить и непремѣнно въ военной службѣ: покрайней мѣрѣ въ то время такъ думали. Онъ послалъ просьбу въ Военную Коллегію, и былъ опредѣленъ капраломъ въ полкъ, недалеко стоявшій отъ Крыма. Мать снарядила его, отслужила молебенъ въ Соборной церкви Милостивому Спасу, благословила его образомъ Чудотворца Николая, дала сто серебряныхъ рублей на дорогу, облила слезами, проводила за городъ, еще облила слезами, и простилась съ нимъ навѣки.

Юноша съ образованнымъ, но неопытнымъ умомъ, съ сильными, хотя и добрыми страстями, вступая въ свѣтъ, находится въ опасномъ и тяжкомъ положеніи. Въ сердцѣ его бунтуютъ вожделѣнія, а разумъ еще не въ состояніи ни направлять, ни укрощать ихъ; онъ изучилъ мудрыя и высокія правила нравственности, а люди по большей части безумствуютъ и управляются токмо низкими помыслами; въ душѣ его пробуждается природа желанія и надежды, невинныя и благія, а общество посмѣвается надъ ними и разрушаетъ ихъ. Жестокая борьба начинается: счастливъ онъ, если, по безчисленныхъ сраженіяхъ и язвахъ, останется побѣдителемъ, покрайней мѣрѣ въ душѣ своей, а не во мнѣніи свѣта, ибо послѣднее невозможно. Такъ птенецъ оставляетъ родимое гнѣздо, разправляетъ крылья и поднимается на воздухъ; но не умѣя ни править самимъ собою, ни превозмогать бурныхъ вѣтровъ, падаетъ, падаетъ тысячу разъ, доколѣ не укрѣпится силами, не узнаетъ своей стихіи, и не воспаритъ къ небесамъ. Даниловъ страдалъ, и долго.

Ханъ Крымскій, Девлетъ-Гирей, ненавидѣлъ Россію. Нагайскія Орды выбрали другаго Хана, Шагинъ-Гирея, и просили помощи у Екатерины Великой. Ея войска пошли въ Тавриду, въ числѣ ихъ былъ и полкъ Данилова. Тамъ взорамъ Петра Ивановича представился новый міръ. Горы, скрывающія за облаками свои вершины, неизмѣримыя и мрачныя пропасти, райскія долины, чуждые цвѣты, травы и дерева подъ роскошными плодами; странныя животныя, необозримыя моря, то волнующіяся, то спокойныя и блестящія различными огнями; и на каждомъ шагу или изчезающіе, или еще свѣжіе слѣды народовъ, славившихся и падшихъ; ихъ тѣни возставали изъ гробовъ предъ воображеніемъ Данилова....

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Тавридѣ, онъ сѣлъ на корабль, во время Вооруженнаго Неутралитета, плавалъ по морямъ, приставалъ къ различнымъ странамъ Европы, посѣщалъ знатнѣйшіе города, и всего болѣе наблюдалъ и разсматривалъ людей, ихъ правительства, образъ мыслей, нравы и обычаи. Онъ видѣлъ въ Константинополѣ всепоглощающій деспотизмъ и самодовольное невѣжество, которые сами себя разрушали; въ Италіи новый Римъ, еще неочистившійся, послѣ жесточайшихъ мученій, отъ пороковъ древняго; во Франціи добродѣтельнаго Государя на тронѣ, а подданныхъ обуянныхъ злыми мечтами; въ Англіи тщеславіе свободными постановленіями, и въ узахъ народъ и правителей; въ Германіи утлые законы, гражданъ міра, а не отечества, и пустыя слова подъ громкимъ титломъ Философіи. Но у сихъ же народовъ Даниловъ находилъ многихъ истинно-мудрыхъ и благонамѣренныхъ мужей, соль земли; замѣчалъ ихъ вздохи не столько о самихъ себѣ, сколько о слѣпотѣ ихъ согражданъ, былъ свидѣтелемъ ихъ твердости въ страданіяхъ, спокойствія въ самой смерти. Отъ взоровъ его не ускользнули свѣтъ и добро, которыя отъ сихъ страданій, отъ сихъ смертей распространялись во мракѣ и побѣждали пороки. Мало по малу онъ увѣрился, что торжество безумія и злобы непродолжительно и само собою разрушается; что истина и добродѣтель въ самомъ паденіи побѣдительны и никогда не истребляются; что токмо онѣ поддерживаютъ и сохраняютъ и частныхъ людей и цѣлые народы. Такъ предъ глазами Данилова явился міръ въ настоящемъ его видѣ; такъ водворилось спокойствіе въ его сердцѣ, такъ утвердились его поступки. Онъ возвратился въ Россію, и былъ опредѣленъ Ассесоромъ въ Казенную Палату, въ Пензѣ.

(*Продолженіе въ слѣд.* No).

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки
И плосокъ носъ и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-Французски
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-Англійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньи. . .
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.

Друзья, не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

Крс. Пушкин

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Hernani, ou l'honneur castillan, drame, par Victor Hugo *(Гернани, или Кастильская честь, драма, соч. Виктора Гюго, представленная на Французскомъ театрѣ 25-го Февраля 1830).*— Парижъ, 1830 (154 стр. въ 8-ю д. л.)

(*Окончаніе*).

Статья II.

«Болѣе всего поразила насъ въ драмѣ Г. Гюго совершенная скудость идей въ соображеніи оной. Что было у него въ мысляхъ, въ минуту драматическаго созданія? Ничего точнаго, ничего опредѣленнаго; это ясно. Не то, чтобы Г. Гюго не зналъ, чего желалъ онъ: написать иначе, нежели до него писали, попрать ногами три единства, смѣшать по произволу всѣ тоны, разбить безжалостно форму, въ которую выливался стихъ Расиновъ; вводить новое, вводить безъ числа, — вотъ что было имъ весьма систематически предположено за правило. Но все это, какъ понятно всякому, относится только къ формѣ, а здѣсь идетъ дѣло о самой сущности его драмы. Возьмите самыя различныя драмы Шекспира, тѣ, въ коихъ его фантазія была совершенно свободна, равно какъ и тѣ, въ коихъ Исторія строжайше предписывала ему свой законъ: во всѣхъ вы найдете первородную мысль, которой развитіе видимъ и чувствуемъ, и которая съ единствомъ придаетъ жизнь цѣлому сочиненію. Возьмите даже, если угодно, *Фигарову женитьбу*, сей образецъ драматической шалости, на который такъ охотно ссылаются удивленные поборники Гернани: завязка въ сей комедіи очень перемѣшана и запутана; и совсѣмъ тѣмъ непреложное и сильное единство отвсюду въ ней раждается. Въ *Гернани*, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего подобнаго. Бывъ подъ властію сильныхъ впечатлѣній, произведенныхъ въ немъ романсами о *Сидѣ* и идеальными красотами Кальдерона, Г. Гюго мечталъ о созданіи драмы Испанской съ ея дивнымъ движеніемъ театральнымъ, съ ея роскошью поэтической. Въ такихъ мечтахъ порожденъ *Гернани*. Двадцать частныхъ созданій, постепенно привязанныхъ одни къ другимъ, стеклись для того, чтобы придать наружную сущность сему смѣшанному сборищу неясныхъ очерковъ; но истиннаго начала жизни драматической, *первородной мысли*, какъ мы назвали ее предъ симъ, недоставало и недостаетъ сему созданію. Скажутъ ли, что слово: *Кастильская честь*, данное въ заглавіе сей драмѣ, есть не что иное, какъ знакъ этой мысли? Но сія честь пріемлетъ сто различныхъ видовъ, и въ нихъ является. Должно ли искать ея въ Карлѣ V, который подставляетъ свою грудь подъ кинжалъ, но не соглашается биться рука на руку съ разбойникомъ; или въ старомъ Сильвѣ, который съ опасностью жизни соблюдаетъ долгъ гостепріимства; или въ Гернани, который исторгается изъ объятій милой супруги, чтобы совершить свой смертный обѣтъ? Явно, что въ этомъ словѣ нѣтъ единой мысли; или, когда и есть, то она чистая отвлеченность, разобщенная на многія и различныя обстоятельства; словомъ: это *существо*, не могущее одушевиться жизнью драматической. Станутъ ли утверждать, что Поэтъ хотѣлъ вывести на сцену Испанское общество XVI вѣка? Этого не могутъ утверждать съ важностію: весьма ясно, что Г. Гюго ни минуты не думалъ воскресить сей вѣкъ, столь обильный чудесами, вѣкъ, въ которомъ Кортесъ пустился въ новый свѣтъ, умеръ Падилья и героическая вдова его. Еще съ меньшею основательностію приписали бы ему намѣреніе воскресить, во всемъ поэтическомъ блескѣ, великое лице Карла V: Государь сей занимаетъ не довольно высокое мѣсто въ драмѣ, чтобы драма была ему подчинена, чтобы онъ въ ней господствовалъ. Съ какой бы стороны я ни оборотилъ сіе сочиненіе, вездѣ вижу въ немъ только басню, слабо обдуманную, безъ всякой явной цѣли, кромѣ развѣ той, чтобы привязать одна къ другой сцены разнаго эфекта, предназначенныя, каждая въ своемъ родѣ, для того, чтобъ выказать подъ разными видами поэтическій даръ Сочинителя: здѣсь комедію интриги съ ея живою свободой разговора, тамъ диѳирамбъ съ его лирическою смѣлостью; здѣсь отрывистую силу разговора Корнелева, тамъ сладкія рѣчи любви съ ея нѣжными изліяніями. Множество красотъ можетъ блеснуть въ этихъ разныхъ частяхъ; но связи въ нихъ нѣтъ и нѣтъ души, которая совокупляла бы всѣ сіи члены въ одно тѣло.

Г. Гюго означилъ время выведеннаго имъ дѣйствія: 1519-й годъ. Онъ заимствовалъ у Исторіи новѣйшихъ временъ одно изъ знаменитѣйшихъ лицъ ея, Карла V; довольно для того, чтобы сказать, что онъ не уноситъ насъ въ страну вымысловъ. Отъ чего же драма его есть длинная цѣпь нарушеній исторической существенности, родъ безпрерывнаго анахронизма? Отъ того самаго, на что мы предъ симъ указывали: отъ неопредѣленности, въ которой колебалась мысль его, когда онъ создавалъ свое произведеніе. Можетъ быть, съ высоты заоблачной сглаживаются для взора разстоянія времени и мѣста: но высота заоблачная — обиталище Поэта лирическаго, а драма живетъ на землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія историческія должны отсвѣчиваться въ воображеніи Поэта другими красками, нежели въ умахъ обыкновенныхъ; нѣтъ сомнѣнія, что переходя съ холодной страницы Лѣтописца въ область искуства, они должны получить печать идеальную, измѣняющую видъ ихъ, такимъ образомъ, чтобы бывшее предметомъ изученія для ума, содѣлалось ощущеніемъ для души или очарованіемъ для воображенія. Но тутъ дѣло Поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы поймать ту сторону истины, которая ей принадлежитъ, а не убивать самую истину. Такъ однако жь поступилъ Г. Гюго. Ему сказано было, что онъ спасъ бы свою драму отъ весьма многихъ погрѣшностей, когда бы отстранилъ дѣйствіе оной нѣсколькими вѣками далѣе въ прошедшее; когда бы намѣсто Карла V поставилъ онъ одного изъ тѣхъ Альфонсовъ или Фердинандовъ Кастильскихъ, коихъ мы такъ мало знаемъ и изъ коихъ любаго могъ бы онъ одѣть по своему произволу; наконецъ, когда бы гробница Сида стала на мѣсто гробницы Карла великаго. Тогда смѣло бы можно было прокричать: чудо! Такъ покрайней мѣрѣ думала пріязненная Критика; и сія Критика не думала, что чрезъ сіе она уподобляла *Гернани* тысячамъ тѣхъ трагедій классическихъ, въ которыхъ можно всегда безъ грѣха, а часто даже и съ выгодой, перемѣнять время и мѣсто: такъ-то скудны онѣ истиной! И этому причина та (повторимъ снова), что Г. Гюго, обдумывая свою драму, разкрылъ самого себя, вмѣсто того, чтобы разкрыть предъ нами характеры дѣйствующихъ лицъ: свои собственныя, а не ихъ понятія выставлялъ онъ, и въ семъ смыслѣ онъ сходствуетъ съ тѣми бѣдными Классиками, отъ которыхъ, по его мнѣнію, онъ очень далекъ. Конечно Магометъ весьма мало похожъ на Араба, когда, въ разговорѣ своемъ съ Зопиромъ, обширнымъ взоромъ объемлетъ онъ всю политику міра и гордо проповѣдуетъ господство генія надъ смертными; Альзира, изъ философіи нерѣшающаяся заколоться, столь же мало похожа на Американку: но ни тотъ, ни другая не говорятъ языкомъ столь ложнымъ и имъ несвойственнымъ, какъ Карлъ V въ своемъ монологѣ (*), которому столько удивлялись.

Ces deux moitiés de Dieu, le pape et l'empereur;

«этимъ стихомъ почти выражается все длинное противорѣчіе, которымъ наполненъ монологъ. Какъ! «Папа «и Римскій Императоръ составляютъ все? и что ни «есть на землѣ, все ихъ и ими держится?... Они творятъ и разрушаютъ по волѣ своей?...» И кто же говоритъ это? Карлъ V, человѣкъ великаго духа, но съ умомъ яснымъ и положительнымъ, какъ намъ кажется, знавшій хорошо Европу своего времени и который, при важныхъ своихъ начинаніяхъ, никакъ не захотѣлъ бы ослѣпить самого себя словами.

«Но разберемъ одинъ за другимъ всѣ характеры дѣйствующихъ лицъ.

«Карлъ V молодъ; ему 19 лѣтъ. Онъ любитъ женщинъ; лѣтопись Аллы говоритъ о томъ, да и безъ нея легко этому повѣрить. По сему-то въ драмѣ мы видимъ его у балкона Доны Соль; но въ какое время? Тогда, какъ умъ его сильнѣе всего занятъ состязаніемъ объ Императорской коронѣ. Здѣсь я невольно покушаюсь остановить Поэта и сказать ему: «Человѣчество «не таково.» Въ сердцѣ человѣка можетъ найтись мѣсто для двухъ великихъ страстей, но не въ одно время. Человѣка влюбленнаго до безумія и тутъ же до безумія честолюбиваго, никогда не видывали. Въ такомъ случаѣ, одна страсть превозмогаетъ другую и покоряетъ ее себѣ; иначе было бы два человѣка въ одномъ. Справедливо упрекали Вальтера Скотта за то, что онъ выставилъ намъ вмѣстѣ и Людовика XI, отважно бродящаго по полямъ, и Людовика XI, блѣднаго, трепетнаго, запертаго въ своемъ зàмкѣ Плесси-ле-Туръ. Столь же мало истины представить намъ Карла V, заводящаго въ одно время интригу подъ балкономъ и великую интригу пріобрѣтенія Имперіи. Пусть, утомленный ранними заботами о своемъ величіи, юный политикъ ищетъ минутнаго развлеченія въ готовыхъ объятіяхъ какой-либо Сеньоры двора своего: это весьма естественно; но искать подъ окнами красавицы, ночью и со шпагой въ рукахъ, невѣрной побѣды, невозможно человѣку, у котораго въ головѣ важнѣйшая мысль, каковой только доступна душа его, и который, дрожа отъ нетерпѣнія, занятъ только тѣмъ, чтобы считать и пересчитывать въ умѣ голосà Имперскихъ избирателей. Сіи два Карла V могли существовать другъ за другомъ, но никогда не существовали вмѣстѣ. Посему любопытно видѣть, въ началѣ развязки, какимъ легкимъ скачкомъ Г. Гюго освобождаетъ новаго Императора отъ сей любви, кеторую питалъ еще онъ при гробѣ Карла великаго:

. . . . Éteins-toi, cœur jeune et plein de flamme!
Laisse régner l'esprit que long-temps tu troublas.
Tes amours désormais, tes maîtresses, hélas!
C'est l'Allemagne, c'est la France, c'est l'Espagne.
L'empereur est pareil à l'aigle, sa compagne:
A la place du cœur il n'a que l'écusson.

(*) Т. е, въ монологѣ при гробницѣ Карла Великаго (Дѣй. IV, явл. 2). Странность сего монолога такова, что не постигаешь, хочетъ ли Карлъ развлечь себя одинокою болтовнею передъ рѣшительною минутой, отъ души ли насмѣхается надъ предметами высочайшей важности, особливо дли него въ тогдашнемъ положеніи, или хочетъ только обмануть тѣнь великаго покойника и умы легковѣрныхъ зрителей. Скажемъ однако же, что въ этомъ монологѣ есть многіе истинно прекрасные стихи, если ихъ взять отдѣльно отъ цѣлаго. Они могли бы украсить какое нибудь *Поэтическое размышленіе*, въ родѣ Ла-Мартиновыхъ, но вовсе не у мѣста въ устахъ Карла V. *Пр. Перев.*

«Угасни, сердце юное и пылкое! оставь господство уму,
«который долго ты тревожило. Отныне любовь твоя,
«твои любовницы, увы! Германія, Франція, Испанія.
«Императоръ подобенъ орлу, своему сотоварищу: на
«мѣстѣ сердца у него гербовый щитъ.»

«И все тутъ сказано. Сознаемся, что никогда классическая трагедія не выводила столь рѣзко на сцену тѣ невѣроятныя превращенія чувствованій, за которыя столько ее укоряли (*).

«Такое жь противорѣчіе въ лицѣ Доны Соль, впрочемъ лучше другихъ начертанномъ, потому что въ немъ болѣе правдоподобія. Упрекали Автора за то, что онъ не оправдалъ какимъ нибудь пояснительнымъ разсказомъ страсть сей благородной дѣвы къ Гернани, Атаману разбойниковъ: упрекъ сей, по нашему мнѣнію, неоснователенъ. Пояснительные разсказы принадлежатъ къ старой рухляди стараго классическаго магазина. *Какъ* и *почему* въ событіяхъ, годятся только тогда, когда событія сами себя не въ состояніи пояснить. Во всякомъ другомъ случаѣ, примемъ за правило Горація, который хочетъ, чтобы Поэтъ съ самаго начала вовлекъ читателя въ средину дѣйствія, какъ будто бы оно уже ему знакомо. Такъ поступилъ и Г. Гюго, и поступилъ хорошо. Мы переносимся въ Испанію; посему подобная страсть удивлять насъ не должна: чѣмъ болѣе она романическая, тѣмъ болѣе должна обворожать воображеніе юной Сеньоры. Любовникъ ея разбойникъ: но сіе имя, гордо объявленное, какъ право на независимость, можетъ имѣть свою прелесть; онъ пригожъ собою, а у нея сердце пылкое, однимъ словомъ, сердце Испанки; съ нимъ плаха для нея пріятнѣе, нежели вѣнецъ Королевы съ другимъ. «Мой изгнанникъ!« такъ она его называетъ, и сіе слово удивляетъ своею правдой. Послѣ этого я уже не дивлюсь, видя, что она безъ сопротивленія бросается въ его объятія; узнаю ее и тамъ, гдѣ она улыбается, глядя на кинжалъ, спрятанный ею между брачными убранствами: воображеніе ея свыклось съ этимъ оружіемъ, и чувствуешь, что съ первою искрою ревности она вонзитъ его въ сердце человѣка, ею любимаго. Подтвердимъ снова: все это очень хорошо. Но куда дѣвается вся сія правда, когда по неожиданному взмаху волшебнаго прутика, сія дѣва Юга, сія Испанка съ кровью, разкаленною солнцемъ, превращается въ какую-то Нѣмецкую Сильфиду, или въ бѣлую Нимфу озеръ Шотландскихъ? Она одна съ Гернани; неизбѣжная опасность грозитъ имъ; уже блещетъ предъ ихъ глазами зарево пожара, долженствующаго открыть ихъ побѣгъ... и, въ недвижномъ упоеніи, сія страстная женщина только покоитъ голову любовника на своихъ колѣняхъ. Далѣе: они соединены бракомъ; уже настала для нихъ желанная минута блаженства.... и чего же требуетъ наша томная Кастилянка отъ любви? однихъ наслажденій меланхолической мечтательности. Нѣтъ, Г. Гюго! нѣтъ! ваша Дона Соль, ваша *жена разбойника* не можетъ и не должна мечтать въ эту сладкую минуту о лунѣ и о свѣтилахъ небесныхъ; она не можетъ твердить: «На мигъ... Сей часъ!...« Байронъ отослалъ бы эти слова къ тѣмъ, коихъ онъ называлъ блѣдными красавицами Сѣвера.

«Гернани, при всемъ своемъ велерѣчіи, являетъ нѣкоторыя черты настоящаго разбойника: ненависть, какъ и любовь его, выражаются съ огненною силой; чувствуешь, что у него въ жилахъ кровь Испанская. Но и онъ не болѣе Карла V и Доны Соль умѣетъ выдержать свой характеръ. И всему причиной случайныя соображенія драмы при самомъ ея зачатіи: они, на зло Поэту, увлекаютъ его въ ложное. Послѣ того, какъ Гернани нѣсколько разъ твердилъ, и съ такою ужасною торжественностію, клятву мщенія, данную имъ у плахи отца своего; когда за нѣсколько минутъ еще онъ столь бѣшено удерживалъ за собою ужасное преимущество, своею рукою нанести смертельный ударъ, — почему же въ одну минуту, съ одного слова Карла V-го вся его злоба пропала и изъ души его испарилось чувство, бывшее дотолѣ основой его существованія? Почему (что еще страннѣе) онъ даже отрекается отъ этого существованія? Намъ кажется, что это слишкомъ скоро. Всякой другой, кромѣ Г. Гюго, сослался бы въ томъ на *Цинну*; но мы бы отвѣчали, что погрѣшность не можетъ оправдаться погрѣшностью, и что къ тому еще, примѣръ сей неубѣдителенъ. Дѣйствительно Цинна, съ начала до конца трагедіи, самъ по себѣ ничего не значитъ. Будучи слѣпымъ орудіемъ злобы Эмиліиной, онъ не слишкомъ насъ удивляетъ тѣмъ, что отрекается отъ страсти, которая, въ самой сущности, была не его страстью. Гернани, напротивъ того, живетъ силою собственной души; онъ сынъ такой страны, въ которой мы привыкли видѣть сильно врѣзанное, и въ нѣкоторомъ смыслѣ, увѣковѣченное чувство мщенія. Если какой-либо образецъ долженствовалъ здѣсь сообщить свое вдохновеніе Г. Гюго, то конечно не Цинна, падающій на колѣна предъ Августомъ, но скорѣе молодый Лердъ Равенсвудъ, хотящій отдать свою руку Люси Аштонъ (*). Здѣсь покрайней мѣрѣ выражены всѣ тайныя муки, всѣ суевѣрные страхи любви, отрекающейся отъ завѣтнаго наслѣдія ненависти семейной.

«Остается намъ старый Донъ Гомесъ, лице стран-

(*) Послѣ всего вышесканнаго, здѣсь кстати привести острое словцо другаго Критика, — кажется, Г-на Ф. Шаля (Chasles), въ Revue de Paris: — „Что Г. Гюго не перемѣнилъ прежней трагедіи Французской, а только умножилъ ее на самую себя.“

(*) Въ *Невѣстѣ Ламмермурской*, романѣ В. Скотта.

ное, въ которомъ стекаются и сшибаются весьма многія противорѣчія, и которое однакожe безотчетно только потому, что Г. Гюго обрекъ на сію бѣдственную участь всѣхъ дѣтей своего воображенія. Д. Гомесъ, въ первомъ дѣйствіи простосердечный старикъ, любящій болѣе долго говорить, нежели рѣшительно дѣйствовать, — въ третьемъ попеременно говоритъ и нѣжнымъ языкомъ страсти съ Доною Соль, на которой хочетъ жениться, и гордымъ языкомъ героизма съ Д. Карлосомъ, который повелѣваетъ ему нарушить честное слово. Юная подруга Герцога Сильвы у него похищена — и вотъ изъ вѣрноподданнаго онъ становится отчаяннымъ заговорщикомъ; изъ рукъ Карла V она переходитъ въ объятія Гернани, — и бѣшенство старика еще усиливается, такъ что мы видимъ въ немъ только безжалостнаго, свирѣпаго убійцу; онъ закалывается и проклинаетъ себя, лишь бы испить до дна всю чашу мщенія. Какія разнообразныя и видимо противоположныя черты въ одномъ и томъ же характерѣ! Сколько нелѣпыхъ нарушеній здраваго смысла! Таковъ приговоръ, слышанный нами отъ весьма многихъ людей. И неменѣе того, все это могло бъ быть правдоподобно, весьма правдоподобно, если бы человѣкъ сей имѣлъ передъ собою время и пространство, для развитія своего характера. Все это точно Кастильское; но очертаніе природы Кастильской, на которой должно было явиться столь разнообразное смѣшеніе красокъ, нигдѣ не нарисовано въ драмѣ; но степени, которыми переходитъ сердце человѣческое, пока не достигнетъ до свойствъ тигра, сіи степени, столь сильно обозначенныя у Шекспира, и коихъ Макбетъ служитъ разительнѣйшимъ, можно даже сказать, ужаснѣйшимъ примѣромъ, здѣсь вовсе упущены: Г. Гюго ни сколько о нихъ не позаботился. Черты характерныя у него скопляются и буйно сталкиваются; противоположности, вмѣсто того, чтобъ оттѣняться и подготовляться, обнаруживаются всѣ вдругъ. Мало ему нужды въ томъ, что старый его Герцогъ въ продолженіе пяти минутъ играетъ роль Арнольфа Мольеровой *Школы женщинъ*, и роль столь же высокую, столь же героическую, какъ стараго Горація. Это у него не существо человѣческое, живущее, говорящее и дѣйствующее передъ его глазами, и долженствующее двигаться по извѣстнымъ законамъ: это модель, родъ *Академической фигуры*, ставимой въ разныхъ положеніяхъ передъ его воображеніемъ: чѣмъ сіи положенія многообразнѣе, тѣмъ болѣе наслажденія для его кисти, списывающей оныя. Въ этомъ смыслѣ мы согласны сказать, что Гернани есть *трагедія воображенія*; но это почти все равно, что назвать ее трагедіей лжи.

«До сихъ поръ сочиненіе Г. Гюго не являло намъ ни одного изъ органическихъ началъ драмы: въ ней нѣтъ жизни. Два только мѣста, во время представленія, казалось, заняли и приковали вниманіе Публики: за ними слѣдовали съ безпокойствомъ и съ участіемъ. Одно изъ нихъ, послѣднее явленіе драмы, заключаетъ въ себѣ великія красоты: оно дышетъ чувствомъ, и было бы еще лучше, когда бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ участіе наиболѣе возрастаетъ, здравый смыслъ не вооружался внутренно противъ звѣрскаго хладнокровія того стараго чудовища, которое не задолго мы видѣли человѣкомъ благороднымъ, и въ которомъ невѣдомо откуда проявилось столько лютости. Но уважимъ здѣсь впечатлѣніе Публики и наше; и возьмемъ другую сцену: довольно будетъ и сего примѣра. Гернани находится лицемъ къ лицу съ Королемъ: наконецъ онъ можетъ утолить свою жажду мщенія; врагъ его, сынъ убійцы его отца, здѣсь, въ его рукахъ: случай вѣрный, единственный; хотя бы онъ прожилъ еще сто лѣтъ, такого уже не встрѣтилъ бы. «Защищайся!» кричитъ онъ Д. Карлосу, и ждетъ, что мечи ихъ сшибутся. Но Карлъ видитъ въ немъ, какъ и должно, только разбойника: никогда не согласится онъ *облагородить ударомъ своей шпаги кинжалъ* такого человѣка: «Рѣжь меня,» говоритъ онъ: «ты можешь меня зарѣзать.» Отвѣтъ благороденъ и достоинъ Короля; и до сихъ поръ все хорошо. Что же дѣлаетъ Гернани, и что долженъ дѣлать? Онъ принимаетъ на чистыя деньги отговорку Д. Карлоса, презирающаго въ немъ разбойника; самъ онъ наказываетъ себя презрѣніемъ своего врага и оставляетъ за собою сдѣланное ему поруганіе.... онъ ломаетъ свою шпагу. Выходка забавная, и весьма съ руки Поэту! А ненависть, а мщеніе, а пламя, пожирающее душу Гернани, — гдѣ же все это? Такъ ему нѣтъ уже средства удержать за собою выгоду сей встрѣчи? Если бъ онъ былъ подлинный разбойникъ, то дѣло кончилось бы просто: ножемъ въ бокъ, по Испанской модѣ — и добрая ночь Королю Кастилліи! Но тутъ не обыкновенный разбойникъ: онъ Донъ-Жуанъ Арагонскій... Пусть же объявитъ о себѣ, и снова пріобрѣтетъ право мстить за отца своего. Неужели онъ боится огласить свою тайну? Но или онъ, или Карлъ будетъ мертвъ: какъ побѣдителю, ему нечего будетъ бояться нескромности; какъ побѣжденному, нечего бояться огласки. Очевидно, что не мы по волѣ передѣлываемъ сцену Г. Гюго: само положеніе, какимъ онъ его обдумалъ и создалъ, является здѣсь и развертывается. Зачѣмъ же естественный ходъ дѣлъ отведенъ здѣсь на сторону? Бѣдные Классики! сколько разъ надъ вами смѣялись за то, что вы употребляли подобные фокусъ-покусы! Гернани сохраняетъ свою тайну для того, что если бъ онъ обнаружилъ ее, тогда и драма бы кончилась; для того, что Г. Гюго нужно, чтобы онъ высказалъ все не прежде IV-го дѣйствія. И по всему видно, что для Гернани гораздо важнѣе тогда умереть Испанскимъ Грандомъ, со шляпой на головѣ, нежели во

II-мъ актѣ отмстить за смерть отца. Вотъ какъ ложное порождается отъ ложнаго; вотъ заблужденіе съ его жалкими исчадіями!

«Языкъ и слогъ Г. Гюго были для многихъ предметомъ нещадныхъ критикъ; мы и сами не находимъ ихъ вовсе изъятыми отъ укоризны. Здѣсь однако же мы по счастію можемъ подсластить критику нашу похвалами. Въ Г-нѣ Гюго есть и великій, и дурной Писатель: онъ почти какъ Луканъ: иногда высокъ, а чаще надутъ и страненъ. Сила, *могущество* (ибо сіе послѣднее слово любятъ къ нему примѣнять) блещутъ повсюду въ его твореніяхъ; но сила и могущество юныхъ Титановъ, которыхъ показываетъ намъ Горацій, громоздящихъ горы на горы. Не ищите истинныхъ красотъ слога Г. Гюго въ длинныхъ тирадахъ, въ родѣ монологовъ, гдѣ страсть сама изъ себя льется и выходитъ изъ границъ: вы почти всегда найдете въ нихъ навѣрное, между прекраснымъ, ложное и напыщенное. Но возьмите сцены разговорныя, тѣ, въ коихъ есть вопросы и отвѣты, взаимная передача любви и ненависти, шутокъ и оскорбленій: вы тутъ найдете совсѣмъ другаго Поэта, и часто будете ему удивляться. Часто, за гибкость и силу поэтическаго разговора, за неожиданный блескъ выраженія, ослѣпляющаго васъ, какъ молнія, или за энергическую краткость, которою рѣзко обозначается мысль, вы простите ему грубость стихосложенія, неточность выраженій и странную выисканность словъ. Всѣ сіи недостатки, правду сказать, отвратили отъ него многихъ читателей и помѣшали имъ сознаться, сколь удачно Поэтъ заставилъ трагическій языкъ нашего времени покинуть свои ходули.»

РУСКІЯ КНИГИ.

Василій Шуйскій Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Николая Станкевича. М. въ тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1830. (107 стран. въ 8-ю д. л.)

Трагедія: *Василій Шуйскій*, со всѣми ея несовершенствами, есть очень пріятное явленіе въ нашей Литературѣ. Мы слышали, что Авторъ оной шестнадцати лѣтъ. Начало раннее, но прекрасное! Это не безотчетливо снизанная изъ звучныхъ стиховъ повѣсть или такъ называемая поэма. Трудъ, совершенный Господиномъ Станкевичемъ, есть, по выраженію Художниковъ, трудъ Академическій. Онъ попробовалъ силы свои на предметѣ, ожидающемъ еще писателя зрѣлаго и великаго, и показалъ исполненіемъ, что можетъ сдѣлать истинный талантъ въ его лѣта. Стихи вездѣ хороши, чувствъ много и двѣ-три сцены счастливо соображены. Но отъ историческаго Трагика требуется бо́льшаго. Онъ долженъ воображеніемъ оживить людей, знакомыхъ намъ изъ преданій, обнаружить характеры ихъ, разкрыть тайны ихъ сердецъ и искусно дополнивъ промежутки жизни, извѣстной намъ только отрывками, достойными памяти народной, озарить яркимъ свѣтомъ лица и дѣйствія, остающіяся въ Исторіи загадочными. Возьмемъ для примѣра характеръ Шуйскаго, замѣчательнѣйшій въ Рускихъ Лѣтописяхъ, блѣднѣйшій въ безжизненномъ романѣ: Димитрій Самозванецъ. Онъ какъ Протей поминутно измѣняется на политическомъ своемъ поприщѣ. То видишь его льстецомъ и участникомъ въ злодѣяніи страшномъ, то тайнымъ заговорщикомъ, то разкаявшимся преступникомъ, то явнымъ врагомъ Самозванца, то Царемъ слабымъ, то великимъ, и наконецъ, сверженный съ престола и плѣнный, является онъ трогательнымъ образцомъ страдальца невиннаго и благороднаго. Какъ связать всѣ этѣ противоположности? Кто пойметъ эту душу многочувствовавшую, этотъ разумъ многообразный? — Трагикъ, но въ пору зрѣлости своего таланта, изучившій и обдумавшій дѣла людей давнопрошедшихъ и жизнь настоящую, и испытавшій всѣ пружины сердца, дарованнаго человѣку мудрымъ Провидѣніемъ.

Ошибки молодаго Поэта — ошибки его возраста: характеры не поняты и едва обрисованы, обычаи не соблюдены и предпріятія истинно поэтическія не выполнены. Есть нѣсколько погрѣшностей противъ языка и въ особенности противъ словоудареній. Напримѣръ слово: ненависть, во многихъ мѣстахъ трагедіи употреблено съ удареніемъ, ему не свойственнымъ, на второмъ слогѣ: *ненáвисть*. Все это поправится въ свое время; желаемъ только Автору терпѣнія и страсти безославно себя усовершенствовать, и надѣемся отъ него большихъ успѣховъ на просторномъ полѣ Руской драматургіи.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 4-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ II, № 39. ІЮЛЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Субботу), — 10-го (въ Четвертокъ), — 15-го (во Вторникъ), — 20-го (въ Воскресенье), — 25-го (въ Пятницу) и 30-го (въ Среду).

ЖИЗНЬ
ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДАНИЛОВА.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА II.

На Святкахъ былъ ясный вечеръ: безчисленныя звѣзды сверкали; луна медленно неслася въ голубомъ, безпредѣльномъ пространствѣ, и освѣщала церкви и домы, которые отбрасывали длинныя тѣни. Природа являлась въ тихомъ величіи. Но толпы простаго народа, одѣтыя медвѣдями, козами, журавлями, даже чертями, съ балалайками, скрыпками, сковородами и тазами, ходили по улицамъ, шумѣли, смѣялись и пѣли пѣсни. Въ сіе время Даниловъ шелъ къ сослуживцу отца своего, Матвѣю Никитичу Осипову, Мокшанскому дворянину, который, по дѣламъ, пріѣхалъ въ Пензу и остановился у купца Коробкина. Изъ улицы въ улицу, наконецъ Даниловъ остановился у воротъ съ навѣсомъ, взялъ за желѣзное кольцо и началъ стучать. На дворѣ залаяли собаки и заходили на цѣпяхъ. Скоро раздался сиповатый голосъ: «Кто тамъ?« ключъ щелкнулъ въ замкѣ, и калитка отворилась. «Кого надобно?« спросилъ тѣмъ же голосомъ старикъ въ овчинномъ полушубкѣ на распашку и въ лаптяхъ на босую ногу. «Дома ли Матвѣй Никитичъ?« — «Дома-ста, и хозяинъ съ хозяйкою сидятъ у него.« Даниловъ вошелъ во дворъ, который, какъ кольцо, обнесенъ былъ анбарами, навѣсами и сараями. Огромныя собаки на цѣпяхъ бѣгали по веревкамъ, рвались и лаяли. Старикъ кричалъ на нихъ и провожалъ Данилова на высокое крыльцо, покрытое драницами, обитое досками и съ окнами безъ стеколъ. Они вошли въ большія сѣни, въ которыхъ были два чулана и лѣстница на подволоку. Даниловъ повернулъ на право и отворилъ дверь въ комнату. Въ ней, въ переднемъ углу, въ кивотѣ со стеклами, окрашенномъ зеленою и желтою красками, стояло множество образовъ въ позолоченныхъ и серебряныхъ ризахъ; по обѣимъ сторонамъ кивота, находились другіе, токмо въ вѣнцахъ или окладахъ; за сими слѣдовали еще образа, но уже безъ всякихъ украшеній. Далѣе по всѣмъ стѣнамъ прибиты были листочки: на нихъ красовались то подвиги Бовы Королевича, то семи Симеоновъ, то погребеніе кота, то лѣствица человѣческой жизни. Въ низу къ стѣнамъ придѣланы были липовыя лавки, на право у дверей стоялъ шкафъ съ оловянною посудою, на лѣво огромная изразцовая печь, подлѣ нея дубовая перегородка съ дверью въ комнату. За большимъ, разкрашеннымъ голубою краскою и красными цвѣтами столомъ сидѣли Матвѣй Никитичъ Осиповъ съ женой своею, Авдотьею Сергѣевною, и играли въ карты. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, въ букляхъ, съ длинною косою и въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ; на лицѣ его и во всѣхъ движеніяхъ изображались кротость и добродушіе. Авдотья Сергѣевна казалась женщиною лѣтъ въ сорокъ; на ней былъ пестрый ситцевый шемизъ, вчесанные высоко волосы и сверхъ ихъ чепецъ съ разноцвѣтными лентами и большими лопастями; ея маленькой лобъ, сѣрые бѣглые глаза, вздернутый носъ и набѣленныя и нарумяненныя щеки показывали упрямство, сварливость и спесь. Подлѣ Матвѣя Никитича сидѣлъ Трифонъ Лукичъ Коробкинъ: волосы его, густые и темнорусые, намазанные масломъ, были высоко подстрижены; блѣдное его лице омрачалось заботами; его борода лежала на красной рубашкѣ съ золотымъ галуномъ; на немъ былъ суконный, долгополый сюртукъ вишневаго цвѣта. По правую руку Авдотьи Сергѣевны помѣщалась Устинья Минеевна, жена Коробкина, въ коричневомъ съ золотыми цвѣточками, гродетуровомъ платкѣ на головѣ, въ глазетовой тѣлогрѣѣ, уже поношенной и замаранной, въ бѣлой рубашкѣ съ яхонтовою запонкою и съ рукавами, немного пониже локтей, съ манжетами, и въ стамедной зеленой юпкѣ; на груди ея лежала серебряная цѣпочка съ крестомъ, ладонками и другими привѣсками; ея толщина, обрюзглое и красное лице показывали, что она любила только попить и поѣсть. Она сидѣла какъ вкопанная, опустивъ рѣсницы, сжавъ губы, сложивъ руки на брюхѣ и водя большіе пальцы одинъ вокругъ другаго. Къ перегородкѣ, за столикомъ, накрытымъ камчатною салфеткою, на которомъ кипѣлъ на канфоркѣ, на голубомъ и палевомъ спиртовомъ огнѣ, фаянсовый съ ландшафтами чайникъ, сидѣла Анна Матвѣевна, дочь Осиповыхъ, дѣвушка лѣтъ двадцати, въ бѣлой кофточкѣ и юпкѣ; высокую ея грудь закрывала кружевная косынка; черные ея волосы заплетены были длинною косою съ розовою лентою; лицемъ она походила больше на мать, нежели на отца. Поодаль отъ нея стоялъ высокой слуга въ зеленомъ сюртукѣ; въ рукахъ у него былъ подносъ, у ногъ мѣдный закопченный чайникъ съ горячею водою.

Когда Даниловъ вошелъ въ комнату, все общество встало. Онъ поцѣловалъ руку у Авдотьи Сергѣевны и Анны Матвѣевны. Осиповъ обнялъ его дружески, и сказалъ: «Добро пожаловать, дорогой гость! Прошу садиться. Аннушка! чаю.« — «Сей часъ, папенька. Ванька, добавь воды.« — Иванъ поднялъ мѣдный чайникъ съ полу, подошелъ, и сталъ наливать воду въ фаянсовый чайникъ, который кипѣлъ на конфоркѣ; но паръ отъ нея уже не поднимался. «Ты льешь холодную воду,« сказала Анна Матвѣевна. — «Да она, сударыня, простыла;« отвѣчалъ Иванъ. — «Ты не могъ прежде о томъ подумать,« прошептала съ сердцемъ Анна Матвѣевна; глаза ея засверкали, а щеки покрылись блѣдностію. Между тѣмъ Даниловъ сѣлъ на дубовыя кресла, которыхъ высокая спинка и низкія ручки вырѣзаны были различными узорами.

— «Каково на дворѣ?« спросилъ Осиповъ.

— «Холодно,« — отвѣчалъ Даниловъ; «но ясно и пріятно. —

— «Въ такія ночи,« — продолжалъ Осиповъ, «весело бывало стоять на часахъ. Сонъ не смыкаетъ глазъ и душа радуется. Смотришь, какъ падаютъ звѣзды . . .«

Устинья Минеевна перекрестилась и тихо сказала: «Съ нами крестная сила!«

— «Тогда служилъ я вмѣстѣ съ батюшкою вашимъ, Петръ Ивановичъ. Онъ былъ мой искренній, вѣрный другъ, какихъ нынѣ или вовсе найти не можно, или очень трудно. Онъ былъ гораздо старѣе меня; а я молодъ, горячъ и безразсуденъ. Часто онъ отводилъ меня отъ многихъ дурачествъ, и нерѣдко помогалъ мнѣ въ нуждѣ. Однажды . . . .«

— «Оставь, батюшка, старину,« прервала Авдотья Сергѣевна: — «прошедшаго не воротишь, да и поправить нельзя. —

— «Ты правду говоришь, Авдотья Сергѣевна,» — сказалъ со вздохомъ Осиповъ. «Не хотите ли вы, Петръ Ивановичъ, поиграть съ нами въ марьяжъ, въ четверомъ? Устинья Минеевна, бери карты.

— «Намъ, родимой, не подобаетъ,« — отвѣчала Коробкина. — «Чай и смотрѣть-то на карты грѣшно: да ужъ не выколоть, стало, глаза. Дмитрій Семеновичъ, отецъ духовный, всегда спрашиваетъ. . . . —

— «Такъ ты садись, Лукичъ,« сказалъ Осиповъ, обратясь къ Коробкину.

— «Просимъ насъ уволить, Ваше Высокоблагородіе. Не купеческое дѣло играть въ карты: сегодня поиграешь въ дурачки, завтра въ носки, а на третій день захочешь и въ горку. Повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Да мнѣ и игра-то ваша не въ домекъ. Худо въ карты играть, да козырей не знать. —

— «Ну, такъ ты садись, Аннушка,« — продолжалъ Осиповъ.

— «Я-съ? съ кѣмъ-съ? —

— «Я буду играть съ матерью, какъ умѣемъ; а ты съ Петромъ Ивановичемъ.«

По лицу Авдотьи Сергѣевны разлились досада и спесь; Анна Матвѣевна покраснѣла, и отвѣчала: «Я худо помню счетъ-съ, а Петръ Ивановичъ. . .

— «Я буду считать за насъ обоихъ, сударыня,« — подхватилъ Даниловъ.

— «Да, это было бы очень хорошо,« примолвилъ Осиповъ.

— «Ничуть не славно, мой свѣтъ. Ты опять не въ своей тарелкѣ,« сказала Авдотья Сергѣевна.

Въ сію минуту дверь отворилась съ шумомъ, и вошла женщина лѣтъ въ тридцать пять, въ Англійской пуховой шляпкѣ, въ перюяневомъ робронтѣ съ бочка́ми, съ муфтою на рукахъ, въ башмакахъ на тонкихъ и высокихъ каблукахъ; казалось, что старыя и новыя моды на ней ссорились одна съ другою; а на лицѣ ея, хотя покрытомъ бѣлилами, румянами и мушками, видны были глубокіе слѣды сраженій различныхъ, злыхъ страстей. То была Варвара Ивановна Трещеткина.

— «Здравствуйте, здравствуйте!« закричала Трещеткина.

— «Ахъ, моя радость!» воскликнула Осипова: «какъ ты кстати! и какъ одолжила насъ своимъ посѣщеніемъ.

— «Я завернула къ вамъ только на одну минуту, за важнымъ дѣломъ, особенно къ тебѣ, душа моя, Авдотья Сергѣевна. Я ѣду на балъ къ Губернатору, тамъ весь городъ и вся деревеньщина, наши уѣздные дворяне. Какая безподобная сволочь! Наши городскія барыни хлопочутъ за ломберомъ или за откупомъ; пріѣзжія барыньки молчатъ или разговариваютъ о коровахъ, холстахъ и курахъ: ихъ дочки, сжавши губки, сидятъ какъ статуи или выступаютъ въ менуетахъ какъ журавли. Мужчины мечутъ банкъ или толкуютъ о собакахъ и тяжбахъ. Ужесть какъ славны! Рѣдко набѣжишь на человѣка, который развернулся и знаетъ свѣтъ. А вы не званы, Матвѣй Никитичъ? и ты, голубчикъ, Петръ Ивановичъ?«

— «Я почти незнакомъ съ Губернаторомъ,» отвѣчалъ, нахмурясь, Осиповъ.

— «Такъ! такъ! Да ему надобно знать столповаго и заслуженаго дворянина. Ну, что и говорить! Всѣ знаютъ, какъ онъ неловокъ выдѣланъ. А ты, Петръ Ивановичъ, читаешь книги? сидишь надъ Уложеніемъ? гнешься надъ приказными дѣлами? и метишь въ Совѣтники или Прокуроры?

— «Я и самъ сожалѣю о себѣ, сударыня,« сказалъ Даниловъ; «ахъ, для чего я, въ ребячествѣ, не могъ имѣть васъ своимъ учителемъ? я былъ бы совсѣмъ инымъ человѣкомъ!« —

Трещеткина почувствовала насмѣшку: на лицѣ ея выступили досада и злость; но она скоро оправилась, и обратясь къ Авдотьѣ Сергѣевнѣ, заговорила:

— «Знаешь ли что, мой свѣтъ? какая у насъ ворожея явилась! Гадаетъ, на чемъ хочешь: на картахъ, на кофе, на бобахъ; заговариваетъ кровь, зубы, привораживаетъ, толкуетъ сны, лечитъ отъ всѣхъ болѣзней; нашъ Иванъ Карповичъ, лекаришко, и на подметки ей не годится. Она всю мою жизнь какъ на ладони увидѣла: какъ я мучилась съ первымъ мужемъ и какъ его схоронила; какъ судилась съ другимъ и наконецъ насилу развязалась съ нимъ; да и впередъ мнѣ обѣщала лучшую участь.«

Авдотья Сергѣевна и дочь ея слушали Трещеткину съ великимъ вниманіемъ; Устинья Минеевна шептала: «Съ нами крестная сила!« Трофимъ Лукичъ тихонько повторялъ: «Эка притча!« Осиповъ качалъ головою, а Даниловъ сидѣлъ спокойно.

— «Нынче есть много людей,« продолжала Трещеткина, «которые ворожбѣ не вѣрятъ. Они узнаютъ, каковы ворожеи....« Тутъ она взглянула значительно на Данилова.... «Твой другъ, Петръ Ивановичъ, учитель Кастальскій ничему не вѣритъ. Онъ вздумалъ однажды смѣяться надо мною. Подумай, моя радость, Авдотья Сергѣевна: учитель, поповичъ осмѣлился надо мною смѣяться. Да я его хорошо отпетила и зажала ему ротъ.

— «Кастальскій несчастливъ, сударыня,« сказалъ Даниловъ; «и вѣрно будетъ разкаяваться. —

— «Твоя рѣчь впереди. О чемъ я говорила?

— «Да о колдуньѣ-то, матушка,» подхватила Коробкина.

— «И безъ тебя я бы вспомнила. Инымъ людямъ нехудо было бы только слушать, а то не дадутъ слова сказать. Что бы и тебѣ, Авдотья Сергѣевна, съѣздить къ ворожеѣ? Аннушкѣ твоей уже двадцать лѣтъ....

— «Ты ошиблась, моя душа,» отвѣчала Осипова: «ей исполнилось только семнадцать. —

— «Ну, не надобно считать годы дѣвушкѣ. Ахъ, я было и забыла, зачѣмъ къ тебѣ пріѣхала. Не можемъ ли мы поговорить наединѣ?«

Тутъ Авдотья Сергѣевна и Трещеткина вышли въ комнату и плотно захлопнули дверь за собою. Трифонъ Лукичъ и Устинья Минеевна также поднялись, пожелали Осипову покойной ночи и пріятнаго сна, низко поклонились, и ушли въ другую половину дома, гдѣ жили ихъ работники. И Даниловъ хотѣлъ было разпрощаться, но Осиповъ остановилъ его, и сказалъ: «Посидите, Петръ Ивановичъ; еще не поздно и Авдотья Сергѣевна долго не разстанется съ своимъ другомъ. Что вы думаете о ворожеяхъ и колдуньяхъ?

— «Я почитаю ихъ,« отвѣчалъ Даниловъ, «обманщицами, которыя ослѣпляютъ легковѣрныхъ и нерѣдко разрушаютъ согласіе въ семействахъ.

— «Неужели вы думаете,« возразила Анна Матвѣевна, «что люди не могутъ знать будущаго?«

— «И могутъ и нѣтъ,« сказалъ Даниловъ. «Если при всякомъ случаѣ дѣйствуютъ благоразумно, то могутъ провидѣть слѣдствіе своихъ поступковъ, могутъ надѣяться счастія, возможнаго въ здѣшнемъ мірѣ, и спокойной смерти. Но нельзя знать, что именно встрѣтится намъ въ жизни, какія пріятныя или непріятныя приключенія, радости или горести, въ какихъ мѣстахъ и съ какими людьми мы должны будемъ жить и обращаться. Случалось ли вамъ, сударыня, въ полноводіе кататься по Сурѣ на лодкѣ? Если вы имѣли искуснаго кормчаго, сильныхъ гребцовъ, то и въ бурю, куда бы васъ ни носило волнами, вы наконецъ благополучно достигали пристани. Когда же незнающіе люди или дѣти пускаются по водѣ, то вы вѣрно слыхали, что они часто погибаютъ. Такъ бываетъ и въ жизни.« —

Когда Даниловъ говорилъ, Анна Матвѣевна устремила на него черные, большіе глаза свои, и слушала съ великимъ вниманіемъ.

— «Я, кажется, слишкомъ зафилософствовался,« — сказалъ Даниловъ: «извините.... —

— «Такъ вы, Петръ Ивановичъ, не вѣрите ворожеямъ и колдуньямъ?« спросилъ Осиповъ; — «а со мною вотъ что случилось. Однажды, тогда я былъ еще Капраломъ, шли мы съ полкомъ не далеко отъ Кіева, и остановились обѣдать въ одной деревнѣ. Меня поставили на квартиру къ Хохлу. Онъ встрѣтилъ меня радушно, посадилъ за столъ и потчивалъ борщемъ и пирогами. Вдругъ вошла въ хату старуха, съ такимъ горбомъ на спинѣ, что ея плеча, шея и голова параллельны были съ поломъ: ну, настоящій крюкъ; лице ея походило на сморчекъ, носъ почти сросся съ бородою, и два зеленые загноившіеся глаза бѣгали туда и сюда. Хозяинъ мой переполошился, шепнулъ мнѣ на ухо: «Вѣдьма!« и бросился встрѣчать ее. Старуха, едва передвигая ноги, подошла прямо къ столу, оперлась на свою клюку, уставила на меня голову и глаза, и сказала: «Какой же нарядной солдатикъ! какой же молоденькой и пригоженькой!» «Въ сію минуту я почувствовалъ въ себѣ дрожь; меня начало бросать то въ ознобъ, то въ жаръ; я не могъ болѣе сидѣть за столомъ, вышелъ и легъ, да и пролежалъ три недѣли въ горячкѣ. Что вы объ этомъ скажете, Петръ Ивановичъ?

— «Всего вѣроятнѣе, Матвѣй Никитичъ, что горячка уже была въ тѣлѣ вашемъ; а появленіе такой уродливой старухи, можетъ быть, признайтесь, и страхъ, открыли болѣзнь вашу. Впрочемъ въ человѣкѣ и природѣ бываютъ такія явленія, которыхъ мы вовсе изъяснить не можемъ. Такъ самые праводушные и умные люди разсказываютъ о чудесныхъ лунатикахъ, о пророчественныхъ снахъ, о посѣщеніяхъ умершихъ. Какъ думать объ всемъ этомъ? Утверждать сомнѣваешься, а отвергать вовсе было бы еще безразсуднѣе: кто знаетъ всѣ силы натуры? Вы слышали о Месмерѣ.... —

— «Пожалуйте, разскажите объ немъ« — прервала Анна Матвѣевна: «моя мадамъ наговорила мнѣ столько чудеснаго объ немъ, что я не знаю, что и думать. Сказываютъ, будто бы онъ оживляетъ мертвыхъ, околдовываетъ землю и солнце. —

— «Месмеръ, сударыня, родомъ Нѣмецъ, званіемъ лекарь. Онъ нашелъ въ книгахъ, что въ старыя времена извѣстна была въ человѣкѣ сила, о которой новѣйшіе ученые совсѣмъ забыли. Онъ сталъ испытывать эту силу, въ самомъ дѣлѣ открылъ ее, и назвалъ животнымъ магнетизмомъ. Сперва посредствомъ магнита, потомъ нѣкоторыми особенными движеніями рукъ, наконецъ одними взорами производилъ и производитъ онъ удивительное дѣйствіе на людей: они мало по малу засыпаютъ, и, въ семъ состояніи, отвѣчаютъ на разные его вопросы, предсказываютъ будущее, назначаютъ для самихъ себя и для другихъ лекарства, и многіе вылечиваются отъ болѣзней. Потомки наши, Матвѣй Никитичъ, узнаютъ болѣе, чѣмъ мы; и что нынѣ кажется чудеснымъ и непонятнымъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ естественно и ясно.» —

При сихъ словахъ вошла въ комнату Авдотья Сергѣевна съ важнымъ и таинственнымъ видомъ.

— «Маменька,« сказала Анна Матвѣевна: «Петръ Ивановичъ говорилъ такъ занимательно....

— «Не удивительно, душа моя; Петръ Ивановичъ человѣкъ ученый. —

— «Онъ разсказывалъ намъ,» продолжала Анна Матвѣевна, «о Месмерѣ. —

— «Ужъ вѣрно какой нибудь Франмасонъ! Ты слышала: кто войдетъ въ ихъ общество и потомъ оставитъ его, того портретъ они разстрѣливаютъ, и человѣкъ непремѣнно умираетъ....» — Тутъ она значительно взглянула на Данилова, и потомъ, обратясь къ мужу, продолжала: «Матвѣй Никитичъ, Варвара Ивановна пріѣзжала къ намъ за важнымъ дѣломъ.» —

Даниловъ всталъ, и началъ прощаться. Авдотья Сергѣевна разкланялась съ нимъ съ холодною учтивостію; Анна Матвѣевна покраснѣла; Осиповъ крѣпко пожалъ ему руку, и примолвилъ: «Посѣщайте насъ почаще.»

(*Окончаніе въ слѣд.* No).

КЪ МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Ясно небо; полдень Майской
Вѣетъ сердцу нѣгой райской;
Онъ угаснетъ, какъ любовь,
Коей призракъ мы ласкали;
Какъ твои, мои печали
Онъ польется съ неба вновь.

Ясно море; блещутъ волны;
У бреговъ рыбачьи челны
Легкой зыблются струёй.
Съ небосклона, какъ живыя
Горы, башни золотыя
Сходятъ къ влагѣ голубой.

Кто мнѣ крылья дастъ орлины,
Чтобъ чрезъ синія пучины
Перенесть тебя, мой другъ —
Въ ту страну, въ тотъ міръ воздушной,
Гдѣ не грустно, гдѣ не скучно,
Гдѣ давно живетъ твой духъ!

Пышенъ лѣсъ; изъ темной чащи
Заунывной флейты слаще
Льются пѣсни соловья.
Не изъ сихъ ли звуковъ милыхъ,
Нѣжныхъ, пламенныхъ, унылыхъ
Создана душа твоя?

Пышенъ садъ; подъ темной ивой
Тянется ручей лѣнивой;
По дорожкамъ бродитъ лѣнь.
Сильфа ль скрытаго дыханье,
Иль твоей любви лобзанье
Льетъ лиловая сирень?

Тайной области Царица,
Голосъ твой — Духовъ цѣвница,
Взоръ — услада бытія!
Часто грусть въ улыбкѣ зрится,
Перлъ души съ рѣсницъ катится: —
Мнѣ понятна грусть твоя!....

Солнце Божіе сіяетъ,
Небо сердцу посылаетъ

Вздохи Ангеловъ своихъ. —
Не о насъ они тоскуютъ!
Взглянь: ужъ тучи ихъ бунтуютъ;
Ужъ летятъ перуны ихъ!

В. Тепляковъ.

О РАЗНООБРАЗІИ И ЕДИНСТВѢ ВЕЩЕСТВА ВЪ ПРИРОДѢ.

При взглядѣ на такое множество въ природѣ тѣлъ столь разнообразныхъ, веществъ столь различныхъ по своимъ качествамъ, невольно раждается вопросъ о ихъ *происхожденіи*. Сей вопросъ такъ важенъ, что на него сводится вся сложная задача естествознанія, и вмѣстѣ онъ такъ простъ и естественъ, что занимаетъ умъ человѣка съ той поры, кажется, какъ только началъ онъ мыслить. Вотъ почему, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до нашего, находимъ гаданія о семъ предметѣ, видимъ различныя онаго рѣшенія.

Ученіе древнихъ состояло болѣе въ общихъ созерцаніяхъ. Одни стихіями міра почитали *огонь*, *воздухъ*, *воду* и *землю*; другіе всю природу производили изъ *одной начальной стихіи*.

Стихіи сіи въ послѣдствіи утратили прежнюю жизнь свою, и въ средніе схоластическіе вѣка составляютъ природу уже какъ мертвыя массы.

Наконецъ возникло ученіе Химіи, которая, проникая *анализомъ* своимъ во внутренній составъ тѣлъ, обогатила насъ такимъ множествомъ свѣдѣній важныхъ и полезныхъ. Съ тѣхъ поръ вообще стали относиться къ ней съ подобными вопросами, и она, по видимому, замыслила объ исключительномъ себѣ правѣ на изъясненіе оныхъ. Но что выводится собственно изъ ея безчисленныхъ опытовъ?

Слѣдующее. — Тѣла состоятъ изъ *простыхъ* веществъ, кои имѣютъ въ разной степени *сродство* или стремленіе соединяться въ разныхъ пропорціяхъ другъ съ другомъ. *Соединяясь* между собою, они образуютъ всѣ прочія *сложныя* вещества, при чемъ являются съ новыми качествами. Сихъ простыхъ веществъ около 50-ти (таковы золото, желѣзо и всѣ металлы въ чистомъ видѣ; таковы кислотворъ, водотворъ и проч.) Вещества сложныя можно *разлагать* (анализировать), и тогда опять получаются простыя вещества съ своими прежними качествами.

Изъ этого нѣкоторые выводятъ заключеніе, будто сіи простыя вещества неизмѣнны сами въ себѣ, и существуютъ отъ начала міра, подъ видомъ малѣйшихъ порошинокъ — цѣльныхъ, *недѣлимыхъ*, несокрушимыхъ, и потому называемыхъ *атомами*. Сіи разнообразные атомы мѣшаются между собою, сцѣпляются другъ съ другомъ, переходятъ отъ однихъ къ другимъ, и такимъ образомъ составляется и происходитъ все разнообразіе веществъ, тѣлъ и явленій въ природѣ.

Но здѣсь можно замѣтить: развѣ въ самомъ дѣлѣ сіи простыя вещества не могутъ образоваться одни изъ другихъ? Искренній отвѣтъ опровергаетъ сіе ученіе! — Притомъ, какъ принимать сіи вещества за первоначальныя (элементарныя), потому только, что Химія не успѣла еще разложить ихъ; а она и сама не скажетъ, чтобы силу своего анализа довела *до нельзя*. — Да и самое сродство ихъ, что оно объясняетъ? и не есть ли это злоупотребленіе слова, коего настоящее значеніе говоритъ болѣе вопреки имъ, чѣмъ въ защиту?

Впрочемъ, не должно въ семъ винить Химію: не правы тѣ, кои изъ ея показаній выводятъ не надлежащія слѣдствія. Обвините ли вы простаго ремесленника, когда онъ, призванный вами на совѣтъ о важнѣйшемъ дѣлѣ Государственномъ, заговоритъ *по-своему*! А настоящая Химія въ царствѣ Наукъ, собственно есть трудящаяся ремесленница, доставляющая первоначальныя и полезныя свѣдѣнія для другихъ наукъ. Умѣйте пользоваться ея показаніями, безъ которыхъ нельзя обойтись и коихъ не узнаете съ высоты созерцанія; цѣните ея труды и достоинство; но не возлагайте на нее выше силъ ея, не превышайте мѣры требованій своихъ, пока пребываетъ она только въ сферѣ чистаго опыта, пока дѣйствуетъ она только въ лабораторіи своей, умерщвляя и разрушая живую природу.

И есть многіе ученые, кои допускаютъ, что оныя *простыя* вещества суть не *стихійныя*, но только *не разложенныя*, не *первоначальныя*, но *производныя* изъ другихъ. Начальными веществами одни принимаютъ *кислотворъ*, *водотворъ*, *углетворъ* и *азотъ* (селитротворъ); другіе же сводятъ всѣ вещества только на *кислотворъ и водотворъ*. Наконецъ есть еще многіе, кои все разнообразіе вещественной природы приводятъ къ одному *начальному веществу* и почитаютъ *видоизмѣненіями* онаго.

Вотъ изложеніе главнѣйшихъ мнѣній: теперь посмотримъ на тѣ явленія природы, кои должны навести насъ на путь къ истинѣ.

Возьмемъ въ примѣръ *воду*. Она изъ обыкновеннаго своего *жидкаго* вида при холодѣ *твердѣетъ* и замерзаетъ въ ледъ, отъ теплоты превращается въ пары и становится *воздухообразною*; словомъ, она принимаетъ всѣ три *главныя* состоянія, въ коихъ бываетъ вещество. Впрочемъ здѣсь замѣчаемъ только перемѣны въ видѣ, болѣе или менѣе свойственныя и всякому веществу: *особенныя* качества воды остаются одни и тѣ же. Но всмотримся ближе въ явленія природы, и увидимъ, что вода (вмѣстѣ съ другими испареніями, восходящими въ атмосферу) дѣйствительно претворяется въ воздухъ (1); что воздухъ также, не только превращается въ пары, воду и ледъ, когда онъ въ высотахъ своихъ дымится грозовыми тучами, когда льется проливнымъ дождемъ и сыплется градомъ на землю; но превращается даже въ металлы! Такъ въ падающемъ снѣгѣ и дождѣ всегда есть желѣзо (2); нерѣдко шелъ градъ, зерна коего заключали въ себѣ правильные металлическіе кристаллы. Въ атмосферѣ нашей являются огненные шары, иногда весьма огромные, то съ змѣевиднымъ хвостомъ, то яркимъ сіяніемъ окруженные. Земныя кометы сіи иногда изчезаютъ, иногда же, при трескѣ и громѣ, разрушаются паденіемъ на землю *аэролитовъ* или воздушныхъ камней и желѣзныхъ глыбъ (3). Аэролиты имѣютъ нерѣдко правильную кристаллическую форму и состоятъ всего больше изъ желѣза и кремнистой земли, изъ тѣхъ именно веществъ, коихъ всего больше въ составѣ минеральнаго царства.

Такое дѣйствительное превращеніе вещества можно показать и въ глубинахъ моря, и въ нѣдрахъ земныхъ (4); но всего болѣе *очевиднымъ* и *невозразимымъ* оно становится для насъ, когда обращаемся къ природѣ органической. Посѣйте сѣмена разныхъ растеній въ одну чистую землю, въ сѣрный либо другой неразтворимый въ водѣ порошокъ; поливайте ихъ *одною* чистою водою. Сія вода и воздухъ атмосферный будутъ входить въ зерна, пробудятъ ихъ жизнь и помогутъ ей развиваться. Выростаютъ растенія, различныя по величинѣ, виду, свойствамъ. Что жь такое эти растенія? Неиное что, какъ тѣла, образованныя жизнію изъ воды и воздуха, ибо то вещество или почва, въ коей выросли они, осталось неизмѣннымъ и безъ всякой убыли. Обращаетесь къ Химикамъ, и они, пережигая сіи растенія, подвергая ихъ анализамъ, извлекутъ изъ нихъ вещества не только подобныя тѣмъ, кои находятся въ минеральномъ царствѣ, но многіе изъ *тѣхъ самыхъ* металловъ, кислотъ, щелочей, земель и возгараемыхъ. И всѣ сіи вещества, въ числѣ коихъ (nota bene) много и *простыхъ*, произведены *жизнію* и *горѣніемъ* предъ вашими глазами! Не ясно ли, что одно и то же вещество можетъ принимать различныя качества и виды, мѣняться изъ одного въ другой, и наконецъ, утверждаясь въ какомъ либо, пребывать въ онομъ болѣе или менѣе продолжительно? Не ясно ли, что *простыя* вещества могутъ вновь происходить изъ другихъ веществъ?

И если земли, соли, возгараемыя и металлы производятся жизнію растеній и горѣніемъ изъ *воды* и *воздуха*; если могутъ они, какъ видѣли выше, происходить и непосредственно изъ атмосферы, то и всѣ подобныя имъ вещества минеральныя, составляющія собою материкъ или твердую часть нашей планеты, также могли быть произведены изъ сихъ двухъ стихій. Но если такое множество веществъ можетъ происходить изъ двухъ, если при томъ и самая вода можетъ образоваться изъ воздуха, и въ него превращаться: то не слѣдуетъ ли заключить, что и эти двѣ стихіи имѣли своимъ началомъ одну *общую земную стихію*?

Ничего опредѣленнаго въ *частности* мы не можемъ знать о веществахъ другихъ планетъ; но по аналогіи должны *вообще* допустить, что они соотвѣтствуютъ нашимъ, и предположить, что каждая изъ планетъ должна была имѣть *свое общее вещество*, что наконецъ всѣ сіи *общія* вещества небесныхъ тѣлъ, къ нашей солнечной системѣ принадлежащихъ, должны имѣть *одну, имъ всѣмъ общую стихію*. Но какъ и всѣ солнечныя системы во вселенной подчинены однимъ и тѣмъ же *основнымъ* законамъ; то изъ сего наконецъ выходитъ совершенная необходимость разума полагать и вѣрить, что *вся природа произошла и происходитъ изъ единаго всеобщаго вещества* (5). И это совершенно согласно съ значеніемъ живой природы, съ ея всегдашнею производимостію, съ постояннымъ изхожденіемъ разнообразія изъ единства и возвращеніемъ къ оному. Положеніе сіе есть чистая истина и независимо отъ другихъ; другія положенія имѣютъ достоинство и значительность только по отношенію къ нему, поколику съ нимъ сходствуютъ и сообразуются, и изъ него протекаютъ; и потому предположеніе только атомистической *поліархіи* въ натурѣ изключается, какъ совершенное противорѣчіе.

Можетъ быть иные противники, сіе ученіе, по нѣкоторому сходству онаго съ стихійнымъ ученіемъ древности, назовутъ мечтою младенчествующаго ума. Правда, эта мечта открыта умомъ, когда онъ близокъ еще былъ къ натурѣ, а предчувствія истины къ уму; но мечта сія оправдана, объяснена и утверждена умомъ, возмужавшимъ въ опытѣ и наукѣ, и содѣлалась истиною. Если и теперь еще называть это мечтою младенчествующаго ума, то противное ученіе должно называть ребячествомъ ума взрослаго, который на природу смотритъ, какъ въ калейдоскопъ, гдѣ все разнообразіе фигуръ происходитъ отъ различнаго соединенія граненыхъ, разноцвѣтныхъ кусочковъ стекла — этихъ твердыхъ и цѣльныхъ атомовъ.

М. Максимовичъ.

Примѣчанія.

(1). Мнѣніе сіе давно уже принято многими учеными, даже Химиками. Въ подкрѣпленіе сего и другихъ, въ этой статьѣ упоминаемыхъ положеній относительно воздуха, мнѣ позволено будетъ сослаться на собственную статью: *О постоянномъ стремленіи воздуха, сохранять свой видъ и востановлять равновѣсіе свое, безпрерывно нарушаемое многоразличными дѣйствіями на земномъ шарѣ.* (Нов. Магаз. 1826, No 5).

(2) По опытамъ *Циммермана* (Указ. Откр. 1826, No 1.)

(3) Сію теорію образованія аэролитовъ, которой слѣдуютъ Руландъ и другіе, почитаемъ мы самою вѣроятною и основательною.

(4) Сколь ни естественны и ни ясны подобныя показанія, но ихъ встрѣчаютъ множествомъ возраженій со стороны существующихъ уже атомистическихъ, односторонних теорій. Потому въ доказательство возможности дѣйствительнаго произхожденія *многихъ простыхъ* веществъ изъ другихъ *немногихъ*, Химико-атомистамъ предлагаются въ особенности опыты надъ растеніями, каковы напр. приведенный здѣсь извѣстный опытъ Шридера; опыты надъ разложеніемъ многихъ растительныхъ веществъ сначала *непережженыхъ*, а потомъ *пережженыхъ*. Пусть они сперва это объяснятъ по своей теоріи, *здѣсь* опровергнутъ возможность онаго превращенія: это ближе къ нимъ, къ ихъ лабораторіи! Тогда уже можно допустить ихъ къ возраженіямъ противъ возможности сего превращенія въ атмосферѣ, Океанахъ и нѣдрахъ земныхъ, кои побольше ихъ лабораторіи.

(5) Сіе всеобщее вещество, подъ разными именами, принимаютъ многіе изъ первокласныхъ ученыхъ, различнаго ученія: у Боннета, Лапласа, Эйлера и другихъ находимъ оное подъ именами вещества первозданнаго, всемірнаго, огня, всего же чаще подъ именемъ *эѳира*. — Почти всѣ Астрономы принимаютъ теперь оный, ибо безъ него нельзя объяснить ни произхожденія *кометъ*, ни замѣченнаго замедленія въ движеніи оныхъ. Новѣйшіе Физики Нѣмецкіе, Французскіе и — даже нѣкоторые изъ Англійскихъ, этихъ поклонниковъ безсмертнаго Нютона — принимаютъ оный для изъясненія *свѣта*. Какъ же упускать оный изъ виду (неговоря уже отрицать) въ другихъ наукахъ, при разсматриваніи природы вообще!!...

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Рѣчи и стихи, произнесенные въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюня 26 дня 1830 года. Съ приложеніемъ краткой годовой Исторіи онаго. — М. въ Университ. типогр. 1830. (161 стр. въ 4-ю д. л.)

Объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи. Рѣчь, говоренная Адъюнктомъ Михайломъ Максимовичемъ въ Университетскомъ Собраніи 1830 г. 12 Января. -- М. въ Университ. типогр., 1830. (19 стр. въ 8-ю д. л.)

Рѣчи сіи относятся къ тому случаю, въ которомъ вся Россія должна принять участіе, какъ въ народномъ своемъ праздникѣ. Московскому Университету — сему *первому въ Россіи высшему училищу*, сему старшему водворителю и разсаднику просвѣщенія въ отечествѣ изъ его средоточія—12-го Января сего года совершилось 75 лѣтъ. Университетъ праздновалъ сей день своимъ собраніемъ и рѣчами, къ числу коихъ принадлежитъ напечатанная рѣчь Г. Адъюнкта М. А. Максимовича, въ которой показаны заслуги Университета.

Торжественное празднованіе 75-ти лѣтняго Университетскаго Юбилея произходило 26-го Іюня сего года, при многочисленномъ собраніи жителей Москвы. Здѣсь произнесены слѣдующія рѣчи: 1) *О вліяніи правовѣдцевъ на усовершенствованіе Римскиго Законодательства*, — заслуженнымъ Профессоромъ Г. Цвѣтаевымъ, который за 25 лѣтъ предъ симъ, говорилъ также рѣчь на праздновании полувѣковаго Юбилея, ознаменованнаго новымъ *Уставомъ Университета*. 2) Латинская рѣчь Г. Профессора Снѣгирева: De origine, statu et incrementis Cæsareæ Universitatis Mosquensis, sub auspiciis Augustissimæ Imperatricis Elisabethæ I, conditæ, inde ab anno 1754 ad 1762. Въ сей рѣчи представлена Исторія Университета отъ начала его въ продолженіе 7 лѣтъ. 3) *О назначеніи Университетовъ вообще, и въ особенности Рускихъ* — Адъюнктомъ Всеобщей и Россійской Исторіи Г. Погодинымъ. 4) Г. Профессоръ Мерзляковъ произнесъ свое стихотвореніе: *Юбилей*. 5) Наконецъ Секретарь Совѣта, Г. Профессоръ Щепкинъ, прочелъ составленную имъ *Годовую Исторію Университета* (съ 26 Іюня 1829 по 26 Іюня 1830 г.) — Изъ сей послѣдней, помѣщается въ этомъ No Лит. Газеты выписка о числѣ слушателей въ Университетѣ и его Округѣ.

Читая сіи рѣчи и вспоминая всѣ заслуги Московскаго Университета, каждый Рускій конечно исполнится признательныхъ къ нему чувствъ и пожелаетъ вмѣстѣ съ Ораторами, чтобы совершились всѣ лучшія *его* и *на него* надежды; чтобы онъ имѣлъ все, могущее вести его къ *своему назначенію*, столь важному для него и для отечества.

Селамъ или языкъ цвѣтовъ. — С. П. б. въ тип. Департ. Народ. Просвѣщенія. 1830. (132 стран. въ 16-ю д. л.)

Селамомъ называется изобрѣтенный на Востокѣ способъ разговаривать цвѣтами. Подъ симъ заглавіемъ Г-нъ Ознобишинъ напечаталъ стихотворную повѣсть, въ которой два разлученные любовника пересылаются цвѣтами, имѣющими условныя значенія. Въ концѣ повѣсти помѣщенъ и словарь сихъ благовонныхъ выраженій сердечныхъ думъ, надеждъ и желаній. Молодой Поэтъ оканчиваетъ свое стихотвореніе слѣдующимъ эпилогомъ

Вотъ неподдѣльный вамъ разсказъ,
Что родило Селамъ восточной; —

Изъ древней хартіи нарочно
Его я выписалъ для васъ.
Какъ сладостны цвѣты Востока
Невыразимою красой!
Но для поклонницы Пророка
Пріятнѣй ихъ языкъ нѣмой!...
У насъ гаремы неизвѣстны;
Нашъ Сѣверъ холоденъ! Для дамъ
Селамы будутъ безполезны:
Онѣ такъ преданы мужьямъ.
Но вы, чьи очи голубыя
Такъ робко въ низъ опущены,
Для васъ, дѣвицы молодыя,
Блестятъ въ поляхъ цвѣты весны!
Отъ строгой маменьки украдкой,
Отъ прозорливыхъ няни глазъ,
Селамъ свивайте, *въ нѣгѣ сладкой*:
Любовь легко научитъ васъ.

Дѣвицы наши не воспользуются этимъ совѣтомъ по двумъ важнымъ причинамъ. Во первыхъ потому, что у насъ няни не имѣютъ уже вліянія на взрослыхъ дѣвицъ, а маменьки не запираютъ дочерей и не мѣшаютъ имъ выбирать по сердцу вѣрнаго спутника жизни; во вторыхъ же, Флора въ нашихъ поляхъ такъ скупа, такъ однообразна, что некогда и почти не изъ чего у насъ свивать Селамъ. Но просвѣщенныя Рускія дамы поблагодарятъ Г-на Ознобишина за нѣсколько счастливыхъ стиховъ, за любопытный словарь, составленный несчастною половиною ихъ пола, и за красивое изданіе его книжки, которую пріятно увидѣть на ихъ туалетѣ.

СМѢСЬ.

Выписка изъ годовой Исторіи Московскаго Университета. — Въ семъ году, въ Университетѣ было Студентовъ 660, да продолжающихъ науки: Кандидатовъ 18 и Лекарей 38; а именно:

По отдѣленіямъ:	Кандидатовъ:	Студентовъ:
1.) Нравственно-политическому	5	222
2) Физико-Математическому	6	37
3.) Словесному	7	153
4.) Врачебному (Лекарей)	38	248

Изъ окончившихъ Университетскій курсъ Студентовъ и державшихъ въ нынѣшнемъ году экзаменъ, произведены.

По отдѣленіямъ:	Въ Кандидаты:	В дѣйс. Студен:
1.) Нравственно-Политич.	11	44
2.) Физико-Математич.	8	3
3.) Словесному	7	17
	26	64
4.) Врачебному (въ Лекари)		39

Сверхъ того въ семъ году утверждены, по прежнимъ экзаменамъ, *Словеснаго* отдѣленія: 1 Докторъ и 1 Магистръ; *Врачебнаго*: 6 Докторовъ и 1 Мидико-Хирургъ.

Въ *одиннадцати* Губерніяхъ Московскаго Учебнаго Округа (кромѣ *Университета*, Университетскаго *Благороднаго Пансіона* и *Демидовскаго высшихъ наукъ Училища* въ Ярославлѣ, поступившаго вновь, по Уставу своему, въ зависимость Московскаго Университета), всѣхъ Училищъ и въ нихъ учениковъ находилось въ семъ учебномъ году слѣдующее число:

Губернскихъ Гимназій	11 въ нихъ учен.	1,089
Уѣздныхъ Училищъ	94	7,506
Прих. и началь. Учил.	134	4,945
Частн. Панс. и школъ	54	362 м. п. 632 ж. п.
Всѣхъ Училищъ	293	14,534

Такимъ образомъ, въ семъ году число учениковъ было около 1,300 болѣе прошлогодняго; Училищъ открыто 8 приходскихъ и 3 частныхъ пансіона. Всѣхъ учителей было 827 (т. е., полагая среднимъ числомъ, по одному на 18 учениковъ).

Губерніи Московскаго Учебнаго Округа, по числу оныхъ учениковъ, слѣдуютъ въ таковомъ порядкѣ:

1. Московская	2,921
2. Рязанская	1,395
3. Тульская	1,389
4. Владимірская	1,373
5. Орловская	1,371
6. Воронежская	1,200
7. Тверская	1,187
8. Новгородская	1,047
9. Тамбовская	1,009
10. Ярославская	1,008
11 Костромская	634
	14,534

Если къ сему присовокупить: 79 человѣкъ обучавшихся въ Демидовскомъ Училищѣ, 272 воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона и 660 Студентовъ Университета; то выходитъ, что во всѣхъ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа въ семъ году воспитывалось 15,545 человѣкъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 9-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ II, № 40. ІЮЛЯ 15го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Субботу), — 10-го (въ Четвертокъ), — 15-го (во Вторникъ), — 20-го (въ Воскресенье), — 25-го (въ Пятницу) и 30-го (въ Среду).

ЖИЗНЬ
ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДАНИЛОВА.

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА III.

Когда Осиповы остались одни, Авдотья Сергѣевна сѣла за столъ, въ передній уголъ, посадила мужа по лѣвую, а дочь по правую свою руку, приняла важный видъ, и сказала: «Отгадаешь ли, Матвѣй Никитичъ, зачѣмъ пріѣзжала къ намъ Варвара Ивановна?

— «Ты знаешь, Авдотья Сергѣевна, что я не люблю долго ломать голову, особенно надъ вашими тайнами: я уже знаю, какъ онѣ важны. Вѣрно какія нибудь городскія сплетни. —

— «Если бы ты побольше думалъ и проникалъ въ мои намѣренія, то дѣла наши были бы въ лучшемъ состояніи. Но у тебя премудреныя идеи! Покрайней мѣрѣ теперь ты не станешь мнѣ противорѣчить. Аннушкѣ исполнилось уже двадцать лѣтъ. Пора думать о ея замужствѣ. Мы не можемъ дать ей приданаго: имѣніе наше невелико, да и то разстроено.

— «А кто виноватъ въ томъ, матушка?« прервалъ Осиповъ. «Кто заставлялъ насъ тянуться за богатыми и знатными? —

— «Прошу не перерывать меня!« продолжала Адотья Сергѣевна. «Если бы ты побольше думалъ и меня слушался, то бы мы не разорились.

— «Тогда бы не имѣли мы и нынѣшняго куска хлѣба,« сказалъ сквозь зубы Осиповъ.

— «Женихи нынѣ стали очень разборчивы. Всѣ ищутъ невѣстъ богатыхъ и знатныхъ. Правда, родъ нашъ не послѣдній, особенно мой.« — Тутъ Авдотья Сергѣевна поправила на себѣ чепецъ, вытянулась выше на четверть аршина, и продолжала: «Ты знаешь, что я урожденная Княжна Беркутова. Предки мои были Царями и вышли изъ Золотой Орды. Ахъ, если бы я не сдѣлала глупости! теперь кусай локти, да не достанешь.« — При сихъ словахъ Авдотья Сергѣевна опять опустилась, умолкла, и смотрѣла на мужа съ такимъ видомъ, котораго описать невозможно и въ которомъ изображались гордость, воспоминаніе многолѣтнихъ семейственныхъ неудовольствій и раскаяніе. — «Варвара Ивановна сказала мнѣ,« продолжала она, «что къ Анютѣ сватаются два жениха: оба достаточные и столповые дворяне. Одинъ нашъ Мокшанской Предводитель, Лука Андреевичъ Удаловъ.

— «Въ самомъ дѣлѣ, матушка? Кто другой?« — вскричалъ Осиповъ.

— «Что за удивленіе? Другой Панфомиръ Сидоровичъ Соловьевъ, также Предводитель, да только Саранской.

— Ну, Аннушка, трудно тебѣ выбирать,« сказалъ Осиповъ. «Первый карточной игрокъ, буянъ и разпутный; другой почти сумасшедшій, влюбляется во всякую дѣвушку, вздыхаетъ, плачетъ... —

— «Какое до того дѣло?« — вскричала Осипова. «У Соловьева пять сотъ, а Удаловъ имѣетъ тысячу душъ. О первомъ я сама не хочу говорить много; но другаго никакъ упускать не надобно.

— «По моему,« сказалъ Осиповъ, «такъ они оба никуда не годятся.

— «Какъ ты скученъ! Удаловъ никуда не годится? Столповой дворянинъ съ тысячью душами! Какая дѣвушка не пойдетъ за него съ радостью?

— «Пусть хоть всѣ онѣ выйдутъ за него одного; только бы не моя Анна. Нѣтъ, я хотѣлъ бы ее видѣть за другимъ мужемъ. Вотъ, если бы Даниловъ къ ней посватался... —

— «Даниловъ!« — закричала, поблѣднѣвши, Авдотья Сергѣевна. «Этотъ нищій, этотъ книжникъ, этотъ Франмасонъ.... Нѣтъ, нѣтъ! тому не быть.

— «Не быть ей и за Удаловымъ!« — При сихъ словахъ лице Осипова запылало, голова, букли и коса затряслися.

Авдотья Сергѣевна вскочила изъ-за стола, начала бѣгать по комнатѣ, ломать свои руки, плакать и рваться; она вопила и повторяла: «О я несчастная!

несчастная!« Наконецъ, она грянулась на полъ. Анна Матвѣевна схватила Гофмановы капли, натирала ими виски своей матери, приставляла сткляночку къ ея носу. Лице Авдотьи Сергѣевны искажалось, ротъ пѣнился, въ груди ея раздавалось глухое, страшное хрипѣніе. Матвѣй Никитичъ, поджавши руки, стоялъ въ горести. Такъ прошелъ почти цѣлый часъ.

Когда Авдотья Сергѣевна стала дышать свободнѣе и успокоиваться, Осиповъ спросилъ дочь: «Скажи мнѣ, Аннушка, котораго изъ жениховъ сама бы ты выбрала?«

Анна Матвѣевна вспыхнула, потупила глаза и молчала.

«Скажи, другъ мой,« продолжалъ Осиповъ, «ты сама уже можешь разсуждать.

— «Какъ вамъ угодно, папенька,« отвѣчала Анна Матвѣевна, не поднимая глазъ.

Вдругъ вскочила Авдотья Сергѣевна, и вскликнула: «Не какъ ему, а какъ мнѣ угодно. Удаловъ будетъ твой женихъ и мужъ!

— «Для чего ты такъ сердишься, и мучишь себя и меня, Авдотья Сергѣевна?« спросилъ Осиповъ. «Лучше поговоримъ спокойно и разсудимъ. Послушай.... —

— «Ничего не хочу слушать. О я несчастная! несчастная!

— «Успокойтесь, маменька, ради Бога успокойтесь!« сказала Анна Матвѣевна.

— «Одна ты моя надежда, Аннушка; ты послушаешься и утѣшишь меня.« — При сихъ словахъ Авдотья Сергѣевна обнимала и цѣловала дочь свою. — «Ты сдѣлаешься богатою барыней; у тебя будетъ пышный домъ, множество слугъ; станешь наряжаться всегда по послѣдней модѣ, ѣздить по гостямъ и къ себѣ принимать гостей, не стыдяся; ты будешь помогать и мнѣ, или, еще лучше, мы вмѣстѣ станемъ управлять и пользоваться имѣніемъ твоего мужа. Онъ развратный, изволитъ говорить твой батюшка: намъ какое отъ того горе?

— «Успокойтесь, маменька; еще неизвѣстно, чѣмъ все кончится. —

— «Завтра же, завтра же,« продолжала Авдотья Сергѣевна, «поѣду къ ворожеѣ, которую такъ разхвалила другъ мой Варвара Ивановна; она понапрасну хвалить не будетъ. Загадаю: выйдешь ли ты замужъ за Удалова? будешь ли съ нимъ счастлива? Теперь пойдемъ, моя радость, въ нашу комнату: я еще много хочу резонировать съ тобою.«

Анна Матвѣевна подошла къ отцу, взяла его руку, поцѣловала, и пожелала ему покойной ночи; онъ обнялъ ее крѣпко и съ тяжкимъ вздохомъ. Осиповъ остался одинъ. Долго ходилъ онъ по комнатѣ большими шагами, разговаривалъ самъ съ собою, пожималъ плечами, размахивалъ руками и взглядывалъ съ умиленіемъ на образа. Потомъ взялъ Кіевскія Святцы, помолился, и закричалъ: «Яшка!«

Яшка вошелъ. Его куртка и нижнее платье были сшиты изъ тысячи суконныхъ лоскутьевъ, бѣлыхъ, желтыхъ, синихъ, зеленыхъ, словомъ: всѣхъ цвѣтовъ; на головѣ у него былъ красный колпакъ съ колокольчиками; всѣ черты лица его изображали олицетворенную глупость, но изъ глазъ, которые смотрѣли въ разныя стороны, — свѣтились лукавство, дерзость и безнравственность.

— «Постели мнѣ постель,« сказалъ Осиповъ.

— «Что, братъ, усталъ?« спросилъ Яшка. «Да какъ и не устать? Когда взбѣсится моя Фетинья, тогда я, поумнѣе тебя, я принимаюсь за палку. Поучись у меня.

— «Въ самомъ дѣлѣ это средство невсегда худо,« подумалъ Осиповъ, и отвѣчалъ: «Нынѣ, дуракъ, это не въ модѣ.«

— «Не въ модѣ? Такъ жены будутъ скоро бить мужей. И подѣломъ имъ! Отецъ мой имѣлъ такой же знатной чинъ и такой же великой умъ, какъ я; онъ всегда твердилъ: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. А мнѣ видно придется говорить: у мужиковъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Смотри, какіе у тебя рога на головѣ и какой долгой хвостъ! —

— «Постели мнѣ постель.«

Шутъ вышелъ вонъ и чрезъ минуту опять возвратился, кряхтя и таща тяжелую скамейку; приставилъ ее къ лавкѣ; принесъ перину, подушки, простыню и волчье одѣяло, и приготовилъ постель. Осиповъ раздѣлся, надѣлъ на голову колпакъ, и легъ.

— «Что жь ты не приготовилъ мнѣ постели?« спросилъ Яшка. «Я тебѣ служу, а ты мнѣ нѣтъ: чѣмъ ты лучше меня? —

— «Тѣмъ, что у меня на головѣ колпакъ изъ козьяго пуху, а у тебя изъ суконныхъ лоскутковъ и съ колокольчиками.

— «А, понимаю! —

— «Такъ садись же, и сказывай сказку.

— «Я ужь много тебѣ сказывалъ сказокъ, да ты не сдѣлался умнѣе. Слова мои какъ къ стѣнѣ горохъ.... —

— «Сказывай же, да богатырскую.«

Шутъ усѣлся у ногъ своего барина, и началъ:

«Во стольномъ градѣ Кіевѣ, въ зеленомъ саду развѣсистомъ, плещетъ и журчитъ ручей по желту песку и пестрымъ камешкамъ. Его берега изукрашены и муравой и цвѣточками. На нихъ лежитъ и покоится сладкимъ сномъ молодая Княжна Марѳа Всеславьевна. Она краше всѣхъ цвѣтовъ: мать-земля многоплодная и отецъ красно солнце ею любуются.

«Вдругъ Змѣй Горынычъ обвивается вокругъ стана ея стройнаго, какъ бы поясъ золотой съ изумрудами; его лазоревая головка приклоняется къ лебединой груди Марѳы Всеславьевны. То былъ волхвъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ. Княжнѣ снилося, что она въ объятіяхъ друга милаго.

«Чрезъ девять мѣсяцевъ она сына родила, Волха Всеславьевича, богатыря могучаго: подрожала черна земля, сине море всколебалося, рыба ушла въ глубину, птицы взвились подъ небеса, туры и олени за горы скрылися, зайцы и лисицы по рощицамъ, вепри и медвѣди по чащицамъ.

«Волхъ Всеславьевичъ возговорилъ зычнымъ голосомъ:
«Сударыня-матушка! не пеленай меня въ паволоки
«узорчаты, не свивай меня поясами шелковыми, не на-
«дѣвай на мою голову шапочки бобровыя: наряжай меня,
«матушка! въ доспѣхи булатные, въ золотой шеломъ;
«дай мнѣ въ руки стальную палицу, тяжелую въ три-
«ста пудъ.»

«У славныхъ вѣдьмъ Кіевскихъ изучился Волхъ всѣмъ премудростямъ. Онъ обертывается яснымъ соколомъ, и летаетъ по поднебесью; онъ обертывается мечемъ-рыбою, и плаваетъ по рѣкамъ и по морямъ; онъ обертывается львомъ съ золотою гривою, и рыскаетъ по дремучимъ лѣсамъ, по песчанымъ степямъ.

«Сбираетъ Волхъ дружину храбрую въ семь тысячей: на нихъ доспѣхи чиста серебра, за плечами луки разрывчаты и колчаны со стрѣлами калеными; при бедрахъ ихъ сабли острыя, длиною въ сажень, шириною осьми вершковъ; кони подъ ними какъ звѣри лютые. Они ѣздятъ стремя о стремя, плечо о плечо, и служатъ вѣрою и правдою ласковому Князю Владиміру.

«Молва великая прошла до стольнаго града Кіева, что Индійской Царь снаряжается и похваляется:
«Возьму на щитъ Кіевъ градъ, полоню дѣвицъ и женъ
«молодыхъ, наругаюся надъ Княземъ Владиміромъ, пущу
«на дымъ церкви Христіанскія.»

«Волхъ Всеславьевичъ идетъ ко Князю Владиміру на широкой дворъ, вступаетъ во гридни свѣтлыя, и говоритъ таково слово: «Гой еси, Владиміръ Князь, солн-
«це наше красное! отпусти меня со дружиною на Царя
«Индійскаго: не увидитъ онъ земли Рускія.»

«Рѣчь богатырская была по сердцу Князю Владиміру. Онъ наливаетъ чару вина заморскаго, турей рогъ меду сладкаго, подноситъ Волху Всеславьевичу, и отвѣтъ держитъ: «Гой еси, Волхъ Всеславьевичъ! сослужи
«службу великую: уйми похвальбу Царя Индійскаго.»

«Изъ стольнаго града Кіева не сизой орелъ выпархивалъ, выѣзжаетъ богатырь Волхъ Всеславьевичъ; не ясны соколы вылетывали, выступаетъ дружина его храбрая. Они полемъ ѣдутъ, съ травой равны; они лѣсомъ ѣдутъ, съ лѣсомъ равны. Передъ ними нѣтъ ни грамотки, ни вѣсточки; позади ихъ ни слѣда, ни тропиночки.

«Дружина спитъ, Волхъ не спитъ: онъ обертывается сизымъ орломъ, и бьетъ гусей, лебедей и сѣрыхъ уточекъ. Дружина спитъ, Волхъ не спитъ: онъ обертывается львомъ съ золотою гривою, и бьетъ звѣри сахатые, вепрямъ и медвѣдямъ спуску нѣтъ. Онъ поитъ и кормитъ дружину храбрую питьемъ и яствами перемѣнными и сахарными.

«Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Ѣдутъ они недѣлю, другую и третію, на четвертую останавливаются. Передъ ними стоитъ сила несмѣтная, на сто верстъ во всѣ четыре стороны: мать сыра земля чуть не погнется, чуть не разступится. То сила Царя Индійскаго.

«У богатыря Волха Всеславьевича, у дружины его храбрыя разгаралися сердца молодецкія, могучи плеча разходилися. Напускаются они на силу басурманскую: куда сабельками махнутъ, тамъ ложатся улицами Мурзы и Улановья; куда коней повернутъ, тамъ частыми переулками. Носы, уши и головы, какъ изъ-подъ цѣповъ пыль, поднимаются и разлетаются.

«Кричитъ, реветъ Индійскій Царь: «Гой еси, Волхъ
«Всеславьевичъ! станемъ мы съ тобой боротися,
«поизвѣдаемъ богатырскихъ силъ,» и пускаетъ семь каленыхъ стрѣлъ. Стрѣлки летятъ, какъ пчелы жужжатъ, не могутъ пробить доспѣха богатырскаго Волха Всеславьевича, и назадъ отпрядываютъ.

«Вынимаетъ Волхъ Всеславьевичъ изъ колчана калену стрѣлу въ семь четвертей, накладываетъ на тугой лукъ разрывчатой, вытягиваетъ за ухо тетиву шелковую; взвыла тетива, понеслася стрѣла, угодила въ глазъ Царю Индійскому. Онъ рветъ на себѣ кудри черныя, и мечется съ саблей острою на Волха Всеславьевича.

«Не дрожитъ сердце богатырское. Волхъ Всеславьевичъ машетъ палицей тяжелою, и сабля Царя Индійскаго разлетается въ мѣлкія дребезги. Тутъ хватаетъ Волхъ Всеславьевичъ во бѣлы руки Царя Индійскаго, и бросаетъ его выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго. Не взвидѣлъ Индійскій Царь ни свѣта бѣлаго, ни матушки сырой земли. Онъ назадъ летитъ и падаетъ: его тѣло разпадается, буйная голова прочь катится.

«Все Индійское Царство преклоняется; Волхъ Всеславьевичъ тамъ Царемъ насѣлъ. Онъ женился на молодой вдовѣ Царя Индійскаго: молоды вдовы скоро утѣшаются. Онъ сажалъ свою дружину храбрую за столы дубовые, за скатерти браныя; подавалъ яства сахарныя, вина заморскія; одѣлялъ дружину златомъ, серебромъ и каменьями самоцвѣтными. — То старина, то дѣянье, веселымъ молодцамъ на потѣшенье.»

Осиповъ уже храпѣлъ; самъ шутъ дремалъ и качался, ротъ его зѣвалъ, языкъ едва ворочался. Наконецъ онъ упалъ головою къ ногамъ барина, и въ ту же минуту началъ ему подлаживать.

КЪ ЗЕЛЬМИРѢ.

Надъ Касталійскою струёй
Тебя взлелѣяли Камены;
Скажи, о жрица Мельпомены,
Ты Гебы ль чашей золотой,
Иль чистой влагой Ипокрены
Сердечный прохлаждаешь зной?

Скажи, волшебникъ ли Орфей
Настроилъ голосъ твой чудесной?
Иль звукъ онъ музыки небесной?
Или Иранскій соловей
Тебѣ пѣвалъ въ тѣни древесной
О розѣ, прелести своей?

Когда твой гибельный кинжалъ
Грозилъ врагу бѣдой кровавой,
И на тебѣ старинной славой
Котурнъ трагическій сіялъ —
Эллады призракъ величавой
Въ тотъ мигъ душѣ моей мелькалъ!

Когда фантазіи огнёмъ
Твои ланиты загорались;
Власы по персямъ разсыпались,
И гармоническимъ ручьёмъ
Изъ сердца звуки выливались —
Мой духъ былъ въ мірѣ не земномъ!...

* * *

Одесса,
24 Іюня 1830 г.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья V.

7. О поэзіи Итальянской.

Приступая къ Итальянской Поэзіи, невольный страхъ на меня нападаетъ: такъ обширно поле, передо мною открывающееся. Конечно произведенія Грековъ еще превосходнѣе достоинствомъ, но за то ихъ меньше числомъ, ибо многія время поглотило; сверхъ того не зная языка, я долженъ былъ говорить о нихъ сжато, останавливаясь на тѣхъ только, коихъ очевидныя красоты не пропадаютъ ни въ самомъ плохомъ переводѣ; но съ Итальянской Словесностью я короче знакомъ, и обязанъ читателей познакомить короче. Часто придется мнѣ повторять сужденія знаменитаго Женгене, написавшаго одну изъ лучшихъ критическихъ книгъ, мнѣ извѣстныхъ; но къ сожалѣнію, умершаго прежде чѣмъ кончилъ ее, такъ что и съ пополненіями Г. Сальфи додѣлано только 16-е столѣтіе; иногда осмѣлюсь ему противорѣчить, не всегда упоминая о немъ, ибо книга его у всѣхъ любителей въ рукахъ и въ памяти.

Начальные опыты въ Сициліи, и даже съ большей отдѣлкой написанные стихи обоихъ Гвидовъ Флорентинскихъ, Гвитона Аретинскаго, и Чина Пистойскаго, не выше Провансихъ, и чуть ли не ниже позднѣйшихъ Арагонскихъ того же нарѣчія сочиненій; но вдругъ появляется Поэтъ чрезвычайный, созданіе чудесное, великій Данте, первый по времени и по достоинству.

Буде кто въ человѣкахъ заслуживаетъ имя творца, то паче всѣхъ онъ; собравъ все занятое имъ у другихъ, еще болѣе дивишься генію, съ какимъ онъ все сложилъ и своимъ дополнилъ, такъ что послѣ него нечего прибавить; другой геній, Микель-Анджело, только списалъ его картины, изображая Страшный Судъ на стѣнахъ Сикстовой церкви.

Бытіе послѣ смерти предметъ живѣйшихъ желаній, источникъ сильнѣйшихъ боязней для человѣковъ: диво ли, что почти всѣ Законодатели его проповѣдывали, почти всѣ Поэты говорили о немъ? Нѣкоторые, надежные въ силахъ, отважились даже воображеніемъ создать и представить. Первый извѣстный адъ встрѣчается въ *Одиссеѣ*. Мѣсто ему избралъ Гомеръ на краю моря, на хладномъ Сѣверѣ (*), въ жилищѣ всегдашней тьмы; тамъ вырываетъ Улиссъ глубокую яму, и зарѣзавъ жертвенныхъ овновъ, ждетъ на одномъ берегу тѣней, появляющихся на другомъ; ровъ остается между ними, тѣни жаждутъ крови, и вкусивъ ее, способны узнавать и бесѣдовать; кончивъ разговоръ, онѣ удаляются по полю и изчезаютъ въ отдаленіи и мракѣ; за Алксомъ, безмолвнымъ отъ гнѣва, желая его ублажить, туда же идетъ и Улиссъ; тамъ видитъ онъ Миноя, судящаго мертвыхъ, и далѣе бы достигъ; но столько столпилось кругомъ его чудовищъ и призраковъ страшныхъ, что онъ, оробѣвъ, содрогнулся отъ мысли, что Царица тьмы Персефона можетъ, выславъ ему на встрѣчу голову Горгоны, тутъ навсегда окаменить, опрометью бросился бѣжать, и возвратясь къ товарищамъ, назадъ отправился по морю. При всей краткости и простотѣ сего Ада не льзя не признать живости изображенія; это настоящій Адъ по поня-

---

(*) Географія *Одиссеи* темна, а толкователи ее еще затемнили, произвольно и даже безпутно назначая мѣста. Какимъ поводомъ Киркія, дочь Солнца, и Калипса, дочь Атланта, едва не сошлись гдѣ и то около Италіи? Какимъ чудомъ Феакійцы, вовсе не Греки, даже весьма отдаленные отъ Греціи, ибо сіи превосходные мореплаватели однажды только заѣзжали къ Эвбею, очутились въ островѣ Корфу подлѣ самой *Иѳаки*? Почему Скилла и Харивда въ Мессинѣ? отъ чего какъ-бы забыли пространное Черное море, опасные проливы, въ него ведущіе, восточную для Грековъ землю Мингрельскую и Сѣверное устье Дона, стѣснивъ все около Неаполя и Сициліи?

тію Древнихъ, мрачная обитель утратившихъ солнце великихъ женъ и мужей. Любопытствуешь вмѣстѣ съ Улиссомъ, и вмѣстѣ съ нимъ испугаешься, увѣрясь, что точно стремительное бѣгство единственный способъ спастись и выйти живому изъ среды сей тьмы, ужасовъ и непроницаемыхъ тайнъ.

Виргилій, по моему мнѣнію, далеко отсталъ: у него сходъ въ Адъ, уже подземный, въ Италіи; преданіе мѣстное можетъ служить ему оправданьемъ, но воображеніе съ трудомъ сближаетъ благословенную землю и жилище вѣчныхъ мукъ. Въ Адѣ самомъ Тартаръ и Елисейскія поля раздѣлены небольшимъ корридоромъ, туда на право, сюда на лѣво: такъ оно быть не можетъ. Анхизъ показываетъ Энею множество людей, не рожденныхъ еще, будущихъ: какъ понять ихъ существованіе? Наконецъ двѣ двери оттолѣ выводятъ на свѣтъ, Эней вышелъ въ одну, и дѣлу конецъ: не мудрено выйти изъ Ада такого. Говорятъ, что Виргилій списывалъ что показывали посвящаемымъ въ таинства: очень вѣрю; но то и дурно. Вмѣсто чудеснаго царства мертвыхъ, видимъ мы простой домъ съ разными придѣлками, потаенными ходами, западнями и представленіями, чтобъ людей напугать, и въ свое время нечаянно выпустить. Не знаю, страшно ли все это въ самомъ дѣлѣ, но въ расказѣ очень холодно и почти смѣшно.

Хотя Мильтонъ писалъ гораздо послѣ Данте, но, для сличенія, скажемъ здѣсь уже и объ его Адѣ. Онъ рѣшительно хуже всѣхъ; главнѣйшаго въ немъ совсѣмъ нѣтъ: людей, черти же, не смотря на огненные вихри и прочіе lieux communs, живутъ тамъ преспокойно, толкуютъ, спорятъ, поютъ, играютъ, занимаются каждый по своей склонности тѣмъ и другимъ. Это совершенное безуміе.

Данте опредѣлилъ мѣсто своего Ада съ такимъ же тщаніемъ и точностью, какъ Гомеръ. Во внутренности земнаго шара занимаетъ онъ огромный конусъ, внизъ обращенный и сходящійся въ точку въ самой серединѣ земли; конусъ сей уступами дѣлится на десять круговъ; въ каждомъ кругѣ казнены грѣшники по разрядамъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ тѣснѣе кругъ, тѣмъ меньше преступниковъ, тѣмъ жесточе казнь; на концѣ самъ Денница, чудовищный врагъ, сверженный низу съ небесъ, и далѣ не падшій, ибо тутъ предѣлъ тягости. За нимъ въ противную сторону должно уже идущему восходить, длинное подземелье выводитъ къ горѣ то же уступами возвышающейся; на ней чистилище, и каждый изъ семи ея круговъ назначенъ для омытія одного изъ семи грѣховъ смертныхъ; на верху горы Рай земной и Церковь Христова. Оттолѣ уже восхищеніемъ ввыспрь, подобно Апостолу, можетъ человѣкъ вознестись въ Рай Небесный, въ горнія свѣтила, жилища душъ святыхъ, разными подвигами блаженства вѣчнаго достигшихъ, и къ подножію Горняго Престола, гдѣ въ сонмѣ Безплотныхъ Силъ вѣчно царствуетъ Тріипостасный Богъ.

Въ изумленіе приходишь, взглядомъ окинувъ сей огромный чертежъ, углубясь въ сію необъятную поэму, и вспомнивъ, что творецъ не далъ ей инаго названія, какъ *комедія*, желая выразить, сколько она ниже Виргиліевой высокой трагедіи (*Энеиды*); дѣля вообще Поэзію на два разряда: трагическій и комическій, онъ не смѣлъ, говоря языкомъ простонароднымъ и о предметахъ не всегда благородныхъ, почитать себя Трагикомъ. Уже поклонники его, въ достойномъ къ нему уваженіи, прибавили къ названію *комедіи* прилагательное: divina (*божественная*). Теперь оно сдѣлалось нераздѣльнымъ, и безъ сомнѣнія по всей справедливости.

Для входа въ Адъ Поэтъ прибѣгнулъ къ аллегоріи, и здѣсь она точно у мѣста; она только могла склонить читателя къ таинственной, безотчетной вѣрѣ въ повѣствуемое сверхъ-естественное странствованіе живаго человѣка подъ землю и въ небеса; всякой другой вымыселъ, пробуждая сомнѣнія и повѣрки разсудка, показался бы холоденъ и лживъ.

На половинѣ жизненнаго пути Данте заблудился въ мрачномъ лѣсу; онъ видитъ предъ собой сіяющую гору добродѣтели, но страсти, въ видѣ лютыхъ звѣрей, заграждаютъ ему путь, и въ испугѣ онъ едва не палъ въ бездну пагубы, какъ для спасенія его является внезапно мертвый Виргилій, посланный къ нему на помощь по волѣ трехъ святыхъ небесныхъ женъ. Симъ прямымъ путемъ однажды заблудшійся взойти уже не можетъ: онъ долженъ итти въ другой, далекій и трудный, и познать таинства будущей жизни, осмотрѣвъ обитель мукъ безконечныхъ, и ту, гдѣ надѣясь со временемъ блаженства, очищаются грѣшныя души, и горнія селенія мира и восторговъ святыхъ.

Напрасно осуждали Данте за несоблюденіе приличій въ выборѣ путеводителемъ по Аду Христіанскому язычника Виргилія: мертвецъ уже не язычникъ, по смерти открылись ему дотолѣ безвѣстныя истины, и даже казнь его, какъ и всѣхъ подобныхъ ему достойныхъ мужей, истаго Бога незнавшихъ, томиться безнадежнымъ желаніемъ. Онъ же не самъ собою пришелъ: Милосердая Неба Царица сжалилась надъ гибнущимъ отъ слабости и невѣдѣнія, повелѣла спасти его святой женѣ Лучіи (*свѣтлости* Божеской), а сія передала приказъ ея *истой Божіей хвалѣ*, Ѳеологіи, прелестно олицетворенной въ видѣ умершей любимой Поэтомъ Беатриксы. Самой ей непристойно бы странствовать съ нимъ посреди казней жестокихъ; и кого же лучше могла она избрать вождемъ другу своему, какъ не мудраго Пѣвца, знающаго все, все изъяснить способнаго, и естественно расположеннаго любить своего единоземца, ученика и поклонника? Въ Раѣ земномъ, у преддверія небеснаго, исполнивъ обязанность свою, онъ изчезаетъ, и тутъ уже сама Беатрикса, заступивъ его мѣсто, возноситъ умудреннаго и духомъ очищеннаго Данте изъ одного свѣтила въ другое, до Самаго Божества; онъ сподобился увидѣть и проникнуть Его таинства, но не можетъ изрещи, и покоряя свой разумъ волѣ Неисповѣдимаго, умолкаетъ.

Какъ слѣдовать за Поэтомъ въ его чудесныхъ скитаніяхъ? какъ подробное дать о нихъ понятіе? Женгене посвятилъ сему труду почти триста страницъ, и всего не упомянулъ: такъ несчетно множество примѣчанія достойныхъ предметовъ. Не въ двухъ и не въ трехъ отрывкахъ, какъ многіе думали, заключается вся важность и красота Данте; напротивъ, у него рѣдкій стихъ даромъ проходитъ; предпочтительно останавливаясь на соземныхъ и почти современныхъ событіяхъ и лицахъ, онъ столько же драгоцѣненъ для Исторіи ихъ, какъ Гомеръ для героическихъ вѣковъ Эллады и Фригіи; онъ сжалъ ихъ въ разсказѣ своемъ иногда до темноты, часто намекнулъ только о вещахъ, въ его время всякому вѣдомыхъ, и многихъ его встрѣчь и картинъ въ сухомъ изложеніи короче его передать нельзя. Еще повторяю: двадцать и тридцать страницъ недостаточны для разсказа хода сей поэмы, и не удовлетворивъ любопытства, вмѣсто исполненнаго жизни тѣла, представятъ справедливо негодующимъ читателямъ оставъ безъ духа и плоти.

Извѣстно, какое множество толковниковъ, начиная съ Бокаччія, трудились надъ поэмою Данте; и въ самомъ дѣлѣ, что важнѣе ея, въ особенности для Итальянца? тутъ есть равно чѣмъ заняться и Историку и Богослову и Археологу и Литератору. Что же до красотъ собственно стихотворныхъ, то Альфіери затѣялъ было ихъ выписать для себя, и огромную тетрадь исчертивъ, отсталъ, побѣжденный неодолимымъ множествомъ, и увѣрясь, какъ говоритъ: что даже въ погрѣшностяхъ его больше научиться, нежели въ красотахъ Поэтовъ другихъ (подразумѣвая Итальянскихъ). О сихъ погрѣшностяхъ такъ много было насказано, что самые поклонники его, говоря вообще, въ нихъ соглашаются; я не вижу нужды въ такомъ снизхожденіи къ нелѣпымъ толкамъ Критиковъ, явно даже нечитавшихъ, какъ напримѣръ Вольтеръ; и сколько ни пересматривалъ *Божественную комедію* своими глазами, ихъ не видалъ.

Педанты долго укоряли Данте за то, въ чемъ онъ величайшаго удивленія достоинъ: за незнакомую имъ новость его плана и картинъ, за несходство съ образцами Гомера и Виргилія; но теперь уже прошла пора такихъ критикъ, и отвѣчать безполезно. Потомъ съ большимъ по виду основаніемъ, осуждали поэму за то, что первая часть всѣхъ лучше, вторая не такъ хороша, а третья совсѣмъ холодна. Если бы Поэтъ могъ начать Раемъ и кончить Адомъ, сія критика была бы основательна; но это дѣло невозможное, никто его и предложить не отважился: стало планъ безгрѣшенъ; подробности уже зависѣли не отъ Стихотворца, а отъ предметовъ, ему встрѣчающихся; ясно, что рай нашъ (его отнюдь не должно смѣшивать съ Элисіемъ Древнихъ) въ неизреченной своей свѣтлости и безмятежномъ блаженствѣ духовномъ, для насъ живыхъ, суетныхъ и пристрастныхъ людей земныхъ, кажется холоденъ; все здѣсь намъ близкое тамъ уже не существуетъ: не только нужды и скорби, но и чувства и желанія и страсти. Все умерло въ душахъ святыхъ; и Поэту, кромѣ нѣкоторыхъ величественныхъ зрѣлищъ, таинственныхъ аллегорій и назидательныхъ поученій Богословія, ничего не оставалось. Съ моей стороны я почти охуждаю, какъ отступленіе отъ общей мысли, прелестный эпизодъ съ предкомъ Поэта, убитымъ въ Крестовомъ походѣ, воиномъ Христовымъ Качіагвида. Блаженный мужъ, увѣнчанный пальмою страдальчества, могъ еще свыше болѣзновать о житіи трудномъ и горестномъ своего правнука, предсказать его жребій и совѣтами научать: но воспоминанія о простотѣ стараго вѣка во Флоренціи и сравненія оной съ новѣйшей роскошью и развратомъ, едва ли должны оставаться въ памяти и умѣ наслѣдившихъ Царство Небесное. Адъ и Чистилище на мои глаза равно хороши, и на каждомъ шагу изобилуютъ живописными изображеніями и любопытными бесѣдами. Безъ сомнѣнія иныя мѣста лучше другихъ: никогда не спускаться съ высоты однажды достигнутой, въ такой Поэмѣ не только трудно, но совсѣмъ не возможно, и я дивлюсь, что Женгене ставитъ въ виду Автору преимущество пятой пѣсни, гдѣ любовники, и въ томъ числѣ Франциска Риминійская, противъ слѣдующей шестой, гдѣ прожоры и нѣкто, знаменитый впрочемъ Флорентинскій гражданинъ, за сей порокъ прозванный боровомъ; по принятому однажды распредѣленію грѣховъ и мукъ каждый на своемъ мѣстѣ, и Авторъ правъ. О слогѣ судить прежде всѣхъ соотечественникамъ, но и тутъ мнѣ кажется судили съ неразумною строгостью; многія обветшалыя слова и обороты могутъ быть, вопреки нынѣшнему употребленію, весьма хороши; языкъ Данте чудесно благороденъ и всеобъемлющъ; на все высокое и низкое, страшное и нѣжное, находитъ онъ приличнѣйшее выраженіе, и тѣмъ несравненно разнообразенъ; а что для насъ Сѣверныхъ отмѣнно по вкусу, въ немъ нѣтъ еще той напѣвной, приторной роскоши звуковъ, которую сами Итальянцы напослѣдокъ въ своихъ стихахъ замѣтили, но желая исправить хотя въ трагедіяхъ, впали въ другую крайность: стали жестки и шероховаты. Слогъ же Данте истинно образецъ.

О превосходныхъ мѣстахъ Поэмы говорить похвалъ недостанетъ. Таковы: первое вступленіе въ Адъ, надпись на дверяхъ, отчаяніе грѣшниковъ и перевозъ ихъ черезъ рѣку въ ладьѣ бѣса Харона; благоговѣйная встрѣча съ древними Поэтами; съ Францискою и Павломъ въ Вихрѣ влюбленныхъ; съ Фаринатомъ Уберти и отцемъ стихотворца Гвида Кавальканти, лежащими за безвѣріе въ раскаленныхъ гробахъ; съ Уголиномъ и Рогеромъ въ мерзломъ озерѣ; въ чистилищѣ: съ Манфредомъ, далѣе съ отдыхающимъ трубадуромъ Сорделомъ, съ Угомъ Капетомъ, съ Латинскимъ Эпикомъ Стаціемъ, наконецъ съ Беатриксою въ Раѣ земномъ, и вышеупомянутая съ пращуромъ въ планетѣ Марса. Къ сожалѣнію, трудно незнающему Итальянскаго языка познакомиться съ сими изящными красотами: такъ онѣ обезображены въ переводахъ. Прозою перелагать Данте жалко; а стихами, тѣмъ паче соблюдая размѣръ и мудреное сплетеніе рифмъ подлинника, такая работа, за которую врядъ ли примется терпѣливо хоть одинъ изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ. Теперь по наслышкѣ и древнимъ на зло, много хвалятъ Данте, но мало читаютъ; а переводить, я уже сказалъ, не подъ силу.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

ОТРЫВОКЪ

Изъ Біографіи Ф. Визина.

(*Соч. Кн. П. А. Вяземскаго.*)

За первымъ переводомъ (*) слѣдовалъ скоро и другой: *Жизнь Сиѳа Царя Египетскаго.* Подлинникъ написанъ на Французскомъ языкѣ Аббатомъ Терассономъ, но Фонъ-Визинъ перевелъ его съ Нѣмецкаго перевода. Сей нравственный, или классически, правоучительный романъ (называемый въ подлинникѣ: Séthos) написанъ, вѣроятно, въ подражаніе Телемаку и пользовался въ свое время уваженіемъ. Въ особенности славилась въ семъ сочиненіи рѣчь главнаго Мемфійскаго жреца, произнесенная при погребеніи Царицы, матери Сиѳовой: въ сей рѣчи, подъ видомъ похвалы усопшей, ясно изложены правила чистой политической нравственности. По словамъ д'Аламберта, Платонъ присовѣтовалъ бы ихъ читать въ назиданіе Царямъ. Онъ же говоритъ, что Тацитъ не отказался бы отъ сей рѣчи. Французскіе Философы того вѣка любили, какъ смѣлыя новизны, истины впрочемъ весьма почтенныя, но которыя нынѣ показались бы или слишкомъ напряженными, или слишкомъ обыкновенными. Къ подтвержденію сего довольно упомянуть о всеобщемъ успѣхѣ Велизарія. Мы не можемъ въ наше время присвоить себѣ заднимъ числомъ благопріятныя предубѣжденія другаго вѣка: но все и въ нашъ было бы неблагодарно судить съ неумѣстною строгостью творенія, которыя первыя распространили владычество практической философіи и терпимости, отъ чертоговъ Царей до нижнихъ степеней общества. Нельзя не замѣтить, что сей родъ правоучительныхъ романовъ, довольно скучныхъ, не на зло нравственности будь сказано, былъ особенно во вкусѣ читателей нашихъ протекшаго столѣтія. Сверхъ переводовъ, имѣемъ мы и въ оригинальныхъ твореніяхъ той эпохи свидѣтельства сей нравственной наклонности умовъ нашихъ; покажемъ нѣсколько примѣровъ: *Арфаксадъ*, *Кадмъ и Гармонія*, *Полидоръ*. И въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ явленіяхъ нашей Словесности найдемъ мы, можетъ быть, слѣды сего поучительнаго направленія. Читатели наши не боятся скуки, и многіе изъ Рускихъ Авторовъ пользуются сею народною безбоязненностію. Комики, повѣствователи наши мало заботятся о занимательности, разнообразіи, живой веселости твореній своихъ: быть правоучительными достаточно для ихъ назидательнаго смиренномудрія. На примѣръ: *Иванъ Выжигинъ*, сей, по словамъ Автора его, нравственно-сатирическій романъ, не можетъ ли названъ быть полнымъ курсомъ исправительной полиціи? По прочтеніи оставляешь сей романъ, какъ смирительный домъ. «Какъ строго въ немъ наказаны игроки, взяточники и бездѣльники разнаго рода,» говорятъ себѣ добронравные читатели, и, ради нравственности и для примѣра, выдерживаютъ испытаніе романа, въ которомъ, можетъ быть, ни одной строки не принесено на жертву суетному остроумію. Можно бы замѣтить, что Авторъ, который по заглавію своего романа обязывается быть сатирическимъ и правоучительнымъ, уже самимъ обязательствомъ своимъ охлаждаетъ любопытство читателя; что онъ похожъ на говоруна, который, зачиная разсказъ, говоритъ: я вамъ разскажу уморительный анекдотъ, и самъ хохочетъ въ задатокъ, такъ что предисловіемъ и предварительнымъ хохотомъ оковываетъ онъ губы своихъ слушателей. Можно бы замѣтить, что ничего нѣтъ менѣе *комическаго*, романа комическаго, писаннаго Скаррономъ, и менѣе *историческаго*, историческихъ романовъ Гжи Жанлисъ; но объясненіе сихъ замѣчаній завлекло бы насъ въ разсужденія, постороннія предмету нашему. Мы хотѣли единственно, въ слѣдствіе принятаго нами правила, оглядываться кругомъ, и слѣдуя по дорогѣ предлежащей, указать мимоходомъ на отличительныя примѣты Литературы нашей. Рускій переводъ *Сиѳа* пользовался при самомъ появленіи своемъ честью, которой удостоились немногія Рускія книги и въ наше время. Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ: *Собраніе лучшихъ сочиненій* и проч. коего Редакторомъ въ 1762 году былъ Профессоръ Рейхель, есть весьма замѣчательное извѣстіе о семъ переводѣ. Не въ укоръ Журналистамъ новѣйшимъ будь сказано, мало найдется у нихъ критическихъ статей, столь Европейскихъ по изложенію, мысламъ и общимъ свѣдѣніямъ. Въ семъ извѣстіи, между похвалными отзывами о способностяхъ и заслугахъ молодаго Перевод-

---

(*) Переводъ басней Голберга.

чика, упоминается и о переведенныхъ имъ *Превращеніяхъ Овидіевыхъ*. Нѣтъ слѣдовъ къ повѣркѣ, что сдѣлалось съ симъ переводомъ; но Рейхель долженъ былъ знать о немъ достовѣрно, ибо Фонъ-Визинъ былъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ семъ періодическомъ изданіи, содержащемъ нѣсколько переводовъ его.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Театральный Альманахъ на 1830 годъ. С. П. б. въ тип. Плюшара 1830. (334 стран. въ 16-ю д. л.)

Нѣсколько лѣтъ сряду у насъ издаются драматическіе Альманахи, и все разными издателями. Кажется, каждый изъ нихъ, собравъ нѣсколько отрывковъ театральныхъ и напечатавъ оные, увѣряется, хотя немного и поздно, что еще рано намъ дѣлать такія предпріятія. Издатель нынѣшняго Альманаха самъ признается въ предисловіи, что у насъ нѣтъ еще ничего порядочнаго на сценѣ. Изъ чего же вздумалъ онъ составить свой Альманахъ и зачѣмъ его издалъ? — Мы бы не сказали ни слова и даже бы похвалили его книжку, если бы въ ней находилось двѣ-три маленькія, хотя посредственныя, но полные пьесы, годныя для представленія на домашнихъ театрахъ. Мы въ ней видѣли бы тогда цѣль и цѣль достигнутую. Но къ чему можетъ послужить сборъ отрывковъ изъ вялыхъ собственныхъ пьесъ и изъ плохихъ переводовъ? — Издатель въ предисловіи приписываетъ посредственность драматической Поэзіи Руской тому, что у насъ мало платятъ Авторамъ. Намъ кажется напротивъ! Если бъ у насъ совсѣмъ ничего не платили за пьесы и болѣе прислушивались къ голосу критики, то давно бы наши драматическія Музы сравнялись съ другими своими сестрами, далеко ихъ опередившими. Прекрати нынче Театральная Дирекція выдачу денегъ за пьесы, нынче же отхлынетъ отъ Рускаго театра многочисленная толпа, наводняющая нашу сцену вздоромъ, написаннымъ какимъ-то Татарскимъ языкомъ. Кто намъ докажетъ, чтобы Фонъ-Визинъ и Озеровъ (единственные въ Россіи люди, которымъ бы должно было платить по-Европейски), писали для театра изъ денегъ? Вотъ почему они такъ разнятся и чистотою языка и обдуманностію плана отъ прочихъ нашихъ драматическихъ Писателей! Взгляните же на театральныхъ подрядчиковъ Рускихъ, что они производятъ? Сыщетъ ли кто въ ихъ произведеніяхъ хотя одинъ живой, замѣчательный характеръ? Нѣтъ! Они объ характерахъ и не думаютъ; они шьютъ роли, какъ платье на такого-то актёра, на такихъ-то актрисъ. Захочется ли имъ посмотрѣть, каковы хорошенькія дебютантки въ мужскомъ платьѣ: вотъ Руская Публика каждый вечеръ ихъ и видитъ въ кургузыхъ фрачкахъ, въ круглыхъ шляпахъ и съ тоненькою тросточкой. Имѣетъ ли какая актриса привычку говорить осиплымъ, мужицкимъ голосомъ и размахивать кулаками, на подобіе торговокъ толкучаго рынка — и для нея готовы десять комедій и сотня водевилей, въ которыхъ главную роль играетъ провинціяльная, сердитая барыня, болѣе похожая на поломойку, неловко передразнивающую свою госпожу. Даже разговорный языкъ, кажется, принаровленъ къ образу выраженія нашихъ Артистовъ, ибо ни въ какомъ иномъ обществѣ не услышишь ничего похожаго на странное нарѣчіе нашихъ комедій. Водевильные же куплеты дошли у насъ до такой прозы, до такой легкой ничтожности, что лѣтъ черезъ пять, вѣроятно, ихъ будутъ сочинять театральные капельдинеры. Вотъ въ какомъ положеніи Руская драматургія! Посудите же, время ли теперь издавать драматическіе Альманахи, въ которыхъ должны быть помѣщаемы отрывки, заслуживающіе всеобщее вниманіе!

Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Изданіе книгопродавца Салаева. Части 3-я и 4-я. — М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1830 (въ *третьей* ч. 162, въ *четвертой* 128 стр. въ 8-ю д. л.)

Въ сихъ послѣднихъ томахъ заключаются: Чистосердечное признаніе Ф. Визина въ дѣлахъ своихъ и помышленіяхъ, Жизнь Гр. Никиты Ивановича Панина, Калисѳенъ, повѣсть, Комедія; Выборъ Гувернёра, разныя мѣлкія сочиненія Ф. Визина, въ томъ числѣ три его стихотворенія: Къ уму своему, Посланіе къ слугамъ и басня: Лисица-кознодѣй.

Мы удерживаемся отъ всякихъ сужденій о сочиненіяхъ и переводахъ Ф. Визина, не потому, что о немъ поздно говорить: о такихъ Писателяхъ, какъ Ф. Визинъ, никогда говорить не поздно, ибо они будутъ всегдашнимъ предметомъ изученія для Литтераторовъ и любителей Словесности; но мы намѣрены помѣстить отрывки изъ Жизнеописанія его, заключающіе въ себѣ разсмотрѣніе замѣчательнѣйшихъ его произведеній и обѣщанные намъ Сочинителемъ, Княземъ П. А. Вяземскимъ. Одинъ изъ сихъ отрывковъ помѣщаемъ въ нынѣшнемъ №. *Литер. Газеты*.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 14-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ II, № 41. ІЮЛЯ 20го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Субботу), — 10-го (въ Четвертокъ), — 15-го (во Вторникъ), — 20-го (въ Воскресенье), — 25-го (въ Пятницу) и 30-го (въ Среду).

МАГЛАНОВЫ РОЩИ.

(*Соч. Карла Нодье* (*).

Дорога изъ Женевы къ Маглановымъ рощамъ представляетъ по богатству и по разнообразію видовъ, которыхъ разительный отпечатокъ носятъ на себѣ горы: богатство неизтощимое, разнообразіе, тѣмъ болѣе плѣнительное, что малѣйшее обстоятельство его возобновляетъ. Въ послѣдній разъ, когда мы ѣхали по сей дорогѣ, утро тонуло въ густыхъ туманахъ. Мы доѣхали до самаго Контамина, не замѣтивъ высокаго шпиля Моля, и Салевъ, едва озаряемый слабыми лучами въ ужасномъ туманѣ, рисовался только повременно блестящимъ профилемъ, мелькавшимъ подобно молніи между двухъ облаковъ. . . Вдругъ солнце, казалось, восторжествовало надъ симъ послѣднимъ препятствіемъ: его быстрые лучи проникли цѣлую массу темноты съ силою разкаленнаго желѣза, которое кузнецъ погружаетъ въ воду, вынувъ изъ горнила; и тогда-то представилось зрѣлище великолѣпное, особенно для человѣка, который бы въ состояніи былъ изобразить его мастерскою кистью. Густые туманы, гонимые ко всѣмъ предѣламъ горизонта, свертывались, какъ легкія кудри руна, пущенныя по волѣ вѣтра, и минутно поплававъ, упадали. Уже подобно скалѣ, отѣненной волнами и высовывающейся изъ моря, вершины горъ прорѣзали поверхность сихъ тумановъ; базальтовый шпицъ проглядывалъ сквозь нихъ подобно мачтѣ, и облако болѣе другихъ свѣтлое, обвивалось вокругъ него, какъ парусъ.

Но не одно удивленіе владѣло моими чувствами: я ощущалъ еще нѣкоторый родъ стыда и сожалѣнія, думая, что эта часть нашего путешествія, которую я взялся описывать, не обѣщала мнѣ ничего, кромѣ впечатлѣній обыкновенныхъ и для разсказа удобныхъ. Однако Поэтъ живо бы выразилъ на своемъ благородномъ языкѣ все то, что я тщетно бы покушался описать. Онъ сталъ бы говорить о тѣхъ горахъ, на которыхъ туманъ громаздитъ другія горы, строитъ крѣпости, воздвигаетъ башни, округляетъ бойницы, и соединяетъ ихъ случайными мостами, наброшенными надъ безднами воздуха. Онъ бы слѣдилъ по небу за сими пловучими островами, носящимися по прозрачному его морю и въ немъ любующимися челомъ своихъ рощей, посѣщаемыхъ только духами. Мало есть вершинъ, до которыхъ бы не могли достигнуть туманы, подымающіеся отъ влажности рѣкъ и озеръ: Поэтъ сказалъ бы, какимъ образомъ, привлекаемые невѣдомою силой вокругъ сихъ исполинскихъ Альповъ, пары долины обвиваютъ ихъ зыбкимъ поясомъ и у подошвы стелютъ влажный помостъ, прозрачнѣе и свѣтлѣе алмазныхъ ковровъ въ чертогѣ волшебницъ, или объемлютъ ихъ однообразнымъ колыханіемъ, подобнымъ колыханію волнъ, отъ которыхъ они получили скоропреходящее бытіе свое. Большая часть испареній равнины не подымается даже до сей умѣренной высоты. Одни тянутся подобно лѣнивымъ стадамъ по низовой покатости; другія, разбросанныя по сторонамъ пастбищъ, толпятся около шалашей (chalets), какъ бы повинуясь рожку *армальеровъ*. Самыя легкія висятъ на утесистой скалѣ, подобно какъ лѣпится на ней дикая коза, спорящаяся съ ними въ бѣлизнѣ и легкости. — Мало по малу свѣтъ разрѣживаетъ ихъ влажную и зыбкую ткань. Остальные пары убѣгаютъ скользя по цвѣтущему лугу, какъ послѣдняя волна морскаго отлива. Едва примѣтны они въ дали, нависшіе лоскутами по острымъ уступамъ скалъ, зыблющіеся на вѣтвяхъ кустарника, подобно клочьямъ руна молодыхъ ягнятъ; улетающіе между двухъ деревъ подобно паутинѣ, или заимственнымъ дымомъ оживляющіе кровлю опустѣлой лачуги.

Въ Боньвиль, старинный областной городъ провинціи *Фосиньи*, и небольшой городокъ Клюзъ, ведетъ дорога узкая, излучистая, дикая, опоясанная лѣсомъ, возвы-

---

(*) Этотъ отрывокъ извлеченъ изъ книги подъ заглавіемъ: *Voyages aux Alpes*, par MM. Ch. Nodier, Victor Hugo, et le baron Taylor (*Путешествіе по Альпамъ Карла Нодье, Виктора Гюго и Барона Тайлора.*)

шающимся въ видѣ амфитеатра и господствующимъ надъ неглубокимъ ущельемъ, гдѣ разсѣяно нѣсколько деревушекъ. На право и на лѣво, какъ два величественные оплота, возвышается стѣна Моля и Брезона. У ихъ подошвы, все болѣе и болѣе сближающейся, текутъ *пепельныя воды* Арвы, безпрестанно увеличиваемой всѣми ручьями горъ, потокомъ Жиффра, изливаемымъ въ нее долиною Таненжъ, и бездною случайныхъ водопадовъ, которые малѣйшая оттепель снѣговъ, мгновенный дождь или гроза низвергаютъ клубомъ съ высоты утесовъ. Подъ ногами путешественника, небольшія площадки зелени, окруженныя пространными болотами, вѣнчаются вѣчно колеблющимися тополями, ивами и бѣлѣющими ясенями. Края дороги защищены тѣнью деревъ болѣе благородныхъ: тамъ растутъ великолѣпные дубы, которыхъ исполинское чело, какъ выразился бы Латинскій Поэтъ, далече простираетъ свою мрачную и непроницаемую прохладу. Вскорѣ рубежи равнины становятся все у́же и у́же, темя горъ покатѣе, двѣ ихъ противоположныя цѣпи сходятся другъ съ другомъ, быть можетъ для загражденія дороги какому нибудь нечестивцу. Ихъ вершины какъ бы ищутъ другъ друга, склоняются и покрываютъ дорогу грознымъ навѣсомъ. Въѣзжаете въ Клюзъ, бѣдный городокъ, обязанный своимъ существованіемъ промышлености; но который природа окружила дикими красотами и котораго необыкновенное мѣстоположеніе пробуждаетъ какое-то чувство славы и свободы. Когда бы вмѣсто молота ремесленниковъ, обработывающихъ желѣзо, и вмѣсто пилы часовщиковъ, тамъ слышны были звучаніе щитовъ и шумъ оружія, можно бы подумать, что находишься въ Ѳермопилахъ. —

Ничто такъ не странно, даже для людей самыхъ привычныхъ къ виду горъ, какъ устроеніе горы, владычествующей надъ Клюзомъ. Это огромный конусъ, широко усѣченный, который отъ верху до низу обнесенъ нѣкоторымъ родомъ довольно правильнаго архитрава, образуемаго густымъ поясомъ скалъ, оканчивающихся съ удивительнымъ однообразіемъ у широкихъ раменъ, коими гора сія опирается на долину. Убавьте пропорціи, и вы увидите какъ бы зеленую гранитную голову колоссальнаго Сфинкса, окруженную своими мраморными повязками.

Изъ Клюза въ Саланшъ болѣе трехъ часовъ ходу; но рѣдко путешественникъ думаетъ считать ихъ. Долина, чрезъ которую онъ проходитъ, гораздо у́же долины, ведущей изъ Боньвиля въ Клюзъ; и горы, опоясывающія коймою ея длинные извивы, часто отвѣсныя, часто даже нависшія, едва раздѣляются Арвою, которая порабощаетъ себѣ все, что только можетъ оторвать у своихъ береговъ, и наводняя иногда промежутки ихъ, образуетъ тамъ озера; и огромный размѣръ сей величественной природы, столь тягостный для глаза, еще непривыкшаго созерцать ее, и все, что поражаетъ взоръ, все, что занимаетъ мысль, придаетъ столь быстрое движеніе ощущеніямъ, что они не подлежатъ уже разсчету времени. Тутъ прислушиваешься къ самому шуму своихъ шаговъ, изъ опасенія, чтобы лавина нечаянно не отозвалась на него. Здѣсь находишь останки горы, которой длинные карнизы сей часъ только видѣлъ чудесно висящими надъ своею головою, непомѣрныя массы, медленно наваленныя вѣками. И самые Титаны не проходили по сей землѣ, неизвѣстной Классикамъ! Тамъ изсѣклась на удивительной высотѣ пещера *Бальмская*, которая часто служила пріютомъ путешественнику, или убѣжищемъ изгнаннику. У ногъ своихъ слышишь глухой шумъ, видишь жерла кристальныхъ водъ, орошающихъ *Маглановы рощи*; и надо непремѣнно видѣть сіи *Маглановы рощи*, чтобы имѣть понятіе о прекрасномъ, о живописномъ въ пастушескомъ родѣ. Нужда разнообразить впечатлѣнія, увлекаетъ любопытнаго далѣе; но здѣсь находятся все необходимое для жизни Живописца и Поэта.

Сія долина конечно не столько знаменита въ Исторіи, какъ долина Темпейская, но люди проникли въ нее такъ поздно! Только въ половинѣ прошлаго вѣка Ричардъ Пококъ (Richard Pockoke) разбилъ свой странническій шатеръ въ сихъ величественныхъ пустыняхъ, мечтая о завоеваніи *проклятыхъ горъ* (montagnes maudites). — Протекло уже двѣсти лѣтъ отъ обрѣтенія Америки, отъ покоренія Европейцами Новаго Свѣта, когда *Монбланскій Фернандъ Кортесъ* наложилъ на сіи веселыя пустыни романическое имя *Маглановыхъ рощей*. Простой народъ до днесь не знаетъ имъ другаго названія, и любитъ слышать, что ни въ одной странѣ міра нѣтъ роскошнѣе рощей, лежащихъ подъ горами, столь великолѣпными.

Есть вещи, о которыхъ взоръ, о которыхъ минутное впечатлѣніе даетъ справедливѣйшее понятіе, нежели всѣ описанія и всѣ картины, потому что никакое краснорѣчіе не можетъ передать ихъ прелести уму людей, ихъ не видѣвшихъ, потому что никакая рама, начерченная слабою рукою человѣка, не въ состояніи обнять ихъ. Требуется необходимо этой всегдашней жизни, этого безпрерывнаго движенія, этого неизъяснимаго разнообразія воздуха, свѣта и шума, которыя Создатель міра вѣчно напечатлѣваетъ на своихъ дѣлахъ, и которыхъ только слабыя черты, только слабые звуки схватываютъ кисть и лира: искусства дивныя и пагубныя, кои уменьшили въ человѣкѣ блаженство чувствовать, чтобы доставить ему гордое удовольствіе сравнивать; кои лишили его наслажденій самыхъ простыхъ и самыхъ чистыхъ, чтобы замѣнить ихъ неоцѣненнымъ преимуществомъ удивляться бурѣ въ какой нибудь сонатѣ, и солнцу на холстѣ! Счастливъ путешественникъ въ Альпахъ! всякій его шагъ — открытіе, всѣ его чувствованія — восторги! Поражаемый умиленіемъ, окаменѣлый отъ удивленія, оледенѣлый отъ ужаса, онъ ощущаетъ въ одинъ мигъ болѣе душевныхъ волненій, нежели сколько могъ бы собрать въ душѣ своей двадцатилѣтнимъ неупомимымъ посѣщеніемъ Музеумовъ, концертовъ и Академій. Сколько предметовъ, ему принадлежащихъ, недоступны для искуства! бѣгъ облака, отблескъ луча, полетъ птицы, теченіе ручейка, легкій очеркъ излучистой дороги, убѣгающей подъ утесистыя горы, ее стѣсняющія для разнообразія своихъ перспективъ, и откуда на каждомъ шагу тотъ же самый предметъ развертывается въ безчисленныхъ формахъ. Этотъ утесъ, котораго видъ въ отдаленіи представлялъ огромную стѣну, является покрытый правильными выступами, подобными выступамъ какого нибудь древняго зàмка, съ его укрѣпленіями и воротами, лазеями и подъемными мостами. Одинъ изломъ образуетъ дворецъ съ широкими фасадами; другой каѳедральную церковь съ остроконечными колокольнями; далѣе — одну развалину, а еще далѣе — просто скалу. Надъ всѣмъ этимъ теряетъ власть свою подражаніе, которое видитъ съ одной только точки, мгновенно, и не въ состояніи того передать, что видитъ. Единство не было бы, можетъ быть, однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ средствъ вкуса, если бъ оно не было необходимѣйшимъ его условіемъ. —

Напрасно бы я старался уклониться отъ обязанности говорить о *Маглановыхъ рощахъ*. Карандашъ Тайлора, благоразумнѣйшій моего пера, не простилъ бы мнѣ моего молчанія... Для чего не властенъ я оживить впечатлѣнія, произведеннаго во мнѣ *Маглановыми рощами*, когда моложе, доступнѣе къ сего рода ощущеніямъ, болѣе расположенный наслаждаться чувствованіями, сообщаемыми мнѣ природой (ибо все остальное, казалось, играло моими надеждами и обманывало мое сердце), я впервые проходилъ по тропинкамъ Сен-Сигизмонда и по муравѣ Мерибеллы. По лѣвую сторону возвышались отвѣсные утесы, которые, такъ сказать, давили меня своею огромной высотою, и до дикаго, обнаженнаго гребня коихъ мои взоры не могли достигнуть безъ усилій. У ихъ подошвы били прозрачныя воды, которыя длинными изгибами перерѣзывали дорогу и извивались на противоположную сторону между тысячи островковъ зелени, разнообразныхъ по своему виду, своимъ формамъ и живописнымъ особенностямъ, по соперничествующихъ между собою въ красотѣ, привлекательности и поэзіи. Ничто не можетъ дать понятія объ очаровательныхъ неровностяхъ сей своенравной страны, которую и самое искуство не могло бы расположить такъ ловко и такъ удачно; ни о таинственности осѣняющихъ ее кущей, ни о располагающихъ къ мечтательности и сладкой задумчивости извивахъ ея дорожекъ, поминутно теряющихся, поминутно находимыхъ, убѣгающихъ подъ свои прохладныя лиственныя сѣни; ниже о невѣроятной гармоніи, происходящей отъ шума деревъ, топота кустарниковъ и журчанія водъ, въ которыхъ они купаютъ свои гибкіе отпрыски. Палитра не имѣетъ столько красокъ, чтобъ изобразить нѣжную, бархатную зелень полянъ, разстилающихся, подъ лоскомъ серебрянаго отлива, до ручейка, который ихъ въ себѣ отражаетъ; очаровательныя, разнообразныя мѣстоположенія такъ часто слѣдуютъ одно за другимъ, что природа не лучше бы придумала когда бы захотѣла гдѣ нибудь помѣстить самое плѣнительное сокращеніе всѣхъ своихъ чудесъ; и однако въ *Маглановыхъ рощахъ* только и есть, что ручейки, деревья и зелень. Но нигдѣ сіи обыкновенныя составныя части ландшафта не достойны въ такой степени какъ здѣсь, кисти Пуссеня или Музы Виргилія. Здѣсь картина представляется въ увеличительномъ видѣ отъ дѣйствія необыковеннаго контраста, которому подобнаго еще ни въ одномъ краю не бывало. Въ ней вы ощущаете всѣ ужасы природы и вмѣстѣ всѣ ея очарованія: одинъ шагъ, одна перемѣна въ положеніи тѣла, одинъ взглядъ — и видишь самое прелестное въ ней, и самое ужасное! Эти рощи — Ѳеокритъ воспѣлъ бы ихъ! эта пещера — она бы скрыла Полифема! Вы бы стали мечтать о счастіи супруговъ и отцовъ въ семъ опустѣломъ домикѣ, но падающая лавина, но обрывающаяся скала ему угрожаютъ. Здѣсь-то, по словамъ Соссюра, находятся прекрасные источники Фленскаго озера; но тутъ же съ высоты ста футовъ, какъ волнистый шелковый свитокъ, пущенный по волѣ вѣтра, падаетъ *Нантъ д'Арпеназъ*, низвергаясь со скалы, имъ полу-перерѣзанной, кидая свои широкія ленты чрезъ всѣ проломы, которые пересѣкаютъ неровные края урны горъ. Душа блуждаетъ, пораженная изумленіемъ при видѣ такого могущества и столькихъ прелестей; и когда подъѣзжаешь къ мосту Св. Мартина, не знаешь, какое чувство въ ней господствуетъ: изумленіе, боязнь или удовольствіе!

На сей разъ, солнце закатывалось, туманы ложились на воды. Я никогда не видывалъ Монблана. Я его искалъ за симъ поясомъ блѣдныхъ паровъ, которые застилали горизонтъ. Вдругъ лучезарная гора, безъ видимой подошвы на землѣ, прорѣзала высоты небесъ! Солнце, которому она земнымъ престоломъ, ввѣрило ей свой послѣдній отблескъ; и уже нѣсколько минутъ, какъ оно спустилось за горизонтъ, но ослѣпительно-блистающая вершина все еще горѣла, какъ неподвижный метеоръ. —

Съ Франц. В. Романовичъ.

ЭЛЕГІЯ.

Она прелестна для меня:
Главу кудрявую склоня,
Улыбкой ангельской сіяетъ
И по перстамъ перевиваетъ
Отъ игръ небрежные власы.
Я не любуюсь видомъ милымъ:
Гляжу съ предвѣденьемъ унылымъ
На эти чудныя красы.

И ты, Марія, такъ порхала,
Толпой подругъ окружена!
Не ты ли также, какъ она,
На персты локоны мотала
И столь же милою красой
На играхъ юности сіяла?
Увы, что сдѣлалось съ тобой!
Цвѣтущій вѣкъ твой — вѣкъ ненастья.
Ты обратилась ко гробамъ —
И тускло свѣтится очамъ,
Сквозь мракъ могильный, призракъ счастья!...

О ангелъ юности моей,
Гимена жертва роковая!
Боюсь: для милой дѣвы сей,
Во дни любви, не будетъ Мая!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Баронъ Розенъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Продолженіе.*)

Буде кто заслуживаетъ имя Классика въ обидномъ значеніи слова, это Петрарка. Почтеніе его къ Древнимъ, труды, предпринятые для отъисканія и изданія сокровенныхъ дотолѣ рукописей, весьма похвальны; но страсть писать Латинскіе стихи точно какъ Виргилій, Латинскую прозу слово въ слово какъ Цицеронъ, пренебреженіе къ языку народному, уже прекрасному, что доказываютъ собственныя его на немъ стихотворенія, уже обогащенному безсмертной поэмою Данте, которой Петрарка не умѣлъ цѣнить, весьма предосудительны; надежда же его на возстановленіе Рима въ видѣ республики, обладающей вселенною, отъ того, что безумецъ Ріенци возобновилъ на нѣсколько дней старинныя имена, какъ будто въ нихъ и вся сила, и потомъ собственное его испытаніе и производство въ чинъ Поэта, и вѣнчаніе лавромъ въ Капитоліи, показываютъ, что голова его была не совсѣмъ здорова. Не вѣдаю, какія свойства надобны были для полученія диплома отъ Короля Роберта; но знаю, что на мѣстѣ его Неаполитанскаго Величества я бы на-чисто отказалъ Петраркѣ въ прошеніи о званіи Поэта. Истинный Поэтъ бываетъ всегда непремѣнно человѣкъ, одаренный большой простотою сердца, мыслей и дѣяній; Петрарка вмѣсто того весь вѣкъ свой игралъ роль, важничалъ и людей морочилъ; всѣ его поѣздки, посольства, несносно-длинныя посланія, заказная любовь, отзываются мѣлкимъ тщеславіемъ и въ привычку обращеннымъ жеманствомъ. Слава его велика; но, какъ говоритъ Жильбертъ о такомъ же препрославленномъ мужѣ,

> Je suis contre sa gloire armé de ses écrits.

Важнѣйшія по ожиданіямъ Автора и приложенному къ нимъ труду, стихотворенія Латинскія; ими единственно уповалъ онъ составить себѣ славу; по прочтеніи *Божественной Комедіи* онъ отозвался объ ней, какъ о бездѣлкѣ, на которую ему недосугъ при многихъ важныхъ занятіяхъ взлянуть, отъ того только, что она написана не ученымъ языкомъ и не по принятому покрою; онъ же про себя надѣялся подарить Италіи втораго Виргилія, такъ схожаго съ первымъ, что и узнать нельзя. Того ради принялся за *буколики*, и какъ всѣ неимѣющіе истиннаго дарованія и вѣрнаго внутренняго чувства, предпочтительно перенялъ дурное. Коли тамъ уже пастушеская одежда несвойственна лицамъ, то здѣсь и подавно; Папы и Кардиналы являются въ маскарадномъ платьѣ, и подъ условными логогрифами ягнятъ, молока, луговъ и ручьевъ, толкуютъ о своихъ епархіяхъ, доходахъ и расходахъ. Дивлюсь одному: какъ Петрарка не запѣлъ уже дидактической поэмы, для сличенія съ Георгиками: это бы ему отмѣнно по плечу пришлось; за то въ эпопеи онъ не забылъ пуститься въ состязаніе, и въ потѣ лица сочинилъ свою *Африку*, безъ сомнѣнія самую сухую изъ всѣхъ, не исключая даже пресловутой Генріады. Латинскіе стихи XIV-го столѣтія не могли быть по языку превосходны, и уже въ томъ грубая ошибка, что ими онъ задумалъ писать, не чувствуя, что берется за инструментъ, ему не привычный; но безспорное (кажется мнѣ) доказательство прежде-сказаннаго, что впадающій въ нее не рожденъ Поэтомъ, есть ничтожность вымысла, вялость плана, мертвость всего въ этой несчастной *Африкѣ*. Самъ Авторъ догадался наконецъ, что въ ней мало проку, но такое позднее сознанье, когда уже всѣ хвалили чрезъ мѣру его Итальянскія стихотворенія, доказываетъ только, что онъ всегда увлекался мнѣніемъ, и не по внутреннему голосу или убѣжденію судилъ, а сначала думалъ всѣхъ ученыхъ къ себѣ привязать, потомъ сожалѣлъ, что мало сдѣлалъ въ угожденіе публикѣ. Впрочемъ сія *Африка* доставила ему и патентъ Поэта и вѣнецъ въ Капитоліи: стало, напрасно думаютъ многіе, что онъ получилъ ихъ хотя за что нибудь.

Утверждая безсмертную славу на мнѣніи Короля Роберта, Трибуна Ріенци, Кардинала Колонны и всѣхъ знатоковъ, Петрарка хотѣлъ еще быть любимымъ Поэтомъ для дамъ; но Авиньонскія дамы плохо знали по-Латыни и мало принимали участія въ нѣсколько давней войнѣ съ Карѳагеномъ; избалованныя своими Трубадурами, онѣ всему предпочитали любовно-метафизическую галиматью, и Петрарка вмѣнилъ себѣ въ обязанность ихъ оною потчивать. Прежде всего надо было влюбиться, ибо Рыцарь и Трубадуръ безъ любви существовать не могутъ; какъ Донъ-Кихотъ въ Дульцинею, такъ Петрарка влюбился въ Лавру (Г-жу Садъ, Авиньонскую красавицу), прославляя ее, и соименный ей лавръ, и почти соименные вѣтерокъ l'aura и золото l'auro, написалъ онъ множество *канцонъ* и *сонетовъ* по примѣру Трубадуровъ. Сіи романтическія его стихотворенія обворожили прекрасный полъ, молодыхъ людей, дамскихъ обожателей, и наконецъ Филологовъ, радовавшихся мягкости и чистотѣ едва родившагось языка.

Въ семъ отношеніи *канцоны*, *сонеты* и *тріумфы* Петрарковы точно заслуживаютъ похвалу; но въ прочихъ почти никакой. Мало, что все на одинъ ладъ: неизбѣжный порокъ всѣхъ эротическихъ Стихотворцевъ отъ Тибулла до кого угодно; но все изыскано, переслащено, натянуто и запутано. Мнѣ должно доказать такое несогласное съ общимъ сужденіе, и лучшій способъ: привести нѣсколько изъ его сонетовъ въ переводѣ сколько можно близкомъ и почти буквальномъ.

Сонетъ 1-*й*. Per far'una leggiadra sua vendetta *etc*.

«Чтобы совершить свою милую месть, и въ одинъ
«день наказать за тысячи обидъ, скрытно взялся Амуръ
«за лукъ, какъ человѣкъ, выжидающій ко злу время
«и мѣсто.

«Доблесть моя сжалась къ сердцу, чтобы тамъ и
«въ глазахъ оборониться; когда смертельный ударъ
«туда спустился, гдѣ всѣ стрѣлы притуплялись.

«За тѣмъ смущенная при первомъ нападеніи не имѣ-
«ла ни столько силы, ни мѣста, чтобы на нужду взять-
ся за оружіе;

«Либо на вершину трудную и высокую отвесть меня
«благоразумно отъ бѣды, въ которой нынѣ хотѣла бы
«и не можетъ мнѣ помочь.

Сонетъ 2-*й*. Era'l giorno ch'al sol si scoloraro *etc*.

«Былъ день, какъ у солнца померкли изъ жалости
«къ его Создателю лучи, когда я былъ плѣненъ, и не
«остерегся, и ваши прекрасные глаза, *donna*, меня свя-
«зали.

«Время не то мнѣ казалось, чтобы защищаться отъ
«ударовъ Амура: за тѣмъ шелъ я спокоенъ безъ боязни:
«и такъ мои скорби среди всеобщей горести начались.

«Нашелъ меня Амуръ совершенно безоружнымъ, и
«открытый путь въ сердце чрезъ глаза, сдѣлавшіесь
«истокомъ и проливомъ слезъ.

«Почему, кажется мнѣ, не честь ему была поразить
«меня стрѣлою въ такомъ положеніи, а вамъ вооружен-
«ной ни лука не показать.

Сонетъ 3-*й*. Quel ch'infinita providenza ed arte *etc*.

«Тотъ, Кто безпредѣльное предусмотрѣніе и иску-
«ство показалъ въ Своемъ дивномъ твореніи; Кто со-
«здалъ сіе и другое полушаріе, и Юпитера болѣе благимъ,
«чѣмъ Марса;

«Сошедъ на землю для изъясненія Писаній, уже мно-
«гія лѣта истину скрывавшихъ, взялъ отъ сѣтей
«Іоанна и Петра, и въ Царствіи Небесномъ сотворилъ
«имъ удѣлъ.

«Собою, родясь, Рима не удостоилъ, но Іудею: столь-
«ко надъ всякимъ состояніемъ всегда благоволилъ Онъ
«возносить уничиженіе.

«И нынѣ отъ малой вѣси даровалъ намъ солнце, та-
«кое, что благодарятъ природу и мѣсто, гдѣ столь
«прекрасная женщина на свѣтъ родилась.»

Отъ конца XV-го столѣтія и до нашихъ временъ не переставали въ Италіи сотни Стихотворцевъ подражать сему жеманному, бездушному слогу. Цѣлая школа составилась подъ названьемъ Петраркистовъ, всѣ Критики сговорились превозносить Петрарку непомѣрными похвалами; напослѣдокъ вздумали даже изъ педантическаго полиграфа сдѣлать поэтическое лице, страстнаго любовника, написали о Воклюзскомъ источникѣ томы всякихъ пустяковъ, и забыли только изслѣдовать настоящую степень достоинства Стихотворца и произведеній его.

Современникъ и другъ Петрарки, Боккачіо, извѣстенъ нынѣ только по *Декамерону*; Латинскіе его стихи давно не читаются, и Итальянскіе извѣстны однимъ ученымъ; но онъ оказалъ стихосложенію величайшую услугу изобрѣтеніемъ октавы, сдѣлавшейся въ послѣдствіи времени самымъ любимымъ и удачнымъ размѣромъ его соотечественниковъ. Онъ первый также, что не такъ похвально, началъ древнихъ Греческихъ героевъ рядить въ рыцарскій костюмъ; подражанія и переводы сихъ дурныхъ его романтическихъ поэмъ сохранили къ себѣ донынѣ нѣкоторое уваженіе въ Англіи, хотя самые подлинники въ Италіи давно его утратили. Изъ *Филострата* между прочимъ взялъ Шекспиръ свою трагедію *Троилъ и Крессида* (Хрисеида?) вовсе не думая, какъ Шлегель на него клеплетъ, осмѣять однажды навсегда Троянскую войну, въ которой не знаю что смѣшнаго, а просто передѣлывая въ драматическую форму эту повѣсть, также какъ и всѣ, имъ отъ Боккачія и другихъ Итальянскихъ повѣствователей занятыя.

Многіе Критики возхваляли искуство, съ какимъ въ *Декамеронѣ* вставлены въ одну рамку сто сказокъ; я тутъ ничего такого не вижу; подобныя рамки были уже въ Арабскихъ сказкахъ, и еще новую придумать (какъ на примѣръ въ *Лала-Рукѣ*) не великая мудрость. Сверхъ того Боккачіевъ вымыслъ не хорошъ; кому войдетъ въ голову, послѣ описанія ужаснѣйшей чумы, къ несчастью слишкомъ невымышленной, чтобы десять человѣкъ уѣхали отъ нея надачу за нѣсколько верстъ, и проживая тамъ десять дней, преспокойно лакомились, пѣли, плясали и по очереди разсказывали сказки, по большой части слишкомъ веселыя? Проза, какою онѣ написаны, въ свое время изумила совершенствомъ, но теперь она кажется тяжела длиною періодовъ, не совсѣмъ приличною такимъ простымъ событіямъ и лицамъ. Сами же сказки, изъ разныхъ источниковъ почерпнутыя, конечно не могутъ въ такомъ множествѣ ихъ быть равно хороши, но вообще презабавны; есть и чувствительныя, съ бо́льшимъ по видимому раченьемъ, но съ меньшимъ успѣхомъ исполненныя: Трагикомъ Боккачіо не родился. Изъ подражавшихъ ему, всѣхъ болѣе прославился Лафонтенъ: онъ держался однѣхъ смѣшныхъ повѣстей, и невсегда въ премилыхъ стихахъ равняется еще въ остротѣ съ прозаикомъ Флорентинскимъ. Разсказы Боккачія чрезвычайно живы и картинны, отъ того легко было многимъ, въ томъ числѣ Шекспиру и Мольеру, брать изъ него сцены и даже цѣлыя завязки драмъ и комедій. Столь обильное хранилище вымысловъ, какъ *Декамеронъ*, заслуживаетъ по справедливости быть причтено къ поэзіи, хотя написано и не стихами.

Предпочтительное желаніе прославиться Латинскими сочиненіями, и краска, данная Боккачіемъ его Итальянскимъ поэмамъ, доказываютъ, что его вкусъ былъ вообще сбитъ; тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ похвалу за неизмѣнное уваженіе къ поэмѣ Данте, имъ прежде всѣхъ прославленной и отчасти изъясненной. При первомъ взглядѣ странно: отъ чего такъ розно судили объ ней два человѣка, во многомъ сходные и друзья между собою, Петрарка и Боккачіо? Я полагаю, отъ того, что первый былъ избалованъ счастіемъ, и позволялъ себѣ судить съ высока и безъ вниманья о томъ, во что другой тщательно всмотрѣлся.

Послѣ Петрарки и Боккачія Словесность Итальянская почти на цѣлое столѣтіе замерла; ученымъ все не вѣрилось, чтобъ языкъ простонародный могъ долго существовать; свѣтскіе люди промежъ дѣломъ и досугомъ слагали въ похвалу красавицамъ сонеты по выкройкѣ Петрарки, смѣходѣи острились въ повѣстяхъ по *Декамерону*, но истинная Поэзія родилась и изчезла съ Данте. Онъ имѣлъ подражателей весьма мало, и разумѣется неудачныхъ: къ такому образцу приблизиться не легко; уже въ наше время одинъ Монти смогъ твердой стопой, хоть издали, слѣдовать за *великимъ отцемъ Алигіеромъ*, межъ тѣмъ какъ за Петраркой и Боккачіемъ строи тянулись съ успѣхомъ, что доказываетъ давно сказанное мною: что не лучшіе Поэты волокутъ за собой толпы и заводятъ литературныя школы, а напротивъ тѣ, чье достоинство всякому доступно, съ кѣмъ поравняться легко, тѣмъ паче, коли онъ пишетъ въ родѣ мѣлкомъ, не требующемъ ни сильнаго дарованія, ни того, что Бюффонъ почиталъ отличительнымъ Генія свойствомъ: терпѣнія.

Примѣръ, поданный Петраркою и Боккачіемъ: писать все важное и вниманія достойное на языкѣ мертвомъ, оставляя общеупотребительный для пустяковъ, сильно подѣйствовалъ на всѣхъ Писателей XV-го столѣтія; сочиняли, переводили съ Греческаго, все по-Латыни; и хотя нѣтъ сомнѣнія, что труды сихъ ученыхъ, особенно въ отысканіи древнихъ рукописей, крайне способствовали распространенію истинныхъ свѣдѣній и вкуса повсюду, но Итальянской Словесности были они даже вредны, такъ что въ концѣ вѣка, при Лаврентіи Медиційскомъ, пришлось снова создавать заброшенный языкъ и Поэзію.

Сей великій мужъ (ему бы болѣе, чѣмъ сыну его Папѣ Льву X, слѣдовала честь дать имя свое золотому вѣку новой Италіи) двинулъ просвѣщеніе и искуства во всѣхъ частяхъ исполинскимъ шагомъ впередъ. Всѣми любимый и почитаемый, управлялъ онъ Флоренціею какъ отецъ, и съ великодушіемъ рѣдкимъ и примѣрнымъ, стоя на вышней степени, обладая богатствомъ неизчерпаемымъ, и власть свою и сокровища не себѣ только въ пользу обращалъ, но паче всего въ пользу и славу отчизны и народа: за то его и любили. Не стыдно ли, что Альфіери, триста лѣтъ спустя, сего Перикла новѣйшихъ временъ, едва ли не лучшаго, чѣмъ древній, вывелъ въ трагедіи своей: *Заговоръ Паціевъ*, какимъ-то кровожаднымъ тираномъ? Простительно ли до такой степени изкажать Исторію, и слѣпо передаваясь лишнему, неразумному свободолюбію, срамить благоговѣнія достойную память, а подлыхъ убійцъ, подкупленныхъ Римскимъ дворомъ, выдавать за героевъ и мучениковъ? Кто сомнѣвается въ правдѣ мною сказаннаго, пусть прочтетъ Appendix жизни Лаврентія, написанной Англичаниномъ Роско, и собственныя въ судѣ показанія захваченныхъ заговорщиковъ. Г-жа Сталь, мастерица на фразы, пишетъ, что кому творенія Альфіери не кажутся за прекрасныя трагедіи, долженъ все восхищаться ими, какъ прекрасными дѣлами: сомнѣваюсь, чтобы упомянутая мною здѣсь могла почесться тѣмъ либо другимъ.

Лаврентій былъ не только щедрый покровитель и любитель страстный художествъ, но самъ Художникъ, и Художникъ съ истиннымъ дарованіемъ. Нельзя, читая его стихи, и вспомня, когда и кѣмъ они написаны, не любоваться простотою вкуса и игривостью воображенія сего Диктатора-Поэта. Усердно теша свой веселелый народъ, онъ изобрѣлъ новый родъ стихотвореній, которыя пѣлись по улицамъ, сидящими на повозкахъ наряженными людьми; нѣчто сему подобное творилось при Екатеринѣ II въ Москвѣ, и въ сочиненіяхъ Сумарокова находятся написанные имъ на сей случай разные хоровые стихи; но разумѣется, что Лаврентій ихъ писалъ лучше. Одна изъ сихъ пѣсней въ честь Вакху и Аріаднѣ во многихъ собраніяхъ напечатана; вотъ ея припѣвъ.

Какъ ты, молодость, красна,
И какъ скоро пролетаешь!
Нынѣ радость пей до дна,
Завтра будешь ли: не знаешь.

Это конечно бездѣлки; но я увѣренъ, что если бъ Государственныя дѣла не отрывали его отъ постоянныхъ занятій по стихотворству, онъ бы произвелъ нѣчто отмѣнное, и читая такіе пріятные опыты, каковы напримѣръ *Амбра*, иногда жалѣешь, зачѣмъ творецъ ея былъ правителемъ знаменитой Республики.

До чего обстоятельства не допустили Лаврентія, исполнилъ его другъ, избранный имъ въ наставники сыновьямъ, ученый Латинистъ, Философъ, и что болѣе, геніальный Поэтъ, Поліціанъ. Онъ точно воскресилъ мертвую Италіянскую поэзію, обогатилъ ее новыми красотами, и остался примѣромъ величайшихъ Стихотворцевъ слѣдующаго столѣтія. Предпринятая и недоконченная поэма на турниръ, гдѣ братъ Лаврентія Юліанъ одержалъ побѣду, есть несомнѣнно образецъ слога, коимъ прославились Аріостъ и Тассъ. Октава, дотолѣ сухая и прозаическая, облеклась подъ перомъ Поліціана въ очаровательную форму; всю роскошь Овидія разсыпалъ онъ въ описаніи садовъ Киприды, и самыя превосходныя поэмы, честь Италіи, не лучше отдѣлкою сего отрывка двадцати-лѣтняго (коли не менѣе) юноши, пролагавшаго первый путь. Но если Эпики обязаны ему за созданье ихъ языка въ безсмертныхъ Stanze par la giostra, то едва ли не столько же сотворилъ онъ и для вуколическихъ Драматиковъ своей земли; говорятъ, будто въ два дни написалъ онъ миѳологическое представленіе: *Орфей*, исполненное дарованія и прелестныхъ лирическихъ частей: хоръ Вакханокъ истинно чудо. По идеальному содержанію и классической отдѣлкѣ, я готовъ предпочесть сію первую пастушескую драму всѣмъ послѣ написаннымъ, даже славнымъ двумъ Тасса и Гуаринія; въ *Орфеѣ* нѣтъ той лишней сладости, отъ которой пастушеская поэзія строгимъ судьямъ кажется часто притворною.

Изъ трехъ братьевъ Пульчи заслуживаетъ вниманіе меньшой, Людовикъ, Авторъ поэмы: *Моргантъ великій.* О Карлѣ великомъ и Паладинахъ или Перахъ его, воюющихъ съ Сарацинами, писали и прежде въ Италіи, даже стихами, но съ большимъ простодушіемъ, принимая и выдавая все за сущую правду, вѣря слѣпо въ подложную лѣтопись какого-то Архіепископа Турпина. Первый Пульчи догадался, что все это ложь, и что надо коли лгать, такъ лгать; онъ далъ воображенію полную, ничѣмъ необузданную волю, и съ его легкой руки всѣ пошли выдумывать новыя лица, сраженія, любовныя повѣсти, и связывать ихъ, какъ поможетъ Богъ, съ главнымъ происшествіемъ, войною Карла великаго съ Маврами; правду сказать, и той не бывало, но по Турпину всѣ ей вѣрили, стало все равно. Въ самомъ дѣлѣ преданіе богатое, и имѣетъ какой-то обманчивый видъ исторической истины; почти жаль, что Пульчи, и всѣ за нимъ, его на смѣхъ подняли. Какъ много прекраснаго ни вышло въ сихъ романическихъ поэмахъ, паче всего въ Аріостовой, можетъ быть еще прекраснѣйшее вышло бы, если бъ Стихотворцы съ намѣреніемъ не переступали за всѣ предѣлы натуры и правдоподобія. Въ самомъ *Моргантѣ* лучшее мѣсто то, гдѣ, описывая смерть безстрашнаго Роланда въ Ронсевалѣ, онъ воздержался отъ пустыхъ шутокъ, и съумѣлъ представить чудесное, а не пошлую небылицу. Картина Роланда, когда убитый онъ оживаетъ на мигъ, вырываетъ изъ камня воткнутый имъ туда мечь Дурандаль, чего бы не смогла сила другаго человѣка, и вручивъ безмолвно будущему своему отмстителю, Ринальду, падаетъ бездыханный на землю,—точно высоты необычайной. Что жъ касается до молитвенныхъ приступовъ къ пѣснямъ, и прочихъ тому подобныхъ у Пульчія и послѣдователей его выходокъ на то, о чемъ нынѣ едва намекнуть позволено, оно доказываетъ, какое почти непонятное намъ вольнодумство допускалось въ сіи времена, иногда суевѣрными и темными называемыя, и сколько послѣ усилились въ Европѣ не вѣра и даже не богомолье, но робкая щекотливость и тяжелое притворство.

Съ похвалою говоритъ Женгене и о другомъ Эпикѣ въ томъ же родѣ, извѣстномъ по прозванію слѣпца Феррарскаго. Мнѣ не случилось читать его *Мамвріана*; кажется, онъ и кромѣ меня не многимъ извѣстенъ, хотя точно, судя по изложенію Французскаго Критика, Поэма не безъ достоинствъ. Въ ней впервые показывается воинственная Брадаманта.

Всѣхъ болѣе пеклась судьба о сохраненіи имени и чести Боярда, Автора *Влюбленнаго Роланда.* Счастливый въ изобрѣтеніяхъ, не имѣлъ онъ дара хорошихъ стиховъ; поэма его какъ ни любопытна основою, изчезла бы за невозможностью ее съ удовольствіемъ читать; но острый и пріятный Сатирикъ Берни столько плѣнился ею, что въ половинѣ слѣдующаго столѣтія, когда языкъ въ Италіи совсѣмъ очистился и утвердился, предпринялъ и кончилъ съ большимъ дарованіемъ и успѣхомъ поновленіе всей поэмы, имѣющей слишкомъ семдесятъ пѣсней. Въ планѣ и ходѣ не перемѣнилъ онъ ничего, только всѣ сухія, обветшалыя и тяжелыя октавы Боярда замѣнилъ новыми, игривыми и чистыми по слогу. Теперь слава обоихъ Стихотворцевъ нераздѣльна: вымыслы перваго живы, благодаря выраженію втораго, и хорошая поэма не утрачена для потомства отъ безпримѣрнаго въ Исторіи Словесности предпріятія Берни. Безъ стиховъ его конечно *Влюбленный Роландъ* едва ли бы существовалъ, но теперешнюю всеобщую его извѣстность несправедливо имъ только приписывать; въ чистотѣ языка не уступитъ Аламаніевъ *Гиронъ*, а прелестью поэзіи перевыситъ *Амадисъ* Бернарда Тасса, но обѣ сіи поэмы читаются несравненно менѣе.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Гинекіонъ. — С. П. б. въ тип. Департ. Народ. Просвѣщенія. 1830. (38 стран. въ 16-ю д. л.)

(Д. Н. Познавышина)

Въ книжкѣ подъ симъ заглавіемъ помѣщено шестьнадцать пьесъ изъ Греческой Анѳологіи съ вольнымъ, рифмованнымъ переводомъ. Знающіе Греческій языкъ съ наслажденіемъ перечтутъ эти золотые стихи, пощаженные всегубящимъ временемъ и изкаженные неискуснымъ Рускимъ Переводчикомъ.

СМѢСЬ.

Анахронизмы журнальные служатъ испытующимъ оселкомъ свѣдѣній издателей Журнала. Конечно, простительно не знать того или другаго; но говорить о чемъ бы то ни было безъ основательной увѣренности въ знаніи предмета, и говорить съ отвагой увѣренности — непростительно. Многіе читатели могутъ въ минуту сдѣлать повѣрку сказаннаго въ Журналѣ, и потерять довѣріе къ его рѣшительному тону. Въ статьѣ о Рускомъ Театрѣ, помѣщенной въ 83-мъ No Сѣверной Пчелы, находимъ слѣдующій анахронизмъ: «*Отецъ Семейства* есть одна изъ старыхъ и лучшихъ драмъ нашего Рускаго репертуара. Въ ней «много сценъ истинно эфектныхъ; нѣкоторыя же изъ «нихъ скопированы съ трагедіи: *Коварство и любовь* и проч.» — Обѣ драмы Дидрота: Le fils naturel и Le père de famille, напечатаны были въ 1757 и 1758 годахъ; а Шиллеръ, сочинитель трагедіи: *Коварство и любовь*, родился только въ слѣдующемъ (1759) году. Ужели Рускій переводъ драмы: *Отецъ Семейства*, ввелъ въ заблужденіе Сочинителя статьи о Рускомъ Театрѣ, ибо сочиненіе драмы сей издателемъ приписано переводчику, Г. Сандунову? Принимаясь писать о какой либо отрасли Словесности, должно непремѣнно познакомиться напередъ съ Литературой Европейской, покрайней мѣрѣ новѣйшей: иначе по необходимости будешь попадать въ безпрестанные промахи.

Какой-то досужливый Филологъ сосчиталъ всѣ слова въ Англійскомъ языкѣ, и вотъ результатъ его математико-филологическихъ трудовъ: Англійскій языкъ содержитъ въ себѣ членовъ 3, именъ существительныхъ 20,500, прилагательныхъ 9,200, мѣстоименій 40, глаголовъ правильныхъ 7,823, неправильныхъ 177, нарѣчій 2,600, предлоговъ 69, союзовъ 19, междометій 68, всего 40,499 словъ.

Г. Виспеліусъ недавно окончилъ рисунокъ на камнѣ, съ эстампа извѣстной картины *Жерара*, изображающей Оссіана. Живописецъ представилъ Барда на скалѣ, съ арфою въ рукѣ; вѣтеръ развѣваетъ сѣдые волосы вдохновеннаго старца и соединяетъ протяжные стоны свои со звуками его арфы. Тѣни воспѣваемыхъ имъ героевъ, освѣщенныя блѣднымъ сіяніемъ луны, носятся надъ нимъ въ туманныхъ облакахъ. Рисунокъ Г-на Виспеліуса сдѣланъ весьма удачно и еще болѣе заслуживаетъ вниманія по величинѣ своей; всякій, кому знакомо литографическое искуство, безъ сомнѣнія знаетъ, что чѣмъ рисунокъ болѣе, тѣмъ труднѣе выходятъ оттечатки ровными и чистыми.

Желающіе могутъ купить рисунокъ сей въ книжномъ магазинѣ Слѣнина у Казанскаго моста и у самого Издателя, въ Академіи Художествъ, по 10 рублей экземпляръ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 19-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ II, № 42. *ЮЛЯ* 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Іюлѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го *числа (въ Субботу),* — 10-го *(въ Четвертокъ),* — 15-го *(во Вторникъ),* — 20-го *(въ Воскресенье),* — 25-го *(въ Пятницу) и* 30-го *(въ Среду).*

КИНЖАЛЪ КАПУЦИНА.

— «Вы хотите ѣхать, во что бы ни стало! Ну, такъ съ Богомъ, господа, счастливый путь.... Только послушайтесь меня: не жалѣйте ногъ вашихъ муловъ, чтобы не встрѣтиться съ недобрыми людьми. При васъ есть оружіе?

— «Совсѣмъ нѣтъ.

— «Безъ оружія, на закатѣ дня, и въ Абруццахъ! Клянусь Мадоною, у этихъ Французовъ какъ будто по двѣ головы. Милостивые Государи! у бѣдняка Капуцина все его достоянie въ молитвахъ: я буду васъ напутствовать моими; но про всякой случай, вотъ вамъ.«

И конча сіи слова, Капуцинъ вытащилъ изъ широкаго темно-кофейнаго рукава своего небольшой ящичекъ орѣховаго дерева, и, подавъ его младшему изъ двухъ путешественниковъ, заставилъ ихъ пуститься во всю прыть, не откладывая долѣе. «Вы завтра принесете мнѣ это назадъ,» кричалъ онъ имъ издали, давая имъ благословеніе. И вслѣдъ за тѣмъ, ворота монастырскія заперлись.

— «Мадона заступница! « вскрикнулъ Эрнестъ: «и благословеніе, и запасъ на дорогу! Право, этотъ Капуцинъ балуетъ насъ. Посмотримъ же, что въ этомъ таинственномъ ларчикѣ. Какія красивыя четки! а подъ ними какой-то амулетъ.... Да, диковинный амулетъ: это преславный кинжалъ.... Вотъ что по чести назидательно: жизнь духовная и смерть, убійство и молитва!... Италія, Италія! ты страна противоположностей и всякихъ несообразностей!»

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о странности таковаго сожительства, кинжалъ заслуживалъ, чтобы на него посмотрѣли со вниманіемъ. Рукоятка его была изъ слоновой кости, и состояла изъ трехъ небольшихъ фигуръ, искусно сцѣпленныхъ между собою и представлявшихъ Вѣру, Надежду и Любовь. На клинкѣ, который, казалось, былъ великъ для рукоятки, вырѣзаны были имена Іисуса, Маріи, и пламенѣющія сердца. Тронувъ золотой гвоздикъ, прикрѣпленный на верху рукоятки, молодой Французъ открылъ новое чудо. То, что оба друга приняли сперва за клинокъ, было не иное что, какъ ножны, оберегавшіе настоящій клинокъ, и сей послѣдній являлъ верхъ искуства оружейнаго: онъ былъ свѣтелъ, какъ серебро, гибокъ, какъ рапира, толщиною неболѣе четверти линеи и чрезвычайно остеръ; пилка и рѣзецъ оружейника тщательно изобразили на немъ сквозною прорѣзью картину изъ страстей Христовыхъ: Іисуса, въ вертоградѣ молящагося. Между каждымъ деревцомъ и излучинами горы Елеонской, сталь была искусно пробрана. Цѣлью такой узорчатой работы было не одно то, чтобы нравиться взору; другая еще мысль занимала художника: этими измѣняющимися частицами, то наполненными сталью, то пустыми, тѣло человѣческое, сначала быстро пронзенное, входило снова въ прорѣзи клинка, и оружіе не могло быть вырвано вонъ безъ мучительныхъ язвинъ и безъ того, что бы воздухъ не проникъ въ рану, отъ чего она дѣлается смертельною, по мнѣнію справедливому или ложному. Такая утонченность привела обоихъ друзей въ содроганіе; и заключеніемъ всего этого разсматриванія было, что въ странѣ, гдѣ Капуцины напутствуютъ себя такимъ образомъ, безразсудно пускаться такою позднею порой и безъ проводника, по тѣснымъ ущельямъ горъ; что весьма опасно было бы сбиться тамъ съ дороги, и что все таки лучше дождаться дня въ какомъ нибудь дурномъ шалашѣ, нежели подвергаться нападенію въ потьмахъ и вдали отъ всякой помощи, и быть ограбленнымъ. Рѣзкій свистъ перервалъ ихъ разговоры; путешественники остановились съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. То былъ пастухъ козъ, который, съ большею, черною, длинношерстою собакой, шелъ почти бѣгомъ и разгонялъ, какъ умѣлъ, скуку свою дорогой. «Гей, дружокъ! «кричали ему путешественники, какъ скоро дозволило разстояніе: «не можешь ли ты намъ указать, гдѣ бы провести ночь? — «Ночь?» отвѣчалъ пастухъ, удержавъ за ошейникъ свою собаку, метавнуюся на муловъ путешественниковъ нашихъ: « поворотите на право, по тропинкѣ между скалами: она прямо васъ приведетъ къ лачугѣ, въ которой я и козы мои отдыхаемъ въ полуденное время. Дверь и стѣны въ ней крѣпки, засовы хорошіе; вы можете тамъ ночевать, хоть и не слишкомъ спокойно, за то безъ страху. Найдете также, чѣмъ избавиться отъ ночной сырости; только послушайтесь меня, не разводите большаго огня, чтобы поломя не свѣтилось далеко изъ трубы: иначе я не отвѣчаю за недобрыхъ гостей, которые будутъ накладны и вамъ, и вашимъ чемоданамъ, и вашимъ муламъ. « Сказавъ это, онъ пошелъ своею дорогой, выпустя изъ рукъ свою собаку, не перестававшую ворчать, и засвисталъ громче прежняго. Бывъ молоды, отважны и любя романическія приключенія, два друга, коихъ такая встрѣча и такое начало расположили къ чему-то необыкновенному, рѣшились, во что бы ни стало, не останавливаться въ этой попыткѣ. Они поѣхали по тропинкѣ; указанія пастуха были точны, и вотъ уже друзья съ своими мулами въ лачугѣ, стараясь по возможности отогрѣться.

— « Пастухъ правъ, « сказалъ Эрнестъ: « этѣ стѣны и дверь очень надежны, и въ случаѣ нужды выдержали бы правильную осаду. Для большей безопасности и въ избѣжаніе толчковъ копытами и другихъ ночныхъ проказъ нашихъ муловъ, приставимъ къ двери этотъ старый столъ. Одинъ изъ насъ заснетъ на немъ, какъ на кровати, а другой будетъ сидѣть, какъ на стулѣ, и караулить до тѣхъ поръ, пока ему прійдетъ охота перемѣнить роль.

— « Добрая ночь, Эрнестъ; сонъ меня одолѣваетъ.

— « Не худо еще прикинуть охапку валежнику въ каминъ . . . . Пусть же прійдетъ, кому вздумается! Вѣдь насъ двое, ворваться къ намъ нельзя, и сверхъ того у насъ есть кинжалъ Капуцина и его четки, къ услугамъ гостей . . . . Добрая ночь!

— « Черезъ часъ разбуди меня. »

Полу-сидя и полу-лежа на концѣ стола, Эрнестъ зѣвалъ, протиралъ себѣ глаза, смотрѣлъ на своего друга, который также хорошо спалъ на жесткой доскѣ, какъ и на роскошныхъ пуховикахъ изъ лебяжьяго пуху. То отбрасывалъ Эрнестъ ногою уголья, которые выскакивали по временамъ изъ камина, находившагося прямо противъ него; то, прибѣгнувъ къ ларчику Капуцинову, перебиралъ четки, читалъ по нимъ молитву; то, вынувъ кинжалъ изъ ноженъ, пробовалъ его остріе, и, шутя, прицѣливался нанести имъ ударъ сонному своему товарищу. То снова разсматривалъ его узоры, придумывалъ, какъ бы вѣрнѣе описать его въ своихъ путевыхъ запискахъ; то забавлялся его тѣнью, которую зыбкое пламя отбрасывало на стѣнѣ позади Эрнеста, и даже на лицѣ его друга: короче, онъ ловилъ, терялъ и ловилъ снова тысячу мыслей, слѣдовавшихъ одна за другою безъ порядка и вытѣснявшихъ одна другую, подобно бѣглымъ явленіямъ волшебнаго фонаря . . . . Вдругъ ему послышался вдали рѣзкій свистъ пастуха козъ и рычанье черной его собаки. Вслѣдъ за тѣмъ странное зрѣлище привлекло къ себѣ все его вниманіе. Пламя въ горнилѣ вспыхнуло съ новою силой, разъ пять или шесть перемѣняло цвѣтъ, и раздавшись въ стороны, показало, вмѣсто каминной плиты, широкое отверстіе, изъ котораго выходило самое яркое, красное сіяніе.

Отверстіе сіе не являло ни надлежащихъ угловъ, ни правильныхъ линей, обличающихъ дѣло рукъ человѣческихъ; но казалось вдругъ сдѣланнымъ проломомъ съ странными, случайными выщербами въ стѣнѣ. Эрнестъ, наклонясь, увидѣлъ какъ бы нестройное шествіе гнусныхъ разбойниковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, но весьма живописно, и вооруженныхъ длинными ножами и пистолетами, иныхъ съ винтовками, другихъ съ дубинами, на коихъ привѣшены были небольшія медали желтой мѣди и зерна четокъ; потомъ еще яснѣе и еще ближе къ себѣ увидѣлъ онъ истинно *Валтеръ-Скоттовское* лице пастуха козъ и неразлучную съ нимъ черную собаку. Эрнестъ, притая духъ, нагибался все болѣе и болѣе, смотря въ проломъ, — какъ вдругъ жилистая и мохнатая рука пастуха схватила его, и прежде чѣмъ онъ могъ позвать къ себѣ на помощь или защищаться, онъ очутился, не помня какъ, по другую сторону горнила. Тамъ была длинная галлерея . . . . Пастухъ, повелительнымъ видомъ и держа палецъ на губахъ, съ непреодолимою властью подалъ Эрнесту знакъ за нимъ слѣдовать; они шли, шли, шли, то подымаясь, то спускаясь, то подъ сводами необъятной высоты, то переходами такими низкими, что должно было итти ползкомъ. Эрнестъ слѣдовалъ за своимъ вожатымъ; одна рука была у него на свободѣ, тогда какъ другая, заложенная въ карманъ жилета, повиновалась первическому движенію и поминутно хваталась за рукоятку кинжала. Онъ не могъ дать себѣ отчета въ сей странной прогулкѣ, и въ томъ, что послушался злодѣя безъ объясненій, безъ вопросовъ и безъ сопротивленія. Такъ они прибыли къ какой-то рѣшеткѣ: пастухъ трижды стукнулъ въ нее и рѣшетка отперлась; съ большимъ трудомъ и усталостію взлѣзли они вверхъ по круглой лѣстницѣ съ высокими ступеньками и вошли въ большую слабо освѣщенную комнату. Тамъ на скамьяхъ сидѣли разбойники, мгновенно замѣченные Эрнестомъ прежде.... На столѣ лежалъ человѣкъ съ сѣдой бородою и связанный, плакалъ и не говорилъ ни слова . . . . При видѣ незнакомца, разбойники встали съ своихъ мѣстъ.

— « Друзья, « громкимъ голосомъ сказалъ имъ пастухъ, у котораго черная собака лизала сухощавую руку: « вотъ порядочная добыча. Наша западня лихо намъ услужила: въ этихъ карманахъ есть золото.

— «А въ этой рукѣ желѣзо,» перервалъ рѣчь его Эрнестъ, вытаща изъ-подъ плаща спрятанный имъ кинжалъ. «Вотъ тебѣ!« ... И бросясь на пастуха, ударилъ его кинжаломъ....

Ужасный крикъ раздался подлѣ него.... Эрнестъ! о, несчастный Эрнестъ! то была сонная мечта! Онъ убилъ своего друга.

На другой день, въ часъ полуденнаго отдыха, пастухъ козъ напрасно стучался въ дверь своей лачуги; надобно было ее выломать. Тамъ съ испугомъ нашелъ онъ два трупа, одинъ на столѣ, а другой на полу передъ каминомъ; кромѣ того, нѣсколько строкъ, написанныхъ карандашемъ, уголья, залитые кровью, кинжалъ, четки, ларчикъ орѣховаго дерева съ заглавными буквами монастыря, да двухъ муловъ, которые давно уже били въ землю копытами, нетерпѣливо ожидая корму.

Съ Франц. С—въ.

КЪ СТАТУѢ.

(*Изъ Поэмы: Картина.*)

О смертнаго творца презрѣнное творенье!
Тебѣ ль дивить своей бездушной красотой
Того, кто одаренъ безсмертною душой?
Разрушься! никогда не загорится зрѣнье
    Въ твоихъ слѣпыхъ, безжизненныхъ очахъ!
Нѣтъ! никогда въ безмолвныхъ сихъ устахъ
Не отразишься ты, святое вдохновенье!
    Но если бъ тайна?....Прометей!
    Я слышу звукъ твоихъ цѣпей....
    Къ скалѣ Кавказа бѣлоснѣжной,
    Гдѣ раздается крикъ орловъ,
    Былъ пригвожденъ Царемъ громовъ
    Сынъ Философіи мятежной.
    О смерти смертный размышляй,
Коль можешь — услади печаль существованья;
Но тайны бытія съ небесъ не похищай!
Или страшись! Фіялъ житейскаго страданья
Какъ ядъ — безвременно прольется надъ тобой:
Таковъ законъ судьбы, владычицы слѣпой.
    Сей призракъ, созданный сомнѣньемъ,
    Одѣтъ въ таинственный покровъ;
    И вотъ ужь нѣсколько вѣковъ
    Онъ намъ грозитъ уничтоженьемъ.
    Презрѣнный идолъ сокрушимъ!
Какъ язва, онъ душѣ небесной нестерпимъ!
Святую истину сомнѣньемъ онъ унизилъ;
Онъ неба удаливъ — онъ насъ съ землею сблизилъ.

Трилунный.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Продолженіе.*)

Первая причина такой разницы есть несомнѣнно выборъ содержанія. Рыцари Круглаго Стола, къ коимъ принадлежитъ Гиронъ ласковый, Амадисъ Гальскій съ семействомъ, и Карлъ Великій съ Перами, суть три большія отрасли богатырскихъ повѣстей западной Европы; изъ нихъ послѣдняя безъ сравненія обильнѣйшая для вымысловъ стихотворныхъ; всѣ приключенія тѣхъ двухъ частныя, сказки да и только; эта отчасти имѣетъ историческую основу. При дѣдѣ Карла великаго, Карлѣ же по прозванію *молотъ*, огромная рать Сарациновъ вторглась во Францію, и разбитіе ея при Турѣ положило преграду дальнѣйшимъ завоеваніямъ невѣрныхъ; самъ Карлъ Великій велъ небольшую войну съ Испанскими Маврами, истребившими его задній отрядъ въ ущельи горъ Пиренейскихъ. Отъ времени и незнанія Лѣтописцевъ все смѣшалось и преувеличилось; и что жь за бѣда? Исторія въ вѣки болѣе просвѣщенные свои права обратно получила, а Поэзія обогатилась баснями Турпина. У насъ случилось то же: въ сказочныхъ преданіяхъ о Великомъ Владимірѣ нерѣдко появляются бусурманы - Татары наѣздники, хотя въ то время и существованія ихъ Руские еще не знали. Болѣе: сей анахронизмъ, можетъ быть, необходимъ для сочиненія у насъ поэмы въ родѣ Аріоста; безъ большей картины, привлекающей вниманіе, тутъ спасенія нѣтъ, и (будь сказано мимоходомъ) сей-то недостатокъ и холодитъ *Руслана и Людмилу* вопреки обольщенію стиховъ: читателю хочется того времени, того быта, тѣхъ повѣрій и лицъ; вокругъ ласковаго Князя Владиміра собираетъ онъ мысленно Илью Муромца, Алёшу Поповича, Чурилу, Добрыню, мужиковъ Залѣшанъ, видитъ ихъ сражающихся съ Соловьемъ-разбойникомъ, съ Ягой-Бабой, съ Кащеемъ безсмертнымъ, со Змѣемъ Горынычемъ, и встрѣтя вмѣсто ихъ незнакомцевъ, не знаетъ, гдѣ онъ, и ничему не вѣритъ.

Боярдо тщательно сохранилъ всѣхъ главныхъ героевъ, преданіемъ освященныхъ; но основавъ огромную ткань, прибавилъ къ нимъ множество своихъ, напаче на сторонѣ враждебныхъ Сарацинъ, что и весьма толково: въ менѣе извѣстномъ воленъ Поэтъ болѣе выдумывать; чудесное взялъ онъ изъ восточныхъ разсказовъ о волшебникахъ и феяхъ, драматическое участіе обратилъ на взаимную любовь Рогера и Брадаманты. Все сіе столько показалось великому Аріосту, что онъ, предпринимая написать на славу романическую эпопею, задалъ себѣ просто продолженіе и окончаніе Боярдовой, и вотъ другая причина, почему всѣ читаютъ *Влюбленнаго Роланда.* Познакомясь съ Аріостомъ, и увидѣвъ, что онъ по себѣ не имѣетъ, такъ сказать, начала, и предполагаетъ всегда въ читателѣ знакомство съ предшественникомъ, родится само собой желаніе свѣдать: откуда въ первый разъ появился такой-то герой, или съ чего завязалось такое-то приключеніе; ибо оба Роланда, *Влюбленный* и *Бѣшеный*, вмѣстѣ только составляютъ нѣчто полное и совершенно удовлетворительное.

Третья причина въ самой заманчивости разсказа. Есть мѣста точно прелестныя, на примѣръ самое начало: пріѣздъ Ангелики съ братомъ изъ дальняго Китая ко двору Карла великаго, и вдругъ во всѣхъ рыцаряхъ возгорѣвшаяся къ ней любовь, соперничество и состязаніе. Едва ли не отсель занялъ Тассъ свое прибытіе Армиды въ станъ Крестовиковъ. Весьма хорошо также первое появленіе полу-отрока Рогера, обреченнаго отъ рожденья на раннюю славу и смерть, опасно хранимаго отъ обѣихъ приверженнымъ къ нему старцемъ Атлантомъ среди неприступной и даже волшебно невидимой горы; отъисканный хитростью проворнаго карлика Брунеля, онъ прельщается зрѣлищемъ воинскихъ игръ, и вопреки всѣмъ убѣжденіямъ, увлеченъ судьбой и сердцемъ на войну и любовь, къ истинной вѣрѣ предковъ, и къ погибели отъ измѣнническихъ рукъ.

Объ Аріостѣ столько говорили и писали, что кажется и похвала и критика истощились; но такова часто неосновательность сужденій въ Словесности, что они сами не выдержатъ строгаго разбора. Винили Аріоста напаче за родъ его поэмы, полу-героической и полу-шуточной, за отступленіе отъ правилъ, древностью освященныхъ. Если бъ сказали только, что родъ Аріоста и подобныхъ ему вообще ниже истинной и серіозной эпопеи, что какъ бы хорошо ни было въ немъ все составлено, онъ по существу дѣла не удовлетворяетъ всѣхъ требованій читателя, и слишкомъ оскорбляетъ разсудокъ, достойный (что бы ни говорили Романтики) покрайней мѣрѣ такого же вниманія, какъ и прочія способности души человѣческой, — это было бы сущая правда; я увѣренъ что Аріостъ самъ думалъ то же, и охотно бы призналъ надъ собою превосходство Гомера или Виргилія; но онъ съ ними въ состязаніе и не шелъ, онъ въ низшемъ родѣ затѣялъ написать нѣчто отмѣнное, и написалъ: для чести его и этого довольно. Другіе хвалили его безъ мѣры за творческую силу, за созданье Эпопеи совершенно новой, за неисчерпаемое богатство вымысловъ, лицъ и происшествій; при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что Аріостъ почти ничего не создалъ, что все гораздо прежде, и понемножку, одно за другимъ, разными Поэтами сотворено; онъ же только, послѣдуя имъ, всѣхъ ихъ обогналъ. Еще нѣкоторые, и въ томъ числѣ Женгене, слишкомъ знакомые съ Италіей, чтобы Аріосту приписывать чужія выдумки, превозносятъ обиліе и достоинство его характеристики; и тутъ я не могу согласиться. Во первыхъ, всѣ главныя лица его поэмы взяты цѣликомъ изъ Боярда и составлены безо всякой перемѣны; иныя даже, на примѣръ: Ферагусъ, Сакрипантъ, Астольфъ, Брунель, имѣютъ въ первой поэмѣ болѣе физіогноміи и жизни. За Роланда справедливо укоряли обоихъ Поэтовъ, что они испортили сіе преданьемъ освященное лице, образецъ совершеннаго Христіанскаго рыцаря, выводя его влюбленнымъ, хотя онъ женатый человѣкъ; но въ этомъ можетъ Аріостъ оправдаться высокими красотами, какія онъ извлекъ изъ любовнаго безумія своего Паладина. Прочіе первостатейные воины: Ринальдъ, Градассъ, Мандрикардъ, Родомонтъ, имѣютъ всѣ равную храбрость, силу, честолюбіе и гордыню, но почти ничего особеннаго и своего. Рогеръ и Брадаманта, на чьей взаимной склонности основано главное участіе, отдѣланы со всевозможнымъ стараніемъ, но ихъ безъ оговорки похвалить нельзя: онъ нѣсколько душею слабъ и вялъ, она не совсѣмъ правдоподобно соединяетъ мужество неодолимое витязя и скромную невинность дѣвушки; ратница, привыкшая рѣзать людей въ бояхъ, одна разъѣзжать на конѣ по горамъ и пустынямъ, должна поневолѣ утратить женскую стыдливость и нѣжность, походить на Марфизу, а не на Брадаманту. Въ эпизодахъ или вводныхъ повѣстяхъ, которыхъ у Аріоста много, и прекрасныхъ, также вся прелесть въ событіи, плачевномъ либо забавномъ, отнюдь не въ характерахъ, слишкомъ даже сходныхъ: въ чемъ разница между Гиневры, Олимпіи, Изабеллы и Фіордилизы? въ положеніи, а не въ свойствахъ души; на мѣстѣ другой каждая сдѣлала бы то же. Но женщины хоть на женщинъ похожи; рыцари же всѣхъ эпическихъ романовъ такъ привыкли однимъ махомъ меча истреблять цѣлыя рати, такъ приглядѣлись къ чудесамъ всякаго рода, такъ много сами чудотворятъ, что ихъ не всегда можно почесть за людей, и отъ того всѣ они наконецъ кажутся однообразными, скучными и, такъ сказать, небывалыми.

Осмѣлюсь ли сказать свое мнѣніе объ истинномъ достоинствѣ Аріоста, справедливо возведшемъ его на первую степень между Стихотворцами, въ томъ же родѣ писавшими? Оно ни въ изобрѣтеніи, ибо онъ во всей поэмѣ своей послѣдователь, ни въ характеристикѣ, ибо она почти вездѣ недостаточна, ни въ слогѣ, ибо тогда достоинства его пропадали бы въ переводѣ и онъ немного болѣе имѣлъ бы читателей, нежели Бернардъ Тассъ; но въ удачномъ выборѣ богатаго, истинно-эпическаго содержанія, что уже я замѣтилъ о Боярдѣ, и паче всего въ хорошихъ, дѣльныхъ подражаніяхъ Древнимъ, которыми Аріостъ напиталъ, возвеличилъ и украсилъ сказочныя преданія Турпина и пр. Еще нужно замѣтить, что не Грекамъ, уважаемымъ нѣсколько даже нынѣшними Романтиками, но Латинамъ, въ особенности Катуллу, Виргилію и Овидію, обязанъ Аріостъ за лучшія мѣста своего *Роланда*, за тѣ именно, коими онъ отъ всѣхъ предшественниковъ и послѣдователей своихъ отличается. Аріостъ, какъ всѣ истинно просвѣщенные геніи, и наипаче его соотечественники, исполненъ былъ любви и почтенія къ Древнимъ; Латинскихъ же Стихотворцевъ зналъ, такъ сказать, наизусть; и тамъ, гдѣ ихъ духомъ напитавшись и всѣ шутки оставя, онъ отъ души примется за дѣло, кисть его становится и смѣлѣе и вѣрнѣе, рисуетъ картины объема бо́льшаго, близкія къ природѣ, и никогда нравиться не перестающія. Таковъ приступъ Сарациновъ къ Парижу, гдѣ свирѣпствуетъ Родомонтъ; таково предпріятіе усердныхъ слугъ, Клоридана и Медора, предать землѣ убитаго въ сраженіи своего Государя, съ чѣмъ непосредственно связана любовь Ангелики къ израненному юношѣ, и ревностію рожденное безуміе Роланда, безуміе мрачное, неистовое, трагическое, отнюдь не забавное, какъ думалъ и говорилъ на обумъ Вольтеръ, напоминающее не Донъ-Кихота, какъ онъ изволилъ полагать, но Аякса Софоклова и Иракла Эврипидова; такова еще картина вражды, смутившей весь станъ Царя Аграманта и радостно возкликнувшей при наступающемъ кровопролитіи. Развязка поэмы не такъ высокаго достоинства; однако трудное положеніе Рогера и Брадаманты, ихъ глубокое отчаяніе и нечаянное соединеніе, сильное возбуждаютъ участіе; а послѣдній бой Рогера съ Родомонтомъ, разсказанный совершенно во вкусѣ Древнихъ, прекрасно вѣнчаетъ все дѣло. Еще повторяю: тамъ особенно великъ и похвалъ достоинъ Аріостъ, гдѣ онъ не Романтикъ, а Классикъ.

Одно изъ удачнѣйшихъ подражаній Древнимъ въ *Роландѣ*, эпизодъ Клоридана и Медора, о коемъ я упомянулъ еще по случаю *Энеиды*. — Первоначальный образецъ находится, какъ уже сказано, у Гомера; ночной удалый подвигъ Діомида и Улисса разсказанъ такъ живо и вѣрно, всѣ обстоятельства такъ схвачены съ натуры, все до такой степени очевидная правда, что при строгомъ эстетическомъ сличеніи ни одно подражаніе къ подлиннику и близко не подойдетъ. Можетъ быть Виргилій для того и прибѣгнулъ къ чувствительности читателей, чтобы тѣмъ замѣнить неравенство вѣрности и силы. Двое юношей, тѣсною дружбою связанные, осмѣливаются изъ осажденнаго врагами стана итти сквозь непріятельскій, возвѣстить главному начальнику, опасность грозящую безъ него оставленнымъ воинамъ; пользуясь тьмою ночи и сномъ безпечныхъ Рутуловъ, они мимоходомъ нѣсколько ратниковъ убиваютъ, и младшій изъ двухъ, Эвріалъ, обременяетъ себя частію вражьихъ доспѣховъ. Конный отрядъ сопротивныхъ ихъ встрѣчаетъ, они бѣгутъ прочь, и Низъ успѣлъ бы спастись, но Эвріалъ, отягченный оружіемъ, захваченъ; другъ, жалѣя о немъ, стрѣлами изъ засады ранитъ двухъ всадниковъ; начальникъ ихъ въ гнѣвѣ разитъ Эвріала; тогда Низъ въ отчаяньи выбѣгаетъ, мститъ убійцѣ, и самъ многими ударами пронзенный, падаетъ мертвъ. Отсѣченныя головы несчастныхъ юношей воткнуты на копья, и вскорѣ молва о смерти ихъ дошла до престарѣлой матери Эвріала; скорбь ея изливается въ нѣжнѣйшихъ жалобахъ, всѣ утѣшенія напрасны, и она лишается чувствъ, межъ тѣмъ какъ Рутулы готовятся приступомъ взять крѣпкій огражденный станъ, а Трояне спѣшатъ ихъ отъ стѣнъ отразить.

Во всѣхъ подробностяхъ Аріостъ слѣдовалъ по пятамъ за Виргиліемъ, даже непохвально тамъ, гдѣ Медоръ, какъ Низъ, молитъ богиню ночи, луну или Діану, озарить лучами окрестность; такая молитва хороша въ устахъ человѣка, вѣрующаго въ Діану, и неприлична Мусульманину, служителю Единаго Бога. Матери у Аріоста нѣтъ; но главное и лучшее его отступленіе отъ образца въ томъ, что онъ собралъ на Медора участіе, Латинскимъ Поэтомъ между двухъ друзей раздѣленное; здѣсь Клориданъ искусно поставленъ въ нѣкоторую противуположность съ юнымъ товарищемъ.

Послѣ сраженія, выиграннаго Франками, стоятъ они оба на стражѣ въ станѣ побѣжденныхъ, и Медоръ открываетъ свое намѣреніе: во что бы ни стало, сходить на поле битвы, отъискать среди труповъ убитаго своего господина и благодѣтеля Царя Дардинеля, и доставить ему хотя честь погребенія. Добрый Клориданъ, стрѣлокъ искусный, дивится благородной смѣлости прекраснаго юноши, и жалѣя подвергнуть его опасности одного, рѣшается какъ пѣстунъ ее съ нимъ раздѣлить. Вынося на плечахъ тѣло Дардинеля, они встрѣчены непріятельской конницей; Клориданъ бѣжитъ, но Медоръ не въ силахъ разстаться съ драгоцѣнною ношей; забывая себя, силится ее спасти и защитить (*). Сіе великодушіе молодаго Сарацина раждаетъ жалость въ вождѣ непріятельскаго отряда: онъ бы желалъ его спасти, но стрѣлянія Клоридана изъ чащи лѣсной раздражаютъ поражаемыхъ Христіанъ, и одинъ изъ простыхъ воиновъ самовольно наноситъ Медору ударъ, по счастію не смертельный; брошенный въ полѣ подлѣ убитыхъ Дардинеля и Клоридана, онъ нечаянно найденъ Ангеликой, ею призрѣнъ, изцѣленъ, и наконецъ ея любовью возведенъ изъ бѣдныхъ отроковъ въ супруги великой и прекрасной Царицы: такъ Аріостъ хотѣлъ наградить сего юношу fedele e bello.

Счастливая мысль и похвальная, созданіе сего характера для предназначеннаго Сочинителемъ зарожденія любви въ красавицѣ, ко всѣмъ равнодушной и непреклон-

---

(*) Тутъ находится занятое у Стація прелестное сравненіе съ медвѣдицей, охраняющей дѣтей отъ охотниковъ, наизусть извѣстное всѣмъ любителямъ Итальянской Поэзіи.

ной. Правда, она уже прежде любила Ринальда; но сія волшебствомъ произведенная страсть, другимъ волшебствомъ обратившаяся въ ненависть и отвращеніе, въ счетъ нейдетъ: просто, какъ всѣ люди, влюбилась Ангелика впервые. Счастливецъ долженъ былъ непремѣнно во многомъ несходствовать съ сильными могучими богатырями, имъ безъ оружія побѣжденными: но куда хорошо, что хоть здѣсь Поэтъ не предался лишней сатирической склонности, и не оподлилъ первой своей красавицы страстью къ какому нибудь безобразному карлику Эѳіопу, въ родѣ фаворита супруги Лонгобардскаго Короля Астольфа. Спасибо Виргилію, если его эпизодъ здѣсь направилъ Аріоста на благороднѣйшій путь; и жаль, что Медоръ, одно изъ лучшихъ лицъ въ *Бѣшеномъ Роландѣ*, показавшись вдругъ въ такой красотѣ духа и тѣла, почти въ слѣдъ за тѣмъ пропадаетъ. Самъ Поэтъ, кажется, чувствовалъ то же, и неволею ограничиваясь въ своемъ безъ того обширномъ планѣ, предоставляетъ другому на лучшей лирѣ воспѣть еще Ангелику и Медора.

Я долго остановился на семъ эпизодѣ, представляющемъ весьма любопытное сравненіе; но если бъ столько же хотѣлъ сказать о каждомъ примѣчанія и похвалы достойномъ мѣстѣ въ поэмѣ, конца бы не было. Красоты Аріоста не имѣютъ того безпорочнаго совершенства, какое Древніе находили: въ нихъ почти всегда есть что похулить; въ лучшемъ даже изо всѣхъ отрывкѣ, въ безуміи Роланда, кое-гдѣ пересолъ; но за то хорошаго такъ много, что совѣстно придираться къ человѣку, доставляющему столько удовольствія.

Планъ поэмы, сколько многосложность позволяла, удивительно обдуманъ; Сочинитель, развлеченный тьмой несчетною предметовъ, не выпускаетъ изъ виду ни одного; всѣ въ свое время покажутся, и смѣнятся другими. Почти такое же искуство замѣтно и въ Боярдѣ, только (какъ выше сказано) Аріостъ лучшими вещами свое твореніе напиталъ. Языкъ его прекрасенъ, способенъ къ выраженію высокаго и низкаго, жалкаго и смѣшнаго, кровавыхъ битвъ и роскошной любви; но въ простыхъ и фамиліярныхъ мѣстахъ онъ еще свободнѣе, отъ чего теряетъ болѣе соперника своего Тасса въ переводѣ; кто же хочетъ знать его вполнѣ, пусть научится читать по-Итальянски: трудъ его не пропадетъ.

Прежде писали въ Италіи множество романическихъ эпопей, а послѣ Аріоста ихъ появилось еще болѣе. Не имѣвъ случая ихъ читать, полагаю однако, что въ нѣкоторыхъ должны быть пріятные вымыслы, и что не безполезно бы познакомиться съ ними всякому Стихотворцу, желающему написать нѣчто въ томъ же волшебно-богатырскомъ родѣ.

Но извѣстнѣйшій изъ послѣдователей Аріоста: Фортигуерра, написавшій своего *Ричардета* уже въ XVIII столѣтіи. Сія поэма весьма пріятная бездѣлка (я смотрю не на величину, а коли смѣю сказать, на вѣсъ); написалъ онъ ее за словомъ очень скоро, и что болѣе приноситъ ему чести, нежели такое проворное сочиненіе, есть причина, побудившая его дать волю перу. Онъ имѣлъ споръ съ нѣкими полуромантиками, утверждавшими: что сказочныя поэмы, гдѣ воображенію дана полная и безотчетная свобода, также хороши и мудрены, коли не лучше и не труднѣе серіозныхъ и дѣльныхъ. Фортигуерра, справедливо оспоривая такое безразсудное мнѣніе, вызвался, въ подкрѣпленіе своего, представить вскорѣ и безъ большаго труда нѣчто въ превозносимомъ ими родѣ, что имъ самимъ покажется не дурно, признаваясь въ невозможности даже приняться на-скоро за настоящее и толковое; отъ него требовали исполненія обѣщанія, и онъ началъ имъ пѣснь за пѣснью выдавать *Ричардета*. Въ поэмѣ, написанной такъ, высокихъ и отмѣнныхъ красотъ нельзя искать, но кто любитъ шутки, особенно Итальянскія, съ удовольствіемъ можетъ ее прочесть.

Всѣ сіи поэмы посвящены эпохѣ Карла Великаго; исключеніями могутъ почесться: *Гиронъ ласковый* (il Cortese) Аламанія, и *Амадисъ* Бернарда Тасса, отца знаменитаго Торквата. Обѣ поэмы сіи заслуживаютъ уваженіе; *Амадисъ* подходитъ даже достоинствомъ стихосложенія къ самому лучшему, и въ описаніяхъ сладостныхъ, нѣжныхъ и роскошныхъ, можетъ равняться съ извѣстнѣйшими въ семъ родѣ у его сына. При всемъ томъ, *Амадисъ* и *Гиронъ* впали въ забвенье, и врядъ ли когда изъ него выйдутъ. Главный недостатокъ въ содержаніи: это просто романы въ стихахъ; и кому охота читать такое множество стиховъ, гдѣ ничего не узнаешь, кромѣ что въ такое-то небывалое время, съ такимъ-то несуществовавшимъ рыцаремъ случились такія-то невозможныя приключенія? Какъ ни говори, rien n'est beau que le vrai, и сей истины ищутъ даже въ лавиринѳѣ вымысловъ и басней.

Выбрать для эпической поэмы эпоху Пандектовъ жестокая неудача: она случилась съ Триссиномъ; къ вящшему горю, затѣялъ онъ идеальныя Гомеровы картины вставить въ золоченую рамку Византійскаго дворца, и вышла каррикатура, тѣмъ забавнѣе, чѣмъ степеннѣе и важнѣе тонъ разсказа. Въ другомъ родѣ, равно высокомъ, Авторъ оказалъ дарованія, и онъ же первый въ Италіи подалъ примѣръ благородныхъ бѣлыхъ стиховъ; но поэма его не заслуживаетъ ни чтенія, ни разбора, и даже повредила искуству, укоренивъ своимъ неуспѣхомъ исключительное предубѣжденіе къ октавамъ и романтической примѣси въ эпопеѣ.

Сіе предубѣжденіе очевидно подѣйствовало на знаменитаго творца *Освобожденнаго Іерусалима*. Усердный поклонникъ Древнихъ, онъ не отваживался однако, предпринимая героическую поэму, держаться строго ихъ простоты; но въ угожденіе господствующему вкусу, и отъ желанія блеснуть, многія мѣста вмѣсто чистаго золота убралъ мишурою, въ чемъ не безъ основанія укоряли его Академики della Crusca и Депрео. Можетъ быть, есть и другая причина: Тассъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ, не былъ одаренъ той здравостію разсудка, которая не менѣе чувства и воображенія нужна для великаго Поэта; въ лучшихъ годахъ онъ примѣтно помѣшался, еще ранѣе былъ, кажется, къ тому расположенъ, и написанное имъ аллегорическое изъясненіе поэмы служитъ горестнымъ доказательствомъ склонности его къ бреднямъ всякаго рода. Оставимъ это, и займемся Поэтомъ.

Рѣдко случалось кому попасть на столь выгодный предметъ: Крестовый походъ подъ начальствомъ Годфреда конечно одно изъ самыхъ блистательныхъ и поэтическихъ событій новой Исторіи. Правда, что глава войска Французъ, но Поэтъ могъ (что и сдѣлалъ), оставя его на роли Агамемнона, выбрать Ахилла изъ рыцарей Итальянцевъ, ему подчиненныхъ. Жаль, что Тассъ не выбралъ никого изъ извѣстныхъ сколько нибудь, а въ честь Феррарскому Герцогу, своему тогдашнему покровителю, создалъ изъ головы небывалаго Ринальда, мнимаго предка семейства Эсте. Чтобы лице вымышленное посреди историческихъ имѣло равную имъ истину, нуженъ творческій даръ чрезвычайный; его кажется недостало на это въ самомъ Тассѣ, и Ринальдъ вышелъ малъ на большомъ мѣстѣ. Справедливо охуждали, что онъ въ поэмѣ почти ничего не дѣлаетъ: высланный изъ стана при началѣ за юношескую ссору, онъ попадаетъ къ Армидѣ, и нѣжится съ нею, пока разочарованный силою волшебнаго щита, возвращается къ войску Крестоносцевъ, зачѣмъ? что бы срубить завороженое дерево! Тутъ нужно замѣтить еще ошибку Поэта: всѣ прочіе воины, ходившіе на тотъ же подвигъ, хотя и не успѣли, болѣе кажутся храбрыми, потому что силою чаръ Исменовыхъ имъ въ лѣсу встрѣчались ужасы и препятствія неодолимыя; напротивъ Ринальдъ не видитъ ничего, кромѣ роскоши и прелестей, и коли онъ не задолго передъ тѣмъ смогъ уже сбросить иго и презрѣть существенную красоту Армиды, въ него страстно влюбленной, вѣроятно ли, чтобъ онъ далъ себя обольстить суетнымъ призракамъ колдуна? Въ послѣднемъ сраженьи онъ, правда, отличается и убиваетъ грознаго Солимана, но подвиги его опоздали; не видавъ прежде отъ него ничего подобнаго, подумаешь, что разсказщикъ, пристрастный по тайнымъ связямъ, приписываетъ ему лишнее и небывалое, чтобы нѣсколько загладить въ мнѣніи нашемъ его дотолѣ ничтожество. Тассъ подъ конецъ призналъ правоту критикъ на сіе лице, и перекрестивъ Ричардомъ въ *Покоренномъ Іерусалимѣ*, щедрой рукой надѣлилъ его богатырскими дѣлами; но ослабшій тѣломъ и духомъ, рабски списывалъ съ Ахилла, и вышло, что всегда въ такомъ случаѣ выходитъ: бездушная копія. Таково было однако жь заблужденье или пристрастіе многихъ судей и Стихотворцевъ, что они не краснѣя равняли Ринальда съ Ахилломъ: жаль ихъ, если они точно не имѣли способности чувствовать и постигать истинно высокое; но если по разсчету и примѣркѣ собственныхъ силъ, они старались обморочить, выдавая за превосходное то, къ чему сами поближе, что тогда объ нихъ подумать и сказать?

Всѣхъ лучше выведенное лице, есть по моему Годфредъ, чьимъ имянемъ сначала называлась поэма; въ немъ весьма искусно представленъ и мудрый военачальникъ, и храбрый рыцарь, и благочестивый Христіанинъ того времени. Тѣ же почти свойства съ приличной оттѣнкою украшаютъ вѣжливаго и безстрашнаго Танкреда. Изъ Раймонда Тулузскаго сотворилъ Тассъ совѣтнаго старца, родъ Нестора, и онъ хорошъ; но не лучше ли бы было эту роль передать кому другому, а Графу de St. Gilles оставить его историческую краску, весьма яркую и живую? Трудно понять, отъ чего Поэтъ не воспользовался ни имъ, ни совмѣстникомъ его хитрымъ Боэмондомъ, хотя они были первые люди по Годфредѣ въ семъ славномъ походѣ. Вообще кажется, Тассъ мало обратилъ вниманія на Исторію и преданія, на отличительныя свойства времени и мѣста; война въ Палестинѣ за гробъ Христовъ естественно пробуждаетъ воспоминанія религіозныя: ихъ почти нѣтъ. Любовь Армиды къ Ринальду и Ринальда къ Армидѣ, Танкреда къ Клориндѣ и Эрминіи къ Танкреду, все затмѣваютъ; и хотя въ нихъ безъ сомнѣнія много прекраснаго, но ждешь не того, чего ждешь недождешься, и вкупѣ восхищаешься и негодуешь.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Карлъ Смѣлый или Анна Гейерштейнская, дѣва мрака. Соч. Сира Вальтеръ-Скотта. Пер. съ Англійскаго С. де-Шаплетъ, 5 частей съ портретомъ Автора.— Спб. въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутр. Стражи, 1830. (Въ 1-й части 232, во 2-й 227, въ 3-й 234, въ 4-й 272 и въ 5-й 264 — XIX стран. въ 8-ю д. л.)

Разсказываютъ, что есть на Руси одинъ Романистъ, который всякой разъ, принимаясь за сочиненіе новаго романа, даетъ клятву своимъ друзьямъ удавиться, ежели его произведеніе не будетъ выше созданій Валтеръ-Скотта. Не слышно, чтобы кто нибудь изъ нынѣшнихъ Рускихъ Писателей лишилъ себя жизни, но къ сожалѣнію, не видно у насъ и романовъ, достоинствомъ своимъ, не говоримъ равныхъ, хотя бы издали похожихъ на творенія Шотландскаго Барда. Въ области Руской Литературы обильное поле романовъ, историческихъ, философическихъ, сатирическихъ, нравственныхъ и пр. и пр., ждетъ еще воздѣлывателей. Наши Писатели мимоходомъ, такъ сказать, сорвали съ него нѣсколько красивыхъ цвѣтковъ, дико выросшихъ на дѣвственной почвѣ. Если собрать всѣ замѣчательные Рускіе романы и повѣсти, то они едва ли составятъ одинъ томъ, величиною равный девятой части Исторіи Государства Россійскаго. Замѣчательными произведеніями называемъ мы хорошія, а чтобы написать что нибудь хорошее не надо шутить ни своимъ талантомъ, ни читателями. Валтеръ-Скоттъ не продавалъ своихъ романовъ, еще ненаписанныхъ, хотя Англійскіе книгопродавцы платятъ въ двадцать разъ болѣе нашихъ; напротивъ первые романы свои онъ выпускалъ въ свѣтъ, тщательно скрывая свое имя, извѣстное уже по его поэтическому таланту. Онъ былъ успокоенъ своею совѣстію, что не смотря, понравятся ли они толпѣ или нѣтъ, все ихъ оцѣнятъ люди, которые навѣрно замѣтятъ, что Авторъ для удовольствія читателей не жалѣлъ ни трудовъ, ни разнообразнаго своего таланта, и наградятъ его признательностію. Эта литературная совѣсть не помѣшала Валтеръ-Скотту отдавать должное отличнымъ его современникамъ. Мы въ немъ съ удовольствіемъ видимъ оправданіе прекраснаго изреченія Вольтерова:

> Je n'ai point d'ennemis; j'ai des rivaux que j'aime.

Всѣ нынѣшніе таланты Англіи суть друзья его, изъ которыхъ каждый, вѣроятно, имѣетъ кучу остервенѣлыхъ враговъ въ негодныхъ писачкахъ, досадующихъ на *знаменитость*, заслуженную дарованіемъ. Славный Шотландскій Романистъ далеко не похожъ на живописца Московскаго Телеграфа, который въ 12-мъ N° наконецъ явно признался въ печальномъ чувствѣ своего ничтожества. Видя, какъ статьи его щедушны, какъ онѣ безъ похвалъ и брани тонутъ одна за другою въ забвеніи, онъ вздумалъ утѣшать себя, съ насмѣшкою перепечатывая похвалы, въ разныя эпохи Руской Литературы воздаваемыя современиками людямъ отличнымъ. Не всѣ Гомеры, Шекспиры, Данте: не всѣхъ сочиненія выливаются въ нетлѣнную, совершенную форму; но полное безсмертіе сихъ избранниковъ Музъ не отнимаетъ у прочихъ Писателей надежды на другое, то же завидное безсмертіе: на безсмертіе Симеона Полоцкаго, Князя Хилкова, Буслаева, Елагина, Сумарокова и другихъ, т. е. на память именъ, уважаемыхъ потомствомъ за пользу, которую люди, носившіе ихъ, принесли языку и просвѣщенію своими неутомимыми, почтенными трудами, хотя обращавшими на себя вниманіе единыхъ современниковъ.

Съ благороднымъ образомъ мыслей и чувствъ всегда произведешь благородное, заслуживающее если не удивленіе, то навѣрное уваженіе. Низкія страсти лишаютъ насъ душевнаго спокойствія, безъ коего никакой талантъ ничего не сдѣлаетъ отличнаго. Поэзія есть добродѣтель, сказалъ извѣстный Поэтъ нашъ. Эта добродѣтель, это спокойствіе души видны во всѣхъ произведеніяхъ Валтеръ-Скотта. Отъ нихъ-то его сочиненія нравственны безъ всякихъ предварительныхъ намѣреній Автора; ибо въ душѣ хорошо созданной всѣ положенія жизни отражаются какъ-то наставительно и чисто: такъ очень обыкновенное мѣстоположеніе на поверхности зеркальнаго стекла представляется прекрасною картинкой. Предметъ романа: Карлъ Смѣлый, менѣе разнообразенъ и любопытенъ, чѣмъ многіе другіе романы того же Сочинителя, но искуство въ немъ видно одинаково. И въ немъ Валтеръ-Скоттъ, сверхъ обыкновенной романической занимательности, очаровываетъ читателей другою прелестію: онъ, такъ сказать, утоляетъ жажду нашего любопытства, раждающуюся при чтеніи строгой Исторіи. Онъ сближаетъ насъ съ оригинальными характерами, вскользь ею представленными по ихъ малому вліянію на человѣчество, и мы перестаемъ роптать на ея разборчивость и важность. Въ пяти томахъ нами объявляемаго романа, мы узнаемъ домашнимъ образомъ Карла Смѣлаго, Маргариту Анжуйскую и вдоволь наслаждаемся милымъ, безпечнымъ нравомъ добраго Короля Рене, забывавшаго въ идеальномъ мірѣ всю бѣдность существенности.

Руской переводъ Г-на де-Шаплета, какъ и прочіе его переводы, ясенъ и мѣстами чистъ; но къ сожалѣнію мы нигдѣ не замѣтили, чтобы нашъ Переводчикъ возпользовался своимъ знаніемъ Англійскаго языка. Онъ не старался передавать характеристику слога Валтеръ-Скотта, безъ чего для читателей все равно, съ какого бы языка онъ ни переводилъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 24-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ II, № 43. ЮЛЯ 30го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

БІОГРАФІЯ СЛАВНАГО АНГЛІЙСКАГО АКТЁРА КИНА (*).

> Behold! the prince, the slave, the monk,
> the jew, change but the garment.
>
> Crabbe.
>
> Смотрите! онъ и Царь, и рабъ, и монахъ, и Жидъ; перемѣните на немъ только платье.

Я видѣлъ Кина въ *Отелло*, но подожду, чтобы говорить о немъ, пока увижу нынѣшнимъ вечеромъ *Отелло* на театрѣ Ковентъ-Гарденскомъ. На этотъ разъ перескажу тебѣ нѣсколько анекдотовъ, собранныхъ мною объ Актёрѣ театра Дрюри-Ленскаго.

Эдмондъ Кинъ (Kean) родился 4-го Ноября 1787 года; отецъ его былъ Лондонскій портной, а дядя Моисей Кинъ, мимъ и чревовѣщатель (ventriloque) довольно извѣстный. Родители его не могли по бѣдности сами пропитать своего сына, и для того отдали его на Дрюри-Ленскій театръ, какъ скоро началъ онъ ходить, чтобъ онъ могъ являться въ пантомимахъ. Онъ началъ тамъ свое театральное воспитаніе подъ руководствомъ одного славнаго Балетмейстера. Сей учитель такъ ломалъ и коверкалъ юные его составы, что они получили отъ того необыкновенную гибкость, которая доставила бы Англіи *Пульчинелла*, могшаго состязаться съ Парижскимъ Мазюрье, когда бы безчеловѣчное воспитаніе не разстроило въ скоромъ времени здоровье мальчика, котораго кости такъ были вывихнуты, что онъ сдѣлался почти уродцемъ. Надъ нимъ сжалились и, по совѣту врачей, спѣшили употребить всѣ пособія *Ортопедіи* (*): ноги его опутали металлическими бинтами. Дотолѣ онъ представлялъ Купидона въ Гарриковомъ *Кимонѣ*; Директоръ театра далъ ему потомъ роль, болѣе сообразную съ его наружностью: роль чертенка, въ которой ему нужно было только закрыть свое лице, одаренное отъ природы самымъ счастливымъ выраженіемъ. Мальчикъ выдержалъ это превращеніе и насмѣшки, кои навлекало ему несчастное сложеніе его тѣла, гораздо съ большею философіей и веселостью, нежели должно было ожидать. Онъ отъ раннихъ лѣтъ понялъ, что ему должно было надѣяться только на самаго себя, и плодами его небрежнаго воспитанія были покрайней мѣрѣ безстрашіе характера и великая независимость ума. Ему едва исполнилось пять лѣтъ, когда онъ былъ прогнанъ съ театра за шалость, возбудившую въ Джонѣ Кемблѣ неумолимую досаду. Сей великій трагическій Актёръ, бывъ тогда Директоромъ театра, вздумалъ весьма некстати прибавить цѣлую сцену заклинаній къ трагедіи *Макбетъ*, и попытался произвести эфектъ съ помощію небывалой дотолѣ пышности представленія. Онъ набралъ многочисленную толпу дѣтей, назначенныхъ представлять чертенковъ всякаго вида и цвѣта и плясать вокругъ котла, въ коемъ три вѣщія сестры готовятъ чары, долженствующія погубить хищника-цареубійцу. Маленькой Кинъ, привычный къ этимъ фантастическимъ игрищамъ на сценѣ, долженъ былъ по наряду находиться въ семъ адскомъ хороводѣ; но въ ту минуту, когда Макбетъ вступалъ въ пещеру, Кинъ умышленно упалъ на мальчика, стоявшаго подлѣ него, тотъ на другаго и всѣ, какъ бы отъ электрическаго удара, мигомъ повалились. Кембль, разстроенный симъ смѣхотворнымъ случаемъ, и крайне ревност-

---

(*) Изъ книги: Voyage historique et litteraire en Angleterre et en Ecosse, par Amedée Pichot (*Историческое и литературное путешествіе по Англіи и Шотландіи, Амедея Пишо.* Парижъ, 1825, 3 Т. въ 8-ю д. л.) Переводчикъ Байрона и Вальтеръ-Скотта, Г. Пишо, разсказываетъ въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ своимъ любопытныя подробности о разныхъ предметахъ, видѣнныхъ имъ въ этомъ путешествіи. Особенно замѣчательны собранныя имъ свѣдѣнія о современныхъ Англійскихъ Писателяхъ, о театрѣ, драматическомъ искуствѣ, Актёрахъ и т. п.

(*) Искуство выправлять уродливое тѣло человѣка.

ный къ приличіямъ своего театра, распустилъ всю труппу и прежде всѣхъ выгналъ того, который былъ первою виною сего оскорбленія законовъ изящнаго. Кинъ почелъ обидными для своего званія слишкомъ строгіе выговоры Директора театра, и радъ былъ тому, чтобы пожить на свободѣ у своей матери; но его отдали въ училище, коего правила, хотя и очень не тягостныя, казались однако жъ ему нестерпимыми, и онъ вообразилъ, что гораздо счастливѣе будетъ на кораблѣ, отплывавшемъ къ острову Мадерѣ. Онъ записался въ юнки, и, какъ всякой отгадаетъ, скоро наскучилъ новымъ своимъ званіемъ и подчиненностью, каковой оно требовало. Но на сей разъ побѣгъ былъ невозможенъ, и ему оставалась одна только надежда на то, что его спишутъ съ корабля. Ему ничего бы не стóило провиниться противъ службы; но въ такомъ случаѣ должно было подвергнуться строгому и самовольному наказанію, а это казалось ему опаснымъ и ненадежнымъ. Притвориться больнымъ была первая мысль, представившаяся въ его лѣта; но не смотря на сильную простуду, причиненную ему перемѣной воздуха, желудокъ его пуще всего боялся діеты. Изъ всѣхъ болѣзней, между коими онъ колебался, одна только глухота казалась ему совмѣстною съ требованіями его желудка. Онъ и въ самомъ дѣлѣ притворился глухимъ, и такъ хорошо, что Капитанъ велѣлъ его свезти на берегъ въ больницу, гдѣ онъ цѣлые два мѣсяца обманывалъ лекаря, который наконецъ объявилъ, что только воздухъ родной стороны можетъ возвратить больному слухъ. Кинъ отправился обратно на томъ же кораблѣ, и долженъ былъ выдержать послѣднее испытаніе, которое служитъ свидѣтельствомъ геройской твердости его характера. Съ перваго вечера, густыя тучи собрались надъ моремъ и страшная буря цѣлую ночь бушевала. Смерть казалась неизбѣжною всѣмъ морякамъ. Вокругъ юнаго Кина всякъ суетился и старался выдерживать отчаянную борьбу съ неизбѣжнымъ почти кораблекрушеніемъ. Посреди рева валовъ и воплей ужаса, мальчикъ оставался глухимъ, безстрастнымъ и вѣрнымъ принятой имъ на себя роли (*).

Прибывъ въ Лондонъ безъ денегъ, онъ отыскалъ дядю своего чревовѣщателя, который, бывъ страстенъ къ театру, желалъ, чтобы племянникъ его предназначилъ себя для трагедіи. Но Кинъ думалъ, что его назначеніе только пантомима, и мастерство скакуновъ на веревкѣ казалось ему высшимъ усиліемъ генія. Однако ужè послѣ смерти своего дяди и покровителя вступилъ онъ въ труппу сихъ скакуновъ. Онъ *дебютировалъ* на ярмаркѣ Св. Варѳоломея, въ видѣ обезьяны, и превзошелъ всѣхъ мартышекъ, извѣстныхъ подлинно волшебною гибкостью своихъ членовъ. Для него не было трудныхъ прыжковъ, и, къ великому удивленію любопытныхъ, онъ, казалось, перемѣнялъ свой видъ, какъ истинный Протей, принималъ даже видъ змѣи, подобно жезлу Ааронову.

Жизнь бродящая и перемѣнная крайне нравилась независимому характеру Кина, и потому онъ не могъ на долго привязаться къ одному чему нибудь. Можетъ быть также съ лѣтами онъ постигъ, что ему дозволительно честолюбіе, болѣе благородное, и онъ не отказывался долѣе отъ чести быть истолкователемъ Поэтовъ драматическихъ, не вовсе однако жъ отказавшись и отъ славы фокусника. Онъ сдѣлался бродящимъ Актёромъ, и вытерпѣлъ всѣ превратности сего ремесла.

Бранчивые Критики часто дѣлали противъ него выходки. Разсерженный несправедливыми порицателями и не хотѣвшій изъ гордости покориться дурному провинціяльному вкусу, онъ осмѣлился однажды пойти на зло свистковъ въ одно представленіе *Ричарда*, и наложить молчаніе на раекъ, обратясь къ нему и сказавъ значительнымъ голосомъ сей стихъ трагедіи:

> . . . . Unmannered dogs, stand ye where I command.
> Псы-неучи! молчать, когда велю!»

Джонъ-Булль не всегда оказываетъ уваженіе Королямъ, не только на театрѣ, но и на тронѣ. Шумъ на время утихъ только въ надеждѣ оправданія; но Кинъ пренебрегъ ревъ черни и сказалъ ей, что она оказала одинъ только признакъ человѣческаго смысла въ томъ, что приняла на свой счетъ значеніе стиха, взбѣсившаго ее. Дѣло сіе, окончившееся изгнаніемъ Актёра, сблизило его съ Лондономъ. Въ Дорчестерѣ былъ онъ замѣченъ, въ 1813 году, Режиссёромъ Друри-Ленскаго театра, разъѣзжавшимъ по тамошней провинціи для набора Актёровъ, способныхъ приманить снова толпу въ помянутый театръ. Этотъ Режиссёръ убѣдилъ его подписаться подъ условіемъ, и Кинъ дебютировалъ въ Январѣ 1814 года ролею Жида Шайлока (*). Дебютъ его надѣлалъ шуму; но Кинъ былъ узнанъ Директоромъ одного изъ театровъ низшаго разряда, заключившимъ прежде съ нимъ условіе и требовавшимъ его для буфонскихъ ролей въ его балаганъ. Трагедія и Фарса оспоривали нѣсколько времени Кина одна у другой, хотя и не въ такомъ пріятномъ видѣ, какъ въ аллегорической картинѣ Рейнольдса, гдѣ Гаррикъ колеблется между улыбками Мельпомены и ласковымъ смѣхомъ Таліи (**): на сей разъ, трагедія одержала побѣду. Друри-Ленскій театръ узналъ всю цѣну своего новаго пріобрѣтенія

(*) Здѣсь, кажется, у мѣста привести извѣстные стихи Горація:

> ....Si fractus illabatur orbis,
> Impavidum ferient ruinæ.

(*) Въ Шексировой комедіи: *Венеціянскій купецъ* (the Merchant of Venice).

(**) Картина сія есть подражаніе другой: *Геркулесу между Добродѣтелью и Удовольствіемъ*.

только тогда, когда Кинъ явился въ роли Дюка Глостерскаго. Восторгъ, возбужденный имъ, былъ причиной, что съ нимъ заключили новое условіе, въ силу котораго онъ получалъ уже не по два, а по двадцати фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю; и этого не слишкомъ еще много было для Актёра, который доставлялъ по меньшей мѣрѣ пятнадцать разъ на мѣсяцъ по семи сотъ гиней сбору. Самыя лестныя приглашенія отвсюду посыпались къ бывшему ярмарочному Арлекину, который, сказываютъ, любитъ предпочтительно вольность низшихъ обществъ, а особливо пьяныя пирушки. Подарки банкировъ и вельможъ доказали ему, что онъ заслужилъ полное одобреніе не одного только райка: собрана была многочисленная подписка для поднесенія ему золотаго кубка, и въ числѣ подписчиковъ находился Лордъ Байронъ.

Знаменитый Шериданъ, оскорбленный Комитетомъ Дрюри-Ленскимъ, поклялся, что никогда нога его не будетъ въ этомъ театрѣ, котораго самъ онъ былъ когда-то Директоромъ. Молва о славѣ Киновой возбудила однако жь его любопытство; но, упорствуя въ своей злопамятливости, онъ не рѣшался видѣть ни Ричарда, ни Отелло, ни Шайлока, и удовольствовался тѣмъ, чтобы посмотрѣть Кина не на сценѣ. Онъ уговорилъ общаго ихъ знакомаго пригласить Кина къ обѣду, и цѣлые шесть часовъ всматривался въ его взоры и пріемы, вслушивался въ его голосъ такъ внимательно, что позабылъ наливать себѣ вино и не выпилъ ни одной рюмки.

Кинъ, можетъ быть, единственный человѣкъ, могущій похвалиться, что заставилъ Шеридана измѣнить бутылкѣ. Когда же Актёръ принужденъ былъ итти къ своей должности, то Шериданъ такъ былъ занятъ всѣмъ тѣмъ, что угадывалъ объ его талантѣ, что не въ силахъ уже былъ противиться искушенію, и пошелъ присовокупить свои рукоплесканія къ одобреніямъ многочисленныхъ зрителей, собравшихся въ тотъ вечеръ смотрѣть *Новый способъ платить старые долги* (*).

Я также видѣлъ Кина въ этой романтической комедіи, замѣчательной по глубокой роли Сира Джейльса Овреча.

Сиръ Джейльсъ человѣкъ, дѣятельнымъ корыстолюбіемъ своимъ скопившій столько богатства, что, не видя за нимъ ничего болѣе на свѣтѣ, онъ обращаетъ взоры на самого себя: дивится уму своему, и созидаетъ себѣ кумиръ изъ своего эгоизма. Себя же самого любитъ онъ и въ своей дочери, которую рядитъ въ свои драгоцѣнности и хочетъ выдать замужъ за Лорда, чтобы доставить ей знатность и чины. Эти знатность и чины презираетъ онъ въ другихъ, какъ вещи ничтожныя; но по противорѣчію, свойственному нашей природѣ, ему кажется, что въ его домѣ будутъ они истинными почестями. Сиръ Джейльсъ человѣкъ злой и порочный, котораго Поэтъ надѣлилъ душею сильною и способною къ самымъ пылкимъ страстямъ. Чтобы достигнуть цѣли новыхъ своихъ честолюбивыхъ видовъ, Сиръ Джейльсъ являетъ тотъ характеръ, ту твердость духа и ту изобрѣтательную настойчивость, кои принадлежатъ къ числу свойствъ генія.

Кинъ оригинально выражаетъ эгоизмъ, гордость и звѣрское безчеловѣчіе сего драматическаго лица. Герой сей, по духу роли, почти мѣщанинъ; и легко понять, что Кинъ охотнѣе съ нимъ освоивается, нежели съ героями вѣнчанными. При всемъ томъ, съ незамѣтнымъ искусствомъ приготовляетъ онъ насъ къ драматическому эфекту послѣдняго дѣйствія, когда Сиръ Джейльсъ, проведенный, пойманный въ собственныя свои сѣти, обманутый во всѣхъ своихъ планахъ, съ насиліемъ разрываетъ послѣднія узы, связывавшія его съ обществомъ, и выказываетъ все бѣшенство дикаго звѣря. Я не видывалъ ничего ужаснѣе сего изступленія страсти, сего отчаянія обманутой мести, сей неистовой злобы, пожирающей самую себя. Шериданъ вѣрно не раскаялся въ томъ, что позабылъ для такого зрѣлища обиды и притѣсненія театральнаго Комитета.

Съ Франц.

СМУГЛЯНКА.

Пусть говорятъ, она дурна:
Смугла, какъ дикая Цыганка
И какъ затворница блѣдна;
Но мнѣ коварная смуглянка
Какъ память юности мила!
Она жива, стройна какъ Геба,
Ея улыбка весела
Какъ видъ безоблачнаго неба.
Какъ свѣжи у нея уста!
Какъ томный взоръ ея сверкаетъ,
Когда его любви мечта
Огнемъ желанья освѣщаетъ!
Какъ жемчугъ блещетъ рядъ зубовъ,
Какъ смоль чернѣютъ кудрей волны
И голосъ, райскихъ звуковъ полный
Отраденъ, сладокъ какъ любовь!
Въ ней все меня обворожаетъ:
Ея игривый, смѣлый умъ
Какой-то странностью плѣняетъ
И быстрой смѣсью важныхъ думъ
И дѣтскихъ мыслей увлекаетъ.
Рѣзва, задумчива, нѣжна,
Добра, лукава, холодна;
То горделива, какъ свобода,

(*) A New way to pay old debts, комедія Месинджера.

То вдругъ послушна, какъ раба,
То непритворна, какъ природа,
То непонятна, какъ судьба,
Она, искуствомъ обладая
Ежеминутно новой быть,
Умѣетъ сердце истомить,
Себя по волѣ измѣняя.
За то давно молва прошла,
Что будто Фея молодая,
Земныя страсти покидая,
Ей власть и прихоть отдала;
И съ той поры красой могучей
Все дышетъ и плѣняетъ въ ней
И страстью жаркой и кипучей
Волнуетъ миръ души моей.
Я все, что носитъ имя счастья
И жизнь мою готовъ отдать,
Чтобъ на груди ея узнать
Взаимный трепетъ сладострастья,
Чтобъ въ бѣглыхъ, пламенныхъ словахъ
Услышать робкое признанье
И пить на розовыхъ устахъ
Ея душистое лобзанье.

Пушкин?

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ,
Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный....
Погибъ и кормщикъ и пловецъ! —
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Пушкинъ

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Продолженіе.*)

Подробный разборъ плана *Освобожденнаго Іерусалима* вышелъ бы длиненъ, и непріятенъ обязанностью часто по разсудку обвинять великаго Поэта, кому по чувству хотѣлось бы только удивляться. Изъ погрѣшностей должно часть приписать ошибочности первоначальнаго чертежа, часть бѣдствіямъ Тасса, недозволившимъ ему на досугѣ пересмотрѣть и что надобно исправить. По своему увидѣвъ ихъ напослѣдокъ, онъ всю поэму передѣлалъ подъ названіемъ *Покореннаго Іерусалима*, и желалъ, издавъ ее, прежнюю совершенно уничтожить, но неуспѣлъ въ своемъ намѣреніи; общее мнѣніе предпочло созданіе юноши, исполненное недостатковъ, но огнистое и живое, передѣлкѣ старца (ибо несчастный Торкватъ рано состарѣлся), гдѣ ничто новое и отмѣнное не вознаграждало за многія утраты.

Тасса весьма хвалятъ, отчасти справедливо, за достоинство характеристики; но о Крестовикахъ я уже сказалъ, что думаю. Сарациновъ и женщинъ Авторъ имѣлъ болѣе свободы творить по своему, и главныя лица: Аргантъ, Солиманъ, Клоринда, Эрминія и Армида, дѣйствительно дѣлаютъ ему честь; только въ нихъ больше блеску, нежели натуры. Олиндъ и Софронія созданы не воображеніемъ, а чувствомъ (*): отъ того они и вышли ближе къ правдѣ, даромъ что молодой человѣкъ переслащенъ. Лучшій на мой вкусъ изъ эпизодовъ *Іерусалима*, самый дѣльный, вѣроятный даже въ чудесномъ, съ главнымъ предметомъ согласный, словомъ классическій: смерть Свена и его Датчанъ, шедшихъ на помощь Годфреду, окруженныхъ ночью несчетнымъ множествомъ Аравлянъ степныхъ, и мужественно падшихъ на грудахъ тѣлъ непріятельскихъ въ честномъ бою. Здѣсь чувство не боится повѣрки разсудка, но имъ подкрѣпляемое, вдвое сильнѣе властвуетъ надъ душой.

Мнѣ остается разсказать другой эпизодъ, уже упомянутый, коего первый образецъ въ *Илiадѣ*. Ближе другихъ держась къ ней, Тассъ избралъ для совершенія опаснаго ночнаго подвига двухъ воиновъ силы и храбрости превосходной, ибо Клоринда, хоть женщина, мужествомъ равняется первымъ по ратти; она, завидуя славѣ, добытой Аргантомъ и Солиманомъ въ минувшей битвѣ, замышляетъ выйти одна въ темную ночь, и сжечь большую деревянную бойницу, оставленную Христіанами въ полѣ, подъ прикрытіемъ сильной стражи; Аргантъ, услышавъ ея намѣреніе, хочетъ раздѣлить съ ней опасность; Солиманъ, туда же стремящійся, удержанъ убѣжденіемъ старца Царя Іерусалимскаго; его дѣло будетъ съ частью войскъ сдѣлать вылазку во время, дабы совершивъ предпріятіе, смѣлая чета могла спастись отъ преслѣдованія вражескихъ полковъ и укрыться въ городъ. Такъ и такими людьми затѣянное дѣло имѣетъ полный успѣхъ: бойница истреблена огнемъ, и счастливо бы они возвратились, если бъ передъ самыми воротами пораженная Христіаниномъ Клоринда не бросилась въ гнѣвѣ на него, а Сарацины, непримѣчая, въ то самое время не заперли воротъ. Здѣсь

(*) Полагаютъ, и кажется основательно, что Тассъ имѣлъ въ виду самого себя, и любимую имъ сестру Герцога Феррарскаго, Элеонору.

начинается главное дѣйствіе эпизода, коему все занятое у Гомера въ ночной вылазкѣ двухъ богатырей, у Иліодора (*) и Виргилія (**) въ повѣсти о рожденіи и воспитаніи Клоринды, служило только приготовленіемъ. Рыцарь Танкредъ, страстно влюбленный въ Клоринду, одинъ примѣтилъ, что воинъ враждебный, убившій Христіанина, остался внѣ города и обходомъ въ него пробирается; погнался за нимъ, и вызываетъ на поединокъ. По оружью онъ узнать Клоринды не можетъ, ибо она въ эту ночь своего слишкомъ извѣстнаго не надѣла; имени гордая ратница не объявляетъ, хвалясь только быть однимъ изъ двухъ зажегшихъ бойницу. Гнѣвомъ дыша, начинаютъ они въ тьмѣ ночи смертный бой; нѣтъ искуства, ожесточилися оба, рубятъ и рѣжутъ; устали они, раздвинулись, оперлись на мечи, вздохнули; снова сошлись, бьются истекая кровью, и наконецъ отъ смертельнаго удара остріемъ въ грудь, пала Клоринда. За день дотолѣ узнала она, что родители ея были Христіане, что съ дѣтства берегли ея жизнь угодники Божіи, и что преступное нерадѣніе ея стараго пестуна одно лишило ее свѣта истины и вовлекло въ лжевѣріе Магометово; въ часъ смерти молитъ она побѣдителя спасти душу ея святымъ крещеніемъ; онъ спѣшитъ къ ручью, приноситъ въ шлемѣ воды, открываетъ ей лице, закрытое забраломъ, и узнаетъ.

Числа нѣтъ критикамъ, какимъ подверженъ сей эпизодъ; все невѣроятно: и рожденіе Клоринды, бѣлой и прекрасной, отъ родителей Эѳіоповъ, и воздоеніе ея отъ сосцевъ тигрицы, и воинственный бытъ дѣвы Мусульманки во II-мъ столѣтіи, и любовь Танкреда къ женщинѣ, которую онъ дважды видѣлъ въ лице, и чьего голоса не знаетъ. Надо допустить всѣ эти невѣроятности; но тогда уже нѣтъ мѣры и похваламъ, какія здѣсь Поэтъ заслуживаетъ: невольныя слезы льются при чтеніи, и недоумѣваешь рѣшить, въ чемъ больше достоинства: быть чуждымъ погрѣшностей, или такъ погрѣшать?

Въ слогѣ Тассъ точно то же, что и въ другихъ частяхъ; вездѣ примѣтно врожденное благородство, чувство и высота, и слишкомъ часто небреженіе, жеманство и сбитый вкусъ; гдѣ онъ хорошъ, тамъ мудрено придумать что лучше, но вообще фактура его октавъ уступаетъ въ круглости и мастерствѣ паденія Поліціану и Аріосту. Съ нимъ кончается Итальянская эпопея: ибо, il Meschino, il Costante, il Fido Amante, о коихъ говоритъ Женгене, и другія тому подобныя (буде есть), любопытны только для весьма ученыхъ Филологовъ, посвятившихъ особенный трудъ полному познанію какой нибудь одной Литтературы.

Героикомическихъ поэмъ у Итальянцевъ весьма много, но я скажу о нихъ весьма мало по самой простой причинѣ: у меня никогда не доставало терпѣнія ни одной, даже Тассоніевой, прочесть отъ доски до доски. У каждаго свой вкусъ: мой не терпитъ длиннаго ряда каррикатуръ; онѣ же почти всегда чуть состарѣются, становятся непонятны, и стало быть не смѣшны.

Первая трагедія, въ Италіи, а можетъ быть и во всей Европѣ игранная, есть Триссинова *Софонизба*, сочиненная совершенно по образцу Древнихъ, болѣе всѣхъ Эврипида. И потому что первая, и по всему, заслуживаетъ она большое уваженіе. Я всегда дивился отзыву ученаго Шлегеля, что онъ ея не знаетъ, съ прибавленіемъ, что сочинитель ему впрочемъ извѣстенъ за глупаго педанта. Непростительно, взявшись написать родъ курса драматической Словесности, не обратить вниманія на первое трагическое произведеніе новыхъ временъ, и осудить его не читавши, по другому творенію Автора въ другомъ родѣ. Можетъ быть Шлегель знать не хотѣлъ, но это еще непростительнѣе.

Многіе въ XVI-мъ столѣтіи упражнялись въ драматическомъ искуствѣ: иные, какъ Руччелаи, Аламанни, Дольче, воспитанные въ благоговѣніи къ Древнимъ, хоть слабо подражали имъ, и знакомили своихъ одноземцевъ съ нѣкоторой частью несчетныхъ красотъ Аѳинскаго театра; но въ то же время были и самобытные Геніи, смѣлые Романтики, писавшіе трагедіи, какъ любитъ Шлегель: не по Исторіи или преданіямъ, а по сказочкамъ (novelle), или прямо изъ головы. Жиральди Чинтіо дѣлалъ разомъ и то и другое, передѣлывая собственныя свои повѣсти въ драматическую форму. Само собой разумѣется, что Романтикъ нравился болѣе публикѣ: одна изъ его трагедій: *Орбека*, имѣла такой успѣхъ въ 1541-мъ году, какой въ наши дни *Тридцать лѣтъ игрока*; она ужасами едва уступитъ *Титу Андронику*; въ ней уже подаютъ на блюдѣ подъ платкомъ изрѣзанные члены двухъ дѣтей; правда, Шекспиръ запекъ ихъ въ пирогѣ, что еще разительнѣе. Въ другой трагедіи Жиральдія: *Аррепопіи*, могъ онъ же Шекспиръ занять *Симбелина*; изъ третьей, называемой *Эпитія*, онъ несомнѣнно почерпнулъ драму: *Мѣра за мѣру*, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній; и я принужденъ опять съ удивленіемъ спросить: какъ могъ Шлегель не знать трагедій Жиральди? Какъ могъ, зная ихъ, промолчать?

Въ комедіи Итальянцы, отчасти подражая Латинамъ, отчасти изобрѣтая, служили также первыми образцами для прочихъ Европейскихъ народовъ; много заимствовалъ у нихъ Мольеръ, и еще болѣе Шекспиръ. Изъ *Каландріи* Кардинала Бибіены взялъ онъ основу для *Двѣнадцатой ночи*, изъ Аріостовыхъ *Подложныхъ* для *Усмиренія злой жены*. Но ни Бибіена, имѣвшій честь начать, ни самъ Аріостъ, ни другіе Комики того вѣка, коихъ, вопреки мнѣнію незнающихъ, было много

(*) Сочинитель Греческаго романа: *Эѳіопики* или *Ѳеагенъ и Хариклея.*

(**) *Энеида*, книга XI, стихъ 532-й и слѣдующіе.

и не безъ достоинствъ, не могутъ близко подойти въ семъ родѣ къ истинно-геніальному, слишкомъ другими сочиненіями прославленному Макіавелю. Изъ четырехъ комедій его читалъ я одну *Мандрагору*, но этого довольно: въ ней имѣетъ Италія твореніе первостатейное, могущее выдержать сравненіе въ силѣ комической, глубинѣ и характеристикѣ со всѣмъ, что есть лучшаго у другихъ народовъ. Разсказать ее было бы долго и щекотливо, но пусть незнающіе языка подлинника прочтутъ хоть переводъ Ж. Б. Руссо: они мнѣ скажутъ спасибо за совѣтъ.

Третій родъ драматическій, совершенно принадлежащій Италіи и XVI-му столѣтію, пастушескій. Уже Поліціанъ въ *Орфеѣ* подалъ первый примѣръ около 1483-го года; нѣчто такое же сочинено Танзиломъ въ 1529-мъ, о чемъ я скажу болѣе въ разборахъ Поэзіи Испанской; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ не совсѣмъ удачныхъ, но безъ коихъ можетъ быть не вышло бы лучшаго, появился Тассовъ *Аминтъ*, столько уважаемый многими Филологами, что они удѣляютъ ему равное право на прославленіе творца съ *Освобожденнымъ Іерусалимомъ*: похвала чрезмѣрная, ибо твореніе мѣлкое, даже къ совершенству близкое, легче и доступнѣе человѣку съ дарованіемъ, нежели съ великими погрѣшностьми великое созданіе. Сказать правду, *Аминтъ* и не вовсе безъ грѣха; кисть живописца вездѣ нѣжна и роскошна, стихи сладки какъ медъ, благовонны какъ роза, звучны какъ соловей; но пастухи въ природѣ нигдѣ и никогда таковы не бывали; даже идеальный міръ требовалъ бы больше высоты, а не сладости, часто притворной, и мягкости, до которой боишься дотронуться. Драматическое достоинство слабѣе прочихъ, дѣйствія почти нѣтъ: несклонная къ любви пастушка сдается ей наконецъ послѣ многихъ сопротивленій, узнавъ, что пастухъ, въ нее влюбленный, въ отчаяніи бросился со скалы въ пропасть; потомъ выходитъ, что онъ убился не до смерти, и страсть его награждена. Ясно, что такая драма опытъ въ новомъ родѣ, и Критики оказали мало безпристрастія или чувства къ драматическимъ преимуществамъ, едва равняя съ нею или даже унижая драму Гуаринія: *Вѣрный пастухъ*, настоящій этого рода chef d' oeuvre, первый и едва ли не послѣдній образецъ пастушеской трагедіи.

Нужнымъ полагаю прежде всего, выписать отзывъ о ней Шлегеля: «*Вѣрный пастухъ* есть въ особенности неподражаемое произведеніе: оригинальное и «притомъ классическое; романтическое по духу въ немъ «представленной любви; обрисованное въ формахъ съ «величіемъ и простотою классической древности; ис«полненное и сладкихъ игривостей поэзіи, и высокой, «чистой красоты чувства. Едва ли кому изъ Поэтовъ «такъ удалось слить вмѣстѣ новыя и древнія свой«ства. Къ сущности древней трагедіи видѣнъ въ немъ «глубокій смыслъ, ибо идея судьбы одушевляетъ основу «пьесы, и главныя лица могутъ почестся идеальными. «Примѣшалъ онъ къ нимъ, правда, и каррикатуръ: но «онѣ таковы только по склонностямъ душевнымъ, а «не по подлости наружныхъ обычаевъ; точно также «и древняя трагедія даже подчиненнымъ лицамъ, ра«бамъ или вѣстникамъ, удѣляетъ часть въ общей важ«ности или благородствѣ.»

Любопытно знать: что бы сказалъ Шлегель, если бы терпѣливый Критикъ, разбирая драму Гуаринія, вызвался ему показать, что въ семъ по его словамъ: «безконечно важномъ для Поэзіи явленіи,» гдѣ слито древнее и новое, классическое и романтическое, всѣ достоинства, всѣ красоты, все хорошее и похвальное принадлежитъ первому, всѣ недостатки и пороки, все притворное и жеманное второму? Чѣмъ превосходенъ *Вѣрный пастухъ* въ основѣ и планѣ? глубокимъ смысломъ, съ какимъ Авторъ постигъ идею судьбы, и выдержалъ ее до правдоподобной и вкупѣ нечаянной развязки; чѣмъ прекрасны лица? тѣмъ, что лучшія имѣютъ идеальную высоту, а прочія сохраняютъ въ самой подлости чувствъ наружное благородство: ненавистны и не отвратны; чѣмъ прелестенъ слогъ? — величіемъ и простотою классической древности, высокой и чистой красотою чувства. Теперь что же, по общему приговору всѣхъ Критиковъ, соземныхъ и чужихъ, вредитъ симъ преимуществамъ, и нѣсколько ихъ помрачаетъ? Переслащеніе, манерность, вялость представленной любви Миртила къ Амариллѣ и Доринды къ Сильвіо, любви романтической, какъ говоритъ Шлегель. Какія мѣста наиболѣе холодятъ читателя, и мѣшаютъ истинному чувству овладѣть душой? тѣ, гдѣ Поэтъ пустился въ сладкія игривости (süsze Tändeleyen), въ романтическую игру словъ, въ такъ называемые Французами concetti. Прошу читателей, сколько нибудь безпристрастныхъ, обратить вниманіе на мои слова, и подумать.

Продолжали и послѣ Гуаринія писать пастушескія драмы; но если Бонареліева *Филлида Скиросская*, которую не краснѣя печатаютъ рядомъ съ *Аминтомъ* и *Вѣрнымъ пастухомъ*, точно лучше другихъ, не многаго онѣ стоютъ. Приведу изъ нея примѣръ: до какой истины доходитъ представленіе романтической любви. Тамъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ, ростетъ въ лѣсахъ вредная трава, ядовитая; одно средство изцѣлить вкусившаго ее — выкупать поскорѣе: поѣла травы коза, умерла; ее бросили въ воду, ожила. Пастушка Челія, любимая двумя молодыми пастухами, съ горя, что ей самой оба милы равно, рѣшается отравиться, съѣла травку, и безъ чувствъ лежитъ на землѣ; любовники приходятъ, и давай надъ ней плакать. Вдругъ, о чудо! мертвая воскресаетъ; отъ чего? отъ множества слезъ, произведшихъ такое же дѣйствіе, какъ бы ушатъ воды.

Саназаръ написалъ родъ пастушескаго романа въ стихахъ и прозѣ подъ названіемъ: *Аркадія*; въ немъ есть вещи хорошія, но буколическая поэзія требуетъ почти совершенства, а безъ того, нѣжный цвѣтъ, увядаетъ.

Рѣшительный любитель простоты, я въ родѣ сельскомъ едва ли не всему изъ Итальянскаго предпочитаю идиллію Бальди: *Садъ* (l' Orto) въ ней выведенъ истый поселянинъ, живущій трудомъ рукъ, и довольный своимъ состояніемъ. Въ рѣчахъ его много правды, и стихи (бѣлые) фактуры отмѣнной (*).

Сей же Бальди переводилъ *Энеиду*, но переводъ Каро вообще предпочитается; онъ написалъ поэму: *Мореплаваніе*, слывущую лучшей изъ дидактическихъ послѣ Аламанніева *Земледѣлія* и Руччелаіевыхъ *Пчелъ*. Послѣднія двѣ мнѣ извѣстны, и справедливость велитъ хвалить ихъ хорошій слогъ и многія достойныя Виргилія мѣста; только поученія въ стихахъ въ продолженіи всегда выйдутъ прозой.

Лирикамъ, кладя въ счетъ канцоны и сонеты, нѣтъ числа; всѣ Поэты: Эпики, Трагики и пр. писали сверхъ того такъ называемыя Rime; еще бо́льшее число ихъ только и писало. Списокъ именъ займетъ не одну страницу, но къ сожалѣнію, въ такомъ обиліи мало разнообразія; всѣ влюблены, какъ Петрарка, у всѣхъ любовницы несклонныя и неприступныя, какъ Лавра, и все старая пѣсня на новый ладъ. Очень малое число сонетовъ отличается въ толпѣ, напримѣръ патріотическіе Гундичіотія, паче всего два сонета Казы: на Сонъ, и на Ревность, и одинъ Костанца: на Виргиліеву лиру: это драгоцѣнныя перлы чистѣйшей воды. Кіаберра прославился пѣснями: иныя точно достойны Анакреона.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Константина Мосальскаго. — С. П. б. въ типогр. Департ. Внѣшней Торговли. 1830. (52 стр. въ 8-ю д. л.)

На зло благомыслящимъ читателямъ, борьба Рускихъ Классиковъ и Романтиковъ не утихаетъ. Врядъ ли Троянская война столько длилась и была сопровождаема подобнымъ жаромъ. Нельзя даже предвидѣть окончанія симъ преніямъ. Въ нашихъ Ахиллесахъ замѣтно болѣе остервененія, чѣмъ знанія дѣла. Это важные Политики Нѣмецкихъ клубовъ, за пивомъ обсуживающіе дѣйствія Французовъ, взявшихъ Алжиръ безъ ихъ позволенія. Это люди какого-то особеннаго міра, въ которомъ течетъ доброе, бархатное пиво, а не время, поминутно обогащающее насъ и новыми опытами и новыми идеями. Наши Классики лѣтъ съ тридцать учатъ Литературѣ по однимъ и тѣмъ же тетрадкамъ; наши Романтики, справедливо осуждая ихъ неподвижность, несправедливо гордятся незнаніемъ оныхъ тетрадокъ, безъ коихъ двѣ-три хотя и новыя, но не пережеванныя мысли ни къ чему имъ не служатъ, развѣ къ бо́льшему омраченію слабаго ума, дарованнаго имъ невсегда щедрою природою. — Бывали у насъ литературные споры, но спорщики были люди, отличные или необыкновенными талантами, или хорошею ученостію. Война Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго объяснила и опредѣлила многое въ языкѣ Рускомъ и потому имѣла добрыя слѣдствія. Состязанія о старомъ и новомъ слогѣ, послѣ нѣсколькихъ литературныхъ соборовъ, кончились полезно и удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. Но вспомните, кто были и въ семъ преніи предводителями? Довольно указать на почтеннаго Предсѣдателя Академіи Россійской и на Карамзина, славою котораго гордятся всѣ истинные Руские.— Кто же спорятъ о Классицизмѣ и Романтизмѣ? Люди, которые никогда не были и не будутъ ни Классиками, ни Романтиками; Журналисты, равнодушные также къ старому, какъ и къ новому, неравнодушные только къ числу своихъ подписчиковъ. Елена ихъ не есть общая польза: они бьются, позабывъ и стыдъ и пристойность, изъ желанія уничтожить своихъ товарищей и попасть въ монополисты литературные. Это война осъ, нападающихъ на пчелиные ульи, богатые медомъ; а не споръ стараго поколѣнія, по законамъ природы остановившагося при запасѣ имъ собранныхъ мыслей и непонимающаго, какимъ образомъ новое поколѣніе можетъ идти далѣе. — Не замѣчая сихъ Мирмидоновъ, наша Литература видимо усовершенствуется. Наши хорошіе Писатели совѣтуются съ просвѣщеніемъ вѣка, изучаютъ красоты въ произведеніяхъ славныхъ своихъ предшественниковъ и нѣтъ въ Поэзіи рода ни древняго, ни новаго, въ которомъ бы они не пробовали силъ своихъ и не заслужили одобренія просвѣщенныхъ читателей.

Видя въ настоящемъ положеніи и счастливый ходъ Литературы нашей, и жалкія драки нашихъ Журналистовъ, читатель вѣроятно полагаетъ, что въ комедіи, нами разбираемой, выведены два Журналиста, одинъ старикъ, другой молодой. Старый вышелъ изъ

(*) Пропускаю цѣлый родъ сельскихъ стихотвореній. называемый *мужицкимъ* (contadinesco); въ немъ главную роль играютъ техническія слова, какъ у насъ въ любовныхъ изъясненіяхъ: матроса, подьячаго, *и пр.*

моды, потому что онъ остановился на правилахъ своего Аристотеля, какъ голова его осталась въ парикѣ и ноги въ сапогахъ съ кисточками: молодой же отбилъ у него легкомысленныхъ подписчиковъ модными картинками и увѣреніями, что онъ идетъ рядомъ съ вѣкомъ, и на бѣду еще влюбился въ дочь огорченнаго Классика. Дѣвушка не прочь отъ такого жениха. Она любитъ наряжаться, а будущій мужъ ея, издатель моднаго журнала, за каждое объявленіе о новыхъ матеріяхъ, шляпкахъ, перчаткахъ и пр. получаетъ отъ продавцевъ значительные образчики въ подарокъ. Какъ отказаться отъ такого обладанія? Она во что бы ни стало рѣшается успокоить классическій гнѣвъ отца и осчастливить Романтика. Послѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ сценъ, ей все удается и комедія кончится. — Такъ или иначе, но все изъ предмета войны нашихъ Классиковъ и Романтиковъ слѣдовало составить эту комедію. Г-нъ Мосальскій не захотѣлъ возпользоваться тѣмъ, что ему само ложилось подъ перо. Произшествіе комедіи его ни на что не похоже; не наблюденія и опытность помогали ему созидать характеры: нѣтъ! онъ самъ объявляетъ въ 28 No Сына Отечества, что въ комедіи его всѣ лица вымышленныя и тѣмъ еще хвалится. Вотъ почему герои его болѣе созданы для жительства въ желтомъ домѣ, чѣмъ для какой либо сцены. Потому же дурны и актёры повѣсти: *Терпи Козакъ, атаманъ будешь*, не смотря, что въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 годъ О. М. Сомовъ ничего о ней не сказалъ дурнаго. Но если бы въ Обозрѣніи С. Ц. и была похвалена повѣсть Г-на Мосальскаго, все бы это не помѣшало издателю С. Ц. и Лит. Газ. имѣть свое мнѣніе и объявлять оное. Стихи и въ повѣсти и въ комедіи дурны. Кто захочетъ повѣрить сіе замѣчаніе, тотъ можетъ отыскать въ Сѣверной Пчелѣ нынѣшняго года на показъ напечатанный отрывокъ изъ повѣсти: *Терпи Козакъ и пр.* Рецензентъ Журнала Галатеи, разбирая комедію *Классикъ* и *Романтикъ*, удачно выписалъ изъ нея два стиха, изъ коихъ заключающій пьесу:

Въ умѣ, въ талантѣ, вотъ въ чемъ сила,

можетъ послужить правиломъ для будущихъ Комиковъ, а первый:

Тьфу пропасть! толку не добьешься,

краткимъ отчетомъ о разбираемомъ сочиненіи.

СМѢСЬ.

Собраніе насѣкомыхъ,

стихотвореніе А. С. Пушкина.

> Какія крохотны коровки!
> Есть, право, менѣе булавочной головки.
>
> *Крыловъ.*

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья;
За ними гдѣ не рылся я?
За то, какая сортировка!
Вотъ * * Божія коровка,
Вотъ * * * * злой паукъ,
Вотъ и * * Россійскій жукъ,
Вотъ * * черная мурашка,
Вотъ * * мѣлкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Алманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ Журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностію. — Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное Сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.

Недавно вышли изъ печати двѣ весьма замѣчательныя книги: *Исторія Государства Польскаго*, соч. Бантке, перев. съ Польскаго Г. Гаевскимъ, часть 1-я, и *Исторія Малороссіи*, соч. Бантыша-Каменскаго, изданіе 2-е. Сія послѣдняя значительно исправлена, или лучше сказать, почти совсѣмъ передѣлана Сочинителемъ, который послѣ перваго изданія собралъ многіе весьма важные и любопытные документы, касающіеся до бытописаній Малороссійскаго края. Надѣемся со временемъ сообщить нашимъ читателямъ подробный отчетъ о той и другой книгѣ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Іюля 29-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ II, № 44. АВГУСТА 4го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ.

Анекдотъ.

(*Изъ Разсказовъ Путешественниковъ.*)

....«Какъ вы думаете объ этомъ?» сказала любезная наша хозяйка одному изъ гостей, сидѣвшему немного въ сторонѣ, и котораго лице было почти заслонено тѣнью другихъ собесѣдниковъ, находившихся ближе къ чайному столику.

Гость этотъ былъ человѣкъ лѣтъ около тридцати. Пріятныя, благородныя черты лица его носили на себѣ печать задумчивости, или творящей мечтательности. Онъ не былъ красавцемъ; но съ перваго взгляда его томные глаза, въ которыхъ свѣтилось кроткое пламя ума, манили къ нему какимъ-то обаятельнымъ, почти магнетическимъ влеченіемъ, и взоръ невольно останавливался на его губахъ, пріятно обрисовывавшихся нѣсколько впередъ. Казалось, эти сжатыя губы замыкали сладкіе звуки Поэзіи, готовые вырваться изъ души и волновавшіе уста невольнымъ, легкимъ движеніемъ. По выговору его замѣтно было, что онъ принадлежалъ къ Юго-Западнымъ нашимъ соотечественникамъ; но слова, указываемыя тонкимъ чувствомъ изящнаго и окриляемыя вдохновеніемъ, одушевляли его рѣчь и придавали ей убѣдительность необыкновенную.

— «О чемъ вы меня спрашиваете?» сказалъ онъ, какъ бы невольно разставаясь съ какою-то сладкою мечтою.

— «Разговоръ зашелъ у насъ» отвѣчала хозяйка, «о привидѣніяхъ, о явленіяхъ тѣней или выходцевъ съ того свѣта; и я хотѣла знать объ этомъ ваши мысли.

— «На это,» отвѣчалъ заманчивый гость съ умною улыбкой, по которой трудно было дознаться, сомнѣніе ли, убѣжденіе ли выражала она, или то, что гость не хотѣлъ высказать тайныхъ своихъ мыслей: «на это я всего охотнѣе отвѣчалъ бы вамъ, какъ Гамлетъ въ Рускомъ переводѣ В—ка:

«Есть многое въ природѣ, другъ Горацiо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.»

— «Но этотъ отвѣтъ,» подхватила хозяйка, «также загадоченъ, какъ и все то, что Гамлетъ говоритъ друзьямъ своимъ послѣ свиданія съ тѣнью отца.

— «Если вы не вѣруете въ Поэта Англійскаго,» возразилъ гость съ прежнею улыбкой, «то я охотно напомню вамъ изъ другаго Рускаго перевода стихъ Поэта Нѣмецкаго:

«Вѣрь тому, что сердце скажетъ;»

и этотъ стихъ долженъ быть тѣмъ убѣдительнѣе, что вѣрованіе сердца совершенно въ духѣ вашего пола.

— «Вы, господа Поэты, любите иногда играть нашимъ умомъ, какъ и нашимъ воображеніемъ,» молвила хозяйка, усмѣхаясь. «Но я снова повторю мой вопросъ: что вы думаете о мертвецахъ, привидѣніяхъ, предчувствіяхъ, словомъ, о всѣхъ явныхъ и неявныхъ сношеніяхъ духовнаго міра съ живыми людьми? И прошу васъ, сударь, отвѣчать мнѣ категорически.

— «Прямой вопросъ мой былъ бы повтореніемъ или перифразой приведеннаго уже мною стиха изъ подражанія Шиллеру. Вамъ самимъ угодно было назвать меня Поэтомъ: какъ же вы хотите, чтобы во мнѣ убѣжденіе разногласило съ воображеніемъ? Поэзія дочь мечтательности; если она не вѣруетъ тому, что представляетъ ей фантазія, то ея созданія будутъ или холодны, или слишкомъ неясны. Въ томъ и другомъ случаѣ, она потеряетъ власть свою надъ сердцемъ, которое одно имѣетъ слухъ для ея звуковъ.

— «Чувствую, что вы всегда будете со мною правы, даже и тогда, когда вздумаете дразнить меня, какъ на примѣръ сего дня, поэтическою логикою вашихъ отвѣтовъ, неудовлетворительныхъ для моей прозаической скептики. Отвѣчайте же прямо хоть на другой вопросъ: случилось когда съ вами что нибудь похожее на эти таинственныя явленія? видѣли ль вы хоть разъ какого-либо выходца съ того свѣта?

— «Никогда; покрайней мѣрѣ на яву. Но если вамъ угодно, я разскажу вамъ странный случай, бывшій въ

Литвѣ съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Надѣюсь, что почтенные члены общества примутъ этотъ разсказъ за вкладъ, хотя и слабый, но отъ души приносимый мною въ общую кассу вечернихъ разсказовъ.»

Хозяинъ, какъ предсѣдатель общества разскащиковъ, посмотрѣлъ на всѣхъ сочленовъ, какъ бы желая узнать ихъ мысли; и всѣ изъявили свое согласіе одобрительною улыбкой. Предсѣдатель, позвоня въ колокольчикъ, обратился къ гостю и сказалъ: «Общество съ удовольствіемъ принимаетъ вашъ вызовъ, и я отъ лица всѣхъ моихъ сочленовъ прошу васъ о выполненіи вашего обѣщанія въ пользу любопытныхъ слушателей.» Новый звонъ колокольчика подалъ знакъ молчанія; заманчивый гость, наклоня голову и подумавъ нѣсколько минутъ, вдругъ обратилъ на насъ лице свое, какъ бы одушевленное геніемъ импровизаціи, и началъ разсказывать слѣдующій анекдотъ:

Недалеко отъ границы Литвы и Королевства Прусскаго жилъ, а можетъ быть и теперь еще живетъ, достаточный Литовскій панъ, которому пусть будетъ у насъ имя Доминикъ Венжевичъ. Онъ любилъ, какъ говорится, пожить, то есть, попить и поѣсть самъ, и попотчивать, а часомъ и употчивать добрыхъ пріятелей. Былъ онъ человѣкъ не злой, но нрава шаткаго, и потому случалось, что мѣлкіе разсчеты самолюбія или корыстолюбія перетягивали его не всегда на добрую сторону. Въ то время, къ которому относится сей анекдотъ, пану Венжевичу было лѣтъ за сорокъ; онъ былъ плотенъ, здоровъ, лице имѣлъ полное и румяное и наслаждался, по своему разумѣнію, всѣми выгодами и удовольствіями жизни провинціяльнаго помѣщика въ повѣтовомъ городкѣ.

Наступила война 1812 года. Панъ Венжевичъ поддался въ этотъ разъ искушенію своего бѣса: чтобы сохранить отъ разхищенія свое имѣніе, а при благопріятномъ случаѣ нажить и больше, онъ ревностно услуживалъ начальникамъ и офицерамъ проходившихъ Французскихъ войскъ; и желая вполнѣ показать свою приверженность къ незванымъ гостямъ, принялъ для излеченія къ себѣ въ домъ одного ротмистра Вестфальской службы, тяжело раненаго въ какомъ-то дѣлѣ. Французы вступили въ предѣлы Россіи, взяли Смоленскъ и заняли Москву, и за всякимъ ихъ успѣхомъ панъ Венжевичъ пилъ старое венгерское съ друзьями-патріотами, по тогдашнему смыслу, и кричалъ *виватъ* Наполеону. О раненомъ Вестфальскомъ офицерѣ принималъ онъ всѣ возможныя попеченія: приглашалъ самыхъ искусныхъ лекарей, и когда стараніями ихъ больному было легче, тогда панъ Венжевичъ придумывалъ все, что могъ, для его развлеченія.

Правду сказать, ротмистръ Липроде стоилъ всѣхъ сихъ заботъ: это былъ образованный и любезный весельчакъ лѣтъ тридцати двухъ, высокаго роста, пріятнаго лица, съ свѣтлыми волосами и рыжеватыми усами и бакенбардами. Нѣмецко-воинскіе наружность и пріемы его весьма были по сердцу пану Венжевичу, который со временемъ надѣялся найти въ немъ надежнаго застольнаго товарища; и точно Липроде, шагнувшій отъ привольной студентской жизни прямо въ строй военныхъ людей, не отказался бы отъ лишней бутылки, когда бы прострѣленная грудь, увѣщанія врачей и врожденное благоразуміе Нѣмца не удерживали его. Въ замѣнъ того, онъ, сидя на постелѣ и увитый перевязками, металъ банкъ, какъ здоровый, или прехладнокровно ставилъ на карту порядочный кушъ наполеондоровъ, что также нравилось пану Венжевичу; одно только не совсѣмъ нравилось ему: то, что ротмистръ почти всегда былъ въ выигрышѣ, и наполеондоры его часто переманивали къ себѣ Польскіе *злотые* пана. —

Между тѣмъ, Наполеонъ не пировалъ, а бѣдствовалъ въ Москвѣ; и наконецъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ нея съ своею арміей на новыя бѣды въ обратный путь. Какъ ни таили приверженцы Французовъ жалкое положеніе большой арміи; но слухъ о томъ мало по малу проникъ въ занятыя Французами Россійскія провинціи. Позже всѣхъ почти узналъ объ этомъ панъ Венжевичъ; и правда, ему было, какъ говорится, самому до себя. Онъ призадумывался о томъ, какъ бы выплатить ротмистру Липроде шестьдесятъ тысячь злотыхъ карточнаго долгу; ибо наличное серебро пана давно уже перешло въ шкатулку счастливаго банкомета. Къ довершенію досады пана Доминика, дальняя его родственница и предметъ его исканій, семнадцатилѣтняя Антонеля, съ свѣженькимъ, приманчивымъ личикомъ, съ стройнымъ, полувоздушнымъ станомъ, съ лукавою улыбкой, съ черными огненными и бойкими глазами, вертлявая, рѣзвая, живая — короче, Полячка въ полномъ смыслѣ слова, — казалось, насмѣшливо посматривала на него и была неравнодушна къ Вестфальцу. Липроде и самъ увивался около нея, и панъ замѣтилъ неразъ, что они тайкомъ перешептывались между собою, когда находили къ тому случай. Бѣдный Венжевичъ начиналъ уже въ душѣ своей проклинать приходъ Французовъ, а пуще всего ихъ языкъ, котораго общее употребленіе доставляетъ способы молодому Нѣмцу нашептывать нѣжности молодой Полькѣ. «Глупецъ, глупецъ!» побранивалъ панъ самого себя: «ты надѣялся поживиться крохами отъ чужеземныхъ гостей; вмѣсто того, тебя же обобрали до чиста, ты задолжалъ, какъ безразсчетный мотъ, и сверхъ того у тебя отбиваютъ невѣсту, которая прежде почла бы за счастье быть твоею женою; а теперь.... Самъ на себя пеняй, что не кстати порадовался.»

Такъ однажды разсуждалъ панъ Венжевичъ, сидя на софѣ и въ раздумьи покачивая головою, между тѣмъ какъ собравшіеся у него гости сидѣли за карточными столами, ловкая молодежь вертѣлась вокругъ ловкихъ дамъ, а Липроде и Антонеля, отошедъ къ окну и думая, что за ними не примѣчаютъ, съ жаромъ о чемъ-то разговаривали въ полголоса.

Вдругъ раздался звукъ барабана по улицамъ, и въ ту же минуту вбѣжалъ въ комнату одинъ изъ пріятелей пана, патріотовъ, блѣдный, какъ полотно, съ ужасомъ во всѣхъ чертахъ лица и едва переводя духъ. Съ смущеніемъ и крайнимъ усиліемъ объявилъ онъ, что Французы бѣгутъ изъ Россіи, что сей часъ въ городъ вступила часть разбитаго ихъ отряда въ самомъ жалкомъ положеніи, и не останавливаясь, хочетъ итти далѣе, говоря, что Рускіе гонятся за нею по пятамъ. Вѣсть сія какъ громомъ поразила всѣхъ; гости разошлись въ робкомъ молчаніи по своимъ домамъ, а ротмистръ Липроде, оспоривая возможность сего событія, до того разгорячился, что почувствовавъ сильный жаръ, круженіе головы и стѣсненіе въ груди, принужденъ былъ уйти въ свою комнату. Тамъ онъ увидѣлъ, что не совсѣмъ залечившаяся рана его разкрылась; слабость всего тѣла уложила его въ постелю, и онъ снова впалъ въ болѣзнь. Но тутъ уже не принимали о немъ прежнихъ попеченій: онъ страдалъ на одрѣ болѣзни, и никто о немъ не заботился. Одна только Антонеля украдкой иногда его навѣщала. Ея утѣшенія и милое участіе, вмѣстѣ съ какою-то смутною надеждой и природною крѣпостью сложенія, поддерживали существованіе больнаго ротмистра.

Такъ прошло нѣсколько дней; и въ это время панъ Венжевичъ колебался между страхомъ и надеждой: страхомъ, что съ приходомъ Рускихъ разкроются всѣ его слова и дѣла въ пользу Французовъ, и надеждой, что симъ же приходомъ или смертью Вестфальскаго ротмистра, могшею приключиться отъ сей болѣзни, онъ, панъ Венжевичъ, освобожденъ будетъ отъ уплаты своего долга. Но, на бѣду его, Липроде чувствовалъ себя немного лучше, а въ городѣ разнесся слухъ, что летучіе отряды Козаковъ были уже весьма близко и часть ихъ заняла нѣкоторыя изъ окружныхъ селеній. Что было дѣлать пану въ такихъ обстоятельствахъ? Но бѣсъ его снова ему нашепталъ свое, разжегъ въ немъ жажду мщенія и внушилъ ему ужасную, предательскую мысль. Венжевичъ вообразилъ, что выдавъ Вестфальскаго ротмистра Козакамъ, онъ докажетъ тѣмъ свою приверженность къ Россійскому Правительству и разомъ избавится всѣхъ хлопотъ: улики въ измѣнѣ, платежа шестидесяти тысячь злотыхъ и опаснаго соперничества въ сердцѣ прелестной Антонели. Цѣлую почти ночь обдумывалъ онъ планъ новой измѣны; иногда приходили ему въ голову жалость къ ротмистру, воспоминаніе откровенныхъ съ нимъ бесѣдъ и пріятныхъ вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ; иногда готовъ былъ оставить свое намѣреніе и даже скрыть ротмистра, въ случаѣ, когда бы Козаки ворвались къ нему въ домъ. Но личные разсчеты заглушили все: и послѣднюю искру пріязни, и слабый отголосокъ совѣсти; словомъ, бѣсъ поставилъ на своемъ. Чтобъ не подать подозрѣнія, панъ Венжевичъ всталъ за долго до разсвѣта, тишкомъ одѣлся, пошелъ въ конюшню, самъ осѣдлалъ своего коня и не смотря на сильный холодъ, во весь опоръ поскакалъ въ ту сторону, гдѣ, какъ ему было сказано, находились Козаки.

— «Стой!» закричалъ ему сторожевой Козакъ при въѣздѣ въ селеніе: «ни съ мѣста, или только ты и жилъ.

— «Веди меня къ вашему офицеру,» отвѣчалъ ему панъ Венжевичъ, соскоча съ лошади: «я имѣю сообщить ему важную тайну.»

Козакъ кликнулъ своихъ товарищей, которые дремали, опершись на пики, и сдалъ имъ переметчика. Обысканный Венжевичъ былъ отведенъ четверьмя Козаками на квартиру офицера, и черезъ четверть часа былъ уже снова на пути къ своему городку, вмѣстѣ съ офицеромъ и цѣлымъ отрядомъ Козаковъ, которымъ показывалъ онъ, какъ пробраться тайкомъ въ городъ окольными объѣздами. Все шло по его желанію. Тихонько провелъ онъ Козаковъ въ свой домъ и къ комнатѣ ротмистра. Дверь была заперта. Сколько ни стучались они, сколько ни требовали, чтобы плѣнный сдался доброю волей: отвѣта не было, въ комнатѣ господствовало мертвое молчаніе и дверь не отпиралась. Должно было ее выломать. Нѣсколько сильныхъ рукъ принялись за дѣло и дверь соскочила съ петель. Тогда Венжевичъ, прячась за Козаковъ, увидѣлъ Липроде, стоявшаго посреди комнаты. Онъ былъ въ полномъ мундирѣ; ростъ его казался выше обыкновеннаго, мужественная осанка и выраженіе неустрашимости въ лицѣ его внушали Венжевичу невольный трепетъ, а темноголубые глаза ротмистра какъ будто бы бросали искры отваги, гнѣва и негодованія. Въ одной рукѣ держалъ онъ пистолетъ, въ другой обнаженную саблю, и въ грозной рѣшимости ожидалъ нападенія. «Возьмите его!» вскричалъ Козачій офицеръ. Козаки бросились; но первый изъ нихъ лежалъ уже на полу отъ выстрѣла, другой повалился отъ удара саблею, прочіе пріостановились на минуту, но раздраженные гибелью двухъ своихъ товарищей, навели свои пистолеты на ротмистра.... еще мгновеніе—и нѣсколько выстрѣловъ раздалось разомъ, нѣсколько пуль впилось въ тѣло Вестфальца.... Венжевичъ видѣлъ, какъ онъ зашатался, упалъ и бился на полу; видѣлъ, какъ Козаки съ ожесточеніемъ бросились на него, подняли его на сабляхъ и выкинули потомъ изъ разломаннаго окна въ сугробъ снѣгу.... Далѣе Венжевичъ ничего не видалъ, не слыхалъ и не помнилъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, ноги подкосились и весь ужасъ его предательства какъ будто бы разразился громовымъ ударомъ надъ его головою.

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Память сего происшествія залегла въ душѣ пана Венжевича и неразъ пробуждала его отъ тревожнаго сна. Насталъ день усопшихъ, празднуемый Римско-Католическою церковью. Панъ Венжевичь, какъ добрый Католикъ, обыкновенно отправлялъ въ этотъ день поминки по своимъ родителямъ и по всѣмъ членамъ своего родства, отшедшимъ отъ міра сего, и за сытнымъ обѣдомъ съ ближними и пріятелями желалъ покойникамъ Царства Небеснаго. Въ этотъ разъ онъ больше обыкновеннаго разослалъ приглашеній; а между тѣмъ, въ часъ обѣдни, пошелъ въ *косцёлъ* и сѣлъ на почетное свое мѣсто, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ прихожанъ. Торжественный сумракъ храма, печальныя завѣсы, спускавшіяся по стѣнамъ и вокругъ алтаря; изображенія смерти, грѣха, вѣчныхъ мукъ, чистилища и другихъ эмблематическихъ олицетвореній, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ, — съ самаго начала погрузили его въ неотразимую задумчивость и уныніе; а плачевные напѣвы музыки, разносившіеся по сводамъ храма, еще сильнѣе навѣвали тоску на душу пана, и безъ того уже лишенную покоя. Но вотъ, воцарилось глубокое молчаніе, подобно молчанію гробовъ, о коихъ напоминаніями окружены были предстоявшіе: медленнымъ и величавымъ шагомъ братъ Бернардинъ взошелъ на каѳедру, жалобнымъ, проникающимъ сердце голосомъ возплакался онъ о грѣхахъ мірскихъ и съ видомъ суровымъ и мрачнымъ вѣщалъ о воздаяніи за нихъ въ будущей жизни. . . . Сердце пана Венжевича судорожно сжималось и кровь изъ него бросалась въ голову; легкая дрожь, какъ бы предчувствіе ожидаемыхъ мукъ, пробѣгала по всѣмъ его членамъ; въ ушахъ слышался ему какой-то смутный шумъ: и вой, и визгъ, и скрежетъ поперемѣнно отдавались въ немъ. . . . Неомытый отъ грѣха убійца склонилъ голову и закрылъ лице руками. Такъ пробылъ онъ долго; наконецъ, вышедъ изъ забытья, поднялъ глаза и робко обвелъ взоромъ вокругъ себя. Въ церкви никого уже не было видно: молчаніе, пустота и тусклый свѣтъ одни его окружали. Онъ хотѣлъ бы уйти, но чувствовалъ, что какая-то невѣдомая сила приковала его къ мѣсту. Чтобъ ободрить себя, началъ онъ разсматривать картины — и видъ одного грѣшника въ чистилищѣ остановилъ его вниманіе. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ задумчиво на сіе изображеніе. . . . . вдругъ, видитъ: оно мало по малу отдѣляется отъ стѣны, становится больше и больше, получаетъ движеніе, наконецъ идетъ къ нему медленными, размѣренными шагами и останавливается передъ нимъ. . . . Кто бы могъ описать его ужасъ, когда онъ, въ чертахъ сего страдальца, узналъ ротмистра Липроде! Какъ бы вдругъ оторвавшись отъ привязи, Панъ Венжевичь вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ бѣжать; но страшный призракъ заступилъ ему дорогу.

— «Положи руку свою на мое сердце,» сказалъ онъ виновнику своей смерти глухимъ, могильнымъ голосомъ; и Венжевичь, какъ послушный ребенокъ, повиновался этому приказанію. Онъ чувствовалъ ледъ подъ своею рукою, но ледъ, котораго убійственное прикосновеніе мертвило всю жизнь, всю теплоту и движеніе въ живыхъ составахъ. Казалось, въ самое сердце Венжевича переливался губительный холодъ сердца мертвецова.

— «Чувствуешь ли ты этотъ холодъ?» сказалъ призракъ. «Это холодъ моей могилы, и ты виною, что я томлюсь имъ преждевременно. Прощай! помни, что ты мой должникъ, и что я сего дня въ полночь прійду къ тебѣ за долгомъ. Прощай!»

Громъ прокатился надъ церковью и потрясъ ее до основанія. Панъ Венжевичь глухо застоналъ, какъ отъ сильной боли; свѣтъ померкъ у него въ глазахъ. . . . и когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что привидѣнія уже не было. Церковникъ, остававшійся въ придѣлѣ *косцёла*, поддерживалъ пана подъ руку.

— «Я услышалъ вашъ стонъ, вельможный панъ, и догадался, что вы нездоровы,» сказалъ онъ Венжевичу. «Не прикажете ли отвести васъ домой?

— «Веди, веди меня домой, или куда хочешь! только скорѣе, Бога ради скорѣе отсюда.

— «Не случилось ли съ вами чего, вельможный панъ?

— «Ничего, ничего! такъ, бездѣлица. . . . Мнѣ дурно! мнѣ душно!»

Церковникъ отвелъ его въ домъ. Слуги засуетились, позвали лекаря; но черезъ полчаса панъ Венжевичь объявилъ, что ему легче и что онъ не нуждается больше ни въ чьей помощи.

— «Я сего дня въ полночь прійду къ тебѣ за долгомъ!» безпрестанно отдавалось у него въ ушахъ, и лихорадочная дрожь пробѣгала у него по членамъ. Между тѣмъ, гости собрались. Пиръ былъ на славу. Всѣ веселились, поминая покойниковъ. Одинъ хозяинъ сидѣлъ въ угрюмомъ молчаніи, ничего не ѣлъ и не пилъ, и отговаривался нездоровьемъ.

Наступилъ вечеръ. Гости хотѣли разойтись, но панъ Венжевичь уговаривалъ ихъ остаться на ужинъ, велѣлъ приготовить карточные столы, чтобы занять чѣмъ нибудь гостей своихъ, а самъ поминутно поглядывалъ на большіе стѣнные часы. Но сколько ни старался Панъ Венжевичь, а къ половинѣ двѣнадцатаго часа ни одинъ изъ собесѣдниковъ его не остался. Всякъ находилъ какой нибудь предлогъ: у одного дѣла, у другаго дѣти больны, у третьяго жена скучаетъ въ одиночествѣ. . . . и такъ, гость за гостемъ, всѣ разошлись; остался одинъ панъ Венжевичь, дожидаться страшнаго своего полуночнаго гостя. Чтобы развлечь себя и не быть одному, онъ созвалъ своихъ служителей, велѣлъ

Из фонда Российской национальной библиотеки

имъ сѣсть за приготовленный ужинъ, пить и ѣсть, сколько душѣ угодно.... Но не прошло десяти минутъ, какъ всѣми ими овладѣлъ непреодолимый сонъ: всѣ, человѣкъ за человѣкомъ, заснули, сложа на столѣ руки крестомъ и положа на нихъ голову. Сколько ни бился панъ Венжевичъ, никого не могъ добудиться ни крикомъ, ни толчками. Въ отчаяніи, онъ упалъ въ кресла; взглянулъ на стѣнные часы — полночь безъ пяти минутъ! Съ тоскою слѣдовалъ онъ глазами за часовою стрѣлкой и клялъ душевно ея поспѣшность; каждый ударъ маятника производилъ судорогу въ его лицѣ, и одеревянѣлый взоръ его, казалось, прикованъ былъ къ цифирь-блату. Но вотъ, бьетъ полночь, и съ каждымъ боемъ сердце пана Венжевича сжимается, какъ намоченная губка, стиснутая сильною рукою. Часы пробили. Вдругъ вихорь налетѣлъ и завылъ у оконъ, и вслѣдъ за тѣмъ Венжевичъ услышалъ, что наружная дверь дома заскрыпѣла и съ шумомъ отперлась. На лѣстницѣ послышались тяжелые шаги и звонъ шпоръ: шагъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, — громко отдавалось на каменныхъ ступенькахъ, какъ будто непомѣрная тяжесть падала на нихъ. Обѣ половинки двери въ комнату стремительно растворились, какъ отъ сильнаго вѣтра, и призракъ вошелъ величавымъ, мѣрнымъ шагомъ.

— «Я сдержалъ свое слово, пришелъ къ тебѣ за долгомъ,» сказалъ онъ Венжевичу. «Я укажу тебѣ мѣсто, гдѣ ты долженъ со мною разчесться. Иди за мною.»

Подобно бездушной машинѣ, дѣйствующей по движенію руки механика, Венжевичъ послѣдовалъ за страшнымъ своимъ гостемъ. Они сошли по ступенямъ внизъ, идутъ по двору.... повсюду мертвая тишина: ни звука въ городѣ! Вотъ пришли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ сугробъ, на который выброшено было тѣло Липроде. Призракъ остановился.

— «Узнаешь ли ты это мѣсто?» сказалъ онъ. Венжевичъ не могъ произнесть ни одного звука, и устремилъ глаза свои туда, куда указывало привидѣніе. Вдругъ земля подъ ними заколебалась и разступилась у самыхъ ногъ ихъ ... «Тамъ мы разочтемся!» страшно произнесъ призракъ, обхватилъ Венжевича холодными своими руками и бросился съ нимъ въ пропасть. Венжевичъ вскрикнулъ... и открылъ глаза. Свѣтъ дневной проникалъ сквозь завѣсы въ окна его комнаты; на улицѣ слышно было движеніе народа....

* * *

— «Такъ это былъ сонъ?» сказали въ одинъ голосъ гости и хозяйка.

— «Да, по счастью,» отвѣчалъ любезный разскащикъ. «По счастью, ибо онъ такъ сильно подѣйствовалъ на пана Венжевича, что удержалъ его отъ замышленнаго предательства.

— «По этому, ротмистръ Липроде остался живъ?» спросила съ участіемъ одна милая дѣвица.

— «Живъ и здоровъ, сударыня; онъ женился на прекрасной Антонели и служилъ послѣ въ Россійской арміи. Теперь, кажется, онъ въ отставкѣ. Я слышалъ, будто бы панъ Венжевичъ отложилъ всякую мысль о женитьбѣ и сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія, потому что ближайшихъ родственниковъ у него не было, а по Антонели, ротмистръ вступилъ съ нимъ въ родство.»

О. Сомовъ.

ЖИЗНЬ.

Вначалѣ жизнь намъ многое сулитъ;
Нашъ легкій челнъ въ житейскомъ Океанѣ
Быстрѣй стрѣлы съ надеждою летитъ,
И пристань намъ видна какъ бы въ туманѣ.
Потомъ что годъ — мрачнѣе и мрачнѣй;
Ужъ Океанъ вздымаетъ сини волны,
Уже мы зримъ — не только легки чолны,
Но гибнутъ въ немъ и стаи кораблей.
Невольный страхъ младую грудь объемлетъ!
И смотримъ мы на дальніе брега;
Намъ жизнь еще какъ дѣтямъ дорога!
Вотъ Океанъ глубокимъ сномъ задремлетъ,
И медленно влачится нашъ челнокъ;
Нестрашно намъ холодныхъ бурь дыханье,
Но пристанью грозитъ жестокій рокъ,
И жизнь скучна — и гаснетъ упованье!

Трилунный.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

Статья V.

(*Окончаніе.*)

Изъ сатиръ знаю я только Аріостовы, весьма близкія къ Горацію; его соперникомъ въ семъ родѣ почитаютъ знатнаго человѣка Бентиволіо. Но любимый родъ насмѣшки у Итальянцовъ capitoli, *главы* о всякой всячинѣ, и по названіямъ нѣкоторыхъ: въ похвалу чумѣ, бобамъ, рогамъ, бородамъ и т. п. видно уже, что онѣ должны быть, особенно подъ перомъ какого нибудь Берни, либо Ласка, настоящая умора.

Семнадцатое столѣтіе, il Seicento, извѣстная эпоха упадка Итальянской поэзіи. Не только стали писать хуже, но и меньше, что уже должно приписать политическимъ обстоятельствамъ. Изъ сихъ немногихъ Стихотворцевъ я еще бóльшую часть пропущу, не имѣя добраго о нихъ сказать.

Фениксъ всего вѣка, славнѣйшій при жизни, Марини,

Информационный фонд Российской национальной библиотеки

осыпанный за чудное дарованіе знаками отличій отъ Государей, оглушенный похвалами ученыхъ и придворныхъ, воиновъ и красавицъ, безсмертный пѣвецъ несравненнаго *Адона*, кумиръ не однихъ соотечественниковъ, но и прочихъ земель Европейскихъ, гдѣ Итальянскій языкъ въ хорошихъ обществахъ господствовалъ, сей полубогъ своего времени (недавняго), такъ забытъ въ наше, такъ умеръ, такъ глубоко зарытъ, что его поэмы не скоро отъищешь, и я при всемъ любопытствѣ читалъ изъ нея одни отрывки, въ кое-какихъ собраніяхъ помѣщенные, и только могу сказать, что они мнѣ не понравились.

Лирикъ Филикайя сохранилъ извѣстность одами на побѣды Собіесскаго, и патріотическимъ сонетомъ: Italia, Italia, o tu cui feo la sorte и проч.

Но самое геніальное стихотвореніе сего вѣка, свѣжее, новое, и можетъ быть неподражаемое, Редіевъ диѳирамвъ: *Вакхъ въ Тосканѣ*. Богъ вина, празднуя оргіи, остановился съ шумной толпою спутниковъ въ въ землѣ Этрурской, любуется ею и растущими на холмахъ ея превосходными винами, пьетъ и похваливаетъ. Живость разсказовъ, огонь разномѣрныхъ стиховъ, круглость цѣлаго и отдѣлка частей, творятъ изъ сей игрушки нѣчто истинно чудное.

Въ началѣ XVIII-го столѣтія появился Фругони, и прослылъ возстановителемъ падшей поэзіи; можетъ быть, оно тогда такъ и было, но теперь я могу о немъ упомянуть, и неболѣе.

По мѣрѣ паденія поэзіи, возносилась въ Италіи музыка; вскорѣ сдѣлалась она главнымъ искусствомъ, развелась по чужимъ краямъ, особенно въ Вѣнѣ, и тамъ процвѣтали оперные Поэты съ Императорскимъ патентомъ: Poeta Cesareo, Апостолъ-Зено и Метастазій. Послѣдній по общему сознанью во всѣхъ частяхъ превзошелъ предшественника, вскорѣ составивъ себѣ Европейскую славу; и оцѣнивъ его по достоинству, можно другаго и въ покоѣ оставить. Издатель Кальзабижи въ своемъ разсужденіи на прямикъ равняетъ его съ Софокломъ и Эврипидомъ, а Итальянскую оперу съ Греческой трагедіей; по наслышкѣ, что и та пѣлась, онъ не видитъ, въ чемъ бы разница. Что Кальзабижи болтаетъ, дѣло не важное; но что Шлегель въ важномъ мѣстѣ на сужденіи такого человѣка основываетъ свое, и смѣхъ и грѣхъ.

Метастазій безъ сомнѣнія почиталъ свои оперы трагедіями; винить ли его въ заблужденіи, коли другіе то же думали, и даже представляли ихъ безъ музыки, когда музыкальная система перемѣнилась, и покрой ихъ подъ новый оркестръ уже не приходился? Содержанія выбиралъ онъ точно годныя въ трагедію: стало самъ на себя вызвалъ разборъ серіознѣе, чѣмъ бы заслуживалъ обыкновенный оперный стихотворецъ, безмолвный слуга капельмейстера.

Всѣ укоры, какіе отъ Англичанъ и Нѣмцевъ слишкомъ часто и несправедливо повторялись на трагедію Корнеля и Расина, заслуживаетъ вполнѣ трагедія Метастазіева; въ ней-то все размѣрено, какъ слѣдуетъ для Двора; въ ней почтеннымъ слушателямъ нѣтъ нужды ломать головы надъ характерами: у каждаго душа на лицѣ и на языкѣ. Герои львы въ сраженіи и агнцы дома; тираны обыкновенно хищники, которыхъ по праву закона надо свергнуть, что къ концу и бываетъ; злодѣи не такъ высокаго чина никогда не успѣваютъ, но либо достойно наказаны, либо честнымъ раскаяньемъ испрашиваютъ милостивое прощеніе; любовницы, жены, матери, дочери, примѣры постоянства, нѣжности, всего хорошаго; что жъ касается до любовниковъ сокровенныхъ (amanti occulti), это особый родъ людей, однимъ Итальянскимъ Аббатамъ коротко знакомыхъ, о которыхъ я по невѣдѣнію и судить не смѣю. Ходъ всѣхъ оперъ Метастазіевыхъ неизбѣжно одинъ: того требовали и музыкальные композиторы, и декораторы, и пѣвцы masculins, féminins et neutres; но развязки всегда благополучныя дѣлаемы были въ угожденіе самого Императора Карла VI, слишкомъ чувствительнаго для развязокъ бѣдственныхъ и плачевныхъ.

Искать натуры, истины, глубины, мѣстной краски, тутъ неразумное дѣло; но театральнаго геройства, великодушія, добродѣтелей, пожертвованій, безъ числа. Я часто слыхалъ отъ людей, впрочемъ умныхъ, большую похвалу нѣкоторымъ избраннымъ мѣстамъ изъ Метастазія: «какъ это хорошо сказано!» — Увы! слишкомъ хорошо, слишкомъ на показъ, не простымъ языкомъ, а именно речитативомъ большой оперы.

Спѣшу съ нимъ разпрощаться; шутить здѣсь не мѣсто, а въ правду разбирать *Ипсипилу*, либо *Олимпіаду*, какъ силится Сисмонди (и то черезъ силу), право не могу. Еще слово: Шлегель отличаетъ хвалой оперу: *Ахиллъ въ Скиросѣ*, а я спрашиваю у всѣхъ знающихъ театръ: можетъ ли изъ такого содержанія выйти трагедія, развѣ *Деидамія* Тредьяковскаго? Въ разсказѣ трудно допустить юношу Ахилла, переодѣтаго дѣвушкой, но ужь для глазъ это непремѣнно каррикатура.

Меропа Маркиза Маффеи слишкомъ извѣстна по Волтерову подражанію, учтивому посвященію, ѣдкой критикѣ подъ чужимъ именемъ, и лукавой антикритикѣ отъ своего. Итальянская трагедія посредственная, конечно; но всѣхъ менѣе имѣлъ право осуждать ее Вольтеръ, взявъ оттолѣ все, чѣмъ его подражаніе имѣло успѣхъ.

Господствующее мнѣніе въ ученомъ свѣтѣ, что въ концѣ прошедшаго столѣтія Итальянскій театръ весьма поднялся въ обѣихъ главныхъ отрасляхъ, благодаря твореніямъ Альфіерія и Гольдонія (*); можетъ быть, передъ появленіемъ ихъ былъ онъ точно ничтоженъ, но XVI-го столѣтія лучшія трагедіи не уступаютъ Альфіеріевымъ; съ Гольдоніемъ же сравнивать Макіавеля или Аріоста даже смѣшно.

Альфіери въ дѣтствѣ получилъ воспитаніе плохое, не зналъ природнаго языка, и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ старался самоучкою пріобрѣсть, въ чемъ чувствовалъ недостатокъ. Его стараніе весьма похвально, но такіе поздніе пріемы рѣдко удаются какъ должно; взрослому учиться не легко, а самолюбіе, неразлучный нашъ спутникъ, шепчетъ свое: «будетъ и этого, все нужное и дѣльное ты постигъ, остальное педантство и пустяки.» То почти и случилось съ Альфіеріемъ: въ Литературѣ, какъ и въ Политикѣ, пріучился онъ смотрѣть на все съ одной стороны, никогда не взялъ труда зайти съ другой, упрямо стоялъ при своемъ, ненавидѣлъ и презиралъ всѣхъ и все, что съ нимъ несогласно.

Въ трагедіи хотѣлъ онъ быть чѣмъ-то небывалымъ, и мало обдумавъ истинное свойство изящныхъ искуствъ вообще, и театральнаго въ особенности, осудилъ всѣ до него существовавшія формы какъ ненатуральныя, и выдумалъ свою, едва ли не болѣе всѣхъ условную. Прочитайте его *Филиппа II*, либо *Марію Стуартъ*, и скажите: могло ли оно въ самомъ дѣлѣ случиться такъ? Въ силѣ и глубинѣ превышаетъ онъ Метастазія безъ сравненія, но простоты, истины и мѣстности въ немъ также мало, или короче сказать, никакой. Его лица не то, чѣмъ были или быть могли, но чѣмъ онъ желаетъ ихъ выказать: во всѣхъ пьесахъ его видно неискусно обнаруженное пристрастіе къ которой нибудь сторонѣ, онъ насильно хочетъ заставить зрителя согласиться съ нимъ въ томъ либо другомъ, и отъ того часто проповѣдуетъ глухимъ. Его герои черезъ край добродѣтельны и несносно надменны, злодѣи изъ мѣры вонъ злы и отвратны; тѣхъ легкихъ и едва примѣтныхъ чертъ, которыми искусный художникъ до обмана подходитъ къ натурѣ, онъ вовсе не зналъ; словомъ, какъ я уже прежде сказалъ, онъ во многомъ безъ воли своей походитъ на Сенеку: также изобилуетъ высокими, рѣзкими мыслями и рѣчьми, также часто подымается на ходули, также чуждъ непринужденной граціи, съ созданіями истинныхъ геніевъ неразлучной.

Полуромантикъ Сисмонди по какимъ-то тайнымъ побужденіямъ усердно выхваляетъ изъ трагедій Альфіерія: *Саула*; вольному воля, но въ ней нѣтъ необходимаго: главнаго дѣйствія, нѣтъ лучшаго: библейской краски. Взаимное уваженіе и учтивости нѣсколько неприязненныхъ межъ собой Авенира и Давида, и сочиняемый ими вдвоемъ планъ атаки, хороши бы были для двухъ нынѣшнихъ Генераловъ; но что это тамъ и тогда?

Примѣчанія достойно, что Альфіери, чьи правила въ трагедіи совершенно противны такъ называемымъ романтическимъ, Романтикамъ не противенъ, и что они его и Вольтера гонятъ гораздо менѣе Корнеля и Расина, стараясь почти надъ ними превознесть: не для того ли, чтобы послѣ легче одержать верхъ надъ противниками, менѣе сильными и опасными?

Въ стихосложеніи Альфіери хотѣлъ, какъ и во всемъ, отъ предшественниковъ отличиться; изгнать изъ языка, для услажденія слуха размѣреннаго, всякій напѣвъ, какъ онъ согналъ со сцены всѣ второстепенныя лица, хотя безъ нихъ главныя ни въ чемъ обойтись не могутъ; и добылъ не твердость и краткость, какъ ему хотѣлось, но жесткость и сухость.

При всемъ томъ несправедливо бы было не признать въ немъ отличныхъ частей, parts, какъ говорятъ Англичане; онъ имѣлъ голову крѣпкую, умъ изобрѣтательный, и во многихъ до него неразъ обработанныхъ содержаніяхъ, придумалъ отъ себя новыя положенія, новые мотивы, буде осмѣлюсь сіе техническое слово занять отъ музыки; они невсегда идутъ ко времени и мѣсту, но часто удачны отдѣльно отъ оныхъ, служили не разъ въ пользу, и впредь послужить могутъ. Изъ двухъ золъ выбирая меньшее, я бы скорѣе желалъ видѣть подражателей ему, въ правилахъ твердыхъ и не безтрудныхъ, нежели новомодной школѣ, такъ немудреной, что развѣ позднее пресыщеніе отъ нея отвадитъ.

Явленіе, выписанное у Сисмонди изъ Пиндамонтіевой *Гиневры*, такъ хорошо, что я жалѣю, что не имѣлъ случая узнать ее всю; что жъ до *Аристодема* знаменитаго Монти, онъ хорошъ слогомъ, но бездушенъ.

Гольдони, Маркизъ Альбергати, и Федеричи, и всѣ Сочинители комедій Итальянскихъ конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія, для меня равно несносны. Знаніе свѣта и общества необходимо писателю въ этомъ родѣ; они же какъ будто нигдѣ не бывали. Богъ вѣсть, что у нихъ за люди: любовники хлопочутъ, какъ бы не истратить лишнихъ денегъ на дачу овса дорогой, офицеры трусятъ на дуэляхъ, женщины молодыя, и коли вѣрить Авторамъ, любезныя, говорятъ такой вздоръ и такимъ языкомъ, котораго у насъ въ дѣвичьихъ не услышишь. Я думать не хочу, чтобы оно въ самомъ дѣлѣ такъ было въ Италіи, и готовъ скорѣе винить скудость дарованія нѣсколькихъ Литераторовъ, нежели просвѣщеніе большаго, прежде всѣхъ образовавшагося народа.

Поэзія почти во всѣхъ родахъ въ XVIII-мъ столѣтіи возобновилась; познакомясь съ чужеземными Стихотворцами, въ теченіе двухъ вѣковъ вездѣ возникшими,

---

(*) Нѣмцы присовокупляютъ еще третьяго: Гоцци, за то что онъ вывелъ на сцену бабьи сказки; изъ комедій его читалъ я только переведенную Шиллеромъ *Турандоту*, и признаюсь, подивился охотѣ такой вздоръ переводить.

Итальянцы стали въ свою очередь перенимать, нѣкоторые вѣроятно съ успѣхомъ, но рѣдкое подражаніе любопытно для знающаго подлинникъ.

Переводами прославился Чезаротти, переложивъ Гомера, Оссіана и Ювенала; другой переводъ *Иліады* издалъ Монти; вообще сія трудная и уваженіе заслуживающая отрасль Словесности въ Италіи издавна прилежно и успѣшно обработана.

Пиньотти сочинилъ басни пріятныя, но слишкомъ растянутыя; Савіоли отличился въ родѣ анакреонтическомъ, Мензони въ религіозномъ; Парини мастерскими стихами написалъ сатирическую противъ большаго свѣта поэму, раздѣленную на четыре части: *Утро*, *Полдень*, *Вечеръ* и *Ночь*; первыя двѣ особенно хороши.

Но лучшій изъ всѣхъ Поэтовъ нынѣшней Италіи, неразъ уже именованный мною Монти; его укоряютъ въ непостоянствѣ политическихъ правилъ и очередныхъ похвалахъ той изъ воюющихъ силъ, которая брала верхъ. Не знаю, справедливъ ли укоръ, не имѣвъ у себя къ рукахъ его стиховъ въ честь Французскихъ республиканцевъ; но противъ нихъ написанная *Басвиліана* сочиненіе необыкновенное. Онъ выбралъ себѣ въ образецъ давно оставленнаго безъ послѣдователей Данте, въ основѣ поэмы и въ слогѣ приблизился къ нему сколько могъ, не только не скрывая подражанія, но какъ бы хвалясь имъ; и точно съ чудеснымъ даромъ обновилъ мрачныя и разительныя картины пѣвца Ада и Чистилища. Стихосложеніе Монти безподобно, и отмѣнно гибко: сильное и унылое въ *Басвиліанѣ*, оно плавно и звучно въ станцахъ къ воздухоплавателю Монгольфьеру, мило и игриво въ бесѣдѣ съ младенцемъ.

Объ Импровизаторахъ, не имѣвъ счастія слышать ихъ самъ, боюсь сказать не въ попадъ; какъ ни удобенъ для поэзіи языкъ ихъ, все дивна способность не приготовясь говорить стихами, октавами, либо еще труднѣйшимъ размѣромъ: rima terza. Правда, большія сочиненія, на примѣръ трагедіи, читаютъ они въ стихахъ бѣлыхъ, а хоры риѳмованные не длинны, по крайней мѣрѣ въ мнѣ извѣстномъ *Гекторѣ* славнаго Сгриччи. Признаюсь, что трагедія показалась мнѣ вообще слаба и слишкомъ наполнена тѣмъ, что зовутъ lieux communs; она и утвердила меня въ мысли, что безъ размышленія и труда ни съ какимъ природнымъ даромъ до истинно отмѣннаго нельзя достигнуть, и заставила пожалѣть: зачѣмъ люди, такими рѣдкими способностями надѣленные, губятъ ихъ, стараясь болѣе изумить на часъ или два нѣсколько сотъ любопытныхъ, нежели составить себѣ незабвенное имя въ вѣкахъ обдуманнымъ и зрѣлымъ твореніемъ?

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Собраніе оригинальныхъ драммативескихъ сочиненій и переводовъ Дениса Ивановича Фонъ-Визина. 3 части. — М. въ тип. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 1830. (въ 1-й ч. VI—238, во 2-й 244 и въ 3-й 174 стран. въ 12-ю д. л.)

Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни, выгравированнымъ портретомъ, и картинками. Печатано съ изданія 1820 года безъ исправленій. — М. въ типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 1830. (IX — 47, 54 и 44 стр. въ 8-ю д. л.)

Мы уже имѣли случай говорить (въ 1-мъ № Литер. Газеты) объ одномъ изданіи сочиненій Ф. Визина, напечатанномъ Московскимъ книгопродавцемъ Г. Ширяевымъ. Нынѣшнее изданіе имѣетъ тѣ же недостатки: такъ же неполно, такъ же составлено безъ всякаго порядка и изпещрено тѣми же погрѣшностями. Здѣсь мы находимъ снова ненужныя вставки чужихъ примѣчаній, Басню: *Лисица-Коснодѣй*, вмѣсто кознодѣй; Слѣдствія комедіи: Недоросль, напечатаны прежде самой комедіи; немногія стихотворенія Ф. Визина размѣтаны въ разныхъ частяхъ и проч. и проч. Страннѣе же всего самое заглавіе книги: Собраніе оригинальныхъ драмматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина, а сихъ драматическихъ сочиненій помѣщено всего на все двѣ извѣстныя комедіи Фонъ-Визина: Бригадиръ и Недоросль; переводовъ же его *драматическихъ* (которыхъ, кажется, и есть только одинъ) здѣсь нѣтъ вовсе. Можно ли такъ играть довѣрчивостію покупателей? Вѣроятно, найдется какой нибудь простосердечный провинціялъ, который повѣритъ на слово и купитъ три тома драматическихъ сочиненій и переводовъ отличнаго нашего Комика, думая, что издателю удалось гдѣ-то отыскать его сочиненія, донынѣ не бывшія въ печати. Между тѣмъ, обязанностію считаемъ объявить, что изъ существующихъ доселѣ изданій сочиненій Ф. Визина, самое полное и самое исправное, лучше прочихъ расположенное, есть изданіе Г. Салаева, о коемъ мы объявляли въ 22-мъ и 40-мъ № нашей Газеты.

(*Окончаніе въ слѣд. №.*)

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 3-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ II, № 45. АВГУСТА 9го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

Чтобы составить себѣ общее понятіе о нынѣшнемъ состояніи общества въ Сѣверной Америкѣ, должно прежде всего вспомнить, что оное есть естественное послѣдствіе гражданственности современной въ Англіи, но вдругъ, такъ сказать, перенесенной въ страну, которую по сіе время еще почитать можно страною весьма новою. По сей самой причинѣ, ходъ образованности общественной долженствовалъ быть и былъ въ Соединенныхъ Американскихъ Областяхъ отличенъ отъ того, который наблюдаемъ въ древнихъ Европейскихъ Государствахъ, гдѣ гражданственность шла, такъ сказать, вслѣдъ за успѣхами землепашества, а не предшествовала онымъ, какъ въ семъ краю.

Исторія перваго населенія Сѣверной Америки довольно извѣстна. Мы знаемъ, что основатели Новоплимутской колоніи въ Масачюзетскомъ Штатѣ, возникшей въ началѣ семнадцатаго вѣка (1610), оставили отечество для избѣжанія того политическаго и духовнаго гоненія, коему они были подвержены въ Англіи. Просвѣщеніе сихъ людей соразмѣрно было общему просвѣщенію Европы въ то время. То же самое можно сказать о послѣдователяхъ Вильгельма Пенна, кои столь смирно водворились въ Пенсильваніи около 1682 года. И хотя основатели колоній на берегахъ Виргиніи, предупредившіе нѣсколькими годами поселенцевъ въ Масачюзетѣ, Пенсильваніи и Мариландѣ, были съ начала болѣе скопищемъ корыстолюбивыхъ промышлениковъ, нежели сообществомъ мирныхъ и трудолюбивыхъ людей, однако жь и сіи промышленики имѣли также образованность, свойственную ихъ вѣку и состояніямъ, къ коимъ они въ отечествѣ своемъ принадлежали. И того было уже довольно для рѣшительнаго превосходства надъ природными жителями сего обширнаго края.

Нѣтъ сомнѣнія, что разные сіи поселенцы не иначе какъ посредствомъ тѣхъ способовъ, кои заимствовали они отъ выгодъ своего просвѣщенія, не только нашли возможнымъ упорно противиться нападеніямъ природныхъ жителей, бывшихъ тогда и многочисленнѣе и воинственнѣе нежели въ послѣдствіи, но могли еще столь постоянно и успѣшно заниматься улучшеніемъ своего состоянія, что наконецъ положили основаніе политическому бытію Американскихъ Соединенныхъ Областей. Знаніе есть сила, сказалъ Баконъ. Правило сіе не находило, можетъ быть, никогда лучшаго доказательства, какъ въ Исторіи населенія Сѣверной Америки: успѣхи сего предпріятія тѣмъ болѣе достойны замѣчанія, что оное достигнуто единственно мужествомъ и совокупными усиліями нѣкоторыхъ частныхъ людей, не такъ какъ завоеваніе Мексики и Перу, совершенное неизмѣримыми силами самой могущественной Монархіи того времени.

По мѣрѣ какъ сіи колоніи, стѣсненныя въ началѣ тѣми мѣстными затрудненіями, кои неразлучны съ предпріятіями сего рода, приходили въ силу, сношенія оныхъ съ Англіею становились болѣе и болѣе важны. Одинаковость нравовъ и еще болѣе языка, дозволяла колонистамъ слѣдовать вблизи за успѣхами древняго отечества на поприщѣ просвѣщенія. Покрайней мѣрѣ сіе двойное сходство препятствовало возвращенію невѣжества и грубости. Англійскія типографіи и мануфактуры работали на колоніи столько же, сколько на жителей трехъ Соединеныхъ Королевствъ. Плоды всякаго открытія въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ, сообщались немедленно поселенцамъ Сѣверной Америки. Сіи тѣсныя связи безспорно повредили много образованію между ими особенной народной физіогноміи, но онѣ же и взаимныя выгоды, сильно способствуя къ развитію естественныхъ способовъ сего края, тѣмъ самымъ ускорили политическое освобожденіе онаго.

Сіи предварительныя соображенія были нужны для объясненія начальнаго предложенія, которое служитъ основаніемъ сему начертанію, т. е. что въ Соединенныхъ Американскихъ Областяхъ земля еще новая, а гражданственность давняя. Въ послѣдствіи увидимъ, что сіи разсужденія не вовсе чужды предмету, который мы разсматриваемъ.

Подъ состояніемъ общества въ какомъ либо опредѣленномъ краю, разумѣется обыкновенно состояніе нравовъ, обычаевъ и вседневной жизни жителей онаго края, или вообще говоря, сумма физическаго и нравственнаго ихъ существованія.

Выше сего уже было замѣчено, что первые переселенцы Европейскіе, искавшіе убѣжища на берегахъ Сѣверной Америки, были люди просвѣщенные. Заведенныя ими селенія, столь слабыя въ началѣ, вскорѣ начали процвѣтать. Отразивъ нападенія Индѣйцевъ, законныхъ обладателей земли, кои не могли видѣть спокойно появленія въ ихъ сосѣдствѣ людей иностранной породы, поселенцы разширили постепенно кругъ помѣстій, либо отторгнутыхъ ими отъ Индѣйцевъ, либо добытыхъ отъ сихъ послѣднихъ посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, какъ то было при основаніи колоніи Вильгельма Пенна.

Границы Англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, разпространяясь болѣе и болѣе къ Западу по мѣрѣ отступленія Индѣйцевъ, достигнули въ короткое время до подошвы горъ Алегенскихъ. Вскорѣ селенія колонистовъ простерлись и за сей предѣлъ, идучи, такъ сказать, по слѣдамъ удаляющихся Индѣйцевъ, достигнули береговъ Миссисипи и переступивъ за сію великую рѣку, направились къ берегамъ Миссури и даже къ мѣстамъ, омываемымъ Тихимъ Океаномъ.

Столь быстрое разпространеніе владѣній въ странѣ, дотолѣ чуждой всякому воздѣлыванію, должно было неминуемо произвести значительную перемѣну въ нравахъ и образѣ жизни колонистовъ. Тѣ изъ оныхъ, кои предпочли остаться въ приморскихъ городахъ, гдѣ они были очевидцами и основанія городовъ и быстраго разпространія ихъ торговли, сохранили долѣе природныя свои черты. Причина сему легко постигается. Сіи колонисты жили въ сообществѣ съ людьми, по большей части родившимися въ одной съ ними землѣ, и держались однихъ политическихъ и религіозныхъ правилъ. Переселеніе могло произвести въ ихъ нравахъ перемѣну медленнымъ и почти непримѣтнымъ образомъ, ибо сіе могло произойти токмо отъ естественнаго дѣйствія новаго климата и новаго правленія, которое изъ ограниченной Монархіи преобразовалось въ неограниченную Демократію.

Но другіе переселенцы, движимые духомъ предпріятій и любостяжанія, проникнувъ во внутренность земель, нашли себя внезапно подверженными неудобствамъ всякаго рода, сопряженнымъ съ уединенною жизнію, посреди дикой природы. Лишенные всякаго непосредственнаго сосѣдства, они провели первые годы своего перемѣщенія въ трудахъ тягостныхъ и вредныхъ для здоровья: отчасти въ рубкѣ деревъ, нужныхъ для постройки жилищь, и въ воздѣлываніи земли, еще нетронутой плугомъ, обильно плодородной, но за то наполненной опасными лихорадочными испареніями, свойственными землямъ, упитаннымъ согнившими растительными веществами. По цѣлымъ мѣсяцамъ сіи обитатели лѣсовъ не видали никого, кромѣ семействъ своихъ. Такое уединеніе должно было ожесточить нравы сихъ отщельниковъ и сообщить ихъ образу жизни нѣчто подобное дикой природѣ, отвсюду ихъ окружавшей. Когда въ послѣдствіи число жителей, привлекаемыхъ плодородіемъ почвы, умножилось, когда къ первымъ поселенцамъ прибыли сосѣди менѣе загрубѣлые и не столько отставшіе въ просвѣщеніи, когда наконецъ политическіе и гражданскіе законы начали дѣйствовать посреди сихъ возникающихъ обществъ; то встрѣчались всегда великія затрудненія въ исполненіи оныхъ между людьми, привыкшими наслаждаться неограниченною независимостію и давать страстямъ своимъ необузданную волю. Ожесточеніе нравовъ было тѣмъ сильнѣе между сими людьми полудикими, что набожныя чувства, съ коими они поселились посреди лѣсовъ, должны были необходимо, за недостаткомъ надлежащей пищи, потерять постепенно прежнюю власть надъ ними. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что нарочитое время должно было пройти прежде, нежели населеніе въ сихъ новыхъ мѣстахъ могло достигнуть до той степени, на коей потребность какого-либо богослуженія становится ощутительна; особенно въ такой землѣ или Государствѣ, гдѣ коренные законы отвергаютъ всякое господствующее вѣроисповѣданіе.

Согласно съ предъидущими соображеніями, вообще замѣчено, что въ тѣхъ Штатахъ Американскаго Союза, коихъ образованіе еще ново, бываетъ при выборахъ болѣе безпорядковъ, болѣе раздражительности между партіями и кровопролитія въ частныхъ ссорахъ.

Должно однако жь сказать, что для отысканія вышеписаннаго рода людей, надлежитъ проѣхать Соединенные Штаты во всей оныхъ ширинѣ съ Востока на Западъ и достигнуть береговъ Миссури и Ѳрканзо. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, просвѣщеніе идетъ скорыми шагами къ совершенству. Но справедливо и то, что по сіе время еще въ нѣкоторыхъ Американскихъ Штатахъ есть люди, кои въ одно время принадлежатъ къ дикимъ по нравамъ своимъ и образу жизни, и къ просвѣщеннымъ по состоянію и промысламъ. Сіи самые люди, остроумно названные *піонерами просвѣщенія*, начали населеніе въ многочисленыхъ Штатахъ, лежащихъ на берегахъ рѣки Огеіо, Миссисипи, Миссури, Индіана и Иллинуа.

Путешественнику, хотя мало привыкшему къ наблюденію, предстоитъ безспорно весьма любопытное зрѣлище, когда онъ объѣзжаетъ внутренность Соединенныхъ Областей. Оставляя приморскіе города, гдѣ всѣ удобности жизни доведены до весьма высокой степени утонченія, путешественникъ видитъ и чувствуетъ уменьшеніе сихъ удобностей; видитъ, что слѣды гражданственности, такъ сказать, болѣе и болѣе блѣднѣютъ по мѣрѣ удаленія къ Западу. Онъ оставилъ города, блистающіе благосостояніемъ, и послѣ не весьма долгаго странствованія приходитъ въ мѣста, гдѣ слѣды первыхъ просвѣщенныхъ людей, населившихъ оные, еще видны, такъ сказать, на землѣ. Наконецъ путешественникъ нашъ видитъ себя посреди лѣсовъ, посѣщаемыхъ до того времени токмо Индѣйцами-звѣроловами, и находитъ тамъ и здѣсь, въ большомъ разстояніи, колонистовъ не задолго прибывшихъ съ своими семействами, неимѣющихъ еще другихъ жилищъ, кромѣ телегъ своихъ, ниже иной пищи, какъ соленые припасы, ими съ собою привезенные. Такимъ образомъ въ теченіе немногихъ недѣль можно, путешествуя по внутренности Соединенныхъ Областей, спускаться или подниматься по всѣмъ ступенямъ лѣстницы гражданскаго образованія.

Что образцемъ была Англія, то усматривается въ Соединенныхъ Областяхъ во всемъ, что составляетъ внѣшнія обыкновенія жителей. Постройка домовъ, одежда, пища, даже провожденіе времени, тѣ же самыя здѣсь, какъ въ Англіи, за исключеніемъ отмѣнъ болѣе или менѣе значительныхъ, кои мѣстность и свойство правленія Демократическаго ввели въ характеръ и нравы Сѣверо-Американцевъ. Прибавя къ симъ сходствамъ (affinités) подобіе языка, изъ всѣхъ подобій наисильнѣйшее, и легко будетъ объяснено, какимъ образомъ моральная симпатія всегда побѣждала голосъ политической непріязни, существующей въ высокой степени между Англіею и Американскими Соединенными Областями. Вообще Англія нелюбима: но Англичане, особливо хорошо воспитанные, приняты лучше другихъ иностранцевъ.

Между оттѣнками, отличающими Англійскіе нравы отъ Американскихъ, тотъ, который примѣчается съ перваго взгляда, состоитъ въ меньшей опрятности сихъ послѣднихъ. Сей недостатокъ имѣетъ многія причины, проистекающія отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ Сѣверныхъ, Среднихъ и Восточныхъ Областяхъ, гдѣ вліяніе рабства или не существуетъ или мало ощутительно, дороговизна всякаго рода работъ, и самыхъ домашнихъ, дѣлаетъ, что иногда нельзя наблюдать отмѣнную чистоту во внутренности домовъ. Тамъ, гдѣ законы дозволяютъ рабству неопрятность, еще больше оно необходимое послѣдствіе сей общественной болѣзни. Кто изъ путешественниковъ, странствуя, не былъ пораженъ противоположностію въ семъ отношеніи въ Штатѣ, гдѣ рабство существуетъ, съ тѣми, гдѣ оное уничтожено? Почти можно сказать, что въ первыхъ, черные невольники, исправляющіе всѣ домашнія работы, сообщаютъ свой цвѣтъ и вещамъ, до коихъ руки ихъ касаются.

Впрочемъ предъидущія показанія относятся болѣе къ трактирамъ, тавернамъ и прочимъ публичнымъ мѣстамъ, кои болѣе попадаются въ глаза путешественника. Внутренность жилищъ достаточнаго класса людей, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, представляетъ чистоту, почти совершенно удовлетворительную.

Въ Сѣверо-восточныхъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ Среднихъ, жители, даже ремесленники, отличаются въ такой степени, которой нельзя требовать въ Европѣ отъ людей сего класса.

Ежедневное одѣяніе Американцевъ отличается также отъ Англійскаго токмо тѣмъ, что оно вообще не столь тщательно. Американцы такъ заняты частными своими дѣлами и опасеніемъ разстроить оныя, ибо работа и досугъ весьма дорого стоютъ, слѣдственно и не имѣютъ способовъ обращать на платье такое же вниманіе, какъ въ Англіи. По той же самой причинѣ, Американцы отправляютъ съ большею поспѣшностію всѣ свои дѣла; не исключая пищи, которую возобновляютъ четыре раза въ день. По воскресеньямъ, когда общая дѣятельность ихъ пріостановляется, улицы во всѣхъ большихъ городахъ и всѣ публичныя мѣста наполняются праздными людьми, кои проводятъ время въ томъ, чтобы смотрѣть на проходящихъ, невольно сообщая имъ угнетающую самихъ скуку.

Первоначальное обученіе весьма разпространено въ Соединеныхъ Областяхъ, такъ что рѣдко встрѣчаются люди, даже въ числѣ ремесленниковъ, незнающіе грамоты и цифири. Сверхъ сего Англійскіе путешественники признаютъ, что языкъ, употребляемый большею частію жителей Соединенныхъ Областей, чище и правильнѣе того, коимъ говорятъ простолюдины въ Англіи, гдѣ каждая провинція, и такъ сказать, каждое Графство отличается особеннымъ нарѣчіемъ. Но когда отдавъ сію справедливость, мы приступимъ къ разсмотрѣнію положенія Наукъ и Художествъ въ Соединенныхъ Областяхъ, то увидимъ, что край сей еще въ большемъ отдаленіи на сей счетъ отъ Европы.

Дороговизна работы и ежели можно сказать, дороговизна времени также и къ сему способствуетъ. Сіе требуетъ объясненія. Извѣстно уже, что населеніе Соединенныхъ Областей со времени ихъ независимости, пріумножилось почти безпримѣрно. Но разпространеніе Американскихъ владѣній было еще быстрѣе, и дабы въ томъ убѣдиться, достаточно будетъ окинуть взглядомъ Географическую карту Соединенныхъ Областей 1783 года и карту оныхъ, недавно обнародованную для употребленія въ школахъ. Первое дѣйствіе сего негомѣрнаго разпространенія владѣній, было разсѣяніе на весьма обширной поверхности земли жителей, коихъ число и при самомъ началѣ было несоразмѣрно съ пространствомъ занимаемой земли. Часть капиталовъ слѣдовала тому же направленію и отъ того накопленіе оныхъ въ большихъ приморскихъ городахъ остановилось.

Нельзя конечно не согласиться, чтобы употребленіе капиталовъ на воздѣлываніе земель новыхъ, по надлежащемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, не было самое выгодное для будущаго благосостоянія Государства. Но нельзя также не признать, что таковое положеніе дѣлъ не могло благопріятствовать успѣхамъ наукъ, художествъ и прочихъ занятій, составляющихъ нравственное достояніе человѣка. Для сего необходимо нуженъ классъ людей, имѣющихъ досугъ и способы для содержанія себя безъ работы; а изъ вышеписаннаго положенія вещей очевидно явствуетъ, что классъ досужныхъ людей долженъ быть весьма малочисленъ, и даже едва ли существуетъ въ такой странѣ, гдѣ землепашество занимаетъ большую часть жителей. Сіе продолжается и нынѣ въ Соединеныхъ Областяхъ.

Гражданскіе законы во всѣхъ Областяхъ союза не признаютъ ни права первородства, ни постановленій какого либо рода, для сохраненія цѣлости недвижимыхъ имѣній въ рукахъ одного наслѣдника. Благоразумно конечно было не вводить такихъ установленій въ обширномъ и новомъ краю, управляемомъ законами Демократическими. Но съ другой стороны, неоспоримо также, что безпрестанное раздробленіе недвижимой собственности и разсѣяніе оной на весьма великомъ пространствѣ земли худо населенномъ, должно было вредно быть учебнымъ заведеніямъ, въ слѣдствіе затрудненій, проистекающихъ отъ сего положенія вещей; ибо симъ заведеніямъ нужны для содержанія постоянные капиталы.

Однако жъ справедливость, которую нельзя не отдать разнымъ правительствамъ, составляющимъ Американскій Союзъ, требуетъ того свидѣтельства, что во всемъ томъ, что касается до успѣховъ народнаго просвѣщенія, сіи правительства оказываютъ соревнованіе, коего нельзя достаточно выхвалить. Сѣверо-Американцы, столь между собою несогласные въ политическихъ своихъ мнѣніяхъ, единодушно признаютъ необходимость одобрять народное просвѣщеніе, какъ одну изъ сильнѣйшихъ подпоръ Республиканскаго Правленія. Во всѣхъ союзныхъ Областяхъ назначены казенныя земли для содержанія школъ. Тамъ же, гдѣ населеніе и нравственныя онаго потребности дали чувствовать нужду въ училищахъ высшаго рода, какъ-то въ Восточныхъ Областяхъ и въ большей части Среднихъ, дѣлаютъ пособія изъ Государственной кассы заведенію Коллегій и даже Университетовъ, въ которыхъ обученіе распространяется на всѣ отрасли человѣческихъ познаній.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ Кембриджскій Университетъ въ Массачюзетѣ, Гартфордскій и Нельскій въ Конектикутѣ, Университеты Нюіоркскій и Филадельфскій, занимаютъ по справедливости первое мѣсто по славѣ своихъ Профессоровъ и числу молодыхъ людей, вышедшихъ изъ оныхъ съ познаніями равно обширными и основательными.

Число Коллегій или Гимназій гораздо превосходнѣе, ибо каждая Область имѣетъ оныхъ покрайней мѣрѣ одну, а многія Области содержатъ по двѣ Гимназіи и болѣе. Что жъ касается до Нормальныхъ школъ, оныя, такъ сказать, разсѣяны по всей поверхности Соединенныхъ Областей. Объѣзжая Западные Штаты, нерѣдко встрѣчаешь хижины, въ коихъ за недостаткомъ лучшаго мѣста, дѣти того околотка получаютъ первоначальное обученіе.

Обширными свѣдѣніями отличаются въ Соединенныхъ Областяхъ люди изъ званій Адвокатовъ, Докторовъ, духовныхъ и купцовъ. И сей учености первые обязаны сильнымъ, господствующимъ вліяніемъ своимъ на управленіе общими дѣлами. Можно сказать, не опасаясь противорѣчія, что общее Правленіе Соединенныхъ Областей во всѣхъ его отрасляхъ находится въ рукахъ Юрисконсультовъ. Можетъ ли то быть иначе въ землѣ, гдѣ, такъ сказать, безпрестанная надобность въ дарѣ краснорѣчія?

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БАЛЪ ЗА МОСКВОРѢЧЬЕМЪ.

(*На Тверской. Подъѣздъ съ улицы.*)

Черскій (*выходитъ изъ кареты*). Принимаетъ Вѣра Ивановна?

Швейцаръ. Вѣра Ивановна сей часъ ѣдетъ.

Черскій. Куда?

Швейцаръ. На балъ.

Вѣра Ивановна (*выходитъ на крыльцо*). Это чья карета? А! Черскій, поѣдемте вмѣстѣ на балъ къ Замарбицкой.

Надинька. Мурбазицкой, maman.

Черскій. Я съ Базарбицкой незнакомъ.

Вѣра Ивановна. Нужды нѣтъ: провинціялка. Я васъ представлю; я везу съ собою toute ma société.

Черскій. Да я въ сапогахъ.

Вѣра Ивановна. Все равно: за Москвой рѣкой. Поѣзжайте же за нами. Надинька, садись.

Надинька. До свиданія, Андрей Ивановичъ.

Черскій. Со мною первый кадриль, неправда ли?

* * *

(*За Москвой рѣкой. Освѣщенныя сѣни. Убранная лѣстница.*)

Вѣра Ивановна. Какая даль и какая мостовая!

Надинька. Подождемте же Черскаго. (*Входитъ Пронскій*).

Вѣра Ивановна. Такъ! Пронскій ужъ тутъ. Онъ и въ Чухлому попадетъ на балъ.

Пронскій. Да вы-то какъ сюда попали?

Надинька. Посмотрите, посмотрите: чѣмъ убрана лѣстница! ананасами!

Туровъ. Да; я объ нихъ всѣ ноги перекололъ.

Пронскій (*смотритъ въ лорнетъ*). Въ самомъ дѣлѣ ананасы. Я сюда сбѣгаю послѣ.

Вѣра Ивановна. Какой вы жадной! Срѣжьте и мнѣ одинъ.

Надинька. Вотъ и Черскій.

Вѣра Ивановна. Идите же всѣ за мною. Какъ бишь зовутъ хозяйку?

Надинька. Бур.... какъ бишь?

Туровъ. Мар.... Ей Богу, не знаю.

Пронскій. Чумарзицкая, кажется.

Вѣра Ивановна. Никогда отъ васъ толку не добьешься.

(*Тамъ же.*)

Пронскій. Вообразите! Четверть шестаго.

Черскій. Какова хозяйка? настоящая калачница.

Вѣра Ивановна. Дочка недурна.

Туровъ. А куда манерится. Господи! что за лица встрѣчаешь за Москвой рѣкой!...

Черскій. Балъ удался.

Пронскій. Такъ: мороженое было солоно, а шампанское тепло.

Черскій. Къ теплому шампанскому я привыкъ. На балахъ иначе не бываетъ. Больше пѣнится: позволенная экономія.

Лакей (*Вѣрѣ Ивановнѣ*). Карету вашу подаютъ.

Вѣра Ивановна. Прощайте, Messieurs. Завтра къ намъ милости просимъ.

Пронскій (*зѣвая*). А право было очень весело.

ВЕРДЕРЕВСКОМУ.

Не тамъ, гдѣ идолъ суеты
Пріемлетъ почести служенья,
Гдѣ голосъ робкой нищеты
Не слышенъ въ крикахъ наслажденья;
Не тамъ, гдѣ радости кипятъ,
Гдѣ чувства жаждутъ сладострастья,
Гдѣ предъ дѣтьми слѣпаго счастья
Льстецы согбенные кадятъ;
Не тамъ, не тамъ питомецъ Феба
Возвыситъ творческій свой духъ,
И хладной черни грубый слухъ
Встревожитъ сладкой пѣснью неба.
Нѣтъ! нѣтъ! повѣрь, пѣвецъ младой!
Не въ шумѣ суетнаго міра
Горитъ стиховъ огонь святой;
Тамъ истинныхъ Поэтовъ лира
Нѣма, какъ пепелъ гробовой.
Ступай туда, гдѣ волны моря
Ревутъ у ногъ кремнистыхъ скалъ;
Гдѣ съ бурнымъ Океаномъ споря,
Колумбъ природу вопрошалъ.
Туда, гдѣ бездны и лавины
Пугаютъ любопытный взоръ;
Гдѣ между бѣлоглавыхъ горъ
Цвѣтутъ роскошныя долины.
Ступай туда, гдѣ бирюзой
Свѣтлѣютъ вѣчно неба своды;
Гдѣ блещетъ дивной красотой
Земля полуденной природы,
Ступай туда, гдѣ древній Римъ,
Хранитель славы и искуства,
Стоялъ вѣками невредимъ;
Но гдѣ изчезло все какъ дымъ,
Какъ въ сердцѣ дѣвы пламень чувства.
Ступай туда, и тамъ одинъ,
Волшебной волею мечтанья
Вѣковъ и міра властелинъ,
Храня страстей воспоминанья,
Душею чистъ и къ людямъ полнъ
Любви, къ порокамъ сожалѣнья, —
Сливай съ мятежнымъ шумомъ волнъ
Святые звуки пѣснопѣнья.

Ш.....ъ.

О ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ ХАРАКТЕРАХЪ

Европейскихъ поколѣній.

(*Соч. Др. Мор.*)

Изслѣдованіе Физіологическихъ характеровъ различныхъ человѣческихъ поколѣній, занимавшее ученыхъ въ прошедшемъ столѣтіи, за множествомъ иныхъ, столько же или еще болѣе важныхъ предметовъ, которыми изобиловали новѣйшія времена, оставлено до сихъ поръ безъ вниманія. Впрочемъ наблюденіе наружности населяющихъ землю народовъ не ограничивается единственно удовлетвореніемъ пустаго любопытства; ибо изученіе сіе, кромѣ значительной пользы для Естественной Исторіи человѣчества, открываетъ множество истинъ историческихъ, исправляетъ множество ошибокъ, и подтверждаетъ многія догадки. Дабы однако же означенныя изслѣдованія принесли пользу, необходимо, чтобы производящій опыты былъ одаренъ и многосторонними свѣдѣніями и духомъ наблюдательнымъ. Таковъ былъ въ послѣдніе годы Англичанинъ Эдвардсъ, а по немъ Французскій врачъ Ломбаръ. — Они, путешествуя по Европѣ и сравнивая внѣшнія отличительныя черты ея обитателей, сблизили случаи изъ Естественной Исторіи съ тѣми, какіе представляетъ намъ Исторія гражданская. А поелику трудно дѣлать наблюденія надъ столь измѣнчивымъ предметомъ, каковъ человѣческая физіогномія, и такъ какъ словесныя описанія обыкновенно бываютъ недостаточны безъ чертежей, то Г. Ломбаръ усовершенствовалъ описаніе *контуровъ* или очерковъ человѣческой головы, остроумно выражая окладъ лица пятиугольникомъ, котораго верхняя горизонтальная линія начинается у маковки, двѣ боковыя отвѣсныя отъ висковъ сходятъ къ угламъ нижней челюсти, наконецъ нижнія косвенныя соединяются у подбородка (*). Различное наклоненіе сторонъ пятиугольника хорошо изображаетъ окладъ лица; отдѣльныя же черты легче выражены быть могутъ словами. По мнѣнію сего врача, пятиугольникъ Славянскаго лица совершенно правиленъ. У Пруссаковъ онъ къ верху похожъ на квадратъ. Богемцы, Руские, Поляки должны имѣть по сему нижнюю челюсть широкую и большую, оконченную у подбородка горизонтально. Въ физіогноміи Парижанъ, жителей Лиля, Сен-Кентена, до самаго Камбре, не нашелъ Ломбаръ особенно отличающихся чертъ. — Народъ отъ Камбре до самой границы Белговъ имѣетъ лице длинное, носъ орлиный, брови дугообразныя, желобокъ отъ носа до подбородка сильно выраженый, лобъ высокій, овальную голову, широкій ротъ, большія губы, волосы и глаза темные, ростъ хорошій. Оттуда начинаются уже плотныя и малорослыя тѣла Фламандцевъ и лица ихъ, какія оставилъ намъ Теньеръ въ своихъ картинахъ. Голландцы имѣютъ Белгическія черты, волосы только у нихъ свѣтлы и глаза голубые. Фламандскія черты однако же не во всей Белгикѣ видны, ибо есть мѣста, названныя Валлонскими, коихъ обитатели имѣютъ лице продолговатое, голову овальную, носъ орлиный и всѣ черты Камбрейскаго народа. По наружности и по историческимъ преданіямъ, они приближаются къ древнимъ Кимврамъ (Kimris), описаннымъ Эдвардсомъ. Сіи послѣдніе жили около устьевъ Сены и Рейна и дѣлали частые набѣги на Францію и ближнюю Италію. Языкъ Валлоновъ похожъ на *Patois* и имѣетъ основаніемъ языкъ Латинскій, такъ какъ Фламандскій происходитъ отъ Тевтонскаго. Народъ въ Ахенѣ, Кельнѣ, Боннѣ, Майнцѣ, до самаго Базеля и Аргау, отличается отъ вышеозначенныхъ народовъ лицемъ круглымъ, волосами свѣтлыми, глазами голубыми, нѣжною кожей, румянцемъ, скулами выходящими впередъ, округленными щеками, пирамидальнымъ носомъ острымъ, безъ горба, и среднимъ ростомъ. То же сказать можно и о Виртембергѣ. — Народъ Баварскій имѣетъ три отличные характера лица: 1) въ серединѣ сего края, въ Регенсбургѣ, Мюнхенѣ, Аугсбургѣ, находятся черты, похожія на черты при-Рейнскихъ жителей. 2) Около границъ Тироля народъ большаго роста и имѣетъ лице длинное, носъ прямой, глаза большіе, брови и волосы темные, ротъ большой, носовой желобокъ весьма замѣтный. 3) Третій разрядъ самый малочисленный имѣетъ продолговатую голову, носъ выдающійся, кривой и остроконечный, верхняя губа и подбородокъ выдаются такъ, что у стариковъ носъ съ бородой сходятся. Обитатели Сѣверной Германіи великорослы, имѣютъ голубые глаза, свѣтлые или рыжіе волосы, носъ прямой, ротъ малый и выдавшійся подбородокъ. Лице ихъ, по причинѣ малыхъ размѣровъ нижней челюсти, кажется треугольнымъ, голова же имѣетъ видъ квадрата, словомъ какъ сказалъ объ нихъ Тацитъ: «truces et cœrulei oculi, rutilæ comæ, magna corpora.« Черты сіи назвать можно Германскими, ибо онѣ общія Вестфаліи, Ганноверу, Пруссіи, Саксоніи. Онѣ дѣлятся на три перемѣны: 1) *Вестфальская*: лице треугольное, ибо нижняя челюсть узка. 2) *Саксонская*, какъ въ Дрезденѣ, Лейбцигѣ: лице продолговатое, тѣло широкое, голова квадратная, носъ прямой и длинный, ротъ большой, скулы выдающіяся, ростъ высокій. 3) Перемѣна *Прусская*, образцемъ коей представилъ Ломбаръ лице знаменитаго Гумбольдта. — Славянскіе народы, не взирая на большую разность между собою, сходствуютъ главными чертами. Венды или Вандалы, живущіе въ горахъ Лузаціи, большаго роста, широкоплечи, имѣютъ кожу желтоватую, черты явственныя, глаза малые и узкіе, носъ прямой и плоскій, ротъ широкій, нижнюю челюсть большую и горизонтальную, образующую возвышеніе при соединеніи своемъ съ раменами. Поколѣніе сіе употребляетъ до сихъ поръ Славянскій языкъ. Богемцы имѣютъ лице круглое, лобъ по бокамъ сплющенный, иногда къ затылку сбѣгающій, глаза малые, брови густыя, носъ короткій и плоскій, къ низу широкій, скулы выдавшіяся, носовой желобокъ весьма явственный, губы толстыя, зубы выдающіеся, подбородокъ широкій, нижнюю челюсть большую, цвѣтъ кожи желтоватый, волосы обыкновенно темные. Въ окрестностяхъ Тёплица, Карлсбада, Эгера, есть народъ поколѣнія Германо-Саксонскаго, что доказываетъ лице и языкъ его. Около Праги народъ сохранилъ черты жителей Баваріи и береговъ Рейна. Это, какъ кажется, остатки Богемскаго поколѣнія, до прихода Славянъ существовавшаго. Австрійцы не имѣютъ своихъ физіологиче-

---

(*) Полякъ и просвѣщенный здѣшній художникъ Г. Іосифъ Олѣшкевичъ, давно до Г. Ломбара изображалъ очерки человѣческой головы въ физіологическихъ сравненіяхъ, двумя *шестиугольниками*, соединенными основаніями на глазной линіи. Въ самомъ дѣлѣ, означенныя фигуры гораздо явственнѣе представляютъ разницу между главными чертами человѣческой головы.

скихъ чертъ. Большинство оныхъ имѣетъ черты Славянскія, ибо Славяне, шедши съ Востока, наводнили всю Европу. Сравнивая Историковъ, легко можно увидѣть, что Готы, Остроготы и Вандалы, были прививкой Славянскою. Посему изъ трехъ перемѣнъ Германскихъ, Восточная и обширнѣйшая въ Европѣ есть Славянская; часть Австріи, Саксоніи, Венгрія, Богемія, Россія и Польша принадлежатъ къ оной. Изъ двухъ западныхъ, Сѣверная или Германская, занимаетъ Пруссію, Саксонію, Ганноверъ, Вестфалію; — Южная, Баварію, Виртембергъ, Альзацію, Баденъ и берега Рейна. Родъ Кимвровъ, вышедъ изъ Ютландіи (Херсониса Кимерійскаго), наводнилъ Германію, Галлію, Италію, Саксонію, Францію, Нормандію, подъ названіемъ Белговъ, Саксоновъ, Франковъ и Нормандовъ и т. д. Фламандцы сохранили, какъ кажется, черты древнихъ Галловъ, имѣвшихъ круглую голову, лице овальное округленное, носъ прямой, подбородокъ круглый, ростъ средній. Черты сіи, проявляющіяся въ южной Германіи и въ Богеміи, даютъ поводъ догадываться, что народы сіи равномѣрно получили начало свое отъ Галловъ, которые по словамъ Цезаря и Тацита простерли свои поселенія до самаго Дуная.

Таковъ сводъ замѣчаній Д. Ломбара. Желательно, чтобы кто изъ нашихъ соотечественниковъ предпринялъ подобный трудъ и у насъ. Въ самой Литвѣ такъ часто встрѣчается разница въ чертахъ, обычаяхъ и нарѣчіяхъ, что разсудительное собраніе оныхъ было бы истинно любопытною и поучительною услугой.

Съ Польскаго. *Крмн.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Собраніе оригинальныхъ драмматическихъ сочиненій и переводовъ Дениса Ивановича Фонъ-Визина. 3 части.

Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ частяхъ и проч. — (*).

(*Окончаніе.*)

Басни и Сказки Хемницера изданы гораздо исправнѣе и даже опрятнѣе, хотя бумага такъ же дурна, какъ и въ первой изъ упоминаемыхъ нами книгъ. Одна отмѣтка въ заглавіи требуетъ поясненія для тѣхъ читателей, коимъ неизвѣстны всѣ уловки и замашки нѣкоторыхъ *продавцевъ книжнаго ума*. «Печатано съ изданія 1820 года безъ исправленій,» значитъ, что одинъ изъ сихъ Гг. вздумалъ когда-то издавать умершихъ Поэтовъ нашихъ, въ томъ числѣ Хемницера, съ чужими поправками. Пожелаемъ, чтобы впередъ не было подобныхъ предпріятій, или лучше сказать покушеній.

Теперь спросимъ: какая была цѣль нынѣшняго издателя сочиненій Ф. Визина и Басенъ Хемницера? и вопросъ нашъ будетъ, конечно, не въ смыслѣ торговой спекуляціи, но въ смыслѣ выгодъ любителей чтенія. Хотѣли ль Гг. Издатели доставить читателямъ дешевыя изданія обѣихъ сихъ книгъ? Но въ такомъ случаѣ, должно бъ было продавать ихъ, первую не по 10-ти, а по 3 или по 4 рубля, а вторую по 1 рублю или по 1—50 копѣекъ, и руководствоваться при изданіи оныхъ не Московскими, а иностранными изданіями твореній лучшихъ Писателей. Посмотрите, на примѣръ, на Дидотовскіе стереотипныя изданія: они напечатаны со всевозможною исправностію, мѣлкимъ, но четкимъ шрифтомъ, и на порядочной бумагѣ, а продаются, даже у насъ въ Россіи, по 1—25 и много что по 1—50 коп. за каждый томъ, каковъ бы ни былъ объемъ его. Нынѣ уже не то время, чтобы пускать пыль въ глаза объявленіями, прилагаемыми къ С. Петербургскимъ или Московскимъ вѣдомостямъ: если не всѣ, то хотя нѣкоторые изъ Журналистовъ примутъ сторону публики, и уличатъ спекулятора-книгопродавца въ томъ, что не польза публики была у него въ виду при таковомъ предпріятіи. Нынѣ уже и житель Карлова почувствовалъ, что прошло то золотое время, когда можно было кропать книги для однихъ только денегъ, и съ сожалѣніемъ признается, что не въ пору сдѣлался Литераторомъ. Радуемся такому признанію: il vaut mieux tard que jamais!

Генеральная карта Княжества Греческаго. Подъ симъ заглавіемъ поступила на дняхъ въ продажу карта нынѣшней Греціи, съ границами и всѣми владѣніями сей страны, каковыя утверждены за нею въ силу договоровъ Союзныхъ Державъ съ Имперіею Турецкою. Карта сія составлена въ нынѣшнемъ году Г. Штабсъ-Капитаномъ Позняковымъ, и гравирована Г. Степановымъ. Продается въ Гостиномъ Дворѣ, по суконной линіи, у книгопродавца Дмитрія Григорьева Тюленёва, въ лавкѣ подъ No. 15. Цѣна сей картѣ разкрашенной 4 руб., съ пересылкой въ другіе города 5 руб.

(*) Обѣ сіи книги продаются въ С. Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Матвѣя и Андрея Глазуновыхъ. Цѣна первой 10 р., второй 5 р.

СМѢСЬ.

Минувшаго Іюля 26 числа, скончался въ Москвѣ извѣстный Литераторъ, Профессоръ Словесности при Московскомъ Университетѣ, *Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ.*

Новыя выходки противу такъ называемой Литературной нашей Аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ Писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Сѣверная Пчела* помнитъ, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ Писателей Дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе Дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ Гг. Полеваго, Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не Рускіе) позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ Рускаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы Демократическихъ Писателей XVIII-го столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими не возможно) пріуготовили крики: *Аристократовъ къ фонарю* и ничуть не забавные куплеты съ принѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ.* Avis au lecteur.

А. Пушкинъ

Въ Газетѣ: *Le Furet*, напечатано извѣстіе изъ Пекина, что нѣкоторый Мандаринъ приказалъ побить палками нѣкотораго Журналиста. — Издатель замѣчаетъ, что Мандарину это стыдно, а Журналисту здорово.

Два Писателя, равные по достоинству, равно почтенные: Г. Бестужевъ-Рюминъ и Г. Булгаринъ, сдѣлали Издателю Литературной Газеты, какъ Поэту и какъ Журналисту, лестные комплименты. Первый въ Альманахѣ: *Сѣверная Звѣзда*, говоритъ, что половина стиховъ Б. Дельвига писана Пушкинымъ, а другая Баратынскимъ; второй же въ 94 No. Сѣверной Пчелы увѣдомляетъ почтеннѣйшую Публику, что критическія статьи Литературной Газеты писаны не Издателемъ оной: слѣдственно, или А. С. Пушкинымъ, или Кн. Вяземскимъ, самыми ревностнѣйшими его сотрудниками. Издателю Сѣверной Пчелы Литературная Газета кажется печальною: сознаемся, что онъ правъ, и самою печальнѣйшею статьею находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока.

Въ нынѣшнемъ году *Сѣверная Пчела* отличалась особенною неблагосклонностію къ Гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г-нъ Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу Историческаго романа Г. Булгарина. Строгій приговоръ *Димитрію Самозванцу* (См. Лит. Газ. No 14) была приписана Пушкину (*); а въ *Денницѣ* напечатано было слѣдующее мнѣніе объ Ив. Выжигинѣ:

«Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя
«сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣр-
«ность описаній, приторность шутокъ: вотъ качества
«сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его
«достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому
«народу, и той части нашей публики, которая отъ
«азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и
«путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ
«Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ поль-
«зою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ разхо-
«дится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. — Мы
«не видимъ ихъ, точно также, какъ и тѣхъ, которые
«наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*; но они
«есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжинъ*, и *О клопахъ* разку-
«паются во всѣхъ лавкахъ.»

Кирѣевскій.

Замѣтимъ, что намъ не удалось встрѣтить ни одного порядочнаго Литератора, ни одного умнаго свѣтскаго человѣка, ни одной образованной женщины, которые бы вполнѣ не согласились съ мнѣніемъ Г. Кирѣевскаго.— Въ Allgemeine Zeitung нынѣш. года напечатана статья, въ которой Г. Булгаринъ сравненъ, какъ Авторъ, съ Стерномъ, Мерсье и многими другими извѣстными Европейскими Писателями. Сочинитель писемъ изъ Карлова можетъ быть въ слѣдствіе сего спокоенъ, видя, что заказныя похвалы скорѣе доходятъ изъ Россіи къ иностраннымъ Журналистамъ, чѣмъ мнѣнія путешествующихъ Литераторовъ. (См. 2-е письмо изъ Карлова, напечатанное въ 94 No Сѣвер. Пчелы.)

(*) А. С. Пушкину предлагали написать критику Историческаго романа Г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 8-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ II, № 46. АВГУСТА 14го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

(*Окончаніе.*)

Въ тѣхъ Союзныхъ Областяхъ, гдѣ рабство Негровъ существуетъ въ силу закона и гдѣ слѣдственно работы всякаго рода производятся руками сихъ инородцевъ, встрѣчаются часто между достаточными помѣщиками люди, отличные по своему воспитанію, свѣдѣніямъ и обхожденію. Сіе обстоятельство объясняется можетъ быть тѣмъ замѣчаніемъ, что таковые помѣщики, будучи свободны отъ всѣхъ заботъ домоводства и сельскаго хозяйства, имѣютъ болѣе времени на пріобрѣтеніе полезныхъ и пріятныхъ познаній, нежели сограждане ихъ въ тѣхъ Областяхъ, гдѣ рабство не существуетъ. Сверхъ сего первые сообщаются токмо съ равными себѣ, совершенно чуждаясь Негровъ, какъ существъ, принадлежащихъ къ числу домашнихъ животныхъ, не смотря на то, что въ Виргиніи, Южной Каролинѣ и нѣкоторыхъ другихъ Областяхъ, черные невольники составляютъ почти или даже точно цѣлую половину, если не болѣе, всей массы жителей. — Такимъ образомъ достаточные люди, живучи между собою, образуются взаимно; между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Союза, гдѣ все населеніе или покрайней мѣрѣ самая большая часть, состоитъ изъ свободныхъ гражданъ, отношенія между избыточными и бѣдными, чувствительно измѣняются отъ общаго духа равенства и безпрестаннаго перехода и раздробленія имуществъ. Хотя въ слѣдствіе общихъ установленій, то же направленіе къ раздробленію собственности примѣтно и въ тѣхъ Областяхъ, гдѣ рабство существуетъ; но тамъ имущество удерживается въ рукахъ одного только класса людей, а въ другихъ Областяхъ оно дѣлится между всѣми жителями.

Но сія выгода на сторонѣ Южныхъ помѣщиковъ, болѣе нежели перевѣшивается нравственнымъ вліяніемъ рабства даже на тѣхъ, кои онымъ пользуются. Въ засѣданіяхъ Конгресса было сказано и послѣ въ печатныхъ отрывкахъ повторено, что существованіе рабства благопріятствуетъ свободѣ въ Республикахъ, именно дѣйствіемъ противоположности, которая всегда предъ глазами свободныхъ гражданъ. Такимъ образомъ, говорили, униженіе Илотовъ питало ту страстную любовь къ отечеству, которая нѣкогда отличала Спартанцевъ.

Но сіе умствованіе только правдоподобно, а не справедливо. Родъ человѣческій одаренъ тѣлесными и нравственными способностями, кои слабѣютъ и изчезаютъ, если не имѣютъ надлежащей постоянной дѣятельности. Когда же для удовлетворенія надобностей и прихотей одного класса людей, достаточно для нихъ, привести въ дѣйство, единымъ изъявленіемъ воли, тѣлесныя силы другаго класса, то нѣтъ сомнѣнія, что первые хотя будутъ болѣе и болѣе прилѣпляться къ свободѣ, но также нечувствительно предадутся привычкамъ нѣги и безпечности, вреднымъ для нравственныхъ и тѣлесныхъ способностей.

Сіе вліяніе рабства уже видно во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ работы производятся руками черныхъ невольниковъ, при обработаніи полей, во внутренности домовъ, наконецъ въ общемъ видѣ земли. И если въ числѣ членовъ Конгресса многіе представители Южныхъ Штатовъ, отличились вкусомъ въ слогѣ рѣчей своихъ и нѣкоторою благовидностію въ обращеніи, то сила разсужденія и глубокомысліе чаще замѣтны на сторонѣ членовъ, избранныхъ тѣми Областями, гдѣ рабство не существуетъ (*).

(*) Авторъ признается, что ему трудно согласиться на одобреніе внутренняго устройства такой Республики, какою была Спарта, если еще можно назвать Республикою политическое сообщество, въ коемъ 30 т. свободныхъ гражданъ имѣли нужду въ 40 т. невольниковъ, для производства домашняго своего хозяйства.

Согласно съ историческими показаніями, достаточно засвидѣтельствованными, свободные Спартанцы не токмо не воздѣлывали сами полей своихъ, но даже предоставляли своимъ Илотамъ ремесла и художества всякаго

Въ слѣдствіе безпрестаннаго раздробленія имуществъ въ Соединенныхъ Областяхъ, весьма рѣдко видишь наслѣдственныя имѣнія; но вновь пріобрѣтенныхъ довольно значительныхъ, много. Таковое положеніе частныхъ имѣній существовать будетъ дотолѣ, пока общее населеніе въ той же самой несоразмѣрности съ пространствомъ земли находиться будетъ, какъ нынѣ. Недостатку наслѣдственныхъ имѣній надлежитъ приписать и отсутствіе того рода людей, столь многочисленнаго въ Европѣ, который извѣстенъ подъ названіемъ *людей незанятыхъ*. Чрезмѣрное размноженіе людей сего рода, было бы конечно неудобствомъ; но доколѣ число оныхъ не вышло изъ надлежащихъ предѣловъ, то они полезны, покрайней мѣрѣ тѣмъ, что одобряютъ успѣхи наукъ, художествъ и другихъ искуствъ, способствующихъ къ смягченію нравовъ и украшенію общежитія. Токмо между южными помѣщиками найти можно людей довольно незанятыхъ, чтобъ посятить свое время произвольнымъ занятіямъ. Но выгода сія перевѣшивается неудобствомъ нездороваго климата, принуждающаго зажиточнѣйшихъ между сими помѣщиками къ временному удаленію предъ наступленіемъ знойной поры года. По сей причинѣ досугъ сихъ людей проходитъ въ переѣздахъ, безъ всякой постоянной или примѣтной пользы для Словесности и свободныхъ Художествъ.

Весьма большая часть жителей приморскихъ городовъ занимается исключительно своими частными дѣлами съ дѣятельностію, которая не столь примѣтна въ Европѣ, гдѣ работа болѣе раздѣлена. Въ числѣ людей, получившихъ болѣе тщательное, по сравненію, воспитаніе, либо одаренныхъ отъ природы нравственными способностями, свыше обыкновеннаго размѣра, часто найти можно глубокія и разнообразныя свѣдѣнія. Въ семъ отношеніи можно было бы также назвать нѣкоторыхъ Профессоровъ при разныхъ Американскихъ Университетахъ. Но весьма рѣдко, (не хотимъ сказать никогда) встрѣтить можно въ Соединенныхъ Областяхъ ученыхъ людей или любителей Словесности, коихъ жизнь исключительно была бы посвящена какой-либо особенной отрасли человѣческихъ познаній. Труды ихъ не могутъ быть достаточно вознаграждены, ни денежнымъ возмездіемъ, ниже славою: ибо не взирая на то, что въ Соединенныхъ Областяхъ вообще и повсюду знаютъ грамотѣ, обыкновенныя занятія большой части городскихъ и сельскихъ жителей едва оставляютъ имъ довольно свободнаго времени, для пробѣжанія какой-либо дневной вѣдомости или журнала литературнаго. Воскресные дни посвящаются обыкновенно чтенію набожныхъ книгъ.

Сверхъ того времени, которое проходитъ въ упражненіяхъ разныхъ промысловъ, Американскіе граждане посвящаютъ немалую часть онаго на дѣла общія. Сія обязанность есть необходимо послѣдствіе Демократическихъ постановленій; и не входя въ разсмотрѣніе, полезно ли сіе, или вредно, ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что Американцы безпрестанно требуемы къ отправленію должностей, нераздѣльныхъ съ правами ихъ на власть политическую, въ качествѣ то законодателей, то судей или присяжныхъ, то исполнителей закона.

Во всѣхъ большихъ городахъ Соединенныхъ Областей находятся ученыя Общества, долженствующія быть хранилищемъ и способомъ ободренія для наукъ и художествъ. Но большая часть сихъ обществъ, или мало или вовсе ничего не производитъ. Можно ихъ уподобить растеніямъ, изтлѣвающимъ отъ недостатка надлежащаго поливанія. Малость происходящей отъ сихъ обществъ пользы, можно также отнести къ недостатку досуга со стороны членовъ, кои хотя и суть просвѣщенные любители письма, но принадлежатъ обыкновенно, или къ классу богатыхъ купцовъ, или къ извѣстнымъ и многоозабоченнымъ адвокатамъ, или къ классу гражданскихъ чиновниковъ.

Добровольныя сообщества для ободренія свободныхъ художествъ, находятся въ безсиліи еще болѣе очевидномъ, отъ недостатка того жь ободренія, въ коемъ сообщества сіи сами претерпѣваютъ весьма великую нужду. По сіе время едва ли существуетъ одинъ Американскій скульпторъ, сдѣлавшій себя извѣстнымъ произведеніями своего таланта. Въ живописцахъ, а особливо портретныхъ, нѣтъ недостатка; но положеніе общества принуждаетъ ихъ не иначе взирать на живописное искуство, какъ на прибыточное ремесло, а совсѣмъ не такъ, какъ на свободное изящное искуство, дарующее славу безсмертную тѣмъ, кои способствуютъ успѣхамъ и совершенству онаго.

Архитектура, разсматриваемая, какъ отрасль свободныхъ Художествъ, не ослѣпляетъ взора въ Соединенныхъ Областяхъ. Обыкновенно она является въ видѣ скудости и лишенная вкуса. Иногда видишь деревянный шпицъ, возвышающійся надъ некрасивымъ кирпичнымъ строеніемъ. Въ другомъ мѣстѣ фронтонъ въ Греческомъ вкусѣ, но деревянный, придѣланъ къ зданію, видомъ очень прочному.

Г-нъ Джефферсонъ, бывшій Президентъ Содиненныхъ Областей, говоритъ гдѣ-то въ запискахъ своихъ о Виргиніи, что геній Архитектуры произнесъ проклятіе надъ симъ краемъ. Мнѣніе сіе можетъ конечно показаться не совсѣмъ справедливымъ, тѣмъ, кои видѣли Пенсильванскій Банкъ въ Филадельфіи и такъ называемый Капитоліумъ въ Виргиніи.

рода, извѣстныя въ тѣ грубыя времена. Чѣмъ же занимались сіи ревностные поборники свободы? Всегда алчные къ убійствамъ и грабежамъ, они вели жестокую войну съ сосѣдями и порабощали ихъ, опустошивъ ихъ поля и жилища.

Но поистинѣ сказать можно, что публичныя зданія въ Соединенныхъ Областяхъ неудаются отъ худо обдуманной бережливости. Нельзя конечно причислить скупость къ отличительнымъ чертамъ характера Американцевъ: они болѣе склонны къ противоположному пороку. Нѣтъ однако жь сомнѣнія, что Государственными доходами разпоряжаютъ съ великою скупостію, и сія добродѣтель или сей порокъ проистекаетъ кажется отъ Демократическихъ постановленій, коими они управляемы.

Говоря о состояніи Наукъ въ Соединенныхъ Областяхъ, справедливость требуетъ не терять изъ виду одного главнаго обстоятельства, противополагающаго весьма важныя затрудненія успѣхамъ народной Словесности. Сіе обстоятельство есть не иное что, какъ единство языка съ языкомъ Англіи. Въ то время, когда утвердили онѣ свою независимость, Англійская Словесность обиловала уже образцами всякаго рода, какъ въ стихахъ такъ и въ прозѣ. Трудно бъ было Американцамъ проложить для себя новую стезю на полѣ Словесности. Сіе самое единство языка, не оставляетъ имъ возможности создать, какъ говорится, національную Словесность; и такимъ образомъ всѣ усилія врожденнаго таланта ограничены, такъ сказать, принужденнымъ подражаніемъ.

Американцы вообще весьма гостепріимны и не взирая на весьма высокое о себѣ мнѣніе, они принимаютъ иностранцевъ съ доброжелательствомъ и откровенностію, не весьма тщательно разсматривая одобрительныя письма, имъ вручаемыя. Въ городахъ гостепріимство оказывается частыми приглашеніями на обѣды и вечеринки: въ томъ нерѣдко заключается довольно продолжительное знакомство съ иностранцемъ. Но посѣщая Американцевъ, живущихъ постоянно на своихъ помѣстьяхъ, во внутренности земли, находимъ гостепріимство, носящее на себѣ видъ откровенности и доброжелательства истинно-патріархальнаго, и путешественникъ удовлетворяетъ совершенно своихъ хозяевъ, обращаясь съ ними съ нѣкоторою свободною учтивостію, чуждою всякаго принужденія, и охотно отвѣтствуя запросамъ ихъ жаднаго любопытства.

Во внутренности домовъ своихъ Американцы являются вообще добрыми главами семействъ, привязанными къ супругамъ своимъ и дѣтямъ, посреди коихъ они проводятъ большую часть времени. Но сношенія между родителями и дѣтьми сохраняютъ природную свою живость недалѣе совершеннолѣтія сихъ послѣднихъ: покрайней мѣрѣ таковы сношенія съ дѣтьми мужескаго пола. Они оставляютъ обыкновенно отеческій кровъ по совершеніи пятнадцати лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ продолжать свои науки въ какой-либо Коллегіи, оканчиваютъ ихъ потомъ въ Университетѣ и возвращаясь оттуда съ Академичаскимъ званіемъ, или безъ онаго, сіи молодые люди помышляютъ немедленно о избраніи званія или ремесла и вступаютъ въ свѣтъ для пріобрѣтенія достатка, часто посредствомъ тѣхъ способовъ, кои даны были имъ родителями для начатія, но чаще не взявъ изъ родительскаго дома ничего, кромѣ благословенія и блистательныхъ замысловъ юнаго воображенія.

Нерѣдко случается, что послѣ сей первой разлуки родители уже не видятся съ дѣтьми, особенно когда сіи послѣдніе избираютъ себѣ жительство въ Западныхъ Областяхъ, либо предаются случайностямъ морской жизни.

Доброе мнѣніе о нравственности женскаго пола въ Соединенныхъ Областяхъ столь вообще твердо, что жесточайшіе хулители сего края не смѣютъ противъ онаго спорить. Женщины въ Америкѣ отличаются постояннымъ исполненіемъ обязанностей супругъ и родительницъ. Внѣшній ихъ видъ являетъ пристойность, скромность, осторожность. Тяжбы о разводѣ не весьма рѣдки, но по большей части онѣ имѣютъ поводомъ несообразность нравовъ, а весьма рѣдко невѣрность супружескую.

Нельзя однако жь не сознаться, что въ большихъ приморскихъ городахъ и въ самой столицѣ разпутство между молодыми людьми нынѣ дошло до высокой степени. Но стараніе содержать оное подъ завѣсою тайны достаточно свидѣтельствуетъ, что безчинство сего рода еще противно общимъ нравамъ Государства. Съ недавнихъ токмо лѣтъ начали показываться въ публичныхъ мѣстахъ корыстолюбивыя жрицы разврата, столь многочисленныя въ большихъ Европейскихъ городахъ. Еще недалеко то время, въ которое сіи несчастныя принуждены были скрываться и не дерзали обнаруживать своего гнуснаго ремесла, подъ опасеніемъ ругательства и обиды. Но справедливость требуетъ признанія, что въ семъ отношеніи произошла перемѣна, которая ежедневно становится болѣе ощутительна въ Американскихъ городахъ, и перемѣна сія не благопріятствуетъ благочинію.

Красота женскаго пола въ Соединенныхъ Областяхъ единогласно признается; но свойство сей красоты столь нѣжно и непрочно, что видъ молодыхъ Американскихъ красавицъ, встрѣчаемыхъ всегда въ большомъ числѣ въ вечернихъ обществахъ, производитъ вмѣстѣ съ удивленіемъ нѣкоторое чувство сожалѣнія; ибо ихъ невольно уподобляешь нѣжнымъ цвѣткамъ, вянущимъ отъ перваго дыханія холоднаго вѣтра. Частыя, внезапныя перемѣны въ воздухѣ, особенно свойственныя климату Соединенныхъ Американскихъ Областей, имѣютъ пагубное вліяніе на здоровье жителей вообще, а въ особенности на красоту женщинъ.

Упрекаютъ Американцевъ въ непомѣрномъ и даже отвратительномъ тщеславіи. Сіе можетъ быть основательно до нѣкоторой степени, ибо нельзя опровергнуть, что Американцы наблюдаютъ мало мѣры въ похвалахъ, коими они превозносятъ себя при всякомъ случаѣ. Но съ другой стороны, гдѣ найдемъ мы народъ, который не имѣетъ своего тщеславія и не обнаруживаетъ его? Замѣтимъ также, что народное самохвальство является столь часто въ Соединенныхъ Областяхъ потому, что случаи къ тому представляются чаще, нежели въ какой-либо другой землѣ. Они проистекаютъ, можно опять сказать, отъ духа республиканскаго правленія, основаннаго на понятіи о народной власти. Кто не знаетъ, что между властителями, державный народъ всѣхъ болѣе жаденъ къ похваламъ, а его голосъ или согласіе необходимо нужны въ Соединенныхъ Областяхъ, для выбора въ верховные чиновники, въ надзиратели рынка и даже въ офицеры земскаго ополченія: и такъ сребролюбіе однихъ и честолюбіе другихъ безпрестанно побуждаютъ превозносить похвалами народъ державный и наконецъ отъ ласкательствъ, коими наполнены и рѣчи Ораторовъ и газетныя статьи, распространилось и укоренилось между Американцами мнѣніе, что они просвѣщеннѣйшій и добродѣтельнѣйшій народъ на земномъ шарѣ. Изъявленіе сего мнѣнія находимъ даже въ ежедневныхъ посланіяхъ Президента Соединенныхъ Областей.

Сіе народное чванство существуетъ конечно и въ другихъ земляхъ; но оное выражается иначе и не столь часто, какъ въ Соединенныхъ Областяхъ, по той причинѣ, что народные выборы и политическія собранія въ другихъ земляхъ или бываютъ рѣже, или вовсе не существуютъ.

Американцы вообще довольно набожны. Но сіе замѣчаніе болѣе относится къ жителямъ Сѣверныхъ и Среднихъ Областей, нежели къ населенію прочихъ отдѣленій Американскаго Союза. Ибо извѣстно, что въ Областяхъ Южныхъ и Юго-западныхъ, большею частію господствуетъ совершенное равнодушіе на счетъ идей религіозныхъ (*).

Американцы наблюдаютъ воскресные дни и прочіе годовые праздники, весьма у нихъ рѣдкіе. Познаніе, или лучше сказать чтеніе Священныхъ книгъ повсемѣстно въ Соединенныхъ Областяхъ, даже въ работающемъ классѣ людей. Но состояніе людей духовнаго званія далеко отъ того, чтобъ возбуждать зависть. Они также находятся подъ вліяніемъ республиканскихъ установленій и должны, какъ прочіе граждане, всего ожидать отъ народныхъ выборовъ. Въ большей части Соединенныхъ Областей служатъ въ церкви священники, избираемые обществомъ, на счетъ коего оныя церкви сооружены. Они получаютъ опредѣленное жалованье и случайный ихъ доходъ весьма незначителенъ. Столь худо обезпеченное состояніе неспособно возбуждать соревнованія между людьми, посвящающими себя священству, и склонять молодыхъ студентовъ Коллегій и Университетовъ къ основательному изученію Богословскихъ наукъ. По сей причинѣ можно смѣло сказать, что духовное краснорѣчіе не блистало еще въ Соединенныхъ Областяхъ. Едва ли можно назвать Американскихъ проповѣдниковъ, сдѣлавшихъ себѣ имя краснорѣчіемъ или сочиненіями, и таковыхъ надлежитъ искать въ Областяхъ Массачюзетѣ и Конектикутѣ, гдѣ болѣе набожности.

Тотъ же самый духъ изслѣдованія и разбора, который руководствовалъ начертаніемъ политическихъ установленій въ Соединенныхъ Областяхъ, хотѣлъ подчинить и религіозныя понятія человѣческому разсудку. Терпимость вѣры тамъ совершенна и безъ всякихъ ограниченій. Всѣ Богослуженія пользуются свободою и ни одно изъ нихъ не содержится иждивеніемъ Государства. Отъ того произошло безконечное размноженіе сектъ, кои трудно даже исчислить. Сіи секты, не имѣя въ существованіи своемъ ничего достойнаго зависти, живутъ мирно, или ведутъ войну на бумагѣ, которая не возбуждаетъ ничьего вниманія.

Римско-Католики, нетерпящіе въ Европѣ никакихъ иныхъ вѣръ, въ Соединеныхъ Областяхъ искренно пристали къ сей системѣ совершенной терпимости всѣхъ исповѣданій.

Еврейскія общества, хотя немногочисленныя, находятся также въ Соединенныхъ Областяхъ. Любопытно замѣтить здѣсь, что хотя Евреи причастны всѣмъ правамъ Американскихъ гражданъ, не исключая ни одного, однако жь они живутъ между собою, избѣгая тщательно сообщества Христіанъ. Есть исключенія, но весьма рѣдкія и отъ того именно на нихъ указываютъ.

Изъ всѣхъ Христіанскихъ исповѣданій, кои, какъ выше было уже замѣчено, весьма многочисленны въ Соединенныхъ Областяхъ, такъ именуемое *Общество друзей*, болѣе извѣстное подъ названіемъ Общества *Квакеровъ*, наиболѣе отличается духомъ порядка, Христіанскаго сердолюбія и общею благотворительностію. Стараніямъ Квакеровъ приписать должно, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ вліяніе ихъ на ходъ общихъ дѣлъ ощутительно, улучшеніе темницъ, госпиталей, школъ; наконецъ и первые опыты для образованія Индѣйцевъ.

Методисты, также многочисленная секта въ Соединенныхъ Областяхъ, отличаются ревностію къ распространенію Христіанской вѣры между Индѣйцами и Неграми-невольниками. Но секта Унитаристовъ, послѣдователей Доктора Пристлея, нынѣ всѣхъ болѣе усиливается.

Сей феноменъ любопытенъ, и должно конечно удивляться явленію онаго въ такой землѣ, гдѣ разсудокъ

(*) Люди, довѣренность заслуживающіе, утверждаютъ однако жь, что съ нѣкоторыхъ лѣтъ идеи, сообразныя съ Христіанскимъ ученіемъ, распространились какъ въ Виргиніи, такъ и въ другихъ Южныхъ Штатахъ.

Из фондов Российской государственной библиотеки

человѣческій столь надмененъ. Ибо правила, проповѣдуемыя Унитаристами или Антитринистами суть не что иное, какъ смѣшеніе ученія Христіанскаго съ философскимъ Скептицизмомъ, кои трудно согласить. Они признаютъ Священное Писаніе за основаніе своихъ правилъ и потомъ объявляютъ, что все, что разсудокъ человѣческій не постигаетъ, противно человѣческому разсудку. Они признаютъ Божественное посланіе Іисуса Христа, и отвергаютъ Божественное существо Его.

Должно однако жь сказать, что между послѣдователями сей секты многіе дѣлаютъ честь человѣчеству своими добродѣтелями и своимъ примѣромъ.

Чтеніе сочиненій извѣстнаго Томаса Пенна распространило въ сей землѣ Деизмъ. Но сія секта, хотя она и не страшится наказанія со стороны законовъ, однако жь доселѣ не смѣла составить общества и завести храмъ.

Что слѣдуетъ заключить окончательно о состояніи общества въ Соединенныхъ Областяхъ? Что оное есть не что иное, какъ естественное послѣдствіе разселенія людей уже образованныхъ на великомъ пространствѣ земли еще новой. Все въ движеніи и скорыми шагами идетъ къ лучшему порядку вещей. Но сіе движеніе, по несоразмѣрности между пространствомъ земли и числомъ жителей, есть болѣе философическое, нежели нравственное. Вся дѣятельность человѣка обращается на умноженіе имуществъ; еще нѣтъ мысли (разумѣется вообще) о томъ, чтобъ наслаждаться пріобрѣтеннымъ.

Тѣ люди, кои ищутъ единственно спокойной и безнужной жизни, не требуя ничего болѣе отъ ближняго, или тѣ, кои спасаются отъ незаслуженнаго гоненія, или имѣютъ въ предметѣ токмо выгодное употребленіе тѣлесныхъ своихъ силъ, обращенныхъ къ какому-либо художеству или промыслу, легко могутъ, при хорошемъ поведеніи и умѣренности, найти желаемое въ Соединенныхъ Областяхъ.

Нѣтъ края лучше для людей несчастливыхъ, но имѣющихъ нѣкоторый достатокъ, и для людей трудолюбивыхъ и умѣренныхъ, безъ достатка.

Но еще много пройдетъ времени, прежде нежели край сей содѣлается пребываніемъ Наукъ, свободныхъ Художествъ и тѣхъ наслажденій ума, кои составляютъ прелесть общественной жизни въ Европѣ.

Нѣкоторые иностранцы, проживъ многіе годы въ Соединенныхъ Областяхъ, замѣтили, что посѣщающіе оныя Европейцы изъ любопытства, либо по долгу дипломатическаго служенія, рѣдко привязываются къ сему краю, и по большей части съ нетерпѣливостію ожидаютъ часа, опредѣленнаго для отъѣзда. Кого обвинять въ томъ должно: Американцевъ или сихъ иностранцевъ? По всей вѣроятности, вина обоихъ. Если Американцы, какъ ихъ въ томъ обвиняютъ, слишкомъ самолюбивы, то съ другой стороны, при внимательномъ разсмотрѣніи откроется можетъ быть, что и Европейцы въ свою очередь по большей части слишкомъ взыскательны.

Въ заключеніе сего краткаго обозрѣнія, необходимо нужно сказать читателю, что онъ не долженъ искать въономъ описанія Соединенныхъ Областей, во всѣхъ подробностяхъ; потому что къ успѣшному и совершенно безпристрастному выполненію подобнаго предпріятія, потребно продолжительное время для собранія матеріаловъ и проницательный философическій взглядъ, коимъ природа одаряетъ токмо своихъ любимцевъ.

Авторъ старался только представить въ семъ отрывкѣ отличительныя черты края, во многихъ отношеніяхъ привлекательнаго и еще мало извѣстнаго въ Европѣ. Онъ не увѣренъ въ точности своихъ показаній, но всячески усиливался быть безпристрастнымъ и надѣется, что Американцы не обвинятъ его въ умышленномъ изкаженіи истины (*).

Вашингтонъ.

$\frac{16}{22}$ Февраля 1822.

МЩЕНІЕ.

Я долго на душѣ носилъ
Тяжелый камень подозрѣнья;
Я долго плакалъ и любилъ
И ждалъ, какъ смерти, убѣжденья.

Я ихъ открылъ: онъ ей шепталъ
Любви восторженныя рѣчи
И взоры наглые кидалъ
На бѣломраморныя плечи.

(*) Издатель приноситъ искреннюю благодарность свою Е. П. Петру Ивановичу Полетикѣ, за доставленіе въ его Газету сей любопытной и занимательной статьи. При семъ случаѣ онъ извѣщаетъ читателей *Лит. Газ.*, что полное сочиненіе объ Америкѣ въ непродолжительномъ времени будетъ напечатано, по желанію почтеннаго Автора, въ пользу одного бѣднаго семейства, особою книгою подъ заглавіемъ: *Краткое обозрѣніе внутренняго положенія Соединенныхъ Американскихъ Областей, и политическихъ сношеній ихъ съ Европою.* Вообще въ Европѣ мало знаютъ политическое и нравственное состояніе сего замѣчательнаго края, изъ нашихъ же Рускихъ Путешественниковъ только П. П. Свиньинъ издалъ *Опытъ* своего *живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ.* Но Г. Свиньинъ, можно сказать, только проѣхался по нѣкоторой части Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, не имѣвъ времени вникнуть ни въ духъ постановленій, ни въ политическое положеніе сей страны, ни въ нравы и обычаи жителей оной. Въ семъ отношеніи сочиненіе П. И. Полетики, при всей краткости своей, можетъ сообщить читателямъ свѣдѣнія весьма удовлетворительныя. — Подписка на сію книгу принимается у книгопродавцевъ Гг. Слёнина и Смирдина. Цѣна экзем. 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

Въ ея встревоженныхъ очахъ
Стыдъ умиралъ, лице пылало,
И колебалъ послѣдній страхъ
Преступной груди покрывало.

Я проклялъ женскую любовь!
Взвизжалъ свинецъ, подарокъ ада,
И врагъ упалъ, и хлещетъ кровь....
Ужъ онъ не броситъ дѣвѣ взгляда!

ЧЕТЫРЕ ПЕРІОДА ПОЗНАНІЙ.

Кто не замѣтилъ, что всякое явленіе въ природѣ проходитъ извѣстные періоды, изъ коихъ каждый имѣетъ свой отличительный характеръ? Поэты повѣдали намъ, что жизнь человѣка имѣетъ свои весну и утро, лѣто и полдень, осень и вечеръ, зиму и ночь; а природа младенчество, юношество, возрастъ зрѣлый и старость. Историки примѣтили сіи періоды къ жизни всего человѣчества и старались ими объяснить невозможность остановить его стремленіе. Философы въ семъ постоянномъ законѣ вселенной думали видѣть ту связь природы, которая соединяетъ и дѣлаетъ сходными явленія самыя разнообразныя, и разнообразитъ существованіе отдѣльнаго предмета. — Простолюдимы примѣтили сей законъ въ ежедневной жизни своей и назвали его временемъ. Не будемъ здѣсь разыскивать, на чемъ основывается сіе свойство вселенной; убѣдимся лишь въ томъ, что оно существуетъ и въ этомъ повѣримъ на слово голосу — никогда не обманывающему голосу человѣчества. Юная древность, которая въ младенческихъ снахъ своихъ предчувствовала почти всѣ произведенія, почти всѣ открытія временъ новѣйшихъ, облекла сіе свойство Естества въ поэтическое сказаніе о золотомъ и желѣзномъ вѣкѣ; можетъ быть, примѣняя его къ различнымъ происшествіямъ жизни, мы бы легко могли понять часто непонятныя для насъ ея явленія. Покрайней мѣрѣ такъ думаетъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, тревожимый жаждою познаній: съ раннихъ лѣтъ окруженный книгами, онъ слѣдующимъ образомъ думалъ объяснить различныя впечатлѣнія, которыя производило на него чтеніе:

«Золотой вѣкъ ученья,» говорилъ онъ, «когда читая книгу, вѣришь Автору, что онъ обогналъ своихъ предшественниковъ, вѣришь всѣмъ сердцемъ, раздѣляешь съ нимъ всѣ чувства, его руководившія при твореніи, всѣ сомнѣнія его, всѣ заблужденія; къ концу книги дѣлаешься его Сеидомъ и нѣсколько времени не хочешь ни знать, ни читать ничего другаго, а тѣмъ болѣе противъ него — и все это до новой книги, ибо тогда начинается та же исторія. — Это счастливое время дѣтства ученія, его Поэзія: душа, забывая о самой себѣ, безпрестанно рядится въ новые образы, живетъ въ нихъ, безотчетно любуется ими и въ каждомъ новомъ нарядѣ думаетъ видѣть себя болѣе усовершенною, болѣе близкою къ своему идеалу. Но за симъ наступаетъ другое время: мы замѣчаемъ наконецъ, что переходя отъ одного образа къ другому и привязываясь къ каждому изъ нихъ поочередно, обманываемъ себя; душа утомляется отъ безпрестанно возобновляемыхъ впечатлѣній; въ ней начинаютъ бороться сѣмена противоположныхъ мнѣній, непримѣтно заронившіяся въ нее при чтеніи; она чувствуетъ необходимость положить конецъ сему раздору, и въ твердой увѣренности, что достигнетъ сей цѣли, углубляется въ самую себя; какъ Антей, получаетъ новыя силы, приближаясь къ самой себѣ, и съ гордою рѣшительностію снова съ высшей точки зрѣнія разсмотрѣть все изученное, она выходитъ на новое поприще. Это минута перехода въ серебряный вѣкъ: она кажется восхитительною; это минута высшей гордости человѣческаго духа, это первое пріобрѣтеніе яблока отъ древа познанія добра и зла. Но она скоро проходитъ. Съ сей минуты мы не довольствуемся читать книгу: мы ищемъ итти далѣе Автора; здѣсь начинается наказаніе за нашу гордость — сомнѣніе: мы въ потѣ лица начинаемъ отыскивать умозаключенія и нашедши ихъ послѣ многихъ трудовъ и усилій, все еще бываемъ недовольны. Мы читаемъ книгу уже не для того, чтобы увѣриться въ мысляхъ Автора, но чтобы въ остывающей душѣ возбудить новыя мысли. Это состояніе имѣетъ еще величайшія наслажденія: раждается терпимость, ибо мы замѣтили, что самая дурная книга можетъ возбудить въ насъ цѣлую перспективу различныхъ мыслей; но нѣтъ того сладкаго чувства, которое насъ дружило съ Авторомъ, нѣтъ той дѣвственности, съ которою мы являлись для принятія новаго впечатлѣнія, нѣтъ того фанатизма, съ которымъ мы защищали его и отъ котораго, какъ отъ дѣйствія опіума, всѣ предметы дѣлались для насъ прекраснѣе. Часто мы хотимъ по прежнему читать книгу для книги, перенестися въ сферу Автора (что и необходимо, ибо безъ того нельзя понимать его); но мы это дѣлаемъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ среди положительной жизни нашего вѣка читаемъ пінтическое произведеніе: намъ нравится Авторъ, но мы спрашиваемъ себя черезъ минуту: нельзя ли его употребить, какъ ступеньку, для того, чтобы еще выше подняться? Мы дѣйствуемъ въ этомъ случаѣ, какъ истинный жилецъ XIX-го вѣка, который, любуясь какою-либо силою природы, тотчасъ помышляетъ, нельзя ли заключить ее въ ось колеса и употребить ее для дѣйствительной жизни? — Поздно! мы уже не можемъ возвратиться и даже не желали бы. Страданіе сомнѣваться — намъ дѣлается необходимымъ, сладкимъ, какъ страданіе любви; неодолимая сила влечетъ насъ всегда недовольствоваться мыслями Писателя и опережать его; тутъ раждается борьба: долженъ ли я въ такомъ и въ такомъ случаѣ итти далѣе? Вмѣсто того, чтобы опередить Писателя, не обращаюсь ли я назадъ и не называю ли новымъ забытое? Еще болѣе: довольно ли я опередилъ его?

«Что же мѣдный и желѣзный вѣкъ, что осень и зима нашего совершенствованія?» — продолжалъ мой пріятель. «Я еще не испыталъ ихъ. Можетъ быть, въ мѣдномъ вѣкѣ человѣкъ замѣчаетъ, что каковы бы ни были плоды, имъ собранные во время дѣятельности его духа, онъ долженъ довольствоваться ими; что время его дѣятельности прошло; тогда можетъ быть раждается горесть, упреки: зачѣмъ не такъ употребилъ его? Зачѣмъ не шелъ другою дорогой? Какое ужасное чувство — видѣть, что далеко не достигнулъ своей цѣли и знать, что уже нѣтъ времени ея достигнуть.

«Въ желѣзномъ вѣкѣ, можетъ быть, леденѣетъ душа; можетъ быть, съ насмѣшкою безумца смотритъ она на труды, ею подъятые, на свое стремленіе, на цѣль свою; презираетъ познанія, смотритъ на нихъ, какъ на дѣтскія игрушки, неспособныя наполнить пустоту ея!

«Но можетъ быть, для совершенствованія нѣтъ ни мѣднаго, ни желѣзнаго вѣка; можетъ быть, они удѣлъ другой половины нашего существованія, которую называютъ ежедневною жизнію! Можетъ быть, какъ житель Магометова рая, совершенствованіе знаетъ лишь весну и лѣто, которыя слѣдуютъ одно за другою; или какъ божество одного Индійскаго народа, которое умираетъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, и снова воскресаетъ младенцемъ!»

Гр.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Сочиненія Ѳаддея Булгарина. Изданіе второе, исправленное. Части 1, 2, 3, 4 и 5-я. С. П. б. въ типогр. Александра Смирдина, 1830. (Въ 1-й части XVII — 211, во 2-й — 230, въ 3-й — 256, въ 4-й — 226 и 5-й — 226 стран. въ 12-ю д. л., съ портретомъ и картинками.)

Статья I.

Вступленіе Г. Булгарина на поприще Литератора, и Литератора Рускаго, было явленіемъ замѣчательнымъ. Человѣкъ, неизвѣстный дотолѣ никакими литературными трудами на нашемъ языкѣ, долго нежившій въ Россіи, отвыкнувшій, по собственному его признанію, отъ Рускаго языка и можетъ быть хотѣвшій отвыкнуть отъ онаго, — вдругъ выступилъ на сцену въ нашей Словесности, въ тѣхъ лѣтахъ, когда уже почти не учатся болѣе новымъ языкамъ, и выступилъ не съ стишками или коротенькими статейками, а съ двумя журналами, которые, по разнообразію своего содержанія, требовали покрайней мѣрѣ достаточнаго знанія языка и большой гибкости слога. Что ни говори, а подвигъ смѣлый; хотя выполненіе онаго, особливо въ первыхъ произведеніяхъ Г. Булгарина, отзывалось болѣе отвагой юноши, пускающагося на удачу, нежели предпріятіемъ человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, взвѣшивающаго свои силы и испытующаго свои способности прежде, нежели примется за дѣло. Въ послѣдствіи онъ началъ писать свободнѣе, но и тогда, но и теперь еще въ сочиненіяхъ его замѣтенъ прежній недостатокъ: въ нихъ нѣтъ слога; и сему причиной слабое знаніе Рускаго языка. Неумѣнье выразиться прямо и точно, заставляетъ Сочинителя пускаться въ перифразы; а это дѣлаетъ фразы его разтянутыми, вялыми, и потому скучными. Болѣе всего недостатокъ сей замѣтенъ въ драматическихъ мѣстахъ сочиненій Г. Булгарина: въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ и въ живомъ разсказѣ дѣйствія, требующемъ быстроты и движенія. Часто одно слово, смѣло употребленное, но точно и живописно выражающее предметъ, гораздо сильнѣе потрясаетъ читателя, нежели всѣ округленные періоды, разтягивающіе мысль, нежели цѣлая длинная рѣчь, составленная по всѣмъ правиламъ Риторики: этихъ счастливыхъ словъ напрасно стали бы искать въ сочиненіяхъ Г. Булгарина; въ нихъ все сглажено, обдѣлано, но безцвѣтно и безжизненно. Должно однако жь отдать справедливость авторскому чистосердечію Г. Булгарина: онъ самъ признавался и не однажды, что Г. Гречь былъ его руководителемъ въ Рускомъ языкѣ, и даже исправлялъ въ его сочиненіяхъ ошибки противъ онаго. Впрочемъ, знаніе языка не даетъ еще слога; для сего потребно болѣе: потребно дарованіе; а тому, въ комъ нѣтъ дара выражаться живо, въ комъ нѣтъ краснорѣчія душевнаго, согрѣтаго чувствомъ, не помогутъ всѣ старанія услужливой пріязни. Языкъ его, положимъ, будетъ чистъ, или правильнѣе, вычищенъ; но слога, того отличительнаго способа выражаться, который какъ бы служитъ зеркаломъ души Писателя, — въ немъ все таки не будетъ. Скажемъ и то: обязательная пріязнь не всегда можетъ неусыпно стоять на стражѣ. Какъ бы заботливо ни пеклась она о чужихъ умственныхъ дѣтищахъ, но на нее также находятъ минуты дремоты, а въ это время ошибки противъ языка, ошибки противъ смысла, ошибки противъ логики и другіе грѣхи литературные насильственно вползаютъ въ сочиненія Литератора недоучившагося, подобно какъ грѣхи нравственныя прокрадываются въ душу человѣка нетвердыхъ правилъ. Такъ было нерѣдко и съ сочиненіями Г. Булгарина: неправильное употребленіе словъ, странно-обточенныя, ученическія фразы, мѣстами незнаніе управленія и даже спряженія глаголовъ (*), встрѣчаемыя въ статьяхъ его, явно доказываютъ, что Г. Гречь не всегда могъ съ одинакою внимательностію наблюдать за чистотой языка въ статьяхъ своего друга. Выписывать примѣры сихъ промаховъ было бы дѣло излишнее и скучное: читатели, основательно знающіе Рускій языкъ, конечно сами давно ихъ подмѣтили.

Такова характеристика слога Г. Булгарина, слога, который многіе Руские Журналисты признали, на вѣру словъ самихъ Гг. Греча и Булгарина, чистымъ, непогрѣшительнымъ, и только что не образцовымъ. Не говоримъ уже объ Издателѣ Московскаго Телеграфа, который самъ пишетъ, какъ Богъ послалъ: ему конечно должно быть въ диковинку то, что для него недостижимо.

Габсалъ.

СМѢСЬ.

Въ послѣднемъ No. *Литературной Газеты* помѣщена была библіографическая статья о новомъ изданіи *Басенъ Хемницера.* На заглавномъ листѣ сей книги сказано: *Печатано съ изданія* 1820 *года безъ исправленій*; но имѣя причины недовѣрять объявленіямъ и отмѣткамъ нѣкоторыхъ Гг. книгопродавцевъ, Сочинитель помянутой статьи отыскалъ изданіе Басенъ Хемницера 1820 года (нынѣ довольно рѣдкое), сличилъ съ онымъ нынѣшнее Московское изданіе и нашелъ, что въ семъ послѣднемъ именно чужія поправки и вставки приняты за подлинные стихи Хемницера; о чемъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ извѣстить любителей чтенія и охотниковъ до книгъ.

Литературная Газета замѣтила уже при одномъ случаѣ, что «нашихъ образцовыхъ Писателей пока« мѣстъ еще ждетъ участь незавидная,» и проч. (См. Смѣсь 22-го No.) Этому видимъ мы весьма частыя и неутѣшительныя доказательства, между прочимъ и въ послѣднемъ изданіи *Драмматическихъ сочиненій* и *переводовъ Фонъ-Визина* и *Басенъ Хемницера*, подавшемъ поводъ къ сему замѣчанію. Несвѣдущіе издатели, по недоразумѣнію, почти всегда принимаютъ черное за бѣлое, чужія ошибки и передѣлки за собственный текстъ Автора, испещряютъ оными его творенія въ изданіяхъ своихъ и вводятъ многихъ простодушныхъ читателей въ заблужденіе и въ безполезный убытокъ. — Тѣмъ необходимѣе считаемъ мы повторить сказанное нами въ прошломъ No. нашей Газеты: желательно, чтобы *умышленныя* поправки сочиненій какого-либо извѣстнаго Писателя совершенно вывелись у насъ изъ употребленія, особливо когда Издателями книгопродавцы, люди по большей части малограмотные. Имѣяй уши, да слышитъ.

Надѣемся принести удовольствіе любителямъ Художествъ извѣщеніемъ ихъ, что съ прекрасной картины, изображающей Богородицу съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и приписываемой Рафаелю Санціо (см. No 19-й *Литер. Газеты*), снимается на камнѣ рисунокъ большаго размѣра и скоро будетъ окончен и отпечатанъ. Надъ рисункомъ симъ трудится одинъ молодой Художникъ, коего литографія съ одной картины Кипренскаго уже извѣстна нашей Публикѣ.

Опечатки въ 45 No. Л. Г.

Стр.	*столб.*	*строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
71	2	10	издателя	изданія
—	—	29	Журналчстовъ	Журналистовъ
72	1	30	съ принѣвомъ	съ припѣвомъ
—	2	12	Г. Булгарнна	Г. Булгарина
—	—	13-14	Строгій приговоръ.....была приписана	Строгій приговоръ.....былъ приписанъ.
—	—	15	Пустота,	Пустота,
—	—	17	описаий	описаній
—	—	25	Выжина	Выжигина
—	—	28	нхъ	ихъ
—	—	29	онн	они
—	—	30	*Выжинъ,*	*Выжигинъ,*
—	—	44	путешеитвующихъ	путешествующихъ
—	—	*(въ пр. 1-я строка)*	А. С. Пушкину	А. С Пушкину

NB. Въ нотахъ *Финской пѣсни*, приложенныхъ къ 35 No *Лит. Газ.*, замѣчена погрѣшность: во второй строкѣ поставленъ басовый ключъ вмѣсто скрыпичнаго.

(*) Такъ напр. недавно еще, въ первомъ *Письмѣ изъ Карлова*, по недосмотру Г. Греча, вкрался глаголъ *гнѣваютъ*, вмѣсто *гнѣвятъ*: »мои сочиненія жестоко *гнѣваютъ* мо« ихъ противниковъ!!» Тамъ есть и другой недосмотръ, но этотъ относится уже не къ языку, а къ смыслу; или, можетъ быть, это невольный порывъ чистосердечія и авторскаго смиренія. Г. Булгаринъ говоритъ: «Я « смѣюсь, видя въ каждомъ No Журналовъ мое имя, и не « хочу отвѣчать. Стóитъ ли занимать публику своими « личностями?» — И прибавляетъ; «Que de bruit pour une omelette! «

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 13-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ II, № 47. *АВГУСТА* 19го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни : 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

(*Изъ соч. Тика.*)

Когда кто нибудь начинаетъ съ важнымъ видомъ разсказывать какую-либо повѣсть, то долгъ слушателей быть внимательными и хотя по наружности показывать, что они разсказамъ его вѣрятъ. Восклицать же при каждой повѣсти, которая чуть нѣсколько заключаетъ въ себѣ необыкновеннаго : credat Judaeus apellæ! и перебивать повѣствователя изъявленіями недовѣрчивости — весьма неучтиво. — По моему мнѣнію, ежели читатель думаетъ, что онъ все знаетъ лучше, нежели сочинитель, то онъ не долженъ уже ничего читать. — По сей причинѣ, я покорнѣйше прошу всякаго, кому попадется въ руки нижеслѣдующая повѣсть, снизходительно повѣрить мнѣ на слово, не требуя никакихъ подтвержденій, основанныхъ на документахъ, и предположить, что добросовѣстность Писателя не дозволитъ ему говорить ложь почтеннѣйшему обществу читателей. Я надѣюсь, что творецъ *Генія* и *Памятныхъ записокъ Графа фонъ Г.* не успѣлъ еще прорвать сочинительскихъ силковъ до такой степени, чтобы къ нихъ совсѣмъ уже не попадалось болѣе читателей.

Впрочемъ, ежели вы ужь слишкомъ въ недовѣрчивомъ расположеніи духа, то затопите комелекъ, усядьтесь рядомъ передъ нимъ, какъ можно ближе одинъ къ другому, и погасите свѣчи. Пускай комната озарятся однимъ только блѣднымъ, трепещущимъ свѣтомъ догорающихъ дровъ; тогда возьмите книгу и начните читать: я неоднократно испыталъ, что топящійся комелекъ напрягаетъ воображеніе и ослабляетъ голосъ разсудка; и чтобы не дать сему послѣднему слишкомъ много власти надъ собою, написалъ сію повѣсть также у комелька.

Было время, когда всѣ лучшія повѣсти начинались словами: Жилъ, былъ и проч. — Не слишкомъ много надобно труда со стороны ума, дабы доказать, что начинать такимъ образомъ повѣствованіе дѣйствительно всего лучше. Изъ подобнаго начала я точно столько же могу вывести заключеній, сколько нѣкоторые извѣстные Комментаторы вывели изъ начальныхъ стиховъ Гомера. Вниманіе немедленно обращается на главный предметъ, котораго сущность и качества тотчасъ становятся извѣстными. Къ нему, какъ къ средоточію, стремятся всѣ части повѣствованія, и прежде нежели читатель замѣтитъ, онъ уже дошелъ до развязки. — И такъ:

Жилъ-былъ нѣкогда богатый и прекрасный собою молодой человѣкъ. Онъ любилъ дѣвушку и былъ взаимно любимъ ею. Будущность представлялась ему въ самомъ привлекательномъ видѣ.

Любовь его нельзя было назвать пламенною, бурною страстію, которая обыкновенно столь же скоро проходитъ, какъ и зараждается; напротивъ того, это была привязанность, основанная въ продолженіи многихъ лѣтъ на откровенности и дружбѣ. — Фридрихъ Левенштейнъ и Амалія Вильманъ были въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни, наслаждались безпрепятственно чистымъ счастіемъ невинной любви и спокойно смотрѣли на теченіе перемѣнчиваго времени, какъ на широкую, блестящую рѣку блаженствъ. Родители обоихъ, съ ихъ малолѣтства еще одобрявшіе сію любовь, назначили было уже и день свадьбы, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство отдалило цѣль ихъ желаній. Левенштейнъ долженъ былъ довольно далеко ѣхать для полученія нѣкотораго наслѣдства, въ выдачѣ котораго дѣлали ему препятствія. Онъ нѣжно простился съ Амаліей; оба утѣшались мыслію, что въ скоромъ времени опять увидятся и — Левенштейнъ уѣхалъ.

Скоро получено было отъ него первое письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что затрудненій гораздо болѣе, нежели онъ сперва полагалъ, что ему угрожаютъ процессомъ, который необходимо потребуетъ его присутствія и что онъ, къ несчастію, долго еще долженъ будетъ говорить съ своею любезною только письменно. Амалія грустила и утѣшала себя единственно частою съ нимъ перепискою.

Въ это время возвратился изъ путешествія молодой Линдеръ, съ которымъ Амалія была въ дѣтствѣ еще знакома. Фамилія его была одна изъ лучшихъ въ томъ провинціяльномъ городкѣ, гдѣ жила Амалія; начались взаимныя посѣщенія и Линдеръ въ скоромъ времени сталъ отличать Амалію отъ всѣхъ прочихъ ея подругъ. Онъ былъ прекрасный собою мужчина, отлично образовалъ себя путешествіемъ и умѣлъ занимательно разсказывать о видѣнныхъ имъ странахъ и о бывшихъ съ нимъ небольшихъ приключеніяхъ. Одаренный живымъ и острымъ умомъ, онъ дѣлалъ привлекательными даже и самые обыкновенные предметы. Амалія скоро однако же стала избѣгать его сообщества, ибо оказываемое ей Линдеромъ предпочтеніе приводило ее въ замѣшательство и пламенные взоры его нерѣдко заставляли ее краснѣть.

Линдеръ замѣтилъ сію уклончивость и сдѣлался еще неотвязчивѣе. Всѣ усилія свои устремилъ онъ къ тому единственно, чтобы ей понравиться; всю остроту ума своего обратилъ на то только, чтобы заслужить ея улыбку. Онъ не спускалъ глазъ съ Амаліи и хотя взоръ ея приводилъ его въ замѣшательство, но онъ радъ былъ, когда съ нимъ встрѣчался.

Такъ проходили дни и недѣли, и Линдеръ увѣрился наконецъ, что онъ Амалію любитъ. Открытіе сіе весьма опечалило его, ибо онъ зналъ, что она сговорена уже за Левенштейна. Тщетно старался Линдеръ побѣдить сію страсть: разсудокъ былъ слабѣе любви, Линдеръ лишился сна и веселости и изъ цвѣтущаго юноши сдѣлался блѣднымъ, худымъ, подобно страждущему чахоткой.

Онъ открылся своему отцу, который обѣщался употребить всѣ средства для благополучія своего сына. Старикъ дѣйствительно пошелъ къ родителямъ Амаліи и представилъ имъ самымъ яснымъ образомъ все положеніе дѣла; говорилъ самъ съ дѣвушкой, но возвратился однако же безъ всякаго утѣшительнаго отвѣта.

Тогда Линдеръ совершенно предался своей горести; сильная любовь такъ упряма, что не въ состояніи внимать убѣжденіямъ и просьбамъ друзей или родственниковъ. Онъ сталъ искать уединенія и избралъ любимѣйшимъ мѣстомъ прогулки своей церковный дворъ, гдѣ безпрестанно прохаживался передъ родовымъ кладбищемъ своей фамиліи и орошалъ слезами корни той липы, на которой Амалія шуткою вырѣзала когда-то свое имя. Излишнее напряженіе душевныхъ силъ повергло Линдера въ горячку, отъ которой онъ въ скоромъ времени умеръ.

Родители Линдера въ молчаніи и слезахъ смотрѣли, какъ сына ихъ опускали въ ту самую могилу, которую приготовили они для себя. Съ шумомъ упала завѣса, отдѣлившая ихъ отъ жизни и надеждъ и въ свѣтѣ не оставалось имъ ничего болѣе дѣлать, какъ оплакать своего сына и — умереть.

Амалія была весьма опечалена симъ несчастнымъ происшествіемъ; она написала къ своему любезному подробно обо всемъ случившемся и получила отъ него въ замѣнъ сего пріятное извѣстіе, что онъ чрезъ нѣсколько недѣль надѣется окончить скучныя дѣла и немедленно возвратится къ ней.

Съ нетерпѣніемъ ждала Амалія прибытія Левенштейна, который съ своей стороны употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно скорѣе кинуться въ объятія высочайшаго благополучія въ жизни.

Все кончилось и Левенштейнъ стремглавъ поскакалъ обратно на свою родину. Продолжительное отсутствіе произвело то, что любовь его представлялась ему теперь еще въ привлекательнѣйшемъ видѣ.

Ни одинъ изъ окружныхъ предметовъ не могъ остановить на себѣ его вниманія, ибо душа и зрѣніе его были заняты одною только Амаліей. Онъ видѣлъ ее на каждой полянѣ, въ каждомъ кустарникѣ, на каждой тропинкѣ. Ни одна карета не могла проѣхать мимо безъ того, чтобъ онъ не заглянулъ въ нее и не увѣрился собственными глазами, что въ ней нѣтъ его Амаліи. — Быстро промчался онъ по чуждой землѣ и радостно привѣтствовалъ рубежъ своей родины. Тутъ смотрѣлъ онъ уже на каждое селеніе, на каждое дерево, какъ на старыхъ, милыхъ ему знакомыхъ; нерѣдко устремлялъ взоры въ прохладную тѣнь кустарниковъ и забывшись въ мечтаніяхъ объ Амаліи, начиналъ разговаривать съ ними, спрашивалъ ихъ, что она дѣлаетъ и прислушивался къ шуму древесныхъ вершинъ, какъ бы стараясь разслушать въ немъ отвѣтъ.

До жилища его оставалось уже неболѣе мили, въ то время, когда румянецъ вечерней зари освѣтилъ окрестные холмы. Предъ нимъ блестѣли уже шпицы отечественныхъ башень, какъ вдругъ изломалась ось, колесо скатилось и повозка остановилась посреди дороги.

Нетерпѣніе Левенштейна было столь велико, что онъ не въ состояніи былъ дожидаться, покуда повозку исправятъ; препоручилъ оную слугѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, въ надеждѣ засвѣтло еще прибыть въ отечественный городъ.

Дорога шла почти до самыхъ городскихъ воротъ черезъ густой дубовый лѣсъ. Иногда надобно было подыматься на небольшіе холмы, иногда спускаться въ пріятныя лощины; часто на крутыхъ поворотахъ дорога терялась въ густотѣ лѣса и потомъ вдругъ опять пролегала по какой нибудь долинѣ, покрытой свѣжею зеленью и окруженной со всѣхъ сторонъ высокими деревьями.

Левенштейнъ шелъ весьма скоро, совершенно предавшись дивной игрѣ своего воображенія. Ему случалось ходить по симъ тропинкамъ въ то время, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ очень давно уже не былъ въ сей сторонѣ и теперь старался возобновить въ памяти тѣ неясныя и темныя чувствованія, которыя нѣкогда пробѣгали въ умѣ его подобно чернымъ тучамъ.

Позади его, между кустарниками шумѣлъ вечерній вѣтеръ; сѣрыя облака неслись надъ вершинами отдѣльно стоящихъ тамъ и сямъ высокихъ сосенъ; таинственный отблескъ вечерней зари проглядывалъ сквозь темную зелень сумрачнаго лѣса. Съ воспоминаніями объ дѣтскихъ лѣтахъ своихъ, нечувствительно родилась въ немъ и робость тѣхъ лѣтъ; онъ ясно представилъ себѣ, какъ нѣкогда блѣднѣлъ и дрожалъ отъ раздававшихся въ уединеніи своихъ собственныхъ шаговъ и невольно прислушивался теперь къ эху своей походки, отражавшейся между часто растущими дубами такъ, какъ будто бы въ отдаленіи между оными шелъ за нимъ его геній; онъ содрогнулся и дабы разогнать страхъ, пошелъ еще скорѣе.

Въ сумерки, въ уединеніи, посреди лѣса, бурная человѣческая жизнь представляется намъ обыкновенно въ самомъ печальномъ и неутѣшительномъ видѣ; неизвѣстное какое-то опасеніе неизвѣстныхъ какихъ-то предметовъ руководствуетъ тогда нами, и мы смотримъ на свѣтъ какъ будто бы совершенно новыми глазами: онъ представляется намъ лишеннымъ всей привлекательной своей пестроты, единообразнымъ и печальнымъ. — Воображеніе Левенштейна было разгорячено и потому неудивительно, что онъ сталъ прислушиваться къ каждому легкому дуновенію вѣтра и безпрестанно оглядывался назадъ, стараясь всмотрѣться въ зыблющійся сумракъ.

Ночь опустила еще темнѣйшія завѣсы между деревьями; вдругъ Левенштейнъ дѣйствительно услышалъ позади себя человѣческіе шаги. Онъ въ нерѣшимости остановился и дожидался приближенія идущаго. Немного погодя, показался въ густотѣ мрака развѣвающійся по вѣтру синій плащъ и къ Левенштейну приблизился тихими шагами человѣкъ, который казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Левенштейнъ поклонился ему съ нѣкоторымъ трепетомъ. Незнакомецъ поблагодарилъ его весьма дружескимъ голосомъ и попросилъ позволенія сопутствовать ему.

Это былъ молодой человѣкъ, который также шелъ въ городъ и Левенштейнъ, мгновенно позабывъ страхъ и всякое безпокойное чувство, сталъ свободно впивать въ себя усладительную свѣжесть воздуха, который до сего времени пропускалъ только сквозь зубы, какъ заразительныя испаренія темницы. Вскорѣ разговоръ ихъ обратился на городъ и его жителей, между которыми молодой человѣкъ, какъ видно было, имѣлъ весьма много знакомыхъ. Левенштейнъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ разсказы его о нѣкоторыхъ городскихъ происшествіяхъ и новостяхъ и за разговорами совсѣмъ позабылъ объ утомительномъ пути и темнотѣ ночи.

— «Я рѣдко хожу этою дорогой,» началъ незнакомецъ, «и очень радъ, что могу итти съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, чтобы не сбиться на пересѣкающихся тропинкахъ, или ужь если это случится, то покрайней мѣрѣ не остаться одному; ибо признаюсь вамъ въ моей слабости: я очень боюсь оставаться одинъ ночью.

Левенштейнъ. Сегодня въ первый разъ замѣтилъ и я въ себѣ это ребячество. Воображеніе иногда престранно подшучиваетъ надъ нами.

Незнакомецъ. Мракъ представляется духу нашему въ видѣ непріязненнаго какого-то существа, которое превращаетъ и запутываетъ очертанія всѣхъ видимыхъ предметовъ и переноситъ насъ такимъ образомъ въ чуждый, дотолѣ невѣдомый намъ міръ. Внезапно раждается въ душѣ нашей чувство, которое какъ будто бы говоритъ намъ, что все наше существованіе, все наше благополучіе есть не что иное, какъ пустой, безсмысленный хаосъ. Это-то самое дѣлаетъ насъ печальными и убиваетъ гордый духъ нашъ.

Левенштейнъ. Въ подобныя минуты мы слышимъ въ каждомъ преходящемъ звукѣ голосъ, который какъ будто бы стремится пробудить насъ отъ нашего жалкаго усыпленія.

Незнакомецъ. Однако лѣсъ начинаетъ рѣдѣть; теперь мы уже недалеко отъ города.

Левенштейнъ. О небо! посмотрите! посмотрите туда! — Вотъ мелькаютъ уже и огни сквозь туманы! И такъ я опять увижусь со всѣми своими!

Незнакомецъ. Какъ вы рады!

Левенштейнъ. Ахъ, другъ мой, я спѣшу броситься въ объятія дѣвушки, которую люблю, люблю страстно, которая любитъ меня взаимно и скоро содѣлаетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Незнакомецъ. Замѣчаете ли вы теперь, какъ то, что мы называемъ нашимъ духомъ, зависитъ отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ? Теперь, когда мы вышли на чистое поле, и видимъ передъ собою городъ съ блестящими огнями его, подобно амфитеатру изъ звѣздъ, — все, что вы незадолго еще предъ симъ столь хорошо изъясняли, въ душѣ вашей уже изгладилось. —

Левенштейнъ. Ахъ, другъ мой! любовь придаетъ взору нашему способность находить даже и въ самомъ печальномъ разстройствѣ нѣкое прелестное, гармоническое цѣлое.

Незнакомецъ. Любовь? — Ахъ, да: въ вашихъ лѣтахъ, и я точно также думалъ.

Левенштейнъ. Мнѣ кажется однако же, что вы немногимъ старѣе меня.

Незнакомецъ. Навѣрное сказать не могу. — Впрочемъ, повѣрьте, что иногда достаточно и одного дня, одного даже часа для того, чтобы юношу превратить въ старика.

Левенштейнъ. Вы настоящій меланхоликъ; я сожалѣю объ васъ.

Незнакомецъ. Люди всегда рады давать особенное какое нибудь имя необыкновеннымъ существамъ; скажутъ слово и думаютъ, что все уже сдѣлано и что непонятное сдѣлалось уже понятнымъ.

Левенштейнъ. Можетъ быть вы были несчастливы въ любви?

Незнакомецъ. *Любовь есть также не что иное, какъ пустое слово*; ахъ! люди сами не знаютъ, чего хотятъ. — Зачѣмъ любимъ мы и желаемъ взаимности? По моему мнѣнію не для чего другаго, какъ для того только, чтобъ умереть.

Левенштейнъ. Какія мрачныя мысли! Но вы думаете такимъ образомъ *только теперь*, а завтра утромъ, или на будущій годъ, будете думать совсѣмъ иначе, и тогда все таки вы останетесь неправы.

Незнакомецъ. Неправъ? Неужели въ человѣкѣ не остается ни одной мысли, ни одного чувства, которое онъ могъ бы назвать своимъ послѣднимъ *чувствомъ*?

Левенштейнъ. Сдѣлайте милость, навѣстите меня когда нибудь; я постараюсь развеселить васъ.»

(Тутъ Левенштейнъ сказалъ незнакомцу свое имя и жилище).

Незнакомецъ. Я прійду къ вамъ; хорошо бъ было однако же, если бы вы не женились; я полюбилъ бы васъ тогда вдвое болѣе.

Левенштейнъ. Но развѣ вы женщинъ ненавидите?

Незнакомецъ. Я не могу любить ихъ.

Левенштейнъ. Бьюсь объ закладъ, что у васъ была какая нибудь неудача; но вы навѣрное опять примиритесь съ прекраснымъ поломъ.

Незнакомецъ. Сомнѣваюсь.

Левенштейнъ. Познакомьтесь только съ моею невѣстою и тогда увидите сами. — Кстати, прошу васъ покорнѣйше на свадьбу.

Незнакомецъ. Весьма благодаренъ за приглашеніе; я непремѣнно буду.»

При сихъ словахъ незнакомецъ остановился у небольшаго строенія. «Теперь намъ надобно разстаться,» сказалъ онъ: «тутъ мое жилище.

Левенштейнъ. Такое маленькое и тѣсное? И вамъ не безпокойно въ немъ? — Правда однако же, что прекрасный видъ, представляющійся отсюда, и чистый открытый воздухъ могутъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ.

Незнакомецъ. Человѣку вообще весьма немного нужно, а всего менѣе мѣста, коль скоро онъ примирился съ самимъ собою.... Прощайте; въ день вашей свадьбы я увижусь съ вами.»

Левенштейнъ подалъ руку незнакомцу, который протянулъ также ему изъ-подъ плаща свою. Левенштейнъ крѣпко и съ горячностію пожалъ оную, и громко вскрикнулъ, почувствовавъ, что рука незнакомца была не что иное, какъ мертвая кость. Незнакомецъ скрылся за дверью.

Долго стоялъ Левенштейнъ какъ вкопаный на одномъ мѣстѣ, не помня себя отъ ужаса и страха; наконецъ рѣшился дрожащимъ голосомъ освѣдомиться у проходившаго мимо его старика, кому принадлежало сіе жилище.

Старикъ съ недоумѣніемъ покачалъ головою и отвѣчалъ, что мѣсто сіе есть *фамильное кладбище Линдеровъ*.

Тутъ только опомнился Левенштейнъ и ясно увидѣлъ, что стоитъ на церковномъ дворѣ у самыхъ городскихъ воротъ. Дрожащими стопами вошелъ онъ въ городъ. Онъ не находилъ уже въ немъ того радушія и той патріархальности, которыхъ ожидалъ: всѣ домы представлялись ему теперь какъ большіе каменные гробы; съ холоднымъ ужасомъ проходилъ онъ по улицамъ. — Амалія и родители ея почти не узнали блѣднаго и дрожащаго отъ ужаса Левенштейна. Онъ разсказалъ имъ приключеніе свое со всею подробностію. Амалія слушала его съ молчаливою задумчивостію; въ свиданіи не было уже никакихъ радостей. Отецъ старался объяснить все философическимъ образомъ; онъ утверждалъ, что Левенштейнъ вѣрно имѣлъ въ мысляхъ исторію Линднера въ то время, когда вошелъ на церковный дворъ, и что все случившееся было не что иное, какъ игра его воображенія.

Левенштейнъ сдѣлался боленъ и нѣсколько дней пролежалъ въ постелѣ; онъ припомнилъ себѣ все, что говорилъ ему блѣдный незнакомецъ о радостяхъ жизни и находилъ, что все было сказано весьма справедливо и умно. — Посѣщенія и всякаго рода разсѣянія мало по малу возстановили наконецъ его здоровье; но всякій разъ однако же, когда онъ бывалъ одинъ, онъ не переставалъ думать о привидѣніи. Такимъ образомъ приблизился день, назначенный для свадьбы; Священникъ соединилъ руки любовниковъ и оба были неописанно счастливы.

Въ обществѣ веселыхъ людей, дѣлается веселымъ даже и самый печальный человѣкъ, а человѣкъ счастливый блаженствуетъ. Левенштейнъ былъ на самой высшей степени благополучія. Музыка и вино такъ одушевили его, что онъ былъ въ восторгѣ и веселился какъ сумасшедшій. Вдругъ подошелъ къ нему слуга и вызвавъ его, сказалъ, что на крыльцѣ стоитъ какой-то человѣкъ, который желаетъ съ нимъ говорить. — Шумъ — крикъ.... Левенштейна приносятъ обратно въ залъ обагреннаго кровію; выпивъ лишнее, онъ оступился и упалъ на лѣстницѣ. Врачъ, котораго немедленно позвали, объявилъ, что смерть его неизбѣжна. — Въ послѣднія минуты жизни Левенштейнъ сказалъ слабымъ голосомъ, что *Линдеръ* встрѣтилъ его на половинѣ лѣстницы и тою же самою костяною рукою манилъ его сойти внизъ.

Когда Левенштейнъ скончался, Амалія испустила пронзительный вопль, стала заговариваться и заставляла гостей смотрѣть на дверь залы, увѣряя ихъ, что тамъ стоитъ Линдеръ и смотритъ на нее неподвижными, омертвѣлыми глазами.

Чрезъ нѣсколько недѣль скончалась и она въ припадкѣ сильнѣйшаго сумасшествія.

ЭПИГРАММА.

Хотя ты малой молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишняго не скажешь
Въ бесѣдѣ самой разпашной;
Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
Ты сгоряча не заведешь;
Къ ногамъ вертушки не падешь
Ты пастушкомъ простосердечнымъ;
Воздержнымъ голосомъ твоимъ
Никто крикливо не хвалимъ,
Никто сердито не осуженъ.
Себѣ дивиться не спѣши:
Не рѣдкій умъ на это нуженъ,
Довольно дюжинной души.

Е. Б. — скій.

О ЛАМАРТИНѢ и СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗІИ.

Статья I.

Ламартинъ изъ новѣйшихъ Поэтовъ Французскихъ болѣе другихъ знакомъ читателямъ нашимъ. Послѣ него Казимиръ де-ла-Винь и частью Беранже. Но имена Виктора Гюго, Сентъ-Бёва (Sainte-Beuve), издавшаго первый томъ своихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Жозефа де-Лорма, а другой недавно подъ названіемъ *Утѣшеній* (les Consolations), Альфреда де-Виньи, переводчика Венеціянскаго Мавра и слѣдовавшаго въ переводѣ своемъ Шекспиру столько, сколько Французская совѣсть, хотя и ультра-романтическая, слѣдовать позволила; имена нѣсколькихъ Поэтовъ-женщинъ: Дельфины Ге, Дебордъ де-Вальморъ и еще нѣкоторыя другія имена, блестящія въ нынѣшнемъ созвѣздіи Французской поэзіи, едва знакомы намъ и по одному слуху. Это жаль. Поэзія Французская и вообще Литература находится нынѣ въ любопытномъ кризисѣ, который покрайней мѣрѣ изучать полезно. Наша Литература какъ-то совершенно отдѣлилась отъ Европейской. Запретительный тарифъ, Богъ знаетъ, отъ какой власти изданный, пресѣкъ сообщенія наши съ чужими Державами: то есть, по части торговли привозной, а вывозная наша процвѣтаетъ, сколько можетъ, и на литературныхъ Европейскихъ рынкахъ романы наши, развѣ чѣмъ немногимъ пониже въ цѣнѣ романовъ Китайскихъ и Гренландскихъ. Это освобожденіе отъ вліянія чужестранцевъ хорошо, если развиваетъ собственную промышленость. Если же нѣтъ, то независимость наша не есть пріобрѣтеніе, а уронъ. Между тѣмъ, отказавшись отъ чужихъ созданій, мы своихъ не изобрѣтаемъ, не заводимъ Руской выдѣлки, а все (разумѣется за нѣкоторыми изключеніями) работаемъ на манеръ такого-то Англійскаго или Нѣмецкаго мастера. Въ этомъ есть даже какое-то трогательное смиреніе, подобное тому, съ которымъ наши Рускіе мастеровые придаютъ иностранные ярлыки домашней своей работѣ, никакъ не надѣясь на себя однихъ. Прежде переводили у насъ и Делилей, и Флоріановъ, и Лагарповъ, не говорю уже о первостатейныхъ Поэтахъ: покрайней мѣрѣ переводы эти разнообразили движенія нашего поэтическаго языка. Теперь, сохрани Боже быть переводчикомъ Французскаго Поэта: но переводить Нѣмецкихъ, Англійскихъ Поэтовъ съ Французскаго перевода можно, а еще лучше писать въ духѣ такого-то Поэта, не понимая духа его и зная только по слуху и по топоту, что земля слухомъ полнится. Странныя и жалкія противорѣчія, заставляющія Литературу нашу двигаться взадъ и впередъ, не трогаясь почти съ мѣста.

Обратимся къ Ламартину. Онъ у насъ въ особенности Поэтъ женскаго пола. Если можно примѣнять Поэта къ Романисту, то онъ въ глазахъ читательницъ возвышается именно достоинствомъ, коего недостатокъ столь вредитъ В. Скотту передъ судомъ женскаго Ареопага. Любовь есть струна, которая болѣе другихъ звучитъ подъ рукою Ламартина и любовь точно такая, какую женщины любятъ, покрайней мѣрѣ въ стихахъ. Въ романахъ Шотландца любовь напротивъ часто посторонняя принадлежность и гдѣ она и выказывается, то слишкомъ просто, не логогрифомъ сердца, а ясною истиною его и прекрасною своею истиною. Спросите у поклонниковъ Французскаго Поэта, что имъ нравится въ его стихотвореніяхъ? и меланхолическія аксіомы, подобно слѣдующей:

Un seul être me manque et tout est dépeuplé,

запечатлѣваютъ тотчасъ молчаніемъ уста дерзнувшаго спрашивать о томъ, что уже не подлежитъ ни вопросу, ни сомнѣнію. Вотъ отъ чего первая часть *Поэтическихъ думъ* Ламартина вообще нравится болѣе чѣмъ вторая, въ которой, да простятъ намъ чувствительныя души наше прегрѣшеніе, болѣе силы, болѣе дарованія, чѣмъ въ первой. Въ подтвержденіе мнѣнія нашего укажемъ на стихотворенія: *Бонапартъ*

Умирающій Поэтъ. Не смотря на сужденіе наше, спѣшимъ сказать, что Ламартинъ истинный Поэтъ; жаль, что по системѣ, принятой имъ, онъ выливаетъ мысли и чувства свои въ одну форму и смотритъ на міръ съ одной точки зрѣнія. Объятый умиленіемъ любви, или религіи, онъ всегда одинаково любитъ и молится. Въ лирѣ его будто одна струна, одинъ строй; между тѣмъ не видать, чтобы въ душѣ была одна страсть, одно чувство, а развѣ одна привычка. Чѣмъ же изъяснить общій успѣхъ, который привѣтствовалъ Поэта при самомъ появленіи его? Онъ явился въ пору: вдохновеніе, сіе призваніе свыше, или догадка, сіе вдохновеніе ума, навели его разомъ на успѣхъ неминуемый. Явись онъ во Франціи десятью годами ранѣе, или десятью позже, и онъ былъ бы въ первомъ случаѣ слишкомъ страненъ, въ другомъ недовольно оригиналенъ. Успѣхъ его изъясняется первыми успѣхами Шатобріана, не сравнивая дарованій того и другаго. Одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ пробудили въ душѣ чувства, которыя рѣдко вызываемы были со дна ея Французскими Прозаиками и Поэтами. Въ эпохи, слѣдующія за грозами народными, въ эпохи усталости, близкой къ охлажденію, къ безпечности, къ дремотѣ нравственной, они нашли способъ сладостно и задумчиво возбуждать тихія движенія сердца, вызывать его изъ среды существенности все испытавшей, все поглотившей и въ избыткѣ своемъ поглощенной самой собою, въ сферу ощущеній спокойныхъ и созерцательныхъ, отдѣлить его отъ земли, на которой ничего уже новаго ему не предстояло и обратить его къ новымъ упованіямъ, къ новымъ потребностямъ. Шатобріанъ явился послѣ революціи: Ламартинъ послѣ военнаго и анти-поэтическаго владычества Наполеона, сжавшаго Францію и потрясшаго ее послѣ паденіемъ колосса своего. Ибо не должно забывать, что Наполеонъ сталъ предметомъ поэтическимъ только послѣ низверженія. На скалѣ своей онъ посвященъ былъ несчастіемъ и Поэзія присвоила себѣ сего Прометея, уже не баснословнаго, но историческаго и современнаго. Въ обѣихъ эпохахъ, упомянутыхъ выше, душамъ нуженъ былъ отдыхъ; но душа отдыхаетъ не въ бездѣйствіи, не въ онѣмѣніи, какъ бренное тѣло, а въ тихихъ наслажденіяхъ размышленія, въ созерцаніи прошедшаго, уже перегорѣвшаго, но еще не остывшаго, въ упованіи, въ безкорыстныхъ разсчетахъ на будущее. Люди, утомленные бурями и битвами земли, обращаютъ взоры къ небу. Шатобріанъ былъ благовѣстникомъ религіи: Ламартинъ любви, полной мистицизма, любви религіозной, равно чуждой волокитства и утонченной порочности Франціи Регентства, и такъ сказать чистой, непорочной чувственности древняго Классицизма, возобновленной и одѣтой блестящими и свѣжими формами въ опытахъ Андрея Шенье. Для дополненія примѣненій нашихъ замѣтимъ, что краснорѣчіе Шатобріана гораздо разнообразнѣе поэзіи Ламартина. Не говоря уже о романахъ или прозаическихъ поэмахъ, о путевыхъ запискахъ его, вспомнимъ, что краснорѣчіе его овладѣло сценою политическихъ преній, что онъ изъ области вымысловъ, или возвышенныхъ созерцаній, перенесъ въ памфлеты свои весь жаръ, все чародѣйство, все могущество увлекательнаго слова. Не знаю, могли ли сіи качества образовать въ Шатобріанѣ Государственнаго мужа; но безъ сомнѣнія упрочили они за нимъ славу краснорѣчивѣйшаго политическаго Писателя. Читая его, нельзя не симпатизировать, не сочувствовать ему, часто украдкой отъ изслѣдованій ума своего, часто на зло своимъ мнѣніямъ. Возстановленная династія могла праздновать памфлетъ: Бонапарте и Бурбоны, какъ блестящую побѣду, одержанную и обратившую многихъ въ пользу ея.

Ламартинъ не хотѣлъ, или не умѣлъ разнообразить выраженіе дарованія своего. Онъ нѣсколько похожъ на проповѣдника, который разъ въ году, на извѣстный случай, читалъ бы проповѣдь свою всегда на одинъ текстъ. При всемъ дарованіи, при всей возможной полнотѣ и звучности рѣчи, при всемъ глубокомъ, искреннемъ чувствѣ, при всемъ изобиліи красокъ, отсвѣчивающихъ однѣ и тѣ же формы, онъ неминуемо долженъ былъ бы слѣдовать всегда одному направленію и могъ бы только разнообразить комментаріи свои на предположенную себѣ тему. Ламартинъ другой Юнгъ. Въ немъ нѣтъ воображенія и творчества. Все воображеніе и творчество его заключается въ слогѣ, въ искусномъ соображеніи словъ, красокъ и звуковъ. Попытки его въ твореніяхъ важнѣйшихъ: *Послѣдняя пѣснь Чайльдъ-Гарольда*, *Смерть Сократа*, оказываютъ совершенный недостатокъ въ немъ драматической силы, безъ коей нѣтъ живаго созданія. Въ монологахъ нѣтъ еще драмы; а у него вездѣ монологъ одной мысли, одного чувства. Самъ Поэтъ долженъ быть средоточіемъ дѣйствія великой драмы.

Мы судимъ строго Ламартина, какъ Поэта, принадлежащаго поэзіи общей, а не Французской въ особенности. Изъятый изъ общаго круга, онъ возвышается въ очеркѣ Поэтовъ Французскихъ, вопервыхъ старшинствомъ, если не первобытнымъ, по крайней мѣрѣ старшинствомъ въ новомъ поколѣніи. Изъ современниковъ, онъ первый покорился владычеству новой Музы, такъ сказать *Музы внутренней*; первый сталъ искать вдохновеній болѣе въ глубинѣ души, нежели въ зрѣлищѣ внѣшняго міра, такъ сказать, болѣе наводить зеркало души своей на окружающій ее міръ, нежели повторять въ немъ впечатлѣнія внѣшнія. За исключеніемъ Андрея Шенье, который былъ Классикъ не Французскій, но Классикъ Греческій, совершенно пластическій, не довольствующійся однимъ подражаніемъ списковъ, но созидающій формы новыя по образцамъ древнимъ, едва ли имѣли Французы Поэта, коего поэзія была бы цѣлью исключительною себѣ самой, а не средствомъ прикладнымъ. Конечно въ нѣкоторыхъ твореніяхъ Лирика Лебрёня, Жильбера, Мильвуа, коего имя, кажется, слишкомъ забыто во Франціи, Парни, и, можетъ быть Бертеня, пробиваются струи чистаго родника Поэзіи, но вообще можно сказать, что какъ есть Химія, приложенная къ искуствамъ, такъ у Французовъ было искуство поэтическое (l'art poétique), приложенное къ Греческой Миѳологіи, къ Римской Исторіи, къ царедворству, къ терпимости, къ политикѣ, къ остроумію, къ общежитію, къ волокитству, къ либерализму, ко всѣмъ наукамъ и даже къ Химіи. Для полноты сравненія, поэзій было много: но поэзіи мало. Ламартинъ, покрайней мѣрѣ, освободилъ ее отъ необходимаго товарищества и вывелъ съ Парижской мостовой, къ которой была она приписана по городскому праву. Неразъ уже замѣчено было, что Америка, Африка, Азія, куда Вольтеръ переносилъ свои драматическія созданія, что рощи, скалы, водопады, пустыни, природа, воспѣтыя Сень-Ламберомъ и Делилемъ, не выдавались изъ ограды Парижскихъ заставъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Сочиненія Ѳаддея Булгарина. Изданіе второе, исправленное. Части 1, 2, 3, 4 и 5-я.

Статья II.

Теперь посмотримъ на то, что Г. Булгаринъ выражаетъ симъ слогомъ, посмотримъ на предметы его сочиненій. Здѣсь кстати замѣтить, что онъ одаренъ весьма полезною для Журналиста способностію: писать скоро и много. Но требованія читателя книги гораздо взыскательнѣе требованій читателя Журналовъ; и перечитывать въ особой книгѣ статьи, написанныя наскоро, необдуманныя и незанимательныя, едва ли прійдетъ кому охота, кромѣ развѣ тѣхъ отважныхъ и неутомимыхъ охотниковъ до чтенія, которымъ

«Печатный всякой листъ быть кажется святымъ,»

и которые въ сельскомъ уединеніи имѣютъ полную свободу перечитывать въ сотый разъ старые календари, Письмовникъ Курганова, Пѣсенники прошлаго вѣка, Сонники и тому подобное.

Въ *пяти* томахъ новаго изданія сочиненій Г. Булгарина находятся и *Статьи историческія*, и *Военные разсказы*, и *Литературныя повѣствовательныя статьи*, и *Исторія*, и наконецъ *Повѣсти*. Заглавія всѣхъ сихъ отдѣленій, вѣроятно, придуманы для того, чтобы болѣе заманить любопытство читателя разнообразіемъ содержанія: но неужели Г. Булгаринъ печатаетъ и перепечатываетъ свои сочиненія только для тѣхъ, которые читаютъ безъ повѣрки? Какая разница между *статьями историческими* и *Исторіей* (разумѣется, не всеобщею, или не частною Исторіей какого-либо народа, или какой-либо эпохи: такихъ твореній мы еще не видѣли у Г. Булгарина)? *Встрѣча съ Карамзинымъ* и *Бесѣда у больнаго Литератора*, помѣщенныя въ отдѣленіи *Исторіи* (томъ 3-й), чѣмъ разнятся, напр. отъ *Памяти о Вихманнѣ*, *Знакомства съ Наполеономъ*, *Смерти Лопатинскаго* и другихъ отрывковъ, напечатанныхъ между *статьями историческими* (въ 1 томѣ)? Неболѣе того основательно раздѣленіе *Повѣстей* и *Литературныхъ повѣствовательныхъ статей*: почему бы, кажется, не назвать и *Военныхъ шутокъ*, и *Опасности въ чужой бѣдѣ*, и *Янычара* (ч. 2.) и пр. и пр. просто повѣстями, какъ названы *Философскій камень*, *Законъ и Совѣсть*, *Искатели клада* и другія, находящіяся въ 4-й и 5-й части? Оно было бы и менѣе затѣйливо, и менѣе отзывалось бы какою-то спекуляціей на простодушіе покупателей. Изъ повѣстей Г. Булгарина лучшая, по нашему мнѣнію, *Эстерка*; и если бы не разговоры и рѣчи, о которыхъ мы уже говорили въ 1-й нашей статьѣ, то она еще была бы лучше. Но какъ вообразить напр. молодаго Гайдамака, который, сидя у подножія Карпатскихъ горъ, пародируетъ монологъ *Царя Лира* (*): «Бушуйте, вѣтры! греми, громъ! «припоминайте намъ, что мы не имѣемъ ни крова, ни «пристанища!» Такой же недостатокъ соображенія (часто и недостатокъ воображенія) встрѣчается и въ другихъ повѣстяхъ Г. Булгарина. Тѣ изъ нихъ, коимъ даны заглавія нравственныя (какъ-то: *Милость и правосудіе*, *Правосудіе и заслуга*, *Фонтанъ милости* и т. п.) и кои названы *Восточными повѣстями*, *Восточными сказаніями*, *Восточными сказками*, *Восточными апологами*, смотря по прихоти Сочинителя, сбиваются всѣ на одинъ ладъ и похожи на нехитрыя варіаціи одной и той же темы. Въ нихъ нѣтъ ни примѣтъ Востока, ни занимательности; любая сказка Мармонтеля, Флоріана и даже Писателей гораздо низшаго разряда, болѣе удовлетворяетъ читателя, особливо въ отношеніи къ слогу. — Помѣщенныя въ отдѣленіяхъ *Исторіи*, *Статей историческихъ* и *Военныхъ разсказовъ* статьи, въ коихъ самъ Сочинитель играетъ роль, похожи на *быль съ примѣсью*, какъ сказано съ большою точностію въ заглавіи романа: *Ѳедора*. Укажемъ на нѣкоторыя изъ тѣхъ, коихъ названія выписаны нами выше; къ нимъ можно еще отнести: *Ужасную ночь* и *Приключенія Уланскаго Корнета подъ Фридландомъ*.

Но главную часть сочиненій Г-на Булгарина составляютъ такъ названныя статьи *О правахъ*; вѣроятно, онѣ наполнятъ всѣ 7 томовъ, недостающіе къ обѣщаннымъ двѣнадцати. Журнальная исправительная полиція

(*) См: Шекспирову трагедію сего имени. Д III. явл. 2.

давно уже заботится объ изкорененіи пороковъ и улучшеніи нравовъ: Адиссонъ въ Англіи и Жуи во Франціи, принимали на себя обязанность учить добру своихъ современниковъ и соотечественниковъ, представляя имъ зеркало сатиры. Примѣръ послѣдняго былъ соблазнителенъ: всѣ начали писать о нравахъ. Не говоря о Ружмонѣ и Кольне, Писателяхъ съ дарованіемъ, сколько пустынниковъ сошло съ чердаковъ и пустилось бродить по улицамъ столицы, по гостинымъ лучшаго общества, по городамъ и селамъ провинцій! Этого мало: казалось, Французскіе пустынники - исправители захватили всемірную монополію нравовъ. Они не ограничились своимъ отечествомъ и своими единоземцами. Чтобы въ этомъ увѣриться, стóитъ только взглянуть на заглавія нравственно-сатирическихъ доносовъ ихъ на пороки, слабости и глупости людскія: *Пустынникъ въ Лондонѣ*, *Пустынникъ въ Италіи*, *въ Мадритѣ* и даже *въ Россіи* (*) !! Замѣтимъ, что набѣгъ сего послѣдняго былъ вторженіемъ въ землю, уже занятую. Еще въ 1817 году Гг. Корсаковъ и Загоскинъ издавали здѣсь два Журнала (каждый по полугоду): *Руской Пустынникъ* и *Сѣверный наблюдатель*, коихъ главнымъ предметомъ были нравы; а съ 1823 года, Г. Булгаринъ вступилъ на поприще исправителя нравовъ нашихъ, въ *Литературныхъ листкахъ*, кои издавалъ онъ при *Сѣверномъ Архивѣ*; въ послѣдствіи же статьи его о нравахъ помѣщались въ самомъ *Архивѣ* и *въ Сѣверной Пчелѣ*.

Хорошо быть гонителемъ пороковъ и проповѣдникомъ благонравія; полезно даже изкоренять дурныя привычки, и, для пользы образованности и вкуса, осмѣивать глупости и странности. Худо только то, когда Сатирикъ лозою своей стегаетъ по воздуху: когда онъ охуждаетъ пороки, небывалые въ народѣ, или осмѣиваетъ странности, имъ самимъ выдуманныя. Что, если бы какой иностранецъ заговорилъ Китайцамъ, что они не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ нашею Церковью, или сталъ бы подшучивать надъ тѣмъ, что они слишкомъ много танцуютъ и любятъ гоняться за Европейскими модами? Такія, или подобныя нравственно - сатирическія обвиненія бывали однако жь у насъ, и именно въ статьяхъ Г. Булгарина. Большая часть изъ нихъ писана была, какъ по всему видно, на скорую руку, для наполненія пустаго мѣста въ Журналѣ; и первая встрѣтившаяся мысль, первая попавшаяся подъ руку книга: Жуи, Поль-де-Кокъ, словомъ, кто бы ни былъ, снабжали его предметомъ для статьи о *нравахъ Рускихъ*. Онъ не хотѣлъ, или не имѣлъ времени зрѣло обдумывать: водится ли на Руси описываемый имъ порокъ или странность, и если водятся, точно ли въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ Авторъ чужеземный? Онъ писалъ, кáкъ человѣкъ, не коротко знающій Россію и Рускихъ; и плодомъ сего ложнаго о нихъ понятія, былъ нравственно - сатирическій романъ: *Иванъ Выжигинъ*, въ которомъ болѣе, нежели въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, Авторъ относитъ къ общимъ нравамъ народа тѣ пороки и странности, коихъ едва ли встрѣчается нѣсколько печальныхъ примѣровъ.

Страннѣе всего авторская самоувѣренность его въ непогрѣшительности своихъ наблюденій и приговоровъ. Не хвалить его сочиненій, значитъ сдѣлаться заклятымъ его врагомъ и накликать на себя колкости, въ которыхъ личность и неумѣренность выраженій часто выходитъ изъ всѣхъ возможныхъ границъ. Истинное дарованіе скромно, а посредственность всегда заносчива. Чиновникъ, который просидѣлъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, едва имѣя способность для должности писца, и почти безъ пользы для службы, но съ пользою для себя, потому что не хотя его лишить хлѣба и обходить другихъ ради его ничтожности, давали ему и чины и награды, — первый готовъ жаловаться на несправедливость, видя, что награжденъ больше его человѣкъ съ талантомъ, но младшій и лѣтами и службой. Офицеръ, который для счета стоялъ въ ряду воиновъ, который не только не выдумаетъ пороху, но и не зажжетъ готоваго, и котораго *пуля - дура*, по выраженію Суворова, задѣла, можетъ быть, не хотя, — громче всѣхъ возвыситъ свой голосъ, и будетъ толковать о заслугахъ своихъ отечеству, о пролитой крови, сравнивая себя съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ сверстниковъ, болѣе награжденныхъ за подвиги, достойные наградъ. То же видимъ и въ Литературѣ: вездѣ посредственность шумитъ больше прямаго достоинства. На это можно бы, кажется, со всею откровенностію сказать симъ Авторамъ того-сего, симъ любителямъ незаслуженныхъ похвалъ: « Мм. Гг! вы хвалите сами себя, вы тщеславитесь тѣмъ, что сочиненій вашихъ вышло столько-то изданій, что они читаются тамъ - то и тамъ-то: слѣдовательно, цѣль ваша достигнута, и болѣе существенные или вещественные плоды вашихъ трудовъ должны для васъ замѣнить дымъ славы, который, можетъ быть, тучитъ и не насыщаетъ. »

Габсаль.

(*) L'hérmite Russe etc., par M. Dupré de Saint-Maur.

«Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ....»

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 18-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ II, № 48. АВГУСТА 24го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Августѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 4-го числа (въ Понедѣльникъ), — 9-го (въ Субботу), — 14-го (въ Четвертокъ), — 19-го (во Вторникъ), — 24-го (въ Воскресенье), и 29-го (въ Пятницу).

НѢСКОЛЬКО ГЛАВЪ ИЗЪ РОМАНА: БИТВА НАВАРИНСКАЯ (*).

Посланный отъ Ибрагима Кьютай-Бей, возвращался изъ Александріи въ Каиро: онъ осматривалъ флотъ и войска, готовыя къ отплытію въ Морею, и на челѣ его напечатлѣвались безпокойство и заботы. Онъ не хотѣлъ ни пищи, ни отдыха, и еще пыль странника покрывала его одежду, когда онъ явился предъ Пашею.

Черные глаза стараго Али устремились на Бея; печаль, прочитанная имъ на лицѣ Кьютая, перешла въ его душу. Онъ подалъ знакъ: невольники удалились, и онъ остался одинъ съ посланникомъ своего сына.

Паша лежалъ на бархатныхъ подушкахъ. Чубукъ его кальяна выпалъ изъ его руки. Онъ стремительно приподнялъ голову и взоръ его сказалъ Бею: «говори!»

Кьютай повергся челомъ на землю. «Жизнь раба,» молвилъ онъ, «принадлежитъ его господину: осмѣлится ли онъ говорить ложь? Паша! сердце сына твоего разорвется, когда онъ увидитъ, какую помощь ты ему посылаешь.»

Глубокая морщина явилась на покрытомъ рубцами челѣ Али-Могаммеда. «Или ты хочешь,» сказалъ онъ, «чтобъ я остался одинъ? Но пускай такъ: по природѣ отецъ долженъ съ охотою лишать себя всего для дѣтей своихъ. Требуй смѣло, что нужно для Ибрагима.»

Кьютай снова поклонился въ землю. «Великодушіе льва равно его силѣ,» молвилъ онъ. «Но какой человѣкъ осмѣлится предписывать законы своему властителю!

— «Я пошлю ему еще четыре тысячи человѣкъ пѣхоты и тысячу артиллеристовъ. Довольно ли?

— «У насъ и такъ ужь много людей, а Морея страна скудная.

— «Чего жь ты хочешь?

— «Триста Нубійскихъ всадниковъ охраняютъ твой дворецъ,» отвѣчалъ Бей, не подымая глазъ на своего господина. «Кони ихъ быстры и сабли остры: они больше внушаютъ страха Греціи, чѣмъ тысяча артиллеристовъ и четыре тысячи пѣшихъ воиновъ.

— «Триста всадниковъ отправятся туда; сынъ мой дастъ имъ начальника: Гассанъ-Бей останется при мнѣ.

— «Рабъ долженъ молчать, когда господинъ его говоритъ,» сказалъ Кьютай.

Брови Паши нахмурились и взглядъ его привелъ въ трепетъ дерзновеннаго Бея. Съ минуту онъ, казалось, оставался въ нерѣшимости. «Такъ ты хочешь взять и моего Гассана?» промолвилъ онъ потомъ голосомъ важнымъ и глухимъ.

— «Рука ничего не можетъ безъ головы, а Гассанъ рука и сердце своихъ ратниковъ.»

Али размышлялъ нѣсколько времени о просьбѣ посланника. «Дѣло идетъ о твоей головѣ,» сказалъ онъ наконецъ. «Гассанъ имѣетъ душу непреклонную: можетъ быть, онъ откажетъ мнѣ. . . Если откажетъ, то онъ умретъ не одинъ.»

Кьютай сложилъ руки крестомъ на груди своей и преклонилъ голову въ знакъ своей покорности.

Паша подалъ ему знакъ уйти: ничье ухо не должно было слышать того, что скажетъ ему храбрый Гассанъ.

Глава II.

Чрезъ нѣсколько минутъ по уходѣ Кьютая, воинъ былъ введенъ въ диванъ Паши. То былъ одинъ изъ тѣхъ людей, коихъ видъ обличаетъ душу сильную и страсти

(*) Небольшой сей романъ, вышедшій въ концѣ 1828 года въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: La bataille de Navarin, ou le Renégat, par H. G. Moke, auteur du Gueux de mer (1 vol-in-12), кажется, вовсе у насъ неизвѣстенъ. Онъ замѣчателенъ по хорошо очертанному характеру Гассана, Француза-Ренегата, по живости нѣсколькихъ картинъ и заманчивости положеній. Разсказъ въ немъ быстръ и силенъ. Во многихъ мѣстахъ соблюдены краски Востока. — Романъ сей переведенъ вполнѣ и скоро будетъ напечатанъ. Цѣна экз. 4 р, съ пересылкою 5 р.

Здѣсь представляется на судъ публики нѣсколько главъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ романа.

пылкія. Подчиненный самовластному повелителю, какъ всѣ живущіе на землѣ рабства, онъ могъ повиноваться, но не сгибаться, и видя его, всякъ чувствовалъ, что никогда чуждая воля не въ силахъ была преклонить мощную волю, одушевлявшую сіе высокое чело, сіи брови, темныя какъ ночь. Чалма его, шуба и кривая сабля, повидимому, возвѣщали въ немъ Мусульманина. Совсѣмъ тѣмъ, мужественныя и правильныя черты лица его показывали въ немъ сына Европы; кожа его, хотя загорѣвшая отъ пустыннаго солнца, не была оливковаго цвѣта, отличающаго Африканцевъ, и въ величавой его походкѣ, въ его движеніяхъ, исполненныхъ благородства, выказывалась какая-то воинская правильность, свойственная только жителямъ Запада, и какая-то спокойная гордость, выдающая изъ-подъ всякой одежды и во всѣхъ странахъ, куда они заброшены судьбою, — сыновъ одной націи и воиновъ одной арміи.

Онъ поклонился Али и положилъ руку на сердце. «Приблизься, Гассанъ,» сказалъ Паша, «и сядь на этихъ подушкахъ. Ты все еще страдаешь отъ ранъ?

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «я не страдаю болѣе.... отъ моихъ ранъ.

— «Ты проливалъ кровь свою за меня, храбрый Гассанъ: Вехабиты въ степяхъ своихъ и Нубійцы въ ихъ горахъ извѣдали острее твоей сабли: потому я болѣе имѣю къ тебѣ вѣры, нежели ко всѣмъ прочимъ Франкамъ. Отвѣчай же мнѣ чистосердечно: зачѣмъ твои единоземцы такъ упорно не хотятъ драться съ мятежниками Мореи?»

Говоря это, старый Паша устремилъ испытующій взоръ на воина.

— «Али,» отвѣчалъ холодно Бей, «я не могу удовлетворительно отвѣчать на твой вопросъ. Вѣра, воспоминанія, жалость: вотъ причины, могущія различно дѣйствовать на людей.

— «А ты, Гассанъ, почему принимаешь участіе въ этихъ Мореотахъ?

— «Потому что они мятежники,» отвѣчалъ воинъ.

Паша вздрогнулъ. «Гассанъ,» молвилъ онъ: «по этому ты не хочешь сражаться за моего сына?»

Бей отрицательно потрясъ головою.

— «А если бъ я тебѣ приказалъ?» продолжалъ деспотъ блѣднѣя отъ гнѣва.

— «Я бы не повиновался,» отвѣчалъ Гассанъ.

Все волненіе Али изчезло. Онъ снова сталъ спокоенъ, ибо мщеніе его было рѣшено. «Алла да спасетъ тебя, Гассанъ!» сказалъ онъ.

Воинъ всталъ и ступилъ нѣсколько шаговъ къ выходу изъ комнаты. Подошедъ къ богатому ковру, которымъ задернутъ былъ входъ въ диванъ, онъ обернулъ голову и взоры его встрѣтились со взорами тирана, обращенными на него съ выраженіемъ свирѣпости. Ему нельзя было не догадаться объ ожидавшей его участи, и если старый Али доступенъ страху, то долженъ былъ самъ трепетать въ сіе мгновеніе; ибо при немъ не было ни стражи, ни невольниковъ для удержанія руки Европейца.

Однако жь Гассанъ не покусился мстить за себя: онъ былъ равнодушенъ къ жизни, и тотъ, кто не простилъ бы за оскорбленіе, легко простилъ за смертный свой приговоръ. Онъ приподнялъ коверъ и хотѣлъ выйти. «Постой,» сказалъ Паша: «не думай, чтобъ я обманулся твоими рѣчами. Ты боишься своихъ единоземцевъ, Гассанъ: вотъ почему ты отказываешься.

— «Паша,» отвѣчалъ Бей, улыбнувшись горькою улыбкой, «если бъ я предалъ тебѣ мою руку на пагубу сего беззащитнаго народа, то дверь моей отчизны снова бы отперлась для меня, и кровь Грековъ оправдала бы Ренегата въ глазахъ Христіанъ.

— «Ошибаешься, Гассанъ: Англія и Франція присовокупились къ Россіи и ополчаются на насъ. Флоты ихъ намъ угрожаютъ и сынъ мой въ опасности.

— «Франція!» сказалъ измѣнившимся голосомъ безстрашный Бей: «и развращенная Франція то же! Нѣтъ! это не можетъ быть.

— «Прочти,» сказалъ Паша; и подалъ ему бумаги, кои держалъ у себя спрятанными на груди.

По мѣрѣ, какъ воинъ читалъ, судорожный трепетъ пробѣгалъ у него по членамъ. «Стыдъ и посрамленіе знаменамъ ихъ!» вскричалъ онъ наконецъ: «то не знамена Франціи! пошли теперь меня въ Морею. Я умоляю тебя о томъ: я отомщу за тебя.

— «Флотъ отплываетъ черезъ три дня, сказалъ Паша.

— «Три дня! сколько потери времени!» Паша улыбнулся. «У тебя есть гаремъ,» молвилъ онъ. Потомъ, принявъ видъ важный, продолжалъ: «бери въ моей казнѣ все, что хочешь; чтобы ни въ чемъ не было недостатка ни тебѣ, ни твоей конницѣ.

— «Ни въ чемъ не будетъ ей недостатка,» отвѣчалъ Гассанъ: «ни мнѣ, когда мы станемъ лицемъ къ лицу передъ непріятелемъ.»

Онъ вышелъ по сихъ словахъ. Паша долго хотѣлъ быть одинъ послѣ его ухода.

Глава III.

Какъ скоро Гассанъ-Бей возвратился въ Мавританское зданіе, служившее ему жилищемъ, то велѣлъ позвать къ себѣ евнуха, надзирателя его гарема. На сей призывъ, долго и тщетно ожиданный, невольникъ прибѣжалъ предъ своего господина. Лице сего невольника, отвратительно-низкое и до срока устарѣлое, выражало въ тотъ мигъ радость удовлетвореннаго честолюбія и надежду корысти. Онъ повергся передъ Беемъ и въ молчаніи ждалъ, когда сей удостоитъ его словомъ.

— «Огулъ,» сказалъ воинъ, «ты накупилъ для меня женщинъ.

— «Такъ точно, повелитель,» отвѣчалъ евнухъ, вздрогнувъ отъ удовольствія.

— «Молоды ли онѣ, пригожи ли?

— «Всѣ чудной красоты, повелитель. Гуріи пророка не красивѣе ихъ.

— «Ты позаботился также о ихъ нарядахъ?»

Невольникъ мало по малу всталъ. «Я увѣренъ,» сказалъ онъ, выпрямя совсѣмъ голову, «что твоя свѣтлость будетъ довольна. Вотъ ужь три мѣсяца, какъ ты сюда возвратился; и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда тебѣ угодно будетъ освѣдомиться о моихъ дѣлахъ. Жены, наряды, невольницы... смѣю надѣяться, все это порадуетъ глаза самые разборчивые.

— «Хорошо, Огулъ; и тебѣ конечно не трудно будетъ сбыть все это съ рукъ... Если до истеченія трехъ дней все будетъ продано и деньги выручены, ты свободенъ. Если нѣтъ, ты околѣешь подъ палками.»

При сихъ нежданыхъ словахъ, евнухъ какъ будто окаменѣлъ. Онъ подумалъ, что либо господинъ его разорился отъ нечаянной опалы, либо замышляетъ возвратиться на свою родину. «Разпродать все,» повторилъ онъ почти машинально. «Ахъ! если бы свѣтлость твоя увидѣла двухъ Черкешанокъ.... и тѣхъ дѣвъ съ острова Хіо.... и ту Майнотку!

— «Дѣву Майны!» вскричалъ воинъ съ душевнымъ волненіемъ. «Гдѣ она?»

— «Повелитель! позволь рабу твоему вести тебя.

— «Нѣтъ,» молвилъ Бей: «приведи ее сюда.

— «Сюда, повелитель! здѣсь другіе глаза, кромѣ твоихъ....

— «Повинуйся, рабъ!»

Съ трепетомъ и потупленной головою Огулъ пошелъ за несчастною Гречанкой, вздыхая тайкомъ о непонятномъ намѣреніи своего господина, но не смѣя даже и мыслью возставать противъ его повелѣній.

По короткомъ отсутствіи, онъ вошелъ снова; за нимъ шла женщина, укутанная покрываломъ; онъ бросилъ заботливый взглядъ на занавѣсы оконъ и на обои комнаты и поспѣшно вышелъ вонъ, оставя своего господина наединѣ съ невольницей, имъ приведенной.

Гассанъ-Бей задумчиво и молчаливо тихими шагами прохаживался по комнатѣ. Онъ не остановилъ взоровъ своихъ на юной Гречанкѣ: горькія воспоминанія занимали его совершенно, и преданный въ добычу жестокому волненію, онъ хотѣлъ только избавиться отъ тяжкихъ думъ, лежавшихъ у него на душѣ. Сначала онъ едва замѣтилъ присутствіе той, которую призвалъ къ себѣ. Когда онъ освободился наконецъ отъ своихъ размышленій, то увидѣлъ Гречанку, сѣвшую на софѣ не ожидая его повелѣній. Длинное покрывало ея и влачащаяся одежда совершенно ее скрывали отъ глазъ: со всѣмъ тѣмъ можно было замѣтить, что осанка ея показывала въ ней не рабу, и благородство сей осанки поразило взоръ воина.

Онъ остановился передъ нею, и голосомъ, въ которомъ была какая-то пріятность, сказалъ ей на той смѣси языковъ Итальянскаго, Греческаго и Арабскаго, которая въ употребленіи во всѣхъ приморскихъ городахъ Востока: «Какъ мы будемъ понимать другъ друга?

— «Ты можешь говорить со мною по-Французски, Гассанъ Бей,» отвѣчала она: «мнѣ знакомъ языкъ страны, покинутой тобою.»

Бей вздрогнулъ. Еще впервые послѣ долгаго времени звуки отечественнаго языка раздавались въ его ушахъ. Не то, чтобы не было другихъ Французовъ въ городахъ и въ шатрахъ Паши; но Гассанъ избѣгалъ ихъ, подобно какъ орелъ избѣгаетъ сосѣдства другаго орла.

Гордый и презрительный тонъ юной Мореотки оскорбилъ его; но волшебство природнаго языка вынудило слезы изъ глазъ Француза-изгнанника. Сладостны были сіи слезы, сладостны, какъ мысль о родинѣ; но сожалѣніе, похожее на укоры совѣсти, скоро ихъ отравило.

Однако же сильная душа Гассанова умѣла преодолѣть свое волненіе и скрыть свое страданіе. Онъ снова принялъ осанку господина, и бросивъ на юную Гречанку взоръ повелительный, спросилъ у нея: «Откуда ты?

— «Изъ Майны,» отвѣчала она гордымъ и вмѣстѣ болѣзненнымъ голосомъ. «Я дѣва Лакедемонская.»

Есть въ обломкахъ Греціи воспоминанія столь великія, что они удивляютъ и покоряютъ всю нашу гордость, все наше высокомѣріе. «Лакедемонъ!» повторилъ воинъ и, не думая о томъ, надменный Гассанъ потупилъ глаза предъ своею невольницей. «Говорятъ, что потомки Спартанцевъ умѣютъ еще сражаться,» продолжалъ онъ въ задумчивости: «что они достойны помѣряться съ нами.»

Юная дѣва, оскорбленная такимъ сравненіемъ, откинула покрывало назадъ; ибо чувство народной чести изгладило въ ней робость дѣвы и страхъ невольницы. Благородное, величавое лице ея, хотя горесть и оставила на немъ глубокіе слѣды, выражало въ сей мигъ негодованіе оскорбленной Царицы, и большіе черные глаза ея какъ бы бросали молніи. «Гассанъ,» сказала она: «Майноты люди свободные, а твои сподвижники — рабы!

— «Я не ожидалъ такихъ рѣчей изъ устъ плѣнницы,» отвѣчалъ воинъ: ибо сильное впечатлѣніе, произведенное въ немъ видомъ юной Гречанки, не могло совершенно покорить его гордость.

— «Ты правъ: я плѣнница отвѣчала она.» «Руки мои были скованы, тѣло продано. Но мысль моя, воля, сердце — остались свободными. А ты, Гассанъ, не устыдившійся упрекнуть женщину злоупотребленіемъ силы, которой она стала жертвою, — позволишь ли сравнить себя со мною? И у тебя есть господинъ, но тебѣ дали его твои же страсти, и ты продалъ ему даже душу свою. Рѣши теперь, кто болѣе изъ насъ долженъ краснѣть за свое порабощеніе!»

Ноздри Гассана напряглись, чело наморщилось и губы задрожали. «О, если бы ты была мужчиной!» вскрикнулъ онъ, нанесши руку на свою саблю: «если бы самый храбрѣйшій изъ твоихъ Грековъ осмѣлился выпустить изо рта хоть одно слово изъ тѣхъ, которыя дозволилъ я тебѣ выговорить безнаказанно!»

Она бросила на него взоръ презрѣнія. «И ты думаешь, свирѣпый Бей, что кто-либо изъ моихъ земляковъ захотѣлъ бы перевѣдаться съ тобой на сабляхъ? Нѣтъ, Гассанъ: ружье Майнота никогда не даетъ промаха, и только это оружіе Христіанинъ удостоиваетъ употреблять противъ Ренегата.»

Не разъ уже, возвращаясь мыслію въ прошедшее, Гассанъ чувствовалъ, что сердце его наполнялось горечью; но то была тайна, которую гордость его умѣла скрывать отъ всѣхъ людей. Ничей еще глазъ не подмѣтилъ на челѣ его краски стыда, ни во взорахъ его робости разкаянія. Онъ отступилъ назадъ: всѣ сопротивныя страсти волновали вдругъ его душу и отражались на лицѣ его.

Неподвижна передъ нимъ, столь же прекрасна, но и столь же блѣдна, какъ мраморныя богини, изящные памятники генія Греціи и того божественнаго огня, который погасъ вмѣстѣ съ вѣками героическими, — юная Лакедемонянка смотрѣла въ молчаніи на Бея. Она видѣла, что онъ измѣнился въ лицѣ и въ осанкѣ — и не устрашилась: Гассанъ-Бей могъ ей внушить только сострадание.

Онъ скоро успокоился. Устыдившись того, что явился чувствительнымъ къ упрекамъ невольницы своей, онъ сѣлъ подлѣ нея и сказалъ съ вынужденною улыбкой: «Дѣва Майны! если пули земляковъ твоихъ такъ мѣтки, то я хочу насладиться немногими днями, остающимися мнѣ на свѣтѣ, пока Морея не стала моимъ гробомъ. Ты прелестна, горделива; ты говоришь языкомъ, сладостнымъ для моего слуха. Мнѣ кажется, что часы ожиданія при тебѣ быстро пронесутся.»

Она опустила свое покрывало, не давъ отвѣта. «Выслушай меня,» продолжалъ воинъ: «чрезъ три дня я оставлю Каиро. Три дня бездѣйствія покажутся мнѣ вѣками: я хочу отдѣлаться отъ воспоминаній и предчувствій. Посвяти мнѣ сіи три дня: на четвертый ты будешь свободна.»

— «Гассанъ,» отвѣчала юная дѣва: «я твоя невольниоа, и должна тебѣ повиноваться.»

Она не сказала болѣе ни слова; но глухой голосъ ея, невнятный выговоръ, строгій и холодный тонъ сихъ рѣчей ясно говорили, что Бей имѣлъ власть только надъ тѣломъ жертвы, покорствующей своему жребію. Слезы могли бы его тронуть, просьбы могли бы смягчить; но гордая Лакедемонянка не удостоила его испрошеніемъ пощады. Она могла понести оскорбленіе и умереть; но не могла умолять господина.

— «Женщина высокомѣрная!» съ бѣшенствомъ вскрикнулъ воинъ: «я воздамъ тебѣ ненавистью за ненависть, и презрѣніемъ за презрѣніе.» И сильно стукнувъ ногою объ полъ, онъ вызвалъ чуткаго евнуха, внимательнаго къ малѣйшему знаку. «Огулъ,» сказалъ онъ: «уведи эту невольницу и продай ее, какъ и другихъ. Цѣна ея можетъ послужить на покупку гибели ея отчизны.»

Она встала въ молчаніи и послѣдовала за евнухомъ; но не успѣла еще выйти, какъ Гассанъ призвалъ ее обратно: онъ удивлялся тому, что грубо говорилъ слабому, безпомощному творенію. «Я слишкомъ былъ строгъ,» молвилъ онъ: «мнѣ бы должно было пренебречь твоими обидными рѣчами и пощадить въ лицѣ твоемъ несчастіе. Чѣмъ могу загладить мою несправедливость?»

Она помолчала съ минуту, и потомъ отвѣчала: «Что сдѣлалъ бы ты для Француженки, попавшейся въ неволю?

— «Понимаю, юная дѣва; ты увидишь снова Морею.»

Она затрепетала и упала безъ чувствъ на землю.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

ПОЭТЪ.

Долго на сердцѣ хранитъ онъ глубокія чувства и мысли:
Мнится, съ нами людьми ихъ онъ не хочетъ дѣлить!
Изрѣдка, такъ ли, по волѣ ль небесной, вдругъ запоетъ онъ, —
Боги! въ пѣсняхъ его счастье и жизнь и любовь,
Все, какъ въ винѣ вѣковомъ, початомъ для гостя роднаго,
Чувства ласкаютъ равно: цвѣтъ, благовонье и вкусъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Witterhets-försök af Bernhard v. Beskow. (*Поэтическіе Опыты Бернарда фонъ Бескова.*) 2-е изданіе. 1-я часть, Стокгольмъ, 1829.

Прежняя Шведская Литература изнемогала въ оковахъ академическаго деспотизма и Французскаго педантства, освященныхъ рѣшительнымъ вліяніемъ *Далина*. Ученикъ его, офранцуженный Густавъ III, учрежденіемъ Шведской Академіи желалъ обогатить и облагородить языкъ; но собственный примѣръ сего Короля, отличавшагося блистательнымъ даромъ краснорѣчія, и законы, кои онъ предписывалъ умственной дѣятельности сего ученаго Общества, не только не могли споспѣшествовать развитію языка, но и долженствовали замедлить сіе развитіе ложнымъ направленіемъ и умножавшимся введеніемъ *иностраннаго*. Противъ сего вреднаго духа времени возстало въ Упсалѣ (1803) общество молодыхъ людей, поклонниковъ Шлегелевой Критики и Шеллинговой Философіи: составился *Союзъ Авроры*, коего душею былъ Аттербомъ. Ихъ похвальная цѣль была: освободить Литературу отъ академическаго ига и обратить, особенно Поэзію, къ неисчерпаемому источнику народности. Ихъ распри съ Академіею, кажется, приходятъ къ концу: новая школа рѣшительно торжествуетъ. Къ ней принадлежатъ всѣ лучшіе новѣйшіе Литераторы: Гейеръ, Гаммершёльтъ, Францéнъ, Шведская Сафо Эфрозина и, между прочими, Поэтъ, коего *Опыты* передъ нами. — Не имѣя возможности читать всѣ новѣйшія произведенія Шведской Литературы, мы въ *Литературной Газетѣ* будемъ говорить только о тѣхъ, кои намъ попадутся; и такъ, ограничиваясь объемомъ предлежащей книги, разсмотримъ ее только въ отношеніи къ ней самой. — Г. Бесковъ принадлежитъ къ числу хорошихъ и самобытныхъ Поэтовъ; его *Опыты* явились въ 1818 и 1819 годахъ и доставили ему славу; сіе второе изданіе обогащено новыми, весьма хорошими произведеніями. Отечественные предметы составляютъ первое отдѣленіе, исполненное поэзіи, мужества и силы. Лучшая изъ сихъ пьесъ есть довольно большое стихотвореніе: *Предки Швеціи*, награжденное Академіею. «Изобилуя горделивыми воспоминаніями, наша земля, у полюса, стоитъ, древнѣйшая рыцарская зала въ Европѣ. Весьма знакомые шлемы отражаютъ ликъ солнца и съ побѣдныхъ знаменъ навѣваетъ воздухомъ свѣжимъ. На всякой скалѣ врѣзаны Руны древности, и вся земля наша — одна лишь урна Героевъ!» Звучнымъ языкомъ Скальда прославивъ великихъ мужей Швеціи, Поэтъ восклицаетъ: «О Свея, гордись своими предками! Въ какихъ лѣтописяхъ столько славныхъ именъ, сколько въ твоихъ? Коронованный Левъ на твоихъ знаменахъ не тщетно перепрыгнулъ черезъ три великія рѣки — черезъ Эльбу, Дунай и Рейнъ, и мчалъ тріумфальную колесницу вокругъ Европы!» Другая пьеса: *Карлъ* XII, достойна сего Героя. «Солнце пламенѣетъ; но изъ чего оно составлено, этого еще никто не знаетъ!.... Бѣденъ прелестями Сѣверъ: одна лишь *сила* здѣсь находитъ весну свою! О Карлъ! ты былъ одинокъ и простъ на землѣ, но за то колесница твоя сіяетъ на небѣ группою звѣздъ (большая медвѣдица)!... Твоя великая цѣль была Вѣра и Правда: только за нихъ вырвался твой Левъ изъ рощи мира, потрясъ гриву и поднялъ лапу надъ земнымъ шаромъ.... Ты палъ съ высотъ, подобно перуну, ударяющему въ глубокое море и, какъ онъ, ты не нашелъ славной смерти въ собственномъ Царствѣ твоемъ!» — Назовемъ еще: *Сонъ Густава Вазы* и *Гробъ бойца*. Второе отдѣленіе, подъ названіемъ *Лаура*, эротическаго содержанія. Здѣсь еще болѣе раскрывается оригинальный талантъ Автора: онъ особенно милъ въ этомъ родѣ. *Покрывало Лауры*, *Цвѣты*, *Сонъ*, *Свѣтлякъ* и еще другія пьесы заслуживаютъ вниманіе; первая изъ нихъ отличается какою-то дивною свѣтлостію и прозрачностію. Слѣдуютъ отдѣленія Смѣси и подражаній Шиллеру, Салису, Маттиссону, Гердеру, Ламартину и другимъ; весьма хорошо переведенъ Шиллеровъ *Юноша у ручья*. Языкъ, сколько о немъ позволяется судить не-Шведу, вездѣ правиленъ и звученъ: стихи отличаются гладкостію. Шведскіе Литераторы тѣмъ обязаны Аттербому и Тегнѐру.

ERIK DEN FJORTONDE. EN DRAMATISK DIKT. Första Afdelningen: **ERIK KONUNG.** (*Эрикъ* XIV. Драматическое стихотвореніе въ двухъ частяхъ, соч. Бескова. I. отдѣленіе: *Король Эрикъ.*) — Стокгольмъ, 1827. (Въ 1-й части 166, во 2-й — 117 стр. въ 8-ю д. л.)

I-е *дѣйствіе* показываетъ намъ, и въ разсказѣ и въ явленіи, раздоръ въ Государствѣ; нижнія сословія привержены къ Королю Эрику, но Дворянство не любитъ его потому, какъ должно думать, что не-дворяне имѣютъ значительное вліяніе на Государственныя дѣла. Главою недовольныхъ именуется Эриковъ братъ, Іоаннъ Финляндскій, содержимый въ плѣну, и котораго смерть, по мнѣнію многихъ, необходима. Эрикъ, при первомъ появленіи, показывается благороднымъ и весьма достойнымъ любви, милосердымъ къ преступникамъ, даже слишкомъ милосердымъ для Правителя, въ бурное время. *Дѣйствіе II.* Дерзкія притязанія знатнаго рода рода *Стуре* и милость Короля. Обоихъ Стуре и Стенбока обвиняютъ въ измѣнѣ, и они прощены. Является *Катерина Монсдоттеръ*, изъ рода простыхъ гражданъ, подруга Принцессы Елисаветы, любимой сестры Эриковой; признается, что любитъ Короля и что замѣтила его къ ней любовь. «Я слишкомъ низка, чтобъ дѣлить съ Эрикомъ корону, слишкомъ высока, чтобы безъ короны дѣлить съ нимъ любовь!!» Вотъ конецъ прекраснаго монолога: «Всякая минута, мною здѣсь проводимая, есть преступленіе. Вотще меня манитъ его голубое око: страстный огонь, пламенѣющій въ его взорахъ, есть для меня отраженіе звѣзды въ морѣ: она манитъ не въ лоно небесъ — но къ смерти!» Эрикъ дѣйствительно любитъ ее: онъ самъ удостовѣряется въ томъ, узнавъ ея просьбу: оставить Дворъ. Старые слуги Короля, прежній его учитель Беурреусъ, и Горнъ, знакомятъ насъ съ характеромъ его,

Из фондов Российской государственной библиотеки

который они наблюдали съ малолѣтства. Онъ имѣетъ великія дарованія; онъ весьма благосклоненъ къ тѣмъ, о коихъ думаетъ, что любятъ его; но когда взволнуются его страсти, тогда онъ дикъ и неукротимъ, и замышляетъ ужасное. Сія черта его характера обнаружится скоро. Катеринѣ отказано въ просьбѣ: она рѣшается на побѣгъ, съ помощію молодаго человѣка при Дворѣ, Максимиліана, съ коимъ она вмѣстѣ воспитана въ сельскомъ уединеніи, который страстенъ къ ней; но коего она любитъ только, какъ сестра. Условливаются о времени сего побѣга. До сего условія Максимиліанъ, одинъ оставшійся на сценѣ, и увидѣвъ, что страсть его безъ взаимности, въ прекрасныхъ стихахъ изливаетъ свое тихое отчаяніе, и говоритъ въ заключеніе «Самоубійцъ, говорятъ, хоронятъ лицомъ «къ землѣ — не къ небу! Ахъ, мысль ужасная: лежать «потупляя очи въ вѣчно-темную бездну, такъ, что ни «одной звѣзды не видно надъ могилой и никакое небо «не разверзнется для нихъ!« *III дѣйствіе.* Король, оставшійся побѣдителемъ на турнирѣ, учрежденномъ по случаю какой-то побѣды, и наименовавшій Катерину Царицею дня, является у нея, не бывшей на празднествѣ, и они взаимно признаются въ любви. Онъ дѣлается ревнивымъ и подозрительнымъ, когда она, изъ чувства священнаго долга, отказываетъ ему въ кольцѣ, знакѣ памяти, полученномъ ею отъ Максимиліана, ея спасителя; ибо уже прежде Елисавета намекнула брату на ложно ею предполагаемую страсть Катерины къ Максимиліану. Эрикъ намѣревается подслушать ее, мечтающую только о счастіи своемъ. — Канцлеръ Перссонъ объявляетъ де-ла-Гарди, что разные благородные роды долженствовали получить наслѣдственную знатность, чтобы братья Короля не слишкомъ много и не такъ рѣшительно возвышались надъ прочими; но теперь, когда цѣль достигнута, это возвышеніе вскружило голову симъ вельможамъ, и они должны быть жертвами. Является Король, гордый и гнѣвный, даетъ Канцлеру разныя порученія и приказанія, касательно Государственныхъ распоряженій, имъ самимъ сдѣланныхъ, и наконецъ говоритъ, что рѣшился не лишить жизни мятежника Спуре, но съ Королевскимъ великолѣпіемъ, въ соломенномъ вѣнцѣ, на-смѣхъ водить его по улицамъ столицы. Этому сильно сопротивляются Беурреусъ и Горнъ, къ величайшей досадѣ Эрика, коего усмиряетъ извѣстіе о потерянномъ сраженіи. Между тѣмъ настаналъ условленный часъ побѣга Катерины и Максимиліана. «Все перемѣнилось; узнали о нашемъ побѣгѣ: уйди «поскорѣе,« говоритъ Катерина. Максимиліанъ въ отчаяніи; она утѣшаетъ его.« Несчастный, вотъ! эти слезы—онѣ твои! прости, прости на вѣки! о вѣрь, что «сердце мое истинно сострадаетъ о тебѣ! Но видитъ «Богъ, что хочу твоего и моего счастія... Быстро надъ «землею пролетитъ сновидѣніе жизни — мы встрѣтимся «въ другомъ мірѣ!» Эрикъ, незамѣтно вошедшій въ комнату, слушаетъ это: «Освободите землю и меня отъ «сего человѣка!» говоритъ онъ стражѣ. Онъ въ отчаяніи. Приходитъ Канцлеръ съ захваченнымъ письмомъ: раздраженный Король рѣшается силѣ противоставить силу и заковать въ желѣза Спуре. Тотчасъ послѣ этого узнаемъ убіеніе Максимиліана, исполняющее ужасомъ стараго Беурреуса. Мрачный Эрикъ читаетъ въ звѣздахъ взвѣшенную судьбу человѣка, и узнавъ о заточеніи обоихъ Спуре въ Упсалѣ, повелѣваетъ готовиться къ отъѣзду туда. Беурреусъ усердно проситъ пощады ихъ жизни, но Король неумолимъ. Сцена переноситъ насъ въ Упсалу. Эрикъ такъ увѣренъ въ преступленіи Спуре, что онъ, чувствуя свою собственную вину, подозрѣваетъ даже вѣрнаго, добраго Беурреуса. Мысли олицетворяются передъ нимъ: онъ видитъ отца и брата Іоанна, надѣвающихъ на него цѣпи; видитъ необходимость такихъ дѣяній, кои ужасаютъ его. Въ это время приноситъ Перссонъ роковое письмо Ганзейскихъ городовъ къ Спуре, съ предложеніемъ сему послѣднему Королевскаго достоинства; приноситъ извѣстіе о побѣгѣ Іоанна Финляндскаго изъ темницы. Это смущаетъ всѣхъ; Король внѣ себя. Онъ входитъ невѣрными стопами въ темницу младшаго Спуре и плѣннику, склонившему передъ нимъ колѣно, вонзаетъ кинжалъ въ руку. Спуре вынимаетъ кинжалъ изъ раны, цѣлуетъ и отдаетъ Королю, не признавая себя измѣнникомъ. Еще разъ Король попытался ранить его, но уронилъ кинжалъ, и Спуре, по мановенію Канцлера, умерщвляется стражею. Испуганный Эрикъ, съ восклицаніемъ: «бѣдный отецъ его!» выбѣгаетъ изъ темницы. Принцесса Елисавета и Катерина, по его слѣдамъ прибывшія въ Упсалу, узнаютъ, что Эрикъ убѣжалъ, лишенный ума и переодѣтый мужикомъ. Такъ онъ является въ лѣсу, гдѣ, по велѣнію его, тѣлохранители закалываютъ пришедшаго Беурреуса. Является Катерина, нѣсколько успокоиваетъ и уводитъ его. *IV дѣйствіе* въ Стокгольмѣ. Мы узнаѐмъ, что Король выздоровѣлъ, благодаря попеченіямъ Катерины. Онъ находится въ зáмкѣ Сварцшё. Движимый разкаяніемъ, онъ по возможности желаетъ изкупить свои согрѣшенія; приглашаетъ къ себѣ Іоанна: братья примиряются. Вмѣсто Горна, Принцъ Магнусъ назначается военачальникомъ, ибо Эрикъ не хочетъ уже разстаться съ Іоанномъ, который просилъ этой должности. Король приглашаетъ брата въ Стокгольмъ, но Іоаннъ отправляется въ Вадстену, склонивъ на измѣну многихъ вельможъ и даже Принца Магнуса, которому велѣно распустить войско. По прибытіи Короля въ столицу, узнаемъ великолѣпное погребеніе Спуре. Эрикъ повелѣваетъ собраніе Двора и Государственныхъ чиновъ въ престольной залѣ. Магнусъ доноситъ, что побѣжденное войско разсыпалось: Король остается спокойнымъ.

Перссонъ совѣтуетъ ему избрать супругу изъ дворянства, что пріобрѣло бы ему сподвижниковъ и друзей. Въ престольной залѣ Эрикъ объявляетъ свой выборъ и, показывая на Катерину, говоритъ: «Вотъ она, уже «природою назначенная въ Царицы!» Тутъ же онъ узнаетъ, что братья взбунтовались противъ него и приближаются съ войскомъ. Онъ не вѣритъ этой измѣнѣ, посылаетъ *Морнея* къ Іоанну. Народъ отчасти доволенъ выборомъ Эриковымъ, отчасти нѣтъ; говорятъ о прежнихъ несчастныхъ знаменіяхъ и теперь узнаютъ отъ гражданина, выбѣжавшаго изъ церкви, гдѣ совершается вѣнчаніе, что параличъ разбилъ Канцлера въ ту минуту, когда невѣстѣ хотѣлъ онъ подать Корону. *V дѣйствіе.* Іоаннъ въ Вадстенѣ, съ войскомъ, которое, по убѣжденію Морнея, намѣревается разойтись; но Герцоги Іоаннъ и Карлъ умѣли склонить оное на прежнее намѣреніе, для спасенія Швеціи итти на Стокгольмъ. Узнавъ объ этомъ, Эрикъ, противъ совѣта многихъ, рѣшается съ малочисленнымъ войскомъ ударить на измѣнниковъ. Между тѣмъ Принцъ Магнусъ уводитъ Елисавету и Катерину. Канцлеръ въ безпокойствѣ. Эрикъ приходитъ изъ сраженія, исполненный радостной надежды, извѣщается объ измѣнѣ Магнуса, и вскорѣ послѣ того узнаетъ отъ Морнея, что де-ла-Гарди въ плѣну, что и войско измѣнило, и что бунтующая столица отверзла непріятелю Сѣверныя ворота. Канцлеръ, ручаясь за Стокгольмъ, отправляется туда. Эрикъ, погруженный въ задумчивость, вспомнилъ, что восемь лѣтъ тому назадъ, въ этотъ же день и часъ, скончался его отецъ, Густавъ Ваза, коего совѣты и просьбы онъ попиралъ ногами. «Это «день мщенія: я воспріялъ скипетръ и лишусь его въ «этотъ день!« Канцлеръ выданъ Іоанну и умерщвленъ. Эрикъ, съ малымъ числомъ вѣрныхъ, заключается въ крѣпости, чтобъ, въ случаѣ нужды, взлетѣть на воздухъ. Іоаннъ и Стенбокъ являются съ войскомъ, также Герцогъ Карлъ. Они предлагаютъ мирныя условія: Эрикъ согласенъ. Іоаннъ объявляется Королемъ. Герцогъ Карлъ, который надѣялся быть соправителемъ, потому что Іоаннъ никогда рѣшительно не отказывалъ ему въ томъ, оставляетъ его. Іоаннъ, противъ договора, приказываетъ, ради блага Государства, отвезти Эрика въ темницу. Эрикъ восклицаетъ: «Прости «мнѣ, Боже, что я отдалъ Швецію въ *такія руки*!« — Изложеніе содержанія этой первой части показываетъ правильно устроенную трагедію; обнаруживается значительное драматическое дарованіе. Истинно-трагическія побудительныя причины заставляютъ дѣйствовать Эрика; онъ принадлежитъ къ такъ называемымъ *безхарактернымъ* лицамъ, коихъ столь трудно обрисовать; и потому Авторъ, рѣшительно выставляя причины дѣйствій, съ большимъ искусствомъ устроилъ положенія (situations). Интересный Максиміанъ, нѣжная Катерина, добрый Беурреусъ, пылкій и честолюбивый юноша Нилсъ Стуре, рѣзко обозначены немногими чертами. Языкъ простъ и благороденъ. Перейдемъ ко второй части.

Andra Afdelningen: Eriks Försoning. Sorgespel i 5 Akter. (2-е отдѣленіе: *Эрикова покорность Промыслу*, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.)

I-е *дѣйствіе* показываетъ намъ Эрика послѣ осьмилѣтняго плѣна, въ горькомъ одиночествѣ. Во все это время онъ ни разу не видалъ супруги и сына, не слыхалъ утѣшенія религіи, былъ даже подвергаемъ оскорбленіямъ. Но душа Эрикова совершенно очистилась. Добродѣтельная супруга Іоанна, Катерина Ягеллоника, наконецъ исходатайствовала ему свиданіе съ женою. «Разставаніе было на тронѣ, а свиданіе — въ «темницѣ!» Онъ отъ нея ничего утѣшительнаго не узнаетъ о друзьяхъ своихъ. Въ окно влетѣла стрѣла, обернутая письмомъ, съ радостною вѣстію отъ Морнея. Онъ и самъ тотчасъ является; ему, по просьбѣ Ягеллоники, узнавшей въ немъ друга Эрикова, дано начальство надъ нимъ и Грипсгольмомъ. Морней предлагаетъ ему бѣжать въ Англію: Король готовъ. «Надень мои доспѣхи, опусти забрало; никто не остановитъ тебя!» Но Морней такимъ образомъ долженъ остаться на его мѣстѣ. Эрикъ рѣшительно отвергаетъ всѣ убѣжденія и проситъ только, чтобъ Морней доставилъ ему свиданіе съ Іоанномъ, въ присутствіи Государственныхъ чиновъ, чтобъ позволилъ ему съ часъ прогуливаться съ женою, на чистомъ воздухѣ. *II дѣйствіе.* Король Іоаннъ сильно склоненъ къ Католицизму. Де ла Гарди, пріѣхавшій изъ Рима, дѣлаетъ ему пышное описаніе Римскихъ обрядовъ, какъ Мортимеръ въ Шиллеровой трагедіи: Марія Стуартъ. Пріѣхалъ и Папскій Легатъ, Патеръ Поссевинъ. Король радуется тому и еще болѣе извѣстію, что сынъ его избранъ Польскимъ Королемъ. Ягеллоника, при семъ случаѣ, говоритъ ему о просьбѣ Эриковой. Іоаннъ противъ воли соглашается, дабы видѣли, что онъ не боится давать отчета въ своихъ дѣяніяхъ. Морней сообщаетъ Арчимбальду, который съ нимъ за одно съ своимъ Шотландскимъ войскомъ, что Эрикъ бѣжать не хотѣлъ, но чтобы они были готовы на все. Іоаннъ, безпокойный и терзаемый угрызеніями совѣсти, долженъ укрѣпить корону на главѣ своей и нуждается въ отпущеніи грѣховъ, чтобы спокойно предстать предъ Вышняго Судію. Поссевинъ гордою и высокою рѣчью увѣряетъ его, что Церковь властна прощать всякое преступленіе. Іоаннъ тайно принимаетъ Римское вѣроисповѣданіе: обрядъ совершается на сценѣ. Король успокоился. Принцъ Карлъ весьма недоволенъ склонностію Короля къ Католицизму и разтревоженъ присутствіемъ Іезуита. III *дѣйствіе.* Въ Церкви Св. Николая собирается народъ, отчасти съ любовію говорящій объ Эрикѣ. Собираются Государственные чины: приходятъ Іоаннъ и Эрикъ. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ Іоанна, Эрикъ въ прекрасной и исполненной благородства рѣчи проситъ свободы и спокойствія, что ему обѣщано было. Народъ кричитъ: «Освободи его: онъ довольно пострадалъ!» Іоаннъ подробно излагаетъ Собору, что благо Государства требовало плѣна Эрикова и въ доказательство тому приводитъ разные мятежи; онъ предоставляетъ Чинамъ его судьбу, и они единогласно требуютъ его плѣна. Но Эрикъ отвергаетъ сей презрительный приговоръ, потому, что онъ не гласъ народа, и что эти самые Чины прежде требовали отъ него, именемъ того же Государственнаго блага, главы Іоанновой. Не какъ Король, но какъ человѣкъ, онъ убѣдительными словами описываетъ свои страданія, и требуетъ, чтобъ вызвался тотъ, который хочетъ продолженія его плѣна. Общее молчаніе. Король приказываетъ отвести Эрика въ тюрьму. Принцъ Карлъ тому сопротивляется мечемъ. Эрикъ братски выговариваетъ ему за это, напоминая, что только разсудокъ и человѣчество почитаетъ онъ своимъ мечемъ и щитомъ. Эрикъ этимъ доказываетъ Чинамъ, что не хочетъ раздора. Слѣдуетъ прекрасная сцена: Выступаетъ старый воинъ, узнаваемый Эрикомъ, и говоритъ Іоанну: «Ваше Величество! «въ войнѣ узналъ я, чего требуется для освобожденія Высокихъ особъ. Одинъ или нѣсколько человѣкъ «жизнію и имуществомъ должны быть порукой въ томъ, «что освобождаемый исполнитъ обѣщанное. Если же «преступитъ клятву, то это взыщется на поручителяхъ. Я и одиннадцать старыхъ солдатъ хотимъ «быть аманатами за Эрика, разумѣется, когда вы и онъ «согласны. Имущества у насъ нѣтъ, есть только «жизнь. Если вы довольны этою порукой, то дѣло кончено! (Протягивая руку къ Королю) Ну такъ по рукамъ; мы ничтожные люди, но Эрикъ не захочетъ нашего несчастія: онъ всегда равно дорожилъ жизнію послѣдняго, какъ и перваго подданнаго. Возьми насъ аманатами и освободи его!» Общее умиленіе; самъ Король «тронутъ; онъ говоритъ Эрику: «Надѣйся: твоя судьба въ рукѣ брата!» Іоаннъ, съ немногими оставшійся на сценѣ, удивляется силѣ добродѣтели, заставившей его забыть свою пользу и внушившей ему даже презрѣніе къ самому себѣ.

Но Поссевинъ отстраняетъ всякія сомнѣнія; Эрика ведутъ назадъ въ Грипсгольмскую темницу. Морней, при семъ случаѣ проницая черное намѣреніе Короля, рѣшается умертвить его на придворномъ празднествѣ, и говоритъ Арчимбальду, чтобъ онъ былъ готовъ. Между тѣмъ Іоаннъ всегда мучится безпокойствіемъ и угрызеніями совѣсти. Поссевинъ упрекаетъ его, для чего не исполнено еще опредѣленіе Совѣта, тайнымъ образомъ умертвить Эрика; но, дабы руки Короля остались чистыми, онъ проситъ себѣ Королевскаго перстня, и о нужныхъ знакахъ условливается съ Генриксономъ, коего нашелъ годнымъ въ убійцы. IV *дѣйствіе.* Заговоръ противъ Іоанна: Шотландцы, послѣ мечевой пляски (Schwerttanz) должны окружить и заколоть его. Но одинъ изъ нихъ требуетъ отпущенія грѣха, и чрезъ то Поссевинъ, узнавъ о заговорѣ, сообщаетъ Королю столько, сколько ему кажется нужнымъ, и успокоиваетъ его тѣмъ, что де-ла-Гарди знаетъ все и печется о безопасности. Чрезвычайная сценическая пышность на празднествѣ. Послѣ многихъ группъ и плясокъ являются Шотландцы и начинаютъ мечевую пляску. Де-ла-Гарди приходитъ во-время, ударяетъ на заговорщиковъ: они побѣждены и схвачены. Поссевинъ требуетъ смерти Эрика и заговорщиковъ. Король еще не соглашается, но говоритъ Королевѣ, просящей за Эрика, что предалъ его жизнь во власть Поссевина, который, въ отвѣтъ на ея просьбы, молча указываетъ на Небо, тѣмъ означая, что *тамъ* Судія Эриковъ. Королева не хочетъ оставлять своего супруга, изъ опасенія, чтобъ не далъ смертнаго приказанія. *V дѣйствіе.* Поссевинъ, видя, что Король все еще колеблется, что заговорщики и Морней ничего не показали на Эрика, что Королева заклинаетъ Морнея бдительно стеречь жизнь своего державнаго плѣнника, кличетъ Генриксона, коего высылка за границу уже позволена Королемъ, и вручаетъ ему Королевскій перстень съ условленною рѣчью. По уходѣ Королевы, онъ признается Королю, что жизнь Эрикова скоро погаснетъ. Іоаннъ внѣ себя, посылаетъ гонцовъ воротить Генриксона, проклинаетъ Поссевина и ученіе его, выгоняетъ изъ Швеціи; но Поссевинъ на себя принимаетъ только половину вины, другую предоставляя Королю. — Эрикъ входитъ въ свою новую, лучшую темницу, радуется облегченію своей судьбы и сочиняетъ псаломъ (этотъ псаломъ, равно и музыка къ нему, дѣйствительно сочинены Эрикомъ XIV). Приходъ Катерины удвоиваетъ его счастіе, но онъ узнаетъ отъ нея ужасную казнь Морнея. Является Генриксонъ, и напрасно старается удалить Катерину. «При первомъ воплѣ отторгну отъ «тебя мужа,» говоритъ онъ ей. Онъ объявляетъ Эрику смерть. Катерина хочетъ съ нимъ умереть; онъ самымъ трогательнымъ образомъ умоляетъ ее жить для дѣтей. «Я невиненъ; несправедливъ приговоръ!« Подаютъ смертоносное питье. Катерина въ отчаяніи: «Не я ли «причина твоихъ страданій? Любовь ко мнѣ лишила «тебя спокойствія, свободы, короны! моя вина, что «ты теперь умрешь безъ защиты. Какое для меня будетъ утѣшеніе!« — «Нѣтъ, ты была добрый ангелъ «моей жизни, такъ какъ ты нынѣ утѣшитель въ смер-

Из фондов Российской государственной библиотеки

«ти!» — Онъ жалѣетъ, что не можетъ благословить дѣтей своихъ и проситъ сказать сыну, чтобъ никогда не домогался короны. Прощаніе съ Катериной. Онъ пьетъ смертную чашу. Катерина вырвалась и бросается въ его объятія. Занавѣсъ опускается.

Эрикъ, въ 1-й части казавшійся намъ безхарактернымъ лицемъ, обнаруживаетъ здѣсь твердый и мужественный характеръ, вѣрный себѣ до конца. Несчастіе служило душѣ его чистилищемъ: онъ не хочетъ спастись беззаконнымъ образомъ, но именемъ правды проситъ свободы. Онъ не зналъ о заговорѣ Морнея; онъ совершенно невиненъ и умираетъ героемъ. Ему здѣсь нераздѣльно принадлежитъ главное участіе зрителя. Можно упрекнуть Автора, что Эрикъ, какъ главный герой пьесы, слишкомъ мало дѣйствуетъ; но онъ, по положенію своему, дѣйствовать не можетъ, равно какъ Марія Стуартъ у Шиллера. Король Іоаннъ есть слѣпое орудіе въ рукахъ Іезуита, который завладѣлъ его умомъ посредствомъ новыхъ догматовъ, таинственности поступковъ и узнанія заговора. Отчаяніе Короля, при извѣстіи о вѣрной погибели брата, нѣсколько примиряетъ его съ нами. Въ Поссевинѣ, изображенъ отпечатокъ Римскаго Легата тогдашняго времени. Его черная душа еще чернѣе кажется при этомъ ангелѣ благости: Ягеллоникѣ. Между сихъ двухъ крайностей движутся другія лица. Вѣрная дружба Морнея весьма трогательна. Одинъ главный упрекъ мы сдѣлаемъ Автору: чрезмѣрная сценическая пышность, въ 4-мъ дѣйствіи, не согласуется съ простотою сей прекрасной трагедіи: это великолѣпіе оперы дѣлаетъ минутный эфектъ, но весьма вредный для главнаго впечатлѣнія; при этой роскоши, при этихъ продолжительныхъ танцахъ разныхъ племенъ, зритель безъ сомнѣнія забываетъ объ Эрикѣ, о заговорѣ, обо всемъ, и даже негодуетъ на де-ла-Гарди, пресѣкающаго чудную мечевую пляску Шотландцевъ. — Наши Поэты любятъ переводить: вмѣсто трагедій Грильпарцера и пр., мы желали бы видѣть на нашей сценѣ обѣ этѣ трагедіи, кои, съ небольшими развѣ измѣненіями, весьма удобны для представленія.

РУСКІЯ КНИГИ.

Мирза Хаджи-Баба Исфагани въ Лондонѣ. 4 ч. — С. П. б. въ типогр. Александра Смирдина, 1830. (въ 1-й ч. XXII — 262, во 2-й — 276, въ 3-й — 262 и въ 4-й 317 стр. въ 12-ю д. л.)

Нѣтъ ничего скучнѣе растянутой шутки. Г-ну Морьеру, сочинителю разбираемой нами книги, хотѣлось пошутить, вообразя, какъ бы Персіяне выразили свое удивленіе, въ первый разъ увидѣвъ Англію и Лондонъ, и какія получили бы впечатлѣнія, проживъ тамъ нѣсколько времени. Идея оригинальная и хорошая для статьи журнальной! Но однообразныя шутки его растянулись на четыре книги и по этому можно поручиться, что всѣ читатели, которые съ удовольствіемъ бы прочли и перечли предположенную нами брошюрку, едва ли дочтутъ сіе длинное сочиненіе до конца, и безъ скуки. Наитерпѣливѣйшій человѣкъ врядъ ли одолѣетъ оное. Нѣтъ, безъ сомнѣнія! — «Персидскія письма знаменитаго Монтескьё (говоритъ Переводчикъ) «читаются понынѣ; совсѣмъ тѣмъ извѣстностію своею «они болѣе обязаны славѣ остроумнаго своего Сочинителя, чѣмъ внутреннему своему достоинству.» Не соглашаемся съ почтеннымъ Переводчикомъ. Въ Персидскихъ письмахъ, кромѣ славнаго имени Сочинителя ихъ, находятся красоты вѣчныя. Монтескьё хотѣлъ представить въ нихъ картину жизни и понятій своихъ современниковъ; хотѣлъ сказать нѣсколько полезныхъ истинъ, которыхъ безъ маскараднаго платья не пропустили бы въ тогдашнія общества, — и достигъ своей цѣли. Книга его, полная остроумія и портретовъ, снятыхъ съ натуры великимъ мастеромъ, никогда не устарѣетъ и не выйдетъ изъ употребленія. Онъ смѣялся надъ слабостями и пороками, во всѣ времена свойственными человѣчеству, а не надъ фразами (какъ Г. Морьеръ) одного языка, переведенными на другой слово въ слово. Въ минуту безотчетной веселости, иногда можетъ случиться говорить по-Руски, напримѣръ, выраженіями Французскими: «Какъ вы себя *носите* (*)... «Вы имѣете *разумъ* (**) .... Мнѣ нравится *корень* болѣе *вороны* (***),» и пр. и пр.; но составить книгу въ четырехъ частяхъ изъ подобныхъ шутокъ, непростительно. Непростительно отнять у человѣка два дня, и не заплатить ему за это хотя однимъ умнымъ замѣчаніемъ, хотя одною полезною истиной, или хотя просто удовольствіемъ. — Рускій Переводчикъ, хорошо знающій языки Персидскій и Англійскій, исполнилъ свой долгъ, какъ нельзя лучше. Онъ примѣнялся къ духу Рускаго языка и замѣнялъ тѣ Персидскія выраженія, которыя для Англичанъ смѣшны, а для насъ даже и не странны, другими равносильными и намъ непривычными выраженіями. Совсѣмъ тѣмъ онъ въ предисловіи предугадываетъ, что навѣрное найдутся хулители его благоразумнаго способа переводить, и таковымъ онъ объявляетъ, что романъ не Исторія и не Математика, требующія отъ передателя особенной точности; «а «если имъ и того недовольно,» присовокупляетъ онъ, «то они могутъ сѣсть на коврѣ Риторики, поджавъ

(*) Comment vous portez-vous.

(**) Vous avez raison.

(***) J'aime mieux Racine que Corneille.

«подъ себя ноги учености, и, закуривъ огромную Нѣмецкую трубку Критики, для вящшей потѣхи, носомъ классическаго негодованія изпускать дымъ замѣчаній и доказательствъ.» Не умѣя такъ пестро, такъ оріентально выражаться, мы въ заключеніе статьи сей, просто выскажемъ наше сожалѣніе, что почтенный Переводчикъ предпочелъ сіи четыре части *Мирзы-Хаджи-Баба* первымъ четыремъ того же сочиненія, въ которыхъ покрайней мѣрѣ хорошо представлено нынѣшнее состояніе Персіи; пожалѣемъ, что онъ вмѣсто похожденій Мирзы-Хаджи-Баба не перевелъ чего нибудь замѣчательнаго съ Персидскаго или съ Арабскаго языковъ; а болѣе того еще пожалѣемъ, зная хорошо его дарованія, что онъ до сихъ поръ медлитъ подарить насъ трудами собственными. Глубокія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ во время путешествія по тремъ частямъ Стараго Свѣта, наблюдательный и острый умъ, воображеніе, обогащенное блестящими вымыслами Востока: вотъ сколько порукъ за удачу нами желаемаго сочиненія, которое вѣроятно не отказался бы перевести Морьеръ, если бы зналъ по-Руски.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 23-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ II, № 49. АВГУСТА 29го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Среду), — 8-го (въ Понедѣльникъ), — 13-го (въ Субботу), — 18-го (въ Четвертокъ), — 23-го (во Вторникъ) и 28-го (въ Воскресенье).

НѢСКОЛЬКО ГЛАВЪ ИЗЪ РОМАНА: БИТВА НАВАРИНСКАЯ.

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА VI.

Между тѣмъ какъ Гассанъ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, нѣсколько Христіанъ осмѣлились пробраться въ лагерь, опустѣвшій по выходѣ солдатъ. То были несчастные Греки, изувѣченные непріятельскимъ желѣзомъ, или томимые годами. Блѣдные, полумертвые отъ голоду, они не изпрашивали подаянія; но видъ ихъ бѣдности такъ былъ ужасенъ, что самые Магометане чувствовали къ нимъ жалость и давали имъ иногда по немногу пищи.

Одинъ изъ сихъ несчастныхъ прибрелъ къ шатрамъ Нубійцевъ: испыталъ ли онъ, что сіи люди, болѣе дикіе, были также и менѣе безжалостны, или чувствовалъ менѣе отвращенія умолять грубыхъ дикарей, нежели просить подаянія у Европейцевъ, добровольно себя унизившихъ.

Онъ подошелъ къ ставкѣ Бея и осмѣлился приподнять коверъ, которымъ завѣшенъ былъ входъ; онъ увидѣлъ женщину и пробормоталъ: «хлѣба!»

Дѣва Майны оборотила голову: взоръ ея встрѣтилъ взоръ нищаго, сухаго и изтощеннаго. Оба вскрикнули, оба поблѣднѣли: она отъ гнѣва, онъ отъ угрызеній совѣсти.

— «Ты ли это, предатель?» вскричала она. «Ты измѣнилъ Греціи, собратіямъ твоимъ и Богу, и живъ еще!

— «Живъ еще!» простоналъ несчастный, склонивъ морщиноватое свое чело и посѣдѣлую голову.» Я живъ, и это казнь моя.

— «О мой отецъ, братья, сограждане умерщвленные! ужели такъ слаба рука Лакедемонянки?» И юная дѣва бросилась къ кинжалу, оставленному Гассаномъ въ шатрѣ.

— «Карай меня!» сказалъ нищій. «Лучше такъ умереть, чѣмъ съ голоду.

— «А цѣна крови?» подхватила она въ изступленіи: «гдѣ же цѣна крови Грековъ?

— «Посмотри,» отвѣчалъ несчастный, обнаживъ свои плеча, покрытыя язвинами: «вотъ цѣна, заплаченная мнѣ Турками.

— «Богъ правосуденъ,» сказала дѣва, и отложила кинжалъ.

Старикъ шатался на ногахъ. «Дочь Леонтія,» молвилъ онъ: «четыре дни я ничего не ѣлъ.

— «А мой отецъ,» сказала она, «и всѣ, которые пали съ нимъ жертвами твоей измѣны! и они лишены пищи.... Но я Христіанка,» продолжала она голосомъ уже не столь болѣзненнымъ. «Возьми: вотъ все, что здѣсь есть моего.» И собравъ яствы, приготовленныя для нея, она положила ихъ на землю и отступила; ибо ей страшно было прикосновеніе измѣнника.

Нищій жадно бросился на яствы, но не ѣлъ ихъ: онъ спряталъ ихъ на груди, какъ сокровище, и оживясь радостью, сказалъ: «Благородная Клеона! я погубилъ твое семейство, а ты спасаешь мое!

— «Твое семейство?...» повторила молодая Гречанка съ видомъ сомнѣнія и недовѣрчивости. «И у тебя есть семейство, а ты насъ продалъ!

— «Жена моя и четвѣро дѣтей были въ рукахъ Турокъ,» молвилъ бѣднякъ. «Ахъ! мнѣ потребно было крайнее усиліе надъ собою, чтобъ измѣнить отчизнѣ. Но на что бы я не рѣшился для спасенія жены и дѣтей! Изъ всего обѣщаннаго мнѣ золота, хотѣлъ я удержать только то, что нужно было для плаванія нашего къ Іонійскимъ островамъ. Остальнымъ я загладилъ бы отчасти бѣдствія, мною нанесенныя. Но, безумецъ! я повѣрилъ обѣщаніямъ Турокъ! Они ничего мнѣ не дали, и корыстолюбивый Австрійскій мореходъ, поклявшійся взять насъ на корабль, отказывается спасти насъ, потому что у насъ нѣтъ денегъ.

— «Сколько лѣтъ дочерямъ твоимъ?» спросила Майнотка.

— «Шесть лѣтъ тому, какъ старшая родилась,» отвѣчалъ нищій.

— «И малая доля золота спасла бы васъ?»

Сильное волненіе души помѣшало старику отвѣчать.

— «Прійди завтра,» молвила Клеона.

— «Завтра... увы! Австріецъ уйдетъ въ море.

— «Пріими же отъ меня сію жертву, Господи!» вскричала юная Гречанка; «а ты, вѣрно пребывающій нынѣ съ Ангелами, возрадуйся о мнѣ!» — И подошедъ къ чалмѣ, покинутой поутру ея господиномъ, она вырвала изъ алмазнаго пера нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, и бросила ихъ нищему.

Несчастный сталъ на колѣни. «Еще одинъ даръ, великодушная Клеона!» сказалъ онъ, преклонясь челомъ до земли: «прости меня, прости меня!»

Она не отвѣчала.

— «Христосъ предъ кончиной простилъ своихъ убійцъ,» продолжалъ старикъ.

— «То была дивная благость Божества,» отвѣчала она. «Но дочери не дано право прощать убійцу отца ея.»

Отверженецъ ушелъ въ смущеніи.

Глава XII.

Двое черныхъ невольниковъ, бодрыхъ и сильныхъ, едва могли держать нетерпѣливаго, рьянаго коня Гассанова: явился онъ самъ — и борзый конь, узнавъ своего господина, опустилъ голову и пересталъ бить копытами землю. Не вскакивая еще на сѣдло, воинъ бросилъ продолжительный взглядъ на пристань, гдѣ развѣвался флагъ Франціи. Величавое чело его наморщилось. Но онъ не медлилъ долѣе: легко и проворно вскочилъ на коня, далъ ему шпоры и скрылся.

Добрый конь, на быстромъ бѣгу своемъ, какъ будто бы глоталъ разстоянія. Бей подстрекалъ его голосомъ, но не правилъ поводьями: онъ скакалъ безъ цѣли, для того только, чтобы далью положить предѣлъ между собой и своими единоземцами: счастливъ былъ бы онъ, когда бы тутъ же могъ убѣжать и отъ воспоминаній!

Онъ пустился на удачу во внутренность страны, и предавшись мрачному своему отчаянію, казалось, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на дотлѣвающія развалины селъ и на обрубленные пни масличныхъ деревъ. Печальное сіе зрѣлище согласовалось съ его думами, и оно одно только не оскорбляло его взоровъ.

Проѣхавъ всю Мессенію, остановился онъ у подошвы горъ, ограждавшихъ нѣкогда землю Лакедемонянъ и землю Аркадійцевъ. Вправо отъ него, вдали рисовались обрывистые верхи Тайгета; влѣво видѣлъ онъ горы Киллинійскія, коихъ гребни терялись въ облакахъ. Передъ нимъ разстилалась равнина, лишенная зелени: ибо Египтяне уже прошли по ней. Онъ сѣлъ подъ тѣнью скалы, и опершись на обломокъ колонны, бывшей когда-то, можетъ быть, трофеемъ побѣды или памятникомъ мира, мечталъ о своей родинѣ.

Часы протекали, а Гассанъ-Бей сидѣлъ недвижно, подобно статуѣ вѣковъ древнихъ. Человѣческіе голоса отвлекли его наконецъ отъ мечтательности. Онъ оборотилъ голову и примѣтилъ за скрывавшими его скалами двухъ человѣкъ, коихъ нарѣчіе, одежда и черты показывали сыновъ Греціи. Одинъ изъ нихъ, въ красивомъ и живописномъ одѣяніи Паликаровъ Колокотроніевыхъ, былъ старикъ, у котораго станъ еще не сгорбился отъ годовъ и члены не заматерѣли. Другой, не столь долго протекавшій поприще жизни, хотя волосы его начали уже сѣдѣть, носилъ на лицѣ своемъ печать низости и вѣроломства, еще разительнѣе выказывавшихся въ косвенныхъ его взглядахъ, въ униженномъ, раболѣпномъ положеніи тѣла и въ умоляющихъ движеніяхъ.

Они громко разговаривали, и хотя Бей не разумѣлъ ихъ языка, но часто повторявшіяся имена Ибрагима, Наварина и Адмираловъ, заставляли его догадываться о предметѣ ихъ разговора. То былъ лазутчикъ, доносившій какому-то вождю.

Оба они были вооружены; и хотя на второмъ изъ нихъ вся одежда состояла изъ рубища, но въ рукѣ у него было двуствольное ружье, и по видимому, во всей исправности. Но Гассанъ не думалъ ни о числѣ, ни объ оружіи. «Стану ли я нажидать ихъ?» молвилъ онъ самому себѣ; и единый его страхъ былъ тотъ, чтобъ они не ушли отъ него.

Онъ безъ шуму пробрался вокругъ скалы, и съ легкостью Француза перепрыгнувъ чрезъ всѣ преграды, встрѣтившіяся ему на пути, непримѣтно достигъ края площадки, на которой ихъ видѣлъ.

Лазутчикъ былъ одинъ въ эту минуту. Начальникъ Паликаровъ взобрался на крутой утесъ, откуда орлиный взоръ его могъ видѣть Наваринъ и корабли, и повѣрять точность полученнаго имъ извѣстія. Гассанъ, выхватя саблю, побѣжалъ къ тому, который стоялъ ближе, и прежде чѣмъ настигъ его, взоры воина возвѣстили уже сему несчастному неминуемый приговоръ.

Онъ хотѣлъ выстрѣлить изъ ружья — оно выпало изъ дрожащихъ рукъ его: ибо въ человѣкѣ, несшемъ ему наказаніе, было нѣчто столь грозное, что и на мысль не приходило ему противиться. Лазутчикъ бросился на колѣни: «Пощади, пощади меня!» кричалъ онъ: «я другъ Турокъ, я имъ предалъ Майну; вотъ *фирманъ* Ибрагимовъ! Съ этимъ мятежникомъ говорилъ я только для того, чтобъ его обмануть.

— «И ты Грекъ!» съ негодованіемъ воскликнулъ воинъ.

— «Я вѣрный *райя*,» отвѣчалъ онъ съ бо́льшею увѣренностію: «я принадлежу къ Латинской церкви... Сжалься надо мной!

— «Да, я сжалюсь надъ тобой, человѣкъ, отчуждавшійся отъ отчизны,» возразилъ Бей: «я сжалюсь надъ тобой: поступлю съ тобою такъ, какъ ты заслуживаешь.» — И мигомъ острее сабли его снесло голову предателя, покатившуюся на песокъ. — Гассанъ посмотрѣлъ въ молчаніи на сей безжизненный трупъ: можетъ быть, онъ завидовалъ измѣннику, уже не страдавшему.

Между тѣмъ старый Поликаръ, стоя на крутизнѣ утеса, равнодушно видѣлъ приближеніе Турецкаго воина и паденіе лазутчика. Опершися на свое ружье и наклоня голову впередъ, онъ не думалъ стрѣлять въ Бея, хотя уже давно пуля его могла бы попасть въ непріятеля. Онъ смотрѣлъ на него въ гордомъ и спокойномъ положеніи стараго бойца, привычнаго къ опасностямъ, и у котораго мысль о битвѣ не можетъ уже ни радовать, ни смущать душу.

Длинныя кудри серебристыхъ волосъ, выбивавшіяся изъ-подъ красной его *фезки* и развѣваемыя вѣтромъ по широкимъ плечамъ, висячіе усы, смуглое чело, на которомъ годы оставили только слабый слѣдъ своего теченія: все въ немъ казалось чудно, замѣчательно, необыкновенно. Выраженіе лица его являло что-то надменное и лукавое: черты сего лица были правильны и не слишкомъ рѣзки; но увидя его, всякой чувствовалъ, что человѣкъ сей долженствовалъ быть безжалостенъ.

Когда онъ замѣтилъ, что воинъ Турецкій подходилъ къ нему, то медленно взвелъ курокъ и прицѣлился въ Гассана.

Бей схватилъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ. «Ну, старый горный коршунъ,» кричалъ онъ: «стрѣляй! не то, я не дамъ промаха!

— «Я первый никогда не стрѣляю,» хладнокровно отвѣчалъ Грекъ.

Гассанъ опустилъ пистолетъ и заткнулъ его за кушакъ. Его изумила повелительная самоувѣренность старика, и въ осанкѣ и голосѣ его замѣтилъ онъ привычку повелѣвать. «Ты вѣрно изъ вождей?» сказалъ онъ ему.

— «Храбрый скрываетъ имя свое отъ непріятеля,» отвѣчалъ Паликаръ. «Но теперь должно быть перемиріе между двумя войсками: зачѣмъ же намъ драться?

— «Перемиріе!» повторилъ Бей, отступя шагъ назадъ.

— «Такъ хотѣли Европейскіе Адмиралы,» сказалъ Грекъ.

— «И ты, старый Клефтъ, повинуешься Европейцамъ! Зачѣмъ же ты бунтовалъ, когда не умѣешь быть свободнымъ?»

Старикъ вздрогнулъ, глаза его засверкали и язвительная улыбка промелькнула на губахъ его. «Я не умѣю быть свободнымъ!» сказалъ онъ. «Безумецъ! знай: я Колокотрони.

— «Я такъ и думалъ,» отвѣчалъ Гассанъ.

Глава XXXI (*).

Многочисленность судовъ, стѣснившихся въ гавани, быстрота движеній, совокупность нападенія на разныхъ пунктахъ, производили въ бывшихъ на судахъ или въ толпившихся на берегу нѣкоторое замѣшательство, непозволявшее имъ правильно судить о всей битвѣ. Каждый замѣчалъ то, что происходило передъ его глазами; но только съ высоты сосѣднихъ горъ можно было слѣдовать глазомъ за всѣми подробностями и постигать ихъ. Офицеры Ибрагимовы, вытянувъ шею впередъ, съ разинутымъ ртомъ глядѣли на борьбу кораблей внутри гавани. Самъ онъ, лучше другихъ судя о томъ, что должно было рѣшить бой, пристально смотрѣлъ на форватеръ и на брандеры. Неразъ онъ ласкался надеждой, что огонь съ крѣпости и съ острова и разрушительное дѣйствіе зажигательныхъ судовъ, удержатъ ту часть союзнаго флота, которая не вошла еще въ бухту. Онъ улыбнулся, увидѣвъ, что носъ корабля Сципіона объятъ пламенемъ, и скокнулъ отъ радости, когда залпъ съ крѣпости сбилъ мачты на Рускомъ адмиральскомъ кораблѣ. Онъ ожидалъ вѣрной побѣды. Дымъ, подобно шатру нависшій надъ сражавшимися, скоро помѣшалъ ему видѣть долѣе.

Онъ оборотилъ глаза къ плѣнникамъ: онъ увидѣлъ юную Гречанку на колѣняхъ, умоляющую Праведнаго Бога за мстителей ея отчизны. Французъ стоялъ съ поникшей головою; отчаяніе выражалось на лицѣ его.— «Не бойся,» сказалъ ему Паша: «я оставлю тебя въ живыхъ, чтобы хоть одинъ человѣкъ разсказалъ Европейцамъ о нашей побѣдѣ.

— «Ты обманываешься, Паша,» отвѣчалъ ему молодой человѣкъ: «сослуживцы мои сражаются тамъ, а я не съ ними; вотъ въ чемъ мой стыдъ и мое горе. —

(*) Въ предшествующихъ главахъ (отъ 22-й по 27-ю) описано довольно подробно Наваринское морское побоище. Если описаніе сіе не совершенно удовлетворяетъ читателя достоинствомъ историческимъ — вѣрностію, то покрайней мѣрѣ никто не отниметъ у него достоинства поэтическаго — живости: а это одно изъ главныхъ достоинствъ романа, какъ и всякой эпопеи. Не смотря на сужденія слѣпыхъ подражателей Валтера Скотта: что будто бы для заманчивости историческаго романа достаточно одной нагой истины, мы видимъ тому противное въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ. Болѣе же всего, въ произведеніяхъ Шотландскаго Романиста, который съ необыкновеннымъ, ему только сроднымъ чувствомъ умѣетъ находить поэзію въ событіяхъ дѣйствительныхъ, и переносить сіи событія въ свои романы; но тамъ, гдѣ холодные факты могли бы повредить занимательности повѣствованія, Валтеръ Скоттъ дополняетъ, передѣлываетъ ихъ по волѣ, или замѣняетъ созданіями собственнаго воображенія. Такъ животворитъ мысль свою Поэтъ: но не такъ постигаетъ дѣло и не такъ выполняетъ его Писатель бездарный, холодный копистъ архивный.

Но прежде, чѣмъ голова моя упадетъ съ плечъ, у тебя не останется флота.

— «Онъ сумасшедшій!» сказали всѣ ихъ окружавшіе. Одинъ Ибрагимъ былъ пораженъ сего рѣчью, и мрачное предчувствіе опечалило его сердце.

Густая туча лежала надъ гаванью; но порою внезапный взрывъ разсѣкалъ тьму свѣтлою бороздою пламени. Тогда Турки испускали крикъ радости, какъ будто бы только Христіанскіе корабли могли взлетать на воздухъ.

Бой продолжался пять часовъ; и въ теченіе пяти часовъ гордость поддерживала тщеславную ихъ надежду. Ни одинъ гонецъ не являлся изъ города: и какой бы человѣкъ осмѣлился принять на себя сію роковую вѣсть? Огонь цитадели потухъ; красноватое зарево пожара одно только освѣщало посреди мрака поприще битвы. Укрѣпленія, корабли, транспортныя суда — все было истреблено; а Турки все еще почитали себя побѣдителями.

Вдругъ послышался стукъ отъ копытъ коня, несшагося во всю прыть. Всадникъ, покрытый кровью и пѣной, неузнаваемый никѣмъ, кромѣ Ибрагима, остановился подлѣ молодаго полководца; и съ челомъ, столь же высокомѣрнымъ, со взоромъ, столь же самонадежнымъ, какъ будто бы онъ возвѣщалъ побѣду: «Мы дрались!» сказалъ онъ.

— «И что же, Гассанъ?

— «У тебя остается войско!

— «Клеона!» воскликнулъ юный плѣнникъ голосомъ счастливца: «Греція свободна, и онъ еще живъ!»

— «Великъ и благъ Господь!» отвѣчала она. «Эдуардъ мой! теперь намъ остается только умереть вмѣстѣ!

СОНЪ РУСКАГО НА ЧУЖБИНѢ.

«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!»
Державинъ.

Свѣча, чуть теплясь, догорала,
Каминъ, дымяся, погасалъ;
Мечта мнѣ что-то напѣвала
И сонъ меня околдовалъ....
Уснулъ—и вижу я долины,
Въ нарядѣ праздничномъ весны,
И деревенскія картины
Завѣтной *Руской* стороны! —
Играетъ рогъ, звѣнятъ цѣвницы
И гонятъ парни и дѣвицы
Свои стада на влажный лугъ:
Ужь вѣялъ, вѣялъ теплый духъ
Весенней жизни и свободы
Отъ долгой и крутой зимы; —
И рвутся изъ своей тюрьмы
И хлещутъ съ горъ кипучи воды...
Пловцевъ брадатыхъ на *стругахъ*
Несется съ гуломъ откликъ долгой;
И широко гуляетъ Волга
Въ заповѣдныхъ своихъ лугахъ....
Поляну муравы одѣли,
И, вмѣсто пальмъ и пышныхъ розъ,
Густыя молодѣютъ *ели*
И льется запахъ отъ *березъ*....
И мчится тройка удалая,
Въ Казань, дорогой столбовой,
И колокольчикъ, даръ *Валдая*,
Гудетъ, качаясь подъ дугой....
Младой ямщикъ бѣжитъ съ полночи:
Ему сгрустнулося въ тиши —
И онъ запѣлъ про *ясны очи*,
Про очи дѣвицы - души:
«Ахъ! очи, очи голубыя!
«Вы изсушили молодца!
«Зачѣмъ, о люди, люди злые!
«Зачѣмъ разрознили сердца? —
«Теперь я горькой сиротина....»
И вдругъ махнулъ по всѣмъ, по трёмъ...
Но я разстался съ сладкимъ сномъ —
И чужеземія картина
Сіяла пышно предо мной:
Нѣмецкій городъ.... всё красиво...
Но я, въ раздумьи, молчаливо
Вздохнулъ по сторонѣ родной!

Ѳедоръ Глинка.

ГЕНРІЕТТѢ ЗОНТАГЪ.

И къ намъ ты прилетѣлъ, волшебный соловей,
Изъ странъ счастливѣйшихъ Германіи своей,
Гдѣ долго средь похвалъ, въ отчизнѣ вдохновенья
Твои воздушныя носились пѣснопѣнья.
Едва на Сѣверѣ раздался голосъ твой,
Какъ трели звучныя весенняя пѣвицы —
И съ нетерпѣніемъ двѣ славныя столицы
Спѣшатъ хваленья дань излить передъ тобой,
Привѣтствуя тебя съ восторгомъ благороднымъ.
О Зонтагъ! не однимъ талантомъ превосходнымъ,
Сей музыкой души, плѣнять умѣешь ты:
И прелестью очей и силой красоты,
Сирена дивная, ты насъ очаровала:
Всѣ совершенства вдругъ въ тебѣ природа-мать
Рукою щедрою волшебно сочетала.
Когда жь престанемъ мы тебѣ рукоплескать,
Когда престанешь ты гармоніей небесной
Нашъ духъ переносить въ какой-то міръ чудесной
И миловидностью лазоревыхъ очей
Какъ небомъ лучшихъ странъ плѣнять нашъ Сѣверъ хладный —
Мы будемъ дорожить и памятью твоей,
Какъ сладостной мечтой, какъ мыслію отрадной.

Б***.

С. П. Б.
23 Августа, 1830.

ШВЕДСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Въ послѣднемъ No *Литературной Газеты* напечатали мы разборъ произведеній одного изъ современныхъ Поэтовъ Шведскихъ. Можетъ быть, успѣемъ мы впредь еще болѣе познакомить нашихъ читателей съ поэзіей и вообще съ Литературой Скандинавскаго полуострова. Литература сія, сосѣдняя намъ, свѣжая и прекрасная, еще мало у насъ извѣстна. Имена Аттербома, Тегне́ра, Гаммершёльта, Францѐна, Сьогрина или Витталиса и пр. и пр. едва доходятъ до насъ и скользятъ по нашей памяти, не оставляя по себѣ глубокихъ слѣдовъ: между тѣмъ, это свѣтлыя имена людей съ отличнымъ талантомъ, которые тѣмъ только не выигрываютъ въ общемъ движеніи Литературы Европейской, что языкъ ихъ чужеземцами изучается гораздо менѣе другихъ языковъ Европы. Тѣмъ болѣе должно уважать въ Поэтахъ Швеціи сію чистую, сію благородную любовь къ отечественнымъ Музамъ, и можно сказать, сію безкорыстную жертву родной сторонѣ, что они не ждутъ и не ищутъ повсемѣстной извѣстности и громкихъ похвалъ въ другихъ краяхъ міра. Они поютъ, какъ мелодическіе пѣвцы весны въ уединенныхъ рощахъ: поютъ какъ бы изъ благодарности къ дару пѣснопѣнія, которымъ они надѣлены отъ природы, не полагая, что какое-либо постороннее ухо вслушивается въ ихъ сладкозвучные напѣвы.

Съ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь переведенную изъ *Петербургскаго Еженедѣльника* статью о другомъ Поэтѣ Шведскомъ, Никандерѣ. Читатели конечно замѣтятъ общую и похвальную наклонность Поэтовъ сей страны: къ предметамъ отечественнымъ, къ воспоминаніямъ и преданіямъ народнымъ. Бесковъ въ трагедіи, а Никандеръ въ *Рунѣ* (балладѣ, *думѣ*, или какъ угодно будетъ назвать по-нашему сей родъ стихотвореній) возпѣли одно изъ ихъ историческихъ лицъ: Эрика XIV. Трагикъ разкрылъ передъ нами всю тревожную жизнь сего Короля; Лирикъ схватилъ изъ нея одинъ только моментъ: ночную прогулку вѣнчаннаго заточенника въ темницѣ его, за́мкѣ Грипсгольмѣ.

Между живущими Шведскими Поэтами, имя Карла Августа Никандера (*) становится болѣе и болѣе извѣстно. Сочиненія его служатъ доказательствомъ истинно-поэтической наклонности, особенно къ такъ называемой *идеальной* поэзіи. Все возпѣваемое имъ видитъ онъ съ идеальной точки, будь это историческія лица, будь картины природы. Посему не удивительно, что его занимаютъ болѣе лица, коихъ жизнь сама по себѣ уже была поэтическая, какъ жизнь Энціо и Тасса; что изъ сценъ природы предпочитаетъ онъ тѣ, въ которыхъ выражается внутреннее значеніе и кои сами переходятъ въ страну идеальности. Въ слѣдствіе сего, во всѣхъ твореніяхъ нашего Пѣвца проявляется внутренній его характеръ. Поэзія Никандера отзывается благороднѣйшими чувствованіями мужественнаго сердца — дикость и буйство оному чужды, обыкновенное равно нестерпимо; даже и тогда, когда его объемлетъ негодованіе на свой вѣкъ, свободенъ онъ отъ сатирической горечи; охотнѣе переносится онъ воспоминаніемъ въ миѳическое и поэтическое *прошедшее* своего народа и героевъ даже позднѣйшей Исторіи: изъ сихъ послѣднихъ онъ болѣе всѣхъ пристрастенъ къ Густаву Адольфу. Жизнь человѣческую и природу постигаетъ онъ лирическимъ чувствомъ, переходящимъ иногда въ мистицизмъ, а иногда въ изнѣженность и сентиментальность. Картины дивнаго и ужаснаго особенно ему удаются, что доказываютъ его *Эрикъ XIV* и *Пожаръ Москвы*; часто отзывается и тонъ глубокой элегіи, даже изображенія любви носятъ на себѣ сей отпечатокъ: отъ собственно же эротическихъ, равно какъ отъ веселыхъ пѣсень, Муза Поэта, какъ видно, уклоняется.

Если мы остановимся на формахъ наружныхъ, то замѣтимъ рѣдкое искуство. Поэтъ владѣетъ съ величайшимъ удобствомъ различными видами, въ чемъ весьма способствуетъ ему языкъ гибкій, сжатый и звучный; множество метровъ съ искуснымъ сочетаніемъ рифмъ, напоминаетъ произведенія знаменитыхъ Поэтовъ Юга.

Извѣстно по Исторіи, что Скандинавы, не взирая на всю привязанность ихъ къ Сѣверу, очень тоскуютъ объ Югѣ, какъ будто бы сочетаніе сіе было необходимо для пополненія ихъ жизни, и заимствуютъ, какъ и во всемъ прочемъ, южныя поэтическія формы. Въ Никандерѣ, который до своего путешествія навѣрно изучалъ творенія многихъ прежнихъ и новѣйшихъ Италіянскихъ Поэтовъ, замѣтна таковая наклонность, отмѣнно приличная лирико-элегическому характеру его стихотвореній. Во многихъ изъ нихъ отражается совершенно южный колоритъ, преимущественно въ *Королѣ Энціо* и *Смерти Тасса*.

Руны (Runor af Karl August Nikander. Stockholm 1825. 46 страницъ въ четвертую д. л.) состоятъ изъ 16 пѣсень, неимѣющихъ между собою внутренней связи. Въ началѣ каждой пѣсни поставлена Руна по порядку рунической азбуки: отношеніе всякой Руны къ пѣсни зависитъ большею частію отъ большаго или меньшаго сходства названія Руны съ именемъ лица или сцены природы, составляющихъ предметъ стихотворенія. Самъ Поэтъ считаетъ сіе собраніе панорамою Сѣвера,

---

(*) Ему около 30 лѣтъ; онъ одинъ изъ Секретарей Короля Шведскаго. За годъ предъ симъ путешествовалъ по Италіи.

въ коей представляются картины изъ Шведской Исторіи и природы.

Двѣ книжки стихотвореній (Dikter af K. A. Nikander Första, Häftet 1825. Andra Häftet. 1826. Stockholm, 56 и 60 страницъ въ 8-ю д. л.) заключаютъ, кромѣ десяти *Пѣсень Странника* (Pilgrims-Sönger), 16 стихотвореній, между коими находится драматическій прологъ: *Смерть Кнутсона*, и подражаніе Байронову стихотворенію: *Сѣтованія Тасса*.

Вся первая книжка *Новыхъ Стихотвореній* (Nya Dikter af de Första Häftet. Konung Enzio. Andra Häftet. Tassos Död och smärre Dikter. Stockh. 1827. 69 и 56 страницъ въ 8-ю д. л.) занята романтическою эпопеей: *Король Энціо*, которую самъ Поэтъ весьма кстати называетъ лирическою поэзіей въ романсахъ. Въ семъ твореніи болѣе чѣмъ въ иныхъ, развернулся его лирическій даръ. *Смерть Тасса*, увѣнчанная въ 1826 году Шведскою Академіей, составляетъ собою начало другой книжки, кончающейся собраніемъ (подъ заглавіемъ *Пантеонъ*, наподобіе древнихъ Греческихъ эпиграммъ) жизнеописаній знаменитыхъ Шведовъ. Рѣшаемся перевесть нѣчто хотя съ перевода, чтобы сколько нибудь показать характеръ поэзіи.

Руна Историческая:

Отнялъ тиранъ у меня все, что могъ,
Мнѣ же достался терновый вѣнокъ.

Руна Эрика Вазы.

«Стой! Кто ты? Гу! Зеленое озеро; облако гонится за облакомъ. Эрикъ, ложись спать: часы пробили одиннадцать.» — Такъ молвилъ драбантъ Королю Эрику.

Но Эрикъ шагалъ, какъ билось у него сердце. Въ Грипсгольмѣ даже сонъ бѣжалъ отъ горячихъ очей его. Тяжко быть Царемъ безъ короны!

«Поди сюда! дай поглядѣть на себя при лунномъ сіяніи; я дамъ тебѣ плащъ, ибо кажется, ты озябъ.»

И подошелъ Эрикъ къ рѣшеткѣ; драбантъ засмѣялся и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Король Эрикъ, борода твоя выросла, и ты съумѣешь теперь выткать изъ нея себѣ плащъ.»

Тише! вотъ на высокой башнѣ пробило двѣнадцать: двѣнадцать разъ ночной стражъ звучно протрубилъ въ рогъ. Драбантъ ушелъ — его смѣнилъ другой.

Но Эрикъ шагалъ, какъ билось у него сердце; еще остались на землѣ слѣды, которые онъ глубоко выбилъ въ ней: но благодареніе Богу, теперь сердце его спокойно.

«Король Эрикъ! сомкни глаза, часы пробили двѣнадцать; Король Эрикъ! усни, хотя не имѣешь короны, которую ты носилъ.» Такъ молвилъ драбантъ Королю Эрику.

Но Эрикъ не смотря на то, что пробило двѣнадцать, стоялъ на източенной червями доскѣ, когда часовой кричалъ. Король Эрикъ! такъ сладко раздавалось въ его ухѣ.

«Король Эрикъ! подойди къ рѣшеткѣ: луна далеко плыветъ — коль это ты, склонись благоговѣйно и съ трепетомъ передъ Господомъ Богомъ.» Такъ молвилъ драбантъ Королю Эрику.

Король Эрикъ склоняетъ голову и смыкаетъ глазъ, залитый слезами: пріятно улыбнулся драбантъ — около волосъ блестятъ серебряные лучи, Эрикъ молится Господу Богу.

И надѣлъ драбантъ на голову Эрика вѣнокъ: въ немъ между терновыми вѣтвями находился цвѣтокъ прекрасный — и вѣнокъ возвратилъ ему спокойствіе среди бури.

Король упалъ на одръ и заснулъ при пѣніи псалмовъ. Нильсъ Стуре пришелъ, снилось ему, неся пальму мира, и облобызалъ Короля, увѣнчаннаго терніемъ.

Въ сію ночь глазъ Короля Гансена, гласитъ молва, такъ горѣлъ, какъ будто бы для него навсегда былъ запертъ Торъ, и видѣлъ онъ собственную кровь; но какъ это произошло, извѣстно одному Богу.

Охотникъ изъ Рингерика.

«Сынъ мой, что сегодня на разсвѣтѣ пало отъ твоего лука? Орелъ ли въ воздухѣ, или голубь въ зеленой рощѣ?» — Ничего живаго не застрѣлилъ я, матушка! ахъ, мысли мои такъ далеко досягали: я видѣлъ земныя чудеса въ воротахъ Рингерика.

«Какъ будто бы я держалъ въ рукѣ скипетръ вселенной! Тирифіордъ сіялъ въ полномъ блескѣ солнца; солнце шло по холмамъ къ Королю Гальдану Ое; жизнь мнѣ показалась любою, а смертельная боль горькою.

«Съ могилы Гальдана Сварта поднялся лебедь; звучно шумѣли перья, взвился подъ солнечный путь. Крылья у него были серебряныя, а грудь подобная бѣлизною снѣгу. Ни жизнь не показалась мнѣ любою, ни смерть горькою.»

Такъ молвилъ юный Сверре. До наступленія вечера приплылъ корабль Викинга. Тутъ перевернулась страница: Владыка моря вышелъ на берегъ, и съ мечемъ въ рукахъ вступилъ въ бой. До вечерней зари Сундевольдъ пылалъ заревомъ.

Еще не пала роса, а корабль Викинга снялся съ якоря. На кораблѣ сидѣлъ закованный Сверре, глядя на гробъ своего счастія. Вздохи его, несомые волною, умирали у Гальдана Ое: «Нынѣ жизнь кажется мнѣ горькою, а смертельная боль сладкою.»

Крмнц.

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Краткая Французская Грамматика, введенная въ число классическихъ книгъ во Франціи Королевскимъ Совѣтомъ народнаго просвѣщенія и проч. — Сочиненіе Е. Лефранка, Почетнаго Профессора Парижскаго Университета и сочинителя разныхъ учебныхъ книгъ. — Съ присовокупленіемъ краткой Хрестоматіи Французской и Россійской, выбранной изъ лучшихъ Писателей и раздѣленной по степенямъ слога; и принадлежащихъ къ оной Словарей Французско-Россійскаго и Россійско-Французскаго (Abrégé de la Grammaire française, mise au nombre des livres classiques par le conseil royal de l'instruction publique etc., par E. Lefranc, professeur agrégé de l'université, auteur de plusieurs livres élémentaires. Suivie d'une Chrestomathie abrégéе française et russe, choisie dans les meilleurs auteurs qui ont écrit dans ces deux langues; de deux recueils de mots français-russe et russe-français, pris dans les exemples qui composent la chrestomathie.) — Издана Иваномъ Заикинымъ. — С. П. Б. въ типогр. Х. Гинце, 1830. (VIII — 312 — LVIII стран. въ 8-ю д. л. (*).

Достоинство каждой учебной книги измѣряется пользою, которую она приноситъ, или можетъ принесть учащимся; польза сія зависитъ отъ порядка, ясности и удобопонятности изложенія. Метода, принятая Г. Лефранкомъ при составленіи его *Французской Грамматики*, была одобрена всѣми знатоками Французскаго языка, и Грамматика сія принята, какъ книга классическая, лучшими учебными заведеніями во Франціи. Парижскіе издатели оной, въ предисловіи своемъ, весьма удовлетворительно показали различіе и преимущества ея въ сравненіи съ другими подобными сочиненіями. Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ сего предисловія.

«Часто говорено было о двухъ преткновеніяхъ, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ сего рода: *излишекъ* либо *недостатокъ*; и если большая часть Писателей на нихъ упадали, то справедливость требуетъ также сказать, что нѣкоторымъ удавалось избѣгать оныхъ. Есть еще и третье, о коемъ, кажется, вовсе не думали даже тѣ, которые ушли отъ двухъ первыхъ. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать способъ преподаванія какъ можно проще, они смѣшивали то, что должно быть отдѣлено; вводили въ изчисленіе частей рѣчи то, чему слѣдуетъ быть въ Синтаксисѣ, а въ Синтаксисъ то, что принадлежитъ вышеупомянутому изчисленію. Напр., когда они излагали грамматическую теорію глагола, то вслѣдъ за нею помѣщали синтаксическую теорію онаго, и послѣ болѣе или менѣе распространялись о томъ же въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Сей способъ изложенія весьма сбивчивъ, если правда, какъ говоритъ Декартъ, что метода болѣе всего необходима въ первоначальныхъ познаніяхъ.

«Г. Лефранкъ старался преодолѣть всѣ сіи затрудненія. Издаваемое имъ *Сокращеніе Грамматики Французской*, не смотря на малый своей объемъ, заключаетъ однако же въ себѣ болѣе свѣдѣній, нежели всѣ прежде него появлявшіяся, и симъ обязаны мы способу, по которому у него разположены предметы. Онъ хотѣлъ, чтобы сіе *Сокращеніе* было вѣрнымъ подобіемъ *большой* его *Грамматики*; планъ тотъ же въ обоихъ сочиненіяхъ, тѣ же правила, тѣ же самыя выраженія; только формы здѣсь смягчены, правила не столь пространны и многочисленны, поясненія стѣснены въ надлежащихъ предѣлахъ.»

Рускій переводъ *Грамматики Лефранка* напечатанъ вмѣстѣ съ текстомъ (le texte en regard). Переводомъ симъ, какъ намъ извѣстно, занимался одинъ молодой Литераторъ, хорошо знающій языки Французскій и Рускій; и мы должны отдать ему справедливость за старательное и разсудительное исполненіе дѣла, особливо за то, что онъ сколько можно ближе передавалъ на нашемъ языкѣ новые грамматическіе термины, встрѣчавшіеся въ сочиненіи Лефранка. Хрестоматіи: Французская и Руская, приложенныя къ Рускому переводу, составлены другимъ Литераторомъ и разположены по степенямъ слога. Вотъ краткое ихъ оглавленіе: *Христоматія Французская.* Примѣры слога простаго: Басни, Повѣсти, и небольшіе разговоры въ прозѣ. Примѣры слога средняго: Описанія изъ Естественной Исторіи; образцы разсказа (изъ Бюффона, Боссюета, Ласепеда, Рейналя и пр.). Примѣры слога возвышеннаго: Повѣствованія и Описанія (изъ Флешье, Флоріана, Винкельманна, Бюффона и Шатобріана). Примѣры для чтенія стиховъ и образцы для изощренія памяти: Басни въ стихахъ (изъ Лафонтена, Флоріана, Обера, Ришера и Лебальи).—*Христоматія Руская* разположена такимъ же образомъ. Примѣры въ ней выбраны изъ Муравьева, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Глинки и другихъ Писателей. Вмѣсто Басенъ въ стихахъ, къ ней приложены: **Высочайшіе** Рескрип-

---

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ И. И. Заикина, противъ Гостинаго двора, по Зеркальной линіи, No 18 и 23. — Цѣна экземпл. въ бум. 5 р, въ корешкѣ 5 р. 50 к.

ты (Государей Императоровъ: ПАВЛА I, АЛЕКСАНДРА I и НИКОЛАЯ I) и письма частныхъ лицъ (Суворова, Ломоносова, Карамзина, А. Пушкина и Ѳ. Глинки); наконецъ избранныя Рускія пословицы. Все сіе заключено двумя Словарями: Французско-Россійскимъ, для Христоматіи Французской, и Россійско-Французскимъ, для Руской Христоматіи. Изъ вошедшихъ въ оныя словъ, тѣ, кои имѣютъ по нѣскольку значеній, поставлены во всѣхъ таковыхъ значеніяхъ и переведены съ возможною точностію, дабы учащійся, встрѣчая одно и то же слово въ другомъ смыслѣ, не получилъ о немъ сбивчиваго понятія.

Книга сія напечатана весьма исправно, четкимъ и хорошимъ шрифтомъ, даже съ нѣкоторою роскошью.

Записки о городахъ Забалканскихъ, занятыхъ Россійскими войсками въ достопамятную кампанію 1829 года, Генеральнаго Штаба Полковника Энегольма. Печатано по Высочайшему повелѣнію. — С. П. б. въ тип. Плюшара. 1830. (160 стр. въ 8-ю д. л.)

Notice sur les villes situées au dela des Balkans, occupées par les troupes russes pendant la glorieuse campagne de 1829. Par le Colonel d'État-Major Eneholm. Imprimé par ordre suprême. St-P.B. de l'impr. de Pluchart. 1830. (144 p. in-8°.)

Появленію обѣихъ сихъ книгъ, подлинника Рускаго и перевода съ онаго на Французской языкъ, обязаны мы Полковнику Генеральнаго Штаба Энегольму, который въ славную войну 1829 года всѣ краткіе промежутки времени, отданнаго имъ обязанностямъ службы, посвящалъ ученымъ отдохновеніямъ: совѣтамъ съ древними Писателями о странахъ имъ посѣщенныхъ, и изложенію на бумагу собственныхъ путевыхъ наблюденій. Нынѣшнія войны менѣе походятъ на всеразрушающіе ураганы, оставлящіе за собою одно опустѣніе; нѣтъ, это такъ сказать вооруженныя ученыя экспедиціи, въ которыхъ кровь проливается только по печальной необходимости, и тяжелыя потери коихъ врядъ ли не вознаграждаются богатыми пріобрѣтеніями по многоразличнымъ частямъ познаній человѣческихъ. Мудрые Повелители народовъ Европейскихъ конечно болѣе Сенъ-Пьера думаютъ о вѣчномъ мирѣ и желаютъ онаго для блага своихъ подданныхъ и для счастія своего сердца: но зло въ природѣ человѣческой существуетъ и, со всѣми филантропическими желаніями Ихъ, война дѣлается необходимостію. Примѣръ не далекъ. Вспомните двѣ недавнія и славныя войны наши съ Персіянами и Турками. Вспомните же, какъ водимыя могущимъ духомъ Просвѣщеннаго Монарха войска наши поступали въ странахъ, занятыхъ ими. Они поражали одну только силу, принудившую ихъ на новомъ опытѣ показать давно уже всѣмъ извѣстное: что Орловъ нашихъ любитъ Побѣда. Но кто укоритъ Рускихъ солдатъ въ жестокихъ поступкахъ, будто ими чинимыхъ съ завоеванными селами и городами? Промышленость и торговля, эти робкія дѣти мира и безопасности частной, бѣжали ль, завидя Рускія знамена? Напротивъ, станъ побѣдоносныхъ героевъ нашихъ походилъ на движущуюся ярмарку, на которую мирные жители земель вражескихъ безъ страха сносили свои избытки и съ выгодою возвращались въ домы свои. — Благословимъ же Провидѣніе: Оно незримыми путями Своими довело насъ до той высокой степени, съ которой если мы еще не можемъ отвратить зла, доселѣ почитаемаго неизбѣжнымъ, по крайней мѣрѣ извлекаемъ изъ него столько полезнаго, что дерзаемъ не съ однимъ тщетнымъ соболѣзнованіемъ оглядываться на пролетѣвшія политическія бури.

Книга Г-на Энегольма есть любопытная, хотя и малая частица изъ великаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго нашими Учеными для наукъ во время двухъ прошедшихъ войнъ, и новое доказательство, какъ Правительство старается распространять въ нашемъ отечествѣ полезныя познанія. Она напечатана по Высочайшему повелѣнію. Для яснаго понятія о содержаніи сего любопытнаго сочиненія, выписываемъ оглавленіе статей онаго: Общее обозрѣніе Ѳракіи: 1. Историческія воспоминанія и 2 Описаніе Ѳракіи вообще; Описаніе городовъ Ѳракіи: городъ Адріанополь, Кирх-Клисса, Виза, мѣстечко Мидія; краткое обозрѣніе мѣстъ, прилегающихъ къ Черному морю, отъ Мидіи до Мисемвріи, Желѣзный заводъ Самоково, мѣстечко Тирново, Ахтеболи, Василико, Сизополисъ, Бургасъ, Анхіоло, Мисемврія, городъ Айдосъ, мѣстечко Карнабатъ, городъ Сливно, Ямболь, Чирмень, мѣстечко Джессеръ-Мустафа-Паша, городъ Демотика, Люлле-Бургасъ, мѣстечко Каристранъ, городъ Чорлу и мѣстечко Сарай.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Августа 28-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ II, № 50. СЕНТЯБРЯ 3го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-*го числа* (*въ Среду*), — 8-*го* (*въ Понедѣльникъ*), — 13-*го* (*въ Субботу*), — 18-*го* (*въ Четвертокъ*), — 23-*го* (*во Вторникъ*) *и* 28-*го* (*въ Воскресенье*).

СПИНЕЛЛО.

Повѣсть.

Въ одной старинной хроникѣ города Ареццо, коей рукопись сохранилась донынѣ въ церкви Сант-Анджело, разсказана престранная исторія живописца Спинелла Аретина, о которомъ Ланци упоминаетъ въ сочиненіи своемъ объ Итальянской живописи. Но мнѣ неизвѣстно, написалъ ли другой какой Авторъ сію повѣсть, хотя она, какъ мнѣ кажется, весьма достойна вниманія тѣхъ, кои любятъ вникать въ таинства нравственной нашей природы. Мнѣ не позволили, въ бытность мою въ Ареццо, списать помянутую рукопись; но несчастія сего молодаго художника произвели во мнѣ такое сильное впечатлѣніе, что врѣзались въ моей памяти; и сколько я ни старался изгнать изъ ума моего воспоминанія о нихъ, никакъ не могъ въ томъ успѣть. Мучимый сею мыслью, наконецъ я вообразилъ, что написавъ исторію Спинелла, я придамъ ей краску болѣе прозаическую, и что сдѣлавъ другихъ соучастниками моихъ впечатлѣній, я отниму у сихъ послѣднихъ хотя нѣкоторую долю того застоя въ моей памяти, который меня упомляетъ.

Когда Спинелло впервые прибылъ въ Ареццо, то остановился въ домѣ Бернарда Дадди, художника, нажившаго себѣ порядочное имѣніе, и котораго сынъ, Бернардо же, былъ въ послѣдствіи ученикомъ Спинелла и пріобрѣлъ славу отличнаго живописца. Кромѣ этого сына, у Бернарда было и еще много дѣтей, въ томъ числѣ дочь прекрасная лицемъ, именемъ Беатрикса. Можно бы подумать, что Спинелло тотчасъ въ нее влюбился; но онъ оставилъ въ родимомъ своемъ селеніи премилую дѣвушку, на которой обѣщался жениться: а нашъ художникъ былъ олицетворенная вѣрность. И такъ онъ каждый день видался съ Беатриксой, даже и не замѣчая, что она красавица, тогда какъ съ иныхъ довольно было взглянуть на нее въ церкви или на гуляньѣ, чтобъ безъ ума въ нее влюбиться.

Отецъ, красавица ли, нѣтъ ли дочь его, всегда желаетъ удержать у себя образъ ея въ такое время, когда лѣта еще только что дарятъ ее новыми приманками. Бернарду весьма хотѣлось имѣть хорошій портретъ Беактрисы; и бывъ увѣренъ, что никакой художникъ лучше его не успѣетъ въ этомъ, онъ употреблялъ на списываніе лица ея большую часть своего времени. Дѣвушка скучала въ эти долгія засѣданія. Тщетно старался отецъ развлечь ее своимъ разговоромъ: бывъ не щедро надѣленъ даромъ слова, онъ не всегда находилъ, что ей сказать. Меньшой братъ, посаженный на его мѣсто, не только не развеселялъ сестру, но самъ еще скучалъ вмѣстѣ съ нею. Наконецъ Бернардо вздумалъ прибѣгнуть къ молодому своему жильцу. Онъ просилъ Спинелла, оказать ему услугу, немного поразсѣять его дочь во время засѣданій. Тотъ согласился на это изъ угожденія своему хозяину, хотя бы ему и желалось употребить время свое на что нибудь иное.

На другой день Спинелло вступилъ въ свою должность Онъ нашелъ Беактрису, небрежно сидѣвшую въ прадѣдовскихъ креслахъ, блѣдную, съ полусоннымъ взоромъ и кислымъ лицемъ; но скоро удивился, какъ ему легко удавалось немногими словами оживлять ея взоръ, цвѣтъ лица и улыбку. Условились, чтобы каждый день также сходиться, пока портретъ не будетъ конченъ.

Иногда также спрашивали его мнѣнія о живописи, и однажды, не знавъ, какъ изъяснить то, чего недоставало въ портретѣ, онъ позабылся передъ своимъ хозяиномъ до того, что выхватилъ кисть у него изъ рукъ и съ нетерпѣливостью вскричалъ: «пустите, я сдѣлаю!« Старикъ, изумленный пылкостію Спинелла, уступилъ ему, не сказавъ ни слова, и восторженный юноша принялся за дѣло, не знавъ и самъ порядочно, что дѣлалъ. Когда же разсѣянность его кончилась, то онъ просилъ у старика извиненія; но сей, плѣнясь вѣрностью его кисти, уговорилъ его продолжать.

Однажды Спинелло, занявшись отъ души сею работой, нашелъ, что непремѣнно должно было сдѣлать тысячу поправокъ, и кончилъ тѣмъ, что иначе нельзя сего выполнить, какъ начать новый портретъ. Дадди, любя дочь еще больше, чѣмъ искусство свое, позволилъ Спинеллу дѣлать все, что онъ придумаетъ къ лучшему.

Юноша принялся за работу съ такимъ жаромъ, какого онъ еще отъ роду не чувствовалъ въ себѣ, и образъ Беатриксы, проходя сквозь его душу, чтобъ отразиться на полотнѣ, разливалъ на немъ сладостный свѣтъ.

Хотя картина сія и славится въ Италіи, особливо въ Ареццо, но я не остановлюсь долго на описаніи оной. Впечатлѣніе, произведенное ею во мнѣ, когда я впервые увидѣлъ ее, должно быть большею частью приписано тому, что я уже зналъ исторію живописца и живаго подлинника картины. Беатрикса представлена въ ней въ задумчивомъ и скромномъ положеніи. Дерево, со вьющимися по немъ отпрысками виноградной лозы, укрывало ее своею тѣнью. Исполненіе сей картины удивительно, и столько перьевъ прославляли сіе образцовое произведеніе, что память Беатриксы будетъ вѣчно жить въ лѣтописяхъ искуствъ Италіи.

Не труднѣе описать волны, подъемлемыя бурею на морѣ, какъ и примѣты, коими лице человѣческое изобличаетъ движенія души; посему я не скажу, какимъ образомъ Спинелло угадалъ, что онъ былъ любимъ, хотя Беатрикса ни слова ему о томъ не сказала. Сіе открытіе огорчило его, ибо сердце его было не изъ тѣхъ простонародныхъ сердецъ, которыя по волѣ мѣняютъ кумиръ свой. Женщина, полюбившаяся ему прежде всѣхъ, должна была, по его мнѣнію, быть единымъ предметомъ его страсти; но, на зло ему, образъ Беатриксы день и ночь занималъ его, и попадался подъ его кисть всякой разъ, когда онъ хотѣлъ сочинять какую-либо картину.

Въ такомъ разположеніи былъ умъ Спинелла, когда его склонили написать знаменитую картину паденія мятежныхъ ангеловъ, для церкви Сант-Анджело въ Ареццо. Сочиненіе превосходной сей картины, описанной у Вазари, Модерни и другихъ историческихъ Комментаторовъ — величественно и вмѣстѣ оригинально; а фигура Люцифера, болѣе всего привлекающая вниманіе — есть по справедливости созданіе ума необыкновеннаго. Спинелло, презрѣвъ толки простаго народа, приписывающіе князю тьмы всѣ черты гнуснѣйшаго безобразія, облекъ духа зла красотою, но красотою, внушающею тайный ужасъ. Люциферъ у Спинелла похожъ на тѣ блѣдныя привидѣнія ночи, которыя заблудившійся путникъ какъ будто бы видитъ при блескѣ молніи.

Съ той минуты, какъ онъ началъ трудиться надъ главнымъ лицемъ своей картины, въ немъ произошла странная перемѣна. Воображеніе Спинелла, подобно водѣ, взрываемой вѣтромъ, было въ безпрерывномъ волненіи. Безпокойный и недовольный, когда другое какое-либо занятіе отвлекало его отъ сей картины, онъ не ощущалъ, возвращаясь къ ней, того тихаго удовольствія, которымъ обыкновенно сопровождается всякое любимое занятіе. Здоровье молодаго художника было хорошо: посему это раздраженное состояніе духа не было для него мучительно; ему нравилось даже сіе постоянное углубленіе въ одну и ту же мысль, и онъ ни сколько не подозрѣвалъ въ ней опасности. Но скоро ликъ падшаго ангела перемѣнилъ отчасти свой характеръ въ глазахъ художника; и вмѣсто той мечты, которою любило напитываться его воображеніе, онъ увидѣлъ въ произведеніи своей кисти нѣчто похожее на существенность, ужасавшую его; подобно какъ человѣкъ, унесшій груднаго львенка, въ чаяніи сдѣлать его ручнымъ, чрезъ нѣсколько времени съ ужасомъ видитъ развивающееся въ немъ природное влеченіе къ свирѣпству и кровожадности.

Спинелло чувствовалъ иногда необходимость бѣжать изъ своей мастерской, и началъ искать разсѣянія въ свѣтѣ, котораго дотолѣ избѣгалъ. Онъ посѣщалъ общество молодыхъ художниковъ, и часто съ ними бродилъ по рощамъ, украшающимъ сію часть Этруріи, по долинѣ, освѣжаемой водами Арно и по прелестнымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда жилъ Плиній.

Однажды, возвратясь изъ таковой прогулки, нашелъ онъ у себя письмо, которымъ его извѣщали, что предметъ первой его любви измѣнилъ ему. Несчастный молодой человѣкъ, съ больнымъ сердцемъ и воображеніемъ, искалъ облегченія въ бесѣдѣ съ Беатриксой. Благородный и веселый ея разговоръ, степенный и проницательный умъ плѣнили Спинелла. Часы быстро для него пролетали, когда онъ былъ съ нею. Случалось однако же, что въ самую ту минуту, когда Спинелло смотрѣлъ съ величайшимъ удивленіемъ на прекрасную свою собесѣдницу, странное какое-то ощущеніе огненной струею проникало его душу. Сущность этого страннаго ощущенія была для него неизъяснима, и онъ не зналъ, должно ли ему было отъискивать тому причины въ себѣ самомъ, или въ той, которая порождала въ немъ сіе чувство.

Оконченная картина была поставлена надъ алтаремъ въ церкви Сант-Анджело. Спинелло почувствовалъ тогда нѣкоторое облегченіе; но скоро образъ Люцифера снова представился въ его мысляхъ, какъ призракъ, болѣе и болѣе грозный. Иногда Спинелло чувствовалъ невыразимое блаженство быть вмѣстѣ съ Беатриксой, и чародѣйство ея красоты разсѣвало бурю его мыслей; иногда же холодная дрожь пронимала его при видѣ сей дѣвушки. Наконецъ, близко ли, далеко ли она была отъ него, ужасное изчадіе его воображенія безпрестанно было передъ его глазами, и какъ тѣнь, омрачало для него всю ясность жизни. Приближеніе осени еще увеличило его страданія. Несчастный художникъ ни днемъ, ни ночью не вкушалъ отдохновенія: ему казалось, что на безпокойномъ его ложѣ царь тьмы сидитъ подлѣ него; и когда онъ смыкалъ глаза, страшный призракъ закрадывался между глазами его и рѣсницами.

Преслѣдуемый врагомъ, который какъ бы слился съ его бытіемъ, Спинелло почувствовалъ, что здоровье его разстроилось, силы оставили, тогда какъ одно его воображеніе взяло ужасный перевѣсъ надъ всѣми другими душевными его способностями. Наконецъ ему пришло въ голову, что можетъ быть призракъ, являемый ему воображеніемъ, не похожъ на ликъ, созданный его кистью; и вотъ онъ хочетъ испытать, не удастся ли ему, посмотрѣвъ снова на картину, прогнать сіи мечты? Сія мысль въ немъ родилась въ одну безсонную ночь. Тотчасъ онъ всталъ, схватилъ свѣтильникъ и вышедъ изъ дому, пустился къ церкви.

Святое сіе зданіе окружено было густою рощицей сосенъ и сикоморовъ. Все было безмолвно и пусто въ городѣ.

Когда Спинелло подходилъ къ церкви, вѣтеръ подулъ и заколыхалъ вѣтви деревъ, которыя стучали одна о другую, подобно крыльямъ духовъ ночи; и въ то же время, плачевные вопли, казалось, неслись изъ мрачнаго навѣса тучъ, сгустившихся надъ его головою. Онъ вошелъ во храмъ, днемъ и ночью доступный вѣрующимъ. Стѣны храма украшены были изображеніями Спасителя, грубо вырѣзанными изъ почернѣвшаго дуба, и большими закоптѣлыми картинами, представлявшими разныя Библейскія событія. Сіи фигуры какъ будто бы оживлялись, когда красноватый свѣтъ факела Спинеллова отбрасывался на нихъ. Съ каждымъ шагомъ, сердце художника билось сильнѣе и сильнѣе, такъ что онъ едва не задыхался; не смотря на то, онъ все шелъ впередъ. Приблизясь къ подножію алтаря, онъ поднялъ свой факелъ противъ картины. Полусумракъ еще увеличивалъ мрачный эфектъ легіона мятежныхъ ангеловъ, низверженныхъ въ бездну, и среди ихъ Люциферъ, казалось, еще противился молніямъ небеснымъ. Искра гордости вспыхнула въ юномъ живописцѣ при видѣ его творенія; но, по мѣрѣ какъ онъ разсматривалъ свою картину, воображеніе его разгорячалось, и ему представилось, что жизнь и движеніе одушевляли колоссальнаго демона. Не смотря на красоту возмутившагося архангела, ему видѣлось, будто бы всѣ адскія страсти волновались подъ сею обманчивою личиною. Очи его бросали молніи злобы, а жилистые члены какъ бы силились оторваться отъ полотна. Вѣтеръ вылъ по сводамъ церкви, эхо вторило унылый его вой: все это еще болѣе поселяло смятенія въ бѣдномъ Спинелло. Онъ хотѣлъ бѣжать и безъ чувствъ упалъ на ступеняхъ алтаря. Когда же пришелъ въ себя по долгомъ безпамятствѣ, буря уже укротилась и тихій свѣтъ луны замѣнилъ свѣтъ его факела. Онъ потащился изъ церкви и шатаясь прибрелъ въ свое жилище.

На другой день не могъ уже онъ встать съ постели. Бернардо и его семейство пришли его навѣстить, безпокоясь объ его здоровьѣ. Когда онъ услышалъ шаги Беатриксы, лучъ радости проникъ въ его сердце, слеза смочила его рѣсницы, и онъ благословилъ ее въ сердцѣ своемъ; но видъ дѣвушки напомнилъ ему всѣ страхи минувшей ночи. Не вѣдавъ, что происходило въ умѣ Спинелла, Беатрикса подошла къ нему съ нѣжнымъ участіемъ, стала на колѣни у его кровати и взяла его за горячую руку, безъ силы упавшую подлѣ него. Онъ и самъ пожалъ ея руку, но отворотилъ глаза, не сказавъ ни слова; потомъ, не въ силахъ долѣе владѣть собою, закрылъ онъ лице и зарыдалъ, тогда какъ Беатрикса, изумленная и огорченная, плакала также, а прочіе члены семейства стояли безмолвно и неподвижно отъ удивленія.

Мало по малу юноша успокоился, какъ бы почувствовавъ облегченіе отъ своихъ рыданій. Тогда Бернардо, предположивъ, что любовь была причиною мукъ его, остался съ нимъ глазъ на глазъ и объявилъ ему, что если Спинелло любитъ его дочь, то онъ готовъ ему отдать ея руку, потому что сердце свое она уже отдала ему. Слыша сіи рѣчи, Спинелло почувствовалъ радость и благодарность. Лучъ счастія разсѣялъ облака, томившія душу его. Выраженія признательности его были пламенны и чистосердечны; и чрезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ уже въ состояніи былъ прогуливаться по полямъ съ своею прекрасною невѣстой.

Здоровье его все однако же было ненадежно. Думали, что пребываніе на берегу моря, въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, было необходимо для его выздоровленія, и выбрали для сего Гаету. Чтобы путешествіе было для него пріятнѣе, Бернардо и дочь его рѣшились ему сопутствовать.

Прибывъ на мѣсто, они наняли домъ на морскомъ берегу, и любовники часто бродили вдвоемъ по взморью, гдѣ зеленыя волны Средиземнаго моря съ ропотомъ плещутся о скалы. На нѣсколько времени, мрачныя видѣнія Спинелловы уступили мѣсто сладостнымъ мечтамъ любви, но по кратковременномъ пребываніи въ Гаетѣ, Беатрикса вдругъ была отозвана къ умиравшей своей матери; Бернардо за нею послѣдовалъ, но онъ уговорилъ Спинелло, не смотря на его просьбы, остаться въ Гаетѣ. Молодой человѣкъ проводилъ ихъ съ печальными предчувствіями.

И въ самомъ дѣлѣ, опасенія Спинелловы сбылись; ибо съ одиночествомъ возвратились къ нему страшныя видѣнія, и здоровье его снова разстроилось. Безпрерывная лихорадка и крайняя слабость дѣлали его часъ отъ часу доступнѣе ужасамъ его воображенія; наконецъ, всѣ его умственныя силы были потрясены. Глаза его блистали необыкновеннымъ свѣтомъ, чрезмѣрная худоба изкажала черты его лица и вся его наружность поселяла страхъ во всѣхъ тѣхъ, кои его видали, тогда какъ самъ онъ едва замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него, ибо онъ постоянно чувствовалъ себя какъ бы подъ вліяніемъ сонной мечты. Люди казались ему пустыми тѣнями. Во всей вселенной онъ видѣлъ только Люцифера и Спинелла, и страшная борьба должна была уничтожить того или другаго.

Наконецъ онъ почувствовалъ, что приближался смертный его часъ, и благословилъ Бога за прекращеніе своихъ страданій. Сія увѣренность возвратила ему немного спокойствіе; ибо, кромѣ Беатриксы, онъ ни о чемъ не жалѣлъ на этомъ свѣтѣ. Въ одинъ вечеръ, погрузясь въ набожныя свои размышленія, бродилъ онъ по берегу моря. Солнце закатилось, луна царствовала на тверди небесной, и море дремало подъ серебристыми ея лучами. Спинелло сѣлъ на островерхомъ утесѣ, выдавшемся надъ глубокими волнами, и поднявъ глаза къ небу, мечталъ о вѣчности. Когда онъ опустилъ глаза, образъ дивной красоты явился ему, освѣщенный луною: то были черты ангела тьмы, но смягченныя самою нѣжною задумчивостію.

Спинелло вскрикнулъ пронзительно и бросился на край утеса. Беатрикса — ибо это была она — подбѣжала къ нему, чтобъ удержать его, и назвала его по имени. Голосъ и движеніе дѣвушки разсѣяли его мечту, и вдругъ открыли ему тайну его бѣдствія. Онъ позналъ наконецъ, что его воображеніе было поражено образомъ Беатриксы, когда онъ писалъ свою картину, и что ея-то черты передалъ онъ въ мятежномъ архангелѣ. Отсюда-то проистекала непонятная тоска, которою онъ томился иногда при видѣ своей милой. Между тѣмъ какъ убѣжденіе въ сей истинѣ проливалось въ его разумъ, онъ почувствовалъ, что терялъ равновѣсіе на краю пропасти, и чтобъ удержаться, схватился за утесъ. И Беатрикса, которую усилія спасти его увлекали въ его паденіе, судорожно уцѣпилась за кустъ травы. Съ минуту висѣли они надъ бездной, но кустъ травы оторвался мало по малу, и волны морскія разверзлись, чтобы поглотить навѣки несчастныхъ любовниковъ.

(Изъ: Journal de St.-Pétersbourg.)

ЭЛЕГІЯ.

Я жизнь любилъ, когда полна
Игривыхъ, сладостныхъ желаній,
Она была озарена
Сіяньемъ яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ опытъ
И муки огненныхъ страстей,
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,
Не изъяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня
Блеснувъ, какъ метеоръ воздушный,
Изчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей;
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужь болѣ не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственныя ночи,
Я все забылъ! забылъ и васъ,
Обворожительныя очи!
Пылъ прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ,
Я полюбилъ покой безстрастья,
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земнаго счастья;
Я сердце мертвое ношу.

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья VI.

8-е. О поэзіи Испанской и Португальской.

Испанскій языкъ (*) такъ легокъ для знающаго порядочно Итальянскій, что самоучкой и безъ большаго труда успѣлъ я въ немъ на столько, чтобы все читаемое разумѣть, хотя не могу трехъ словъ сказать въ разговорѣ. Я старался прочесть, что только могъ на немъ стихотворнаго отъискать; но Испанскія книги вездѣ, особенно у насъ, такъ рѣдки, что любопытство мое далеко не удовлетворилось, и потому я не могу познакомить читателей съ сей малоизвѣстной Литературой, какъ бы хотѣлось и надлежало.

Одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ, мнѣ въ руки попавшихся, напечатана въ Германіи подъ названіемъ Древней Кастильской Вивліоѳики; въ ней содержатся старинная поэма о Сидѣ, религіозныя стихотворенія Гонзало де Берсео и нѣсколько мелкихъ.

Краса Испаніи, Сидъ, точно *родился въ добрый часъ*, какъ о немъ безпрестанно въ той поэмѣ приговаривается; все про него написанное имѣетъ необычайную свѣжесть и занимательность, я думаю именно отъ того, что все правда. Во всей жизни своей, онъ пер-

---

(*) По настоящему *Кастильскій*, ибо въ Испаніи говорятъ разными нарѣчіями: въ Галиціи Португальскимъ, въ Бискаѣ Кельтическимъ, въ Каталоніи, Аррагоніи и Валенціи Прованскимъ; сіи области имѣли, и чуть теперь не имѣютъ, особую поэзію, но (иначе быть не можетъ) тѣсную объемомъ.

ваго поединка юноши за честь отца съ сильнѣйшимъ воиномъ всей Кастиліи, до тихой смерти въ глубокой старости въ завоеванномъ имъ городѣ Валенціи, онъ такъ добръ, честенъ, храбръ, уменъ, такъ счастливо родился быть любимцемъ пѣвцовъ, что къ нему невольно привяжешься со всѣмъ необыкновеннымъ чувствомъ, жадно ловишь малѣйшія подробности, боишься что нибудь пропустить, дойдя до конца жалѣешь, что скоро кончилось, и съ горя примешься опять за начало. Я покрайней мѣрѣ послѣ божественнаго Гомера не найду ничего лучше и привлекательнѣе.

Поэма, или отрывокъ поэмы до насъ дошедшей, и по всѣмъ вѣроятіямъ при жизни или вскорѣ по смерти героя написанный, обнимаетъ не всю его жизнь, но нѣсколько лѣтъ при Королѣ Альфонсѣ храбромъ; пѣсни же или романсы, собранные Гердеромъ въ числѣ семидесяти, составляютъ цѣлое жизнеописаніе; но событія, въ поэмѣ подробно и драматически представленныя, въ романсахъ нѣсколько сжаты. Со всѣмъ тѣмъ и то и другое безподобно.

Изъ подлинныхъ романсовъ извѣстны мнѣ немногіе, и жаль, что Гердеръ, при всѣхъ достоинствахъ его переложенія, не попекся болѣе о точности, и позволилъ себѣ кое-что на свой вкусъ переиначить. Сисмонди почти хвалитъ его за то, съ нѣкоторымъ, кажется, легкомысліемъ; по моему въ такой самородной поэзіи нѣтъ и не можетъ быть пороковъ: нашего вкуса, или правильнѣе сказать, нашихъ привычекъ, она знать не обязана; а мы должны, буде одарены вкусомъ чистымъ и живымъ чувствомъ прекраснаго, примѣняться къ обычаямъ старины, перенестись совершенно въ тотъ быть, забыть на время свое воспитаніе и предразсудки, имъ вкорененные; тогда вѣроятно лучшимъ покажется намъ то самое, что мы, съ ошибочной точки смотря на вещь, осмѣливаемся на-скоро осуждать.

Кромѣ романсовъ о Сидѣ, есть ихъ множество и о другихъ богатыряхъ (*), красавицахъ и пр. Слогъ и стихи тѣ же: легко быть можетъ, что одни пѣвцы ихъ сочиняли; но существенное достоинство искуствъ менѣе въ формахъ, нежели въ предметахъ, и потому Сидъ даже хорошо окруженный, не перестаетъ отъ всего отличаться. Сія первая эпоха Испанской поэзіи безъ сравненія высшая и важнѣйшая; въ послѣдствіи времени тамъ, какъ и вездѣ, подражали, и ни въ одномъ родѣ (**) перваго мѣста у сосѣдей не отбили; но — такой старины, рѣшительно скажу, послѣ Грековъ ни у одного народа не бывало.

Между тѣмъ какъ народъ и военные люди слушали и восхищались прославленіемъ въ пѣсняхъ своихъ отжившихъ молодцовъ и красныхъ дѣвушекъ, монахи, одаренные любовью къ стихамъ, посвящали свой трудъ возвеличенію чудесъ своего монастыря, своего угодника, своей иконы. Такимъ образомъ Берсео разсказалъ по порядку разныя изцѣленія, помощи и т. п., сотворенныя образомъ Богоматери, коимъ хвалился его монастырь; его прочесть крайне любопытно, въ особенности желающему познакомиться съ благочестіемъ тѣхъ давнихъ временъ. Почти невѣроятно, какъ оно не похоже на новѣйшее, и какъ бы теперь злые люди сочли за насмѣшку, дерзкую и наказанія достойную, что тогдашній набожный инокъ, съ дозволенія или по порученію своего духовнаго начальства, повѣствуетъ для утвержденія добрыхъ Католиковъ въ вѣрѣ, — для чести чудотворной Иконы и святой обители, ею богатой. Стихи Берсео большаго размѣра: de arte mayor, по четыре сряду на одну рифму, стало уже нѣсколько искуственнѣе стиховъ поэмы о Сидѣ, весьма безправильныхъ; романсы же писаны всѣ четырестопными хореями съ полурифмою на четныхъ стихахъ: 2-мъ, 4-мъ, 6-мъ и такъ далѣе.

Въ мѣлкихъ стихотвореніяхъ старо-Кастильскихъ находится немало имѣющихъ двѣ половины: вопросъ и отвѣтъ; сія форма можетъ весьма удачно быть употреблена для эпиграммъ и мадригаловъ, для всего остраго и милаго.

Во время Карла V-го сдѣланъ въ стихотвореніи Испанскомъ сильный переворотъ. Какъ у насъ Ломоносовъ отъ Нѣмцевъ, такъ Босканъ отъ Итальянцевъ заимствовалъ и утвердилъ новый размѣръ; ямбы, особенно пятистопные, вошли въ общее употребленіе, и опять какъ Ломоносовъ, Босканъ остался навсегда первымъ по времени и достоинству: также писалъ въ родѣ лирическомъ предпочтительно, и потому также теряетъ въ переводѣ, гдѣ болѣе сохраняетъ достоинства всякое приманчивое содержаніе, нежели искусный оборотъ и образцовое словосочиненіе.

Другъ Боскана, Гарсиласо, пользуется съ нимъ равнымъ, коли не бо́льшимъ уваженіемъ знатоковъ за мастерскую отдѣлку языка; сверхъ лирическихъ стиховъ извѣстенъ онъ пастушескими, менѣе изчезающими въ переложеніи, почему Сисмонди и сообщилъ изъ него часть эклоги, гдѣ два пастуха, встрѣтясь, въ горестныхъ пѣсняхъ оплакиваютъ: первый измѣну, второй смерть возлюбленной. По сличенію этого съ разсказомъ Женгене о драматической идилліи Танзила (объ ней выше упомянуто) кажется, что Испанскій Стихотворецъ переводилъ съ Итальянскаго. Если догадка моя справедлива, какая необъятная разница въ богатствѣ сихъ двухъ Литературъ! Здѣсь лучшее произведеніе перваго Поэта изъ самой блистательной по общему

(*) Знаменитѣйшій изъ нихъ древній силачъ Бернардъ дель Карпіо, яко бы задушившій въ объятіяхъ неуязвимаго Роланда въ Ронсевалѣ. Французы повѣствуютъ иначе смерть своего Паладина.

(**) *Донъ-Кихота* не съ чѣмъ сравнивать.

мнѣнію эпохи, неболѣе какъ переводъ или подражаніе бездѣлки Стихотворца, тамъ второстепеннаго, бездѣлки почти забытой, такъ что ученые не всѣ ее знаютъ. Можетъ быть, перенесенная на другой языкъ она выиграла въ выраженіи, и точно стихи Гарсиласса прелестны; но Танзилъ имѣлъ самъ блестящее дарованіе, и судя по тѣмъ его трудамъ, какіе мнѣ свѣдомы, сомнѣваюсь, чтобы и въ остальныхъ легко могъ превзойти его переводчикъ.

Славный пастушескій романъ Монтемаіора: *Діана*, извѣстенъ мнѣ только по наслышкѣ, а въ подражаніе ему написанная Сервантесомъ *Галатея* по обработкѣ Флоріана, стало еще меньше: надо молчать.

Донъ-Кихотъ извѣстенъ всѣмъ и каждому: опять бы надо молчать, если бъ не совѣстно упомянуть о такой отмѣнной, оригинальной и неподражаемой книгѣ, не отдавъ хоть мимоходомъ ей должной дани уваженія и удивленія. Чтобы Автору съ дарованіемъ вывесть *рыцаря не во время* на театръ, а Актеру умному его съиграть!

Театральныя сочиненія Сервантеса: *Нуманція* и *Торгъ въ Алжирѣ*, должны быть чрезвычайно вниманія достойны, и по генію творца, и по классическому направленію его вкуса вопреки господствующему въ его землѣ, и по сильной патріотической важности обоихъ содержаній; къ сожалѣнію, не читалъ ихъ, а чужихъ словъ на вѣру повторять не охотникъ.

Достоинства ли не достало у Сервантеса, или удачи, но публика осталась при своемъ, и предпочла ему гораздо на сценѣ двоихъ: Лопесъ де Вега и Кальдеронъ де ла Барка призваны общимъ голосомъ цѣлаго народа и рядомъ посажены на театральный престолъ; долго сидѣли они, не обижая другъ друга и пополамъ дѣля поклоненіе своихъ обожателей; даже Лопесъ по праву старшинства занималъ почетное мѣсто, какъ вдругъ Шлегель съ Нѣмцами осмѣлился на него напасть, силясь стащить для большаго простора меньшому брату. Сисмонди, человѣкъ смирный, вступился однако за обиду Лопеса, и отважился на этотъ разъ почти въ споръ войти съ обидчикомъ. Наше дѣло сторона; не вмѣшиваясь въ драку, разберемъ про себя, кто правъ.

Шлегеля причины къ нападенію очень основательны: онъ хотѣлъ свои романтическія затѣи подкрѣпить *авторитетомъ* извѣстнаго Испанскаго Драматурга, ссылкою на него доказать, что такъ должно писать, и пишутъ, не на скорую руку, а очень обдумавъ, отъ чего и выходятъ творенія, какихъ краше быть нельзя. Вольно же было Лопесу признаться торжественно въ стихахъ, что онъ пишетъ не какъ бы должно, самъ знаетъ, что всѣ его пьесы вздоръ, и поневолѣ угождаетъ безумнымъ прихотямъ безграмотной черни; вольно ему было, не дорожа своими трагедіями и комедіями, писать такъ проворно и написать такъ много, что всѣхъ собрать не смогли. Правду сказать, и Кальдеронъ на свой вѣкъ написалъ немало: напечатано 108 трагедій и комедій, да 72 духовныхъ представленій: Autos sacramentales, да *Сайнеты* (небольшія пьесы) всѣ пропали отъ небреженія, да самъ онъ подъ конецъ сбился въ счету. Не теряя присутствія духа, Шлегель толкуетъ, что вѣдь Кальдеронъ написалъ это все, и еще кучу не-драматическихъ стихотвореній, въ теченіе 66 лѣтъ, отъ 14-го до 80-го, какъ умеръ: не какъ Лопесъ, умершій въ 73 года только: слѣдственно могъ надосугѣ, не торопясь, все прилежно обдумать, что безъ сомнѣнія и сдѣлалъ. По изчисленію времени намъ кажется это весьма мудрено, а лучшая повѣрка въ самихъ пьесахъ.

По несчастію Шлегель, возпѣвая имъ прозою хвалебную пѣснь, и утверждая гуртомъ, что въ нихъ сіяетъ незакатное солнце, не почелъ за благо ни одной назвать, не только что разобрать. Опять Сисмонди вступился въ нашу бѣду, и нѣсколько пьесъ того и другаго Автора разсказалъ; только по его разсказу выходитъ не совсѣмъ то: преимуществъ Кальдерона ни въ обдуманныхъ планахъ, ни въ чувствѣ трагическомъ, ни въ характеристикѣ, ни въ разговорѣ, ни въ чемъ невидать. Лопесъ въ глазахъ Женевскаго Критика и его читателей остается неподвижно на своемъ мѣстѣ, и едва ли не выигрываетъ тѣмъ у мирянъ, что при всемъ наружномъ сходствѣ, онъ духъ имѣетъ болѣе рыцарскій, а соперникъ его монашескій.

Не довѣряя никому, и желая своими глазами взглянуть на незакатное солнце, досталъ я наконецъ два тома избраннаго Кальдеронова театра; нашелъ въ нихъ восемь пьесъ, три комедіи: *Случайныя помѣхи*, *Счастье и несчастье отъ имени* и *Несчастіе отъ голоса*, пастушескую драму: *Эхо и Нарцисъ*, и четыре трагедіи: *Благоговѣніе къ Кресту*, *Постоянный Царевичъ*, *Великая Зенобія* и *Жизнь есть сонъ*. Комедіи показались мнѣ гораздо лучше остальнаго; хотя въ нихъ характеровъ вовсе нѣтъ, и лица отличаются только по возрасту и званію, напримѣръ: старики, любовники, слуги и т. д.; равнаго же званія люди всѣ на одинъ покрой, но интрига вездѣ ведена замысловато и быстро, и разговоръ по необходимости ближе къ натурѣ, нежели у розовоперловыхъ пастуховъ и гиперболическихъ Трагиковъ. Изъ сихъ послѣднихъ, Крестомъ ознаменованный разбойникъ, и непоколебимый плѣнникъ, нѣсколько извѣстны по Сисмонди, *Зенобія* такъ запутана, что не скоро разберешь, а *Жизнь есть сонъ* постараюсь, сколько помню, съ ясностью представить.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Брошюрки, издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. No. 1. Историческій взглядъ на Эстетику.— Харьковъ. Въ Университетской типогр. 1830. (36 стран. въ 8-ю д. л.)

Подъ именемъ *Брошюрокъ*, кажется, Г-нъ Професcоръ будетъ издавать отъ времени до времени, извлеченія изъ своихъ лекцій. Предпріятіе полезное и прекрасное, достойное подражанія. Пора уже нашимъ Ученымъ перестать походить на древнихъ Египетскихъ жрецовъ, свято скрывавшихъ свои знанія отъ такъ называемыхъ Профановъ. Стараніе умножить въ общемъ оборотѣ новыя идеи у насъ еще необходимѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. У насъ еще многіе люди, обрекшіеся на обученіе юношества, смотрятъ на ходъ просвѣщенія, какъ на Буку. Имъ кажется невѣжествомъ и развратомъ все то, чего нѣтъ въ ихъ тетрадяхъ, написанныхъ тому за пятьдесятъ лѣтъ. Они убѣждены, что изъ всѣхъ наукъ одна Словесность должна не двигаться впередъ и при всемъ желаніи удержать ее на одномъ мѣстѣ, они, непримѣтно для себя, но по законамъ природы, подаются назадъ. Не возобновляя умственной дѣятельности новыми впечатлѣніями, они теряютъ свѣжесть старыхъ, и всѣ познанія ихъ наконецъ сосредоточиваются въ бѣдномъ знаніи формъ и Греческой и Латинской номенклатуры оныхъ. Посмотрите, о чемъ спорятъ наши Професcоры-критики? Они бранятъ новое сочиненіе за то, что по слѣпотѣ своей не видятъ, или по несовершенству нашихъ учебныхъ книгъ, не находятъ въ Рускихъ Піитикахъ рода, къ которому бы можно было его приписать.

Г-нъ Кронебергъ начинаетъ свое сочиненіе слѣдующими словами: «Эстетика, какъ наука, возникла въ «прошедшемъ столѣтіи у Германцевъ, въ Германіи ею «исключительно занимались. У другихъ народовъ Эсте«тика, какъ наука, не существуетъ, а если и являет«ся систематическое ученіе сего предмета, то оно «почерпнуто изъ Нѣмецкихъ источниковъ и новѣйшія «понятія о семъ предметѣ, проявляющіяся у другихъ «народовъ, должно причислить къ идеямъ, заимствен«нымъ у Германскихъ Ученыхъ. Почему Исторія Эсте«тики должна необходимо относиться къ однимъ толь«ко Нѣмцамъ.»

Не соглашаемся ни съ мнѣніемъ, ни съ заключеніемъ Г-на Професcора. Науки не рождаются изъ головы ученыхъ, какъ баснословная Минерва, нѣкогда вышедшая изъ головы Зевеса, во всеоружіи и въ совершеннолѣтіи. Съ той минуты, какъ люди стали думать и мѣняться своими мыслями, науки стали получать свои начала. Ужели въ Исторіи Политической Экономіи мы не воздадимъ главной чести Адаму Смиту, набросавшему въ безпорядкѣ почти всѣ положенія, на которыхъ въ нашихъ глазахъ основалась сія наука? Откуда Нѣмцы взяли Эстетику? Ужели они ее выдумали? Нѣтъ, они имѣли великихъ и малыхъ предшественниковъ, облегчившихъ и объяснившихъ труды ихъ. Первый Гомеръ, великанъ древняго міра, въ новѣйшемъ имѣющій равныхъ себѣ только Шекспира и Данте, этотъ создатель Поэзіи Греческой и Латинской, породилъ и первыхъ Теоретиковъ-Эстетиковъ: Аристотеля, Лонгина (не знаемъ, зачѣмъ позабытаго Г-номъ Кронебергомъ), Горація и другихъ. Во Франціи и Англіи много Ученыхъ трудилось надъ Эстетикой прежде Лесинга. Нужды нѣтъ, что труды ихъ были несовершенны: самыя ошибки ихъ стали поучительны позднѣйшимъ мыслителямъ и взглядъ на ходъ идей, наконецъ въ Германіи составившихъ нѣчто цѣлое и получившихъ форму науки, любопытенъ и необходимъ для Исторіи оной.

По нашему мнѣнію, Эстетика учитъ теоріи духовныхъ наслажденій. Нѣтъ народа, который бы не любилъ Поэзіи, Музыки, Живописи и Ваянія: слѣдственно нѣтъ народа, который бы не находилъ въ душѣ свойствъ наслаждаться прекраснымъ, своей Эстетики, вполнѣ выражающейся въ произведеніяхъ его Поэтовъ и Художниковъ. Но не вездѣ были Теоретики, пытавшіеся объяснить словами дѣйствіе изящнаго на душу. Просвѣщеніе сблизило, породнило между собою великія семейства людей и удовольствія ихъ сдѣлались общими. Изящныя искуства основали одну нераздѣльную республику; нынѣшній кодексъ ея есть сводъ всѣхъ кодексовъ частныхъ, по коимъ доселѣ разныя литературныя правительства судили и рядили въ обширныхъ областяхъ Фантазіи. Нѣмцы послѣдніе трудились надъ составленіемъ сего Уложенія. Трудъ ихъ полнѣе прочихъ, но все еще не дошелъ до совершенства возможнаго. Отдавая полную справедливость Г-ну Кронебергу, въ первой лекціи сказавшему по-Руски много новаго, мы бы не желали видѣть въ полезномъ трудѣ его нѣкотораго пристрастія, раздѣляемаго имъ со многими Нѣмецкими Критиками: пристрастія къ Англійской и Нѣмецкой Литературамъ и безотчетнаго отвращенія отъ Французской. Нѣмцамъ это простительнѣе: они долго боролись съ деспотизмомъ Французскаго Классицизма и жаръ (хотя и благородный) ихъ праваго негодованія еще не простылъ и послѣ рѣшительной побѣды. Намъ же съ признательностію и съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ можно пользоваться литературною свободой, ими добытою съ боя. Наши Эстетики должны развернуть передъ нами полную Исторію всѣхъ многоразличныхъ открытій, донынѣ сдѣланныхъ въ мірѣ Фантазіи и замѣтить себѣ, что никакою ученостію нельзя изъ безталантнаго человѣка сдѣлать Генія, но можно односторонними и пристрастными сужденіями сбить съ настоящаго пути молодой, необыкновенный талантъ и даже совершенно помѣшать его развитію.

СМѢСЬ.

Сочинитель *Письма изъ Рима къ Издателю Л. Газеты* (см. No 36) весьма справедливо замѣтилъ, что чужія литературныя ссоры, кривотолки, пристрастныя и недобросовѣстныя сужденія Критиковъ иностранныхъ, приносятъ намъ, по слабости человѣческой, «недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!*» — Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ есть что-то утѣшительное. Истинные любители Поэзіи часто досадуютъ, видя, какъ наши Лже-Критики ополчаются всѣми силами своего тупоумія противъ того или другаго изъ лучшихъ современныхъ нашихъ Поэтовъ и умышленно не хотятъ въ немъ признать истиннаго таланта, признаннаго всѣми просвѣщенными читателями. Въ утѣшеніе друзьямъ Поэзіи и правды, напомнимъ имъ приговоръ Edinburgh-Review первымъ произведеніямъ Лорда Байрона. Можетъ быть, мы угодимъ и нашимъ читателямъ, и нашимъ Критикамъ, сообщивъ имъ образчикъ прорицаній сего Эдимбургскаго Оракула Поэтовъ.

Девятнадцати-лѣтній Байронъ, вышедъ изъ Кембриджской Коллегіи, издалъ первые свои, школьные стихотворные опыты, подъ заглавіемъ: *Часы досуга*(*). Стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ этой книжкѣ, напечатанъ былъ въ Edinburgh-Review самый строгій и безпощадный разборъ, гдѣ между прочимъ Критикъ объявилъ юному Байрону, что ему никогда не бывать Поэтомъ, вклеилъ растянутую, вовсе не остроумную *юридическую* шутку на счетъ *несовершеннолѣтія*, которымъ юный Поэтъ будто бы хвалится или оправдывается въ заглавіи своихъ *Часовъ досуга* и въ отмѣткахъ времени, когда написано имъ было каждое стихотвореніе. Все это изложено въ такомъ тонѣ и въ такихъ благородныхъ выраженіяхъ, унизано такими выходками и намеками, что невольно улыбнешься и скажешь: *а! и у нихъ то же!*

Замѣчательно, что Критикъ, упоминая въ числѣ другихъ произведеній молодаго Байрона объ его стихотвореніи: *Слеза*, говоритъ: «Равнымъ образомъ *превосходные стихи* (exquisites lines) Г-на Роджерса *на Слезу*, «должны бъ были устрашить юнаго Поэта, когда онъ «вздумалъ *кропать* объ этомъ же предметѣ.» — Въ *превосходныхъ стихахъ*, о коихъ Критикъ упоминаетъ, Самуилъ Роджерсъ называетъ глазъ своей Хлои *коралловою кельей* (a coral cell), *источникомъ чувствительности* (a spring of sensibility), *маленькимъ брильянтомъ* и пр. и пр., и довершаетъ этѣ выисканныя нѣжности слѣдующимъ размышленіемъ: «Законъ, округляющій слезу «и заставляющій ее падать изъ своего источника, есть «тотъ самый, который сохраняетъ землѣ сферическій «ея видъ и указуетъ планетамъ ихъ теченіе (*).» Забавное истолкованіе *закона тяготѣнія!* Но Роджерсъ, какъ извѣстно, богатый банкиръ, живетъ въ ладу со всѣмъ литературнымъ, особливо журнальнымъ міромъ,

> «Онъ милый хлѣбосолъ, онъ къ дружеству способенъ,»

говоря стихомъ Баратынскаго; Роджерсъ пышно угощаетъ всѣхъ современныхъ Поэтовъ и Критиковъ: какъ же стихамъ его не быть *превосходными*?... Повторимъ еще: *а! и у нихъ то же!*

Альманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, на 1831-й годъ, выйдетъ въ Декабрѣ нынѣшняго года. Издатели получили уже отъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ Россійскихъ Писателей прекрасныя ихъ произведенія, въ стихахъ и прозѣ, и надѣются получить еще болѣе. Цѣна Альманаху будетъ прежняя: 12, а съ пересылкою 13 руб.

(*) Hours of Idleness, by Georges Gordon, Lord Byron a minor, Newark, 1809.

(*) That very law which moulds a tear,
And bids it trickle from its source,
That law preserves the Earth a sphere
And guides the planets in their course!
Rogers.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 2-го дня 1830 года. Цензоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ II, № 51. СЕНТЯБРЯ 8го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разсылкой 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Среду), — 8-го (въ Понедѣльникъ), — 13-го (въ Субботу), — 18-го (въ Четвертокъ), — 23-го (во Вторникъ) и 28-го (въ Воскресенье).

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО ОРІЕНТАЛИСТА.

10 Іюля 1830.

Бака. Холера-морбусъ. Дѣвичья башня въ Бакѣ. Преданіе объ Аристотелѣ и Платонѣ.

Подъ злополучною звѣздою, милый мой Францъ, началъ я свое странствованіе. Два мѣсяца протолкавшись по морю, едва 10-го прошедшаго мѣсяца прибыли мы къ здѣшнему порту. Ночью съ 25 на 26 Маія, загнанные вѣтромъ къ берегамъ Туркменскимъ, мы выдержали славную бурю: подобрали всѣ паруса, сняли гротъ-стенги и совершенно предались на волю штурма. Всѣ описанія бурь, какія ни читалъ я доселѣ, ничто въ сравненіи съ бурею, видѣнною въ открытомъ морѣ. — Корабль нашъ со скрыпомъ *накренился* и долго плылъ въ этомъ положеніи, будто какъ мертвый китъ; матросы хотѣли уже надѣвать савоны. Къ утру прояснилось и вѣтеръ насъ отнесъ на то же мѣсто, откуда мы отплыли. —

Въ Бакѣ начала свирѣпствовать Холера-морбусъ. Я видѣлъ несчастныя ея жертвы. Больной умираетъ въ ужасныхъ судорогахъ. Примѣтно сжимаются и напруживаются жилы. Руки и ноги синѣютъ, стынутъ и человѣкъ умираетъ съ отверзтыми глазами, исполненными ужаснаго блеска. Холера не прилипчива, но каждый ее пьетъ въ воздухѣ и носитъ въ себѣ, пока не развернутъ ее какія нибудь постороннія причины. Въ самомъ городѣ воздухъ тяжелъ, въ дыханіи чувствуешь тощету, въ головѣ боль и жаръ. — Персіяне весьма легко оттираютъ больныхъ и спасаютъ многихъ. Муллы собираютъ обильную жатву. Одинъ изъ нихъ видѣлъ во снѣ трехъ Сеидовъ, изъ коихъ у перваго глазъ былъ во лбу, у другаго на лицѣ, а у третьяго на шеѣ подъ бородою. Они ему сказали, что семеро ихъ пришло въ Баку; четверо пошли въ Кубу, а трое здѣсь остались и до тѣхъ поръ будутъ мучить народъ, пока всѣ жители не посѣтятъ гробницу какой-то святой Биби, находящуюся въ трехъ верстахъ оттуда и не раздадутъ обильной милостыни духовенству и Дервишамъ. Между тѣмъ отвсюду льется дождь талисмановъ, молитвъ и амулетовъ — и Холера повидимому уменьшается; по мнѣнію Мусульманъ отъ того, что посѣтили Биби, а по мнѣнію прочихъ отъ того, что строжайше запрещено продавать плоды, ягоды и выходить изъ дому на тощакъ. Какой-то Индѣецъ берется въ одну ночь истребить Холеру слѣдующимъ образомъ. Десяти или одиннадцати-лѣтняя дѣвочка должна своими руками приготовить *кладь* изъ хлопчатой бумаги, льняныхъ нитокъ и какой-то жидкости, которыя онъ самъ берется доставить, потомъ сію симпатическую кашку разбросать вокругъ цѣлаго города и ожидать дѣйствія. Какъ бы то ни было, а извѣстно, что на Востокѣ въ подобныхъ случаяхъ никакъ нельзя обойтись безъ сновъ и талисмановъ. Народъ сильно въ нихъ вѣруетъ, и иногда надобно снисходить къ симъ бреднямъ. Видъ Баки съ моря довольно красивъ. Городъ сей разположенъ на скатѣ горы у самаго берега; издали кажется огромною лѣстницей. Домы безъ крышъ, всѣ почти одного размѣра, стоятъ одинъ надъ другимъ выше и выше. Спереди высится хорошо еще сохраненная *Дѣвичья башня*, позади видны развалины зáмка Бакинскихъ Хановъ, кругомъ небольшаго города выведены красивые окопы Восточной архитектуры, въ коихъ тамъ и сямъ выглядываютъ Европейскія пушки. Ниже море, входящее въ полукруглый портъ; выше тянутся красноватыя горы, на коихъ нѣтъ никакого прозябенія, — а надо всѣмъ этимъ разкинуто ясное голубое небо. Вотъ Бака въ такомъ видѣ, какъ показалась мнѣ впервые съ палубы подходившаго къ ней корабля. Персіяне называютъ ее *Бадкубе*, т. е. *обуреваемая*, и весьма справедливо: ибо часто посѣщаютъ ее сильные и продолжительные Сѣверные вѣтры. Бака, не смотря на то, что кажется небольшимъ городкомъ, заключаетъ въ себѣ 1200 домовъ и около 5000 жителей. Войдя въ средину города, блуждаешь въ сѣти мѣлкихъ закаулковъ и такъ узкихъ, что во многихъ мѣстахъ съ трудомъ можно проѣхать. Пригоженькіе ребятишки, но весьма неопрятно одѣтые, путаются подъ ногами. Часто также снуются женщины въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ, въ цвѣтныхъ чулкахъ и въ длинныхъ пестрыхъ либо бѣлыхъ покрывалахъ, какъ у Виленскихъ Жидовокъ, и чѣмъ которая изъ нихъ пригожѣе лицемъ, тѣмъ менѣе закрывается передъ иностранцемъ, особенно если не видитъ вблизи кого нибудь изъ Мусульманъ. Но что за произхожденіе имени *Дѣвичьей башни?* Нѣкоторые приписываютъ ея построеніе Александру Великому, какъ и нѣсколькихъ другихъ поврежденныхъ башенъ на берегу Апшеронскаго мыса. Другіе переносятся въ древность еще глубочайшую. Преданіе о ней уродливое. Одинъ изъ первыхъ Бакинскихъ Хановъ влюбился въ собственную дочь, по имени Хатуну. Преслѣдуемая Хатуна, долгое время защищавшись отъ докукъ Хана, наконецъ обѣщала быть его женою, съ условіемъ, что онъ выстроитъ для нея высокую башню, откуда бы она могла удобно глядѣть на море и на городъ. Понынѣ еще показываютъ на *Наргинѣ*, то есть утесѣ, стоящемъ въ морѣ неподалеку отъ порта, остатки камней, обтесанныхъ для постройки башни. Всѣ подданные Бакинскаго Ханства трудились надъ нею, и въ нѣсколько недѣль окончили. Хатуна, съ отцемъ и придворными взошедъ на верхъ башни, бросилась съ оной и убилась до смерти. Сіе напоминаетъ еще одно преданіе Восточнаго легковѣрія. Одинъ Татаринъ разсказывалъ мнѣ съ важнымъ видомъ: «Надобно тебѣ знать, Ага, что наставникъ Зулькорнейна (Александра Великаго), мудрый Аристотель (Аристу), былъ Ширванскимъ Ханомъ, а ученикъ его Платонъ (Эльфотумъ) имѣлъ то же пожалованное ему Зулькорнейномъ Ханство и свой флотъ. Не знаю, за что сіи два ученые поссорились. Платонъ осадилъ столицу Аристотеля, лежащую при устьѣ Кира, гдѣ нынѣ Сальяны. Аристотель былъ умнѣе, и потому осада Платонова шла неудачно. Тогда онъ поднялся на хитрости. Въ то время, какъ Аристотель въ сильный полуденный зной легъ отдохнуть, Платонъ превратился въ прекраснаго голубя и прилетѣлъ къ женѣ Аристотеля. Мужъ научилъ ее языку птицъ. — Голубь до тѣхъ поръ ворковалъ, порхалъ и льстилъ, что она его полюбила и обѣщала все для него сдѣлать, чего бы онъ ни пожелалъ. Голубь хотѣлъ узнать, какимъ бы образомъ могъ Платонъ взять столицу своего врага. Жена тотъ же часъ пошла къ мужу съ вопросомъ. Аристотель сначала разсердился, и сталъ бить жену. Но потомъ, смягченный слезами ея прекрасныхъ очей, ея ласками и просьбою, открылъ ей тайну: «Оружіемъ ничего нельзя сдѣлать моему городу. Но есть другое средство. У самаго устья Итыля (Волги) есть большая гора, которую если разрыть, то Итыль выступитъ изъ береговъ, море подымется и зальетъ весь берегъ отъ Кира до самой Баки.» Платонъ не замедлилъ симъ возпользоваться. Аристотель, потерявъ столицу и войско, бѣжалъ въ горы искать новыхъ себѣ союзниковъ. Недолго однако Платонъ торжествовалъ въ Бакѣ. Съ первою весною явилось передъ Бакою нѣсколько кораблей, подъ предводительствомъ Аристотеля. Платонъ, разбитый на голову, ушелъ съ нѣсколькими придворными въ Дѣвичью башню. Аристотель, завидя его тамъ сквозь пробоину башни, навелъ зажигательныя зеркала, и до тѣхъ поръ освѣщалъ и жегъ, пока непріятель не сдался.» —

Не извѣстно, какъ древни, но нынѣ видны еще слѣды наводненія, нѣкогда постигшаго часть Баки; и теперь еще по лѣвую сторону порта стоятъ въ водѣ остатки стѣнъ и столповъ Караванъ-Сарая, и часто достаютъ изъ воды камни съ надписями, надгробные памятники и т. п. — Какъ тебѣ кажутся имена Греческихъ Философовъ и сказаніе о вогнутыхъ зеркалахъ Архимеда, въ устахъ Бакинскаго Татарина?

(Изъ: Tygodnik Petersburski.)

В. Романовичъ.

ИМЯ.

Есть имя тайнаго значенья,
Невыразимой красоты,
Въ немъ всѣ восторги упоенья
Вся прелесть чувства и мечты.

Одной душѣ оно такъ страстно,
Такъ выразительно звучитъ,
Во всѣхъ устахъ равно прекрасно
Языкомъ сердца говоритъ.

Сей звукъ волшебенъ, какъ отчизны
Для странника напѣвъ родной,
Онъ сладокъ, какъ источникъ жизни
Въ странѣ безводной и глухой.

При звукѣ семъ всегда волненье
Тотъ смертный чувствуетъ въ крови,
Кто отъ людей таитъ мученье
И слезы пламенной любви.

Всегда стремленьемъ неизвѣстнымъ
Полна тоской страдальца грудь,
Когда объ имени прелестнымъ
При немъ помянетъ кто нибудь.

*Б****

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РАЗБОРЫ.

(*Окончаніе.*)

Польскій Король Василій, великій мудрецъ, любилъ паче всего таинственныя науки, посредствомъ коихъ открывается будущее, и гадая узналъ, что сынъ, въ утробѣ Королевою носимый, злое чудовище, ногами попретъ голову отца, свергнетъ его съ престола, и надѣлаетъ множество вредныхъ и дурныхъ дѣлъ. Желая все сіе предотвратить, Король заключилъ сына едва рожденнаго въ крѣпкій за̀мокъ, поручивъ его смотрѣнію строгаго и недремнаго пѣстуна, который держитъ его въ цѣпяхъ, водитъ въ звѣриныхъ кожахъ, не пускаетъ никуда, и всѣхъ подъ смертнымъ опасеніемъ удаляетъ отъ за̀мка и затворника. Сей неумолимый стражъ любилъ въ свое время нѣкую Віоланту, которая по обстоятельствамъ давно уже съ нимъ принуждена была разлучиться и бѣжать на чужбину; еще тогда далъ онъ ей свой мечъ, по которому современемъ узнаетъ имѣющаго родиться отъ нея ребенка. Король же Василій овдовѣлъ, бездѣтенъ, старѣется, и желаетъ наслѣдство свое передать сыну сестры, Астольфу Князю Московскому, женивъ его на дочери брата, Королевнѣ Эстрелѣ или Звѣздѣ. Астольфъ за тѣмъ и пріѣзжаетъ въ Краковъ, но онъ не добро сотворилъ на Москвѣ, обесчестилъ дѣвушку по имени Розауру; она же свѣдавъ, куда и зачѣмъ измѣнникъ, бросивъ ее, отправился, переодѣвается мужчиной и сама идетъ его отыскивать. Заблудясь дорогою, попадаетъ она на завѣтный за̀мокъ, и нечаянно встрѣчается съ Сигизмундомъ (такъ зовутъ Королевича), гулявшимъ въ то время вокругъ стѣнъ безъ надсмотрщика. Онъ, хотя и по природѣ и по воспитанію звѣрь, однако умиляется при видѣ прекраснаго юноши, жалуется ему на жестокость, какую терпитъ безвинно, дружится и проситъ помощи; на ту пору приходитъ начальникъ за̀мка, съ гнѣвомъ усылаетъ Королевича въ его темницу, и не зная, умертвить ли вдругъ нескромнаго пришельца, проникнувшаго важную тайну, или пощадить ради молодости и красоты, рѣшается на первый случай взять его подъ стражу и требуетъ меча; тотъ подаетъ, и что же? Это мечъ, отданный нѣкогда Віолантѣ, этотъ юноша его сынъ. Тутъ признаніе отца, потомъ признаніе Розауры, что она дочь, а не сынъ, и всѣ ея Московскія несчастія, которыя она надѣется поправить съ помощію Бога и родителя; онъ въ недоумѣніи уводитъ ее съ собой къ Королю обо всемъ доложить и спросить дальнѣйшихъ повелѣній. Король самъ не на радостяхъ, всѣ его замыслы не удаются и никому не нравятся: Астольфъ холоденъ къ невѣстѣ и груститъ по Розаурѣ, Королевна Звѣзда подозрѣваетъ, что онъ влюбленъ въ другую и ревнуетъ, а пуще всего народъ Польскій слышать не хочетъ о чужомъ Государѣ, и требуетъ непремѣнно своего природнаго наслѣдника. Василій принужденъ уступить общему желанію; но чтобы всѣ видѣли, какого вреда они себѣ ищутъ, вымышляетъ такую хитрость: Сигизмунда соннымъ зеліемъ напоить, во снѣ великолѣпно одѣть, привезти во дворецъ, посадить на престолъ, а когда проснется, поздравить его Королемъ, и дать волю: что будетъ? Коли онъ поведетъ себя хорошо, слава Богу! коли нѣтъ, его усыпятъ снова, раздѣнутъ, отвезутъ въ темницу, скуютъ, а буде онъ помянетъ старое, скажутъ и увѣрятъ, что онъ все видѣлъ во снѣ. По Королевской выдумкѣ все исполнено, и проснувшійся Сигизмундъ, видя, что ему кланяются и служатъ, очень скоро привыкаетъ къ самодержавію; даже такъ неограниченно имъ пользуется, что одного изъ придворныхъ, кому не въ добрый часъ препоручили напоминать Королевичу о невѣрности сновъ, выкидываетъ изъ окна, въ доказательство, что онъ не спитъ, требуетъ, чтобъ отецъ лобызалъ ему ноги, а на Звѣзду и Розауру (*) такъ наступаетъ, что его едва могутъ удержать. Король Василій, опытомъ убѣжденный, что онъ правъ, довершаетъ свой планъ, и усыпленный Королевичъ возвращается въ первобытное состояніе. Второе пробужденіе хуже перваго: отчаянный Сигизмундъ долго вѣрить не хочетъ, чтобы онъ былъ Королемъ не на яву; но ему смотритель его столько это повторяетъ, что онъ самъ приходитъ въ недоумѣніе, и предается на единѣ очень пространнымъ размышленіямъ о жизни и о снѣ, заключая, что жизнь есть сонъ. Между тѣмъ недовольныя Королемъ войска вооруженной рукою освобождаютъ его сына изъ заточенія, и провозглашаютъ Государемъ; Розаура, желая отмстить невѣрному обольстителю, изъ чьихъ рукъ хитростью обратно получила слишкомъ неосторожно въ Москвѣ подаренный портретъ, въ полувоинскомъ нарядѣ присоединяется къ Сигизмунду. Василій со своей стороны собираетъ рать; происходитъ сраженіе, Королевичъ остается побѣдителемъ, и всѣ противники у него въ полону. Тутъ старый Король, увѣрясь, что съ судьбой спорить неразумно, въ исполненіе предсказаній, упадаетъ въ ноги сыну, и во всемъ приноситъ покаяніе. Сигизмундъ оставляетъ, правда, за собою Королевство, но впрочемъ прощаетъ отца, велитъ Московскому Князю загладить бракомъ свою вину передъ Розаурой, самъ женится на Королевнѣ Звѣздѣ, хвалитъ и награждаетъ прежняго своего мучителя, вѣрнаго слугу Государева, и немилосердо казнитъ гоиновъ-бунтовщиковъ, его изведшихъ на волю и добывшихъ ему престолъ. Кончаетъ

(*) Розаура, уже въ женскомъ платьи, взята Королевною въ подруги; между ими и Астольфомъ завязывается эпизодическая интрига, довольно тонкая и театральная онъ всѣ распоряженія и трагедію любимымъ размышленіемъ: Жизнь есть сонъ.

Удержусь отъ всякихъ сужденій, и только спрошу: для сихъ ли красотъ романтическихъ должны мы переворотить всю систему нашего театра, согнать съ него все донынѣ сдѣланное, и въ то время, когда всего болѣе можно ожидать успѣховъ, когда онъ изъ младенчества началъ переходить въ юношество, когда лепетанье его почти образовалось въ стройный, правильный и одушевленный чувствомъ языкъ, отказаться отъ плода, многими годами готовленнаго и къ зрѣлости близкаго, съ корнемъ вырвать дерево, несомнѣнно пустившее нѣсколько счастливыхъ отраслей, и вмѣсто его посѣять благую траву Кальдерона и Нѣмецкихъ его подражателей?

Испанцы имѣютъ еще совсѣмъ особый родъ драмъ духовныхъ, именуемыхъ Autos sacramentales; въ нихъ часто выводятся аллегорическія лица: Жидовская школа, Ересь, Безвѣріе и т. п. Имъ доказываетъ по очереди какой нибудь преподобный истину Римско-Католическаго ученія, тѣ не соглашаются и спорятъ; безъ пользы тратитъ онъ всѣ разсужденія, они свое несутъ; наконецъ, видя ихъ упорство, святой мужъ выходитъ изъ терпѣнія, беретъ палку, и пошелъ колотить, пока они приклонятъ повинную. Противъ такихъ сильныхъ доказательствъ явное безуміе упрямиться, особенно въ землѣ, гдѣ господствуетъ инквизиція; но какое понятіе имѣть о просвѣщеніи авторовъ и публики, когда одни серіозно представляютъ, а другіе съ восторгомъ и благоговѣніемъ видятъ: что же? встрѣчу Созія съ Меркуріемъ изъ *Амфитріона*.

Ошибутся однако, заключивъ изъ моихъ словъ, что я презираю Испанскій театръ, либо совѣтую его не читать; напротивъ: всякое свѣдѣніе бываетъ умному въ пользу; и хотя бы въ огромномъ запасѣ сей драматической словесности не было ни одной пьесы вполнѣ хорошей, почти вѣрно, что въ очень многихъ хранятся частныя красоты всѣхъ родовъ. Въ искуствѣ завязки и сходномъ изображеніи временъ рыцарства онѣ едва ли не могутъ служить образцами; много заимствовали изъ нихъ Французы въ первую половину XVII-го вѣка: довольно одного Корнелева *Сида* въ свидѣтельство, какое драгоцѣнное золото тамъ таится, а изчерпать такой обильной руды долго нельзя. Только систему ихъ я почитаю не дѣльною, а поспѣшность, съ которою, благодаря ей, ихъ Поэты писали, несомнѣннымъ способомъ имѣть много всего и ничего хорошаго.

Изъ прочихъ стихотвореній на языкѣ Кастильскомъ, извѣстны мнѣ только анакреонтическія Вильегаса, изъ коихъ есть точно прелестныя. По слухамъ знаю, конечно, и *Араукану*; но о большой поэмѣ по слухамъ не судятъ.

Такая поэма одна прославила языкъ Португальскій. Великій Камоэнсъ (смѣло называю такъ Поэта, прежде всѣхъ въ новыя времена создавшаго эпопею, ибо Данте не совсѣмъ то, Аріостъ шутилъ, а Тассъ издалъ свою послѣ) былъ несчастнѣйшій человѣкъ, истинный страстотерпецъ. Не погрѣшности его понять мудрено, а высокія красоты, съ ними смѣшанныя, постоянство труда при всѣхъ во всемъ неудачахъ, и почти совершенное достоинство стиховъ, покрайней мѣрѣ въ лучшихъ мѣстахъ: его октавы не боятся сравненія.

Олицетвореніе Мыса Бурь въ видѣ исполина, грозящаго дерзновеннымъ пловцамъ, впервые осмѣлившимся мимо его въ дальнѣйшій путь, вещь перваго достоинства, величіемъ изумляющая воображеніе. Съ симъ наравнѣ обыкновенно хвалятъ повѣсть о смерти Инесы де Кастро; но не одна Инеса, а весь разсказъ Португальской Исторіи, въ коей находится и она, заслуживаетъ по всему большое уваженіе.

Кстати объ Инесѣ: замѣчу мимоходомъ неосновательность сужденій многихъ Критиковъ, часто поддерживаемыхъ публикою. Всѣ хвалили Ламота, сдѣлавшаго изъ Инесы трагедію, за удачное отступленіе отъ Исторіи въ развязкѣ; его выдумку приняли, перенесли въ оперы и балеты, такъ что настоящаго событія многіе и не знаютъ. Но развѣ все равно: что женщина, отравленная ядомъ отъ завистливой матери ея соперницы, что подданная, тайнымъ бракомъ сопряженная съ наслѣдникомъ престола, гласомъ всего народа за безчестіе державнаго семейства осужденная, и необузданными въ честолюбіи и гнѣвѣ боярами немилосердо при глазахъ самого Государя, свекра ея, зарѣзанная? Первое: пошлое, въ драмахъ и романахъ истасканное злодѣйство; и съ чего тутъ Инеса де Кастро? Второе: необыкновенное истинное произшествіе, носящее на себѣ печать своего времени, блестящаго въ грубости и почтеннаго въ свирѣпости.

Сисмонди отмѣнно высоко ставитъ Португальскую трагедію: *Инесу*, сочиненія Ферейры: судя по разсказу его, довольно обстоятельному, она должна быть хороша; появленіе же ея нѣсколько лѣтъ послѣ Триссиновой *Софинизбы*, то есть при самомъ возрожденіи искуства, и классическое расположеніе, дѣлаютъ ее для меня весьма любопытною; но гдѣ достать?

Существуетъ ли теперь Поэзія на полуостровѣ Пиренейскомъ? Сія бѣдственная страна, три столѣтія подавляемая суевѣріемъ и деспотизмомъ, въ наши дни въ нѣсколько пріемовъ заливалася кровью. Правнуки героевъ, проложившихъ путь на Западъ и Востокъ, гремѣвшихъ славою по цѣлому міру, стѣснены и бѣдны; мало слышно о нихъ въ дѣлахъ политическихъ, ничего въ художествахъ и наукахъ. По сравненію съ симъ ничтожествомъ, эпоха Кальдерона, Рехаса и Морета золотой вѣкъ; но едва ли не слѣпому фанатизму ея, въ сочиненіяхъ ихъ очевидному, должно приписать и неминуемыя жалкія оного послѣдствія.

ОТВѢТЪ ДОКТОРА ШТЮРМЕРА

Г-ну Статскому Совѣтнику Гречу.

Цѣлое прошедшее лѣто на поляхъ Руской Литтературы пылала неукротимая, но полезная для науки война между Издателемъ Сѣверной Пчелы и Петербургскими Медиками. Предметомъ спора ихъ былъ Французскій Докторъ Сапъ, недавно пріѣхавшій въ Россію и нѣсколько разъ здѣсь пробовавшій новоизобрѣтенный способъ операціи каменной болѣзни посредствомъ сверленія. Неумѣренныя похвалы Сѣверной Пчелы симъ операціямъ и забавное хвастовство Доктора Парижскаго и Монпельерскаго Фекультетовъ, съ большею частію своихъ единоземцевъ все еще почитающаго насъ за древнихъ Скиѳовъ, возбудили отъ слишкомъ летаргическаго сна нѣкоторыхъ ученыхъ Докторовъ нашихъ и они, къ удовольствію благонамѣренныхъ людей, заспорили о предметѣ, приведеніе коего въ ясность можетъ отъ нѣсколькихъ тысячь смертныхъ отдалить неизбѣжную и печальную минуту вѣчнаго разставанія съ міромъ, любезнымъ намъ не смотря на всѣ его несовершенства. Очень жалко, что извѣстнѣйшіе Хирурги, имена которыхъ поминутно повторяли въ защиту свою обѣ стороны спорящихся, хранятъ мертвое и едва ли извинительное молчаніе. Истина, которая заставила насъ сдѣлать сіе замѣчаніе, должна бы, кажется, и ихъ побудить къ объявленію своего мнѣнія и къ окончанію дѣла сего полезнымъ заключеніемъ. Ужь не боятся ли они *вѣжливаго тона* Критиковъ и Антикритиковъ Сѣверной Пчелы и Сына Отечества? — Пока мы, откинувъ въ сторону всѣ смѣшныя и неприличныя выходки обѣихъ партій, почерпнули изъ спора сего слѣдующую истину: хорошій Медикъ или Хирургъ не долженъ держаться одной какой нибудь системы, одного способа; нѣтъ, ему нужно всѣ системы, всѣ способы знать и не больныхъ подводить подъ одинъ законъ, а къ больнымъ приноравливать многоразличныя свои знанія.

Соглашаясь на справедливое требованіе Господина Доктора Штюрмера, мы даемъ мѣсто въ нашей газетѣ статьѣ его, въ которой онъ защищается отъ жестокихъ нападковъ Изд. *Сына Отечества.*

> Injurier n'est pas répondre.
>
> Machiavel, traduit par Mazères.

Всякой принимающій въ семъ спорѣ участіе, пусть пройдетъ здѣсь со мною отвѣтъ Г. Издателя Сѣверной Пчелы и Сына Отечества на мое къ нему письмо.

1) ***Издатель Сына О.*** приведши нѣсколько мѣстъ изъ Французкаго свидѣтельства объ операціи Г. Сапа, присовокупляетъ: « Могъ ли я, имѣя въ виду сіи слова, написать, что Г. К. не излеченъ, и если излеченъ, то нескоро и тяжело? «

Отвѣтъ. Уже въ первомъ моемъ письмѣ объяснено, что подъ сими медицинскими выраженіями разумѣть должно: а именно, что операція просверливанія одного камня довольно счастливо произведена. Если вы, М. Г., мнѣ не вѣрите, извольте спросить всѣ Медицинскіе Факультеты: они вамъ то же самое скажутъ. —

2) ***Издатель Сына О.*** » Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ, я отнюдь не зналъ, что manger et boire comme à l'ordinaire, prendre les aliments comme à l'ordinaire, — значитъ: *питаться только самыми легкими яствами и воздерживаться отъ всякихъ разгорячительныхъ напитковъ.* Ужели вы не видите, Г. Докторъ, что если тутъ была какая-либо ошибка, то она заключалась въ изложеніи самаго подлинника, а не въ переводѣ,» и проч.

Отвѣтъ. Во Французскомъ подлинникѣ не написано просто: prendre les aliments comme à l'ordinaire, manger et boire comme à l'ordinaire; но сказано: *le malade* a mangé et bu comme à l'ordinaire, и сей пунктъ вамъ уже объясненъ; прибавлю только: если какой нибудь безграмотный человѣкъ, которому я прописалъ рецептъ, несчитая впрочемъ за нужное дать ему діететическое наставленіе, спрашиваетъ меня: « А пить и ѣсть все можно? » то не долженъ ли ученый грамотѣй, ежели не хочетъ покривить совѣстью, сознаться, что здѣсь: le malade a mangé et bu comme à l'ordinaire, значило бы не что иное, какъ: больной не наблюдалъ никакой діеты? Передумайте еще разъ, и вѣрно согласитесь, что промахъ не въ оригиналѣ, а въ переводѣ. —

3) ***Издатель Сына О.*** разсуждаетъ о боли и лихорадкахъ! —

Отвѣтъ. Какъ вы сами неоднократно изволили сознаваться, что не имѣете никакихъ познаній въ Медицинѣ, то не прогнѣвайтесь, если мнѣ при семъ, а равно и при всякомъ дальнѣйшемъ медицинскомъ умствованіи съ вашей стороны, по неволѣ приходитъ на память старинная Латинская пословица: ne sutor ultra crepidam (*) Всѣ подобныя статьи оставлю я безъ отвѣта.

Издатель Сына О. 1 продолжаетъ: « Я и готовъ « сознаться, что въ семъ случаѣ ошибся, если бы мнѣ сіе « было доказано хладнокровно и безпристрастно; но про« тивники мои (*кто же? одинъ безымянный Д. М. и Х.*) « старались опровергнуть самыя очевидныя и несомнѣн« ныя истины, такъ что и я увѣренія ихъ, будто боль-

---

(*) Смыслъ сей пословицы соотвѣтствуетъ смыслу Руской: « Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

«пой чувствовалъ при операціи жестокую боль, могъ «и долженъ былъ принять за изобрѣтеніе.»

Отвѣтъ. Что безъименный Д. М. и Х. никакихъ очевидныхъ истинъ не опровергалъ, это уже доказано вамъ; а если бъ оно не было такъ, не ужели вы, видя, что противникъ вашъ не говоритъ правды и не поступаетъ противъ васъ хладнокровно и безпристрастно, должны отплачивать ему тою же монетою?

4) *Издатель Сына О.* «Да помилуйте, долголи мнѣ «толковать, что Г. Сятъ дѣйствительно привезъ «искуство камнесверленія въ наше отечество и что «онъ первый успѣшно совершилъ сію операцію въ С. «Петербургѣ? Когда мнѣ доказано будетъ, что кто-«либо прежде Г. Сата успѣшно совершилъ здѣсь въ «Петербургѣ операцію камнесверленія, тогда только «соглашусь, что я ошибся и вы пишете правду.—

Отвѣтъ. Если дѣло идетъ только о томъ, то нетрудно опровергнуть васъ собственными вашими доводами; а потому вторично васъ спрашиваю: съ какимъ же успѣхомъ Г. Сатъ произвелъ сію операцію? Не вы ли сами напечатали въ Сѣверной Пчелѣ письмо Г. Сата, который самъ сомнѣвается въ совершенномъ успѣхѣ сей операціи? Въ дополненіе могу вамъ сообщить теперь, что одинъ изъ отличнѣйшихъ Хирурговъ нашей столицы на дняхъ удостовѣрился, что дѣйствительно остался еще камень въ пузырѣ Г-на К.

Издатель Сына О. «(продолжаетъ:) «Вы и другіе «ссылаетесь на то, что кто-то прежде Г. Сата произ«водилъ здѣсь сію операцію и переморилъ всѣхъ своихъ «больныхъ. Изтыкать мочевой пузырь не значитъ вы«лечить отъ каменной болѣзни.

Отвѣтъ. Этотъ *кто-то*, какъ вамъ самимъ извѣстно, былъ Г. Загю. Операція его, правда, кончилась неблагопріятно, но ни первѣйшіе Хорурги, ни опытнѣйшіе Доктора не хотѣли и не могли приписать причину сего неловкости Оператора, и вы, М. Г., вовсе несвѣдующіе въ Медицинской наукѣ, не колеблетесь обвинять Г. Загю въ неискуствѣ?... Вслѣдъ за симъ *Издатель Сына Отечества*, снова увлекаемый непреодолимою своею страстью судить о Медицинѣ, мечтаетъ о новомъ и легчайшемъ способѣ производить хирургическія операціи посредствомъ пушечныхъ ядеръ.

5. *Издатель Сына О.* на няти страницахъ повторяетъ и повѣряетъ мой разсчетъ, уличаетъ меня въ погрѣшности, сдѣланной мною въ ссылкахъ пропорцій, выставляетъ новое изложеніе сего разсчета и присовокупляетъ: «Я вижу изъэтого только, что вамъ неиз«вѣстны правила Ариѳметики, что вы не умѣли разо«брать, что цѣлое и что часть. Вы, можетъ быть, «человѣкъ самый справедливый и благонамѣренный; но «признаюсь, я ни за что не избралъ бы себѣ врача, «незнающаго Ариѳметики: вмѣсто того, что бы смѣ«тать 65 капель съ 25, онъ возьметъ 40 и 25 капель, «полагая, что это все равно. Слуга покорный!«

Отвѣтъ. Ваше послѣднее вычисленіе по наружности конечно справедливо; но въ отношеніи къ спорному предмету тѣмъ не менѣе ложно. По вашему «всѣ толкованія «о большемъ или меньшемъ раздраженіи больныхъ излиш«ни;« но объ этомъ здѣсь именно идетъ дѣло: — ибо вы изъ содержанія, что на 17 подвергнутыхъ сначала попыткамъ камнесверленія, а потомъ камнесѣченію, умираютъ 9, хотѣли доказать выгоду новаго способа передъ старымъ. Пропорціи 17:9=100:52 $\frac{16}{17}$ оказываетъ, что изъ ста подвергнутыхъ сначала попыткамъ литотритіи, а послѣ литотомической операціи, умерло бы 52 $\frac{16}{17}$, между тѣмъ какъ изъ больныхъ, безъ выбора подвергаемыхъ камнесѣченію, умираютъ, по вычисленіямъ извѣстнѣйшихъ хирургическихъ Писателей, изо ста только восемь и слѣдовательно, если бы пришло кому нибудь въ голову, повѣрить на самомъ опытѣ нашъ споръ о цифрахъ, то въ честь вами защищаемой методы пало бы жертвой 44 человѣка лишнихъ. Но, слава Богу! мы можемъ заниматься, сколько хотимъ, цифрами: живой организмъ повинуется другимъ законамъ, нежели ариѳметическимъ, и пульсы жизни бьются иначе, нежели Метрономъ Мельцеля.

Издатель Сына О. «Не надо быть великимъ Хирур«гомъ, чтобы видѣть и доказать неправильность сего «толкованія.» Слѣдуетъ новое медицинское сужденіе о 17 больныхъ, не принимаемыхъ Докторомъ Сивіалемъ, и о выгодахъ литотритіи передъ литотоміей.

Издатель Сына О. «Къ письму Г. Громова замѣча«нія мои могли быть или справедливыя или несправед«ливыя; въ первомъ случаѣ вы не преминули бы дока«зать несправедливость оныхъ. Но какъ вы на сіе не «отважились; то я въ правѣ думать, что въ замѣча«ніяхъ говорилъ правду. —

Отвѣтъ. Часто не дѣлаютъ замѣчаній, потому что считаютъ сіе излишнимъ; но какъ вы сего столь упорно требуете, то могу симъ услужить вамъ. И потому позвольте на ваши замѣчанія къ письму Его Превосходительства Г. Громова, сдѣлать мои.

a. *Изъ письма Г-на Громова:* Россійскіе врачи давно уже знакомы съ операціею камнесверленія и съ инструментами. —

b. *Издатель Сѣверной Пчелы.* По наслышкѣ.

Я. Не по наслышкѣ, а отчасти изъ книгъ, отчасти по собственной наглядкѣ, ибо Г. Зазю производилъ операцію въ присутствіи многихъ врачей. Къ тому же инструменты для литотритіи заготовлялись на Аптекарскомъ острову долго до прибытія къ намъ Г. Сата.—

d. *Изъ письма Г. Громова:* Г. Загю года за два дѣлалъ предъ симъ сію операцію въ С. Петербургѣ. —

e. *Издатель Сѣверной Пчелы.* Да съ успѣхомъ ли?

Я. Смотрите отвѣтъ въ 4-мъ пунктѣ сего моего письма.

f. *Изъ письма Г. Громова.* Не безъизвѣстно, что и мы имѣемъ таковыхъ Операторовъ, которые по своей части сдѣлали бы честь и самой Франціи.

g. *Издатель Сѣверной Пчелы.* Это правда. Если бы имъ случилось быть во Франціи, то имъ конечно отдали бы справедливость, и не стали бы унижать, какъ въ письмѣ Д. М. и Х.

Я. Замѣчаніе, недоказывающее ни pro ни contra Г. Громова, слѣдовательно пустое.

i. *Изъ письма Г. Громова.* Г. К. (больной) не освободился вовсе отъ своихъ припадковъ и отнюдь не находится въ томъ спокойномъ состояніи, въ каковомъ вамъ его представили.

I. *Издатель Сѣверной Пчелы.* Такъ написано въ вышеприведенной бумагѣ.

Я. Что не написано такъ, уже вамъ доказано.

l. *Изъ письма Г. Громова.* Напечатавъ сіи строки въ вашемъ Журналѣ, вы нѣкоторымъ образомъ загладите несправедливость, противу врачей нашихъ неумышленно вами учиненную. —

n. *Издатель Сѣверной Пчелы.* Мы тогда поступали бы несправедливо, когда бы усомнились въ свидѣтельствѣ отличныхъ врачей здѣшней столицы. —

Я. Смотрите Примѣчаніе на строкѣ 10-й сей страницы.

Издатель Сѣверной Пчелы и Сына Отечества «Въ письмѣ ко мнѣ и въ слѣдующемъ за онымъ по-«сланіи къ Г. Сашу, вы требуете безусловно уваженія «къ мнѣніямъ Г. Доктора Громова, потому что онъ «посѣдѣлъ на практикѣ и на каѳедрѣ, потому что Ге-«нералъ-Штабъ-Докторъ и проч.

Отвѣтъ.

Не по этой причинѣ, а потому, что вамъ и Г. Сашу доказана неосновательность всего того, что вы напечатали. Subjacit error in logica et dialectica.

* * *

Изъ всего вышесказаннаго всякой усмотрѣть можетъ, что вы, М. Г., нетолько не опровергнули своего антагониста, но еще подкрѣпили его доводы. —

Вмѣсто того, чтобы оправдать себя, вы написали 12 страницъ, въ которыхъ не доказали ничего важнаго, кромѣ незначительной погрѣшности въ ссылкахъ пропорцій, которая впрочемъ нимало не обезображиваетъ главной истины и вовсе не такъ важна, чтобы пророчествовать мнѣ совершенный упадокъ моей практики; тогда какъ искаженіе чужихъ доводовъ, и критики, подобныя вами написанной, легко могутъ повредить славѣ, вами пріобрѣтенной на поприщѣ Словесности. Citius emergit veritas ex errore, quam ex confusione. Baco a Verulam.

Опровергнуто ли вами основательнымъ образомъ хотя одно изъ моихъ возраженій? Не будучи въ силахъ сдѣлать сіе, вы прибѣгнули къ неумѣстнымъ личностямъ, язвительнымъ колкостямъ и схоластическимъ увертками. Въ примѣръ сего привожу здѣсь только конецъ грознаго вашего посланія: «Представьте себѣ, что «какой нибудь дюжинный Литераторъ, желая поддѣлать-«ся ко мнѣ, скажетъ вамъ: дозвольте мнѣ сказать, что «замѣчаніе, которое вы сами, доказывающіе невѣдѣніе «свое въ начальныхъ правилахъ Ариѳметики, дѣлаете «на чисто-грамматическія статьи извѣстнаго Писате-«ля, Члена разныхъ Академій и Ученыхъ обществъ, Сочи-«нителя трехъ Рускихъ Грамматикъ, человѣка съ про-«сѣдью на вискахъ и въ бакенбардахъ, вовсе неумѣст-»ны: чтобы вы ему на это отвѣчали? Запишите у «себя... Я плохой Медикъ, вы плохой Писатель; но я «никого не лечу, не лечилъ и лечить не буду. Совѣтую «и вамъ не заниматься тѣмъ, чего вы не знаете, то «есть писаніемъ; болѣе всего берегитесь выказывать «познанія свои въ Ариѳметикѣ: это средство лишить-«ся своей практики.»

Нуждается ли истина въ такихъ доказательствахъ? Вы обвиняли меня, что я выѣхалъ на состязаніе съ тупымъ копьемъ на гниломъ древкѣ: какими же оружіями вы сражались, когда не могли опровергнуть такого слабаго противника? Я признаюсь, что вовсе не принимаю на свой счетъ всѣхъ употребленныхъ вами оскорбительныхъ выраженій; какъ врачъ, вижу въ оныхъ только изліяніе желчи раздраженнаго Писателя. Таковъ всегда бываетъ тонъ обыкновенныхъ, мѣлочныхъ Рецензентовъ. Истинный Критикъ, со всеобъемлющимъ духомъ, любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ изслѣдываетъ самую сущность дѣла, спокойно и благороднымъ тономъ произноситъ свои убѣжденія; его искуство основано на незыблемыхъ началахъ Философіи. Такъ критиковали Винкельманнъ, Гердеръ и Шлегель. Мѣлочной Критикъ, напротивъ (Krittler, Kritikaſtler), будучи пристрастенъ, безпокоенъ духомъ, неугомоненъ, схватываетъ однѣ только наружныя случайности, изкажаетъ по-своему отдѣльныя мысли, слова и выраженія, никогда не сознается въ своихъ ошибкахъ; все его искуство состоитъ въ бранчивой діалектикѣ и изысканной схоластикѣ, прикрашенной нѣкоторыми простонародными изреченіями. Ему нѣтъ нужды до самаго ядра, а до одной только скорлупы; онъ имѣетъ въ виду не самое дѣло, а только лице, противъ коего онъ обращаетъ оружіе своихъ мнимыхъ остротъ и желчной колкости, и съ торжествомъ восклицаетъ: «Такого-то я славно отдѣлалъ!» Онъ похожъ на ребенка, который срываетъ тамъ и сямъ листочекъ, стебелекъ, шипокъ или репейникъ, сажаетъ все въ землю и такимъ образомъ создавъ себѣ свой маленькой садикъ, гордо величается въ своемъ созданіи; разъѣзжая на конькѣ, храбро машетъ вокругъ себя деревянной саблей и считаетъ, что нѣтъ никого величавѣе и славнѣе его на свѣтѣ. Но малѣйшій порывъ вѣтра или непогода низпровергаетъ шаткое зданіе его величія, и въ добавокъ, неумолимый наставникъ (время) наказываетъ малютку за его безумныя начинанія.

Надѣюсь, М. Г., что вы безъ огорченія примете здѣсь откровенное мнѣніе молодаго ученика Эскулапова о предметѣ нашего спора, мнѣніе, которое, я полагаю, всякой разумный Врачъ со мною раздѣляетъ. Если же вы, можетъ быть, придерживаясь поговорки: «Кто послѣдній молвилъ, тотъ и правъ,» будете еще утверждать справедливость противнаго, то я, признаюсь, охотно предоставлю вамъ сіе торжество. Честь имѣю быть и проч.

Докторъ Медицины и Хирургіи Штюрмеръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Исторія Рускаго народа, сочиненіе Николая Полеваго. Томъ второй. — М. въ типогр. Августа Семена. (472 стр. въ 8-ю д. л.)

Второй томъ *Исторіи Рускаго народа*, вышелъ въ свѣтъ и раздается подписавшимся. Сочинителю остается издать, къ концу нынѣшняго года, остальные *десять томовъ*. Мы увѣрены, что всѣ сіи томы уже написаны и что какія нибудь типографическія затрудненія замедлили появленіе нынѣ вышедшаго 2-го; увѣрены, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ Журналистовъ, что Г. Полевой не сталъ бы собирать подписку и деньги за такую книгу, которая у него еще въ умѣ, а не на бумагѣ. Въ противномъ случаѣ, онъ конечно поступилъ бы прямодушнѣе съ подписчиками своими, и вмѣсто объявленія объ Исторіи, уже готовой и доведенной до Адріанопольскаго Трактата, онъ напечаталъ бы свое объявленіе въ слѣдующемъ, или подобномъ смыслѣ: «Заплатите мнѣ впередъ деньги, по стольку-то за экземпляръ, а я вамъ берусь написать, въ теченіи двухъ, трехъ или болѣе лѣтъ, смотря по силамъ и возможности, Исторію Рускаго народа.« Тогда люди терпѣливые и надѣющіеся дожить до изданія сей Исторіи, конечно бы подписались на нее; другіе, съ такою же откровенностію, какъ и самъ Сочинитель, сказали бы ему: «Напишите, сударь, и напечатайте; тогда и деньги вамъ отдадимъ.« Впрочемъ, со всею увѣренностію нашею въ томъ, что Г. Полевой выполнитъ въ точности обязанность свою передъ публикой, мы все не можемъ не подивиться, какъ успѣетъ онъ напечатать 10 большихъ томовъ въ оставшіеся четыре мѣсяца, если большая половина сихъ уже не набрана и не печатается, или если онъ не считаетъ, что для рожденія *Исторіи Рускаго народа* какимъ-либо чудомъ соединятся два года въ одинъ, подобно какъ рожденія Геркулеса двѣ ночи слилися въ одну?... Подождемъ и посмотримъ. Разсмотрѣніе сего 2-го тома, будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ No *Литератур. Газеты*.

НЕКРОЛОГІЯ.

Августа 10-го скончался въ Москвѣ *Василій Львовичъ Пушкинъ*, всѣми любимый и уважаемый за свои труды Литературные, и еще болѣе за превосходныя свойства души своей. Общее сожалѣніе сопровождало его въ предѣлы другаго міра. Такимъ образомъ, Москва въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ потеряла трехъ Писателей, въ ней обитавшихъ: Владиміра Васильевича Измайлова, Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова и Василья Львовича Пушкина.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 7-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ II, № 52. СЕНТЯБРЯ 13^{ге}.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Среду), — 8-го (въ Понедѣльникъ), — 13-го (въ Субботу), — 18-го (въ Четвертокъ), — 23-го (во Вторникъ) и 28-го (въ Воскресенье).

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(*Изъ Разсказовъ Путешественниковъ.*)

Нѣсколько лѣтъ тому (началъ почтенный чиновникъ), былъ я посланъ начальствомъ моимъ въ Т....скую Губернію по дѣламъ службы. Графъ Р***, въ домѣ котораго я всегда былъ принятъ и обласканъ, свѣдавъ о моемъ назначеніи, поручилъ мнѣ, на проѣздѣ моемъ по Т...ской Губерніи, осмотрѣть не задолго предъ тѣмъ доставшееся ему помѣстье. Чтобъ видѣть эту вотчину, надобно было ѣхать верстъ за восемьдесятъ въ сторону отъ большой дороги; почему я рѣшился выполнить порученіе Графа тогда уже, когда окончу всѣ дѣла по казенной обязанности. Такъ я и сдѣлалъ.

Столицу покинулъ я весною, а возвращался въ нее уже въ началѣ осени. Изъ Т.... отправился я въ концѣ Августа на долгихъ, потому что въ ту сторону, гдѣ находилось помѣстье Графа, пролегала только проселочная дорога и почтовыхъ станцій не было. Я выѣхалъ изъ города передъ вечеромъ. Погода стояла тогда постоянная и ясная; самъ я былъ моложе десятью годами и слѣдовательно ощущенія мои были живѣе и полнѣе. Сидя въ скромной моей дорожной повозкѣ и смотря на дикія, но живописныя окрестности, на которыя ложился темный осенній вечеръ, я предался мечтаніямъ; между тѣмъ луна тихо всплывала изъ за дальнихъ холмовъ, наводила блѣдный, серебристый свѣтъ на зелень долинъ и на поля, покрытыя оставшеюся послѣ жатвы на корнѣ низкою соломой, и отбрасывала длинныя тѣни отъ одинокихъ деревъ и другихъ предметовъ. Я замѣтилъ, что ямщикъ мой началъ показывать безпокойство и какой-то страхъ. Каждый предметъ, неясно видѣнный, каждая длинная тѣнь, ложившаяся неподалеку отъ дороги, заставляли его судорожно оглядываться въ сторону, прислушиваться и порою креститься. Приписывая это врожденной трусости моего возницы, я не разспрашивалъ о причинѣ его опасеній. Скоро открылось передъ нами селеніе, красиво разметанное между садами по скату холма, у подошвы котораго вилась небольшая рѣчка. По ту сторону селенія, на гребнѣ холма, чернѣлся лѣсъ. Ямщикъ мой вдругъ оборотился ко мнѣ и спросилъ: куда я прикажу себя везти на ночлегъ въ этомъ селеніи?

— «Зачѣмъ же здѣсь ночевать, дружокъ? Ночь свѣтлая, и мы можемъ ѣхать дальше.

— «Воля ваша, сударь; только дорога ваша пролегаетъ по лѣсу, что за селомъ.... А тамъ, говорятъ добрые люди, водится не больно здорово.

— «Что же такое?» спросилъ я торопливо.

— «Да, Богъ вѣсть! Нашему брату крестьянину не слѣдъ болтать лишнее.»

Мнѣ тотчасъ представилась мысль, что этотъ лѣсъ населенъ шайкою отчаянныхъ разбойниковъ, о которыхъ, по суевѣрному ли страху, по другой ли какой причинѣ, не смѣютъ даже и намекнуть окружные жители. Я велѣлъ остановиться въ селеніи, предоставя ямщику выборъ квартиры. Онъ погналъ во весь духъ, и скоро мы встрѣчены были лаемъ чуткихъ собакъ, провожавшимъ насъ изъ улицы въ улицу, какъ бы для того, чтобъ извѣстить обывателей о пріѣздѣ посторонняго.

Мы останавливались у пяти или шести дворовъ; но нигдѣ не видно было свѣта, и, по всѣмъ примѣтамъ, жители спали крѣпкимъ сномъ, ибо мы не могли ихъ достучаться. Наконецъ я увидѣлъ опрятный сельскій домикъ, немного больше и красивѣе обыкновенныхъ избъ крестьянскихъ, съ окнами на улицу, сквозь ставни которыхъ пробивался извнутри свѣтъ: я велѣлъ ямщику подъѣхать туда и постучаться въ окно. Тотчасъ къ воротамъ вышелъ молодой дѣтина лѣтъ семнадцати и спросилъ: «Что надобно?

— «Пусти насъ на ночлегъ, голубчикъ,» отвѣчалъ я ему.

— «Милости просимъ!» промолвилъ онъ по минутномъ молчаніи, отворилъ ворота на-стежь и мы въѣхали во дворъ. Молодой человѣкъ ввелъ меня въ большія проходныя сѣни и отперъ дверь на право, сказавъ, что на лѣво у нихъ черная изба. Я вошелъ въ просторную и чистую комнату, съ липовыми *мытыми* стѣнами и такими жь лавками вокругъ всѣхъ стѣнъ. Въ переднемъ углу стоялъ столъ, съ разрисованными на немъ бутылками, чарками, тарелками и другими принадлежностями деревенской пирушки. На столѣ горѣла свѣча въ высокомъ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Въ углу, подъ *божницей*, лежало на лавкѣ нѣсколько большихъ и малыхъ книгъ, въ истасканныхъ и почернѣлыхъ переплетахъ.

— «Вотъ наша свѣтлица,» сказалъ мнѣ дѣтина, пристально осмотрѣвъ меня и сдѣлавшись словоохотнѣе; «а тамъ, за перегородкой, батюшкина опочивальня.

— «Кто же твой батюшка?» спросилъ я.

— «Теперь онъ Земскимъ, по власти Божіей и опекунской, вотъ ужь восемь лѣтъ къ ряду; а былъ когда-то писаремъ на барскомъ дворѣ.

— «Такъ это деревня помѣщичья?

— «Да, сударь, была когда-то, и у добраго господина, когда Богъ держалъ на свѣтѣ стараго барина, чуть за моею памятью. Теперь мы подъ опекой, и Богъ вѣсть, кому-то достанемся.

— «Гдѣ же теперь твой отецъ?

— «Онъ пошелъ за приказами къ управителю, что живетъ тамъ, за церковью. Да видно дѣла много столкнулось: батюшка что-то позамѣшкался. Не прикажете ли, сударь, покамѣстъ согрѣть для васъ чайникъ?

— «Не худо бы, другъ мой!» — И едва выслушавъ слова мои, молодой человѣкъ скрылся съ какою-то услужливою поспѣшностью.

Оставшись одинъ, отъ скуки началъ я перебирать книги, лежавшія на лавкѣ. Тутъ были: Четья Минея, Прологъ, Патерикъ Печерскій и еще нѣсколько книгъ духовнаго содержанія; кромѣ того: старинный переводъ *Телемака*, разрозненные томы *Житія Клевеланда*, сына Кромвелева, *Апофѳегмата*, изданная при Петрѣ Великомъ, Лесажевъ *Жилблазъ*, переведенный Тепловымъ, *Наставленіе о пчеловодствѣ*, и по одному тому *Одъ Ломоносова* и *Трагедій Сумарокова*. Все это было пополнено необходимыми принадлежностями сельской библіотеки: *Пѣсенникомъ* и *Гадательною книгою*, да *Энеидой на изнанку*, Осипова. Я замѣтилъ, что послѣднія три книги были гораздо новѣе, и что на нихъ не было зачеркнутой помѣтки имени прежняго владѣльца, какъ на книгахъ, прежде мною помянутыхъ. Подивившись такому странному смѣшенію книгъ, а еще болѣе такой разнообразной грамотности нынѣшняго ихъ хозяина, сельскаго писца, я спросилъ у его сына, вошедшаго ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ: откуда отцу его достались этѣ книги въ старинныхъ переплетахъ?

— «Да вотъ какъ, сударь,» отвѣчалъ онъ, сперва нѣсколько смѣшавшись отъ неожиданнаго и даже, признаюсь, нескромнаго вопроса. «Батюшка мой много трудился при описи барскаго имѣнія, особливо движимости, оставшейся въ домѣ по смерти послѣдняго помѣщика: все, до малой нитки, должно было внести въ книгу и всему выставить цѣну, какую назначали цѣновщики съ опекунами. За то эти господа и пожаловали батюшку своею милостью: позволили ему взять посильное мѣсто изъ барскихъ книгъ, говоря, что это-де ветхая и ненужная рухлядь, изъ которой если что и убудетъ, то не велика бѣда. Батюшка же мой, не въ похвальбу сказать, большой книгочей: знаетъ въ книгахъ всю подноготную и за однимъ словомъ готовъ по шею въ землю врыться. Спросите его, о чемъ хотите; на все у него есть отвѣтъ изъ писанія: такъ ему дался книжной разумъ. Вотъ какъ его господа благословили удѣлить себѣ частичку этой *ненужной рухляди*, примолвя въ шутку: «Все-де, что ты на себѣ снесешь, то и твое,» — ему и царства не сули: онъ и набилъ книгами два большіе мѣшка, и чуть было не надсѣлся, таща ихъ домой.

— «А ты, другъ мой, то же любишь читать?

— «Стыдно сказать, а грѣхъ утаить, сударь: батюшка, правда, самъ училъ меня грамотѣ, да столько морилъ надъ книгами, что онѣ мнѣ понадоѣли. Иное дѣло, коли книга забавная, такъ и я радъ читать: вотъ, примѣромъ сказать, *Ворожея*, да *Пѣсенникъ*, этѣ книги по мнѣ; а то надъ иною корпишь, корпишь — инда столбнякъ нападетъ. Да меня же, видно, Богъ обидѣлъ передъ батюшкой: я и говорить не съумѣю, какъ онъ. Передъ нимъ иногда и нашъ отецъ Евсей станетъ въ тупикъ, коли подъ часъ сойдутся да заговорятъ отъ Святаго Писанія. За то всѣ церковники и челомъ моему батюшкѣ, особливо когда о чемъ между собою не сладятся въ *Пасхаліи*.»

Я улыбнулся простодушной откровенности и высокому мнѣнію молодаго хозяина объ отцѣ своемъ; но слова его пробудили во мнѣ праздное желаніе узнать сего сельскаго философа-самоучку, который, по словамъ его сына, радъ по шею зарыться въ землю, чтобы доискаться до смысла какого-либо слова. Напившись чаю, вздумалъ я пройтись по деревнѣ: красивое ея мѣстоположеніе, замѣченное мною при въѣздѣ, и заманчивый свѣтъ луны, всегдашней моей любимицы, поселили во мнѣ сію охоту. Я взялъ съ собою молодаго хозяина, который запасся большою палкой, для охраненія меня отъ собакъ. Мы пошли по длинной улицѣ, мимо церкви: все было пусто и глухо; даже сторожкія собаки селенія, видно, позаснули на эту пору. «Гдѣ же господскій домъ?» спросилъ я у моего проводника.

— «А тамъ, на выѣздѣ, къ лѣсу,» отвѣчалъ онъ.

— «Можно его видѣть?

— «Почему же нѣтъ? то есть снаружи; а то вѣдь онъ замкнутъ и кругомъ на-глухо заколоченъ.

— «Веди меня туда.»

Молодой человѣкъ, сколько я могъ видѣть при лунномъ свѣтѣ, выпучилъ на меня глаза и лице его вытянулось съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ боязни. «Завтра, сударь, коли на то ваша воля, поведу я, пожалуй, васъ къ барскому двору,» сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія; «а теперь, не во гнѣвъ вамъ, я туда не ходокъ!

— «Отъ чего же? развѣ тамъ страшно?

— «Охъ, сударь! не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать: такъ-то страшно, что добрые люди и въ дневную пору туда почти не заглядываютъ.

— «Разскажи мнѣ, какая же тому причина?

— «Опять, сударь, прошу не прогнѣваться, у меня языкъ не поворотится. Если хотите, спросите у батюшки: онъ все знаетъ и ничего не боится; онъ вамъ перескажетъ, что тамъ дѣялось.

— «Ну, такъ укажи мнѣ дорогу къ господскому дому и отдай свою палку: я пойду одинъ, а ты дождись меня здѣсь.

— «Эхъ, сударь! Бога ради не ходите!

— «Пустое, другъ мой; ты меня не напугаешь: твое дѣло исполнить только то, чего я требую.»

Онъ не смѣлъ ослушаться, видя мою рѣшимость, выраженную повелительнымъ голосомъ. Я взялъ у него палку и пошелъ по указанной дорогѣ. Скоро дошелъ я до страшнаго суевѣрнымъ поселянамъ дома. Онъ стоялъ особнякомъ, на довольно крутомъ скатѣ и обнесенъ былъ заборомъ, уже обветшавшимъ и во многихъ мѣстахъ повалившимся. Я пролѣзъ сквозь одинъ проломъ сего забора и взошелъ на заглохшій репейникомъ и крапивою дворъ. Домъ былъ деревянный, но довольно обширенъ. Двери и ставни забиты были драницами; но отъ вѣтровъ и непогодъ, у иныхъ оконъ ставни обломились и висѣли на ржавыхъ петляхъ. Лучи луны прямо ударяли на стекла, и ярко отражаясь на нихъ, рисовали настроенному къ чудесамъ моему воображенію какіе-то свѣтлые призраки, будто бы бродившіе внутри пустыхъ покоевъ. Я невольно вздрогнулъ и почувствовалъ въ себѣ какой-то укоръ за неумѣстное и безполезное любопытство — видѣть обветшалое строеніе, въ которомъ, по наружности, ничего не было особеннаго. Съ этою мыслью отправился я обратно. Покинувъ опустѣлый дворъ и завернувшись въ мой плащъ, пошелъ я скорыми шагами, и на поворотѣ въ улицу столкнулся съ какимъ-то запоздалымъ крестьяниномъ. Бѣднякъ сей такъ перепугался встрѣчи съ мнимымъ привидѣніемъ, шедшимъ изъ пустаго дома, что затрясся всѣми членами, перекрестился и закричавъ: «чуръ меня!» пустился бѣжать изо всей мочи. Я самъ сперва немного оторопѣлъ; но вспомня, что было причиной такого быстраго побѣга, и видѣвъ, что я напрасно сталъ бы кликать крестьянина и увѣрять его, что я не мертвецъ, — пошелъ я своею дорогой и скоро отъискалъ моего проводника, который, притаясь за угломъ одного плетня, дрожалъ, какъ осиновый листъ, не знаю, отъ холода или отъ страха.

Но что же за таинственность лежитъ на этомъ домѣ, котораго боятся всѣ жители селенія, о которомъ не смѣютъ даже и промолвиться и который извѣстенъ и въ отдаленныхъ околоткахъ? Такъ думалъ я, возвращаясь на почлегъ: ибо для меня теперь ясно было, почему ямщикъ мой не хотѣлъ ѣхать ночью далѣе: онъ зналъ, что дорога изъ селенія лежала мимо пустаго дома. Сіи мысли заставили меня ускорить шагъ, въ надеждѣ узнать повѣсть о домѣ и умершихъ его владѣльцахъ отъ будущаго моего знакомца, грамотѣя Земскаго.

Вхожу въ комнату — меня встрѣчаетъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ долгополомъ сюртукѣ сѣраго сукна: это былъ хозяинъ дома. Я ожидалъ, что философъ-самоучка окажется также и ораторомъ-самоучкой, и встрѣтитъ меня длинною поздравительною рѣчью, или по-крайней мѣрѣ какимъ нибудь вычурнымъ привѣтствіемъ; и вмѣсто всего этого услышалъ обыкновенную сельскую благодарность хозяина за то, что я «не погнушался «его домомъ и хлѣбомъ-солью.» Это на первыхъ порахъ разстроило мой планъ нападенія на слабую сторону моего грамотѣя; но вмѣстѣ поселило во мнѣ объ умѣ его мнѣніе, гораздо выгоднѣе прежняго. Я сбросилъ плащъ и сѣлъ на лавкѣ; а хозяинъ, принявъ мой плащъ, бережно свернувъ его и положивъ къ сторонѣ, сталъ въ почтительномъ отъ меня разстояніи у печки, и какъ будто бы ожидалъ моихъ вопросовъ или приказаній. Симъ онъ далъ мнѣ полную свободу разсмотрѣть себя. Это былъ человѣкъ средняго роста и крѣпкаго тѣла, съ здоровымъ, свѣжимъ лицемъ; выраженіе сего лица и быстрыхъ, черныхъ глазъ, показывало природный умъ, смѣтливость и даже нѣкоторое лукавство; а положеніе тѣла и пріемы — изученную вѣжливость и навыкъ обходиться со старшими по званію. Такимъ образомъ мы провели первыя десять минутъ нашего знакомства въ молчаніи, взаимно наблюдая одинъ другаго. Наконецъ молчаніе мнѣ наскучило. «Не стѣснилъ ли я тебя, другъ мой, своимъ пріѣздомъ?» спросилъ я хозяина.

— «Нѣтъ, сударь! напрасно такъ изволите думать. Мы рады принимать у себя добрыхъ господъ.

— «Впрочемъ, я заплачу тебѣ за почлегъ и за все, чего потребую,» сказалъ я.

— «Извините, сударь,» отвѣчалъ онъ: «мы не держимъ постоялаго двора; почти все, что Богъ послалъ, у насъ не покупное, и вы меня очень одолжите, когда не будете говорить о платѣ. Мы и безъ того довольны Божеской милостью, и намъ грѣшно бъ было брать съ проѣзжихъ за нашу хлѣбъ-соль.»

Я увидѣлъ, что здѣсь должно было отдѣлываться фразами, и благодарилъ моего хлѣбосола-хозяина въ задатокъ за его гостепріимство. Въ это время вошли въ комнату пожилая женщина и миловидная дѣвушка лѣтъ пятнадцати, обѣ опрятно одѣтыя. «Это жена и дочь моя,» сказалъ Земскій. За ними появилась работница крестьянка, и всѣ три женщины начали накрывать столъ для ужина. Я замѣтилъ, что онѣ поставили одинъ только приборъ, и сказалъ хозяину, что не соглашусь иначе ужинать, какъ со всѣмъ его семействомъ. Сколько онъ ни отговаривался, но долженъ былъ наконецъ уступить моей настойчивости. Я вынулъ изъ дорожнаго моего запаса двѣ бутылки стараго вина, которыми напутствовали меня добрые мои Т....скіе знакомцы, и за ужиномъ, стараясь разшевелить хозяина, подливалъ ему въ рюмку, а между тѣмъ заговаривалъ о томъ и другомъ, наводилъ рѣчь на книги, видѣнныя мною у него, и наконецъ успѣлъ его привести въ то расположеніе духа, какого я желалъ: хозяинъ мой сталъ говорливѣе, и уже началъ прикрашивать рѣчи свои поговорками, занятыми изъ книгъ. Послѣ ужина я сказалъ, что не привыкъ ложиться спать такъ рано, и онъ охотно вызвался бесѣдовать со мною. Оставалось еще полбутылки вина; я поставилъ его на столъ, пріотвѣдывалъ самъ и по прежнему подливалъ хозяину. Не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ онъ не примѣтилъ, или не хотѣлъ примѣтить моей хитрости; но только онъ тянулъ весьма исправно, и чрезъ полчаса времени сталъ, какъ говорится, на-веселѣ.

— «Правду, сударь, говоритъ мудрецъ, что *вино веселитъ сердце человѣка;*» сказалъ Земскій, медленно потирая себѣ руки и умильно поглядывая на недопитую свою рюмку. «Вотъ я, напримѣръ, по милости вашей отогрѣлъ себѣ душу и все горе забылъ.

— «А развѣ у тебя, другъ мой, есть какое горе?

— «Нельзя сказать, чтобъ оно было собственно мое: это горе лежитъ на цѣлой нашей вотчинѣ. Восемь сотъ душъ отъ него терпятъ, и не знаютъ, дождутся ли лучшихъ временъ; можетъ быть, съ нами будетъ и еще хуже.

— «Отъ чего же вы терпите, и чего вамъ ждать худшаго?» спросилъ я, какъ будто бы ничего не зная; но внутренно обрадовавшись, что хозяинъ самъ подавалъ мнѣ поводъ разспросить его о приключеніяхъ страшнаго опустѣлаго дома.

— «Какъ же, сударь, и не горевать намъ,» отвѣчалъ Земскій. «Восемь лѣтъ находимся мы подъ опекой; каждый годъ опекуны наши дѣлаютъ разныя надбавки на оброкъ, а несостоятельныхъ, то есть тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ всего выплатить, посылаютъ на работу въ свои помѣстья, иногда верстъ за пятьдесятъ и дальше, и тамъ морятъ ихъ недѣли по двѣ; даже и не кормятъ ихъ, а велятъ нашему же миру содержать ихъ на своемъ хлѣбѣ.

— «Для чего же вы не жалуетесь суду?»

Земскій горько улыбнулся и покачавъ головою, сказалъ: «Вы знаете, сударь, поговорку: *не бойся суда, а бойся судьи.* Эти господа судьи дѣлятся нашими же крохами съ опекунами нашими; часто крестьяне здѣшней вотчины ходятъ и къ нимъ на Египетскую работу. Заѣдетъ ли который изъ нихъ въ наше село: потчуй всѣмъ, что имъ вздумается, угождай всякимъ ихъ прихотямъ, да сверхъ того еще принеси на поклонъ и давай двѣ-три тройки лошадей, на которыхъ они изволятъ разъѣзжать Богъ вѣсть куда. Все это, говорятъ они, для того, чтобы спасти нашу вотчину отъ конечнаго разоренія, и чтобы сосѣдніе помѣщики не завладѣли нашими землями и угодьями.

— «Гдѣ же нынѣшній вашъ господинъ, и кто онъ таковъ?

— «Господь его знаетъ. Это внучатный племянникъ нашего стараго барина; ближе родства у покойника, по смерти роднаго племянника (прости Богъ его душу!), не было. Нынѣшній наслѣдникъ здѣшняго помѣстья, служитъ на морѣ, и говорятъ, будто бы находится въ какой-то кругосвѣтной экспедиціи. Опекуны и судьи увѣряютъ насъ, что къ нему нѣсколько разъ посыланы были бумаги съ вызовомъ явиться для полученія наслѣдства; только вотъ уже девятый годъ, а объ немъ ни слуху, ни духу. Правду сказать, мнѣ что-то не очень вѣрится этимъ господамъ: можетъ быть бумаги у нихъ и до сей поры лежатъ подъ краснымъ сукномъ; да какъ навести справку? у нихъ *рука руку моетъ!* Они же твердо знаютъ, что когда вотчина поступитъ къ законному владѣльцу, тогда они прощайся съ беззаконными своими поживками, а можетъ быть еще и отчетъ давай.»

Я спросилъ Земскаго, какъ зовутъ нынѣшняго владѣльца, записалъ его имя у себя въ памятной книжкѣ, съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ въ Петербургъ узнать о немъ и сообщить ему вѣсть о неожиданномъ, можетъ быть, наслѣдствѣ. Земскій, по видимому, весьма обрадовался моему вызову, и увѣрялъ меня, что не знаетъ, чѣмъ отблагодарить за такое милостивое стараніе объ ихъ вотчинѣ.

— «Однимъ, другъ мой,» отвѣчалъ я ему, «и такимъ дѣломъ, которое мнѣ нужно будетъ при объясненіи съ нынѣшнимъ вашимъ помѣщикомъ, если мнѣ удастся отъискать его. Разскажи мнѣ, какимъ образомъ прекратилась прямая линія вашихъ господъ, — словомъ, все, что касается до запустѣлаго помѣщичьяго дома....»

Земскій на минуту призадумался. «Конечно, сударь,» молвилъ онъ, «вамъ непремѣнно нужно знать все дѣло по порядку. Да я же, по совѣсти сказать, и самъ давно хотѣлъ найти какого нибудь добраго и честнаго господина, чтобъ высказать ему все, что у меня лежитъ на душѣ и тяготитъ ее, какъ смертный грѣхъ; хотя, какъ передъ Богомъ, здѣсь нѣтъ ни вины, ни участія моего ни на волосъ. Только, нельзя ли этого отложить до завтрашняго утра?

— «Для чего же, другъ мой?

— «Не всякому, изволите видѣть, по сердцу и слушать и разсказывать *на сонъ грядущимъ* такіе случаи, о которыхъ мнѣ прійдется вамъ донести.»

Любопытство и нетерпѣливость моя возрасли еще болѣе; но я старался скрыть ихъ, сколько могъ. «И, полно любезный,» сказалъ я Земскому съ улыбкой притворнаго хладнокровія: «ты самъ много читалъ, и знаешь, что умный человѣкъ не долженъ поддаваться суевѣрію и бабьимъ бреднямъ....

— «Тутъ не совсѣмъ то, о чемъ вы изволите говорить, сударь,» подхватилъ хозяинъ. «Я и самъ много разъ старался переувѣрить себя въ томъ, что видѣлъ; да на бѣду мою общій голосъ и собственные мои глаза убѣждаютъ меня, что то быль не сонъ, не бредъ, а сущая правда на яву.

— «Но какъ бы то ни было, другъ мой, а вспомни, что мы теперь одни, насъ никто не подслушиваетъ, даже всѣ домашніе твои спятъ. Завтра могутъ намъ помѣшать, и посторонія уши, которымъ, можетъ быть, ты не хотѣлъ бы повѣрить своей тайны, могутъ уловить ее не завѣдомо тебѣ самому.

— «Правда, сударь, правда;» сказалъ Земскій, подумавъ. Онъ допилъ остальное изъ своей рюмки, стукнулъ ею объ столъ, крякнулъ, и твердымъ голосомъ, какъ будто вдругъ ободрившись, сказалъ мнѣ: «Извольте же слушать!»

Разсказъ его я передаю вамъ почти слово въ слово. Исключаю только нѣкоторыя краснорѣчивыя отступленія, ссылки на печатное и всѣмъ извѣстное, и нѣкоторыя частныя подробности, не вовсе относящіяся къ самымъ происшествіямъ.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

ПЛѢННИКЪ

Элегія.

Что вы печальны, дѣти сновъ,
Безцвѣтной жизни привидѣнья?
Какъ хороводы облаковъ
Съ небесъ, по волѣ дуновенья,
Летятъ и таютъ въ вышинѣ,
Слѣдовъ нигдѣ не оставляя; —
Равно въ подоблачной странѣ
Неслися вы!....Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы міра мрачныя печали,
Всѣ бури сердца миновали,
И безъименно протекли:
Вы и пылинки за собою
Въ теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою
Съ пути взметая легкій прахъ,
Слѣдовъ не врѣзали въ гранитѣ
И не оставили въ сердцахъ.
За чѣмъ же вы назадъ глядите
На путь пройденный? Нѣтъ для васъ
Ни горькихъ думъ, ни утѣшеній;
Минула жизнь безъ потрясеній:
Огонь безъ пламени погасъ.
Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очаровалъ,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробѣ за живо лежалъ;
Кто ядомъ облитъ былъ холоднымъ,
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы, —
Тотъ жилъ! — Онъ духомъ былъ борецъ:
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ;
Онъ можетъ бросить взоръ обратный,
И на минувшій, темный путь
Съ улыбкой горькою взглянуть.
Кто жаждалъ жизни всеобъятной,
Но чей стѣснительный обзоръ
Былъ ограниченъ цѣпью горъ,
Темницей вкругъ его темницы; —
Кто жаждалъ сновъ, какъ ждутъ друзей,
И проклиналъ восходъ денницы,
Когда отъ розовыхъ лучей
Видѣнья легкія ночей
Толпой воздушной улетали,
И онъ темницу озиралъ,
И къ нимъ объятья простиралъ,
Къ симъ утѣшителямъ печали; —
Кто съ міромъ связь еще хранилъ,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы изъ свѣта въ заточенье
Любимый голосъ доходилъ,
Какъ по умершемъ стонъ прощальной,
Чтобы утратамъ слухъ внималъ
И отзывъ пѣсни погребальной
Въ тюрьму свободно проникалъ.
Кто прелесть всю воспоминаній,
Святыню чувства, міръ мечтаній,
Порывы всѣхъ душевныхъ силъ,
Всю жизнь въ любимомъ взорѣ слилъ,
И небесамъ во всемъ покорной,
Просилъ въ молитвахъ — одного:
Отъ друга вѣсти животворной;
И кто узналъ, что нѣтъ его,
Тотъ могъ спросить у Провидѣнья:
Зачѣмъ земли онъ путникъ былъ,
И Ангелъ смерти и забвенья,

Крыломъ сметая поколѣнья,
Его коснуться позабылъ? —
Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь? —
Какъ званый гость, или случайной,
Пришелъ онъ въ этотъ чудный міръ,
Гдѣ скудно сердца наслажденье,
И скорби съ радостью смѣшенье
Томитъ, какъ похоронный пиръ;
Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье;
Гдѣ колыбель — могилы дань; —
Развалинъ цѣпь — поля и горы;
Гдѣ вдохновительные взоры
И устъ плѣнительная ткань
Изъ гроба въ гробъ переходили,
Изъ тлѣна въ жизнь, изъ жизни въ тлѣнъ,
И въ постепенности временъ,
Образовалися изъ пыли
Погибшихъ тысячи племенъ?....
Какъ тѣни, изчезаютъ лица
Въ тебѣ, обширная гробница!
Но вѣченъ — родъ! Едва слетятъ
Потомковъ новыхъ поколѣнья,
Иныя звѣнья замѣнятъ
Изъ цѣпи выпавшія звѣнья;
Младенцы снова разцвѣтутъ,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли, донесутъ
И сбросятъ путники земные!....
Безъ цѣли! Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!....

О ДУХѢ ИСПАНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

въ XIX столѣтіи.

Статья П. А. Катенина, помѣщенная въ двухъ послѣднихъ № *Литературной Газеты*, объемлетъ только старинную поэзію Пиренейскаго полуострова. Чтобы сообщить по возможности полное понятіе о поэзіи Испанской, особливо новѣйшей, печатаемъ мы въ слѣдъ за статьею Г. Катенина другую, переведенную изъ здѣшней Польской газеты: Tygodnik Petersburski, которая съ своей стороны заимствовала оную изъ одного Нѣмецкаго Журнала. Въ сей послѣдней статьѣ, читатели наши увидятъ состояніе современной поэзіи Кастильской.

Литература Испаніи, колыбели новѣйшей *драмы* (*) и отчизны *романсовъ*, коихъ сводъ составляетъ эпопею о какомъ-либо изъ героевъ Испанскихъ (**), — отчизны *романа* (***), или эпопеи прозаической, не можетъ и не должна быть чужда любителю Словесности. Мы совершенно соглашаемся съ мнѣніемъ Г. Катенина, что драмѣ Испанской не должно подражать; но изучать ее и должно и полезно. Подражать, особливо подражать рабски, по настоящему не должно никому и ничему. *Эклектическое* направленіе нашего вѣка знакомитъ насъ съ поэзіей древнею, съ поэзіей Италіи и Пиренейскаго полуострова, съ поэзіей Англіи временъ Шекспира и Байронова, съ поэзіей Французовъ прежнихъ и нынѣшнихъ, съ поэзіей Гёте, Шиллера и ихъ единоземцевъ, съ поэзіей Востока, съ поэзіей Скандинавскою, съ Музою Мицкевича и другихъ Поэтовъ Польскихъ, и пр. пр. Въ каждой изъ сихъ поэзій мы находимъ красоты собственныя, самобытныя; мы должны восхищаться

(*) Кромѣ плодовитыхъ Лопеса де Вега и Кальдерона, въ Испаніи было очень много драматическихъ Писателей. Страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ господствовала тамъ, особенно въ XVмъ и XVI-мъ вѣкахъ. Все Королевство наводнено было толпами бродящихъ комедіянтовъ, и каждая изъ нихъ имѣла своего приписнаго поэта драматическаго. Безъ сего поэта, штатъ театральной труппы былъ не полонъ. Безотчетность въ созданіи, гибкость языка и свобода стихосложенія и рифмы, весьма облегчали трудъ сихъ стихотворцевъ. — Кажется, драма въ Испаніи, въ первобытномъ видѣ своемъ, началась *мистеріями* (autos sacramentales): изъ сего можно заключить, что праотцами Испанской драмы были люди духовнаго званія, подобно Лопесу де Вега и Кальдерону (Первый изъ нихъ былъ Священникомъ Мальтійскаго Ордена, а вторый Каноникомъ Толедскимъ).

(**) Не объ одномъ Сидѣ есть по нѣскольку старинныхъ *романсовъ* въ Испаніи: біографіи многихъ другихъ витязей сохранились то же въ сихъ народныхъ историческихъ пѣсняхъ. Такъ Испанцы-*Мусарабы* (т. е. подданные или невольники Арабовъ) возпѣли въ романсахъ своихъ, сложенныхъ на Мавританскомъ языкѣ, Понса Леонскаго, Великаго Магистра Ордена Калатравы, и Альбаяльдоса, богатыря Мавританскаго изъ рода Абенсерраговъ. Романсы сіи въ послѣдствіи переведены на языкъ Кастильскій, и донынѣ поются обитателями Сіерра-Невады. Нѣкоторые изъ нихъ напечатаны въ El Romancero general.

(***) *Донъ-Кихотъ* Сервантеса извѣстенъ всему образованному міру. Но за-долго еще до сего удивительнаго произведенія, въ Испаніи было много рыцарскихъ и пастушескихъ романовъ. Вспомнимъ любопытное ихъ вычисленіе въ той главѣ *Донъ-Кихота* (6-й перваго тома), гдѣ священникъ и цирюльникъ сожигаютъ библіотеку *Рыцаря печальнаго образа*. — *Эспландіаны*, *Амадисы Галльскіе*, *Амадисы Греческіе*, *Пальмерины*, *Д. Беліанисы* и пр., получили бытіе свое въ Испаніи. Самъ Сервантесъ написалъ, кромѣ *Д. Кихота*, пастушескій романъ *Галатею*. Монтемаіорова *Діана* существовала еще прежде.

ими, но не увлекаться, ибо онѣ не наши. Изъ чужихъ лоскутковъ не сошьешь платья народнаго. Знакомство наше съ Литературой общею, почти всесвѣтною, очищаетъ нашъ вкусъ и разоблачаетъ передъ нами духъ каждаго народа; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ оно долженствовало дать какое-либо чуждое, подражательное направленіе Литературѣ нашей, отечественной. Оно должно для насъ быть *мѣркой*, а не *выкройкой.* Мы и такъ уже довольно подражали то Французамъ, то Нѣмцамъ: пора намъ занять собственное, прочное мѣсто въ области Словесности, а не выказываться въ ней изъ-за другихъ на подмосткахъ, построенныхъ на чужомъ рубежѣ.

Въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ Испанская Словесность была въ величайшемъ своемъ блескѣ, и въ то же почти время Иберійскій полуостровъ находился на вершинѣ политической славы. Могущественная Монархія, которую Карлъ V оставилъ своимъ преемникамъ, обнимала безъ малаго половину земнаго шара: ей принадлежали Вѣна и Потози, Фландрія и Сеута, острова Азіятскаго и Американскаго морей. По сему справедливо говорили, что въ Испанскихъ владѣніяхъ, разсѣянныхъ въ четырехъ частяхъ свѣта, солнце не знаетъ заката.

Величію сему отвѣтствовала Словесность. Испанія имѣла уже свои героическія эпопеи, драмы, комедіи и трагедіи, когда во Франціи и другихъ Государствахъ не имѣли еще и понятія о подобныхъ созданіяхъ; драматическими сочиненіями она была богаче, чѣмъ даже нынѣ вся остальная Европа. Сему не удивится тотъ, кто разсудитъ, что одинъ Лопесъ де Вега написалъ 1800 театральныхъ пьесъ и 400 мистерій (autos sacramentales.)

Драмы сіи и трагедіи не имѣютъ недостатка ни въ чувствованіяхъ высокихъ, ни въ религіозномъ фанатизмѣ; отъ сего послѣдняго оныя даже не могли быть свободны, ибо самъ плодовитый Лопесъ, называемый современниками *Фениксомъ*, былъ монахомъ, посвященнымъ въ таинства Инквизиціи; но не по благочестію своему нравился онъ такъ много соотечественникамъ, а потому, что былъ фанатикомъ до чрезвычайности.

Не смотря на сіе, въ драматическихъ сочиненіяхъ его находятся не одни только фанатизмомъ вдохновенные предметы; тамъ есть все: сцены любовныя, поединки, крестные ходы, исповѣди, похищенія, убійства, обѣдни, небеса и адъ, святые и черти, свиданія любовниковъ и серенады, словомъ: вся внутренняя жизнь Испаніи. У позднѣйшихъ подражателей его, Монтальвана и Кальдерона, характеръ драматическаго сочиненія ни сколько не измѣнился.

Относительно къ слогу, сильная *восточность* въ части западной Европы, неминуемо должна бы удивить всякаго, не знающаго, какое великое вліяніе имѣло на оную долговременное и могущественное господство Арабовъ. Слогъ сей блестящъ, неестественъ: тщетно было бы искать правды въ разговорѣ или простоты въ дѣйствіи. Испанскому характеру свойственна врожденная повидимому страсть къ необыкновеннымъ представленіямъ, не встрѣчаемымъ во вседневной жизни. Для составленія понятія объ этомъ испещренномъ антитезами, concetti и прозопопеей слогѣ, достаточно взять на выдержку отрывокъ, напр. слѣдующіе стихи изъ Кальдерона: «Я вошелъ влюбленный въ комнату сестры моей и съ нею увидѣлъ окруженную дамами Дону Анну. Я увидѣлъ въ вертоградѣ любви, передъ обыкновенными цвѣтами, прекрасную и плѣнительную розу; но нѣтъ, что говорю? разсудивъ, я увидѣлъ средь множества розъ звѣзду, или ближе сказать, между многими звѣздами звѣзду Венеры; но разсмотрѣвъ лучше ея божество, я увидѣлъ среди большаго числа Венериныхъ звѣздъ лучезарное солнце, надѣляющее сіяніемъ окружающія оное свѣтила, я увидѣлъ небо для множества солнцевъ.»

Таковая-то болѣе и болѣе увеличивающаяся высокопарность, приводитъ Испанцевъ въ сильнѣйшій восторгъ. Мы видѣли изъ сего, какъ часто, сообразно различнымъ понятіямъ и разной народности, вещи безъ смысла и значенія возбуждаютъ всеобщій энтузіазмъ.

Когда послѣ войны за наслѣдство престола, членъ дома Бурбоновъ принялъ державу Карла V, все склонилось къ паденію и Словесность не могла удержаться долѣе на прежней степени; она потеряла оригинальность чрезъ подражаніе Французской, которая занимала гораздо низшее мѣсто, чѣмъ прежняя Испанская. Казинаресъ (Casinares) былъ послѣднимъ Поэтомъ старой школы. Подражанія Французской школѣ, наполняющія XVIII-е столѣтіе, слабы и малоцѣнны.

Зачинщикомъ сего Литературнаго раскола былъ Донъ Игнаціо де Люсанъ; изучивъ Аристотеля (*), онъ издалъ свои поэтическія сочиненія въ 1737 году. Съ этого времени поэзія перестала быть душевною потребностію, неудержимымъ стремленіемъ, и сдѣлалась только пріятною забавой; она не была уже тою furia grande e sonorosa, которая, по словамъ Камоэнса:

«O peito acende e a côr ao gesto muda (*воспламеняетъ сердце и покрываетъ лице живымъ румянцемъ*)»

Донъ Монтіано-и-Луяндо, Моратинъ (отецъ) и Іосифъ Веласкесъ писали въ новомъ духѣ. Между тѣмъ и старая школа не всѣхъ еще приверженцевъ потеряла. Гарсіасъ де ла Гуерта явился ея поборникомъ и старался оправдать ея заблужденія и недостатки, перевелъ Вольтерову Заиру не весьма успѣшно; его *От-*

(*) Не думаемъ, чтобы сіе относилось къ самому Аристотелю: скорѣе клонится къ его толкователямъ.

Прим. Издат. Tygod. Petersb.

мщенный Агамемнонъ (Agamemnon vengado) запутанъ и напыщенъ. Только въ *Рахили* (Rachel) удалился онъ отъ обыкновеннаго порядка: великій характеръ Гернана начертанъ мастерски, когда между тѣмъ Рахиль умираетъ, произнося concetti; говоря, напр., о проливаемыхъ ею слезахъ: «Пары, подымающіеся съ глазъ моихъ, «посылаетъ любовный пламень, сокрытый въ моемъ «сердцѣ.»

Люціано Франциско Комелья, и Рамонъ де ла Крусикано, въ комедіи и драмѣ пребыли вѣрными прежнимъ правиламъ.

Таково было положеніе Испанской Словесности до XIX-го столѣтія, съ которымъ начались въ Испаніи междоусобія и большая часть знаменитѣйшихъ Поэтовъ окончила жизнь въ изгнаніи.

И теперь еще Испанская Словесность дѣлится на двѣ разныя школы: Французскую или *классическую*, и народную или *романтическую*.

Къ первой изъ нихъ принадлежитъ Мартинесъ де ла Роза, поселившійся во Франціи; стихъ гладокъ и звученъ, но Муза его излишне кажется робкою: поэма *Сарагоса* (Zaragoza), коей героемъ Палафохъ, служитъ сему доказательствомъ. Мартинесъ ревностный поклонникъ и подражатель Альфіери. Какъ членъ Кортесовъ, написалъ онъ въ 1812 году въ Кадиксѣ свою Viuda de Padilla. Въ томъ же году издалъ онъ и другую еще комедію подъ заглавіемъ: Lo que puede un empleo; пьеса его: La Niña en casa y la Madre en mascara (*Дочь дома, а мать на балѣ*), въ 1821 была играна въ Мадритѣ.

Донъ Мануэль де Квинтана принадлежитъ къ той же сектѣ, какъ и ему предшествующій. Преувеличенный классицизмъ, рабское подражаніе Французскимъ формамъ, сильно выказываются въ пятидѣйственной трагедіи его Pelaya; предметъ оной тотъ же, что и *Ормезинды* Николая Фернандеса де Моратина, котораго не должно принимать за одно съ Леандромъ Фернандесомъ де Моратиномъ.

Донъ Гаспаръ Мельхіоръ Ховельяносъ, какъ кажется, есть первый изъ живущихъ Прозаиковъ. На сценѣ однако же онъ не былъ счастливъ. Трагедія его Manuza и драма del Delicuente honrado, подражаніе, какъ кажется, *Честному преступнику* (Redlicher Verbrecher), исполнены педантства и не могутъ произвести большаго впечатлѣнія.

Донъ Томасъ де Иріарте считается превосходнымъ баснописцемъ; извѣстна его одна комедія: El Señorito mimado (*Матушкинъ сынокъ*).

Донъ Ангель де Сааведра столько же хорошій Поэтъ, какъ и воинъ; сражаясь за Фердинанда VII, тяжело раненъ; былъ въ послѣдствіи членомъ Кортесовъ, а по возвращеніи Короля изгнанъ. Таковъ порядокъ вещей въ Испаніи; подобный случай никого тамъ не удивляетъ.

Донъ Леандро Фернандесъ де Моратинъ издалъ Театръ свой въ Парижѣ. Лучшія изъ его драматическихъ произведеній суть: El si de las Niñas (*Да, молодой дѣвушки*), La Mogigata (*Лицемѣрка*) и El Viejo y la Niña (*Старикъ и дѣвушка*). Кому однако же мѣстность сцены незнакома, тотъ въ половину лишь пойметъ смыслъ оныхъ. Еще его: *Снизходительность ко всѣмъ* (Indulgencia para todos) заслуживаетъ быть упомянутою (*).

Большинство второстепенныхъ Поэтовъ шло подъ знаменемъ Мартинеса де ла Роза и Горостиса. Мы бы слишкомъ далеко зашли, если бы стали хоть поверхностно говорить о ихъ сочиненіяхъ; не можемъ однако же не остановить здѣсь вниманія читателя, надъ комедіей: Los tres iguales (*Трое равныхъ между собою*), принятой съ большимъ одобреніемъ въ Мадритѣ, исполненной истинныхъ красотъ, сочинитель которой скрылъ свое имя.

Славный Князь Мира (de la Paz), поселившійся въ Римѣ (**) въ пріятнѣйшемъ уединеніи, во время своего управленія считалъ приличнымъ его высокой именитости покровительство, оказываемое имъ Словесности. Ему большею частію обязана Испанія живущими нынѣ Поэтами. Онъ ихъ поощрялъ, осыпалъ почестями и наградами, нѣкоторыхъ даже возвысилъ на степени Министровъ. Въ паденіи своемъ, онъ увлекъ тѣхъ, которые были предметомъ его благосклонности.

Въ этомъ періодѣ писали оды, не имѣющія недостатка ни въ гармоніи, ни въ глубокомъ чувствѣ. Превосходнѣйшая между оными написана Леандромъ Фернандесомъ

(*) Не знаю, почему Нѣмецкій Сочинитель сей статьи, упоминая о лучшихъ пьесахъ Моратина, пропускаетъ комедію El Cafe, or la Comedia nueva, помѣщенную въ собраніи, изданномъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Obras dramaticas y lyricas de Don Leandro Fernandez de Moratin. Въ сей комедіи, написанной прозою, Моратинъ осмѣиваетъ недостатки современной драмы; пьеса сія весьма забавна и столь же любима на Испанской сценѣ, какъ Шериданова *Школа злословія* на театрѣ Дрюриленскомъ. Кромѣ комедій, Моратинъ писалъ еще лирическія стихотворенія и разныя литтературныя разсужденія, достойныя похвалы. Онъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ Испанскихъ Поэтовъ, которые, не довольствуясь одними порывами счастливаго таланта, дарованнаго имъ природою, старались усовершенствоваться трудами и ученіемъ; онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ древней и новой Словесности, все, написанное имъ, носитъ отпечатокъ зрѣлаго ума и отличнаго вкуса. Комедіи его исполнены здравомыслящей критики, приправленной солью необыкновеннаго остроумія; правда, что частые мѣстные намеки утруждаютъ читателя, мало знающаго Испанію; но сіи самые намеки составляютъ большое достоинство Сочинителя въ его отечествѣ. *Примѣч. Польскаго Переводчика.*

(**) Нынѣ живущій въ Парижѣ. *Прим. Изд. Tygod. Petersb.*

Из фондов Российской государственной библиотеки

Моратиномъ и посвящена памяти друга его Дона Хозе Антоніо де Конде, Автора *Исторіи Арабскаго владычества въ Испаніи*.

Арріаса принадлежитъ къ школѣ Галлицистовъ; стихъ его гладкій нравится, выраженія исполнены огня, преимущественно въ *одѣ на Трафальгарскій бой*. Сіенфуэгосъ отличается одою въ честь Генерала Бонапарте. Достойны большаго вниманія романсы: *Гробъ* (El Tumulo), *Старикъ и Ясень* (El Anciano y el Fresno) и т. д.

Изъ живущихъ, Иглезіасъ одинъ, какъ кажется, отличается сильнымъ отпечаткомъ народности; но принявъ духовное званіе, занимается исключительно священными предметами; Норона занимаетъ гораздо низшее мѣсто. Мануэль Квинтана не безъ достоинствъ; въ своей Hermosura (*Гимнъ красотѣ*), воспѣваетъ онъ начало прививанія оспы въ Америкѣ.

Кромѣ Классиковъ и Романтиковъ, есть еще въ Испаніи отдѣльный классъ какъ бы неутральныхъ Поэтовъ, стремящихся соединить древній патріотизмъ съ новою гражданственностію. Главою ихъ Жуанъ Мелендесъ; за нимъ слѣдуютъ: Донъ Альберто Листа, Донъ Никаціо Гальегасъ и Дона Винсенте Матурена де Гутіерресъ, издавшая вновь свои Ensayos poeticos. Никто однако же по сіе время не сравнится съ Мелендесомъ; его *Сватьбу Камачо* (Bodas de Camacho) нельзя считать лучшимъ произведеніемъ; но философическія оды, сонеты и романсы отчасти оправдываютъ прозваніе *божественнаго*, данное ему единоземцами. Сонетъ: Qual suele Abeja inquieta revolando, въ этомъ родѣ произведеніе совершеннѣйшее.

Съ Польскаго. — Крмнц.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова, и обратно въ Москву. Издалъ М. И. М. к. р. в. — М. 1830, въ Университетской типографіи. (226 стран. въ 16-ю д. л.)

Намѣреніе не дурное. Двое любопытныхъ пошли пѣшкомъ изъ Москвы въ Ростовъ по дорогѣ, которая на каждомъ шагу ознаменована историческими воспоминаніями, драгоцѣнными всѣмъ Рускимъ. Цѣль пѣшешествія была: сличить и повѣрить преданія Лѣтописцевъ съ изустными преданіями, сохранившимися въ простомъ народѣ и съ мѣстностями, которыя часто положеніемъ, названіемъ, однимъ начальнымъ или окончательнымъ звукомъ имени поясняютъ темное мѣсто въ Исторіи. Но пѣшеходы наши не удовольствовались одними учеными изысканіями; нѣтъ: они захотѣли путешествіе свое сдѣлать сентиментальнымъ, и, такъ у насъ называемымъ, живописнымъ: захотѣли, и тѣмъ испортили все дѣло. Изъ 226 страницъ большая часть посвящена совершенно постороннему, нелюбопытному. Читаешь, какъ ученые путешественники встрѣчались съ молодыми дамами, съ гордыми ихъ мужьями, съ несчастными дѣвицами, съ грубіянами, съ болтунами, и устаешь болѣе Сочинителя сего путеваго журнала, пѣшкомъ прошедшаго нѣсколько сотъ верстъ. Устаешь гораздо болѣе, ибо нашъ Кокрень по видимому неутомимъ. Въ продолженіе всего пути, онъ не перестаетъ быть словохотнымъ: говоритъ обо всемъ, даже открываетъ читателямъ свою пылкую страсть къ Поэзіи и на берегахъ Кубры, онъ, восторженный, приноситъ благоуханную жертву любимцу эстетической души своей, Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

СМѢСЬ.

Стиль (Steele), товарищъ Адиссона въ изданіи нравственно-сатирическаго Журнала the Spectator (*Зритель*), извѣстенъ гораздо менѣе Адиссона въ ученомъ свѣтѣ; между тѣмъ, Стиль былъ человѣкъ, заслуживающій вниманіе какъ сочиненіями своими, такъ и противорѣчіями своего характера, образа жизни и занятій. Другъ и сотрудникъ благоразумнаго Адиссона не удалялся отъ свѣта, какъ набожный поклонникъ Музъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые легко поддаются своему воображенію и всегда предпочитаютъ минутныя свои затѣи выгодамъ существеннымъ. Первый поступокъ молодыхъ его лѣтъ ясно обозначаетъ всю жизнь его. Стиль ожидалъ богатаго наслѣдства отъ дяди, который, бывъ вѣроятно не слишкомъ воинственнаго духа, объявилъ, что военный человѣкъ никогда не будетъ его наслѣдникомъ, хотя бы то былъ самъ Аннибалъ Карѳагенскій. Но Стиль приходилъ въ восторгъ при видѣ полка, маршировавшаго строемъ; сердце его сильно билось при звукѣ барабана: онъ почувствовалъ въ себѣ неотразимое влеченіе быть воиномъ и добровольно отказавшись отъ всѣхъ корыстныхъ видовъ, записался простымъ солдатомъ въ Королевскую конную гвардію. Дослужившись скоро до прапорщичьяго чина, онъ бросился во всѣ разсѣянности шумной столичной жизни. Но въ немъ было также влеченіе къ Литературѣ и къ славѣ Писателя нравственнаго, и онъ находилъ время удовлетворять сіе влеченіе. Весь его *Христіанскій Герой* сочиненъ былъ, такъ сказать, между пирушками и шалостями вчерашними и завтрашними: каждая глава была благочестивымъ выраженіемъ утренняго разкаянія, а вечернія забавы доставляли ему текстъ для новой страницы: онъ былъ вмѣстѣ и любезнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, и Философомъ-правоучителемъ. Остроумныя свои статьи о современныхъ странностяхъ и глупостяхъ писывалъ онъ, нарядясь въ огромный парикъ, стоившій пятьдесятъ гиней. Онъ построилъ прекрасный за́мокъ, и чтобы согласить сію роскошь съ своими правилами бережливости, назвалъ свой за́мокъ *хижиной*. Онъ первый просвѣтилъ Англійскую публику касательно торговыхъ спекуляцій на Южномъ Океанѣ, а лично для себя выдумывалъ самыя сумасбродныя предположенія. Всегда и во всемъ, Стилъ былъ полезенъ для другихъ: онъ былъ вѣрнымъ другомъ, великодушнымъ недругомъ, вредилъ только самому себѣ своимъ легкомысліемъ, — и былъ всѣми забытъ, когда сошелъ съ шумной сцены моднаго свѣта. Онъ кончилъ дни свои въ изгнаніи, разтративъ и *проживъ* свой талантъ, какъ и богатство свое.

Опечатки въ 51-мъ № Л. Г.

Стр.	*Столб.*	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
115	1	46	легко	ловко
116	—	8—9	осо, бенно	особенно
—	—	36	умнѣс	умнѣе
119	—	17	свонихъ	своихъ
—	—	40	приноравливать	приноравливать
—	—	43	защищатся	защищаетса
—	2	19—20	изло-еніи	изложеніи
—	—	44	1 продолжаетъ	продолжаетъ
—	—	47	*кто? же одинъ* и пр.	*кто же? одинъ* и пр.
120	1	9	долголи	долго ли
—	—	10	Г. Сятъ	Г. Сатъ
—	—	18	о провергнуть	опровергнуть
—	—	27	«(продолжаетъ)	продолжаетъ
—	—	30—31	вылечит	вылечить
—	—	46	изъэтого	изъ этого
—	2	11	Пропорціи	Пропорція
121	1	23	поступали	поступили
—	2	15	чтобы	что бы
122	—	17	большая половина сихъ	большая половина ихъ
—	—	20	подобно какъ рожденія	подобно какъ для рожденія
—	—	26	Августа 10-го	Августа 20-го
—	—	29	души	души

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 12-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ II, № 53. СЕНТЯБРЯ 18го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Среду), — 8-го (въ Понедѣльникъ), — 13-го (въ Субботу), — 18-го (въ Четвертокъ), — 23-го (во Вторникъ) и 28-го (въ Воскресенье).

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(*Продолженіе.*)

Старый нашъ баринъ (такъ началъ Земскій свой разсказъ) былъ человѣкъ нрава страннаго . . . Вы мнѣ позволите, сударь (присовокупилъ мой разскащикъ), называть его вездѣ просто *старымъ бариномъ*: этимъ именемъ любили мы называть его при жизни, и оно осталось у насъ въ селеніи, какъ нѣчто святое; крестьяне наши выговариваютъ его, нанеся руку на шапку, какъ будто бы передъ самимъ добрымъ нашимъ помѣщикомъ. Однако жь, я немного отбился отъ своего разсказа. . . Простите меня, сударь! память объ отцѣ нашемъ, старомъ баринѣ, всегда невольно заставляетъ насъ высказывать о немъ все, что на умѣ. . . . Теперь стану продолжать по порядку.

Я сказалъ уже вамъ, что старый нашъ баринъ былъ человѣкъ нрава страннаго. Онъ былъ добръ, милостивъ къ крестьянамъ, жалостливъ къ бѣднымъ; но угрюмъ, недовѣрчивъ и, такъ сказать, нелюдимъ. Въ молодости своей, разсказываютъ старожилы, былъ онъ не таковъ: кто знавалъ его ловкимъ, веселымъ гвардейскимъ офицеромъ при Государынѣ Екатеринѣ II, тотъ удивлялся теперешней его перемѣнѣ. Надобно вамъ знать, сударь, что старый баринъ изъ военной службы перешелъ въ штатскую, и долго былъ, не помню при какомъ Посольствѣ, въ чужихъ краяхъ. Въ это время скончались сперва родитель его, а скоро потомъ и матушка; тогда онъ, вышедъ въ отставку, пріѣхалъ въ наше село и захотѣлъ самъ управлять своимъ имѣніемъ. Здѣсь-то впервые старики наши увидѣли его пасмурнымъ и задумчивымъ. Онъ каждый день выходилъ на короткое время въ переднюю комнату, выслушивать донесенія старосты и отдавать ему свои приказанія; а потомъ запирался почти на цѣлый день у себя въ кабинетѣ, писалъ что-то, либо читалъ книги, которыхъ навезъ съ собою премного, и Рускихъ и иностранныхъ, да еще каждый годъ выписывалъ новыя. Въ лѣтнюю пору онъ хаживалъ иногда пѣшкомъ по полямъ, съ большою толстою палкой, осматривалъ посѣвы и полевыя работы; иногда бродилъ одинъ по рощамъ, или проводилъ по нѣскольку часовъ въ саду, прививалъ плодовыя деревья, саживалъ и поливалъ цвѣты, до которыхъ былъ большой охотникъ. Осенью же и зимою, особливо въ дурную погоду, его почти никто не видывалъ, кромѣ старосты, и то по утрамъ, да карлы Тимоши, который прислуживалъ барину, исправлялъ при немъ должность и камердинера, и ключника, и буфетчика, и слуги на посылкахъ: черезъ него-то старый баринъ передавалъ свои приказы другимъ служителямъ. Еще крестьянамъ, приходившимъ съ какими-либо сельскими просьбами или жалобами, да бѣднякамъ, просившимъ помощи, былъ къ нему всегда свободный доступъ. Съ сосѣдними помѣщиками онъ вовсе не знался: самъ къ нимъ не ѣзжалъ и у себя никого не принималъ, за что они, прости имъ Богъ! прозвали его медвѣдемъ, и острились на его счетъ, говоря, что онъ сосетъ лапу въ своей берлогѣ. Сколько разъ — видно, на зло, — выбирали его въ разныя должности на дворянскихъ выборахъ: онъ всегда отговаривался или болѣзнью, или другими какими нибудь причинами.

Объ его угрюмости и одинокой жизни, пошли разныя догадки и толки какъ между барской дворней и въ нашемъ селѣ, такъ и у всѣхъ сосѣдей. Одни говорили, что онъ за границей сдѣлалъ какой-то тяжкій грѣхъ и за то несетъ добровольное покаяніе; другіе — что онъ влюбленъ былъ тамъ въ одну красавицу, которая ему измѣнила, и за это будто бы отчуждался онъ отъ свѣта; третьи — что онъ тамъ изучился тайнымъ наукамъ, и разлюбилъ жизнь и людей, отдавшись совершенно этой невѣдомой мудрости. Что до меня, я послѣднему готовъ больше прочаго вѣрить, хотя и не стойна. — Однако жь, это были одни догадки и толки: навѣрное никто ничего не зналъ; и какъ узнать? Баринъ ни съ кѣмъ о томъ самъ не говорилъ, а спросить его никто бы не посмѣлъ; людей своихъ за границею съ нимъ не было, а служили ему тамъ наемные, и то иностранцы, которые и остались въ своей землѣ. Что бы ни было, а старый нашъ баринъ былъ для всѣхъ мудреною задачей: всѣ дивились, ломали себѣ голову, а настоящаго дѣла, кажется, никто не умѣлъ разгадать и до сего дня, тѣмъ больше, что по кончинѣ стараго барина, племянникъ его собралъ и сжегъ всѣ его бумаги.

Правду сказать, нѣкоторые посторонніе люди, и даже на первыхъ порахъ иные изъ нашихъ крестьянъ, рѣшили эту задачу гораздо проще и называли стараго барина колдуномъ. Оно отчасти и простительно глупому ихъ мужицкому разуму. Бывало, когда онъ прохаживается въ длинномъ и широкомъ своемъ темносѣромъ плащѣ и въ шляпѣ съ большими опущенными полями, съ толстою своею палкою въ рукѣ, то высокій его ростъ, широкія плеча и грудь, морщиноватый лобъ, нахмуренныя брови и строгій взглядъ, заставятъ вздрогнуть хоть какого смѣльчака, которому довелось съ нимъ повстрѣчаться. Но только это и было въ немъ страшнаго. Хотя голосъ его былъ отчасти и угрюмъ, а рѣчь отрывиста, однако же всякой слышалъ отъ него только доброе слово. «Здоровъ ли ты? не нуждаешься ли въ чемъ?» были его обычайные вопросы, и каждый могъ ему говорить о своемъ горѣ, съ твердою надеждой, что слова даромъ не пропадутъ. Заболѣлъ ли кто? баринъ самъ бывало даетъ лекарства изъ домашней своей аптечки и навѣщаетъ больнаго. Нужда ли въ чемъ кому? тотчасъ бывало поможетъ и деньгами, и хлѣбомъ, словомъ: всѣмъ, у кого въ чемъ недостатокъ. Оброку онъ сбавилъ съ вотчины еще при самомъ пріѣздѣ къ намъ на жительство, и крестьяне, по нашей простой пословицѣ, зажили припѣваючи. Одно ихъ сокрушало, что не такъ часто видали помѣщика своего, какъ бы имъ хотѣлось: только, бывало, встрѣтятся съ нимъ въ полѣ, или въ рощѣ; да по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ цѣлымъ миромъ хаживали въ церковь, потому что онъ всегда стоялъ тамъ въ уголку близъ алтаря, потупя голову, тихо шепталъ молитвы и порою клалъ большіе поклоны. Напослѣдокъ и всѣ крестьяне наши разувѣрились, что господинъ ихъ не колдунъ, а православный Христіанинъ, добрый человѣкъ и благодѣтельный помѣщикъ. Всѣ, отъ мала до велика, его любили и благословляли.

Дай Богъ ему царство небесное! — Меня, семилѣтняго ребенка, бобыля бездомнаго, встрѣтилъ онъ однажды подлѣ пруда, гдѣ я стерегъ изъ хлѣба насущнаго чужое стадо гусятъ, и наигрывалъ на тростниковой дудочкѣ. Не знаю, видъ мой, или простодушные дѣтскіе отвѣты ему понравились; только въ тотъ же самый день велѣлъ онъ меня взять въ барскій дворъ и одѣть съ ногъ до головы, поручилъ въ надзоръ и попеченіе одной доброй старушкѣ, птичницѣ, и приказалъ меня водить каждый день въ сельскую школу, которую самъ онъ завелъ, и гдѣ бывшій нашъ Дьяконъ, человѣкъ умный и свѣдущій, обучалъ насъ, ребятишекъ, Руской грамотѣ, письму, Закону Божію, Грамматикѣ и Ариѳметикѣ. Съ смертію нашего отца стараго барина рушилась и эта школа: наслѣдникъ бариновъ о ней не заботился, а послѣ него, опекуны и вовсе перестали выдавать жалованье Дьякону за ученье и деньги на содержаніе школы. Теперь она стоитъ тамъ, на площади за церковью, жалкимъ пустыремъ: ужъ и углы почти согнили, а кровля давно обвалилась. У меня сердце всякой разъ обливается кровью, когда я прохожу мимо: въ этомъ домѣ пролетѣли лучшіе годы моего дѣтства; тамъ, изъ уроковъ и наставленій добраго и умнаго Дьякона Лаврентія Савича, я узналъ гораздо больше, нежели знаютъ въ обыкновенномъ быту крестьянскомъ. Тамъ, послѣ ученья, выхлынемъ мы, бывало, ребятъ десятка два изъ школы; и тутъ-то пошли разныя игры и потѣхи. И теперь, почти уже на старости, когда вспомню о тогдашнемъ времени, такъ духъ радуется. Безъ хвастовства скажу вамъ, сударь, что я во всемъ былъ первымъ ученикомъ и любимцемъ Лаврентія Савича, который меня, сироту, отличалъ отъ сынковъ людей зажиточныхъ и почтенныхъ. — Все миновалось; все перемѣнилось; благодѣтель нашъ, старый баринъ, и добрый нашъ учитель, Лаврентій Савичъ, покоются въ сырой землѣ; благословенный домъ науки опустѣлъ, и только ласточки да нетопыри гнѣздятся тамъ, гдѣ въ прежніе годы нѣсколько чистыхъ и безпечныхъ душъ внимательно слушали поученія разума и добродѣтели!

(Повѣствователь мой, увлеченный своимъ предметомъ и разтроганный воспоминаніями, вдругъ остановился, какъ бы отъ сильнаго избытка чувства. Голосъ его передъ концемъ рѣчи примѣтно измѣнился, и крупныя слезы выкатились изъ глазъ; самыя тѣлодвиженія обличали въ немъ волненіе души. Онъ отеръ глаза, молчалъ нѣсколько минутъ, и потомъ, успокоившись, попросилъ у меня извиненія въ семъ приливѣ чувствительности, и продолжалъ свой разсказъ.)

Когда ученье мое кончилось, баринъ взялъ меня въ хоромы. Меня опрятно одѣли, и вся должность моя состояла въ томъ, что днемъ я переписывалъ дѣловыя бумаги, какія случались по вотчинѣ, вносилъ въ счетныя книги приходъ и расходъ; а вечеромъ, когда глаза у барина утомлялись, призывалъ онъ меня и заставлялъ читать вслухъ Рускія книги. Сидя за маленькимъ столикомъ, съ книгою въ рукахъ, я часто украдкою взглядывалъ на стараго барина: онъ обыкновенно или сидѣлъ въ это время по другую сторону столика въ большихъ старинныхъ креслахъ съ высокою спинкой и штофными подушками, надвинувъ зонтикъ на глаза, чтобы свѣтъ ихъ не

Из фондов Российской государственной библиотеки

безпокоилъ, и опустя голову на грудь; или прохаживался тихими шагами по комнатѣ, иногда пріостанавливался, особливо если въ книгѣ что нибудь ему отмѣнно нравилось, заставлялъ меня перечитывать съизнова, и поправлялъ, когда я ошибался или не такъ выговаривалъ. Онъ меня отучилъ отъ школьнаго напѣва въ чтеніи, и пріучилъ голосомъ выражать подлинный смыслъ того, что написалъ сочинитель. Во всякое время былъ онъ добръ и кротокъ. Говорилъ мало, и то по большей части въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ. Лице его неизмѣнно было угрюмо и брови насуплены; впрочемъ никогда онъ не показывалъ ни гнѣва, ни нетерпѣливости. Кажется, онъ былъ сложенія здороваго; порою только замѣчалъ я, что онъ переставалъ слушать книгу, какъ будто впадалъ въ сильную задумчивость, начиналъ ходить по комнатѣ скорѣе обыкновеннаго; и вдругъ, бывало, остановится, подыметъ глаза къ верху съ примѣтною перемѣной въ лицѣ и простонаетъ глухимъ протяжнымъ стономъ, словно отъ нечаянной и нестерпимой боли.

Я не сказалъ еще вамъ, что у стараго барина былъ братъ. Этотъ братъ вовсе не похожъ былъ на добраго нашего господина. Онъ былъ старшій, и, какъ говорится, матушкинъ сынокъ: онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность своихъ родителей такъ, что они за долго еще до смерти своей выдѣлили ему лучшую часть имѣнія. Эту часть онъ промоталъ, и для поддержанія себя женился на богатой купчихѣ. *Глупому сыну не въ помощь богатство*: братъ нашего барина спустилъ и женнино имѣніе; а бѣдная жена терпѣла, терпѣла отъ его мотовства и непостоянства, такъ что наконецъ изчахла и Богу душу отдала, оставя послѣ себя одного сына. Мужъ, опустивъ ее въ могилу, вздумалъ размыкивать свое горе за карточнымъ столомъ. Такъ онъ перебивался еще лѣтъ семь или восемь. Кончилось тѣмъ, что родители отъ него отреклись и чуть ли его не прокляли. Вотъ, когда у него почти ничего не осталось и на батюшкины денежки надежды больше не было, тогда онъ, взявъ малолѣтнаго сына, отправился съ нимъ за границу къ своему брату. Старый баринъ, не смотря на всѣ братнины недостатки, любилъ его, часто помогалъ ему прежде и обрадовался его пріѣзду; сдѣлавъ брату дружеское, кроткое увѣщаніе, онъ назначилъ ему очень достаточную сумму денегъ для его обихода, и сверхъ того принялъ его съ сыномъ въ свой домъ, гдѣ они ни въ чемъ не нуждались. Однако же нашъ молодецъ не унялся и въ чужихъ краяхъ: мѣсяцъ или два прожилъ онъ, какъ должно порядочному человѣку, а послѣ спознался съ картежниками, проигрывалъ всѣ деньги, которые братъ давалъ ему; выпрашивалъ еще, и тѣ спускалъ по зеленому сукну, и подъ конецъ до того доигрался, что за неуплату проигрыша плуты картежники такъ его поколотили, что онъ черезъ сутки отправился на тотъ свѣтъ. Богъ съ нимъ! Говорятъ отъ его безпорядочной жизни и родители его сошли въ гробъ. Сынъ его остался на рукахъ у стараго барина; и добрый этотъ дядя заботился о немъ, какъ о родномъ своемъ дѣтищѣ, отдалъ его въ лучшее заграничное училище и когда онъ пришелъ въ возрастъ, вызвалъ его изъ чужихъ краевъ и опредѣлилъ на службу въ Петербургѣ. Все, что касается до баринова брата, разсказывалъ мнѣ карла Тимоша, который очень былъ друженъ съ его камердинеромъ, старикомъ Тихономъ, и не разъ слыхалъ отъ него про всѣ проказы и про все житье-бытье его господина.

Я помню, какъ Илья Степановичъ, племянникъ бариновъ, пріѣхалъ къ намъ впервые посѣтить своего дядюшку по возвращеніи своемъ изъ-за границы. Онъ былъ тогда пригожимъ и статнымъ молодцемъ лѣтъ осьмнадцати; видъ его полюбился всѣмъ дворовымъ людямъ, и всѣ надѣялись, что молодой барычъ со временемъ замѣнитъ намъ стараго нашего барина, будетъ также добръ, милостивъ и попечителенъ. Бойкій и рѣзвый, но вкрадчивый и ласковый, онъ, такъ сказать, впился въ душу дядюшкѣ своему; и старый баринъ, казалось намъ, былъ при немъ веселѣе обыкновеннаго, часто разговаривалъ съ нимъ объ наукахъ и былъ доволенъ его воспитаніемъ. Люди подмѣтили только, что когда старый баринъ давалъ ему наставленія, какъ жить и какъ вести себя въ свѣтѣ, тогда Илья Степановичъ казался разсѣяннымъ и какъ будто бы пропускалъ мимо ушей слова дядюшкины; но добрый старичокъ или не замѣчалъ того, или приписывалъ это молодости лѣтъ своего племянника.

Скоро Илья Степановичъ уѣхалъ въ Петербургъ, на службу. . . . Видно уже такъ Богъ судилъ, чтобы старому нашему барину только и видѣть утѣшенія отъ своего племянника, пока этотъ былъ у него на глазахъ; видно и то, что поговорка: *каковъ отецъ, таковы и дѣтки*, почти всегда сбывается. Сперва Илья Степановичъ съ каждою почтой писалъ къ своему дядюшкѣ, послѣ рѣже, и наконецъ сталъ писать только тогда, когда ему надобны были деньги. А денегъ ему понадобилось много, то на то, то на другое: то вдругъ ему стыдно стало ѣздить въ столицѣ иначе, какъ четверкою въ каретѣ; то нужно было, для поддержанія какихъ-то связей, сорить деньгами и ѣздить на вечера къ знатнымъ людямъ, у которыхъ велась карточная игра. Этого еще мало: онъ вздумалъ увѣрять дядюшку, что ему необходимо должно было принимать у себя Графовъ и Князей, и для того имѣть большую квартиру съ богатыми уборами, держать пышный столъ, — и мало ли еще какихъ затѣй? Старый баринъ и въ половину не вѣрилъ всему тому; однако же, имѣвъ хорошій доходъ при великой бережливости, и, можетъ быть, надѣявшись, что племянникъ его перебѣсится и съ лѣтами будетъ человѣкомъ, ни въ чемъ почти ему не отказывалъ.

Прошло еще года три-четыре, и въ это время старый нашъ баринъ переслалъ Ильѣ Степановичу денегъ столько, что можно бъ было большое село купить. И чѣмъ больше баринъ посылалъ, тѣмъ неумѣреннѣе были докуки его племянника. Къ этому еще въ добавокъ, барину нашему прислано было съ полдесятка требованій на важныя суммы, которыми племянникъ его задолжалъ разнымъ ремесленникамъ, поставщикамъ и другимъ людямъ. Наконецъ нашъ старикъ вышелъ изъ терпѣнія и на отрѣзъ написалъ Ильѣ Степановичу, что если онъ не уймется отъ своего мотовства, то впередъ бы не надѣялся на дядю. Что жъ бы вы думали, онъ сдѣлалъ? Онъ вышелъ въ отставку, прикатилъ къ своему дядюшкѣ, какъ снѣгъ на голову, и навезъ ему многое множество книгъ, разныхъ инструментовъ, нужныхъ для ученаго, — словомъ, всего такого, до чего старикъ былъ большой охотникъ. Лукавый молодецъ подкрался къ нему лисою, вился около него ужемъ и такъ успѣлъ обморочить старика, что тотъ пересталъ на него сердиться и снова радъ ему былъ, какъ доброму. Тогда нашъ хитрецъ, видя, что дядюшка снова душу за него готовъ отдать, признался, что за нимъ въ Петербургѣ остались еще кое-какіе должишки: бездѣлица, тысячь на тридцать, не больше. Старикъ похмурился, помигалъ бровями, потрясъ головою, поворчалъ — и заплатилъ. Въ то время, какъ деньги эти отправлялись на почту, я былъ въ бариновомъ кабинетѣ, дѣлалъ пакеты къ письмамъ и надписывалъ ихъ. Илья Степановичъ тутъ же находился, цѣловалъ руки у своего дядюшки и благодарилъ его со слезами, которыя онъ (правое слово!), показалось мнѣ, какъ будто насильно выжималъ изъ глазъ.

— «Слушай, племянникъ!» говорилъ ему старый баринъ, покачивая головою по своей привычкѣ, — «слушай и помни: чтобъ этотъ платежъ былъ послѣднимъ. Больше я, Богъ свидѣтель! не плачу за тебя ни копѣйки; и такъ ужъ я кругомъ себя обобралъ. Ты знаешь, что я не теряю словъ понапрасну; тѣмъ больше не призываю имени Божія всуе.

— «Дядюшка! милый, безцѣнный мой родной!» отвѣчалъ лукавецъ, увиваясь около своего дяди, какъ Іуда: «вѣрьте, что я не подамъ вамъ больше никакой причины къ огорченію. Отнынѣ вся моя жизнь будетъ вамъ посвящена. Я не оставлю васъ ни на минуту, буду покоить, утѣшать ваши преклонныя лѣта, буду вамъ нѣжнымъ, покорнымъ сыномъ....

— «Поменьше обѣщаній, и побольше дѣла, племянникъ,» перервалъ рѣчь его старый баринъ. «Я не требую, чтобы ты бродилъ за мною, какъ тѣнь моя: это было бы въ тягость и тебѣ и мнѣ. Ты человѣкъ молодой и не можешь сдѣлаться произвольнымъ отшельникомъ для стараго и дряхлаго дяди. Довольно и того, если ты будешь иногда облегчать мои заботы по хозяйству и замѣнять меня тамъ, гдѣ долголѣтняя привычка моя и отчужденіе отъ свѣта мѣшаютъ мнѣ быть лично.

— «По рукамъ, дядюшка!» молвилъ Илья Степановичъ, поднявъ голову и взглянувъ въ лице старику съ умильною, закрадывающейся въ душу улыбкой. «Вы найдете во мнѣ вашего прикащика, повѣреннаго по дѣламъ, разсыльнаго и все, что вамъ угодно будетъ. Вечеромъ я стану вамъ читать иностранныя газеты, книги; мы будемъ вмѣстѣ разбирать писателей, разсуждать.... Такъ! я чувствую, что слишкомъ много времени убилъ на суетность: пора образумиться, пора войти въ себя и жить умственною жизнью.... И кого могъ бы я выбрать лучшимъ путеводителемъ, какъ не васъ, уединеннаго мудреца, узнавшаго жизнь и свѣтъ долголѣтнею опытностью, и оставившаго шумъ и превратности ихъ безъ сожалѣнія?»

Старикъ ничего не отвѣчалъ. Во всю послѣднюю рѣчь своего племянника, онъ сидѣлъ опустя глаза внизъ, какъ будто бы присматривался, нѣтъ ли на полу какой пылинки, и на губахъ его замѣтилъ я что-то похожее на улыбку. Такъ молодой хитрецъ понялъ его правъ и умѣлъ къ нему поддѣлываться.

(*Продолженіе въ слѣд. No.*)

ЭПИГРАММА.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ *Чацкимъ* всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

А. Пушкинъ

БЕЗПРИСТРАСТНЫЯ МЫСЛИ

о пѣніи Г-жи Зонтагъ.

Случалось мнѣ быть на аукціонахъ и видѣть, какъ иногда покупатели, разгорячась, непомѣрно возвышаютъ цѣну какой-либо вещи. — Недавно сдѣлалъ я наблюденіе, что и Журналисты вступаютъ иногда въ подобную переторжку. — Если примутся кого хвалить, то на перекоръ одинъ другому хвалятъ, все болѣе и болѣе, пока наконецъ дойдутъ до nec plus ultra.

Но такое соревнованіе относится только къ разбору тѣхъ предметовъ, кои появляются въ предѣлахъ нашего отечества съ заграничною славою. Неумѣренность и неосновательность въ сужденіяхъ замѣтны болѣе всего по части музыки. Большая половина нашихъ крикуновъ-энтузіастовъ имѣетъ въ оной весьма неосновательныя познанія. Да и на что? Они всегда руководствуются своимъ чувствомъ, какъ непреложнымъ закономъ, нисколько не помышляя о томъ, что оное можетъ быть неправильнымъ, и требуетъ утонченности и образованія.

Стоитъ только какому-либо Артисту пріѣхать изъ Парижа, съ запасомъ журнальныхъ статей, возвѣщающихъ о его несравненныхъ талантахъ; и наши *Пчелы*, наши *Телеграфы* наполнятся его славою, прежде нежели онъ успѣетъ показать свое искуство. Однимъ словомъ, забавная пьеса: Die vermeinte M-me Catalani, играется довольно часто и въ свѣтскомъ быту.

Предметъ, о которомъ я намѣренъ говорить, въ одномъ только отношеніи допускаетъ вышеприведенное примѣненіе: въ готовности нашей публики судить чужимъ судомъ (особливо заграничнымъ), и восхищаться на вѣру чужихъ похвалъ. Симъ объясняется отчасти необыкновенная слава, которою въ мнѣніи свѣта пользуется прелестная наша гостья, Г-жа Зонтагъ.

Со времени появленія на сцену сей пѣвицы, до сихъ поръ, слава ея, безпрестанно увеличиваясь, нашла въ Россіи самые громкіе отголоски рукоплесканій всей Европы. Всѣ народы, всѣ возрасты, всѣ состоянія, признали ея совершенство. Г-жа Зонтагъ вскружила головы не только юношамъ, но и старикамъ. Все, что было знаменитаго до нея и будетъ послѣ нея, есть только слабая тѣнь въ сравненіи съ ея блескомъ. Это благодѣтельная волшебница, которая прикосновеніемъ своего жезла, очаровываетъ сердца. Это небесное существо, низшедшее изъ горней обители на землю для отрады смертныхъ. Голосъ ея есть талисманъ, который упоетъ, услаждаетъ, разливаетъ блаженство. — Послѣ таковыхъ мнѣній, кажется невозможно не быть въ изступленіи восторга, услышавъ Г-жу Зонтагъ. Говорить объ ней безъ энтузіазма, значитъ не имѣть никакихъ чувствъ, быть варваромъ, Вандаломъ. . . .

Пусть такъ! И я къ сожалѣнію своему сознаюсь что я варваръ и Вандалъ, потому, что не намѣренъ увеличивать собою число тѣхъ опрометчивыхъ судей, которые безъ дальнѣйшей обдуманности слѣдуютъ общему потоку и безъ разбора повторяютъ приговоры, произнесенные толпою. Предвижу, что цѣлыя груды камней посыплются на мою голову; но не устрашаюсь и остаюсь вѣрнымъ истинѣ.

Начну сознаніемъ, что я въ Г-жѣ Зонтагъ далеко не нашелъ того, что мнѣ объ ней говорили. Но отъ чего жъ такая громкая слава во всей Европѣ? — Постараемся по возможности разрѣшить вопросъ сей. Такъ точно, какъ можно быть отличнымъ квартетнымъ скрыпачемъ, не будучи солистомъ, Артистка можетъ быть превосходною *драматическою*, не будучи *концертною* пѣвицей. Сіи два искуства соединяются рѣдко въ одной и той же особѣ. По моему мнѣнію, Г-жу Зонтагъ должно причислить къ разряду драматическихъ пѣвицъ, и я полагаю, что она въ семъ родѣ превосходна. Ея звучный и ровный голосъ, пріятное произношеніе словъ, правильная декламація, исполненныя граціи тѣлодвиженія и плѣнительная мимика, поддерживаются весьма милымъ личикомъ, очаровательною улыбкою, жемчужными зубами, стройнымъ станомъ, прекрасною ножкою (какъ то уже и замѣчено въ Московскомъ Телеграфѣ), вкусомъ въ одеждѣ и ловкостію въ игрѣ. —

Всѣ сіи преимущества, совокупленныя въ Г-жѣ Зонтагъ, дѣлаютъ изъ нея необыкновенную драматическую пѣвицу. Облагодѣтельствованной природою, ей достаточно было небольшаго упражненія, чтобы съ шумомъ явиться на Берлинской сценѣ. Свѣжестію и приманчивостію своей юности она плѣняла зрителя и поселяла снизхожденіе въ слушателѣ. Начали кричать о совершенствахъ дѣвицы Зонтагъ, которая, будучи столь ободряема громкими похвалами, съ большимъ стараніемъ занялась своимъ искуствомъ, и дѣйствительно достигла степени необыкновенной пѣвицы. — Парижъ палъ къ стопамъ ея и отголоски пламеннаго восторга слышны были въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Европы. Этого кажется бы и довольно для славы ея. Но пріѣхавъ въ Россію, она вознамѣрилась преимущественно блеснуть на поприщѣ концертнаго пѣнія, и хотя и въ семъ отношеніи стоитъ весьма высоко, но далека отъ совершенства. —

Большая часть публики нашей, привыкшая въ подобныхъ случаяхъ не имѣть своего собственнаго сужденія и еще болѣе убѣжденная въ превосходствѣ Г-жи Зонтагъ непомѣрною дороговизною платы за входъ въ ея концерты и пріѣздомъ ея изъ очаровательнаго Парижа, — провозгласила: она прекрасна, превосходна, несравненна, небесна, божественна . . . . И пошли писать! Что новая журнальная статья, то новое совершенство. Въ Варшавѣ она пѣла просто *сопраномъ*, въ Москвѣ *сопраномъ* и *контръ-альтомъ* (М. Тел. No 13). Здѣсь ужъ и этого мало: прибавили еще *теноръ* (см. С. П. Вѣдом. No 97). Можетъ быть, въ какомъ-либо иномъ городѣ найдутъ еще, что она поетъ и *басомъ*. Какъ въ голову войдетъ выдумать, а что еще хуже, писать и печатать такую нелѣпицу! У Г-жи Зонтагъ голосъ хорошъ, но не имѣетъ ничего необыкновеннаго. Объемъ онаго простирается до $2\frac{1}{2}$-октавъ (отъ *A* или *G* до *C*), законнаго достоянія всякой почти порядочной Сопранистки. Главнѣйшее достоинство ея голоса есть ровность и пріятность. Но какое сравненіе съ голосами Г-жъ Каталани, Боргондіо и Мильдеръ-Гауптманъ! Гдѣ эта полнота, чистота и сила? —

» Но голосъ Г-жи Зонтагъ намъ болѣе нравится, онъ « проникаетъ въ глубину сердецъ нашихъ! » говорятъ самопроизвольные аматёры. — Вы правы, господа; но если миловидная дѣвушка васъ плѣняетъ, скажете ли вы, не изъ простой вѣжливости, а въ полномъ, душевномъ убѣжденіи, что она прекраснѣе Венеры Медицейской? —

Теперь обратимся къ искуству. Нѣкоторые столь пристрастны, что не только сравниваютъ, но и предпочитаютъ Г-жу Зонтагъ знаменитымъ Каталани и Сесси. Дѣйствительно надобно повѣрить, что Германскій соловей одаренъ волшебною силою, и что напѣвъ его имѣетъ способность приводить людей въ какое-то безотчетное забытье. Въ Моск. Телеграфѣ между прочимъ сказано, что особы, слышавшія варіяціи Роде, пѣтыя Г-жею Каталани и Г-жею Зонтагъ, послѣдней отдаютъ преимущество. Совѣтовалъ бы симъ особамъ вспомнить, какъ Г-жа Каталани пропѣла тему, съ какимъ чувствомъ, полнотою и достоинствомъ (о самыхъ варіяціяхъ нечего и говорить). Вообще cantabile есть слабѣйшая часть искуства Г-жи Зонтагъ и въ семъ отношеніи, она должна даже уступить нашей пѣвицѣ Г-жѣ Шоберлехнеръ, не входя уже въ сравненіе съ первокласными талантами.

Голосъ Г-жи Зонтагъ доведенъ до большой гибкости, бѣглости и легкости въ пассажахъ. Но гдѣ та отчетливость, та ясность въ тонахъ, кои столь свойственны пѣнію Г-жъ Сесси и Каталани? — Г-жа Зонтагъ дѣлаетъ пассажи не въ полъ- а даже въ четверть-голоса. Кто самъ поетъ, тотъ вѣрно знаетъ, что это несравненно легче. — Трель, которая есть оселокъ искуства пѣнія въ отношеніи къ бѣглости и гибкости, не доведена до совершенства Г-жею Зонтагъ. Она учащаетъ оную и тѣмъ, кажется, желаетъ скрыть невѣрность двухъ перемѣнныхъ тоновъ. Притомъ никогда долго не выдерживаетъ и старается преимущественно употреблять въ видѣ Pralltriller. — На этотъ счетъ она могла бы позаимствоваться у Г-жи Сесси. — Мы даже вспомнили о Г-жѣ Польманъ; вспомнили, какъ она въ оперѣ: *Прерванное жертвоприношеніе* (*), вмѣсто того, чтобъ выдерживать ноту нѣсколько тактовъ въ продолженіе хора, дѣлала трель и такую, какой мы еще не слышали и вѣроятно не услышимъ отъ Г-жи Зонтагъ.

Въ *Московскомъ Телеграфѣ* замѣтили, что арія изъ *Фрейшица* недостойна высокаго пѣнія Г-жи Зонтагъ. Пожалѣемъ о тѣхъ, которые раздѣляютъ мнѣніе сіе и пожелаемъ, чтобъ Г-жа Зонтагъ во всякой другой пьесѣ явила столько искуства и вкуса, какъ въ сей аріи. Конечно въ сочиненіяхъ Россини, гдѣ вся модуляція иногда ограничивается употребленіемъ тоники и доминанты одного и того же тона, гдѣ слѣдовательно можно сколько угодно прибавлять и убавлять, музыкальный младенецъ болѣе найдетъ наслажденія, встрѣчая безпрестанно тривіяльныя фигуры (plus à sa portée), и всякая перемѣна, сдѣланная Г-жею Зонтагъ, должна понравиться. Но означенная арія, спѣтая ею совершенно сообразно съ волею сочинителя (что дѣлаетъ честь Г-жѣ Зонтагъ), можетъ только обрадовать человѣка, знающаго музыку или умѣющаго правильно чувствовать.

Арія соч. Моцарта изъ *Титова милосердія* была спѣта Г-жею Зонтагъ весьма посредственно. Вообще въ 4-мъ концертѣ (исключая послѣдній нумеръ, спѣтый превосходно) трудно было найти что-либо необыкновеннаго въ ея пѣніи: Украшенія, ею прибавляемыя, иногда бываютъ неумѣстны, непонятны, часто дурно сочинены и вообще единообразны. Сей недостатокъ весьма ощутителенъ, особенно для того, кто слышалъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ Г-жа Сесси, съ истиннымъ вдохновеніемъ Импровизатрисы, съ каждою фигурою въ украшеніяхъ, творитъ новыя красоты, новыя мысли и, кажется, оканчиваетъ и приводитъ въ совершенство то, что чувствовалъ, но не вполнѣ выразилъ Композиторъ. И вотъ чего должно требовать отъ пѣвицы, имѣющей славу Г-жи Зонтагъ.

Пріѣздъ ея произвелъ совершенно противоположно дѣйствіе на нашихъ двухъ Примадоннъ. Г-жа Меласъ, которая имѣла многочисленную партію, ставившую ее выше Г-жи Шоберлехнеръ, по видимому, должна разстаться съ неумѣренными похвалами, каковыми ее осыпали. Услышавъ Г-жу Зонтагъ, удостовѣрились въ недостаткахъ пѣнія Г-жи Меласъ и увидѣли, что рѣзкій ея голосъ, непріятная метода и излишняя смѣлость въ пріемахъ хотя и могли нѣкоторое время нравиться по новизнѣ своей, и даже заслужить нѣсколько похвальныхъ статей въ *Сѣверной Пчелѣ* (судящей о музыкѣ, какъ слѣпой о краскахъ); но заблужденіе должно было миноваться и истина восторжествовала.

Г-жа Шоберлехнеръ, получившая уже со времени концертовъ послѣдняго великаго поста, нѣкоторый перевѣсъ надъ своею соперницей, съ появленіемъ Г-жи Зонтагъ заняла принадлежащее ей мѣсто. Кто прежде только уважалъ талантъ ея, тотъ теперь узналъ ему полную цѣну. Пріятность голоса, который въ высшихъ нотахъ превосходитъ голосъ Г-жи Зонтагъ, основательное знаніе музыки, чистота методы, изящный вкусъ въ выборѣ и украшеніи пьесъ, искуство входить въ духъ сочинителей какъ старой, такъ и новѣйшей школы: все это должно убѣдить насъ, что и мы не такъ бѣдны талантами, какъ сами о томъ думаемъ, что и среди насъ родилась и взросла пѣвица, которая можетъ собою украсить любую оперу Европейскихъ театровъ.

Разборъ мой, къ коемъ нѣсколько смѣло коснулся я

(*) Kind willſt du ruhig ſchlafen etc.

пѣнія Г-жи Зонтагъ, покажется, можетъ быть, слишкомъ строгимъ; но къ сему вызванъ я былъ преувеличенными похвалами ея таланту; и самая строгость въ моихъ сужденіяхъ показываетъ, что я весьма уважаю пѣніе Г-жи Зонтагъ. Въ картинѣ, написанной знаменитымъ Художникомъ, всякая ошибка ставится въ порокъ, тогда какъ мы склонны довольствоваться малымъ въ произведеніи какого-либо любителя живописи. Я готовъ восхищаться пѣніемъ Г-жи Зонтагъ, но не согласенъ включить ее въ число богинь (*). Счастлива та сцена, которая оживляется ея присутствіемъ; но отъ того неменѣе находится въ заблужденіи та часть публики, которая ставитъ сіе милое существо превыше знаменитыхъ пѣвицъ перваго разряда.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Посольство въ Китай. Сочиненіе Фанъ-деръ-Фельде. Повѣсть изъ послѣдней половины осьмнадцатаго столѣтія. Перевелъ съ Нѣмецкаго Валеріанъ Лангеръ. 2 части. — С. П. б. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1830. (въ 1-й ч. 241, во 2-й 137 стран. въ 12-ю д. л.)

Романъ: *Посольство въ Китай*, не смотря на нѣкоторыя, довольно явныя несообразности, занимателенъ съ начала до конца. Любопытное путешествіе Лорда Макартнея послужило Фанъ-деръ-Фельду богатою рамой для его сочиненія, несовершеннаго, но все еще могущаго служить образцемъ для Рускихъ Романистовъ. Руской переводъ хорошъ. Чистотой и легкостію языка Г-нъ Лангеръ блеститъ передъ многочисленною толпою безграмотныхъ Московскихъ переводителей Валтера Скотта, Купера и пр. и пр. Читателямъ Сына Отечества и Литературной Газеты знакомо перо его, а читатели Сѣверныхъ Цвѣтовъ вѣроятно любятъ карандашъ его, со вкусомъ начертывающій заглавныя виньетки для оныхъ. — Радуясь появленію сего перевода, не можемъ не пожалѣть, что наши книжные промышленики не вздумали до сихъ поръ выдавать коллекцію иностранныхъ хорошихъ романовъ. Въ нынѣшнее время можно найти достаточное число хорошихъ Переводчиковъ. Опрятные же переводы занимательныхъ книгъ болѣе бы разпродавались и заслужили бы издателямъ благодарность отъ читателей, не знающихъ иностранныхъ языковъ, или неимѣющихъ средствъ доставать подлинники. Союзъ книгопродавцевъ и хорошихъ переводчиковъ былъ бы почтеннѣе нынѣшней связи первыхъ со школьниками, которые нерѣдко драгоцѣнное время, назначенное на ученье, отдаютъ заказнымъ переводамъ, отбивающимъ отъ чтенія равно какъ женщинъ и мужчинъ, такъ и всѣ возрасты.

СМѢСЬ.

Горестно видѣть, что нѣкоторые Критики вмѣшиваютъ въ мѣлочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому-либо извѣстному Писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова, въ живой еще памяти у всѣхъ Рускихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріятели знаменитаго Поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные Журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ *присяжный* или *увѣнчанный* Поэтъ (*) назвалъ его поэзію *сатанинскою*. — На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго Поэта послѣ развода съ своенравною его супругой и разлуки съ дочерью, неоднократно имъ изъясненная въ разговорахъ съ друзьями и въ письмахъ, выраженная съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегіи: *Прости*, и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ станцахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу Грековъ, и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагодарныхъ книгопродавцевъ; благодѣянія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Италіи и въ Турціи; постоянная его

(*) Сѣверная Пчела бываетъ подъ часъ очень забавна своими похвалами и вѣжливостями. Такъ въ одномъ письмѣ съ Каменнаго острова, о Г-жѣ Зонтагъ сказано было, что она «и regina, и divina, и carina.» Что, если бы кто вздумалъ сказать по-Руски своему другу или благодѣтелю такое привѣтствіе: «Ты мой и *Царь*, и *Богъ*, «и *миленькой дружокъ*?»

(*) Southey, *Poëte lauréat*.

дружба съ Шеллеемъ, Гобгоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ, наконецъ, благороднѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человѣчеству: смерть его въ стѣнахъ осажденной Миссолонги.—Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своемъ помянутому *увѣнчанному Поэту*. Но вотъ еще анекдотъ, узнанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ Рускомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность, на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный Оріенталистъ, Г. Гаммеръ, напечаталъ въ одной Нѣмецкой газетѣ, что это былъ Восточный *амулетъ*. «Сей амулетъ,» говоритъ Гаммеръ, «состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то «Дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по «мнѣнію Магометанъ) между Царемъ Соломономъ и дья«воломъ, въ силу котораго Сатана обязался не дѣлать «никакого зла человѣку, который будетъ носить при «себѣ сіе рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Ада«ма, Ноя, Іова, Іоны и Авраама!» Догадки того и другаго опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія Л. Байрона въ Аѳинахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ монахѣ Францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцемъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона исторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда, рѣшась на славный свой подвигъ, разсказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ.

—«Странное дѣло,» говорилъ Байронъ: «отецъ Бернардъ, отдавая мнѣ Христа, Котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: «Ты будешь за«щитникомъ Христіанъ, ты возвратишься въ Грецію «и станешь за правое дѣло вѣрныхъ.... но я не буду «обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь, что ты не «дойдешь до Аѳинъ.« — Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить; ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ бы одинокъ между людьми, когда какая-либо важная, или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ серединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова:

—«Едва повѣрятъ, что я ни въ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако жъ это сущая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію: этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память Пріоромъ Францисканов, живущимъ въ Діогеновой башнѣ въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился.— «Не забывайте меня, Милордъ,» сказалъ онъ, прощаясь со мною: «выберите изо всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ «то, что вамъ понравится, и берегите на память объ «отцѣ Бернардѣ.« — Я указалъ рукою на Распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ, не отдастъ ли онъ мнѣ его. Добрый Пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человѣкъ истинно-вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего Распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило.... И вотъ наконецъ предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію, и пр.»

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о Лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ Г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ, что Распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго Лорда въ его портфёлѣ, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона вмѣстѣ съ его *Альбомомъ* и бумагами. Оно теперь въ рукахъ Гобгоуза. — Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все-таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона *скептицизмъ*, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть, даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

А. Пушкинъ

* * *

Въ книжной лавкѣ Московскаго книгопродавца Матвѣя Глазунова, подъ No 25, въ домѣ Г. М. Балабина, противъ Гостинаго двора, и въ книжномъ Магазинѣ И. В. Слёнина, противъ Казанскаго Собора, въ домѣ Имзена, продается литографированный портретъ Флигель-Адъютанта Его Императорскаго Величества, флота Капитанъ-Лейтенанта *Александра Ивановича Козарскаго*, выдержавшаго на бригѣ Меркуріи сраженіе противъ двухъ линейныхъ Турецкихъ кораблей, 14-го Маія 1829 года. — Портретъ сей рисованъ съ натуры Г-мъ Осокинымъ, а на камнѣ Г-мъ Сандомури. Цѣна экземпляру 2 — 40 коп. съ пересылкою 3 руб. Безъ сомнѣнія многіе изъ Рускихъ захотятъ имѣть у себя изображеніе храбраго своего соотечественника, принесшаго подвигомъ своимъ столь великую честь Россійскому флоту.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 17-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ II, № 54. СЕНТЯБРЯ 23го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Сентябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Среду), — 8-го (въ Понедѣльникъ), — 13-го (въ Субботу), — 18-го (въ Четвертокъ), — 23-го (во Вторникъ) и 28-го (въ Воскресенье).

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(*Продолженіе.*)

На первыхъ порахъ, старый баринъ и всѣ его окружавшіе должны были повѣрить искреннему исправленію Ильи Степановича. Онъ безпрестанно ласкался къ своему дядюшкѣ, разсѣвалъ его задумчивость разговорами своими и порою веселилъ его чистосердечными разсказами про свои прежнія молодецкія шалости. Старикъ не хотя, бывало, подъ часъ и разсмѣется, чего за нимъ прежде не замѣчали. Принимая все на чистыя деньги, онъ не только извинялъ своего племянника, но даже находилъ, что шалости и мотовство его были признакомъ добраго сердца, и что молодой человѣкъ, съ такою откровенностію сознающійся въ своихъ проступкахъ, подаетъ о себѣ хорошую надежду. Илья Степановичъ также присматривалъ за работами, занимался бумагами и повѣркою счетовъ и ѣзжалъ въ городъ по дѣламъ своего дяди. Старикъ между тѣмъ сталъ меньше показываться, чаще запирался у себя въ кабинетѣ, читалъ или дѣлалъ ученые опыты съ помощью разныхъ машинъ, которыми и теперь завалена одна комната въ опечатанномъ барскомъ домѣ. Это не очень нравилось нашимъ крестьянамъ, привыкшимъ хоть изрѣдка встрѣчаться съ добрымъ своимъ господиномъ: теперь, кто хотѣлъ его видѣть хоть мелькомъ, тотъ нарочно проходилъ мимо садоваго забора, и заглядывалъ сквозь рѣшетку: тамъ, бывало, старый баринъ или роется въ своихъ цвѣтникахъ, или прохаживается тихими шагами по длинной липовой аллеѣ, опустя голову на грудь и нахлуча поля большой своей шляпы на глаза. И мнѣ, сударь, признаться, не слишкомъ нравилось ухаживанье да увиванье Ильи Степановича около добраго нашего барина. Теперь меня рѣже стали призывать въ кабинетъ; все, бывало, Илья Степановичъ сидитъ тамъ глазъ на глазъ съ своимъ дядюшкой, читаетъ съ нимъ да толкуетъ. Въ этомъ была моя двойная потеря: и къ барину я такъ привязался, что не видя его, я какъ будто не сполна былъ сытъ и доволенъ; и новыя хорошія книги мнѣ не такъ уже часто доводилось читать, а къ нимъ уже съ той поры такъ я пристрастился, что хоть хлѣбомъ меня не корми, только читать заставь. Особливо же любилъ я читать при старомъ баринѣ: онъ, хоть изрѣдка, скажетъ бывало, какъ будто разсуждая вслухъ съ самимъ собою, какое нибудь умное замѣчаніе, либо поясненіе, а это и заляжетъ у меня въ душѣ. Горевалъ я и тайкомъ досадовалъ на Илью Степановича, который у меня, словно, по клочкамъ сердце вырывалъ.

Не надолго однако были и радость барина, и мое горе. Не прошло и полгода, какъ нашъ молодецъ соскучился быть все съ дядюшкой. Онъ чаще сталъ отлучаться изъ дома, ѣздить въ городъ и проживать тамъ сутокъ по три и по четыре, иногда и по цѣлымъ недѣлямъ. Тутъ начали у него проявляться нужды въ деньгахъ, сперва понемногу, а послѣ и побольше; иногда случались даже и маленькіе недочеты въ барскихъ суммахъ, и нашъ Илья Степановичъ какъ будто самъ дивился тому, что здѣсь онъ переплатилъ лишнее, а тамъ не добралъ. Старый баринъ сперва смотрѣлъ на все это сквозь пальцы; но подъ конецъ сталъ и посерживаться. Къ этому еще начали до него доходить жалобы, что крестьянскимъ дѣвушкамъ и пригожимъ молодицамъ не было житья отъ докукъ молодаго барыча; а у насъ, сударь, какъ вотчина стоитъ за памятью старожиловъ, этакихъ проказъ отъ господъ своихъ не видывали. Старый баринъ призвалъ однажды утромъ въ свой кабинетъ Илью Степановича, и, какъ должно думать, порядкомъ вымылъ ему голову: молодецъ вышелъ оттуда съ разкраснѣвшимся лицемъ, съ посинѣлыми и дрожащими губами, и взглядомъ какъ будто всѣхъ съѣсть хотѣлъ. Онъ тотчасъ велѣлъ запречь лошадей, которыхъ подарилъ ему баринъ, и уѣхалъ со двора. Три дня мы его не видали, и во все это время также не видали мы отца нашего, стараго барина:

онъ заперся у себя въ кабинетѣ и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ карлы Тимоши.

Съ тѣхъ поръ, какъ говорится, *пошелъ дымъ коромысломъ.* Илья Степановичъ пересталъ притворяться и оказался истиннымъ сынкомъ своего батюшки. Онъ почти не жилъ дома, и рѣдко видался съ дядею; но когда видѣлся, то умѣлъ такъ подбиться, что старикъ хоть и сердился на него, а все снабжалъ его деньгами. Наконецъ старикъ рѣшился опредѣлить ему годовое содержаніе; но съ тѣмъ, чтобъ онъ уже больше не вмѣшивался въ вотчинныя дѣла, не ѣздилъ осматривать полевыя работы, жилъ, гдѣ и какъ хочетъ: дома ли, въ городѣ ли; только бы не требовалъ онъ дяди сверхъ назначенной суммы. Такое условіе, казалось, было по сердцу Ильѣ Степановичу: правду сказать, и сумма была не мала. Но у мота всегда карманы прорваны; и этого, видно, ему было мало. Послѣ оказалось, что онъ нашелъ услужливыхъ и разсчетливыхъ ростовщиковъ, которые не побоялись давать ему взаймы деньги въ чаяніи будущаго наслѣдства его, то есть, просто по смерть добраго нашего стараго барина.... Судите, сударь, каково должно быть сердце у человѣка, который хладнокровно по пальцамъ высчитываетъ, сколько дядѣ и благодѣтелю его остается еще прожить на свѣтѣ!

Однажды Илья Степановичъ уѣхалъ изъ нашего села, и мѣсяца два прожилъ въ городѣ, даже и не написавъ ни разу къ дядюшкѣ. Въ это время старикъ получилъ изъ города безъименное письмо, въ которомъ какая-то добрая душа извѣщала его, что Илья Степановичъ, проживая въ городѣ, спознался тамъ съ одною пріѣзжею чужеземкой, ремесломъ комедіянткой, лицемъ красавицей; о поведеніи жь ея и говорить нечего. Эта колдунья, сказано было въ письмѣ, опоила Илью Степановича приворотными зельями до того, что онъ безвыходно жилъ у нея и даже обѣщалъ на ней жениться. Она же ссужала его деньгами на игру, и научала всему недоброму. Старый баринъ, прочитавъ это письмо, долго ходилъ одинъ по комнатѣ; послѣ призвалъ меня, и знавъ мое къ нему усердіе, вѣрность и расторопность, далъ мнѣ порученіе ѣхать въ городъ, отъискать тамъ слугу Ильи Степановича, разспросить его осторожно обо всемъ, и если можно, самому пробраться въ домъ помянутой красавицы, высмотрѣть и вывѣдать, что тамъ дѣлалось, и обо всемъ донести барину. Порученіе это велѣлъ онъ мнѣ держать въ тайнѣ, и ни съ кѣмъ изъ дворовыхъ нашихъ людей не говорить ни объ немъ, ни о письмѣ, присланномъ изъ города.

Рано поутру поскакалъ я на лихой тройкѣ. Пріѣхавъ въ городъ, отъискалъ я Авдѣя, служителя Ильи Степановича. Малой этотъ былъ изъ нашей деревни и мы были дружны между собою. Авдѣй со слезами разсказывалъ мнѣ о проказахъ своего господина и о томъ, какую власть взяла надъ нимъ окаянная чужеземка. «Вѣдь баринъ мой, кажется, вовсе не простъ,» говорилъ Авдѣй, «а передъ нею онъ сущій теленокъ. Вотъ истинно змѣя подколодная! зла, горда, своенравна, какъ будто знатная барыня: коли что не по ней — куда! разкричится тебѣ, хоть святыхъ вонъ неси. Ужь пусть бы что было путное, а то, хоть баринъ и называетъ ее Итальянкой, да мнѣ все сдается, наше мѣсто свято! что она Жидовка проклятая.

— «Послушай, Авдѣюшка,» сказалъ я ему: «какъ бы мнѣ своими глазами увидѣть эту птицу?

— «Это легко сдѣлать,» отвѣчалъ онъ. «Приходи ко мнѣ нынче вечеромъ; мы засядемъ съ тобою въ кухнѣ, куда она поминутно выбѣгаетъ, то заказывать то либо иное, то браниться съ кухаркой, то посылать меня изъ одного конца города въ другой. Не бойся: барина дома не будетъ, онъ въ это время уѣзжаетъ къ своимъ пріятелямъ картежникамъ; а если она спроситъ, что ты за человѣкъ? скажи, портной, либо сапожникъ, пришелъ ко мнѣ за господскимъ дѣломъ, — ну, солги, какъ умѣешь.»

Такъ я и сдѣлалъ. Вечеромъ, когда мы съ Авдѣемъ сидѣли и разговаривали вполголоса, а кухарка стряпала что-то у очага и ворчала себѣ подъ носъ, — вдругъ вбѣжала высокая и статная женщина лѣтъ двадцати пяти. Авдѣй тихонько меня толкнулъ, мы встали и я поклонился этой самозванкѣ барынѣ, на вопросъ ея отвѣчалъ, что я такой-то ремесленникъ, и она оставила меня въ покоѣ. За то напустилась на кухарку, залепетала, какъ сорока, дурнымъ Рускимъ языкомъ: и то худо, и другое не доварилось, и третье пригорѣло; а только кухарка разинула ротъ, глядь — и пощечина! Во все это время, смотрѣлъ я изкося на бѣшеную красавицу. Подлинно, сударь, она была красавица: большіе черные глаза, которые словно жгли того, на кого смотрѣли; волосы, какъ смоль, затѣйливо распущены были по плечамъ и вились самородными кудрями; лице полное, немного смуглое, но за то съ самымъ живымъ румянцемъ; алыя губки, пухленькія щечки, прекрасный носикъ.... короче вамъ сказать, сударь, и въ картинахъ рѣдко увидишь такую красавицу. И лицемъ и нравомъ была она сущая Царь-дѣвица, о которой разсказывается въ нашихъ Рускихъ сказкахъ: также упряма, причудлива и такая жь охотница властвовать.

Возвратясь изъ города, я пересказалъ старому барину все, что видѣлъ и слышалъ. Онъ слушалъ молча, потряхивалъ головою, пожималъ плечами и кусалъ себѣ губы; кажется, донесеніе мое очень его огорчало. Однако жь онъ ничего еще не начиналъ, и оставилъ все дѣло до поры, до времени.

Черезъ недѣлю послѣ того, пріѣхалъ Илья Степановичъ и пошелъ прямо въ кабинетъ своего дядюшки. Что они тамъ говорили, никто не знаетъ; только черезъ полчаса Илья Степановичъ выбѣжалъ оттуда

Изображение Российской Национальной Библиотеки

звѣрь звѣремъ: всѣ его составы дрожали, и лице было у него, словно у Каина; страшно было на него взглянуть, особливо встрѣтиться съ его взглядомъ: такъ глаза его налились кровью отъ бѣшенства и судорога подергивала всѣ жилы въ лицѣ. Онъ остался однако же въ домѣ, но обѣдалъ особнякомъ; а старый баринъ никого къ себѣ не пускалъ и никому не показывался, кромѣ своего карлы, который одинъ всегда имѣлъ къ нему доступъ. На другой и на третій день было то же. Илья Степановичъ, не смотря на осеннюю пору и на то, что уже листа не оставалось на деревьяхъ, бродилъ всѣ эти дни по полямъ одинъ, какъ перстъ, и возвращался только тогда, когда все въ домѣ спало.

Карла Тимоша говорилъ, что во всѣ эти дни старый баринъ безпрестанно ходилъ по комнатѣ, стоналъ чаще обыкновеннаго, жаловался на нестерпимый жаръ и какъ будто заговаривался.

На четвертый день Илья Степановичъ, увидѣвъ карлу, подозвалъ его, спросилъ о здоровьѣ своего дяди, и узнавъ то же самое, прибавилъ: «Пойди, доложи дядюшкѣ, что я хочу съ нимъ еще однажды переговорить; больше я его безпокоить не стану.» Минуты черезъ двѣ, карла вышелъ сказать, что старый баринъ согласенъ былъ принять своего племянника. Илья Степановичъ пошелъ въ кабинетъ съ какимъ-то сильнымъ раздумьемъ; а лукавый карла, любопытный отъ природы и отъ нечего дѣлать, приставилъ ухо къ двери и началъ подслушивать разговоръ стараго барина съ его племянникомъ. Сначала (какъ Тимоша послѣ намъ разсказывалъ) говорили они тихо, такъ что нельзя было порядочно разслушать. У Ильи Степановича вырывались только кое-какіе слова о женитьбѣ, о согласіи, о благословеніи, на которыя старый баринъ отвѣчалъ только: нѣтъ, — не хочу, — не даю согласія. Погодя немного, Илья Степановичъ, разгорячась, сказалъ громко: «Такъ вы не соглашаетесь на мое счастіе?

— «Я не соглашаюсь на твою погибель, жалкій молодой человѣкъ,» отвѣчалъ старый баринъ. «Какого счастія надѣешься ты съ этою женщиной?

— «Дядюшка! безцѣнный дядюшка! не губите меня, осчастливьте вашимъ благословеніемъ!» выкрикивалъ племянникъ, ставъ передъ дядей на колѣни и рыдая, какъ ребенокъ: «Что же дѣлать! если это заблужденіе, то оно мое: никто отъ него не пострадаетъ.

— «Не правда, другъ мой! цѣлая вотчина можетъ отъ него потерпѣть. Ты знаешь, я люблю крестьянъ моихъ, какъ дѣтей, весь остатокъ моей жизни посвящаю на то, чтобъ упрочить, ихъ благосостояніе, а тутъ. . . .

— «Кто же вамъ сказалъ, что они будутъ несчастны?

— «Мое сердце и долговременная опытность. . . Впрочемъ, другъ мой, ты слышалъ послѣднее мое слово, и знаешь, что я отмѣнять его не люблю.»

Карлѣ послышалось, что въ эту минуту Илья Степановичъ глухо проревѣлъ, какъ будто бы стараясь утаить въ груди своей или проклятіе, или грубое слово. Онъ всталъ на ноги и спустя нѣсколько минутъ сказалъ: «Такъ мнѣ остается воспользоваться правомъ, по которому каждый въ мои лѣта властенъ располагать собою, своими дѣлами и поступками.

— «Можешь, другъ мой,» отвѣчалъ ему старый баринъ. «Но знай, что и я воспользуюсь своимъ правомъ: устранить тебя отъ наслѣдства по законнымъ причинамъ, отпустить крестьянъ моихъ на волю и отдать имъ всѣ мои земли. . .»

Снова послышался такой же глухой ревъ. Погодя немного, Илья Степановичъ вышелъ. Карла, притаясь за дверью полутемнаго корридора, изъ котораго былъ ходъ въ бариновъ кабинетъ, не могъ разсмотрѣть, что дѣлалось на лицѣ баринова племянника; но видѣлъ, что онъ судорожно сжималъ кулаки и слышалъ какой-то невнятный шепотъ его. Карла замѣтилъ также, что старый баринъ былъ грустнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго, все ходилъ по комнатѣ, часто поднималъ глаза къ небу и шепталъ что-то, какъ будто молился или испрашивалъ у Бога въ чемъ нибудь отпущенія. Передъ вечеромъ вышелъ онъ въ садъ и прохаживался по липовой аллеѣ до самыхъ сумерекъ. Мы всѣ подходили къ окнамъ и смотрѣли вслѣдъ за нимъ. Три дни уже передъ тѣмъ мы его не видали. Казалось, каждый изъ насъ хотѣлъ на него теперь наглядѣться. На немъ былъ широкой и длинный его сѣрый плащъ, большая шляпа съ опущенными полями, а на ногахъ плисовые сапоги.

Илья Степановичъ и въ эту ночь поздно возвратился домой; баринъ уже тогда легъ спать. Карла Тимоша, котораго комнатка была въ корридорѣ, подлѣ бариновой спальни, сказывалъ, что раздѣвъ барина, онъ долго слушалъ у дверей, и ему слышалось, что добрый нашъ господинъ часто и тяжело вздыхалъ, иногда изъ глубины души говорилъ: «О, Господи помилуй!» и поворачивался съ боку на бокъ, какъ будто бы чувствовалъ себя нездоровымъ. Наконецъ онъ, по видимому, заснулъ: все утихло и карла отправился въ свою комнату.

На другой день, около семи часовъ утра, время, въ которое старый баринъ обыкновенно просыпался, карла стоялъ у его дверей и дожидался, когда онъ позвонитъ. Пробило семь часовъ: нѣтъ звонка. Долго стоялъ еще карла, дивясь, что баринъ такъ заспался, и думая, что тому можетъ быть причиною была вчерашняя долговременная безсонница. Но вотъ и восемь часовъ пробило, а звонка все еще не слышно. Въ большихъ стѣнныхъ часахъ, стоявшихъ въ гостиной, застучалъ будильникъ, отъ котораго все въ домѣ просыпалось; а баринъ все еще спалъ. Карла Тимоша былъ отъ природы нетерпѣливъ; онъ началъ стучаться въ дверь и кричать: «Баринъ, баринъ!» Отвѣта не было. Тогда онъ выбѣжалъ къ намъ въ переднюю, сказалъ намъ свои опасенія о здоровьѣ стараго барина и позвалъ насъ съ собою, чтобы, въ случаѣ нужды, подать общими силами помощь или послать поскорѣе за лекаремъ. Мы остановились въ корридорѣ, а карла отперъ дверь и вошелъ въ спальню. Но едва вошелъ, какъ мы услышали его дикій, пронзительный крикъ. Мы всѣ бросились туда.... Господи, Боже мой! на полу валялась кровавая подушка, кровь запеклась на простынѣ и баринъ, нашъ добрый старый баринъ лежалъ въ постелѣ съ перерѣзаннымъ горломъ! — Крикъ, плачъ и рыданія наши раздались по цѣлому дому. Вся дворня сбѣжалась, и всякой, кто лишь взглянулъ, начиналъ выть, какъ по отцѣ родномъ. Долго мы не могли опомниться; наконецъ, когда пришли не много въ себя, начали осматривать.... Руки стараго барина были сжаты кулаками и притиснуты къ груди; подлѣ правой руки, на груди, увидѣли мы роковую бритву.... Тутъ только догадались мы, что не было съ ними Ильи Степановича. Побѣжали сказать ему страшную вѣсть. Онъ вошелъ полу-одѣтый, затрясся, зарыдалъ и упалъ на тѣло своего дяди.... Всѣ, тутъ бывшіе, отвѣчали на его плачъ единодушнымъ, громкимъ воемъ, какъ будто бы впервые узнали всю горесть невозвратной своей потери. Должно сказать, однако, что Илья Степановичъ не вовсе потерялъ голову. Когда мы оттащили его отъ тѣла баринова и привели въ его комнату, онъ потребовалъ чернилъ и бумаги, сѣлъ и самъ написалъ объявленіе въ судъ, которое тотчасъ и послалъ съ коннымъ гонцемъ въ городъ. Между тѣмъ не велѣлъ намъ трогать тѣла его дяди, строго подтвердилъ, чтобы все осталось въ томъ видѣ и на томъ мѣстѣ, какъ было, когда мы въ первый разъ вошли въ спальню, и выславъ изъ нея всѣхъ насъ, замкнулъ и запечаталъ дверь и поставилъ сторожей у дверей и оконъ спальни. Конча всѣ сіи разпоряженія, онъ ушелъ въ свою комнату и заперся въ ней до пріѣзда судовыхъ и лекаря.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

ПРОЩАНІЕ ВОИНА

СЪ СОСЛУЖИВЦАМИ.

Спѣшу къ родимой сторонѣ....
Друзья! пожмите руку мнѣ;
Нѣтъ силъ прощанья произнесть!...
Я весь въ слезахъ.... Но мутный взоръ
Напрасно силится прочесть
Кровавый смерти приговоръ....
Въ бояхъ таинственна судьба:
Ахъ! можетъ быть, моя мольба
Къ Царю Небесъ не долетитъ —
И Онъ не всѣхъ васъ сохранитъ!
Скажите мнѣ, мои друзья,
Съ кѣмъ навсегда прощаюсь я?...
На немъ бы взоръ остановилъ,
Спѣша въ родимый мой пріютъ:
Не вамъ, — ему бы посвятилъ
Всю грусть прощальныхъ сихъ минутъ!

Трилунный.

ПОЛЬЗА И ПРІЯТНОСТЬ БОТАНИКИ.

Предметъ Ботаники есть изученіе и познаніе растеній. Наука сія составляетъ собою одну изъ частей Естественной Исторіи, и, безспорно, самую полезную и пріятную. Она обогащаетъ земледѣліе открытіемъ новыхъ родовъ растеній, просвѣщаетъ его указаніемъ степеней теплоты или холода и почвы земли, способной для каждаго растенія; а наблюденія оной надъ естественными или искуственными и произведеніями растеній, надъ дѣйствіемъ большаго числа оныхъ на наше тѣло въ видѣ врачебныхъ средствъ, доставляютъ великія выгоды общественной экономіи. Она же, въ немногіе предъ симъ годы, обогатила наши поля, сады и огороды растеніями, обильно въ себѣ носящими питательное вещество; она населила наши лѣса заморскими деревами, и украсила наши рощицы красивыми и разнообразными кустарниками.

Мы не можемъ ступить шага въ нашихъ мастерскихъ, или въ домахъ, не замѣтивъ многоразличной пользы, доставляемой познаніемъ растеній. Сіи существа, при жизни своей украшающія наши поля, по смерти переносятся въ города, гдѣ одни изъ нихъ употребляются по постройку зданій, другіе превращаются въ домашніе уборы и утварь всякаго рода. Свѣжесть, которою мы наслаждаемся въ лѣтній зной, яствы, питающія насъ, ткани, въ кои мы одѣваемся, и цвѣта̀, коими онѣ выкрашены, экипажи, переносящіе насъ съ одного мѣста на другое, корабли, приносящіе къ намъ богатства обоихъ полушарій міра, — все сіе и безчисленное множество другихъ предметовъ, суть благодѣянія, доставляемыя намъ растеніями. Изъ растеній мы дѣлаемъ наши музыкальные инструменты; цвѣты ихъ снабжаютъ насъ благовоніями и душистыми умываньями; сѣмена многихъ изъ нихъ даютъ намъ масло; имъ мы обязаны за клей, смолы и большую часть цѣлительныхъ веществъ; наконецъ, имъ же мы обязаны за нашу ученость, за распространеніе наукъ: ибо ихъ кора или наружная оболочка даетъ намъ бумагу и слѣдовательно книги.

Если растенія полезны намъ въ столь многихъ отношеніяхъ, то столь же должно быть полезно и изученіе оныхъ. Трудно повѣрить, и однако жъ Исторія и повседневная опытность подтверждаютъ то, что Ботаникъ можетъ своими открытіями обогатить обширныя области, населить пустыни, пріуготовить учрежденіе полезныхъ колоній, положить основаніе новой торговли, доставить новыя средства промышлености, богатство труду, новыя наслажденія обществу. Какую дѣятельность посѣяло въ великихъ націяхъ открытіе пряныхъ зелій, разведеніе кофейнаго дерева, хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника, индиго, растенія *нопала*, питающаго кошенильныхъ червячковъ, и шелковичнаго дерева, питающаго то насѣкомое, которое снабжаетъ насъ всѣмъ шелкомъ, обращающимся въ торговлѣ!

Наука о растеніяхъ, могущая служить единственно забавой для людей свѣтскихъ, есть необходимостію для Медика, употребляющаго оныя при леченіи болѣзней, для Аптекаря, на коего возложено приготовлять ихъ, и для правовѣда, ихъ собирающаго. Неменѣе сего Ботаника полезна садовнику, который часто найдетъ въ сходствѣ родовъ растеній способы распространять чудеса своего искуства, и земледѣльцу, котораго наука сія наставляетъ въ выборѣ растеній, годныхъ для посѣва, смотря по свойству и положенію земляной почвы. Можно то же сказать о многихъ другихъ занятіяхъ и ремеслахъ, основанныхъ на употребленіи растеній; и если глубокое изученіе Ботаники не всегда нужно въ каждомъ изъ сихъ ремеслъ, то занимающіеся оными должны покрайней мѣрѣ стараться узнать хорошо роды растеній, относящіеся къ ихъ занятіямъ, и достаточно знать правила науки, дабы по невѣдѣнію не смѣшивать одного растенія съ другимъ.

Посему Ботаника не есть, какъ часто говорятъ, наука словъ, одно изъ тѣхъ блестящихъ, но безполезныхъ знаній, которыя служатъ только къ удовлетворенію любопытства, или къ угожденію суетности людей, любящихъ выказывать свои знанія. Дѣлающіе сей упрекъ, смѣшиваютъ педантизмъ науки съ самою наукой. Они смотрятъ на Ботаника, какъ на одного изъ тѣхъ людей праздныхъ, кои проводятъ время, нагнувшись надо мхомъ, или разщипываютъ цвѣтокъ, высчитываютъ его пестики и тычинки, и набиваютъ большія тетради сухими стеблями или листьями. Они воображаютъ, что вся наука Ботаника состоитъ въ точномъ знаніи наружнаго вида листика или цвѣточка, въ затвержденіи наизустъ по нѣскольку Греческихъ или Латинскихъ словъ о каждомъ предметѣ, и въ томъ, чтобы имѣть хорошую память, а не здравый разсудокъ. Нѣтъ! не въ сихъ только мѣлочныхъ подробностяхъ должна состоять истинная наука о растеніяхъ: гораздо болѣе должно ихъ изучать въ чудномъ ихъ устроеніи, въ ихъ средствахъ произрастанія и возрожденія, въ ихъ отличительныхъ свойствахъ и удивительныхъ пригодностяхъ; должно ихъ изучать въ ихъ общности, въ ихъ отношеніяхъ между собою, къ другимъ существамъ и къ намъ самимъ.

Ботаника, разсматриваемая такимъ образомъ, есть конечно одна изъ тѣхъ наукъ, коихъ предметъ, самый дѣльный и самый важный для блага общества, весьма достоинъ занимать умственныя способности человѣка; прибавимъ, что изученіе оной вмѣстѣ съ симъ весьма естественно и пріятно. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли какая-либо наука быть пріятнѣе науки о растеніяхъ? Они ростутъ около насъ и для насъ; близость ихъ пробуждаетъ наши ощущенія; ихъ произведенія множатъ наши удовольствія; пріятный ихъ запахъ, тѣнь ихъ, зеленые ихъ ковры, манятъ насъ къ покою или къ утѣхамъ. Повсюду они представляютъ намъ великолѣпныя картины, полныя свѣжести и жизни. Бывъ поставлены посреди сихъ дѣлъ мірозданія, можемъ ли мы закрыть глаза отъ ихъ чудесъ, или ограничиться простымъ удивленіемъ, когда все влечетъ насъ къ ихъ изученію?

Растенія не могутъ, подобно животнымъ, ускользать отъ нашихъ взоровъ: будучи прикованы къ мѣсту ихъ рожденія, они всегда передъ нашими глазами, они поддаются нашимъ изысканіямъ, какъ и желаніямъ нашимъ; ни одинъ изъ ихъ видовъ, ни одна изъ ихъ красотъ отъ насъ не укрывается. Мы также властны раздѣлять съ природой попеченія объ ихъ возрожденіи, объ ихъ дѣтствѣ; кажется, она какъ бы хотѣла предоставить намъ въ нѣкоторомъ смыслѣ удовольствіе творить ихъ: мы измѣняемъ ихъ, размножаемъ, даже украшаемъ. Воспитанныя нами, они составляютъ одну изъ невиннѣйшихъ нашихъ забавъ, становятся предметомъ нашей любви: мы ихъ любимъ, какъ дѣтей своихъ; и когда они достигаютъ поры своего цвѣтенія или плодородія, то съ лихвою намъ оплачиваютъ за наши попеченія и заботы.

Мало тѣхъ людей, которые не изведали бы сладостнаго препровожденія времени, доставляемаго разведеніемъ растеній. Нѣсколька горшковъ съ цвѣтами достаточно для того, чтобы пріятно развлекать насъ. Съ какимъ нетерпѣливымъ любопытствомъ подмѣчаемъ мы минуту, когда юное растеніе, разорвавъ оболочки, связывающія его въ сѣмячкѣ, выбѣгаетъ изъ покрывающей его земли, и показывается на свѣтъ! съ какимъ удовольствіемъ видимъ мы, какъ выметываются на немъ первые листочки, и тѣ, кои за ними слѣдуютъ! Желанная роспуколька наконецъ является, разкрывается мало по малу, и съ каждымъ часомъ дня мы наблюдаемъ за ея развитіемъ. Поутру, при нашемъ пробужденіи, цвѣтокъ, въ полной его свѣжести, разцвѣтшій съ зарею, предстаетъ нашимъ взорамъ и улыбается намъ во всемъ своемъ блескѣ. Отъ него какъ будто день становится яснѣе; онъ дѣйствуетъ на душевное наше расположеніе: мы веселѣе, довольнѣе, не подозрѣвая даже, что симъ расположеніемъ духа обязаны мы разцвѣтенію цвѣтка.

Во всѣ времена Ботаника почиталась наукою пріятной; она, въ нѣкоторомъ смыслѣ, наука всякаго возраста: въ дѣтствѣ — она игрушка; въ зрѣлыхъ лѣтахъ — пріятное развлеченіе; въ лѣтахъ преклонныхъ — источникъ сладостныхъ воспоминаній. Нѣтъ науки, которая болѣе была бы способна увеселять нашъ досугъ или смягчать наши горести, даже поддерживать наше здоровье. Она заставляетъ насъ любить прогулки по полямъ, укрѣпляетъ наше тѣло благотворнымъ движеніемъ, влечетъ насъ снова къ чистымъ удовольствіямъ природы. Ботаникъ не можетъ ступить одного шага по полю, чтобъ его тотчасъ не окружили прелестные предметы, манящіе его взоръ и задобривающіе его вниманіе. Зимою онъ опять наслаждается, когда, сидя передъ своимъ каминомъ, пересматриваетъ онъ въ своемъ травникѣ растенія, сорванныя лѣтомъ: въ нихъ нѣтъ движенія и жизни, но они напоминаютъ ему полевыя его прогулки, и пріятныя минуты, проведенныя въ разсматриваніи сихъ растеній, когда они еще блистали своею прелестью и свѣжестью. Какой человѣкъ не ощутитъ въ себѣ сладостнаго чувствованія, взирая на цвѣтникъ, испещренный множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ, посѣянныхъ и часто украшенныхъ его стараніями? Кто, подъ старость лѣтъ, не помолодѣетъ духомъ, прогуливаясь по аллеямъ и рощицамъ, насажденнымъ его рукою? Деревья, ростущія въ нихъ, были въ юности своей сверстниками его молодости; они были предметомъ его попеченій, онъ любитъ ихъ, какъ дѣтей, утѣшающихъ его въ старости.

Такія выгоды и удовольствія доставляетъ любовь къ растеніямъ. Часто любовь сія превращается въ страсть, конечно весьма невинную и весьма извинительную. Ученые, или тѣ, кои хотятъ сдѣлаться таковыми, не одни показываютъ пылкую любовь къ Ботаникѣ; она воспламеняетъ также и тѣхъ, для которыхъ она служитъ просто забавой; она нравится юности, даже дѣтству. Но всего болѣе для душъ нѣжныхъ и чувствительныхъ наука о растеніяхъ имѣетъ особенную прелесть: для нихъ-то существуютъ чистыя и неподдѣльныя радости, ею доставляемыя. Радости сіи потеряны для тѣхъ, коихъ неумѣренныя желанія богатствъ или честолюбія уносятъ въ вихрь жизни, безпрерывно-тревожной: для таковыхъ нѣтъ природы. Кажется, кротость нрава согласуется съ тихою привязанностію къ растеніямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что по сему-то сходству цвѣты всегда употреблялись для увѣнчанія невинности, во знаменіе нѣжныхъ чувствованій: ни свадьбы не бываетъ безъ букета, ни праздника безъ гирландъ, никакой счастливой поры нашего существованія, которой возвратъ не былъ бы празднуемъ цвѣтами.

Хотя Ботаникой теперь вообще много занимаются, но занимались бы еще болѣе, когда бы лучше ее узнали, особливо прекрасный полъ, столь счастливо для нея созданный, но часто напуганный множествомъ новыхъ терминовъ, грубыхъ и непонятныхъ, какъ будто бъ изъ нея хотѣли сдѣлать ученіе для посвященныхъ въ таинства. Какую прелесть наука сія придала бы самымъ обыкновеннымъ занятіямъ сего пола! Какъ пріятно было бы для него узнать тѣ цвѣты, коихъ онъ оживляетъ въ нѣжныхъ своихъ издѣліяхъ красивыя очертанія и блестящія краски! И легко было бы поселить охоту къ сей наукѣ, если бы представляли ее со всѣми ея приманками: одно растеніе, тщательно разсмотрѣнное и узнанное во всѣхъ частяхъ его, достаточно для того, чтобы дать понятіе о всей наукѣ. Переходя къ разсматриванію другаго, должно сравнить его съ первымъ, вникнуть, что въ нихъ общаго и замѣтить ихъ различія. Желаніе изучить третье, четвертое, скоро окажется; тотъ же трудъ, тѣ же наслажденія. Сіи изслѣдованія, подстрекаемыя любопытствомъ, приведутъ такимъ образомъ по пути, усѣянному цвѣтами, къ познанію началъ науки, которая мало по малу врѣжется въ умъ, не пугая воображенія.

Изученіе Ботаники обѣщаетъ не одно удовольствіе молодымъ дѣвицамъ, ею занимающимся: оно приноситъ имъ кромѣ того великую пользу нравственную. Драгоцѣнна та наука, которая поселяетъ въ насъ склонности простыя, наслажденія чистыя, стократно предпочтительныя суетнымъ городскимъ забавамъ! Драгоцѣнно то занятіе, которое доставляетъ намъ во всѣ часы нашей жизни удовольствія невинныя, легкія, благопріятныя здоровью, независимыя отъ своенравія человѣческаго, отъ случайностей судьбы и времени! Наружныя качества, сколь бы они блестящи ни были, имѣютъ свой предѣлъ; они измѣняются съ лѣтами, и не въ нашей власти сохранить ихъ или улучшить. Не то бываетъ съ нашими способностями умственными: мы можемъ ихъ умножать и развивать безпрерывно, и навѣрное Ботаника, изучаемая какъ должно, можетъ способствовать къ тому, какъ и всякая другая наука. Она точно заставляетъ сравнивать предметы между собою, пріучаетъ насъ разсматривать ихъ въ разныхъ отношеніяхъ, сближать, обставлять ихъ; она сообщаетъ намъ тотъ духъ наблюдательности, отъ котораго раждаются новыя познанія, новыя понятія, и мысль, находясь безпрерывно въ пріятномъ занятіи, усовершенствуетъ наше сужденіе и развертываетъ умственныя наши способности.

Не одинъ умъ можетъ питаться изученіемъ Ботаники: имъ питается также и сердце. Истинный Ботаникъ не можетъ не быть человѣкомъ чувствительнымъ и мыслящимъ, который, стараясь познать произведенія природы, возносится высокими мыслями къ Творцу своему, боготворитъ Всемогущую Десницу, создавшую вселенную и сію землю, на которой мы обитаемъ, покрывшую ее растеніями, опредѣленными для нашихъ нуждъ и удовольствій, и положившую правила ихъ сохраненія, возрожденія и потребленія. Блаженъ человѣкъ, могущій познать и оцѣнить всѣ дары Создателя, углубляться въ Его безконечную Премудрость и благотворныя цѣли! Онъ добродѣтельно и тихо проживетъ посреди своихъ ближнихъ, которыхъ будетъ любить, какъ братьевъ; безъ честолюбія, довольный судьбою своею въ здѣшней юдоли, безъ ропота будетъ онъ ожидать послѣдняго часа, и когда часъ сей прійдетъ, когда жизнь, одушевлявшая тѣло его, разсѣется какъ дымъ по воздуху, безсмертная душа его сольется съ Верховымъ Источникомъ, отъ Коего все проистекло во вселенной, и Коего чудеса созерцалъ онъ во дни своей жизни. *Съ Франц.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи, послѣ перемирія, до обратнаго перехода Французской арміи чрезъ Рейнъ. Сочиненіе Генералъ-Маіора Д. П. Бутурлина, служащее продолженіемъ Исторіи нашествія Императора Наполеона на Россію. Переводъ съ Французскаго. — Съ топографическою картою окрестностей Лейпцига, планомъ Лейпцигскаго сраженія и картою театра войны за независимость Германіи. — С. П. б., въ типогр. Штаба Отдѣльнаго Корпуса внутренней стражи, 1830. (IV—215 стр. въ 8-ю д. л. (*).

Г. Генералъ-Маіоръ Бутурлинъ пріобрѣлъ славу отличнаго военнаго Историка. Сами бывшіе непріятели наши отдаютъ справедливость его *Исторіи нашествія Наполеона на Россію*; и если, изъ народнаго самолюбія, не соглашаются съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ его показаній, то съ другой стороны съ уваженіемъ отзываются о прямодушномъ и откровенномъ его способѣ излагать событія военныя. «Принявшись за перо «для пользы Военной науки,» говоритъ онъ въ предисловіи къ нынѣ изданной на Рускомъ языкѣ книгѣ, «мы «забывали, въ чьихъ рядахъ сражались; и не стараясь «ни раздражать, ни ласкать чье-либо самолюбіе, мы «охуждали безъ снисхожденія и хвалили безъ низости «все то, что казалось намъ сообразнымъ или не сообразнымъ съ военными правилами.»

Картина осенняго похода въ Германіи, объемлетъ происшествія достопамятной войны сей отъ окончанія перемирія до перехода Французскихъ войскъ обратно за Рейнъ, или отъ начала Августа до половины Декабря 1813-го года. Военныя событія въ книгѣ сей представлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Конецъ перемирія. Начало военныхъ дѣйствій. Кацбахское сраженіе. 2) Сраженіе при Гросъ-Беренѣ. 3) Происшествія въ окрестностяхъ Дрездена отъ 22 Августа. 4) Происшествія отъ 30 Августа, до прихода на берега Эльбы Польской арміи, подъ командою Бенингсена. 5 и 6) Приготовленія къ Лейпцигскому сраженію. Сраженіе. Побѣда. 7) Отступленіе Наполеоновой арміи, 7-го Октября; кровопролитныя битвы въ предмѣстіяхъ и улицахъ Лейпцига; ужасная гибель Французскихъ войскъ. 8) Происшествія послѣ побѣды подъ Лейпцигомъ. Приложенія, помѣщенныя въ концѣ книги, неменѣе любопытны: они сообщаютъ вѣрное свѣдѣніе о числѣ войскъ Союзныхъ и Французскихъ во время прекращенія перемирія, и о боевомъ порядкѣ большой Французской и Союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ, съ изъясненіемъ плана Лейпцигскаго сраженія.

Книга сія переведена весьма хорошо, подъ смотрѣніемъ одного опытнаго Писателя, обогатившаго Рускую Словесность переводомъ нѣсколькихъ книгъ по части военной Исторіи. Это служитъ порукою за точность слога и военныхъ выраженій въ сей *Картинѣ осенняго похода*. Чистота и красивость плана и карты, приложенныхъ къ этой книгѣ, и вообще типографическое достоинство оной, дѣлаютъ честь ея Издателю, Г. Непейцыну.

СМѢСЬ.

На сихъ дняхъ Г-нъ Ѳ. Б., Издатель Сѣверной Пчелы, обнародовалъ нижеслѣдующую прокламацію, которою повелѣваетъ всѣмъ Рускимъ покупать Исторію Рускаго Народа (1):

«Чуждый зависти и всѣхъ литературныхъ мѣлочей, я всегда отдавалъ справедливость жесточайшимъ моимъ противникамъ (2); но теперь съ удовольствіемъ говорю истину о трудѣ Писателя самостоятельнаго, благонамѣреннаго и пламеннаго любителя просвѣщенія (3). Занимаясь съ любовью всю жизнь Исторіею, и преимущественно Рускою, осмѣливаюсь сказать явно, что я въ состояніи судить объ Исторіи (4). Не почитаю Исторію Рускаго Народа совершенною; но признаю оную сочиненіемъ черезвычайно важнымъ, любопытнымъ и

(*) Продается въ книжной лавкѣ Ив. Вас. Непейцына, въ д. Г. М. Балабина, противъ Гостинаго двора, подъ № 26-мъ. Цѣна экз. на простой бумагѣ 6 р., на вел. 10 р.

полезнымъ для Россіи, ибо въ ней въ первый разъ появляются Политика, Философія и Критика (5). Повторяю однажды уже сказанное, что Исторія Рускаго народа, соч. Г. Полеваго, есть такая книга, которую не только можно, но *должно*, и *непремѣнно должно*, прочесть послѣ Исторіи Карамзина, и что *каждый* любитель отечественнаго обязанъ даже имѣть ее. Льщу себя надеждою, что я заслужилъ довѣренность Публики, и что въ этомъ случаѣ она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, нежели тѣмъ отвратительнымъ нападкамъ, которыя превращаютъ литтературное поприще въ какое-то торжище, и унижаютъ званіе Литтератора (6). Почтенный, добрый, благородный Карамзинъ сказалъ, что первая потребность Писателя есть *доброе сердце.* Читая въ Журналахъ грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти, рядомъ съ преувеличенными похвалами безсмертному Исторіографу, по неволѣ выводимъ заключеніе, которое.... не идетъ въ печать. (7).»

---

(1) Перепечатываемъ изъ N. 110-го Сѣв. Пчелы эту оффиціяльную бумагу, и, по праву Издателей Газеты, позволяемъ себѣ окружить ее нѣкоторыми замѣчаніями.

(2) Кто сіи жесточайшіе противники Г-на Ѳ. Б.? Ужь не тѣ ли, которымъ не нравятся его нравственно-сатирическіе и нравственно-историческіе романы? Въ такомъ случаѣ вмѣсто эпитета: *жесточайшіе*, слѣдовало бы сказать *невольные* и *многочисленные*. Съ появленія сихъ несчастныхъ сочиненій, Издатели С. П. разгнѣвались на всѣхъ Писателей, отличныхъ талантами и познаніями, и причислили ихъ къ особому приходу.

(3) Рѣчь идетъ объ Историкѣ Рускаго Народа.

(4) Какова логика: *я цѣлую жизнь занимаюсь Исторіею, и потому могу судить о ней?* Къ несчастію, мало заниматься цѣлую жизнь Исторіею, чтобъ умѣть судить о ней; надо еще прибавить къ сему одну бездѣлицу: ясный, наблюдательный умъ, не всѣмъ и не безъ пристрастія раздаваемый природою. Объ историческихъ мнѣніяхъ Г-на Ѳ. Б. мы справедливѣе можемъ судить по статьѣ его, напечатанмы ной въ двухъ нумерахъ Сѣверной Пчелы прошлаго года, въ которой онъ Богъ знаетъ чего требуетъ отъ нынѣшнихъ Историковъ.

(5) И Политика, и Философія, и Критика не узнаютъ себя въ Исторіи Рускаго Народа. Историческая Критика Г-на Полеваго, какъ добродушная нянька, хлопочетъ, чтобы мы на вѣрили сказкамъ, часто встрѣчающимся въ нашей Древней Исторіи; но не только до появленія Исторіи Рускаго Народа, и до Карамзина никто не почиталъ ихъ за истину. Нѣтъ, настоящая историческая Критика не озаряла трудовъ Г-на Полеваго; иначе не было бы въ его книгѣ ненужныхъ выписокъ о Скандинавахъ, странныхъ нападковъ на Карамзина, или лучше, на здравый смыслъ, и своевольныхъ толкованій, которыя какъ бы остроумны ни были, все толкованія Г-на Полеваго, а не приведенныя въ ясность преданія Лѣтописцевъ. — Вся Философія историческая заключается въ томъ одномъ, чтобы никакой Философіи не вмѣшивать въ Исторію, которая сама въ себѣ заключаетъ вѣчную, ничѣмъ не измѣняемую Философію, распространіе единой мысли Всесоздателя. Пишите Исторію, *не мудрствуя лукаво*, и въ ясномъ изложеніи событій Политика сама собою выкажется. Но для яснаго изложенія Исторіи, недостаетъ въ нашемъ Историкѣ искуства владѣть Рускимъ языкомъ (который, къ сожалѣнію, совершенно ему не повинуется), и порядка въ мысляхъ и въ расположеніи оныхъ.

(6) Слѣдующія за строгимъ приказаніемъ покупать Исторію Рускаго Народа, убѣжденія Г-на Ѳ. Б., что словамъ его должно вѣрить, напомнили намъ невыдуманный анекдотъ, кажется, нигдѣ еще не напечатанный: нѣкто, почитающій себя Классикомъ, браня Романтизмъ, важно говорилъ однажды знакомому молодому Поэту: «Ну, послушай, любезный, вѣдь ты меня знаешь, не правда ли?
«Вѣдь я честный человѣкъ? Вѣдь мнѣ никакой пользы
«нѣтъ тебя обманывать? Повѣрь же, милый, старику, и
«Шиллеръ твой и Гёте не Писатели, а дураки.»

(7) Забавно читать въ С. П. цитаціи изъ Карамзина и нападки ея на грубую брань, клеветы, сплетни и пр. и пр. Всѣ сіи качества и притомъ еще неуваженіе къ талантамъ всегда ей принадлежали, принадлежатъ и вѣроятно будутъ принадлежать. Карамзинъ и по кончинѣ связываетъ между собою узами любви къ таланту своему всѣхъ отличныхъ Рускихъ Писателей, которыхъ ни Телеграфъ, ни Пчела никакими ругательствами не унизятъ, ибо достоинства ихъ основаны не на модныхъ картинкахъ и тому подобныхъ пустякахъ, но на глубокихъ познаніяхъ отечественнаго языка и на безкорыстной любви, извѣстной однимъ талантамъ, въ своему искуству. —

Повторимъ въ заключаніе сихъ замѣчаній разъ уже нами сказанное въ 24 No. Литтературной Газеты: Какъ бы развеселилась важная Германія, если бъ издатель *Безпристрастнаго Гамбургскаго Корреспондента*, собравъ свои нравственно-политическія сочиненія воедино, провозгласилъ себя раздавателемъ литтературныхъ званій?

* * *

Императорская Академія Художествъ открыта нынѣ для любопытной Публики, стекающейся смотрѣть на выставкѣ новыя произведенія Россійскихъ Художниковъ. Съ 21-го по 27-е число, открытъ входъ для посѣтителей по билетамъ, а съ 27-го Сентября по 3-е Октября, для всей Публики, безъ билетовъ, съ 10-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 22-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ II, № 55. СЕНТЯБРЯ 28го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(*Продолженіе.*)

На другой день поутру, прискакали къ намъ на трехъ тройкахъ господа судовые. Тутъ были: Капитанъ-исправникъ съ двумя Засѣдателями и Секретаремъ, Стряпчій, Лекарь и два писца. Мнѣ надобно описать вамъ этихъ господъ, чтобъ вы яснѣе могли видѣть, какъ производилось у насъ слѣдствіе надъ тѣломъ покойника. Тогдашній Капитанъ-исправникъ нашъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ, и слылъ первымъ уѣзднымъ щеголемъ и танцовщикомъ. Батюшка его — не тѣмъ будь помянутъ — проходилъ въ Губерніи разныя должности отъ самыхъ нижнихъ чиновъ до Предсѣдателя не помню какой Палаты, и нажилъ посильными трудами деревушку душъ въ триста, большой домъ въ городѣ, да денегъ столько, что и внукамъ его, думаю, осталось на безбѣдное прожитье. Сына своего вздумалъ онъ вывести въ люди, воспитывалъ его, какъ ему казалось приличнымъ для свѣтскаго человѣка, и успѣлъ въ томъ совершенно: сынокъ его лепеталъ по-Французски, танцовалъ безъ устали, наряжался, какъ куколка, увивался около всѣхъ богатыхъ невѣстъ, погуливалъ съ молодежью и переметывалъ въ карты. Служилъ онъ *безъ году недѣлю* въ военной службѣ, вышелъ въ отставу Подпоручикомъ, и тутъ-то батюшка его хлопоталъ, чтобы дворянство выбрало сынка его въ приличную должность, уважая заслуги его и пролитую за отечество кровь, которой, между нами сказать, онъ неслишкомъ много истратилъ, потому что и на войнѣ не бывалъ. Его и выбрали въ Капитанъ-исправники. Батюшка далъ ему наставленіе, какъ вести себя, и сынокъ точно велъ себя по наставленіямъ батюшки: набивалъ карманъ, гдѣ только находилъ къ тому случай, угождалъ знатнымъ и богатымъ, и подъ часъ прижималъ того, съ кого надѣялся побольше сорвать. Однако же я все скажу, что онъ былъ не столько злой человѣкъ, сколько вѣтреный, и не будь у него такого родителя, онъ вѣрно былъ бы вдесятеро лучше. Попить, погулять, попрыгать на вечеринкѣ — его было дѣло, и какъ будто главная его должность; по службѣ же должность свою исправлялъ онъ на досугѣ, то есть, когда негдѣ было повеселиться.

Оба Засѣдателя выбраны были изъ мѣлкопомѣстныхъ дворянъ, служившихъ когда-то въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Оба они считали, что въ должность люди выбираются для того, чтобъ *не сидѣть сложа руки и не щелкать зубами съ голоду*. Такъ можетъ быть, сударь, и теперь и еще многіе думаютъ по уѣздамъ и въ сельскихъ захолустьяхъ. *Сидѣть сложа руки*, не значитъ у нихъ: не дѣлать ничего по обязанностямъ службы; нѣтъ! здѣсь подразумѣвается: не протягивать рукъ за взятками. — Я въ старые годы читывалъ презабавную комедію: *Стряпчій Щечило*; безъ дальнихъ объясненій, скажу вамъ, что это было бы самое приличное имя для тогдашняго нашего Стряпчаго. — Лекарь былъ человѣкъ молодой, напитался за границею тогдашнею модною мудростью, и для него, кажется, все было равно: вылечить ли человѣка, отправить ли его на тотъ свѣтъ, лишь бы въ томъ или другомъ случаѣ предвидѣлись выгоды для него самого.

Но самое злое зелье былъ Секретарь, Титъ Панфиловичъ Кощеевъ. О прозвищѣ его всѣ говорили: *по шерсти собакѣ кличка дана*. Ужъ подлинно былъ онъ при рожденіи въ чернилахъ выкупанъ и шпаргалой повитъ; этакого крючка свѣтъ не производилъ. Въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, прослылъ онъ *лихимъ дѣльцомъ*, и лихой дѣлецъ поддерживалъ свою славу, какъ нельзя лучше: гдѣ покривить душею, гдѣ криво перетолковать законы — его подавай. Онъ былъ сухъ, въ чемъ душа держалась, словно весь былъ скомканъ изъ архивной пыли. Ростомъ былъ онъ не великъ, и отъ природы или по привычкѣ, сутуловатъ, такъ, что когда онъ стоялъ и держалъ голову, нагнутую внизъ, то лопатки у него были почти въ уровень съ ушами. Лице у него было, какъ сушеный грибъ смугложелтаго цвѣта; подъ сѣдыми, навислыми бровями бѣгали и свѣтились, какъ у ехидны, два маленькіе глаза. Голосъ у него былъ чахлый и перемежался удушливымъ кашлемъ; а длинные, сухопарые пальцы на рукахъ его были истиннымъ подобіемъ перьевъ, выкинутыхъ изъ чернильницы подъ столъ, гдѣ они пересохли и съёжились.

Два мѣлкіе чиновника, пріѣхавшіе съ ними, были то же, какъ говорится, *крапивное сѣмя.* Вездѣ, гдѣ только видѣли они случай къ поживкѣ, пальцы ихъ сгибались сами собою, какъ будто бы готовились ловить взятки на лету.

Когда они пріѣхали, Илья Степановичъ вышелъ къ нимъ съ спокойнымъ видомъ и красными, какъ отъ слезъ, глазами. Люди замѣтили, что онъ долго о чемъ-то разговаривалъ по-Французски съ Капитанъ-исправникомъ и Лекаремъ; Стряпчій и Секретарь, стоя поодаль, потирали себѣ руки, какъ будто отъ холода. Замѣтили также, что когда спальня покойнаго барина была отперта и когда Илья Степановичъ подошелъ къ тѣлу, то свѣжая кровь пробилась изъ запекшейся раны и потекла алою струею. Илья Степановичъ почувствовалъ круженіе въ головѣ и сказавъ, что не можетъ видѣть своего дядю и благодѣтеля въ этомъ страшномъ видѣ, вышелъ изъ спальни. Лекарь принялся свидѣтельствовать тѣло и объявилъ, что рана не могла быть нанесена постороннею рукою; что разрѣзъ показываетъ свободное дѣйствіе руки, сдѣлавшей оный; что насильственнымъ образомъ, то есть чужими руками, нельзя было бы начать его съ этой стороны, выбрать такъ удачно промежутокъ между позвонками горла, и съ одного раза кончить, какъ онъ называлъ, *всю* операцію. «Изъ наблюденій моихъ надъ раной, я вижу, господа,» прибавилъ онъ, обратясь къ Капитанъ-исправнику, Стряпчему и Секретарю: «что человѣкъ, принимавшійся за эту *операцію*, долженъ былъ имѣть основательныя познанія въ Анатоміи. Намъ извѣстно, что покойникъ былъ человѣкъ ученый, и вѣроятно зналъ Анатомію. Изъ этого я заключаю, и прошу васъ мнѣніе мое внести въ дѣло о слѣдствіи, что никто иной, кромѣ его самого, не могъ совершить операціи сей такъ ловко и удачно, и что слѣдовательно, онъ самъ на себя наложилъ руки.

— «Мнѣніе ваше будетъ принято къ дѣлу въ подлежащемъ видѣ, почтеннѣйшій,» сказалъ сухощавый Секретарь, закашлявшись: «изъ наводимаго же слѣдствія, обысковъ и показаній увидимъ мы, кто былъ истинною виною реченнаго преступленія.

— «А въ слѣдствіе того, и подлежитъ учинить строжайшее разысканіе, и привести къ допросу всѣхъ дворовыхъ людей,» прибавилъ Стряпчій.

Капитанъ-исправникъ подозвалъ одного изъ нижнихъ чиновниковъ, пошептилъ ему что-то на ухо, и вслѣдъ за тѣмъ всю нашу дворню собрали въ столовую комнату. Насъ поставили рядомъ у стѣны, а гг. судовые сѣли по чинамъ за большимъ столомъ. Передъ каждымъ писцомъ положено было по цѣлой дести бумаги, по нѣскольку перьевъ и поставлено по чернильницѣ. Позвали Илью Степановича и пригласили его сѣсть за столомъ противъ судей. Капитанъ-исправникъ, учтиво извинясь передъ нимъ, сказалъ, что по судебному обряду должно было отъ него перваго отобрать показанія. Илья Степановичъ смутился и на лицѣ его показалось какое-то безпокойство; но ловкій Капитанъ-исправникъ и уклончивый Стряпчій старались его успокоить, говоря, что это дѣлалось для одной только формы.

— «Скажите намъ, въ какомъ положеніи видѣли вы въ послѣдній разъ вашего дядюшку?» спросилъ у него Капитанъ-исправникъ съ ободрительною улыбкой.

Лице Ильи Степановича вспыхнуло. Онъ молчалъ минуты двѣ, и потомъ отвѣчалъ: «Я нашелъ его не очень здоровымъ.

— «Не говорилъ ли онъ о близкой своей смерти, или чего нибудь на это похожаго?

— «Нѣтъ!« отвѣчалъ Илья Степановичъ съ какимъ-то усиліемъ и какъ будто вздрогнувъ: «онъ говорилъ только мнѣ, что по смерти его.... я буду его наслѣдникомъ....» Остальныя слова пролепеталъ онъ торопливо, какъ будто бы боясь проговориться.

— «Довольно!» сказалъ Капитанъ-исправникъ. «Мы видимъ, что вамъ тягостно говорить о недавней вашей потерѣ, о потерѣ родственника, который заступалъ вамъ мѣсто отца. Притомъ же, зная вашъ умъ и горячую любовь къ нему, онъ и не могъ бы вамъ открыться, потому что вы приняли бы тотчасъ должныя мѣры.

— «Нѣтъ ли у васъ на кого подозрѣнія?» прибавилъ Стряпчій съ предательскою ужимкой. «Я вижу здѣсь у иныхъ изъ дворовыхъ людей такія лица, что, признаюсь, не вовсе бы имъ довѣрился.

— «Я никого не подозрѣваю,» тихо проговорилъ Илья Степановичъ, опустя глаза къ помосту.

— «Позвольте намъ, однако жь, поразспросить ихъ,» молвилъ Капитанъ-исправникъ; «и если вамъ тягостно быть при этомъ непріятномъ слѣдствіи, то вы можете уйти отсюда.»

Илья Степановичъ всталъ, поклонился судовымъ и вышелъ изъ комнаты нетвердымъ шагомъ. Лице его было блѣдно и глаза мутны. Этого, можетъ быть, никто не замѣтилъ; но, или мнѣ показалось, или оно точно такъ было. Совѣсть моя была чиста: и потому я спокойно смотрѣлъ на всѣхъ и замѣчалъ все, что дѣлалось во время нашего допроса.

По уходѣ молодаго нашего господина, Капитанъ-исправникъ молвилъ, обратясь къ Стряпчему и Лекарю: «Какъ замѣтно, что смерть дяди сильно его поразила! Бѣдный молодой человѣкъ! съ такою душею, съ такими благородными чувствами, быть свидѣтелемъ страшной погибели родственника, котораго онъ столько любилъ! Я, право, искренне о немъ жалѣю. Стряпчій и Лекарь подали головою знакъ, что и они то же думаютъ; при чемъ первый изъ нихъ сдѣлалъ губами странную ужимку, которую мнѣ трудно бъ было разтолковать.

Послѣ того Капитанъ-исправникъ, по соглашенію съ Стряпчимъ, обратясь къ Секретарю, сказалъ ему: «Титъ Панфиловичъ! мы знаемъ, что лучше васъ никто не производитъ дѣлъ, особливо слѣдственныхъ; и потому мы просимъ васъ потрудиться снять допросъ съ этихъ людей. Кому неизвѣстно, что даже самая тѣнь уголовнаго преступника не укроется отъ проницательныхъ глазъ вашихъ?

— «Готовъ служить по чистой совѣсти, милостивецъ!» отвѣчалъ Секретарь. «Ну-ка, благопріятели, подступите сюда,» продолжалъ онъ, оборотясь къ намъ. Мы всѣ подошли, и Секретарь, указавъ на карлу Тимошу, молвилъ: «Подойди-ка ты поближе, мой красавецъ!»

Карла Тимоша былъ нрава грубаго, упрямаго и дикаго. Родившись, такъ сказать, уродцемъ, онъ крайне сердился, когда ему напоминали объ его безобразіи. Никогда онъ не оставался въ долгу за какое-либо непривѣтливое слово, и подъ часъ умѣлъ дать такой отвѣтъ, отъ котораго уши горѣли у того, кто его затрогивалъ. И въ этотъ разъ онъ нахмурилъ брови, злобно взглянулъ на Тита Панфиловича и сказалъ: «Красавецъ! мы съ тобою, кажется, въ этомъ не выдадимъ другъ другу, и добрые люди не скоро, думаю, рѣшатъ, которая изъ двухъ нашихъ образинъ пригожѣе: твоя ли, чахлая, или моя, пухлая?»

Всѣ судовые не могли удержаться отъ смѣха; Секретарь же въ это время такъ сильно закашлялся, что чуть было не покатился со стула. Оправясь, онъ сердито посмотрѣлъ маленькими, бѣглыми своими глазами на карлу, который съ своей стороны уставилъ на Тита Панфиловича большіе свои, оловяннаго цвѣта глаза на выкатѣ.

— «Красавецъ ли, уродъ ли ты, по мнѣ все равно,» сказалъ Секретарь съ досадою: «дѣло не въ томъ; а изволь-ка сказывать, пріятель, кто и какимъ образомъ лишилъ живота твоего господина?

— «Какимъ образомъ! онъ зарѣзанъ бритвой;» угрюмо отвѣчалъ карла. «А кто его зарѣзалъ, — почему я знаю? Я при томъ не былъ.

— «Да и мы не знаемъ, былъ ты или нѣтъ,» сказалъ Секретарь строгимъ голосомъ: «объ этомъ-то тебя и спрашиваютъ.

— «Я сказалъ уже, что не знаю,» отвѣчалъ карла по прежнему и повернулся, чтобъ итти прочь.

— «Стой, стой, дружокъ!» закричалъ Титъ Панфиловичъ: «этакъ ты у меня не отвертишься. Сказывай, что ты знаешь о смерти барина?

— «Я знаю, что онъ умеръ, и не своею смертью,» отвѣчалъ карла, оборотясь къ Секретарю и не сходя съ мѣста: «знаю, что тѣло его до сихъ поръ не погребено, по вашей судейской милости... Больше я ничего не знаю.

— «Такъ ты ничего не хочешь показать?

— «Мнѣ показывать нечего: все тутъ.

— «А если мы, такъ, слегка, порасспросимъ тебя въ особой комнатѣ, съ порядочнымъ запасомъ березовыхъ вопросныхъ пунктовъ?

— «Тогда я стану молить, чтобъ еще пуще скорчило горбатую твою спину и притянуло тебя колѣнями къ носу,» отвѣчалъ карла твердымъ голосомъ и снова сталъ, какъ вкопанный. Всѣ судовые, кромѣ Секретаря, опять засмѣялись.

— «Не прикажете ли сдѣлать маленькую *попытку*?» сказалъ Секретарь, оборотясь къ Капитанъ-исправнику, Стряпчему и Засѣдателямъ.

— «Нѣтъ, это не нужно,» отвѣчалъ Капитанъ-исправникъ, мигнувъ бровями догадливому Секретарю. «По всему видно, что этотъ малой спалъ мертвымъ сномъ во время извѣстнаго уголовнаго происшествія и ничего не слыхалъ. Разспрашивайте другихъ людей.»

Секретарь принялся каждаго изъ насъ допрашивать по одиначкѣ: какъ жилъ, какъ велъ себя старый нашъ баринъ въ послѣднее время; и изъ нашихъ показаній всѣ судовые, опираясь на свидѣтельствѣ и заключеніи Лекаря, согласно рѣшили, что старый баринъ передъ концемъ своей жизни помѣшался въ умѣ, и что онъ самопроизвольно прекратилъ дни свои. Приказано намъ было положить его въ простой досчатый гробъ, и, какъ самоубійцу, похоронить безъ Священника и церковныхъ обрядовъ, не на кладбищѣ, а въ глухомъ мѣстѣ, на выѣздѣ изъ селенія. Конча свое дѣло, господа судовые пошли проститься съ Ильею Степановичемъ и объявить ему, что скоро снова пріѣдутъ ввести его во владѣніе оставшимся послѣ дяди наслѣдствомъ. Лукавый карла подкрался слѣдомъ за ними, притаился у неплотно притворенной двери, и послѣ намъ сказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ Илья Степановичъ, прощаясь съ судовыми, дарилъ каждому изъ нихъ какую нибудь дорогую вещь на память объ его дядѣ и благодѣтелѣ; а Секретаря отведя въ сторону, далъ ему пребольшую кипу ассигнацій.

Грустно намъ было слышать, какой приговоръ сдѣлали судьи надъ тѣломъ отца нашего стараго барина; грустно было и подумать, что его, какъ самоубійцу, должно было предать землѣ съ поруганіемъ, безъ Священника, и даже не на кладбищѣ съ православными, а вдали отъ Христіанскаго мѣста вѣчнаго покоя, какъ беззаконнаго еретика или чародѣя богоотступнаго. Долго мы не рѣшались, что начать. Наконецъ мы всѣ, дворовые, пошли на совѣтъ къ нашему Священнику, отцу Дмитрію, старичку умному, доброму и кроткому. Отецъ Дмитрій со слезами сказалъ намъ, чтобъ мы исполнили приказаніе господъ судовыхъ, иначе-де навлечемъ на себя наказаніе за ослушность; и прибавилъ, что самъ онъ будетъ поминать въ молитвахъ своихъ отца нашего, стараго барина, но хоронить его по обряду церковному не смѣетъ. Нечего было дѣлать! Мы обмыли тѣло, очистили всю запекшуюся на немъ кровь, повязали на шею толстый галстукъ, чтобъ не было видно страшной раны, нарядили отца нашего въ лучшій мундиръ его и положили въ гробъ, который сдѣлали для него свои же столяры. Чудное дѣло, сударь! Лице покойника, дотолѣ посинѣлое и являвшее ужасные слѣды мученія, вдругъ просвѣтлѣло бѣлизною и какимъ-то дивнымъ спокойствіемъ! Казалось, уста его хотѣли кроткою улыбкой отблагодарить насъ за усердіе къ нему, сопровождавшее отца нашего даже за предѣлы могильные!

Окончa всѣ приготовленія, мы пошли доложить Ильѣ Степановичу, что тѣло готово къ выносу. Новый нашъ господинъ, по отъѣздѣ суда, не выходилъ изъ своей комнаты. Мы нашли его въ великомъ смятеніи: отъ горести ли, отъ другой ли какой причины, не можно было дознаться. Онъ сказалъ намъ, что тяжкая его потеря и скорбь совсѣмъ его разстроили, что онъ чувствовалъ себя не въ силахъ провожать тѣло своего дяди, и поручилъ намъ самимъ исполнить долгъ погребенія. Вышедъ отъ него, мы собрались въ комнатѣ покойника. Я взялъ молитвенникъ и прочелъ молитвы на отходъ души. Слезы мѣшали мнѣ читать, и рыданія всѣхъ дворовыхъ людей и многихъ крестьянъ, столпившихся въ комнатѣ и въ корридорѣ, заглушали ослабшій и дрожавшій мой голосъ. По окончаніи молитвы, мы отдали послѣднее цѣлованіе отцу нашему старому барину: отдали тѣлу его по три поклона и цѣловали его въ чело и въ руки. Сердца наши разрывались, словно у каждаго изъ насъ душа разлучалась съ тѣломъ. Добрый, неоцѣненный нашъ баринъ! Никто изъ родныхъ не отдавалъ ему послѣдняго долга, даже наслѣдникъ, воспитанникъ, усыновленный имъ, отказался провожать его тѣло въ могилу! Одни вѣрныя сердца его служителей, одни облагодѣтельствованные имъ крестьяне и бѣдные проливали горькія слезы надъ холоднымъ его прахомъ!....

Простясь съ тѣломъ, мы подняли гробъ на одрецъ и понесли его на своихъ плечахъ. Всѣ дворовые люди и крестьяне условились нести его посмѣнно до мѣста погребенія, назначеннаго подъ лѣсомъ, въ которомъ старый нашъ баринъ любилъ прохаживаться. Тамъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, вырыта было для него одинокая могила между трехъ деревъ, ростущихъ вмѣстѣ. Я былъ изъ первыхъ, поднявшихъ тѣло, и съ товарищами донесъ его до церкви; послѣ пошелъ за гробомъ. Рядомъ со мною шелъ карла Тимоша. На третьей смѣнѣ, начавшейся уже за селеніемъ, я призадумался и печально опустя голову, шелъ тише и поотсталъ отъ гроба. Вдругъ карла тронулъ меня рукою и указалъ впередъ.... Волосы стали у меня дыбомъ и всѣ составы задрожали.... Тамъ, сударь.... вѣрьте, или нѣтъ: только я видѣлъ своими глазами, видѣлъ, какъ васъ теперь вижу.... Тамъ шелъ самъ старый баринъ, точно въ томъ образѣ, какъ мы наканунѣ видѣли его въ саду: въ широкомъ и длинномъ темносѣромъ плащѣ, въ большой шляпѣ съ опущенными полями и въ плисовыхъ сапогахъ.... То былъ его ростъ, его походка; также голова его нагнута была внизъ, также лице закрыто полями шляпы... И теперь еще судорожный трепетъ бьетъ меня, когда объ этомъ вспомню. Робко оглянулся я назадъ: тамъ уже почти никого не было: другіе то же видѣли, и страхъ разогналъ всѣхъ, кромѣ трехъ или четырехъ самыхъ усердныхъ къ старому барину, да двухъ слѣпыхъ нищихъ, которые ничего не могли видѣть. Несшіе гробъ, не оглядываясь назадъ, также ничего не видали и потому шли спокойно впередъ. Я и карла Тимоша однако жъ остались: намъ казалось, что покойникъ на насъ прогнѣвался бы, когда бъ мы поддались овладѣвшему нами страху. Мы шли, потупя глаза въ землю, и только изрѣдка осмѣливался я взглянуть изъ-подлобья впередъ.... Онъ все шелъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ вслѣдъ за гробомъ, и казалось, кромѣ хода ногъ не было въ немъ никакого другаго движенія: тѣло его какъ будто неслось по воздуху, нисколько не пошатываясь и не склоняясь въ какую нибудь сторону, какъ живые люди; даже ни травинка не пригнулась, ни слѣда не оттиснулось тамъ, гдѣ онъ проходилъ.

Третья смѣна донесла гробъ до самой могилы. Люди, бывшіе въ этой смѣнѣ, сказывали послѣ, что гробъ показался имъ чрезвычайно тяжелъ, какъ будто наполненъ былъ свинцомъ. Когда пришло время опустить гробъ, я взглянулъ впередъ — но привидѣнія уже не было. Никто не видѣлъ, куда оно скрылось. Дрожащимъ голосомъ прочелъ я опять нѣсколько молитвъ. Каждый спѣшилъ зарывать могилу, и мы въ молчаніи, съ тоскою и страхомъ разошлись по домамъ.

(*Окончаніе въ слѣд.* No.)

КЪ П***

ПРИ ПОСЫЛКѢ ТЕТРАДИ СТИХОВЪ.

Броженье юности унялось,
Остепенился твой Поэтъ:
И вотъ ему что отстоялось
Отъ прежнихъ дѣлъ, отъ прошлыхъ лѣтъ.

Тутъ все, знакомое субботамъ,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней
Я — снова къ лѣни, ты — къ заботамъ.

Z.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (*Исторія о Богемскомъ Королѣ и о семи его зáмкахъ.* Соч. Карла Нодье). — Парижъ. 1 т. въ 8-ю д. л.

Нынѣшняя, *романтическая* Французская Литература взяла какое-то странное направленіе. Неясное, неопредѣленное (le vague), какъ будто бы сдѣлалось ея символомъ и правиломъ. Въ трагедіяхъ новѣйшей Французской школы, мы видимъ однѣ формы, одну рѣзкую новость выраженій, произвольное измѣненіе благозвучнаго Расиновскаго стиха въ стихъ болѣе свободный, но за то и болѣе шероховатый,—и напрасно ищемъ отчетливости въ созданіи, напрасно ищемъ характеровъ. Сіе же можно примѣнить, съ необходимыми изключеніями, и къ новѣйшимъ повѣстямъ или небольшимъ романамъ, изданнымъ въ послѣдніе годы во Франціи, какъ на пр. Le dernier jour d'un condammé, L'Ane mort et la femme guillotinée, La Confession и т. п. Кажется, образцами ихъ, хотя и отдаленными, были повѣсти Гофмана, Тика и другихъ новыхъ Нѣмецкихъ Писателей.— Книжка, которой заглавіе выставлено въ началѣ сей статьи, написана не совсѣмъ въ этомъ родѣ: она болѣе сбивается на какую-то аллегорію; но неясность цѣли Автора, придуманныя имъ заглавіе и форма сочиненія, и безотчетность цѣлаго, по праву даютъ книжкѣ сей мѣсто между тѣми, о коихъ мы упомянули выше. Мы перевели ея заглавіе въ подражаніе заглавіямъ старинныхъ Рускихъ сказокъ: *о Богемскомъ Королѣ*, напомнило намъ Исторію *о* Петрѣ златыхъ ключахъ, Исторію *о* Францылѣ Венеціянинѣ и т. п.; и въ этомъ, думаемъ, мы не удалились отъ намѣренія Г. Нодье: онъ самъ, кажется, хотѣлъ поманить читателей своихъ стариною, въ родѣ Французскихъ Fabliaux du moyen âge.

Въ одномъ изъ Парижскихъ Журналовъ нынѣшняго года, помѣщенъ былъ остроумный разборъ сего новаго произведенія Г. Нодье, представленный въ видѣ разговора двухъ читателей. Выписываемъ сей разборъ и по его оригинальности, и по сходству нашихъ мнѣній на счетъ разбираемой книги съ мнѣніями Французскаго Критика. Вотъ какъ онъ оправдывается въ принятой имъ формѣ критики: «Сочиненіе сіе (*Исторія Богемскаго Короля* и пр.), по странности своей выходящее изъ правилъ всякой оцѣнки, хотя нѣсколько важной, было напередъ опорочено одними и разхвалено другими по причинѣ своей формы. Мы почли за приличное привести здѣсь слѣдующій разговоръ двухъ читателей, отдававшихъ при насъ другъ другу отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.»

* * *

— «Читали ль вы *Исторію о Богемскомъ Королѣ и семи его зáмкахъ*?

— «Да; я изъ первыхъ читалъ ее.

— «Ну, что же вы о ней думаете?

— «Не умѣю вамъ сказать, что думаю. Исторія пречудная; только она очень темна, очень запутана, и должно сказать правду, не слишкомъ много найдешь связи въ ея неистощимомъ разнообразіи.

— «Какъ! неужели вы простодушно искали до конца приключеній Богемскаго Короля? Развѣ вы не отгадали съ первой главы, что Авторъ придумалъ это заглавіе для того, чтобы подшутить надъ своимъ читателемъ и придать заманчивую форму своимъ вымысламъ и идеямъ?

— «Нѣтъ; не могу похвалиться, чтобъ я отгадалъ это съ первой главы. У меня не такое быстрое соображеніе; притомъ же я не зналъ, что такъ пріятно и сообразно съ хорошимъ вкусомъ подшучивать, какъ вы изволите говорить, надъ своимъ читателемъ. Однако жь, я началъ догадываться объ этомъ на двадцатой страницѣ. Какъ я ни простъ, а все таки не похожъ на того добраго Парижскаго мѣщанина, который, увидѣвъ на театрѣ комедію Les Plaideurs вслѣдъ за *Андромахой*, находилъ, что пьеса Расинова удивительно какъ хороша, да только не понималъ, за чѣмъ она начинается такъ жалко, а кончится такъ смѣшно.

— «А! такъ вы знаете этотъ анекдотъ! Да вы читали ль Расина?

— «Вопросъ вашъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣжливъ. Какъ могли вы предполагать, будто бы я совершенно незнакомъ съ лучшими произведеніями нашей Литературы?

— «Хорошо, хорошо! Вижу, до какой точки вы дошли въ ней. Теперь судятъ и критикуютъ Расина, но не читаютъ его. Впрочемъ, вы вольны его читать и даже удивляться ему. Обратимся къ нашему предмету. Недовольно еще доискаться, что въ новой книгѣ не говорится почти о Богемскомъ Королѣ и семи его зáмкахъ: надобно еще дознаться, что она въ себѣ заключаетъ, вникнуть въ ея смыслъ, въ тонкости, въ аллегоріи.

— «Такъ много есть тонкостей и аллегорій въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ*? Я, помнится, замѣтилъ въ ней довольно частые *недосмыслы*, но видно, это потому, что я не все понялъ.

— «О! это со всѣми случается. Книгу эту можно назвать обильнымъ рудникомъ: чѣмъ дальше въ ней роешься, тѣмъ больше находишь дорогихъ каменьевъ; но надобно умѣть ихъ разпознавать подъ ихъ оболочкой. Золото и брильянты не сіяютъ полнымъ своимъ блескомъ въ нѣдрахъ земли: надобно имѣть острое зрѣніе, чтобъ ихъ отыскать.

— «Я, право, радъ, что съ вами встрѣтился. Безъ сомнѣнія, въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ* есть множество красотъ и можетъ быть даже полезныхъ уроковъ, которые были бы для меня потеряны, и которые вы потрудитесь мнѣ изъяснить. Когда у меня будетъ ключъ ко всѣмъ имъ, тогда и я окажу другимъ такую жъ услугу.

— «Посмотримъ. Угадали ль вы, кто скрывается подъ именами Пика де-Фанферлюкіо, Брелока и Теодора?

— «Нѣтъ; да мнѣ большой нужды не было знать, кто сіи три фантастическія существа, которыя говорятъ всегда отрывистыми рѣчами, и у которыхъ поминутно на языкѣ или ученость, или чувствительность, когда только они не бредятъ, какъ въ горячкѣ.

— «Э! такъ, видно, вы догадались: вы обозначили ихъ характеры, не узнавъ ихъ самихъ. Это доказываетъ, что у Автора много правды въ его очертаніяхъ. Пикъ де-Фанферлюкіо—ученость; Теодоръ—сердце; Брелокъ—воображеніе; а всѣ они трое вмѣстѣ — Г. Нодье.

— «Презабавная тройчатка!

— «А скажите-ка мнѣ, кто таковъ Бріошѐ? кто Джероламо?

— «На это дамъ вамъ отвѣтъ, когда вы мнѣ растолкуете ясно и точно, что такое *Классическая* и что *Романтическая школа.*

— «А деревянныя головы Мистигри, у которыхъ мысли приводятся въ движеніе пружинами? а парики Попокамбу-Волосатаго? А люди-машины въ Томбукту, изъ коихъ одни методически просѣваютъ слова природнаго своего языка въ большой Академическій мѣшокъ, другіе скоблятъ мѣстоименія, отбираютъ союзы, провѣваютъ частицы, шелушатъ нарѣчія? А тѣ молодые люди, которыя тасуютъ листики бумаги, на коихъ представлены короли, дамы, валеты, и ловко дѣлятъ ихъ на пять пакетцевъ, думая, что сочиняютъ трагедіи? А тотъ окруженный бокалами Профессоръ, который съ жаромъ толкуетъ о *поліодонтахъ, монодонтахъ, анизодонтахъ*? А тотъ Антикварій, который читаетъ іероглифы и потрошитъ мумію?

— «Этѣ-то именно загадки я отгадалъ, да и всѣ, думаю, отгадаютъ, не ломая себѣ голову. Неужели вы хотите подражать тѣмъ Комментаторамъ, которые черпятъ бѣлыя поля книги для объясненія того, что ясно само собою, а затруднительныя мѣста оставляютъ во всей ихъ темнотѣ? Боюсь, чтобъ вы не вздумали мнѣ объяснять, кто такова *Патриція*, и спѣшу васъ упредить. Патриція, кобылица породистая, знатная,—словомъ, очень и очень благородная, которая когда-то бѣгала рысью, скакала, гарцовала и дивила всѣхъ своими скачками и побрякушками; а теперь устарѣла и стала хрома, крива, разбита и съ норовомъ: согласитесь, что тутъ не нужно дальнихъ объясненій. Знаю также и другую большую кобылицу Англійской породы, съ родни Джонъ-Булевой кобылицѣ, на которой нельзя ѣздить иначе, какъ заплатя деньги, и которая съ виду кажется бодра, рьяна, съ гордою шеей; а не меньше того Брелокъ сожалѣетъ, что ее заковали, спутали и заѣздили. —

— «Не правда ли: всё это удивительныя аллегоріи? Кромѣ того, что онѣ ясны и разительны, какъ сами вы сознаетесь, — не кажется ли вамъ, что онѣ очень остроумны?

— «Мнѣ нравится первая; но, сказать ли правду? я не нахожу большаго достоинства во всѣхъ этихъ вымыслахъ.

— «На васъ трудно угодить; а это вѣдь сатира во вкусѣ Рабелѐ.

— «Вездѣ я слышу ту же похвалу; можетъ быть она очень справедлива; но зачѣмъ же нынче писать сатиры во вкусѣ Рабелѐ? Когда можно ясно выразить свою мысль обо всемъ, то зачѣмъ хлопотать изъ того, чтобъ быть темнымъ?

— «Скажу вамъ еще однажды: такая форма гораздо заманчивѣе. Къ тому же, сатира не должна указывать слишкомъ прямо: ей должно прятаться подъ покрываломъ, изъ-за котораго каждый воленъ узнать себя или своего сосѣда.

— «Такъ по вашему мнѣнію, всему есть свой смыслъ въ томъ сочиненіи, о которомъ мы разсуждаемъ? Это большая загадка, которою должны изощряться и догадливость и терпѣніе всѣхъ любопытныхъ?

— «Да, я такъ думаю.

— «Съ моей стороны, я радуюсь тому. Мнѣ пріятно будетъ со временемъ узнать, кто таковъ Король Богемскій. Мы также узнаемъ, что значитъ туфель Попокамбу, которому Г. Нодье посвящаетъ три или четыре главы, больше наскучившія мнѣ, нежели выведшія меня изъ терпѣнія. Мы узнаемъ, зачѣмъ онъ такъ часто пріискивалъ по сотнямъ эпитетовъ къ одному слову; зачѣмъ онъ симетрически нанизывалъ по столько гласныхъ, которыя сталкиваются между собою и ничего не говорятъ уму. Зачѣмъ онъ наполнилъ сряду девять страницъ именами насѣкомыхъ, какъ напр. phalènes, noctues, bombyces, pyrales, zygènes, alucites, hépiales, ptérophores, libellules, ascalaphes, hémérobes, myrmiléons, и пр. и пр.; зачѣмъ онъ въ разныхъ мѣстахъ набиралъ по столько же именъ собственныхъ; зачѣмъ онъ тысячу разъ принимался за такія же выходки, которыя кажутся вѣчнымъ повтореніемъ однѣ другихъ, и изъ которыхъ одной было бы очень достаточно для сатирической его цѣли: а такая цѣль вѣрно у него была.

— «Была ли у него цѣль! можно ли въ томъ сомнѣваться? Такой остроумный и смѣтливый человѣкъ, какъ Г. Нодье, не написалъ бы пятидесяти или шестидесяти страницъ изъ одного только удовольствія — низать слова одни къ другимъ.

— «Признаюсь, это меня удивляетъ; а все мнѣ кажется, что я правъ. Есть еще и другое удовольствіе, которое могло льстить Сочинителю: то, чтобы видѣть, какъ люди умные, съ глубокою проницательностію (какъ вы, сударь), станутъ ломать себѣ голову, отыскивая смыслъ въ словахъ или сказкахъ, которымъ онъ не хотѣлъ придать никакого смысла. Не находите ли вы, что онъ отчасти выказываетъ это безжалостное намѣреніе, заставляя васъ призадуматься надъ тою велемудрою главою, которая начинается сими словами: «Pif, paf, piaf, patapan. — Ouhiyns, ouhiyns. — Hoé, hu. Dia hurau. Tza, tza, tza? « Объясните мнѣ, на милость, эти слова.

— «Явное дѣло, что имъ нельзя дать никакого объясненія. Авторъ хотѣлъ здѣсь позабавиться надъ тѣми Писателями, которые воображаютъ, что они и глубоки и высоки, когда умѣли сдѣлаться непонятными.

— «Этого достоинства нельзя отвергать и въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ*.

— «Такъ вы охуждаете это сочиненіе и говорите, что оно совсѣмъ дурно?

— «Боже меня сохрани! я не охуждаю его; но завидую тѣмъ, которые понимаютъ его отъ доски до доски, и читая его, ни разу не вздремнули.

— «Вѣрно только вамъ однимъ не понравилась трогательная и такъ мило и простодушно разсказанная повѣсть Гервазія и Эйлаліи.

— «Да развѣ я сказалъ, что эта повѣсть мнѣ не понравилась? Напротивъ, я очень полюбилъ этихъ бѣдныхъ, слѣпыхъ дѣтей, и думаю, что ихъ жалкая разлука, горесть и отчаяніе Гервазія извлекли бы у меня слезы, когда бы не должно было съ трудомъ отыскивать разныхъ частей сего разсказа, между ученымъ вздоромъ Фанферлюкія и шутовствомъ Пульчинелла или Брелока. Блестящее воображеніе и пріятная кисть Г. Нодье выказываются также въ эпизодѣ о Вѣчномъ Жидѣ и во многихъ другихъ отрывкахъ, которые, къ сожалѣнію, всѣ недокончены.

— «А въ томъ-то и главная прелесть этой книжки, то есть: въ удачномъ и смѣломъ смѣшеніи веселости, воображенія, ума и учености, гдѣ Сочинитель слегка и мимоходомъ коснулся множества разныхъ вопросовъ и предметовъ; гдѣ найдешь и замысловатыя аллегоріи, и тонкія, ѣдкія насмѣшки на ряду съ учеными разсужденіями и очаровательными мечтами.

— «Грація, сила, свѣжесть, тонкость, ученость — все это въ самомъ дѣлѣ есть въ этой книжкѣ; только въ такой смѣси и съ такою небрежностью, которыя страннымъ образомъ бросаются въ глаза, потому что онѣ — слѣдствіе разсчета и принятаго намѣренія, а не полной свободы воображенія. Кажется, будто видишь васильки, розы и лилеи, украшеніе садовъ, брошенныя съ намѣреніемъ въ клумбу, въ которой нарочно посажены волчцы, репейникъ и крапива.

— «Намъ трудно будетъ согласиться.

— «И мнѣ такъ кажется. Со всѣмъ тѣмъ, мы согласны уже въ одномъ.

— «Въ чемъ же?

— «Въ необыкновенномъ талантѣ Автора.

INTRODUCTION À L'ETUDE DE LA BOTANIQUE. Ouvrage extrait des meilleurs auteurs, et mis à la portée des personnes des deux sexes (*Введеніе къ изученію Ботаники.* Сочиненіе, выбранное изъ лучшихъ Писателей, и приспособленное для употребленія особъ обоего пола). — С. П. б. въ типогр. К. Края, 1830. (310 стран. въ 12-ю д. л.) (*)

Книга сія, какъ говоритъ самъ Издатель оной, составлена не съ тѣмъ, чтобы служить первоначальнымъ курсомъ или трактатомъ о Ботаникѣ. Это одно введеніе къ изученію сей науки, и единственно для тѣхъ, которые пожелали бы заняться ею или по склонности, или просто для препровожденія времени. Авторъ хотѣлъ читателей своихъ привлечь къ познанію сей науки, уже по самой себѣ заманчивой, и содѣлать оную для нихъ пріятнѣе, облегчивъ для нихъ способы разумѣть тѣ сочиненія, въ коихъ она излагается ученѣе и подробнѣе.

Мы съ своей стороны скажемъ, что книга сія есть краснорѣчивое, хотя и не глубокое обозрѣніе одного изъ привлекательнѣйшихъ Царствъ богатой Природы. Для свѣтскихъ любителей Ботаники, для тѣхъ, кому милы сады и цвѣтники, это истинно пріятный подарокъ, въ которомъ польза весьма счастливо смѣшана съ удовольствіемъ. Занимательное, часто поэтическое описаніе разныхъ частей растенія, разныхъ перемѣнъ его развитія, цвѣтенія и спѣянія, конечно послужитъ для многихъ чтеніемъ приманчивыхъ и наставительнымъ,

---

(*) Продается у Бѣлизара и комп., придворныхъ книгопродавцевъ, и у Карла Края. Цѣна 5 р.

тѣмъ болѣе, что прекрасный, благородный слогъ одушевляетъ все, что Авторъ рисуетъ нашему воображенію. Въ первой главѣ, растеніе разсматривается въ существѣ своемъ. Вторая глава объясняетъ наружные органы растеній съ важнѣйшими ихъ частями. Третья глава содержитъ въ себѣ сокращенную Исторію Ботаники, обозрѣніе методъ Ботанистовъ и пользы оныхъ (методы Турнефора, Линнея, Жюсьё). Въ концѣ книги помѣщено наставленіе, какъ приготовлять Ботаническіе травники. Мы помѣстили въ послѣднемъ (54-мъ No) нашей Газеты изъ сей любопытной книги переводъ вступленія (*О пользѣ и пріятности Ботаники*).

Статью нашу заключимъ мы желаніемъ, поскорѣе увидѣть вполнѣ превосходное твореніе *О Природѣ*, которое готовитъ почтенный М. А. Максимовичъ, Адъюнктъ Ботаники при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Читателямъ *Литературной Газеты* уже знакомы нѣкоторые прекрасные отрывки изъ его сочиненія.

РУСКІЯ КНИГИ.

Басни Ивана Крылова. Въ осьми книгахъ. Новое изданіе, вновь исправленное и умноженное. Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина. Цѣна въ С. Петербургѣ и Москвѣ 4 руб. съ пересылкою въ города 5 руб. ассигнаціями. — С. П. б. въ тип. Александра Смирдина. 1830. (въ 8-ю д. л. 309 стран.)
То же (въ 16-ю д. л. 423 стран.)

Кому лучше можно оцѣнить талантъ, какъ не таланту? Выпишемъ же здѣсь слова А. С. Пушкина о первокласномъ Баснописцѣ нашемъ (въ статьѣ о предисловіи Г-на Лемонте къ переводу Басень И. А. Крылова): «Конечно ни одинъ Французъ не осмѣлится, «кого бы то ни было, поставить выше Лафонтена, «но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Кры«лова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ «единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что про«стодушіе (naiveté, bonhomie) есть врожденное свой«ство Французскаго народа; напротивъ того, отличи«тельная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то ве«селое лукавство ума, насмѣшливость и живописный «способъ выражаться. Лафонтенъ и Крыловъ предста«вители духа обоихъ народовъ.» Сіе точное и не преувеличенное мнѣніе о достоинствѣ Крылова оправдывается восторгомъ цѣлой Россіи. Новыхъ Басень въ собраніи семъ двадцать одна и въ нихъ находятся та же точность въ соображеніи, та же свѣжесть въ поэтическихъ украшеніяхъ и та же веселая, полная глубокаго смысла острота, которыми насъ плѣнялъ Сочинитель ихъ, бывъ еще въ полной зрѣлости мужества. Многихъ поражалъ слѣдующій вопросъ: отъ чего басня, по видимому созданіе еще младенчествующаго ума, дѣлается нерѣдко и нынѣ исключительнымъ занятіемъ Писателя великаго и плѣняетъ, вышедшая изъ рукъ его, всѣ возрасты? Ужь вѣрно небывалый разговоръ двухъ или трехъ звѣрей и въ заключеніе сказанная всѣмъ извѣстная нравственная истина—сами по себѣ не привлекательны. Всѣ сіи нравственныя истины мы слушаемъ въ ребячествѣ отъ родителей или наставниковъ и большая часть ихъ остается безъ примѣненія и непонятая въ нашей памяти, доколѣ собственный опытъ или разительный, хотя и посторонній примѣръ, намъ не докажутъ ихъ существеннаго достоинства, необходимости ими пользоваться. Поэзія разрѣшаетъ удовлетворительно вопросъ нашъ. Она, дѣйствуя прямо и могущественно на чувства наши, привлекаетъ все участіе наше къ повѣствуемому, и дѣлая насъ нехладнокровными, но живыми свидѣтелями ею оживленнаго происшествія, врѣзываетъ не въ память, а въ сердце наше ненапрасныя наставленія, прививаетъ къ душѣ истины, сей часъ готовыя разцвѣсть и принести плодъ цѣлительный и сладкій.

СМѢСЬ.

Издателю *Литературной Газеты* обѣщаны статьи о картинахъ и другихъ произведеніяхъ Изящныхъ Искуствъ, выставленныхъ нынѣ въ залахъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ. Зная основательныя свѣдѣнія въ Изящныхъ Искуствахъ и безпристрастіе лицъ, обѣщавшихъ статьи сіи, можемъ смѣло сказать напередъ, что замѣчательнѣйшія произведенія, привлекающія въ нынѣшней выставкѣ вниманіе любителей и знатоковъ, будутъ оцѣнены по достоинству.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Сентября 27-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ II, № 56. ОКТЯБРЯ 3го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разсылкой 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

САМОУБІЙЦА.

Повѣсть.

(*Окончаніе.*)

Во весь тотъ день Илья Степановичъ никому не показывался. На другой день поутру, позвалъ онъ къ себѣ карлу Тимошу, къ которому оказывалъ больше милости и довѣрія, нежели ко всѣмъ другимъ служителямъ покойника, и разспрашивалъ у него о погребеніи своего дяди. Карла разсказалъ ему все, и когда дошелъ до страшнаго видѣнія, которое намъ явилось, то замѣтилъ, что лице новаго нашего господина вмигъ изкривилось, какъ будто отъ сильной судороги, рѣсницы и даже глаза его начало подергивать, и карла слышалъ даже, какъ зубы его застучали одни о другіе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ захохоталъ, но такъ, что у карлы въ душѣ похолодѣло: это былъ смѣхъ отчаянія, смѣхъ, который горьче плача.

— «Ты пошутилъ, маленькой человѣчекъ: признайся, этого не было....» сказалъ Илья Степановичъ съ прежнимъ смѣхомъ, облокотясь на ручку креселъ и подперши голову кулакомъ, который дрожалъ у него какъ въ лихорадкѣ.

— «Богъ свидѣтель! я видѣлъ это, и другіе видѣли,» отвѣчалъ карла, перекрестясь.

— «Ты и другіе, всѣ вы люди суевѣрные.... вздорные выдумщики небылицъ!...» подхватилъ съ сердцемъ Илья Степановичъ. «Но, слушай: помни самъ и скажи другимъ, чтобъ никто не смѣлъ разглашать этихъ глупостей... Не то — вы меня еще не знаете!» Онъ стиснулъ зубы и засверкалъ глазами.

Погодя немного, онъ началъ говорить съ карлой гораздо привѣтливѣе, даже былъ къ нему ласковъ, обѣщался заступить намъ и всей вотчинѣ отца нашего, стараго барина, и кончилъ тѣмъ, что ему надобно было ѣхать въ городъ по дѣламъ, нетерпящимъ отсрочки. Онъ приказалъ тотъ же часъ заложить себѣ коляску, замкнулъ и опечаталъ кабинетъ и спальню стараго барина и поруча управителю смотрѣть за домомъ, ускакалъ въ городъ.

Въ первую ночь по отъѣздѣ Ильи Степановича, я, карла и другіе комнатные служители остались ночевать въ барскихъ покояхъ. Около полуночи, на насъ напалъ такой страхъ, что у каждаго зубъ на зубъ не попадалъ отъ дрожи. Никто не могъ выдержать: всѣ мы опрометью бросились изъ комнатъ и упросили управителя запереть ихъ до пріѣзда баринова.

Илья Степановичъ прожилъ въ городѣ больше двухъ недѣль. Когда онъ пріѣхалъ, управитель и всѣ мы дожидались въ передней. Онъ позвалъ управителя, меня и карлу Тимошу, отперъ кабинетъ стараго барина, собралъ и пересмотрѣлъ всѣ бумаги покойника и сжегъ всѣ до одной его рукописи, за исключеніемъ необходимыхъ вотчинныхъ бумагъ. Послѣ того ушелъ въ свою комнату и заперся въ ней. Мы замѣтили, что онъ очень похудѣлъ и былъ блѣденъ, какъ полотно. Слуга его Авдѣй сказывалъ намъ, что въ городѣ Илья Степановичъ какъ будто насильно старался разсѣять себя отъ какой-то тяжкой кручины. Онъ всѣ ночи на пролетъ просиживалъ съ своими пріятелями, въ разговорахъ или за картами, и спалъ только днемъ по нѣскольку часовъ. «Каждую ночь, «прибавилъ Авдѣй,» замѣчалъ я, что около полуночи баринъ вдругъ становился безпокойнѣе, оглядывался, посматривалъ на дверь; а какъ скоро на часахъ пробьетъ половину перваго, онъ вздрагивалъ и вскакивалъ съ мѣста.»

Скоро по пріѣздѣ Ильи Степановича прискакали снова и гг. судовые для введенія его, какъ ближайшаго и единственнаго наслѣдника своего дяди, во владѣніе помѣстьемъ и всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ покойнаго. На этотъ разъ, новый нашъ баринъ пышно угостилъ ихъ, и за ужиномъ, или лучше сказать, за попойкой просидѣли они почти всю ночь. Наслышавшись отъ Авдѣя, мы стали посматривать на Илью Степановича около полуночнаго времени; въ самомъ дѣлѣ, онъ началъ какъ будто тревожиться, вздрагивать, поглядывать на дверь и блѣднѣть пуще прежняго. Едва ударило половину перваго — вдругъ что-то хряснуло на кровлѣ съ необыкновенною силой, словно весь домъ переломился по поламъ; въ тотъ же мигъ, боковая дверь изъ столовой во внутреннія комнаты сама собою отперлась и тихо разпахнулась на петляхъ. Илья Степановичъ, ни живъ, ни мертвъ, мутными, оцѣпенѣлыми глазами взглянулъ въ ту сторону; всѣ гости и служители то же взглянули туда: въ комнатѣ, куда вела эта дверь, было темно, и никому изъ насъ ничего оттуда не казалось; однако же никто не смѣлъ тронуться съ мѣста, чтобы притворить ее. Между тѣмъ, Илья Степановичъ все смотрѣлъ туда, съ полу-открытымъ ртомъ и посинѣлыми губами, безъ всякаго движенія и какъ будто безъ жизни. Спустя нѣсколько минутъ, Капитанъ-исправникъ первый вышелъ изъ онѣмѣнія, велѣлъ слугѣ притворить дверь, и наливъ по бокалу шампанскаго себѣ, другимъ чиновникамъ и Ильѣ Степановичу, громко вскрикнулъ: «Здоровье новаго помѣщика!» Илья Степановичъ вздрогнулъ при этомъ словѣ и оборотясь къ столу, взялъ бокалъ; Капитанъ-исправникъ чокнулся съ нимъ и всѣ они разомъ выпили. Сколько однако же ни старались Капитанъ-исправникъ и всѣ гости развеселить Илью Степановича, сколько ни разсказывали забавныхъ и смѣшныхъ побасенокъ, сколько ни пили, ни шумѣли, — баринъ нашъ все былъ по прежнему мраченъ, задумчивъ и молчаливъ: какая-то смертная тоска, словно черная туча, тяготѣла у него на душѣ.

На другой день, судовые разъѣхались, получа отъ Ильи Степановича новую благодарность, то есть новые и очень богатые подарки за труды свои. Господинъ нашъ то же хотѣлъ уѣхать въ городъ; но почувствовавъ необычайную слабость во всемъ тѣлѣ, принужденъ былъ остаться. На третій, на четвертый и во всѣ прочіе дни, всегда встрѣчалось ему какое-либо непредвидѣнное препятствіе къ отъѣзду. Онъ сталъ робокъ, молчаливъ и подозрителенъ; боялся всякаго шороху, прислушивался къ каждому слову, поминутно спрашивалъ торопливо: «что, что такое?« словомъ, былъ какъ самъ не свой. По ночамъ, — чего прежде за нимъ не бывало, — велѣлъ онъ карлѣ Тимошѣ ложиться въ своей комнатѣ, зажигать въ ней по двѣ лампады: одну на столикѣ, а другую передъ образомъ, и самъ ложился въ постелю почти совсѣмъ одѣтый.

Карла Тимоша разсказывалъ, что каждую ночь Ильѣ Степановичу видѣлось что-то страшное. Онъ вскакивалъ, садился на постелѣ, и разбудя Тимошу, указывалъ пальцемъ прямо противъ себя и твердилъ: «Старикъ, старикъ!» Волосы у него подымались дыбомъ, глаза выкатывались и всѣ черты лица подергивались, какъ отъ корчи. То вдругъ торопко взглядывалъ онъ себѣ на руки, начиналъ то ту, то другую прилежно и крѣпко тереть одѣяломъ, какъ будто бы хотѣлъ съ нихъ что-то счистить, или ломалъ руку объ руку, такъ что всѣ составы хрустѣли. То вдругъ онъ хотѣлъ бѣжать вонъ и останавливался, какъ окаменѣлый, съ вытянутыми впередъ руками и страшнымъ, мертвеннымъ видомъ. Порою онъ упадалъ лицемъ на кровать, зарывалъ голову въ подушки или стискивалъ глаза руками, и поминутно стоналъ и охалъ. — Карла Тимоша думалъ, что у молодаго нашего барина падучая болѣзнь; другіе смекали, что по ночамъ на него находитъ, и можетъ быть, съ тоски по его дядѣ и благодѣтелѣ. Что до меня, сударь, во мнѣ тогда же родилась одна догадка, которой никому не смѣлъ я открыть, даже женѣ своей.

Надобно вамъ сказать, что и служители не совсѣмъ оставались въ покоѣ. Ночью, и именно часу въ первомъ, всегда начинался какой-то глухой стукъ въ стѣнѣ дома, съ той стороны, гдѣ была спальня покойника стараго барина. Стукъ этотъ не похожъ былъ на удары обухомъ или другой обыкновенный звукъ: онъ токалъ разстановчато, какъ часовой маятникъ по секундамъ, и отдавался печальнымъ стономъ по всему дому. Въ половинѣ перваго кончался онъ тѣмъ же трескомъ, о которомъ я прежде вамъ сказывалъ. И вдругъ всѣ двери въ покояхъ отпирались сами собою, и что-то какъ бы проходило мимо людей, спавшихъ повалкой по комнатамъ: неразъ они чувствовали, что на нихъ навѣвало холодомъ, словно отъ длинной и широкой одежды человѣка, быстро промелькнувшаго; впрочемъ, ни ступи, ни шороха шаговъ не было слышно.

Такъ мучились мы почти полгода. Баринъ каждый день собирался въ городъ, и никакъ не могъ выѣхать: словно какая-то невидимая сила удерживала его въ домѣ. Мы его почти не видали. Не смыкая глазъ во всю ночь, онъ обыкновенно спалъ или покрайней мѣрѣ отдыхалъ днемъ. Никто къ нему не ѣздилъ, потому что гг. судовые, перетрусившись сами, разнесли по всѣмъ околоткамъ молву, будто бы въ домѣ у насъ является что-то страшное. Можетъ статься и самихъ ихъ совѣсть въ чемъ нибудь укоряла. Весною, Илья Степановичъ иногда ввечеру садился подъ окномъ, и безмолвно, съ грустнымъ видомъ смотрѣлъ вдоль по аллеѣ, по которой дядя его любилъ прохаживаться: казалось, глаза молодаго нашего барина были прикованы къ песчаной дорожкѣ этой аллеи. — Такъ медленно, однообразно и страшно текло наше время. Голова у каждаго изъ насъ кружилась отъ страховъ настоящихъ и отъ тайнаго ожиданія впередъ чего-то еще ужаснѣйшаго. Если бы кто со стороны взглянулъ тогда на нашу дворню, то подумалъ бы, что это или скитъ кающихся грѣшниковъ, или скопище преступниковъ, ждущихъ съ часа на часъ грознаго себѣ приговора.

Въ одинъ день Илья Степановичъ неожиданно отперъ спальню стараго барина, которая оставалась опечатанною съ самаго возвращенія его изъ города. Онъ заперся въ ней и долго тамъ оставался, такъ что мы уже начинали безпокоиться. Мы поминутно поглядывали въ корридоръ; но дверь все не отпиралась. Наконецъ карла прокрался въ корридоръ, приставилъ ухо къ дверямъ спальни и услышалъ, что Илья Степановичъ отмыкалъ всѣ шкафы, бюро, столовые ящики, и, какъ замѣтно было, чего-то искалъ въ нихъ. Это насъ порадовало и заставило думать, что молодой нашъ господинъ начиналъ заботиться о своихъ дѣлахъ и что умъ его отвлекался отъ ночныхъ страховъ и мрачныхъ думъ. Погодя немного онъ вышелъ изъ спальни съ лицемъ, на которомъ, какъ намъ показалось, было больше спокойства и какой-то твердости или рѣшимости. Онъ снова замкнулъ спальню покойника, вынулъ ключъ и положилъ его къ себѣ въ карманъ вмѣстѣ съ какою-то другою вещью почти одной величины, но завернутою въ бумагу. Вечеромъ карла сказывалъ, что Илья Степановичъ принимался писать; но всякой разъ написанную имъ бумагу раздиралъ въ клочки и сжигалъ ихъ на свѣчѣ. Легъ онъ въ постелю раньше обыкновеннаго, и не показывалъ въ себѣ ни прежняго страха, ни тоски, которыя онъ доселѣ чувствовалъ съ каждымъ приближеніемъ ночи. Карла, утомленный, измученный безсонницею прежнихъ ночей, скоро и крѣпко уснулъ. Мы то же, въ надеждѣ, что настанутъ лучшія времена, заснули спокойнѣе. Вдругъ, за полночь, насъ разбудилъ необыкновенный крикъ; двери разхлопнулись и карла вбѣжалъ къ намъ со свѣчею въ страшномъ испугѣ. Уродливое лице его показалось намъ еще всотеро отвратительнѣе, обезображенное страхомъ. Языкъ его что-то лепеталъ, но понять никакъ нельзя было, потому что губы и колѣни его тряслись и весь онъ былъ словно въ мукахъ ужаснѣйшей пытки. Не въ силахъ бывъ проговорить явственно, указывалъ онъ намъ на дверь, изъ которой ворвался къ намъ, и вслѣдъ за тѣмъ упалъ безъ чувствъ на землю. Мы догадались, что должно было что-то случиться съ бариномъ, и всѣ опрометью пустились въ комнату Ильи Степановича.... Представьте нашъ ужасъ! Илья Степановичъ метался на полу съ перерѣзаннымъ горломъ.... Еще страшное хрипѣнье въ груди его было слышно, и кровь черными клубами била изъ раны.... Въ окостенѣлой рукѣ его стиснута была бритва, точь въ точь такая же, или лучше сказать, пара къ той, которою зарѣзанъ былъ старый нашъ баринъ.... Тутъ мы догадались, что эту самую вещь пряталъ онъ въ карманъ, выходя изъ спальни своего дяди.

Поздно было подавать помощь. Встрепенувшись еще два или три раза, онъ пересталъ жить и страдать. Мы заперли дверь этой страшной комнаты и тотчасъ послали въ городъ съ симъ роковымъ извѣстіемъ. Судъ пріѣхалъ снова, свидѣтельствовалъ тѣло, забралъ насъ въ городъ, допрашивалъ насъ, и узналъ изъ показаній карлы Тимоши, что онъ вдругъ былъ разбуженъ стукомъ, какъ будто бы что крайне тяжелое упало на полъ. Карла поднялъ голову, взглянулъ — и увидѣлъ то страшное зрѣлище, которое не избавилъ насъ Богъ видѣть послѣ него. На столѣ найденъ лоскутокъ бумаги: въ немъ было написано рукою Ильи Степановича: «Въ смерти моей никого не обвиняйте; я самъ «произвольно прекращаю дни свои....» Остальное было оторвано, и, какъ видно, сожжено, потому что подлѣ лампады найденъ свернувшійся клочекъ горѣлой бумаги, до половины разсыпавшейся пепломъ.

Насъ отпустили и велѣли намъ также безъ Священника и безъ церковныхъ обрядовъ похоронить молодаго нашего барина, какъ и стараго. Мы приготовили для него могилу почти въ томъ же мѣстѣ, не вдалекѣ отъ могилы его дяди. Но, сказать ли вамъ, сударь? Никто изъ дворовыхъ людей и крестьянъ вотчины не хотѣлъ нести на своихъ плечахъ его тѣла до могилы: всѣ въ одинъ голосъ отказались. Мы укрѣпили доски на каретномъ ходу, покрыли ихъ чернымъ сукномъ, поставили на нихъ гробъ, и запрягши въ дышло четверку вороныхъ господскихъ лошадей, повезли гробъ къ назначенному для погребенія мѣсту. За гробомъ шло очень немного: управитель, я, карла Тимоша и еще нѣсколько дворовыхъ людей. Лошади, какъ будто чуя свою ношу, опустили головы внизъ и шли тихомъ шагомъ. Когда мы выбрались за деревню, я и карла Тимоша, какъ будто по невольному движенію, взглянули впередъ.... И что же?.... вслѣдъ за гробомъ опять шелъ тотъ же призракъ въ широкомъ и длинномъ темносѣромъ плащѣ, въ шляпѣ съ большими опущенными полями и въ плисовыхъ сапогахъ.... Словомъ, самъ покойникъ нашъ старый баринъ провожалъ въ могилу своего племянника, въ раннихъ лѣтахъ прекратившаго жизнь свою.... Не умѣю вамъ пересказать, что мы чувствовали. Мы обомлѣли; смертный холодъ, казалось, сжималъ у насъ грудь и отнималъ дыханіе. Но, какъ привязанные къ гробу какою-то непонятною силой, мы не могли податься назадъ и шли по слѣдамъ страшнаго призрака. Также, какъ и прежде, онъ не показывалъ движенія и жизни, и какъ будто бы не шагалъ, а скользилъ передъ нами. Когда гробъ довезенъ былъ до могилы, тогда призракъ понесся въ право, къ тому мѣсту, гдѣ былъ погребенъ старый баринъ, и изчезъ между тремя деревами.

Не я одинъ, сударь, — всѣ видѣли его; но никто не смѣлъ уйти, какъ въ первый разъ. Всякому казалось, что онъ заступилъ бы ему дорогу; и когда мы, засыпавъ землею гробъ Ильи Степановича, возвращались домой, то каждому мерещился страшный мертвецъ, вышедшій изъ могилы и бродящій по землѣ въ образѣ нашего стараго барина. Долго еще представлялся онъ намъ ночью въ сновидѣніяхъ, такъ живо, какъ мы его видѣли на яву, и тяжко перерывалъ глубокій нашъ сонъ.

О. Сомовъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ МАЛЕНЬКАГО АНТИКВАРІЯ.

(*Изъ соч. Вашингтона-Ирвинга.*)

У меня былъ пріятель Докторъ, запыленный, запачканный человѣчекъ, вѣчно ощупывавшій развалины, Антикварій въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ обнюхивалъ строенія, какъ Англичанинъ обнюхиваетъ сыръ, и чѣмъ болѣе онѣ покрыты были плесенью и мхомъ, тѣмъ болѣе ему нравились. Обломки неизвѣстнаго храма, или стѣны развалившагося амфитеатра, приводили его въ восхищеніе, и, какъ памятники древности, казались ему превосходнѣе самыхъ лучшихъ чертоговъ новѣйшаго вкуса.

Онъ былъ также курьозный собиратель монетъ и отъ коллекціи ихъ чуть не ряхнулся. Онъ добылъ нѣсколько монетъ Римскихъ Консуловъ, двѣ принадлежавшія, по его мнѣнію, воинамъ Аннибала, потому что были найдены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ воины тѣ стояли въ лагеряхъ между Аппенинскими горами. Сверхъ того въ обладаніи его состояла Самнитская монета, вычеканенная послѣ гражданской войны, и еще одна съ портретомъ Царицы Филистисъ, никогда не существовавшей; но всего болѣе цѣнилъ онъ монету, изображавшую съ одной стороны крестъ, а съ другой Пегаса, которую въ состояніи были описать только посвященные въ таинства Нумизматики, и которая, по логическимъ доводамъ нашего Антикварія, могла служить историческимъ объясненіемъ древнихъ событій.

Всѣ сіи драгоцѣнныя монеты хранились въ коженомъ кошелькѣ, погруженномъ въ глубочайшій карманъ его короткаго исподняго платья чернаго цвѣта.

Въ добавокъ ко всему этому онъ забралъ себѣ въ голову химеру объ изысканіи древнихъ городовъ Пелазгическихъ, тогда какъ достовѣрныя свѣдѣнія на счетъ ихъ покрыты неизвѣстностію, хотя по словамъ нѣкоторыхъ, они будто бы до сихъ поръ находятся между какими-то горами. Онъ входилъ въ большія соображенія по этому предмету и накопилъ столько важныхъ замѣчаній и выписокъ, что изъ нихъ составилась преогромная книга. Антикварій всегда держалъ ее при себѣ, съ одной стороны по необходимости имѣть это чудное твореніе подъ рукою, а съ другой изъ опасенія, чтобъ оно не попалось кому нибудь изъ его собратій. Для этого устроенъ былъ въ его кафтанѣ помѣстительный карманъ, куда обыкновенно укладывался безцѣнный фоліантъ, колотившій нашего чудака по ногамъ, когда онъ рззхаживалъ.

Нагруженный такимъ образомъ добычею Древности, онъ во время пребыванія своего въ Террачинѣ, вздумалъ осмотрѣть остатки Ѳеодорикова зàмка, и однажды, для удовлетворенія своего любопытства, вскарабкался на скалу, нависшую надъ городомъ. Предъ солнечнымъ закатомъ добравшись до развалинъ и углубившись въ размышленія, вѣроятно о Готтахъ и Римлянахъ, онъ услышалъ за собою чью-то походку; оглядывается и видитъ пять или шесть вооруженныхъ молодыхъ людей. Странная одежда ихъ — смѣсь крестьянской и охотничьей, грубый видъ и вообще всѣ пріемы, показывали ясно, въ какое онъ попалъ сообщество.

Докторъ былъ дряхлъ, бѣднякъ по наружности, а еще болѣе по карману. Отъ него можно было поживиться немногимъ серебромъ и золотомъ, но за то въ карманѣ его чернаго исподняго платья покоилась дивная монета. При немъ были еще дорогія вещи, именно: серебряныя часы съ большую рѣпу, съ такими притомъ цифрами, которыя по величинѣ своей годились бы даже для стѣнныхъ часовъ, и связка печатей на концѣ стальной цѣпи, разкачивавшейся до самаго колѣна (этѣ диковинки были цѣнны, какъ наслѣдство прародителей). Кромѣ того полъ-сгиба ладони его закрывалъ антикъ, перстень съ изображеніемъ Венеры, которую Антикварій почти боготворилъ съ жаромъ сластолюбца. Въ особенности дорожилъ онъ неоцѣненнымъ наборомъ мыслей о Пелазгахъ, и за него охотно готовъ былъ пожертвовать своими монетами.

Ободрившись, сколько могъ по своей хилости, одолѣвавшей его въ самую добрую пору, онъ рѣшился проговорить незнакомцамъ: «buon giorno;» и въ отвѣтъ на это привѣтствіе получилъ отъ нихъ такой дружелюбный толчокъ въ спину, что сердце его вспрыгнуло до горла. Затѣмъ начался разговоръ, и всѣ вмѣстѣ ходили нѣсколько времени по высотамъ, при искреннемъ желаніи Антикварія, чтобъ его спутники провалились въ жерло Везувія. Наконецъ они дошли до небольшой гостиницы, и Антикварію предложено было войти въ нее и чего нибудь выпить. Онъ согласился на это, но съ такимъ чувствомъ, какъ будто его просили полакомиться цикутой.

Одинъ изъ удалой шайки остался часовымъ у дверей, другіе же, разхаживая въ комнатѣ, поставили ружья по угламъ, а пистолеты и кинжалы, отвязавъ отъ перевязей, положили на столъ; потомъ придвинувъ къ нему скамейки, громогласно потребовали вина и принялись тащить къ себѣ своего гостя, какъ бы старинаго сподвижника, прося его сѣсть и быть безъ церемоній.

Почтенный любитель древности принялъ это предложеніе съ уродливой улыбкой, чувствуя въ самомъ дѣлѣ страхъ и трепетъ. Неловко усѣвшись на концѣ скамейки, онъ печально поглядывалъ на заряженные пистолеты и обнаженные кинжалы, и каждая капля прихлебываемаго имъ напитка жгла его внутренность. Между тѣмъ новые его товарищи быстро передавали бутылки изъ рукъ въ руки, пѣли, хохотали, разсказывали о своихъ грабежахъ и стычкахъ, мѣшая въ рѣчи непозволительныя шутки. Крохотный Антикварій на всѣ ихъ плоскости долженъ быть смѣяться, тогда какъ сердце его замирало.

По собственному признанію разбойниковъ, они жили прежде въ разныхъ селеніяхъ и по странной прихоти молодыхъ лѣтъ, принялись недавно за ремесло свое. Они говорили о разбоѣ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ охотники толкуютъ о своей любимой забавѣ. Застрѣлить человѣка или кролика они считали почти за одно и то же; обращаясь же къ разгульной жизни, вспоминали съ восторгомъ, что они свободны какъ птицы, сегодня здѣсь, завтра тамъ; захотѣли — пробѣгаютъ лѣса, взбираются на утесы, спускаются въ долины; все, что ни попалось имъ на свѣтѣ, ихъ добыча; а кошельки полны золота, товарищи веселы, красотки не наглядны. Антикварія стала забирать одурь отъ пламенныхъ разсказовъ и отъ вина, потому что собесѣдники его, разговаривая, не переставали наливать стаканы. Обольщенный яркою картиной свободы, онъ позабывалъ страхъ; позабывалъ перстень, прародительскіе часы, и самое разсужденіе о Пелазгахъ, спокойно подъ нимъ нагрѣвавшееся. Онъ объявилъ даже, что послѣ всего слышаннаго, судя по настоящимъ его чувствамъ, ему нимало не кажется удивительною господствующая въ горахъ страсть къ разбою, и что если бъ онъ былъ молодъ, силенъ и не боялся висѣлицы, то самъ бы попробовалъ сдѣлаться разбойникомъ.

Наконецъ настало время разставанья. Антикварій вдругъ опомнился и оробѣлъ снова, когда разбойники взялись за оружіе. Онъ трусилъ за свои рѣдкости и всего болѣе за разсужденіе о Пелазгахъ. Впрочемъ усиливаясь казаться хладнокровнымъ, вытащилъ изъ бездоннаго почти своего кармана длинный и если позволено такъ выразиться, тощій кошелекъ, въ которомъ отъ трепетанія державшей его руки звенѣли монеты.

Атаманъ разбойниковъ, замѣтя это движеніе и положивъ руку на плечо Антикварія, сказалъ: «Послушай, Signor Dottore, мы вмѣстѣ пировали какъ друзья и товарищи, такъ позволь же намъ такими точно и разстаться. Мы тебя понимаемъ: все, что ни дѣлается въ Террачинѣ, извѣстно намъ, какъ пять пальцевъ. Ты человѣкъ богатый, но твое богатство у тебя въ головѣ; его взять нельзя, да если бъ было и можно, то мы не знали бъ, куда съ нимъ дѣваться. Я вижу однако, что ты дрожишь за свой перстень, но напрасно: этою дрянью не стоитъ и рукъ марать; ты считаешь его антикомъ, тогда какъ онъ поддѣльный.»

Тутъ гнѣвъ овладѣлъ нашимъ Антикваріемъ: онъ вышелъ изъ себя и возпламенился мщеніемъ за достоинство своего перстня. «Громъ и молнія!» воскликнулъ онъ: «моя Венера поддѣльная!» Его нельзя было бы раздражить болѣе, сказавъ, что у него на лбу разцвѣли рога, по милости не совсѣмъ цѣломудренной его сожительницы.

—«Намъ некогда спорить о твоемъ перстнѣ,» продолжалъ Атаманъ:» цѣни его, какъ хочешь; впрочемъ ты милой старичишка. Выпьемъ же еще по стакану, а разплачиваться не твоя забота. Мнѣ угодно, чтобъ ты былъ гость нашъ; послѣ добрымъ путемъ убирайся пожалуй въ свою кануру. — Однако, становится уже слишкомъ поздно, прощай. Buon viaggio! Да берегись бродить между этими горами: вѣдь не всегда попадешь на такихъ, какъ мы, честныхъ.»

Положивъ на плечо ружья, разбойники спустились внизъ, а Докторъ-Антикварій побрелъ въ Таррачину, радуясь, что остались невредимы его часы, монеты, печати и разсужденіе о Пелазгахъ, и вмѣстѣ ужасно негодуя, что Атаманъ осмѣлился назвать его антикъ поддѣльнымъ.

Съ Англійскаго. *Н. Ш-г-въ.*

СРАВНЕНІЕ.

Вмѣняешь въ грѣхъ ты мнѣ мой темный стихъ;
Прозрачныхъ мнѣ не надобно твоихъ:
Ты нищаго ручья видалъ ли жижу?
Видалъ насквозь, какъ я весь стихъ твой вижу.
Бывалъ ли ты хоть на рѣкѣ Деснѣ? —
Открой же мнѣ: что у нея на днѣ?

Вмѣняешь въ грѣхъ ты мнѣ нечистый стихъ;
Пречистыхъ мнѣ не надобно твоихъ:
Вотъ чистая водица ключевая,
Вотъ *аліатико*, бурда густая!
Что жь? — выбирай, возьми любой стаканъ:
Ты за воду.... за то не будешь пьянъ.

С. Шевыревъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ Издателю Литературной Газеты.

М. Г! — Въ 94 № Сѣверной Пчелы сего года напечатано письмо Г. Булгарина, какъ то ясно видно по подписи и по содержанію, а именно по словамъ: »*моего*

Выжигина. Въ ономъ сказано, что въ Дерптѣ *получено письмо изъ Парижа, въ которомъ увѣдомляютъ, что въ чужихъ краяхъ странствуютъ нѣсколько юныхъ Россіянъ, которые выдаютъ себя за первокласныхъ Рускихъ Поэтовъ, Философовъ и Критиковъ, и всѣмъ* (*) *Журналистамъ обѣщаютъ сообщать извѣстія о Россіи, а болѣе о Руской Литературѣ. Тотъ Критикъ* и проч. (пропускаю нѣсколько словъ, не идущихъ къ моему дѣлу,) — *наименованъ* (?) *въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ Журналовъ! Другой, Авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщаемыхъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, и соучастникъ по изданію сего Журнала.* « Послѣднія слова явно ко мнѣ относятся.

Позвольте мнѣ, М. Г., посредствомъ вашей Газеты объявить всей читающей публикѣ, что это одна пустая выдумка, не приносящая чести изобрѣтателю оной, кто бъ онъ ни былъ: иностранный ли Журналистъ, Парижскій ли Корреспондентъ въ Дерптѣ или Корреспондентъ Сѣверной Пчелы; ибо я до сихъ поръ не входилъ и не вхожу въ сношенія съ Журналистами иностранными и ни самъ, непосредственно, ни черезъ другихъ, не давалъ имъ обѣщаній сообщать извѣстія ни объ Россіи, ни объ Руской Литературѣ.

Имѣю полное право требовать отъ Г. Булгарина, чтобы онъ печатно объявилъ: въ какихъ иностранныхъ Журналахъ видѣлъ онъ мое имя въ числѣ сотрудниковъ оныхъ? — Если онъ въ отвѣтъ сошлется на слова *неизвѣстнаго* Парижскаго Корреспондента въ Дерптѣ, — то я пожалѣю объ немъ, что онъ печатаетъ слухи, произтекающіе отъ пустослововъ и невѣждъ: ибо какой образованный человѣкъ, имѣющій хотя малое понятіе объ Европѣ, скажетъ, что юные Россіяне, путешествуя по ней, «*выдаютъ себя за первокласныхъ Рускихъ Поэтовъ, Философовъ и Критиковъ,*» а добрые Европейцы вѣрятъ имъ на слово и принимаютъ ихъ въ сотрудники своихъ Журналовъ? — Смѣю сказать (и увѣряю, что всѣ юные Россіяне, путешествующіе по Европѣ, повторятъ за мною то же), что это выходка непозволительная, непристойная, — грѣхъ противъ святаго правила всѣхъ благородныхъ людей: de mortuis et de absentibus aut bene aut nihil (если не въ литературномъ, то, покрайней мѣрѣ, въ личномъ отношеніи). Между тѣмъ какъ юные Россіяне спокойно собираютъ по Европѣ плоды ученій полезныхъ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ принести ихъ на службу Царю и Отечеству, — Гг. Издатели С. П., пользуясь ихъ отсутствіемъ и зная, что они, не получая ихъ Журнала, не могутъ отразить нападеній несправедливыхъ, заочно разпространяютъ объ нихъ выдумки неправды и выставляютъ ихъ кочующими хвастунами. Къ счастію моему (хотя въ литературномъ отношеніи я могъ бы сказать и *къ несчастію*), я имѣю случай читать Сѣверную Пчелу и, сначала думавъ, что она здѣсь нужна только для политическихъ извѣстій объ Россіи, теперь опытомъ убѣдился, что не получать ея въ чужихъ краяхъ для юныхъ Россіянъ неосторожно, ибо отсутствіе не охраняетъ ихъ отъ пера Журналистовъ, неуважающихъ личности.

Но съ какою цѣлію Г. Булгаринъ печатаетъ выдумку неизвѣстнаго Парижскаго Корреспондента въ Дерптѣ, существованіе котораго, признаюсь вамъ, мнѣ очень сомнительно, тѣмъ болѣе что я не понимаю его вражды къ юнымъ Россіянамъ: развѣ только это какой нибудь Авторъ, слышавшій отъ нихъ неугодное ему мнѣніе объ его сочиненіяхъ? Но слѣдующія за вышеписаннымъ слова выводятъ меня изъ недоумѣнія и обнаруживаютъ цѣль его. Онъ говоритъ, обращаясь къ Жителю Каменнаго Острова: »Можешь себѣ представить, каково будетъ доставаться *намъ* (*), въ этихъ извѣстіяхъ о Руской Литературѣ. « Понимаю: онъ предупреждаетъ заранѣе читающую публику, что если будутъ неблагосклонные отзывы объ его сочиненіяхъ въ иностранныхъ Журналахъ (а! видно онъ ихъ боится), то они непремѣнно произтекутъ отъ *юныхъ Россіянъ,* по Европѣ путешествующихъ. Не думаетъ ли ужь онъ, что юные Россіяне съ тѣмъ и предприняли путешествіе, чтобы во всѣхъ странахъ Европы до морей Сѣвернаго, Атлантическаго и Средиземнаго изгладить слѣды его славы, по всѣмъ концамъ свѣта разлившейся! — Смѣю увѣрить его за себя, что въ стѣнахъ классическаго Рима недосугъ разбирать его сочиненій и что я такъ люблю славу нашей Литературы, что мнѣ непріятно бы было изъ устъ иностраннаго Журналиста слышать хулу на сочиненія *даже* Г. Булгарина, какъ пишущаго на языкѣ Рускомъ: говорю *даже*, не желая оскорбить Автора въ лицѣ Г. Булгарина, но потому, что онъ считаетъ меня литературнымъ врагомъ своимъ еще съ тѣхъ поръ, какъ я объявилъ (почти три года тому назадъ) въ *Москосскомъ Вѣстникѣ* свое мнѣніе объ его сочиненіяхъ и изложилъ тактику Сѣверной Пчелы, что̀ и есть главная причина всѣхъ литературныхъ и личныхъ выходокъ противъ меня въ издаваемомъ имъ Журналѣ.

Впрочемъ статья Г. Булгарина дала мнѣ мысль хорошую. Я до сихъ поръ не входилъ въ сношенія съ Журналами иностранными и никогда не брался говорить имъ объ Россіи, ибо не считаю себя уполномоченнымъ на такое важное дѣло; но, можетъ быть, теперь войду съ тою цѣлію, чтобы внушить иностранцамъ лучшее мнѣніе объ Россіи, нежели какое внушитъ имъ не-

---

(*) Неопредѣленность въ подобномъ случаѣ не означаетъ ли умысла? *С. Ш.*

(*) Это слово подчеркнуто самимъ Г-мъ Булгаринымъ. *С. Ш.*

реводъ *Выжигина*, забавляющій Парижскую публику, охотницу до всякихъ новостей, на счетъ нашей матушки Россіи. Изъ любви къ Отечеству, точно не худо бы было имъ показать его въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ оно тамъ является — ибо всѣ пороки представлены у него въ стеклѣ увеличительномъ и каррикатурномъ, а всѣ добродѣтели слабы и безцвѣтны, — и еслибъ я былъ на мѣстѣ Г. Сочинителя, то пожертвовалъ бы своею Авторскою славою славѣ Россіи и всѣми силами старался бы препятствовать переводу своего сочиненія на всемірный языкъ, коимъ только обнародуются всему свѣту пороки моего отечества. Съ такою цѣлію я, можетъ быть, напишу о Россіи, т. е. въ защиту оной противъ Г. Булгарина — и весьма благодаренъ ему за мысль сію.

Въ заключеніе, считаю за нужное прибавить, что я сначала хотѣлъ было адресовать сіе письмо на имя Гг. Издателей *Сѣверной Пчелы* и напечатать въ оной, чтобы дать имъ прямое и близкое средство къ защищенію чести своего Журнала; но вспомнивъ, какъ они, при разборѣ стиховъ моихъ, употребляли оружіемъ противъ меня даже невѣжество своихъ наборщиковъ, я, признаюсь откровенно, не рѣшился ввѣриться ихъ великодушію, и потому прибѣгнулъ къ посредству вашей Газеты.

Им. ч. быть и пр.

С. Шевыревъ.

Римъ. 1830. Сентября $\frac{14}{2}$

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Купеческій сынокъ или слѣдствіе неблагоразумнаго воспитанія. Нравственно-сатирическій романъ. — М. въ тип. Семена Селивановскаго, 1830. (въ 12-ю д. л. 44 стран.)

Съ начала нынѣшняго года, любители журнальнаго чтенія стали замѣчать въ Телеграфѣ и въ Сынѣ Отечества какія-то особенныя прибавленія, стихотворныя и прозаическія. Первый помѣщалъ оныя при статьяхъ Новаго Живописца, а вторый подъ названіемъ Альдебарана. Прибавленія эти въ обоихъ Журналахъ были написаны очень посредственно. «Что за странность?» говорили читатели: «зачѣмъ сіи статьи отдѣляются «отъ прочихъ статей Журналовъ? Онѣ ни красотою, «ни безобразіемъ не отличаются отъ прочихъ сестеръ «своихъ! Тутъ что нибудь скрывается:

Мрачно всюду, глухо всюду;
Быть тутъ чуду, быть тутъ чуду!»

Общее недоумѣніе скоро объяснилось. Издатели Сына Отечества не могли долго скрывать тайны, они разхохотались и объявили: «что этѣ статьи сутъ «пародіи на произведенія лучшихъ нашихъ Писателей.» Послѣ такого открытія всѣ съ большимъ любопытствомъ принялись перечитывать и Телеграфъ и Сынъ Отечества. Какія же пьесы сіи Журналы пародировали? — Не знаемъ! Хорошее въ нашей малообъемной Литературѣ всѣмъ извѣстно. Дѣло же пародіи, удерживая отличительныя выраженія какого ни есть извѣстнаго сочиненія, разсмѣшить читателя инымъ смысломъ, несогласнымъ съ сими выраженіями. Читали, перечитывали, думали, доискивались,—напрасно, напрасно!

Отъ этого горя уже Издатель Телеграфа избавилъ читателей. Онъ объяснилъ, что это не пародіи, а пьесы, написанныя точь въ точь такъ, какъ пишутъ лучшіе наши Прозаики и Поэты. По таковомъ признаніи всѣ успокоились и никто не удивился. Послѣ выхода въ свѣтъ 1-го тома *Исторіи Рускаго народа* никто уже не сомнѣвался въ неограниченной самонадѣянности Издателя Телеграфа. Человѣкъ, полагавшій возможнымъ въ одинъ годъ написать и, какъ Журналъ, выдать двѣнадцать томовъ Исторіи Руской и ею убить двадцатилѣтній трудъ Карамзина, можетъ уже легко увѣриться, что онъ обладаетъ всѣми талантами, и что ему, словно какъ по щучьему велѣнью, стóитъ только захотѣть, чтобъ быть Ломоносовымъ, Державинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Вяземскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Языковымъ и пр. и пр. и пр. Убѣжденія благомыслящихъ людей, что одному человѣку невозможно имѣть всѣхъ талантовъ, были бы тщетны! Осталось только молчать и сожалѣть, что Рускій Историкъ теряетъ на пустяки драгоцѣнное время, которое бы ему слѣдовало посвятить изученію отечественнаго языка и нужнымъ размышленіямъ; или бы употребить оное на скорѣйшее изданіе очень запоздалыхъ N. N. Московскаго Телеграфа. —

Самонадѣянность заразительна. Мы не смѣемъ подозрѣвать Издателя Телеграфа въ сочиненіи нравственно-сатирическаго романа: *Купеческій сынокъ*; но какъ не согрѣшить и не замѣтить, что сочинитель сей книжки писалъ подъ его вліяніемъ? Въ этомъ стихотворномъ произведеніи ясно видны усилія безграмотнаго и безталантнаго труженика поддѣлаться подъ фактуру стиховъ извѣстнаго Барда Екатерингофа. Потому-то въ 14 N. М. Т., дабы намекнуть читателямъ, въ какомъ родѣ эта книжица, и помѣщена вмѣсто разбора брань не на нее, а на Литературную Газету и Князя Вяземскаго, стараніями коего Тереграфъ былъ поставленъ на степень хорошаго Журнала. Но едва Князь Вяземскій пересталъ участвовать въономъ, то похвалы ему прекратились и благодарность пропала, которой впрочемъ онъ никогда не требовалъ, равно какъ

Литературная Газета не ищетъ оправдываться въ обвиненіяхъ Телеграфа, Сѣверной Пчелы и Сына Отечества. Мы разъ уже сказали и теперь повторимъ, что мы ничего общаго съ сими Журналами не имѣемъ. Цѣль нашей Газеты не деньги, а Литература. Писатели, участвующіе въ нашемъ изданіи, желали, чтобы издавалась Газета, въ которой бы могли они безпристрастно и нелицепріятно говорить о Литературахъ Руской и иностранныхъ, не находя препятствія въ коммерческихъ видахъ Издателя. Какъ они желали, такъ и исполнилось. Окончимъ статью сію выпискою изъ романа: *Купеческій сынокъ*; читатели легче увидятъ по оной, что это за книга и справедливы ли наши подозрѣнія.

О вы, несчастные отцы!
Ей время вамъ и оглянуться!
Вы не дворяне, а купцы —
Зачѣмъ за барями тянуться?
На что то дѣтямъ вашимъ знать
Что знаютъ знатные дворяне!
Ихъ дѣло только торговать,
Да деньги были бы въ карманѣ;
Они всего для нихъ вѣрнѣй!
Гдѣ золото не уважаютъ?
Безъ нихъ съ чинами у дверей, —
А въ двери не всегда впускаютъ;
Чего бъ содѣлать не возмогъ
Богачъ, лишь только пожелаетъ?
А вашъ воспитанный сынокъ
Все видѣнъ въ Публикѣ; бываетъ
Примѣтно все, что онъ купецъ....

СМѢСЬ.

Отзывъ Вѣстнику Европы. — Послѣ долгаго отсутствія, пріѣхавъ въ С. Петербургъ, я имѣлъ случай читать критическую статью Вѣстника Европы, объ альманахѣ: *Царское Село.* Эта ничтожная, забавная статейка важна по одной исторической противъ меня выходкѣ: «Можетъ быть съ Рускими древностями Поэтъ больше знакомъ, чѣмъ съ Римскими, и не сдѣлаетъ здѣсь (т. е. въ моей поэмѣ: Рожденіе Іоанна Грознаго) промаха, подобнаго тому, который онъ далъ въ своей Весталкѣ, заставивъ тащить *на лобную Тарпею* осужденнаго, на которомъ *широка, богата тога;* — тогда какъ Римскіе граждане, имѣвшіе одни право носить тогу, никогда не могли быть туда таскаемы.» Такая клевета, напечатанная въ Журналѣ, коего *Редакторъ* славится *обширностію историческихъ свѣдѣній*, могла показаться истиною всѣмъ, непосвятившимся изученію древностей, и потому я, будучи обязанъ изобличить васъ въ ложномъ на меня доносѣ Публикѣ, вопрошаю съ *болѣзненнымъ чувствомъ стыда и состраданія:* Ученый Вѣстникъ Европы! ужели вы не знаете, что и Римскихъ гражданъ свергали съ Тарпейской скалы, что народные Трибуны этой казнію грозили знатнѣйшимъ въ Римѣ особамъ, что она существовала еще во времена Императора Тиверія, по приказанію коего былъ свергнутъ Секстъ Марій?

Поелику рѣчь идетъ о скалахъ, то скажемъ словечко и о Клефтахъ. Эти воинственные Греки, на недоступныхъ утесахъ сохраняя свою независимость, безпрестанными набѣгами тревожили невѣрныхъ. Одного изъ Журналистовъ можно назвать *Литературнымъ Клефтомъ:* онъ также живетъ на страшныхъ скалахъ — на скалахъ эгоизма и гордый, независимый отъ общаго мнѣнія, вѣрный древнему повѣрью своихъ отцевъ, также съ удивительной отвагою кидается на *невѣрныхъ*, т. е. на тѣхъ, кои не признаютъ его черстваго классицизма. Уподобленіе Клефту не можетъ показаться страннымъ Міхаилу Трофімовичу — Греку въ *точномъ* смыслѣ.

Баронъ Розенъ.

Любителямъ музыки извѣстны заслуги по части сего искуства Г-на Рупини, которому обязаны мы образованіемъ въ пѣніи многихъ весьма пріятныхъ свѣтскихъ талантовъ. Любя страстно свое искуство, и съ успѣхомъ занимаясь сочиненіемъ легкихъ музыкальныхъ пьесъ, Г. Рупини арранжировалъ для фортепіана съ голосомъ многія народныя Рускія пѣсни, изъ коихъ намѣренъ нынѣ издать двѣнадцать слѣдующихъ: 1) Ахъ, ты слышишь ли, разумѣешь ли, милъ сердечный другъ? 2) Молодка, молодка молодая. 3) Не одна-то во полѣ дороженька пролегала. 4) Веселая голова. 5) Солнце на закатѣ. 6) Вечоръ я младешенька въ компаніи была. 7) Скучно, матушка, весною жить одной. 8) Ахъ, что это за сердце, во мнѣ все изныло. 9) Что, красотка молодая. 10) Ужь какъ палъ туманъ на сине море. 11) Во саду ли, въ огородѣ. 12) Голубчикъ. — Многіе знатоки музыки, слышавшіе сіи пѣсни, разыгранныя и пѣтыя Г-мъ Рупини, отзываются о нихъ съ великою похвалою. Цѣна сему собранію Рускихъ пѣсень полагается весьма умѣренная, а именно по 10 р. за экземпляръ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 2-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ II, № 57. ОКТЯБРЯ 8го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Самородные огни въ Джоалѣ. Индѣйскій монастырь. Шестилѣтній импровизаторъ въ Бакѣ. Грязный волканъ.

Помнится, что ты еще при выѣздѣ напоминалъ мнѣ объ Индѣйскихъ огняхъ. Вотъ тебѣ объ нихъ выдержка изъ моихъ путевыхъ записокъ.

22 *Іюня* 1830. *Вторичное посѣщеніе газовыхъ огней.* — Индѣйцы называютъ сіе мѣсто *Джоаля*, Персіяне *Атешкедегъ*, изъ чего Рускіе составили *Тажки*. Не нашелъ я тамъ, какъ надѣялся, остатковъ древнихъ Гебровъ. Джоаля для Индѣйцевъ то же, что Мекка для Магометанъ. Чрезъ каждое извѣстное число лѣтъ приходитъ сюда по нѣскольку пилигримовъ изъ различныхъ странъ Индостана и высидѣвъ обѣтные годы, возвращаются они въ свое отечество. Джоаля лежитъ на Апшеронскомъ мысу, въ трехъ верстахъ отъ моря и въ осьмнадцати отъ Баки. Въ первый разъ я посѣтилъ ее днемъ. Ночью она несравненно кажется красивѣе. Прибыли мы въ нее, спустя нѣсколько минутъ по захожденіи солнца. Небо чистое, темноголубое, ночь довольно темная, но тихая и ясная. Вдали видны четыре огненные столпа, неподвижно стоящіе въ воздухѣ. Бѣлокаменная стѣна, опоясывающая сіе мѣсто странствованія Индѣйцевъ, явственно оттѣнялась на темномъ полѣ. Здѣсь и тамъ пылали самородные огни, разкинутые въ разныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, ибо весь Апшеронскій полуостровъ есть ихъ волканъ. Въ Джоалѣ главный ихъ кратеръ. За версту уже весь воздухъ проникнутъ сильнымъ запахомъ углеводороднаго газа. Невысокая стѣна, сверху высѣченная зубцами, опоясываетъ Джоалю въ видѣ неправильнаго пятиугольника. Наружная часть оной служитъ пилигримамъ оградой, а внутренняя жильемъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ двадцати келій; каждая имѣетъ по одной дверцѣ, но ни одного окошка и никакого сообщенія съ сосѣднею кельею. Входъ въ Джоалю небольшими воротцами, пробитыми въ сѣверномъ крылѣ стѣны. Вошедъ, видишь предъ собою посреди двора небольшую квадратную колокольню съ четырьмя сквозными аркадами. По всѣмъ четыремъ угламъ оной находится по одной трубѣ, изъ коихъ пышутъ огромные столпы огня. Сія колокольня построена на колодязѣ, испаряющемъ газъ въ самомъ большемъ количествѣ. Наиболѣе его вылетаетъ чрезъ трубы. Говорю наиболѣе потому, что и къ каждой изъ упомянутыхъ келій проведенъ отсюда огонь трубами, высѣченными въ камнѣ и обмазанными известью. Чуть проколоть въ извести дыру и приблизить къ оной огонь — газъ тотчасъ загорается голубымъ пламенемъ. Полуобнаженные Индѣйцы, одни сидѣли праздно, другіе молились, либо играли въ кости. Знакомый уже намъ настоятель сего монастыря провелъ насъ еще по всѣмъ кельямъ. Каждый пилигримъ имѣетъ для себя особую. Въ ней онъ молится, живетъ и стережетъ горящее на землѣ пламя. Желѣзныя щипцы для поправленія огня, миска, лепешка, испеченная въ золѣ, иногда кальянъ и разостланный *килимъ* (коверъ), — составляютъ всю утварь молельщика. Теперь здѣсь было одиннадцать только пилигримовъ; ибо нѣсколько ихъ отправилось еще въ Астрахань, а нѣсколько въ Бухарію, гдѣ то же должны быть самородные огни, хотя несравненно въ меньшемъ количествѣ. Сюда ожидаютъ еще новыхъ пришельцевъ изъ Индостана. На вопросъ: какъ давно открыто сіе мѣсто въ столь далекомъ разстояніи отъ Индіи, и какимъ это образомъ, — намъ отвѣчали, что достовѣрно не знаютъ. Въ самыхъ древнѣйшихъ ихъ духовныхъ книгахъ упоминается о богатомъ источникѣ священнаго огня на берегахъ Хозарскаго моря, «на четвертомъ углу свѣта.» Всѣ сіи подробности и исторія пилигримовъ Джоальскихъ, были съ точностью описаны въ рукописяхъ здѣшней библіотеки, сожженной до тла во время послѣдней (1826 года) войны Персіи съ Россіею. Четыре *арбы* (телеги здѣшнихъ поселянъ) везли на костеръ библіотеку. Монастырскіе запасы, деньги, все

даже кумировъ захватили Персіяне у поклонниковъ и самихъ безжалостно мучили. Послѣ трапезы, приготовленной намъ Индѣйцами, состоявшей изъ грязнаго молока и еще грязнѣйшихъ лепешекъ, только что вынутыхъ изъ золы — затрубили въ раковины на молитву. Еще разъ слѣдовало быть свидѣтелемъ столь продолжительнаго обряда. Пѣсни, коихъ размѣръ и рифмы пріятны слуху, совершаются при звукахъ тарелокъ, колокольчиковъ, барабана, трубленіи въ раковины и т. п. Церемонія продолжается безъ малѣйшей перемѣны и движенія. Всѣ сидятъ предъ алтаремъ, ноги накрестъ; Настоятель кадитъ и звонитъ и каждый вторитъ голосомъ либо на какомъ нибудь изъ упомянутыхъ инструментовъ. Послѣ службы, угощаютъ другъ друга изюмомъ, леденцомъ и питейнымъ медомъ. Вообще въ ихъ богослуженіи большое сходство съ богослуженіемъ Калмыковъ. На алтарѣ (до войны Персидской убранномъ весьма богато) стоитъ теперь только нѣсколько мѣдныхъ истуканчиковъ, присланныхъ изъ Астрахани. Богъ знаетъ, какимъ случаемъ залетѣлъ туда довольно уклюжій бронзовый Купидончикъ! Индѣйцы обломали ему крылья, на шею повѣсили нѣсколько четокъ, носъ выкрасили желтою краской, на голову надѣли колпачокъ, въ руку дали павлинное перо и такимъ образомъ переодѣтаго, переименовали въ Ганумана. Сей монастырь находится нынѣ на иждивеніи нѣкоего богатаго Индѣйца, содержателя казеннаго рыбнаго откупа въ Сальянахъ. Сверхъ сего еще каждый изъ посѣтителей Джоали оставляетъ въ ней какой нибудь вкладъ. Настоятель повелъ насъ показать новое зрѣлище. Въ нѣсколькихъ шагахъ за монастырскою стѣною находится колодязь, немного дальше на право горитъ въ разныхъ мѣстахъ самородный огонь. Настоятель закрылъ плотно ковромъ этотъ колодязь, и чрезъ четверть часа вдругъ его открывъ, кинулъ туда горсть зажженной соломы. Въ одно мгновеніе раздался сильный выстрѣлъ, и изъ колодязя вылетѣлъ съ дымомъ и искрами огромный клубъ огня, разсыпался въ воздухѣ и исчезъ. — На огняхъ, безъ пользы горящихъ подлѣ колодязя, Правительство хочетъ выстроить стеклянный заводъ — намѣреніе, весьма легко и дешево могущее быть приведеннымъ въ дѣйствіе. Издѣлья стеклянныя, особенно въ Восточномъ вкусѣ, нашли бы скорую себѣ выручку въ Персіи. — Для ночлега отвели намъ недавно отстроенную горенку надъ воротами, ведущими въ монастырь. Разстилая для насъ коверъ, убили ужасную фалангу: прекрасная приманка ко сну! Впрочемъ здѣсь нѣтъ въ нихъ недостатка, а скорпіоновъ и тарантуловъ еще болѣе. Цѣлую ночь Индѣйцы поперемѣнно не спали и молились, каждый въ своей кельѣ. Всѣхъ усерднѣе былъ одинъ старецъ. Онъ часто выбѣгалъ изъ кельи подъ колокольню, прыгалъ около огня съ привязанными къ ногамъ колокольчиками, падалъ на колѣни, кривлялся въ разныхъ положеніяхъ и т. п. Высохшіе члены, выдающіяся изъ подъ мѣдяной его кожи ребра, впалыя щеки, большіе глаза: все это, озаренное блескомъ огней, имѣло адскій видъ. Послѣ того я былъ у него въ кельѣ. Онъ умѣетъ нѣсколько по-Персидски, какъ и всѣ здѣшніе Индѣйцы, и нѣсколько словъ по-Англійски; ибо долгое время служилъ въ войскѣ Восточно-Индѣйской компаніи и многіе Англичане знакомы ему въ Калькуттѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдохновенія, онъ зажегъ лучину, подошелъ къ возвышающемуся посреди его кельи пристѣнку, откуда тотчасъ вспыхнуло семь голубыхъ огней; ибо столько же было отверстій въ пристѣнкѣ, которыми изпарялся газъ. Послѣ сего снова началъ молиться. Нѣсколько разъ посѣщалъ я и другія кельи; ни въ одной изъ нихъ нельзя было оставаться долго по причинѣ непомѣрнаго жара и газоваго запаха, выѣдающаго глаза. Полунагіе и совершенно нагіе молельщики лежатъ у огней въ самыхъ странныхъ положеніяхъ, не удостоивая взглянуть на посѣтителей. Сей необыкновенный монастырь мы оставили въ пять часовъ утра. — Другая достопримѣчательность въ Бакѣ есть шестилѣтній Импровизаторъ Джелиль. За нѣсколько грошей онъ либо бранитъ, либо хвалитъ, кого прикажешь, въ продолженіе получаса и болѣе; а все это весьма гладкими стихами. Чтобъ его возбудить, дается ему горшокъ и палочка, которою ударяя по горшку, онъ бьетъ мѣру и безъ запинки слагаетъ стихи. Онъ сынъ одного бѣднаго жителя предмѣстья, промышляющаго продажею огурцовъ, дынь, а болѣе импровизаторствомъ своего Джелиля. Я хочу его взять съ собою; отецъ охотно на то соглашается: жаль мнѣ способности мальчика, которая живо отражается въ маленькихъ Татарскихъ глазахъ и на выпукломъ его челѣ. Самое воззрѣніе на Джелиля могло бы остановить какого нибудь Галля либо Лафатера. Есть у меня большая рѣчь, списанная съ импровизаціи Джелиля; можетъ быть, когда нибудь ее тебѣ переведу.— За̀мокъ, или лучше сказать, груды за̀мка Хановъ Бакинскихъ, достойны особеннаго описанія и даже рисунка. Архитектура Восточная. Минаретъ и наружная часть за̀мка еще порядочно сохранены, много есть неповрежденныхъ надписей; только внутри онъ разрушенъ совершенно; множество подземельныхъ ходовъ, закопченныхъ дымомъ отъ лампъ: гаремъ это или темница? Удивляешься, разсматривая, какъ искусно спаяны огромныя каменныя плиты: едва примѣтна черта; безъ извести, безъ олова, камень держится на камнѣ искусствомъ связи. Одинъ изъ присутствующихъ, впрочемъ человѣкъ весьма порядочный, жалѣлъ, что сего за̀мка не передѣлали на какое нибудь новѣйшее, полезнѣйшее зданіе. Не читалъ онъ Валленрода, не чувствуетъ онъ, сколько развалины достойны уваженія потомковъ! — Объ изверженіи грязнаго волкана, ты уже долженъ подробно знать изъ Тифлисской Газеты. Я былъ на самомъ мѣстѣ; вся гора низпровергнута и разорвана на части. Сѣрая грязь, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не высохшая, на нѣсколько верстъ залила окрестныя поля, засѣянныя пшеницею. Подобное изверженіе случилось и въ 1826 году въ полумили отъ нынѣшняго. Кажется, въ непродолжительномъ времени будетъ этого и еще больше. Вершины окружныхъ горъ коническія. Маленькіе конусы ихъ имѣютъ подозрительную волканическую наружность. Но перерву геологическія извѣстія, чтобъ ты неравно не сказалъ, что я *sutor ultra crepidam.* — Ты не повѣришь, какъ я обрадовался, когда, посѣтивъ здѣсь одинъ домъ, я увидѣлъ на столѣ томики Мицкевича. — Твой Байронъ сущій благодѣтель и утѣшитель. — Никогда еще мы такъ хорошо другъ друга не знали. . .

(Изъ: Tygodnik Petesburski.)

В. Романовичъ.

ДВА ВИДѢНІЯ.

(*Аллегорія.*)

Пышное солнце Мая уже выходило изъ-за синихъ горъ, подобно новобрачной, оставляющей ложе свое, съ новою красотою, съ новымъ блескомъ, но съ какою-то тихою, едва замѣтною задумчивостію. Я шелъ извилистою тропинкою по густому липовому лѣсу и вдругъ картина очаровательная представилась взорамъ моимъ. — Удивленный, остановился я, едва переводилъ дыханіе: мнѣ казалось, что я или перенесенъ въ другой міръ, или мечта представила мнѣ зрѣлище, которое страшился я уничтожить. Но нѣтъ, это не была мечта, ибо то наслажденіе, которое упоевало душу мою, тотъ небесный восторгъ еще до сихъ поръ приводитъ въ неизъяснимо-сладостный трепетъ все существо мое. Мнѣ представилась обширная поляна, испещренная различными цвѣтами, наполнявшими воздухъ благоуханіями; свѣтлые ручейки, какъ серебряныя ленты, извивались по ней и съ томнымъ журчаніемъ скрывались посреди группы деревъ, украшенныхъ золотыми плодами. Все было въ безпорядкѣ; но этотъ-то безпорядокъ и плѣнялъ взоры мои. Пернатые музыканты перепархивали съ одного мѣста на другое и восхитительными концертами дополняли очарованіе. Но все изчезло предо мною, когда взоры мои остановились на предметѣ, затмѣвавшемъ красотою своею все его окружавшее: это была юная дѣва, одѣтая въ легкую, бѣлую ткань, опоясанная розовою лентою; русые волосы ея небрежно вились по лилейнымъ плечамъ и съ ласкою останавливались на персяхъ, тихо волнуемыхъ чистымъ дыханіемъ прекрасной незнакомки; взоры ея были подобіемъ ясно-голубаго неба, на которое она возводила ихъ съ божественнымъ спокойствіемъ и потомъ снова опускала на воды, струившіяся у ногъ ея. Въ нихъ видѣла она изображеніе ангельской красоты своей, и въ это время едва замѣтная улыбка показывалась на коралловыхъ устахъ ея; она держала въ рукахъ цвѣты, изъ которыхъ плела вѣнокъ, означавшій вѣчное наслажденіе райскихъ радостей души непорочной. Но прежде чѣмъ я успѣлъ привести въ порядокъ мысли мои, прелестная незнакомка изчезла отъ взоровъ моихъ, да и видѣть ее долѣе передъ собою было выше силъ моихъ, выше силъ человѣка.

Много лѣтъ протекло послѣ этого видѣнія, многое перемѣнилось въ судьбѣ моей; моря и горы остались за мною, — и стопы мои попирали священныя развалины Пальмиры! Съ востока взошла полная луна и поднималась на лазурной безпредѣльности; мертвая тишина царствовала вокругъ меня; развалившіяся стѣны и колонны бѣлѣлись во мракѣ, какъ гробовые призраки; все это располагало душу мою къ размышленіямъ высокимъ о ничтожествѣ всего земнаго. Царства падутъ, вѣка мелькаютъ, все погружается въ бездну вѣчности — и мое сердце, которое съ такою силою бьется въ груди моей, и оно охладѣетъ, и оно забудетъ тѣ горести, которыми люди столь немилосердо отравили его. При этой мысли какая-то радость наполнила душу мою, подобная радости узника, для котораго надежда прояснила страшные мраки темницы его. Погруженный въ мои думы, я не замѣтилъ, какъ прошла ночь, не замѣтилъ, какъ взошло солнце и величественно озаряло тѣ мѣста, на которыя время положило печать разрушенія. Я всталъ и утомленными стопами побрелъ далѣе; воздухъ сдѣлался душенъ; палящіе лучи солнца раскалили песокъ; отъ запада черная туча, предвѣстница бури, тянулась, какъ страшный воронъ, и казалось, хотѣла вступить въ бой съ богомъ свѣта, хотѣла поглотить его. Вдругъ вихрь завылъ, подхватилъ песчаные столпы, взвившіеся до небесъ, и съ стономъ повлекъ ихъ по необозримому пространству степей. Но чей отчаянный вопль заглушаетъ вопль бури? Я всматриваюсь и вижу юную дѣву; лице ея прелестно; но черты обезображены глубокою горестію; черные кудри волосъ взвиваются порывами вѣтра, черные глаза ея изливаютъ блескъ, подобный блеску погребальнаго факела. Въ рукѣ у нея кинжалъ: она, кажется, хочетъ освободиться отъ него; но усилія тщетны, онъ прикованъ къ ней силою непостижимою; она подымаетъ его вверхъ, стараясь отбросить отъ себя это гибельное оружіе; но въ это время капля крови упадаетъ съ него на грудь несчастной и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ. Вопль ея становится сильнѣе, онъ раздираетъ душу. Слезы наполнили глаза мои, я закрылъ ихъ руками, ибо зрѣлище это уничтожало меня. Взглянувъ снова, я не видалъ болѣе ничего: все скрылось, и я безъ силъ, безъ дыханія упалъ на землю.

Тверь.
1830.

ПѢВИЦА.

Прекрасныя очи она къ небесамъ
Какъ будто съ молитвой возводитъ;
Откроетъ уста — и къ прекраснымъ устамъ
Рой звуковъ небесныхъ низходитъ.
Любовь и Поэзія! въ пѣньи ея
Весь міръ гармоническій дышетъ:
Вотъ ропотъ потока, вотъ трель соловья,
Вотъ вѣтеръ, когда онъ колышетъ
Средь нѣги ночной листы лавровъ и розъ;
Вотъ арфы Эоловой стоны;
Вотъ музыка страсти и жалобъ и слёзъ —
Всѣхъ благъ, всѣхъ надеждъ похороны!....

Прекрасныя очи на землю она
При плескахъ народа низводитъ;
И будто съ Олимпа, легка и стройна,
Какъ юная Муза уходитъ.
Но вѣрь мнѣ! вовѣкъ не замолкнетъ сей гласъ
Въ душѣ, наслажденью отвѣтной,
Какъ первой любви искусительный часъ,
Какъ память разлуки завѣтной!

В.

С П б. 15 Сентября, 1830.

ЗАГАДКА.

къ ***

Я знаю дѣву: гласъ молвы
Объ ней разскажетъ вамъ едва ли;
Но я держу закладъ, что вы
Ни съ кѣмъ короче не бывали.
Вещь непонятная: къ чему
Ей такъ извѣстности чуждаться?
Хотя ей нечего бояться
Ни по красѣ, ни по уму;
Случись, что какъ фіялку запахъ,
Ее откроютъ: здравый умъ
И дѣтская игривость думъ, —
Какъ горлица въ орлиныхъ лапахъ
Она трепещетъ; — звукъ похвалъ
Всегда ее собой пугалъ.
Ея достоинствъ неподдѣльныхъ
Не всякій вдругъ замѣтитъ въ ней,
И самый судъ враговъ смертельныхъ
Едва ли нравъ найдетъ простѣй.
При стольких качествахъ прекрасныхъ,
Ея веселый, свѣтлый взоръ
И вдохновенный разговоръ,
Не сѣть прельстительницъ опасныхъ,
Которыхъ цѣль — зажечь въ крови
Для замысловъ властолюбивыхъ,
Огнемъ очей хитрорѣчивыхъ
Огонь мучительной любви;
Тѣхъ впечатлѣніе ничтожно;
Ее жь узнавъ — не чтить не можно.
Неизмѣняемо одна,
Надѣнь корону ей, повойникъ....
Ну отгадайте жь, кто она?
Она....скажу ль? Она — вашъ Двойникъ. (*)

В. Щастный.

НѢКОТОРЫЯ МЫСЛИ ГЁТЕ

о Богемской Словесности.

Повременныя изданія. Вмѣстѣ съ Богемскимъ языкомъ, существуетъ въ Богеміи языкъ Нѣмецкій, какъ истинно-туземный, съ видимымъ перевѣсомъ въ ученомъ кругу и болѣе образованныхъ классахъ общества. Большинство книгъ и повременныхъ изданій выходитъ на семъ языкѣ. Но и Богемскій существуетъ во всей своей силѣ; книги, журналы, мѣлкія произведенія Словесности, часто на ономъ печатаются для народа. Общество отечественнаго Музея дѣйствуетъ, соединяя оба языка, изданіемъ двухъ Журналовъ, Нѣмецкаго и Богемскаго.

Поддержаніе и оживленіе Словесности, которой языкъ, стѣсненный въ своихъ предѣлахъ и долгое время предоставленный почти одной черни, принужденъ бороться съ языкомъ, широко распространеннымъ, обработаннымъ общественною и ученою жизнію, есть, безъ сомнѣнія, усиліе похвальное, требующее равнаго пожертвованія силы и умѣнья. Богатство сокровищь древней Богемской Словесности, могущей похвалиться классическимъ вѣкомъ, должно пребыть основаніемъ подобныхъ усилій. На таковой конецъ были тщательно печатаемы памятники стараго языка, прозаическіе и стихотворные, историческіе разсказы, собранія пословицъ, письма, путешествія, пѣсни героическія и простонародныя. Однако же къ сему прибавилось много новѣйшихъ произведеній, стихотвореній разнородныхъ и разсужденій историческихъ. *Палацкій*, издатель *Ежемѣсячника* (**), *Добровскій*, *Ганка*, *Челяковскій*, *Колляръ*, *Се-*

(*) Значеніе слова сего, отвѣчающаго Нѣмецкому: Doppeltgänger, безъ сомнѣнія извѣстно всѣмъ, читавшимъ занимательную книгу: *Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи.*

(**) Monatſchrift der Geſellſchaft des vaterländiſchen Muſeums in Böhmen. 1-й годъ въ Прагѣ 1827. 12-ть книжекъ.

длячекъ, *Свобода* и другіе составляютъ славный рядъ Ново-Богемскихъ Писателей, коихъ трудами усовершенствованіе отечественной Словесности и языка доведено до того, что оныя могутъ надежно противостать волнѣ времени.

Стихотворство. Богемцы имѣютъ богатую поэтическую Флору, которая, сообразно двумъ историческимъ началамъ народа, проявляется двояко: въ Богемскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Образъ таковаго сосуществованія двухъ сферъ языка и поэзіи, достойный внимательнаго разсмотрѣнія, представляютъ намъ Богемцы: здѣсь удивительно выражается величайшее несогласіе, очевидное въ самыхъ языкахъ Германскомъ и Славянскомъ, вмѣстѣ съ ихъ тѣснымъ соединеніемъ. Ибо когда Богемскіе Стихотворцы, слѣдуя даже стариннымъ образцамъ, не могутъ, по мнѣніямъ, изложенію и поэтическимъ формамъ, при нынѣшнемъ образованіи не быть Нѣмецкими; то и Нѣмецкіе съ своей стороны, по явной наклонности и постоянному обращенію къ древней народности, становятся собственно Богемскими Поэтами.

Изъ сихъ послѣднихъ, въ особенности заслуживаетъ быть упомянутымъ *Карлъ Эгонъ Эбертъ*, коего прекрасное дарованіе избираетъ преимущественно Богемскіе предметы и обработываетъ оные въ различныхъ формахъ, даже и въ эпопеѣ, съ огнемъ и легкостію. *Антонъ Мюллеръ* являетъ способность изображать такіе же предметы лирически, что доказалъ онъ въ своихъ романсахъ о *Горимирѣ и конѣ его Шимкѣ*. Съ другой стороны, узнали мы новые Богемскіе сонеты *Коллара*; а когда и Нѣмецкія стихотворенія *Эберта* и *Мюллера* о народныхъ предметахъ нашли себѣ Богемскихъ переводчиковъ въ *Свободѣ* и *Ганкѣ*, то далѣе обмѣнъ и взаимность не могутъ уже простираться.

Но по сему слѣдовало бы, что согласно существующему отношенію, обѣ вѣтви Поэзіи, Богемская и Нѣмецкая, должны всегда искать себѣ истиннаго основанія въ Богемской старинѣ, избирая преимущественно времена, въ которыя жизнь, языкъ и поэзія народа выражались въ имъ же самимъ изобрѣтенныхъ формахъ. Богемцы изобилуютъ памятниками сей блестящей эпохи. Драгоцѣнные, незабвенные останки ихъ древней Словесности, неожиданно умножились въ наши дни богатѣйшими открытіями. Необыкновеннымъ случаемъ нынѣ, въ то самое время, когда любовь къ отечественнымъ древностямъ снова вездѣ пробудилась, Библиотекарь *Ганка* отыскалъ *Краледворскую рукопись* — собраніе Богемскихъ героическихъ пѣсней. Прибавилось собраніе Славянскихъ и Богемскихъ народныхъ пѣсенъ *Челяковскаго* и другія къ сему принадлежащіе труды, такъ, что отнынѣ Словесность сія ежедневно увеличивается. Надобно ожидать еще больше открытій сего рода, особенно теперь, когда Богемскій Музей такъ дѣятельно усиливаетъ всеобщую наклонность къ симъ предметамъ. —

Такъ-то собирается сокровище, которое, равно какъ и Нѣмецкія подобныя сокровища, немногими бывъ изведано и оцѣнено, содѣлается однако же въ послѣдствіи обширно и важно.

Мы бы желали, чтобы новѣйшіе Богемскіе Поэты, добывая изъ сихъ рудниковъ (присоединя къ онымъ еще лѣтописи) богатый вымыслами и могучій природною еще силою характеръ старо-Богемской жизни, удерживали по возможности въ новѣйшей обработкѣ суровость старинныхъ *мотивовъ*; что ни сколько не препятствуетъ содержанію быть нынѣшнимъ и общепонятнымъ.

Присовокупимъ еще къ сему воспоминаніе Гёте о Добровскомъ.

«Въ *Ежемѣсячникѣ* помѣщено нѣсколько сочиненій сего отличнаго критико-историческаго Изслѣдователя Богемскаго, и въ нихъ уже просвѣчивается блескъ высшихъ познаній. Сей рѣдкій мужъ, который издавна геніяльною ученостію и Геродотовскими путешествіями усиливалъ всеобщую науку Славянскихъ языковъ и Исторіи, съ особенною любовію соединялъ всѣ плоды со свѣдѣніями о народѣ и землѣ Богемскихъ, чрезъ что, при необыкновенной славѣ учености, снискалъ рѣдчайшую еще славу всенароднаго имени.

«Вездѣ, гдѣ ни заговоритъ онъ, видѣнъ человѣкъ, который совершенно обнялъ свой предметъ и умѣетъ части совокупить въ цѣлое. Онъ передѣлываетъ для пользы Богемской Исторіи труды нашего Перца (*), и озаряетъ нашу собственную. Въ наблюденіяхъ своихъ о Моравіи, старается онъ съ помощію критики прояснить мракъ подвижной, сливающейся во едино и вновь отдѣляющейся волны народовъ. Равно достойны одобренія истолкованіе доселѣ неразгаданнаго мѣста въ Лѣтописи *Козмаса*, замѣчанія о сродствѣ Славянской и Сѣверной Миѳологіи и свѣдѣніе о положеніи краеугольнаго камня *Новаго города* въ Прагѣ.

Изъ: Tygodnik Petersburski.

Съ Польскаго. *Крминц.*

(*) Г. Перцъ, издатель недавно начатаго Германскимъ Обществомъ Древностей большаго собранія памятниковъ историческихъ Германіи. *Прим. Изд. Tygod. Petersb.*

ЗАМѢЧАНІЯ

на замѣчанія Г-на С.

Прочитавъ въ 39 No *Сына Отечества* замѣчанія Г. С. (*) на помѣщенную въ 53 No. *Литературной Газеты* статью мою: *Безпристрастныя мысли о пѣніи Г-жи Зонтагъ*, я счелъ обязанностью отвѣчать ему въ оправданіе моихъ мнѣній.

Меня обвиняютъ въ самоувѣренности, въ неуваженіи къ мнѣнію другихъ и въ педантизмѣ; не соглашаются, что для основательнаго сужденія потребна образованность; утверждаютъ, что чувство утонченное чаще ошибается, нежели грубое и необразованное; что Г-жу Зонтагъ не должно сравнивать съ другими пѣвицами и что не должно замѣчать подробностей тамъ, гдѣ надо увлекаться восторгомъ, забывать все и проливать слезы. Вотъ мое оправданіе.

Моя самоувѣренность происходитъ отъ права, которое каждый имѣетъ судить о предметахъ, ему совершенно знакомыхъ. Публичное же объявленіе собственныхъ сужденій есть благонамѣренное желаніе сообщить ихъ своимъ соотечественникамъ.

Безотчетные энтузіасты заглушаютъ воплями своими спокойный и тихій голосъ знатоковъ. Но не обязаны ли послѣдніе сильными и вѣрными доводами заставить молчать первыхъ? Не включая себя въ число знатоковъ, я объявляю, что мысли мои касательно пѣнія Г-жи Зонтагъ суть отголосокъ сужденій опытнѣйшихъ музыкантовъ сей столицы, и къ ихъ мнѣнію я нигдѣ не показалъ неуваженія. Спрашиваю самого Г-на С., уважаетъ ли онъ мнѣнія толпы? согласенъ ли онъ напр. безусловно вѣрить, что Г-жа Зонтагъ въ голосѣ своемъ вмѣщаетъ и дискантъ и альтъ и теноръ? что трель Г-жи Зонтагъ совершенна?

Напрасно Г-нъ С. старается убѣдить, что чувство необразованное правильнѣе судитъ объ музыкѣ. Пусть онъ, не трата много словъ, съ бо́льшимъ хладнокровіемъ разсмотритъ свое предположеніе: тогда самъ онъ согласится, что чувство необразованное никогда не можетъ вполнѣ оцѣнить изящное, въ какомъ бы ни было искуствѣ.

Простая деревенская пѣсня обрадуетъ простолюдима болѣе, нежели совершеннѣйшее произведеніе величайшаго музыкальнаго генія. Изъ одного предпочтенія пѣвицы Меласъ Г-жѣ Шоберлехнеръ, уже достаточно видно, въ какія заблужденія можетъ насъ ввести чувство необразованное и вкусъ неутонченный. Человѣкъ съ правильнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго вѣрно не скажетъ, что партію Весталки (Спонтини) легче выдержать для груди, нежели партію Семирамиды (Россини) (*). Да и самое предпочтеніе, отдаваемое нынѣ операмъ *Россини* (у коего впрочемъ не отнимаю я принадлежащаго ему достоинства) предъ незабвенными твореніями безсмертныхъ *Моцарта*, *Керубини*, *Вебера*, *Глука*, *Мегюля*, *Спонтини* и другихъ Колоссовъ области сочиненія музыки — предпочтеніе сіе не громче ли всякихъ доводовъ говоритъ, что для основательныхъ сужденій въ музыкѣ потребно чувство утонченное и образованное? — Г-нъ С. не соглашается со мною въ различіи, которое находится между *концертнымъ и драматическимъ* пѣніемъ, но въ слѣдъ за симъ говоритъ: «Весьма согласенъ, что драматическая пѣвица не всегда можетъ быть концертною.» Этихъ словъ бы и довольно для оправданія моего; но я еще прибавлю въ противность мнѣнія Г-на С., что хотя и рѣдко, но случается, что хорошая концертная пѣвица бываетъ дурна на сценѣ. — Драматическая музыка есть не что иное, какъ высшая, идеальная декламація. Пѣвица, убѣжденная въ сей истинѣ, сообразуется съ характеромъ той партіи, которую поетъ. Она не ищетъ изумить, ослѣпить публику, но старается пріобрѣсти участіе слушателя въ тѣхъ положеніяхъ, кои на пѣвицу возложены сюжетомъ оперы.

Если Г-нъ С. потрудится прочесть все, что было сказано и напечатано о Г-жѣ Зонтагъ въ разныхъ Журналахъ и особенно въ Русскихъ, то онъ найдетъ, что не къ чему ему было спрашивать: что мнѣ объ ней говорили? и чего мнѣ хотѣлось? Изъ всего же сказаннаго мною въ Литературной Газетѣ явствуетъ, что я не только не требую, но и не ожидаю и не хочу искать искуства выше человѣческой возможности.

Я самъ находилъ нелѣпымъ утвержденіе, что Г-жа Зонтагъ поетъ всѣми возможными голосами женскаго и мужскаго объема, и потому мнѣ весьма странно встрѣчать обвиненія, какъ будто я же требовалъ такихъ несообразностей.

Порицаютъ меня за сравненіе Г-жи Зонтагъ съ другими знаменитыми пѣвицами. Какимъ же образомъ опредѣлить степень ихъ достоинства, какъ не сравненіемъ? И я ли первый началъ дѣлать сіи сравненія? Не тѣ ли самые, которые, превознося безотчетно Г-жу Зонтагъ, ставятъ ее превыше первоклассныхъ пѣвицъ?

Легче всего излагать мысли свои восклицаніями: прекрасно, превосходно! и т. п. Неограниченный восторгъ

(*) Замѣчанія сіи вовсе не походятъ на письма, помѣщеныя въ 114 и 116 NNo Сѣверной Пчелы. Гдѣ на примѣръ нашелъ Г. Z. Z., сочинитель одного изъ сихъ писемъ, что я уподоблялъ слушаніе прекрасной музыки грѣнію у печки и качанью на стулѣ? Гдѣ сказалъ я, что Г-жа Зонтагъ беретъ голосомъ $2\frac{1}{2}$ *такта*? Гдѣ совѣтовалъ я Г-жѣ Зонтагъ учиться у Г-жъ Польманъ и Шоберлехнеръ и пр. и пр.? — Перечтите, Г. Z. Z., 53 No. Лит. Газ.; вы вѣрно тамъ не найдете всего этого.

(*) Смотр. No 116 Сѣв. Пч.

особенно хорошъ въ Поэзіи; но точный разборъ, за который Г. С. меня порицаетъ, необходимъ для правильныхъ и основательныхъ сужденій. Какъ, говоря объ голосѣ, не сказать объ его объемѣ, густотѣ и силѣ? Какъ, разсматривая искуство, не коснуться cantabile, пассажей, трели и проч.? — Какъ не сказать, что голосъ Г-жи Зонтагъ не имѣетъ той силы, густоты и чистоты, какъ голоса Г-жъ Боргондіо, Каталани и Мильдеръ? Но что оный имѣетъ свои большія преимущества, что онъ чрезвычайно ровенъ, пріятенъ и гибокъ, въ томъ я никогда не спорилъ, а напротивъ много утверждалъ.

Признаюсь откровенно, что во всѣхъ концертахъ, въ коихъ я находился въ числѣ слушателей, Г-жа Зонтагъ ни у меня, ни у моихъ знакомыхъ — музыкантовъ не исторгла ни одной слезы. Кругомъ себя я только видѣлъ улыбки одобренія, а не слезы; потому я въ свою очередь обвиняю Г-на С. въ излишней чувствительности.

Такъ какъ Г. С. согласенъ со мною въ несовершенствѣ трели Г-жи Зонтагъ, то я могу прибавить только то, что онъ напрасно затемнилъ своими сужденіями сказанное мною по сему предмету.

Если я дѣйствительно, сердясь на неразборчивыхъ цѣнителей Г-жи Зонтагъ (какъ то утверждаетъ Гнъ С.), не отдалъ ей въ Литературной Газетѣ полной справедливости, то я готовъ еще теперь и всегда объявить: что я почитаю ее прелестною и необыкновенною пѣвицею, которую радъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ слушать (особливо въ оперѣ), и что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, какъ напр. въ Тирольскихъ варіяціяхъ, въ Руской пѣснѣ: *Лучинушка* и многихъ другихъ, не остается ничего желать. Но не отрекаюсь отъ сказаннаго мною прежде.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Исторія древней и новой Литературы. Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. Часть вторая. — С. П. б. въ типографіи Александра Смирдина, 1830. (370 стран. въ 8-ю д. л.)

Первая часть сего любопытнаго сочиненія напечатана была въ прошломъ году. Рѣшительно можно сказать, что до появленія сего перевода, мы не имѣли книги, въ которой бы полнѣе и ученѣе излагалась Исторія древней и новой Литературы. Изученіе же оной открываетъ таланту всѣ пути ко храму Памяти. Мы не имѣемъ недостатка въ молодыхъ Поэтахъ; но они, къ несчастію, терпятъ нужду въ познаніяхъ и теряютъ труды свои въ нанизываніи звучныхъ словъ, заключающихъ въ себѣ мысли и чувства, много разъ сказанныя и пересказанныя нашими лучшими Писателями. Въ сей книгѣ они увидятъ, что люди, увѣковѣчившіе свои сочиненія, были представителями своего народа и времени, и что нравственная высота ихъ была плодомъ общаго человѣческаго усовершенствованія.

Фридрихъ Шлегель, ученѣйшій Филологъ нашего времени, одаренъ былъ пылкою, боголюбивою душею. Способный къ поэтическимъ вдохновеніямъ, онъ жаждалъ еще высшихъ вдохновеній, восторговъ религіозныхъ, и не нашедъ ихъ въ Протестантствѣ, лишенномъ всѣхъ обрядовъ, очаровывающихъ сердце и воображеніе, принялъ Римско-Католическую вѣру, которая почти столько же, какъ наша Православная, готова во всѣ многоразличныя минуты треволненной жизни утѣшать и прощать насъ, всегда нуждающихся въ материнскомъ ея утѣшеніи и прощеніи. Высокъ и славенъ тотъ художникъ, который смиряетъ въ душѣ земную гордость и въ своихъ вдохновеніяхъ признаетъ вліяніе постороннее, едва ли имъ заслуженное, небесное. Такія чувства создали Рафаеля, такія чувства должны современемъ произвесть и пѣвца, который, какъ Рафаель, познакомитъ нашу душу съ радостями простыми, но упоительными, съ наслажденіями, по которымъ можно предугадывать блаженство духовъ безплотныхъ и чистыхъ. Вотъ чего желаетъ Шлегель; вотъ что не нравится въ книгѣ его Протестантамъ и нѣкоторымъ Католикамъ, подозрѣвающимъ въ немъ агента Іезуитскаго: но что не можетъ быть ни вредно, ни опасно для Рускихъ. Признаемся, что хваленая вѣротерпимость наша что-то очень походитъ на весьма непростительное равнодушіе ко всему религіозному, и что теплая вѣра отцевъ нашихъ никому бы не повредила, но еще бы украсила и возвысила души нашихъ художниковъ. Тотъ ошибается, кто думаетъ, что Религія мѣшаетъ полному развитію человѣческихъ познаній. Никакая наука не вредна для ней, напротивъ она въ философическихъ наукахъ спасаетъ насъ отъ заблужденій. Она, позволяя уму свободно измѣрять силы свои, охраняетъ его отъ излишней самонадѣянности, отъ смѣшнаго вѣрованія въ свои выводы. Каждая новая система философическая есть новая ступень для ума, которому положено отъ Бога непрестанно усовершенствоваться, разпространяя и изслѣдуя свои познанія: но благодѣтельная Вѣра удерживаетъ насъ отъ превращенія какой-либо системы въ секту, ибо послѣдованіе положеніямъ сей послѣдней значитъ остановить умъ на одной точкѣ и изъ едва собранныхъ результатовъ его сотворить свою религію. Сколько необыкновенныхъ умовъ можно указать въ Исторіи Философіи, которые возвеличили сію науку, сохраняя межъ тѣмъ въ душѣ вѣчныя, божественныя истины. Поэзіи ли послѣ того чуждаться ихъ? Поэзіи ли, этому совершенному органу, кажется, созданному Ангелами для прославленія Бога и творенія рукъ Его? У насъ ли не желать поэтической наклонности ко Святому въ то время, когда мы въ состояніи сотнями считать метромановъ, а врядъ ли найдемъ четырехъ чистыхъ энтузіастовъ въ толпѣ стихотворцевъ Рускихъ? Словомъ, мы видимъ только хорошее въ образѣ воззрѣнія Фридриха Шлегеля и надѣемся, что его книга принесетъ существенную пользу молодымъ Литераторамъ нашимъ.

Что сказать о переводѣ? Къ сожалѣнію нечего, кромѣ благодарности за трудъ. Переводчикъ держался слишкомъ буквально подлинника и отъ того часто бываетъ теменъ. Нѣкоторыя мѣста безъ Нѣмецкаго текста нельзя понять. Жаль, если трудный и запутанный слогъ отобьетъ отъ чтенія сей книги нетерпѣливыхъ читателей!

Полная практическая школа для Фортепіано, соч. Штейбельта. — С. Петербургъ, 1830. (84 стран. въ больш. 4-ю д. л. (*)

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей нашихъ о выходѣ сей книги, необходимой для тѣхъ, кои хотятъ основательно изучиться игрѣ на Фортепіано. Имя Г. Штейбельта, весьма извѣстное въ области музыки, какъ ученаго Композитора, написавшаго много прекрасныхъ произведеній, служитъ лучшимъ одобреніемъ сей *Школы для Фортепіано*. Въ концѣ книги, приложено нѣсколько весма хорошихъ пьесъ, въ видѣ упражненій. Пьесы сіи почерпнуты изъ сочиненій самаго Штейбельта, Гуммеля, Россини и пр. и пр. — Издатель, Г. Непейцынъ, заслуживаетъ также похвалу за опрятность сего изданія.

Не то скажемъ мы о трудѣ Переводчика. Вообще слогъ его теменъ, и термины музыкальные мѣстами изтолкованы весьма забавнымъ образомъ (см. стран. 21), даже написаны неправильно. Что значатъ, напр. *Гравъ* (gravé), *Ларжетто* (по-Итальянски написанное Largetto, вмѣсто Larghetto), *шерцандо*, вмѣсто *скерцандо*, и т. п.? Что значитъ изтолкованіе слова assai: «*терминъ сей прибавляется къ аллегро и престо,*» и только? слѣдовательно, собственнаго значенія онъ не имѣетъ?

(*) Продается въ въ книжной лавкѣ И. В. Непейцына, противъ Гостинаго Двора, No. 26-й. Цѣна экземпл. 15 р.

СМѢСЬ.

Энтузіазмъ до добра не доводитъ. Нѣкто, Авторъ писемъ съ Каменнаго острова, хваля Г-жу Зонтагъ, въ порывѣ восторга вдругъ изобрѣлъ *двѣ гамы* и объявилъ въ Сѣверной Пчелѣ о счастливой своей находкѣ, присовокупивъ, что ему:

«Не должно смѣть,
Свое сужденіе имѣть.

Мы посмѣялись надъ его двумя гамами, но не изобличали его въ галиматическомъ восторгѣ, ибо онъ не выдаетъ себя знатокомъ, и судитъ по-своему, какъ можетъ. Другой, нѣкто Г-нъ Z. Z., возражая на статью Литературной Газеты, хвалитъ также безтолково и судитъ рѣшительно. Заносчивость сего Антикритика заслуживаетъ, чтобъ его вывести на свѣжую воду.

Г. Критикъ (*), помѣстившій въ Литературной Газетѣ свои мысли о пѣніи Г-жи Зонтагъ, между прочимъ находитъ, что голосъ ея простирается до 2½ *октавъ*; Антикритикъ Сѣверной Пчелы Г-нъ Z. Z., въ полемическомъ пылу невѣрно скопировалъ музыкальный терминъ, и вмѣсто *октавъ*, написалъ 2½ *тактовъ* (!!!). Можно ли до такой степени быть несвѣдущимъ въ музыкѣ и судить о ней съ такой запальчивостію? — Ребенокъ, взявшій уроковъ шесть у порядочнаго учителя, долженъ знать, что такое *тактъ* и что *октава*. Г-нъ Z. Z.! можетъ ли голосъ быть въ нѣсколько *тактовъ*?... Въ заключеніе, позвольте мнѣ дать вамъ благой совѣтъ: когда вы будете судить о такихъ талантахъ, какъ Г-жи Зонтагъ и Шоберлехнеръ, — восклицайте просто, не входя ни въ какія подробности; иначе вы себя на каждомъ шагу обличите въ незнаніи всего, относящагося къ музыкѣ, даже самыхъ употребительнѣйшихъ ея терминовъ. Плохо тому Критику, который выѣдетъ на музыкальное поле съ тремя орудіями: 1) незнаніемъ дѣла, 2) неумѣреннымъ и неумѣстнымъ энтузіазмомъ и 3) безразсудною бранью. Сколько бы онъ ни горячился, а никого не разогрѣетъ: скорѣе насмѣшитъ своими неловкими выходками и невпопадъ затверженными музыкальными выраженіями. (*Сообщено.*)

(*) Не вполнѣ соглашаюсь съ его мнѣніемъ; но нельзя не признать въ немъ свѣдѣній въ музыкѣ. Многія замѣчанія его справедливы. (*Сов. статьи.*)

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 7-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ II, № 58. ОКТЯБРЯ 13го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

МОНАСТЫРЬ Св. ОНУФРІЯ.

2 Октября 1828. Сегодня поутру, еще до зноя, мы посѣтили монастырь Св. Онуфрія (на горѣ Яникулѣ, подлѣ церкви Св. Петра). Тассо, чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ себя перенести сюда и былъ правъ; это безъ сомнѣнія лучшее въ мірѣ мѣсто для умирающаго. Представляющаяся отсель обширная и великолѣпная картина Рима, сего града гробницъ и воспоминаній, содѣлываетъ, кажется, менѣе тягостнымъ послѣдній шагъ къ отторженію себя отъ всего земнаго, если только сей шагъ тягостенъ.

Видъ изъ монастыря, конечно, прекраснѣйшій въ мірѣ; мы только что возвращаемся изъ Неаполя и Сиракузъ, и все таки намъ кажется, что никакого другаго вида нельзя предпочесть сему. — Въ саду мы сѣли подъ древнимъ дубомъ; тамъ, сказываютъ, Тассо, чувствуя себя у самыхъ предѣловъ гроба, въ послѣдній разъ созерцалъ небо (1595); намъ принесли его чернильницу и написанный собственноручно сонетъ, оправленный въ рамку. Мы съ умиленіемъ разсматривали сіи строки, исполненныя истинной чувствительности и Платонизма — тогдашней Философіи нѣжныхъ душъ.

Мы пожелали видѣть бюстъ съ восковаго слѣпка, снятаго съ головы сего великаго Поэта въ минуту его смерти; онъ находится въ библіотекѣ монастыря. Монахъ, насъ сопровождавшій, отвѣчалъ намъ, что за отсутствіемъ Настоятеля онъ не можетъ удовлетворить насъ; говоря о Тассѣ, онъ прибавлялъ: era uomo buono, ma non è santo (онъ былъ человѣкъ добрый, но онъ не святой.) «Въ продолженіе двухъ вѣковъ показывали сей слѣпокъ всякому посѣтителю, но когда начали вводить строгія приличія, то Папа Левъ XII запретилъ казать, въ мѣстахъ, посвященныхъ религіи, изображенія лицъ, неосвященныхъ ею. — Мы снова пошли посмотрѣть въ церкви небольшую гробницу Тасса, по лѣвую руку отъ входа, у дверей. Тамъ-то находится сія умилительная и можетъ быть прекраснѣйшая надпись, какую только изобрѣли новѣйшіе:

Torquati Tassi
Ossa hic jacent:
Ne nescius esses hospes,
Fratres hujus ecclesiæ posuere.
M. D. XCV. (*)

Сія эпитафія восхищаетъ благородныя души, хотя она дочь нужды, а не ума. Иноковъ сего монастыря обезпокоивали вопросы путешественниковъ, которые къ нимъ стекались со всѣхъ сторонъ Италіи. Сами они также любили Тасса и поставили ему сію надпись. Богатые Римляне собираютъ теперь подписку на сооруженіе гробницы сему великому человѣку. Сіе предпріятіе, а особенно мѣры исполненія онаго, навлекаютъ на себя неблаговоленіе здѣшняго начальства.

Папскій Министръ Кардиналъ делла Сомалья, не могъ, не нарушивъ приличія, отказаться отъ подписки. — Я не знаю, гдѣ найдутъ ваятеля, хотя сколько нибудь выше посредственнаго, для сооруженія сего памятника; модель можно было бы попросить у Берлинскаго скульптора Г. Рауха. Портретъ, находящійся на нынѣшней гробницѣ Тасса — не его. Крайне раздосадованные сдѣланнымъ намъ отказомъ, мы не могли настоящимъ образомъ разсмотрѣть даже одной *Мадоны* Леонарда да Винчи, которую намъ указали надъ дверями. Фрески Доминикина, удивительные по своей простотѣ и находящіеся внѣ монастыря подъ портикомъ, также нашли въ насъ людей разсерженныхъ; особенно спутницы наши были очень оскорблены. Напрасно мы имъ представляемъ, что завтра же добудемъ съ двадцать рекомендательныхъ писемъ, и что эти чернецы будутъ у ногъ ихъ....

Я въ эту ночь перечиталъ нѣсколько мѣстъ изъ *Освобожденнаго Іерусалима*. Въ прошломъ году проѣз-

---

(*) Торквата Тасса лежатъ здѣсь кости. Дабы ты вѣдалъ о томъ, странникъ, братія сей церкви начертали сіе. 1595.

жая Феррару, я зашелъ въ какой-то погребъ, гдѣ одинъ знаменитый Принцъ, *покровитель искуствъ*, по словамъ Англійскаго попа Юстеса (Eustace), семь лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, держалъ въ заключеніи Тасса; вѣроятно, для его блага. Другая духовная особа запрещаетъ показывать его бюстъ. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ! Память Тасса еще тѣмъ болѣе для меня драгоцѣнна.

Какой дивный Поэтъ, когда онъ не подражаетъ Виргилію! онъ былъ гораздо выше своего произведенія. Какая нѣжность! какая воинственная задумчивость! Вотъ подлинно *высокое* рыцарскихъ временъ; какъ это близко къ нашему сердцу и какъ передъ нимъ стары сухіе и злые герои Гомеровы! Я велѣлъ оправить экземпляръ *Іерусалима* для собственнаго употребленія; въ немъ я вычеркиваю ежедневно слова, которыя не по мнѣ, но которыя дали столь быстрый ходъ сей Поэмѣ, въ 1581 году.

Мы уже не увидимъ подобныхъ людей. Л. Байронъ имѣлъ бы сердце поэтическое, но тщеславіе дворянина и денди овладѣло большею его частью. Да и возможно ли, чтобы душа нѣжная и безразсудная Поэта не заразилась страстію, въ которой была воспитываема съ такими заботами? И какъ устоять противъ своихъ страстей? Если жь онъ согласить можетъ эти двѣ вещи, то онъ уже не Поэтъ. Великій Герцогъ Тосканскій заплатилъ недавно 4,000 франк. за небольшую книжонку, на паргаментѣ, которую Тассъ употреблялъ для писанія сонетовъ; почеркъ очень толстый. Видно, что многіе изъ нихъ были имъ брошены, послѣ попытки передѣлыванія ихъ двумя, тремя разными манерами. *Мои покровители* показывали мнѣ эту книжонку въ библіотекѣ дворца Питти, весьма красивой и содержимой очень исправно.

Въ Италіи надо имѣть протекторовъ, титулы, кресты и проч., или сердце человѣка, презирающаго притѣсненія, пока не будешь имѣть войска во сто тысячь себѣ на подмогу; что и повторяемъ мы нашимъ спутницамъ. Но онѣ крайне озлоблены, это въ первый разъ въ теченіе 13-ти мѣсяцевъ.

Въ негодованіи своемъ на *наказъ*, данный монахамъ Св. Онуфрія, онѣ находятъ очень хорошимъ этотъ сонетъ Альфіери:

Alla tomba di torquato Tasso.

Del sublime cantore, epico solo,
Che in moderno sermon l'antiqua tromba
Fea risuonar dall uno all altro polo,
Quî giaccion l'ossa in si negletta tomba?

Ahi, Roma! e un urna a chi spiegò tal volo
Nieghi, mentre il gran nome al ciel rimbomba;
Mentre il tuo maggior Tempio al vile stuolo
De' tuoi Vescovi Rè ſai catacomba?

Turba di morti che non fur mai vivi
Esci sù dunque, e sia di te purgato
Il Vatican cuì di ſetore impivi!

Là nel bel centro d'esso ci sia locato:
Degno d'entrambi il monumento quivi
Michel-Angelo argeva al gran Torquato. (*)

На гробъ Торквата-Тасса.

Ужели въ гробѣ семъ небрежномъ прахъ священной
Лежитъ великаго Италіи Пѣвца,
Который древнею трубой, имъ обновленной,
Такъ громко огласилъ вселенну до конца?

О Римъ! ты отказалъ ему и въ урнѣ должной
Тому, кто такъ высокъ и славою гремитъ!
А храмъ твой для толпы Епископовъ ничтожной,
Для пышныхъ имъ гробницъ Владыка твой хранитъ?

И онъ, сей велій храмъ, одними мертвецами,
Которыхъ никогда не озаряла жизнь,
Лишь полнится, подъявъ чело надъ ихъ костями....
О если бъ Ватиканъ, стыдяся укоризнъ,

Очистился отъ нихъ и принялъ прахъ священной!
Тогда бы на твоихъ читалося дверяхъ:
Достойный памятникъ двумъ Геніямъ вселенной;
Микель-Анджела трудъ хранитъ Торквата прахъ!

(*Переводъ*).

ПИСЬМО НАПОЛЕОНА

къ Жозефинѣ.

10-го Іюля 1828. Одна Англичанка привезла съ собою снимки (fac-simile) съ восьми или десяти писемъ Бонапарте. Весьма различествуя отъ большей части завоевателей, которые вообще были люди грубые, Наполеонъ, какъ видно, былъ страстно влюбленъ во время своей кампаніи 1796 года. Сіе не менѣе его отличаетъ, какъ и то почтеніе къ истинной славѣ и мнѣнію потомства, которое кажется такъ нелѣпымъ Г. Буррьену.

Сіи любовныя письма Наполеона весьма охотно читаются въ Римѣ. Г-жа Р*** говорила, читая ихъ: «По всему видно, что онъ Итальянецъ.« И я того же мнѣнія.

Вотъ письмо, которое болѣе другихъ всѣмъ понравилось.

(*) Вмѣсто перевода сего прекраснаго сонета вотъ слабое оному подражаніе; если не сохранены въ немъ блестящія и сильныя выраженія Альфіери, покрайней мѣрѣ схвачены его мысли.

Альбенга, 13 *Жерминаля*,
(6 *Апрѣля* 1796).

Часъ по полуночи; мнѣ приносятъ письмо; оно печальное, моя душа смущена, это смерть Шове. Онъ былъ главный Кригсъ-Коммисаръ арміи; ты его видала у Барраса. Иногда, другъ мой, я чувствую нужду быть утѣшеннымъ; въ письмахъ къ тебѣ, къ *одной* тебѣ, чья мысль можетъ имѣть такое вліяніе на нравственное расположеніе моихъ идей, я долженъ предъ тобою излить мои скорби. Что такое будущность? что такое прошедшее? что такое мы? Какая волшебная влага насъ окружаетъ и скрываетъ отъ насъ то, что наиболѣе намъ нужно знать? Мы родимся, мы живемъ, мы умираемъ посреди чудеснаго. Удивительно ли, что жрецы, астрологи, шарлатаны пользовались сей наклонностію, симъ особеннымъ обстоятельствомъ, чтобъ увлекать наши мысли вдаль и направлять ихъ по произволу своихъ страстей? Шове умеръ; онъ ко мнѣ былъ привязанъ, онъ оказалъ бы отечеству существенныя услуги. Его послѣднее слово было, что онъ ѣдетъ соединиться со мною. Но, такъ; я вижу его тѣнь; это онъ тамъ блуждаетъ повсюду, шумитъ на воздухѣ; его душа на облакахъ, онъ будетъ благопріятствовать моей судьбѣ. Но, безумный! я проливаю слезы по дружбѣ, а кто мнѣ скажетъ, что не предстоитъ мнѣ уже болѣе проливать невознаградимыхъ слезъ? Душа моего бытія! пиши ко мнѣ съ каждымъ курьеромъ, иначе я не могу жить! Я очень здѣсь занятъ; Болье подвигаетъ свои войска, мы стоимъ въ виду другъ у друга. Я немного усталъ; всякой вечеръ на лошади. Прощай, прощай, прощай; я иду спать, чтобъ быть съ тобою. Сонъ меня утѣшаетъ, онъ тебя сближаетъ со мною, я тебя сжимаю въ моихъ объятіяхъ. Но проснувшись, увы! я нахожусь за триста миль отъ тебя! Кланяйся отъ меня Баррасу, Тальену, его супругѣ.

Сіе письмо, почти нечеткое, писано отъ 16 Жерминаля (6 Апрѣля 1796); Бонапарте оставилъ Парижъ 4 Марта, тридцатью тремя днями прежде; *Монтенотское* сраженіе дано было 12-го Апрѣля, а сраженіе подъ *Милессимо* 14-го.

УТѢШИТЕЛЬ.

Москва уныла: смерти страхъ
Престольный градъ опустошаетъ;
Но кто въ нее, взвивая прахъ,
На встрѣчу ужаса влетаетъ?
Петровъ Потомокъ, Царь, какъ Онъ
Безстрашный духомъ, скорбный сердцемъ
Летитъ, услыша Рускихъ стонъ,
Вѣнчаться душъ ихъ Самодержцемъ.

Москва.

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Школа такъ называемыхъ Озерныхъ Поэтовъ (*Lakists*).— *Вордсвортъ, Кольриджъ, Сутей* (*).

I. ВОРДСВОРТЪ (WORDSWORTH).

. . . . I cannot peint
What then. I was. The sounding cataract
Haunted me like a passion; the tall rock,
The mountain, and the deep and gloomy wood,
Their colours and their forms, were then to me
An appetite, a feeling and a love,
That had need of a remoter charm, &c.

WORDSWORTH, *Tintern Abbey.*

«Не могу изобразить, чѣмъ былъ я тогда. Гремучій
«водопадъ преслѣдовалъ меня, какъ страсть; высо-

Albenga, *le* 16 *Germinal*,
(6 *Avril* 1796).

«Il est une heure après minuit, l'on m'apporte une lettre; elle est triste, mon âme est affectée, c'est la mort de Chauvet. — Il était commissaire-ordinateur en chef de l'armée; tu l'as vu chez Barras. Quelquefois, mon amie, je sens le besoin d'être consolé: c'est en t'écrivant à toi *seule*, dont la pensée peut tant influer sur la situation morale de mes idées, à qui il faut que j'épanche mes peines. Qu'est-ce que l'avenir? qu'est-ce que le passé? qu'est-ce que nous? quel fluide magique environne et nous cache les choses qu'il nous importe le plus de connaître? Nous naissons, nous vivons, nous mourons au milieu du merveilleux. Est-il étonnant que les prêtres, les astrologues, les charlatans aient profité de ce penchant, de cette circonstance singulière, pour promener nos idées et les diriger au gré de leurs passions? Chauvet est mort; il m'était attaché, il eût rendu à la patrie des services essentiels. Son dernier mot a été qu'il partait pour me joindre. Mais, oui; je vois son ombre, il erre donc là, partout, il siffle dans l'air; son âme est dans les nuages, il sera propice à mon destin. Mais insensé! je verse des larmes sur l'amitié, et qui me dit que déjà je n'en aie à verser d'irréparables? Ame de mon existence, écris-moi tous les courriers, je ne saurais vivre autrement! Je suis ici très-occupé. Beaulieu remue son armée, nous sommes en présence. Je suis un peu fatigué, je suis tous les soirs à cheval. Adieu, adieu, adieu; je vais dormir à toi; le sommeil me console, il te place à mes côtés, je te serre dans mes bras. Mais au reveil, hélas! je me trouve à trois cents lieues de toi! Bien des choses à Barras, à Tallien, à sa femme.

B.»

(*) Изъ *Историческаго и литературнаго путешествія по Англіи и Шотландіи*, Амедея Пишо. Т. 2-й.

«кая скала, гора; густой и мрачный лѣсъ, ихъ «краски, ихъ виды, были для меня желаніемъ, чувствомъ и любовью, которымъ не было нужды въ «дальнѣйшей прелести.»

Нынѣ, когда Поэзія не есть уже, какъ во времена Бардовъ и Друидовъ, языкъ посвященныхъ въ таинства, когда она дѣятельно входитъ во всѣ потребы общества и даже въ политику, — такой Поэтъ, какъ Г. Вордсвортъ, есть существо отдѣльное, у котораго болѣе должны быть послѣдователи, нежели читатели. Покрайней мѣрѣ онъ удостоился, подобно Ричардсону, славы быть похваляемымъ на каѳедрѣ Евангелической церкви (*).

Не знаю, можетъ ли сіе какъ бы освященіе таланта вѣрою вполнѣ вознаградить обыкновеннаго Поэта за равнодушіе большинства читателей и за періодическія насмѣшки Англійскихъ литературныхъ Журналовъ (Reviews); но Вордсвортъ, какъ и всѣ души, по природѣ созерцательныя, пишетъ болѣе для себя, нежели для публики, и напередъ утѣшается въ несправедливости своихъ современниковъ. Впрочемъ геній, подобный ему, чувствуетъ сознаніе собственной силы; и когда онъ повинуется своему влеченію, то находитъ въ собственномъ сердцѣ, если не единственное, желаемое имъ ободреніе, покрайней мѣрѣ то, которое укрѣпляетъ его противъ язвительнаго оружія насмѣшки. Очень жаль, что Поэтъ-соперникъ какъ будто бы стакнулся съ скопищемъ Критиковъ, для того, чтобъ обратить въ смѣхъ Философію Вордсворта. Конечно Байронъ смотрѣлъ на природу и на общество съ совершенно иной точки зрѣнія, почему долженствовалъ часто быть въ разногласіи съ Поэтомъ *Озеръ*; но не великодушно было съ его стороны оказывать такое презрѣніе къ тому, у кого самъ онъ не погнушался занять нѣкоторыя изъ самыхъ оригинальныхъ идей. *Вечерніе очерки* (Evening sketches) породили третью пѣснь *Чайльдъ-Гарольда*.

Изъ тысячи человѣкъ, читающихъ Байрона, не наберется и десяти, читавшихъ Вордсворта; но изъ сихъ десяти вѣрно шестеро ставятъ его на первомъ мѣстѣ. Спросите въ Лондонѣ, кто таковъ сей Вордсвортъ, который въ пяти или шести строфахъ *Донъ-Жуана* выставленъ за сумасброда? — «Это,» скажутъ вамъ въ отвѣтъ, «чиновникъ въ Экспедиціи приложенія казеннаго штемпеля, напечатавшій лѣтъ за тридцать предъ симъ свои баллады для малыхъ дѣтей, а послѣ разрѣшившійся тяжелою поэмой въ 4-ю д. л.; разнощикъ — главное лице сей поэмы. Вордсвортъ не пишетъ *стиховъ Хлоридѣ*, но пишетъ по сороку сонетовъ къ одной и той же рѣчкѣ, поминутно славитъ длинными либо короткими стихами коноплянокъ, красношеекъ, жаворонковъ, кукушекъ, маргаритки, жимолость; вѣчно описываетъ картины крохотной Англійской Швейцаріи, и восхищается инстинктомъ дѣвочекъ и полоумныхъ.»

Но объ этомъ же самомъ человѣкѣ Вальтеръ-Скоттъ, Сутей и Кольриджъ говорятъ, какъ о величайшемъ геніи новой поэзіи. Вордсвортъ менѣе всѣхъ Англійскихъ Поэтовъ имѣетъ на своей сторонѣ народности, — и онъ же наиболѣе возбуждаетъ восторга въ тѣхъ, кои признали его первенство.

Вордсвортъ глава *Озерной школы*, состоящей изъ Сутея, Кольриджа, Вильсона и пр., и названной симъ именемъ потому, что всѣ сіи Поэты жили, иные же ипонынѣ живутъ при озерахъ Вестморленда и Кумберленда. Хотя они между собою болѣе связаны узами родства и дружбы, нежели правилами одной піитики, но все Вордсвортъ, Сутей, Кольриджъ и Вильсонъ могутъ почесться членами настоящей секты.

Въ письмѣ моемъ объ Англійскихъ Журналахъ (Reviews), приводилъ я *Манифестъ*, которымъ Edinburgh-Review хотѣлъ когда-то установить *литературный Католицизмъ*, присвоивъ себѣ право первенства и непреложности (*). Правила *Озерныхъ* Поэтовъ были пер-

---

(*) Извѣстный Англійскій проповѣдникъ Ирвингъ въ одномъ своемъ *словѣ* характеризировалъ поэтическое *назначеніе* Вордсворта слѣдующимъ образомъ:

«Есть въ нашихъ Королевствахъ человѣкъ, предавшійся жизни святой и пустынной, посреди восхитительныхъ и высокихъ картинъ природы, и занявшійся глубокими тайнами мысли человѣческой. Даруй небо и *другимъ* послѣдовать сему примѣру! Онъ былъ вознагражденъ новыми откровеніями природы и Бога природы въ тиши своего убѣжища, и воспѣлъ ихъ стихами стройными и звучными. И что же? замѣтьте духъ сего развращеннаго вѣка! Какъ приняли сего мужа? Съ равнодушіемъ или съ презрѣніемъ; на него излили уничиженіе и обиду. Старѣйшины сего превратнаго поколѣнія (каково поколѣніе, таковы и старѣйшины) подняли на него громкіе вопли. Міръ литературный и чувствительный содѣлался ихъ отголоскомъ. Каждое пресмыкающееся, имѣющее право печатать свое мнѣніе, далеко разнесло сіи оскорбленія, нанося славѣ сего вдохновеннаго пѣвца ударъ, отъ котораго она возстаетъ медленно. — И за что? за то, что онъ устранился въ природу и въ собственное сердце; за то, что онъ осмѣлился воспѣвать истины простыя и высокія, ему открытыя; за то, что онъ осмѣлился быть свободнымъ въ способѣ выраженія чувствованій природныхъ и изображать красоты природныя, вмѣшивая въ стихи свои благоговѣйное и торжественное созерцаніе Всевышняго» (*Ирвингъ. Оракулы Божіи*).

(*) Выписываемъ это странное объявленіе: «Поэзія «имѣетъ то общее съ Религіей, что законы ея были «установлены издревлѣ Писателями вдохновенными, ко- «ихъ владычества уже непозволительно отвергать; и «что многіе считаютъ себя посвященными ея служенію, «хотя въ подкрѣпленіе своихъ домогательствъ и не мо- «гутъ представить *добрыхъ дѣлъ*. Католическая церковь ными изъ расколовъ, оглашенныхъ и обреченныхъ на гоненіе помянутымъ Журналомъ. Спустя несколько времени, издатели Журнала непримѣтно напитались духомъ сихъ Поэтовъ; но предубѣжденіе къ лицамъ осталось по прежнему. Сутей, ставъ сотрудникомъ Quarterly Review, получилъ право защищать иногда друзей своихъ въ этомъ Журналѣ. Но истинные ихъ панегиристы появились въ Blackwood's Magazine. Журналъ сей сначала былъ имъ непріязненъ; Вильсонъ и Кольриджъ подъ конецъ завладѣли имъ.

Въ политикѣ — ибо поэзія въ такой странѣ, какъ Англія, хочетъ то же подавать голосъ — *Лакисты* суть *Тори;* хотя нѣкогда Сутей, Кольриджъ и Ловель совсѣмъ было собрались къ отплытію въ Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты, чтобъ основать тамъ вольную колонію на берегахъ Сускеанны. Въ послѣдствіи, Кольриджъ сдѣлался Журналистомъ министерскимъ, а Сутей пожалованъ былъ въ придворные Поэты.

Въ Поэзіи, *Лакисты* питаютъ неограниченное удивленіе къ Писателямъ вѣка Королевы Елисаветы. Отъ Мильтона и Джереми Тейлора до Коупера, Англійская Словесность представляетъ имъ въ себѣ только огромную пустоту. Собраніе старинныхъ балладъ Епископа Перси, по мнѣнію ихъ, примирило Англію съ истинною Поэзіей. Съ симъ, почти исключительнымъ удивленіемъ, соединяютъ они настоящую страсть къ Метафизикѣ.

Природу чувствуютъ они, по словамъ ихъ, съ силой и жаромъ, къ коимъ всѣ сердца способны, исключая (какъ они даютъ выразумѣть) сердца большей части Поэтовъ, которые, бывъ напорчены ложными системами, нашли въ ней только условныя красоты. Что касается до ихъ самихъ, они удивляются природѣ потому, что любятъ ее. Въ безмолвныхъ ея пустыняхъ, на лонѣ ея озеръ, въ тѣни ея лѣсовъ, имъ кажется, что душа ихъ сливается съ душею вселенныя; они чувствуютъ какое-то незримое и невыразимое вліяніе, которое возвышаетъ душу, приводитъ ее въ восторгъ и очищаетъ. Этотъ мистицизмъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ *пантеизмомъ* Пиѳагоровымъ. Посему-то и называютъ *озерныхъ* Поэтовъ* — Квакерами и Методистами Англійской поэзіи. Природа, во всѣхъ ея видахъ, есть для нихъ разнообразнымъ выраженіемъ власти разумной, и они приписываютъ не только жизнь физическую, но и умственную самомалѣйшимъ предметамъ мірозданія, какъ и самымъ большимъ. Океанъ у нихъ имѣетъ душу и страсти, луна причуды; волны, звѣзды, облака повинуются нѣкоему чувству внутреннему; и все это въ стихахъ *Лакистовъ* не метафоры или не общія мѣста, взятыя отъ подобій вещественныхъ. Однако же Кольриджъ, съ тѣхъ поръ какъ исключительно сдѣлался Философомъ, кажется, уже не пріемлетъ болѣе сего естественнаго бытія умствующаго. Въ своей *Автобіографіи* онъ даже отвергаетъ другое поэтическое предположеніе Вордсворта и Вильсона, состоящее въ томъ, что Божество любитъ сообщаться съ душею, еще новою первымъ своимъ дѣйствомъ. Вотъ что говоритъ Вильсонъ въ стихахъ къ спящему дитяти:

«Ты улыбаешься, какъ будто бы мысль твоя возлетѣла въ Рай и тамъ благоговѣла предъ Богомъ Небеснымъ: Кто скажетъ, какія высокія видѣнія восхищаютъ тогда младенца!»

«Поэзія равномѣрно явила мало чудесъ послѣ первыхъ вѣковъ своего учрежденія, и съ тѣхъ поръ богаче была учителями, нежели святыми. Въ ней то же былъ свой упадокъ, своя реформа, и она то же породила безъ числа расколовъ и лжеумствованій, коихъ послѣдователи ненавидятъ и гонятъ другъ друга также отъ чистаго сердца, какъ и всякіе другіе ханжи.»

Впрочемъ, Журналъ сей не всегда держится проповѣдываемаго имъ *Католическаго благочестія:* новый Протей, онъ попеременно является то Классикомъ, то Романтикомъ, смотря по своимъ видамъ и временному направленію духа. Иногда онъ говоритъ, что «Попъ не больше какъ хорошій стихослагатель, Адиссонъ ледяной Прозаикъ; что геній XIX-го вѣка снизшелъ искупить Англійскую Поэзію отъ приторнаго жеманства школы Классической; что такой-то новѣйшій Поэтъ заслуживаетъ похвалу, удаляясь отъ избитой тропы, чтобы *шествовать въ полной своей силѣ и свободѣ;*» и пр. и пр. Иногда повторяетъ снова, что въ наше время напрасно стали бы искать того богатаго и звучнаго стихосложенія, тѣхъ мыслей сильныхъ и тѣхъ искусныхъ переходовъ, коими отличаются Поэты прошлаго столѣтія. Такова жажда новостей, таково непостоянство вкуса, таково своенравіе моды даже въ Литературѣ, что Писатель напередъ знаетъ, что сколь бы ни велика была слава издаваемаго имъ произведенія, но въ нѣсколько мѣсяцевъ оно позабудется. Посему-то онъ слегка трудится для сей скоротечной славы. «Отсюда происходитъ (присовокупляетъ Г. Джеффрей, Корифей помянутаго Журнала) что наши поэмы, равно какъ наши ткани и наши домы, хотя и болѣе блестятъ по наружности, во гораздо менѣе прочны, чѣмъ поэмы, ткани и домы нашихъ предковъ.»

Не можемъ удержаться, чтобы не привести еще образчикъ журнальной заносчивости сего Критика. Вотъ какимъ мнимо-легкимъ слогомъ подъ часъ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ Писателяхъ: «Есть одно сословіе господчиковъ нарядныхъ и достаточныхъ, собирающихся въ лавкѣ книгопродавца Гатчарда. Эти господчики опрятны, вѣжливы, въ связяхъ со всѣми людьми чиновными, довольны всѣмъ, что есть. По временамъ, одинъ изъ этихъ господчиковъ напишетъ книжонку; другіе похвалятъ эту книжонку, въ надеждѣ, что и ихъ то же похвалятъ, когда ихъ книжонки покажутся на свѣтъ. «Намъ кажется по всему, что брошюрка, находящаяся у насъ теперь передъ глазами, написана кѣмъ нибудь изъ этихъ господчиковъ опрятныхъ, вѣжливыхъ и увѣренныхъ въ готовящейся имъ похвалѣ». По тону и выраженіямъ, можно бы подумать, что это списано съ *нѣкоторыхъ* изъ нашихъ Критиковъ. *Нѣм. Переводъ.*

Но всѣ они согласны въ томъ, чтобы славить домашнія добродѣтели и тихія наклонности выше блестящаго и опаснаго геройства. Мать, дочь, супруга и сестра получаютъ отъ нихъ хвалы чистыя, какъ прелесть, которую онѣ разливаютъ на жизнь нашу. Сіи Поэты желали бы, чтобъ ихъ нравственную поэзію призывали среди треволненій свѣта, какъ доброжелательный голосъ сестры или друга, манящій насъ къ невиннымъ радостямъ дѣтства и крова домашняго.

Изо всѣхъ *Лакистовъ*, Вордсвортъ наиболѣе отвѣтствуетъ понятію, каковое воображеніе любитъ создавать себѣ о Поэтѣ вдохновенномъ. Онъ привелъ Поэзію къ ея началу; она для него Религія: долго размышлялъ онъ въ уединеніи и стяжалъ новыя откровенія о жребіи человѣка. Созерцающая душа его во всякое время волновалась нуждою идеальнаго усовершенствованія. Изобрѣтатель нѣкоего Христіанскаго Платонизма, основаннаго на нравственной гармоніи вселенной, онъ указываетъ намъ слѣды перста Божія на самомъ даже мѣлкомъ предметѣ созданія и старается привести человѣка къ чувствованію своего достоинства, сопричащая его къ мысли Всевышняго. И если онъ не всегда возноситъ насъ съ собою въ высшую сферу своихъ отвлеченностей, то ничего нѣтъ оскорбительнаго въ его превосходствѣ. Онъ преклоняется вмѣстѣ съ нами предъ Величіемъ Бога, и великолѣпіемъ или таинствами Его дѣлъ. Чувствованія человѣка не уничтожаются въ немъ высокими соображеніями Философа. Особенно въ большой его поэмѣ: *Странствованіе*, должно слѣдовать за развитіемъ его возвышенныхъ теорій. Въ поэмѣ сей господствуетъ такая тихая Философія, такая торжественная простота, что для чтенія оной должно запастись особымъ расположеніемъ духа. Чтеніе сіе требуетъ спокойствія мыслей и чувства религіознаго, необходимыхъ для того, чтобъ оцѣнить все высокое въ безмолвіи лѣсовъ, или еще болѣе въ нѣсколько однообразномъ уединеніи огромнаго готическаго храма, освѣщеннаго таинственнымъ полу-свѣтомъ его разноцвѣтныхъ *витраловъ*.

Поэма: *Странствованіе*, хотя сама по себѣ составляетъ цѣлое, но есть только отдѣльная часть пространнаго творенія *о человѣкѣ, природѣ и обществѣ*, занимающаго Автора во всю жизнь его, и которому подчинены всѣ небольшія сочиненія, изданныя имъ въ разныя времена.

Въ началѣ, Поэтъ приводитъ насъ къ старому Шотландцу, котораго знавалъ онъ отъ самаго своего дѣтства. Старикъ сей простаго рода; но получилъ начала прочнаго воспитанія, а всего болѣе правила строгаго благочестія; за что обязанъ онъ своему вотчиму, бывшему Священникомъ и приходскимъ учителемъ того селенія. Родясь посреди горъ Атольскихъ, Шотландецъ нашъ прежде пасъ стадо на ихъ вершинахъ, и съ молодыхъ лѣтъ своихъ получилъ склонность къ размышленію, нравъ нѣжный и поэтическій.

«Ихъ много, Поэтовъ, созданныхъ природой. Богаты «они дарами благороднѣйшими, восторгомъ и свойствомъ «божественнымъ; одного имъ недостаетъ: языка сти«ховъ (*).»

Нѣсколько духовныхъ книгъ подѣйствовали также на его молодое воображеніе. Въ 18-ть лѣтъ его возраста, тотъ тайный голосъ, который побуждаетъ жителей Савоіи и Гельвеціи уходить изъ ихъ горъ, заговорилъ въ юномъ Шотландцѣ. Безпокойная дѣятельность его призывала его къ жизни странника. «Нынѣ жалѣютъ, «или презираютъ тѣхъ бродящихъ купцовъ, которые «ходятъ изъ воротъ въ ворота, согнувъ спину подъ «своею ношей. Но и у сихъ странниковъ есть свои «наслажденія, и упомительное ихъ ремесло заслужи«вало имъ уваженіе въ то время, когда люди были «проще, когда сіи купцы были узломъ сообщенія между «городами и селеніями самыми уединенными.» Разнощики развеселяли пустыню новостями о человѣческомъ родѣ, какъ Томсонъ говоритъ о караванахъ, проходящихъ ежегодно по унылымъ степямъ Сибири.

Разнощикъ Вордсвортовъ, вдали отъ своихъ горъ, изучалъ человѣка, его нравы, его страсти, удовольствія и чувствованія, особливо тѣ изъ нихъ, которыя, будучи какъ бы существенными стихіями сердца, сохранились въ простомъ образѣ жизни сельской, и донынѣ еще говорятъ языкомъ простодушія. Онъ покинулъ наконецъ ремесло свое съ приближеніемъ старости; и свѣдѣнія *человѣка общественнаго*, соединясь съ восторгомъ отъ красотъ природы, питавшихся въ немъ долговременными и одинокими его странствованіями, содѣлали изъ него нравоучителя, сильнаго собственною опытностію, краснорѣчиваго и простаго, какъ природа и истина.

Онъ ведетъ Поэта въ жилище одного пустынника, котораго хочетъ примирить съ Провидѣніемъ. Новое сіе лице — Скептикъ, читавшій Кандида чаще, нежели Библію. Онъ былъ счастливъ любимою супругой и двумя дѣтьми. Оставшись одинъ въ мірѣ по смерти ихъ, онъ старался только питать свое отчаяніе, когда снова былъ призванъ на тревожную сцену жизни обѣтованіями Французской Революціи, которой правила принялъ онъ съ довѣріемъ и восторгомъ «любовника.« Обманутый надеждами свободы, онъ отчаялся о человѣкѣ вообще. Вѣра его была потрясена; онъ даже «отрекся отъ мысли о тѣхъ, коихъ нѣкогда со слезами «положилъ въ могилу.» Оттуда однако жъ выходятъ иногда къ нему призраки угрызеній совѣсти.

«Слабо,» говоритъ онъ, «чувствовали тѣ, которые

(*) Та же мысль выражена Лордомъ Байрономъ, въ *Предсказаніяхъ Данта*.

«нѣкогда вооружали мстительныхъ Фурій бичами и «змѣями. Плѣнительные взоры были устремлены на «меня, — взоры той, которую я любилъ: подруга моя, «мать моихъ дѣтей смотрѣла на меня съ сожалѣніемъ «и съ видомъ нѣжнаго упрека, который былъ для меня «нестерпимъ.»

Разнощикъ опровергаетъ мрачныя мысли пустынника, и въ послѣдствіи призываетъ къ себѣ на помощь опытность сельскаго Священника, четвертаго лица сей философической драмы.

Возвышенныя бесѣды четырехъ сихъ лицъ дѣйствуютъ на читателя тѣмъ сильнѣе, что онѣ происходятъ посреди живописныхъ мѣстоположеній, къ коимъ частыя описательныя примѣненія поминутно привлекаютъ вниманіе читателя. По системѣ, изложенной мною выше, озеро, ручей и гора имѣютъ свой языкъ: ничто не безчувственно въ природѣ. Все видимое, все, одаренное движеніемъ или голосомъ, представляетъ не одни темные символы, или мечтательныя эмблемы, но настоящія откровенія.

«Я видѣлъ,» говоритъ Поэтъ, «дитя, прикладывавшее къ уху своему извивы раковины съ лоснящимися «краями. Молча, оно вслушивалось со всѣмъ вниманіемъ «своей души, и скоро радость блеснула въ чертахъ «лица его: ибо оно слышало внутренній говоръ, звучные акорды, коими, думало оно, жилецъ сей раковины «возвѣщалъ о таинственномъ своемъ союзѣ съ роднымъ «его моремъ. Сама вселенная подобна сей раковинѣ для «слуха вѣры, и передаетъ ей правдивыя откровенія «о предметахъ незримыхъ.»

Порою эхо являетъ собою образъ гармоніи двухъ міровъ; порою — видъ тѣни и соотвѣтственнаго ей тѣла, коего очертанія она отражаетъ.

«Дошедъ до моста, вѣнчающаго своею дугою быстрый потокъ, тамъ гдѣ вода, болѣе спокойная, образуетъ собою глубокій прудъ, мы по счастливому случаю увидѣли двойственный образъ: на одномъ изъ муравчатыхъ береговъ стоялъ овенъ, бѣлый, какъ снѣгъ, «и въ жидкомъ хрусталѣ былъ онъ же другой. На зеленой муравѣ стоялъ овенъ прекрасный, съ горделивымъ «видомъ, съ отливающейся волной и съ головою, на «коей красовались два рога, подобно діадимѣ; неменѣе «прекрасенъ былъ у его ногъ вѣрный его образъ. У «того и у другаго были свои горы и свои небеса; и «тотъ и другой казались средоточіемъ своей муравы; «антиподы и взаимно не зная другъ друга, они были «однако же смѣшаны въ нашихъ глазахъ вмѣстѣ, въ совершенной тиши ихъ сферъ отдѣльныхъ!»

Четвертая книга въ особенности замѣчательна возвышенною нравственностію, глубокими изслѣдованіями и поэзіей примѣненій. Здѣсь-то развито другое правило Лакистовъ, что гордость нашего сужденія должна смиряться, дабы возвратить воображенію и влеченіямъ душевнымъ ту власть, которую новая Философія хотѣла у нихъ похитить.

Исторія *спиритуализма*, сокрытаго древле подъ идолопоклонствомъ Грековъ, ведетъ за собой исполненное поэзіи описаніе остатковъ язычества. Въ пятой книгѣ является сельскій Священникъ. У входа кладбища, сей почтенный мужъ оправдываетъ Провидѣніе противъ безумства Отчаянія. Уже во многихъ мѣстахъ престарѣлый другъ Поэта рѣчами своими напоминалъ славную рѣчь старца Ильдефранскаго къ Павлу, сказанную въ утѣшеніе сего юноши объ утратѣ Виргиніи. Здѣсь, можетъ быть, кстати замѣтить, что когда Бернарденъ де Сен-Пьерръ читалъ своимъ друзьямъ лучшее свое произведеніе, тогда потомство едва не лишилось онаго, по скукѣ, которую оно навело первымъ своимъ слушателямъ. Общее мнѣніе не отмстило еще вполнѣ за Вордсворта, подобно какъ за Бернардена, презорливымъ судьямъ его.

Пастыря Вордсвортова просятъ разсказать, въ подтвержденіе защищаемыхъ имъ нравственныхъ истинъ, нѣсколько эпизодовъ о жизни сельской. Онъ избираетъ своимъ текстомъ смиренныя добродѣтели и погрѣшности тѣхъ, которыхъ самъ онъ положилъ на вѣчный покой подъ сокрывающимъ ихъ дерномъ.

«Ничто не можетъ быть выше,» говоритъ Сутей(*), »сего способа приступать къ повѣствованіямъ. И дѣйствительно, видя небо надъ собою и дернъ могильный «у ногъ своихъ, находясь между жизнью и гробомъ, «старый Священникъ какъ бы продолжаетъ вести съ «прахомъ своихъ прихожанъ тѣ духовныя сношенія, «кои соединяли его съ ними на землѣ.»

— «Ты можешь, говоритъ Священнику мудрецъ, — «произнести торжественныя надгробія нѣкоторымъ «изъ сихъ людей простосердечныхъ. Не увлекаясь далѣе, ты можешь оживить передъ нашими глазами то «дуновеніе жизни, которое мы раздѣляемъ съ добрыми людьми, и заставить насъ почтить ихъ даже въ «безчувственномъ ихъ прахѣ.»

Я повредилъ бы эффекту сихъ портретовъ, когда бы началъ ихъ отдѣлять отъ общей ихъ рамы, т. е. отдѣльно ихъ пересказывать. Ограничусь указаніемъ на замысловатый анекдотъ о двухъ человѣкахъ различныхъ мнѣній, сведенныхъ случаемъ въ одно мѣсто: противорѣчіе сдѣлалось для нихъ необходимостью. Сей эпизодъ очень похожъ на Коуперовы, и даже на сказки Кребба (Crabbe). Одинъ изъ двухъ друзей принадлежалъ въ партіи Виговъ. Истративъ богатое свое наслѣдіе въ парламентскихъ выборахъ, онъ удалился, подъ чужимъ именемъ, въ горное селеніе, гдѣ одинъ Шотландскій Лердъ, поборникъ Стуартовъ, искалъ убѣжища послѣ Куллоденской битвы. Не преставая спорить

(*) Въ Quarterly Review.

другъ съ другомъ въ защиту своихъ мнѣній, они столько разъ встрѣчались, сходились и противорѣчили одинъ другому, что подъ конецъ сдѣлались неразлучными друзьями и желали по смерти своей лежать въ одной могилѣ.

Изъ эпизодовъ, въ коихъ господствуетъ чувство, трогательнѣе всего эпизоды объ Эленѣ, о разрушенной хижинѣ и признанія пустынника.

Сіе изложеніе правилъ и сіи эпизоды составляютъ собою твореніе, болѣе дидактическое, нежели драматическое. Трудно было бъ избѣжать, чтобы нѣсколько общихъ мѣстъ не были въ немъ слабо крикрыты пышностью стиховъ. Позволительно также посѣтовать иногда о недостаткѣ въ этой поэмѣ страстной энергіи Байрона, живости и движенія поэмъ В. Скотта; но несправедливо было бы не указать на поэму Вордсворта, какъ на краснорѣчивое выраженіе Философіи, достойной Платона Христіанскаго. — Обращаюсь къ первымъ сочиненіямъ Вордсворта.

(*Продолженіе въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Теоретико-практическое наставленіе о винодѣліи. Переведено съ Французскаго и издано иждивеніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, тщаніемъ Предсѣдателя Отдѣленія Селькаго Хозяйства, Аѳанасія Стойковича. — С. П. б. печатано въ тип. Ивана Байкова. 1830. (369 стран. въ 8-ю д. л.)

Книга, нужная въ нынѣшнее время, когда на винодѣліе многіе Рускіе капиталисты обращаютъ живое вниманіе; собраніе полное всѣхъ знаній, пріобрѣтенныхъ по сему предмету въ чужихъ краяхъ, но къ сожалѣнію не примѣненное къ нуждамъ и возможностямъ нашимъ и не пополненное изобрѣтеніями Рускими.

Нѣтъ плодовъ, нѣтъ овощей, изъ которыхъ бы нельзя было дѣлать вина. А сколько у насъ есть Губерній, въ которыхъ изобиліе плодовъ еще никакой пользы не приноситъ; сколько земель, способныхъ производить самыя нѣжныя растенія Юга, оставлены на произволъ природы невнимательностію помѣщиковъ,

Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорблящихъ, не теряющихъ,

но за то ничего и не выигрывающихъ! Однако число этихъ неприступныхъ духовъ Шиллеровыхъ примѣтно уменьшается. Нужда пробуждаетъ дѣятельность общую, и богатая земля наша скоро будетъ приневолена платить намъ все, что можетъ: а чего она не можетъ? Не надо только требовать неисполнимаго. Напримѣръ отъ Бургонскаго винограда, выросшаго на Крымской почвѣ, нельзя ожидать вина, всѣмъ похожаго на настоящее бургонское. Почва многое измѣняетъ во вкусѣ и добротѣ винограда. Такъ Асмансгейзеръ, вино изъ Бургонскаго винограда, пересаженнаго на берега Рейна, уже болѣе походитъ на рейнвейнъ, чѣмъ на бургонское. Впрочемъ, какая нужда, чтобы Крымъ, Астрахань, Кавказъ, Донъ и другія наши винородныя земли производили вина, совершенно похожія на иностранныя; желательно только, чтобы они имѣли качественное достоинство сихъ послѣднихъ.

СМѢСЬ.

Нѣсколько Журналистовъ, которымъ Литературная Газета кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей рѣшительный, по ихъ мнѣнію, ударъ: они хотятъ въ концѣ года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до nec plus ultra неприличія и грубости, и тѣмъ отбить у нея подписчиковъ. Издатель Литературной Газеты, привыкшій хладнокровнымъ презрѣніемъ отвѣчать на ихъ отчаянныя выходки, надѣется спокойно выдержать и сей въ тайнѣ приготовляющійся бурный натискъ. Онъ не будетъ отбраниваться даже и тогда, когда сверхъ всякаго чаянія демонъ корыстолюбія имъ овладѣетъ: ибо вышепомянутые Журналисты безъ всякаго посторонняго участія вредятъ себѣ, ежедневно хвастая передъ читателями положительнымъ своимъ невѣжествомъ и ни чуть не любезными душевными качествами.

Литературная Газета, удостоенная лестнымъ для издателя ея пріемомъ, будетъ издаваться и въ будущемъ 1831 году. Выходить она будетъ, какъ и нынѣ, чрезъ каждые пять дней, нумерами въ одинъ печатный листъ большаго размѣра. Въ теченіе года сихъ No будетъ издано 72. Первый No выйдетъ въ свѣтъ 1-го Января 1831 года. Цѣна годовому изданію 35 руб., съ пересылкою въ другіе города и разноской по домамъ 40 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, No 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ Гжи Гавриловой; у книгопродавцевъ: И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 28, и И. И. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 27. Въ Москвѣ: у Комиссіонера Императотскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: у книгопродавца С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербурскаго Почтамта.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 12-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ II, № 59. ОКТЯБРЯ 18го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

БАНКИРЪ ТОРЛОНІА (*).

Римъ, 11 *Декабря*, 1827.

. . . . . Насупротивъ находятся *палаты* Г-на Торлоніа, Дюка Браччіано, у котораго мы были нынѣшнимъ вечеромъ на балѣ. Изъ самаго низкаго званія, Г. Торлоніа дошелъ своею изворотливостію до самаго блестящаго положенія. Исключительная любовь къ деньгамъ, по мнѣнію моему, всего болѣе обезображиваетъ лице человѣка. Особливо ротъ, чуждый всякаго сладостнаго сочувствія у людей деньголюбивыхъ, бываетъ часто весьма отвратителенъ. Любопытно слушать, когда Г. Торлоніа разсказываетъ о соперничествѣ молодыхъ Князей Римскихъ, которые добивались руки его дочерей. Есть какое-то чистосердечіе въ его безпредѣльномъ уваженіи къ деньгамъ. Болѣе десяти лѣтъ не смѣлъ онъ поселиться во дворцѣ Браччіано, гдѣ мы сего вечера танцовали. Какая-то колдунья предсказала ему, что онъ умретъ въ первую ночь, когда ляжетъ въ ономъ спать.

Таковы глубоко-укоренившіеся предразсудки, и это здѣсь очень естественно. — Г. Торлоніа Банкиръ всѣхъ Англичанъ, пріѣзжающихъ въ Римъ, и выигрываетъ огромные проценты, размѣнивая фунты стерлинговъ на Римскіе скуди. Каждую зиму забавляютъ здѣсь публику какимъ-либо новымъ разсказомъ, гдѣ представлены съ одной стороны скупость хладнокровнаго и спокойнаго Банкира, а съ другой непомѣрный гнѣвъ какого-нибудь богатаго Англичанина, вопіющаго на невыгодный промѣнъ денегъ. Но за то Г. Торлоніа даетъ своимъ *кліентамъ* пышные балы, за входъ въ которые не слишкомъ дорого было бы платить по 40 франковъ съ человѣка. Въ этотъ день онъ уже не скупъ.

(*) Отрывокъ сей, равно какъ и два, составлявшіе первую статью въ послѣднемъ (58-мъ) No. нашей Газеты, почерпнуты изъ *Прогулокъ Стендаля по Риму*. Имя Барона Стендаля (Sthend'hal) вымышленное: подъ нимъ и подъ разными другими, долго скрывался одинъ остроумный Французскій Писатель, Г. Бель (Beyle). Замысловатая его оригинальность, превосходный тонъ критики, острый и мѣткій взглядъ на предметы и слогъ чистосердечный и живописный, по словамъ другаго извѣстнаго Французскаго Писателя, могли бы точно прославить трехъ или четырехъ Литераторовъ. Лордъ Байронъ почтилъ Г. Беля письмомъ (отъ 29-го Маія 1823-го года, изъ Генуи), въ которомъ сказалъ много лестнаго сему *Автору-псевдониму*. Письмо сіе замѣчательно еще тѣмъ, что Байронъ съ благородствомъ истиннаго таланта отдаетъ въ немъ справедливость опасному сопернику на поприщѣ Поэзіи и въ мнѣніи Публики — С. Валтеру Скотту. Вотъ что говоритъ онъ мнимому Стендалю о знаменитомъ единоземцѣ своемъ: «Въ вашей *брошюркѣ* есть нѣ«сколько замѣчаній, на кои я позволю себѣ то же нѣко«торыя замѣчанія, а именно въ томъ, что относится къ «Валтеру Скотту. Вы говорите, что *характеръ его ма«ло достоинъ энтузіазма*, и тутъ же упоминаете о со«чиненіяхъ его тавъ, какъ они заслуживаютъ. Я давно «знаю Валтера Скотта, знаю его хорошо и видалъ его «въ такихъ обстоятельствахъ, кои обличаютъ *истинный «характеръ* человѣка. Посему я могу васъ увѣрить, что «характеръ его достоинъ удивленія; что изъ всѣхъ лю«дей онъ самый *откровенный*, самый *почтенный* и самый «*любезный*. Что же касается до его мнѣній политическихъ, «объ нихъ я ничего не могу сказать: какъ они совершен«но разнятся съ моими, то мнѣ трудно говорить объ «этомъ дѣлѣ; но В. Скоттъ *совершенно прямодушенъ* въ «своихъ мнѣніяхъ, а прямодушіе можетъ быть смиренно, «но никогда не будетъ раболѣпно. Прошу васъ перепра«вить или смягчить это мѣсто. Вы, можетъ быть, «припишете это заботливое усердіе съ моей стороны «притворной искренности, потому что я самъ Авторъ; «припишите его какой угодно причинѣ, но *вѣрьте истинѣ*: «я говорю, что Валтеръ Скоттъ столь *хорошій человѣкъ*, «сколько человѣкъ таковымъ быть можетъ, и это знаю «я по опыту.»

Мы слышали стороною, что любопытныя во многихъ отношеніяхъ *Прогулки Стендаля по Риму* переводятся вполнѣ. Искренне желаемъ успѣха Переводчику, и благодаримъ его за доставленіе сихъ отрывковъ въ нашу Газету. — *Изд. Л. Г.*

По четыремъ сторонамъ двора его простирается великолѣпная галлерея, примыкающая ко многимъ обширнымъ заламъ, въ которыхъ танцуютъ. Лучшіе современные живописцы, Гг. Паладжи, Камуччини и Ланди, украсили ихъ живописью. Одна зала нарочно устроена для помѣщенія приличнымъ образомъ знаменитой колоссальной группы Кановы: *Неистоваго Геркулеса, низвергающаго Ликаса въ море.* Въ день бала, сія группа весьма живописно освѣщается массами свѣчь, разставленныхъ по мѣстамъ, указаннымъ самимъ Кановою. Пиры Г. Торлоніа и богаче и лучше учреждены, нежели у многихъ Государей Европы. Напримѣръ, на нихъ всегда бываетъ много гостей, а никогда не случается безпокойной тѣсноты Англійскаго *раута.* Замѣчаете ли вы посреди группы прелестнѣйшихъ женщинъ Англіи и Рима, небольшаго старичка, съ безпокойнымъ взглядомъ и въ предлинномъ бѣломъ жилетѣ? Это хозяинъ дома; онъ навѣрное разсказываетъ иностранцамъ какой нибудь анекдотъ о своей домашней экономіи. Напримѣръ: сей маленькой Португалецъ, съ завитою такъ хорошо головою и съ такимъ блестящимъ умомъ, Графъ Ф***, сей часъ удивлялся вслухъ великолѣпнымъ зеркаламъ, обставленнымъ вокругъ Геркулеса Кановы: Г. Торлоніи мигомъ обѣщаетъ разсказать по этому случаю анекдотъ. Около него стѣсняется кружокъ, и Банкиръ входитъ во всѣ подробности затѣйливой своей хитрости, съ какою онъ выторговалъ у Парижскихъ зеркальныхъ фабрикантовъ уступку по пяти процентовъ.

Онъ одѣлся еще хуже обыкновеннаго, лицу своему придалъ выраженіе еще болѣе жалкое и Жидовское. Въ такой личинѣ явился онъ къ Парижскимъ фабрикантамъ и сказалъ, что Итальянскій банкиръ, большой скряга, словомъ, извѣстный Торлоніа поручилъ ему, бѣдному зеркалыцику Римскому, накупить зеркалъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Онъ объявилъ, что заплатитъ наличными деньгами. «И такимъ-то образомъ,» продолжалъ торжествующій милліонщикъ, «я вымучилъ у нихъ уступку пяти процентовъ на самой умѣренной цѣнѣ, какую только могъ бы выторговать, явясь подъ собственнымъ именемъ; и сія сбавка цѣны составила порядочную сумму.» Маленькіе глаза банкира засверкали радостно и утратили на минуту свой безпокойный взглядъ.

Спустя около часа, Дюкъ Браччіано разсказывалъ про сыновей своихъ кружку гостей, въ числѣ которыхъ находилась бѣдная Миссъ Батурстъ. — «Вотъ этотъ, напримѣръ,» говорилъ онъ, указывая на старшаго, «этотъ въ меня, простакъ: онъ любитъ картины, произведенія искуствъ, статуи; я оставлю ему три милліона и два Герцогства. Но другой мой сынъ — тотъ совсѣмъ иное; онъ человѣкъ, какъ быть слѣдуетъ: знаетъ цѣну деньгамъ, и я передамъ ему мой банковый домъ. Онъ увеличитъ его, распространитъ — и современемъ вы увидите его не только богаче такого-то или того-то Князя, но богаче всѣхъ Римскихъ Князей вмѣстѣ; и ежели онъ въ половину будетъ имѣть благоразумія отцовскаго, то сына своего сдѣлаетъ Папою (*).»

Въ двухъ шагахъ, знаменитая Леди N*** была опечалена видомъ этой *денежной личины.* — «Торлоніа,» говорила она,» не долженъ бы показываться на балахъ, имъ даваемыхъ; Дюшессы его дочери могли бы и безъ него заниматься угощеніемъ. Нехотя обращаешь вниманіе на сіе лице: на немъ слишкомъ видно, что этотъ человѣкъ неспособенъ наслаждаться изящными предметами, которыми онъ себя окружилъ, и это ослабляетъ ихъ впечатлѣніе.» Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ много зависти. Г. Торлоніа богачъ въ полномъ смыслѣ: онъ смѣется надъ похвалами и не подкупаетъ Журналы, чтобъ они его прославляли. Въ самомъ дѣлѣ, въ Римѣ всѣ знаютъ другъ друга, и шарлатанство тамъ *невозможно.* (Посему-то, если есть страна въ мірѣ, отъ которой еще можно надѣяться Художниковъ, такъ это Римъ.)

Наши спутницы возненавидѣли Г. Торлоніа, и сначала никакъ не хотѣли быть у него на балѣ. Мнѣ надобно было употребить все возможное краснорѣчіе, чтобы преодолѣть въ нихъ сіе отвращеніе. На этихъ дняхъ всѣ, отъ Князей до послѣднихъ слугъ, говорятъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, С. П***, который, живъ безразсудно и промотавшись до чиста, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, застрѣлился. Тотчасъ разнесли слухъ, будто бы Торлоніа съ жестокостью отказалъ ему въ ссудѣ нѣсколькихъ тысячь франковъ наканунѣ его смерти; а на другой день утромъ и, можетъ быть, десятью минутами прежде, чѣмъ молодой Французъ застрѣлился, Банкиръ получилъ для него значительную сумму денегъ.

Сей человѣкъ, возбуждающій столь сильную зависть, ни сколько не виновенъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ обладаетъ истиннымъ талантомъ угадывать повышеніе или пониженіе денежнаго курса и цѣны припасовъ въ сей Италіи, обнищалой отъ лѣности ея жителей, а еще болѣе отъ необдуманныхъ постановленій, которыя по временамъ какой нибудь искусный интригантъ успѣетъ выпросить у тамошнихъ Правительствъ. . . .

Трудно найти дѣвицъ, ловче и въ обращеніи благороднѣе дочерей Г. Дюка Браччіано. Можетъ быть онѣ подъ часъ и краснѣютъ за неуклюжаго своего батюшку. Я не видалъ на своемъ вѣку трехъ баловъ,

---

(*) Подобно какъ сдѣлалъ банкиръ Редзонико или Августинъ Киджи, котораго такъ хорошо описалъ Банделло. Августинъ былъ человѣкъ умный и старался денежными пособіями улучшить положеніе всѣхъ современныхъ ему людей съ талантами.

которые были бы такъ хороши, какъ даваемые Г-мъ Торлоніа. Ужинъ подается на нихъ роскошный, съ величайшимъ блескомъ и пышностью. Наши спутницы должны были согласиться въ этомъ. — «Но,» говорила мнѣ одна изъ нихъ: «я вижу блуждающую вокругъ меня тѣнь этого несчастнаго С. П***, котораго жизнь была бы спасена половиною того, во что обошелся великолѣпный сей ужинъ.» — Г-жа Шанфоръ говаривала, что «когда бываешь въ большомъ свѣтѣ, то каждое утро надо *проглотить жабу.*»

Съ Франц. — *В. Романовичъ.*

ГЕЛІОСЪ.

Какъ вечеръ милъ! Царь дня зашелъ прекрасный...
Дѣвической стыдливостью горя,
Къ нему на одръ водимая, заря
Стоитъ въ дверяхъ свѣтлицы!.. Мѣсяцъ ясный
Уже взошелъ, чтобы стеречь ночлегъ —
И отъ того онъ самъ исполненъ нѣгъ!

Б. Розенъ.

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вордсвортъ.

(*Окончаніе.*)

Если пышность и великолѣпіе выраженій и высокость видовъ суть отличительныя черты поэмы: *Странствованіе*; то лирическія баллады Вордсворта написаны съ такою простотой, которая мѣстами походитъ на выисканную прозу. Посему Критики Вордсворта и нашли въ нихъ все, что имъ нужно было для улики его въ *сентиментальной болтовнѣ.* Почитатели его однако же не менѣе того утверждали, что за исключеніемъ нѣсколькихъ едва замѣтныхъ пятенъ, сей рядъ небольшихъ поэмъ былъ развитіемъ главной его цѣли: изслѣдованія истинныхъ чувствованій человѣка, разсматриваемаго независимо отъ условныхъ формъ общежитія, съ первыхъ минутъ младенца до жизни, которой остаются только воспоминанія и надежды старца. Слогъ неровный, то есть, смѣсь слога пышнаго и слога простонароднаго, длинные комментаріи на самыя мѣлочныя происшествія, многословіе и ненужныя повторенія, подобія слишкомъ великія, выраженія слишкомъ напыщенныя для предмета: вотъ недостатки отдѣльныхъ стихотвореній Вордсворта. Но они вознаграждаются многимъ. Пріятность и свѣжесть поэзіи, подходящей къ поэзіи первобытныхъ народовъ, глубокость и оригинальность размышленій и чувствованій, истина подобій, взятыхъ изъ природы, пылкая чувствительность и воображеніе, часто облагороживающее предметъ самый прозаическій: вотъ что заставляетъ позабыть всѣ недостатки, указанные критикой въ Поэтѣ Озеръ.

Величайшая прелесть поэмъ Вордсвортовыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ обновляютъ сердце, возвращая ему всю свѣжесть первыхъ ощущеній и независимость того возраста, въ которомъ каждое новое понятіе было завоеваніемъ, заставлявшимъ его прыгать отъ радости, тогда какъ міръ не налагалъ еще на насъ закона своихъ общихъ мѣстъ, какъ въ нравственности, такъ и въ Поэзіи.

Нѣкоторою какъ бы классификаціею своихъ поэмъ, самъ Вордсвортъ указываетъ намъ, что произведенія его суть поэтическій разборъ чувствованій, пробуждаемыхъ внѣшними предметами и взаимною мѣною мыслей и склонностей въ сердцѣ и умѣ дитяти, юноши, человѣка возмужалаго и старца. Мы возвращаемся съ нимъ къ нашимъ ощущеніямъ самымъ ничтожнымъ; но онъ даетъ также чувство и голосъ тѣмъ высокимъ, часто неяснымъ внушеніямъ, кои пробуждаетъ въ самой даже не-поэтической душѣ великое зрѣлище мірозданія.

Вордсвортъ самъ объявляетъ намъ, что онъ старался при сочинени балладъ своихъ выбирать событія и положенія изъ жизни простонародной, и разсказывать или описывать ихъ простодушно, не отказываясь однако жъ наводить ихъ нѣкоторою краскою въ такомъ случаѣ, когда предметъ отливался въ его умѣ необыкновенною формой. Но онъ болѣе всего старался придать невѣдомую дотолѣ заманчивость симъ случаямъ и положеніямъ жизни, раскрывая въ нихъ первобытные законы нашей природы съ тѣми неизчерпаемыми средствами воображенія, кои у Ритюровъ называются совокупленіемъ понятій.

Жизнь простонародная, сельская, предпочтена имъ была по многимъ причинамъ. Во *первыхъ* потому, что въ жизни простаго народа существенныя страсти сердца рѣже не созрѣваютъ, менѣе подчинены принужденію и говорятъ языкомъ болѣе свободнымъ и откровеннымъ; во *вторыхъ:* первоначальныя ощущенія, по причинѣ великой своей простоты, могутъ быть яснѣе подмѣчены; въ *третьихъ:* нравы сельскихъ жителей, порождаясь отъ сихъ первоначальныхъ ощущеній, гораздо менѣе слабѣютъ и измѣняются; наконецъ въ *четвертыхъ:* страсти ихъ находятся въ союзѣ съ непреложными формами природы. Языкъ сельскихъ жителей (очищенный отъ излишней своей грубости) былъ также принятъ Поэтомъ, потому что люди, говорящіе онымъ, ежеминутно сообщаются съ предметами, отъ коихъ произтекли самыя поэтическія фигуры всякаго языка; и потому, что степень сихъ людей въ обществѣ, равно какъ малообъемный и неразнообразный кругъ ихъ взаимныхъ отношеній, удерживаютъ ихъ въ отдаленіи отъ вліянія суетностей житейскихъ; отъ чего они и выражаютъ чувствованія и понятія свои съ большею естественностію и меньшими приготовленіями. «Изъ сего «слѣдуетъ,» говоритъ Вордсвортъ, «что таковый языкъ «болѣе философическій, нежели тотъ, которымъ часто «замѣняютъ его Поэты, когда они думаютъ принести «честь себѣ и своему искуству, устраняясь отъ сим«патій подобныхъ имъ человѣковъ, и принимая само«произвольныя и своенравныя привычки въ слогѣ, вы«раженіе мѣлочнаго вкуса, который сами они устано«вляютъ въ стихахъ своихъ (*).»

Предѣлы письма не дозволяютъ мнѣ подробно изъяснить *метафизику* новаго языка, который Вордсвортъ вздумалъ подчинить законамъ стихотворной мѣры. Я не хочу входить въ филологическіе разборы, кои можетъ быть не всегда были бы благопріятны *Озернымъ Поэтамъ*; ибо, подобно всѣмъ геніальнымъ людямъ, налагающимъ на себя какую-либо систему, часто нарушеніемъ сей самой системы Вордсвортъ возбуждаетъ въ насъ живѣйшее удивленіе. Такое жь замѣчаніе, помнится, сдѣлалъ я на счетъ Г. Кребба. Я ограничусь тѣмъ, что буду удивляться въ стихотвореніяхъ Вордсворта его таланту схватывать и передавать разныя движенія души, волнуемой, какъ онъ говоритъ, великими и простыми склонностями нашей природы. Такъ онъ разсматривалъ любовь материнскую во многихъ изъ самыхъ нѣжнѣйшихъ ея оттѣнковъ, послѣднюю борьбу природнаго влеченія со смертію, и все нравственное въ дружбѣ братской. Поэмы его отличаются еще тѣмъ, что развитое въ нихъ чувство сообщаетъ важность дѣйствію или положенію, тогда какъ онъ справедливо замѣчаетъ, что у другихъ Поэтовъ дѣйствіе или положеніе придаетъ важность чувству. Я попытаюсь перевести *Жалобы Индіянки*, потому что сіе стихотвореніе невелико и мнѣ уже не будетъ нужды сокращать его.

Когда на кочеваньи какого-либо дикаго племени Сѣверной Америки, одинъ изъ сихъ дикарей, по приключившейся ему болѣзни, не можетъ продолжать странствованія съ своими сотоварищами, то его покидаютъ позади, укрывъ мѣхами дикихъ козъ; при немъ оставляютъ воды, яствъ и дровъ для разведенія огня. Его предувѣдомляютъ, по какому направленію пойдетъ ихъ кочевое племя, и если онъ не успѣетъ нагнать другихъ, то гибнетъ, оставленный въ пустынѣ, когда ему не посчастливится встрѣтить какого-либо другаго племени Индѣйцевъ. Женщины еще чаще подвержены такому оставленію. Поэтъ выражаетъ трогательныя жалобы одной изъ сихъ злополучныхъ. Послѣ сна, тревожимаго видѣніями умирающихъ, она сѣтуетъ о печальномъ одиночествѣ своемъ въ смертный часъ. Сперва она призываетъ къ себѣ скорую смерть; но воспоминаніе объ ея сынѣ принуждаетъ ее сознаться, что жизнь была бы еще для нея драгоцѣнна. Она чувствуетъ нужду въ передсмертномъ прощаньи; и одинъ видъ шалашей степныхъ ея братьевъ былъ бы сладостенъ для ея нѣжности. Начну съ третьей строфы...

«О, вы могли бы влачить меня еще день, одинъ только день! Я слишкомъ безразсудно поддалась отчаянію. Зачѣмъ вы такъ скоро послушались меня? Когда вы ушли, я почувствовала, что силы мои укрѣпились. Ахъ! какъ я упрекаю себя, друзья мои, что не шла за вами долѣе; потому что силы мои укрѣпились и боли не было, о друзья мои, какъ скоро вы удалились.

«Сынъ мой! они отдали тебя другой, они отдали тебя женщинѣ, которая не твоя мать! Когда они отняли сына моего отъ моей груди, какой взглядъ онъ на меня бросилъ! Что-то произошло во всемъ его тѣлѣ; я замѣтила въ немъ странное волненіе, какъ будто бъ онъ силился вырости и возмужать, чтобы тащить меня на саняхъ. И какъ онъ протянулъ ко мнѣ ручонки! Увы! то были ручонки младенца безпомощнаго и безсильнаго!

«Ты, радость и гордость моя! два дни еще — и меня не станетъ! Не плачь же и не крушись о твоей матери; я чувствую, что умерла бы съ тобою! Вѣтеръ, пролетающій надъ головою моей туда, куда пошли друзья мои! смерть не такъ была бы мнѣ тягостна, когда бы я могла переслать съ тобою вѣсть. О друзья мои, вы скоро ушли; многое мнѣ нужно было бы сказать вамъ.

«Я пойду за вами по снѣговымъ полямъ: вы тихо кочуете. Я преодолѣю усталость и боль; увижу еще разъ ваши юрты.... Увы! огонь мой потухъ! вода, оставленная на этомъ пеплѣ, замерзла! волкъ подходилъ ко мнѣ въ эту ночь и унесъ послѣднюю мою пищу! И я навѣки теперь одна! зачѣмъ же мнѣ бояться смерти?»

Замѣчаю, что прелесть сихъ простодушныхъ жалобъ изчезаетъ въ прозѣ, и потому не смѣю перевести *Жалобъ бѣдной Французской Эмигрантки*, которая, разлучась съ своимъ дитятей, старается обмануть материнскую свою горесть тѣмъ, что лелѣетъ сына чужой женщины (*).

(*) Этою системой увлекся и Валтеръ Скоттъ, который говоритъ о ней въ предисловіи къ *Антикварію*.

(*) Я долженъ покрайней мѣрѣ упомянуть о *Нищей* (The vagrant woman), трогательной повѣсти одного оскудѣвшаго семейства. Какую умилительную прелесть сѣтованія сей бѣдной женщины сообщаютъ воспоминаніямъ о мѣстахъ, гдѣ была ея колыбель и первыя радости ея въ жизни! Прощанье отца ея съ бывшимъ своимъ помѣсть-

Следующее небольшое стихотвореніе, по мнѣнію моему, не уступаетъ иной большой идилліи. *Бѣдная Сусанна*, молодая сельская дѣвушка, приходитъ въ городъ искать себѣ *мѣста*, то есть, закабалить себя на служеніе.

Раздумье бѣдной Сусанны.

«На углу Вудъ-Стрита, съ восходомъ солнца вѣшаютъ клѣтку дрозда, который весело поетъ, и вотъ уже три года поетъ онъ. Бѣдная Сусанна проходила мимо и услышала, среди утренняго безмолвія, пѣнье птички.

«Оно было для нея волшебною мелодіей. Что сталось съ нею? Она видитъ подымающуюся гору, видѣнье деревъ*; свѣтлыя волны паровъ перебѣгаютъ по Лотбюррі, и рѣка течетъ по долинѣ Чипсейда (**).

«Она видитъ зеленыя пастбища, которыя часто она топтала ногами, когда выходила изъ дому съ кувшиномъ молока на головѣ. Она видитъ одинокую хижинку, единственное жилье, любимое ею на землѣ.

«Она смотритъ, и сердце ея прыгаетъ отъ восхищенія.... Но они изчезаютъ, сіи пары, сія рѣка, холмъ и тѣнь деревъ; вода уже не течетъ, гора понижается и краски сей картины блѣднѣютъ въ глазахъ дѣвушки.»

Вслѣдъ за сими изліяніями задумчивости и нѣжныхъ влеченій души, Вордсвортъ нерѣдко выводитъ подобія высокія, внушенныя событіями нашего вѣка; и въ нихъ попеременно слышатся или голосъ прорицаній, или возвышенныя истолкованія минувшаго.

Конецъ Венеціянской Республики.

«Нѣкогда роскошный Востокъ былъ ея данникомъ; она была охраной Запада. Достоинство Венеціи не ниже ея рода, Венеціи, старшей дочери свободы. Она была городомъ дѣвственнымъ, славнымъ и свободнымъ; никакой подкупъ не могъ ея совратить, никакая сила попрать, и когда она вступила въ бракъ, то избрала себѣ супругомъ вѣчный Океанъ. Наконецъ и она дожила того дня, когда весь блескъ ея затмился, всѣ права ея ниспровергнулись и сила ея превратилась въ слабость. Да приметъ она по крайней мѣрѣ дань сѣтованія въ день конечныхъ ея бѣдствій! Мы человѣки, и должны воздыхать, когда предъ глазами нашими изчезаетъ самая тѣнь того, что нѣкогда было велико.»

Я взялъ на выдержку сонетъ сей изъ *Сонетовъ о Бонапарте* и т. п. Но если вы хотите *полюбить* Вордсворта, не умаливъ къ нему почтенія, то должны прочесть пастушескую его поэму *Михаила*; повѣсть бѣдной *Руѳи*, напоминающей Марію Стернову, балладу: Hart leap well, *Цвѣты на берегахъ Уайя* (Wye), *Возвращеніе брата*, начало повѣсти о человѣкѣ, добывающемъ себѣ хлѣбъ ловомъ піявицъ. Вы улыбаетесь надъ сими заглавіями не-эпическими: посему я не стану вамъ говорить объ *Извощикѣ*, о Петеръ-Беллѣ горшечникѣ, который герой поэмы только по заглавію; ибо въ ней главную роль играетъ *оселъ*; но скажемъ, что осла не презрѣлъ и Гомеръ, и что Бюффонъ и Делилль возвысили его. Вордсвортъ первый сдѣлалъ изъ него *чувствительнаго Философа*. Но я, можетъ быть, и самъ готовъ поддаться насмѣшливости, способу критиковать гораздо легчайшему, нежели думаютъ. Перестаю выписывать; ибо это почти значитъ искажать Поэта, который самъ объявилъ, что всѣ его стихотворенія находятся въ связи между собою. Выписывателей отрывковъ охотно бы я сравнилъ съ Арлекиномъ одной пантомимы, когда, желая продать свой домъ, приноситъ онъ нисколько отломанныхъ отъ онаго кирпичей, чтобы дать понятіе о самомъ домѣ.

Что касается до *смѣшной* стороны Вордсвортовыхъ произведеній, онъ самъ соглашается, что «его *сообщества* были болѣе частными, нежели общими.» Въ слѣдствіе того, онъ долженъ былъ придавать предметамъ мнимую важность, и соблазнясь какимъ-то *болѣзненнымъ влеченіемъ*, изображать иногда предметы, недостойные Поэзіи.»

Я съ моей стороны признаюсь, что находилъ порою цѣлый міръ новыхъ ощущеній въ сихъ предметахъ *недостойныхъ*, какъ напримѣръ въ *Кустѣ земляники*. Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерра. Въ самыхъ малыхъ явленіяхъ мірозданія есть таинственныя гармоніи, обильныя великими слѣдствіями. Высокія откровенія Бога поэтически выражаются въ тысячѣ предметовъ, доселѣ позабытыхъ Поэтами; Вордсвортъ разсматривалъ ихъ способомъ своеобразнымъ и великимъ. Когда Господь является *Иліи* (въ *III* книгѣ *Царствъ*), то не бурный вихрь, не землетрясеніе и не блескъ пламенный исполняютъ Пророка чувствованіемъ присутствія Божія, но легкое дуновеніе воздуха.

Съ Франц.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

КРАТКОЕ наставленіе о употребленіи хлористыхъ соединеній, для предохраненія людей, животныхъ и вещей отъ заразительныхъ и зловонныхъ веществъ. Извлеченное Николаемъ Щегловымъ, Профессоромъ Императорскаго С. Петербургскаго Уни-

---

вымъ раздирающая сердце. И какъ хорошо изображенъ въ другомъ стихотвореніи (Resolution and Independence) естественный, но часто неизъяснимый переходъ отъ восторговъ къ задумчивой мечтательности!

(*) Лондонскія части города.

верситета, изъ Наставленія о приготовленіи и употребленіи хлористыхъ соединеній, изданнаго имъ же въ 1829 году. — Издано иждивеніемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества. — С. П. б., въ типогр. И. Глазунова, 1830. (32 стран. въ 8-ю д. л. (*).

Въ годину общихъ нуждъ или общей опасности, болѣе всего познаются и оцѣниваются благотворные плоды просвѣщенія. Здѣсь находятъ себѣ примѣненіе важныя истины, дознанныя и утвержденныя наукой. Такимъ образомъ, знанія полезныя налагаютъ молчаніе на безрасcудныхъ невеждъ, вопіявшихъ: «на что учиться? на что знать то или другое? какая изъ того польза? —» Польза явная, неопровергаемая. Въ странахъ, гдѣ невѣжество донынѣ господствуетъ, при появленіи чумы, холеры или другихъ заразительныхъ болѣзней, жертвы падаютъ тысячами; въ странахъ просвѣщенныхъ, наука вырываетъ изъ челюстей самой смерти многія даже изъ тѣхъ жертвъ, кои къ несчастію зараза уже обрекла себѣ. Предосторожности, основанныя на глубокомъ и опытномъ познаніи природы человѣческой и внѣшней, спасаютъ отъ гибели прочихъ людей. Такимъ образомъ хлористыя соединенія, очищая воздухъ нашихъ жилищъ и предохраняя оный отъ порчи, служатъ спасительныхъ средствомъ противъ разпространенія зла, попущеніемъ коего Всевышній нынѣ испытуетъ Россію.

Другое, столь же утѣшительное слѣдствіе просвѣщенія состоитъ въ тѣхъ благородныхъ порывахъ безкорыстной любви къ человѣчеству, коими всегда отличались люди просвѣщенные и цѣлыя Ученыя Сословія. Нынѣшнія обстоятельства служатъ тому живымъ примѣромъ. Кто, послѣ Отеческихъ попеченій Монарха и мѣръ, принятыхъ Правительствомъ, первый вызвался добровольно на вспоможеніе несчастнымъ, одержимымъ тяжкою, заразительною болѣзнію? Ученые люди и Ученыя Сословія. Среди общей скорби, отрадно видѣть ихъ великодушное самопожертвованіе. Кто прочтетъ, безъ душевнаго умиленія, слѣдующія строки изъ Вѣдомостей о состояніи Москвы (№. 10 отъ 2-го Октября): «Студенты Университетскіе и Академическіе «*напрашиваются даже* въ больницы, служить и помо«гать зараженнымъ?» Воспитанники Парижскаго Медицинскаго Факультета, поспѣшившіе въ Барселону во время подобнаго бѣдствія на помощь страждущимъ, заслужили по справедливости громкія похвалы во всѣхъ образованныхъ странахъ; питомцы Московскаго Университета и Медико-хирургической Академіи равномѣрно достойны, чтобъ имена ихъ удержались въ памяти благодарныхъ современниковъ и потомства, которое конечно съ умиленіемъ будетъ воспоминать о ихъ подвигѣ. И найдется ли хоть одинъ противникъ просвѣщенія столь загрубѣлый, чтобъ не сознаться въ благотворномъ вліяніи онаго на природу человѣческую, и, смѣло можно сказать, на усовершенствованіе и улучшеніе нравственнаго нашего бытія?

Къ числу таковыхъ дѣлъ, въ которыхъ просвѣщеніе дѣйствуетъ двояко: какъ средство къ предупрежденію или отвращенію зла, и какъ цѣль къ безкорыстному подвигу добра, принадлежитъ изданіе небольшой книжки, которой заглавіе выписано нами выше. Профессоръ С. Петербургскаго Университета, Николай Прокофьевичъ Щегловъ, еще въ прошломъ году написалъ *Наставленія о приготовленіи и употребленіи хлористыхъ соединеній.* ИМПЕРАТОРСКОЕ Вольное Экономическое Общество, принявъ сію книгу, какъ пожертвованіе нелюбостяжательнаго Профессора на пользу общую, напечатало и послало экземпляры помянутаго Наставленія въ тѣ мѣста южной Россіи, гдѣ открылось тогда моровое повѣтріе. Сію же книгу, съ согласія Г. Щеглова, перепечаталъ потомъ Медицинскій Совѣтъ, съ дополненіемъ Наставленій объ употребленіи хлористыхъ соединеній въ медицинскомъ отношеніи. Нынѣ, Г. Щегловъ довершилъ свой подвигъ, составивъ извлеченіе изъ пространнаго своего сочиненія о хлористыхъ соединеніяхъ и удержавъ въ семъ *Краткомъ наставленіи* все то, что относится собственно къ употребленію сихъ соединеній, т. е. все то, что необходимо *для* свѣдѣнія общаго въ теперешнихъ временныхъ обстоятельствахъ. Книжку сію принесъ онъ также въ даръ страждущему человѣчеству. ИМПЕРАТОРСКОЕ Вольное Экономическое Общество прекрасно соревновало благотворительной цѣли почтеннаго своего Члена, напечатавъ книгу его въ числѣ 12,500 экземпляровъ и облегчивъ способы для покупателей недостаточныхъ самою дешевою по возможности ея цѣною, ибо экземпляръ оной продается по 12-ти копѣекъ мѣдью; сверхъ сего, Общество разослало во многія мѣста экземпляры сей книжки, дабы мѣстныя Начальства могли бѣднымъ людямъ раздавать ее даромъ.

Г. Щегловъ не остановился на сихъ единыхъ подвигахъ безкорыстія и любви къ человѣчеству: въ Лабораторіи ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Университета самъ онъ приготовляетъ хлористыя соединенія и раздаетъ оныя безденежно людямъ недостаточнымъ (*). Такъ дѣйствуетъ Ученый для блага общаго; таковы благотворные плоды Просвѣщенія!

(*) Продается въ домѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, на углу Невскаго Проспекта, противъ Адмиралтейства, у Коммиссара Г. Яицена. — Цѣна экземп. 12 коп. мѣдью.

(*) Съ удовольствіемъ напоминаемъ о похвальномъ рвеніи на пользу общую другаго лица. Г. Аптекарь Типмеръ, Здѣсь мѣсто сказать, что Отеческая заботливость Монарха, мѣры и распоряженія, принятыя Правительствомъ, и обильное снабженіе здѣшней столицы всѣми предохранительными средствами, отстраняютъ отъ насъ, жителей Петербурга, и самую тѣнь опасности. Да и опасность не такъ безмѣрно велика, какъ нѣкоторые воображаютъ ее. Жаль, что иногда представляютъ намъ ее въ слишкомъ увеличснномъ видѣ. Въ доказательство, приведемъ перечень одного письма изъ Астрахани, отъ 18 Сентября: « Въ No 103 *Сѣверной Пчелы* помѣщено извѣстіе о холерѣ, гдѣ между прочимъ сказано, что въ Астрахани изъ *двѣнадцати* Частныхъ Приставовъ умерли *восемь*. Откуда Гг. Издатели почерпнули это свѣдѣніе, Богъ знаетъ; и какъ можно напечатать, что въ Астрахани 12-ть *частей*, когда въ Петербургѣ ихъ только *тринадцать*? Издателямъ *Сѣверной Пчелы* непростительно не знать Статистики Рускаго Царства; но совсѣмъ тѣмъ ошибочная статья напечатана во всенародное извѣстіе. Въ Астрахани *три части*, столько же Частныхъ Приставовъ и 12 Квартальныхъ Надзирателей; изъ сихъ послѣднихъ восемь, равно какъ Полицеймейстеръ и *одинъ* Частный Приставъ, точно были больны; но ни одинъ не умеръ. Въ помянутой статьѣ напечатано еще, что въ первые дни умирало по 200 человѣкъ; и это несправедливо. Смертность отъ холеры началась 20-го Іюля, и возрастая постепенно отъ 4-хъ человѣкъ, въ концѣ мѣсяца достигла высшей своей степени. Уже 27-го Іюля умерло 181 человѣкъ и проч. и проч.... Все это взято мною изъ официальныхъ бумагъ.....» Повторимъ: жаль, что пугаютъ робкихъ слушателей и читателей преувеличенными ужасами; тогда какъ въ настоящемъ случаѣ, самыя предписанія врачей совѣтуютъ всѣмъ спокойствіе духа и остерегаютъ отъ страха и унынія.

СМѢСЬ.

Выписка изъ частнаго письма. Кяхта, 23-го *Августа н. г.* — Забайкальскій край видѣлъ въ нынѣшнемъ году одно изъ обыкновенныхъ естественныхъ явленій, но горестныхъ для человѣчества по своимъ послѣдствіямъ. Это наводненіе, которое здѣсь называютъ *потопомъ*. Въ послѣдніе два дни минувшаго Іюля находили съ Сѣверо-Запада перемежающіеся дожди. Съ 1-го Августа рѣка Селенга начала возвышаться, и столь быстро, что 4-го числа поднялась уже до 24-хъ футовъ выше обыкновенной своей поверхности. Надобно предполагать, что сильные дожди шли болѣе отъ Кяхты къ Юго-Западу, потому что Селенга совершенно остановила теченіе побочныхъ рѣкъ. Около 20-го числа она только начала упадать (къ 22-му числу убыль простиралась до 7-ми футовъ), и въ продолженіе сего времени между противоположными цѣпями береговыхъ ея горъ сверкала одна зеркалькая поверхность водъ, покрытая черными пятнами. Это были верхушки талинныхъ деревъ и кустовъ, обильно растущихъ по островамъ и береговымъ долинамъ. Сухопутное сообщеніе между Иркутскомъ и Кяхтою пресѣклось. Отъ Верхнеудинска до Байкала, и на послѣдней станціи отъ Кяхты къ Селенгинску, по большой дорогѣ плавали въ лодкахъ. Торчащіе изъ воды верстовые столбы показывали направленіе пути. Верхнеудинскъ почти весь былъ въ водѣ; по улицамъ изъ дома въ домъ плавали въ лодкахъ. Селенія, расположенныя по Селенгѣ и въ устьяхъ побочныхъ рѣкъ, большею частію потоплены или снесены водою. Жители, нечаявшіе столь высокой воды, успѣли спасти только скотъ, а теперь и сами живутъ въ юртахъ и шалашахъ по горнымъ возвышеніямъ.

Бѣдствія, причиненныя симъ наводненіемъ, трудно представить во всемъ ихъ объемѣ. Всѣ сѣнокосы по берегамъ и островамъ Селенги, отъ границы до Байкала, потеряны, потому что скошенныя травы унесены водою, а оставшіяся на корнѣ покрыты иломъ. Равной участи подверглись и хлѣба, посѣянные близъ разлившихся рѣкъ. Къ довершенію сихъ бѣдствій, должно присовокупить еще потерю лова *омулей*, производимаго по Селенгѣ въ первой половинѣ Августа. Извѣстно, что Селенгинскіе омули составляютъ коренную пищу жителей Иркутской Губерніи, а самый ловъ доставляетъ пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ людей обоего пола. Высокая вода отняла средства воспользоваться симъ промысломъ.

Августа 30. Наводненіе уменьшилось; но вода въ Селенгѣ еще стоитъ выше береговъ. Сказываютъ, что въ западныхъ странахъ Китая было землетрясеніе. Наше наводненіе не есть ли слѣдствіе сего землетрясенія?

Сегодня Духовная Миссія, посылаемая въ Пекинъ, отправляется за границу.

Сѣверная Пчела издавна питаетъ какое-то странное предубѣжденіе къ таланту Г-жи Шоберлехнеръ. Не хочу обвинять Гг. Издателей въ пристрастіи, но не могу не замѣтить, что они, по какому-то непонятному

у Полицейскаго моста, въ домѣ Косиковскаго, составляетъ въ своей Лабораторіи всѣ хлористыя соединенія, требуемыя нынѣ, какъ средства предохранительныя, и продаетъ ихъ по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Бѣдныхъ вызывается онъ надѣлять ими даромъ.

влеченію, всегда вооружающагося противъ отличныхъ талантовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Петербургская Примадона. Слѣдуя сему правилу, недавно одинъ Критикъ Сѣверной Пчелы решительно объявилъ, что Итальянская труппа безъ Г-жи Меласъ существовать не можетъ, что оперы, производимыя ею, держатся на Театрѣ, между тѣмъ какъ пьесы, въ которыхъ дѣйствуетъ Г-жа Шоберлехнеръ, давнымъ давно упали. Мы увѣрены, что Публика не повѣритъ на слово Сѣверной Пчелѣ, и всегда съ удовольствіемъ будетъ слышать Г-жу Шоберлехнеръ въ операхъ: Cosi fan tutti, La Gazza ladra, Il Fanatico per la Musica, Tancredi и другихъ; какимъ же образомъ Г-жа Меласъ исключительно одна оживляетъ сей Театръ? Но этого еще мало: Издатели Сѣверной Пчелы, не смѣя противорѣчить сужденію всѣхъ знатоковъ, всѣхъ знаменитыхъ Артистовъ здѣшней Столицы, обвиняютъ Г-жу Шоберлехнеръ — въ *слабости здоровья* (!), которое, по ихъ словамъ, не позволяетъ ей участвовать *въ такихъ-то* операхъ!... Любопытно было бы знать положительно, какая степень здоровья требуется отъ Артиста для выполненія той либо другой роли въ оперѣ?

Съ 1-го Января 1831 года, Г. Коллежскій Совѣтникъ А. Ѳ. Воейковъ будетъ издавать *Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду*, Газету сатирическую, критическую, модъ и Словесности.

Въ составъ оной войдутъ:

I. *Словесность:* Разрядъ *первый:* науки и искуства; ихъ теорія, открытія, ходъ, усовершенія. Разрядъ *второй:* стихотворенія, повѣсти, сказки, отрывки изъ любопытныхъ и новыхъ путешествій, сцены, разговоры.

II. *Критика и Библіографія.* Здѣсь, кромѣ оцѣнки книгъ, будетъ говорено о театрѣ и игрѣ актеровъ.

Примѣчаніе: Редакторъ *Рускаго Инвалида*, бывшій Издатель *Сына Отечества*, *Новостей Литературы* и *Славянина* осмѣливается думать, что онъ заслужилъ по сей части довѣренность отечественной Публики безпристрастными сужденіями и обличеніемъ пристрастныхъ.

III. *Пересмѣшникъ*, съ эпиграфомъ:

Порокъ одинъ гоню, а личности не знаю.

Въ семъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы статьи о нравахъ и обычаяхъ, портреты, каррикатуры; будутъ осмѣиваемы пороки, предразсудки, странности, причуды, сравниваемы обычаи, степень просвѣщенія, образъ жизни вѣка ПЕТРА I-го, ЕКАТЕРИНЫ II-й и нашего.

IV. *Всякая всячина*, т. е. новости Столицы, анекдоты, краткія жизнеописанія, мысли, правила, высокія изреченія, острыя слова, переписка; извѣстія, замѣчанія, объявленія.

V. *Моды:* краткія извѣстія о Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ, на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ, съ приложеніемъ новѣйшихъ картинокъ, искусно сдѣланныхъ и раскрашенныхъ.

Каждую недѣлю будутъ выходить два печатныхъ листа: одинъ въ Среду, другой въ Субботу. 1 и 15-е число каждаго мѣсяца, особы подписавшіяся на *Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду*, получатъ картинку новѣйшихъ модъ, а въ годъ 24 картинки.

Подписка принимается здѣсь въ Санктпетербургѣ въ Газетной Экспедиціи, у И. В. Слёнина и А. Ф. Смирдина; въ Москвѣ у А. С. Ширяева; во всѣхъ другихъ городахъ въ Почтамтахъ и Почтовыхъ Экспедиціяхъ.

Подписная цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 50 рублей; съ пересылкою въ другіе города и доставленіемъ на домъ 55 рублей; полугодовому 20 р.; съ пересылкою и доставленіемъ на домъ 25 р. 50 коп.

Жаль, что Издатель *Литературныхъ прибавленій къ Р. И.* не упоминаетъ, будетъ ли въ сихъ новыхъ листкахъ, подобно какъ въ *Славянинѣ*, постоянною статьею *Хамелеонистика*, часто весьма развеселявшая читателей и служившая какъ бы нравственнымъ зеркаломъ современной Руской *журнальной* Словесности.

Литературная Газета, удостоенная лестнымъ для издателя ея пріемомъ, будетъ издаваться и въ будущемъ 1831 году. Выходить она будетъ, какъ и нынѣ, чрезъ каждые пять дней, нумерами въ одинъ печатный листъ большаго размѣра. Въ теченіе года сихъ № будетъ издано 72. Первый № выйдетъ въ свѣтъ 1-го Января 1831 года. Цѣна годовому изданію 35 руб., съ пересылкою въ другіе города и разноскою по домамъ 40 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, № 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ Г-жи Гавріиловой; у книгопродавцевъ: И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостиннаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ № 28, и И. И. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ № 27. Въ Москвѣ: у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева. Въ Тулѣ: у книгопродавца С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 17-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ II, № 60. ОКТЯБРЯ 23го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Октябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 3-го числа (въ Пятницу), — 8-го (въ Среду), — 13-го (въ Понедѣльникъ), — 18-го (въ Субботу), — 23-го (въ Четвертокъ) и 28-го (во Вторникъ).

КЯХТИНСКІЙ ПИРЪ.

(Письмо изъ Восточно-Азіятской Россіи.)

Духовная Миссія, назначенная въ Китай. — Прибытіе Монгольскаго Князя и его свиты. — Угощеніе, данное въ Кяхтѣ Чиновникамъ Миссіи и прибывшимъ Монголамъ.

Иркутскъ, 30 *Августа*, 1830.

Спѣшу сообщить вамъ копію съ письма, недавно полученнаго въ Иркутскѣ изъ Кяхты.

«Не смотря на чрезвычайную трудность дороги по причинѣ необыкновеннаго наводненія за Байкаломъ, 17-го Августа достигнулъ я Китайской границы, и притомъ въ самое счастливое время. Въ Троицко-Савскѣ, гдѣ я остановился по должности, находилась Духовная Миссія, отправляющаяся въ Пекинъ, и разные Чиновники, назначенные для сопровожденія оной. Въ самой Кяхтѣ имѣлъ пребываніе Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ Шиллингъ Фонъ-Канштатъ съ своею свитою, а въ Китайскую торговую слободу прибылъ одинъ Монгольскій Князь, для сдачи Рускихъ, перешедшихъ за границу. Стеченіе столь разнообразныхъ гостей очень занимало меня, и я далъ полную волю языку, для удовлетворенія любопытства.

«О нынѣшней Духовной Миссіи вообще здѣсь говорятъ, что она состоитъ изъ образованныхъ молодыхъ людей разныхъ званій, съ хорошею нравственностію и отличными способностями. Сего очень довольно для оправданія надеждъ Правительства. Честь Министерству Иностранныхъ дѣлъ, что оно умѣетъ избирать людей, достойныхъ почетнаго своего назначенія! — Баронъ Шиллингъ, какъ говорятъ, болѣе всего занимается теперь съ Бурятскими Ламами разборомъ Монгольскихъ и Тибетскихъ книгъ, и должно думать, что не одно любопытство побуждаетъ его предаваться занятіямъ столь скучнымъ, но цѣль высшая и полезнѣйшая: распространеніе филологическихъ свѣдѣній о Восточныхъ языкахъ и поясненіе темныхъ мѣстъ въ Исторіи коренныхъ обитателей Восточной Азіи. Слышно также, что Баронъ, по случаю перемѣны Духовной Миссіи, намѣренъ выписать изъ Пекина весьма много ученыхъ книгъ на языкахъ Китайскомъ, Маньчжурскомъ, Монгольскомъ и Тибетскомъ. — Впрочемъ, сказанное мною выше о цѣли его есть только моя догадка: повѣрку оной и истинную причину сихъ ученыхъ изысканій разкроетъ намъ время.

«О пріѣзжемъ Монгольскомъ Князѣ сказывали мнѣ, что онъ есть третій сынъ Юндунь-Дарцзія, извѣстнаго Россіи по долговременному его управленію пограничными дѣлами въ Ургѣ. Онъ теперь служитъ въ Ургѣ при пограничномъ Начальникѣ въ качествѣ Правителя Канцеляріи, и будто бы съ тою цѣлію, чтобы въ послѣдствіи занять здѣсь должность покойнаго отца своего. Старшій братъ его наслѣдовалъ достоинство и удѣлъ отца, и находится при Китайскомъ Дворѣ въ должности Генералъ-Адъютанта; второй братъ служитъ въ Кабинетѣ при пріемѣ бумагъ, а четвертый еще дома воспитывается.

«Пограничный Начальникъ Г. Пѣтуховъ, по благоразумію и опытности своей, легко и скоро привелъ къ концу спорное дѣло о перебѣжчикахъ, и 22-го Августа пригласилъ къ столу всѣхъ гостей и своихъ единоземныхъ, и заграничныхъ. Вы не можете себѣ представить, сколько я радовался, увидѣвъ себя въ спискѣ приглашенныхъ. Съ этой минуты каждый часъ казался мнѣ сутками. Новость предметовъ и рѣдкость подобныхъ случаевъ отняли у меня сонъ, и 22-го числа рано поутру я былъ уже въ Кяхтѣ: ибо все то, что прежде мнѣ разсказывали объ этомъ мѣстѣ, казалось какъ-то неудовлетворительнымъ, и потому мнѣ хотѣлось видѣть всѣ событія сего дня собственными глазами.

«Въ половинѣ 12-го часа послышались за границею, одинъ за другимъ, три выстрѣла, которые отдавались глухо, но нѣсколько сильнѣе ружейныхъ. Мнѣ сказали, что пограничный Китайскій Начальникъ никуда не выѣзжаетъ безъ трехъ выстрѣловъ изъ вѣстовыхъ пушекъ. Нашъ караулъ, расположенный внутри пограничныхъ воротъ, вышелъ къ ружью, и до десятка конныхъ Козаковъ выстроились тутъ же по сторонамъ дороги. Вскорѣ за симъ показались нѣсколько десятковъ Монголовъ, ѣхавшихъ верхами въ одинъ рядъ. На нихъ были изорванные и засаленные китайчатые кафтаны, и старыя шляпы съ отвислыми полями, съ распущенными назади лентами. У каждаго за спиною торчали стрѣлы въ колчанѣ, а при лѣвой бедрѣ висѣлъ сайдакъ съ лукомъ. Вооруженіе и сѣдла вполнѣ соотвѣтствовали одѣянію сего почетнаго отряда пограничной Монгольской стражи. За симъ отрядомъ ѣхало нѣсколько одноколокъ, покрытыхъ коробомъ, обтянутымъ черною или синею китайкой. Каждая одноколка запряжена была или лошакомъ, или лошадью, но безъ дуги; а кучера шли по лѣвую сторону одноколокъ, рядомъ съ лошадьми. Вождей не держали въ рукахъ, и только помахивая небольшими бичами, кричали: *о! о!* или *юй-юй!* Въ одноколкахъ, словно въ кануркахъ, сидѣли: въ первой Князь, во второй Чжаргуци (такъ называютъ пограничнаго Китайскаго Начальника), въ третьей Княжескій Секретарь, въ четвертой Китайскій Приставъ, назначенный препровождать нашу Миссію до Пекина, въ пятой два Бошко. За Княжескою одноколкой слѣдовало около 20-ти конныхъ невооруженныхъ Монголовъ въ засаленномъ шелковомъ платьи, съ различными шариками на шляпахъ. Это была Княжеская свита, состоявшая изъ Тайцзіевъ и офицеровъ. За прочими телегами также ѣхали конные Китайцы съ трубками въ рукахъ. Это были слуги. Князь проѣхалъ въ домъ купца Баснина, сдѣлать визитъ Барону Шиллингу. О пріемѣ и пріемахъ въ обращеніи внутри комнатъ ничего не знаю; ибо я не имѣлъ повода быть при сей церемоніи. Чрезъ часъ заграничные гости двинулись прежнимъ порядкомъ къ дому Рускаго пограничнаго Начальника. Я былъ уже тамъ. При подъѣздѣ каждой одноколки къ крыльцу, слуга бралъ съ передка скамейку и ставилъ на землю. Господинъ, согнувшись, вылезалъ изъ короба и спускалъ ногу на скамейку, а другою становился на полъ. Хозяинъ встрѣтилъ Князя на крыльцѣ и повелъ въ комнаты. Вниманіе мое было обращено на Князя, какъ на первое лице между иноземными гостями. Онъ имѣетъ около 40 лѣтъ, по видомъ моложавъ; ростомъ низокъ, тѣломъ плотенъ. Лице у него смуглое, круглое, полное, шея короткая; глаза черные, большіе, возвышенные, какъ у всѣхъ Китайцевъ и Монголовъ; взоръ быстрый, открытый; носъ высокій и островатый; усы небольшіе, черные; бороды еще не отращаетъ. Хозяинъ ввелъ Князя въ гостиную и указалъ ему мѣсто на диванѣ. По правую сторону Князя сѣлъ Секретарь его, а по лѣвую Кяхтинскій Чжаргуци и Приставъ. Два Бошко заняли высшія кресла. Здѣсь я имѣлъ случай обстоятельнѣе разсмотрѣть костюмъ Китайскій. Каждый изъ Китайцевъ одѣтъ былъ въ кафтанъ, разрѣзанный спереди и сзади на аршинъ отъ полу. Подъ кафтаномъ еще было нижнее платье, похожее на халатъ. Сверхъ кафтана однобортное полукафтанье, длиною до бедръ, съ широкими рукавами, съ отдѣльнымъ воротникомъ. Здѣсь называютъ сіи полукафтанья *курмами*. Кажется, сіе одѣяніе болѣе приспособлено къ удобству верховой ѣзды. Изъподъ курмы видѣнъ шелковый тесьмовый поясъ съ пряжкою. Къ поясу привѣшены съ правой стороны ножъ въ ножнахъ, шелковые шитые кошельки и карманные часы въ футлярѣ; съ лѣвой вѣерникъ съ кошельками же. Сапоги на Китайцахъ изъ чернаго атласа съ бѣлыми подошвами, толщиною въ дюймъ. Шляпы на нихъ имѣли видъ кораблика, съ возвышенными полями чернаго бархата, съ красными кистями и шариками на макушкѣ тульи. У Князя отъ шарика назадъ висѣло павлинное перо длиною въ футъ, съ однимъ глазкомъ или очкомъ. Перо сіе сложено, по видимому, не менѣе какъ изъ 15-ти павлинныхъ перьевъ, одно на другомъ; а очко составлено къ концу пера въ видѣ зеленаго глаза. Сказываютъ, что есть таковыя перья съ двумя и тремя очками, расположенными одно надъ другимъ, и даются Князьямъ высшихъ степеней. Гости всѣ сидѣли съ накрытыми головами, и когда попросили ихъ снять шляпы, они отозвались, что новость знакомства не позволяетъ имъ отступить отъ правилъ учтивости. Диванный столъ былъ накрытъ, и вмѣсто передъ-обѣденной закуски, подали десертъ. Это меня изумило. «Тутъ «нѣтъ ничего страннаго,» сказалъ мнѣ одинъ изъ гостей: «Китайцы обѣдаютъ въ 9 часовъ утра, а къ намъ «пріѣзжаютъ къ ужину, который у нихъ начинается «десертомъ; почему и мы, приспособляясь къ ихъ обы«чаямъ, вмѣсто закуски потчуемъ ихъ вареньями и су«хими плодами.» Немéнѣе показалось мнѣ страннымъ, что слуги Китайцевъ, одѣтые довольно дурно, вошли также въ гостиную и толпою расположились позади своихъ господъ, которымъ часто подавали раскуренныя трубки. — Князь велъ разговоръ съ хозяиномъ на Монгольскомъ языкѣ черезъ толмача, съ такою непринужденностію, какъ будто бъ они были давно знакомы другъ съ другомъ. Чиновники, бывшіе съ Княземъ, говорили мало. Вскорѣ за симъ вошелъ въ гостиную Баронъ Шиллингъ, и чужестраные гости, казалось, были поражены его важною осанкой. Онъ занялъ кресла пониже дивана. Подлѣ него сѣли Гг. Ладыженскій, Галлеховскій и пр. Князь каждому изъ нихъ предлагалъ табакерку: въ этомъ, кажется, Китайцы поставляютъ особенный знакъ вѣжливости при свиданіи. Разговоръ сдѣлался нѣсколько живѣе; но вообще состоялъ болѣе въ поверхностныхъ и общихъ вопросахъ съ нашей стороны. Баронъ Шиллингъ скоро показалъ, что онъ обладаетъ тонкою способностію приноравливаться къ обычаямъ иностранцевъ, и это чрезвычайно правилось Князю, который нѣсколько разъ изъявлялъ удовольствіе пріятною улыбкой и наклоненіемъ головы.

«Угощеніе началось чаемъ; послѣ чаю потчивали сотерномъ, а потомъ ликёрами. Гости заграничные все принимали, но ничего не пили. Когда наступило время обѣда, или, по Китайскому понятію, ужина (въ два часа по полудни), то гостей попросили къ столу. Князь занялъ одно изъ высшихъ мѣстъ по его выбору; по правую руку сѣли его Секретарь, Баронъ Шиллингъ и прочіе Чиновники Рускіе; по лѣвую Чжаргуци, Приставъ, Бошки, Тайцзіи и восемь человѣкъ Китайскихъ Компаніоновъ (*). Хозяинъ сѣлъ почти насупротивъ Князя; но, примѣтно, не былъ расположенъ ни начинать, ни поддерживать разговора; и потому иностранные гости болѣе разговаривали между собою на Китайскомъ языкѣ, который по краткости слоговъ и однозвучности многихъ словъ показался мнѣ птичьимъ чиликаньемъ или щебетаньемъ. Кушанье подавали по Рускому обычаю; но гости не очень были привычны къ нашимъ Европейскимъ пріемамъ. Ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ порядочно владѣть ни ложкой, ни ножемъ съ вилкою. Сверхъ сего замѣтно было, что у Китайцевъ нѣтъ обычая употреблять одно блюдо за другимъ; ибо Чжаргуци, послѣ ветчины съ горчицей, придвинулъ къ себѣ блюдо съ пирожнымъ и началъ потчивать имъ своихъ единоземцевъ. Князь мало ѣлъ, а пилъ воду съ виномъ; и когда потчивали его, то всякой разъ отвѣчалъ, что онъ «и пьетъ и ѣстъ безъ всякаго притворства.» Баронъ Шиллингъ, желая позабавить гостей, сказалъ Князю, что онъ можетъ претворить воду въ вино. Съ симъ словомъ онъ взялъ два стакана воды (въ которой разведены были содовые порошки) и сливъ въ одинъ, получилъ какъ бы шипучее шампанское, которое и выпилъ. Чжаргуци тотчасъ взялъ со стола рюмку и сказалъ своимъ землякамъ (съ Китайскаго переводилъ намъ Отецъ Іакинѳъ): «Претворить воду «въ вино не трудно; а я умѣю вино претворить въ ни«что;» и съ симъ словомъ выпилъ рюмку до дна. Князь разсмѣялся. При тостѣ за здравіе Его Величества Государя Императора, объявили Князю причину питія; и онъ, равно какъ и спутники его, встали и выпили по цѣлому бокалу шампанскаго. Такимъ же образомъ пили и вторый тостъ, желая здравія Повелителю Китая и Монголіи. Чжаргуци запретилъ своимъ Компаніонамъ пить вино во время стола, и они довольствовались только водою, квасомъ и медомъ; но при тостахъ, сіе запрещеніе тотчасъ было отмѣнено. Въ концѣ стола, Баронъ Шиллингъ изъяснилъ благодарность Князю, что онъ, при всей несклонности своей къ винамъ, непринужденно выпилъ два бокала изъ благоговѣнія къ двумъ Великимъ Монархамъ, живущимъ въ тѣсной дружбѣ и непрерываемомъ согласіи между Собою. Въ продолженіе стола играла музыка но заграничные гости очень равнодушно слушали наши концерты. Когда же одни дисканты начинали пѣть Китайскую пѣсню, то у нѣкоторыхъ изъ сихъ гостей иноплеменныхъ навертывались слезы, а другіе изъ нихъ совершенно превращались въ слухъ. Столь пріятно имъ было слышать свое національное! Неужели внутреннее образованіе уха Китайскаго отлично отъ образованія органовъ слуха Европейскаго?... Не берусь судить объ этомъ.

«По окончаніи стола, гости не долго сидѣли за десертомъ и обратно отправились въ Маймаченъ прежнимъ порядкомъ. Хозяинъ, столько озабоченный въ сей день, не разсудилъ удерживать и Рускихъ своихъ гостей. Ввечеру вся Кяхтинская слобода была иллюминована; но Китайцы не могли видѣть сего зрѣлища, ибо пограничныя ворота съ обѣихъ сторонъ запираются рано. Какъ въ самой Кяхтѣ ни у кого не было въ тотъ вечеръ собранія, то послѣ вечерней прогулки я возвратился въ Троицко-Савскъ; и чтобы точнѣе и подробнѣе выразить новость и разнообразіе дневныхъ впечатлѣній, немедленно принялся за перо.»

Нашимъ Литтераторамъ безъ сомнѣнія понравится это легкое и правильное очертаніе Кяхтинскаго праздника. Вотъ почему и поспѣшаю сообщить вамъ копію съ сего письма. Простите! Остаюсь и пр.

Н. Б.

ЦАРЬ-ОТЕЦЪ.

Раздался ль громъ войны въ предгоріи Балкана, —
Кого встрѣчаемъ мы средь Рускихъ воевъ стана?
Подъ Шумлей — въ заревѣ огней,
Подъ Варной — посреди морей?

Не изъ Дворцовъ Невы роскошной
Предводитъ Кесарь Полунощный
Своихъ воинственныхъ сыновъ:
Онъ грудью сталъ противъ враговъ.

Развился ль язвы бичъ надъ древнею Москвою, —
Кого встрѣчаетъ тамъ съ надеждою святою
Народъ признательный, и въ умиленьи зритъ?
Се Царь-Отецъ къ нему отрадою спѣшитъ!

Н. К—въ.

С. П. бургъ, 16 Октября.

(*) Надобно замѣтить, что въ Китаѣ лѣвая сторона считается старшею

СПОРЪ и РѢШЕНІЕ.

(*Подражаніе Восточному.*)

Ахъ! не срывай сей розы ты:
Ее сорвать ты насъ не приневолишь;
У ней *шипы*: ты ими насъ уколишь!»...
Такъ говорили мнѣ мои *персты* —
И кое-что еще добавили въ угрозу,
Когда садовникъ мнѣ сорвать дозволилъ розу. —
«Какой румянецъ въ ней, какіе въ ней листы!
Какъ хорошо они съ весной себя разкрыли
Для услажденья глазъ:
Для насъ
Сорви ее!» *глаза* мои мнѣ говорили...
Ее сорвешь конечно ты
И для меня!» — сказало *обонянье*.
Что жь дѣлать? — Но — двоихъ я принялъ увѣщанье
И осторожно взялъ я образъ красоты...
Изображаетъ намъ она и жизни сладость;
Но по внушеніямъ холоднаго ума,
Какъ часто мы пренебрегаемъ радость
Когда, невинная, дается намъ сама! —

Ѳ. Глинка.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ ШАТОБРІАНА О МУЗЫКѢ.

Геній, создавая, исполняетъ свое желаніе; онъ не имѣетъ другой цѣли, какъ удовлетворить себя; но желаніе его сообразно съ небеснымъ его началомъ; вотъ почему въ его созданіи всегда заключается высокая цѣль: источникъ добра. Человѣкъ, тѣсно связанный съ физическимъ міромъ, иначе не можетъ выразить своего идеала, какъ физическою формою. Изящное, доступное каждому человѣку, одаренному высокою душею, становится загадкою по причинѣ многосложной формы, требующей систематическаго изученія; многосложная форма необходима для полнозвучнаго разнообразія, безъ коего нельзя выразить глубокихъ мыслей, ибо впечатлѣніе, произведенное всѣми средствами, сильнѣе и памятнѣе сердцу. Нравственное и физическое совершенства состоятъ въ *полнотѣ*, которая удовлетворяетъ *всѣ* желанія наблюдателя и становится его *идеаломъ*. Разнообразная форма музыки, питая жизнь сего искусства, скрываетъ однообразіе чувства, на коемъ оно основано. Всѣ идеи, выражаемыя звуками, таинственны и сосредоточены въ двухъ стихіяхъ: печали и радости.

Шатобріанъ, основываясь на семъ однообразіи чувствъ, несправедливо осуждаетъ творца Stabat Mater; восхищенный старинным напѣвомъ Французскихъ романсовъ, онъ полагаетъ, что однообразныя повторенія ихъ сильнѣе изображаютъ горесть, всегда однообразную въ существѣ своемъ. Мнѣніе сіе справедливо въ своемъ основаніи; конечно всѣ бѣдствія сливаются воспоминаніемъ въ одно сильнѣйшее; они поглощаются въ немъ, какъ рѣки въ морѣ; но зачѣмъ же обвинять Перголези? онъ однообразенъ въ характерѣ и разнообразенъ въ формѣ. Шатобріанъ почелъ несоблюденіемъ единства — тысячи аккордовъ, движущіяся въ созданіи Перголези; но если разслушать каждый аккордъ отдѣльно, то нельзя не убѣдиться, что въ каждомъ изъ нихъ существуетъ одинъ отголосокъ, отпечатокъ одного чувства: вездѣ тихая, религіозная печаль. Всѣ сіи аккорды образуютъ рядъ идей, стремящихся къ одной цѣли; такимъ образомъ созидается стройное зданіе, которое есть не что иное, какъ *итогъ* всѣхъ впечатлѣній Генія, почерпнутыхъ имъ изъ *одного* источника. Во время бури, сколько волнъ бушуетъ въ Океанѣ? но всѣ онѣ представляютъ одно зрѣлище. Кого винить, если зритель захочетъ разсмотрѣть каждую волну особо? Слѣдуя сей системѣ, постигнетъ ли онъ величіе и единство Океана?.. Вотъ причина, почему Шатобріанъ упрекаетъ Перголези въ многосложной формѣ, уклонившейся будто бы отъ простоты природы; изящная простота не есть ли итогъ разнообразія? Взгляните на міръ — и вы убѣдитесь. Ораторія Перголези подобна природѣ: она разнообразна въ частяхъ и однообразна въ цѣломъ.

«Братья Поэзіи (говоритъ Шатобріанъ), Изящныя « Искусства, становятся предметомъ нашихъ изученій; « слѣдуя за Христіанскою вѣрою, онѣ признали ее своею « матерью при самомъ ея появленіи въ мірѣ; онѣ ей « придали свои земныя прелести, она сообщила имъ « свою божественность.»

Музыка никогда не измѣняла своему началу; не говоря уже о божественной арфѣ Давида, она даже и въ Греческомъ театрѣ воспѣвала Греческое небо; хоры древней трагедіи убѣждаютъ насъ въ сей истинѣ. Съ появленіемъ другой вѣры, она воспѣваетъ другія идеи — но цѣль ея одна. Шатобріанъ могъ бы замѣтить, что Христіанство, пересоздавъ нравственность человѣческаго сердца, измѣнило музыку, которая была и будетъ самымъ близкимъ отголоскомъ чувства. Какимъ образомъ аккордъ гармоніи таился въ гамѣ нѣсколько вѣковъ? какъ никто изъ Древнихъ не догадался связать сначала два звука, а потомъ три? Даже въ физической природѣ существуетъ сей аккордъ; недавно мы прислушивались къ жужжанью пчелъ и нашли, что всѣ тысячи голосовъ ихъ сливались въ три: тонику, терцу и квинту. Вольно же нашей Сѣверной Пчелѣ не подчиняться сему правилу и тиранить слухъ нашъ анти-музыкальными диссонансами!... Да послужитъ примѣромъ для нея — сей гармоническій улей пчелъ. Но шутки въ сторону, а нельзя не удивиться, какъ могли древніе виртуозы довольствоваться унисонами?.. Если *предположить*, что миролюбіе, согласіе и любовь, вдыхаемыя Христіанскою Религіею, подѣйствовали и на физическое устройство человѣческихъ органовъ, то *гармоническая музыка* создана Христіанствомъ. *Предположеніе* вѣроятно; если бъ сей аккордъ не былъ противенъ слуху древнихъ народовъ, онъ бы былъ изобрѣтенъ ими.

«Присовокупимъ, что Христіанскую Религію должно «считать *мелодическою*, по той причинѣ, что она ищетъ «уединенія.»

Мнѣ кажется, доказательства Шатобріана непрочны; кто любитъ уединеніе, тотъ существо *гармоническое:* душа его ни въ чемъ не нуждается, ибо она сама по себѣ полна. Изъ сего правила должно исключить только тѣхъ людей, которые удаляются въ пустыню не изъ любви къ уединенію, но по ненависти къ ближнимъ. «Христіанская Религія любитъ пустыни (продолжаетъ «Поэтъ): тамъ она возноситъ пѣснь свою посреди концертовъ міра; природа вѣщаетъ славу Божію, нѣтъ «ничего возвышеннѣе гимновъ бурь, лѣсовъ и громовъ; «музыкантъ долженъ прислушиваться къ отголоскамъ «развалинъ, шептанью могильной травы, или гулу печальнаго колокола.»

Сія мысль (которую я сокращенно передалъ) прекрасна, въ ней много Поэзіи; но справедлива ли она въ своемъ основаніи? Не въ природѣ физической, но въ глубинѣ души музыканта таятся гимны, данные ему Самимъ Творцемъ. Безъ физической природы человѣкъ бы не могъ говорить: это правда; но въ немъ есть независимая идея — онъ можетъ выражать ее безусловнымъ звукомъ: первая молитва — была первою музыкой. Шатобріанъ, самъ себѣ противорѣча, въ слѣдъ за симъ восклицаетъ: «Пѣснопѣніе къ намъ дошло отъ Ангеловъ — источникъ же его въ Небесахъ!»

Нельзя не согласиться, что Христіанская Религія преобразовала, усовершенствовала музыку, но доводы Шатобріана не всегда сильны и справедливы; прочитавъ его статью, сей часъ убѣдишься, что онъ не музыкантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажешь: великій Писатель, стремящійся къ доброй цѣли, и въ самыхъ софизмахъ своихъ близокъ къ истинѣ.

Трилунный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

La Confession, par l'Auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée (*Исповѣдь.* Сочиненіе Автора книги: Мертвый оселъ и казненная женщина). — Парижъ, 1830. 2 тома (въ 1-мъ томѣ XLII — 190, во 2-мъ т. 192 стран. въ 12-ю д. л.)

Эпиграфъ сей книги, взятый изъ Шекспирова Гамлета: Man delights not me, nor woman neither (человѣкъ не веселитъ меня; женщина также), уже довольно ясно выражаетъ цѣль Сочинителя, изложенную имъ пространнѣе въ длинномъ Предисловіи. Здѣсь указываетъ онъ на равнодушіе нашего вѣка ко всему, особливо къ предметамъ и правиламъ Вѣры. Съ нѣкоторыми сужденіями его нельзя не согласиться. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наша эпоха, въ *нравственномъ* смыслѣ, не слишкомъ вдохновительна для Писателей; и это совершенно справедливо. Изувѣрство, и самое даже безвѣріе, заключаютъ въ себѣ обильную пищу для воображенія Поэта и Романиста; но равнодушіе, и такъ сказать, *безстрастіе* къ вѣрованію, ослабляя впечатлѣніе предметовъ духовныхъ, холодитъ воображеніе даже самое изобрѣтательное и пылкое.

Другая замѣчательная мысль сего Предисловія, выраженная въ остроумной шуткѣ, относится къ общей наклонности современныхъ намъ Писателей, или лучше сказать, къ общему потоку, увлекающему за собою и Эпиковъ, и Трагиковъ, и Романистовъ нашего вѣка. Читатели можетъ быть уже догадались; что здѣсь идетъ дѣло о *наклонности оживить вѣки минувшіе*, преданія и повѣрья старины, нравы, обычаи и предразсудки разноплеменныхъ предковъ нынѣшняго Европейскаго поколѣнія. Авторъ говоритъ, что для Писателей нашей эпохи ничего не осталось новаго, что они должны поневолѣ повторять, или, какъ онъ выражается, *изобрѣтать* старое. Но послушаемъ его самого.

«... Настаетъ время честолюбія. Писатели «наши (Французскіе) уже не довольствуются передѣлываніемъ; они хотятъ создать что нибудь, и изобрѣтаютъ — угадайте, что? То, что уже сдѣлано «за нѣсколько столѣтій: средніе вѣки. Возстаньте, «башни, высокія колокольни, гробницы, украшенныя «гербами! Проснитесь, Рыцари и Клирики! Вотъ что «теперь изобрѣтаютъ! Какъ будто у насъ нѣтъ Фруассара, Рыцаря Жуанвиля и старинныхъ повѣстей «(fabliaux)! — Но что дѣлать? Это, можетъ статься, «начало изобрѣтенія.

«Послѣ *изобрѣтенія* среднихъ вѣковъ, изобрѣтаютъ «Испанію; да, Испанію, Гренаду, Кордуу, Мавровъ, «всю Исторію Г. Флоріана, *Гонзальва Кордуанскаго*, — «и мало ли чего? Гораздо прежде однако же всего этого, «были изобрѣтены *Романсы о Сидѣ*.

«Не думайте, чтобъ на томъ только и остановились. Изобрѣтя Испанію, изобрѣтаютъ и Востокъ, «его золотые города, его мечети, гаремы, Суламитъ, «Босфоръ, опіумъ и розовое масло. Видно, позабыли «*Тысячу и одну ночь* и *Гяура*.

«Я забылъ сказать, что въ промежуткахъ времени изобрѣли также Россомахъ, Ларвъ, Гномовъ, Саламандръ, Вампировъ, всѣ сказки Перро (Perrault), удивительныя, образцовыя творенія нашего Перро!...

«Когда ничего уже не осталось изобрѣтать въ содержаніи, тогда начали изобрѣтать въ формахъ; создали языкъ, имѣющій болѣе силы, нежели языкъ XVII-го вѣка; *изобрѣли* Ронсара и переносы изъ одного стиха въ другой: это было превосходное изобрѣтеніе Дюбартаса (*)!

«Послѣ сего вздумали *изобрѣсти* Театръ: дѣло было самое легкое; четыре скамьи Французскаго Театра оставались незанятыми, и вѣрно бы отдали ихъ покойнику Скаррону, когда бы онъ еще здравствовалъ. Спачала выказался изъ толпы Поэтъ, изобрѣтшій преложеніе и сперва сказавшій самъ себѣ: «Будетъ и мой вечеръ,» а послѣ напечатавшій: «Былъ и мой вечеръ;» потому что онъ *изобрѣлъ* Шекспирова *Отелло*, изъ сцены въ сцену; не скажу: слово въ слово, чтобы не прогнѣвить тѣнь твою, великій Вилльямъ!

«Вы знаете, какое было послѣднее и величайшее изъ всѣхъ сихъ изобрѣтеній: трагедія, блестящая прекрасными стихами и варварскими выраженіями, но сочиненная вся на воспоминаніяхъ, прикидывающаяся къ старому отцу старинной трагедіи. Право, на этотъ разъ ничего не было новаго, кромѣ партерра; и клянусь еще, вы бы это замѣтили по восклицаніямъ и воплямъ удивленной толпы, между тѣмъ какъ ложи слушали съ безмолвнымъ изумленіемъ и печалью.»

Сочинитель сознается, что и онъ, увлекаясь симъ общимъ стремленіемъ подражать, или выдумывать старое за-ново, подражалъ въ своей книгѣ сказкамъ Кребильона (сына); ибо и Кребильонъ, по его мнѣнію, въ разсказахъ своихъ изображалъ духъ своего вѣка и нравы своихъ современниковъ, хотя иносказательно.

Что сказать о самой повѣсти, романѣ, или еще, предложимъ новый вопросъ: какъ назвать этотъ родъ сочиненій? Мы, впрочемъ, не станемъ вооружаться исключительною строгостью нѣкоторыхъ журнальныхъ нашихъ Критиковъ, которые рѣшительно отвергаютъ всякой новый родъ произведеній, не признанный и не узаконенный школьными Риторикамп и Піитиками.

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux;

и мы совершенно согласны съ этимъ миролюбивымъ правиломъ. Между тѣмъ, чтобы познакомить читателей съ разсматриваемою нами книгой, выписываемъ ея содержаніе, которое, благодаря простотѣ и немногосложности его, можетъ помѣститься въ немногихъ строкахъ.

Анатоль, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, по желанію ихъ намѣренъ жениться. Но Анатоль разборчивъ, и гораздо прихотливѣе *Разборчивой невѣсты* въ басняхъ Крылова. Правда, въ невѣстахъ, которыхъ ему предлагаютъ, ему не то бросается въ глаза, что у каждой изъ нихъ

То носъ широкъ, то брови густы,
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;

но онъ строго разсматриваетъ ихъ нравъ и душевныя качества, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу. Анастоль ввѣряетъ наконецъ будущую свою судьбу выбору своей матери. Его посылаютъ, безъ всякаго предупрежденія, въ одинъ сосѣдній зáмокъ. Тамъ онъ видитъ молодую дѣвушку прелестную, невинную, рѣзвую—дитя въ полномъ значеніи слова; и это дитя одарено умомъ, талантами, тою обворожительною измѣнчивостью расположенія духа и ощущеній, кои въ одномъ лицѣ совокупляютъ цѣлый міръ приманокъ разнообразныхъ. Это была невѣста Анатоля. То рѣзва, то степенна, то легкомысленна, то разсудительна и вкрадчива—она плѣняетъ всѣхъ, плѣняетъ и Анатоля. Предложеніе его принято; день брака назначенъ; служитель алтаря благословилъ новобрачныхъ—и свадебный пиръ зашумѣлъ. Анна, супруга Анатоля, кружится въ бѣшеномъ вальсѣ съ однимъ пригожимъ мужчиной; она не обращаетъ вниманія на своего мужа, еще прежде свадьбы огорченнаго ея легкомысленнымъ желаніемъ имѣть мужа придворнаго и право ѣздить ко Двору. Теперь все досадно Анатолю: и музыка Россини, разыгрываемая неискуснымъ оркестромъ, и невниманіе жены, отъ души вертящейся въ вальсѣ, и видъ нарядной старухи, желающей казаться молодою, и звонъ денегъ, перебрасываемыхъ игроками. Онъ думаетъ объ отвѣтственности своей за честь жены, думаетъ, какъ тяжка сія обязанность, думаетъ о прежней своей свободѣ.... Все это еще пуще взрываетъ его досаду. Наконецъ, балъ кончается въ пять часовъ утра; Анатоль идетъ съ своею новобрачной, но она, какъ усталое отъ рѣзвостей дитя, засыпаетъ на ложѣ брачномъ. Черныя мысли еще сильнѣе мутятъ душу Анатоля: онъ простираетъ руки и вмѣсто нѣжныхъ объятій, удушаетъ юную свою супругу. Здѣсь начинаются его угрызенія. Онъ ищетъ освободиться отъ нихъ, завидуетъ казни осужденныхъ, бродитъ, какъ тѣнь. Наконецъ хочетъ прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, ищетъ себѣ исповѣдника — и дѣлается столь же разборчивъ кающимся грѣшникомъ, какъ прежде былъ женихомъ. Всѣ исповѣдники не по немъ: всѣ они дѣти своего вѣка, волнуемаго сомнѣніемъ, лишеннаго теплоты вѣры. Таинственный исповѣдникъ приходитъ ночью къ Анатолю: Сочинитель не сказалъ, кто былъ сей исповѣдникъ; но читателю позволено догадываться, что это было существо не человѣческой породы. Кто именно?

(*) Старинный Французскій Поэтъ, написавшій поэму: La Semaine (*Седьмица мірозданія*), и отличавшійся странною натяжкой звукоподражательныхъ словъ, на пр. въ описаніи полета и пѣнія жаворонка. *Пр. Переводч.*

другой вопросъ, который трудно рѣшить; таково, кажется, и было намѣреніе Автора. Анатоль исповѣдуется отъ души сему таинственному исповѣднику, сему грозному судіи дѣлъ и помысловъ; «и когда Священ«никъ всталъ, Анатоль все еще былъ тамъ же на ко«лѣняхъ, съ сложенными руками, съ мутнымъ и бродя«щимъ взоромъ, какъ пораженный громомъ..... Роди«тели Анатоля принуждены были запереть его на пол«года въ домъ съумасшедшихъ. Теперь ему лучше: онъ «веселъ безъ улыбки, счастливъ безъ блеска, румянъ, «полнотѣлъ. Совѣсть угрызаетъ его только тогда, «когда онъ порою пропуститъ службу церковную. Онъ «постригся въ духовный чинъ.» Тѣмъ кончается и вся повѣсть о немъ.

Главнѣйшее искуство Сочинителя, еще яснѣе обличающееся въ первомъ его произведеніи: L'âne mort et la femme guillotinée, состоитъ въ равнодушномъ разсказѣ событій самыхъ ужасныхъ, въ холодномъ описаніи предметовъ, возмущающихъ душу. Для него, по видимому, нѣтъ ничего страшнаго, ничего умилительнаго, ничего отвратительнаго. Симъ то, кажется, онъ хотѣлъ выразить духъ современнаго поколѣнія, прошедшаго чрезъ всѣ крайности, извѣдавшаго всѣ ужасы, охладѣвшаго ко всему и на все взирающаго съ безстрастіемъ фаталиста Мусульманскаго. Мы не скажемъ ничего въ похвалу сей цѣли: благороднѣйшее стремленіе Писателя, по нашему мнѣнію, должно состоять въ томъ, чтобы давать возвышенное направленіе своему вѣку, а не увлекаться его странностями и пороками. Въ противномъ случаѣ, мы въ созданіяхъ ума и воображенія будемъ встрѣчать ту же прозу жизни, къ которой пригладѣлись уже въ обыкновенномъ нашемъ быту; и отъ сего міръ житейскій и міръ фантазіи сольются для насъ въ одну непрерывную, однообразную цѣпь ощущеній давно знакомыхъ, давно извѣданныхъ и уже наскучившихъ намъ безконечными своими повтореніями.

Но мы должны отдать полную справедливость Автору, что онъ умѣетъ живо схватывать черты, едва замѣтныя, ощущенія самыя легкія, и передаетъ ихъ вѣрно, хотя и хладнокровно, вмѣстѣ съ тѣми, кои по свойству своему гораздо глубже и сильнѣе, и которыя рѣзко обозначаются подъ перомъ его. — Таковы, на пр., изображеніе Анны, юной невѣсты Анатоля; описаніе свадебнаго бала и послѣдовавшей за нимъ ужасной катастрофы; наконецъ, мученія совѣсти въ молодомъ убійцѣ и т. п. (*) Замѣтимъ еще, что Сочинитель говоритъ, будто бы писалъ сію книгу не приготовляясь, не обдумывая, а просто пускалъ бродить по волѣ и мысли, и перо свое: этимъ намекомъ, кажется, хотѣлъ онъ подшутить надъ легковѣріемъ нѣкоторыхъ читателей; ибо въ сочиненіи его, при всей неправильности хода, видѣнъ планъ обдуманный и намѣреніе, ясно выражающееся въ цѣломъ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Сѣверный Пѣвецъ, или собраніе новѣйшихъ и отличнѣйшихъ романсовъ и пѣсенъ. Посвящается любительницамъ и любителямъ пѣнія. 2 части. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1830. (въ 1-й ч. 130, во 2-й 134 стран. въ 12-ю д. л.)

Это Собраніе новѣйшихъ и отличнѣйшихъ романсовъ и пѣсенъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ Рускихъ пѣсенниковъ: тотъ же дурной выборъ, та же небрежность типографическая и тѣ же непростительныя ошибки. Жалко, что до сихъ поръ ни одинъ хорошій Литераторъ не взялся за сей труды вовсе не неблагодарный. У насъ съ удовольствіемъ разкупаютъ подобныя книги, и можно очень легко собрать двѣ довольно толстыя части древнихъ и новыхъ пѣсенъ, достойныхъ памяти. *Сѣверный Пѣвецъ* нельзя сказать украшенъ, но обезображенъ двумя литографированными картинками. Издатель сей книги на 33 стран. 2 части приписалъ Барону Дельвигу пѣсню, ему непринадлежащую. Б. Дельвигъ благодаритъ за такое вниманіе, но отказывается отъ незаслуженной чести.

* * *

Цитра, или мѣлкія стихотворенія Г. Грунова. — М. въ типогр. Рѣшетникова. 1830. (35 стран. въ 16-ю д. л.).

Два посланія Выпивалина къ водкѣ и къ бутылкѣ. Съ прибавленіемъ Посланія къ Г. Выпивалину. Въ стихахъ. — М. въ тип. Лазаревыхъ Института восточныхъ языковъ. 1830. (20 стран. въ 8-ю д. л.)

Смерть Купца, или отеческое наставленіе сыну при концѣ жизни. Соч. Александра Орлова. — М. въ тип. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 1830. (32 стр. въ 12-ю д. л.)

Старичокъ весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были. Печатана съ изданія 1792 года, безъ исправленій. — М. въ

(*) Въ слѣд. No нашей Газеты помѣстятся нѣкоторые изъ сихъ отрывковъ.

типогр. Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 1830. (94 стр. въ 12-ю д. л.)

Горацій, въ Посланіи къ Пизонамъ, совѣтуетъ молодымъ Поэтамъ отдавать свои произведенія на судъ людей, извѣстныхъ познаніями, и послѣ поправлять и не обнародывать ихъ лѣтъ девять. Совѣтъ прекрасный, достойный послѣдованія! Но нѣтъ правила безъ изключеній, и Горацій навѣрное бы посовѣтовалъ сочинителямъ нами объявляемыхъ книжекъ не показывать никому и не поправлять оныя, а просто держать ихъ въ запертии, пока онѣ не пригодятся закурить трубку или затопить каминъ. — Не понимаемъ, какъ можно съ 1792 года забытую глупость перепечатать въ 1830-мъ?

СМѢСЬ.

Нельзя пропустить безъ замѣчанія одной статьи о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, помѣщенной въ No 256 Рускаго Инвалида нынѣшняго года. — Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ Сочинителя оной, по довольно точнымъ свѣдѣніямъ его объ ученіи и занятіяхъ нѣкоторыхъ Художниковъ и по другимъ обстоятельствамъ, почти нельзя сомнѣваться, что статья сія написана Художникомъ, и тѣмъ страннѣе видѣть въ оной оскорбленія на счетъ Художника же.— Выпишемъ сіе мѣсто: «*Сазоновъ* былъ крѣпостнымъ «незабвеннаго покровителя Наукъ и Искуствъ, Канц«лера Графа Н. П. Румянцова, который, принявъ охо«ту его за талантъ, не только далъ ему свободу, но «и отправилъ на своемъ иждивеніи въ Римъ. Онъ про«жилъ 6 лѣтъ въ Италіи, но по своей бездарности «возпользовался плохо симъ безцѣннымъ преимуще«ствомъ. Сначала сей Художникъ, старательный и «прилежный, мѣтилъ въ историческіе Живописцы, а въ «послѣдствіи попалъ въ портретные.»

Можетъ ли подобная критика назваться благонамѣренною? — Говорить свѣту про Художника, что онъ совершенно безъ дара и таланта и увѣрять, что благодѣтель его понапрасно старался объ его воспитаніи, не есть ли личное оскорбленіе? .... Но что думать о самомъ Критикѣ, когда мы докажемъ, что все сказанное имъ, несправедливо?

Въ Г. *Сазоновѣ* была не одна охота къ живописи, но дѣйствительный талантъ; иначе какимъ бы образомъ могъ онъ получить въ Академіи Художествъ *двѣ* золотыя медали? — Медали сіи давали ему, по положенію Академіи, полное право на отправленіе въ чужіе краи и потому Графъ Румянцовъ отнюдь не ошибся, сдѣлавъ Г. Сазонову сіе благодѣяніе.

Работы Г. Сазонова показываютъ, что онъ не безъ пользы провелъ время пребыванія своего въ Италіи. Для доказательства, назовемъ здѣсь нѣсколько главнѣйшихъ его произведеній: 1) Копія съ Микель-Анджела Караваджи: Положеніе во гробъ Спасителя, сдѣлана по заказу Гр. Остермана-Толстаго; 2) Копія съ Тиціана: Любовь святая и земная, куплена для Академіи Художествъ за 2000 руб. — Его собственнаго сочиненія: 3) Марѳа Посадница, застающая старца Ѳеодосія за молитвою, по заказу Княгини Зинаиды Александровны Волконской; 4) Ѳеодосій, благословляющій Мірослава, при врученіи ему меча съ надписью: «чести моей никому не отдамъ» по заказу Г. Шидловскаго; 5) Димитрій Донской послѣ сраженія на Куликовомъ полѣ, по заказу Барона Гана; 6) Тотъ же сюжетъ съ нѣкоторыми перемѣнами, картина, купленная для Императорскаго Эрмитажа; 7) Большой образъ для иконостаса, по заказу Г. Львова; 8) Большой портретъ, въ ростъ, Графа Остермана - Толстаго и многія другія. — Нынѣ Г. Сазоновъ занимается исполненіемъ большой исторической картины, заказанной ему отъ Общества поощренія Художниковъ.

Правда, что Г. Сазоновъ иногда пишетъ портреты, но отнюдь не посвятилъ себя изключительно онымъ, ибо всегда занятъ гораздо важнѣйшими работами.

Послѣ сего предоставляемъ всякому судить, справедливо ли сказано въ вышеупомянутой статьѣ, что Г. Сазоновъ по бездарности своей изъ историческаго Живописца сдѣлался портретнымъ?

Что касается до родословной Г. Сазонова, то званіе отличнаго Художника давно облагородило его и онъ очень можетъ припомнить Критикамъ своимъ извѣстные стихи:

Да вы что сдѣлали такое?
и
Оставьте жъ предковъ вы въ покоѣ, и пр.

Въ двухъ послѣднихъ No нашей Газеты напечатали мы отрывки изъ *Прогулокъ Стендаля по Риму*. Переводчикъ доставилъ намъ еще изъ сей любопытной книги забавный анекдотъ объ извѣстномъ Композитѣ Россини, который мы охотно здѣсь помѣщаемъ.

«Г. Гирланда разсказывалъ намъ о всѣхъ несчастіяхъ, приключившихся Россини въ день перваго представленія въ Римѣ *Севильскаго Цирюльника* въ 1816 году, на Арджентинскомъ Театрѣ.

«Начать съ того, что Россини надѣлъ вигоневое платье и чуть показался въ оркестрѣ, какъ этотъ нарядъ произвелъ всеобщій хохотъ. Потомъ вышелъ на сцену Гарціа, игравшій роль Альмавивы, съ гитарой въ рукѣ, чтобы пѣть подъ окошкомъ Розины; но только взялъ первый аккордъ, какъ всѣ струны на его гитарѣ лопнули разомъ. Снова началась потѣха, крикъ и смѣхъ по всему партерру; въ этотъ день онъ наполненъ былъ Аббатами.

«Является въ свою очередь Фигаро, Замбони, съ своею мандолиной; но едва провелъ пальцами, и у него то же всѣ струны — хлопъ! Базиль, вышедъ на сцену, спотыкнулся и упалъ носомъ объ полъ. Кровь полилась ручьями по его бѣлому воротнику, и несчастный актёръ низшаго разряда, игравшій роль Базиля, вздумалъ еще своимъ плащемъ отирать оную. При этомъ видѣ топотня, крики, свистъ покрываютъ оркестръ и голоса пѣвцевъ; Россини бросаетъ свое фортепіано, бѣжитъ опрометью домой и запирается въ своей комнатѣ.

«На другой день пьеса пошла, какъ нельзя лучше. Россини не смѣлъ показаться ни въ Театрѣ, ни въ кофейномъ домѣ; все сидѣлъ на заперти въ своей комнатѣ.

«Къ полуночи вдругъ слышитъ онъ ужасный шумъ на улицѣ; шумъ приближается, и онъ внятно слышитъ громкіе крики: Россини! Россини! — «Ахъ! это ясно,» говоритъ онъ про себя: «моя бѣдная опера стало быть еще болѣе освистана, чѣмъ вчера, и вотъ Аббаты идутъ меня поколотить.» Говорятъ, что даже, въ справедливомъ своемъ страхѣ, какой внушили бѣдному Maestro сіи буйные судьи, онъ спрятался было подъ кровать; ибо шумъ не остановился на улицѣ, а слышно было, какъ многіе люди всходили по лѣстницѣ.

«Скоро застучались къ Россини въ дверь, хотятъ ее высадить, выкликаютъ Россини, такъ что можно бъ было svegliar i morti. Самъ же онъ, болѣе и болѣе дрожа отъ страха, боится слово вымолвить. Наконецъ одинъ изъ этой шайки, будучи догадливѣе другихъ и полагая, что весьма могъ бѣдный Maestro перепугаться, — становится на колѣни, наклоняетъ голову, и вызываетъ Россини сквозь прорѣзъ, сдѣланный внизу двери, чтобы кошка могла лазить въ комнату. «Проснись,» вопитъ онъ, говоря ему: *ты*, въ своемъ восторгѣ: «твоя пьеса чертовскій имѣла успѣхъ, мы пришли нести тебя въ тріумфѣ.»

«Россини, не совсѣмъ еще успокоенный отъ страха и все таки боясь недобрыхъ шутокъ со стороны Римскихъ Abbati, рѣшается однако же показать, какъ будто въ самомъ дѣлѣ только что проснулся, и отворяетъ дверь. Его схватываютъ, уносятъ въ Театръ ни живаго, ни мертваго, и тамъ ужъ онъ дѣйствительно убѣждается, что *Цирюльникъ* его имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Во время сего торжественнаго шествія, Арджентинская улица вся наполнилась зажженными факелами; Россини внесли въ трактиръ, гдѣ на-скоро приготовленъ былъ роскошный ужинъ, и умоизступленіе продолжалось вплоть до утра. Римляне, люди столь важные, столь степенные по виду, тотчасъ дурѣютъ, если только дать имъ волю; и это весьма часто случалось намъ видѣть на масляной прошедшаго года.»

Съ Фр. *В. Р—чъ.*

Сѣверная Пчела давно уже упрекаетъ Литературную Газету въ охотѣ клеветать на нее. Она два раза уже укоряла Издателя оной, будто бы онъ выдумалъ, что Г. Ѳ. Б. пишетъ романъ: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ;* теперь же въ 126 No не вѣритъ существованію письма, изъ коего въ 59 No Литер. Газеты выписано доказательство, какъ С. Пчела бываетъ неточна въ своихъ извѣстіяхъ. Издатель Литературной Газеты приглашаетъ Издателей С. Пчелы собственными глазами убѣдиться въ достовѣрности и офиціальности сего письма; оно находится у него; а на первые укоры отвѣчаетъ, что онъ о рожденіи новаго Выжигина слышалъ отъ Н. И. Греча и отъ книгопродавца, его торговавшаго. Для полнаго же доказательства, какъ Литературная Газета безпристрастна, Издатель ея давно уже желаетъ, чтобы Г. Ѳ. Б. написалъ хорошій романъ; хвалить же И. Выжигина и Дмитрія Самозванца нѣтъ силъ. Что же дѣлать! Какъ же быть!

ПОПРАВКА.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 59-го No *Литературной Газеты*, на страницѣ 178-й, въ 1-мъ столбцѣ, вкрались двѣ слѣдующія опечатки: на 17-й строкѣ, вмѣсто слова: *стыдно*, должно читать: *непростительно*; а на строкѣ 31-й, по недосмотру типографическому, вставлено лишнее слово: *непростительно*. Въ прочихъ экземплярахъ помянутаго No погрѣшности сіи изглажены.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 22-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ II, № 61. ОКТЯБРЯ 28го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВКИ

изъ книги: Исповѣдь (*).

НЕВѢСТА.

Глава V.

> Sérieusement, j'achète une femme et un anneau; je prononce la formule, et du sein de mon Paradis, j'écrirai un nouvel *Inferno*.
>
> Au surplus, elle était agréable et jolie

Когда впервые Анатоль увидѣлъ невѣсту, выбранную его матерью, то не зналъ, что видѣлъ ее. Подъѣзжая къ ея жилищу, онъ пустилъ коня своего шагомъ и придумывалъ уже свои привѣтствія, какъ вдругъ онъ видитъ: сквозь цвѣтущую жимолость, между деревьями парка, бѣжитъ молодое дитя, съ волнующимися по вѣтру волосами. Она бѣжала по узкой тропинкѣ; можно бы подумать, что деревья, при видѣ ея, приподымали свои вѣтви; конь Анатолевъ едва поспѣвалъ за нею. Вотъ она остановилась подлѣ лебедей у пруда; потомъ перескочила черезъ перилы и начала гладить большихъ дворовыхъ собакъ... Она пошла по широкимъ ступенямъ, взошла на лѣстницу... Кончено: она пропала изъ виду.

— «Милое дитя!» подумалъ Анатоль, отдавая поводья своего коня служителю дома: «милое дитя! конечно это сестра моей невѣсты; что, если бы невѣста моя была на нее похожа?»

Когда наступилъ часъ обѣда, дверь гостиной отворилась, и молодое дитя, видѣнное Анатолемъ, явилось: высокая, прелестная дѣвушка, стройная, веселая и скромная. «Это моя дочь!» сказалъ отецъ ея съ тѣмъ видомъ гордости, который такъ присталъ отцу.

Она занимала мѣсто хозяйки за столомъ съ неизъяснимою прелестью. Анатоль сидѣлъ подлѣ нея, и она не чаще занимала своего сосѣда, чѣмъ другихъ гостей. Она мало говорила, особливо же мало ѣла, какъ будто бы ей извѣстно было, сколь жалко видѣть прожорливость въ женщинѣ.

Когда же вышли изъ-за стола, она первая была въ гостиной; у нея готово было привѣтливое слово для каждаго, она брала за руки стариковъ, отъ души перецѣловала всѣхъ женщинъ: таковъ разсчетъ у женщинъ, цѣловаться при мужчинахъ.

Послѣ того она усадила всѣхъ за карточные столы, и сама подходила къ столамъ; она играла въ вистъ съ своимъ дядею, Кавалеромъ Св. Людовика, и выиграла у него, хотя и знала, что въ этомъ случаѣ онъ захочетъ отыграться.

И когда ее попросили пѣть, она пѣла. Она не знала ни одной аріи изъ Россини, она пѣла старинные романсы, пѣсни на трехъ нотахъ, безъ аккомпанимента и руладъ: она пѣла просто, какъ бабушка ее учила; и пріятно было видѣть, какъ старыя головы покачивались въ ладъ подъ эти пѣсни, новыя въ старое время. Ничто столько не освѣжаетъ воспоминаній, какъ запахъ, который нюхаешь, или пѣсня, которую слушаешь.

Общество состояло изъ стариковъ, изъ тѣхъ добрыхъ людей прежняго порядка, коихъ вины, если онѣ и были, изглажены столь жестоко. Они сложили вмѣстѣ свои тяжкія сѣтованія о быломъ, свои порицанія настоящаго; имъ пріятно было выводить на бѣлый свѣтъ ихъ старыя политическія досады, ихъ старыя литературныя привязанности: тогда только слова ихъ получали силу, которая заставляла слушать ихъ. Для человѣка нашего времени это, можетъ быть, незавидное общество: но нѣтъ сомнѣнія, что нельзя было выбрать лучшаго театра и лучшихъ актёровъ, дабы показать молодую дѣвушку во всемъ свѣту. Юность ея ярко оттѣняется хилостью окружающихъ ее; улыбка ея несравненно сладостнѣе при этихъ недовольнымъ лицахъ; безпечность ея въ настоящемъ гораздо приманчивѣе при этихъ грустныхъ сѣтованіяхъ о прошедшемъ. Даже просторныя, обитыя разноцвѣтнымъ штофомъ кресла, въ которыхъ сидитъ она, даже разбитыя зеркала,

---

(*) См. Библіографію 60-го No.

отражающія лице ея, даже коверъ съ лицевыми изображеніями, на которомъ стоитъ нога ея, — все это выказываетъ ея станъ еще стройнѣе и гибче, лице ея свѣжѣе и прекрасную ножку еще меньше.

Надобно бъ было спросить у самого Анатоля о всѣхъ обстоятельствахъ того вечера; онъ помнилъ даже самыя мѣлкія подробности. Онъ пересказалъ бы вамъ малѣйшія движенія Анны: и какъ было сшито бѣлое ея платье, и какъ она ему поклонилась, будто старому знакомому, когда пришло время разставаться. У него отдавался еще въ ушахъ звукъ ея голоса, звонкаго и чистаго, когда съ верхнихъ ступенекъ лѣстницы молодая дѣвушка впослѣдніе говорила: «Прощате!» своему старому дядѣ и друзьямъ отца своего, возвращавшимся домой.

Глава VI.

Voici des paroles pour un air; si elles ne vous conviennent pas, déchirez-les.

J'ai lu en entier vos contes persans.

Когда онъ увидѣлъ ее во второй разъ, онъ опять нашелъ только дитя. Она играла на дворѣ. Это было утромъ, когда все пробуждается въ зàмкѣ, когда все движется, все поетъ: тогда бываетъ минута общей радости, сладкій запахъ козелиственника, тихій видъ полей, противъ коихъ трудно устоять. Анатоль увидѣлъ опять невѣсту свою съ такимъ блаженствомъ, какъ будто бы наканунѣ считалъ ее навсегда потерянною. Онъ не вымолвилъ ей ни слова о любви, не бралъ ее за руку; онъ говорилъ съ нею, какъ съ ребенкомъ, и она отвѣчала ему, какъ дитя.

— «Видите ли,» говорила она: «видите ли птичку, поднимающуюся вверхъ на воздухѣ?

— «Это утренній жаворонокъ, онъ поетъ раннюю свою пѣсенку;» отвѣчалъ Анатоль. «Слышите ли его перерывистое чиликанье, его громкіе посвисты? Вотъ утихъ, — вотъ запѣлъ снова.... Это самая веселая изъ птицъ поднебесныхъ.

— «Нѣтъ!» подхватила она: «это не жаворонокъ; солнце слишкомъ ярко свѣтитъ для его слабыхъ глазъ: въ этомъ часу, жаворонокъ тихо сидитъ въ цвѣтущихъ пажитяхъ. Скорѣе это воробушекъ, вылетѣвшій изъ-подъ навѣса и несущій зернышки своимъ малюткамъ.

— «Ваша правда,» сказалъ Анатоль: «это воробушекъ.

— «Мнѣ кажется,» прервала она, «что это вороненокъ, слетѣвшій съ гнѣзда: у него черный носъ, черныя перья; онъ крѣпокъ, проворенъ на лету.... Посмотрите, какъ милые мои голубки жмутся, завидя его. Право, это вороненокъ, слетѣвшій съ гнѣзда.

— «И точно это вороненокъ,» повторилъ Анатоль улыбаясь.

— «Теперь мнѣ бы хотѣлось, чтобъ это была хищная птица; большая птица съ желтыми лапами, съ кривымъ, загнутымъ носомъ, которая бросается на свою добычу, сжимаетъ ее и раздираетъ когтями; которая прилетаетъ на гнѣздо свое вся въ крови, а ночью нарушаетъ тишину унылымъ своимъ завываньемъ; ужасъ маленькихъ кроликовъ, щиплющихъ тминъ, обрызганный утреннею росою.

— «Вы правы; это ястребъ съ красивыми перьями,» подтакивалъ сговорчивый молодой человѣкъ.

— «Да развѣ я сказала, сударь, что это ястребъ?» подхватила она снова: «нѣтъ, я ни слова не говорила объ ястребѣ. Это коршунъ съ отвислыми перьями, съ мутными глазами пепельнаго цвѣта, бросающійся на трупы и ждущій лѣта, чтобъ отъискивать въ водѣ свою добычу.

— «Коршунъ? неужели это онъ, милая Анна?» И Анатоль жался къ милой дѣвушкѣ, какъ будто бъ ему было страшно.

— «Не смѣшно ли, что вы такъ боитесь?» продолжала она. «Нѣтъ, нѣтъ: это не ястребъ, не коршунъ и не воронъ: для вороновъ нужны огромныя готическія колокольни, съ шпилями, теряющимися въ воздухѣ. Это не коршунъ, а скромный и простосердечный соловей: онъ убѣгаетъ свѣта дневнаго, ищетъ на лету бродящихъ насѣкомыхъ, нынѣшнимъ вечеромъ спрячется въ дупло дерева и будетъ насъ плѣнять при свѣтѣ лунномъ пріятными и жалобными своими пѣснями.»

Анатоль былъ въ восхищеніи: «Милое дитя! говори мнѣ, что хочешь, ты всегда будешь права. Я все буду говорить за тобою: жаворонокъ, ястребъ, коршунъ, воронъ, соловей, — какая въ томъ нужда? Я хочу во всю жизнь мою быть одного съ тобою мнѣнія; съ этого часа я хочу думать, какъ ты!»

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

СЛАВА НЕЧЕСТИВЦА.

Я видѣлъ грѣшника въ житейской славѣ;
Какъ гордый кедръ, онъ въ небѣ голубомъ
Терялся дерзостнымъ челомъ;
Казалось, что перунъ сокрытъ въ его державѣ, —
Онъ имъ сражалъ во прахъ своихъ враговъ....
Но мигъ — и нѣтъ его слѣдовъ!

М. Деларю.

ПИСЬМА

къ Художнику-любителю въ *** о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, 21 Сентября 1830 года.

Письмо I.

. . . .

Я не стану изчислять тебѣ всѣхъ вообще художественныхъ произведеній нынѣшней Академической выставки; не буду дѣлать замѣчаній на каждый незамѣчательный ученическій трудъ, ибо не хочу утомлять тебя мѣлочными, отнюдь незанимательными подробностями и повторять то, что ты, вѣроятно, давно уже успѣлъ прочитать въ *Инвалидѣ*. — Цѣль писемъ моихъ исполнить только твое желаніе и сказать о достойныхъ вниманія, по *моимъ* понятіямъ, произведеніяхъ *мое* мнѣніе.

Надѣюсь, что въ сужденіяхъ моихъ не будетъ пристрастія, ибо я, какъ тебѣ извѣстно, человѣкъ совершенно посторонній, неимѣющій никакихъ *особенныхъ* связей ни съ однимъ изъ здѣшнихъ Художниковъ.

Я всегда думалъ, что произведеніе Художника должно отличать отъ самаго лица его, точно также, какъ книгу отъ сочинителя оной, и что несовершенство трудовъ ихъ отнюдь не мѣшаетъ имъ оставаться благородными и хорошими людьми.

Смотря съ сей точки зрѣнія, я увѣренъ, что ни одинъ благоразумный Художникъ не сочтетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, ежели кто-либо, найдя недостатки въ его произведеніи, откровенно и открыто укажетъ ему на оные, а еще менѣе тотъ, который представляетъ свое произведеніе суду публики; ибо сей послѣдній безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду не одно только намѣреніе, чтобы пріобрѣсти извѣстность и славу, но и хочетъ воспользоваться чужими сужденіями и замѣчаніями.

Я думаю также, что званіе Художника равняетъ всѣ состоянія. Происходитъ ли Художникъ изъ низкаго рода, или отъ знатной фамиліи; обладаетъ ли богатствомъ, или носитъ рубище: все равно. — Онъ въ обществѣ Музъ, которыя требуютъ, чтобы онъ слѣдовалъ ихъ законамъ и блесталъ только талантомъ, а не породою и не вышивками на кафтанѣ. Блескъ сей въ состояніи, можетъ статься, придать иногда цѣну какому нибудь дѣловому человѣку, не смотря на то, что онъ не всегда пишетъ дѣльныя бумаги, ибо бумаги сіи оканчиваютъ поприще свое въ архивѣ его Департамента; но отнюдь не сдѣлаетъ лучшимъ Художника, ибо его судитъ цѣлый свѣтъ и смотритъ не на него, а на его произведеніе.

Сообразуясь съ сими-то правилами, хочу я писать тебѣ, любезный другъ, о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ нынѣшняго года. Сначала буду говорить объ Архитектурѣ; потомъ о Ваяніи; послѣ сего о Живописи, слѣдуя подраздѣленіямъ оной на собственно-историческую, на портретную, tableaux de genre, ландшафтную, перспективную и проч. За симъ перейду къ гравированію, рисованію и окончу все общимъ взглядомъ на нынѣшнее состояніе Художествъ въ нашемъ отечествѣ.

Быть можетъ, что въ послѣдствіи времени, смотря по надобности, я сдѣлаю еще нѣсколько добавленій къ статьямъ моимъ.

I. Архитектура.

Нынѣшняя выставка была гораздо богаче изящными произведеніями по сей части, нежели въ 1827 году. Недавно возвратившіеся изъ чужихъ краевъ молодые Архитекторы наши *Константинъ* и *Алекс. Тонъ* и *Алекс. Брюловъ* представили на судъ публики чертежи и архитектурные рисунки, показывающіе, что всѣ сіи три Художника имѣютъ основательныя теоретическія свѣдѣнія, богатое воображеніе и вкусъ: отличительныя качества истинныхъ талантовъ. *Константинъ Тонъ*, Членъ Академіи S. Luca въ Римѣ и Академіи Изящныхъ Искуствъ и Археологіи во Флоренціи, выставилъ два проэкта возобновленію (Restauratia): 1) Храма Фортуны и 2) Дворца Цезарей. Обѣ *реставраціи* сіи награвированы и изданы Г. Тономъ въ свѣтъ съ описаніями на Итальянскомъ языкѣ, сдѣланными для храма Палестринскаго знаменитымъ Профессоромъ Археологіи *Нибба* въ 1825 году, а для Дворца Цезарей также весьма уважаемымъ Антикваріемъ Балланти въ 1828 году. Дабы познакомить тебя съ талантомъ Г-на К. Тона и дать понятіе о важности трудовъ его, я сдѣлаю краткое извлеченіе изъ описаній, приложенныхъ къ его *реставраціямъ*.

Начнемъ съ *Храма Палестринскаго* (древней Пренесты):

......«Нельзя съ точностію опредѣлить эпоху построенія сего замѣчательнаго памятника древняго Лаціума; но можно покрайней мѣрѣ утвердительно сказать, что оный былъ сооруженъ гораздо прежде Диктатора Луція-Корнелія-Силлы. Въ древности оный славился необыкновеннымъ своимъ великолѣпіемъ, и Оракулъ онаго пользовался уваженіемъ до Ѳеодосія. Послѣ сего, во времена невѣжества, постигшія Италію, величественное зданіе сіе начало мало по малу клониться къ своему разрушенію и въ 1298 году не оставалось уже ничего отъ его древняго великолѣпія, кромѣ нѣкоторой части, стоявшей на самой вершинѣ горы, по скату коей храмъ сей былъ выстроенъ. Папа Бонифацій VIII, изъ мщенія къ обитателямъ города Пренесты, повелѣлъ наконецъ и сей остатокъ уничтожить. Наконецъ въ новѣйшее время, жители города Палестрины, начавъ селиться на развалинахъ онаго, довершили его разрушеніе.»

Многіе отличные Археологи и Зодчіе трудились надъ собраніемъ свѣдѣній о томъ видѣ, каковый Пренестскій храмъ Фортуны имѣлъ въ Древности; но творенія ихъ большею частію весьма неудовлетворительны, чертежи во многихъ частяхъ совсѣмъ не согласуются съ существующими остатками и показываютъ, что Художники, производившіе оные, болѣе заботились о томъ, чтобы выказать изобрѣтательность своего воображенія, нежели о точности и соблюденіи характера сего удивительнаго памятника Древности.

«Столь побудительныя причины (говоритъ Профессоръ «Нибби въ Предисловіи къ описанію сего храма) и любовь къ своему искуству, побудили Г-на К. Тона — отличнаго Рускаго Архитектора, Пенсіонера Его Императорскаго Величества, издать въ свѣтъ «точный планъ и проэктъ возобновленію, дабы принести пользу любителямъ классической учености и дать «занимающимся изящными искуствами лучшее понятіе «о различныхъ частяхъ столь удивительнаго зданія. «Ежели обратить вниманіе на то, съ какими трудностями и препятствіями долженъ былъ бороться Г. «Тонъ, чтобы достигнуть сей похвальной цѣли, то «нельзя не согласиться, что произведеніе его достойно «всякаго уваженія.»

Говорить о пропорціяхъ и *деталяхъ* сего строенія кажется излишне, ибо не имѣя передъ глазами рисунковъ, ты все-таки не понялъ бы меня. По этому я постараюсь только дать тебѣ понятіе объ общемъ видѣ храма Фортуны въ древности, такъ какъ по предположенію Г-на Тона оный представленъ въ его *реставраціи.*

Чтобы судить объ огромности сего необыкновеннаго памятника древняго зодчества, довольно сказать, что на мѣстѣ онаго находится нынѣ цѣлый городъ, заключающій въ себѣ 3500 жителей, и что древнія развалины далеко выходятъ изъ-за предѣловъ онаго.

Само по себѣ разумѣется, что храмъ Фортуны не состоялъ изъ одного зданія: это была бы вещь невозможная. Подъ именемъ симъ должно разумѣть нѣсколько отдѣльныхъ строеній, которыя, бывъ расположены уступами по скату высокой горы и соединены лѣстницами и переходами, представляли одинъ общій фасадъ, на вершинѣ коего находился собственно такъ называемый храмъ, или капище. Вышина всего фасада, считая отъ подошвы горы, гдѣ проходила древняя дорога, до купола капища включительно, простиралась до 600 Римскихъ пальмъ, или до 73 Рускихъ саженей. Верхнее зданіе сіе было великолѣпнѣйшей Архитектуры, оно было украшено колоннами и статуями и имѣло въ вышину около 90 Римскихъ пальмъ.

Площадки или уступы, на которыхъ были расположены различныя части общаго фасада, по мѣрѣ возвышенія, становились уже и меньше, и давали оному такимъ образомъ видъ пирамидальный. Главныхъ или самыхъ большихъ уступовъ было три: длина нижняго, служившаго для водопроводовъ и фонтановъ, простиралась по фасаду отъ Востока къ Западу до 1700 пальмъ; длина втораго, на которомъ были главныя лѣстницы и переходы, до 500; наконецъ длина верхней площадки, составлявшей, такъ сказать, *корону* всего фасада, ограничивалась 120 пальмами.

Реставрація дворца Цезарей.

Гора Палатинская есть знаменитѣйшая изъ числа семи, на которыхъ стоялъ древній Римъ; не смотря однако же на сіе, Ученые весьма мало занимались описаніемъ оной. Правда, что въ твореніяхъ *Панвина* упоминается о Палатинской горѣ, но только мимоходомъ; правда, что еще прежде его въ 1551 г. *Буфалини* писалъ объ оной, но и его сочиненіе весьма неудовлетворительно. Послѣ ихъ писали о семъ же предметѣ *Біанкини* и *Гватани*; но и ихъ описанія также неполны и реставраціи ихъ, по недостатку ли свѣдѣній въ Архитектурѣ, или по невозможности отрывать древнія развалины — совершенно идеальны. — Наконецъ Рускій Архитекторъ Г-нъ К. Тонъ предпринялъ сей важный трудъ и реставрировалъ всю Палатинскую гору съ возможнѣйшею точностію. Онъ употребилъ на сіе пять лѣтъ; тщательно разыскивалъ развалины, совѣтовался съ извѣстнѣйшими Антикваріями и Художниками, соображался съ различными эпохами Римской Архитектуры и произвелъ твореніе, которое можетъ по справедливости почестся лучшимъ изо всѣхъ, доселѣ существующихъ.

Чтобы цѣнить труды Г. Тона, надобно знать, что подъ названіемъ Дворца Цезарей разумѣлись въ Древности всѣ строенія, бывшія на Палатинской горѣ, и которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, составляли, можно сказать, цѣлый особый городъ: здѣсь находилось нѣсколько домовъ, циркъ, амфитеатръ, собственно такъ называемый Дворецъ Цезарей, термы, сады и проч. — Г. Тонъ выбралъ для своей *реставраціи* ту эпоху, когда зданія Палатинской горы достигли высшей точки своего великолѣпія.

Смотря на чертежи, трудно было бы повѣрить, что все это нѣкогда дѣйствительно существовало, ежели бы не свидѣтельствовали о томъ самыя развалины и древніе Писатели.

Въ двухъ *реставраціяхъ* сихъ, Архитекторъ Тонъ представилъ доказательство своихъ теоретическихъ свѣдѣній, своего воображенія и изобрѣтательности, а отстройкою въ Академіи Художествъ новаго Конференцъ-Зала, который былъ открытъ во время выставки для публики — представилъ образецъ и практическихъ своихъ познаній. — Залъ сей находится во второмъ этажѣ Академіи и былъ сначала квадратный. Г. Тонъ далъ оному видъ круглый и украсилъ хорами и куполомъ съ касетонами, въ которомъ сдѣлалъ окно. Достойно замѣчанія, что пилоны, образовавшіеся отъ очертанія круга въ четырехъ углахъ прежняго квадрата и служащіе для поддержанія купола, утверждены на плоскихъ аркахъ, въ два только кирпича сдѣланныхъ подъ поломъ зала и упертыхъ основаніями своими въ стороны капитальныхъ стѣнъ, нижняго этажа, такъ что вся сія огромная масса, можно сказать, виситъ на воздухѣ; и что ни въ пилонахъ, ни въ самомъ куполѣ вовсе не употреблено желѣза.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* NNо.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Практическое руководство къ сочиненію Музыки, въ пользу самоучащихся и въ облегченіе учителей, съ приложеніемъ особенныхъ правилъ для Сочинителей Рускаго церковнаго пѣнія, и двухъ тетрадей, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ примѣры и задачи, а вторая рѣшеніе задачъ; изложенное Л. Фуксомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. — Спб. въ типогр. К. Крайя, 1830. (XVIII — 130 стр. въ 4-ю д. л. (*).

Сія полезная книга безъ сомнѣнія есть лучшая изъ всѣхъ изданныхъ музыкальныхъ теорій на Рускомъ языкѣ. Даже въ самой Германіи, гдѣ число Генералъ-басовъ можетъ составить большую библіотеку, сіе руководство къ сочиненію музыки было бы явленіемъ примѣчательнымъ, по простотѣ изложенія, соединенной съ ученостію, чуждою педантизма. Г. Фуксъ едва ли не первый Нѣмецъ-Гармонистъ, который, оставя утонченности и излишнюю многосложность, обратилъ вниманіе на сущность предмета. Онъ приводитъ ученика къ цѣли не извилистыми стезями, но столбовою дорогою. Сія ясность и простота суть слѣдствія долговременной опытности; никогда теорія безъ практики не достигнетъ сей цѣли. Переводчикъ и ученикъ Г. Фукса, безкорыстный любитель Музыки и знатокъ своего дѣла, подарилъ своихъ соотечественниковъ прекрасною книгою: благодарность ему есть первый долгъ. Онъ исполнилъ свое дѣло, какъ нельзя лучше.

Если бы сія книга могла найти цѣнителя ученаго Артиста, я бы тогда не сообщилъ моихъ замѣчаній; но скажемъ искренно: Руские Артисты до сей поры не занимались музыкальною Теоріею: отъ нихъ ожидать нечего. Иностранные гости-Артисты большею частію несвѣдущи въ Рускомъ языкѣ: и на нихъ плохая надежда. Участь сей книги заранѣе можно предвидѣть: наши Журналы похвалятъ ее безотчетно, большая часть любителей Музыки ее не прочитаетъ; магазины Пеца и Ленгольда будутъ хранить ее, какъ сокровище, коимъ никто располагать не можетъ и не хочетъ, до той поры, пока заря Руской Музыки не покажется на горизонтѣ Европейской гармоніи.

Приступая къ замѣчаніямъ, я напередъ прошу читателей не считать ихъ слѣдствіемъ моей самоувѣренности и познаній; я сказалъ, почему я рѣшился сообщить мои мысли о такомъ предметѣ, коимъ занимаюсь не такъ какъ Артистъ, но какъ любитель: т. е. въ часы отдохновенія, не полагая Музыку ни средствомъ, ни цѣлію. Можетъ быть мои поверхностныя замѣчанія послужатъ въ пользу любимому мною искуству; можетъ быть они побудятъ кого-либо изъ знатоковъ выйти на поприще Критики, и трудъ Г. Фукса не останется безъ достойнаго цѣнителя. Еще повторю: дабы имѣть полное право критиковать подобное сочиненіе, должно заранѣе посвятить себя исключительно изученію гармоніи — т. е. должно все оставить и заняться одною ею.

1) Г. Фуксъ подраздѣлилъ *трезвучіе* на три отрасли: 1) твердое, 2) мягкое и 3) укосненное. Мнѣ кажется, разумѣя подъ трезвучіемъ не обыкновенное соединеніе трехъ какихъ-либо звуковъ, но родоначальный аккордъ, не должно было дѣлать сего подраздѣленія, ибо сей аккордъ въ мажорномъ и минорномъ тонѣ имѣетъ одинъ образъ изложенія (или образованія), въ чемъ и Г. Фуксъ соглашается относительно *укосненнаго* трезвучія (смотри *Примѣч.* стр. 7). Разность, состоящая въ терціяхъ, не относится къ сущности сихъ аккордовъ, ибо они разрѣшаются одинаково. Слѣдственно сначала должно было просто объяснить трезвучіе и *его образованія*. Остальное же все отнести къ *модуляціи*, не смѣшивая ее преждевременно съ родоначальными аккордами.. Какимъ образомъ самоучащійся пойметъ *мягкое* трезвучіе, не зная, что такое *миноръ*? Подобныя подраздѣленія, не приготовленныя постепенно, безъ пользы затрудняютъ память ученика.

2) (Стр. 5-я). «Присовокупивъ къ сему аккорду (трез-
«вучію) малую септиму, мы образуемъ септ-аккордъ.»

Сей аккордъ также относится не къ родоначальному септ-аккорду, но къ модуляціи. Должно было присовокупить къ це-мажорному трезвучію септиму *га* — тогда бы аккордъ не измѣнился въ ф-мажорную септиму, а мы получилибы ясное понятіе о септ-аккордѣ.

3) Въ начальномъ объясненіи интерваловъ также не должно было упоминать о подразумѣвающейся разности между интервалами *цисъ*-и *десъ* —; упомянувъ же о нихъ, должно было объяснить причины сего подраздѣленія, необходимаго для переходовъ и разрѣшенія *минимаго* (не лучше ли *сокращеннаго*?) септ-аккорда. Иначе ученикъ долженъ будетъ затверживать при самомъ на-

---

(*) Продается въ С. Петербургѣ у Пеца, въ Москвѣ у Ленгольда. Цѣна экземпл. 20 р.

чалѣ своего поприща названіе и различіе такихъ интерваловъ, которыхъ онъ не знаетъ употребленія. Не лучше ли объяснить ему ихъ въ свое время? тогда онъ будетъ трудиться не одною памятью, но получитъ ясное понятіе о предметѣ. Самоучащихся должно приготовлять постепенно, безъ чего система будетъ имъ непонятна, или покрайней мѣрѣ затруднительна. Для чего, напримѣръ, Г. Фуксъ, не объяснивъ *образованій* кореннаго септ-аккорда, приступилъ къ объясненію мѣлочныхъ правилъ, такихъ какъ: неправильное послѣдованіе квинтъ и октавъ, неблагозвучное удвоеніе ихъ, и проч. Это все равно, если бъ Филологъ, не объяснивъ первыхъ основаній Грамматики, сталъ разсматривать, какъ правильнѣе писать нарѣчія, вмѣстѣ съ предлогомъ, или порознь.

4) (*О квинтахъ*). «Послѣдованіе квинтъ въ *равномѣрномъ движеніи* (не лучше ли въ *одномъ направленіи*? ибо равномѣрное движеніе болѣе относится къ *такту*) по большей части тогда только неблагозвучно, когда основный басъ повышается, или понижается *малыми интервалами*; т. е. если въ движеніи своемъ образуетъ малую или большую секунду, или малую и большую терцію.»

Сіе опредѣленіе неясно и неудовлетворительно. Неблагозвучіе происходитъ не отъ того, что басъ повышается, или понижается малыми интервалами; въ доказательство можно представить примѣры, гдѣ сіе самое движеніе баса съ маленькою квинтою позволено и нимало не оскорбляетъ слуха; нестройность происходитъ отъ того, что сіе повышеніе или пониженіе баса въ одномъ направленіи съ квинтою, всякій разъ образуетъ *новый* ладъ, безъ постепенной модуляціи. На примѣръ. возьмите любыя двѣ квинты сряду: (А— Е.) и потомъ (Га-—фисъ), вы получите два лада. Отсюда произтекаетъ и непріятное впечатлѣніе, производимое сими квинтами.

5) Въ каждой ясной теоріи должно учащемуся предлагать только то, что ему нужно; т. е. располагать свою систему такимъ образомъ, дабы въ различныхъ отдѣленіяхъ правилъ, примыкающихся одно къ другому, не было промежутковъ, отвлекающихъ вниманіе ученика отъ настоящаго предмета и безвременно заставляющихъ его отыскивать и изучать предметы отдаленные: вотъ главная погрѣшность теоріи Г-на Фукса. Онъ часто забываетъ, что говоритъ съ ученикомъ, и приводитъ ему въ примѣръ такіе аккорды, о коихъ онъ его не предварилъ. Такимъ образомъ въ приложенныхъ примѣрахъ различныхъ измѣненій трезвучія, безпрестанно встрѣчаются и септ-аккорды и модуляція,— о коихъ въ предъидущихъ главахъ ничего не было сказано. По моему мнѣнію, показавъ коренныя образованія трезвучія, должно было тотчасъ приступить къ кореннымъ образованіямъ септ-аккорда. А потомъ уже разсматривать трезвучіе въ его подробностяхъ, какъ то: ошибочномъ послѣдованіи, неблагозвучномъ стеченіи и проч. (Смотр. стр. 9—до стр. 33-й).

6) (*Октавы*). «Послѣдованіе октавъ въ равномѣрномъ движеніи не всегда бываетъ ошибочно. Здѣсь надлежитъ различать, съ *намѣреніемъ*, или безъ *намѣренія* произведено удвоеніе.«

Должно было пояснить, какимъ средствомъ можно узнать, съ *намѣреніемъ* или безъ *намѣренія* удвоена какая-либо октава? Не лишнимъ было бы упомянуть и объ изключеніяхъ.

«Въ правильномъ четырегласіи, гдѣ ухо слѣдуетъ за ходомъ каждаго голоса, внезапно происходитъ послѣдованіе октавъ — то таковое послѣдованіе весьма неблагозвучно.«

Также темно. И въ правильномъ четырегласіи удвоеніе октавъ въ иныхъ случаяхъ позволено.

7) Объяснивъ укосненный септ-аккордъ (стр. 50), и о томъ, что въ модуляціи сей аккордъ весьма быстро облегчаетъ переходы, Г. Фуксъ показываетъ примѣръ четырекратной его формы, необходимой для модуляціи, присовокупляя: «Не взирая на то, что на форшепіано всѣ сіи аккорды берутся на однѣхъ и тѣхъ же клавишахъ, основная гармонія при разрѣшеніяхъ, приводитъ насъ всегда къ различнымъ ладамъ, наприм.

Разрѣшается:

1) Га, де, ф, асъ ═ це, есъ, же (це-миноръ)
2) Цесъ, де, ф, асъ ═ бе, есъ, жесъ (есъ-миноръ.)«

Здѣсь слѣдовало бы объяснить и законъ сего разрѣшенія. Почему первый аккоръ разрѣшаетъ въ це-миноръ — а второй въ есъ-миноръ?.. Если бъ Г. Фуксъ прежде сего примѣра объяснилъ свойство всѣхъ ладовъ, тогда бы ученикъ зналъ, почему *га* въ сокращенной септимѣ перваго аккорда разрѣшаетъ его въ це-минорное трезвучіе, а *цесъ* втораго аккорда — приводитъ его въ *есъ* минорный ладъ. Въ теоріи не столь полезны частные примѣры, какъ общія правила, заключающія въ себѣ всѣ (или съ нѣкоторыми изключеніями) однородные случаи.

8) *О переходахъ или модуляціяхъ*. стр. 93).

О переходахъ говорено слишкомъ мало. Не входя въ подробности всѣхъ интерваловъ, какъ то сдѣлалъ Готфридъ Веберъ, мнѣ кажется, *необходимо* должно приложить гаму всѣхъ тоновъ, безъ которой всѣ примѣры безполезны. Ученикъ затвердитъ ихъ на память, но яснаго понятія не получитъ. Модуляція также важна, какъ и основные аккорды; о ней должно было говорить подробнѣе и постепеннѣе разкрывать ея законы. Г. Фуксъ хорошо сдѣлалъ, приложивъ примѣры въ разныхъ тонахъ, но нигдѣ не упомянулъ, какіе интервалы составляютъ отличительный признакъ сихъ тоновъ? Это все равно, если бъ въ грамматикѣ, вмѣсто систематическаго раздѣленія существительныхъ именъ по ихъ окончанію, было сказано: «Человѣкъ, левъ, дубъ — суть существительныя мужескаго рода; а роза, полынь—женскаго.» Спрашиваю: какая польза самоучащемуся отъ подобныхъ примѣровъ?

Но если о модуляціи говорено мало, за то о каденцахъ слишкомъ подробно и также не вездѣ основательно, на прим.

«Чтобы какая ни есть мелодія или вообще цѣлая «музыкальная пьеса была *удобопонятна* для слушателя »и *дѣйствовала* на его чувство, *должны* въ оной находиться *извѣстныя* остановки или препинанія.«

Сіи препинанія не есть необходимость: можно съ ними, можно и безъ нихъ дѣйствовать на чувство слушателя и быть удобопонятнымъ. Каденцы употребляются Авторами, но по ихъ произволу; они не составляютъ *необходимой* сущности сочиненія, хотя иногда и придаютъ ему много красоты. Вообще Теорія не должна изъ частностей извлекать непреложныя правила. У каждаго Генія есть свои орудія для сильнаго впечатлѣнія на слушателя; Теорикъ долженъ упомянуть о нихъ, не включая ихъ въ основное правило. Иначе и въ музыкальной Теоріи будутъ точно такіе же карантины, какъ въ литературномъ Кодексѣ Депрео, гдѣ Трагикъ ограниченъ сутками, и воображеніе сковано единствомъ мѣста.

Достоинство Теоріи Г. Фукса неотъемлемо состоитъ въ краткости и простомъ изложеніи, безъ метафизической учености. Но какъ цѣль его была издать книгу для *самоучащихся*, то расположеніе его Теоріи не совсѣмъ удовлетворительно. Не смотря на то, книга его драгоцѣнна и полезна *Рускимъ* музыкантамъ. Желаю искренне, чтобъ цѣль почтеннаго Автора оправдалась исполненіемъ; чтобъ система его образовала намъ Сѣвернаго Керубини. Въ Россіи талантовъ много, недостаетъ имъ образованія.... Здѣсь въ заключеніе можно слегка замѣтить, что Рускіе Артисты понятливы, но-не трудолюбивы, вопреки прекрасной Руской пословицѣ: *Подъ лежачій камень и вода не течетъ.*

Трилунный.

Исторія Государства Россійскаго. Изданіе третіе. Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина. Томы 1-й, 2-й и 3-й.— С. П. б., въ типографіяхъ Смирдина и Плюшара, 1830. (Въ 1-мъ т. 297 — 156, во 2-мъ 367 — 120, въ 3-мъ 359 — 79 стр. въ больш. 12-ю д. л., съ картою древней Россіи (*).

Предпріятіе Г-на Смирдина можно поистинѣ назвать предпріятіемъ благороднымъ. Когда уже всѣ любители отечественной Исторіи давно читаютъ безсмертное твореніе Карамзина, когда всѣ библіотеки публичныя и частныя вмѣщаютъ въ себѣ драгоцѣнные томы, знакомящіе Рускихъ съ бытописаніями ихъ отчизны; тогда Г. Смирдинъ предпринялъ сіе изданіе, по дешевизнѣ своей облегчающее способы пріобрѣтенія сей Исторіи для людей небогатыхъ. Этого нельзя назвать разсчетомъ человѣка торговаго: это подвигъ человѣка благонамѣреннаго.

Трудившіеся надъ приготовленіемъ сего новаго изданія, въ Предисловіи своемъ объясняютъ, что они, желая по возможности сдѣлать изданіе сіе дешевымъ, предположили достигнуть сего (кромѣ уменьшенія издержекъ типографическихъ) сокращеніемъ примѣчаній. Изъ послѣднихъ оставили они только важнѣйшія, «тѣ, въ «коихъ находили достойныя особеннаго вниманія географическія и хронологическія свѣдѣнія, или характеристическія подробности происшествій, неописанныя «въ текстѣ, или наконецъ отрывки древнихъ рукописей, могущіе служить образцами Рускаго слога разныхъ вѣковъ. Оставили также указанія и ссылки Автора на матеріялы его Исторіи, утверждающія достовѣрность ея.» Исключены изъ сего новаго изданія многія пространныя выписки изъ Лѣтописей, Путешествій иностранцевъ по Россіи и вообще все то, что Исторіографъ въ примѣчаніяхъ своихъ приводилъ изъ книгъ извѣстныхъ или покрайней мѣрѣ не рѣдкихъ; также критическія изслѣдованія, опроверженіе мнѣній и догадокъ Татищева, и пр. и пр. «Считаемъ долгомъ «прибавить,» говорятъ они въ заключеніи своего Предисловія, «что въ семъ трудѣ нашемъ, мы, покрайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, руководствовались примѣромъ Французскаго перевода *Исторіи Государства* «*Россійскаго*, коего первые томы были разсматриваемы самимъ Авторомъ.» Позволимъ себѣ одно замѣчаніе: если Издатели говорятъ о переводѣ Г-на Сен-Тома, то не *первые* томы, а *всѣ девять* томовъ онаго были разсматриваемы самимъ Исторіографомъ Россіи. Примѣчанія и ссылки, помѣщенныя въ оныхъ, оставляемы были также по его назначенію. Это говоримъ мы не по слухамъ, а по убѣжденію личному.

Россіяне, любящіе свое отечество и славу его, имѣютъ полную причину радоваться сему дешевому изданію Исторіи роднаго ихъ края. Особливо должны они радоваться за юношество Руское, которому открыто легчайшее средство пріобрѣсти сію Исторію, изъ коей оно научится любить и уважать свою отчизну; научится еще болѣе: научится правильному Рускому языку и слогу, и съ умиленіемъ узнаетъ, какъ всегда скромно бываетъ истинное дарованіе. Карамзинъ, въ самыхъ даже опроверженіяхъ мнѣній предшествовавшихъ ему

(*) Подписка принимается у издателя, А. Ф. Смирдина; въ Москвѣ у Г. Ширяева. Подписная цѣна за экз. въ бум. оберткѣ 30 руб. Иногородные прилагаютъ за пересылку 24-хъ фунтовъ.

Писателей, являя прекрасныя свойства души своей: кротость и благодушіе человѣка истинно-благороднаго, скромность и снисходительность Писателя отличнаго. Сіи свойства души прекрасной, выразившіяся во всѣхъ его твореніяхъ, могли бы служить назидательнымъ примѣромъ для его Зоиловъ, когда бы сіи послѣдніе хотя снизу могли всматриваться въ недоступную для нихъ высоту его таланта.

СМѢСЬ.

Отрывокъ изъ письма, полученнаго изъ Кяхты отъ 6 Сент. Цѣлую недѣлю я потерялъ на любопытство, наблюдая Китайцевъ. Все, что я ни читалъ объ нихъ въ описаніяхъ путешественниковъ, старался повѣрить собственными глазами, и это въ Кяхтѣ не затруднительно; потому что Китайцы, остающіеся здѣсь на лѣто (до 700 чел.), отъ праздности и скуки ежедневно ходятъ къ нашимъ купцамъ. Они изъясняются съ нами на испорченномъ Рускомъ нарѣчіи, въ которомъ я, по новости, понимаю не болѣе десятаго слова. Удивительно для меня было, что Рускіе и Китайцы, препровождая здѣсь по нѣскольку десятковъ лѣтъ для торговли, не могутъ изъясняться правильно, ни Рускіе на Китайскомъ, ни Китайцы на Рускомъ языкѣ. Я хотѣлъ узнать истинную причину сему, и вотъ что сказали мнѣ: Затрудненіе состоитъ въ грамматической противоположности сихъ языковъ между собою. Реченія Рускія подвержены большому измѣненію, а Китайскія напротивъ никакого не имѣютъ. Для Россіянина непонятно, какимъ образомъ въ словѣ: *люблю*, безъ измѣненія можно подразумѣвать многочисленныя измѣненія сего глагола по залогамъ, наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ. Китаецъ напротивъ удивляется, для чего Рускіе не говорятъ: *ты люблю*, *она люблю*, *надобно люблю*, какъ они дѣйствительно говорятъ на своемъ языкѣ. Впрочемъ Китайцы, живущіе въ Кяхтѣ для торговли, за необходимое поставляютъ обучаться Рускому языку: и потому-то они всѣ, хотя и худо, но изъясняются на Рускомъ языкѣ. Наши торгующіе напротивъ не имѣютъ охоты ни сами обучаться Китайскому, ни правильно обучать Китайцевъ Рускому языку. Отсюда вы можете вывести заключеніе, что Китайцы не ко всему иностранному имѣютъ пренебреженіе; напротивъ, охотно заимствуютъ все полезное для насъ. Они приняли отъ Европы часы, сукна, зеркала, математическія орудія, Артиллерію, Астрономію; изъ Туркестана вывезли виноградныя лозы: но съ математическою точностію можно положить, что до Преставленія Свѣта не выпишутъ ни одной модной шляпки изъ Парижа. Впрочемъ все это не относится къ настоящему содержанію сего письма. На сей разъ я хочу описать вамъ костюмъ Китайцевъ.

На сихъ дняхъ (20 Авг.) Китайцы только что перемѣнили лѣтнее одѣяніе на осеннее. Собственно сія перемѣна относится до одной шляпы; но по большей части перемѣняютъ при семъ случаѣ и одѣяніе. Сказываютъ, что у нихъ перемѣна лѣтняго одѣянія на осеннее, и весенняго на лѣтнее, зависитъ отъ Правительства, которое для сего назначаетъ извѣстный день; да и самая форма одѣянія будто бы законами же предписана. Это истинное варварство, закричатъ у насъ въ цѣлой Европѣ; одинъ только слабоумный Китаецъ способенъ подчиниться такому деспотизму. А если сказать правду, то Китайцы въ семъ случаѣ едва ли не умнѣе просвѣщенныхъ Европейцевъ. Безпрерывная измѣнчивость въ предметахъ роскоши пагубна для Государствъ и съ физической и съ нравственной стороны. Не отсюда ли проистекаютъ расточительность, разстроивающая имѣнія, и непостоянство въ мысляхъ, ослабляющее характеръ народный? Китайское Правительство сочло необходимымъ звѣномъ въ законодательствѣ — образовать и укрѣпить характеръ въ народѣ, предписавъ законами форму всему, относительно религіозныхъ обрядовъ, взаимнаго обращенія, одѣянія и строеній. Послѣ сего мы не будемъ дивиться, что столь огромная машина, каковъ Китай, при самомъ малосложномъ механизмѣ, при всемѣстной испорченности ея частей (злоупотребленіи), движется правильно, дѣйствуетъ прочно.

(*Продолженіе обѣщано*).

Вотъ новые четыре стиха Казимира де ла Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го Іюля:

France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Октября 27-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ II, № 62. НОЯБРЯ 2го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданiю, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сiя выходитъ въ слѣдующiе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВКИ

изъ книги: Исповѣдь.

(*Окончанiе.*)

УГРЫЗЕНIЕ СОВѢСТИ.

Глава XI.

Il a jeté sa bourse à un ver luisant qu'il a pris pour un voleur. Je ne puis attribuer sa frayeur qu'à une paire de pistolets tout neufs dont il était armé.

Самая томительная и неизлечимая болѣзнь человѣка есть угрызенiе совѣсти; подагра занимаетъ уже второе мѣсто.

Угрызенiе совѣсти припускаетъ врага къ каждой вашей жилкѣ; оно корчитъ ваши нервы своимъ дыханiемъ, останавливаетъ теченiе крови, ускоряетъ бiенье сердца, обдаетъ холодомъ всѣ ваши составы, покрываетъ потòмъ ваше чело; оно садится за столъ на ваше мѣсто, и вы напрасно увиваетесь около собесѣдниковъ, чтобъ быть участникомъ пира. Ночью, когда подъ часъ вы уснете, оно вдругъ наваливается вамъ на грудь; потòмъ наклоняется къ вамъ на ухо, потòмъ начинаетъ вамъ шептать, потòмъ голосъ его усиливается и потòмъ разражается, подобно грому, до тѣхъ поръ, пока вы одиноко пробудитесь ночью. Ужасна эта болѣзнь!

Отъ другихъ болѣзней человѣческаго тѣла есть лекарства изцѣляющiя и лекарства, ослабляющiя боль: благотворные соки лѣтнихъ растенiй, питательное молоко весною, теплыя воды Альпiйскiя, морскiя купальни, благорастворенное небо Италiи, прекрасный климатъ Прованса; миръ и тишина, и цвѣты, и радости пиршества. Какъ прiятно быть больнымъ за такую цѣну!

Или надъ вашимъ одромъ болѣзни съ усердiемъ и молитвой наклоняется сестра милосердiя; острое орудiе отдѣляетъ отъ вашего тѣла болящiй составъ, и вы наслаждаетесь своимъ выздоровленiемъ, какъ будто бы тѣло ваше было во всей его цѣлости.

Самыя даже изступленiя безумства имѣютъ свою прелесть. Быть Поэтомъ и создавать; каждый день волноваться страстью до смѣха или до слезъ; быть Царемъ либо мужемъ генiальнымъ, или влачить жизнь героя среди всѣхъ возможныхъ бѣдствiй. Это также самый экономическiй и самый надежный способъ быть Поэтомъ въ наше время.

Но угрызенiе совѣсти! сiе угрызенiе неумолимо: оно является во всѣхъ видахъ, захватываетъ всѣ мѣста. Вы замыкаете дверь свою тройнымъ замкòмъ, и оставляете ему только скважину для входа. Угрызенiе презираетъ сей узкiй путь: оно стучится, какъ господинъ, къ вамъ въ двери, вы отворяете поневолѣ, и какъ скоро дверь отперта, оно занимаетъ свое мѣсто подъ кровомъ домашнимъ. Если у васъ есть младенецъ, оно держитъ его у себя на колѣняхъ. Это вашъ гость: дайте ему мѣсто въ вашемъ сердцѣ.

Угрызенiе совѣсти есть одно только изъ движенiй души человѣческой, котораго время не измѣняетъ: угрызенiе будетъ столько же длиться, какъ и самъ человѣкъ. Можетъ однако же случиться, что любовь или честолюбiе упредятъ его.

Когда Анатоль открылъ глаза, то угрызенiе прежде всего ему представилось: оно одѣто было въ саванъ и обѣими руками держалось за шею.

Теперь — бѣги или останься, закрой глаза или смотри, пой или плачь, — дѣлай что хочешь: угрызенiе будетъ всегда съ тобою.

Глава XII.

....*non pede claudo.*

Je brûle, voilà tout.

Горесть нѣма. Она медленными шагами идетъ за гробомъ, становится на колѣни на черное сукно, смотритъ мутнымъ окомъ на погребальный обрядъ; она недвижно стоитъ на краю полу-вскрытой могилы, и счастлива когда остается одна и можетъ плакать.

Вотъ все, что ей возможно; не требуйте больше ничего.

Въ то время, когда подруги отдавали Аннѣ послѣдній долгъ, какой-то высокорослый незнакомецъ, съ грознымъ лицемъ, возмутилъ сей обрядъ печальный. Незнакомецъ долго стоялъ предъ бездушнымъ тѣломъ, нагнулся надъ опустившеюся головою, надъ посинѣлой шеей, какъ будто бы смерть давно уже къ ней прикоснулась. Можно было подумать, что то былъ уголовный судья, пришедшій освидѣтельствовать насильственную смерть.

«Ахъ, сударь!» говорила старая кормилица: «параличъ ударилъ вотъ тутъ; отъ него почернѣла шея у бѣдной моей барышни, отъ него глаза ея налились кровью, и ротъ отворился такъ крѣпко, что я не могу его закрыть. Милая моя Анна скончалась, какъ и матушка ея, отъ паралича.»

Незнакомецъ не отвѣчалъ ни слова; но выходя, бросилъ грустно-предсказательный взоръ на Анатоля, начинавшаго приходить въ себя. Онъ уже былъ на порогѣ, какъ вдругъ возвратился и подошелъ къ нему.

— «Государь мой,» сказалъ онъ, и стоялъ предъ нимъ, вышиною въ сажень: «Государь мой! посмотрите на меня прямо, посмотрите на мое чело, и на челѣ моемъ на морщины, бороздящія его. Постарайтесь узнать меня, когда опять увидите; ибо, клянусь моей душею и вашею, сударь, — мы снова сойдемся!»

Глава XIII.

L'âme de l'homme n'est qu'une partie de sa fortune.
Peut-être aussi faut-il faire la part de ces habitudes étranges et détachées que j'ai prises en devenant mon maître jeune.

Анатоль не пролилъ ни одной слезы; онъ не сказалъ ни слова къ объясненію сего страннаго происшествія. Онъ надѣлъ траурное платье, потому что не нашелъ подъ рукой инаго платья, кромѣ чернаго, и снова вошелъ въ общество, разславляемый всѣми, какъ несчастнѣйшій человѣкъ и достойнѣйшій супругъ.

Уже всѣ изъ-подтишка хлопотали о томъ, чтобы дать ему другую жену на мѣсто той, которой онъ лишился; и ждали только окончанія траура, налагаемаго приличіемъ.

Не о томъ думалъ Анатоль. Будущность его была разрушена; свѣтъ для него былъ пустъ; отнынѣ онъ одинъ. Но отъ сей будущности, отъ сего свѣта, отъ сей толпы онъ ничего уже не желалъ; онъ все былъ готовъ отдать за одинъ часъ покоя, за одинъ только часъ — и былъ бы доволенъ.

Покой убѣгалъ отъ него. И однако, угрызеніе совѣсти такъ не важно! тяжесть, занимающая такъ мало мѣста! Онъ чувствовалъ это, и былъ подавленъ имъ.

Чѣмъ больше онъ вникалъ въ свою душу, тѣмъ болѣе терялся въ этомъ печальномъ лабиринтѣ. Какое отношеніе между сею прошедшею минутой и настоящимъ часомъ? Какая неразрушимая цѣпь связываетъ обѣ сіи эпохи? Кто отправляетъ одну изъ нихъ другою? Кто замѣщаетъ сонъ безсонницей? И если цѣпь сія существуетъ, то какъ ее разорвать? можно ли ее разорвать?

Онъ вопрошалъ всѣ мнѣнія, обозрѣвалъ всѣ системы, жадно останавливался на всѣхъ заблужденіяхъ. «Напрасныя ощущенія!» говорилъ онъ самъ себѣ съ принужденной улыбкой; но ощущеніе становилось тогда столь жестоко, что онъ отступалъ отъ страха. И онъ принужденъ былъ успокоивать себя немного сими ужасными словами: «Это болѣзнь души, и все тутъ!»

Потомъ онъ старался дать такой оборотъ своимъ мученіямъ, что становился въ собственныхъ своихъ глазахъ какъ бы героемъ, достойнымъ похвалъ, и посвятившимъ жизнь свою химерамъ; человѣкомъ необыкновеннымъ, который пугался по своей волѣ. Онъ стыдилъ себя своими страхами и принималъ твердую рѣшимость: «Въ эту ночь я хочу спать.» И задергивалъ занавѣсы у своей постели, чтобъ удалить отъ нея призраки.

Когда же ночь наступала, то, не смотря на его рѣшимость, онъ не могъ спать; по цѣлымъ часамъ лежалъ онъ на одномъ боку; жмурилъ глаза изо всѣхъ силъ; тщетная надежда! Нѣтъ больше сна, нѣтъ отраднаго сна; нѣтъ сновидѣній! нѣтъ сей томной нѣги, которая ввечеру объемлетъ человѣка сладостною теплотой, съ пріятной лѣнью разметываетъ его члены на зыбкомъ пуху, успокоиваетъ его сердце и всѣ артеріи, прокрадывается слегка подъ его голову; сего благотворнаго пара, который оживляетъ мысль и убѣгаетъ тихо поутру съ первыми лучами дня!

Или, послѣ сей долговременной безсонницы, покушался онъ опять приняться за ученье, снова теряться въ игривыхъ извилинахъ древности, возвратиться къ образцовымъ твореніямъ, столь милымъ ему съ малолѣтства, къ Поэтамъ, даровавшимъ ему вторую жизнь. Но увы! Поэзія была для него безцвѣтна, героизмъ — существо безъ образа, вымыслъ не доходилъ уже до его души, какъ существенность. Все это было вздорною игрушкой, пустымъ звукомъ, теряющимся въ воздухѣ, — и онъ съ презрѣніемъ бросалъ любимыхъ своихъ Поэтовъ.

То же было и съ Исторіей. Тацитова и Ювеналова казались ему теперь блѣдными. Онъ слушалъ ихъ, какъ разсказы старыхъ бабъ; онъ не узнавалъ ни Нерона, ни Тиверія; онъ уже не содрогался. На самыхъ сильныхъ мѣстахъ читаннаго имъ творенія, впадалъ онъ въ безконечную задумчивость, не переставая читать.

Въ одинъ вечеръ, когда книга выпала у него изъ рукъ и онъ погрузился въ то состояніе недвижнаго остолбенѣнія, которое все еще онъ предпочиталъ другимъ, взоръ его случайно остановился на длинномъ, неподвижномъ и блѣдномъ лицѣ, которое, казалось, уставило на него глаза. Страшно было глядѣть на это подобіе: щеки впалыя и сухія, волосы дыбомъ, губы повисшія, взглядъ отвратительный! «Какое преступленіе совершилъ этотъ несчастный?» подумалъ Анатоль. «Мертвецъ ты, или живъ?» вскричалъ онъ внутренно. «Право, онъ еще жалче меня!»

Ужасъ объялъ его, когда онъ всмотрѣлся и увидѣлъ, что сіе отвратительное лице — было его подобіе, отражавшееся въ зеркалѣ.

Онъ отворотилъ голову, и увидѣлъ на противоположной стѣнѣ прекрасное лице юноши, спокойное и ясное, въ положеніи безмятежнаго счастія.

Увы! и это былъ онъ же!

Въ этотъ вечеръ не могъ онъ пролить ни одной слезы.

Глава XIV.

Pends-toi, philosophie!... je n'avais jamais craché à la face de l'espèce humaine.

Le roi Lear.

O insensé!. j'en perdrai la raison.

Наконецъ онъ постигъ то, что зналъ съ самаго начала: онъ постигъ, что не было врачеванія тамъ, гдѣ онъ искалъ его; что Философія — ученая роскошь, годная только для людей счастливыхъ, и ничѣмъ не помогающая въ несчастіи. Онъ покинулъ книги, какъ напрасное утомленіе, и предался инымъ мыслямъ. Когда нѣтъ уже вѣрованія на свѣтѣ, и тогда еще оно есть для отчаянія.

Сначала думалъ онъ предать себя правосудію человѣческому, удовлетворить законъ, имъ нарушенный, заставить людей говорить себѣ въ глаза: «ты убійца!» Онъ хотѣлъ подвергнуться казни, итти къ допросу и въ оковы, вытерпѣть медлительную смерть послѣдняго дня. Но это влекло казнь всему его семейству, стыдъ его отцу, поношеніе молодой его сестрѣ; безсовѣстную несправедливость для заглажденія убійства: онъ никакъ не могъ на то рѣшиться.

Не то, чтобы казнь не возбуждала въ немъ зависти. Онъ завидовалъ жизни на галерахъ, наказанію галерныхъ невольниковъ, ведомыхъ на цѣпи, ихъ долгимъ истязаніямъ, изглаживающимъ муки душевныя, ихъ усталости, за которою слѣдуетъ сонъ; завидовалъ даже вѣчному клейму, отнимавшему у нихъ всякое желаніе вступить снова въ общество человѣческое. Онъ смотрѣлъ на ссыльнаго, какъ на человѣка, который честнѣе его, и снималъ шляпу, когда цѣпь невольниковъ проходила мимо.

Еще болѣе завидовалъ смертной казни. Во дни казни онъ изъ первыхъ являлся на Гревскую площадь и говорилъ самъ себѣ (то были единыя минуты его спокойствія): «Для чего я не этотъ несчастный, котораго «такъ долго тащатъ на телегѣ, на котораго толпа «смотритъ и ободряетъ его, или жалѣетъ о немъ? «Покрайней мѣрѣ онъ платитъ свой долгъ, онъ раздѣ«лается съ правосудіемъ человѣческимъ; цѣною своей «жизни онъ покупаетъ снова утраченное имъ достоин«ство; онъ не остается въ живыхъ цѣною лжи. Здѣсь «онъ человѣкъ свободный, отвѣчающій тѣлесно за свое «преступленіе. Одинъ я только трусъ и лжецъ.»

Такъ думалъ онъ, и женщины, стоявшія подлѣ, смотрѣли на него, и, вздрагивая, указывали на него взоромъ и какъ будто говорили другъ другу: «Вотъ пріятель преступника; увидимъ, можетъ быть, что и «этому не миновать того же.»

Глава XV.

A l'âge où il n'y a pas d'isolement.

Où l'on dit sans rougir *credo*.

Сія мысль объ эшафотѣ и Гревской площади однако же поздно пришла къ нему: онъ выдумывалъ сперва утѣшенія не столь тяжкія, но, въ состояніи сомнѣнія, въ каковомъ онъ тогда находился, казавшіяся ему менѣе естественными. Отъ этого произошло, что въ горести своей онъ предался мыслямъ не земнымъ. То была сначала темная и смутная идея религіозная, прихоть, не болѣе; потомъ скоро содѣлалась она необходимостью, и невольно увлекся онъ сею послѣднею надеждой тишины и покоя, возникавшею для него изъ-за алтаря.

Сперва онъ вспомнилъ о вѣрованіи раннихъ лѣтъ своихъ, о живой и пламенной вѣрѣ, о дѣтской своей радости, когда съ первымъ рѣзкимъ звономъ колокола ходилъ онъ по воскресеньямъ въ церковь своего селенія, гордясь тѣмъ, что велъ за руку свою бабушку. Въ этотъ день все принимало видъ праздника и тишины; всѣ женщины были въ лучшихъ своихъ нарядахъ, всѣ мужчины въ новыхъ платьяхъ; лавки были заперты; однѣ только цирюльни открыты, и въ нихъ видѣлись лица веселыя и помолодѣвшія. По дорогѣ въ церковь, должно было проходить по кладбищу, небольшому участку земли, усѣянному цвѣтнымъ макомъ и деревянными крестами. Въ церкви, надобно было пробираться сквозь толпу чтобы стать на хорахъ; а на хорахъ онъ становился на колѣни подлѣ своей бабушки и тихо молился съ нею. Потомъ, когда запѣвали духовныя стихиры, молился онъ вслухъ и пѣлъ за другими; но онъ пѣлъ съ женщинами, и дѣтскій голосъ его хорошо подходилъ къ голосамъ женскимъ. Потомъ являлся Пасторъ, предшествуемый придверникомъ съ безкровною алебардой; потомъ Пасторъ читалъ отпускъ; послѣ чего вся толпа расходилась въ молчаніи. По выходѣ же ея изъ кладбища, начинались веселые клики. Каждый обыватель стоялъ у воротъ со взоромъ доброжелательнымъ и привѣтливымъ поклономъ. Потомъ старый церковникъ, предъ началомъ обѣда, подносилъ Святую воду садившимся за столъ; а вечеромъ начинались сельскія пляски. Онъ вспомнилъ даже малѣйшія случаи того волшебнаго времени, и можете себѣ вообразить, съ какимъ сожалѣніемъ!

Между прочимъ онъ вспомнилъ, что едва достигнувъ осьмилѣтняго возраста, былъ онъ крестнымъ отцемъ маленькой своей сестры. Кумою была одна изъ двоюродныхъ его сестеръ, миловидная осьмнадцати-лѣтняя брюнетка; она шла съ нимъ рука объ руку въ церковь, и онъ горделиво подвелъ ее къ купели. О! какъ сердце его забилось, когда ихъ добрый сельскій священникъ, со всѣмъ величіемъ почтеннаго своего лица, и въ одеждѣ, въ которой онъ принималъ своего Епископа, важно спросилъ у Анатоля его имя младенца, и имя возмужалаго человѣка; когда спросилъ у него исповѣданіе вѣры; когда заставлялъ его отрекаться отъ Сатаны и всѣхъ дѣлъ его! Съ какимъ блаженствомъ отвѣчалъ онъ за сестру свою предъ алтаремъ! Какая для него была несказанная минута благородной гордости, когда подали ему метрическую книгу для подписи, и когда онъ впервые подписалъ свое имя въ дѣлѣ важномъ!... То были тяжкія воспоминанія.

И на сихъ-то именно воспоминаніяхъ былъ онъ прерванъ своею сестрою. «Посмотри, братецъ, какое милое «платьице, и какъ свѣжа эта шляпка, и какъ ярки «цвѣта на этомъ радужномъ шарфѣ. Въ угодность «тебѣ, надѣла я это ожерелье съ черными зернами, «которое ты мнѣ подарилъ на имянины. Посмотри, «братецъ! и какіе маленькіе башмачки, и какія красивыя перчатки, и какое прелестное Майское солнце! «Ужели ты заставишь меня одну скучать дома? Ужели «не надѣнешь фракъ и ленточку свою и не поведешь «меня прогуляться? Теперь прогулка такъ пріятна! «миндальныя деревья въ полномъ цвѣту, воздухъ тепелъ, «весь Парижъ теперь на гуляньѣ. Пойдемъ, братецъ! «я хочу, чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ и позавидовали тебѣ, «чтобъ мужчины сказали: какъ онъ счастливъ!»

— «И я,» думалъ Анатоль, «отрекался за нее отъ міра и его суетностей!»

* * *

ХРАМЪ.

Глава XXII.

J'aimerais mieux un temple en ruines, en vérité!
Qu'as-tu fait de ta gloire?
Racine.

Онъ остановился у приходской церкви. «Вотъ,» подумалъ онъ, «прекрасный храмъ. Колокольня теряется «въ облакахъ; узорные камни, какъ шитое покрывало «невѣсты. Всѣ средніе вѣки изваяны на сихъ обширныхъ «стѣнахъ: щитъ варвара, хламида Римлянина, страданія Мучениковъ, герои и Святые — все это вмѣстѣ; «Исторія языческая и легенды Святыхъ; вся наша старая Галлія, суевѣрная и Христіанская, вѣрно изображена рѣзцемъ современнымъ. Сколько нужно было поту «и генія, особенно сколько вѣры, чтобы соорудить сіи «красивыя массы, чтобъ украсить такимъ образомъ сей «колоссъ, чтобъ упорно пристать къ этимъ твердымъ «обломкамъ скалъ и сообщить имъ мягкій оттискъ «воска! Нѣтъ! вѣра, создавшая сіи незыблемые памятники, была вѣра незыблемая. И самыя врата церкви, «коихъ крѣпкій дубъ раскололся отъ времени и на которыхъ рѣзецъ Итальянскій, подъ лучшимъ уже небомъ, изобразилъ Дѣву Греческую, съ руками, истинно Греческими, въ одеждѣ, волнующейся по вѣтру! «и стекла оконъ съ безсмертными ихъ красками, въ «коихъ является великое дѣло Страстей Господнихъ! «Внѣ храма жизнь, и жизнь внутри его: доски, гробы, «куполъ, возвышенныя каѳедры, священный алтарь; «жизнь даже въ самомъ основаніи: кости, старые останки смертные, останки Царей и воиновъ! «Геній человѣческій былъ ли достаточенъ для такой «святыни? И все сіе пережило столько бурь, сіяетъ «съ такимъ же блескомъ послѣ смутъ народныхъ, стоитъ по прежнему и съ прежней чистотой ученія; «тогда какъ по ту сторону Пролива стоятъ храмы «только вчера построенные, моленныя часовни въ одинъ «ярусъ и ничего не осталось отъ древней вѣры Католической!»

Потомъ Анатоль снова сталъ въ дверяхъ огромнаго Собора, замѣчая съ какою-то радостью, какъ онъ малъ въ сравненіи съ самою низкою его дверью, съ самымъ меньшимъ изъ его Святыхъ, изваянныхъ изъ камня. И приходило ему на мысль: что когда бы могъ онъ войти туда и выйти оттолѣ, получивъ благословеніе, то обрѣлъ бы покой, и, можетъ быть, счастіе.

Между тѣмъ на сей самой площади происходили различныя дѣйствія той однообразной драмы, которую называютъ жизнью. Тамъ было новорожденное дитя, укутанное въ пеленки и несомое кормилицей; отецъ шелъ записать его у земскаго чиновника; но тутъ остановилось странствіе новорожденнаго: его несли къ Меру, и онъ проходилъ мимо церкви, не входя въ оную.

Тамъ была свадьба большаго свѣта: кучера въ бѣлыхъ перчаткахъ, старые родственники въ нарядномъ платьи; невѣста, низенькая и непригожая, съ неуклюжимъ станомъ; женихъ, съ своими задушевными товарищами-весельчаками, нашептывавшій имъ разныя непристойныя шутки. Всѣ они шли къ Меру; у воротъ сего чиновника нашли они всѣхъ нищихъ, нѣкогда толпившихся у вратъ церковныхъ; потомъ снова проходили мимо церкви, не вошедъ въ оную.

Самая смерть презирала сіе послѣднее убѣжище, и молитвы надгробныя, и святую воду, которою окроплялся черный покровъ, орошенный слезами. Гробъ несли молчаливо, и молчаливо шли за нимъ; похваляли тихо доблести покойника, благородный его характеръ, труды его гражданскіе, заслуги предъ Государемъ и отечествомъ. Друзья пошли записать его у Мера; но тѣло его пронесено было мимо церкви, и не остановилось у оной.

Вотъ что видѣлъ молодой человѣкъ. Онъ не постигалъ сей странной борьбы закона духовнаго съ закономъ гражданскимъ; онъ вопрошалъ себя: по какой причинѣ власть, бывшая сперва на одной сторонѣ, перешла совсѣмъ на другую, и почему не хотятъ уже пользоваться симъ памятникомъ, столь прекраснымъ, столь великимъ, столь богатымъ, столь обширнымъ, столь древнимъ, столь священнымъ; а идутъ толпою къ Меру, въ простой обывательскій домъ, безъ ѳиміама и безъ воспоминаній?

Съ Франц.

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА.

День смерти — торжество Святаго.
Среди молчанья гробоваго
Призывный голосъ внемлетъ онъ:
И тихъ его послѣдній сонъ!
Хранитель-Ангелъ неизмѣнный
Его закроетъ мутный взоръ;
Душа постигнетъ свой просторъ,
И какъ орелъ освобожденный
Летитъ въ пространствѣ голубомъ,
Чтобъ тамъ, въ обители эѳира
Допѣть передъ благимъ Творцемъ
Начатый гимнъ въ темницѣ міра!

Трилунный.

ПИСЬМА

къ Художнику-любителю въ ***, о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, 21 Сентября 1830 года.

Письмо II.

Г. *Алек. Тонъ*, братъ Константина Тона, и Архитекторъ Кабинета Его Императорскаго Величества, выставилъ слѣдующіе предметы: проэктъ возобновленія храма Сераписа въ Поццуоли и чертежи развалинамъ онаго храма въ 4-хъ рисункахъ; проэктъ возобновленія храма Юноны въ Габіи, въ двухъ рисункахъ; проэктъ загороднаго дома, фасадъ, разрѣзъ и планъ онаго.

Эпоха построенія *храма Юноны*, коего развалины находятся на половинѣ дороги изъ Рима въ Палестрину, относится къ глубокой древности. Основываясь на древнихъ Писателяхъ, свидѣтельствующихъ о многократныхъ разореніяхъ города Габіи какъ со стороны внѣшнихъ непріятелей, такъ и отъ междоусобныхъ войнъ, нельзя предположить, чтобы оный, прежде времени Адріана, который одинъ старался объ украшеніи города Габіи, находился въ цвѣтущемъ состояніи; но во время сего Императора Римская Архитектура начинала уже клониться къ своему упадку и не имѣла прежней чистоты Греческаго вкуса. Соображая все сіе, трудно предположить, чтобы фасадъ Габинскаго храма когда-либо существовалъ въ такомъ видѣ, въ какомъ изобразилъ оный Г. *Алекс. Тонъ*. Реставрація его прекрасна; Архитектура оной самая чистая Греческая; но въ этомъ-то, кажется, и ошибка.

Другая реставрація выбрана и исполнена Г-мъ А. Тономъ гораздо удачнѣе. *Храмъ Сераписа* есть безспорно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ древности. Развалины онаго, не смотря на всю теперешнюю ничтожность свою, свидѣтельствуютъ о прежнемъ его великолѣпіи. Планъ храма сего состоялъ изъ двора въ видѣ параллелограма, называвшагося у древнихъ *peribola*, коего стороны образовали строенія съ портиками изъ мраморныхъ колоннъ во всю длину внутреннихъ сторонъ; зданія сіи, также одѣтыя мраморомъ, были раздѣлены на множество отдѣльныхъ покоевъ, изъ которыхъ одни были предназначены для жительства жрецовъ, другіе для содержанія жертвъ и проч. Въ срединѣ одного изъ сихъ зданій, противъ входа въ ограду, находилось капище, или *cella*, а по срединѣ двора небольшая ротонда изъ 16-ти прекраснѣйшаго Чиполинскаго мрамора колоннъ Коринѳскаго ордена, поддерживавшихъ превосходно украшенный аттикъ, открытый сверху. Въ 1750 году, когда храмъ сей былъ въ первый разъ отрытъ, оный находился въ совершенной почти цѣлости; здѣсь было найдено тогда весьма много прекрасныхъ статуй, вазъ и другихъ украшеній, свидѣтельствовавшихъ о цвѣтущей эпохѣ Художествъ въ Италіи; но изъ всѣхъ сихъ остатковъ Древности не уцѣлѣло нынѣ на мѣстѣ ничего, кромѣ трехъ фюстовъ колоннъ, нѣсколькихъ базъ, капителей и изломанныхъ антаблементовъ. Основываясь на одной надписи, здѣсь найденной, думаютъ, что храмъ сей былъ построенъ въ VI-мъ вѣкѣ послѣ основанія Рима, слѣдственно въ самое цвѣтущее время Римской Архитектуры, и въ такомъ видѣ представилъ оный Г. Тонъ. Смотря на рисунки его, нельзя не дивиться чистотѣ вкуса Древнихъ сей эпохи.

Прекрасно дѣлаютъ наши молодые Художники, что занимаются подобными реставраціями. Разсматривая остатки Древности, они пріобрѣтаютъ вкусъ; стараясь отъискать въ умѣ своемъ, какъ было построено и расположено то или другое древнее зданіе, они невольно пріучаются также и думать, какъ древніе Зодчіе. — Учась у нихъ, они не будутъ дѣлать ничего безъ причины; не будутъ громоздить колоннъ, для поддержанія такихъ частей, которыя и безъ нихъ держаться могутъ, не будутъ дѣлать куполовъ на четыреугольныхъ зданіяхъ; конюшнямъ давать видъ храмовъ, храмамъ видъ частныхъ домовъ, и строить зданія для однихъ только фасадовъ, не заботясь объ удобностяхъ внутренняго расположенія и соотвѣтственности ихъ предназначенію. *Г-нъ А. Тонъ* въ своемъ *проэктѣ загороднаго дома для богатаго вельможи*, показалъ, что онъ съ пользою учился у Древнихъ и не имѣетъ намѣренія итти по тому ложному пути, по которому слѣдуетъ большая часть нашихъ отечественныхъ Архитекторовъ. Планъ его расположенъ весьма обдуманно, вездѣ удобство и просторъ; фасадъ самый приличный предназначенію зданія: великолѣпенъ безъ излишества, пропорціоналенъ во всѣхъ частяхъ и исполненъ вкуса. Весьма желательно видѣть, чтобы подобное зданіе было гдѣ нибудь выстроено. Химерическихъ затѣй въ немъ нѣтъ и исполненіе онаго весьма удобно. Проэктъ сей сдѣлалъ Г. Тонъ въ Римѣ и получилъ за оный званіе Члена Академіи S. Luca. — Молодой Художникъ Г. *Александръ Брюловъ* выставилъ нѣсколько прекраснѣйшихъ архитектурныхъ рисунковъ. Его проэктъ Инвалидному дому на берегу Чернаго моря можно назвать плодомъ пылкаго, истинно-поэтическаго воображенія, а перспективный видъ онаго à vue d'oiseau, истиннымъ capo d'opera рисованія водяными красками. Планъ проэкта изображаетъ вензеловое имя Государя Императора НИКОЛАЯ I-го; но позволь мнѣ, любезный другъ, не входить теперь въ подробности о достоинствѣ геометральныхъ рисунковъ сего проэкта, ибо при описаніи перспективнаго вида онаго, который слѣдуетъ отнести къ Живописи, я буду имѣть случай говорить о семъ произведеніи Г-на Брюлова гораздо болѣе. Теперь перейдемъ къ *Ваянію*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Harmonies poétiques et religieuses, par A. de Lamartine, membre de l'Academie Française. — (*Поэтическія и Духовныя гармоніи, соч. А. Ламартина*) — 2 тома. Парижъ, 1830.

Статья I.

За десять лѣтъ тому назадъ, когда появились въ свѣтъ первыя произведенія Поэта, коего новыя пѣсни даютъ намъ поводъ къ симъ замѣчаніямъ, Французская Поэзія представляла поистинѣ странное зрѣлище. — Между тѣмъ, какъ послѣ жестокой политической бури, все возраждалось, или лучше сказать, перерождалось въ отечествѣ Вольтера; между тѣмъ какъ дѣятельные и своеобразные умы стремились тамъ отважно къ новымъ разысканіямъ и открытіямъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній; между тѣмъ какъ Философія, Художества, промышленость, нравы, однимъ словомъ вся жизнь Франціи получили видъ, сообразный съ духомъ времени; — въ этомъ пересозданіи цѣлаго народа, въ этомъ всеобщемъ движеніи, одна Поэзія оставалась неподвижною. — Революціонные годы, подобно вихрю неодолимому, насильственно отторгнули Францію отъ прошедшаго. По приговору необходимости, участь сего прошедшаго была рѣшена окончательно. — Поколѣніе, возникшее изъ развалинъ Революціи, рождалось уже въ новомъ мірѣ, и слѣдовательно для новаго міра. Такимъ образомъ между симъ поколѣніемъ и минувшимъ вѣкомъ не могло быть ни связи, ни сочувствія. Въ это самое время, не взирая на столь яркую существенность, Поэзія во Франціи была исключительно отголоскомъ XVIII столѣтія. —

Выключая поэзію драматическую, въ которой можно подмѣтить нѣкоторую наклонность къ нововведеніямъ (на пр. *Пинто*, истор. комедія Лемерсье), другіе роды стихотворства обработывались рѣшительно по старымъ образцамъ. Особенно разпространялись подражанія Делилю и Парни. Чувственность, безразсудная шутливость и аналитическое изображеніе природы (послѣдствіе Философіи XVIII-го вѣка), составляли характеръ сей Поэзіи. Стихотворцы воспѣвали въ полумиѳологическихъ стихахъ сговорчивыхъ любовницъ, наслажденія любви, такъ сказать, наружной, или жалобы на безсиліе сладострастныхъ восторговъ. Стихотворнымъ описаніямъ не было конца: на каждое растеніе, на каждаго звѣря, на каждое орудіе приходилось по нѣскольку паръ полновѣсныхъ *александриновъ*; наконецъ, даже на кухню отправился Поэтъ для прославленія повареннаго искуства. (*) —

Считая излишнимъ подкрѣплять выписками сіи общія разсужденія, коихъ основаніе неоспоримо, мы вопросимъ теперь: что же такое Поэзія, отчужденная отъ всѣхъ великихъ идей о Промыслѣ, о душѣ, о тайнахъ міра? Что такое Поэзія, для которой нѣтъ откровеній во внутреннемъ бытіи человѣка и которую, какъ предметъ неодушевленный, можно почти повѣрять своими пятью чувствами? И далѣе: естественно ли было бъ, если бъ подобная Поэзія производила какое нибудь дѣйствіе на то поколѣніе Франціи, которое мы изобразили выше, — поколѣніе, тѣмъ болѣе доступное надеждамъ, чѣмъ менѣе сохранило оно привязанности къ прошлымъ воспоминаніямъ?

Нѣтъ! именно потому, что сія Поэзія представляла родъ живаго анахронизма въ новомъ бытѣ Франціи, именно потому, что она не выражала ни одной потребности современнаго духа, — она должна была неминуемо оставаться безъ вліянія и наконецъ подвергнуться естественному жребію всего устарѣлаго: перерожденію. — Уже знаменитый проповѣдникъ Христіанской

(*) Смотри: La Gastronomie, par Berchoux.

вѣры, въ двухъ твореніяхъ, исполненныхъ глубокаго вдохновенія, хотя не принадлежавшихъ чистой Поэзіи, проложилъ начальную стезю къ сокровищамъ духовнаго міра. Вслѣдъ за нимъ многіе здравые умы, напитанные Философіею болѣе религіозною, изъясняли необходимость новаго направленія Поэзіи во Франціи и всѣми силами вызывали Поэта, который бы соотвѣтствовалъ общимъ чувствованіямъ: въ это время раздалась лира Ламартина.

Такое введеніе къ предполагаемому разбору, показалось намъ необходимымъ не только для того, чтобы показать, какой переворотъ произвелъ Ламартинъ въ современной Французской Поэзіи, но и для того, чтобы пояснить причину необыкновеннаго успѣха его произведеній. — Теперь намъ это совершенно понятно; ибо мы знаемъ, что люди всегда принимаютъ съ жадностію и признательностью удовлетвореніе всякой живо чувствуемой потребности.

Поспѣшимъ однако жь признаться, что не смотря на сей огромный успѣхъ, мы не признаемъ Ламартина великимъ Поэтомъ. Родъ его — высокая элегія въ полномъ смыслѣ слова. Это вѣчная жалоба, извлекаемая, если позволено такъ выразиться, изъ всѣхъ голосовъ міра. Это плачъ человѣка, который въ безконечности, въ стройности, въ красотѣ всемірной жизни видитъ только одно: скоротечность, нищету, несовершенство собственнаго бытія. — Но Ламартинъ не одаренъ вымысломъ; въ немъ также нѣтъ той глубины мыслей, той неодолимой страсти, которыя однѣ могутъ изкупить, прикрыть, пополнить отсутствіе вымысла. — Однозвучность, односторонность, отвлеченность — вотъ его недостатки. Въ Ламартинѣ постоянно господствуетъ влеченіе къ духовному міру. Событія, рѣшившія судьбу Царей и Царствъ, борьба новыхъ мнѣній, не привлекли его къ участію въ дѣятельной жизни народовъ. Напротивъ того, какъ будто оглушенный нестерпимымъ шумомъ существенности, онъ непрерывно углубляется болѣе и болѣе въ созерцательныя, уединенныя размышленія о тайнахъ природы, о величіи Творца, о ничтожествѣ всего земнаго. — Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ можно однако жь замѣтить вліяніе, впрочемъ краткое, современныхъ произшествій. — Такъ Наполеонъ и Лордъ Байронъ, сіи два великана политическаго и литературнаго міра, какъ будто невольно потрясли струны Ламартиновой лиры. Но и тутъ, посмотрите, какъ невѣрна, непроницательна его мысль, какъ сильно управляетъ имъ набожный восторгъ! Заботясь менѣе о истинныхъ характерахъ сихъ мужей, нежели о спасеніи ихъ душъ, онъ окружаетъ ихъ смертный одръ чувствованіями и надеждами, чисто Христіанскими (*). — За то въ созданіяхъ идеальныхъ, въ выраженіи безпредѣльной любви, въ сѣтованіяхъ безпредѣльной скорби, въ неизъяснимомъ стремленіи къ небеснымъ тайнамъ, вездѣ, гдѣ Ламартинъ могъ черпать изъ источника собственныхъ чувствъ, вездѣ, гдѣ нужно болѣе убѣжденія, чѣмъ проницательности, болѣе вѣры, чѣмъ соображенія, онъ становится своеобразнымъ и плѣнительнымъ Поэтомъ. — Многихъ изъ его стихотвореній невозможно вспомнить безъ глубокаго умиленія и есть минуты задумчивости, испытанныя нѣжными душами, въ которыя звуки Ламартина (говоря любимымъ его сравненіемъ) точно кажутся отголоскомъ Серафимовой арфы. — Подъ его вдохновеніемъ самый Французскій языкъ, обыкновенно слишкомъ положительный для Поэзіи, пріобрѣтаетъ какую-то прелесть, какое-то простодушіе, какую-то гармоническую неопредѣленность, вполнѣ соотвѣтствующую его ощущеніямъ. —

Изложивъ такимъ образомъ характеристику поэтическаго таланта Ламартина, мы разсмотримъ въ другой статьѣ новоизданныя имъ *Гармоніи*.

В.

РУСКІЯ КНИГИ.

Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ Государей, съ 1590 года по Сентябрь 1606. Сочиненіе Капитана Маржерета. Переводъ съ Французскаго. — С. П. Б. Въ типогр. Главнаго Управленія Путей Сообщенія. 1830. (XXVI, 121 и 61 стр. въ 8-ю д. л.) (*)

Во Франціи, въ послѣднее десятилѣтіе, издано было множество *Записокъ историческихъ* (Mémoires historiques), заключающихъ въ себѣ описаніе разныхъ событій, относящихся къ Исторіи Французской, особливо съ половины XVIII-го столѣтія почти до нашихъ временъ. Неизвѣстно, всѣ ли сіи *Записки* подлинно писаны тѣми лицами, подъ именами коихъ онѣ напечатаны, и даже по множеству ихъ дозволительно подозрѣвать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ оныхъ весьма недостовѣрны, и едва ли не спекуляція на алчное любопытство современной публики, придуманная расчетливыми книгопродавцами - издателями, и выполненная смѣтливыми ихъ агентами, Компиляторами

(*) Смотри: Le dernier pélerinage de Child-Harold и Bonaparte.

(*) Цѣна экземпляру на любской бумагѣ пять рублей, на веленевой десять. Продается въ книжныхъ лавкахъ: въ С. Петербургѣ у А. Ф. Смирдина, въ Москвѣ у А. С. Ширяева.

извѣстій, анекдотовъ и слуховъ, относящихся къ лицамъ, сошедшимъ съ политическаго и житейскаго поприща, и къ событіямъ минувшаго времени. Какъ бы то ни было, но для грядущаго Историка, если онъ будетъ одаренъ умомъ критическимъ и тонкою проницательностію, если онъ будетъ умѣть изъ сего хаоса извлечь ясный свѣтъ, — таковыя *Записки* могутъ послужить богатымъ запасомъ; и ежели изъ нѣкоторыхъ не почерпнетъ онъ сказаній о самыхъ происшествіяхъ, то покрайней мѣрѣ извлечетъ вѣрныя соображенія о духѣ времени, о нравахъ, склонностяхъ и направленіи ума современниковъ описываемой эпохи, и о характерахъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ оную.

Наша отечественная Исторія небогата подобными матеріялами, и большая часть изъ уцѣлѣвшихъ, оставлена намъ иностранцами, посѣщавшими Россію или жившими въ оной до временъ ПЕТРА Великаго. Долго мы съ какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ смотрѣли на сіи памятники историческіе, и можно сказать, что Карамзинъ первый разкрылъ намъ сіе богатство. Съ появленія первыхъ томовъ его Исторіи, начали у насъ по немногу собирать и переводить сочиненія иностранцевъ объ Россіи. Правда, переводили изъ оныхъ по большей части только отрывки, для помѣщенія въ Журналахъ; вполнѣ же сочиненій сихъ издано весьма мало: казалось, что Переводчики не надѣялись, чтобы труды ихъ вознаграждены были благосклоннымъ пріемомъ читающей публики. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ благодарность соотечественниковъ нашихъ тѣ немногіе, кои, откинувъ сіи опасенія, отважились на благое дѣло: таковая благодарность безспорно принадлежитъ Переводчику Маржеретова Сказанія о Россіи въ концѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣка.

Изданная имъ книга содержитъ въ себѣ: 1. Предисловіе Переводчика, Г-на Н. У.; 2. Сочиненіе Маржерета; 3. Примѣчанія Переводчика; 4. Алфавитный списокъ главнѣйшихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ книги, и 5. Снимки съ подписей Лжедимитрія на Рускомъ, Польскомъ и Латинскомъ языкахъ.

Въ предисловіи своемъ, Переводчикъ сначала говоритъ, и совершенно справедливо, что для глубокаго знанія Россійской Исторіи недостаточно изучать токмо наши Лѣтописи, что необходимо нужно читать сочиненія иностранныхъ Писателей, посѣщавшихъ Россію съ половины XV до конца XVII столѣтія, и тутъ же изчисляетъ имена сихъ Писателей; потомъ разсказываетъ жизнь Маржерета, и наконецъ предупреждаетъ читателей о степени вѣроятія, каковую заслуживаетъ его Авторъ. Сіе предисловіе показываетъ основательныя знанія, здравое сужденіе и искуство Сочинителя излагать свои мысли.

Собственное сочиненіе Маржерета заключаетъ въ себѣ: I. Посвященіе книги Генриху IV, Королю Французскому. II. Взлядъ на Россію въ началѣ XVII вѣка, гдѣ описываются ея пространство, границы, климатъ, качества почвы и естественныя произведенія. III. Свойства Рускаго народа. IV. Произхожденіе Великихъ Князей. V. Царскій титулъ. VI. Правленіе Царя Іоанна IV. VII. Правленіе Ѳеодора Іоанновича. VIII. Религія Россіянъ. IX. Гражданское устройство. X. Обычаи. XI. Государственные доходы. XII. Монета. XIII. Государственныя званія. XIV. Войско. XV. Внѣшнія сношенія. XVI. Царствованіе Бориса Годунова. XVII. О безчестіи. XVIII. Царствованіе Ѳеодора Борисовича. XIX. Правленіе Димитрія Самозванца. XX. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій. XXI. Мнѣніе современниковъ о Димитріи Самозванцѣ и доказательства Маржерета, что онъ былъ сынъ Іоанна Грознаго.

Изъ сего изчисленія видно, сколь важно сочиненіе Маржерета. Важность сію Переводчикъ еще болѣе усилилъ своими примѣчаніями, въ которыхъ или опровергаются, или исправляются, или подробнѣе излагаются повѣствованія и мнѣнія Маржерета, или содержатся выписки изъ сочиненій Паерле, Олеарія и Бера, современныхъ ему Писателей. Способъ изъясненія, какъ въ Предисловіи, такъ и въ переводѣ, почти вездѣ точенъ, правленъ и хорошъ. Въ подтвержденіе всего нами сказаннаго, выписываемъ два отрывка, одинъ изъ Предисловія, другой изъ перевода.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* **NNo.**)

Литературная Газета, удостоенная лестнымъ для издателя ея пріемомъ, будетъ издаваться и въ будущемъ 1831 году. Выходить она будетъ, какъ и нынѣ, чрезъ каждые пять дней, нумерами въ одинъ печатный листъ большаго размѣра. Въ теченіе года сихъ No будетъ издано 72. Первый No выйдетъ въ свѣтъ 1-го Января 1831 года. Цѣна годовому изданію 35 руб., съ пересылкою въ другіе города и разноской по домамъ 40 руб. Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слѣнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, No 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ Г-жи Гавриловой; у книгопродавцевъ: И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 28, И. И. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 27, и Андрея Глазунова, у прикащика его Ивана Лисенкова, въ томъ же д., въ лавкѣ подъ No 25. Въ Москвѣ: у Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета А. С. Ширяева, и у Андрея Глазунова, на Никольской улицѣ, противъ Казанскаго Собора, подъ No 1 и 2. Въ Тулѣ: у книгопродавца С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Ноября 1-го дня 1830 года. Ценсоръ *В. Семеновъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПЯТНИЦА. ТОМЪ II, № 63. НОЯБРЯ 7го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

СОКРОВИЩЕ.

Хроника 1394 года (*).

Участь Евреевъ въ XIII и XIV вѣкѣ была ужасна; смиренно переносили они гоненіе и дерзко обманывали добрыхъ жителей Парижа. Ихъ вѣшали между двухъ собакъ, сѣкли на улицахъ о Святой недѣлѣ; жгли для забавы народа: по выгоды ремесла вознаграждали ростовщиковъ за сіи маловажныя хлопоты. Напрасно обращались они въ Христіанскую вѣру! крещеный Жидъ лишался всего имущества: оно почиталось нечистымъ и неблагопріобрѣтеннымъ.

Филиппъ-Прекрасный, — мастеръ добывать деньги, безъ дальняго суда выгналъ Жидовъ изъ Франціи, и прибралъ къ рукамъ ихъ сокровища. Король Іоаннъ, не желая обременять Государства налогами, заставилъ ихъ дорого заплатить за позволеніе возвратиться. Наконецъ Карлъ VI, Сентября 1394 года, снова объявилъ Жидамъ изгнаніе, обѣщая петлю и разореніе тѣмъ, кои въ теченіе мѣсяца не оставятъ его владѣній. Столь несправедливый приговоръ вѣроятно исторгнутъ былъ какимъ нибудь хитрецомъ у тогдашняго Французскаго Правительства. — Напрасно Евреи сулили золото, чтобъ только остаться въ главныхъ городахъ Королества. Чернь врывалась въ ихъ домы; — бѣгство было единымъ спасеніемъ.... они поспѣшно и безмолвно удалились. Тогда звонкая монета почти перевелась во Франціи; часъ отъ часу слабѣвшая торговля упала. Немногіе изъ Жидовъ, дорожа кошелькомъ болѣе жизни, оставались еще въ Парижѣ чтобъ какъ нибудь принудить должниковъ возвратить имъ капиталы, до наступленія срока обязательствъ.

Около шести часовъ вечера, 15 Октября 1394 года, въ низкой лавочкѣ, примыкающей къ воротамъ Св. Іакова (Saint-Jacques-la-Boucherie), Николай Фламель и Пернелла, жена его, молча сидѣли за дѣломъ: одинъ писалъ готическими буквами церковный служебникъ, украшенный разцвѣченными картинками; другая перебирала зерна четокъ и тусклый свѣтъ мѣдной лампады едва освѣщалъ ихъ работу. Осенній вѣтеръ, жалобно стеная вокругъ большой церковной башни, качалъ подвижной цвѣтокъ лиліи, служившій вывѣскою писарю. Огни погасали въ домахъ, повинуясь вѣстовому звону; по нечистымъ и смраднымъ улицамъ слышно было хрюканье свиней, раздавались крики ночныхъ птицъ и лай кочующей собаки.

— «Другъ мой,» молвила Пернелла визгливымъ голосомъ: «я про себя теперь думала, что чрезъ три дня ни одной Жидовской души не останется въ цѣломъ Парижѣ; порадуются святыя церкви, честные монастыри и весь причетъ церковный!.... Вѣдь Жидъ и Антихристъ — одно и то же.

— «Жена,» возразилъ сердито Фламель, не покидая работы: «чему ты на зло себѣ рада? Столько ли письма, много ли мнѣ было поживы отъ той войны, которую вели наши Князья во время сумасбродства Короля Карла? Покрайней мѣрѣ для добрыхъ и честныхъ Евреевъ день и ночь проворное перо мое переписывало акты, крѣпости, обязательства; это выгоднѣе, чѣмъ разкрашивать служебники; я право съ досады желалъ бы лучше захлебнуться чернилами, чѣмъ шпиговать свое сердце празднымъ лезвеемъ моего перочиннаго ножика.

— «И полно!.,. кстати ли Христіанину держать такія окаянныя рѣчи? Да развѣ у тебя помутились глаза и отнялись руки; развѣ есть кто нибудь тебя искуснѣе? Не печалься: духовникъ мой, отецъ Адамъ, увѣряетъ, что когда выгонятъ Жидовъ, то православные вспомнятъ Бога, и станутъ покупать церковныя книги, рукописи съ золочеными буквами, разкрашенными....

— «И все въ долгъ за безцѣнокъ!....»

Вдругъ кто-то постучался у двери. Пернелла, хромая отъ своей семидесяти-лѣтней подагры, встала отворить задвижку — и низенькой, сѣдой старичокъ, съ длинной бородою, съ быстрымъ взглядомъ, въ желтомъ кафтанѣ, подошелъ къ хозяину лавочки. На лицѣ старухи изобразилась досада, она сотворила молитву

(*) Изъ книги: Soirécs de Walter-Scott.

и крестное знаменіе, поцѣловала четки и садясь на прежнее мѣсто, ворчала сквозь зубы: «Проклятый Жидъ! чтобъ ты сгорѣлъ, окаянный, огнемъ Святаго Антонія! чтобъ те извели проказа и струпья!» Николай Фламель, напротивъ того, протянулъ руку Манассею, который положилъ въ нее только мизинецъ правой, по обычаю своего народа, и подвигая стулъ:

— «Sedete dextris meis,» сказалъ писарь, «побесѣдуемъ. «Я не чаялъ тебя въ городѣ....»

Пернелла, косо поглядывая на Манассея, бормотала ему проклятія.

— «Или до меня есть надобность,» продолжалъ Фламель, «что ты пришелъ въ такую темь и стужу? Теперь жудко ночью бродить по улицамъ; ну, если бы столкнулся ты съ Университетскими сорванцами, они бы тебя распяли на крестѣ или захлестнули петлею, не прогнѣвайся!.....

— «Сынъ мой,» возразилъ Манассей, «Богъ Исаака промышляетъ о моей старости, и когда люди угнетаютъ народъ Израилевъ, тогда простирается Его десница omnipotente, и хранитъ насъ, какъ тарчъ и кольчуга. Но я хотѣлъ бы поговорить съ тобою на единѣ: постарайся, чтобъ никто не подслушалъ насъ — и ты благословишь Господа Адонаи!»

Николай Фламель, запахнувъ широкій плащъ, нахлобучивъ мѣховую шапку, пошелъ запереть дверь, въ которую Пернелла только что вышла; а Раввинъ, между тѣмъ, прислонясь къ окну, вслушивался, какъ стукъ деревянныхъ каблуковъ ея раздавался по улицѣ и наконецъ затихнулъ въ отдаленномъ переулкѣ. Тогда вынувъ Библію изъ душистаго футляра, онъ подалъ ее Фламелю.

— «Предъ этой Святою книгою, Николай, клянись твоимъ Богомъ, что не измѣнишь моей тайнѣ — и да будешь богатъ, яко Царь Соломонъ и Царица Савская.

— «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, клянусь,» вскричалъ Фламель, поднявъ руку: «такая присяга, Манассей, не хуже клятвы волнами Стикса; вѣроломные не внидутъ въ Царствіе Небесное.

— «Вотъ въ чемъ дѣло: Король высылаетъ насъ изъ Франціи, но указъ его даетъ Евреямъ право остаться еще мѣсяцъ, дабы имѣть имъ время получить обратно отданные въ ростъ капиталы. Должники не хотятъ о томъ и слышать; а знатные господа, вмѣсто процентовъ, сулятъ намъ палки. Такимъ образомъ мы сдѣлаемся бѣднѣе блаженнаго Іова, если ты не поможешь: здѣсь не одна наша, но и твоя польза.

— «Гдѣ и какъ, почтенный благопріятель? Перо мое всегда къ твоимъ услугамъ. Только прикажи: прошеніе, объявленіе, явку, — тотчасъ настрочу на бѣломъ, какъ снѣгъ, паргаминѣ. Ужь не ударить ли намъ челомъ въ судѣ на заемщиковъ....

— «Это не поможетъ. Но есть средство надежнѣе. — Слушай: ты знаешь обычай и крючки Парламента, маракуешь по-Еврейски, тебѣ не учиться стать приказнымъ хитростямъ, — такъ дѣло и въ шляпѣ! Возьми тройные проценты со всѣхъ нашихъ векселей, безчисленныхъ, какъ звѣзды небесныя; но только выручи наши деньги.

— «Спасибо, спасибо, Манассей; теперь на радости я не только готовъ помогать честному Моисееву племени, но пожалуй вытерплю Жидовскій обрядъ вѣры. Ну, пиши на векселяхъ передачу, — а я, обмѣнявъ ихъ на свѣтленькіе динаріи, франки и ангелоты, найду тебя хоть на краю свѣта.

— «Не употреби же во зло моей довѣренности!.... Смотри, въ этомъ реэстрѣ по порядку означены пять сотъ тысячь ефимковъ, отданныя безъ залоговъ; постарайся выручить нашу собственость: остальное — тебѣ.

Документы въ рукахъ Фламеля, Манассей получилъ разписку; странный договоръ сдѣланъ и на другой день Жидовскій Раввинъ былъ уже на пути въ Испанію, куда сокрылись чада лихвы. Николай Фламель не терялъ времени и какъ онъ довольствовался половиной долговъ, не требуя процентовъ, то благодаря своей неусыпности, скоро сдѣлался обладателемъ слишкомъ двухъ сотъ тысячь ефимковъ, — суммы, которая, при тогдашнемъ безденежьи, почиталась огромною. Слишкомъ знавъ робкую, мнительную набожность жены своей, онъ боялся сказать ей объ источникѣ своего внезапнаго богатства; не смотря однако жь на то, онъ купилъ у монастыря Св. Мартина землю въ Монморанской улицѣ, не далеко отъ городскихъ воротъ, и построилъ тамъ нѣсколько домовъ. Здѣсь-то завелъ онъ училище чистописанія, которымъ управлялъ писецъ его Манженъ, а въ подвалахъ новаго жилища зарылъ свои сокровища.

Два мѣсяца спустя послѣ посѣщенія Манассея, Фламель, сидя предъ свѣтлымъ огонькомъ, разговаривалъ съ женою о приближеніи святокъ, и какъ-то промолся, что готовъ подарить золотой сосудъ въ церковь Святаго Іакова.

— «Матерь Божія!» возкликнула Пернелла: «прокляла еси насъ, аки змієвъ! Да развѣ лукавый врагъ купилъ твою грѣшную душу, что у тебя теперь денегъ больше, чѣмъ у Королевскаго казначея? Смотри, Фламель! не провалиться бы намъ сквозь землю; вѣдь разступилась же она подъ Даѳаномъ и Авирономъ!

— «Пернелла,» сказалъ засмѣявшись писарь, «не говорилъ ли я тебѣ, что мнѣ такъ на роду написано, и что надъ колыбелью моей играла звѣзда серебряными лучами? Дай срокъ, я куплю тебѣ бархатное платье, шитое золотомъ, да коневьи башмаки, да золотыхъ нарядовъ.....

— «И, батюшка, мнѣ старухѣ въ пору носить простую кофту, пока смерть не окутала саваномъ. Вотъ ты, хоть и моложе меня, но берегись состарѣться отъ сатанинской роскоши: она ведетъ прямо къ костру. Бога ради, скажи мнѣ, не получилъ ли ужь ты какого наслѣдства? Я зажала бы рты завистникамъ, на которыхъ большой урожай въ нынѣшнее время.

— «Такъ слушай же; я боялся, что ты проболтаешься и отъ того молчалъ по сю пору. Между древнихъ рукописей, попалась мнѣ одна драгоцѣнная Еврейская хартія, сочиненная Патріархомъ Авраамомъ и писанная на древесной корѣ; она покрыта была золотою битью, изукрашенной таинственными буквами, и застегнута была серебрянымъ запономъ; а въ ней множество было прекрасно-разцвѣченныхъ картинокъ и невѣдомыхъ знаковъ. Наконецъ въ тройныя очки разобралъ я и постигнулъ премудрость; теперь въ моихъ рукахъ философскій камень!....

— «Такъ, слухи справедливы; но я боялась имъ вѣрить. Дай же мнѣ взглянуть на божественную книгу, которая научаетъ дѣлать золото: я воздамъ ей честь наравнѣ съ мощами.

— «Когда я ужь постигнулъ тайну, то спасаясь, чтобы о ней не пронюхали и не обратилось бы мнѣ во вредъ мое открытіе, я бросилъ книгу въ огонь. Но,» примолвилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, «держи языкъ на привязи, а то, пожалуй, засѣкутъ до смерти, какъ нечестиваго велшебниаа; а этого бы мнѣ не хотѣлось.»

На другой день, въ то самое время, когда школьники и монахи бродятъ изъ дома въ домъ, побираясь милостыней, Пернелла, отлучась до разсвѣта, возвратилась домой съ какимъ-то попомъ-святошею: это былъ отецъ Адамъ, Капелланъ церкви Св. Іакова, духовникъ ея. На немъ была сѣрая епанча съ капишономъ, родъ однорядки духовныхъ особъ тогдашняго времени, которыя носили также черную и даже синяго цвѣта одежду. Этотъ пролазъ удостоилъ Фламеля смиреннымъ поклономъ и улыбкой лукавою, какъ душа его; потомъ, озираясь во всѣ стороны, онъ, къ великой досадѣ Фламеля, который въ тайнѣ проклиналъ нескромность жены свей, началъ такъ:

— «Господинъ Фламель, я знаю, что ты виноватъ или неостороженъ; въ городѣ ходятъ слухи, что ты открылъ философскій камень.....

— «Когда бы такъ, отецъ мой! но клянусь всѣми Святыми....

— «Зачѣмъ запираться? къ чему пустыя клятвы? Я по дружбѣ пришелъ тебѣ посовѣтовать....

— «Однако жь ты ошибаешься......

— «Николай, подумай хорошенько: ты согрѣшилъ на Небо и предъ человѣками, ты съ двухъ сторонъ заслужилъ наказаніе: ибо сила нечистая сообщница Магіи, а за эту гнусную науку жгутъ *здѣсь* и проклинаютъ тамъ.

— «Но выслушай мои оправданія! Никогда не дѣлалъ я ни серебра, ни золота; мнѣ ли, бѣдному писцу, мѣшаться въ такое дѣло?

— «Пустое, братъ, я не люблю пускать словъ на вѣтеръ; и если ты не покаешься, то обыщутъ каждый уголъ твоего дома.

— «Клянусь гусинымъ перомъ, отецъ мой, что полицейскіе сыщики и въ каплѣ воды найдутъ, за что повѣсить бѣднаго человѣка, будь онъ нехристь или крещеный! Боже избави отъ обыска...

— «Говори правду, — слюбится! Ты обладаешь тѣмъ чудеснымъ камнемъ, который былъ во власти Соломона. О божественное произведеніе! Или боишься, что я предамъ тебя, какъ Іуда Спасителя? нѣтъ; я научу тебя избѣжать сѣтей и навѣтовъ; но, нельзя ли и меня научить секрету?....

— «Ты изволишь шутить, отецъ Адамъ; клянусь святою Евхаристіей.....

— «Хорошо: жаль только, если донесутъ на тебя Парламенту; и такъ, чтобъ о спасеніи души твоей отслужить нѣсколько обѣдень, а въ случаѣ нужды, омыть ее отъ грѣховъ индульгенціями — дай мнѣ нѣсколько сотъ золотыхъ: я раздамъ остальную сумму нищимъ и страждущимъ.»

Николай Фламель увидѣлъ наконецъ, что отговариваться уже поздо; бросивъ укорительный взглядъ на Пернеллу, онъ, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты, спустился въ подвалъ и съ глубокимъ вздохомъ почалъ свое сокровище. Отецъ Адамъ насилу могъ скрыть восторгъ алчной души своей, когда писарь принесъ ему чашу, верхомъ насыпанную золотыми монетами.

— «О! о!» сказалъ святоша, разсматривая вблизи одинъ совсѣмъ почти новый Парижскій динарій: «этотъ металлъ высокой пробы, и выбитъ при покойномъ Филиппѣ Валуа. Чудо! не могу надивиться только, какъ отъ этихъ монетъ нѣтъ ни сѣрнаго, ни адскаго запаха. Ну, Фламель, будь увѣренъ, что я сдѣлаю изъ нихъ хорошее употребленіе. Прощай; — оставайся съ Богомъ! деньги тебѣ такъ дешево приходятъ, что и впередъ тебя жалѣть нечего.

— «Жена, настоящая дочь Еввы,» сказалъ Пернеллѣ огорченный писарь: „типунъ бы тебѣ на языкъ, проклятая.

— «Не худо быть осторожнымъ,» прервалъ Капелланъ, не переступя еще черезъ порогъ; «дай Богъ тебѣ безмятежнаго счастія; но вѣдь богатство приходитъ дорогою цѣною; люди завистливы; старайся, чтобъ тебя оставили въ покоѣ.

Николай Фламель, которому очевь нужны были сильные покровители, тогда же послушался благоразумнаго совѣта отца Адама, и, въ теченіе своей жизни, четырнадцать монастырей и столько же церквей обогатилъ онъ своими истинно-царскими вкладами. Онъ построилъ склепъ для усопшихъ при церкви Святыхъ Избіенныхъ

Младенцевъ (des Innocents), соорудилъ придѣлъ въ храмѣ Св. Іакова (Saint-Jacques-la-Boucherie), гдѣ онъ изображенъ былъ въ капуцинскомъ плащѣ, стоящимъ на колѣнахъ предъ своею женою; обогатилъ церкви Св. Женевьевы (S-te Geneviève-des-Ardents), Св. Космы (Saint-Côme) Св. Младенцевъ (des Saints-Innocents) и украсилъ многіе приходы картинами, большими окнами, раками, на коихъ онъ всегда изображенъ былъ въ розовомъ одѣяніи, съ бородой или бритый, и съ чернильницей своей, привѣшенной къ поясу. Должно удивляться, что онъ сопричисленъ къ лику Святыхъ Римско-Католической церкви не прежде смерти.

Чрезъ четыре мѣсяца по изгнаніи Жидовъ, состоялся указъ 2-го Марта 1395 года, коимъ уничтожались всѣ долговыя ихъ претензіи. Николай Фламель обязанъ былъ за сію услугу попамъ, своимъ покровителямъ, и набожность его была столь уже очевидна, что никто не старался узнавать причины его внезапнаго богатства.

Однажды утромъ, когда знаменитый Фламель занимался своими дѣлами, Манассей, въ рубищѣ, со впалыми глазами, съ блѣднымъ лицемъ, со всклокоченной бородою, вошелъ къ нему неожиданно.

— «Фламель,» сказалъ онъ твердымъ голосомъ: «я пришелъ получить деньги Евреевъ и возвратить тебѣ твою расписку. Я вижу, что ты по множеству занятій отложилъ поѣздку въ Испанію, какъ между нами было условлено.

— «Да и не зачѣмъ было туда ѣхать,» запинаясь отвѣчалъ Фламель. «Ты, я чаю, слыхалъ, что у должниковъ мошна туга..... а къ тому же Король отнялъ у нихъ охоту расплачиваться.... Указъ обнародованъ былъ съ трубнымъ звукомъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. .....

— «Фламель,» возразилъ Манассей: «ты говоришь о томъ, что случилося вчера; но осмѣлишься ли считать своею добычею священный залогъ нашъ? Ты былъ бы безчестнымъ обманщикомъ; нѣтъ, сія татьба обратилась бы тебѣ на погибель, и если уснула въ тебѣ совѣсть, то знай, что не дремлютъ законы.

— «Манассей!» воскликнула съ ужасомъ вошедшая Пернелла. «Какъ, Жидъ въ моемъ домѣ! Вонъ, отверженецъ!

— «Жидъ! Жидъ!» закричала служанка Маргарита, которая также имѣла въ виду наслѣдство.

— «Бей, бей Жида!» повторили школьники, которые услышали изъ сосѣдняго класса сіе ненавистное имя; и нагрянувъ толпою на несчастнаго старца, выбросили его на улицу, не смотря на слабое его сопротивленіе.

Большой боровъ недалеко отъ того мѣста рылся въ грязной лужѣ; эти молокососы, уже кипящіе фанатизмомъ взрослыхъ людей тогдашняго вѣка, привязали Манассея къ хвосту нечистаго животнаго, которое, испугавшись ихъ громкаго крика и стенаній бѣдной жертвы, вырвалось изъ толпы ихъ и скоро влачило одинъ кровавый, обезображеный трупъ.

Съ Фр. — *В — ій.*

САДЪ.

Ужь пахнетъ яблокомъ въ саду,
Богатствомъ яблони кудрявой;
Безароматной скуча славой
Я къ саду въ ароматъ иду....
Какъ здѣсь свѣжо и ясно чувство!...
Какъ здѣсь природа хороша!
И заморенная искусствомъ,
Тутъ оживляется душа!...

Ѳ. Глинка.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

HARMONIES POÉTIQUES ET RELIGIEUSES, par A. de Lamartine. (*Поэтическія и Духовныя гармоніи А. Ламартина.*)

Статья II.

Въ предисловіи къ своимъ *Гармоніямъ*, Ламартинъ говоритъ слѣдующее:

«Сіи Гармоніи, отдѣльно взятыя, какъ будто не имѣютъ никакого между собою соотношенія; но разсматривая оныя въ цѣлости, можно было бы отыскать въ самомъ разнообразіи ихъ начало единства; ибо въ мысли сочинителя онѣ предназначались для изображенія множества впечатлѣній природы и жизни на душу человѣка; впечатлѣній, различныхъ по своему духу, одинакихъ въ своей цѣли, такъ какъ всѣ они долженствовали разсѣяться и успокоиться въ созерцаніи Бога: предметъ безконечный, какъ Природа, великій и святой, какъ Божество — силы человѣческія до него не достигаютъ!»

А далѣе: «Стихи сіи назначены для немногихъ. — Есть души задумчивыя, неодолимо возвышаемыя уединеніемъ и созерцательностію къ безконечнымъ идеямъ, т. е. къ Вѣрѣ; всѣ мысли ихъ обращаются въ восторгъ и молитву, все ихъ существованіе есть нѣмый гимнъ Божеству и надеждѣ. Онѣ ищутъ внутри себя и въ созданіи, ихъ окружающемъ, ступеней для всхода къ Богу; выраженій и образовъ, чтобы открыть Его себѣ, чтобы открыть Ему себя: о! пусть я доставлю имъ нѣсколько такихъ образовъ и выраженій!»

«Есть сердца, раздробленныя скорбью, оттолкнутыя міромъ, которыя ищутъ убѣжища въ мірѣ мыслей, въ уединеніи своей души, чтобы плакать, ожидать, обожать; о! пускай они допустятъ къ себѣ Музу, подобно имъ одинокую; пускай найдутъ сочувствіе въ ея звукахъ; пускай иногда скажутъ, внимая ей: Мы молимся твоими словами, мы плачемъ твоими слезами, мы призываемъ твоими пѣснями!

«Имъ однимъ принадлежатъ сіи стихи. Они не нужны свѣту: у него свои заботы и свои думы!»

Эти строки явно обнаруживаютъ направленіе, которому слѣдовалъ Ламартинъ въ своихъ *Гармоніяхъ* и служатъ вѣрнымъ истолкованіемъ господствующаго въ нихъ духа. Въ новыхъ пѣсняхъ его дышетъ, не только теплое убѣжденіе Вѣры, но и энтузіазмъ истинно Библейскій. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это уже не элегіи, одушевленныя задумчивымъ чувствомъ, но вдохновенные Псалмы. — Видно, что душа Поэта болѣе и болѣе очищается отъ мучительныхъ сомнѣній и что она уже согрѣта лучами Божественной Надежды. — Вотъ религіозная сторона *Гармоній* — теперь разсмотримъ ихъ въ поэтическомъ отношеніи. — Прочитавъ ихъ съ участіемъ и со вниманіемъ, какъ должно читать Поэта, мы постараемся просто и добросовѣстно описать произведенное ими на насъ дѣйствіе. — Сначала были мы восхищены, очарованы прелестными звуками сей высокой и благочестивой Поэзіи; потомъ повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей, однихъ и тѣхъ же изображеній и оборотовъ притупило наше наслажденіе; наконецъ, утомленные насильственнымъ приведеніемъ всѣхъ ощущеній къ одной идеѣ, мы видѣли уже въ Ламартинѣ не простодушнаго Поэта, но жреца, пристрастнаго къ своему кумиру. Причина этому намъ понятна. Поэзія не терпитъ системы. Ничто не ослабляетъ болѣе ея таинственнаго владычества, какъ увѣренность, что Поэтъ заранѣ ограничилъ себя какими нибудь условіями, опредѣлилъ себѣ какую нибудь положительную цѣль! Въ *Гармоніяхъ* Ламартина сердцу читателя нечего угадывать, нечего дополнять; чувствуешь напередъ, что отъ увядшаго листка, отъ изсякшей струи онъ какъ будто по готовой дорогѣ обратится къ увяданію и кончинѣ человѣка; за описаніемъ великолѣпныхъ или трогательныхъ картинъ природы, непремѣнно послѣдуетъ прославленіе всемогущества или милости Творца. Этотъ способъ изложенія, принятый за правило, сколь бы онъ ни былъ согласенъ съ религіознымъ чувствомъ, кажется намъ довольно прозаическимъ. — Между всемірною жизнію природы и жизнію человѣка существуютъ чудныя соотношенія; но по мнѣнію нашему, Поэтъ можетъ только наводить на оныя душу читателя, а не подробно и безпрерывно обнаруживать сокровенныя нити, ихъ связующія. Въ противномъ случаѣ, таинства міра будутъ похожи на нѣкую однообразную ткань, коей производство доступно для каждаго.

Такимъ образомъ мы находимъ, что общій недостатокъ *Гармоній* Ламартина (кромѣ другихъ недостатковъ, принадлежащихъ его таланту, которые мы пытались означить въ первой статьѣ) заключается въ пристрастіи къ системѣ, овладѣвшей его воображеніемъ. За то можетъ быть ни одно изъ прежнихъ произведеній Ламартина не обилуетъ въ такой степени сильными мыслями, выразительными уподобленіями и роскошными описаніями. Никогда также слогъ его не доходилъ до такой удивительной гибкости. — Въ изданныхъ двухъ томахъ *Гармоній* помѣщено 48 стихотвореній: мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать на удачу изъ оныхъ нѣкоторые отрывки.

Въ Гармоніи, именуемой *Воззваніе*, Поэтъ обращается къ своей арфѣ и вотъ какимъ образомъ сѣтуетъ о прежнихъ своихъ пѣсняхъ и предсказываетъ будущее ихъ посвященіе:

Hélas! et j'en rougis encore,
Ingrat au plus beau de ses dons,
Harpe que l'ange même adore,
Je profanai tes premiers sons;
Je fis ce que ferait l'impie,
Si ses mains, sur l'autel de vie
Abusaient des vases divins,
Et s'il couronnait le calice,
Le calice du sacrifice
Avec les roses des festins!

Mais j'en jure par cette honte
Dont rougit mon front confondu,
Et par cet hymne qui remonte
Au ciel dont il est descendu!
J'en jure par ce nom sublime
Qui ferme et qui rouvre l'abyme
Par l'oeil qui lit au fond des cœurs,
Par ce feu sacré qui m'embrase
Et par ces transports de l'extase
Qui trempent tes cordes de pleurs!

De tes accords mortels j'ai perdu la mémoire,
Nous ne chanterons plus qu'une éternelle gloire
Au seul digne, au seul saint, au seul grand, au seul bon;
Mes jours ne seront plus qu'un éternel délire,
Mon âme qu'un cantique, et mon cœur qu'une lyre
Et chaque souffle enfin que j'exhale ou j'aspire
Un accord à ton nom!

Вотъ описаніе вида въ Генуезскомъ заливѣ въ ночные часы:

Que j'aime à contempler dans cette anse écartée,
La mer qui vient dormir sur la grève argentée
Sans soupir et sans mouvement!

Le soir retient ici son haleine expirante
De crainte de ternir la glace transparente
Où se mire le firmament.

De deux bras arrondis, la terre qui l'embrasse,
A la vague orageuse interdit cet espace
Que borde un cercle de roseaux;
Et d'un sable brillant une frange plus vive
Y serpente partout entre l'onde et la rive
Pour amollir le lit des eaux.

Là tremblent dans l'azur les muettes étoiles,
Là dort le mât penché, dépouillé de ses voiles
Là quelques pauvres matelots
Sur le pont d'un esquif, qu'a fatigué la lame,
De leurs foyers flottans ont rallumé la flamme
Et vont se reposer des flots.

De colline en colline et d'étage en étage,
Les monts, dont ce miroir fait onduler l'image
Descendent jusqu'au lit des mers;
Et leurs flancs hérissés d'une sombre verdure,
Par le contraste heureux de leur noire ceinture
Y font briller des flots plus clairs.

Le chêne aux bras tendus penche son tronc sur l'onde,
Le tortueux figuier dans la mer qui l'inonde,
Baigne en pliant ses lourds rameaux;
Et la vigne y jetant ses guirlandes trempées
Laisse pendre et flotter ses feuilles découpées
Où tremblent les reflets des eaux.

La lune qui se penche au bord de la vallée,
Distille un jour égal, une aurore voilée,
Sur ce golfe silencieux;
La mer n'a plus de flots, les bois plus de murmure,
Et la brise incertaine y flotte à l'aventure,
Ivre des parfums de ces lieux!

Sur ce site enchanté, mon âme qu'il attire,
S'abat comme un cygne, et s'apaise et soupire
A cette image du repos;
Que ne peut-elle, ô mer! sur tes bords qu'elle envie,
Trouver comme la vague un golfe dans la vie
Pour s'endormir avec tes flots!

Какая прелесть, какая нѣжная простота въ двухъ послѣднихъ строфахъ; душа невольно летитъ въ мѣста, описываемыя Поэтомъ. —

Наконецъ вотъ еще Гармонія, которая особенно насъ плѣнила:

LA TRISTESSE.

L'âme triste est pareille
Au doux ciel de la nuit,
Quand l'astre qui sommeille
De la voûte vermeille
A fait tomber le bruit;
Plus pure et plus sonore,
On y voit sur ses pas
Mille étoiles éclore,
Qu'à l'éclatante aurore
On n'y soupçonnait pas!

Des îles de lumière
Plus brillante qu'ici,
Et des mondes derrière,
Et des flots de lumière
Qui sont mondes aussi!

On entend dans l'espace
Les chœrs mystérieux,
Ou du ciel qui rend grace,
Ou de l'ange qui passe,
Ou de l'homme pieux!

Et pures étincelles
De nos âmes de feu,
Les prières mortelles
Sur leurs brûlantes ailes
Nous soulèvent un peu!

Tristesse qui m'inonde
Coule donc de mes yeux,
Coule comme cette onde
Où la terre féconde
Voit un présent des cieux!

Et n'accusé point l'heure
Qui te ramène à Dieu!
Soit qu'il naisse ou qu'il meure
Il faut que l'homme pleure
Ou l'exil, ou l'adieu! —

Не выписываемъ названія другихъ стихотвореній, которыя намъ также понравились (на пр. *Западъ*, *Убѣжище* и пр.); но приглашаемъ любителей Поэзіи повѣрить наши мысли при чтеніи *Гармоній* Ламартина, будучи увѣрены, что многимъ изъ нихъ онѣ доставятъ истинное удовольствіе.

В.

РУСКІЯ КНИГИ.

Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ Государей, съ 1590 года по Сентябрь 1606. и пр. и пр.

(Продолженіе.)

Переводчикъ разсказываетъ жизнь Маржерета:

«Авторъ сей книги былъ родомъ Французъ, весьма извѣстный въ свое время всей Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями. Когда Францію, въ концѣ XVI столѣтія, терзали внутреннія междоусобія, юный Маржеретъ сражался подъ знаменами Генриха IV; но по возшествіи сего Государя на престолъ, наскучивъ мирною жизнію, мечтая только о войнѣ и битвахъ, онъ оставилъ отечество и вступилъ въ службу сперва къ Владѣтелю Трансильваніи, потомъ къ Императору Римскому, послѣ того къ Королю Польскому, отъ коего возвратился опять въ Австрійскія владѣнія. Здѣсь онъ познакомился съ Думнымъ Дьякомъ Власьевымъ, посланникомъ Бориса Годунова. Вѣроятно, желая угодить своему Государю, усердно искавшему способныхъ иноземцевъ, Рускій Посолъ уговорилъ Маржерета перейти въ Царскую службу и привезъ его съ собою въ Москву, въ концѣ 1600 года. Принятый ласково Борисомъ, награжденный вотчинами и помѣстьями, Маржеретъ начальствовалъ при семъ Государѣ иноземною ротою и служилъ ему съ честію и ревностію. (*) Когда Лжедимитрій вступилъ въ Россію и взволновалъ страну Сѣверскую, Годуновъ отправилъ противъ него Боярина Мстиславскаго, при которомъ находился и Маржеретъ съ своею дружиною: Царскій Воевода встрѣтилъ Самозванца при деревнѣ Добрыничахъ (21 Января 1605 года) и сразился съ нимъ. Отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, которая съ ужасомъ обратилась въ бѣгство предъ тѣнію Царевича Димитрія. Въ сію рѣшительную минуту, по извѣстію Бера, Капитаны Маржеретъ и Вальтеръ Фонъ-Розенъ, съ крикомъ Hilf Gott (*помоги Богъ*), устремились на Самозванца и вырвали изъ рукъ его побѣду. Ободренные Россіяне также воскликнули: Hilf Gott, снова сразились и разсѣяли Поляковъ (**). Самъ Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Рускаго пѣхотнаго отряда, говоря, что и дружина иноземная обратила тылъ, вмѣстѣ съ прочими Россіянами (***). Покрайней мѣрѣ, Борисъ, награждая Воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену особенную благодарность (****).

«По смерти Годунова, Лжедимитрій, овладѣвъ Рускимъ Царствомъ, составилъ для себя охранительную стражу изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и раздѣливъ ее на три особенныя дружины, поручилъ первую роту Капитану Маржерету, вторую Ливонцу Кнутсену, третію Шотландцу Вандеману. Вооруженные бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ на древкахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, съ золотыми и серебряными кистями, тѣлохранители первой роты получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ (*). Они всюду провождали Самозванца; Бояре же и Царедворцы слѣдовали за ними издали (**). Вѣнчанный бродяга изъявлялъ Маржерету особенную милость, часто бесѣдовалъ съ нимъ о Генрихѣ IV, и такъ плѣнился славою сего великаго Вѣнценосца, что нетерпѣливо желалъ съ нимъ познакомиться (***). . . . . Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

«По низверженіи Отрепьева, Маржеретъ оставался недолго при Дворѣ Московскомъ: новый Царь дозволилъ ему въ концѣ 1606 года удалиться во Францію, для свиданія съ родными, и отпустилъ его съ богатыми дарами (****).

Молва о странной участи Лжедимитрія возбудила всеобщее вниманія въ Европѣ: безсмертный Историкъ Де-Ту разспрашивалъ Маржерета о Россіи и вѣрилъ ему безусловно, какъ очевидцу (*****). Самъ Генрихъ IV съ любопытствомъ слушалъ его разсказы и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше Отечество (******). Исполняя Королевскую волю, Маржеретъ издалъ во 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. Jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret (*******).

«Но спокойная жизнь была несносна неутомимому Капитану: услышавъ о появленіи втораго Лжедимитрія, онъ снова прибылъ въ Россію и присталъ къ *Вору Тушинскому*. Зная безъ сомнѣнія, что сей негодяй былъ обманщикъ, Маржеретъ не устыдился воевать подъ его знаменемъ и безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему Отечеству (********); вскорѣ однако оставилъ втораго Самозванца, уже обреченнаго на гибель, и присоединился къ отряду Польскихъ войскъ, шедшихъ на Москву подъ начальствомъ Гетмана Жолкѣвскаго. Россіяне, пораженные симъ искуснымъ Полководцемъ при селеніи Клушинѣ, согласились признать Царемъ Владислава, сына Сигизмундова, и дозволили врагамъ овладѣть столицею. Но Сигизмундъ не подтвердилъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ съ на-

---

(*) Собр. Госуд. Грам. Ч. II, стр. 604, и Посвященіе Автора.

(**) Берова Лѣтопись Московская съ 1584 года по 1612, стр. 116.

(***) Маржеретъ, стр. 80.

(****) Беръ, стр. 122.

(*) Беръ, стр. 157.

(**) Авраамій Палицынъ, 23

(***) Маржеретъ, 98.

(****) Соб. Госуд. Грам. II, 603.

(*****) De Thou, V.

(******) Посвященіе Автора.

(*******) Она перепечатана въ 1669 году, по желанію двоюроднаго Автору внука — Sieur Margeret, Grand Audiencier de France, безъ малѣйшей перемѣны, даже со всѣми ошибками въ правописаніи, которыя нерѣдко затемняютъ самый смыслъ сочиненія.

(********) Собр. Госуд. Грам. II, 605.

ними Боярами. Думая склонить ослѣпленнаго Короля, Гетманъ оставилъ Москву, поручивъ ее Госѣвскому съ семитысячнымъ отрядомъ Ляховъ: въ числѣ ихъ находился и Маржеретъ, въ званіи Поручика Нѣмецкой роты (*).

«Болѣе полугода Москитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія *Королевича*: наконецъ увидѣвъ обманъ, раздраженные своеволіемъ Ляховъ, 19 Марта 1611 года они возстали на злодѣевъ по гласу Патріарха Ермогена. Вся Москва внезапно вооружилась — и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ Госѣвскаго, истребляемый Княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городѣ и уже обрекъ себя на гибель неминуемую, когда приспѣлъ къ нему на помощь Маржеретъ и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а Князь Пожарскій, покрытый язвами, уже не могъ начать битвы на другой день и — отступилъ (**). Госѣвскій, подкрѣпленный Полковникомъ Струсомъ, утвердился въ Москвѣ, разграбилъ Царское сокровище и долѣе года злодѣйствовалъ съ своими воинами. Маржеретъ болѣе самыхъ Поляковъ жаждалъ крови Россіянъ. Наконецъ увидѣвъ, что Госѣвскій не устоитъ противъ цѣлой Россіи, онъ удалился въ Сентябрѣ 1611 года, вмѣстѣ съ Бояриномъ Салтыковымъ — предателемъ отечества, — къ Сигизмунду, который, принявъ его съ радостію и наградивъ щедро, далъ ему мѣсто въ своей *Радѣ* (***).

«Но вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, Маржеретъ явился въ Гамбургѣ, откуда въ 1612 году просилъ дозволенія у нашихъ Бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ *Поляковъ* и *Литовцевъ*. Подозрѣвая, что его подослалъ коварный Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Руское Правительство спѣшило снабдить сей городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами Фрейгеромъ, Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу сихъ послѣднихъ отвѣчалъ, въ Августѣ 1612 года, Пожарскій отъ имени Земской Думы, слѣдующимъ образомъ: «Благодаримъ «васъ, господа Капитаны, за ревность и усердіе къ «нашему Отечеству; съ признательностію пріимемъ «ваши услуги, если враги станутъ одолѣвать насъ; «нынѣ же наемные ратники и Воеводы намъ ненадобны: «всѣ чины Рускаго Государства, *за разумъ, правду, до«родство и храбрость, избрали къ ратнымъ и земскимъ «дѣламъ Стольника и Воеводу, Князя Димитрія Ми«хайловича Пожарскаго Стародубскаго*; всѣ Россіяне «жертвуютъ и жизнію и имуществомъ за Православ«ную Вѣру: мы служимъ Отечеству безъ жалованья, «сражаемся съ врагами неутомимо, бьемъ Поляковъ и «очищаемъ отъ нихъ Московское Государство. Дивим«ся только тому, что вы приняли себѣ товарищемъ «*Французженина* Якова Маржерета, который недавно «проливалъ Христіанскую кровь злѣе самыхъ Литов«цевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ противъ сво«ихъ друзей, Поляковъ. Зачѣмъ явился въ вашей зем«лѣ сей клевретъ Сигизмунда? Намъ казалось, что «ему, за его неправду, нигдѣ мѣста не будетъ, кромѣ «Польши (*).«

«Что дѣлалъ Маржеретъ въ послѣдствіи, въ какой «битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ.»

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

СМѢСЬ.

Литературныя новости. — Баронъ Розенъ, Сочинитель поэтическихъ повѣстей: *Двѣ семи Ангеловъ* и *Тайна*, въ скоромъ времени издастъ новую свою историческую поэму: *Рожденіе Іоанна Грознаго*. Поэма сія состоитъ въ трехъ пѣсняхъ, и половина оной уже отпечатана. — *Макбетъ*, трагедія Шекспира, переведенная съ Нѣмецкаго Г. Ротчевымъ, въ бѣлыхъ стихахъ, также печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

(*) Беръ, стр. 475. Собр. Госуд. Грам. II, 605.

(**) Карамз. XII, 287 — 293. Беръ, стр. 476—486.

(***) Собр. Госуд. Грам. II, 606.

(*) Собр. Грам. II, 606.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Ноября 6-го дня 1830 года. Ценсоръ Н. Щегловъ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ II, № 64. НОЯБРЯ 12го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ОТРЫВКИ

изъ походнаго Журнала Рускаго Офицера, посланнаго курьеромъ чрезъ Константинополь въ Арзерумъ.

Отрывокъ I.

26 *Марта* 1829.

На узкихъ улицахъ Перы толпился народъ, отворяли пекарни и лавки; праздно бродили толпами *низамы* (*), стаи собакъ мѣшались въ народѣ; припасы всякаго рода таскали на вьюкахъ и лѣнивые Турки и Булгары, не смотря на тяжелую ношу ословъ, садились сверхъ оной и также толпились въ народѣ: выносили на улицу мясо, рыбу и зелень. Въ кофейняхъ давно уже кипѣла вода и кофе варили подъ навѣсомъ. На деревянномъ помостѣ, покрытомъ камышевой рогожкой, стояли *мангалы* (**), вокругъ нихъ собиралися Турки; молчаливо и важно они смотрѣли на проходящихъ, пили кофе и набивали трубку за трубкой, предлагая другъ другу кисетъ съ табакомъ, и было уже очень нерано, когда наконецъ я вышелъ на улицу. *Хамаллы* (***) тащили мои чемоданы, *Татаринъ* (****), Козакъ и переводчикъ пошли къ Топханѣ (*); а вслѣдъ за ними и я. Пероты и Армяне съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, желая угадать, куда былъ посланъ Рускій курьеръ. —

Въ Топханѣ все было въ безпрестанномъ движеніи: *каики* (**) то приставали, то отваливали; ловкіе и красивые гребцы, въ легкой одеждѣ, сидя въ оныхъ, съ веселымъ видомъ приглашали приходящихъ. При видѣ Рускаго офицера, всѣ суетились, обгоняли другъ друга на перерывъ, предлагая каикъ. Выбравъ изъ оныхъ одинъ и давъ Кавасамъ (***) *бакчишъ* (****), мы сѣли; весла ударили и мы быстро помчались, разсѣкая волны Босфора. —

Я невольно оглянулся назадъ. Картина была прекрасна: съ одной стороны по крутому скату высокаго берега, простирались предмѣстья Перы и Галаты и составляли обширный амфитеатръ строеній, перемѣшанныхъ съ садами и отдѣльными кипарисами; прямо противъ насъ была мечеть Топханы, небольшая площадь, на которой толпился въ разныхъ одеждахъ народъ; арсеналъ и фонтанъ, построенный совершенно въ Восточномъ вкусѣ. Далѣе въ право, берега пролива составляли прекрасную перспективу, представляя разнообразныя красоты роскошныхъ садовъ и красивыхъ строеній. Самый Босфоръ былъ тихъ и гладокъ, какъ зеркало; множество каиковъ быстро разсѣкали его струи и перегоняя другъ друга, представляли картину какой-то необыкновенной дѣятельности; въ лѣво былъ виденъ лѣсъ мачтъ; флаги всѣхъ народовъ рисовались дыханіемъ небольшаго вѣтерка, кругомъ виднѣлись тысячи мѣлкихъ судовъ и лодокъ. Далѣе въ лѣво, Константинополь съ древнимъ Софійскимъ Соборомъ, мечетями и обвеш-

---

(*) Солдаты регулярныхъ войскъ.

(**) Мангалъ, родъ мѣдной жаровни, въ которую кладутъ горячіе уголья. Въ холодное время, Турки составляютъ кружокъ около мангала, грѣются и курятъ табакъ. Мангалами также нагрѣваютъ во время зимы комнаты, безпрестанно перемѣняя уголья.

(***) Хомаллы, люди которые носятъ большія тягости, что и составляетъ ихъ промыселъ.

(****) Татаринъ, родъ нашего фельдъ-егеря. Они употребляются для развоза нужныхъ бумагъ и приказаній, имѣютъ особенную одежду и пользуются уваженіемъ народа. Всякой Паша или начальникъ города имѣетъ нѣсколько человѣкъ Татаръ; тѣ же, которые находятся въ Константинополѣ, называются Девлетъ-Татаръ. Во время путешествія Европейцевъ, дается отъ Порты Татаринъ, который и обязанъ требовать лошадей и заботиться о всякаго рода удобствахъ въ дорогѣ.

(*) Топхана, пристань въ предмѣстіи Перы.

(**) Каикъ, Турецкая лодка особеннаго устройства. Она чрезвычайно длинна относительно къ своей широтѣ; передняя часть имѣетъ острую оконечность и находится надъ поверхностью воды.

(***) Кавасъ, родъ полицейскаго офицера.

(****) Бакчишъ, деньги, которыя даются, какъ у насъ на водку.

шалою стѣною, составлялъ совершенно оригинальную картину, прекрасную въ своемъ родѣ: высокіе минареты изящныхъ мечетей, казалось, оспоривали мрачную прелесть стройныхъ кипарисовъ; блестящіе куполы сераля, окруженные младенческою зеленью весны, блестѣли въ радужныхъ цвѣтахъ. Но я не могъ восхищаться этою картиной и смотрѣлъ на Константинополь, какъ на что-то родное: я оставлялъ тамъ Рускихъ! Бѣдное сердце, что было съ тобою тогда! Два года я не видалъ людей, которыхъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, и наконецъ, когда уже думалъ летѣть въ ихъ объятія, я долженъ былъ оставить Европу и разсѣвать грусть въ пустынныхъ горахъ Анатоліи. Съ другой стороны, обязанность службы, пылкое желаніе видѣть новый край, новые обычаи страны, столь мало извѣстной, воспламеняли мое воображеніе. Казалось, всѣ чувства боролись во мнѣ: я веселился, вступая на Азіятскій берегъ, и грустилъ по роднымъ, по Россіи, взглянувъ назадъ.

Мы вышли въ Скутари. Здѣсь я не нашелъ ничего новаго: все тотъ же Константинополь, но только улицы гораздо шире и чище; тѣ же прекрасныя мечети, красивыя бакалейныя и табачныя лавки; но уже здѣсь на меня болѣе обращали вниманія и смотря съ любопытствомъ, шептали: *Московъ* (*). — Наконецъ, запыхавшись отъ того, что взбирался на гору, грустный и усталый пришелъ я на почтовый дворъ — *Суруджи* (**) суетились, лошади ржали и топали копытами; мой переводчикъ пошелъ купить мунштуки (***); и между тѣмъ, какъ сѣдлали и вьючили лошадей, Татаринъ велѣлъ подать кофе и набилъ для меня трубку: толпа любопытныхъ сбиралась кругомъ; кто побогаче, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, садился возлѣ меня и обращался съ вопросами. «*Бельмесъ османлисъ* (не знаю по-Турецки), «было общимъ отвѣтомъ для всѣхъ; послѣ чего, оставляя меня въ покоѣ, они говорили съ Татариномъ, слушали его, какъ Оракула; а мнѣ предлагали изъ ласки свѣжія трубки.

Кони готовы; вьючныхъ насилу тащили съ двора; всѣ, кто тутъ ни былъ, кричали: «*урьла*, *урьла* (доброй дороги)!» и просили *бакчишъ*. Бросивъ имъ мѣлкой монеты и положа въ фуражку карандашь съ небольшою тетрадью, я сѣлъ на коня и желая скорѣе избавиться отъ любопытныхъ, прихлопнулъ коня нагайкой и пустился въ дорогу; впередъ поскакали два вьюка, которыхъ вели *суруджи*; они громко съ визгомъ кричали, а съ зади Татаринъ погонялъ ихъ бичемъ. Такъ проѣхали мы городъ. Обогнавъ ихъ, я удержалъ лошадь и пустилъ ее шагомъ. Мы были въ кипарисномъ лѣсу (Константинопольское кладбище со времен поселенія Турокъ). — Надгробные памятники сквозь голые штамбы мелькали, какъ призраки; густая и мрачная зелень составляла какъ бы темные своды, скрывая все прошедшее отъ свѣта небесъ; природа была прекрасна и мрачное уныніе сливалось съ моими чувствами. — Кто не видалъ Константинополя, тому самое пылкое воображеніе и самое краснорѣчивое перо не передадутъ ни теплаго неба, ни полуденной зелени, ни ясныхъ, свѣтлыхъ водъ Босфора, ни унылыхъ, грустныхъ кладбищъ. Въ Скутари находится главнѣйшее изъ оныхъ, какъ по обширности, такъ и потому, что всѣ богатѣйшіе и набожные Турки Константинополя хоронятся на ономъ; сверхъ того кладбище сіе носитъ отпечатокъ особенной прелести и величія, и составляетъ любимое гульбище народа.

По древнему обычаю, при каждой могилѣ сажали небольшіе кипарисы, отъ чего образовались цѣлыя рощи сихъ угрюмыхъ деревьевъ, кажется, созданныхъ для могилъ. Безчисленное множество мраморныхъ досокъ съ красивыми украшеніями и чалмами составляютъ памятники вѣковъ прошедшихъ и какъ будто толпы привидѣній, блуждающихъ между деревьями. — Величіе мѣстное разнѣжило мое сердце и я мечталъ о прошедшемъ, о томъ, что составляло всю прелесть жизни и уже перенесся на Сѣверъ, какъ вдругъ сильный толчекъ чуть не вышибъ меня изъ сѣдла. Я дернулъ поводья и тѣмъ приподнялъ мою лошадь (*), которая также видно мечтала, и уже была на колѣняхъ.

Мы проѣхали кладбище, спустились въ долину Гайдеръ-Паша, гдѣ находится одинъ изъ лѣтнихъ увеселительныхъ дворцовъ Султана, и увидѣли передъ собою картину прекрасной природы: въ лѣво отъ дороги виднѣлась гора *великана*, которая своими отраслями образовала высокій нагорный берегъ; правѣе, почти передъ нами, было Мраморное море и за онымъ терялся въ облакахъ снѣгомъ покрытый хребетъ. Погода была безподобна; въ долинахъ всѣ деревья были въ цвѣту и весенняя зелень ярко обрисовывала легкіе скаты; вся пологость, по которой пролегаетъ дорога, имѣла очаровательную живость; она покрыта садами и виноградниками, изрыта небольшими потоками и разнообразныя группы кустарниковъ, кипарисовъ, лавровыхъ и масличныхъ деревьевъ разсѣяны по всей мѣстности. — Прибрежные жители подымали и окапывали виноградныя лозы, сажали хлопчатую бумагу и работали въ садахъ.

Такимъ образомъ мы миновали два незначительные городка, Карталъ и Дендыкъ, расположенные на берегу моря. — Пріѣздъ нашъ приводилъ въ движеніе всѣхъ

(*) Т. е. Рускій.

(**) Суруджи, люди, которые смотрятъ за почтовыми лошадьми; родъ ямщиковъ.

(***) На Турецкихъ почтахъ всегда находятся только однѣ лошади; а сѣдла, мунштуки и вообще всю збрую долженъ имѣть путешественникъ.

(*) Вообще лошади на почтахъ дурны и всегда разбиты.

жителей: они толпами сбѣгались смотрѣть на насъ. Видъ Рускаго офицера ихъ занималъ необыкновенно; дѣти забѣгали впередъ, дивились одеждѣ, имъ незнакомой; старики, сидя съ важностію на прилавкахъ, оставляли на время трубки и кальяны, бросая гордые и сердитые взгляды; Турецкая молодежь, Греки и Армяне, привѣтливо желали доброй дороги и мучили Татарина разспросами.

День вечерѣлъ; усталыя лошади насилу тащились. Нетерпѣливо мы желали достигнуть ночлега, спрашивали у всѣхъ, кто ни встрѣчался, сколько часовъ осталось ѣзды (*), курили табакъ отъ бездѣлья и наконецъ, когда уже начинало смеркаться, поднявшись въ гору, мы достигли города Гевзы, проѣхали узкіе закаулки и остановились у первой кофейни. Я съ удовольствіемъ оставилъ коня и вошелъ съ переводчикомъ въ комнату; мы объявили *кафеджи* (**), что дадимъ хорошую плату, если будемъ имѣть покойный ночлегъ и просили, чтоб онъ не принималъ больше гостей.

Кофейню составляла довольно большая, но нечистая комната. Прямо противъ дверей была печь (родъ камина), въ которой горѣлъ огонекъ и въ нѣсколькихъ разной величины кофейникахъ кипѣла вода и кофе варился; по обѣимъ сторонамъ печи, на лавкахъ, стояли кальяны и чашки. Вся комната, изключая узкаго прохода отъ двери до печи, была занята широкимъ помостомъ, покрытымъ камышевой рогожкой и небольшими старыми коврами. Возлѣ стѣнъ лежали грязныя подушки изъ шерстяной ткани, что составляло родъ широкаго дивана; на передней стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей, были большія окошки, заклеенныя бумагой и пузыремъ, съ обломками стекла: нѣсколько Турокъ молчаливо сидѣли и слушали разсказъ Армянина, недавно бывшаго въ Стамбулѣ. — Увидѣвъ насъ, они уступили мнѣ мѣсто; Иванъ (имя Козака) постлалъ бурку, подалъ умыться и пошелъ хлопотать около чайника; Татаринъ пилъ кофе и также заботился, чтобы мнѣ было покойнѣе; переводчикъ раскладывалъ сѣдло и вьюки и доставалъ стаканы и сахаръ. — Снявъ курьерскую сумку и положа ее подъ подушку, я выбралъ себѣ уголокъ, набилъ трубку и легъ въ ожиданіи чаю. — Отдохнувши немного, я лежа записывалъ все, что видѣлъ въ продолженіе дня. Турки съ любопытствомъ смотрѣли, желая узнать, чѣмъ я былъ занятъ, и когда на вопросы я отвѣчалъ, что мы Европейцы имѣемъ привычку, не жалѣя чернилъ и бумаги, много писать, и что я хочу сохранить въ памяти мою поѣздку по Анатоліи, чтобы послѣ о ней разсказывать Рускимъ и будущимъ моимъ дѣтямъ, то они усмѣхнулись и были очень довольны. Нѣсколько богатыхъ Турецкихъ купцовъ, секретарь Аяна (*) и *кавасъ*, привлеченные любопытствомъ, пришли посмотрѣть на меня и послѣ привѣтствій, сбросивъ туфли, усѣлись подлѣ походной моей постели. Намъ подали два стакана и нѣсколько маленькихъ кофейныхъ чашекъ, и я пригласилъ моихъ любопытныхъ гостей отвѣдать Рускаго чаю. Начались разговоры съ помощію переводчика; я разспрашивалъ о всемъ, что могло меня занимать, и добрые Турки разсказывали мнѣ откровенно о занятіяхъ своихъ, о ходѣ торговли, о промышлености; негодовали на Султана и правительство, на сборы *низамовъ*, большіе налоги и пр.; разспрашивали меня о Рускомъ Царѣ и о томъ, точно ли заключили мы миръ и не будетъ ли снова войны? — Такъ прошелъ вечеръ. Татаринъ объявилъ, что *Бейзаде* (**) хочетъ отдохнуть, и всѣ Турки, пожелавъ мнѣ доброй ночи, оставили кофейню. Мы улеглись; я завернулся въ шинель и крѣпко заснулъ.

ЦВѢТОКЪ

НА МОГИЛЫ ПАДШИХЪ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ.

Поэтъ.

Снова, Орелъ нашъ двуглавый, на Сѣверъ родной прилетѣлъ ты,
Снова державный перунъ славой безсмертной горитъ!
Что же крылья твои запекшейся кровью чернѣютъ?
Или въ кипучемъ бою ранилъ невѣрный тебя?

Орелъ.

Нѣтъ, эта кровь не моя: эта кровь Россіянъ убіенныхъ!
Тамъ, на побѣдныхъ поляхъ, капли святыя я взялъ:
Съ ними лечу я туда, гдѣ праотцы ваши витаютъ —
Славная воиновъ смерть души обрадуетъ ихъ!

М. Деларю.

Января 1830. С. П. б.

МАРСЕЛЬСКІЙ АТЕНЕЙ.

Чтеніе Князя Мещерскаго о Руской Литературѣ.

Издатель *Литературной Газеты* получилъ статью сію при слѣдующей запискѣ: «Нельзя не порадоваться, «что молодые Рускіе Путешественники, даже изъ

(*) Разстоянія въ Турціи измѣряются часами, полагая отъ 5-ти до 6-ти верстъ на часъ.

(**) Кафеджи, человѣкъ, приготовляющій кофе, или хозяинъ кофейни.

(*) Аянъ, начальникъ города.

(**) Бейзаде, Княжескій сынъ въ буквальномъ переводѣ; Турки всегда называютъ симъ именемъ Европейцевъ, желая придать имъ болѣе важности.

тѣхъ, кои донынѣ вовсе были неизвѣстны на поприщѣ нашей Словесности, стараются сообщать иностранцамъ выгоднѣйшія и вмѣстѣ справедливѣйшія понятія о Литературѣ Руской и вообще о ходѣ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Таковый подвигъ по праву можетъ назваться патріотическимъ и истинно-благороднымъ. Пора самимъ Рускимъ истребить въ иностранцахъ неблагопріятныя на счетъ нашъ предубѣжденія, разсѣянныя недоброжелательствомъ и одобренныя легкомысліемъ.

« Препровождаю къ вамъ статью объ лекціи, читанной юнымъ нашимъ соотечественникомъ, Кн. Мещерскимъ, въ Атенеѣ Марсельскомъ. Статья сія переведена изъ Французскаго Журнала: Le Sémaphore de Marseille (No 767).»

Во Франціи многіе полагаютъ, что Руские не имѣютъ народной Литературы. Употребленіе въ разговорѣ единственно языка Французскаго, издавна существующее въ высшихъ классахъ Рускихъ обществъ, расположеніе Россіянъ къ космополитизму, которое побуждаетъ ихъ примѣняться къ нравамъ и обычаямъ разныхъ народовъ, заставляли думать, что Руские лишены духа творческаго и оригинальнаго. — Князь Мещерскій уничтожилъ сіе заблужденіе въ Марсели. Онъ показалъ намъ, что Россія богата великими народными Поэтами. Онъ первый между нами съ благородною и справедливою гордостію указалъ на знаменитые подвиги Россіянъ на поприщѣ Литературы. Онъ особенно обратилъ вниманіе слушателей на ту необычайную быстроту, съ которою все развернулась въ сей обширной странѣ со временъ Петра Великаго. — Законы, города, языкъ, Литература — все родилось по гласу Великаго Монарха и менѣе нежели въ полвѣка, все получило развитіе безпримѣрное.

Въ скоромъ времени сынъ рыбака, на льдистыхъ берегахъ Двины, ощутилъ любовь къ Поэзіи при чтеніи Псалтири. Онъ покинулъ свои сѣти, пришелъ въ Москву, бросился къ ногамъ Епископа, Ректора тамошней Семинаріи, и просилъ у него позволенія обучаться съ прочими учениками. Сей сынъ рыбака былъ Ломоносовъ, который первый утвердилъ правила Рускаго языка и даровалъ отчизнѣ своей Словесность.

Литература, созданная Ломоносовымъ, есть *классическая* Руская, Литература. Сей Поэтъ и всѣ подражатели его черпаютъ и подобія и сравненія свои изъ языческой Миѳологіи, а формы и правила въ Поэзіи Греческой и Латинской.

Но Россія вскорѣ присоединилась къ общему движенію, стремящему всѣ Литературы къ истинѣ и свободѣ въ искуствахъ. И у нея есть своя школа романтическая. Миѳологіи Древнихъ, столь мало приличной хладнымъ берегамъ Невы, наслѣдовала Миѳологія домашняя, основанная на повѣрьяхъ народныхъ, и могущественная, ибо находитъ отголоски во всѣхъ сердцахъ.

Сей ходъ къ естественному и истинному былъ благопріятенъ природному языку Рускихъ. Дамы, которыя долгое время говорили только по-Французски, начали нынѣ употреблять языкъ Рускій, изучать Поэтовъ роднаго своего края. Нѣкоторыя изъ нихъ даже стараются пріобрѣсть имя *отечественныхъ Музъ*, и Россія имѣетъ сподвижницъ нашей Дельфины Ге.

Дѣйствіе сего стремленія было благотворно и быстро. Нынѣ Руские съ гордостію именуютъ главою романтическихъ своихъ Поэтовъ Жуковскаго, находящагося еще во цвѣтѣ лѣтъ, основателя и творца новой школы, и Александра Пушкина, сообщившаго языку Рускому благозвучность и силу, совершенно новыя.

Князь Мещерскій познакомилъ насъ съ борьбою сихъ двухъ школъ. Онъ перевелъ весьма любопытный разговоръ, въ коемъ доводы, подобные тѣмъ, каковые противопоставляютъ нынѣ Классики Французскіе успѣхамъ новой школы, опровергаются весьма умно и основательно. Побѣда, долго оспориваемая, осталась наконецъ за Романтиками, т. е. за дарованіями, юностію и свободою поэтической.

Романтики, выбирая по большей части предметы свои изъ Лѣтописей и преданій Рускихъ, сообщили своей Словесности черты болѣе народныя. Первое произведеніе Жуковскаго (*) посвящено было побѣдамъ Россіянъ; одна изъ лучшихъ поэмъ Пушкина имѣетъ заглавіе: *Полтава*.

Мы желали бы передать всѣ соображенія, исполненныя ума и вкуса, и сообщенныя намъ Княземъ Мещерскимъ. Предѣлы сего Журнала препятствуютъ сіе выполнить. Читателямъ нашимъ скоро будетъ возможно вознаградить себя за сіе лишеніе. Издатели *Прованскаго обозрѣнія* (Revue de Provence) получили рукопись его рѣчи и помѣстятъ вполнѣ сію статью въ будущемъ No своего Журнала.

Рѣчь сія, читанная съ чувствомъ, произвела живѣйшее впечатлѣніе. Собраніе было многочисленное и блестящее; у всѣхъ дверей тѣснились слушатели.

Любопытное рвеніе слушателей, къ коему поводъ подалъ Князь Мещерскій, вполнѣ было оправдано. Всѣ съ удовольствіемъ рукоплескали благороднымъ его чувствованіямъ, усмѣхались его эпиграммамъ и остроумнымъ разсужденіямъ; живѣйшее вниманіе сопровождало всегда постепенное развитіе его мнѣній. Въ особенно-

---

(*) Здѣсь есть небольшой анахронизмъ: Жуковскій былъ уже извѣстенъ, какъ Поэтъ отличный, прежде появленія Пѣвца во станѣ Р. В., и даже прежде своей Пѣсни надъ прахомъ Славянъ-побѣдителей. — *Пр. Изд.*

сіи замѣчено было, съ какою чистотой онъ пишетъ и произноситъ на нашемъ языкѣ. Онъ постигъ всѣ его тайны, и обладаетъ его тонкостями и пріятностію.

Скамьи, предоставленныя дамамъ, являли зрѣлище привлекательное. Станемъ надѣяться, что сей вечеръ, подаренный намъ Княземъ Мещерскимъ, не будетъ послѣдній. Чтеніе сіе познакомило насъ съ Исторіей Руской Литературы; теперь мы ожидаемъ нѣсколькихъ подробностей о частной жизни, нѣсколькихъ переводовъ изъ главнѣйшихъ Поэтовъ, коихъ произнесъ онъ имена и очерталъ характеръ, и въ особенности объ Александрѣ Пушкинѣ, къ которому внушилъ онъ намъ живѣйшую привязанность. Въ этомъ предстоитъ Князю дѣло патріотическое. Онъ подвизается за честь своей родины, знакомя чужеземцевъ съ людьми, коими она славится. Труды его служатъ также достойнымъ свидѣтельствомъ въ пользу Дворянства Рускаго. Онъ доказываетъ намъ, что въ сей странѣ воспитаніе молодыхъ людей высокой породы столь же глубоко, какъ и блистательно. Дѣйствительно, чтеніе сіе обличаетъ намъ въ молодомъ Князѣ, коему неболѣе 21 года отъ рожденія, глубокія познанія Литературъ Руской, Нѣмецкой, Итальянской, Англійской и Французской. Изучившись для собственнаго удовольствія, весьма похвально распространять все, что знаешь полезнаго и хорошаго. Содѣйствовать по силамъ своимъ успѣхамъ и улучшенію человѣчества, есть предназначеніе наше отъ Бога. Да постигнутъ наши юноши сіе высокое предназначеніе! Изъ нихъ многіе усердно изучались весьма многому: пусть же они подѣлятся съ своими согражданами плодомъ трудовъ своихъ. Нынѣ открыта для нихъ каѳедра въ Атенеѣ: желательно, чтобъ они часто могли всходить на оную! Въ томъ польза и слава ихъ и наша, въ особенности же нашего города.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ Государей, съ 1590 года по Сентябрь 1606. и пр. и пр.

(Окончаніе.)

Маржеретъ изображаетъ нравы Рускихъ въ началѣ XVII вѣка слѣдующимъ образомъ:

«Дворяне, т. е. Сановники, получающіе отъ казны ежегодно жалованье и владѣющіе помѣстьями, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при возхожденіи солнца, потомъ отправляются во Дворецъ (разумѣется, живующіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ въ думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ провождаютъ Государя въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ, (т. е. съ 11 до полудня). По возвращеніи Государя изъ церкви, каждый удаляется обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ Дворецъ, гдѣ проводятъ около двухъ или трехъ часовъ вечера; удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Всѣ они какъ лѣтомъ, такъ и зимою, ѣздятъ въ экипажахъ и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ неумѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: ибо человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его: *дородный человѣкъ.* Дворяне одѣваются обыкновенно весьма просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ Царскихъ выходовъ, или пріема Пословъ иноземныхъ.

«Знатныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же Царица прогуливается, тогда нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на клобуки Епископскіе, кромѣ того только, что сіи послѣдніе бываютъ сѣрые, темные, или черные. Онѣ одѣваются въ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыкновенно изъ алой матеріи, или изъ тонкаго краснаго сукна; сверхъ онаго имѣютъ другую одежду изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ большими рукавами, шириною болѣе трехъ футовъ Парижскихъ, (рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя). Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы, — черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую Боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того, всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и весьма длинныя серьги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ подобно сапогамъ Польскимъ или Венгерскимъ. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя румянятся и бѣлятся, но весьма грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

«Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ; имѣя отдѣльныя комнаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію, мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самой женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты; получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ или друзей, посмотрѣть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Потомъ женихъ можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, подобно Ревеккѣ при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ закутана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ по обычаю Евреевъ и Турокъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія Священника, или Монаха. Супруги наблюдаютъ сіе всякой разъ послѣ наслажденія. Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за оное, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ.

«Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ, подражая древнимъ народамъ: ибо каждый господинъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наслѣдниками своего перваго господина. Да и во многихъ случаяхъ, Россіяне слѣдуютъ обычаямъ Древнихъ, напримѣръ, въ искуствѣ письменномъ: всѣ вѣдомости, записки и просьбы они свертываютъ свитками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ по нашему обыкновенію. Такъ поступали и Древніе, самые Евреи, по свидѣтельству Пророка Іезекіиля (Гл. 3). Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: самъ Царь, приглашая Пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хлѣбъ ѣсть со мною.* Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается словомъ: *ты забылъ мою хлѣбъ-соль.* Когда Царь отправляется въ дорогу, или вступаетъ на Престолъ или женится, или присутствуетъ на крестинахъ,—подданные всегда подносятъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью. Желая изъявить почтеніе, Россіяне снимаютъ шапку и кланяются; только не по обычаю Турокъ, Персовъ и другихъ Магометанъ, полагая руку на голову или на грудь, но опуская ее до земли, или менѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай Магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

«Многіе изъ Россіянъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только Царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи; простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ весьма неохотно, а промывательное, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.»

Въ переводѣ сочиненія Маржерета встрѣчаются изрѣдка неточныя слова, темныя выраженія, неправильные періоды; но ихъ такъ мало, что почти не надлежало бы о томъ упоминать; ибо такіе недосмотры въ пространной книгѣ почти неизбѣжны. Для примѣра возьмемъ слѣдующее мѣсто: «Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Россіянъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Рускую пѣхоту, или Стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ — они поспѣшно удаляются, хотя Россіяне, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать Татаръ, нежели вредить имъ: ибо если отрядъ всадниковъ, тысячь въ пятнадцать или двадцать, рѣшится ихъ преслѣдовать, то подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается не болѣе трехъ или четырехъ тысячь человѣкъ, сходствующихъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками (стр. 55). «Впрочемъ, представляя сей періодъ въ примѣръ неправильнаго, сбивчиваго и темнаго, мы хотѣли только показать, что переводчикъ не всегда долженъ строго удерживать расположеніе и обороты періодовъ прелагаемаго имъ Автора. Часто по свойству нашего языка, періодъ иностранный, такъ сказать, не клеится въ Рускомъ переводѣ. Этого можно и должно избѣгать въ сочиненіи историческомъ, требующемъ ясности, и прибавимъ, особливо въ сочиненіи такого Писателя, какъ Маржеретъ, который конечно лучше умѣлъ владѣть саблею, нежели перомъ, что доказываетъ и самое его правописаніе. Иное дѣло, когда переводится твореніе какого-либо знаменитаго Поэта, или Писателя, пріобрѣтшаго славу оригинальностію выраженія, и въ которомъ особенность или смѣлость оборота есть отличительное качество слога, есть намѣреніе, съ каковымъ онъ облекаетъ мысль свою въ особую, ему только свойственную форму.

Заключимъ: Г-нъ У. издалъ важную книгу для каждаго упражняющагося преимущественно въ Россійской Исторіи, занимательную для всѣхъ Рускихъ: первые найдутъ въ ней многія замѣчанія для пополненія своихъ свѣдѣній; вторые — любопытное и пріятное чтеніе. Переводчикъ, по скромности или въ истину, называетъ себя молодымъ любителемъ Отечественной Исторіи: если онъ въ самомъ дѣлѣ и молодъ, то читалъ старыя книги, и мы обѣщаемъ ему успѣхи на поприщѣ

Словесности: Желательно, чтобъ онъ продолжалъ полезные труды свои и переложилъ намъ хотя нѣкоторыя изъ сочиненій тѣхъ Писателей, о коихъ самъ онъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи и коихъ творенія столь для насъ любопытны и въ то же время столь у насъ рѣдки. —

Примѣчанія, которыми Переводчикъ обогатилъ книгу Маржерета, и ссылки на другихъ современныхъ Писателей, приносятъ честь его критической разборчивости. Выписываемъ одно изъ нихъ. Многіе донынѣ еще несовершенно убѣждены въ томъ, что Лжедимитрій не былъ подлинно сыномъ Іоанна Грознаго. Отвѣтъ симъ любителямъ сомнѣній историческихъ находится въ слѣдующемъ (88-мъ) примѣчаніи Г-на У.

«Современникъ Беръ, усердно преданный Лжедимитрію, не хотѣлъ однако обманывать потомковъ и доказывая самозванство его, приводитъ слѣдующія свидѣтельства:

«Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ Царя Іоанна Васильевича, а другіе иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

«1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли Всемилостивѣйшій Государь нашъ законное право на Престолъ Россійскій. Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною: хотя онъ и неистинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ, ибо мы ему присягнули; да и лучшаго Царя найти не можемъ.*

«2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ Аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго Царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Сей Аптекарь увѣрялъ меня, что Димитрій — не сынъ Іоанновъ; что Царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марію Ѳеодоровну, а Царь нимало съ нею не сходствуетъ.

«То же самое говорила мнѣ одна благородная Лифляндка, взятая въ плѣнъ Царемъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году. Она была повивальною бабкою старой Царицы и находилась при Дворцѣ безотлучно, воспитывая Царевича.

«4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличъ съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ мы встрѣтили сто-пятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ Государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли сей Царь былъ сынъ Іоанновъ. Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и перекрестившись, сказалъ: *убитъ Государь весьма храбрый; въ теченіе года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили весьма неблагоразумно, ибо сами возвели его на Престолъ; конечно онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный — однако не сынъ Іоанна Васильевича. Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ, тому уже 17 лѣтъ, и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ Князей и Бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ Царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе.*

«5. Многіе Поляки увѣряли, что онъ былъ побочный сынъ Короля ихъ Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій Монастырь, Іоаннъ Сапѣга, однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ею самихъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: *За три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Рускій Престолъ бродягу, подъ именемъ сына Царя Іоанна Грознаго, теперь въ другой разъ даемъ Рускимъ новаго Царя и уже завоевали для него половину Государства; онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лопнутъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, чего хотимъ.* Я самъ это слышалъ.

«6. Въ Угличѣ Князья и Бояре вообще не любили юнаго Царевича, потому что въ немъ, еще отрокѣ, обнаруживались признаки жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ Дворца.

«7. Россіяне, особливо знатнаго рода, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ Царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть Государство Христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тѣ идутъ прямо въ рай, которые оканчиваютъ жизнь на родинѣ.... Изъ вышесказаннаго очевидно, что сей Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Россіяне же признали его Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе нельзя было низложить съ Престола.« *Лѣтопись Московс.* стр. 246—253.

Въ Алфавитномъ спискѣ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ Маржеретовомъ, мы находимъ образчики свѣдѣній въ Рускомъ языкѣ сего странствовавшаго витязя-писателя, свѣдѣній, коими онъ хвалится въ посвященіи книги своей Генриху IV. Напр. *Аптечный*

Бояринъ называется у него: Ablesqui Baiary, *Дворяне* — Devorens, Дворцовый Приказъ — de Vorest; Иванъ Ивановичъ Годуновъ — Juannevits Godonoff, Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ — Offernace Joannevits Velaci, и т. п. Это доказываетъ, что догадливость въ Рускомъ солдатѣ есть старинная добродѣтель, когда воины наши въ XVII-мъ вѣкѣ могли понимать команду Начальника, изъяснявшагося по-Руски такимъ изломаннымъ нарѣчіемъ.

(*Сообщено.*)

Безпріютная. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Прова Максимовича. — С. П. б. въ тип. ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома. 1830. (45 стран. въ 8-ю д. л.)

Это первое особенно появившееся произведеніе развивающагося молодаго таланта. Имѣетъ ли право Рецензентъ встрѣтить оное строгимъ судомъ? Нѣтъ! Критика разбираетъ строго только произведенія Писателей, уже достигнувшихъ полнаго развитія своего таланта, и намѣренія ея клонятся преимущественно къ тому, чтобъ выказывать въ новомъ сочиненіи истинныя красоты, которыхъ *оцѣнка* всегда поучительнѣе изобличенія недостатковъ. Есть у нея и другое дѣло, легкое, но невеселое: стегать хлыстомъ насмѣшекъ вислоухихъ Мидасовъ. Сихъ послѣднихъ у насъ довольно. Радуешься хорошей книгѣ, какъ Оазису въ Африканской степи. А отъ чего въ Россіи мало книгъ? Болѣе отъ лѣности учиться. Мы знаемъ почтеннаго Поэта и наставника, кому посвящена повѣсть: *Безпріютная*, и желали бы видѣть его начитанность въ молодомъ Поэтѣ. Тогда бы онъ вѣрно яснѣе былъ въ своемъ разсказѣ, отчетливѣе въ описаніяхъ и конечно далъ бы своему стихотворенію новый образъ, приличнѣйшій предмету, чѣмъ давно избитыя формы, въ которыя нѣкогда такъ удачно были вылиты мастерскія произведенія Пушкина и Баратынскаго.

СМѢСЬ.

Въ No 50-мъ *Литературной Газеты* напечатана повѣсть, героемъ которой представленъ Спинелло, знаменитый Тосканскій Живописецъ XIV-го вѣка. Сочинитель повѣсти весьма замысловато совокупилъ причину съумашествія Спинеллова съ его любовью къ одной молодой дѣвушкѣ. Мысль совершенно новая! представить психологическое состояніе человѣка, которому любимый предметъ является во всемъ, отражается даже въ самыхъ ужасныхъ созданіяхъ его воображенія. И вымыслъ сей будетъ еще заманчивѣе, когда узнаемъ, что основаніемъ оному отчасти послужило событіе истинное, или покрайней мѣрѣ преданіе, принятое за правду Итальянскими Біографами славныхъ Художниковъ. Выписываемъ преданіе сіе въ томъ видѣ, какъ мы нашли его въ одномъ Историческомъ Словарѣ.

«Разсказываютъ, что Парисъ Спинелло, въ картинѣ своей: *Паденіе злыхъ духовъ*, написалъ Люцифера чудовищемъ столь ужаснымъ, что и самъ испугался его. Въ одну ночь явился ему во снѣ Сатана, таковъ, какимъ Спинелло представилъ его въ своей картинѣ, и грознымъ голосомъ вопросилъ Художника: «Гдѣ видѣлъ «ты меня, что изобразилъ столь страшнымъ?» Бѣдный Спинелло, смутясь и трепеща, едва не умеръ отъ испуга; и послѣ сего ужаснаго сновидѣнія, глаза его навсегда помутились и умъ помѣшался.»

Париса Спинелло не должно смѣшивать съ отцемъ его, Аретиномъ Спинелло, который былъ отличнымъ портретнымъ живописцемъ, и умеръ въ глубокой старости, имѣвъ отъ рожденія 92 года. Хотя отецъ и сынъ Спинеллы писали въ разныхъ родахъ, но въ *манерѣ* ихъ много сходства.

Издатель Журнала: Le Furet, напечаталъ извѣстіе, что 8-я глава поэтическаго романа: *Евгеній Онѣгинъ*, помѣщена будетъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1831-й годъ. — Издатель Литературной Газеты симъ объявляетъ, что онъ никогда о томъ не говорилъ Издателю вышепомянутаго Французскаго Журнала; что даже не имѣетъ чести знать ни самого Издателя, ни кого-либо изъ принадлежащихъ къ редакціи Le Furet. Откуда почерпаетъ Журналъ сей извѣстія свои касательно Руской Литературы, неизвѣстно.

Безумная, Руская повѣсть, въ стихахъ, соч. Ивана Козлова, вышла изъ печати и продается въ книжномъ магазинѣ Смирдина, по 5 р. за экземпляръ. — Намъ обѣщали доставить разборъ сего новаго произведенія И. И. Козлова.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Ноября 11-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ II, № 65. НОЯБРЯ 17го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ЧЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ.

(*Повѣсть соч. К. Г.*)

На древней Кракусовой землѣ, не подалеку отъ основаннаго симъ Княземъ города, въ одичалой сторонѣ возвышается пощаженная временемъ башня, остатокъ крѣпкаго нѣкогда за̀мка Скарбимировъ и свидѣтель суеты человѣческой. — Близкія къ паденію стѣны останавливаютъ шаги странника. — Отъ Востока течетъ царица Польскихъ рѣкъ, спокойно-величавая Висла; огромныя Карпаты, надъ коими господствуетъ Бабья гора, замыкаютъ горизонтъ; отъ Сѣвера, въ ясную погоду, виднѣются главы Бѣланской обители: множество деревень, разкинутыхъ по холмамъ, увѣнчаннымъ соснами и березами, занимаютъ вниманіе отъ Запада; а обширный густой боръ заслоняетъ развалины отъ Юга. Ужасные слухи и разсказы о видѣніяхъ обезлюдили сіи мѣста. Одни несчастные, коихъ долговременныя страданія содѣлали равнодушными ко всему, или коихъ нищета заставила искать какого нибудь убѣжища, обитаютъ въ бѣдныхъ хижинахъ, окружающихъ развалины.

Рѣдко пастушья свирѣль слышится въ сей угрюмой сторонѣ; рѣзвая Краковская пляска неизвѣстна убогимъ обывателямъ. Едва лишь колоколъ приходской церкви заблаговѣститъ къ вечернѣ, какъ житель тьмы и могилъ, зловѣщій филинъ, воплемъ своимъ какъ будто бы объявляетъ близость поры, въ которую тѣни усопшихъ навѣщаютъ мѣста, любимыя ими при жизни. — Уже вечерѣло, когда утомленный дневнымъ странствіемъ пришелъ я въ сію деревню. Напрасно стучался я у нѣсколькихъ дверей, прося ночлега; неимущему селянину нечѣмъ было подѣлиться съ пришельцемъ; всѣ отсылали къ приходскому священнику. Наконецъ я отправился къ нему. Онъ принялъ меня ласково. Это былъ маститый старецъ, добродѣтельный, простой и откровенный; постоянныя собственныя несчастія научили его состраданію; единственнымъ стараніемъ его было, утѣшеніе ввѣренной ему паствы. Въ короткое время нашего свиданія узналъ я его совершенно. — Пришлось къ слову загорить о за̀мкѣ и его владѣльцахъ.

— «Много у насъ,» сказалъ мой хозяинъ, «говорятъ о немъ диковинъ; я самъ, въ случайно открытой рукописи, читалъ весьма занимательную повѣсть, которую, если угодно, въ ожиданіи ужина охотно разскажу вамъ.» — Я объявилъ мое согласіе и сѣвъ со мною подъ огромною липою, откуда всего лучше можно было видѣть развалины, священникъ началъ такъ:

«Нѣкогда въ сихъ мѣстахъ господствовалъ достатокъ; обширный дворъ за̀мка покрытъ былъ толпами вассаловъ и преданныхъ владѣльцу крестьянъ, — радушіе хозяевъ собирало изо всей Польши людей славныхъ ученостію и мужей совѣтныхъ. — Въ царствованіе несчастнаго Яна Казимира, послѣдній потомокъ знатнаго рода Скарбимировъ, разстроивъ здоровье свое на службѣ отечеству, возвратился въ за̀мокъ предковъ своихъ, чтобы посвятить остатокъ дней воспитанію единственной наслѣдницы имени его и помѣстій. Прекрасная, какъ весенній цвѣтокъ, Ганна радовала престарѣлаго отца. Никто болѣе ея не былъ одаренъ превосходными качествами сердца и прелестями наружными. Вездѣ прославлялись добродѣтели Ганны, всѣ были восхищены ея красотою. — Часто, когда Скарбимиръ, окруженный гостями, у большаго камина проводилъ длинные вечера въ повѣствованіяхъ о славныхъ походахъ, въ описаніи двора Королевскаго, Гетмановъ и многихъ приключеній, случившихся съ нимъ во время его военной жизни, Ганна съ ангельскою улыбкой играла на арфѣ, или очаровательнымъ голосомъ воспѣвала высокіе подвиги предковъ. Лице старика-отца сіяло удовольствіемъ, а кругъ друзей слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

Знатнѣйшіе юноши искали руки Ганны; но выборъ отца палъ на молодаго Зелислава, который, сражавшись подъ предводительствомъ Чарнецкаго, во многихъ битвахъ снискалъ себѣ славу. Кромѣ личныхъ достоинствъ сего юноши, Скарбимиръ былъ привязанъ къ нему старинною и постоянною дружбою съ отцемъ его, который, бывъ старѣе годами, окончилъ похвальную жизнь, поруча сына своего покровительству друга. — Шведскія войска, изнуренныя продолжительною войною, сражались не охотно; все предвѣщало миръ. — Витязи возвращались съ полками на родину. — Скарбимиръ увѣдомилъ письменно молодаго Зелислава о своемъ предположеніи. Время сговора назначено и объявленъ турниръ, для коего весь цвѣтъ рыцарства собрался въ зàмкѣ Скарбимировъ.

Наконецъ насталъ ожиданный Скарбимиромъ день, въ который два знаменитѣйшіе домы долженствовали соединиться нераздѣльнымъ союзомъ. Съ разсвѣтомъ дня, громъ мортиръ объявилъ окрестнымъ жителямъ о торжественномъ обрядѣ. Сосѣди съѣхались со всею своею дворнею; обширные покои зàмка едва могли вмѣстить собравшихся. Скарбимиръ былъ вездѣ и всѣмъ распоряжалъ самъ: занятый будущимъ счастіемъ любимой дочери, прилагалъ всевозможное стараніе, содѣлать день сей блистательнѣйшимъ. Столы, разставленные въ рыцарской залѣ, убранной отбитыми у непріятеля доспѣхами и бунчуками, сіяли многоцѣнною посудой.

Разложенное въ ближней комнатѣ приданое привлекало вниманіе присутствующихъ. Все было готово, одинъ лишь Зелиславъ, не смотря на данное слово, не появлялся. Нетерпѣливый Скарбимиръ часто всходилъ на башню зàмка и заботливо окидалъ взоромъ обширную окрестность. Каждый топотъ коня или взвивающаяся пыль болѣе и болѣе возбуждали его ожиданіе. Уже западающее солнце бросало послѣдніе лучи, а Зелислава еще не было. Посѣтители съ неудовольствіемъ отвѣчали на привѣтствія хозяина; старики роптали, юноши жаловались громко на невѣжливость жениха. — Прекрасная Ганна успокоивала негодующихъ, какъ могла.

Внезапно отдался подъ сводами чертога звукъ трубы часоваго. — Всѣ встали съ мѣстъ своихъ. Спустя нѣсколько, входитъ вооруженный витязь: черная перевязь опоясывала стальныя латы; а на блестящемъ шлемѣ развѣвались черныя перья. — Величавая его осанка, благородное лице, коего блѣдность напоминала о недавнихъ страданіяхъ, непринужденность движеній, мужественный голосъ, изумили присутствующихъ. — Скарбимиръ, не сомнѣваясь, что это былъ Зелиславъ и что военные труды измѣнили его, прижимаетъ витязя къ своему сердцу съ нѣжностію, представляетъ его, какъ будущаго зятя, собранному дворянству и сажаетъ рядомъ съ Ганною на первомъ мѣстѣ. — Ганна бросала украдкою любопытный взглядъ на жениха; слова его невольно удвоивали біеніе ея неопытнаго сердца. Равномѣрно и витязь былъ занятъ милою сосѣдкой; и только тогда казался нѣсколько веселѣе, когда встрѣчалъ ея проницающіе взоры. На всѣ вопросы отвѣчалъ онъ отрывисто и холодно. Тщетно Скарбимиръ старался оживить бесѣду: всѣ были поражены угрюмостью жениха. Порою витязь говорилъ тихимъ голосомъ съ Ганною, слушавшею его съ примѣтнымъ удовольствіемъ. Старушки, поглядывая на будущихъ супруговъ, съ улыбкою перешептывались. Вскорѣ собесѣдники, разгоряченные обильно разносимыми напитками, оставили свои наблюденія и предались веселости. По окончаніи повѣствованій истинныхъ, начались разсказы о привидѣніяхъ и духахъ, въ справедливости которыхъ особенно ручались старушки. По очереди Скарбимиръ коснулся жизни пресловутаго Твардовскаго, распространялся о его дивныхъ дѣяніяхъ, союзѣ съ дьяволомъ и воздушномъ путешествіи по землямъ Нѣмецкимъ; увѣрялъ даже, что сей кудесникъ явился послѣ смерти своей невѣстѣ и увлекъ ее съ собою въ могилу.

Въ продолженіе всего разсказа, глаза витязя были уставлены на Скарбимира. Едва пробила полночь, онъ медленно подымается со стула и легкимъ наклономъ головы прощается со всѣми. Удивленный хозяинъ предлагаетъ ему ночлегъ въ своихъ чертогахъ, доказывая неудобство поѣздки въ такую позднюю пору. — «Меня ждутъ въ совершенно иной обители,» сказалъ таинственно витязь. Слова сіи ужаснули Скарбимира; онъ однако жь повторяетъ свои просьбы, но видя непреклонность витязя, провожаетъ его до крыльца, у коего уже стоявшій вороной конь нетерпѣливымъ копытомъ выбивалъ землю. Прощаясь съ Скарбимиромъ, витязь примолвилъ: «На мнѣ лежатъ извѣстныя обязанности, которыя непремѣнно исполнить долженъ.» — «Не можетъ ли тебя замѣнить другой? — «Тѣло мое достояніе земли и въ сей же часъ должно быть предано оной. Рука убійцы прекратила жизнь Зелислава!«... Окончавъ сіи страшныя слова, онъ вскочилъ на коня и какъ молнія скрылся изъ виду.

Скарбимиръ разсказалъ присутствующимъ все случившееся. Нѣсколько женщинъ упало въ обморокъ, и слезы оросили лице невѣсты. Пошли толки о правдоподобности сего происшествія и въ подкрѣпленіе оныхъ было разсказано множество повѣстей. Одинъ изъ юношей отозвался, что все сіе одно притворство со стороны Зелислава — и былъ объявленъ вольнодумцемъ. Печальный Скарбимиръ простился съ гостьми и удалился на отдыхъ. Поутру получено достовѣрное извѣстіе, что Зелиславъ, отлучась изъ-подъ знаменъ Чарнецкаго, въ лѣсахъ на рубежѣ Сандомирской земли, смертельно раненный въ стычкѣ съ бѣглецами Шведскими и привезенный другомъ и сослуживцемъ своимъ молодымъ Тенчинскимъ въ ближній городокъ, черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Слѣдственно не подлежало никакому сомнѣнію, что Черный Витязь былъ не кто иной, какъ духъ самаго Зелислава.

Протекло несколько дней послѣ сего чуднаго произшествія, когда Ганна, пользуясь яснымъ вечеромъ, отворила окно своей комнаты, обращенное въ садъ, и облокотясь на оное, припоминала себѣ прибытіе Чернаго Витязя и проведенное съ нимъ время. Тишина, господствовавшая тогда во всей природе, изредка лишь нарушалась легкимъ шумомъ вѣтерка, шевелившаго переплетшіяся ветви деревъ; темная синева неба была усѣяна звездами. Обширный боръ чернѣлъ подобно тучѣ и одна только вершина его серебрилась бледными лучами восходящей луны. Башенные часы били протяжно двенадцать. Ганна восхищалась плѣнительнымъ зрелищемъ покоящейся природы. Внезапно въ глубинѣ сада является призракъ Чернаго Витязя. — «Это онъ!» — вскрикнула Ганна въ ужасе и закрыла лице руками. Она хотела выбежать изъ комнаты; но сверхъестественная сила приковывала ее къ окну. Какъ вкопанная, уставила она глаза свои на витязя. Сперва вздохъ, а потомъ унылое пѣніе поражаютъ ея слухъ.

Витязь, переставъ пѣть, приближается мерными шагами къ Ганнѣ. Испуганная девица зоветъ на помощь; но вскорѣ силы оставляютъ ее, имя отца умолкаетъ на помертвѣвшихъ устахъ, ноги подкашиваются, глаза смыкаются и лишенная чувствъ, она падаетъ.

Скарбимиръ желалъ предаться успокоенію, но сонъ бѣжалъ его глазъ. Вдругъ слышитъ голосъ дочери, вскакиваетъ, бѣжитъ въ спальню Ганны, зоветъ ее; но тщетно. «Ганна, Ганна! приди въ мои объятія, близъ меня никакая нечистая сила тебѣ не повредитъ!» — Слова отчаяннаго родителя повторены уныло отголоскомъ. Нѣтъ Ганны. Зовъ отца, поиски служителей — напрасны. Только часовой, стоявшій на башне, показалъ, что слышалъ топотъ коня, скакавшаго во весь опоръ. — «Духъ жениха,» завопилъ отчаянный Скарбимиръ, «похитилъ свою жертву; Почто, праведный Боже, не сразилъ ты насъ обоихъ однимъ ударомъ!» — До разсвѣта уже уведомленные о несчастіи Скарбимира соседи, съехались разделить съ нимъ горесть утраты любимой всеми девицы. Гонцы возвращались одинъ за другимъ, однако же никто изъ нихъ не доставилъ вернаго сведенія. Целый день прошелъ въ безъуспешныхъ поискахъ. Отчаянный Скарбимиръ не принималъ ни пищи, ни утѣшенія; съ блуждающими взорами пробѣгалъ онъ покои замка и звалъ дитя свое.

— «Черный Витязь!» — прокричалъ часовой. — «Черный Витязь!» — повторили трепещущіе вассалы. — Скарбимиръ выбегаетъ и видитъ въѣзжающій на вороном коне призракъ, держащій въ объятіяхъ своихъ Ганну. — «Дочь моя!» вскричалъ Скарбимиръ. Еще не успелъ онъ кончить сихъ словъ, какъ дочь въ слезахъ обнимала уже его колена: — «Скарбимиръ!» сказалъ почтительно витязь, «я пріехалъ просить у тебя благословенія: вотъ моя невеста.» — И не ожидая упрековъ Скарбимира, продолжалъ:

«Я не духъ Зелислава, я Тенчинскій, неотлучный другъ его и товарищъ. Зелиславъ, умирая на моихъ рукахъ, поручилъ мнѣ уведомить тебя о семъ печальномъ событіи. Когда явился я сюда съ симъ намѣреніемъ, ты принялъ меня за Зелислава. Ошибка твоя и прелести Ганны, заставили меня забыть последнюю волю умершаго друга. Потомъ во все продолженіе торжества я придумывалъ, какъ бы уведомить тебя о кончине Зелислава, а съ тѣмъ преклонить къ отдаче мне, на его место, дочери твоей, которую съ перваго взгляда я сталъ боготворить. Исполненіе сего последняго желанія, казалось мнѣ несбыточнымъ, по причине вражды, издревле существующей между нашими домами; я решился прибегнуть къ невинной хитрости. Разсказы о чудныхъ произшествіяхъ и замеченное мною ваше вѣрованіе въ оныя, внушили мнѣ мысль выдать себя за духа Зелиславова. Разставшись съ вами, я высматривалъ случай видеться наедине съ Ганной. Я убѣдился въ ея разположеніи; иначе, клянусь честію, никогда бы не подумалъ обладать ею. Я предсталъ ей въ образе Чернаго Витязя, и пользуясь испугомъ и обморокомъ, ее похитилъ. — По ея желанію, возвращаю тебе ее снова: благослови наши чувствованія, и обезпечь священнымъ союзомъ счастіе твоей дочери и миръ двухъ враждующихъ семействъ.

— «Много печали причинилъ ты мне,» отвѣтствовалъ Скарбимиръ; «но Ганна моя тебя любитъ, первая вина твоя заглажена благороднымъ поступкомъ. . . , и такъ, обнимите меня! да будетъ надъ вами благодать Всевышняго!» —

Съ Польскаго. *Крмнц,*

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ ФИЛАРЕТУ,

Когда долгъ страшный, долгъ священный
Нашъ Царь такъ свято совершалъ;
А ты, нашъ Пастырь вдохновенный,
Съ крестомъ въ рукахъ Его встрѣчалъ;

Ему Небесъ благословенье
Изрекъ ты именемъ Творца,
Предъ Нимъ да жизнь и воскресенье
Текутъ и радуютъ сердца;

Да вновь дни свѣтлые проглянутъ,
По вѣрѣ пламенной даны;
И полумертвые возстанутъ,
Любовью Царской спасены.

Ивана Козлова.

*

ПИСЬМА

къ Художнику-любителю въ ***, о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, 21 Сентября 1830 года.

Письмо III.

Ваяніе.

Было время, когда человѣкъ, неозаренный еще свѣтомъ Христіанской религіи, видя повсюду вліяніе высшей, непостижимой силы, почиталъ каждое отдѣльное дѣйствіе оной, отдѣльнымъ, самостоятельнымъ божествомъ; когда каждый ручей имѣлъ свою Нимфу, каждая роща своего Сатира, каждая хижина своего Пената; когда каждая способность души человѣческой была олицетворена и каждая страсть имѣла своего бога. Тогда человѣкъ съ благоговѣніемъ преклонялъ колѣна предъ осуществленіями рѣзца Ваятеля и *Ваяніе*, составляя предметъ религіи, предметъ необходимости — процвѣтало и усовершалось.

Прошли вѣка заблужденій, человѣкъ пересталъ поклоняться идоламъ и произведенія Ваянія перестали быть необходимою принадлежностію его храмовъ; тщетно стали бы мы требовать, нынѣ, отъ Ваятелей нашихъ новыхъ Венеръ, новыхъ Аполлоновъ, новыхъ Лаокооновъ и несправедливо было бы упрекать ихъ въ слабомъ изображеніи такихъ предметовъ, коихъ идеальную прелесть и совершенства не въ состояніи уже постигать ни мы, ни они.

Но ежели необходимость и образъ понятій нашихъ отняли у насъ возможность достичь совершенства Древнихъ въ изображеніи предметовъ миѳологическихъ, то сіе не доказываетъ еще, чтобы Ваяніе не могло уже процвѣтать въ наше время. Ваятелямъ нашимъ еще не прегражденъ путь къ совершенству; они могутъ еще достичь лавроваго вѣнка и по примѣру Древнихъ содѣлать искуство свое предметомъ необходимости.

Пусть обратятъ они рѣзецъ свой на увѣковѣченіе отечественныхъ событій, на изсѣченіе памятниковъ отечественнымъ героямъ, на возвышеніе славы отечественной и на сохраненіе оной потомству. Правда, что сей кругъ дѣйствія гораздо тѣснѣе, но онъ неменѣе славенъ и хотя медленнѣе, но также можетъ привести насъ къ совершенству.

Смотря съ сей точки зрѣнія на Ваяніе новѣйшее, нельзя не радоваться, что въ отечествѣ нашемъ оное, съ нѣкотораго времени, преимущественно обращено на сооруженіе памятниковъ. Будемъ надѣяться, что, подъ покровительствомъ Мудраго Монарха, ваяніе наше, идя путемъ симъ, современемъ процвѣтетъ и возвысится; а между тѣмъ, дабы судить, на какой степени оное теперь у насъ находится, посмотримъ на нѣкоторыя произведенія Академической выставки нынѣшняго года.

Изъ всѣхъ современныхъ Художниковъ нашихъ, никто столько не трудился для славы пластическаго искуства въ отечествѣ нашемъ, какъ почтенный Ректоръ Академіи Г. Мартосъ: его рѣзецъ украсилъ Москву группою *Минина и Пожарскаго*; его геній произвелъ изображеніе *Герцога Ришельё* въ Одессѣ; онъ изваялъ памятникъ *Ломоносову*, для города Архангельска, и справедливость требуетъ отдать за всѣ сіи произведенія честь таланту его. Нынѣ Г. Мартосъ произвелъ еще два колоссальныя изображенія для памятниковъ: Императору Александру I-му въ городъ Таганрогъ и *Князю Потемкину-Таврическому* въ Херсонъ. Обѣ сіи статуи были въ выставкѣ Академіи нынѣшняго года и та же самая справедливость заставляетъ сказать, что оныя по вымыслу и исполненію своему едва ли не должны уступить всѣмъ вышеупомянутымъ.

Г. Мартосъ изобразилъ Императора Александра въ военномъ Россійскомъ костюмѣ нашего времени; лѣвая рука его лежитъ на эфесѣ шпаги, въ правой свитокъ; у ногъ орелъ съ перунами въ когтяхъ. — Ясно, что изображеніе сіе аллегорическое, но какъ толковать его? — Положимъ, что свитокъ означаетъ законъ; шпага вложенная въ ножны — миръ и спокойствіе; зачѣмъ же дано Монарху положеніе идущаго впередъ человѣка? Зачѣмъ лѣвая рука его лежитъ на эфесѣ шпаги? Означаетъ ли дѣйствіе сіе его готовность разить противниковъ? Но Александръ не предписывалъ никому законовъ силою. Какъ согласить сіи противорѣчія? —

Въ фигурѣ, изображающей *Потемкина*, мысль выражена еще темнѣе: — Князь стоитъ подлѣ пня дерева, покрытаго его плащемъ, опустивъ на оный правою рукою фельдмаршальскій жезлъ, лѣвою рукою держится за рукоять висящаго при бедрѣ его меча; лѣвая нога его отставлена нѣсколько впередъ, верхняя часть тѣла повернута нѣсколько въ лѣво; головѣ дано такое положеніе, что онъ смотритъ черезъ лѣвое плечо. Не говоря уже о томъ, что подобное положеніе весьма принужденно — оное совершенно ничего не означаетъ. Костюмъ Потемкина есть самая странная смѣсь одежды новѣйшей съ одеждою рыцарей среднихъ вѣковъ: туловище и руки его покрыты латами, на ногахъ брюки, у пояса повѣшенъ Римскій мечъ.

Фигура Государя Императора Александра I костюмирована гораздо лучше, но и на ней часть одежды, драпированная черезъ лѣвое плечо подъ правую руку, также не совсѣмъ въ характерѣ, ибо болѣе имѣетъ сходства съ Римскою тогою, нежели съ Рускою шинелью, которую должна бы изображать.

Кромѣ сихъ произведеній, Г. Мартосъ выставилъ еще два небольшіе эскиза изъ обожженной глины (terre cuite).

Оба эскиза сіи имѣютъ свои достоинства и могутъ служить доказательствомъ, что почтенный Ваятель, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, не утратилъ еще прежней пылкости творческаго своего воображенія и не лишился прежнихъ живыхъ вдохновеній.

Для эскиза, изображающаго *Сафо и Фаона*, Художникъ выбралъ, кажется, тотъ моментъ, когда Лесбосская пѣвица, снѣдаемая пламенемъ любви, оставляетъ лиру и хочетъ возбудить въ Фаонѣ нѣжными ласками взаимную къ себѣ страсть. — Голова ея запрокинута съ выразительнымъ томленіемъ назадъ, и лѣвая рука протянута къ подбородку стоящаго позади ея прекраснаго юноши. Но Фаонъ, кажется, былъ до сего времени занятъ только пѣніемъ и не отвѣчая взаимностію чувствованіямъ Сафы, хладнокровно принимаетъ изъ рукъ ея лиру.

Другой эскизъ есть группа, изображающая *Анакреона и Амура*. Мысль для оной заимствована Г. Мартосомъ изъ III-ей пѣсни самого Анакреона, столь прекрасно переведенной Ломоносовымъ:

«Ночною темнотою
«Покрылись небеса;
«Всѣ люди для покою
«Сомкнули ужъ глаза.
«Внезапно постучался
«У двери Купидонъ, и проч.
…………………………

Время дѣйствія, выбранное Г. Мартосомъ, заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

«Я теплыми руками
«Холодны руки мялъ,
«Я крылья и съ кудрями
«До суха выжималъ.
«Онъ чуть лишь ободрился,
«Каковъ-то, молвилъ, лукъ…
………………… и проч.

Амуръ съ лукавымъ видомъ смотритъ на Анакреона и подавая ему лѣвую руку, которую Анакреонъ старается согрѣть своимъ дыханіемъ, правою рукою достаетъ стрѣлу изъ висящаго за плечами его колчана.

Сей же самый предметъ былъ изображенъ нѣкогда въ барельефѣ знаменитымъ *Торвальдсеномъ*. Художникъ сей сдѣлалъ большое отступленіе отъ Греческаго Поэта, но за то мысль его выражена, кажется, яснѣе. Въ барельефѣ его Анакреонъ изображенъ сидящимъ на ложѣ, покрытомъ барсовою кожею, и между тѣмъ, какъ Поэтъ съ заботливостію старается обогрѣть и прикрыть наготу стоящаго въ ногахъ его Амура, сей послѣдній вонзаетъ потихоньку въ грудь его стрѣлу. Взоръ лукаваго божка внимательно устремленъ на Поэта, какъ бы съ намѣреніемъ узнать, замѣчаетъ ли онъ сію язву любви. Кому отдать преимущество? рѣши самъ, любезный другъ; но я, съ своей стороны, скажу словами почтеннаго Переводчика Греческихъ Классиковъ, что «Анакреонъ и того и другаго Художника посадилъ бы подлѣ себя и выпилъ бы съ ними «по бокалу Греческаго вина, заставивъ самого Эрота «быть имъ Ганимедомъ.» —

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Исторія Рускаго народа, сочиненіе Николая Полеваго. Томъ вторый, и пр. (*)

Статья II.

Послѣ всего, что сказано уже было объ *Исторіи Рускаго Народа*, говорить о ней не шутя, значило бы шутить надъ читателями своими. Кто прочиталъ первый томъ тотъ прочелъ и вторый, и шестый, и седьмый и всѣ слѣдующіе, которые еще въ умѣ, или правильнѣе въ головѣ Сочинителя, или еще правильнѣе въ объявленіи о подпискѣ на эту книгу. И въ одномъ первомъ томѣ видны свѣдѣнія, соображенія, порядокъ мыслей, добросовѣстность мнѣній и слогъ Автора. Въ подобномъ трудѣ нельзя ожидать вдохновеній, нечаянностей, какія встрѣчаются иногда въ созданіяхъ вымысла, въ поэмахъ, романахъ, комедіяхъ. И потому дивиться нечему, что и во второмъ томѣ видимъ арлекинскую пестроту выписокъ, сужденій, не сливающихся искуснымъ соображеніемъ оттѣнковъ съ главною основой, но кидающихся въ глаза яркими заплатами, вшитыми кое-какъ въ основу, худо сотканную. И здѣсь, какъ въ первомъ томѣ, а можетъ быть еще и болѣе, накинуты на Исторію Рускаго народа клочки, вырванные на удачу изъ Гизо, Тьерри, Кузеня и многихъ другихъ. Не всегда можно по горячимъ слѣдамъ уличить Автора въ похищеніи; но по неловкости его, по противорѣчію одѣянія его угадываешь, что онъ ходитъ въ чужомъ платьѣ: иное надѣто на немъ на-изнанку, другое вверхъ дномъ, все не по росту, не по погодѣ. Онъ похожъ на торговку, которая накинула, навьючила на себя и зимнюю шапку, и лѣтнюю соломенную шляпку, и блестками вышитую юпку, и фризовую шинель: настоящій подвижной лоскутный рядъ. Поминутно повѣствованіе разсѣкается неумѣстными разсужденіями, какъ напримѣръ о томъ, что изображаетъ общество. Чего Авторъ не успѣлъ узнать, когда писалъ свое введеніе, на что онъ наткнулся въ чтеніи послѣ, все это безъ разбора вноситъ онъ въ текстъ. Какой быть тутъ постепенности въ мысляхъ, какой общей идеѣ, согрѣвающей все твореніе, отъ которой

(*) См. 51-й № Л. Газеты, стр. 122.

и къ которой отделяются и примыкаютъ частныя идеи, частныя истины? Чтеніе подобной книги подлинно головоломная работа, если захотѣть слѣдовать за уклоненіями, за *аберраціями* Автора, ловить его и приводить на прямый путь. Читая его, мнѣ всегда приходятъ въ голову слова Танзаи, въ волшебной сказкѣ Кребильона, по выслушаніи разсказовъ нѣкотораго Крота: «Je ne parle plus à Moustache de son jargon, je « vois qu'il est né avec elle ; mais à propos de quoi ce « monceau d'idées, toujours les mêmes, quoique différemment exprimées? Pourquoi ces choses dites cent fois, « et revêtues pour reparaître encore, d'un goût qui les « rend bizarres, sans les rendres neuves? Que me sert à « moi qui ai envie d'être promptement au fait de votre « histoire, de savoir toutes les réflexions que vous avez « faites après coup sur vos aventures? Eh, une bonne « fois pour toutes, Taupe mes amours, des faits, et point « de verbiage (*). »

* * *

Гостинный дворъ Россійской Словесности. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1830. (32 стр. въ 12-ю д. л.)

Отличные и честные мальчики. Изъ повѣстей Г. Малана. Перевелъ съ Французскаго Ѳеоктистъ Улеговъ. — М. въ типогр. Н. Степанова при Императорскомъ Театрѣ, 1830. (36 стр. въ 12-ю д. л.)

Недавно появился у насъ новый талантъ, необыкновенный и разнообразный. Необыкновенный по выбору предметовъ, по способу воззрѣнія своего на оные и по слогу; разнообразный потому, что онъ сочиняетъ прозой и стихами, переводитъ романы, повѣсти.... и, мало ли чего еще можно отъ него ожидать! — Имя его: Г-нъ Ѳеоктистъ Улеговъ; произведенія собственныя: *Посланія Выпивалина къ водкѣ и бутылкѣ*, *Посланіе къ Выпивалину*, въ стихахъ, и *Гостиный дворъ Россійской Словесности*, въ поэтической прозѣ (что проза сія *поэтическая*, тому доказательства слѣдуютъ ниже); переводы: *Германъ дроворубъ*, *Валежская крестьянка* и *Отличные и честные мальчики*. Разнообразіе удивительное, особливо для Автора, являющагося впервые на судъ публики съ печатными своими правами на ея вниманіе.

Но не все *необыкновенное* вмѣстѣ бываетъ и *необыкновенно хорошо:* гораздо чаще можно встрѣтить достоинства противоположныя, отрицательныя. Примѣромъ тому можетъ служить и упоминаемый здѣсь новый Авторъ. Странность предметовъ и отсутствіе вкуса въ изобрѣтеніи и изложеніи суть отличныя качества его произведеній. Онъ, говоря откровенно, худо понялъ искуство сочинять, не знаетъ приличія словъ и выраженій, и *Гостиный дворъ Руской Словесности* яснѣе всего выказывается въ его вымыслахъ и слогѣ. Что жъ за бѣда? могутъ намъ возразить: не онъ первый такъ начинаетъ. Развѣ не смѣшили насъ первые опыты одного Журналиста, не умѣвшаго (и понынѣ еще не совсѣмъ умѣющаго) сладить съ періодомъ Рускимъ, и объявившаго себя въ послѣдствіи Филологомъ, и Полиглотомъ, и Археологомъ, и Критикомъ, и глубокимъ *мыслителемъ*, и основательнымъ знатокомъ наукъ точныхъ, и тонкимъ цѣнителемъ искуствъ изящныхъ? Развѣ не находили въ немъ друзья-Журналисты мишурныхъ познаній, сбивчивости въ понятіяхъ, недостатка логики и пр. и пр.? Это не помѣшало ему однако же отъ попытокъ журнальной заносчивости перешагнуть прямо на поприще Историка. Въ добрый часъ! Можетъ быть, подобный жребій ожидаетъ и Автора *Посланій Выпивалина* и *Гостинаго двора Р. С.*

Поговоримъ однако же о семъ послѣднемъ произведеніи. Это *сонъ* —

Когда же складны сны бываютъ?

Сочинителю видится великолѣпное зданіе съ безчисленными колоннами, вверху котораго читаетъ онъ «крупную золотыми буквами надпись: Гостиный дворъ «Россійской Словесности,» и неизвѣстный пожилой человѣкъ, *приглядной* наружности, «услужливо вызвался быть его сопутникомъ и провожатымъ,» подобно Виргилію въ Дантевой Divina Commedia. Въ зданіи Гостинаго двора Р. С. прежде всего осматриваютъ они Журнальную Аптеку, и la persona accorta, водящая сновидца, сказываетъ ему имена Докторовъ, прописывающихъ рецепты отъ *глупости, бездѣйствія и разврата:* «это «Гг. Обыкновенновъ, Пустословичъ, Невѣжинъ, Бранчивинъ, Краснорѣченко, Обмановичъ, Легкодуминъ, и «многіе другіе.» Отсюда странствователи переходятъ въ *Магазинъ Руской Исторіи*. «Въ углу магазина сидѣли въ креслахъ двѣ особы, и что-то между собой «говорили. Покупатели смотрѣли на нихъ съ особеннымъ почтеніемъ. Кто это таковы? спросилъ я «моего товарища. — Это Гг. Руские Историки: Ка-

---

(*) «Не говорю уже Усачу объ его языкѣ: вижу, что «онъ родился съ нимъ; но къ чему жь эта груда идей, «всегда однѣхъ и тѣхъ же, хотя различно выраженныхъ? «Къ чему всѣ эти предметы, о которыхъ сто разъ было «говорено, и которые, чтобъ выказаться снова, наряжаются такимъ образомъ, что дѣлаются странными, не «становясь новыми? Къ чему мнѣ, желающему поскорѣе «дослушать твою Исторію, къ чему мнѣ знать обо «всѣхъ разсужденіяхъ, дѣланныхъ тобою послѣ о приключеніяхъ твоихъ? Эхъ, единажды навсегда, скажу тебѣ, Кротъ мой голубчикъ: пожалуйста говори дѣло, а «не болтай пустого.»

рамзинъ и Полевой, — отвѣчалъ онъ. Мы подошли еще ближе и слышимъ:

«*Карамзинъ.* Ну, любезный Николай Алексѣевичъ, вы меня чрезвычайно обрадовали, принявъ на себя *званіе Рускаго Историка* и взявшись обработывать *этотъ предметъ* съ другой точки зрѣнія, *нежели какъ* я его обработывалъ.»

Можемъ увѣрить Г-на Ѳеоктиста Улегова, что онъ, видно, худо вслушался въ рѣчь Исторіографа: Карамзинъ никогда не писывалъ и не говаривалъ съ подобнымъ отсутствіемъ Логики и Грамматики. — Иное дѣло отвѣты Г-на Полеваго, особливо слѣдующій: «Меня упрекаютъ тѣмъ, Николай Михайловичъ, что я пустился писать Исторію послѣ васъ и нашелъ въ вашемъ безсмертномъ твореніи кое-гдѣ недостатки и погрѣшности. Меня за это даже *обзываютъ* безсовѣстнымъ, гордецомъ, самохваломъ и другими низкими именами. Говорятъ, что я васъ этимъ жестоко оскорбляю; и *подъ флагомъ* защищенія вашей славы, со всѣхъ сторонъ палятъ въ меня, такъ что я едва успѣваю *вертѣться* между безпрерывными огнями.» Въ этой рѣчи много правды, и по всему видно, что Сочинитель напитался слогомъ Историка Рускаго Народа: тонъ, выраженія и нѣкоторыя *слова* схвачены весьма удачно.

Дѣло въ томъ, что Карамзинъ ободряетъ Г-на Полеваго, совѣтуетъ ему не унывать, не смотрѣть на Критиковъ и писать Исторію Рускаго Народа: это опять не похоже на правду.

Но самый занимательный изъ разговоровъ, подслушанныхъ Сочинителемъ въ его сновидѣніи, есть разговоръ *Чистой Христіанской Нравственности* съ *единственнымъ въ свѣтѣ Крезомъ, богатѣйшимъ языкомъ Рускимъ:*

«*Нравственность* (*тихо, съ ангельскою улыбкою*). Ну, любезный другъ, доколѣ будешь ты убѣгать меня, и ограничиваться однимъ со мною свиданіемъ и краткими бесѣдами? — Пора бы ужь тебѣ вступить со мною въ священный супружескій союзъ. — Стыдно тебѣ, милый мой, такъ долго увлекаться приманчивыми прелестями Госпожъ: Пустославиной, Легкомысловой, Соблазнинской, Романистики, Порочновой, Вѣтроумовой и другихъ, любимыхъ тобою такъ страстно... и пр.

«*Языкъ Руской.* Что дѣлать, *почтеннѣйшая!* Я бы радъ сердечно приступить къ сему, да боюсь гоненія сильныхъ невѣждъ и испорченныхъ умствователей. Притомъ, *что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми*.... и пр.

«Вдругъ изъ боковыхъ дверей выскочила уродливая женская фигура, съ огненными глазами, длиннымъ носомъ и отвратительною харею, — богато одѣтая и, на перекоръ своему безобразію, украшенная золотою шпагою за храбрость. На груди ея была куча орденовъ и звѣзда, на которой блистали слова изъ бриліянтовъ: *Державная мода*, *иначе извѣстная подъ именемъ свѣтскаго приличія*.

«Она заревѣла охриплымъ голосомъ: «Ахъ, вы негодные! какъ смѣете сходиться здѣсь на тайныя перемолвки? — Вы, сударыня, насъ не безпокойте! — А ты, своенравный, — обратясь къ Рускому языку, вскричала она дико: — какъ смѣлъ въ противность моей волѣ имѣть секретные переговоры съ этой назязчивою плаксой? Вы здѣсь *перекладываете изъ пустаго въ порожнее*; а между тѣмъ почтенныя дамы Романистика, Лжемыслова и другія сокрушаются о тебѣ и съ тоски умереть готовы. Ступай, безстыдный! и бойся, чтобъ я не излила на тебя весь гнѣвъ мой! Тогда своихъ не узнаешь! Слышишь? — А вы, сударыня! — примолвила она раздраженнымъ тономъ и злобно потрясая головою, — убирайтесь отсюда, пока здоровы! Въ противномъ случаѣ, я управлюсь съ вами другимъ порядкомъ!!....» Юноша, поблѣднѣвъ какъ полотно, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ землю, опустивъ руки.... Царственная дѣва отступила въ уголъ, и горько заплакала....» (*Гостиный дворъ* Р. С., стр. 26-31).

Отъ этого «непостижимая тоска задавила сердце Сочинителя, свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ его, и онъ — пробудился.»

Заключимъ: если бъ и въ самомъ дѣлѣ привидѣлся кому такой сумбуръ, то лучше бы его не пересказывать другимъ, чтобъ не подумали, что Сочинитель одержимъ бываетъ во снѣ бредомъ разстроеннаго воображенія.

Отличные и честные мальчики, дѣтская повѣсть Малана, переведена Г-мъ Улеговымъ немного сноснѣе *оригинальныхъ* его произведеній. Правда, и тутъ попадаются слова, которымъ не должно бъ было давать мѣста ни въ какомъ слогѣ; но мы извиняемъ этотъ недостатокъ для добраго намѣренія, съ коимъ переводчикъ хотѣлъ передать на Рускомъ языкѣ сію повѣсть, написанную съ нравственною цѣлью.

СМѢСЬ.

Отрывокъ изъ письма Г. Іосифа Ковалевскаго (*) *отъ* 16-*го Августа сего* 1830 *года изъ Троицко-Савска.* Словесность Монгольская возрождается, она имѣетъ уже своихъ послѣдователей и покровителей. Обширное Государство Россійское, заключая въ себѣ Монгольскія племена, сохраняетъ языкъ ихъ и вѣроисповѣданіе, споспѣшествуетъ всѣмъ предпріятіямъ Словесниковъ по сему предмету и желаетъ распространить просвѣщеніе между Забайкальскими обитателями. Недавно въ Россіи Г. Шмидтъ, первый обнародовалъ тисненіемъ Лѣтопись

(*) Сопутствующаго новой Россійско-духовной Миссіи въ Китай.

Монгольскую съ Нѣмецкимъ переводомъ и довольно пространнымъ поясненіемъ; при маломъ запасѣ книгъ, онъ побѣдилъ многія трудности. Нѣкоторыя мѣста его перевода, по мнѣ, нуждаются въ исправленіяхъ, по несогласію съ подлинникомъ; сверхъ того въ текстѣ вкрались опечатки и описки.—Тотъ же Г. Шмидтъ печатаетъ нынѣ Монгольскую Грамматику. Жалѣю, что мнѣ не удастся просмотрѣть сіе сочиненіе, тѣмъ болѣе, что собственная моя Монгольская Грамматика уже кончена, и что Англійскій Миссіонеръ Робертъ Юейль (Robert Yueille), прочитавъ оную въ рукописи, отозвался объ ней весьма лестно. Я бы желалъ современемъ напечатать ее, *favente Deo.*—При выѣздѣ изъ Иркутска, мои добрые знакомые проводили меня и благословили на дорогу со слезами. На Байкалѣ ожидалъ меня попутный вѣтеръ, и въ 15 часовъ перегналъ на противоположный берегъ озера. Я провелъ весело нѣсколько дней на берегахъ Селенги у Англичанина Юейля (Yueille). Мы прочли вмѣстѣ мою Грамматику.—Я нашелъ у него же двѣ новыя Англійскія книги, изданныя Г. Ренкингомъ (Ranking) по предмету, для меня весьма любопытному и важному. Писатель сей сильно доказываетъ, что кости животныхъ, добываемыя издавна въ сѣверной Азіи, нисколько не принадлежатъ ко времени Всемірнаго Потопа; но что оныя суть останки животныхъ, служившихъ древнимъ Азійцамъ въ ихъ войнахъ, преимущественно же племенамъ Монгольскимъ, о коихъ частыхъ и грозныхъ переходахъ упоминаютъ Лѣтописи. Движеніе сего народа начинается изъ средины Монголіи, подвигается къ сѣверу и переходитъ въ Сѣверную Америку. Изъ сего выводится заключеніе, что Сѣверная Америка была нѣкогда населена Монгольскими племенами. Исторія отчасти подтверждаетъ сіе. Между 170-ю словами Американскими, найдено $\frac{3}{5}$ похожихъ на Монгольскія, Манчжурскія, Тунгузскія и Самоѣдскія, а $\frac{2}{5}$ Чудскихъ, Келтійскихъ, Бискайскихъ, Коптскихъ и другихъ. Многое можно бы о семъ написать; но покамѣстъ будь доволенъ тѣмъ, что упомянуто мною о семъ слегка.—

Китайскіе чиновники Битхешу Тунъ и Бошко Фусингха, отряженные Пекинскою Палатою иностранныхъ дѣлъ для сопровожденія Миссіи, прибыли во-время, 4-го Августа, въ Кяхтинскій Маймачинъ; 6-го числа сдѣлали мы имъ посѣщеніе, съ намѣреніемъ ближе съ ними познакомиться; 7-го они посѣтили насъ; 8-го посланы имъ отъ насъ по обыкновенію подарки, а тамъ начались доселѣ продолжающіяся взаимные угощенія. Троицко-Савскъ и Кяхта въ необыкновенномъ движеніи. Здѣшніе чиновники и купцы славятся своимъ хлѣбосольствомъ, и мы кочуемъ изъ дому въ домъ. Шампанское здѣсь въ модѣ и считается непремѣнною принадлежностію даже завтрака и полдника. Оно полюбилось Китайцамъ, которые называютъ его *Шаманскимъ* виномъ.... Какое множество обрядовъ для пріема гостей! Опредѣлено, кто гдѣ долженъ сидѣть, гдѣ выйти на встрѣчу! Это столь же важно, какъ бы рѣчь шла о цѣлости Государства или общественномъ благѣ.—

Еженедѣльнику сообщи слѣдующее: »Донынѣ не разрѣшено произхожденіе Уйгхуровъ, поколѣнія, славнаго въ Лѣтописяхъ. Одни породнили ихъ съ Турками, а иные считаютъ Тангутами. Китайскія Лѣтописи даютъ имъ разныя названія; н. п. Бейвуръ, Гаочанъ. Подъ симъ послѣднимъ именемъ видѣлъ я у Г. Галаховскаго, управляющаго Кяхтинскою таможней, Словарь въ 2-хъ частяхъ, въ коемъ Гаочаньскія (Уйгхурскія) слова суть Турецкія, написанныя буквами, нынѣ употребляющимися у Монголовъ. Рукописи, хранимыя въ Европейскихъ библіотекахъ подъ названіемъ Уйгхурскихъ, заключаютъ слова Турецкія, написанныя буквами Монгольскими. Между тѣмъ въ бытность мою въ Ургѣ, изъ разговоровъ съ Монгольскими чиновниками, я почерпнулъ свѣдѣніе, что они сами знаютъ племя Уйгхурское, нынѣ кочующее въ окрестностяхъ города Уласутай-хута, во владѣніяхъ Джасакту-Хана, подъ 48° широты и 108° долготы, которое говоритъ и пишетъ по-Монгольски, и въ чертахъ лица, вѣроисповѣданіи, нравахъ, обычаяхъ и одеждѣ ничѣмъ не отличается отъ Монголовъ. Свѣдѣніе сіе важно для Оріенталистовъ. Нынѣшнее мѣстопребываніе Уйгхуровъ то же самое, которое было и въ древности. Что же объ этомъ подумаютъ Г. Г. Шмидтъ, Клапротъ и Абель Ремюза?» —

(Изъ: Tygod. Petersbur.)

Крмиц.

На сихъ дняхъ изданъ литографированный портретъ Адмирала Алексѣя Самойловича Грейга, Командира Черноморскаго флота. Портретъ сей, рисованный съ натуры Г-мъ Осокинымъ, и весьма хорошо литографированный Г-мъ Сандомури, продается въ книжной лавкѣ Глазунова подъ No 25; цѣна оному 3 руб. Иногородные могутъ для полученія онаго относиться къ управляющему лавкою Ивану Лисенкову, въ С. Петербургѣ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 8-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

СУББОТА. ТОМЪ II, № 66. НОЯБРЯ 22го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ No., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Ноябрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ КЯХТЫ.

I.

Я уже сказалъ, что по прибытіи въ Троицко-Савскъ имѣлъ случай видѣть у Китайцевъ перемѣну лѣтняго костюма на осенній. Мнѣ хотѣлось еще узнать одѣяніе прочихъ временъ года, и въ этомъ не было дальняго затрудненія. Все, что только нужно было видѣть, принесено въ мою квартиру. Мало трудности я встрѣтилъ и при изложеніи нашими буквами Китайскихъ названій вещамъ съ ихъ гугниваго языка; въ этомъ мнѣ помогъ одинъ путешественникъ, живущій въ Кяхтѣ. Но при соображеніи взаимнаго приличія вещей въ самомъ одѣяніи требовалось довольно времени.

Одѣяніе мужское раздѣляется на форменное, частное и народное. Форменнымъ называю одѣяніе, предписанное законами; частное произошло отъ небольшихъ перемѣнъ въ форменномъ; народное есть употребляемое чернью.

Полное форменное одѣяніе заключаетъ въ себѣ: курму, кафтанъ и шубу, верхнюю рубаху, фуфайку, нижнюю рубаху, и пр. воротникъ, поясъ со всѣми принадлежностями къ нему, шляпу, сапоги и чулки.

Курма (гуá-цзы) есть верхній полукафтанъ, сходный съ Греческою рясою, однобортный, съ пятью пуговками, просторный, съ широкими рукавами. Шьется изъ четырехъ прямыхъ полотнищъ, безъ боровъ, съ небольшими клиньями, съ тремя разрѣзами отъ подола почти до пояса, длиною за колѣно. Есть еще малая курма, называемая *конною* (ма-гуá-цзы); длиною до бедръ. *Кафтанъ* (пхáо-цзы) состоитъ изъ четырехъ же прямыхъ полотнищъ безъ боровъ, съ большими клиньями въ бокахъ; длиною до закоблучьевъ; рукава у него длинные, узкіе, съ овальными обшлагами; спереди и сзади по самой срединѣ разрѣзы отъ подола къ верху до трехъ четвертей. Сей же кафтанъ, подложенный мѣхомъ, называется *шубою* (пьхiáо). *Верхняя рубаха* (шáнь-цзы) отличается отъ кафтана только широкими рукавами и небольшими разрѣзами по бокамъ, а по срединѣ не имѣетъ ихъ; въ длину полуфутомъ короче кафтана. *Фуфайка* (áо) и *исподняя рубашка* (хань-тхáнь-цзы) одного покроя съ верхней рубахой; но въ длину короче оной тремя четвертями и рукава имѣютъ поуже. У всѣхъ сихъ платьевъ, исключая курмы, лѣвая пола на верху; отъ пуговокъ шейной и плечной она изгибается около плеча подъ правую пазуху, и потомъ идетъ внизъ прямою чертою, застегиваемая тремя пуговками. *Воротникъ* (линъ-цзы) шьется особливо, шириною въ вершокъ, съ застежкою спереди; къ нему пришивается небольшая круглая *манишка* (лúнъ-и) тесьмами подъ пазуху для придерживанія на шеѣ. *Шляпа* (мáо-цзы) бываетъ *лѣтняя* (лянъ-мао), осенняя (цю́-мао) и зимняя (пьхи́мао). Лѣтняя шляпа имѣетъ видъ полушара пустаго, безъ полей; плетется изъ волоконъ тростинныхъ; сверху покрывается красною кистью изъ шерсти Тибетскихъ буйволовъ; для чиновниковъ же шьется изъ бѣлой шелковой матеріи, съ красною кистью сученаго тѣневаго шелка. Внутри шляпы вмѣсто тульи пришивается вѣнчикъ, обтянутый шелковою матеріею со снуркомъ, прикрѣпляющимъ шляпу на головѣ и подбородкѣ. Осенняя шляпа имѣетъ форму овальную, съ полями, поднятыми вверхъ, которыя составляютъ какъ бы околышъ и бываютъ чернаго бархата, верхъ вишневаго атласа на картонѣ или на ватѣ. Зимняя шляпа такую же форму имѣетъ; только околышъ ея изъ соболей и куницъ подчерненныхъ, или изъ черной Бухарской мерлушки и лапокъ черныхъ лисицъ.

Сапоги (сюэ-цзы) сходны съ нашими, но просторнѣе, и шьются изъ атласа или китайки чернаго цвѣта, съ бѣлыми подошвами, толщиною въ дюймъ. Сіи подошвы набираются изъ бумаги или ветошекъ; внизу кожа прошитая несмоляною дратвой, а съ боковъ простеганы по холсту и подбѣлены. Коблуковъ нѣтъ; а въ швахъ вложены ремешки зеленаго сафьяна. *Чулки* (вá-цзы) шьются изъ китайки, или шелковыхъ матерій, съ толстыми простеганными подошвами. Зимою подпоясываются сверхъ кафтана *кушакомъ* (да́-бао) изъ чернаго травчатаго крепа, а лѣтомъ плетенымъ или вязанымъ шелковымъ *поясомъ* (да́й-цзы) съ *пряжкою* (дай-гэу-цзы). Къ кушаку и поясу привѣшиваютъ на правомъ боку ножъ въ ножнахъ, карманные часы въ футлярѣ и кошельки съ арекомъ и серебромъ; на лѣвомъ кошельки же, платокъ, а лѣтомъ еще вѣерникъ съ вѣеромъ. Исподняя рубашка, а зимою и фуфайка, верхняя рубаха, кафтанъ и курма составляютъ собственно форменное одѣяніе. Прочія вещи суть общія и частному и народному одѣянію. Господствующій и неизмѣняемый цвѣтъ для курмъ есть черный, для кафтановъ голубой. Впрочемъ для кафтановъ избираютъ и другіе скромные цвѣта̀, исключая алаго и зеленаго, предоставленныхъ женскому полу. Верхняя рубашка осенью и зимою цвѣта голубаго и лимоннаго, а лѣтомъ бѣлаго. Фуфайка и платье исподнее бываютъ и шелковыя и китайчатые безъ разбора цвѣтовъ. Всѣ сіи платья не имѣютъ воротниковъ; а употребляется къ нимъ одинъ воротникъ, накладываемый сверху.

Въ отношеніи къ одѣянію, годъ дѣлится на четыре времени: холодное, умѣренное, теплое и жаркое. Для всѣхъ четырехъ временъ и промежутковъ ихъ назначены особливыя платья, перемѣна которыхъ съ точностію соблюдается.

Въ *холодное время* курма и шуба подбиты долгошерстными мѣхами. У шубы обшлага изъ соболя, или Камчатскаго бобра, или изъ котика. Верхняя рубаха, фуфайка и исподнее платье на ватѣ; шляпа съ куньимъ или собольимъ околышемъ, воротникъ изъ хребтика или хвоста Камчатскаго бобра. При переходѣ отъ холоднаго времени къ *умѣренному*, курма и шуба мѣлкошерстныхъ мѣховъ; шляпа и воротникъ также; а послѣ сего курма и кафтанъ на ватѣ или суконные; прочее все на подкладкѣ безъ ваты; воротникъ бархатный, шляпа осенняя. Мѣха для шубъ употребляются изъ тигровыхъ, рысьихъ и лисьихъ черевокъ, долгошерстныхъ Тибетскихъ мерлушекъ, Рускихъ мерлушекъ и бѣлки; мѣха для курмъ изъ Камчатскихъ бобровъ, красныхъ и другихъ лисицъ, кошки, бѣлки, лисьихъ и собольихъ лапокъ, Рускихъ черныхъ и бѣлыхъ, и сѣрыхъ Бухарскихъ мерлушекъ. Курмы надѣваются болѣе шерстью наружу; и потому мѣха для нихъ подбираются съ отличнымъ вкусомъ и искуствомъ. При переходѣ отъ умѣреннаго времени къ *теплому*, мѣстное начальство издаетъ повелѣніе *перемѣнить время* (хуань-цзы), т. е. перемѣнить осеннюю шляпу на лѣтнюю. Въ сіе время сначала курма и кафтанъ и прочее платье все шелковое на подкладкѣ, воротникъ матерчатый; потомъ курма и кафтанъ камлотовые или шелковые безъ подкладки; воротники вставляются. При переходѣ отъ теплаго времени къ *жаркому*, курма и кафтанъ частаго газа (флеру), а потомъ рѣдкаго; прочее платье изъ легкихъ шелковыхъ матерій, или легкаго холста, тканаго изъ упругихъ волокнистыхъ растеній. Въ сіе время дозволяется чиновникамъ оставлять курмы. Далѣе до самой зимы перемѣна одѣянія происходитъ на оборотъ точно такимъ же порядкомъ.

Чиновники и должностные люди должны носить форменное одѣяніе по обязанности, а частные люди по произволенію. Солдаты и присяжные по должности могутъ носить и частное одѣяніе: но при форменной шляпѣ. Въ частномъ одѣяніи шуба и кафтанъ не имѣютъ ни разрѣзовъ спереди и сзади, ни обшлаговъ, ни рукавовъ; вмѣсто курмы можно употреблять фуфайку; вмѣсто шляпъ, зимою валяную или шитую на ватѣ шапочку, лѣтомъ феску или соломеную шляпу съ кистью, или вязанымъ шелковымъ шарикомъ на верху. Лѣтомъ по большей части носятъ одну верхнюю рубашку, и ходятъ съ открытою головою, съ вѣеромъ въ рукѣ; въ ненастное время надѣваютъ короткую камлотовую или суконную курму. Чиновники могутъ такъ одѣваться, только дома въ прогулкахъ.

Бѣдные люди, работники, крестьяне и ремесленники, для удобности носятъ лѣтомъ одну рубашку и исподнее платье, а зимою сверхъ сего фуфайку и пр. на ватѣ. Для нарядныхъ выходовъ употребляютъ фуфайку, или рубашку длиною за колѣно, и всегда подпоясываются, исключая жаркихъ дней. Для дороги зимней употребляютъ нагольные и крытые тулупы простыхъ овчинъ. Вмѣсто шляпъ носятъ зимою вязаные колпаки или шапки съ ушами, а лѣтомъ соломеныя шляпы; вмѣсто сапоговъ, башмаки съ тонкими прошивными подошвами. Все ихъ одѣяніе дѣлается изъ китайки.

Хотя покрой форменнаго одѣянія одинаковъ для всѣхъ сословій (исключая духовныхъ); но для чиновниковъ находятся нѣкоторыя исключительныя преимущества. Они одни имѣютъ право носить курмы изъ матеріи вишневаго цвѣта и собольи; пришивать къ нимъ на груди и на спинѣ нашивки съ изображеніемъ птицъ и звѣрей, носить на шляпѣ сверхъ кисти шарикъ, на шеѣ четки. Роды птицъ и звѣрей, цвѣта̀ шариковъ и форма въ нанизкѣ четокъ расположены соотвѣтственно семи классамъ чиновъ. — Сверхъ обыкновеннаго форменнаго одѣянія, еще находится одѣяніе церемоніяльное, употребляемое при Дворѣ; но здѣсь нѣтъ образцовъ оному.

Очень хотѣлось бы сказать что нибудь о костюмѣ Китаянокъ, и за сіе, можетъ быть, я удостоился бы въ Иркутскѣ лестной улыбки отъ кого нибудь: но ревнивые Китайцы, въ досаду нашему любопытству, запретили своему прекрасному полу шагать чрезъ великую стѣну на Сѣверъ. И такъ я предоставляю этю другому, кто будетъ счастливѣе меня.

II.

По окончаніи возложеннаго порученія, надлежало мнѣ отправиться въ обратный путь: но одно обстоятельство удержало меня въ Троицкѣ еще на нѣсколько дней. Въ 30-й день Августа положено Россійской Духовной Миссіи отправиться за границу. Вы знаете, какъ сильно въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ на насъ любопытство. Для чего же не пожертвовать нѣсколькими днями, чтобъ быть очевидцемъ происшествія, въ цѣлое десятилѣтіе однажды случающагося? Такъ я сказалъ самому себѣ, и отложилъ поѣздку.

Въ восемь часовъ утра назначеннаго дня, обозъ Миссіи вступилъ въ Кяхту двумя отдѣленіями и расположился на площади у пограничныхъ воротъ. Онъ состоялъ изъ 80-ти телѣгъ, сопровождаемыхъ Козаками въ сѣрыхъ плащахъ съ синими воротниками, что придавало ему видъ военнаго транспорта. Это была первая картина, которая въ каждомъ раждала какое-то печальное чувство, самому ему неизвѣстное. Утреннее солнце возвышалось по чистому небу. Толпы любопытствующихъ, и Рускихъ и Китайцевъ, умножались на площади. Въ 10-ть часовъ прибыли изъ Троицка въ Кяхту всѣ члены Миссіи. По совершеніи Литургіи, обозъ окропленъ Святою водою и двинутъ заграницу. Кяхтинскіе купцы, коихъ искреннее гостепріимство заставляетъ путешественника на время забывать родину, сочли обязанностію угостить Миссію напутственнымъ столомъ. Обѣдъ данъ въ домѣ здѣшняго главы купца Котельникова. Собраніе было довольно многочисленно, но недоставало веселія. Мысль десятилѣтней разлуки накинула на всѣхъ печальное покрывало; казалось, что мы прощались съ соотечественниками, отходящими въ какой-то другой, неизвѣстный міръ. Изъ отъѣзжающихъ одни плакали, другіе казались спокойными, и сія противоположность чувствованій происходила болѣе отъ личныхъ обстоятельствъ каждаго. Дамы смотрѣли на нихъ съ какимъ-то умиленіемъ, и шутили надъ тѣми изъ своихъ подругъ, которыя не могли при сей картинѣ оставаться равнодушными. Одни только временные члены Миссіи необыкновенно восхищались. На торжествующемъ лицѣ каждаго изъ нихъ можно было глазами читать мысль, что они надѣются скоро проникнуть въ недоступную столицу Китая, и разгадать тамъ свои темныя предположенія. Посреди сей смѣси печали и радости, вдругъ послышались слова: silence! silence! и вотъ Г. Соломирскій явился на сценѣ съ прощальнымъ привѣтствіемъ, вдохновеннымъ Музами, а вслѣдъ за онымъ закипѣлъ въ бокалахъ дорогой нектаръ Галліи. — Наконецъ услышали вечерній благовѣстъ — сигналъ къ отправленію въ путь. Всѣ пошли въ церковь, и духовные члены Миссіи сами совершали моленіе Единому, сохраняющему насъ въ пути. По окончаніи молебна, здѣшнее Духовенство, въ церковномъ облаченіи, съ крестомъ и хоругвями, при колокольномъ звонѣ, препроводило Миссію за пограничныя ворота, и остановилось на самой чертѣ, раздѣляющей двѣ великія Державы между собою. Здѣсь совершено крестное цѣлованіе съ кропленіемъ Св. водою, и въ ту минуту, когда началось послѣднее прощаніе, не было ни одного, кто бы не излилъ въ жертву оному нѣсколькихъ капель слезъ. — Я былъ приглашенъ къ сопровожденію Миссіи до первой станціи, и повѣрите ль, что при первомъ шагѣ на заповѣдную землю Срединнаго Царства, воображалъ себя въ какомъ-то новомъ мірѣ. Наши экипажи, проѣзжая чрезъ Китайскую торговую слободу, остановились у Судейскаго дома. Учтивость требовала посѣтить Пограничнаго Начальника. Здѣсь предложили намъ сухіе плоды и подали чай. Плоды разложены были по сортамъ, въ одномъ деревянномъ ставцѣ, но въ разныхъ перегородкахъ; чайныя чашки безъ блюдечекъ, чай безъ сахара. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. — Но время не позволяло намъ долго оставаться здѣсь, и мы чрезъ пять минутъ отправились далѣе. Солнце уже скрылось за окрестныя горы, когда мы пріѣхали на станцію, въ 7-ми верстахъ отъ Кяхты къ Югу. — На краю возвышенной долины, по восточную сторону большой дороги, бѣлѣлись четыре юрты, поставленныя для Китайскихъ провожатыхъ чиновниковъ, а отъ дороги къ Западу расположенъ былъ станъ Рускій. Не помню, кто изъ провожавшихъ въ шутку сказалъ, что Китайцы и въ самыхъ мелочахъ соблюдаютъ свои церемоніалы съ такою же точностію, какъ у насъ дѣти наблюдаютъ важность въ подражательныхъ играхъ. — «Изъ чего вы заключаете это?» спросилъ другой. — «Вы примѣтили, съ какимъ уваженіемъ они обращались съ членами Миссіи, и не смотря на то поставили юрты для себя по лѣвой сторонѣ, которая у нихъ почитается старшею.» — Вотъ снова полилось шампанское, и уже другія мысли занимали каждаго. Вечеръ былъ холоденъ. Члены Миссіи искали ночнаго пріюта, а провожавшіе спѣшили воспользоваться сумеречнымъ просвѣтомъ, чтобы безопасно перебраться обратно чрезъ топи Бурятскія. Мы уже сѣли на дрожки, какъ вдругъ показалась огромная, закоптѣлая юрта, которая сама собою двигалась изъ-подъ горы на верхъ, прямо къ намъ. Очень забавно было смотрѣть на сію картину; и что же открылось? Нѣсколько бѣдныхъ Монголокъ съ дѣтьми, находясь внутри юрты, несли ее на себѣ для пріюта Рускимъ путешественникамъ. Говорятъ, что знающіе сію дорогу очень совѣтовали взять для Миссіи собственныя свои юрты: но человѣкъ такъ сотворенъ, чтобы всему научался изъ опытовъ. Мы поздно возвратились въ отчизну изъ краткаго путешествія въ Китай.

На другой день въ десять часовъ утра печально я побрелъ на ближнія высоты, чтобъ еще издали простится съ отъѣзжающими. Скоро нашелъ то мѣсто, на которомъ вчера былъ разкинутъ нашъ полевой станъ: но видѣлъ только пустую безмолвную долину, опушаемую темнымъ боромъ; а они были уже за высокими горами, и можетъ быть, готовили чай изъ влаги очаровательнаго Наринъ-Могая. Долго я смотрѣлъ на Буринскія высоты: ибо на той самой долинѣ, на которой Миссія препровела первую ночь за границею, нѣкогда (1727) Графъ Владиславичь-Рагузинскій подписалъ дружественный трактатъ между Россіею и Китаемъ.

ОБЛИЧИТЕЛЬ.

Злодѣй, скрывая преступленье,
Боится въ зеркало взглянуть,
Себя собою упрекнуть!
Мятежный страхъ и подозрѣнье
Его гнетутъ въ тиши ночей;
Ему ужасенъ взоръ дѣтей....
Скрывая слезы, онъ смѣется!
Но лицемѣрство не спасетъ:
Темницу совѣсть отопретъ,
Чудовище съ цѣпей сорвется —
И безобразьемъ ужаснетъ!
Тогда, надъ плахою блѣднѣя,
Онъ тайны выскажетъ свои,
И сердце бьется у злодѣя,
Какъ хвостъ разрубленной змѣи.

Трилунный.

О ВЛАДИМІРѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ ИЗМАЙЛОВѢ.

Недменность, эгоизмъ и корыстолюбіе, сіи болѣзни нашего вѣка, сдѣлали весьма рѣдкимъ примѣръ истиннаго Литератора: но таковымъ былъ Измайловъ — и друзья просвѣщенія сохранятъ постоянное уваженіе къ его памяти. Сей достойный современникъ и почитатель Карамзина, слѣдовательно и другъ всего изящнаго, отъ юности до позднихъ дней своихъ не переставалъ являть намъ характеръ прямаго питомца Музъ, не отдѣляющаго ремесла своего отъ служенія добродѣтели.

Скажемъ нѣчто о его жизни, характерѣ и твореніяхъ.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ родился въ Москвѣ 1773-го года, воспитывался и обучался въ домѣ родительскомъ. Исполняя обязанность Рускаго дворянина, онъ вступилъ въ военную службу; изъ Гвардіи Прапорщиковъ вышелъ въ отставку Преміеръ-Маіоромъ, и врожденная склонность къ ученымъ занятіямъ возвратила его на родину, гдѣ онъ предался имъ исключительно въ лѣта совершеннаго развитія своихъ способностей. Заря авторской жизни его возникла при полномъ свѣтѣ знаменитыхъ талантовъ, сіявшихъ тогда на горизонтѣ нашей Словесности. Счастливое время, когда молодой Писатель могъ переходить изъ кабинета Карамзина, Муравьева или Дмитріева за гостепріимный столъ Хераскова или Державина! Такова была школа Измайлова: онъ наслаждался научаясь — и страницы, имъ оставленныя, свидѣтельствуютъ, что и самыя удовольствія такого человѣка суть пріятный и полезный даръ его соотечественникамъ. Въ Москвѣ онъ имѣлъ наставникомъ въ Словесности извѣстнаго намъ Подшивалова, который издавалъ Журналъ: *Пріятное препровожденіе времени*, и помѣщалъ въ немъ первыя его сочиненія, изъ коихъ одно, подъ названіемъ: *Ростовское озеро*, особенно обратило на себя общее вниманіе. Въ Москвѣ онъ увидѣлъ и Карамзина, дабы на всю жизнь сохранить къ нему любовь и уваженіе, и снискать его взаимную пріязнь. Всегда, и даже въ самой старости, пламенѣли его взоры и исполнялись слезъ, когда, въ бесѣдахъ съ нами, воспоминалъ онъ часы, проведенные съ симъ незабвеннымъ мужемъ. И кто не благословитъ васъ, часы небеснаго блаженства, когда голосъ мудраго, проникая до глубины души нашей, вѣщаетъ о высокомъ назначеніи человѣка, о возможномъ его благѣ на землѣ, о пользѣ труда, о выгодахъ просвѣщенія; и когда въ семъ голосѣ отзываются не простые звуки краснорѣчивыхъ фразъ, но внутреннее убѣжденіе, основанное на опытѣ, и искреннее участіе въ судьбѣ нашей (*)! Скоро почувствовалъ онъ, что независимая сельская жизнь должна питать занятія, которымъ онъ посвятилъ себя, и, недалеко отъ Москвы, въ уединенной деревенькѣ своей, онъ рѣшился провесть большую часть жизни, наслаждаясь красотами природы и Поэзіи. Тамъ прелести ихъ вознаграждали его за лишеніе тѣхъ выгодъ, предъ коими раболѣпствуетъ толпа простолюдимовъ. Изученіе Ботаники еще болѣе дружило его съ сельскою жизнію. Онъ оставлялъ на нѣкоторое время скромное жилище свое для обозрѣнія благословенныхъ краевъ южной Россіи; являлся и въ столицѣ наблюдать характеры въ обществахъ, или наслаждаться бесѣдою своихъ друзей и наставниковъ. Съ новыми книгами, пріобрѣтеніемъ которыхъ ощутительно убывалъ небольшой его доста-

---

(*) Какъ испытатель сего рода наслажденій, онъ писалъ однажды къ сочинителю этой статьи: «Завидую «вамъ: вы угощали въ селѣ своемъ Патріарха нашихъ «Поэтовъ (И. И. Дмитріева). Мысленно былъ я у васъ, »подслушивалъ вашу бесѣду, дѣлилъ счастіе рѣдкое.»

ток, онъ возвращался душевно обогащеннымъ. Онъ не былъ суетнымъ расточителемъ: но издержки, сопряженныя съ сими благородными склонностями, не замѣнялись приращеніями въ маленькомъ его хозяйствѣ. Двое изъ самыхъ искреннихъ его пріятелей доставили ему средство не впасть въ совершенную нищету (скромность одного изъ нихъ не позволитъ мнѣ назвать его, а вмѣстѣ и соучастника его въ семъ благодѣяніи, который не принадлежитъ уже здѣшнему свѣту). Измайловъ получилъ отъ щедротъ Монаршихъ 1000 руб. ежегоднаго пенсіона, и вскорѣ потомъ званіе Цензора при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Но, вмѣстѣ съ совершеннымъ разстройствомъ здоровья, пришли тѣ лѣта, въ которыя человѣкъ начинаетъ чувствовать потребность отдыха и отъ любимыхъ трудовъ своихъ, болѣе независимости въ жизни и способовъ къ успокоенію. Не нашедъ ихъ, онъ не возропталъ ни на судьбу, ни на себя — и тихо переступилъ въ тотъ край, куда столь часто уносился духомъ. Онъ скончался въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1830 года.

Главною чертою его характера была любовь къ человѣчеству: онъ всякому желалъ добра, ума и просвѣщенія. Не смотря на всѣ измѣненія обстоятельствъ и людей, онъ не умѣлъ измѣниться; не умѣлъ обратить въ свою пользу первыхъ, ни разлюбить послѣднихъ. Не смотря на постепенное умаленіе его достатка, остававшіеся у него служители и земледѣльцы не чувствовали никакой перемѣны въ его попеченіяхъ: онъ былъ Философъ не на одной бумагѣ. Скромность и кроткій нравъ, украшенные отличнымъ воспитаніемъ, дѣлали его пріятнымъ и въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, и въ многочисленныхъ свѣтскихъ обществахъ. Но сердце его было чуждо ихъ мѣлочныхъ отношеній: онъ смотрѣлъ на природу и людей, на жизнь и смерть лишь съ поэтической ихъ стороны, и сія привычка жить въ лучшемъ мірѣ имѣла сильное вліяніе на весь нравственный составъ его, на всѣ его поступки, и даже на всѣ наружныя выраженія его чувствъ и мыслей. Разговоръ его былъ исполненъ той важности, того жара, коими питаются души возвышенныя, взаимно сообщая свои впечатлѣнія: онъ, кажется, никогда не говорилъ языкомъ земныхъ нуждъ и низкихъ желаній.

Обратимся теперь собственно къ литературнымъ его произведеніямъ, которыя были главнѣйшимъ предметомъ и услажденіемъ его жизни, замѣняли ему дары фортуны, и укрощали бури, часто наносимыя ею на преклонные дни его. Размышляющій умъ, ясность идей, всегда устремленныхъ къ отвлеченному; здравая философія, благозвучіе слога и строгая нравственность, сія неувядаемая Грація, — вотъ характеръ его произведеній, если не первоклассныхъ, то неоспоримо достойныхъ вниманія и уваженія соотечественниковъ. Таковымъ можетъ почесться его *Путешествіе въ Полуденную Россію*, коего многія мѣста исполнены чувства, живописи и мыслей. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: Письмо *изъ Кіева*, въ которомъ онъ изображаетъ торжественную картину крещенія древнихъ Россіянъ; — *изъ Симферополя*, о знаменитомъ Палласѣ; — описаніе *Крымскихъ горъ; — о Черкесахъ* и другихъ Кавказскихъ народахъ, и еще нѣсколько таковыхъ, мѣстъ обнаруживаютъ Писателя съ отличнымъ дарованіемъ, Философа - наблюдателя и Поэта - живописца. Современные, не всегда справедливые судіи талантовъ отнесли въ семъ сочиненіи подражанія, къ такъ называемымъ ими недостаткамъ, которые находили они въ *Письмахъ Рускаго Путешественника* — и Измайловъ имѣлъ счастіе быть порицаемъ Зоилами Карамзина. И нынѣшніе не пощадили его за нѣсколько фразъ или выраженій, излишне романическихъ: но это тѣ самые, которые до сихъ поръ заставляютъ *Бѣдную Лизу* расплачиваться за славу Исторіографа. Многія изъ его статей о воспитаніи весьма замѣчательны, особенно у насъ, гдѣ такъ мало занимались симъ предметомъ. Повѣсти его писаны чистымъ и пріятнымъ слогомъ, и не лишены заманчивости. Переводы его показываютъ ясно, что ими занимался Писатель, самъ способный мыслить и выражать свои впечатлѣнія. Значительнѣйшіе изъ нихъ суть: *Картина Европы*, соч. *Сегюра*, и *Письма о Ботаникѣ*, соч. *Руссо*. Лучшимъ изъ его стихотвореній можетъ почесться *Рѣчь о независимости ученаго мужа*, подражаніе *Мильвуа*, которое вездѣ равняется съ подлинникомъ, а мѣстами и превосходитъ его. Онъ издавалъ три Журнала: *Патріотъ* въ 1804-мъ, *Вѣстникъ Европы* въ 1814-мъ и *Россійскій Музеумъ* въ 1815-мъ годахъ. Онъ можетъ назваться *Авторомъ* перваго, ибо главнѣйшія и лучшія статьи принадлежали ему. Относительно двухъ послѣднихъ, онъ также не назовется простымъ издателемъ: въ нихъ все оживлялось его просвѣщеннымъ вкусомъ и пріятностію пера его (*). Замѣтимъ, что при всемъ недостаткѣ способовъ, который затрудняетъ человѣка совершенно приватнаго при вступленіи его на поприще Жур-

---

(*) *Вѣстникъ Европы* 1814 года замѣчателенъ по нѣкоторымъ довольно важнымъ статьямъ, какъ-то: *Освобожденіе Европы*, стихотвореніе Карамзина; — *Моимъ дѣтямъ*, статья, къ сожалѣнію, не полная, но отличная по простотѣ и легкости разсказа, соч. Подшивалова; — *О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова*, статья Издателя; — *Религія и Философіи*, его-же; — *Естественная Наука въ ея нравственномъ отношеніи*, его же; — и многія статьи о происшествіяхъ того года, столь славныхъ для Россіи. Онъ также украшенъ былъ стихами Жуковскаго и К. Вяземскаго. Тамъ же появлялись первые опыты А. Пушкина.

талиста, и безъ всякой обширной корреспонденціи, для сего необходимой, онъ умѣлъ оставить свои періодическія изданія въ памяти признательной публики. Нѣкоторыя изъ первыхъ политическихъ и философическихъ его статей, разсѣянныхъ въ Журналахъ, даютъ замѣтить, что онъ любилъ переноситься воображеніемъ въ область Утопіи: но вѣкъ его былъ вѣкомъ парадоксовъ и мечтаній несбыточныхъ, хотя и плѣнительныхъ для Филантропа. Онъ, подобно Карамзину, въ молодости своей былъ увлекаемъ очаровательною идеею какого-то всеобщаго блаженства; вмѣстѣ съ нимъ онъ содрогнулся отъ ужаса, когда плачевная существенность, разрушивъ сны мечтательной Философіи, открыла предъ ними кровавую сцену человѣческихъ заблужденій; вмѣстѣ съ нимъ, онъ оплакалъ земный жребій существа, и въ слабости своей надменнаго, и смирился предъ Тѣмъ, Кто одинъ устрояетъ Царства и народы, повѣряя лишь вѣкамъ тайну ихъ измѣненія.— Послѣднія его сочиненія, помѣщенныя въ изданномъ имъ Альманахѣ на 1827-й годъ, подъ названіемъ: *Литературный Музеумъ*, сохраняютъ всю свѣжесть мыслей и слога. Статья, въ которой обозрѣваетъ онъ литературныя произведенія 1826-го года, не уступаетъ подобнымъ статьямъ лучшихъ Европейскихъ Писателей; а обозрѣніе внутреннихъ происшествій того же года есть образецъ благородной смѣлости, благонамѣренности и патріотизма. Не задолго предъ кончиною своею, онъ сказывалъ одному пріятелю, что, къ несчастію его, болѣзнь препятствуетъ ему докончить начатое имъ сочиненіе: *Исторію Просвѣщенія въ Европѣ*, и свои *Записки*. Желательно, чтобы нѣкогда онѣ были извѣстны публикѣ.—Остается указать нашимъ новымъ Аристархамъ на его критику, здравую, водимую изящнымъ вкусомъ, знаніемъ и прямодушіемъ; въ которой дышетъ одно стремленіе къ пользѣ и успѣхамъ просвѣщенія; которой чуждо всякое суетное домогательство и всякая личность. Сколько было людей, и даже съ превосходными дарованіями, которыхъ частные виды заставляли иногда хвалить Мидасовъ: но Измайловъ согласился бы скорѣе умереть отъ стужи или голода, нежели до такой степени унизить въ себѣ санъ Литератора, сего просвѣтителя человѣчества. Мы видали и мнимыхъ цѣнителей дарованій, которые въ первой тетрадкѣ своей до того превозносятъ вашъ талантъ, что заставляютъ краснѣть васъ самихъ; во второй унижаютъ его съ одинаковою неумѣренностію; а въ третьей — снова превозносятъ: кто смѣетъ упрекнуть въ этомъ память Измайлова?

Нынѣ вошло въ употребленіе называть *подражаніемъ* сходство въ мысляхъ и чувствахъ одного человѣка съ другимъ: и такъ, слѣдуя сему употребленію, или лучше сказать, злоупотребленію словъ, скажемъ, что онъ *подражалъ* Карамзину не въ одномъ слогѣ, но и въ участіи, которое принимаетъ патріотъ въ судьбѣ своихъ согражданъ, въ ихъ славѣ и благоденствіи; *подражалъ* ему въ поощреніи юныхъ талантовъ къ трудамъ полезнымъ и пріятнымъ; *подражалъ* ему въ умѣренности, когда произносилъ приговоръ первымъ ихъ произведеніямъ; *подражалъ* ему въ безотвѣтствіи на статьи несправедливыя, недостойныя высокой цѣли, къ которой должна стремиться здравая критика; *подражалъ* ему въ незлобіи, прямодушіи, и въ той постоянной твердости ума и сердца, которая сохранила ему всѣ связи первыхъ лѣтъ его: и другъ Карамзина, знаменитый Пѣвецъ нашъ, умѣя цѣнить сіе рѣдкое достоинство, почтилъ его гробъ слезами искренней скорби; — однимъ словомъ, онъ *подражалъ* Карамзину, ибо подобно ему, остался, до послѣдней минуты жизни, и чистымъ Писателемъ и честнымъ человѣкомъ.

Н. И.-П.

Иванчи Писа

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Макбетъ. Трагедія Шакспира. Изъ соч. Шиллера, переводъ А. Ротчева. Спб. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1830 (въ 8-ю д. л. 116 стран.)

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ замѣчаемъ мы, что выхваляемое Московскимъ Телеграфомъ неуваженіе къ знаменитымъ именамъ, внушило въ нѣкоторыхъ молодыхъ Поэтовъ нашихъ и неуваженіе къ твореніямъ великихъ Писателей, и пренебреженіе къ своимъ читателямъ. Уже одно заглавіе разбираемой нами книги убѣждаетъ въ сей горькой истинѣ. Что такое значитъ: Макбетъ, трагедія Шакспира изъ сочиненій Шиллера? Какъ Шиллеръ сочинилъ Трагедію Шекспира? — Шиллеръ перевелъ Макбета съ нѣкоторыми измѣненіями; онъ могъ и сочинить трагедію Макбетъ, взявъ для своей драмы одинъ предметъ съ Шекспиромъ: но какъ могъ написать написанное другимъ — не понимаемъ. Какой Нѣмецъ, Французъ или Англичанинъ, вздумавшій перевести Иліаду съ перевода Гнѣдича, поставилъ бы въ заглавіи своего перевода: *Иліада Гомера изъ соч. Гнѣдича*? Можетъ быть сыщутся люди, которые наше замѣчаніе на заглавіе сей книги назовутъ мѣлочною привязкою. Они не будутъ правы! Какъ Задигъ узнавалъ по слѣдамъ, оставшимся на дорогѣ, и по пыли, улегшейся на окрестныхъ деревьяхъ, какое животное передъ нимъ пробѣжало, какого оно было роста и хромало ли оно или нѣтъ: такъ и привычный читатель всегда угадаетъ по первому листику книги, съ вниманіемъ ли она, или безъ вниманія написана.

Для чего переводятся хорошія книги? Для разпространенія новыхъ познаній или для обогащенія отечественной Словесности чужими красотами. — Къ которому подраздѣленію надо причислить переводъ трагедій Шекспира? къ послѣднему, т. е. къ тому, коего главная цѣль есть обогащеніе отечественной Словесности чужими красотами. — Для выполненія сей обязанности, чего требуется отъ переводчика? Кромѣ природныхъ дарованій: глубокаго знанія языка, съ коего переводишь, и привычки владѣть своимъ; притомъ любви и уваженія къ подлиннику, — двѣ необходимыя страсти, безъ коихъ успѣхъ невозможенъ. — Съ такими понятіями переводили у насъ Жуковскій и Гнѣдичъ; съ такими понятіями переводитъ нынѣ молодой, но уже зрѣлый Поэтъ Г-нъ Вронченко. Гамлетъ Шекспира, Манфредъ Байрона, имъ переданы на Рускій языкъ съ добросовѣстностію таланта. —

Никто изъ любителей Руской Словесности не сомнѣвается въ природныхъ дарованіяхъ Г-на Ротчева. Многія мѣлкія, собственныя его пьесы, разсѣянныя по Журналамъ и Альманахамъ, заставляютъ и любить талантъ его и быть къ нему взыскательными. Критика изъ снисхожденія, вѣроятно, къ первымъ попыткамъ молодаго человѣка на скудномъ драматическомъ поприщѣ нашемъ, ничего не сказала, кромѣ общихъ похвалъ, о Мессинской невѣстѣ и Вильгельмѣ Телѣ, трагедіяхъ Шиллера, переведенныхъ Г-мъ Ротчевымъ. Но ся снисходительное одобреніе не послужило въ пользу Переводчику. То, что ей казалось въ немъ еще неловкостію художника, несовершенно ознакомившагося съ искусствомъ, нынѣ обнаружилось порокомъ печальнымъ и неожиданнымъ. Переводъ Макбета съ Нѣмецкаго языка, показываетъ все непочтеніе къ превосходному творенію Шекспира, и званію не пустому Поэта.

Разкройте на угадъ Рускій переводъ и сравните его, не говорю уже съ Англійскимъ, но съ Нѣмецкимъ подлинникомъ. Вы увидите, что ни одинъ даже удачный стихъ Шиллера не остановилъ Переводчика и не заставилъ его постараться вѣрно передать себя. Одна безотчетная поспѣшность добраться поскорѣе до конца, выглядываетъ изъ каждой сцены, изъ каждаго стиха, даже изъ корректуры типографской! Нѣтъ ни осмотрительности, ни оглядки! перелистываешь книгу и изумляешься. Незная Англійскаго языка, нашъ Поэтъ могъ найти человѣка, который показалъ бы ему, какъ по-Руски пишутся Англійскія собственныя имена. Онъ и о томъ не подумалъ. Онъ пишетъ Шакспиръ вмѣсто Шекспиръ, Лади вмѣсто Леди; у него Макдуфъ — то Макдуфъ, то Макдюфъ, а Фейфъ — то Ѳиѳа, то Ѳива, то Ѳиѳы!!

Нѣтъ, Макбетъ еще не переведенъ у насъ. — Жаль, что Г. Ротчевъ счастливый талантъ свой не сдружилъ съ внимательностію и стараніемъ. Чѣмъ большею славою пользуется художникъ, тѣмъ болѣе для поддержанія оной ему надо быть строгимъ къ себѣ и не шутить своимъ искусствомъ. Поэма *Нищій* должна бы, кажется быть, поучительнымъ примѣромъ для юныхъ Поэтовъ, какъ неумѣренныя похвалы лжекритиковъ и довѣрчивое сердце дарованія прекраснаго, но еще не познавшаго себя, могутъ быть пагубны. Надѣемся, что Г. Ротчевъ пойдетъ по дорогѣ, ему свойственной, и болѣе не будетъ соперничать въ переводахъ съ ГГ. Зотовымъ и Шеллеромъ.

Ѳоминъ понедѣльникъ. Шуточное стихотвореніе. — М. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1830. (10 стр. въ 12-ю д. л. (*)

Есть въ Москвѣ обычай: въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ покупать въ Гостиномъ дворѣ дешевые товары, т. е. остатки матерій, обрѣзки лентъ и т. п. Объ этомъ обычаѣ была уже забавная юморическая статья въ прозѣ, помѣщенная въ одномъ изъ Московскихъ Альманаховъ. Кто-то изъ гостино-дворскихъ Московскихъ Поэтовъ вздумалъ возпѣть Ѳоминъ понедѣльникъ и стихами, въ которыхъ явно подражалъ онъ Пѣвцу Екатерингофскаго гулянья и пр. и пр. Но слабый подражатель претерпѣлъ участь Икара, понесшагося ввыспрь по слѣдамъ отца своего. Пѣвецъ *Ѳомина Понедѣльника* доказалъ только, что ему не похитить ни вѣточки лавровъ и миртовъ, украшающихъ маститое чело Барда гуляній и праздниковъ Сѣверной столицы. Для чего же трудился сей неопытный рифмоборецъ? Не знаемъ: можетъ быть, онъ готовилъ и свой лоскутокъ въ Гостиный дворъ къ будущему Ѳомину понедѣльнику. Только не мѣшало бы ему сбавить цѣны на свой товаръ: въ книжкѣ всего на все десять страничекъ, изъ которыхъ первыя четыре заняты заглавіемъ; а за остальныя шесть страничекъ дурныхъ стиховъ, дорого платить по рублю. Этакъ почтенные торговцы лоскутнаго ряду и невѣсть бы-какъ разжились!

СМѢСЬ.

Рекомендуемъ любителямъ Музыки статью Г-на Ю., помѣщенную съ 45-мъ № Сына Отечества. Тамъ между прочимъ найдутъ они, что души Вебера и Байрона были настроены.... на *низкіе* тоны!!! Критикъ

(*) Продается въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ книж. лавкѣ Василья Баранова. Цѣна 1 руб.

полагаетъ, что мрачныя чувства должны выражаться низкими тонами... По сей системѣ, судьба предоставила прекрасному полу, или плакать басомъ, или всегда веселиться; *можно ли* писать, *должно ли* печатать подобную галиматью? Характеръ низкихъ и высокихъ тоновъ всегда зависитъ отъ аккорда, а характеръ аккордовъ зависитъ отъ воли и генія Сочинителя; слѣдственно, не нарушая здраваго смысла, нельзя сказать, что душа кого-либо изъ Сочинителей настроена на низкіе тоны.

Вотъ уже нѣсколько статеекъ о Музыкѣ появлялось то въ Сѣвер. Пчелѣ, то въ Сынѣ Отечества. Иногда сочинители ихъ обозначали свое имя буквами N. N., и Ѳ., иногда Z. Z. и Ю. — Читая однѣ и тѣ же галиматьи подъ разными фирмами, любители Музыки подозрѣваютъ одного музыкальнаго Шлегеля, который по прихоти мѣняетъ каждый разъ заглавную букву своего имени. Мы совѣтуемъ ему перемѣнить мысли и улучшить познанія, иначе онъ переберетъ всю Азбуку, а порядочной статьи не напишетъ.

(*Сообщено.*)

* * *

Литературныя новости. На сихъ дняхъ вышла въ свѣтъ книга, достойная обратить на себя особое вниманіе любителей и преподавателей Словесности: *Теорія краснорѣчія, для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, извлеченная изъ Нѣмецкой Библіотеки Словесныхъ наукъ А. Галичемъ.* Зная способъ воззрѣнія и глубокія эстетическія свѣдѣнія почтеннаго Филолога, мы радуемся появленію сей книги, какъ дорогой находкѣ. Подробный отчетъ о ней Литературная Газета не замедлитъ сообщить своимъ читателямъ.

* * *

Въ непродолжительномъ времени, выйдутъ изъ печати два историческіе романа Фанъ-деръ-Фельде: 1) *Богемская дѣвичья война*, въ двухъ частяхъ (отрывокъ изъ сего романа помѣщенъ былъ въ одномъ изъ NNo Литературной Газеты), и *Патриціи*, перев. съ Нѣмецкаго Н. И. Павлищевымъ. Подписная цѣна за оба романа 10 руб., съ пересылкою 12 руб. — *Ундина, волшебная повѣсть*, сочиненіе Ламотта Фуке, перев. однимъ молодымъ Литераторомъ, также печатается и выйдетъ въ свѣтъ къ 1-му Января 1831 года.

Литературная Газета будетъ издаваться и въ 1831-мъ году, на томъ же основаніи, какъ и въ нынѣшнемъ. Писатели, дѣятельно участвовавшіе трудами своими въ изданіи сей Газеты за нынѣшній годъ, будутъ помѣщать въ ней свои произведенія и въ наступающемъ году. Имена сихъ Писателей весьма часто встрѣчались читателямъ Литературной Газеты: А. С. Пушкинъ, Князь П. А. Вяземскій, Е. А. Баратынскій, П. А. Катенинъ, А. Погорѣльскій (Авторъ *Двойника* и *Монастырки*), М. А. Максимовичъ, В. Г. Тепляковъ, В. П. Лангеръ, В. Н. Щастный, Гг. Деларю, Трилунный и пр. и пр., постоянно обогащали Литературную Газету статьями своими въ стихахъ и прозѣ; любители чтенія увидятъ, что и въ будущемъ году имена и произведенія сихъ Писателей будутъ украшать NNo сей Газеты.

Нѣсколько NNo оной запоздали появленіемъ своимъ по причинамъ, независѣвшимъ отъ Редакціи, которая поставляетъ долгомъ предувѣдомить Гг. подписавшихся, что всѣ помянутые NNo будутъ постепенно выданы до наступленія будущаго года.

Подписка на Литературную Газету 1831-го года принимается въ С. Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, No 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ Г-жи Гавриловой; у книгопродавцевъ: И. И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 28, И. И. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 27, и Андрея Глазунова, у прикащика его Ивана Лисенкова, въ томъ же д., въ лавкѣ подъ No 25. Въ Москвѣ: у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева, и у Андрея Глазунова, на Никольской улицѣ, противъ Казанскаго Собора, подъ No 1 и 2. Въ Тулѣ: у книгопродавца С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна годовому изданію (72 No, выходящ. чрезъ каждые пять дней, въ 1 листъ большаго размѣра) 35 руб., съ пересылкою въ другіе города и разноской по домамъ 40 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 12-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ЧЕТВЕРТОКЪ. ТОМЪ II, № 67. НОЯБРЯ 27го

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (во Вторникъ), — 7-го (въ Воскресенье), — 12-го (въ Пятницу), — 17-го (въ Среду) и 22-го (въ Понедѣльникъ).

КРЕСТНАЯ МАТЬ (*).

Тотъ унижаетъ самого себя, оскорбляетъ и природу и общество, кто презрительно обращается съ тѣми, съ коими связанъ священными узами природы. Мы должны любить и почитать ихъ, невзирая на то, что счастіе къ нимъ менѣе было благосклонно, нежели къ намъ, или что сами они, бывъ можетъ быть благоразумнѣе и счастливѣе насъ, остались при безвѣстномъ своемъ происхожденіи и простотѣ нравовъ, тогда какъ мы достигли почестей, за кои платимъ иногда спокойствіемъ и счастіемъ жизни. Если только источникъ нашего бытія чистъ, то какая нужда въ томъ, возвышаетъ ли насъ судьба, или унижаетъ? Не станемъ никогда забывать, отъ кого мы произошли! это послужитъ утѣшеніемъ въ несчастіяхъ, урокомъ въ благополучіи.

Марцеллъ Крепенъ былъ сынъ честныхъ земледѣльцевъ съ острова Брегемонта, одного изъ плодороднѣйшихъ округовъ Турени. Отецъ его, простой мызникъ, отдавъ его сперва въ ученье къ сельскому священнику, помѣстилъ потомъ въ Коллегію города Тура, гдѣ онъ отличился своими способностями и прилежаніемъ къ труду. Съ самаго дѣтства, Марцеллъ Крепенъ, избалованный своими родителями, оказывалъ желаніе возвыситься надъ ними: онъ не упускалъ ни одного случая пріобрѣсти благоволеніе своихъ учителей и привязанность своихъ товарищей. Онъ связанъ былъ тѣсною пріязнью съ сыномъ одного Парижскаго Банкира, имѣвшаго значительное помѣстье въ окрестностяхъ Ланжè; и часто онъ проводилъ тамъ свободное отъ ученья время, употребляя оное на угожденіе хозяевамъ, а болѣе всего на то, чтобъ имъ понравиться. Онъ такъ успѣлъ въ этомъ, что по окончаніи ученья, былъ взятъ отцемъ своего друга въ столицу, въ качествѣ младшаго прикащика. Мало по малу онъ дошелъ до того, что началъ управлять банковымъ домомъ, а скоро и заключать биржевыя сдѣлки отъ своего имени. Все ему шло въ руку: смѣтливость и дѣятельность его доставили ему средства купить должность биржеваго Маклера, званіе, которое обыкновенно ведетъ къ обогащенію.

Онъ ѣзжалъ иногда въ Турень, посѣщать смиренный кровъ, подъ которымъ онъ родился. По смерти отца и матери, у него оставалась только сестра, именемъ Дениза, старѣ его шестью годами. Она была изъ тѣхъ откровенныхъ и прямодушныхъ поселянокъ, у которыхъ, по простой поговоркѣ, правда на языкѣ и душа на ладони. Дениза, не смотря на всѣ убѣжденія своего брата, никакъ не захотѣла покинуть мирнаго своего жилища и плодородныхъ полей, и ѣхать съ Марцелломъ въ Парижъ, чтобъ тамъ разпоряжать въ его домѣ. Хотя она была пригожа лицемъ и одарена умомъ проницательнымъ; но чувствовала большую неохоту сдѣлаться вдругъ городскою дамой, не надѣясь перенять свѣтскихъ рѣчей и пріемовъ, не смотря на увѣренія своего брата, что этому легко научиться въ Парижѣ. Привыкнувъ къ сельскимъ работамъ, бывъ добра, дѣятельна и нрава прямаго, она вышла въ замужство за Мартина Ле-Рона, одного изъ лучшихъ земледѣльцевъ тамошняго округа; послѣ семи-лѣтняго и самаго счастливаго союза, мужъ оставилъ ее вдовою бездѣтной, и

(*) Это одна изъ повѣстей Бульи, изданныхъ въ послѣдніе годы во Франціи, подъ заглавіемъ: Trois mois un Touraine etc. — Переводчикъ выбралъ изъ нихъ *десять*, кои болѣе соотвѣтствуютъ съ его цѣлью, состоящею въ томъ, чтобы доставить пріятное и наставительное чтеніе дѣвицамъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; выборомъ его также руководствовало и самое содержаніе повѣстей, по возможности близкое къ нашимъ или вообще къ Европейскимъ нравамъ. — Повѣсти сіи печатаются съ Французскимъ подлинникомъ, и выйдутъ въ свѣтъ въ будущемъ Январѣ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ: *Другъ молодыхъ дѣвицъ, или новыя повѣсти, служащія къ образованію ихъ склонностей, ума и сердца*; съ заглавною виньеткой и 10-ю хорошо выгравированными картинками. Покупатели могутъ относиться въ книжную лавку издателя, книгопродавца И. И. Заикина, въ д. Г. М. Балабина, No 28. Цѣна 10 р., съ перелылкою 12 руб.

наслѣдницей всего его имущества. Такимъ образомъ, она сдѣлалось очень зажиточной; и въ то время, какъ Марцеллъ обогащался въ Парижѣ, все способствовало Денизѣ стать на ряду съ богатѣйшими изъ жителей Брегемонта.

Легко понять, что ее, вдову тридцати шести лѣтъ отъ рожденія, еще свѣжую и веселаго вида, любимую, уважаемую всѣми сосѣдями, неразъ упрашивали вступить въ другой бракъ; но по любви ли и почтенію къ памяти покойнаго своего мужа, или изъ опасенія подпасть подъ господство новаго, Дениза отказывала самымъ лучшимъ женихамъ и обрекла себя вдовству на весь остатокъ жизни.

Марцеллъ, къ коему довѣріе общее съ каждымъ днемъ возрастало въ столицѣ, вступилъ также въ брачный союзъ, соотвѣтствовавшій честолюбивымъ его видамъ. Онъ женился на дочери одного поставщика продовольствій для войскъ и взялъ за женою шесть сотъ тысячь франковъ приданаго, а съ симъ вмѣстѣ страсть къ роскоши и охоту къ разточительности. Дениза Крепенъ, вдова Мартина Ле-Ронъ, приглашена была братомъ своимъ на его свадьбу: она явилась тамъ въ обыкновенной своей одеждѣ мызницы, и восхитила всѣхъ гостей чистосердечною своею веселостью, острыми словами и тою естественною, непринужденною говорливостью, кои дѣлали ее забавною и замѣчательною посреди всѣхъ жеманныхъ красавицъ, ее окружавшихъ. Одно только удивляло и втайнѣ огорчало ее: то, что всѣ называли брата ея, Марцелла Крепена, *Господиномъ де ла Крепиньеръ*. Она не могла понять, какъ дѣти осмѣливаются измѣнять имя отцевъ своихъ, когда рождены отъ честныхъ людей? Но биржевой Маклеръ объяснилъ ей, что для успѣха въ свѣтѣ, требуются необходимыя предосторожности и приличія. Дениза Ле-Ронъ обѣщалась не противорѣчить своему брату, котораго очень любила; и довольствовалась тѣмъ, что называла его просто *Марцелломъ*, именемъ, которое привыкла давать ему съ дѣтства.

Когда блестящая сія свадьба кончилась, Дениза Ле-Ронъ оставила новобрачныхъ и возвратилась въ сельское свое жилище, гдѣ она была свободнѣе и счастливѣе, чѣмъ въ ослѣпительныхъ обществахъ богачей. Ей казалось, что она видѣла фейерверкъ, или что ей снился прекрасный сонъ. Когда она сравнивала этого маленькаго Марцелла, котораго она нашивала на рукахъ и убаюкивала на колѣняхъ, съ этимъ пышнымъ Г-мъ *де ла Крепиньеромъ*, который однако же принялъ ее съ лаской, то не могла удержаться отъ смѣха надъ суетностію временщиковъ счастія, и надъ глупостями, кои часто сія суетность заставляетъ ихъ дѣлать.

Скоро узнала она, что Г-жа *де ла Крепиньеръ*, невѣстка ея, родила дочь; и какъ ближайшая родственница съ отцовской стороны, была она выбрана въ воспріемницы новорожденной. Дениза Ле-Ронъ снова покинула широкой и богатый дворъ своей мызы, но не безъ сильнаго біенія сердца; отправилась въ дилижансѣ и остановилась въ великолѣпномъ домѣ Г-на де ла Крепиньеръ. Она сжала въ своихъ объятіяхъ милаго своего Марцелла, осыпала его дюжиною звонкихъ поцѣлуевъ, и получила отъ него пріемъ довольно ласковый, но немного принужденный. Тотчасъ она вбѣжала къ родильницѣ, нѣсколько разъ принималась ее цѣловать, величала ее голубушкой, молодочкой, матушкой.... Это заставило жеманную госпожу сдѣлать кисленькую рожицу, которая не ускользнула отъ прозорливой поселянки. «Ахъ, вотъ!» молвила сія послѣдняя съ врожденнымъ своимъ чистосердечіемъ: «да кого вы мнѣ дадите въ кумовья? Если это кто нибудь изъ вашихъ «франтиковъ, которымъ зазорно кажется стоять возлѣ поселянки, хоть она и честная женщина, — то «напередъ вамъ говорю, что я его приструю и подниму на зубки. Если жь онъ изъ тѣхъ хорошихъ людей, «которые уважаютъ земледѣльцевъ и не боятся, «чтобъ наше пожатье руки не ободрало имъ кожу; «то онъ найдетъ въ своей кумѣ своего поля ягоду. «Тебѣ же, моя голубушка, дарю я на родины эту серебряную чашу, которую покойникъ мой батюшка «получилъ когда-то при раздачѣ наградъ въ нашей деревнѣ. Онъ пилъ изъ нея еще наканунѣ своей смерти, «упокой Господи его душу! и я хочу, чтобъ его невѣстушка пила изъ этой же чаши за всякаго ребенка, котораго Богъ ей дастъ; потому что тебѣ-«то, моя матушка, и надобно разплодить на долгіе вѣки нашу семью: она, право, стòитъ того. А «какъ я не знаю обыкновенія знатныхъ барынь, и мнѣ «вовсе невѣдомо, чтò имъ больше всего по сердцу; «для того и положила я на дно чаши свертокъ въ «пятьдесятъ луидоровъ; купи на нихъ себѣ всякихъ «бездѣлушекъ, что тебѣ только приглянется.... Извините меня, дорогая сестрица, что я не умѣю приправить моего подарка красными словами; хотя же «нѣтъ во мнѣ умѣнья высказать все такъ, какъ бы «хотѣлось, а все же я чувствую ни больше, ни меньше, какъ и вы, другіе-прочіе; и это вы можете видѣть изъ того, что у меня сердце дрожитъ отъ радости, когда я васъ обнимаю.»

Это искреннее изліяніе чувства, это увлекательное смѣшеніе грубости и доброты сердца, разтрогали спесивую Г-жу *де ла Крепиньеръ*, до того, что она отплатила Денизѣ Ле-Ронъ поцѣлуемъ за одинъ изъ ея поцѣлуевъ, съ такимъ радушіемъ, что слезы навернулись на глазахъ сей доброй женщины. Въ эту минуту вошелъ предназначенный ей кумъ: братъ родильницы, записной щеголь, въ модномъ галстухѣ, въ коротенькомъ фракѣ, узкомъ въ обтяжку, въ широкихъ панталонахъ со складками; въ рукахъ держалъ онъ просточку съ раздущенымъ набалдашникомъ, и двойной лорнетъ. Бывъ предувѣдомленъ о будущей кумѣ своей, онъ вздумалъ было позабавиться на счетъ ея; но скоро былъ обезоруженъ тѣми прямыми шутками, которыя выливаются изъ души и сбиваютъ съ поля самаго отважнаго насмѣшника. Этотъ принужденъ былъ ограничиться истинною вѣжливостью, чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ, кои сыпались на него градомъ. И такъ, принявъ важный видъ, онъ подалъ знакъ слугѣ подойти и поднести кумѣ его обычный подарокъ. То была большая корзина изъ розовой тафты, вышитой цвѣтами, съ вензелемъ изъ серебряныхъ блестокъ. Дениза Ле-Ронъ поспѣшно отперла ее, вообразивъ, что въ ней находился богатый подарокъ, который напередъ уже эта добрая женщина предполагала вручить своей невѣсткѣ; но каково было ея удивленіе, когда въ корзинѣ она нашла только букетъ искуственныхъ цвѣтовъ, опахало изъ сандальнаго дерева и дюжину паръ перчатокъ!.... «Вотъ что!» подумала Дениза: «снаружи «оно гораздо лучше, чѣмъ внутри; у насъ это бываетъ «совсѣмъ на оборотъ.» Она приколола цвѣты на боку, заткнула опахало за поясъ, которымъ стянутъ былъ шелковый ея передникъ сизаго цвѣта, и хотѣла надѣть пару перчатокъ, которыя лопнули съ перваго пріема; она взяла другія: но едва могла просунуть въ нихъ концы своихъ пальцевъ. «Вотъ на! скажите-ка «мнѣ, куманекъ, развѣ вы ихъ выбирали для рученокъ «куклы? Для меня надобно бы купить мужскія пер«чатки, молодецъ! и тѣ были бы только что въ пору. «Счастье еще, что при мнѣ мои нитяныя варяги.» Сказавъ сіе, она ихъ надѣла, взяла подъ руку своего кума, и въ сопровожденіи своего брата, повивальной бабки и кормилицы, отправилась въ церковь, гдѣ совершенъ былъ обрядъ крещенія со всею пышностію, употребляемою у людей богатыхъ и высокаго званія. Но Денизу занимала только будущая участь дитяти, на котораго призывала она вслухъ благословеніе небесное въ трогательныхъ, теплыхъ молитвахъ, обѣщаясь предъ Богомъ быть вмѣсто матери своей крестницѣ, если когда-либо она будетъ въ томъ нуждаться. Болѣе всего обрадовало ее въ этой церемоніи то, что въ метрической книгѣ, малютка была записана подъ именами: *Марцеллины-Денизы-Памелы-Крепенъ.* «Что жь «за бѣда?» подумала тутъ воспріемница: «какъ ско«ро Марцеллъ не позабылъ своего настоящаго имени, «то пусть его величается, сколько хочетъ, подъ име«немъ Г-на де ла Крепиньеръ, и выдаетъ себя въ «свѣтѣ за человѣка знатной породы: ему вѣдь надоб«но жь этимъ бросать пыль въ глаза.» Сколь однако жь ни были сначала забавны простодушныя выходки доброй поселянки, но скоро она замѣтила, что ими оскорблялась суетность нѣкоторыхъ лицъ. Братъ ея сдѣлалъ ей на этотъ счетъ нѣсколько замѣчаній, кои дали почувствовать Денизѣ Ле-Ронъ, что тщеславный биржевой Маклеръ начиналъ страдать отъ присутствія сестры своей. Болѣе всего она убѣдилась, что Г-жа де ла Крепиньеръ нетерпѣливо ждала ея отъѣзда. Дениза поспѣшила онымъ, и подъ предлогомъ, что важныя занятія ожидали ее въ Брегемонтѣ, она возвратилась туда, припоминая всѣ сумасбродства, порождаемыя страстью къ роскоши, и прося Бога, чтобы любезный ея Марцеллъ не былъ никогда жертвою оныхъ.

Мольбы ея, казалось, были услышаны: Г. де ла Крепиньеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ производителей дѣлъ въ Парижской биржѣ. Скоро онъ продалъ свое мѣсто биржеваго Маклера почти за милльонъ, сдѣлался Банкиромъ и чрезъ то вошелъ въ сношеніе съ главными городами Европы, съ вельможами и богатѣйшими капиталистами. Домъ его сдѣлался дворцемъ и былъ поставленъ на такой ногѣ, которая соотвѣтствовала новому его образу жизни. У Г-жи де ла Крепиньеръ появились слуги и карета: съ досады, что у нея не было ливреи, она одѣла всѣхъ своихъ служителей въ платье съ позументомъ. Каждую недѣлю былъ у нея столъ на тридцать приборовъ, за который она сзывала богатѣйшихъ Банкировъ и знатныхъ господъ, которымъ часто бываетъ въ томъ нужда. Скоро она родила вторую дочь и назвала ее Леоніей: дѣвочку рѣдкой красоты, въ которой умъ, развивавшійся со дня на день, какъ бы чудомъ, возвѣщалъ, что она будетъ современемъ женщиною, столь же отличною по качествамъ ума, какъ и по наружнымъ дарамъ природы.

Денизу Ле-Ронъ извѣстили, что у нея есть другая племянница; но письмо, которое по сему случаю братъ ея велѣлъ своему секретарю написать къ ней, не заключало въ себѣ никакого приглашенія пріѣхать къ нему и вмѣстѣ раздѣлить семейную радость. Ей показалось даже, что въ письмѣ замѣтна была нѣкоторая осторожность (чтобъ не сказать: какая-то холодность), которою какъ будто давали ей почувствовать, что симъ извѣщеніемъ выполняли къ ней только неизбѣжную обязанность. Доброе сердце ея отъ этого страдало; но она не досадовала на то, что ее избавили отъ такой поѣздки, въ которой она, можетъ быть, подверглась бы новымъ оскорбленіямъ.

Протекли многіе годы. Денизѣ Ле-Ронъ было тогда сорокъ шесть лѣтъ; крестницѣ ея исполнилось десять: сія послѣдняя не выходила у нея изъ мыслей. Всѣ свои прибытки, всѣ сбереженныя ею деньги назначала она для того, чтобы современемъ наградить ими маленькую свою Денизу, о которой всѣ говорили, что она была очень мила и очень хорошо воспитана, и которая писала уже къ ней два премилыя письма, кои Дениза Ле-Ронъ каждый день перечитывала и носила при себѣ, чтобы показывать ихъ на удивленіе своимъ сосѣдямъ. Молодой *Леоніи* также назначалась часть въ ея наслѣдствѣ, которое увеличивалось ежегодно; но большая часть по праву принадлежала ея крестницѣ, нареченной дочери, которую она собиралась навѣстить при первомъ удобномъ случаѣ. Она не долго дожидалась: время, въ которое дѣвица де ла Крепиньеръ должна была въ первый разъ причаститься Св. Таинъ, наступило; крестная мать ея хотѣла при семъ случаѣ явиться достойною столь священнаго званія. Провидѣніе, казалось, споспѣшествовало ея намѣреніямъ: давно уже она не собирала такой обильной жатвы; и, не убытчась, она могла истратить сто луидоровъ, кои накопила для выполненія своего намѣренія. Бывъ увѣдомлена о торжественномъ днѣ братомъ своимъ, который все еще писывалъ къ ней отъ времени до времени, она отправилась въ своей одноколкѣ, запряженной парою дюжихъ лошадей, коими правилъ старшій работникъ ея мызы, и по пятидневномъ путешествіи, она прибыла въ Парижъ, остановилась въ одной гостинницѣ и упросила содержательницу оной не оставить ее совѣтами при покупкахъ, ею предположенныхъ. Въ короткое время она запаслась богатою корзинкой изъ бѣлаго атласа, содержащею въ себѣ полный нарядъ новой причастницы. Провѣдавъ объ имени и мѣстѣ жительства швеи, работавшей на ея крестницу, она заказала на ростъ сей послѣдней шитое тюлевое платье, съ самою богатой и самою модной обдѣлкой. Къ сему платью прибавила она приличный вуаль, и все, что нужно для убранства дѣвицы самой знатной. Она велѣла одному изъ служителей гостинницы достать на время ливрею и одѣвшись въ нее, отнести корзину къ брату ея, вечеромъ ровно въ восемь часовъ, съ обѣщаніемъ, никакъ не объявлять, кто его послалъ. «Думаю,» говорила Дениза самой себѣ, усмѣхаясь, «что эта корзинка получше той, которую мнѣ подарилъ тотъ франтикъ на крестины; и мнѣ любо будетъ пристыдить его порядкомъ. Теперь покамѣстъ прикинусь, будто ничего не знаю, и отправлюсь къ брату въ моей одноколкѣ: всѣ подумаютъ, будто я пріѣхала изъ Брегемонта: имъ и въ умъ не прійдетъ, что корзинка, принесенная въ подарокъ моей крестницѣ, прислана отъ ея крестной матери. Охъ, какая радость! какой для меня праздникъ, когда я всѣхъ ихъ удивлю за обѣдомъ, разцѣлую Марцелла и прижму къ своему сердцу, которое запрыгаетъ отъ радости, эту молоденькую дѣвочку, которую я первая представила Господу Богу на рукахъ моихъ.»

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

ЭПИГРАММА.

Ты намъ твердишь: *Я вашъ оракулъ!*
Твое съ нимъ сходство видимъ мы:
Такъ, наши слабые умы
Твоихъ оракульскихъ каракуль
Не проницаютъ смрадной тьмы.
Къ тому жъ вдобавокъ: слогъ твой дивный
Ломается, какъ предъ толпой
Ломалась Пиѳія порой,
Послышавъ бога гласъ призывный,
Звучавшій изъ норы пустой!

М. Деларю.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

(*Соч. П. А. Катенина.*)

Статья VII.

9. О театрѣ.

О достоинствѣ драматическаго искусства я уже сказалъ въ размышленіяхъ о поэзіи Грековъ; здѣсь постараюсь опредѣлить и изъяснить сущность его, вопреки множеству теорій, мало и дурно извѣстную. Очевидный и жалкій упадокъ Театра повсюду заставляетъ бояться, что всѣ совѣты опоздали; но если они послужатъ въ осторожность хоть одному начинающему Писателю съ дарованіемъ, довольно; объ исправленіи вкуса того, что называютъ публикой, кто же думаетъ, коли не сумасшедшій?

Всякое искусство имѣетъ свои естественные предѣлы, изъ коихъ не можетъ и не должно выходить; оно не стѣснено ими; а напротивъ удержано въ цѣлости, и охранено отъ суетной и вредной разкидки во всѣ стороны, могущей только ослабить и истощить его составъ. Ваяніе, напримѣръ, изображаетъ формы; и чѣмъ менѣе цвѣтности или пестроты въ камнѣ или металлѣ, рѣзцомъ обдѣланномъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе. Разкрасьте Венеру Медиційскую, позолотите ей волосы, нарумяньте лице, насурмите брови, намажьте киноварью губы, вставьте поддѣльные глаза, и вы ужаснетесь безобразію красоты. Удѣлъ живописи краски; изъ нихъ, изъ обманчиваго различія свѣта и тѣни, творитъ она свои чудеса, сближаетъ и отдаляетъ предметы; на гладкой доскѣ либо холстинѣ представляетъ необозримую даль, или (что еще болѣе) круглость исполненнаго жизни лица человѣческаго. Кто вздумаетъ для большаго совершенства выставить носъ на подпоркѣ впередъ, едва ли сочтется даже нынче за смѣлаго генія, развязывающаго путы, связывавшіе до него робкихъ Художниковъ.

На театрѣ болѣе всего очарованія; люди представляютъ людей, и если Актёръ похожъ на идеаль лица, имъ играемаго, не остается чего желать: кто видѣлъ Тальма въ Улиссѣ или Флёри въ Фридрихѣ второмъ, чувствовалъ точно неизъяснимое. Такое совершенство иначе не можетъ быть какъ рѣдко; по большей части должно довольствоваться сходствомъ посредственнымъ; но какъ же быть съ лицами, которымъ нѣтъ живыхъ представителей? откуда взять великановъ, карликовъ, уродовъ, чудовищъ, чертей, звѣрей и пр. и пр. и пр.? какой Актрисѣ дать роль радуги? кто большой или малой похожъ на Irrlicht? Механическія пособія всѣ истощены: ходули, маски, парики, бороды, отрепья и лохмотья, сто тысячъ разъ и съ немалой издержкою денегъ, пытались людей морочить; на столько даже успѣли, что зрители ломомъ ломили въ контору за билетами, не жалѣя нѣсколькихъ рублей, за которые удастся имъ увидѣть невидимое отъ вѣка; но увы! увидѣли совсѣмъ не то, чего ждали, и со вздохомъ отложили свою надежду до другаго раза, когда театральный бутафоръ лучше справится съ карманомъ и премудростью. Что бы сказалъ древній Аѳинянинъ о такой нелѣпицѣ, видя, что ее выдаютъ и принимаютъ не за шутку? У нихъ выводили въ лицахъ птицъ, лягушекъ и осъ, правда; но именно на смѣхъ; чѣмъ меньше похоже на дѣло, тѣмъ уморительнѣе. Когда одна и та же вещь кажется одному чѣмъ-то высокимъ, прекраснымъ и важнымъ, а другому каррикатурой и пародіей, — нѣтъ сомнѣнія, тотъ либо другой лишенъ здраваго смысла.

Но въ драмѣ лица выводятся не только на показъ одно за другимъ, какъ въ волшебномъ Фонарѣ; мало, чтобы они недвижнымъ и безмолвнымъ сходствомъ искуства съ природою услаждали зрѣніе, какъ въ живыхъ картинахъ; они сверхъ того должны дѣйствовать, что и самое слово *драма* опредѣляетъ. За симъ слѣдуетъ непосредственно мысль о мѣстѣ дѣйствія; для изображенія его по возможности и построенъ Театръ. Я говорю: по возможности; ибо исполнить этого совершенно нельзя; есть препятствія неодолимыя, есть и такія, отъ которыхъ можно остеречься. Первое изъ всѣхъ: необходимость по крайней мѣрѣ одну сторону открыть, дабы зрители, собранные въ кучу, или рядами, или (что для помѣщенія удобнѣе) полукругомъ, имѣли возможность дѣйствіе видѣть. Мало, что въ эту сторону лицамъ хода нѣтъ; они еще по большей части обязаны отъ нея не отходить, чтобы движенія ихъ и голосъ въ отдаленіи не пропали; они должны сколько можно стоять къ ней передомъ; приходить и уходить на-искось; вести разговоръ почти рядомъ; размѣщаться, коли ихъ много вмѣстѣ, такъ, чтобы каждый былъ нѣсколько въ виду. Всѣ сіи отступленія отъ натуры суть непремѣнныя условія искуства, sine qua non. — Роптать на нихъ также безумно, какъ на зной въ Іюлѣ и на морозъ въ Январѣ; а надо искать въ умѣ средства, чтобъ ни то, ни другое не вредило: лѣтомъ укрываться въ тѣни, а зимой топить печки.

Величину зданія нельзя опредѣлить саженями и вершками, но и та не безпредѣльна; что пользы, если въ огромномъ театрѣ дѣйствующія лица будутъ казаться вертепными куклами, и половины ихъ словъ никто не услышитъ? Увѣряютъ, что Древніе, избѣгая этого, поддѣлывали ростъ ходулями и усиливали голосъ воронками, скрытыми въ маскахъ; это значитъ, бросаться изъ огня въ полымя. На что, скажутъ мнѣ, слишкомъ обширный театръ? Нынче декораціи своимъ оптическимъ обманомъ превращаютъ небольшую сцену во что угодно. Увы! не правда; Шлегель, весьма толковый судья, когда онъ не кривитъ душой, до меня по достоинству оцѣнилъ превозносимыя публикою декораціи (*). Утвердительно сказать можно, что отъ безсильныхъ усилій сотворить невозможное, и отъ общаго безвкусія, ободряющаго все отверженія достойное, сія часть въ такомъ же упадкѣ, какъ и прочія; но я еще имѣлъ счастье видѣть на своемъ роду нѣсколько декорацій, точно отмѣнныхъ; при всемъ томъ, что жъ онѣ могутъ прибавить къ очарованію? Немного; перспектива удаляетъ предметы, прямо противъ зрителей написанные на задней занавѣсѣ; но широта во всякомъ случаѣ та же, кулисы составляютъ ту же неизбѣжную условную раму; а что еще хуже для правдоподобія, лица, появляющіяся въ глубинѣ театра, слишкомъ велики противъ окружающихъ ихъ, живописцемъ нарочно умаленныхъ домовъ, деревъ и прочихъ предметовъ. Какъ горю помочь? помнить Русскую пословицу: *по одежкѣ протягай ножки;* знать средства и границы искуства, — одними пользоваться, изъ другихъ не выступать; тогда только искуство до обмана подойдетъ къ натурѣ, и удовлетворитъ вкусъ просвѣщенный, ненавидящій чванство лягушки, когда она думаетъ надуться съ быка.

Замѣчанія достойно, что Греки, имѣвшіе театры огромные, гдѣ на счетъ Общества, или отличныхъ гражданъ, щедростью желавшихъ прославиться и угодить, безъ платы стекалось множество народа, избѣгали представленія чего нибудь слишкомъ большего,

---

(*) Вотъ его слова: „Только отъ незнанія зрителей въ „рисовальныхъ искуствахъ можетъ большая часть деко„раторовъ имѣть успѣхъ: я часто видалъ, что цѣлый „партерръ въ восторгѣ отъ декорацій, отъ которой каж„дый разсудительный глазъ съ неудовольствіемъ дол„женъ былъ отворотиться; вмѣсто ея гладкая зеленая „завѣса была бы гораздо предпочтительнѣе.“ Спросишь: сколько глазъ разсудительныхъ находилось, по мнѣнію Шлегеля, *въ цѣлыхъ* партеррахъ, имъ *осуж*дѣнныхъ?

естественно въ раму сцены невходящаго; а мы, принужденные изъ собираемой за входъ платы съ грѣхомъ пополамъ содержать театры маленькіе, вопреки возможности и разсудку, бьемся изъ того, чтобы цѣлый свѣтъ стѣснить въ свою коробку. Они въ семъ случаѣ, какъ искусный Зодчій, который, вѣрно разочтя, насколько у него припасовъ, въ мѣру нарисовалъ планъ, и по немъ успѣшно свое зданіе выстроилъ; мы, какъ вѣтреный молодой наслѣдникъ, который, не зная, чѣмъ онъ можетъ располагать, затѣваетъ разомъ и домъ и садъ и заводъ и мельницу и все, ничьихъ представленій не слушаетъ, и несетъ свое, доколѣ время ему докажетъ, что изо всѣхъ его затѣй ни одна не можетъ исполниться, все непрочно, и недавно начатое уже обветшало и развалилось.

Въ большей части Греческихъ трагедій, мѣсто дѣйствія некрытый дворъ передъ домомъ (почти всегда загороднымъ) кого нибудь изъ ихъ древнихъ Царей; въ одну сторону предполагается путь къ городу, въ другую къ морю; въ глубинѣ домъ и въ него большая дверь, съ отверзтіемъ коей взоръ проникаетъ во внутренность покоевъ. Что можетъ быть этого проще и величественнѣе? За исключеніемъ необходимаго, какъ выше сказано, уничтоженія одной стороны для зрителей, все сущая правда, и есть ли хоть малое сомнѣніе, что при умѣренныхъ даже способахъ, цѣль была достигнута, и зритель, вполнѣ очарованный, могъ предаться наслажденію безъ примѣси?

Возобновились драматическія представленія въ Европѣ, какъ извѣстно, благочестивыми (по тогдашнему образу мыслей) людьми, называвшимися братьею Страстей Господнихъ; выводя въ лицахъ *таинства* Новаго Завѣта, почли они удобнѣйшимъ разгородить сцену поперегъ на три жилья; верхнее изображало небо, среднее землю, нижнее адъ; изъ одного въ другое лица по расположенію драмы спускались и поднимались. Сіе устроеніе было довольно умно приспособлено къ содержанію пьесъ; но и то и другое носитъ насебѣ печать искуства въ младенчествѣ.

Когда представленія духовныя были запрещены, какъ нѣчто могущее родить болѣе соблазна, нежели благочестія, любители искуства въ Италіи и Франціи, напитанные съ колыбели любовью къ Древнимъ, принялись переводить и передѣлывать на свой языкъ Греческія и Латинскія трагедіи; сверхъ уже обработанныхъ содержаній стали появляться и свѣжія, — почти исключительно изъ Римской Исторіи со всѣми ея отраслями; къ Электрамъ, Антигонамъ и Медеямъ, прибавились Дидоны, Софонизбы, Клеопатры, Маріамны и пр. Гдѣ же было все это играть? разумѣется, въ какой нибудь залѣ, принадлежащей Академіи, Королю, или знатному барину. Что въ ней всего легче было съ правдоподобіемъ представить? безъ сомнѣнія залу же, убранную, какъ лучше умѣли, во вкусѣ Греческомъ, Римскомъ или Азіятскомъ. Единство мѣста, не по вѣрѣ въ Аристотеля (который и не говоритъ объ немъ), а по необходимости ввелось въ трагедіи Итальянцевъ и Французовъ; и что бы ни говорили противъ него, къ очевидной пользѣ: ибо дало ихъ Писателямъ направленіе дѣльное и предохранило ихъ, покрайней мѣрѣ до XIX-го столѣтія, отъ множества, Англійскихъ и Испанскихъ безумій.

Знаю, что мои слова многимъ изъ читателей не полюбятся; знаю, что теперь нѣтъ ни одного Журналиста, или сотрудника журнальнаго, ни одного молодаго Стихотворца, ни одного переводчика двухъ сценъ съ Нѣмецкаго, ни одного волонтера-Критика, дебютирующаго умомъ въ бойкой статейкѣ, который бы не ставилъ себѣ въ обязанность, такъ либо сякъ, кстати, или не кстати, объявить публикѣ, что онъ Романтикъ, поклонникъ Шекспира и Шиллера, презираетъ весь Французскій театръ, смѣется надо всѣми правилами, словомъ чистый литературный либералъ; знаю, что одному трудно говорить передъ толпой, заглушающей его крикомъ: à bas! à bas! Но я болѣе люблю искуство, нежели боюсь крикуновъ; я въ немъ по обѣимъ главнымъ отраслямъ, сочиненія и игры, упражнялся довольно для пріобрѣтенія права толковать, и коли началъ, почитаю долгомъ сказать все до конца.

Нынче одно слово: *правило*, всѣхъ приводитъ въ волненіе, точно какъ злодѣевъ слово: *Законъ*; но что есть правило въ художествахъ? развѣ цѣпь, насильно чужимъ самовластіемъ налагаемая? Отнюдь: правило есть краткое изложеніе истины, разсудкомъ замѣченной и опытомъ подтвержденной; за что же на нее такъ сердиться? не за то ли, что иная правда глазъ колетъ? что согласясь съ нею, придется сознаться и въ своей слабости? Въ прошедшемъ столѣтіи многіе отличные Писатели постоянно доказывали всему свѣту, что Поэзія никуда не годится, что стихи съ ихъ размѣромъ и рифмою все портятъ, а проза въ тысячу разъ лучше; изъ чего они такъ трудились? Изъ того, что сами стиховъ писать не умѣли, что размѣръ и рифма были имъ не подъ силу, а самолюбіе и гордыня подстрекали, чтобъ хоть обманомъ, хоть не надолго, да посидѣть на первомъ мѣстѣ.

Единство вообще есть первое непреложное правило всѣхъ искуствъ; оно основано на естествѣ ума и чувства человѣческаго, и всякій Художникъ, знающій свое дѣло, старается сохранить его сколько можно болѣе. Бываютъ случаи, гдѣ отъ невозможности измѣняютъ ему, и то не въ цѣломъ, а въ подчиненныхъ ему частяхъ или подробностяхъ; всегда по неволѣ, и она только служитъ оправданіемъ.

Единство дѣйствія, или содержанія, или участія (какъ вамъ угодно назвать), единство цѣлаго, однимъ словомъ, признано всѣми равно, и объ немъ спора нѣтъ. Единства времени и мѣста далеко не такъ важны; они касаются именно тѣхъ подчиненныхъ подробностей, о коихъ выше упомянуто, ихъ можно нарушить для большей красоты цѣлаго, и мы увидимъ знаменитыя сего нарушенія примѣры; но безъ нужды отдаляться отъ нихъ неумѣнье, а нарочно, или такъ сказать, на зло, порицанія достойное упрямство.

Сисмонди въ довольно длинной и вялой апологіи романтической системы говоритъ, что содержаніе *Эдипа* въ ней бы обдѣлалось слѣдующимъ образомъ: Дѣйствіе 1-е: Эдипъ, отверженный отъ алтаря въ Коринѳѣ ужаснымъ оракуломъ (*), оставляетъ отчизну, чтобы отнять у себя возможность злодѣянія, и искать славы по слѣдамъ Иракла. Дѣй. 2-е встрѣча съ Лаіемъ и убіеніе сего Царя. Дѣй. 3-е прибытіе въ Ѳивы и освобожденіе сего города отъ ярости Сфинкса. Дѣй 4. пагубныя награды, дарованныя ему народомъ: престолъ Лаія и рука его вдовы. Дѣй. 5-е объясненіе всего и развязка. «Чего бы не извлекъ,» продолжаетъ онъ,» человѣкъ съ геніемъ изъ сцены въ храмѣ, изъ той, гдѣ убитъ Лаій?» Ровно ничего, кромѣ смѣшнаго опернаго эфекта въ первой, и неловкой балетной драки во второй. Но еще это не главное, а вся важность, весь ужасъ открытій Эдипа, что онъ отцеубійца, съ матерью прижившій дѣтей, пропадутъ, коли мы не съ нимъ вмѣстѣ одну за другой узнаемъ сіи страшныя тайны. И это смѣло выдаютъ за усовершенствованіе, когда оно явно лепетъ ребенка, иначе незнающаго буквъ, какъ по порядку, въ которомъ онъ ихъ затвердилъ отъ аза до ижицы.

Содержаніе простое, немногосложное, какъ выбирали Греки и ученики ихъ, почти всегда не съ большимъ трудомъ входитъ въ предѣлы временнаго и мѣстнаго единства; но содержанія пространныя и запутанныя требуютъ непремѣнно протяженія времени, измѣненія мѣста. Задача въ томъ: которыя лучше для драмы? которыя въ представленіи покажутся ближе къ правдѣ, сильнѣе и полнѣе подѣйствуютъ на душу, удовлетворятъ умнаго и толковаго человѣка?

Постараемся предложить ее съ ясностью. Сколько времени можетъ длиться театральное представленіе, не утомляя зрителей? Положимъ: три часа. Если дѣйствіе драмы естественнымъ образомъ можетъ совершиться въ то же время, очарованіе полное, условнаго такъ мало, что я готовъ вѣрить, даже не хотя вѣрю. Но если дѣйствіе трехъ годовъ мнѣ представлено въ тѣ же три часа, не обязанъ ли по неволѣ Авторъ изъ него большую часть выбросить, главныя происшествія насильственно сблизить, словомъ, отдалиться отъ истины? Послѣ каждаго промежутка надобно снова излагать тѣ происшествія, которыя пропущены: какая скука! неизбѣжно появляются новыя лица и смѣняются другими: какая пестрота! Шлегель уподобляетъ Греческую трагедію изваянной группѣ, составленной изъ немногихъ фигуръ, романтическую — картинѣ, гдѣ ихъ бываетъ больше. Не входя уже въ разборъ основательности уподобленія, желаю знать: зачѣмъ и на картинѣ (*) писать множество лицъ? не разбѣгутся ли глаза? Сравните *Бракъ въ Канѣ Галилейской*, Павла Веронскаго, гдѣ лицамъ числа нѣтъ, съ Рафаелевымъ *Несеніемъ креста* (Spasimo di Sicilia) или Доминикиновымъ *Причащеніемъ Св. Іеронима*, и рѣшите вопросъ.

Шлегель, оправдывая многосложныя и пространныя содержанія, старается доказать, что въ нихъ можетъ быть единство, и поясняетъ свою мысль сравненіемъ съ большой рѣкою, изъ разныхъ источниковъ вытекающей, другими рѣками увеличенной, и многими устьями вливающейся въ море; «лишь бы,» прибавляетъ онъ, «зритель поставленъ былъ на высоту, съ которой «могъ обозрѣть все ея теченіе.» Отвѣчая также метафорически, я замѣчу Шлегелю, что не только человѣкъ съ горы, ниже орелъ съ поднебесья не можетъ окинуть взглядомъ всего теченія Волги, либо Дуная. Но сравненіе и кромѣ того ошибочно: оно бы шло къ Исторіи, къ роману, къ эпопеѣ, ко всему повѣствовательному, гдѣ событія имѣютъ естественное протяженіе; отнюдь не къ драмѣ, ибо свойство формы ея круглость. Въ ней единства мѣста и времени уничтожить нельзя; рама зданія не раздвинется, и часы представленія слишкомъ не растянутся. Эти условія предложены безъ торгу; стало всего умнѣе примѣниться къ нимъ, и начинать только то, что по нимъ возможно.

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Христина и дворъ ея. Историческій романъ XVII столѣтія. Соч. Фанъ-деръ-Фельде. Перевелъ съ Нѣмецкаго С. де Шаплетъ. 2 ч. — С. П. б., въ типогр. Императорской Рос-

---

(*) Въ коренномъ *Эдипѣ* Софокловомъ не совсѣмъ такъ: Сисмонди ошибкою здѣсь руководствуется Вольтеромъ, либо по сходному съ Французскимъ трагикомъ образу мыслей надуваетъ Греческую простоту.

(*) Кистью чертить по холсту легче, чѣмъ рѣзцемъ высѣкать изъ камня, и потому больше картинъ многолюдныхъ, нежели группъ; но въ легости ли работы ея достоинство?

сійской Академіи, 1830 (въ I-й ч. 197, во II-й 177 стр. въ 12-ю д. л.)

Романъ сей весьма занимателенъ. Онъ объемлетъ эпоху жизни Христины, Королевы Шведской, начиная незадолго до отреченія, во время онаго и потомъ, часть ея странническої жизни въ чужихъ краяхъ. Характеръ сей Королевы, состоявшій изъ безпрестанныхъ противорѣчій ума и сердца, очертанъ весьма удачно въ семъ романѣ, коего впрочемъ главное дѣйствующее лице, или правильнѣе то, которое привлекаетъ самое большее участіе читателя, есть не Христина, а юный ея Камеръ-Юнкеръ Штейнбергъ. Толпа разнообразныхъ лицъ, окружающая Королеву и состоящая изъ придворныхъ, ученыхъ, шарлатановъ, чудаковъ, и пр. и пр., нравится своею пестротою и живостію. Событія историческія удачно перемѣшаны съ вымыслами Романиста, и занимательность цѣлаго хорошо выдержана. — Трудъ Переводчика, извѣстнаго публикѣ съ весьма выгодной стороны переводами съ Французскаго языка, — здѣсь не совсѣмъ удовлетворителенъ, особливо въ драматическихъ мѣстахъ романа, которыя переданы отчасти вяло. Критика обязана еще замѣтить Переводчику неправильное употребленіе нѣкоторыхъ Рускимъ глаголовъ; напр. *встать*, вмѣсто *стать*: «Адмиралъ *всталъ* на узкую доску (ч. I., стр. «18); Шерингъ Розенганъ, *вставъ* противъ престола (тамъ же, стр. 143),» и т. п. Странно также, что извѣстный Мональдески, Переводчикомъ повсюду названъ *Мональдеши*. Переводчикъ конечно могъ не знать произношенія именъ Италіянскихъ; но изъ знакомыхъ его вѣрно есть люди, знающіе по-Италіянски, и ему нетрудно было бы по ихъ указанію выправить сію описку въ своей рукописи.

СМѢСЬ.

Съ наступающаго года, въ Москвѣ будутъ издаваться два новые Журнала: *Телескопъ*, *Журналъ* современнаго просвѣщенія (содержаніе: Современныя лѣтописи, изящная Словесность, Критика, Науки, Нравы и Смѣсь), и *Молва*, *Журналъ модъ и новостей*, въ видѣ прибавленія къ первому (содержаніе: Моды и Московскія вѣсти; причемъ будутъ картинки модныхъ нарядовъ, экипажей и мебелей). Перваго изъ сихъ Журналовъ обѣщано въ годъ 24 книжки, а послѣдняго 52 NNo. Издатель обоихъ — Г-нъ Николай Надеждинъ, Докторъ Этико-Филологическихъ Наукъ. Цѣна за годовое изданіе обоихъ сихъ Журналовъ: въ Москвѣ 40 р., съ пересылкою въ другіе города 50 руб.; а каждому отдѣльно: въ Москвѣ 25 руб., съ пересылкою 30 руб. Подписка принимается въ Москвѣ: у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ; на Кузнецкомъ мосту, въ книжной лавкѣ Готье, и въ Библіотекахъ для чтенія: Урбеня, Семена и Эльцнера; также во всѣхъ Рускихъ книжныхъ лавкахъ, и въ квартирѣ Издателя, въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Власія, въ домѣ Голынской. Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца А. Ф. Смирдина. Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

Дамскій Журналъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ году, съ прежнею, зависящею отъ Издателя точностію въ исполненіи всего *обѣщаннаго*, въ такомъ же видѣ, на такой же бумагѣ, съ такими же картинками (нынѣ въ Petit Courrier des Dames, изъ котораго Издатель заимствуетъ костюмы для своего Журнала, онѣ еще *живописнѣе*), каждую субботу и по той же цѣнѣ: въ Москвѣ 25 руб., съ пересылкою 30 руб. — Подписка принимается: въ книжной лавкѣ при Университетской типографіи, у А. С. Ширяева, и у самого Издателя, живущаго въ домѣ сей типографіи; для иногородныхъ въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

Князь Шаликовъ.

Альманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, уже отпечатанъ и поступитъ въ продажу (во всѣхъ книжныхъ лавкахъ) въ будущую Среду, Декабря 24-го. При немъ будутъ: заглавная виньета, и листокъ нотъ. Цѣна сему Альманаху прежняя: въ бумаж. оберткѣ 12 р., съ пересылкою 13 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 18-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВТОРНИКЪ. **ТОМЪ II, № 68.** *ДЕКАБРЯ 2го*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

**Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней**

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 72-хъ №., въ С. П. Б. 35 руб. съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-*го числа* (*во Вторникъ*), — 7-*го* (*въ Воскресенье*), — 12-*го* (*въ Пятницу*), — 17-*го* (*въ Среду*) *и* 22-*го* (*въ Понедѣльникъ*).

КРЕСТНАЯ МАТЬ.

(*Окончаніе.*)

Въ шесть часовъ Дениза отправилась въ домъ Г-на де ла Крепиньеръ, въѣхала во дворъ на своей одноколкѣ, не безъ труда увѣривъ привратника, что она сестра хозяина дома. Она вошла въ комнаты перваго яруса, гдѣ два лакея всѣ въ галунахъ объявили ей, что господинъ ихъ принимаетъ своихъ мызниковъ только по утрамъ, и что ее нельзя впустить. Она сказываетъ о себѣ и заставляетъ ихъ отмѣнить запрещеніе, проходитъ длинную столовую, въ которой столъ накрытъ былъ на тридцать или на сорокъ человѣкъ; находитъ третьяго лакея у дверей гостиной: этотъ также не хочетъ впустить ее; она смѣется ему въ глаза, повертываетъ позолоченную ручку двернаго замка и вмигъ является среди блестящаго собранія; но, не смѣшавшись, ищетъ глазами своего брата, который подходитъ къ ней съ видомъ изумленія и замѣшательства. Она обняла его съ врожденнымъ радушіемъ; но отъ него получила только пріемъ холодный, перемѣшанный съ упреками за то, что она вздумала удивить его такимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. «Вотъ еще!» отвѣчала Дениза съ чистосердечіемъ, въ коемъ замѣтна была и нѣкоторая гордость: «до сего часа я думала, что сестрѣ всегда добрые люди бываютъ рады.» При сихъ словахъ, взоры всѣхъ гостей обратились на нее: одни съ удивленіемъ мѣряли ее глазами; другіе показывали видъ, что принимаютъ въ ней сильное участіе; но особа, болѣе всѣхъ огорченная нечаяннымъ появленіемъ поселянки, была Г-жа де ла Крепиньеръ, ея невѣстка. Покраснѣвъ отъ досады и замѣшательства, но бывъ принуждена встать съ канапе, чтобъ итти на встрѣчу Денизѣ Ле-Ронъ, она въ лицѣ своемъ, въ походкѣ, измѣнившемся голосѣ и въ потупленныхъ глазахъ — словомъ, во всемъ выказывала душевное страданіе. Наконецъ, пришедъ въ себя, она собралась съ силами и спросила у Денизы, которая дружески ее обнимала: «Скажите, какое важное дѣло завело васъ въ Парижъ? — И! какое дѣло, матушка: хотѣлось только увидѣть и поцѣловать мою крестницу. Она, чай, теперь ужь взрослая дѣвица. Да гдѣ жь она? дайте мнѣ обнять ее... — Вотъ она!» отвѣчала Г-жа де ла Крепиньеръ, представляя ее Денизѣ. «Дочь моя, поклонись своей воспріемницѣ! — Къ чему же кланяться? Вотъ еще!... Ахъ! подойди-ка сюда лучше, дай себя обнять, крестная дочка!... Охъ! дай же себя еще обнять! не могу наглядѣться на тебя до сыта, милушка моя, маленькая Дениза! — Да меня, сударыня, называютъ не Денизой, а Памелой,» отвѣчала дѣвочка задыхаясь отъ сильныхъ объятій своей крестной матери, и тотчасъ обтирая вышитымъ платкомъ своимъ данные ей поцѣлуи. «Ну, вотъ! и эта ужь подымаетъ свой носъ?... Скажу тебѣ, голубушка, что этимъ у меня не возьмешь. Пусть матушка называетъ тебя *Памелой*: то ея имя; такъ тому и быть; а я все буду называть тебя *Денизой*, потому что такой у насъ обычай, называться именемъ крестной матери. Прошу прощенья! извините, господа и госпожи, что я мимоходомъ пожурила эту молоденькую дѣвочку. Когда дѣло идетъ объ уваженіи къ роднымъ своимъ, такъ я никому не спущу. Помни это, Денизушка!... Да гдѣ же сестра твоя? и ее то же хочу я обнять.... если только ей угодно будетъ позволить мнѣ это.» Г-жа де ла Крепиньеръ подвела къ ней Леонію, которая подошла съ замѣчательствомъ, и получила два поцѣлуя отъ своей тетки, отъ которой ничто не укрывалось, и которая старалась прикрыть своей чистосердечною веселостью то страданіе, какое чувствовала отъ сдѣланнаго ей пріема.

Пришли сказать, что кушанье поставлено. «Добрая вѣсть!» вскричала Дениза Ле-Ронъ: «я проѣхала десять миль одною упряжью, и чувствую аппетитъ деревенскій, сказать правду-истину.« Проговоря сіи слова, она ухватилась за руку своего брата, который видимо чувствовалъ самое сильное смущеніе, и сѣла за столъ по правую руку его, сказавъ ему съ явнымъ намѣреніемъ: «Когда бы ты ко мнѣ поѣхалъ, тебѣ было бы оставлено почетное мѣсто: я занимаю его у тебя за столомъ, такъ мы и квитъ.« Марцеллъ отвѣчалъ на эту родственную шутку однимъ молчаніемъ, которое какъ будто выражало тягостное замѣшательство, въ какомъ онъ находился; замѣшательство, коимъ забавлялась тайкомъ большая часть гостей, завидовавшихъ его возвышенію; замѣшательство, которое больше всего раздѣляли Г-жа де ла Крепиньеръ и обѣ ея дочери. Памела не осмѣливалась поднять глаза на свою крестную мать. Родная мать ея, во весь обѣдъ, не молвила ни слова съ своею заловкой; съ трудомъ могла она заниматься угощеніемъ своихъ гостей; между тѣмъ какъ Дениза Ле-Ронъ, замѣчавшая ея смущеніе и желавшая наказать ее за то, говорила безъ умолку и смѣшила на повалъ самыхъ весельчаковъ изъ гостей, своими остроумными и естественными разсказами. Но чѣмъ больше она отличалась, тѣмъ больше мучилась ея тщеславная невѣстка; и только что успѣли разнести десертъ, какъ она встала съ мѣста и всѣ пошли въ гостиную пить кофе.

Между тѣмъ какъ гости дѣлились на разные круги, Дениза Ле-Ронъ поймала Памелу и сказала ей: «Для тебя, милое дитя, я пріѣхала: я узнала, что черезъ два «дня ты впервые причащаешься; и мнѣ казалось, что «я не выполню моего долга, когда не пріѣду соединить «мою мольбу съ мольбами всего семейства.» — «Очень «вамъ благодарна, сударыня. — Опять таки: сударыня!... Называй меня Денизой, или еще лучше своею «крестною матерью; этимъ не обдерешь себѣ рта, а «меня очень порадуешь!» Памела только покраснѣла въ отвѣтъ на эту душевную выходку. Наконецъ пробило восемь часовъ; пришли съ докладомъ, что старый лакей въ ливреѣ присланъ вручить корзинку дѣвицѣ Памелѣ. Его ввели; онъ поставилъ на столикъ богатый подарокъ, припасенный Денизою, и въ ту жъ минуту ушелъ, по данному ему приказанію. Отперли корзинку, въ которой прежде всего нашли слѣдующую записочку: «*Дѣвицѣ де ла Крепиньеръ старшей.*, *отъ* «*особы, нѣжно привязанной къ ея семейству.* — Если бъ «я велѣла написать: *Денизъ Крепенъ*,» молвила потихоньку воспріемница, одиноко сидѣвшая въ углу гостиной: «тогда бы безъ труда отгадали, что этотъ подарокъ отъ меня: посмотримъ, что изъ этого будетъ.»

Памела поспѣшно вынула изъ корзинки все, что въ ней находилось; и ея удивленіе равнялось съ ея радостью, когда она разсматривала разные наряды, сшитые какъ будто по снятой съ нея мѣркѣ. Все было сдѣлано съ отличнымъ вкусомъ и только что съ иголки. Въ особенности жъ ея тщеславію польстилъ Англійскій *вуаль*, который всѣ оцѣнили по меньшей мѣрѣ въ 50 луидоровъ: Словомъ: не было никакого недостатка въ этомъ богатомъ убранствѣ, которымъ молодая дѣвушка радостно собиралась нарядиться къ священной церемоніи, долженствовавшей исполниться на третій день. Она отыскивала въ мысляхъ: какая бы щедрая особа могла сдѣлать ей такой подарокъ? Ея подозрѣнія падали то на ту, то на другую изъ знатныхъ особъ, у которыхъ отецъ ея или отдаетъ въ ростъ деньги, или завѣдываетъ имѣніемъ. Г. де ла Крепиньеръ былъ увѣренъ, что то была жена Испанскаго Посланника, которой онъ оказалъ важныя услуги; Г-жа де ла Крепиньеръ думала, что это скорѣе была жена Берлинскаго придворнаго Банкира, которой она исправно пересылала все, что мода изобрѣтаетъ въ Парижѣ. Каждый изъяснялъ свои сомнѣнія, свои мысли; каждый воображалъ, что богатая корзинка была подаркомъ, даннымъ рукою богатой и высокородной, тогда какъ смиренная воспріемница, одиноко сидя, говорила сама себѣ, смѣясь надо всѣми этими разнообразными догадками: «Если бъ они узнали, что это подарокъ Денизы «Ле-Ронъ, которую они принимаютъ такъ холодно, и «отъ которой пришли въ такое смущеніе, — это бы «имъ доказало, что я стою всѣхъ ихъ, и что надобно «только золото, чтобы возвыситься до нихъ.»

Но сердце Денизы было подвергнуто жесточайшимъ испытаніямъ. Изъ разныхъ разговоровъ, начавшихся вокругъ нея и въ коихъ ничто отъ нея не ускользало, она слышала, что нѣсколько знатныхъ особъ жалѣли о Г-нѣ де-ла Крепиньерѣ, что онъ принужденъ былъ допускать къ своему столу эту грубую и навязчивую женщину, которая называетъ себя его сестрою. «Она мнѣ «сестра только по кормилицѣ, «отвѣчалъ покраснѣвъ надменный Банкиръ. «Эти мѣлкіе люди воображаютъ, «что имѣютъ надъ нами право единокровія: истинно «тяжелыя ноши, падающія къ намъ нечаянно на плеча; а мы должны это сносить.... Но я надѣюсь завтра же отдѣлаться отъ этой несносной бабы.« Дениза поблѣднѣла, вслушавшись въ эти обидныя слов и почувствовала, что колѣна ея задрожали. Въ первую минуту, она хотѣла изобличить Марцелла К пена и отдѣлать его такъ, какъ онъ заслуживалъ; но боялась повредить ему въ мысляхъ знатныхъ люд съѣхавшихся къ нему; и чтобъ не поддаться иску нію высказать все, и негодованію, которое захва вало у нея духъ, она ушла такъ, что никто сего замѣтилъ, сошла въ кухню и велѣла тамъ своему ботнику запречь лошадей въ ея одноколку: скоро о сѣла въ нее, бросивъ послѣдній взглядъ на окна бо шой гостиной, и уѣхала въ гостиницу, въ кото остановилась за нѣсколько дней предъ тѣмъ, давъ себѣ слово никогда уже не видѣться съ неблагодарнымъ безумцемъ, коего богатство, часто мгновенное, заставляло позабывать даже священнѣйшія обязанности природы.

Когда всѣ разъѣхались, Г-нъ де-ла Крепиньеръ началъ искать сестры своей и спросилъ, которую комнату въ его домѣ отвели ей. Никто изъ людей не могъ ему того сказать: наконецъ онъ узналъ отъ привратника, что она уѣхала со двора въ своей одноколкѣ, со вздохами и слезами на глазахъ, и твердила своему работнику: «Поскорѣй увези меня отсюда, Жакъ: «здѣшній воздухъ разрываетъ мнѣ сердце.... О Марцеллъ! Марцеллъ! можно ли чуждаться своихъ кровныхъ!»

Слова сіи, вѣрно переданныя, произвели въ Банкирѣ сильное смятеніе. Онъ узналъ, но уже поздно, что оскорбилъ добрѣйшую изъ женщинъ, подругу своего дѣтства. Сперва онъ хотѣлъ послать вслѣдъ за нею; но тщеславіе нашептало ему, что этимъ онъ повредилъ бы себѣ и далъ бы Денизѣ ле-Ронъ большую силу, которую она употребила бы во зло. Онъ не могъ однако же во всю ночь успокоиться ни на минуту. Дениза ле-Ронъ, убѣгающая изъ его дома, безпрестанно была у него въ мысляхъ; и сіи слова, переданныя ему привратникомъ: «*Марцеллъ! Марцеллъ! можно ли чуждаться своихъ кровныхъ!*» тяжело отзывались въ глубинѣ души его. Однако сіе минутное смятеніе было въ немъ разсѣяно важными его занятіями, особливо же Г-жею де-ла Крепиньеръ и обѣими его дочерьми, которыя громко осуждали Денизу за ея нечаянный отъѣздъ, хотя очень были рады, что отъ нея отдѣлались. Онѣ утверждали, что нѣтъ ничего несноснѣе этой деревенщины, которая всегда воображаетъ, будто бы ею пренебрегаютъ. Со всѣмъ тѣмъ, Марцеллъ вмѣнилъ въ долгъ написать къ сестрѣ своей собственноручное письмо, бывъ совершенно увѣренъ, что она позабудетъ все, что случилось; отъ нея получилъ онъ слѣдующій отвѣтъ:

«Господинъ Банкиръ.... ибо теперь я не могу уже «называть тебя моимъ братомъ.... Спѣшу отвѣчать «на ваше почтенное письмо.... Я, по прямодушію «своему, не скрываю, что ты уже для меня ровно ничто.... Напрасно бы я старалась поселить тебя «снова въ моемъ сердцѣ, гдѣ прежде ты занималъ первое мѣсто.... Ты такъ жестоко разтерзалъ это «сердце, что имя твое для него, какъ острый ножъ.... «Больше всего печалитъ меня во всемъ этомъ, что «ты долженъ сокрушаться еще сильнѣе, чѣмъ я, хоть «и на мою долю довольно горя досталось.... Никогда «Г-нъ Банкиръ не увидитъ меня въ своемъ домѣ.... «Я не заставлю его больше чуждаться родной сестры «своей.... Г-жа де-ла Крепиньеръ, которая просто «Крепенъ, не будетъ больше стыдиться тетки и «крестной матери своего дитяти.... Прощай Марцеллъ!.... прощайте, сударь!... Охъ, тяжко мнѣ!.... «и затѣмъ, прошу Бога, чтобъ Онъ не покаралъ тебя «за то, что ты презираешь родныхъ своихъ.

«Дениза ле-Ронъ.«

Сей отзывъ души оскорбленной и вмѣстѣ гордой, подѣйствовалъ на Г-на де-ла Крепиньера какимъ-то проклятіемъ, отъ коего не могъ онъ защититься. Онъ писалъ къ сестрѣ своей нѣсколько писемъ, но не получалъ отъ нея отвѣта. Этотъ разрывъ занималъ его мысли, тревожилъ умъ его. Тогда онъ рѣшился съѣздить въ Брегемонтъ, и лично испросить прощенія въ винѣ своей; но ему помѣшалъ въ томъ первый ущербъ его богатства, причиненный тогдашними политическими событіями. Онъ хотѣлъ вознаградить сей уронъ важными спекуляціями въ Парижской биржѣ; судьба опять ему не поблагопріятствовала. Увлекшись жребіемъ своимъ, онъ безразсудно пустилъ въ оборотъ приданое своей жены, для которой величайшія жертвы ничего не значили, лишь бы удовлетворить ненасытную свою страсть блистать въ свѣтѣ. Нечувствительно одинъ изъ самыхъ славныхъ банкирскихъ домовъ въ Парижѣ, разорился до чиста. — Банкиръ со всѣмъ потерялъ голову: лишась послѣднихъ своихъ средствъ и бывъ покинутъ тѣми людьми, коихъ считалъ своими друзьями, онъ предался отчаянію и бросился въ Сену, оставя безъ пропитанія жену свою, привыкшую къ роскоши, и двухъ дочерей пятнадцати и шестнадцати лѣтъ, взрощенныхъ въ пышности, въ обманчивыхъ мечтахъ богатаго дома. Все было распродано въ великолѣпномъ домѣ Г-на де-ла Крепиньера; Многочисленныя заимодавцы его, обманутые и получившіе только десятую долю своихъ капиталовъ, были безжалостны и объявили банкротство умышленнымъ. Вдова Банкира, бывъ крайне тщеславна, впала отъ того въ отчаяніе и умерла съ печали. Памела и Леонія нашли убѣжище у родственниковъ своей матери. Скоро замѣтили онѣ, что становились тамъ въ тягость, и самолюбіе ихъ весьма отъ сего страдало.

Въ одинъ день, когда онѣ разговаривали о средствахъ прекратить жестокое свое положеніе, вошелъ въ смиренное ихъ жилище старый слуга въ ливреѣ, котораго Памела тотчасъ узнала: онъ былъ тотъ самый, что принесъ ей богатую корзинку во время перваго ея причащенія. Скромный служитель сей объявилъ имъ, что посланъ отъ той же самой особы, провѣдавшей объ ихъ несчастіи, и предлагающей имъ убѣжище и все, чѣмъ могли вознаградиться ихъ тяжкія утраты.» Ахъ! «кто жь эта особа столь великодушная и столь попечительная? « спросила Памела. «Я только и могла сберечь ея корзинку, съ которою не разстанусь во всю «жизнь. — Это навѣрное какая нибудь знатная госпожа?» примолвила Леонія съ почтительнымъ любопытствомъ: «охъ! какъ нетерпѣливо я хочу ее узнать! — «Мнѣ запрещено сказывать ея имя, « отвѣчалъ старый слуга: «но если вы, сударыни, довѣряетесь мнѣ и согласны, чтобъ я проводилъ васъ къ доброй моей госпожѣ, которая васъ ждетъ, — то карета здѣсь у воротъ, и я буду имѣть честь провожать васъ.» Обѣ сироты взглянули другъ на друга и прочли взаимно въ глазахъ своихъ желаніе узнать безыменную благотворительницу, которой поступки съ ними и богатый даръ, заключавшійся въ корзинкѣ, по видимому, поставляли ее въ высшемъ званіи общества. Ливрея стараго слуги, откровенное и прямодушное лице его, — словомъ, необходимость выйти изъ унизительнаго состоянія, до котораго онѣ были доведены, не дозволили имъ долго колебаться: онѣ послѣдовали за вѣрнымъ посланнымъ, сѣли въ наемную карету и вышли изъ нея у одной гостиницы въ улицѣ Crois-des-petits-Champs. Здѣсь онѣ были введены въ довольно просторную комнату; слуга вышелъ въ другой покой, и въ ту минуту, когда воображеніе Памелы и Леоніи заставляло ихъ думать, что онѣ явятся какой нибудь знатной особѣ, — къ нимъ бросилась съ распростертыми объятіями Дениза Ле-Ронъ, которой радость была столь сильна, что она не могла проговорить ни слова. «Это наша тетушка!» сказала Леонія. — Это моя крестная маменька!» примолвила Памела. — «Охъ! проговори еще это имя!« отвѣчала Дениза: «оно меня утѣшаетъ за все, что я вытерпѣла.... Да, это твоя тетка, твоя крестная мать.... или лучше: просто вторая мать обѣимъ вамъ: она-то васъ прижимаетъ къ своей груди и принимаетъ вмѣсто дочерей.... Развѣ могли вы подумать, чтобъ узнавъ о несчастной вашей долѣ, я покинула васъ базчеловѣчно? — Ахъ, тетушка! мы васъ такъ жестоко огорчили въ послѣднее наше свиданіе! — И въ ту самую минуту, вскричала Памела измѣнившимся голосомъ, «въ ту минуту, когда я стыдилась моей крестной матери, она меня осыпала своими подарками!.... — Правду сказать, отъ этого было мнѣ тяжко, и языкъ у меня сильно чесался, чтобъ высказать вамъ вашу ошибку; только этимъ бы я и васъ то же унизила, а у меня на то недостало духу.... Тутъ одинъ только былъ виноватый: Богъ наказалъ его строго: пусть это послужитъ вамъ урокомъ! Не забывайте, дорогія мои малютки, что если изъ вѣтвей, ростущихъ отъ одного стебля, найдутся такія, которыя подымаются выше другихъ, то онѣ черезъ это самое больше терпятъ отъ бури.... Перестанемъ говорить объ этомъ. Завтра ѣду я въ Брегемонтъ: тамъ не могу я вамъ доставить всего того, чѣмъ васъ лакомили въ этомъ Парижѣ; за то найдете вы тамъ добрыхъ людей, порою случай сдѣлать доброе дѣло, миръ душевный; а больше всего, никогда нималѣйшаго оскорбленія; однако же съ уговоромъ,» прибавила Дениза, цѣлуя Памелу, «что ты не станешь обтирать платкомъ поцѣлуевъ своей крестной матери: тебѣ много было бы работы.... И съ уговоромъ,« продолжала она, прижавъ Леонію къ своему сердцу,» что ты не станешь дѣлать своей теткѣ Денизѣ Ле-Ронъ тѣхъ презрительныхъ рожицъ, которыя отворачиваютъ душу, какъ бы мы ни любили того, кто ихъ дѣлаетъ. — Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчали разомъ обѣ сироты: «мы будемъ покорными, преданными вамъ дочерьми; а чтобъ доказать вамъ это, мы не хотимъ явиться у васъ иначе, какъ въ платьѣ поселянокъ. — И, нѣтъ, мои сударыни, я хочу и требую, чтобъ вы ничего не перемѣняли ни въ платьѣ, ни въ быту своемъ: если мои вамъ не приглянулись, то ваши мнѣ по сердцу; всякъ оставайся при своемъ.»

Дениза и обѣ племянницы ея точно отправились на другой же день въ одноколкѣ, которою правилъ работникъ мызы, и которая показалась имъ немного тряска. Послѣ нѣсколькихъ дней пути, онѣ подъѣхали къ воротамъ сельскаго жилища, гдѣ все возвѣщало довольство и трудолюбіе. Двѣ сиротки были встрѣчены земледѣльцами и пастухами съ кликами живѣйшей радости: можно бы подумать, что онѣ вступали въ собственное свое помѣстье. Вошедъ въ большую комнату нижняго жилья, гдѣ отсвѣчивалась натертая воскомъ мебель и множество оловянной посуды, онѣ не могли надивиться порядку и чистотѣ, повсюду господствовавшимъ. Послѣ сытнаго обѣда, крестная мать сказала имъ съ улыбкою тайной радости: послушайте-ка, «милыя мои малютки: вамъ нельзя бъ было спать на этой половинѣ моего дома, она окнами на задній дворъ; я вамъ приготовила, въ четвероугольной старой башнѣ надъ моей кладовою, что для молочнаго сбора, небольшую комнату, гдѣ вамъ будетъ привольнѣе, и гдѣ вы можете заниматься по вашей охотѣ и привычкѣ.» Съ сими словами она повела ихъ черезъ красивый садъ, усѣянный цвѣтами, въ отдѣльное строеніе, взошла съ ними по лѣстницѣ въ первый ярусъ, отперла дверь передней комнаты, гдѣ сидѣла старая служанка, приставленная смотрѣть за бѣльемъ мызы; а оттуда ввела другою дверью, расписанною подъ красное дерево, въ комнату съ двумя постелями, совершенно сходную съ тою, которую занимали обѣ сестры въ домѣ отца своего. Дениза поручила купить всѣ мебели онаго на продажѣ съ публичнаго торгу; такимъ образомъ Памела и Леонія нашли опять все, что было у нихъ прежде: одна, свое *Эргардовское* трехструнное фортепіано, другая, свою арфу *Надермановой* работы; ихъ собраніе нотъ, столовые часы, алебастровыя вазы, украшавшія ихъ каминъ, ларчики, кристальныя вещицы, пяльцы, — словомъ: все, что любили онѣ въ дѣтствѣ своемъ и о чемъ послѣ долго сожалѣли... Но самое сильное впечатлѣніе на двухъ юныхъ сиротъ произвелъ портретъ ихъ отца, отлично хорошо нанаписанный *Робертомъ Лефевромъ* и поражавшій чуднымъ сходствомъ: богатый Банкиръ велѣлъ его написать не задолго до своего бѣдствія. Сироты вскрикнули отъ радости, отъ удивленія, и прочли внизу на золотой рамѣ сіи слова, которыя велѣла написать Дениза Ле-Ронъ, и кои какъ будто подлинникъ портрета относилъ къ своимъ дочерямъ: «*Не презирайте вашихъ родныхъ!*» — »Никогда!» вскричали Леонія и Памела, бросясь къ ногамъ Денизы и покрывая поцѣлуями благотворительныя руки ея: „Никогда! добрая моя тетушка! лучшій другъ мой! — Никогда! безцѣнная моя «крестная маменька!“

Съ Франц. — *Сомовъ*.

ДВА ПАСТЫРЯ.

Стада Царя Адмета
Два пастыря пасли;
Вставали прежде свѣта,
И въ поле вмѣстѣ шли.
Одинъ былъ юнъ и статенъ,
И пѣсень даръ имѣлъ;
Гласъ звученъ былъ, пріятенъ:
Въ очахъ, когда онъ пѣлъ,
Небесный огнь горѣлъ; —
Другой внималъ: невольно
Дослушавъ до конца,
Съ улыбкой недовольной
Глядѣлъ онъ на пѣвца....
«Плѣнять я не умѣю
«Напѣвовъ красотой;
«Но пѣсни — даръ пустой!
«Хоть слуха не лелѣю,
«Не хуже я тебя!»
Шепталъ онъ про себя.
Разъ шелъ онъ за стадами;
Товарищъ не былъ съ нимъ.
За синими горами
Алѣлъ тумана дымъ;
Разсыпалась денница:
Взомчалась колесница
На радостный Востокъ,
И пламени потокъ
Горящими снопами
Безчисленныхъ лучей
Летѣлъ надъ облаками
Изъ пышущихъ коней.
Пастухъ съ благоговѣньемъ
Колѣна преклоня,
Воззрѣлъ, — и съ изумленьемъ
На колесницѣ дня
Узналъ.... пѣвца! Лучами
Увѣнчанный стоялъ,
И гордыми конями
Съ усмѣшкой управлялъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

9. О театрѣ.

(*Продолженіе.*)

Невозможность лишнихъ затѣй такъ очевидна, что при всѣхъ усиліяхъ, большія, то есть длинныя содержанія, никакъ въ мѣру не вставляются. Изъ-подъ пера Художниковъ неопытныхъ выходятъ не трагедіи, а толстые томы; когда дойдетъ дѣло до представленія, ихъ начнутъ обрѣзывать, корнать, уродовать; съ ложа Прокустова появляются онѣ въ такомъ жалкомъ и безобразномъ видѣ, что ихъ отцы ужаснулись бы, глядя на выдержавшихъ пытку дѣтей своихъ. Тогда кому и чѣмъ они могутъ нравиться? Увы! тѣмъ же партеррамъ, о коихъ такъ лестно отзывается Шлегель (*). Иныхъ даже перекроить нельзя; Шекспиръ обдѣлалъ въ драматическую форму все XV-е столѣтіе Англійской Исторіи, изъ нея вышло восемь пьесъ, каждая въ пять длинныхъ актовъ. Самъ Шлегель признаетъ *одно цѣлое* во всѣхъ вмѣстѣ (**), а каждую порознь почитаетъ рапсодіей или отрывкомъ: гдѣ же единство, коль скоро физической возможности нѣтъ ихъ ни сыграть, ни выслушать разомъ? Предположимъ то какимъ нибудь чудомъ; какое удовольствіе доставитъ намъ сія Исторія въ лицахъ, хотя бы Авторъ до того былъ чистъ отдѣлкой, что у него все хорошо? Удовольствіе прозаическое, такое же какъ отъ Барантовой *Исторіи Герцоговъ Бургундскихъ*; любопытство тѣшится познаніемъ событій и людей дѣятельной эпохи, а критическій разсудокъ повѣряетъ точность и сходство; гдѣ же тутъ изящное? гдѣ поэзія? гдѣ трагедія?

Въ наше время многіе, и чуть ли не первый Гете въ своемъ *Фаустѣ* (знающій предѣлы искуства и не желающій имъ уступить), начали писать нарочно такъ, чтобы представить никакъ нельзя было. Всякой, конечно, воленъ сочинять, что и какъ ему угодно: сочиненія такого рода могутъ имѣть свои и большія достоинства, только не драматическія (***), и ссылаться

(*) Иногда вся сила въ одномъ названіи. *Гамлетъ* Дюсиса въ Парижѣ и *Гамлетъ* Г. Висковатова въ Петербургѣ долго привлекали и восхищали публику. Ни въ чемъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшаго сходства съ образцемъ Англійскимъ; но зрители этого не знали, а слыхали, что Шекспиръ геній, что его трагедія чудо, и видя на афишкѣ имя: *Гамлетъ*, а на сценѣ много возни, считали обязанностью рукоплескать.

(**) Онъ даже причитаетъ къ нимъ и *Короля Іоанна* и *Генриха VIII*, но едва ли основательно.

(***) Драматическаго въ Фаустѣ одинъ любовный эпизодъ съ Гретою; за то въ немъ нѣтъ ни лицъ лишнихъ, ни прочихъ проказъ, все очень просто, и при легкомъ стараніи Поэта нѣсколько его округлить, онъ могъ бы сдѣлаться очень театральнымъ.

на нихъ, когда рѣчь идетъ о театрѣ, непозволительно. Вмѣсто повѣствованія въ нихъ разговоръ; та же форма и у Платона въ *Республикѣ* и у Фонтенеля въ *Множествѣ міровъ*, но ихъ по сію пору не считали въ числѣ трагедій или комедій.

Таково однако нынѣшнее направленіе вкуса, что вопреки намѣренію Автора, человѣка слишкомъ умнаго, чтобы безъ отвращенія видѣть чудовищную нелѣпицу, вопреки даже сказанію Шлегеля, что для представленія Гётева *Фауста* надобно имѣть Фаустовъ волшебный жезлъ, и умѣть словами, какъ онъ, духовъ завораживать, я того и гляжу, что гдѣ нибудь въ Германіи смѣлый содержатель дурно освѣщеннаго театра, пустится на волю Божію, и по силѣ возможности покажетъ всѣ небылицы въ лицахъ. Отъ втораго дѣйствія *Фрейшюца* до сборища вѣдьмъ на Блоксбергѣ одинъ шагъ. Мой совѣтъ: ступить, и бояться нечего; одинъ Шлегель какой нибудь отворотится, плечьми пожимая, а цѣлый партерръ прійдетъ въ восторгъ, и всѣ судьи вкуса скажутъ: sic.

Сей Августъ Вильгелмъ Шлегель, о которомъ я принужденъ такъ часто упоминать, какъ объ основателѣ новой вѣры въ Литературѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ отважныхъ и въ счастіи своемъ увѣренныхъ людей, которые не боятся ничего, что другому бы непремѣнно во вредъ обратилось. Онъ противорѣчитъ себѣ безпрестанно, и вездѣ правъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ; большая часть изъ нихъ не замѣчаетъ противорѣчій, ловко разставленныхъ; другіе видятъ, и зажимаютъ глаза; можетъ быть еще иные ломаютъ голову надъ соглашеніемъ ихъ, и радуются, коли имъ хоть отчасти удастся запутать такъ, что не вдругъ распутаешь.

Изъ *Драматическихъ чтеній*, первая часть: о Грекахъ, всѣхъ лучше, вопервыхъ уже тѣмъ, что написана всѣхъ добросовѣстнѣе; въ ней же и больше можно найти дѣльныхъ размышленій объ искуствѣ вообще, о его цѣли, способахъ, предѣлахъ и пр. Съ Римлянъ началъ онъ направлять свою рѣчь къ нужной для него мѣтѣ; почти пропустилъ Итальянцевъ, возобновителей театра какъ и прочихъ искуствъ, отъигрываясь притворнымъ незнаніемъ и ссылкою на ничтожнаго Кальзабижи; напалъ на Французовъ всѣми силами, не жалѣя въ рѣшительномъ бою никакого оружія: ни лукавыхъ намековъ, ни двуличныхъ изложеній, ни мѣлочныхъ придирокъ, ни пошлыхъ насмѣшекъ; не щадилъ ничего, не пренебрегъ ничѣмъ для одержанія временной побѣды, и принесенія цѣлаго театра, справедливо во всѣхъ отношеніяхъ слывущаго первымъ въ Европѣ, въ жертву своему *полубогу* Шекспиру, имъ на Нѣмецкій языкъ переведенному. Опасаясь однако укоризнъ за пристрастіе личное, скрылъ онъ его таинственнымъ, никому по сіе время непонятнымъ словомъ: *романтическое,* и окружилъ своего любимца дружиною Англичанъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ; но куда жь они всѣ дѣвались при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ твореній? На повѣрку вышло: что въ Англіи хорошаго Шекспиръ, да и только; въ Испаніи все гуртомъ хорошо, но за недосугомъ, по частямъ намъ ничего не покажутъ, а должны мы покуда вѣрить на слово; а у Нѣмцевъ (уже послѣ Лессинга, Гёте и Шиллера) еще театръ im Werden, то есть: будетъ завтра. Правда, съ тѣхъ поръ появились у нихъ Вернеръ, Кёрнеръ, Мюльнеръ, Грильпарцеръ, Раупахъ и пр. Но прибавилось ли почтенія въ Шлегелѣ къ своимъ одноземцамъ? весьма сомнѣваюсь.

Вотъ для примѣра нѣсколько противорѣчій, касающихся до того, о чемъ здѣсь рѣчь идетъ: » Правда, что « драматическое впечатлѣніе видимаго можетъ быть « весьма во зло употреблено, и театръ изказится въ « шумное поприще тѣлесныхъ только приключеній, « при чемъ уже слова и игра почти выходятъ лишнею « прибавкой. Но противная крайность, не доставлять « взору никакого убѣжденія и всегда намекать на нѣчто отсутствующее, конечно также мало похвальна.» И такъ, онъ совѣтуетъ избѣгать двухъ крайностей, и держаться середины; какъ же послѣ этого хвалить онъ безусловно все, что представить хотѣли Шекспиръ и Испанцы, доходившіе даже до морскихъ сраженій?

Далѣе: » Въ иныхъ Французскихъ трагедіяхъ можетъ « у зрителя родиться чувство, что точно великія дѣла происходятъ, только онъ именно сидитъ на дурно « выбранномъ мѣстѣ, чтобы быть ихъ свидѣтелемъ.« Здѣсь противъ воли своей принесъ Нѣмецкій Критикъ величайшую похвалу Французскимъ Трагикамъ, думая имъ сдѣлать укоръ; торжество искуства и есть въ этомъ обманѣ. Точно кажется въ *Гораціяхъ*, что судьба Рима и Альбы рѣшается сраженіемъ, въ *Баязетѣ*, что весь Царьградъ готовъ къ возстанію и ждетъ только, чтобъ распустили Магометово знамя; напротивъ, выведи Корнель на сцену два воинства, а Расинъ бунтующую чернь столицы, — окажется, что все пустяки и очарованіе изчезнетъ. Согласенъ ли съ симъ Шлегель? вполнѣ, и вотъ доказательство. Толкуя по случаю Шекспирова *Генриха V* о представленіи сраженій, онъ пишетъ: » Нынѣшній Сочинитель долженъ « въ особенности направить свое искуство къ тому, « чтобы то, что онъ показываетъ, казалось частными « групами необозримой картины; онъ долженъ зрителя « увѣрить, что главное дѣло происходитъ за сценой, « *къ чему приближающаяся или отдаляющаяся военная* « *музыка и звучанье оружіемъ послужатъ ему очень легкими способами.* « О семъ концѣ рѣчи и вообще о сраженіяхъ, послѣ поговоримъ; но до этого все такъ, и все относится совершенно къ похвальной системѣ Французскихъ Трагиковъ. Шлегель не остерегся.

Тотчасъ вслѣдъ за симъ еще хуже: »Несомнѣнно, что «удовлетворительному впечатлѣнію драматическаго представленія весьма вредитъ, коли мы налицо видимъ передъ собой дѣйствія отъ причинъ, остающихся незримыми и въ дали. Лучше на оборотъ, показать самую причину, а дѣйствіе ея только разсказать.» Примѣняя это къ вышеупомянутымъ трагедіямъ, Шлегель явно спутался въ словахъ *причина* и *дѣйствіе*. Возьмемъ въ примѣръ того же *Баязета*. Дѣйствіе есть возведеніе его на престолъ брата, посредствомъ бунта въ серали, повинующемся Султанѣ, и въ столицѣ, возмущаемой градоначальникомъ Визиремъ; его смерть, уничтожающая успѣхъ заговора: все это и поставлено въ отдаленіи и передано въ разсказѣ. Причины суть мстительное честолюбіе Визиря, недовольнаго Султаномъ, вожделѣніе и гордыня Роксаны, требующей вопреки обычаевъ законнаго брака съ Государемъ, ею творимымъ, честное упорство Баязета, гнушающагося лжи и униженія, пылкая любовь и безпокойная ревность Аталиды, боящейся равно смерти Баязетовой и вѣчнаго союза его съ другою: словомъ, страсти главныхъ лицъ: онѣ и выведены передъ нами во всей силѣ и полнотѣ.

Далѣе: «Какъ невыгодно старинное преданіе трагической сцены во Франціи, видѣлъ Вольтеръ; онъ часто напиралъ на богатѣйшее сценическое убранство, и самъ въ своихъ пьесахъ, и по его примѣру другіе, многое отважились взору показать, что прежде сочли бы неприличнымъ и смѣшнымъ.» Потомъ жалѣетъ Шлегель, что упорные защитники старины все еще этой новизны не хотятъ: стало, онъ любитъ въ театрѣ великолѣпный спектакль, украшенія, и все тому подобное; кто же подъ его именемъ весьма пространно и съ особымъ чувствомъ толкуетъ, какъ хорошо и выгодно для искусства было состояніе театра въ Лондонѣ при Шекспирѣ? «Сцена не имѣла никакихъ декорацій, кромѣ ковровъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ повѣшенныхъ, и между ними разные выходы, въ глубинѣ другая сцена съ возвышеніемъ надъ первой, родъ балкона, служащаго для разныхъ цѣлей, и обязаннаго представлять по ходу обстоятельствъ всякую всячину. Гдѣ вовсе никакія блестящія побочныя вещи не развлекаютъ, тамъ зрителей труднѣе удовлетворить въ главной вещи, въ превосходствѣ драматическаго сочиненія и оживленіи его игрою. Когда въ наружномъ украшеніи совершенства достигнуть нельзя, то знатокъ лучше совсѣмъ обойдется безъ него, чѣмъ станетъ терпѣть нелѣпое и вкусу противное.» Стало, именно *знатоки* стоятъ за старину Французской сцены, и отвергаютъ Вольтеровы попытки, какъ смѣшныя, и по всѣмъ вѣроятіямъ для того лишь дѣланныя, что, какъ выше сказано: гдѣ нечѣмъ людей морочить, труднѣе имъ угодить.

Но, можетъ быть, Шлегель думаетъ о Вольтерѣ съ большимъ уваженіемъ; онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ его *союзникомъ*, и здѣсь началъ было хвалить, какъ человѣка, который видѣлъ, что надо поправить? А вотъ онъ какъ *видѣлъ*: «Онъ требуетъ такого устроенія сцены, чтобы она многія мѣста разомъ обнимала; тутъ обличаетъ онъ въ себѣ весьма превратныя понятія объ архитектурѣ и перспективѣ, онъ ссылается на Палладіевъ театръ въ Виченцѣ, который мудрено, коли онъ видѣлъ, ибо его изображеніе сего театра кажется отъ начала до конца основано на описаніяхъ, дурно понятыхъ.» Здѣсь сказалъ Шлегель сущую правду; всѣ пространные толки Вольтера объ искусствѣ такіе пустяки, что иногда недоумѣваешь: бывалъ ли хоть однажды въ театрѣ сей Сочинитель полсотни пьесъ? но коли его незнаніе, и предосудительная охота учить тому, чего самъ не знаетъ, и дѣлать поправки на выворотъ, также видны Шлегелю, какъ и мнѣ, почему же онъ смѣетъ на него ссылаться, какъ на путнаго Художника, и обвинять людей болѣе знающихъ и не дающихся въ обманъ шарлатану?

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Безумная, Руская повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Ивана Козлова. — Спб. въ тип. Александра Смирдина. 1830 (XI — 33 стран. въ 8-ю д. л.)

Рожденіе Іоанна Грознаго. Поэма въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Барона Розена. — Спб. въ тип. Плюшара 1830. (108 стран. въ 12-ю д. л.)

Руская Литература еще не живетъ полною жизнію. Люди, по охотѣ или по обязанности наблюдающіе за нею, находятся въ положеніи стихотворнаго Ильи Муромца, который безъ помощи волшебнаго перстня просидѣлъ бы цѣлый вѣкъ надъ очарованной красавицей и не дождался ея пробужденія. — Наша красавица пробуждается очень, очень рѣдко и скоро опять засыпаетъ до неопредѣленнаго времени. Нынѣ одна только блестящая звѣзда Пушкина воздвигаетъ ее отъ сна и то много, много раза два въ годъ: другіе же Рускіе кудесники приводятъ ее только до степени лунатизма. Что жъ? Мы рады и бреду милой женщины: все жъ по крайней мѣрѣ слышишь ее! Притомъ же, благодаря Месмеру и его послѣдователямъ, мы теперь знаемъ, что лунатики могутъ иногда говорить не хуже неспящихъ. Въ подтвержденіе сего положенія укажемъ на двѣ замѣчательныя, новыя поэмы, недавно вышедшія изъ печати: *Безумная*, соч. Ивана Ивановича Козлова, и *Рожденіе Іоанна Грознаго*, соч. Барона Розена.

Первой принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія пальма первенства, не смотря на дурно обдуманный планъ. Пѣвецъ Чернеца и Натальи Долгорукой не изчерпалъ еще до дна кладязя чувствъ своихъ. Въ поэмѣ: *Безумная* каждый стихъ звучитъ не фистулою, но чистыми, полными тонами, прямо изникающими изъ прекраснаго сердца. Это пѣніе соловья, успокоивающее душу, но не удовлетворяющее фантазіи. Раздѣляешь печаль съ милымъ Пѣвцемъ и невольно сердишься на него, что онъ заставилъ насъ плакать отъ несчастій вымышленныхъ и разсказанныхъ оперною актрисой, а не настоящею поселянкой. Безумная его театральная Нина, а не Офелія Шекспира, не Марія Кочубей Пушкина. Но черта, раздѣляющая естественное отъ театральнаго, не многими знаема, и недостатокъ въ созданіи, нами замѣченный въ пьесѣ почтеннаго Поэта нашего, выкупается, какъ мы уже сказали, изобиліемъ чувствъ. Кто плакалъ, читая *Чернеца* и *Наталью Долгорукую*, тотъ заплатитъ невольную дань чувствительности и при чтеніи *Безумной*.

Въ поэмѣ Барона Розена фантазія и машины холоднаго соображенія взяли верхъ надъ чувствами и тѣмъ испортили все дѣло. Соломонія историческая такъ занимательна, неплодіе ея и невѣрность супруга такъ естественны, что не нужно было выдумывать никакихъ заклятій и разрѣшеній какого-то Псковитянина, не надо было выставлять на сцену отвратительнаго Шигоны и соблазновъ Елены Глинской; а слѣдовало просто занять насъ единственно несчастіями отринутой и невинной супруги и чувствами умилительными безпримѣрной матери. Поэту стоило погрузиться въ самого себя и подобно И. И. Козлову, не жалѣя высказать всѣ чувства души своей поэтической, и поэма бы его несказанно выиграла. Сколько бы тогда холодныхъ описаній оказалось не нужными, сколько бы прозаическихъ стиховъ не было написано молодымъ нашимъ Лирикомъ. Сцена юродиваго, оканчивающая поэму: *Рожденіе Іоанна Грознаго*, хорошо выдумана, но неудачно выполнена. Молодые художники! списывайте болѣе съ натуры и не спѣшите писать на память, на угадъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Литературная Газета будетъ издаваться и въ 1831-мъ году, на томъ же основаніи, какъ и въ нынѣшнемъ. Писатели, дѣятельно участвовавшіе трудами въ изданіи сей Газеты за нынѣшній годъ, будутъ помѣщать въ ней свои произведенія и въ наступающемъ году. Имена сихъ Писателей весьма часто встрѣчались читателямъ Литературной Газеты; А. С. Пушкинъ, Князь П. А. Вяземскій, Е. А. Баратынскій, П. А. Катенинъ, А. Погорѣльскій (Авторъ *Двойника* и *Монастырки*), М. А. Максимовичъ, В. Г. Тепляковъ, В. П. Лангеръ, В. Н. Щастный, М. Д. Деларю, Трилунный и пр. и пр., постоянно обогащали Литературную Газету статьями своими въ стихахъ ипрозѣ; любители чтенія увидятъ, что и въ будущемъ году имена и произведенія сихъ Писателей будутъ украшать NNo сей Газеты.

Подписка на Литературную Газету 1831-го года принимается въ С. Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Слёнина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Имзена, у Казанскаго моста, No 23; и А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ Г-жи Гавриловой; у книгопродавцевъ: И И. Заикина, противъ зеркальной линіи Гостинаго двора, въ домѣ Г. М. Балабина, въ лавкѣ подъ No 28, И. И. Глазунова, въ томъ же домѣ, въ лавкѣ подъ No 27, и Андрея Глазунова, у прикащика его Ивана Лисенкова, въ томъ же д., въ лавкѣ подъ No 25. Въ Москвѣ: у Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева, и у Андрея Глазунова, на Никольской улицѣ, противъ Казанскаго Собора, подъ No 1 и 2. Въ Тулѣ: у книгопродавца С. И. Титова. — Гг. иногородные благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна годовому изданію (72 No, выходящ. чрезъ каждые пять дней, въ 1 листъ большаго размѣра) 35 руб., съ пересылкою въ другіе города и разноской по домамъ 40 руб.

Альманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, уже отпечатанъ и поступитъ въ продажу (во всѣхъ книжныхъ лавкахъ) въ Среду, Декабря 24-го. При немъ будутъ: заглавная виньетка, и листокъ нотъ. Цѣна сему Альманаху прежняя: въ бумаж. 12 р., съ пересылкою 13 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 23-го дня 1830 года. Цензоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ II, № 69. ДЕКАБРЯ 7го

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (во Вторникъ), — 7-го (въ Воскресенье), — 12-го (въ Пятницу), — 17-го (въ Среду) и 22-го (въ Понедѣльникъ).

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

(Изъ разсказовъ Путешественника).

....«Вы уже знаете, «продолжалъ нашъ разскащикъ, «что я всегда любилъ находить въ дилижансѣ кого нибудь изъ тѣхъ любезныхъ говоруновъ, которыхъ, къ счастію путешественниковъ, очень много разъѣзжаетъ по бѣлу-свѣту. Отъ нихъ-то узнаемъ мы всѣ старинныя преданія, всѣ народныя повѣрья, коихъ не сыщешь ни въ какихъ древнихъ Лѣтописяхъ, ни въ какихъ разысканіяхъ Археологовъ. Во Франціи мнѣ было истинное раздолье въ дилижансахъ: тотъ день отмѣчалъ я чернымъ крестикомъ въ записной моей книжкѣ, когда мнѣ не удавалось въ почтовой каретѣ напасть на какого нибудь словоохотнаго попутчика, который бы высказалъ мнѣ или мѣстную старину того края, или занимательные анекдоты о своихъ землякахъ и современникахъ, или подробности своей собственной жизни. Въ Англіи и Германіи, дилижансовые спутники не столько обходительны, или — переведу вамъ Французское выраженіе, которое лучше поясняетъ мою мысль — не столько *сообщительны* (communicatifs): по дорогамъ трехъ Соединенныхъ Королевствъ мнѣ чаще всего случалось сидѣть въ дилижансѣ съ разъѣздными прикащиками купеческихъ конторъ (commis-voyageurs, какъ называютъ ихъ Французы); а эти люди говорятъ только между собою, и то почти всегда о торговыхъ своихъ сдѣлкахъ, о товарахъ и банкротствахъ, что не слишкомъ занимательно для чужеземца. Нѣмецкіе путешественники по большей части молчатъ, да курятъ табакъ, или курятъ, да молчатъ, если не съѣдутся съ кѣмъ-либо изъ своихъ земляковъ и сосѣдей, съ которымъ бы могли они разговориться о посѣвѣ и урожаѣ, о домашнихъ своихъ дѣлахъ, о коровѣ *Мальхенъ* да о баранѣ *Ганцъ*. Правда, когда мнѣ удавалось разшевелить Англичанина или Нѣмца, особливо если между спутниками попадался мнѣ человѣкъ образованный и свѣдущій — тогда я смѣло могъ надѣяться, что разсказы польются рѣкою и что ихъ наберется порядочный запасъ не на одну станцію. Не всѣ молчаливые люди бываютъ таковы по природѣ или по охотѣ: инымъ изъ нихъ стòитъ только развязать свой языкъ — онъ и пойдетъ на многіе часы работать безъ умолку.

Такъ посчастливилось мнѣ прокатиться по всей Богеміи въ обществѣ весьма пріятныхъ спутниковъ. Мы познакомились еще на водахъ, въ Карлсбадѣ. Любезнымъ моимъ слушателямъ навѣрное извѣстно, какъ скоро и охотно сближаются между собою посѣтители цѣлебныхъ водъ. Одинъ мой пріятель, тоже путешественникъ, называетъ такія знакомства *водяными*; но я признаю это названіе въ одномъ только смыслѣ: въ томъ, что они скоротечны, какъ вода. Напримѣръ здѣсь, въ Карлсбадѣ, я коротко познакомился съ однимъ Австрійскимъ Барономъ и молодою, миловидною его супругой; съ однимъ Богемцемъ, страстнымъ любителемъ музыки, пылкимъ двадцати-лѣтнимъ юношею, у котораго въ жилахъ течетъ жаркая кровь Славянская; съ однимъ Французомъ, *прожектёромъ* и подагрикомъ, но у котораго ни спекуляціи, ни подагра, ни сорокъ пять лѣтъ, не истребили врожденной веселости и вѣтрености; наконецъ, съ однимъ Археологомъ изъ Лейбцига, пожилымъ Нѣмцемъ, котораго имени, право, не упомню, и потому стану его вездѣ называть просто Археологомъ. Когда прошла пора пить цѣлительныя воды, мы всѣ условились еще на нѣсколько времени не разлучаться, и чтобы продлить наше знакомство, придумали вмѣстѣ объѣхать всю Богемію. Долго было бы разсказывать вамъ о всемъ путешествіи, и приводить всѣ случаи, въ которыхъ спутникъ нашъ Археологъ былъ намъ полезенъ своими неистощимыми свѣдѣніями въ древностяхъ тамошняго края: каждое селеніе, каждый холмикъ, ручеекъ, полянка — приводили ему на мысль историческія воспоминанія, коими онъ весьма охотно дѣлился съ нами. Мнѣ даже казалось иногда, что Археологъ нашъ, за неимѣніемъ запасныхъ свѣдѣній о какомъ-либо мало-замѣчательномъ мѣстѣ, подъ часъ ихъ импровизировалъ. Но мнѣ какая была до того нужда? разсказы его меня занимали и забавляли, и я внутренно благодарилъ судьбу, что она послала намъ въ спутники такого рѣчистаго Нѣмца.

Чрезъ нѣсколько дней нашего медленнаго странствованія, мы добрались наконецъ до Исполинскихъ горъ (Riesengebirge). Я видалъ многія горы, повыше этихъ Исполиновъ, но рѣдко видалъ изъ нихъ столь живописныя. Мы любовались дикими красотами сихъ громадъ, нарочно ѣздили смотрѣть самый высокій *пикъ* этого горнаго хребта, возвышающійся почти на пять тысячъ футовъ надъ земною поверхностью; и спутница наша, молодая Баронесса, промолвилась, что желала бы знать произхожденіе названія: *Исполинскія горы*.

— «Это не мудрено отгадать и безъ всякихъ историческихъ изслѣдованій,» сказалъ мужъ ея: «стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы пояснить себѣ, почему народная молва изстари дала имъ такое названіе.

— «Совсѣмъ нѣтъ, «возразилъ нашъ Археологъ, видимо недовольный тѣмъ, что другой мѣшался въ такія объясненія, которыя онъ исключительно присвоивалъ себѣ. «Горы сіи въ древности назывались *Судетами* (Sudetes); а Исполинскими назвали ихъ съ той поры, какъ Чехи, нынѣшніе Богемцы, поселились около нихъ; и это названіе дано имъ по особому случаю.

— «Разскажите намъ объ этомъ,« подхватили въ одинъ голосъ Баронесса, Французъ, молодой Богемецъ и я.

— «Съ охотою! «отвѣчалъ Археологъ, поднявъ брови вверхъ и посмотрѣвъ на серебряную свою табакерку, бывшую у него тогда въ рукѣ, такимъ взоромъ, который ясно выражалъ какое-то гордое сознаніе собственнаго достоинства. «Если почтенные мои спутники,» продолжалъ онъ, поведя пытливый взглядъ по нашимъ лицамъ, — «если почтенные мои спутники непремѣнно этого желаютъ, то я готовъ сообщить имъ историческое преданіе о томъ, что касается до здѣшнихъ горъ.»

Мы всѣ повторили нашу просьбу; Баронъ, лукаво улыбаясь, то же присталъ къ намъ; и Археологъ, поглядѣвъ минуты двѣ на обитый сукномъ верхъ почтовой кареты, какъ будто бы оттуда вызывалъ историческія свои воспоминанія, началъ свой разсказъ.

* * *

«Въ древнія времена.... точной эпохи не могу теперь сказать опредѣлительно: память начала мнѣ измѣнять; замѣчу только, что Богемцы жили уже тогда у подножія Судетовъ, и что городъ Прага еще въ то время не существовалъ.... И такъ, въ древнія времена, стоялъ на половинѣ этого высокаго пика, называемаго нынѣ Ризенкоппе или Шнейкоппе, — огромный и крѣпкій за̀мокъ, середи дремучаго, непроходимаго лѣса, сквозь который пролегала къ за̀мку только узкая тропинка по крутому скату. Въ немъ жилъ необыкновеннаго роста и страшнаго вида исполинъ, достойный обитатель этихъ высокихъ и дикихъ горъ; имя его было Мрачиславъ. Никто не зналъ, откуда и когда зашелъ онъ въ Судетскія горы, и какъ онъ построилъ этотъ за̀мокъ, въ которомъ жилъ онъ одинъ, какъ сова въ дуплѣ; а суевѣрное простолюдіе даже думало, что это Гномъ *Рюбецаль*, наскуча подземнымъ своимъ жильемъ и малымъ ростомъ, вздумалъ проказить по свѣту въ образѣ великана. Какъ бы то ни было, а окрестные жители боялись его, какъ чорта, и не безъ причины. Вообразите себѣ огромное туловище, въ полторы сажени вышиною, съ широкою косматою грудью, съ длинными, тяжелыми ногами, которыми великанъ шагалъ такъ далеко, что опережалъ скачку самой рѣзвой дикой козы; вообразите себѣ, что на такое туловище взмощена пребольшая голова, съ щетинистыми рыжими волосами, съ выпучившимися, налитыми кровью глазами, съ страшнымъ, растворявшимся до ушей ртомъ, черезъ который перегибался уродливый носъ такой величины, что исполинъ могъ бы, въ случаѣ нужды, почесать имъ свой подбородокъ. Таково было физическое безобразіе нашего великана: нравственное и того было отвратительнѣе. Мрачиславъ былъ золъ, жестокъ, завистливъ, склоненъ къ грабительству, къ пьянству и обжорству; а что хуже всего, — крайне падокъ къ прекрасному полу. Окружные за̀мки и селенія много терпѣли отъ его буйства и звѣрства, и никто не хотѣлъ селиться вновь близъ Исполиновой горы.

«Недалеко отъ горъ находился одинъ за̀мокъ, или лучше сказать, цѣлый городокъ, принадлежавшій богатому владѣльцу, Почебуту. За̀мокъ этотъ стоялъ на неприступномъ мѣстѣ, окопанъ былъ широкими и глубокими рвами, въ которые проведена была вода, и обнесенъ зубчатыми стѣнами, по угламъ которыхъ построены были крѣпкія башни. Этихъ башенъ, какъ обыкновенно водится, было четыре: восточная, западная, южная и сѣверная. Въ за̀мкѣ, кромѣ самого Почебута и его семейства, помѣщались всѣ многочисленные его вассалы. И день и ночь сильный караулъ сторожилъ на башняхъ и на стѣнахъ за̀мка, и при малѣйшей опасности, рогъ часоваго трубилъ тревогу: въ одно мгновеніе всѣ жители за̀мка, подъ предводительствомъ самого Почебута, разсыпались по стѣнамъ, съ луками и стрѣлами, съ пращами, копьями, палицами, и отражали нападеніе, какъ бы ни грозенъ былъ непріятель. Мрачиславъ зналъ это и съ досадою видѣлъ, что не могъ ни силою, ни хитростью одолѣть крѣпкаго за̀мка Почебутова. Часто великанъ подходилъ къ за̀мку изъ рощи, прилегавшей почти къ самому наружному рву, и притаясь за деревьями, высматривалъ по цѣлымъ часамъ: но по стѣнамъ и на башняхъ безпрестанно бродили часовые, ворота были заперты и мосты подняты; а когда и опускались, то съ Почебутомъ выѣзжала такая густая толпа сильныхъ витязей и хорошо вооруженныхъ вассаловъ, что Мрачиславу, хоть и великану, нельзя бъ было одному со всѣми управиться. Тогда онъ обыкновенно уходилъ въ свой зàмокъ, и только трескъ отъ тяжелой его поступи раздавался по лѣсу. Въ другое время, тщетно выжидая нѣсколько часовъ сряду, онъ выходилъ изъ терпѣнія, и съ бѣшенствомъ схватя большой камень, пускалъ его изо всей силы въ зàмокъ Почебутовъ; а послѣ хохоталъ неистовымъ смѣхомъ, радуясь тому, что успѣлъ пробудить въ зàмкѣ напрасную тревогу.

«Не богатство Почебутово влекло Мрачислава къ зàмку: нѣтъ! его манила красота Любуши, единственной дочери владѣльца. Не подумайте, почтенные мои слушатели, чтобъ эта Любуша была та самая, которая когда-то царствовала въ Богеміи, и которой городъ Прага обязанъ своимъ существованіемъ. Такого грубаго анахронизма я не сдѣлаю, и васъ не стану вводить въ заблужденіе на счетъ исторической достовѣрности. А если нужны вамъ дальнѣйшія объясненія, основанныя на *фактахъ*, такъ вотъ они: Королева Любуша (*) была дочь Кракуса II-го и вышла въ замужство за Прежемила; а Почебутова дочь . . . Но вы узнаете о ней послѣ изъ моего разсказа. Теперь скажу вамъ только, что молва о красотѣ Любуши не напрасно трубила по всѣмъ концамъ Богеміи и даже въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ Германіи: Любуша была высока и стройна, какъ юный тополь; волосы ея были черны, какъ вороново крыло, глаза свѣтлы, какъ яркія звѣздочки, лице бѣло, какъ лилея и румяно, какъ роза.... По крайней мѣрѣ такъ воспѣвали о ней всѣ поэты тогдашняго времени; а на вкусъ этихъ людей можно положиться безъ дальняго размышленія. Рыцари Богемскіе и Германскіе толпами стекались въ зàмокъ Почебутовъ, пировали съ отцемъ и увивались около дочери; но прелестная Любуша холодными глазами смотрѣла на всѣхъ своихъ обожателей. На одного только взоръ ея упадалъ съ нѣжнымъ выраженіемъ любви и участія, отъ одного только вспыхивалъ жаркій румянецъ на щекахъ ея и къ одному только неслись ея тайные вздохи, — и этотъ *одинъ* былъ юный Ратомиръ, Богемецъ незнатнаго рода, безъ богатства и даже безъ рыцарскаго достоинства; но любовь не всегда влетаетъ въ сердце женское изъ-подъ рыцарской перевязи, изъ-подъ шлема пернатаго и блестящихъ латъ: эта истина больше всего подтверждается въ наше время, когда уже не носятъ ни латъ, ни шлемовъ, ни желѣзныхъ рукавицъ, а любовь все таки господствуетъ надъ сердцами, хотя, можетъ быть, и не въ такой силѣ.

»Не такъ, видно, думалъ Почебутъ на старости. Онъ гордился тѣмъ, что знатнѣйшіе рыцари искали руки его дочери, и уже нѣсколько разъ приступалъ къ Любушѣ съ требованіемъ, чтобъ она выбрала кого нибудь изъ этихъ рыцарей своимъ господиномъ и властителемъ (seignêur et maître), какъ говаривали въ старину, или товарищемъ своей жизни, какъ говорится въ наше время. Не повѣривъ извѣтливымъ отговоркамъ и мнимому равнодушію своей дочери, старый Почебутъ началъ за нею присматривать, и къ своей крайней досадѣ подмѣтилъ, какъ ея взоры встрѣчались со взорами Ратомира, какъ оба они въ эти минуты краснѣли до ушей и вздохи ихъ, невольно вырываясь, летѣли на встрѣчу другъ другу. Сердце Почебутово запылало негодованіемъ, и онъ вѣрно въ тотъ же мигъ указалъ бы Ратомиру дорогу изъ своего зàмка, когда бы не считалъ такого поступка нарушеніемъ гостепріимства, которое въ тогдашніе вѣки свято наблюдалось народами Славянскаго и Тевтонскаго поколѣній. Но онъ не вовсе скрылъ внутреннее свое движеніе и бросилъ на Ратомира такой взглядъ, который ясно все высказалъ бѣдному юношѣ. Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, Ратомиръ подошелъ къ Почебуту, благодарилъ его за ласки и хлѣбосольство и объявилъ, что хочетъ побродить по свѣту, поискать приключеній и выслужить себѣ рыцарское званіе. Почебутъ простился съ нимъ очень холодно и съ насмѣшливымъ видомъ пожелавъ ему успѣховъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, прибавилъ, чтобъ онъ не медлилъ выполненіемъ благихъ своихъ намѣреній и не лишалъ бы долѣе вселенную молвы о знаменитыхъ своихъ подвигахъ. Ратомиръ проглотилъ пилюлю, какъ умѣлъ, затаилъ въ душѣ своей досаду и разстался съ надменнымъ отцемъ своей возлюбленной.

»Прелестная Любуша догадалась, что ей скоро должно было проститься съ любимцемъ ея сердца; въ раздумьи остановилась она подъ сводами зàмка, по которымъ Ратомиру слѣдовало проходить, разставшись съ Почебутомъ. Трепетъ сердца издалека еще сказалъ юношѣ, кого здѣсь встрѣчалъ онъ, въ тишинѣ ночной, при слабомъ блескѣ дотлѣвавшаго свѣтильника. Здѣсь-то юноша и дѣва впервые признались другъ другу въ любви; клятвъ они еще не знали, и можетъ быть, утвердили взаимные свои обѣты употреблявшеюся тогда у Славянскихъ народовъ скрѣпою: *кто изъ насъ измѣнитъ — тому да будетъ стыдно!* Но пылкая Любуша симъ не ограничилась: она непремѣнно хотѣла проститься еще однажды съ своимъ любезнымъ и для того съ нимъ условилась, чтобъ онъ на разсвѣтѣ дожидался ея въ рощѣ, за стѣнами зàмка. Въ старинныя

(*) Нѣмцы, по испорченному выговору, называютъ ее Либусса (Libussa.) *Прим. Соч.*

времена, мамы и няни играли весьма важную роль при молодыхъ Принцессахъ и знатныхъ дѣвицахъ, и были именно тѣмъ, чѣмъ нынѣ горничныя во Французской комедіи, — иногда и въ большомъ свѣтѣ: повѣренными всѣхъ тайнъ и точными исполнительницами всѣхъ порученій, какія даются безъ огласки. Я могъ бы, въ подтвержденіе этой придворной должности древнихъ мамушекъ и нянюшекъ, сослаться на Исторію или на Французскую трагедію; могъ бы пуститься даже въ длинныя изслѣдованія о мамѣ Федры, о козѣ Амалоеѣ, вскормившей Юпитера, о Барцѣ, нянѣ Дидоны, или мамѣ покойнаго супруга ея Сихея, и о Кентаврѣ Хиронѣ, который то же служилъ вмѣсто няни Ахиллу; но это слишкомъ далеко занесло бы насъ изъ среднихъ вѣковъ въ самую глубину древности. Между тѣмъ, напоминаніе о мамахъ и няняхъ ведетъ насъ къ тому, что у прекрасной Любуши была то же мама и вмѣстѣ повѣренная чувствъ и желаній, старая Кафка, и что ей-то открылась юная дѣва въ любви своей къ Ратомиру и въ томъ, что хотѣла бы съ нимъ проститься за городскими стѣнами; но не знала, какъ обмануть стражу и выбраться изъ зáмка. Мама-утѣшительница указала ей на самое надежное средство — золото, и приняла на себя заботу подкупить стражу, стоявшую у городскихъ воротъ. Золото и въ тогдашніе суровые вѣки смягчало сердца людей еще вѣрнѣе, нежели слезы красавицы или привѣтливая улыбка придворнаго. Что обѣщала старая Кафка своей вскормленницѣ, то и сдѣлалось: стража, по выѣздѣ юнаго Ратомира изъ зáмка, забыла поднять мостъ и запереть ворота; даже, какъ можно подумать, на тотъ часъ ослѣпла и оглохла, потому что не видѣла и не слышала, когда Любуша скорыми и легкими шагами промелькнула въ ворота, перебѣжала черезъ подъемный мостъ и скрылась въ рощѣ. Ратомиръ уже тамъ ожидалъ ея: онъ былъ въ вороненыхъ латахъ и шлемѣ, съ широкимъ и длиннымъ мечемъ при бедрѣ; правою рукою опирался онъ на тяжелую булаву съ зубчатою маковкой, а на лѣвой держалъ огромный щитъ, завѣшенный черною тканью, потому что, видно, не рѣшался еще выбрать ни герба, ни девиза, или можетъ быть и по другимъ какимъ причинамъ, о которыхъ на тотъ разъ Любуша не довѣдывалась. И до того ли ей было!

»Ратомиръ и Любуша сѣли на мураву, въ тѣни развѣсистаго дерева, и нѣсколько минутъ хранили молчаніе — вѣроятно отъ полноты ощущеній, которыя волновали ихъ души. Наконецъ, юноша первый началъ говорить голосомъ нетвердымъ, но сладостнымъ для слуха милой его подруги.

— »Родитель твой, прелестная Любуша,« сказалъ онъ,« разгадалъ тайну сердецъ нашихъ прежде, нежели мы осмѣлились открыться въ ней другъ другу. Онъ покаралъ меня за минутное мое блаженство тяжкимъ своимъ презрѣніемъ; онъ давалъ мнѣ почувствовать своими намеками, что я не рыцарь, не знатенъ родомъ и не богатъ, и слѣдовательно недостоинъ руки твоей.... Жизнь или смерть! Рыцарское званіе и слава громкихъ подвиговъ, кои дадутъ мнѣ право на руку милой Любуши, — или славный конецъ скоролетнаго существованія, искупленный тяжкими ударами, которые посыплю я на сильныхъ, злобныхъ витязей и на страшныхъ великановъ, утѣснителей человѣчества. Вотъ что сказалъ я себѣ вчера, когда суровый отецъ твой язвительными своими насмѣшками заставлялъ меня тягостною цѣною платить ему за временное гостепріимство, которымъ я пользовался въ его зáмкѣ. Прощай, милая, незабвенная Любуша! ѣду ко двору Клодовея Французскаго: тамъ, сказываютъ, часто бываютъ рыцарскія потѣхи; тамъ потомки Амадисовъ, Эспландіановъ и Галаоровъ перевѣдываются *вѣжливымъ оружіемъ* (armes courtoises) и пріобрѣтаютъ себѣ славу безсмертную. Тамъ посреди усыпанной пескомъ загородки, предъ глазами Клодовея и Клотильды стану я вызывать на бой всѣхъ и всякаго и оспоривать первенство красоты твоей надъ красотою всѣхъ Принцессъ и знаменитыхъ дѣвъ Франціи, Италіи и Германіи. Чувствую, что не найду себѣ противника! Любовь придастъ мнѣ силу сверхъ-человѣческую, и она же мнѣ ручается за успѣхъ! Всѣ рыцари, которые противъ меня выѣдутъ съ копьемъ въ рукѣ — вмигъ будутъ ползать по песку и просить у меня пощады, заклиная твоимъ именемъ.

— »Даруй то небо!« промолвила Любуша со вздохомъ.

— »Оттуда,« продолжалъ Ратомиръ, нѣсколько смутясь отъ присловья Любушина, — »отправлюсь я по свѣту съ перевязью рыцарскою, которую повяжетъ мнѣ черезъ плечо сама Королева Клотильда, и стану искать приключеній: карать исполиновъ и колдуновъ, разрушать ихъ чародѣйства и зáмки Бароновъ-грабителей, освобождать заколдованныхъ Принцессъ и заключенныхъ въ башни красавицъ....

— »Только сдѣлай одолженіе, не поднимай въ такихъ случаяхъ забрало твоего шлема и не схватывай покрывала съ освобожденныхъ красавицъ,« опять со вздохомъ примолвила Любуша.

— »Повѣрь, милая,« отвѣчалъ Ратомиръ съ легкимъ укоромъ:» образъ твой неразлучно будетъ со мною; онъ будетъ носиться передъ моими глазами на полѣ битвы и на пирахъ веселыхъ; въ чужеземныхъ Принцессахъ и благодарныхъ за подвиги мои дѣвахъ — буду я воображать твои, только твои черты. Могу ли я видѣть, могу ли замѣчать другихъ, когда ты, одна ты живешь въ моемъ сердцѣ?

— »Но послушай, мой другъ, мой Ратомиръ, моя слава, мое блаженство! Ужели ты думаешь, что мнѣ не тяжко съ тобою разстаться, изчислять вздохами каждую минуту разлуки, томиться въ страстномъ, но часто обманчивомъ ожиданіи, сохнуть и увядать отъ тоски и слезъ?... О! возьми меня съ собою! Пусть жестокій отецъ поздно раскаится, что своенравно хотѣлъ разлучить два сердца, созданныя другъ для друга.... Я буду для тебя все, буду твоею подругой, твоимъ оруженосцемъ: въ одеждѣ юноши, съ кольчугой на груди и съ опущеннымъ наличникомъ шлема, меня никто не узнаетъ.... Я стану дѣлить съ тобою опасности, нужду и голодъ, охранять твой сонъ, заступать тебя своею грудью отъ ударовъ вражескихъ.... Возьми, возьми меня съ собою!

— »Нѣтъ, безцѣнная, милая Любуша! не искушай твоего Ратомира и не мани его легкимъ полученіемъ тѣхъ благъ, которыхъ обладаніемъ должно отсрочить. Что подумаетъ о мнѣ отецъ твой? что скажутъ о тебѣ злые языки сосѣдніе и странствующіе рыцари, которыми теперь полонъ вашъ за̀мокъ?... Я хочу, по окончаніи моихъ подвиговъ, явиться къ твоему родителю, какъ честный и благородный рыцарь, и открыто требовать руки твоей, въ награду за славныя мои дѣла; желалъ бы даже, передъ лицемъ твоимъ и Почебутовымъ, вступить въ состязаніе со всѣми твоими обожателями, со всѣми посторонними рыцарями, которые на ту пору будутъ гостить у васъ. Тогда бы я съ бою взялъ согласіе отца твоего....

— »Ты правъ, мой Ратомиръ!« сказала тихимъ голосомъ Любуша, склонивъ прелестную свою голову на грудь юноши и закрывъ свѣтлые глаза свои руками. Минуты двѣ провели они въ молчаніи; юноша смотрѣлъ съ выраженіемъ нѣжной страсти на лицѣ дѣвы, блѣдное и подернутое тонкимъ облакомъ печали. Наконецъ Любуша, какъ бы опомнясь, вдругъ вспала, и снявъ съ груди своей шитую перевязь, подала ее Ратомиру. Юноша осыпалъ перевязь поцѣлуями въ то время, какъ милая дѣва говорила ему:

— »На, возьми это въ знакъ памяти. Я давно угадывала твое намѣреніе и сама вышивала для тебя эту перевязь: я не хочу, чтобы посторонняя красавица надѣла на тебя свои цвѣта̀ и свой девизъ. — Скрой до времени перевязь подъ своими латами, пока не завоюешь себѣ права, носить ее сверхъ латъ.... Но чаще, сколько можно чаще посматривай на нее и прочитывай девизъ.«

»Ратомиръ развернулъ перевязь и прочелъ вышитыя на ней краснымъ шелкомъ слова: *Вѣрная любовь до гроба*....

»Здѣсь, почтенные слушатели, вы можетъ быть спросите у меня: на какомъ языкѣ и какими буквами слова сіи были вышиты? Можетъ быть также замѣтите мнѣ, что у Славянскихъ племенъ не было еще тогда букваря, и что вообще рыцари и дамы того вѣка были не слишкомъ грамотны. — На это скажу вамъ, что Хроники ничего не говорятъ о семъ обстоятельно, и не упоминаютъ даже, на Славянскомъ ли, на Нѣмецкомъ ли языкѣ, и Руническими ли, Еврейскими или Греческими буквами былъ написанъ девизъ Любуши. А если Хроники не говорятъ объ этомъ, то Археологу не на что сослаться съ достовѣрностію. Впрочемъ, основательныя разысканія о семъ предметѣ можете вы прочесть въ особой диссертаціи, которую я теперь сочиняю и намѣренъ издать къ будущей Лейбцигской ярмаркѣ. Диссертація сія будетъ написана на Латинскомъ языкѣ и займетъ собою до 300 страницъ, форматъ in-4.»

Нѣмецъ нашъ понюхалъ табаку и посмотрѣлъ на насъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Трудно было отгадать, правду ли онъ говорилъ, или обѣщанная имъ диссертація — была только *мистификація*. — Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ свой разсказъ.

(*Продолж. въ слѣд. No.*)

ВОРОНОЙ КОНЬ.

Кассида.

Въ пустынѣ Ирана, въ туманѣ ночномъ,
Скакалъ Бедуинъ на конѣ ворономъ.

И вѣтеръ свисталъ и песокъ подымалъ,
И паръ отъ земли надъ землею вставалъ.

И не было въ небѣ попутной звѣзды;
А землю изрыли гіены слѣды.

Отваженъ былъ всадникъ и лихъ вороной;
Но темно и страшно въ пучинѣ степной!

« Откуда ты, витязь? куда ты летишь?»
Спросилъ Бедуина горбатый Дервишъ.

— Я мчуся по степи въ отцовскій шатеръ. —
« А имя твое? — Эль-Корабъ-Альманзоръ.

« Плѣнилъ меня, витязь, твой конь вороной!
Отдай его мнѣ — иль сразися со мной!»

— За жизнь не отдамъ воронаго коня!
Но ты ли, Дервишъ, не боишься меня?

Я лучшимъ по степи слыву ѣздокомъ,
Какъ мчуся по ней на конѣ ворономъ!

Храбрѣйшимъ зовуся изъ храбрыхъ дѣтей
Хареса, отца семерыхъ сыновей!

Сразимся! — И мигомъ спрыгнулъ онъ съ коня.
« Ну, витязь, ты самъ нападай на меня!»

И витязь взялъ дротикъ, пылая враждой —
Дервишъ на коня и помчался стрѣлой!

И вѣтеръ свисталъ и песокъ подымалъ,
И паръ отъ земли надъ землею вставалъ!

Въ пустынѣ Ирана, въ туманѣ ночномъ,
Рыдалъ Бедуинъ о конѣ ворономъ!

Н. Ставеловъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

9. О театрѣ.

(*Продолженіе.*)

Продолженіе изъ Шлегеля: «Въ *Семирамидѣ*, гдѣ онъ впервые правила свои въ исполненіе привелъ, впалъ онъ въ странную погрѣшность, не людей выводить въ разныхъ мѣстахъ, а мѣста передвигать къ людямъ. Въ третьемъ дѣйствіи видимъ мы кабинетъ; сей кабинетъ, по собственнымъ Вольтера словамъ (*и замѣтьте*, что Царица изъ него не уходитъ), уступаетъ мѣсто большой пышно убранной залѣ. Подлѣ находящагося тутъ престола, и мавзолей Ниновъ, сперва на площади противъ дворца и храма волхвовъ находившійся, нашелъ средство вкрасться. Послѣ выпуска на свѣтъ своего мертвеца къ ужасу присутствующихъ, и взятія его въ себя обратно, отправляется онъ въ слѣдующемъ актѣ на старое мѣсто, гдѣ вѣроятно оставались его обелиски. Въ пятомъ дѣйствіи видно, что онъ устроенъ былъ весьма пространно и съ подземными ходами. Какъ бы возстали Французскіе критики, если бъ иноземецъ провинился въ такой нескладицѣ!» Умные критики равно возставали и на единоземца; нескладица не можетъ имъ нравиться нигдѣ и никогда. Вольтеръ же вовсе не представитель Французскаго театра; онъ былъ тамъ первый раскольникъ, предтеча Романтиковъ; въ этой *Семирамидѣ* онъ, по словамъ Шлегеля, и пустился на выдумки, и по тѣмъ же словамъ что вышло? Для воюющихъ противъ Французовъ Вольтеръ точно находка; онъ имъ на все пригоденъ. Коли нужно напасть на простыя, строгія и трудныя правила его предшественниковъ: «Вотъ,» говорятъ, «самъ Вольтеръ, одинъ изъ ихъ отличнѣйшихъ Трагиковъ, за одно съ нами, жалуется на то, хочетъ поправить другое, проситъ позволить ему третье;» опять, коли хочется посмѣяться надъ Французскими трагедіями, обличить неудачное усиліе, грубую ошибку, чего искать ближе? Вольтеръ готовъ къ услугамъ. Оно немножко безсовѣстно, но на войнѣ какая совѣсть?

Продолженіе: «И въ *Брутѣ* то же. Сенатъ собранъ подъ открытымъ небомъ между Капитольскаго храма и Брутова дома. Когда собраніе разошлось, остаются Аронсъ и Альбинъ, и написано: qui sont supposés être entrés de la salle d'audience dans un autre appartement de la maison de Brutus. Какъ же тутъ думалъ Поэтъ? должно ли мѣсто перемѣниться не опустѣвъ, или требуетъ онъ отъ воображенія зрителей, чтобы они, вопреки свидѣтельству чувствъ, почитали сцену вовсе иначе убранную за комнату? и какъ прежде описанная площадь вышла аудіенцъ-залою? Эта декорація научена фокусамъ, либо у нея память плоха.» Это уже насмѣшка, и очень колкая; и не я противъ нея спорить стану, ни доказывать, что тутъ ничего смѣшнаго нѣтъ; я во всемъ согласенъ, но вотъ другой образъ мыслей: «Когда Испанскій театръ образовался, въ немъ такое же обстоятельство вышло, какъ и въ Англійскомъ, что когда сцена на мигъ опустѣетъ, и другія лица другимъ входомъ войдутъ, должно было себѣ представлять перемѣну мѣста, хотя никакой видно не было; предоставлялось воображенію по смыслу рѣчей наполнять промежутки, и окружающіе предметы придумывать. Истинное очарованье въ томъ именно, чтобы впечатлѣніемъ поэзіи и игры столько увлекаться, чтобы побочныхъ вещей не примѣчать, и все прочее что передъ глазами, забыть.»

Какую палку на себя подаетъ Шлегель гнѣвливому покойнику Вольтеру! «Какъ!» скажетъ онъ,» и вы смѣли надо мной трунить! знаете ли вы, что это доказываетъ *безсиліе воображенія и неспособность быть очарованнымъ?* Я полагалъ въ васъ найти *не только благосклоннаго, но и благоразумнаго зрителя съ поэтическимъ расположеніемъ*, такого, какіе были у вашего Кальдерона. Чѣмъ я хуже? моя *поэзія* превосходна, а *игра* будетъ вскорѣ то же, ибо актёры начинаютъ добывать, что я старался въ нихъ поселить: le diable au corps. Положимъ, они готовы, и *Брута* даютъ; куда вы дѣнетесь? чѣмъ отговоритесь отъ очарованія? Вы должны, сударь, видѣть площадь и залу и другую комнату, все въ свое время, хотя бы ничего не видать; наполняйте промежутки, придумывайте. Вы мнѣ скажете, что покуда сцена не опустѣла, вамъ неловко воображать. Какія причуды! развѣ я не могъ выслать Аронса съ наперсникомъ въ одну кулиссу, и тотчасъ опять воротить ихъ изъ другой? Вотъ мудрость! я хотѣлъ дать достойнѣйшее занятіе вашему воображенію; представьте себѣ, что они идутъ изъ залы въ другую комнату: вамъ стоитъ захотѣть. Вы переводили Шекспира, и я то же; помните ли первую сцену третьяго акта въ *Юліи Кесарѣ?* Она начинается на улицѣ, кончается въ Капитоліи, *и замѣтьте*, не пустѣя. Отъ того, что онъ Англичанинъ, а я Французъ, такъ ему все, а «мнѣ ничего! Но goddam! кабы не я (по извѣстнымъ «мнѣ причинамъ) началъ его смѣлость хвалить, и на «тѣсноту, въ которой наши Трагики жили, роптать, «и всю Европу, принимавшую отъ насъ законы вкуса, по-«немножку отучать отъ предразсудка во всемъ искать «разсудка, куда бы вы поспѣли съ вашимъ Романтиз-«момъ? Говорю вамъ, господа, не троньте меня: n'é-«veillez pas le chat qui dort, или даромъ, что я вамъ «союзникъ, все выведу на чистую воду.»

Оставя шутки, обратимся къ вопросамъ, для художества болѣе важнымъ. Въ *Генрихѣ V*, пришлось Шекспиру выставить войну сего Короля во Франціи, и одержанную имъ почти невѣроятную побѣду при Азинкурѣ. Дотолѣ, выводя только битвы Римлянъ, никому неизвѣстныя, онъ мало хлопоталъ о недостойномъ ихъ представленіи на сценѣ, зрители еще меньше; но когда дошло до народной чести, опасно показалось въ лицѣ нѣсколькихъ статистовъ изобразить славнѣйшій подвигъ Англійскаго мужества. Изъ худаго выбралъ Авторъ лучшее, въ междодѣйствіяхъ помѣстилъ рѣчи къ публикѣ, съ разными извиненіями въ недостаткѣ средствъ, и покорнѣйшими просьбами, за это не взыскать. Вотъ его слова: «И такъ наша (*) «сцена должна летѣть въ сраженье, гдѣ, о имѣйте «жалость! мы осрамимъ четырьмя либо пятью пре-«зрѣнными изношенными рапирами (весьма дурно устро-«енными и бренчаньемъ смѣшными), имя Азинкура. Но «сидите и смотрите (**), помышляя объ истинныхъ «дѣлахъ при всемъ ихъ шутовствѣ.» Сіе признаніе драгоцѣнно; и приноситъ великую честь Шекспиру, во имя коего нынче болѣе всего вздоръ проповѣдуютъ; оно показываетъ въ немъ болѣе эстетическаго чувства и врожденнаго знанія правилъ, чѣмъ у всѣхъ его нынѣшнихъ поклонниковъ, и ведетъ къ мысли, что и онъ, какъ Лопесъ де Вега, многое писалъ вопреки собственному вкусу, и въ угожденье тѣмъ чьими деньгами кормился театръ.

Оно заставило Шлегеля задать себѣ вопросъ: Хорошо ли сраженія показывать на сценѣ? «Греки ихъ себѣ «безъ исключенія запретили: поелику все театральное «представленіе ихъ шло на вёликаго рода важность, «было бы имъ нестерпимо видѣть слабое и мѣлкое под-«ражаніе недостижимаго. Потому у нихъ всѣ битвы «просто въ разсказѣ.» Но развѣ важность и дѣльность исключительный удѣлъ Греческаго климата? развѣ не вездѣ онѣ неизмѣнныя свойства трагедіи? Не самъ ли Шлегель опредѣлилъ существо ея непереводимымъ на Русскій языкъ, значительнымъ словомъ Ernst? что же безъ него будетъ въ нашихъ трагедіяхъ?

(*Продолженіе въ слѣдующ.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ, съ 1764-го по 1829-й годъ. — С. П. б. типогр. И. Глазунова, 1829. (II. — 86 стран. въ 8-ю д. л.)

Какъ утѣшительно тому, кто любитъ свое Отечество, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его просвѣщенія. Многіе ропщутъ на медленность, или бездѣйствіе нашей Литературы; упрекъ несправедливый. Если наши строгіе судьи сравнятъ положеніе Россіи за 20 лѣтъ предъ симъ, съ нашимъ временемъ, то невольно убѣдятся (какъ бы ни были пристрастны къ новизнѣ), что умственная жизнь Россіи, пробужденная волшебнымъ жезломъ Великаго Петра, въ скоромъ времени дозрѣетъ, и мрачный Сѣверъ, донынѣ грозный однимъ могуществомъ, будетъ святилищемъ истиннаго просвѣщенія; говорю *истиннаго*, ибо Рускій народъ — народъ религіозный; никакое лжеумствованіе не истребитъ въ его сердцѣ благихъ сѣменъ Провидѣнія, безъ которыхъ нѣтъ ни величія, ни силы, ни просвѣщенія. Сіи сѣмена должны быть прочнымъ основаніемъ всѣхъ зданій ума человѣческаго; иначе сіи зданія разпадутся отъ малѣйшаго дуновенія бури.

Желая обратить вниманіе друзей просвѣщенія на быстрый ходъ Наукъ и Искуствъ въ нашемъ отечествѣ, я возьму въ примѣръ нашу Академію Художествъ; что была она до 1817 года, и въ какомъ положеніи находится съ 1817 года, т. е. со времени вступленія Д. Т. С. А. Н. Оленина въ званіе Президента. Долгомъ считаю предварить, что всѣ свѣдѣнія, относящіеся непосредственно къ сему знаменитому заведенію, почерпнуты мною изъ *историческихъ* источниковъ, изъ *Отчета*, изданнаго Г. Президентомъ въ 1829 году, подъ заглавіемъ, выше приведеннымъ.

Сей отчетъ любопытенъ по двумъ причинамъ; изъ него мы видимъ, что сдѣлалъ Г. Президентъ для Изящныхъ Искуствъ, и что *желалъ бы* онъ сдѣлать. Про-

---

(*) And so sur scene must to the battle fly:
Where, o for pity! we shall much disgrace,
With four or five most vile and ragged foils,
(Right ill dispos'd, in brawl ridiculous),
The name of Azincourt. Yet sit and see,
Minding true things by what their mock'ries be.

King Henry V. Act. IV. Chorus.

(**) Совѣстно сказать публикѣ: *сидите и не смотрите*, а кажется, смыслъ тотъ.

пустимъ всѣ подробности и обратимъ вниманіе на финансовое положеніе Академіи.

Къ 1817 году, долговъ на Академіи накопилось до 280,995 руб. 29 коп.

Г. Президентъ исходатайствовалъ всю сумму на заплату сихъ долговъ. **Императоръ Александръ** сею истинно-Царскою щедротою вокресилъ разсадникъ Изящныхъ Искуствъ. Сей оборотъ дѣлъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ успѣховъ нашей Академіи.

Вторая причина неменѣе значительна и любопытна: Въ 1817 году вся экономическая денежная сумма, собственно Академіи принадлежавшая, состояла въ *семнадцати рубляхъ двадцати шести копѣйкахъ* (!).

Къ 1829 году сія сумма возрасла до *двухъ сотъ тысячъ рублей*.

Отсюда проистекаетъ движеніе, замѣченное въ нашей живописи. Сколько явилось молодыхъ Художниковъ, которыхъ поощренный талантъ уже принесъ плоды своему отечеству! сколько прекрасныхъ надеждъ въ будущности! Здѣсь можно сдѣлать справедливое замѣчаніе: для успѣха Академіи (какой бы ни было страны) необходимы знаменитые Артисты, которые умѣли бы развивать способности учениковъ; но симъ Профессорамъ необходимъ попечительный Начальникъ, который бы предоставлялъ имъ и физическія средства, безъ коихъ не можетъ быть никакого успѣха. Какъ бы ни были хороши пружины какой либо машины, но онѣ отъ времени ржавѣютъ; слѣдственно должно ихъ смазывать масломъ; иначе самая лучшая машина потеряетъ движеніе.

Но если необходимо смазывать пружины, еще необходимѣе смотрѣть за правильностію ихъ движенія; иначе движеніе ихъ не образуетъ ничего стройнаго, а масло даромъ прольется.

Во избѣжаніе зла, подобнаго тому, которое изъяснено въ семъ сравненіи, предприняты прекрасныя мѣры; мы упомянемъ о нѣкоторыхъ. Знаменитый Профессоръ живописи Шебуевъ, по предложенію Начальства сей Академіи, окончилъ полный курсъ Анатоміи для Художниковъ, содержащій въ себѣ болѣе ста рисунковъ. Сей курсъ Анатоміи, по мнѣнію знатоковъ-Артистовъ, составитъ эпоху въ Руской живописи. Почтенный Профессоръ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ безмолвномъ обществѣ скелетовъ; какъ Философъ-Артистъ, онъ наблюдалъ за безобразными останками своихъ ближнихъ, и силою генія изъ сухихъ костей мертвецовъ, извлекъ пользу для живыхъ людей. Сверхъ того, изготовляетъ онъ нѣсколько чертежей для первыхъ правилъ рисованія тѣла человѣческаго; чертежи сіи должны служить введеніемъ, или основною школою къ Анатомическому курсу.

Идеалъ Историческій господствуетъ въ нашемъ вѣкѣ; отъ Поэтовъ, отъ Живописцевъ, мы требуемъ изображенія того, *что было*; мы не позволяемъ искажать прошедшаго; такова современная наклонность. Г. Президентъ Академіи предполагаетъ составить планъ полнаго собранія костюмовъ, съ изображеніемъ въ очеркахъ разныхъ родовъ оружія, одѣянія, главныхъ обычаевъ и обрядовъ знаменитыхъ въ свѣтѣ народовъ. Сей подарокъ драгоцѣненъ и Живописцамъ, и Поэтамъ, и драматической нашей сценѣ, въ которой до сихъ поръ нерѣдко встрѣчается несообразность костюмовъ. Сверхъ сего онъ подготовилъ уже планы, фасады и разрѣзы многихъ старинныхъ нашихъ церквей, еще существующихъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Новѣгородѣ.

Трилунный.

СМѢСЬ.

Членъ здѣшняго Филармоническаго Общества, Г-нъ Фуксъ, издавшій *Практическое руководство къ сочиненію музыки* (*), написалъ *музыкальный гимнъ на Оду: Богъ*, соч. Державина. Сказываютъ, что музыкальный гимнъ сей будетъ данъ въ Великій постъ наступающаго года. Публика наша, услышавъ оный, оцѣнитъ, достойна ли музыка небесной поэзіи безсмертнаго нашего Лирика.

Литературная новость. Е. А. Баратынскій окончилъ и скоро напечатаетъ новый свой поэтическій романъ: *Наложница.* Романъ сей состоитъ въ 9-ти главахъ. Судя по отрывкамъ, мы полагаемъ, что онъ будетъ весьма занимателенъ новостію предмета, характерами и картинными положеніями дѣйствующихъ лицъ. О поэтическомъ и музыкальномъ достоинствѣ стиховъ Баратынскаго говорить было бы лишнее, или должно бъ было повторить то, что Пушкинъ сказалъ о другой его повѣсти:

«Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей, ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоилъ прямой Чухонецъ.

(*) См. Библіографію 61-го No Литер. Газеты.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Декабря 29-го дня 1830 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

Из фондов Российской государственной библиотеки

ПЯТНИЦА. ТОМЪ II, № 70. *ДЕКАБРЯ 12го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (во Вторникъ), — 7-го (въ Воскресенье), — 12-го (въ Пятницу), — 17-го (въ Среду) и 22-го (въ Понедѣльникъ).

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

(Изъ разсказовъ Путешественника).

(*Продолженіе.*)

»Между тѣмъ, борзый конь Ратмировъ грызъ удила и билъ копытомъ землю отъ нетерпѣнія. »Пора, пора, добрый мой товарищъ!« сказалъ будущій рыцарь. Любовники обнялись, — потомъ отошли другъ отъ друга — потомъ снова бросились другъ другу въ объятія — еще однажды; но за третьимъ разомъ, Ратмиръ поспѣшно вскочилъ на коня, протянулъ къ своей милой руку въ знакъ прощанія, и полетѣлъ стрѣлою вдоль по лѣсу; а Любуша осталась на мѣстѣ, смотря вслѣдъ за своимъ любезнымъ. Скоро онъ скрылся изъ глазъ, скоро и пыль улеглась за нимъ, но милая дѣва все еще стояла, все надѣялась еще хоть однажды увидѣть изъ-за деревьевъ бѣлыя перья его шлема, хоть услышать стукъ копытъ его коня.... Вдругъ кто-то схватилъ ее за плеча: Любуша вздрогнула, оглянулась — и увидѣла себя въ рукахъ страшнаго Мрачислава! Бѣдная Почебутова дочь вскрикнула и упала безъ чувствъ на землю; но звѣровидный исполинъ безъ всякой жалости схватилъ ее въ охапку, взбросилъ себѣ на плеча и понесъ ее, какъ носильщики таскаютъ мѣшки съ мукою. Радуясь своей добычѣ, хищникъ скорыми шагами пустился въ свой за̂мокъ и тамъ заперъ несчастную свою плѣнницу въ самой отдаленной и самой богатой комнатѣ, которую издавна уже, въ дерзкихъ мечтахъ своихъ, назначалъ ей жилищемъ. Черезъ нѣсколько времени, когда, по разчисленію Мрачислава, Любуша должна была очувствоваться, онъ вошелъ къ ней въ комнату, — и новый вопль дѣвы, и новое безпамятство ея были слѣдствіемъ этого вторичнаго посѣщенія. Но великанъ разсчитывалъ, что этому будетъ же когда-либо конецъ, и для того опять ее оставилъ одну. Въ третье свое посѣщеніе, онъ засталъ Любушу, сидѣвшую на постелѣ и горько плакавшую. Исполинъ почелъ за приличное придать самый умильный взоръ воловьимъ своимъ глазамъ, вызвать на лице свое какую-то гадкую и смѣшную ужимку, вмѣсто улыбки, и смягчить свой голосъ, который отъ того сдѣлался немного попріятнѣе медвѣжьяго рева. И вотъ что онъ сказалъ юной красавицѣ, послѣ всѣхъ сихъ усилій понравиться ей дикими своими приманками.

— »О чемъ ты плачешь, ясная моя звѣздочка? Здѣсь тебѣ ни въ чемъ не будетъ недостатка, а напротивъ того, все у тебя явится, чего ты ни пожелаешь. За̀мокъ мой просторенъ и крѣпокъ: есть гдѣ поразгуляться безъ всякой опасности. Нарядовъ у себя найдешь ты столько, что и внучкамъ твоимъ не износить ихъ; а для забавы, я наловилъ тебѣ въ лѣсу разныхъ пѣвчихъ птицъ и принесъ пару маленькихъ медвѣжатъ, которыхъ выучу я плясать и пѣть подъ мой голосъ. Здѣсь ты, послѣ меня, полная госпожа всему: только не старайся уйти, — и полюби меня..

— »Полюбить тебя! изверга, урода, который гаже всего на свѣтѣ!« вскрикнула Любуша и съ отчаянія бросилась нѣжными своими руками рвать рыжую бороду и царапать краснобурыя, скуластыя щеки великана.

— »О, такъ вотъ какова ты, голубушка!« взревѣлъ онъ страшнымъ своимъ голосомъ и сверкнувъ глазами, схватилъ бѣдную Любушу за обѣ руки и поднялъ ее на воздухъ, какъ перышко.

— »Убѣй меня, гнусное чудовище!« кричала ему Любуша задыхающимся голосомъ: »убѣй меня! лучше лежать въ землѣ, чѣмъ видѣть тебя поминутно и жить подъ одною кровлей съ тобою!

— »Вздоръ, моя красавица, я не убью тебя; а посажу въ другое жилье, гдѣ ты волею и неволею присмирѣешь. И не такія, какъ ты, дѣлались у меня ручными.« Послѣ сей рѣчи, Мрачиславъ отнесъ Любушу въ сѣверную башню, страшное жилище, освѣщенное однимъ только маленькимъ круглымъ окошкомъ, которое обращено было къ лѣсной тропинкѣ. Туда приносилъ онъ ей каждый день пищу, уговаривалъ ее смирится и все не терялъ звѣрской своей надежды, что наконецъ одиночество, скука и страданія склонятъ къ нему непреклонную красавицу. Здѣсь-то бѣдная Любуша отъ ранняго утра до поздней ночи сиживала подъ окномъ, мечтала о Ратомирѣ и свободѣ, смотрѣла безсмѣнно на тропинку и ждала со страхомъ и надеждой, что когда нибудь милый ея избавитель дознается о мѣстѣ ея заключенія и вырветъ ее изъ рукъ свирѣпаго Мрачислава. Такъ уплывали дни, недѣли, мѣсяцы — но не приходилъ милый избавитель!

»Между тѣмъ, въ замкѣ Почебутовомъ, въ день похищенія Любуши сдѣлалась ужасная тревога. Старый владѣлецъ замка, тщетно дожидавшись цѣлое утро своей дочери, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и самъ пошелъ въ ея комнату. Тамъ нашелъ онъ только маму ея, Кафку, которая заливалась слезами, и увидѣвъ своего господина, бросилась ему въ ноги и во всемъ призналась. Почебутъ закипѣлъ гнѣвомъ: тотчасъ велѣлъ запереть старую Кафку въ мрачную, подземную темницу, а стражей-измѣнниковъ повѣсить на воротахъ замка. Тогда же разослалъ онъ всѣхъ своихъ оруженосцевъ и конныхъ вассаловъ по всѣмъ дорогамъ, и самъ съ однимъ отрядомъ отправился по той дорогѣ, которая пролегала чрезъ рощу, гдѣ, по признанію Кафки, Любуша и Ратомиръ должны были свидѣться. Но прежде сего вошелъ онъ въ большую комнату замка, гдѣ за цѣлыми жареными баранами, за медвѣжьими и веприными окороками и за огромными ворохами разной дичи, пировали проѣзжіе рыцари и другіе гости Почебутовы, запивая сытные куски мяса виномъ и пивомъ изъ оправленныхъ въ серебро и золото бычачьихъ или турьихъ роговъ.

— „Храбрые Рыцари! дорогіе мои гости!« проговорилъ Почебутъ отрывистымъ голосомъ, торопливо входя въ комнату: »дочь моя похищена, и похититель ея — дерзкій Ратомиръ, бѣдный и безродный юноша, котораго я угощалъ и покоилъ въ своемъ замкѣ. Права гостепріимства нарушены; но преступникъ тяжкими мученіями поплатится мнѣ за свое безстыдство и неслыханную свою вину. — Тотъ изъ васъ, кто поймаетъ наглаго Ратомира съ преступною моею дочерью и приведетъ его ко мнѣ живаго, будетъ наслѣдникомъ всего моего имѣнія и.... и получитъ руку моей дочери.«

»Рыцари взглянулись между собою, иные даже сдѣлали какую-то двусмысленную ужимку, и хранили молчаніе. Почебутъ, не дождавшись отвѣта, вышелъ изъ комнаты, сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ любимымъ оруженосцемъ и отборными вассалами пустился во всю прыть изъ воротъ замка. По уходѣ его, между рыцарями поднялся тихій ропотъ, отъ котораго раздавался гулъ по всѣмъ угламъ; ропотъ сей скоро превратился въ шумъ и крикъ, въ громкія изъявленія досады и даже въ не совсѣмъ почтительныя выраженія на счетъ Любуши и Ратомира; самый старикъ Почебутъ не былъ пощаженъ за послабу, которую давалъ онъ своей дочери, вопреки тогдашнимъ обычаямъ. Всѣ рыцари кликали своихъ оруженосцевъ, приказывали имъ сѣдлать лошадей и готовиться къ отъѣзду, и чрезъ полчаса, замокъ опустѣлъ почти совершенно. Одни изъ Рыцарей по разнымъ дорогамъ погнались за Ратомиромъ, другіе, махнувъ рукою, пустились въ иныхъ мѣстахъ искать невѣстъ и роскошныхъ пировъ, и каждый изъ нихъ съ негодованіемъ ворчалъ себѣ подъ носъ.

»Поиски Почебутовы, его вассаловъ и усердныхъ рыцарей были напрасны: нигдѣ не открыли и слѣдовъ Ратомира, и ни отъ кого не могли узнать ни слова о Любушѣ; она какъ будто въ воду канула! Въ тоскѣ и досадѣ возвратился старый владѣлецъ въ свой замокъ, въ которомъ уже не нашелъ онъ веселыхъ гостей; ибо тѣ изъ рыцарей, кои не могли отыскать Любуши и мнимаго ея похитителя, не почли за нужное ѣхать обратно въ замокъ Почебутовъ съ порожними руками: ихъ не манила больше надежда обѣщанной награды. Молва о побѣгѣ Любуши скоро повсюду разсѣялась. Нѣсколько десятковъ постороннихъ людей: рыцарей, ихъ оруженосцевъ и другой челяди, которыхъ языковъ ничто не связывало — въ короткое время разнесли ее по всѣмъ концамъ Богеміи, даже и по другимъ сосѣднимъ областямъ. Дорога въ замокъ Почебутовъ какъ будто бы съ тѣхъ поръ заглохла для странствующихъ витязей. Черная грусть и неменѣе убійственная скука залегли въ сердцѣ стараго Почебута: съ горя и досады, вздумалъ онъ одинъ осушить весь тотъ запасъ вина и пива, который у него заготовленъ былъ для домашняго обихода и которымъ могъ бы онъ съ избыткомъ потчивать гостей своихъ круглый годъ или и больше: это привело его *ближе къ цѣли,* какъ говаривалъ одинъ Поэтъ, не помню какой страны. Скажу яснѣе: старый Почебутъ запивалъ свое горе до тѣхъ поръ, пока въ одинъ вечеръ запилъ его на цѣлую вѣчность, или снесъ на тотъ свѣтъ, чтобы тамъ его размыкать вмѣстѣ съ почтенными своими предками. Старика похоронили съ должною честью въ родовомъ подвалѣ, и тутъ добрые сосѣди и старинные пріятели впослѣдніе попировали въ замкѣ Почебута, совершая разгульную, шумную тризну по усопшемъ владѣльцѣ. Скоро сыскались два наслѣдника къ оставшемуся послѣ него замку и прочему имуществу: оба они предъявили права свои и доказывали близость родства своего съ покойникомъ не далѣе какъ въ двѣнадцатомъ колѣнѣ, и ни одинъ изъ нихъ не признавалъ другаго ни родней себѣ, ни наслѣдникомъ Почебутовымъ. Въ тогдашнія полудикія времена, такого рода тяжбы обыкновенно рѣшались силою оружія, и оба наслѣдника дрались въ нѣсколькихъ стычкахъ до послѣдней крайности, пока наконецъ, обезсилѣвъ сами отъ многихъ ранъ и разтерявъ почти всѣхъ своихъ вассаловъ, не вздумали мириться и полюбовно раздѣлить между собою зàмокъ. Но этотъ миръ былъ хуже всякой ссоры. Одинъ изъ новыхъ владѣльцевъ хотѣлъ отдѣлить стѣною свой участокъ зàмка, другой мѣшалъ ему въ томъ; а сей, съ досады, подкапывалъ и разбивалъ стѣны и строенія въ участкѣ своего противника, который платилъ ему тою же монетой. Кончили они тѣмъ, что сами разрушили свой зàмокъ, и перегрызлись, какъ пауки, на его развалинахъ. Такова была плачевная судьба древняго зàмка Почебутова! Стараніемъ послѣднихъ его владѣльцевъ изгладились даже и самые признаки того мѣста, гдѣ онъ когда-то возвышался; ибо разбитыя и подрытыя стѣны, рухнувъ, завалили рвы и сравняли ихъ съ окружною почвой. Время довершило остальное.

« Что же дѣлалъ въ это время юный Ратомиръ? Неужели въ самомъ дѣлѣ пропалъ онъ безъ вѣсти? Нѣтъ! будущій нашъ рыцарь, не подозрѣвая тѣхъ печальныхъ событій, которыя по отъѣздѣ его совершились въ зàмкѣ Почебутовомъ, скакалъ во весь опоръ за геройскими подвигами и славой. Въ немногіе дни, прибылъ онъ ко двору Клодовея и Клотильды, безъ дальнихъ приключеній. Я говорю: безъ дальнихъ приключеній, потому, что встрѣтившіяся съ нимъ на пути онъ не считалъ за важныя: онъ только разрубилъ мечемъ своимъ голову одному неуступчивому рыцарю, охранявшему какой-то мостъ и недававшему пропуска нашему страннику; столкнулъ въ глубокую пропасть другаго и съ конемъ его, за то, что сей неучтивецъ не хотѣлъ посторониться на узкой горной тропинкѣ, и разбилъ своей булавою ворота одного запустѣлаго зàмка, который показался ему очарованнымъ. По пословицѣ: *На ловца и звѣрь бѣжитъ* (*) — Ратомиръ нашелъ въ древней Лютеціи, или нынѣшнемъ Парижѣ, толпу славнѣйшихъ рыцарей изо всѣхъ концевъ Европы. Клодовей праздновалъ тогда счастливое разпространеніе своего Государства и правосудную свою жестокость, съ какою онъ своеручно разрубилъ топоромъ головы Принцевъ Ранакарія и Рикарія, ближнихъ своихъ родственниковъ, которые ни въ чемъ не были передъ нимъ виноваты, или покрайней мѣрѣ, вся вина ихъ состояла въ томъ, чѣмъ Лафонтеневъ волкъ обвинялъ ягненка. Въ ознаменованіе сей черты родственнаго правосудія, назначенъ былъ при дворѣ Французскомъ большой турниръ, и объявлено было чрезъ публичныхъ крикуновъ или герольдовъ, за неимѣніемъ въ то время газетъ, что всякій проѣзжій рыцарь могъ участвовать въ этомъ турнирѣ, не предъявляя своихъ правъ и не открывая своего герба и девиза. Можно вообразить, какъ обрадовался Ратомиръ такому объявленію. Въ день турнира, явился онъ у загородки, на ворономъ конѣ, въ черныхъ доспѣхахъ, со щитомъ, завѣшеннымъ черною тканью. Двѣнадцать самыхъ сильныхъ витязей были имъ вышибены изъ сѣдла, и герольды, а за ними народная толпа, громко провозгласили побѣдителемъ безвѣстнаго, чернаго рыцаря. Клодовей и Клотильда, сидя на возвышенныхъ, богато убранныхъ подмосткахъ, къ которымъ вели двадцать четыре ступени, приказали представить себѣ побѣдоноснаго незнакомца. «Кто ты таковъ, храбрый рыцарь, откуда ты и кто твоя дама?» ласково спросила у него Королева Клотильда. Тогда Ратомиръ, взошедъ на третью ступень, преклонилъ колѣна и уничиженно признался, что онъ еще не рыцарь и что у него не было дамы при дворѣ Французскомъ. « Такой отличный воинъ самъ начинаетъ свой родъ, и рыцарь по праву, если не по рожденію, « сказалъ ему Клодовей со всею любезностью Королей Французскихъ: « но я хочу возбудить зависть во всѣхъ другихъ Государяхъ, двоюродныхъ моихъ братьяхъ (*), тѣмъ, что я возвелъ въ рыцарское званіе достойнѣйшаго изъ современныхъ ратоборцевъ.» — При сихъ словахъ, Король, принявъ свой мечъ изъ рукъ оруженосца, ударилъ имъ Ратомира по плечу, потомъ далъ новому рыцарю поцѣлуй, чѣмъ и совершился весь обрядъ посвященія. Хроники не говорятъ, были ль въ этотъ день надѣты на Ратомира золотыя шпоры и кто ихъ надѣвалъ. Но о томъ, что слѣдовало за посвященіемъ его въ рыцарское званіе, о пирахъ, которые даны были при Французскомъ дворѣ послѣ турнира и на которыхъ Ратомиръ бралъ первенство надъ всѣми другими рыцарями, говорятъ онѣ подробно. Вотъ что я почитаю за нужное пересказать изъ нихъ вамъ, Милостивые Государи.

« Когда Ратомиръ, принявъ ударъ и поцѣлуй отъ Клодовея, всталъ на ноги, то Королева Клотильда сказала ему:

— «Ты объявилъ, рыцарь, что у тебя нѣтъ дамы. Теперь ты можешь выбрать ее изъ всѣхъ прекраснѣйшихъ дамъ, составляющихъ дворъ нашъ.

— «Извините меня, Государыня, « отвѣчалъ новый рыцарь: « я сказалъ только Вашему Величеству, что здѣсь у меня нѣтъ дамы. Но я ношу ее въ моемъ сердцѣ, а данную мнѣ отъ нея перевязь — у сердца. « Сказавъ сіе, онъ вынулъ изъ-подъ нагрудника перевязь Любуши и подалъ ее Королевѣ. Клотильда встала съ мѣста и Ратомиръ снова сталъ передъ нею на колѣна. Перевязь была на немъ повязана рукою самой Королевы, такъ,

---

(*) Разумѣется, что здѣсь Нѣмецъ мой сказалъ пословицу Нѣмецкую, которую осмѣлился я замѣнить этою Рускою по сходству значенія. *Примѣч. Рускаго разскащика.*

(*) Mes cousins. Такъ обыкновенно называли Французскіе Короли другихъ Христіанскихъ Государей.

что вышитый краснымъ шелкомъ девизъ: *Вѣрная любовь до гроба*, лежалъ у него съ праваго плеча черезъ всю грудь и оканчивался послѣднимъ словомъ надъ самымъ сердцемъ витязя. Ратомиръ съ изъявленіями самой искренней благодарности поцѣловалъ руку Клотильды, возложившую на него цвѣта и девизъ его любезной; и съ этой минуты, онъ сталъ дышать новою жизнію. Часть сладостнѣйшихъ его мечтаній и надеждъ исполнилась, — онъ былъ рыцаремъ!

(*Продолж. въ слѣд.* No.)

ВИДѢНІЕ.

A lei, che s'era lavata in alto di scendere, porgea
la mano allora. Di queste cose mi ricordo si bene,
che il concepirne dubbio sarebbe stoltezza. — T. T.

Такъ....это ты! — Знакомымъ выраженьемъ
Блеснулъ очамъ знакомый сердцу взоръ;
Но что жъ душа моя полна смущеньемъ,
Какъ будто бы прочелъ ей приговоръ
Недремлющій всѣхъ нашихъ дѣлъ свидѣтель?
Я не забылъ тебя. О! ты неразъ
Являлась мнѣ свѣтла, какъ добродѣтель
Раскаянью въ молитвы сладкій часъ!
Спаси, спаси! Не будь неумолима,
Сойди ко мнѣ съ небесъ — сердечный хладъ
Согрѣется дыханьемъ Серафима
И помыслы святые закипятъ!

Щастный.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

9. О театрѣ.

(*Продолженіе.*)

Далѣе: »Совершенно иное основаніе у романтическихъ »драматиковъ.« Какое же?» Ихъ чудесныя картины »были безконечно больше, нежели ихъ театральныя »средства къ видимому исполненію.« Это не основаніе; они такъ дѣлаютъ: видимъ; но почему и зачѣмъ? »Они »должны были вездѣ надѣяться на благосклонное воображеніе зрителей.« Отъ чего же должны были? развѣ такъ надѣялись, и не на воображеніе, а на невѣжество и неспособность судить (*); воображеніе скорѣе потребуетъ невозможнаго, нежели удовлетворится ни на что не похожимъ. И какія же это художественныя произведенія, которыя праведнаго суда не выдерживаютъ, а надо быть къ нимъ милостивымъ! »Могли »стало быть и въ этомъ случаѣ.« — Хороша логика! — »Безъ сомнѣнія смѣшно, когда горсть неловкихъ бой»цовъ въ бумажныхъ латахъ, нѣсколькими мечами, ко»торыми, какъ явно всѣ видятъ, они берегутся другъ »другу малѣйшую боль причинить, будто бы рѣшаютъ »судьбу могущественныхъ Государствъ.« — Зачѣмъ же выводить смѣшное, коли не на смѣхъ? »Но противная »крайность еще гораздо хуже. Если бы въ самомъ дѣ»лѣ удалось шумъ большаго сраженія, приступъ къ »крѣпости, и тому подобное, нѣсколько обманчиво »представить очамъ, то сила сихъ чувственныхъ впе»чатлѣній такъ велика, что они отнимутъ у зрите»ля способность вниманія, потребную для художествен»наго произведенія, и существенное подавится побоч»нымъ.« Замѣчаніе самое дѣльное и глубокомысленное, но какъ же быть? То смѣхъ, это грѣхъ: какъ избѣжать обоихъ? Я кромѣ благоразумнаго заключенія Грековъ: не выводить битвъ на театръ, ничего не придумаю; послушаемъ Шлегеля: »При всѣхъ вышеупомяну»тыхъ неудобствахъ, Шекспиръ и нѣкоторые Испанскіе »стихотворцы извлекли изъ непосредственнаго пред»ставленія на лицѣ войны такія великія красоты, что »я не могу желать, чтобы они отъ того воздержались.« Какія? смѣю спросить; по Шекспиру, это *жалость* и *шутовство*. Я даже не постигаю, что можетъ быть хорошаго: въ битвѣ (большой и малой) дѣйствуетъ тѣлесная сила; уму и душѣ въ ней дѣлать нечего, они свое сотворятъ все *до*, либо *по*; это же во всякомъ случаѣ лучше скрыть. И Шлегель совѣтуетъ скрыть большую часть; но чтобъ мы, такъ сказать, сокровенное видѣли, предлагаетъ то вдали, то вблизи Kriegsmusik и Waffengeklirr: какъ ему не стыдно! Какіе закулисные барабаны, трубы и литавры, какое бренчанье несмѣющихъ высунуться шпагъ, покажутся хоть кому нибудь за Бородинское побоище? Шекспиръ давно примѣтилъ, и сказалъ: ridiculous mockeries; а Шлегель нынче находитъ, что оно и хорошо и очень удобно: O for pity!

Но Шекспиръ приноситъ извиненіе не въ Азинкурской только битвѣ, а во всемъ представленіи событія слишкомъ пространнаго для узкой сцены; въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ сравниваетъ величіе Исторіи и ничтожность зрѣлища; не смѣетъ оправдываться; при-

---

(*) Vouchsafe to those that have not read the story
That I may prompt them; and to such as have,
I humble pray them to admit th'excuse
Of time, of numbers, and due course of things,
Which cannot in their huge and proper life
Be here presented. — *King Henry V. Act. V. Chorus.*

Видно, находилось нѣсколько зрителей ученыхъ: имъ шапку долой и низкій поклонъ; а массу надобно было еще всему учить. Которые же помогали Автору своимъ воображеніемъ? и какимъ образомъ? Съ высока ли позволяли дурачиться ради толпы безграмотной, или столько увлекались, что ничего въ очарованьи не примѣчали и забывали даже, что у нихъ передъ глазами? Шлегель большой насмѣшникъ.

знаетъ невозможность вмѣстить произшествія многихъ годовъ въ часъ времени; и въ дополненіе проситъ принять пояснительный Chorus (*) въ междудѣйствіяхъ; короче сказать, противорѣчитъ вполнѣ теоріи нынѣшнихъ его обожателей: кто изъ нихъ правъ? разсудите.

Кромѣ вещей, вовсе не помѣщающихся на сценѣ, и потому вездѣ и всегда простымъ разсудкомъ отвергаемыхъ, есть такія, которыя при большомъ стараньи могутъ кое-какъ втѣсниться, но почти равно противны чистому вкусу. Таковы, во многихъ Англійскихъ и Нѣмецкихъ трагедіяхъ, и въ бульварныхъ Парижскихъ мелодрамахъ, разныя длинныя процессіи: коронованія, похороны, въѣзды торжественные, посольскія аудіенціи, военныя эволюціи, и т. п. Всѣ сіи пышности нетолько безполезны (что всякой видитъ), но еще вредны; и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ лучше и блистательнѣе, ибо охлаждаютъ вниманіе къ дѣлу и обращаютъ его на пустяки. Предложите умному живописцу написать на картинѣ: Поклоненіе пастырей, либо Поклоненіе волхвовъ; онъ не колеблясь выберетъ первое, именно потому, что въ немъ нѣтъ ни золотыхъ сосудовъ, ни верблюдовъ, ни Арапченковъ; если же неволя ему этотъ сюжетъ обдѣлать, онъ поставитъ ихъ въ кучу, гдѣ нибудь вдали или въ углу, и вѣрно не вытянетъ длиннымъ рядомъ на показъ, отвлекая взоръ и чувство отъ главнаго: поклоненія Богу Младенцу.

Слыхалъ я, что на большихъ театрахъ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ, съ удивительнымъ великолѣпіемъ представляли вѣнчаніе Французскаго Короля въ Реймсѣ въ Шиллеровой *Орлеанской Дѣвѣ*, Германскій Сеймъ въ Вормсѣ въ Вернеромъ *Мартинѣ Лютерѣ* (Die Weihe der Kraft), и что выходитъ чудо. Врядъ ли? оно стоило дорого, и сдѣлано, какъ нельзя лучше; но все нехорошо. Рама сцены не раздвинулась, втолкали въ нее какихъ нибудь сто человѣкъ, и они все той же змѣйкой, съ права на лѣво и съ лѣва опять на право, промаршивали разъ десятокъ поперегъ театра, покуда наконецъ (вѣроятно не безъ приключеній, или хоть опасностей споткнуться и упасть, что всю церемонію испортитъ) каждый дошелъ въ свою очередь до плошекъ, пріосамился, на людей посмотрѣлъ и себя показалъ. Сколько было смѣху надъ Тредьяковскимъ, за то что въ *Деидамии* посланникъ Улиссъ является со всей помпой къ царю *Ликодему*, и впереди несутъ разные подарки, между прочимъ *преизрядные горшки съ цвѣтами и двѣ корзины фруктовъ, перекладенныхъ зелеными листочками!* а другихъ хвалятъ за то же и подражаютъ имъ! Горшки съ цвѣтами, трофеи изъ латъ, знамена, регаліи, колесницы, что всего хуже лошади, все это одного поля ягода, все ridiculous mock'ries; и когда на афишкѣ прочтешь: *съ великолѣпнымъ спектаклемъ*, смѣло бѣйся объ закладъ, что безъ хохоту вечеръ не пройдетъ.

Болѣе скажу: изъ того, что естественно входитъ въ драму, изъ дѣйствія, часто велитъ искуство ту либо другую часть не выводить на глаза. Всякое многолюдное собраніе, напримѣръ, всегда неловко, и рѣдко когда не смѣшно. Въ прошедшемъ столѣтіи отвѣдали жертвоприношеніе Ифигеніи представить въ лицахъ, и больно обожглись (*). Человѣкъ умный, теперь покойникъ, съ кѣмъ я бывалъ весьма коротокъ, но чьи понятія о Театрѣ во многомъ съ моими несходны, предлагалъ такую же поправку въ *Британникѣ*. »Какая бы сцена, когда Британникъ отравленный упадаетъ на ложе, Неронъ холоднокровно увѣряетъ, что »это ничего, и все собраніе въ волненіи!« Въ натурѣ весьма ужасная; съ хорошемъ разсказѣ, прозою Тацита, либо стихами Расина:

....Ses lèvres à peine en ont touché les bords....
Il tombe sur son lit sans chaleur et sans vie....
La moitié s'épouvante et sort avec des cris,
Mais ceux qui de la cour ont un plus long usage
Sur les yeux de César composent leur visage etc.

весьма разительная; въ сценическомъ подражаніи весьма негодная. Британникъ, издыхающій отъ крѣпкаго яда, зрѣлище нестерпимое, если сколько нибудь на правду похоже; холодное звѣрство Нерона также несносно, отъ него именно надобно бѣжать; что же выйдетъ изъ крика и толкотни гостей на сценѣ? кто будетъ ихъ представлять? послѣдняго разряда Актёры? Насмѣшатъ насъ первые сановники Рима, Государевы застольники; хорошіе? гдѣ ихъ набрать? возьмутся ли за нѣмыя роли? и хоть бы взялись, что они смогутъ выработать? хорошо ли каждый крикнетъ и

(*) Это вовсе не хоръ. Одинъ изъ Актёровъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ самъ Шекспиръ, передъ началомъ каждаго дѣйствія разсказываетъ зрителямъ вкратцѣ: что произошло безъ вѣдома ихъ, гдѣ теперь мѣсто дѣйствія, и куда оно послѣ перенесется, и пр. и пр. и пр. Правду сказать, оно въ такихъ пьесахъ необходимо; по разговору лицъ узнавать, гдѣ они сто разъ въ одинъ вечеръ, головоломная работа. Хорусы въ *Генрихѣ V*, особенно четвертаго дѣйствія, написаны съ отмѣннымъ тщаніемъ, и даже щегольствомъ.

(*) Диво, какъ всѣ умницы, поправляющіе Расина, вкупѣ отважны и неосмотрительны. Они увѣрили себя и другихъ, что Авторъ отъ того только не сдѣлалъ по ихъ, что въ его время и театръ былъ малъ и Актёры нехороши; но теперь, когда, благодаря имъ, все прекрасно, онъ бы непремѣнно согласился съ ихъ вкусомъ. Хоть бы они вспомнили, что Эврипидъ также удалилъ отъ глазъ катастрофу Ифигеніи, и сверхъ того Поликсены, Астіанакса, Пенѳея, Клитемнестры, и пр. Однако онъ работалъ для театра большаго, и охотникъ былъ (почти слишкомъ) до зрѣлищъ великолѣпныхъ; только зналъ силу.

убѣжитъ, либо опомнится и какъ ни въ чемъ небывало, примется опять кушать? Головой ручаюсь, что хоть бы двадцать Каратыгиныхъ создать и пустить на эту продѣлку, ничего не выйдетъ хорошаго, а можетъ быть еще хуже справятся они, чѣмъ двадцать статистовъ. (*)

Правило не окровавлять сцены, весьма справедливое, хотя конечно не безъ исключеній. Самоубійство отчаяннаго человѣка въ самомъ концѣ трагедіи не противно глазамъ; мы его видимъ

Lever les yeux au ciel, se frapper et tomber,

и тутъ же занавѣсъ скрываетъ его отъ насъ; остается впечатлѣніе грустное и задумчивое, безъ примѣси омерзенія либо насмѣшки. Но притворно убить другаго мудрено; и куда дѣвать трупъ? Читая нѣкоторыя Англійскія трагедіи, нескоро поймешь, когда и какъ успѣвали убирать съ театра множество мертвыхъ, развѣ сами потихоньку встанутъ и уйдутъ. Убійство, поддѣланное съ такимъ искуствомъ, какимъ бѣдный любовникъ Квитеріи въ *Донъ Кихотѣ* всѣхъ обморочилъ, шпага проткнутая насквозь, кровь текущая изъ широкой раны, было бы несносно въ трагедіи, гдѣ оно должно казаться не за хитрость, а за правду; обыкновенное же исполненіе нетолько не разительно, но даже уничтожаетъ всю важность дѣла. Чтобы доказать, сколько убійство, скрытое отъ зрителя, сильнѣе дѣйствуетъ на душу, я не имѣю нужды искать примѣровъ у Французкихъ трагиковъ (**), всегда избѣгавшихъ очевидной рѣзни; я сошлюсь на самого Шекспира, и спрошу: изо всѣхъ смертей въ его трагедіяхъ, которая большимъ и лучшимъ ужасомъ поражаетъ? Дунканова въ *Макбетѣ*, безспорно; отъ чего? отъ того именно, что мы, не встрѣтивъ ничего, разрушающаго обманъ, видѣвъ только мрачныя приготовленія убійцъ, и по совершеніи зла ихъ неистовую смуту, а прочихъ лицъ изумленіе, невольно вѣримъ всему.

Многія пантомимы на сценѣ неудачны. Въ Англійскомъ театрѣ я не бывалъ, а Нѣмецкіе Актёры (гдѣ ни случалось мнѣ ихъ видѣть) такъ въ трагедіи дурны, что на нихъ въ семъ случаѣ указывать грѣшно; и такъ мои замѣчанія ограничатся Французскою сценой. Вѣруя въ Аристотеля и въ Плутарха, знатоковъ крайне сомнительныхъ, многіе пустились на возобновленіе прославленнаго ими театральнаго пораженія, когда старикъ пѣстунъ останавливаетъ руку Меропы, занесшей смертельный ударъ на сына, ею за убійцу почитаемаго. Какъ оно было исполнено у Эврипида, неизвѣстно; но у новѣйшихъ подражателей (*) отнюдь не восхитительно. Всѣ знаютъ, что старикъ нарочно умеръ, чтобъ въ пору воротиться, никому не страшно, робѣютъ двое: Актриса, что старикъ замѣшкается въ кулиссахъ, и надо стоять съ поднятымъ ножемъ, или кликнуть; да Актёръ, что если онъ рано выбѣжитъ, и Актриса не готова, придется хоть назадъ воротиться (**).

Легко бы мнѣ многими примѣрами подкрѣпить свое мнѣніе, если бъ не боялся, распространясь объ одномъ, забыть - другое. Множество декорацій, нужное для драмъ школы, называемой не знаю почему романтическою, вещь не менѣе вредная искуству. Въ дѣтствѣ онаго добродушные, неизбалованные зрители безъ нихъ обходились; имъ скажутъ: «Вотъ небо, вотъ море, вотъ цѣпь горъ: знайте»; они отвѣчаютъ про себя: «слушаю-съ». Шлегель изъявляетъ сожалѣніе, что золотой вѣкъ прошелъ, почти какъ нынѣшніе Іезуиты воздыхаютъ о невозвратныхъ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ; но чѣмъ пособить? cet heureux temps n'est plus. Зрители требуютъ декорацій, Дирекція должна разоряться; это бы еще не бѣда наша, заботься она доставать тысячи и тьмы, гдѣ знаетъ, лишь бы намъ было весело; но худо, что этого нѣтъ, и быть не мо-

---

(*) Слѣдующій анекдотъ, слышанный мною отъ Е. И. Колосовой, которую безъ рѣчей всѣ конечно слышали, подкрѣпитъ мое мнѣніе. Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда фигуранты и фигурантки здѣшней балетной труппы худо еще были приготовлены, приказано было въ балетахъ, представляемыхъ въ Эрмитажѣ, замѣнить ихъ лучшими Актёрами балетными. На слѣдующій разъ всѣ первые сюжеты, въ томъ числѣ и Г-жа Колосова, стали въ corps de ballet; но отъ непривычки, очутились такъ не на своемъ мѣстѣ, рисовались то слишкомъ, то не вдоволь, и все такъ не кстати и неловко, что всѣ разсмѣялись, и велѣно было балетамъ опять итти по прежнему.

(**) Нужнымъ считаю однажды навсегда, объявить, что подъ симъ именемъ разумѣю исключительно Стихотворцевъ времени Людовика XIV, и весьма немногихъ ихъ послѣдователей. Вольтеръ и его школа могутъ защищать свои coups de théâtre, и полюбовно или à coups de poignard развѣдываться съ Романтиками, сами.

(*) Я ихъ знаю цѣлыхъ шесть: Лашапель въ *Телефонтѣ*, Лагранжъ въ *Амазисѣ*, Метастазіо въ *Кирѣ*, Мафеи, Вольтеръ и Альфіери въ трехъ *Меропахъ*. У каждаго по своему, а чье хуже, не смѣю рѣшить.

(**) Какъ бы ни вышло, всегда аплодируютъ; большая часть отъ того, что имъ все хорошо, нѣкоторые, чтобъ молчаньемъ въ рѣшительную минуту не огорчить Актёровъ, иные изъ предубѣжденья, что хоть сего дня не удалось, а эфектъ прекрасный. Нѣтъ ли еще причины? Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: Весталку ли вытаскиваютъ изъ-подъ земли, Виргинію ли со дна морскаго, вдову ли Малабарскую изъ костра пылающаго, театръ зальется рукоплесканьемъ; всякой хочетъ показать, что онъ имѣетъ сердце, страдалъ съ невинными, и въ восторгѣ отъ ихъ чудеснаго избавленія. Послѣ онъ же готовъ смѣяться, но въ тотъ мигъ право какъ-то забылся; притомъ блѣдное лице, разпущенные волосы и пр....какъ его не извинить?

жетъ. Всякая перемѣна декораціи по свистку или колокольчику, производитъ хоть на мигъ пренепріятное впечатлѣніе; а если кулисса входящая задѣнетъ ретирующуюся, если придется кому изъ недѣйствующихъ лицъ появиться и разпутывать, невольная насмѣшка изгоняетъ все участіе, какое прежде могло родиться. Сверхъ того, какъ поступать со столами, стульями, и т. п., наполнявшими комнату, изъ которой вдругъ дѣлается лѣсъ? ихъ поневолѣ надо убрать, вынести; всѣмъ посѣтителямъ театра извѣстно, какъ это всегда ловко и красиво бываетъ. О скучной необходимости снова разсказывать: какой это лѣсъ или чей домъ, я уже упоминалъ; и какая же существенная выгода, какое лишнее удовольствіе вознаграждаетъ насъ за всю эту скуку, пестроту и путаницу? Не знаю и не придумаю.

Перемѣны въ антрактахъ дѣло другое; коль скоро дѣйствіе на время пресѣклось, зритель естественно переходитъ отъ вниманія къ размышленію, спущеніе занавѣса позволяетъ переиначить сцену спокойно, и при поднятіи его также удобно воображенію перенестись въ новое мѣсто, какъ было сначала въ какое нибудь; знакомить съ нимъ все таки нужно, но покрайней мѣрѣ пять разъ, а не пятьдесятъ: въ этомъ большая разница. Во Франціи Расинъ подалъ первый извѣстный примѣръ такой вольности въ *Эсѳири*; мы видимъ изъ Эсхиловой *Орестіи*, что древніе Греки творили то же въ своихъ трилогіяхъ; и суетное педантство было бы осуждать перемѣну мѣста по частямъ или актамъ драмы, когда дѣйствіе оной необходимо того требуетъ; но справедливо и то, что дѣйствіе, безпрерывно и постоянно отъ начала до конца въ глазахъ зрителя совершающееся, должно (предполагая равную степень достоинства впрочемъ) сильнѣйшее оставить впечатлѣніе, и болѣе заворожить ни на мигъ не развлеченнаго зрителя. Перемѣна же мѣста безъ нужды и причины, есть недостатокъ искусства, истинная погрѣшность (*).

Множество лицъ также дурно, какъ и множество мѣстъ. Либо они не привлекутъ вниманія, и безполезны, либо развлекутъ его, и вредны. Невозможность найти довольно актёровъ для представленія всѣхъ съ нѣкоторой пристойностью, слишкомъ ощутительна. Я увѣренъ про себя, что въ старину Англійскаго театра одинъ и тотъ же человѣкъ, въ одной и той же пьесѣ, выходилъ то тѣмъ, то другимъ; въ нашихъ балетахъ оно и нынѣ водится, но кто же вытерпитъ это въ драмѣ серіозной?

Обратимся теперь къ противоположной системѣ, принятой послѣ Италіянцевъ Французами, и разсмотримъ, такъ ли она дурна, какъ съ недавней поры увѣряютъ. Я сказалъ уже, отъ чего естественнымъ образомъ ввелось у нихъ единство времени и мѣста; отъ той же причины послѣдовало и ограниченное число лицъ дѣйствующихъ, и отстраненіе всякаго лишняго народа. Неумолимый Шлегель во первыхъ напалъ за выборъ для сцены внутренней залы. «У древнихъ,« пишетъ онъ, «происходило все на открытомъ мѣстѣ,« положимъ; но не отъ того ли, что ихъ большіе театры, гдѣ играли середь бѣла дня, были безъ кровли? Не самъ ли Шлегель признается въ семъ обстоятельствѣ, по случаю новой комедіи Грековъ, и даже винитъ подражателей за необдуманное сохраненіе обычая, поневолѣ условнаго? Въ хорошихъ домахъ Царей Ироическаго времени былъ и дворъ, окруженный столбами, съ алтаремъ посрединѣ, и крытая зала подлѣ двора; это ясно въ *Одиссеѣ*, гдѣ большая часть дѣйствія происходитъ въ залѣ и меньшая на дворѣ. Не властенъ ли Трагикъ, по удобству средствъ, выбрать любое изъ двухъ? есть ли хоть малая существенная разница въ томъ, что Эврипидову Федру выносятъ изъ спальни на дворъ, а у Расиновой подкосились ноги еще въ залѣ? Какое отъ этого вліяніе на чувства и рѣчи? Какая педантическая и недобросовѣстная придирка! Притомъ, неужели на Французскомъ театрѣ однихъ Грековъ выводили? Гдѣ же бесѣдовали высокаго званія люди другихъ народовъ, какъ не въ чертогахъ своихъ? Азіятскіе Цари рѣдко и выходили изъ нихъ; Вольтеру предоставлено было заставить Семирамиду шататься по площади. Выборъ чертога имѣетъ еще то важное преимущество, что тутъ, не измѣняя правдоподобію, видимъ мы только тѣхъ людей, кого намъ видѣть хочется и надобно; на площади же всегда удивимся, вмѣстѣ съ Шлегелемъ, отъ чего не видать постороннихъ. Онъ замѣчаетъ это по случаю *Виргиніи* Альфіеріевой, и *замѣтьте*, вслѣдъ за похвалою, что дѣйствіе въ Форумѣ Римскомъ: противорѣчіе нестерпимое. Какъ же бы Трагикъ оживилъ Форумъ? неужели, какъ въ нашихъ интермедіяхъ, пропускать безпрестанно черезъ сцену разносчиковъ и шатуновъ? То худо, это и подавно: стало, мѣсто выбрано дурно, и Критикъ неправъ либо въ похвалѣ, либо въ осужденіи, коли не въ обоихъ разомъ.

(*Продолженіе въ слѣдующ.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

SCÈNES DE LA VIE PRIVÉE, publiées par M. Balzac, auteur du Dernier Chouan, ou la

---

(*) Зачѣмъ, напримѣръ, въ Озерова *Эдипѣ во Аѳинахъ* не соблюдено единство мѣста, какое въ Софокловомъ? Не лучше ли бы по всему, чтобы скиталецъ, богами приведенный на покой въ рощу благихъ къ нему богинь, въ ней успокоился?

Bretagne en 1800 (*Сцены изъ жизни частной,* изданныя Г-мъ Бальзакомъ и пр.) — 2 тома. Парижъ, 1830 (въ 1-мъ томѣ VIII — 399, во 2-мъ 378 стран. въ 8-ю д. л.)

Цѣль, изъясненная Авторомъ въ его предисловіи, была та, чтобы доставить взрослымъ дѣвицамъ чтеніе занимательное и наставительное. Для сего обращается онъ къ матерямъ семействъ съ доводами, что дочери ихъ должны заранѣе учиться обязанностямъ будущаго ихъ состоянія: супруги и женщины, поставленной въ свѣтѣ. Ученіе сіе предполагаетъ онъ представить въ примѣрахъ, разсказанныхъ въ нѣсколькихъ повѣстяхъ или, какъ онъ называетъ, *сценахъ.* Сихъ сценъ помѣщено, въ двухъ томахъ его книги, шесть. Вотъ ихъ заглавія: La Vendetta, Les dangers de l'inconduite, Le bal de Sceaux, Gloire et malheur, La femme vertueuse, La paix du ménage. О созданіи всѣхъ этихъ повѣстей скажемъ, что Авторъ умѣетъ завлечь вниманіе читателей вступленіемъ и нѣкоторыми подробностями; но, такъ сказать, худо сводитъ концы съ началомъ. Видны недостатки молодаго Писателя, слабо обдумывающаго свои планы, и теряющаго терпѣніе въ продолженіе разсказа. Лучшія, по нашему мнѣнію, изъ повѣстей его слѣдующія: *Месть* (La vendetta), *Добродѣтельная женщина* и *Миръ семейственный.* Въ концѣ втораго тома, Авторъ помѣстилъ нѣчто въ родѣ эпилога, давъ ему скромное названіе: note. Здѣсь находимъ мы какъ бы признаніе его въ тѣхъ недостаткахъ, кои замѣтили мы выше. Вотъ слова Сочинителя: «Отличи«тельный признакъ таланта состоитъ безспорно въ «изобрѣтеніи. Но нынѣ, когда всѣ возможныя сообра«женія, кажется, уже изчерпаны, когда всѣ положенія «жизни изтощены, когда невозможное даже было извѣ«дано, Авторъ твердо увѣренъ, что однѣ только по«дробности будутъ впредь составлять собою досто«инство сочиненій, неправильно называемыхъ *романа«ми.*» Далѣе: «Онъ думаетъ, что предпринимать изо«браженіе эпохъ историческихъ и забавляться пріи«скиваніемъ новыхъ басней, значитъ придавать болѣе «важности рамѣ, нежели картинѣ. Онъ будетъ удив«ляться тѣмъ, кои успѣютъ совокупить оба помяну«тыя выше достоинства, и отъ души желаетъ имъ «чаще въ томъ успѣвать.» *Изд.*

РУСКІЯ КНИГИ.

Чертополохъ, карманная книжица для любителей и любительницъ Галаматьи на XIX столѣтіе. — С. П. б. 1830 (46 стран. въ 16-ю д. л. (*)

Нѣкто *любитель Галиматьи* набралъ тамъ и сямъ рукописнаго и печатнаго вздору, и тиснулъ его, вѣроятно, для собственной пользы и употребленія. Другой цѣли изданія сей книжицы мы не можемъ отгадать: люди образованные не станутъ терять даже и немногихъ минутъ на прочтеніе оной; а тѣ, которые ищутъ просто посмѣяться, съ первыхъ страницъ увидятъ, что они крайно обманулись, и вѣрно не поблагодарятъ собирателя. Впрочемъ, и собраніе очень неполно: въ него можно бы вставить цѣлыя тирады изъ повѣсти: *Тысяча вторая ночь,* помѣщенной въ Невскомъ Альманахѣ 1827 года, какъ образчики юморическихъ (или по правописанію одного изъ Рускихъ Журналистовъ, *уморическихъ*) попытокъ самого Издателя.

Ев. Сырниковъ.

СМѢСЬ.

Спѣшимъ увѣдомить читателей о появленіи весьма замѣчательной книги: *Логика, выбранная изъ Клейна Александромъ Галичемъ.* Прод. въ книж. магазинѣ Смирдина. Цѣна 3 руб.

Въ томъ же магазинѣ принимается подписка на новый романъ: *Послѣдній Новикъ, или завоеваніе Лифляндіи въ Царствованіе* Петра Великаго, *соч. И. Лажечникова.* 4 ч. съ 4-мя картинками. Подписная цѣна 20 р., съ пересылкою 22 р. — Судя ю заглавію, романъ сей долженъ быть историческій. Желаемъ совершеннаго успѣха Сочинителю, и пріятнаго подарка его читателямъ. *Изд.*

(*) Продается у Смирдина и Слѣнина, по 1 р. 60 к. за экземпл.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 13-го дня 1831 года. Цензоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

СРЕДА. ТОМЪ II, № 71. ДЕКАБРЯ 17го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разноской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (во Вторникъ), — 7-го (въ Воскресенье), — 12-го (въ Пятницу), — 17-го (въ Середу) и 22-го (въ Понедѣльникъ).

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

(Изъ разсказовъ Путешественника).

(*Продолженіе.*)

»Отпировавъ при дворѣ Клодовеевомъ и пріобрѣтя себѣ общую любовь и уваженіе отъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ двора сего, Ратомиръ откланялся Королю и Королевѣ и пустился за поискомъ приключеній. Два года странствовалъ онъ по Франціи, Испаніи, Италіи, Нѣмецкимъ землямъ, Литвѣ и Польшѣ, и вездѣ оставлялъ по себѣ неизгладимые слѣды славныхъ подвиговъ, вездѣ являлся бичемъ злыхъ и защитникомъ угнетенной невинности. Наконецъ онъ вспомнилъ, что время его опыта уже кончилось, что онъ уже довольно наполнилъ свѣтъ молвою своего имени, и что тамъ, за дальними горами Богеміи, ждала его милая, вѣрная Любуша; ибо онъ твердо вѣровалъ въ ея постоянство и ему никакъ не приходило въ голову, чтобъ она могла измѣнить ему и передать другому свою руку и сердце. Ратомиръ немедленно поскакалъ туда, куда влекли его сильное чувство любви и воображеніе, разпалившееся отъ одного воспоминанія о прелестяхъ Любуши. Въ немногіе дни, былъ уже онъ у предѣловъ Богеміи; до замка Почебутова оставался ему только одинъ рыцарскій переѣздъ. Вы знаете, почтенные мои слушатели, что у древнихъ рыцарей было и здоровье желѣзное, какъ латы, шлемы и прочіе доспѣхи, въ которые они были закованы; вы знаете, что всѣ они, отъ Амадиса Гальскаго до Донъ-Кихота Ла-Манчскаго включительно, могли скакать нѣсколько дней и ночей сряду безъ отдыха, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни жажды, ни всѣхъ подобныхъ слабостей, которымъ нынѣ подвержены мы, хилые выродки тогдашняго крѣпкотѣлаго человѣчества. Кони рыцарей были такъ же безъустальны, какъ сами всадники, и питались по большей части воздухомъ. Жаль, что совсѣмъ истребилась сія превосходная порода коней, отмѣнно рослыхъ, сильныхъ, быстрыхъ, неутомимыхъ, одаренныхъ почти человѣческимъ умомъ, а что всего лучше, столь неубыточныхъ для прокормленія! Не говорю уже, что нѣкоторые избранные изъ числа рыцарей носились на Ипогрифахъ, на Рабиканахъ, воздушныхъ коняхъ; но гдѣ теперь найти такихъ лошадей, какъ Златогривъ, Баярдъ и кобылица Альфана? Что передъ ними Тромпетеры и всѣ другіе Англійскіе скакуны? что ихъ мѣрный, чопорный галопъ передъ буйнымъ, огненнымъ бѣгомъ коня рыцарскихъ временъ? все равно, что полетъ мухи передъ полетомъ горнаго вихря. Таковъ былъ конь и нашего Ратомира: мудрено ли, что онъ проскакалъ въ три или четыре дня такое пространство, какое нынѣ самый проворный кабинетскій курьеръ не проскачетъ и въ двѣ недѣли, особливо по Нѣмецкимъ почтовымъ дорогамъ.

«Не утомленіе, не зной солнечный и не простонародныя докуки голода и жажды пріостановили быстрый бѣгъ нашего витязя: нѣтъ! онъ въ мысляхъ припоминалъ всѣ свои приключенія, всѣ свои подвиги, чтобы дать въ нихъ полный отчетъ старому гордецу Почебуту, когда станетъ у него требовать руки его дочери; и для того ѣхалъ тихою ступью по одной пріятной лѣсной дорожкѣ въ Силезіи. Въ памяти его оживлялись черты всѣхъ красавицъ, которыхъ встрѣчалъ онъ по свѣту, освобождалъ отъ злыхъ похитителей или оказывалъ имъ помощь и услугу въ разныхъ случаяхъ. Ратомиръ мысленно сравнивалъ ихъ прелести съ прелестями Любуши; и, сказать ли правду? сіи сравненія не всегда были въ пользу его милой. Вдругъ онъ послышалъ за собою конскій топотъ; оглянулся и увидѣлъ: на статномъ, бѣломъ конѣ ѣхала женщина, которой легкій, стройный станъ прекрасно рисовался на лазури окружавшаго воздуха. Невольно рыцарь затянулъ поводъ своего коня и незнакомка скоро съ нимъ поравнялась, сопровождаемая толпою хорошо вооруженныхъ людей, и, какъ замѣтно было, ея вассаловъ.

—»Добрый путь, пригожій рыцарь!» сказала незнакомая путешественница съ такимъ взоромъ и улыбкой, которые растопили бы вѣчные льды Гренландіи. Рыцарь взглянулъ на нее — и онѣмѣлъ отъ изумленія. Ея лице, цвѣтущее юностью, полнотою здравія и самою приманчивою свѣжестью; правильность, соразмѣрность каждой черты, плѣняющія и удивляющія въ цѣломъ, какъ высокій идеалъ всего прекраснаго; ея большіе, голубые глаза, свѣтившіеся тихимъ огнемъ чувства и переливавшіе живительную свою теплоту въ душу всякаго, кто смотрѣлъ на нихъ; ея бѣлокурые, подобные тончайшему льну волосы, упадавшіе локонами изъ-подъ головнаго убора и вившіеся, какъ легкій дымъ, по плечамъ красавицы.... Словомъ, въ ней было все то, что Винкельманъ высказалъ намъ о превосходнѣйшихъ древнихъ статуяхъ Греческихъ богинь, или что молодые наши Поэты говорятъ намъ о мечтательныхъ дѣвахъ любви, предметахъ юной ихъ страсти. Долго Ратомиръ не могъ опомниться и отвѣчать на ласковый привѣтъ плѣнительной незнакомки; наконецъ онъ собрался съ духомъ, проговорилъ почти несвязное, но пламенное изъявленіе благодарности, и пожиралъ глазами черты лица красавицы, которыя, какъ волшебный талисманъ, приковывали къ себѣ его взоръ и всѣ силы душевныя. Можетъ быть и воображеніе нашего рыцаря, уже прежде подготовленное мечтами о красотѣ другихъ женщинъ, довершило очарованіе; но господство Любуши въ сердцѣ его сдѣлалось съ этой поры весьма и весьма шатко.

—«День очень жарокъ!« сказала черезъ нѣсколько минутъ незнакомка, которая, какъ видно, скучала безмолвіемъ новаго своего спутника и думала, что съ нимъ разговоръ должно начинать обыкновеннымъ приступомъ о погодѣ. »Вы, рыцарь, конечно проѣхали сегодня большое разстояніе и чувствуете необходимость отдохнуть и подкрѣпить себя пищею?

—»Мнѣ должно отдохнуть только отъ тревоги, которую поселяли во мнѣ прелестные ваши взоры,« отвѣчалъ Ратомиръ, у коего языкъ вдругъ развязался; »а силы мои подкрѣпляются тѣмъ живительнымъ участіемъ, котораго вы меня удостоиваете.«

Незнакомка улыбнулась снова плѣнительною своею улыбкой и молвила: »Я не знала до сихъ поръ за собою такихъ противоположныхъ способностей — сѣять тревогу глазами и подкрѣплять силы языкомъ въ одно и то же время.

—»Можетъ быть, вы не знаете или не хотите знать силы вашихъ прелестей,« со вздохомъ сказалъ Ратомиръ; »но тотъ, надъ кѣмъ онѣ испытываютъ волшебное свое дѣйствіе, узнаетъ ее тяжкимъ для сердца своего опытомъ.

—»Ахъ, если этотъ опытъ столько тяжелъ, то не смотрите на меня, рыцарь; или лучше я сама опущу покрывало на лице свое.

—»Это бы значило то же, что порадовать дневнымъ свѣтомъ прозрѣвшаго слѣпца, и снова ослѣпить его.

—»Вы шутите, рыцарь. Мнѣ кажется, что первый мой взглядъ произвелъ въ васъ совсѣмъ не такое сильное впечатлѣніе, какъ вы стараетесь меня увѣрить.

—»Развѣ можно увѣрять въ томъ, чего не чувствуешь?... Нѣтъ! такое разногласіе словъ и сердца мнѣ вовсе незнакомо. Я могъ вамъ показаться нѣмымъ, потому что не вдругъ отвѣчалъ на первые ваши слова; но глаза мои вѣрно краснорѣчивѣе передали вамъ то, что происходило въ душѣ моей.

—»Можетъ быть; я согласна вѣрить вамъ на слово, рыцарь, хотя, признаюсь, сама того не замѣтила. Я часто бываю крайне разсѣяна и худо понимаю языкъ взоровъ, ибо никогда почти не смотрю въ глаза тому, съ кѣмъ говорю. Но мы слишкомъ далеко отбились отъ того, что подало поводъ къ этому разговору. Я хотѣла предложить вамъ, рыцарь, остановиться здѣсь на часъ и дать отдыхъ нашимъ конямъ, между тѣмъ какъ сами мы и провожатые мои, освѣжимся въ тѣни этихъ деревьевъ отъ палящаго зноя. Надѣюсь, вы не откажетесь также отвѣдать дорожныхъ моихъ припасовъ.«

»На что не согласился бы Ратомиръ, чтобы продлить встрѣчу свою съ очаровательною незнакомкой! Въ эту минуту подъѣзжали они къ пріятной лужайкѣ, разстилавшейся муравчатымъ ковромъ подъ тѣнью густыхъ липъ, которыя были тогда въ полномъ цвѣту и разливали въ воздухѣ сладостный свой запахъ. Ратомиръ мигомъ соскочилъ съ коня, подалъ руку незнакомкѣ и тихо спустилъ ее на землю. Суетливые прислужники ея тотчасъ приготовили для нихъ сытный обѣдъ, и рыцарь ѣлъ и пилъ тѣмъ охотнѣе, что прекрасная его спутница угощала его весьма старательно и сама подавала ему хорошій примѣръ для подражанія.

«Въ продолженіе обѣда, незнакомка еще болѣе обворожила рыцаря. Любезность, умъ, непритворное чувство и непринужденная веселость, попеременно и свободно блистали въ ея рѣчахъ и отсвѣчивались въ ея взорахъ и выраженіи лица. Сими быстрыми переходами отъ одного впечатлѣнія къ другому, сею неожиданною мѣною разнообразныхъ ощущеній, она искусно опутывала сердце рыцаря и налагала на него розовыя цѣпи. Каждое движеніе красавицы имѣло необыкновенную прелесть и благородство въ глазахъ изумленнаго Ратомира, который забылъ все минувшее, утратилъ всякую мысль о будущемъ и наслаждался только настоящею минутой, не вникая въ самого себя и едва смутно постигая, что съ нимъ происходило.

«По желанію прекрасной незнакомки, рыцарь открылъ ей свое имя. «А, такъ вы-то Ратомиръ, рыцарь чернаго щита?« сказала она съ выраженіемъ удовольствія. «Спрашивая васъ объ имени, я хотѣла вмѣстѣ просить васъ, разсказать мнѣ ваши приключенія. Теперь вижу, что сія просьба была бы излишняя: громкая молва давно уже разнесла повсюду вѣсть о вашихъ подвигахъ. Но вы также имѣете право спросить, кто такова нескромная и любопытная незнакомка, разъѣзжающая по дорогамъ и своенравно вступившая въ разговоръ съ проѣзжимъ рыцаремъ, который безъ того, можетъ быть, не обратилъ бы на нее вниманія? Вижу, что вы только изъ вѣжливости не хотѣли мнѣ съ самаго начала сдѣлать сей вопросъ; но я сама, изъ благодарности за вниманіе ваше къ слабой, неопытной дѣвушкѣ, должна предупредить ваше желаніе. Имя мое Владимила; я дочь Косябы, богатаго и знатнаго владѣльца въ Богеміи, по ту сторону Судетскихъ горъ. Отецъ мой уже около года боленъ тяжкою немощью, отъ которой отнялись у него руки и ноги. Всѣ пособія врачей, всѣ таинственныя знанія чародѣевъ оставались тщетными; наконецъ я узнала, что въ здѣшнихъ мѣстахъ, на границѣ Силезіи, живетъ одинъ мудрый волхвъ, искусный въ леченіи всѣхъ болѣзней, отъ которыхъ страждетъ человѣчество. Я знала всю опасность сего пути, знала, что тамъ, на высочайшихъ горахъ Судетскаго хребта, обитаетъ страшный исполинъ Мрачиславъ, прослывшій болѣе всего притѣснителемъ нашего пола; и для того не рѣшилась откровенно проситься у моего родителя: онъ навѣрное отказалъ бы мнѣ. Но я положила у себя на сердцѣ, непремѣнно самой ѣхать къ волхву, и купить у него, во что бы ни стало, изцѣленіе отцу моему. Я употребила хитрость, — и, признаюсь, для пользы добраго моего отца, я обманула его: выпросилась къ одной родственницѣ, живущей въ недальнемъ отъ насъ разстояніи; а чтобы не подать подозрѣнія о настоящемъ моемъ намѣреніи, взяла съ собою не весьма многочисленную свиту проводниковъ. Но я поплатилась сильнымъ страхомъ за мою отважность, проѣзжая мимо вершинъ Судетскаго хребта, хотя, къ счастію, поѣздъ нашъ не былъ замѣченъ великаномъ: мнѣ поминутно казалось, будто бы Мрачиславъ гонится за нами; каждый высокій пень сломленнаго вѣтромъ дерева пугалъ меня. Не смотря на то, мы благополучно проѣхали Судеты; я отыскала почтеннаго волхва, жителя уединенной долины; онъ дѣлалъ заклинанія, далъ мнѣ талисманъ и увѣрилъ меня, что по пріѣздѣ моемъ въ замокъ, я найду родителя моего совершенно здоровымъ. Я спрашивала его о возвратномъ пути своемъ, и онъ въ загадочномъ своемъ отвѣтѣ сказалъ мнѣ, что черный щитъ прикроетъ меня отъ всякихъ бѣдъ, и....

— «И что же, прекрасная Владимила?« вскричалъ нетерпѣливый Ратомиръ.

— «Остальнаго я не разслушала или не поняла,« отвѣчала Владимила, покраснѣвъ и потупя глаза въ землю.« Я сказала уже вамъ, рыцарь, что отвѣтъ волхва былъ загадочный.... Теперь отъ васъ зависитъ,« примолвила она, взглянувъ на Ратомира съ умильною улыбкой, «оправдать предсказаніе волхва о черномъ щитѣ....«

«Само по себѣ разумѣется, что Ратомиръ не дѣлалъ на это возраженій: какъ могъ онъ итти противъ рѣшенія могущаго чародѣя, котораго почиталъ заложникомъ самихъ судебъ? Онъ даже охотно вызвался проводить прелестную свою спутницу до замка ея отца, и оттуда уже возвратиться къ жилищу Любуши, къ которой, какъ честный и благородный рыцарь, онъ все еще упорно хотѣлъ хранить вѣрность, на зло прорицаніямъ волхва и силѣ прелестей Владимилиныхъ. Переѣздъ ихъ черезъ горы Судетскія совершился безъ всякихъ приключеній: видно, Мрачиславъ тогда или спалъ, или занятъ былъ другимъ дѣломъ; или довольный прежнею своею добычею, не искалъ больше новыхъ. Наконецъ, рыцарь и прекрасная спутница его пріѣхали въ замокъ Косябы, гдѣ Владимила, къ неописанной своей радости, нашла родителя своего совершенно изцѣлившимся, съ тою бодростію и крѣпостью силъ, какими обладаетъ человѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ, наслаждающійся полнымъ своимъ здоровьемъ и никогда не испытавшій сильныхъ потрясеній. Владимила въ восторгѣ упала въ объятія своего отца; радостныя слезы, какъ чистая роса, заблистали на длинныхъ ея ресницахъ. Косяба не зналъ еще причины скораго, нечаяннаго своего изцѣленія и приписывалъ его чуду; но Владимила во всемъ ему призналась и разсказавъ всѣ подробности своего путешествія, представила ему Ратомира, какъ защитника и хранителя своего въ продолженіе пути. При имени Ратомира, Косяба изъявилъ искренніе знаки удовольствія, что ему представился случай узнать столь знаменитаго рыцаря, и просилъ его продлить сколько можно свое пребываніе въ замкѣ, который, по словамъ отца Владимилы, долженъ былъ гордиться и славиться присутствіемъ такого дорогаго гостя.

— «Чѣмъ же я отплачу тебѣ за всѣ нѣжныя твои обо мнѣ попеченія, милая, безцѣнная моя дочь?« говорилъ Косяба, прижавъ снова Владимилу къ своему сердцу. «Ты принесла мнѣ такую жертву, на которую немногія изъ твоего пола могли бы отважиться. Я и теперь еще трепещу, воображая опасности, которымъ ты подвергалась для того, чтобы возвратить здоровье твоему отцу. Требуй отъ меня какого хочешь воздаянія и вѣрь, что все, чего бы ты ни потребовала, будетъ еще слабою отплатою за сдѣланное для меня тобою.

— «Прійдетъ время, родитель мой, когда я, можетъ быть, напомню тебѣ о милостивомъ твоемъ обѣщаніи;« сказала Владимила — и легкая краска пробѣжала по прелестному лицу ея. «Теперь же, не проглядывая въ даль будущаго, позволь мнѣ наслаждаться нынѣшнимъ моимъ блаженствомъ, когда вижу, что здоровье снова тебя лелѣетъ въ живительныхъ своихъ объятіяхъ.

— «Будь по твоему желанію. Но я хочу праздновать сегодня три радости, которыми небо меня ущедрило: благополучное твое возвращеніе, пріѣздъ красы и чести всего рыцарства въ мой замокъ и вмѣстѣ избавленіе мое отъ тяжкой и долговременной болѣзни.« Сказалъ — и по слову его гонцы полетѣли во всѣ окружные замки и по всѣмъ большимъ дорогамъ, зазывать сосѣднихъ владѣльцевъ и странствующихъ рыцарей. Пиръ зашумѣлъ въ огромномъ замкѣ богатаго Косябы; толпы владѣльцевъ, прекраснѣйшихъ женщинъ и юныхъ, цвѣтущихъ дѣвъ, рыцарей, ихъ оруженосцевъ и разныхъ прислужниковъ, скоро наполнили и оживили веселымъ говоромъ своды сего зданія, которое не задолго предъ тѣмъ вмѣщало въ себѣ только молчаливый одръ болѣзни и унылыхъ вассаловъ больнаго владѣльца. Но кто между всѣми прелестными женами и дочерьми владѣльцевъ блистаетъ, какъ яркая планета между другими свѣтилами ночи? Кто затмѣваетъ красоту прекраснѣйшихъ? Это юная Владимила. Кого всѣ рыцари признаютъ славой и украшеніемъ своего званія, кто собираетъ искреннюю и единодушную дань удивленія и почестей? Это храбрый Ратомиръ. Общій шопотъ гостей уже назначилъ ихъ другъ для друга, и Ратомиръ подмѣтилъ взгляды, сопровождавшіе сей шопотъ и слѣдившіе въ одно время за нимъ и Владимилой. И вовсе не самолюбивый человѣкъ догадался бы, о чемъ шло дѣло; а нашъ Ратомиръ, какъ и мы его знаемъ, не былъ чуждъ самолюбія. Этотъ шопотъ, эти украдкой бросаемые взгляды общества наполняли его сердце жаромъ какой-то гордой надежды, и больше и больше туманили въ его памяти образъ Любуши.

(*Оконч. въ слѣд.* No.)

КЪ ЮНОСТИ.

О, юность! ты, какъ сновидѣнье,
Летишь — и призракомъ маня,
Лишь оставляешь сожалѣнье
Въ замѣнъ утраты бытія!

Ты цвѣтомъ радуги рисуешь
Все то, что ждетъ насъ впереди,
И мощной силою волнуешь
Всѣ страсти въ молодой груди.

Но ты пройдешь, и жаръ остынетъ!
И старость, хладною рукой,
Завѣсу съ прошлаго подыметъ
И поглядишь съ улыбкой злой:

Туманной прежняго картины
Угрюмый взоръ не разглядитъ,
И каждый шагъ твой, безъ причины,
Разсудокъ хладный очернитъ!....

Ип. Подшиваловъ.

ЛОГОГРИФЪ.

(*К. З. А. В.*)

Земля въ ногахъ у всѣхъ, вы согласитесь сами,
Окромѣ развѣ тѣхъ, что ходятъ вверхъ ногами,
Иль тѣхъ, что странствуютъ на пѣнистыхъ волнахъ.
Еще забылъ и тѣхъ, что доктору въ угоду
Принуждены поставить ноги въ воду.
А у меня земля напротивъ въ головахъ,
Земля полночная, изъ пасмурнаго края,
Хоть землю и люблю полуденнаго рая,
Гдѣ вѣетъ на меня съ небесной синевы
Дыханье теплое безоблачнаго Мая.
Прочь голову съ меня отнимете ли вы?
И тутъ отрубокъ мой исполненъ головы,
Да и такой еще, какихъ немного нынѣ.
Безъ головы и съ головой,
Равно озарена я Фебовой звѣздой,
Равно принадлежу я чистыхъ Музъ святынѣ
Иль жертвой древнею, иль жрицей молодой.
Я вся ли на лицѣ: тогда, будь умникъ скромный,
Будь пылкій вѣтреникъ, будь опытный старикъ,
Но голову свернуть имъ трудъ мнѣ невеликъ.
А безголовная, на трудъ головоломный
Былъ часто призванъ мной лѣнивый ученикъ,
Котораго неразъ я ставила въ тупикъ.
Еще есть часть во мнѣ, знакомая Поэтамъ:
Переносясь мечтой къ счастливымъ этимъ лѣтамъ,
Когда весь пышный міръ поэзіи былъ храмъ,
А прозы на землѣ и не было въ поминѣ,
Когда не родился еще и самъ Адамъ,
А здравствовалъ Амуръ, уже покойникъ нынѣ,
И матушки его блаженствовали дни
(Во царствіи своемъ Зевесъ ихъ помяни!),
Вы вспомните легко о тяжбѣ знаменитой,
Рѣшенной безъ труда извѣстнымъ волокитой.
Но если бъ я въ числѣ судимыхъ лицъ была,
Другой бы оборотъ всѣ приняли дѣла:
Принудила бы я, для прекращенья спора,
Согласья яблокомъ быть яблоку *раздора*.
Гармоніей, души орудьемъ симъ святымъ,
Была бъ побѣждена враждующая сила
И голосъ судіи я голосомъ своимъ
Легко бы подкупила.

Из фонда Российской национальной библиотеки

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

---

9. О театрѣ.

(*Продолженіе.*)

Шлегель утверждаетъ, что коль скоро дѣйствіе во дворцѣ, все выйдетъ по обычаю двора. Вопросъ: какого? если того, который представленъ намъ, тѣмъ лучше. Въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ Расина, въ *Британникѣ*, *Баязетѣ*, *Эсѳири*, мѣстность доведена точно до возможнаго совершенства; положимъ, оно не вездѣ такъ, часто лица, вопреки именамъ своимъ, сбиваются на Французскихъ придворныхъ Лудовика XIV, это погрѣшность, порокъ; но онъ происходитъ не отъ единства или выбора мѣста, а отъ того, что Авторъ либо не смогъ дойти до совершенной вѣрности, либо пожертвовалъ ею вкусу публики и разсчетамъ успѣха. Забавно, что Французовъ винятъ въ примѣси, особенно къ ироическимъ временамъ, Версальскаго быта, если и чопорнаго, покрайней мѣрѣ пристойнаго и благороднаго, и какъ будто не видятъ, что такъ называемые романтики во сто разъ менѣе сохраняютъ сходство, и вмѣсто древнихъ Грековъ и Римлянъ, выводятъ то щекотливыхъ съ равными и безмолвныхъ передъ Монархомъ воиновъ Карла V, то забіякъ Лондонскаго гостинаго двора съ ихъ шутками и прибаутками, то полупедантическихъ и полуфанатическихъ студентовъ Іенскихъ и Гётингенскихъ. Въ изображеніи новыхъ народовъ то же самое; Сисмонди признается, что вся Сѣверная Европа для Испанскихъ Авторовъ неоткрытая земля; у Шекспира жители юга всѣ напитаны ростбифомъ и пудингомъ; и даже ученые Нѣмцы, современники наши, не могутъ похвалиться ни одною драмой, гдѣ бы краска времени и мѣста была точно на лицѣ дѣйствующихъ Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Рускихъ, и проч. Стало, не система та или другая, не форма выбранная по произволу Писателей или зрителей, виною въ семъ важномъ недостаткѣ, и всякой чувствующій его воленъ остеречься и схватить сходство, коли онъ имѣетъ даръ, избравъ какъ ему угодно, покрой Шекспира или Расина, Альфіерія или Шиллера. Изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ трагедій, ни въ одной не соблюдены правила единства мѣста и времени съ бо́льшею точностію, какъ въ *Гоѳоліи*, и въ ней же нѣтъ ничего Французскаго, все дышитъ древнимъ Іерусалимомъ; кто мѣшаетъ, оставя дурное безъ подражанія, послѣдовать примѣру хорошаго, и стараться даже его превзойти?

Привязчивый Шлегель не прощаетъ Французамъ ни обыкновеннаго раздѣленія ихъ трагедій на пять дѣйствій; онъ забываетъ, во-первыхъ, что и Англичане и Нѣмцы по большей части держатся того же обычая; во-вторыхъ, что Французы писали нерѣдко трагедіи въ трехъ дѣйствіяхъ. Выборъ числа нечетомъ не совсѣмъ безъ основанія: коль скоро въ драмѣ есть остановки, естественное чувство требуетъ, чтобъ какая нибудь часть, и почти всегда та, гдѣ въ дѣйствіи переломъ, находилась въ самой серединѣ, на три либо на пять все раздѣлится само собою; большее число, семь или девять, вышло бы слишкомъ пестро. Греки сначала имѣли трилогіи, Испанцы пишутъ драмы въ трехъ частяхъ, называемыхъ *днями*, и признаюсь, по мнѣ сіе число лучше тѣмъ, что проще; но иное содержаніе требуетъ чаще остановокъ. Вообще сіе обстоятельство маловажно; только врядъ ли предложеніе дѣлить на четыре, будетъ когда-либо принято Художниками опытными и знающими свое дѣло.

Достойнѣйшая вниманія разница двухъ нынѣ состязающихся системъ, есть смѣшеніе важнаго и смѣшнаго въ одной, рѣзкое раздѣленіе ихъ въ другой. Защитники трагикомическаго долго опирались на то, что въ самомъ дѣлѣ часто смѣхъ и горе въ одно время бываютъ; имъ давно возразили, что искуство не обязано списывать съ натуры цѣликомъ, что оно въ правѣ откидывать лишнее, и должно удовлетворять жаркое чувство изящнаго, а не холодныя изслѣдованія любопытства. Самъ Шлегель принужденъ прибѣгать къ инымъ началамъ; онъ утверждаетъ, что сосѣдство низкаго усиливаетъ впечатлѣніе высокаго; можетъ быть, иногда; но гораздо чаще вредитъ ему, и за примѣрами дѣло не станетъ. Древніе не шутили въ трагедіяхъ, и Шлегель ихъ хвалитъ; зачѣмъ же новымъ онъ совѣтуетъ противное? Правду сказать, единственно за тѣмъ, чтобъ не допустить нареканія на Шекспира. Испанцы вообще шутятъ мало; у нихъ одно только лице, рѣдко связанное съ дѣйствіемъ, такъ называемый Gracioso, острится слегка, чтобы зрителямъ безпрестанная серіозность не наскучила; сіе лице условное, какъ Греческій хоръ, съ той разницей, что тотъ прерывалъ разговоръ лицъ и ходъ драмы важными и глубокими поученіями, а этотъ шутливыми замѣчаніями, почти какъ субретки въ нѣкоторыхъ Французскихъ комедіяхъ. Сей обычай, какъ видно всѣмъ, нимало не сходенъ съ Шекспировымъ, который Шлегель и по его слѣдамъ многіе выдаютъ за образецъ. Впрочемъ, ему мало подражаютъ; самые Нѣмцы несравненно въ семъ случаѣ воздержнѣе: они допускаютъ въ трагедіяхъ шутки тамъ только, гдѣ онѣ кажутся имъ натуральными, и крайне остерегаются ихъ въ сильныхъ и жалостныхъ явленіяхъ. Въ содержаніи истинно-трагическомъ, я не знаю, кому и надъ чѣмъ забавляться; но въ содержаніяхъ полу-трагическихъ, безъ сомнѣнія можетъ быть дѣло перемѣшано съ бездѣльемъ; только искуство потребно, чтобы переходы отъ одного къ другому, и въ дѣйствіи и въ разговорѣ, были непримѣтны, чтобы не было непріятныхъ скачковъ, чтобы, такъ сказать, слезы не изсыхали въ глазахъ, пока уста смѣются. То ли, я спрашиваю, во многихъ Шекспировыхъ пьесахъ, гдѣ иногда двѣ половины, благородная и каррикатурная, почти безъ связи между собою, гдѣ можно любую пропустить въ чтеніи или выкинуть въ представленіи, не задѣвая другой, гдѣ послѣ сильнѣйшихъ впечатлѣній ужаса и жалости безстыдно появляются пошлыя гаерства и питейныя поговорки? Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ виноватъ единственно вкусъ буйной, необразованной черни, наполнявшей театръ во время Шекспира; ей только обязанъ былъ Поэтъ угождать такимъ безобразнымъ смѣшеніемъ; ее, можетъ быть, опасался онъ зрѣлищемъ, слишкомъ постоянно трагическимъ, обмануть до желанья защитить страждущую невинность, поколотивъ злодѣевъ Актёровъ, или что еще накладнѣе, отвадить отъ посѣщеній театра, гдѣ все такъ грустно и страшно; ей утѣшно было послѣ сильнаго потрясенія нахохотаться отъ подкачельныхъ bons mots или добродушной потасовки. Приготовленія Короля Генриха V къ Азинкурскому бою, его твердость и скромность, мужество и упованье въ Бога, нравились избраннымъ; John-Bull скучалъ, зѣвалъ, и только тогда оживился, какъ Пистоль притащилъ плѣннаго Француза. Я не смѣю осуждать Автора, принужденнаго обстоятельствами тѣшить невѣждъ; но желаю знать: съ чего нынѣшніе судьи требуютъ того же? развѣ съ того, чтобъ ихъ тѣшили?

Новомодное гоненіе на Французскій театръ не пощадило даже стихосложенія онаго; со всѣхъ сторонъ со всеусердіемъ нападаютъ на александрины. На Англійскомъ языкѣ, какъ и на Итальянскомъ, ихъ не способно употреблять, за недостаткомъ окончаній мужескихъ и женскихъ въ довольномъ количествѣ, для необходимаго въ семъ размѣрѣ сочетанія; на Нѣмецкомъ нѣтъ хорошихъ александриновъ, вѣроятно отъ того, что лучшіе Стихотворцы въ нихъ не упражнялись; но какой же поводъ намъ, имѣющимъ уже множество превосходныхъ, и полную возможность творить еще больше и лучше, покидать ихъ? выгодно ли ихъ замѣнять пятистопные ямбы, тѣмъ паче, коли ихъ станутъ писать, какъ иные дѣлаютъ, безъ рифмы и цезуры? Вольные стихи, легкостью удобные для комедіи, не сбиваются ли въ трагедіи на прозу? Спросите у хорошихъ Актёровъ: который размѣръ выгоднѣе прочихъ для декламаціи, для сильнаго и разительнаго языка чувствъ и страстей? они дадутъ отвѣтъ; но то и худо, что неумѣющіе одной тирады прочесть вслухъ, вызываются учить, что слѣпые судятъ о краскахъ.

Не должно забывать и сокровенной причины ненависти къ александринамъ, любви къ стихамъ по Нѣмецкой выкройкѣ и къ вольнымъ: ими легче писать; сотни двѣ-три сихъ поспѣютъ прежде одного десятка тѣхъ упрямыхъ: кому охота за нихъ стоять? Шлегель зналъ, чѣмъ приманить, повторяя неразъ въ своей книгѣ, что въ одолѣніи трудности онъ не видитъ достоинства. Вольно ему не видать, что всѣмъ очевидно, что искони признано, и не въ художествахъ только, но и во всемъ вещественномъ, нравственномъ и гражданскомъ мірѣ; сила, добродѣтель, умъ измѣряются трудностью подвиговъ, пожертвованій и препятствій: отъ того и рѣдки и чтимы. Не будь труда въ достиженіи хорошаго, оно было бы доступно для всѣхъ и вниманія бы не заслуживало. Надобно бѣлый свѣтъ пересоздать, чтобы оправдались парадоксы новыхъ Эстетиковъ.

Врагъ непримиримый всѣхъ пристрастныхъ и одностороннихъ сужденій, я старался обличить неправоту нынѣ господствующихъ, отнюдь не съ намѣреніемъ ввести вмѣсто ихъ противныя, да и только; всѣ исключительныя системы вредны, во всѣхъ формахъ условныхъ можетъ жить красота неизмѣнная. Предметъ искуствъ вообще: человѣкъ; драматическаго въ особенности: человѣкъ въ дѣйствіи. Кто съумѣетъ пружины сего дѣйствія, нравы, чувства и страсти, изобразить вѣрно, сильно и горячо, заслужитъ похвалу знающихъ, отдѣльно отъ принятаго имъ по мѣстному обычаю или произвольному выбору костюма; симъ-то достоинствомъ равно стяжали безсмертіе и Софоклъ и Шекспиръ и Расинъ. Нужно прибавить однако, что желающій творить въ благороднѣйшемъ изъ родовъ драматическихъ, въ коемъ потребны, сверхъ вѣрности и живости изображенія, еще высокость и красота самаго предмета, долженъ непремѣнно не отступать отъ источниковъ, изъ коихъ единственно красота и высокость проистекаютъ: единства и простоты. Убѣдясь въ сей истинѣ, каждый по своему вкусу и по оцѣнкѣ приличій, изберетъ уже выгоднѣйшую для достиженія цѣли форму. Безъ сомнѣнія, не вознаградится онъ за трудъ свой, во время пресыщенное, и болѣе прихотливое, болѣе надменное, нежели образованное и свѣдущее, такимъ успѣхомъ, какой бы доставило ему твореніе нелѣпое, уродливое, даже безсмысленное, лишь бы въ пору выпущенное; его не прозовутъ геніемъ; но драма его останется въ уваженіи лучшемъ, и долѣе.

Послѣ истинной трагедіи, тѣмъ высшей, чѣмъ вывыводимыя въ ней лица ближе къ идеальной высотѣ, благороднѣйшій родъ театральный есть *траги-комедія*. Сіе имя, часто употребляемое въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и весьма приличное тѣмъ по большей части изъ повѣстей среднихъ вѣковъ заимствованнымъ пьесамъ, въ которыхъ необходима смѣсь плачевнаго и смѣшнаго, избраннаго и пошлаго, поэзіи и прозы, нынѣче почти откинуто; а произведенія въ семъ родѣ, щедро пожалованы Критиками въ трагедіи, что крайне выгодно для Софистовъ-спорщиковъ. Лишнее, кажется и доказывать, что творение искусства, изображающее высочайшій идеалъ человѣчества, живѣйшую поэзію бытія, и другое, по неизмѣнному свойству сводящее сіи изящные предметы съ низкими и противоположными, не должны носить одно названіе, если мы ищемъ въ выраженіяхъ ясности и точности: ласточка, быстро вьющаясь надъ водой и полями, не то, что орелъ, тихимъ движеніемъ крылъ подымающійся за облака. Къ роду траги-комедій принадлежатъ многія изъ лучшихъ сочиненій Шекспира. Кто хочетъ писать въ немъ, долженъ особенно пещись о гармоническомъ сліяніи двухъ стихій сопротивныхъ, о непримѣтномъ переходѣ изъ одной въ другую, иногда о сближеніи ихъ въ рѣзкомъ отличіи; но такъ, чтобы впечатлѣніе отъ нихъ было одно: въ самомъ сложномъ родѣ необходимо единство. Не смѣю рѣшить вопроса: могутъ ли сіи траги-комедіи быть написаны стихами и прозой поперемѣнно? Если принять за правило, что слогъ не только внутреннимъ значеніемъ словъ, но даже наружнымъ видомъ долженъ выражать свойство дѣйствія или лицъ, такая смѣсь прозы и стиховъ покажется тутъ должною и похвальною. Но крайняя осторожность потребна и рѣдкое искуство, чтобы не вышло пестроты и разноголосицы.

Собственно именуемыя *драмы*, появились наиболѣе въ прошедшемъ столѣтіи, и вновѣ пропасть шуму надѣлали. Кто не умѣлъ писать въ родѣ высшемъ, доказывалъ ясно, что этотъ лучше гораздо; особенно гордились тѣ, кто не имѣя дара стиховъ, писали прозою, Дидеротъ во Франціи и Лессингъ въ Германіи. Любопытно видѣть, съ какой увѣренностью въ себѣ, съ какимъ пренебреженіемъ ко всему, что было до нихъ, какъ повелительно къ читателю, они излагаютъ свою ошибочную теорію, плодъ надменнаго желанія прослыть великими, и невольнаго, раздражительнаго чувства своей малости. Всего хуже то, что публика, какъ обыкновенно водится, была на ихъ сторонѣ; теорія ихъ, драмы ихъ, слава ихъ, все это давно приказало кланяться; но примѣръ успѣшнаго нахальства живъ, и подражателей ему при другихъ теоріяхъ и новыхъ затѣяхъ всегда довольно. Ультра-классики со своей стороны, основываясь на закоренѣлыхъ привычкахъ, хотѣли запретить драму, звали ее уродомъ, ублюдкомъ: напрасно; хорошая драма есть картина, списанная съ натуры, весьма чувство увлекающее изображеніе бѣдствій, случающихся съ людьми средняго быта: это родъ низшій выборомъ предметовъ: его не надо возносить до небесъ, и изгонять не за что. Стихи и проза равно приличны драмѣ; тонкій, вѣрный взглядъ въ свойство содержанія можетъ только рѣшить выборъ Автора и одобреніе Критика; но я бы совѣтовалъ чаще держаться стиховъ. Сей родъ по естеству уже слишкомъ клонится къ прозѣ, его не худо разговоромъ нѣсколько поэтическимъ поднять отъ земли: ибо нѣтъ ничего скучнѣе длинныхъ жалобъ, поученій, декламацій, и всѣхъ драмныхъ lieux communs, на языкѣ обыкновенномъ, ничѣмъ не облагороживающемъ сихъ вялыхъ, а иногда дерзкихъ со сцены проповѣдей.

Такъ называемая во Франціи *мелодрама* не должна почитаться за нѣчто особое; это просто дурная драма, съ примѣсью невѣроятностей, пошлыхъ ужасовъ, и т. п. Она въ отношеніи къ хорошей натуральной драмѣ, что трагедія Дюбелуа къ Расиновой; объ ней можно одно сказать Писателямъ: не пишите.

Драма пастушеская, сельская, процвѣтавшая нѣкогда въ Италіи, теперь къ сожалѣнію заброшена. Можетъ быть, опасаются лишней сладости, наводящей скуку; но зачѣмъ и послѣдовать Итальянцамъ въ ихъ порокахъ? Зачѣмъ плестись по слѣдамъ ихъ въ какую-то небывалую, сахарную Аркадію? Легко найти въ преданіяхъ древняго міра истинныхъ пастырей, соединяющихъ простоту съ величіемъ; лучшіе люди первыхъ временъ были пастыри и селяне, и вкупѣ съ симъ Цари и родоначальники племенъ. Исторія и Миѳологія представляютъ тьмочисленное множество лицъ и событій, ожидающихъ прилежнаго и искуснаго художника. Съ ними выйдетъ родъ сей непремѣнно похожъ на *сатиры* Аѳинскаго Театра, покрайней мѣрѣ съ идеальной стороны; ибо неблагопристойности Греческихъ полуживотныхъ также мало нужды повторять, какъ и приторности Итальянскихъ Аминтовъ и Миртиловъ. Нужно ли напоминать, что драма, поэтическая основою и званіемъ лицъ, не можетъ обойтись безъ стиховъ?

(*Окончаніе въ слѣдующ.* No.)

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Историческія записки, содержащія въ себѣ повѣствованіе о знаменитѣйшихъ произшествіяхъ, случившихся въ царствованіе пяти Государей, какъ то: Іоанна Васильевича Грознаго, сына его Ѳеодора Іоанновича, Бориса Ѳеодоровича Годунова, Лжедимитрія и Василья Ивановича Шуйскаго, начиная съ 1590 по 14 Сентября 1606 года; съ присовокупленіемъ описанія нравовъ и обычаевъ Двора Россійскаго и нравовъ народа въ то время. Сочиненныя очевидцемъ Маржеретомъ. Переводъ съ Французскаго. — М.

1830. въ типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. (218 стр. въ 12-ю д. л.)

Кто бы догадался, что подъ симъ длиннымъ заглавіемъ появляется новый переводъ Маржеретовой книги: Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie, etc.; книги, которой первый переводъ, весьма хорошій, вѣрный и основательно дополненный примѣчаніями Переводчика (Г-на Н. У—а), появился за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ въ С. Петербургѣ? — Въ новомъ, т. е. Московскомъ переводѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ достоинствъ, коими отличается переводъ Г. У—ва. Съ первой страницы, съ первыхъ строкъ уже начинаются противосмыслія сказаніямъ Автора и продолжаются во всей книгѣ. Московскій переводчикъ Маржерета часто не понималъ Французскаго текста и передавалъ его какъ попало, на авось. О слогѣ его и говорить нечего: такимъ слогомъ простительно еще подрядчикамъ и поставщикамъ *книжнаго ума* переводить романы Августа Лафонтена, для пользы и удовольствія невзыскательныхъ любителей чтенія въ отдаленныхъ провинціяхъ; но пусть излишне смѣлыя и неискусныя руки оставятъ въ покоѣ книги важныя, какъ то: историческіе матеріялы и т. п. Здѣсь недовольно еще знанія языковъ Рускаго и иностраннаго, на которомъ написанъ подлинникъ, — знанія, коего отсутствіе такъ явно выказывается въ нѣкоторыхъ дюжинныхъ Московскихъ переводахъ; здѣсь требуется гораздо болѣе: историческихъ свѣдѣній и здравой критики, условій, безъ которыхъ и хорошій переводъ подобной книги былъ бы еще не совсѣмъ удовлетворителенъ. *Изд.*

СМѢСЬ.

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина принимается подписка на книгу: *Донъ Кихотъ Ламанхскій, сочиненіе Серванта, перев. съ Французскаго С. де Шаплетъ*; 6 ч. съ картин., въ 18-ю д. л. Цѣна 15 р., съ пересылкою 18 р. — У насъ есть уже очень хорошій переводъ сего романа, съ Французскаго, напечатанный двумя изданіями въ 1805 и 1815 годахъ. Въ слабомъ и отчасти переиначенномъ Донъ-Кихотѣ Флоріанова перевода, В. А. Жуковскій весьма счастливо угадалъ духъ подлиннаго произведенія Сервантеса (*), и передалъ его живымъ, прекраснымъ слогомъ. Рускіе должны быть благодарны Жуковскому за то, что онъ познакомилъ ихъ съ героемъ Ламанчскихъ съ весьма выгодной стороны. Была и другая попытка преложенія этого романа: Осиповъ, Авторъ Энеиды на изнанку, напечаталъ 2 тома переведеннаго имъ Д. Кихота. Мы помнимъ еще одинъ старинный переводъ, то же съ Французскаго, изданный въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія. Сего и довольно было, чтобы сообщить Рускимъ читателямъ вѣрное понятіе о несравненномъ романѣ Испанскомъ: ибо чего инаго можно требовать отъ перевода съ перевода? Въ наше время, при нынѣшнемъ разпространеніи у насъ языковъ чужеземныхъ, мы уже въ правѣ ожидать вѣрнаго и хорошаго преложенія Донъ-Кихота съ Испанскаго языка. Новый переводъ онаго съ Французскаго перевода, какъ бы ни былъ хорошъ сей послѣдній, есть уже роскошь излишняя. Скажемъ въ совершенной увѣренности, что Рускій языкъ, по духу своему, богатству оборотовъ и гибкости, гораздо ближе къ Испанскому языку, нежели Французскій, не смотря на явное сродство сихъ послѣднихъ.

Лучшее, исправнѣйшее и богатѣйшее Испанское изданіе Донъ-Кихота, напечатано было иждивеніемъ и трудами Королевской Мадридской Академіи въ 1780 году, съ слѣдующимъ заглавіемъ: El ingenioso Hidalgo Don Quixote de la Mancha, compuesto por Miguel de Cervántes Saavedra. Nueva edicion, corregida por la Real Academia Española (4 т. въ боль. 4-ю д. л.), со множествомъ эстамповъ, виньетъ, флёроновъ и пр. и пр. Замѣтимъ, что всѣ они рисованы и гравированы художниками Испанскими: отъ сего лица въ эстампахъ, особливо герой романа и вѣрный его оруженосецъ, носятъ на себѣ печать *національности*, почти недостижимой для художника иностраннаго. Эстампы Англійскаго изданія, гравированные Смитомъ (однимъ изъ превосходнѣйшихъ Англійскихъ гравёровъ) гораздо лучше по отдѣлкѣ; но для знатоковъ не имѣютъ той цѣны: въ нихъ не видно физіогноміи Испанской. Желательно, чтобы къ *новѣйшему* переводу (т. е. къ тому, о которомъ мы мечтаемъ: къ переводу съ Испанскаго) приложены были и картинки, перегравированныя съ упомянутаго выше Мадридскаго Академическаго изданія. *Изд.*

(*) А не *Серванта*, какъ называютъ его прежніе и новый переводчики. Не должно допускать такого усѣченія въ собственныхъ именахъ, когда они выговариваются на подлинномъ ихъ языкѣ вполнѣ. Иначе у насъ станутъ писать *Мошель*, вмѣсто *Мошелесъ*, и *Гоббъ*, вмѣсто *Гоббесъ*; а это не одно и то же.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Января 22-го дня 1831 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ТОМЪ II, № 72. *ДЕКАБРЯ 22го.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Декабрѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (во Вторникъ), — 7-го (въ Воскресенье), — 12-го (въ Пятницу), — 17-го (въ Среду) и 22-го (въ Понедѣльникъ).

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

(Изъ разсказовъ Путешественника).

(Окончаніе.)

«Три дня праздновалъ добрый Косяба три свои радости. Нѣкоторые злые языки изъ гостей его тишкомъ говорили, что гостепріимный ихъ хозяинъ радъ былъ случаю попировать, потому что во время болѣзни своей волею и неволею долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать; такъ будто бы, по выздоровленіи, онъ разомъ хотѣлъ нагнать время, потерянное для удовольствій. Мы не станемъ въ этомъ подражать злоязычникамъ, и охотнѣе согласимся думать, что намѣренія хлѣбосола-владѣльца были самыя чистыя. Но всему бываетъ конецъ; такъ и длинная наша повѣсть когда нибудь окончится; такъ и пиры въ за̀мкѣ Богемца кончились; гости разъѣхались и Косяба остался только съ своею дочерью и Ратомиромъ. Тогда начались новыя наслажденія для нашего рыцаря: уединенныя прогулки съ прелестною Владимилой, прогулки, во время коихъ разговоръ былъ безпрерывною мѣною душевныхъ чувствъ и восторговъ, поминутно пробуждаемыхъ даже такими причинами, кои показались бы мѣлочными для равнодушнаго наблюдателя.

«Въ одну изъ сихъ прогулокъ, Владимила спросила у Ратомира, что значитъ девизъ на его перевязи: *Вѣрная любовь до гроба*? Лице Ратомира вспыхнуло; онъ смутился, но сказалъ, хотя и съ крайнимъ насиліемъ самому себѣ, всю правду о первой своей страсти къ Любушѣ, о взаимныхъ обѣтахъ своихъ и обо всемъ, что намъ уже извѣстно.

— «И вы не спѣшите, рыцарь, къ вашей любезной?« сказала Владимила такимъ голосомъ, въ которомъ, не смотря на всѣ ея старанія скрыть тайныя движенія своей души, обнаруживался упрекъ оскорбленнаго самолюбія.

— «Я спѣшилъ къ ней, когда встрѣтился съ вами въ дорогѣ, « отвѣчалъ Ратомиръ. « По долгу странствующаго рыцаря, взялся я оберегать и защищать васъ. Остальное также вамъ извѣстно; родитель вашъ уговорилъ меня остаться нѣсколько дней въ его за̀мкѣ, отъ чего я также не могъ отказаться. Но завтра я распрощусь съ вами и съ этимъ гостепріимнымъ за̀мкомъ; завтра вы увидите, что я свято соблюлъ на сердцѣ и въ душѣ девизъ моей перевязи, какъ долгъ требуетъ отъ всякаго рыцаря, непостыдно носящаго высокое свое званіе.... Какова бы ни была жертва, приносимая мною сему долгу; но я надѣюсь, что не подамъ вамъ повода перемѣнить доброе ваше мнѣніе о рыцарѣ чернаго щита.... Если бъ я смѣлъ также надѣяться, « прибавилъ онъ перерывающимся голосомъ и въ сильномъ душевномъ волненіи, « что вы не совсѣмъ изгоните меня изъ вашей памяти; то сіе было бы для меня нѣкоторою замѣной счастія, о которомъ уже не смѣю я мечтать.... « Рыцарь склонилъ голову на грудь свою и только вздохи дополнили недоговоренную имъ рѣчь.

« Сердце Владимилы было тронуто и на глазахъ ея блеснули слезы. — « Поѣзжайте, рыцарь, « сказала она: « будьте вѣрны той, которая пріобрѣла первую любовь вашу, будьте счастливы съ нею.... А я.... я вѣчнымъ дѣвствомъ искуплю нѣсколько дней сладостнѣйшей мечты.... И вотъ памятникъ, который я вамъ готовлю въ моемъ сердцѣ.... « прибавила она торопливо — и легкая блѣдность смѣнила въ щекахъ ея розы румянца. Ратомиръ съ жаромъ схватилъ ея руку и вскрикнулъ такъ, что бѣдная Владимила вздрогнула:

— « Обѣщайте мнѣ только, что если я чрезъ десять дней возвращусь къ вамъ, то вы не разрушите пріятнѣйшихъ надеждъ моихъ — получить руку и сердце ваше. — Возвращеніе мое будетъ значить, что дѣва первой любви моей нашла счастіе съ другимъ, или что я привѣсилъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ къ ея могилѣ.... Обѣщайте мнѣ это....»

« Обѣщаніе было дано, и рыцарь простился съ прелестною Владимилой, которая не таила болѣе отъ него душевныхъ своихъ чувствованій. Не такъ легко было рыцарю отдѣлаться отъ гостепріимнаго и благодарнаго Косябы. Старый владѣлецъ сначала и слышать не хотѣлъ о скоромъ отъѣздѣ Ратомира, уговаривалъ его остаться еще нѣсколько времени, намекалъ ему о предсказаніи волхва, давалъ ему выразумѣть, что черный щитъ, по словамъ прорицателя, долженъ былъ навсегда оградить Владимилу отъ бѣдствій и превратностей жизни, и что смыслъ этихъ таинственныхъ словъ согласенъ былъ съ общимъ желаніемъ отца и дочери. Наконецъ, видя непреклонную Ратомирову твердость — въ которую, можетъ быть, отчасти вмѣшивалось и упрямство самолюбія — отецъ Владимилы первый предложилъ ему то, въ чемъ рыцарь взялъ передъ тѣмъ обѣщаніе съ его дочери; то есть, чтобы, когда цѣль Ратомирова путешествія не исполнится, онъ возвратился бы въ зàмокъ Косябы и оправдалъ предвѣщаніе чародѣя.

« Рано поутру, нашъ рыцарь ѣхалъ по дорогѣ къ зàмку Почебутову. Онъ не летѣлъ уже съ прежнею бодростью и поспѣшностью: погруженный въ грустныя свои мечты, въ безвѣстность будущаго, онъ бросилъ повода на шею вѣрному своему коню и далъ ему волю везти себя, куда и какъ онъ хотѣлъ. Ни прелесть лѣтняго утра, ни красоты дикой, но богатой природы, ни пѣніе раннихъ птичекъ, кои привѣтствовали восходящее солнце — ничто не развлекало Ратомира: онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Поздно уже опомнился рыцарь, когда увидѣлъ себя совсѣмъ не на той дорогѣ, по которой ему должно было ѣхать. Это однако жь не слишкомъ огорчило его: напротивъ, онъ находилъ въ сей игрѣ случая какое-то предвѣстіе, что найдетъ у цѣли своего путешествія совсѣмъ не то, чего ожидалъ, и Ратомиръ почти радовался ошибкѣ своей или своего коня. Солнце садилось уже за дальними горами, когда Ратомиръ, подкрѣпляемый ожившею въ немъ надеждою, поворотилъ коня своего въ надлежащій путь. Бодрѣе и быстрѣе прежняго продолжалъ онъ свое странствованіе, и когда мраки ночи спускались уже на землю, прибылъ нашъ рыцарь въ тѣ мѣста, гдѣ чаялъ найти зàмокъ Почебута. Но сколько ни ѣздилъ онъ по окрестностямъ, не могъ отыскать зàмка: уже онъ начиналъ думать, что снова сбился съ тропы, или что горные духи надъ нимъ проказили и туманили въ глазахъ его предметы, и безъ того невнятные подъ темною пеленою ночи. Вдругъ луна взошла изъ-за лѣсистыхъ горъ и освѣтила развалины. Ратомиръ узналъ усадьбу зàмка и съ какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ, въ которомъ радость мѣшалась съ горестью, поскакалъ въ ту сторону. Привязавъ коня своего къ одному изъ столовъ, на которыхъ нѣкогда поддерживался подъемный мостъ, Ратомиръ началъ взбираться на развалины, коихъ камни обрывались и скатывались подъ его ногами. Поиски его были тщетны: ни одного живаго существа, ни одного уцѣлѣвшаго строенія не нашелъ онъ между сею грудою каменьевъ. Уже онъ хотѣлъ сойти съ развалинъ и отправиться по прежнимъ своимъ слѣдамъ, какъ замѣтилъ, въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи, нѣчто похожее на человѣка: призракъ сей возвышался надъ огромнымъ бугромъ, составившимся изъ рухнувшихъ зданій. Ратомиръ пошелъ туда, обнаживъ мечъ изъ предосторожности; но призракъ не трогался съ мѣста и казалось, не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Рыцарь нашъ былъ чуждъ всякаго страха и всѣ опасности считалъ игрушкой; потому онъ отважно приступилъ къ привидѣнію, въ которомъ увидѣлъ онъ, при лунномъ свѣтѣ, женщину, изсохшую, блѣдную, съ глубокими морщинами на лицѣ и съ сѣдыми, разбитыми волосами на головѣ. Привидѣніе вскрикнуло, взглянувъ на рыцаря, и къ удивленію его, сказало чахлымъ, могильнымъ голосомъ:

— « Ты ль это, Ратомиръ? Какъ могъ ты прійти въ сіи мѣста, не боясь, что развалины сіи разступятся и поглотятъ тебя, нарушителя гостепріимства?

— « Но кто ты? » вокричалъ рыцарь въ свою очередь: « и почему грозишь мнѣ карою и придаешь мнѣ такое названіе, котораго я не заслуживаю?

— « Я Кафка, несчастная мама Любуши, которую ты похитилъ.

— « Что? я похитилъ Любушу? такъ она похищена?

— « Въ самый день твоего отъѣзда изъ зàмка. Но къ чему притворство? кого обманывать считаешь ты необходимостью? Теперь нѣтъ уже мстителя за честь бѣдной дѣвы и за посмѣяніе гостепріимства въ здѣшнемъ зàмкѣ: отецъ ея давно лежитъ во гробѣ, и самый сей зàмокъ, ты видишь, въ развалинахъ.

— « Клянусь тебѣ, что не я похитилъ Любушу. Напротивъ того, разставаясь съ нею въ рощѣ, я положилъ на себя обѣтъ открыто и торжественно требовать ея руки у отца ея. Но разскажи мнѣ, что происходило здѣсь по моемъ отбытіи. »

« Ратомиръ и Кафка сѣли на грудѣ камней, и старуха разсказала рыцарю все, что извѣстно ей было съ той минуты, въ которую разгнѣванный Почебутъ велѣлъ запереть ее въ темницу, до дня разрушенія зàмка. « Подземная тюрьма моя, « прибавила она, « была забыта по смерти стараго владѣльца. Одинъ только человѣколюбивый стражъ, сжалясь надъ моими сѣдинами и страданіями, приносилъ мнѣ каждый день скудную пищу заключенниковъ. Въ ту страшную годину, когда зàмокъ сей разсыпался отъ междоусобія неистовыхъ наслѣдниковъ Почебута, одна стѣна моей тюрьмы обвалилась, но прочія три остались цѣлы. Три дня томилась я безъ пищи, погребенная заживо въ семъ душномъ гробѣ; наконецъ окружные жители, привлеченные надеждою богатой добычи, начали разрывать развалины, и думавъ отыскать потаенныя сокровища въ подвалахъ зàмка, избавили меня отъ томительной смерти. Съ тѣхъ поръ живу я въ бывшей тюрьмѣ моей, оплакивая гибель сего зàмка и бывшихъ его владѣльцевъ, гибель, которой считаю себя одною изъ постороннихъ причинъ. Для сего я осудила себя на произвольное затворничество подъ сводами сего зàмка: туда влѣзаю я, подобно дикому звѣрю, узкимъ отверзтіемъ, которое оставлено со времени разрытія сихъ развалинъ. Жители сосѣднихъ селъ, изъ состраданія, надѣляютъ меня пищею и одеждою....«

—«Но скажи,» съ жаромъ перервалъ Ратомиръ слова старухи: «неужели съ тѣхъ поръ не доходила до тебя никакая вѣсть о Любушѣ?

—«Увы! я ничего на могла о ней развѣдать въ здѣшнихъ окрестностяхъ, и до сего часа считала тебя похитителемъ милой моей вскормленницы. Но теперь.... какой свѣтъ вдругъ открывается моимъ глазамъ.... Такъ точно! навѣрное страшный Мрачиславъ унесъ ее въ разбойничье гнѣздо свое.

—«Мрачиславъ! Давно уже я слышу объ этомъ исполинѣ, отъ котораго терпитъ вся здѣшняя страна. Пора наказать это чудовище за всѣ его злодѣйства, за слезы и горесть многихъ семействъ, — и я буду его карателемъ, я отмщу ему за тѣ оскорбительныя подозрѣнія, которыми похищеніе Любуши очернило меня въ глазахъ многихъ честныхъ людей.... Гдѣ его жилище?

—«Тамъ, на скатѣ самой высокой изъ горъ Судетскихъ, стоитъ зàмокъ Мрачислава. Къ нему ведетъ только узкая, крутая тропинка сквозь чащу лѣса.

—«Но ты неужели рѣшилась погребсти навсегда дни свои въ этихъ грустныхъ развалинахъ? Ступай со мною: можетъ быть, ты доживешь до лучшаго времени....

—«Нѣтъ, рыцарь, нѣтъ! Къ чему манить себя тщетными мечтами несбыточнаго счастія? Хилая жизнь моя прикована къ развалинамъ этого зàмка священнымъ обѣтомъ. Здѣсь я впервые открыла глаза; здѣсь знала счастливѣйшее время: была любима, потомъ почтена и отличена предъ всѣми вассалами владѣльца. Здѣсь я взлелѣяла юные дни Любуши, видѣла цѣлый рядъ пировъ ея отца и всю нить торжествъ разцвѣтавшей красавицы; и здѣсь же была я хотя невольною, но неменѣе того виновною участницею всѣхъ золъ, которыя обрушились надъ этимъ зàмкомъ.... Здѣсь я положу старыя свои кости: имъ не должно знать другой могилы, кромѣ сихъ развалинъ!»

«Рыцарь, видя упорную рѣшимость старой мамы, оставилъ ее, и тогда же, при свѣтѣ полной луны, пустился по указанной Кафкою дорогѣ къ зàмку Мрачиславову. Еще первые лучи солнца не блеснули на деревьяхъ и только передразсвѣтный вѣтерокъ началъ перебирать листьями, когда Ратомиръ явился у подошвы заоблачнаго пика Судетскаго и отыскалъ узкую лѣсную тропинку, по которой никакъ нельзя было взбираться верхомъ. Рыцарь, оставя вѣрнаго коня своего въ тѣни деревьевъ подъ горою, пошелъ вверхъ по тропинкѣ, опираясь на булаву свою и цѣпляясь за сучья. Скоро очутился онъ у широкаго, обрывистаго рва непомѣрной глубины, которымъ окруженъ былъ весь зàмокъ. Рыцарь остановился въ раздумьи и глазами измѣрялъ ровъ: перескакнуть чрезъ него не было возможности даже самому сильному коню; спуститься въ него, по крутизнѣ оврага, также было нельзя: рыцарь увязъ бы въ тинѣ и никакъ бы не выбрался на противоположную сторону, которая столь же была крута.

— «Одно средство остается мнѣ,» думалъ Ратомиръ, подпершись своею булавою и смотря на высокія, неприступныя стѣны зàмка: «это средство — затрубить въ рогъ и вызвать Мрачислава на бой со мною. Но этотъ дикой, коварный великанъ не признаетъ правъ рыцарства и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о законахъ чести: онъ скорѣе запрется въ своемъ зàмкѣ еще крѣпче прежняго и будетъ въ меня бросать огромными каменьями и цѣлыми бревнами. Говорятъ, что онъ ворочаетъ въ рукахъ большой дубъ еще гораздо свободнѣе, нежели я эту булаву. И что за радость, безъ славы и даже безъ боя умереть отъ руки урода, который изъ своей засады станетъ меня бить, чѣмъ попало? Иное дѣло, *если бъ онъ шелъ открытою силой;* но этого навѣрное онъ не сдѣлаетъ. Да и знаю ли я навѣрное, что онъ-то именно похитилъ Любушу? Я, какъ ребенокъ, повѣрилъ словамъ полуумной старухи, которая утратила послѣдній разсудокъ, живучи въ своей берлогѣ, и которая сама изъясняла мнѣ только свои догадки. Но положимъ, что Любуша точно за этими стѣнами; то кто знаетъ?... Время.... одиночество....» Остальнаго онъ не докончилъ, и довольный своею логикой, рѣшилъ, что безразсудно пускаться въ такую опасность, гдѣ гибель почти явная, а никакого успѣха ожидать было не можно и не должно. Вслѣдъ за такимъ рѣшеніемъ, онъ спустился съ горы, сѣлъ на коня и поскакалъ во весь опоръ къ зàмку отца Владмилина.

«Нетрудно ему было, по пріѣздѣ туда, сказать правдоподобную и отчасти даже справедливую оговорку: зàмокъ Почебута былъ разрушенъ, что извѣстно было во всей Богеміи; никакихъ слѣдовъ, никакихъ признаковъ того, что сталось съ Любушей, рыцарь не могъ отыскать, хотя изъявлялъ о томъ весьма сильное сожалѣніе, не знаю, искреннее или притворное.... Короче, не прошло и двухъ недѣль, какъ новые пиры были даны по случаю бракосочетанія прекрасной Владмилы съ храбрымъ Ратомиромъ, который въ объятіяхъ очаровательной своей супруги скоро утѣшился о потерѣ Любуши.»

— «А вѣрная Любуша?» спросили мы въ одинъ голосъ.

— «Она также утѣшилась и осталась доброю волею въ зàмкѣ исполиновомъ, хотя Мрачиславъ больше и не берегъ ея. Преданіе говоритъ, что любопытная и неосторожная молодежь окрестныхъ селеній часто видала ее на подзорной башнѣ зàмка, что будто бы Любуша сидѣла тамъ всегда на колѣняхъ у великана; что будто бы даже видали, какъ она атласными своими руками гладила поздреватую рожу Мрачислава, или нѣжными своими пальчиками играла въ жесткихъ, всклоченныхъ волосахъ рыжей его бороды.... Не понимаю, какія достоинства нашла она въ этомъ уродѣ; и то правда, что своенравіе женщины необъяснимо.

— «Благодарю за доброе мнѣніе о насъ,» молвила Баронесса съ видомъ обиженнаго самолюбія.

— «Оно ежели не совсѣмъ лестно, то покрайней мѣрѣ справедливо;» отвѣчалъ Археологъ съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ.

Баронесса сдѣлала кислую ужимку, но не отвѣчала ни слова.

— «Что же было послѣ?« спросилъ я.

— «Послѣ было то,» отвѣчалъ Археологъ,» что отъ прекрасной Любуши и безобразнаго Мрачислава породилось цѣлое племя исполиновъ, отъ коихъ горы сіи получили нынѣшнее свое названіе. Исполины эти были истиннымъ бичемъ всѣхъ окрестностей: захватывали стада, грабили жителей, полонили ихъ женъ и дочерей; пока наконецъ самые храбрые рыцари и самые сильные Бароны изо всей Богеміи, Силезіи и Лузаціи, не собрались поголовнымъ ополченіемъ, не истребили всѣхъ исполиновъ огнемъ и мечемъ и не разорили до основанія гнѣзда ихъ, древняго зàмка Мрачиславова, отъ котораго теперь не осталось ни камня, потому что всѣ Бароны, рыцари и даже ихъ вассалы, разнесли эти каменья по домамъ, на вѣковѣчную память своего отважнаго похода и знаменитыхъ своихъ подвиговъ. Послѣ сіи каменья, въ теченіе вѣковъ, утратились, а съ ними и воспоминаніе о походѣ, о которомъ даже Историки ничего не говорятъ. Однѣ только горы названіемъ своимъ сохранили память исполиновъ.»

* * *

Археологъ нашъ замолчалъ. Слушатели его то же молчали нѣсколько минутъ, и казалось, что у каждаго изъ нихъ (исключая меня) было на умѣ какое-то замѣчаніе. Наконецъ Баронесса первая, лукаво улыбаясь, поздравила Археолога съ удачнымъ выборомъ героинь его повѣсти.

— «Я ихъ не выбиралъ,» отвѣчалъ Аргеологъ съ видомъ простодушія;« а нашелъ ихъ такими, каковы онѣ вамъ показались, на безпристрастныхъ страницахъ древнихъ хроникъ, и въ томъ же видѣ передалъ ихъ моимъ слушателямъ.»

Баронъ замѣтилъ, что преданіе объ Исполинскихъ горахъ немного длинновато; что оно наполнено такими подробностями, которыя отчасти отзываются анахронизмомъ, и что вообще въ немъ мало исторической критики. Молодой нашъ любитель музыки громко досадовалъ на невѣрность Ратомира и Любуши, и на то, что первый изъ нихъ не оправдалъ подъ конецъ добраго мнѣнія, которое сначала поселилъ онъ о себѣ отважною своею увѣренностію въ собственныхъ достоинствахъ и даже своими подвигами. Я молчалъ, потому что былъ вполнѣ доволенъ разсказомъ и принималъ въ немъ все на чистыя деньги; а весельчакъ нашъ Французъ, не привязываясь ни къ чему въ повѣсти, повелъ спороною весьма остроумную рѣчь объ импровизаторахъ, о стихахъ и разсказахъ на заданныя слова, о пріятельскихъ мистификаціяхъ и пр. и пр. Во время всѣхъ остальныхъ замѣчаній, Археологъ нашъ, открывъ табакерку, медленно перемѣшивалъ въ ней пальцемъ табакъ и смотрѣлъ въ нее, покусывая себѣ губы; но не говорилъ больше ни слова.

О. Сомовъ.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

«Много въ Олимпѣ боговъ, сильнѣй златовласаго Феба;
Что жь ты, другихъ позабывъ, жертву приносишь ему?«

— Много сильныхъ боговъ возсѣдаетъ на горнемъ Олимпѣ,
Всѣ же подвластны они волѣ Фортуны слѣпой:
Фебъ златовласый одинъ отъ дерзкой Фортуны свободенъ,
Жертвы ему одному гордый приноситъ Пѣвецъ.

А. Хомяковъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ и РАЗБОРЫ.

9. О театрѣ.

(*Окончаніе.*)

Хотя у насъ нынче отзываются съ пренебреженіемъ о всемъ Французскомъ театрѣ, хотя хитрый Шлегель, съ нѣкоторымъ еще уваженіемъ нападая на ихъ Трагиковъ, за благо разсудилъ Комиковъ, начиная съ Мольера, съ грязью смѣшать; однако по неволѣ менѣе отъ нихъ отступаютъ, не зная, гдѣ найти другихъ образцовъ. Италіянцы, проложившіе дорогу въ

XVI-мъ столѣтіи, потомъ крайне упали, и прежнія произведенія ихъ были по большей части подражанія комедіямъ Латинскимъ. О *Мандрагорѣ* можно сказать пословицу: одна ласточка весны не дѣлаетъ. Англичане, коли и произвели что хорошее, то въ одномъ сатирическомъ, прозаическомъ родѣ, называемомъ техниками *комедіею нравовъ* (comédie de moeurs); Испанцы богаты однѣми интригами, замысловатостью спутанныхъ приключеній, безо всякой характеристики, и часто безо всякой заманчивости, опричь любопытства; Нѣмцы, какъ вѣдомо, im Werden, почти хуже нашего: неволя всматриваться во Французовъ.

Безспорное преимущество ихъ комедіи произошло вкупѣ отъ свѣтской образованности общества, и отъ внимательнаго ободренія Правительства; то и другое со времени Кардинала Ришельё, съ единственнымъ въ Европѣ постоянствомъ и успѣхомъ, подняло Парижскій театръ на степень достоинства, въ Авторахъ и Актёрахъ, ни съ какимъ изъ прочихъ несравненнаго. Геній-Трагикъ можетъ существовать и творить безо всѣхъ постороннихъ пособій, онъ живетъ въ мірѣ отдѣльномъ отъ окружающихъ его; но Комикъ зависитъ отъ нихъ неизбѣжно, ими пользуется, руководствуется и награждается; онъ не властенъ самъ выбирать предметы, онъ обязанъ браться за тѣ, которые у него подъ руками: стало, чѣмъ ихъ больше представляетъ ему его вѣкъ и народъ, чѣмъ разнообразнѣе, тоньше, умнѣе люди и странности, описываемыя Авторомъ, тѣмъ превосходнѣе во всѣхъ сихъ отношеніяхъ выйдутъ его сочиненія противъ другихъ, созданныхъ человѣкомъ съ равнымъ дарованіемъ, но принужденнымъ трудиться въ обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ.

На практикѣ обняли Французы комедію весьма обширнымъ объемомъ; отъ важнаго, благороднаго, полутрагическаго *Мизантропа* можно добраться непримѣтными уступами до фарсовъ, въ коихъ при нашихъ глазахъ отличались Брюнетъ и Потье. Теорики въ толстыхъ книгахъ и въ ежедневныхъ листкахъ, подробный отдали отчетъ во всемъ, ни одной отрасли не оставили безъ разсмотрѣнія, всему опредѣлили законъ и цѣну. Не слѣдуя за ними въ подробностяхъ, всегда утомительныхъ и здѣсь неумѣстныхъ, скажемъ вкратцѣ о главныхъ родахъ.

Не безъ основанія уважаютъ Французы болѣе другихъ *Комедію лицъ* (comédie de caractères), основанную на разкрытіи какой нибудь одной изъ многихъ страстей или слабостей человѣческихъ. Проникая, такъ сказать, во внутренность души, изображая свойства, неизмѣнныя отъ времени и мѣста, она вездѣ и всегда сохраняетъ свое достоинство, независимо отъ условныхъ обычаевъ и прихотей общества. Лучшія сего рода произведенія, по важности содержанія, достигаютъ почти идеальной высоты въ созданіи главнаго лица. Правда, что такихъ лицъ рѣзкихъ, такихъ пороковъ изящныхъ, если осмѣлюсь допустить сіе выраженіе, въ природѣ немного, а мѣлочныя странности почти не заслуживаютъ подробной выставки на показъ. Сверхъ того въ сихъ комедіяхъ опасенъ дидактическій тонъ, всегда разрушающій свободное наслажденіе искусствъ, и поэзію измѣняющій въ прозу съ каѳедры.

Еще гораздо болѣе прозы въ *комедіи нравовъ*, которой чуть ли не слишкомъ благосклонно назначаютъ обыкновенно второе мѣсто въ спискѣ родовъ. За сію честь всѣмъ вообще, каждая по одиначкѣ дорого платится, ветшая чрезвычайно скоро, такъ что едва новое поколѣніе смѣнитъ выведенное въ ней на посмѣяніе, никому и смѣяться охоты нѣтъ. Напирая преимущественно на странности, съ каждымъ днемъ исчезающія, имѣя притомъ необходимость ихъ усиливать сверхъ настоящаго, безъ чего онѣ глазамъ современниковъ, привыкшихъ къ нимъ и дома, не покажутся странными, останавливаясь на одной наружной оболочкѣ людской, почти всегда слабыя по части завязки, коею нѣтъ ни мѣста заняться драматическому Сатирику, ни возможности существовать въ быту ежедневномъ общества недѣятельнаго, — сіи комедіи, вмѣстѣ съ платьями и прическою дѣйствующихъ лицъ, черезъ нѣсколько лѣтъ обращаются въ каррикатурные портреты, безъ красоты нестарѣющейся и безъ сходства съ существующимъ, заслуживающіе вниманія въ одномъ ученомъ, археологическомъ смыслѣ. За то вновѣ онѣ нравятся чрезвычайно, особенно если очень злы, если Сочинитель не боялся намековъ личныхъ, и умѣлъ сговориться съ насмѣшливымъ направленіемъ умовъ на ту пору. Что ни говори, а немногіе изъ Авторовъ рѣшаются предпочесть холодное уваженіе потомства, котораго не услышатъ, готовому сей часъ плеску и похвалѣ; стало, въ этомъ родѣ недостатка никогда не будетъ. Хорошіе стихи, своимъ вспомогательнымъ достоинствомъ, могли бы сильною служить поддержкою; но иногда стихами сихъ комедій писать нельзя, такъ рѣшительна проза нравовъ, обычаевъ и разговоровъ.

Комедія интриги на мой вкусъ лучше, привлекательнѣе, веселѣе, и долговѣчнѣе, потому что въ ней болѣе истинно-драматическихъ достоинствъ. Въ этомъ родѣ Испанскій репертуаръ несравненно всѣхъ богаче; въ немъ неистощимый запасъ остроумныхъ завязокъ; стоитъ только оживить ихъ слегка характеристикой. Правда, что иныя задачи уже истасканы, какъ сначала ни казались забавны и любопытны; таковы, на примѣръ, ошибки отъ сходства двухъ лицъ, переодѣванье молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ мужское платье для достиженія какой нибудь любовной цѣли, опекуны ревнивые, у которыхъ уводятъ питомицъ, и еще нѣкоторыя. Мой бы совѣтъ: дать всему этому отдыхъ, и выдумывать или перенимать, что менѣе приглядѣлось; кому Богъ пошлетъ по этой части новую счастливую мысль, можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ блестящемъ и продолжительномъ, тѣмъ паче, что выгодны для игры пьесы, исполненныя движенія, и охотно соединяющія въ себѣ смѣхъ комическій съ трагическими впечатлѣніями сожалѣнія и страха. Сей родъ комедій можетъ сдѣлаться первымъ, если въ немъ живое и полное дѣйствіе основать на пылкихъ и глубокихъ страстяхъ; но скоро сказка сказывается, а нескоро дѣло дѣлается.

Комедія историческая и *анекдотическая*, нравится, какъ портретъ, вѣрно списанный съ лица, чѣмъ нибудь хорошаго, или правильнѣе сказать: отличнаго. Чаще требуетъ она прозы, но иногда въ ней приличны и стихи, коли въ содержаніи и главномъ лицѣ есть уже зародышъ внутренней поэзіи.

Комедія выдвижная (à tiroir) можетъ быть по кускамъ очень остра и забавна, но недостатокъ единства и связи всегда холодитъ ее въ цѣломъ. Наши бенефисныя *интермедіи* могутъ почесться за послѣдній разрядъ въ семъ родѣ, едва ли вообще не послѣднемъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ техническихъ раздѣленій, комедіи различаются еще по званію выводимыхъ лицъ. У Испанцевъ часто появляются Короли. Странности и слабости людей, судьбою надъ другими поставленныхъ, имѣютъ конечно особенную занимательность; но Французы въ своихъ подражаніяхъ, называемыхъ ими *комедіями героическими*, очень неудачно поддѣлали трагическія ходули подъ комнатную обувь высокородныхъ лицъ, такъ что они не съ вольностію и развязностію безотчетнаго сана своего движутся на нихъ, а съ какимъ-робкимъ опасеніемъ свернуться и упасть. Безцеремонные Древніе самихъ боговъ своихъ подъ веселый часъ представляли. Я бы желалъ въ семъ родѣ увидѣть соединеніе тонкости и щегольства Мариво съ нѣкою (въ лучшемъ смыслѣ слова) романтическою смѣлостію.

Комедіею высокой (haute comédie) называютъ ту, коей лица принадлежатъ къ кругу Двора. Во Франціи кругъ сей былъ нѣкогда обширенъ, рѣзко отличался отъ городскаго, даже по платью: золотомъ шитому кафтану, придворной шляпѣ и шпагѣ. Все сіе обычай мѣстный и временный. У насъ же часто всѣ лица гуртомъ пожалованы въ сіятельные для того только, что Автору неловко въ разговорѣ стихами называть людей, какъ на Руси водится, по имени и отчеству, либо заставить ихъ разговаривать такъ, чтобъ умышленный пропускъ сего условнаго обстоятельства нигдѣ не былъ примѣтенъ. Совершенные придворные, справедливо замѣчаетъ Шлегель, невыгодные для драмы люди: они слишкомъ переработаны; но ихъ теперь цѣлымъ соловіемъ вовсе нѣтъ; самъ по себѣ каждый въ родствѣ и короткомъ знакомствѣ съ особами, къ Двору непринадлежащими; взаимныя же ихъ дѣловыя сношенія не по театральной части. У насъ можетъ слыть высокою всякая комедія, гдѣ дѣйствуютъ люди образованные; а какъ по сіе время почти одни Дворяне пріобрѣли право такими считаться, я бы назвалъ ее *комедіею дворянскою*. Благородство обычаевъ и рѣчей рѣдко допуститъ въ ней громкій хохотъ, но оно же сообщитъ ей прелесть другаго рода, которую легче чувствовать и постигнуть, чѣмъ опредѣлить и разтолковать.

Комедія мѣщанская (bourgeoise) чрезвычайно смѣшна и сочна, но мѣщане богатые скоро дворянятся, жены ихъ и подавно отъ коренныхъ своихъ странностей отвыкаютъ, и замѣняютъ новыми, чужими, которыя выходятъ ни то на сё; въ ихъ правахъ скоро ветшаютъ комедіи, если не поддержаны отличной силой въ характерахъ, либо неувядаемой свѣжестью завязки.

Мужики едва ли (исключенія въ сторону) идутъ на комическую сцену; въ ихъ жизни слишкомъ много нуждъ, трудовъ и скорбей, чтобы оставалось довольно мѣста для смѣха; нарумяненные не въ натурѣ, а каррикатурные жалки либо отвратны.

Маленькія комедіи въ одномъ дѣйствіи могутъ равно принадлежать къ каждому изъ вышеписанныхъ разрядовъ; вся разница въ размѣрѣ предмета, но если онъ хоть малъ да хорошъ и отдѣлка чиста, маленькая комедія можетъ сохранить въ памяти имя Сочинителя.

Комедія съ пѣніемъ, водевиль, драматическая пословица, суть мѣлочи, которыхъ не судятъ строго: въ нихъ довольно чего нибудь хорошенькаго; и временный успѣхъ готовъ въ награду труда небольшаго, за который большаго непозволительно и ждать.

Многія изъ мѣлкихъ драматическихъ формъ, сперва употребляемыхъ, изчезли, напримѣръ Англійскія *маски* и старо-Французскіе *водевили*, всѣ на распѣвъ; новыя формы могутъ появиться и размножиться, на примѣръ *прологи*, уже нерѣдко служащіе введеніемъ къ трагедіямъ Нѣмецкимъ. Все условное имѣетъ условную только и важность; неизмѣнныя же достоинства одни во всѣхъ формахъ: натура, истина, простота, приличіе, умъ; въ которой пьесѣ есть этого довольно, та и хороша; послѣ причтутъ ее къ любому извѣстному роду, либо она останется образчикомъ въ новомъ, что еще лучше.

Одни педанты могутъ еще спорить о томъ: чѣмъ писать комедіи, прозой или стихами? Ясно, что и тѣмъ и другимъ, соображаясь съ предметомъ; *Мѣщанина во дворянствѣ* или *Недоросля* въ стихахъ воображеніе не допускаетъ. Но и стихотворные сюжеты не всѣ одинаковы; все степенное и глубокое выразится лучше александринами, все историческое или романическое пятистопными ямбами, все легкое, общественное, фамиліярное одными стихами. Князь Шаховской въ *Аристофанѣ* отважился даже на смѣсь различныхъ метровъ и нѣтъ сомнѣнія, что искусное ихъ употребленіе по приличію, прибавляетъ разнообразія и красоты.

Объ операхъ и балетахъ промолчу. Они также на театрѣ представляются, правда; даже множествомъ своихъ пѣвцовъ, плясуновъ, музыкантовъ, фигурантовъ, статистовъ и пр., громадою декорацій, машинъ и бутафорскихъ припасовъ почти вытѣсняютъ со сцены бѣдныхъ Мельпомену и Талію; но все не входятъ въ счетъ произведеній художественныхъ: они существуютъ для глазъ и ушей, а не для ума и души. Не знаю, согласятся ли они когда приблизиться къ натурѣ пожертвованіемъ своихъ руладъ и пируэтовъ, покрайней мѣрѣ нескоро, а до тѣхъ поръ про нихъ законъ не писанъ. Горшее же зло покуда, что въ оперѣ все еще требуютъ на что-то словъ и даже стиховъ: куда жалокъ Поэтъ, принужденный ихъ подъ музыку сочинять! Но Капельмейстеры въ свою очередь стонутъ, когда имъ достается писать музыку для балетовъ: тутъ они несутъ бремя чужихъ оковъ. Ничто имъ, по дѣломъ!

П. Катенинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУСКІЯ КНИГИ.

Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели Въ трехъ частяхъ. — Ч. I. М. въ Университет. типогр. 1830 (232 стр. въ 8-ю д. л. (*).

Примѣръ сильнѣе наставленій, сказалъ Поэтъ, и ежедневные опыты убѣждаютъ въ сей истинѣ. Сколь бы ни были умны и основательны доводы правоучителя, но они слабо дѣйствуютъ на воображеніе юныхъ его слушателей; и сему не должно удивляться. Самолюбіе молодыхъ лѣтъ упрямится явному желанію наставника переселить свои понятія въ умы его слушателей, вести ихъ тою дорогой, которую онъ для нихъ предначерталъ. Юность заносчива; она думаетъ: я знаю это не хуже другихъ,« и разсѣянно слушаетъ совѣты мудрости и опытности. Но примѣры гораздо сильнѣйшее производятъ на нее впечатлѣніе, особливо, если они разсказаны живо и увлекательно. Причина сему ясна: душа юная живетъ еще въ мірѣ мечтательности; сердце и воображеніе руководствуютъ ею до тѣхъ поръ, пока разсудокъ и опытъ не начнутъ предъявлять своихъ правъ и возвышать своего голоса. Но тогда уже минуетъ година наставленій; и правдивое или ложное приняли направленіе нравственныя понятія человѣка — ихъ ничто уже не въ силахъ перемѣнить или исправить, кромѣ собственной доброй воли, или нѣкоего чуда.

Для сего должно направлять юную душу къ добродѣтели примѣрами добрыхъ дѣлъ; и съ другой стороны отвращать ее отъ пороковъ, представляя также примѣры дѣлъ порочныхъ; однако же съ великою осторожностію: пороки должны быть изображены въ чертахъ отвратительныхъ, но не слишкомъ рѣзкихъ, дабы не пробудить въ молодыхъ людяхъ излишняго любопытства. Все, что сильно дѣйствуетъ на воображеніе, имѣетъ для юнаго сердца прелесть новости; и повѣствователь-наставникъ можетъ въ немъ пробудить впечатлѣнія, совершенно противныя тѣмъ, кои желалъ произвесть въ молодомъ своемъ слушателѣ. Говорятъ, будто бы Шиллерова трагедія: *Разбойники*, при появленіи своемъ привела въ буйный восторгъ цѣлую толпу молодыхъ людей: всѣ они захотѣли сдѣлаться разбойниками, подобными Карлу Моору. Конечно, не такова была цѣль знаменитаго Трагика; но онъ самъ чрезъ мѣру увлекся созданіемъ своего воображенія, и придалъ пороку черты обольстительныя.

Г. Побѣдоносцевъ, въ составленной имъ книгѣ: *Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели,* собралъ многіе примѣры упованія на Бога, милосердія, Христіанскаго самоотверженія и пр. и пр. Примѣры сіи извлечены имъ изъ Священнаго писанія, твореній Св. Отецъ, древней и новой Исторіи. Для разнообразія, онъ помѣстилъ между ними картины, взятыя изъ природы, иносказанія, размышленія и тому подобныя статьи, написанныя хорошимъ, убѣдительнымъ слогомъ. И намѣреніе и исполненіе заслуживаютъ похвалу и благодарность. Отцы и матери семействъ безъ сомнѣнія дадутъ книгу сію дѣтямъ своимъ обоего пола, какъ чтеніе занимательное и полезное. Всякой возрастъ найдетъ въ ней предметы, достойные его вниманія и изложенные не тономъ сухаго наставника, но заманчивыми, прямодушными разсказами пріятнаго собесѣдника, умѣющаго дѣйствовать на сердца своихъ слушателей. Нѣкоторыя статьи пробуждаютъ въ душахъ Рускихъ глубокое чувство умиленія: таковъ, напр. *Гимнъ Милосердію*, гдѣ воспоминаются благодѣянія, изъятыя на юношество Руское въ Богѣ почивающею и вѣчно незабвенною ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ; таково письмо Сей Монархини-Благотворительницы *къ Воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ Общества Благородныхъ дѣвицъ,* писанное въ Февралѣ 1818 года. Замѣ-

---

(*) Подписная цѣна за всѣ 3 ч. въ Москвѣ 10 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р. Подписываться можно у Коммиссіонера Московскаго Университета А. С. Ширяева, а въ С. П. бургѣ у А. Ф. Смирдина.

тимъ, что во всѣхъ вообще статьяхъ сей 1-й части отсвѣчивается кроткое чувство любви къ добру, всѣ онѣ дышатъ искреннимъ Христіанскимъ благочестіемъ и повторимъ, что родители и наставники конечно доставятъ дѣтямъ и питомцамъ своимъ сею книгою удовольствіе и пользу. *Изд.*

⁂

Стихотворенія крестьянина Егора Алипанова. — С. П. б. въ типогр. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1830. (156 стр. въ 8-ю д. л. (*)

Говорятъ, что Литература каждаго народа (покрайней мѣрѣ въ древности) начиналась всегда поэзіей: это общее замѣчаніе, кажется, у насъ въ частности можно примѣнить къ Литературѣ разныхъ званій народа. Съ тѣхъ поръ, какъ появились у насъ первыя стихотворенія Слѣпушкина, мы видимъ уже нѣсколько поселянъ-стихотворцевъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны дарованія, хотя, къ сожалѣнію, по большей части худо направленныя. Таковъ и новый Стихотворецъ, крестьянинъ Егоръ Алипановъ. Если бы онъ, по примѣру Слѣпушкина, выражалъ простыя свои чувства или описывалъ незатѣйливый бытъ своего состоянія, словомъ, писалъ о томъ, что ему знакомо не по наслышкѣ, часто сбивчивой и невѣрной; тогда стихотворенія его нравились бы и образованнымъ читателямъ, какъ отголосокъ чувствъ и понятій простосердечнаго сына природы. Но *оды* или такія стихотворенія, каково напр. *Видѣніе Амура*, доказываютъ только, что стихотворецъ-самоучка старался отгадывать вовсе ему незнакомое, и не отгадывалъ. Похвально стремленіе природнаго таланта возвыситься до языка поэтическаго; но издатели его произведеній должны бережно поступать съ его начатками и говорить ему правду прямо и откровенно. На кого долженъ преимущественно дѣйствовать Поэтъ-поселянинъ? разумѣется, на людей одного съ нимъ званія. Но если онъ будетъ говорить языкомъ, имъ несроднымъ, если станетъ изображать предметы, имъ вовсе неизвѣстные, и употреблять имена, странныя и незнакомыя ихъ слуху; то поселяне просто не поймутъ его, а люди высшихъ званій найдутъ въ произведеніяхъ его только несовершенство и тщетное усиліе достигнуть недостигаемаго. *Изд.*

С М Ѣ С Ь.

Ломоносовъ обѣдалъ однажды у И. И. Шувалова съ какимъ-то провинціяломъ. Шуваловъ читалъ не задолго передъ тѣмъ новое произведеніе Ломоносова, и за обѣдомъ завелъ о томъ разговоръ съ своимъ гостемъ-Поэтомъ, хваля его картины. Простодушный провинціялъ вслушивался въ разговоръ, и выразумѣвъ изъ него только, что дѣло шло о *картинахъ*, просилъ Ломоносова списать портреты съ него и жены. — «Это не по моей части, сударь,» отвѣчалъ улыбаясь Ломоносовъ: «*я пишу* въ другомъ родѣ. Но если вамъ угодно имѣть вѣрный вашъ портретъ, то совѣтую вамъ попросить о томъ Грота.» — Гротъ былъ живописецъ, славившійся тогда въ Петербургѣ списываніемъ звѣрей.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ No 70-мъ сей Газеты.

На стран. 271, въ 1-мъ столбцѣ, въ заглавіи первой статьи (строка 3-я), напечатано: *Окончаніе*; должно читать: *Продолженіе*. — На стран. 274, въ 1-мъ столбцѣ, въ Итальянскомъ эпиграфѣ къ стихотворенію: *Видѣніе*, въ 1-й строкѣ, напечатано: lavata in alto, должно читать: levata in atto.

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна экземп. 4 р.

Конецъ втораго тома.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 4-го дня 1831 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-то ТОМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.

(№. 37 — 72.)

I. Проза. (Повѣсти, отрывки изъ Романовъ, Путешествія и проч.)

Стран.
Выписки изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Поѣздка въ дилижансѣ изъ Парижа въ Эксъ Савойскій.................... 1
Жизнь Петра Ивановича Данилова (Отрывки) 9— 17— 25
Магланова рощи, соч. Карла Нодье (Перев. *В. И. Романовича*).................... 33
Кинжалъ Капуцина. (Пер. съ Франц. *Сомова*)..... 41
Біографія славнаго Англійскаго Актёра Кина. (Съ Франц. пер. *Сомова*).................... 49
Страшный гость, анекдотъ (изъ Разсказовъ Путешественника. Соч. *Сомова*).................... 57
Состояніе общества въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ (Отрывки изъ соч. *П. И. Полетики*).................... 65— 73
Балъ за Москворѣчьемъ.................... 68
Незнакомецъ, соч. Тика, пер. съ Нѣмец. *В. П. Лангера*).................... 57
Нѣсколько главъ изъ романа: Битва Наваринская (Пер. *О. Сомова*).................... 89— 99
Спинелло, повѣсть (пер. съ Фр. *О. Сомова*.....) 107
Отрывки изъ письма путешествующаго Оріенталиста (А. Ходзьки; пер. съ Польск. *В. И. Романовича*).................... 115
Самоубійца, повѣсть (изъ Разсказовъ Путешественниковъ. Соч. *О. Сомова*). 123—133—141—149—157
Приключеніе маленькаго Антикварія (изъ Вашингтона Ирвинга. Пер. съ Англ. *Н. П. Ш. г. ва.*). 160
Путешествіе въ Баку (А. Ходзьки. Пер. съ Польскаго *В. И. Романовича*).................... 165
Два видѣнія, Аллегорія.................... 197
Монастырь Св. Онуфрія (изъ Прогулокъ по Риму Стендаля, пер. *В. И. Романовича*).................... 175
Письмо Наполеона къ Жозефинѣ (оттуда жь, пер. *В. И. Романовича*).................... 174
Банкиръ Торлоніа (оттуда жь, пер. *В. И. Романовича*).................... 181
Кяхтинскій пиръ (*Письмо Н. Б.*).................... 189
Отрывки изъ книги: Исповѣдь.................... 199—207
Сокровище, Хроника 1394 года (изъ книги: Soirées de W. Scott, перев. *В. Е. Вердеревскаго*).................... 115
Стран.
Отрывки изъ Походнаго Журнала Рускаго Офицера, посланнаго чрезъ Константинополь въ Арзерумъ.................... 213
Черный витязь, повѣсть (пер. съ Польск. *Креминц.*) 231
Два письма изъ Кяхты.................... 239
Крестная мать, соч. Бульи (перев. *О. Сомова.*). 247—255
Исполинскія горы (изъ Разсказовъ Путешественника, соч. *О. Сомова*).................... 263—271—279—287

II. Стихотворенія.

Баратынскаго (Е. А.) Эпиграмма.................... 85
*Б * * ** Генріетѣ Зоннтагъ.................... 102
Имя.................... 116
Глинки (Ѳ. Н.) Сонъ Рускаго на чужбинѣ....... 120
Споръ и рѣшеніе (Подраж. Восточному) 192
Садъ 218
Деларю (М. Д.) Слава нечестивца.................... 200
Цвѣтокъ на могилы падшихъ въ Турецкую войну.................... 225
Эпиграмма.................... 250
Дельвига (Бар. А. А.) Поэтъ 92
Къ П * * * при посылкѣ тетради стиховъ.................... 152
К — ва (Н...) Царь - Отецъ 191
Козлова (И. И.) Высокопреосвященному Филарету. 233
Крс. (Пушкинъ) Калмычкѣ.................... 81
Подшивалова (Ип....) Къ юности 282
Розена (Бар. Е. Ѳ.) Упрекъ.................... 5
Элегія.................... 36
Геліосъ 183
Ставелова (Н...) Вороной конь, кассида.................... 267
Теплякова (В. Г.) Къ мечтательницѣ.................... 20
Къ Зельмирѣ.................... 28
Трилуннаго. Къ статуѣ.................... 43
Жизнь 61
Прощаніе воина съ сослуживцами. 144
Смерть Праведника.................... 211
Обличитель.................... 242
Туманскаго (В. И.) Пѣвица 168

Стран.
Хомякова (А. С.) Подражаніе Древнимъ 290
Шевырева (С. П.) Сравненіе 161
Ш—б—ва (Н. И.) Смуглянка 51
Вердеревскому .... м 69
Мщеніе 77
Щастнаго (В. Н.) Загадка 168
Видѣніе 274
Языкова (Н. М.) Кар. Кар. Ян... (въ Альбомъ) ... 5
Безъ подписи именъ Сочинителей:
Аріонъ .... Пушкинъ 52
Элегія 110
Плѣнникъ, элегія 127
Эпиграмма .... Пушкинъ 136
Утѣшитель 175
Два пастыря 259
Логогрифъ 282

III. Разсужденія, критическіе разборы и проч. по разнымъ предметамъ Словесности, Наукъ и Искуствъ.

О разнообразіи и единствѣ вещества въ природѣ (соч. *М. А. Максимовича*) 21
Размышленія и разборы (соч. *П. А. Катенина.*)
Статья V. О поэзіи Итальянской ..28—36—43—52—61
Статья VI, О поэзіи Испанской и Португальской .... 110—117
Статья VII. О Театрѣ .... 259—268—274—283—290
Отрывокъ изъ Біографіи Ф. Визина (Соч. Кн. *П. Вязескаго*) 31
О физіологическихъ характерахъ Европейскихъ поколѣній (Соч. *Др. Мор.* пер. съ Польск. *Крынц.*) 69
Четыре періода познаній (соч. *Гр.*) 78
О Ламартинѣ и современной Французской поэзіи (Соч. *Кн. П. А. Вяземскаго*) 85
Шведская поэзія (съ Польск. перев. *Крынц.*) 103
Отвѣтъ Ст. Сов. Гречу (*Доктора Штюрмера*) .. 9
О духѣ Испанской Словесности въ XIX-мъ столѣтіи (съ Польск. перев. *Крынц.*) 128
Безпристрастныя мысли о пѣніи Г-жи Зоннтагъ. 130
Польза и пріятность Ботаники (съ Франц. перев. *Сомова*) 144
Письмо къ Издателю Литературной Газеты, изъ Рима (*С. П. Шевырева*) 161
Нѣкоторыя мысли Гёте о Богемской Словесност (*Крынц.*) 168
Современная Англійская Литература. Вордсвортъ. (Съ Фр. перев. *Сомова*) .... 175—183
Замѣчанія на статью Шатобріана о музыкѣ (Соч. *Трилунна*) 192
Письма къ Художнику-любителю въ ***, о выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, 21-го Сентября 1830 года.
Письмо I 200
Письмо II 211
Письмо III 234
Марсельскій Атеней. Чтеніе Князя Мещерскаго о Руской Литературѣ 225
О Владимірѣ Васильевичѣ Измайловѣ (Соч. *Г-на Иванчина-Писарева* 242

IV. Библіографія.

(Въ семъ отдѣленіи помѣщены были библіографическія извѣстія и отчеты о слѣдующихъ книгахъ:)

I. Рускія книги:

Новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсенъ 8
Василій Шуйскій, трагедія, соч. Станкевича 16
Рѣчи и стихи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюня 26 д. 1830 23
Объ участіи Москов. Университета въ просвѣщеніи Россіи, рѣчь, соч. М. Максимовичемъ .... —
Селамъ, или языкъ цвѣтовъ, соч. Г. Ознобишина.. —
Театральный Альманахъ на 1830 годъ 32
Полное собраніе сочиненій Ф. Визина, изданіе книгопродавца Салаева, ч. 3 и 4 .... —
Гинекіонъ 40
Карлъ Смѣлый, соч. В. Скотта, пер. съ Англійскаго С. де-Шаплетъ 47
Классикъ и Романтикъ, комедія въ стихахъ, соч. К. Масальскаго 55
Собраніе оригинальныхъ драмматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина (въ 3 ч.). 64
Басни и сказки И. И. Хемницера (Москов. изданіе). 72
Сочиненія Ѳ. Булгарина. Изданіе 2 .... 79— 87
Мирза Хаджи Баба-Исфагани въ Лондонѣ 97
Краткая Французская Грамматика, соч. Лефранка. 105
Записки о городахъ Забалканскихъ, соч. Полковника Энегольма 106
Брошюрки, издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. No 1 113
Исторія Рускаго народа, соч. Н. Полеваго т. 2-й 122—235
Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова, и обратно, изд. М И. М. к. р. в. 131
Посольство въ Китай, соч. Фанъ-деръ-Фельде, перев. П. Лангеръ 139
Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи, соч. Д. П. Бутурлина 147
Басни И. Крылова, въ 8-ми книгахъ, новое изданіе 156
Купеческій сынокъ и пр. 165
Исторія древней и новой Литературы, соч. Фридриха Шлегеля. Перев. съ Нѣмец. Ч. 2-я 171
Полная практическая школа для фортепіано, соч. Штейбельта 172
Теоретико-практическое наставленіе о винодѣліи, пер. съ Франц. Аѳанасія Стойковича 180

Стран.
Краткое наставленіе о употребленіи хлористыхъ соединеній, соч. Н. Щеглова 185
Сѣверный пѣвецъ, или собраніе новѣйшихъ и отличнѣйшихъ романсовъ и пѣсень 195
Цитра, или мѣлкія стихотворенія Г. Гр-нова .... —
Два посланія Выпивалина и пр. .... —
Смерть купца, соч. А. Орлова .... —
Старичокъ весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были .... —
Практическое руководство къ сочиненію музыки, изложенное Ф. Фуксомъ 203
Исторія Государства Россійскаго, твореніе Карамзина. Изданіе 3-е 205
Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго, съ 1590 по Сентябрь 1606 года. Соч. Капитана Маржерета. Перев. съ Франц. Н. У-ва .... 213—220—227
Безпріютная, повѣсть въ стихахъ, соч. Прова Максимовича 230
Гостинный Дворъ Россійской Словесности, соч. Ѳ. Улегова 236
Отличные и честные мальчики. Изъ повѣстей Малана, пер. съ Фр. Ѳ. Улегова .... —
Макбетъ, трагедія Шакспира. Изъ соч. Шиллера, пер. А. Ротчева 244
Ѳоминъ понедѣльникъ, шуточное стихотвореніе. 245
Христина и дворъ ея, историч. романъ, соч. Фанъ-деръ-Фельде, пер. съ Нѣмец. С. Де-Шаплетъ 253
Безумная, Руская повѣсть въ стихахъ, соч. И. Козлова 261
Рожденіе Іоанна Грознаго. Поэма въ 3-хъ частяхъ, соч. Б. Розена .... —
Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Императорской Академіи Художествъ, съ 1764 по 1829-й годъ 269
Чертополохъ, карманная книжица дли любителей и любительницъ Галиматьи 278
Историческія записки, и пр. сочиненныя очевидцемъ Маржеретомъ (Московскій переводъ и изданіе) 285
Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели, изд. П. Побѣдоносцевымъ. Ч. І-я 293
Стихотворенія кресьтянина Егора Алипанова... 294

2. Иностранная Литература.

Стран.
Hernani, ou l'honneur castillan, drame, par Victor Hugo (Гернани, драма, соч. В. Гюго .... 6—12
Witterhets-försök af Bernhard V. Beskow (Поэтическіе опыты Бернарда Ф. Бескова) 92
Erik den Fjortonde. En dramatisk dikt etc. (Эрикъ XIV. Драматическое стихотвореніе въ 2 частяхъ, соч. Бескова) 93
Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (Исторія о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ, соч. К. Нодье) 142
Introduction à l'étude de la Botanique (Введеніе къ изученію Ботаники) 155
La Confession, par l'Auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée (Исповѣдь. Сочин. Автора книги: Мертвый оселъ и казненная женщина) 183
Harmonies poétiqnes et religieuses, par A. de Lamartine (Поэтическія и духовныя гармоніи, соч. А. Ламартина) .... 212—218
Scènes de la vie privée, publiées par M. Balsac (Сцены изъ жизни частной, изданныя Г-мъ Бальзакомъ) 277

V. Смѣсь.

(Въ семъ отдѣленіи помѣщались замѣчанія на нѣкоторыя статьи Рускихъ Журналовъ, короткія выписки изъ книгъ и повременныхъ изданій иностранныхъ, Анекдоты, еще неизвѣстные въ нашей Литературѣ, мнѣнія касательно нѣкоторыхъ предметовъ Словесности; объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ, о предпринимаемыхъ изданіяхъ, о произведеніяхъ искуствъ и пр. и пр. Все сіе помѣщалось на послѣднихъ страницахъ NN. Газеты.)

8— 24— 40— 56— 73— 80—114—
131—139—147—156—164—172—180—
187—196—206—222—230—237—245—
254—262—270—278—286—294—

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, Февраля 8-го дня 1831 года. Ценсоръ *Н. Щегловъ.*

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

ГПБ Русск фонд
18.330а^б.26б
1-2 б